

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНОСТИ БОСПОРА

24

МОСКВА
2019

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНОСТИ БОСПОРА

*Международный ежегодник
по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике
и филологии Боспора Киммерийского*

Том 24

Редакционный совет:

член-корр. РАН *Р. М. Мунчаев* (председатель);
проф. д. и. н. *М. Г. Абрамзон*; проф. *Д. Браунд*
(Великобритания); д-р. *П. Дюпон* (Франция);
проф. д. и. н. *А. В. Подосинов*; проф. д. и. н. *С. Ю. Сапрыкин*;
к. и. н. *В. П. Толстиков*; проф. д. и. н. *В. П. Яйленко*

МОСКВА, 2019

УДК 902/904
ББК 63.4
Д73

Редакционная коллегия

д. и. н. А. А. Масленников
(главный редактор)
д. и. н. В. Д. Кузнецов;
д. и. н. А. А. Завойкин

Рецензенты

д. и. н. Е. М. Алексеева;
к. и. н. В. А. Гаибов

*Утвержден на заседании
Ученого совета Института археологии РАН
20.06.2019 г.*

Д73 **Древности** Боспора. Том 24. – М., 2019. 668 с.: илл.
ISBN 978-5-94375-287-2

Сборник научных статей по археологии, истории, эпиграфике и нумизматике Боспора Киммерийского. В издание включены преимущественно материалы античной эпохи, а также памятников культур, предшествующих греческой колонизации региона и средневекового периода его истории. Приоритет в подборке статей отдан публикациям новых открытий и аналитическим исследованиям.

Для археологов, историков, краеведов.

**УДК 902/904
ББК 63.4**

ISBN 978-5-94375-287-2
DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-287-2

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2019
© Редакция, 2019
© Авторы статей, 2019

К 100-летию со дня рождения Дмитрия Борисовича Шелова

Известный российский археолог, историк, нумизмат д.и.н., проф. Д.Б. Шелов родился 1 марта 1919 г. в Москве. В 1936–1941 гг. учился в Московском институте философии и литературы (ИФЛИ). В 1944 г. поступил в аспирантуру МГПИ, затем – в аспирантуру ИИМК АН СССР, которую успешно закончил в 1948 г., защитив кандидатскую диссертацию «Монетное дело Боспора VI–IV вв. до н.э.». Тогда же он поступил на работу в ИИМК – Институт Археологии АН, где уже в 1953 г. занимает должность учёного секретаря (до 1956 г.). Затем несколько лет выполнял обязанности заместителя директора Института. В 1968 г. защитил докторскую диссертацию «Танаис и Нижний Дон в III в. до – IV в. н.э.» – итог его многолетних (с 1955 г.) полевых работ в этом регионе, и прежде всего, на городище Танаис. С 1960 г. Д.Б. Шелов – организатор и главный редактор журнала «Нумизматика и эпиграфика». В 1975–1988 гг. он возглавлял Отдел полевых исследований ИА. Член-корреспондент Германского археологического института, Венгерского общества исследователей древностей, почётный член Румынского нумизматического общества. Дмитрий Борисович автор 240 печатных работ, в том числе 11 монографий.

ОБ ОТЦЕ

Более 250 научных публикаций, 11 монографий (одна из них – посмертная), более четверти века руководитель археологической экспедиции в Ростовской области, 13 лет заместитель директора Института археологии Академии наук СССР, до последних дней жизни заведующий отделом полевых исследований того же института и многолетний редактор журнала «Нумизматика и Эпиграфика».

У Даниила Гранина в романе «Зубр» есть такая мысль: смысл человеческой жизни не сводится к ее рабочим результатам, каковы бы они ни были, не сводится – он всегда глубже их... Так каким же был мой отец, Дмитрий Борисович Шелов?

Я вспоминаю отца еще молодым (это я понимаю теперь), бегущим на углу Сивцева Вражка и Плотникова переулка и поддерживающим меня, когда я учусь нажимать на педали двухколесного «Орленка». Вижу его с полевой сумкой в жуткую жару на раскопках Недвиговского городища, в тридцати километрах от Ростова, и зимой, на лыжах, в подмосковном лесу привычных тогда академических мест – Опалихи, а чаще всего Узкого, которое теперь со всех сторон зажато гигантскими клещами давно освоенных районов Зюзина, Теплого стана, Чертанова и Ясенева. Вот мы всей семьей бродим с путеводителем где-нибудь по Замоскворечью, причем отец неизменно и инициатор, и руководитель прогулки, и чтец путеводителя, и его комментатор. Вот он, в молодости сам «баловавшийся стихами» и из русских поэтов очень любивший А. К. Толстого, увлеченно читает по памяти «Историю государства Российского от Гостомысла до Тимашева» или «Сон Попова». Вот в том же Узком, на тенистом от тополей и кленов корте играем в теннис. Много позже, кажется, уже в самом конце семидесятых годов, родители справляли в санатории «Узкое» Новый год, где исследователь движения декабристов, академик М. В. Нечкина попросту, за столом, рассказывала о распоряжении В. И. Ленина относительно поместья Трубецких «Узкое», в связи с чем, скорее всего, усадьба и сохранилась до наших дней.

Сейчас, когда прошло столько лет после его смерти, облик его как-то странно соединяет академическую неспешность и благообразность со стремительностью и движением. С одной стороны, более всего в моей памяти он предстает за своим письменным столом, время от времени поворачивающимся на вращающемся кресле к книжной полке за его спиной с полным комплектом «Советской археологии» и «Вестника древней истории». С другой стороны, отец всегда был страстным путешественником и ходяком – помимо необходимых экспедиций в Ростов он много разъезжал по стране и зарубежом, объездил почти всю Европу (любимые города – Прага и Ленинград), неизменно привозил из градов и весей карты, путеводители и проспекты. Он с удовольствием использовал редкую возможность похода или экскурсии, во время которых очень любил совместное пение. Сам всегда пел очень забавно: совсем без музыкального слуха, но всегда с большим энтузиазмом и прекрасным знанием слов и понимания настроения песни. Он никогда не заботился о здоровье, да и не жаловался на него, и только последние годы, крайне редко, скорее укорял себя: «С ногами неважно, хожу скверно», видимо, остро переживая ограничения в передвижении. Может быть, этими качествами «странника» объясняется и особое его отношение к иногородним друзьям и знакомым: кто бы

и откуда бы ни приехал, предупреждая или нет, отец всегда считал крайне желательным (или даже необходимым) хлебосольно принять его дома.

Если добавить к этому какое-то врожденное, безотчетное трудолюбие, чувство благожелательности и справедливости, то это, пожалуй, и составит главное в его характере.

Некоторые случаи до сих пор стоят перед глазами. Как-то приходит отец с работы не усталый, не раздраженный, не возмущенный, а прямо-таки разъяренный. В чем дело? Выясняется: прошел Ученый Совет (членом которого был отец) и «завалили» одну работу, то ли кандидатскую, то ли докторскую. Самое скверное (это его словечко – «скверно»), что, собственно, и привело его в такое состояние – практически ни одного открытого выступления против диссертанта. Гневу, ощущению несправедливости и даже гадливости нет предела: «Если ты голосуешь против, пожалуйста, твое право, но будь любезен объяснить свою позицию открыто, а не пользоваться шкурно правом тайного голосования!». В другой раз положение было иным, но тоже непростым: защищал диссертацию хорошо известный археолог, автор многих работ, безусловно заслуживающий звания кандидата, да вот незадача – сама диссертация была явно ниже его возможностей. Как оппонент отец несколько озадачен: он явно на стороне автора, но не на стороне защищаемой работы. Помню, после защиты отец остался веселым и довольным, как дипломат, ловко вышедший из затруднительного положения: хотя замечаний оппоненты, да и сам он, в том числе, «накидали» предостаточно, защита прошла вполне успешно.

Он не был честолюбивым. Обучаясь в Институте философии, литературы и истории (знаменитом ИФЛИ), он женился на сокурснице по институту, у которой только-только арестовали отца и которая, согласно законам того времени и общества, автоматически становилась «дочерью врага народа» (кажется, это событие даже ускорило свадьбу). Потом она стала моей матерью. Отец никогда не был членом правящей партии и не стремился стать им, что было абсолютно *conditio sine qua non* любого карьерно настроенного честолюбца той поры; кажется, он ухитрился даже не иметь ни в одной из своих работ ни одной ссылки на классиков марксизма-ленинизма или хотя бы на решения партийных съездов; по собственной инициативе он перестал быть заместителем директора, и я никогда не слышал, чтобы он жалел об этом. Ничто не мешало ему, человеку явно одаренному, как-то очень спокойно и буднично сказать взрослому сыну об одном из тогдашних своих коллег, а ныне давно умершем замечательном археологе-слависте: «Да нет, он, конечно, много талантливее меня, да и кругозор у него значительно шире». При всех сложностях нашей бытовой, семейной и общественной жизни отец был очень цельным и, я думаю, в общем-то счастливым человеком, и дело не в обстоятельствах (они-то могли быть очень непростыми), а во внутренней его стойкости и целеустремленности.

С. Д. Шелов

К юбилею Валерия Петровича Яйленко

В этом году исполняется 80 лет В. П. Яйленко – доктору исторических наук, профессору, старейшему на сегодняшний день и, безусловно, одному из ведущих специалистов в изучении античных древностей Северного Причерноморья, и прежде всего, его эпиграфического наследия. Завидная дата достойного долголетия и в жизни, и в науке! Более полувека отдал Валерий Петрович исследованию и публикации древнегреческих надписей: лапидарных и граффити из Ольвии, Березани, Левки, городов и поселений Боспора. Его научный путь был долгим и в какой-то степени тернистым, но Валерий Петрович неизменно следовал «главным курсом», основу которого составляли природное дарование, прекрасное образование, полученное в МГУ и в аспирантуре Института всеобщей истории СССР, глубочайший интерес к античной эпохе. И, конечно, беспримерное трудолюбие! В его житейской и научной биографии отразилось многое, что имело место в нашем обществе и отечественном антиковедении за последние полвека. С кем только не был он знаком, где только не трудился! Неизменно со своим мнением, подчас неуёмно резкий в спорах, порой несколько экстравагантный, но верный в дружбе и, безусловно, очень яркий, глубокий как исследователь, Валерий Петрович хорошо известен всем антиковедам в России и Украине, и многим – за рубежом. Он

автор нескольких монографий (и каких!) и более 150 статей, которые широко востребованы специалистами. Не так давно ученый опубликовал 1023-страничную книгу по истории и эпиграфике Ольвии, Херсонеса и Боспора, отметив этой большой и интересной работой новый рубеж своего научного пути. И как специалист, и как человек Валерий Петрович пользуется заслуженным авторитетом среди коллег по «античному цеху». Его научный подход отличается точным, вдумчивым анализом каждой, в том числе – особенно отметим это – и уже опубликованной и интерпретированной надписи и наиболее близкой к историческим реалиям реконструкцией этого источника. В течение долгой жизни научные интересы Валерия Петровича не оставались неизменными, однако бесконечная увлеченность древнегреческой эпиграфикой проходит красной нитью в его творчестве.

От всей души желаем юбиляру здоровья и надеемся на выход «из-под его пера» новых интересных работ, которые ещё раз взбудоражат умы читателей.

К юбилею Алексея Андреевича Завойкина

15 января исполнилось 60 лет нашему коллеге, видному российскому антиковеду, замечательному и в высшей степени порядочному человеку, прекрасному археологу Алексею Андреевичу Завойкину. Уверены, все, кто его знают, а это не только историки и археологи России и Украины, вполне разделяют такую оценку. Да и как иначе... Все кто работал и работает с Алексеем Андреевичем, встречался с ним на научных конференциях, на раскопках, знакомился с его статьями и монографиями наверняка восхищались воспитанностью, тактом, эрудицией и какой-то особенной, спокойной и достойной манерой научной дискуссии и общения.

Путь нашего юбиляра в большую науку был в принципе довольно обычным для людей его поколения. Он, что называется, выходец из средних слоёв, сын простых советских людей, честно, как многие миллионы других, исполнявших свой долг перед Родиной и близкими.

Старшеклассником – в археологическом кружке при московском Дворце пионеров, который вёл его будущий старший коллега Б.Г. Петерс. Первые экспедиции в Крыму (Феодосия, Михайловка), во многом определившие его профессиональный выбор. Служба в Советской Армии (Группа Советских войск в Германии), о которой он всегда

вспоминает с гордостью настоящего мужчины. Учёба на истфаке МГУ и снова экспедиции в Крыму и поездки на Таманский п-ов. Университет Алексей Андреевич закончил в 1985 г. с отличием. И уже с осени 1984 г. – ... рабочий хоз-части в Институт Археологии АН СССР. Дальше – последовательный рост, упорная работа и достойная карьера учёного и служащего Академического Института. Его учителем – шефом в области античной истории и археологии был проф. Г. А. Кошеленко. Итогом первого значительного этапа научной деятельности нашего юбиляра стала защищённая в 1994 г. кандидатской диссертации: «Керамическая тара из Фанагории VI–III вв. до н. э.». Нетрудно заметить, что с этим древним городом он на всё жизнь оказался связанным в своих полевых и кабинетных исследованиях. Впрочем, были исключения и весьма плодотворные. Это самостоятельные раскопки ряда объектов на Азиатском Боспоре и целый ряд блестящих и в высшей степени интересных публикаций, посвящённых местной сакральной практике эпохи архаики и классики. Но главное научное увлечение А. А. Завойкина – политическая история Боспора эпохи первых Спартокидов. И здесь он сильно преуспел. В казалось бы давно «заезженной» теме он сумел найти тот неожиданный и удивительно верный «поворот», который, уверены, и сделал ему большое имя в боспороведении. Ведь как трудно отказаться от привычных, казалось, устоявшихся представлений, да ещё связанных с целой серией известнейших имён... Мы имеем в виду основные вехи ранней истории Боспора и время формирования собственно Боспорского государства. Однако же тонкий анализ, глубокая аргументация, привлечение новейших материалов, переосмысление старых, хорошо известных данных убедили, кажется, почти всех. Держава Спартокидов такой, какой мы привыкли её считать, сформировалась не сразу и не тогда. И в этом – основное содержание докторской диссертации Алексея Андреевича и солидной, наверняка, занявшей достойное место на полках всех антиковедов, монографии (2009 и 2013 гг. соответственно). Да и, вообще, любая вышедшая статья, всякое выступление нашего юбиляра (а их в последние годы было не мало) заставляет задуматься, увлекая «полётом» мысли и убеждая безупречно выстроенной аргументацией. А уж какой блестящий археолог – полевик наш Алексей Андреевич! За его плечами в общей сложности 43 полевых сезона в различных экспедициях Института археологии РАН. В Феодосийской, Михайловской и Херсонесской (Б. Г. Петерс, С. А. Беляев) он был начальником раскопа. В 1996–2002, 2004 гг. возглавлял Ильичевский (с 1998 г. – Приазовский) отряд Таманской экспедиции (раскопки Ильичевского городища и культового центра «Береговой-4»). Но главным памятником, который в полной мере раскрыл его раскопочный и исследовательский талант стала Фанагория. Впервые он работал здесь в 1984–1991 гг. в качестве начальника отряда, зам. начальника и начальника экспедиции. Новым и, пожалуй, самым значимым во всех отношениях научным, да и жизненным этапом Алексея Андреевича стало его возвращение в Фанагорию в 2005 г. по предложению В. Д. Кузнецова. С этого момента он активно трудится тут в должности зам. начальника экспедиции, самоотверженно помогая своему давнему другу и коллеге Владимиру Дмитриевичу во всех тяготах нелёгкого, но почетного бремени крупнейшей античной экспедиции России. Археолог-антиковед или антиковед – археолог... кто он – Алексей Андреевич в первую очередь? Выбор – не простой и вряд ли уместный вообще.

Как он умеет разглядеть под лопатой и ножом ту или иную археологическую ситуацию, как зафиксировать всякую «мелочь»! А главное – представить за всем этим исторический «контекст»! Тот, кто видел Алексея Андреевича на раскопе, невольно скажет словами одного из персонажей известного произведения М. А. Булгакова «Не имеет равных в Европе – ей Богу...». И это всё при примерной скромности... За что, уверены, и уважаем всеми коллегами по антиковедческому «цеху». А. А. Завойкин автор более 160 печатных работ, в том числе двух монографий: «Фанагория во второй половине V – начале IV вв. до н.э. (по материалам раскопок «Южного города»)». М., 2004 и «Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов». Симферополь–Керчь, 2013). Он – один из основных авторов таких крупных академических изданий как «Античное наследие Кубани». М., 2010, «История Крыма». М., 2018; многотомника «Фанагория». С 1998 г. – один из организаторов и бессменный редактор ежегодного сборника Отдела Классической археологии «Древности Боспора», член редколлегий ещё ряда изданий (КСИА ИА РАН, ПИФК), непреременный участник всех основных научных конференций отечественных антиковедов. А с недавнего времени Алексей Андреевич член Учёного и Диссертационного Советов Института Археологии РАН. Что уж говорить о конкретных поручениях Дирекции ИА и общественных нагрузках, чему «виной» редкая ответственность и порядочность нашего дорого юбиляра!

Как старинный и, надеюсь, близкий друг, не могу не отметить в нём также и высокую порядочность, принципиальность, интеллигентность в самом лучшем, правильном смысле этого слова и, конечно, искренний, настоящий патриотизм. О большой эрудицией и любви к античности – и говорить не приходится!

За всё это мы – ценим и любим нашего юбиляра, которому искренне желаем здоровья, настроения жить и трудиться на благо отечественной науки, родных и нас – его друзей и коллег!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абрамзон М. Г., Новичихин А. М.</i>	
Клады пантикапейских монет IV–III вв. до н. э. из раскопок Горгииппии 1980 и 1986 гг.	15
<i>Бейлин Д. В., Рукавишникова И. В., Куликов А. В.</i>	
Погребения с монетами могильника Александровские скалы 1	26
<i>Бочковой В. В., Булах Е. Н., Данилин А. И.</i>	
Антропоморфная подвеска из поселения Волна 1	59
<i>Бочковой В. В., Булах Е. Н., Данилин А. И.</i>	
Археологические раскопки северо-западной части поселения Волна 1 в 2017 г. (Раскоп XXII)	63
<i>Braund D.</i>	
Vosporan griffins and the Spartocids: some observations	72
<i>Винокуров Н. И.</i>	
Исследование строительных остатков поздней цитадели на городище Артезиан в 2015–2017 гг.	90
<i>Волошинов А. А., Бейлин Д. В., Рукавишникова И. В.</i>	
Каменный склеп могильника Александровские скалы 1 (предварительная публикация)	114
<i>Гаврилов А. В.</i>	
Статуэтка – держатель жаровни в виде бюста Диониса из Арабата	139
<i>Дмитриев А. В.</i>	
Реконструкция шлема из «Золотого кладбища» на Кубани	149
<i>Ермолин С. А., Буравлев С. А., Бонин А. В.</i>	
Манитра. Усадебный комплекс эллинистического времени в Восточном Крыму (предварительная публикация Центральной усадьбы)	171
<i>Ермолин С. А., Буравлев С. А., Столяренко П. Г.</i>	
Некрополь поселения Манитра (предварительное сообщение)	197
<i>Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А., Строков А. А.</i>	
Комплекс амфорной тары второй половины V в. до н.э. с поселения Голубицкая 2	218
<i>Завойкин А. А.</i>	
Новые амфорные комплексы из раскопок «Верхнего города» Фанагории	232
<i>Завойкина Н. В.</i>	
Сакральные граффити на керамике из ранней Фанагории	253
<i>Зубарев В. Г.</i>	
Склеп № 10 из раскопок 2007 года на некрополе городища «Белинское»	274
<i>Иванов А. А., Кутуков Д. В.</i>	
Раннесредневековые погребения из раскопок поселения Балка Хреева-3 на Тамани	287
<i>Каспаров А. К.</i>	
Остатки грызунов и повседневная жизнь античных обитателей Причерноморья	296
<i>Клемешова М. Е.</i>	
Типы лепной посуды поселения и некрополя Вестник-1	303

<i>Ковальчук А. В., Соколова О. Ю.</i>	
Черепичные клейма из раскопок Нимфея (1939-1991 гг.)	325
<i>Корневский С. Н.</i>	
Особенности культурных слоев майкопских поселений Тузла 15 и Галюгаевское 1 (проблема реконструкции палеоклимата и хозяйственно-культурного типа)	358
<i>Корженков А. М., Масленников А. А., Овсяченко А. Н., Ларьков А. С., Супренков А. А.</i>	
Сейсмические деформации в урочище Сююрташ в Крымском Приазовье	370
<i>Кузнецов В. Д.</i>	
Древнейшая Фанагория: некоторые проблемы	398
<i>Масленников А. А.</i>	
Монетные находки на эллинистических сельских поселениях Крымского Приазовья	417
<i>Окороков А. В., Егоров Ю. О.</i>	
К вопросу о локализации местоположения античного поселения Корокондама	427
<i>Рукавишников И. В., Егорова Т. В., Бейлин Д. В., Федосеев Н. Ф. †</i>	
Чернолаковые и краснофигурные сосуды из тризновых комплексов кургана «Госпитальный»	445
<i>Сапрыкин С. Ю.</i>	
К прочтению и интерпретации некоторых боспорских граффити	473
<i>Скржинская М. В.</i>	
Ювелирные изделия – необходимый элемент повседневной и праздничной жизни боспорян в V–IV вв. до н. э.	488
<i>Смекалова Т. Н., Бутягин А. М., Пасуманский А. Е., Трубникова Е. Д.</i>	
Рентгено-флуоресцентный анализ состава сплава монет Боспора эпохи денежного кризиса III в. до н.э. (по материалам клада 2002 г. из Мирмекия)	512
<i>Супренков А. А., Топоривская М. А.</i>	
Углублённые постройки северо-восточной части городища Сююрташ в Крымском Приазовье (по результатам работ 2010-2018 гг.)	525
<i>Суриков И. Е.</i>	
Ономастикон Спартокидов за пределами Боспора (Часть III)	542
<i>Трейстер М. Ю.</i>	
Длинные мечи с халцедоновыми навершиями в Сарматии и на Боспоре	553
<i>Федосеев Н. Ф. †, Родинкова В. Е.</i>	
Амфорные клейма поселения Приморский северо-западный (Восточный Крым)	581
<i>Шелов-Коведяев Ф. В.</i>	
«... Владыке Пантикапея»	613
<i>Яйленко В. П.</i>	
Итоги развития и перспективные задачи эпиграфики античного Северного Причерноморья	618
Памяти коллег и друзей	655
Сокращения	661
Правила и рекомендации по оформлению рукописей	665

М. Г. Абрамзон*, **А. М. Новичихин****

(* *Магнитогорский государственный технический университет
им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск;*

** *Анапский археологический музей, Анапа)*

Клады пантикапейских монет IV–III вв. до н. э. из раскопок Горгииппии 1980 и 1986 гг.*

В фондах Анапского археологического музея (далее – ААМ) хранятся три неизданных небольших клада пантикапейских монет из раскопок Горгииппии 1980-х гг., представляющие особый интерес для изучения денежного обращения Боспора в конце IV и начале III вв. до н. э. Эти комплексы найдены в слое, который Е. М. Алексеева относит к строительному периоду IB (вторая четверть IV – третья четверть III вв. до н. э.) и происходят из домов, уничтоженных городским пожаром в середине III в. до н. э. [Алексеева, 1997, с. 110–116]. Между тем, особенности составов публикуемых кладов дают основания считать, что не все они связаны со временем катастрофы.

1. Клады из помещений 52 и 53 дома 10 «а» (1980 г.)

В 1980 г. при исследовании дома 10, существовавшего у южного края Широкой улицы в III–I вв. до н. э., выяснилось, что он был построен на месте сгоревшего в третьей четверти III в. до н. э. дома 10 «а». Слои обеих построек оказались перемешены в следующий строительный период. С домом 10 «а» связаны обрывки двух наземных помещений 52 и 53 (засыпанных при строительстве нового дома 10), а также мощный слой пожара. В слое пожара дома 10 «а» найдены два клада монет 340–250 гг. до н. э.: в помещении 53 – скопление из 35 монет (одна серебряная, остальные – медные)¹, в помещении 52 – из 10 медных монет² [Алексеева, Нестеренко, 1980, 75–76; Алексеева, 1997, с. 122].

Клад из помещения 53 (рис. 1) помимо деградированной меди с луком и стрелой на о. с. [Шелов, 1956, № 66] (33 экз.) включает две монеты IV в. до н. э.: серебряный диобол типа: «сатир влево/голова барана вправо» [Анохин, 1986, № 80] около 340–330 гг. до н. э. (по Шелову) (или 390–380 гг. до н. э. – по Анохину) и дихалк с протомой пегаса на о. с.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-09-00098 А «Денежное обращение, экономическая и политическая ситуация на Азиатском Боспоре в III–I вв. до н. э. по материалам монетных кладов из новых поступлений в Анапский археологический музей».

¹ ААМ. КМ 8365/11956–11989. В фондах – 34 монеты, одна разрушилась при чистке.

² ААМ. Инв. № КМ 8365/11936–11945.

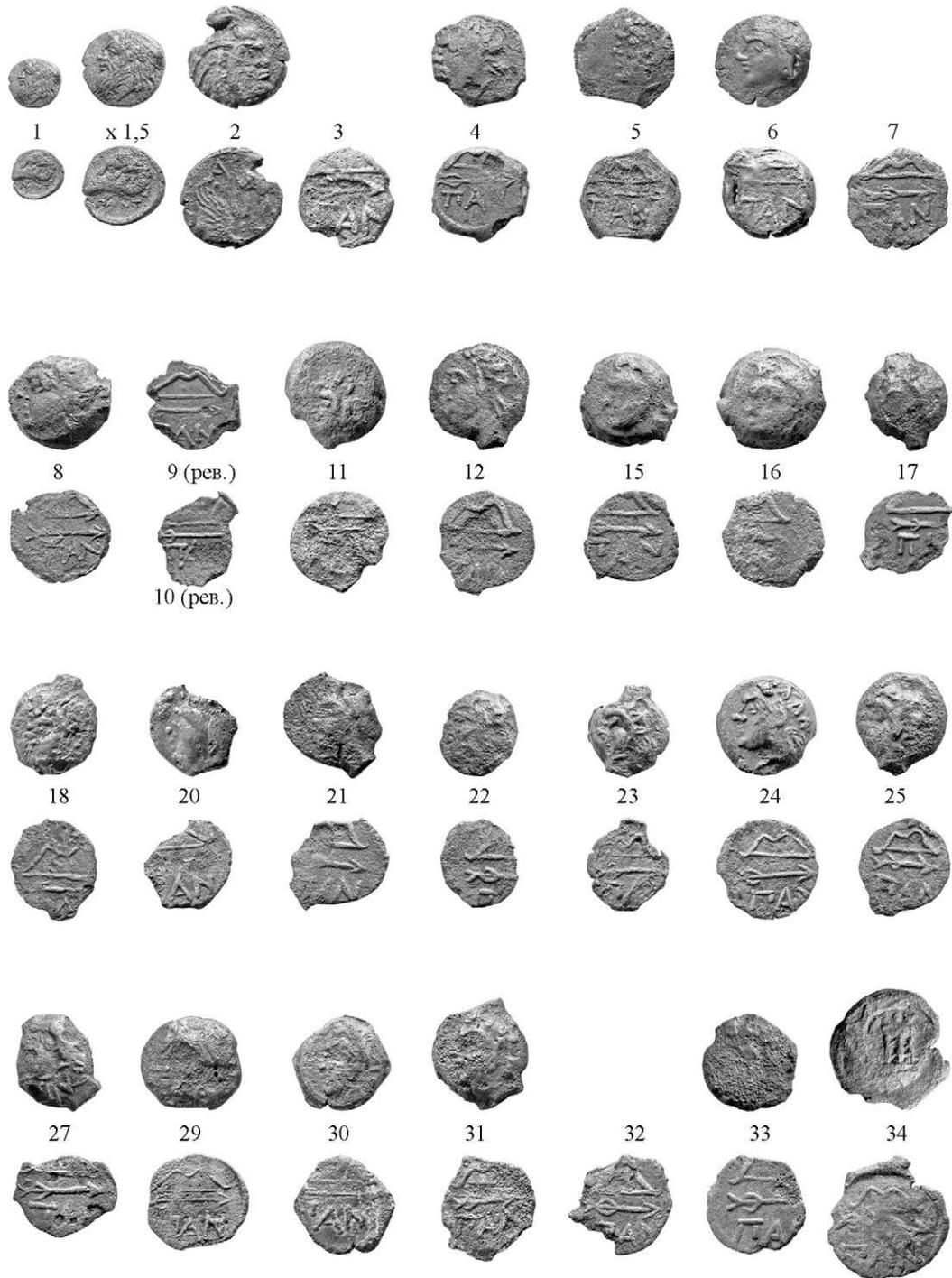

Рис. 1. Горгиппия. Клад 1980 г. из пом. 53 дома 10 «а»

[Анохин, 1986, № 112] около 330–315 гг. до н. э. Если присутствие дихалка в кладе не вызывает удивления (такие монеты нередко встречаются в кладах как периода денежного кризиса, так и митридатовского времени), то серебряный диобол IV в. до н. э. впервые найден в кладе деградированной меди середины III в. В перечне монетных находок из раскопок Горгиппии 1980 г., изданном Н. А. Фроловой, данный комплекс (35 монет) фигурирует без указания на то, что это клад [Фролова, 1997, с. 156, № 369–403], но в экспедиционном отчете и монографии Е. М. Алексеевой [Алексеева, Нестеренко, 1980, 75; Алексеева 1997, с. 122] ясно указана принадлежность серебряной монеты к скоплению из 35 монет. В фонды ААМ данный комплекс также поступил именно как клад. Присутствие в кладе монеты с контрамаркой «треножник» [SNG SPMFA 1006], наложенной в середине III в. до н. э., позволяет датировать комплекс близко ко времени городского пожара.

Второй комплекс³ – из помещения 52 (рис. 2, А), в отчете названный как «Диковский клад» [Алексеева, Нестеренко, 1980, 76], напротив, не связан со временем пожара, хотя и найден в сгоревшем помещении. Он состоит из десятка монет типа «голова сатира влево/лук и стрела, ПАН», в абсолютном большинстве перечеканенных из тетрахалков типа «голова сатира влево/голова льва, осетр, ПАН» с надчеканками в виде звезды и горита [Шелов, 1956, № 67]. Только две монеты биты на новых кружках [Анохин, 1986, № 133]. Это типичный клад начала периода денежного кризиса на Боспоре, с территории которого происходит еще более десятка близких по составу синхронных кладов [Абрамзон, Фролова, 2007–2008, с. 106–135]. Комплекс, по-видимому, был спрятан в конце первой четверти III в. до н. э., задолго до пожара, уничтожившего дом 10 «а»⁴. Ближе всего по составу типов к нему клад из Горгиппии (1882 г.) [Прушевская, 1945, с. 17–27], Нимфея (1951 г.) [Голенко, 1974, с. 73–73], Юбилейное I (1991 г.) [Фролова, Савостина, 1998, с. 140–155] и Генеральское-Западное (1999 г.) [Зинько, Куликов, 2002, с. 399]. Все эти комплексы имеют общую дату, не выходящую за рамки первой четверти III в. до н. э.

2. Клад из помещения 102 дома 29 (1986 г.)

Клад⁵ включает 32 монеты (рис. 2, Б), все одного типа – «голова сатира влево/голова льва, осетр, ПАН» [Анохин, 1986, № 125; SNG BM I 883–885]. Монеты имеют крайне плохую сохранность. Комплекс был передан в музей начальником Анапской экспедиции ИА АН СССР/РАН Е. М. Алексеевой в 1989 г. Судя по записи в акте поступления (№ 340 от 26 июня 1989 г.) и надписи на содержащей его коробке, комплекс был найден при раскопках на территории археологического заповедника «Горгиппия» в 1986 г. и происходит из помещения 102. В отчете Анапской экспедиции за 1986 г. факт находки клада в помещении 102 не отмечен; там указаны только находки восьми монет: семи – под стеной 516а и одной – под стеной 522 [Алексеева, Беляева, 1986, с. 63]. Тем не менее, в описи находок клад фигурирует [Алексеева, Беляева, 1986, с. 106–107, оп. 355–386]. На пакетиках с монетами полевой шифр отсутствует, указаны только

³ В отчете: Оп. 301–310 [Алексеева, Нестеренко 1980, 16].

⁴ Отметим, что монеты хорошо сохранились и не пострадали от огня.

⁵ ААМ. Инв. № КМ 9213/1–32.

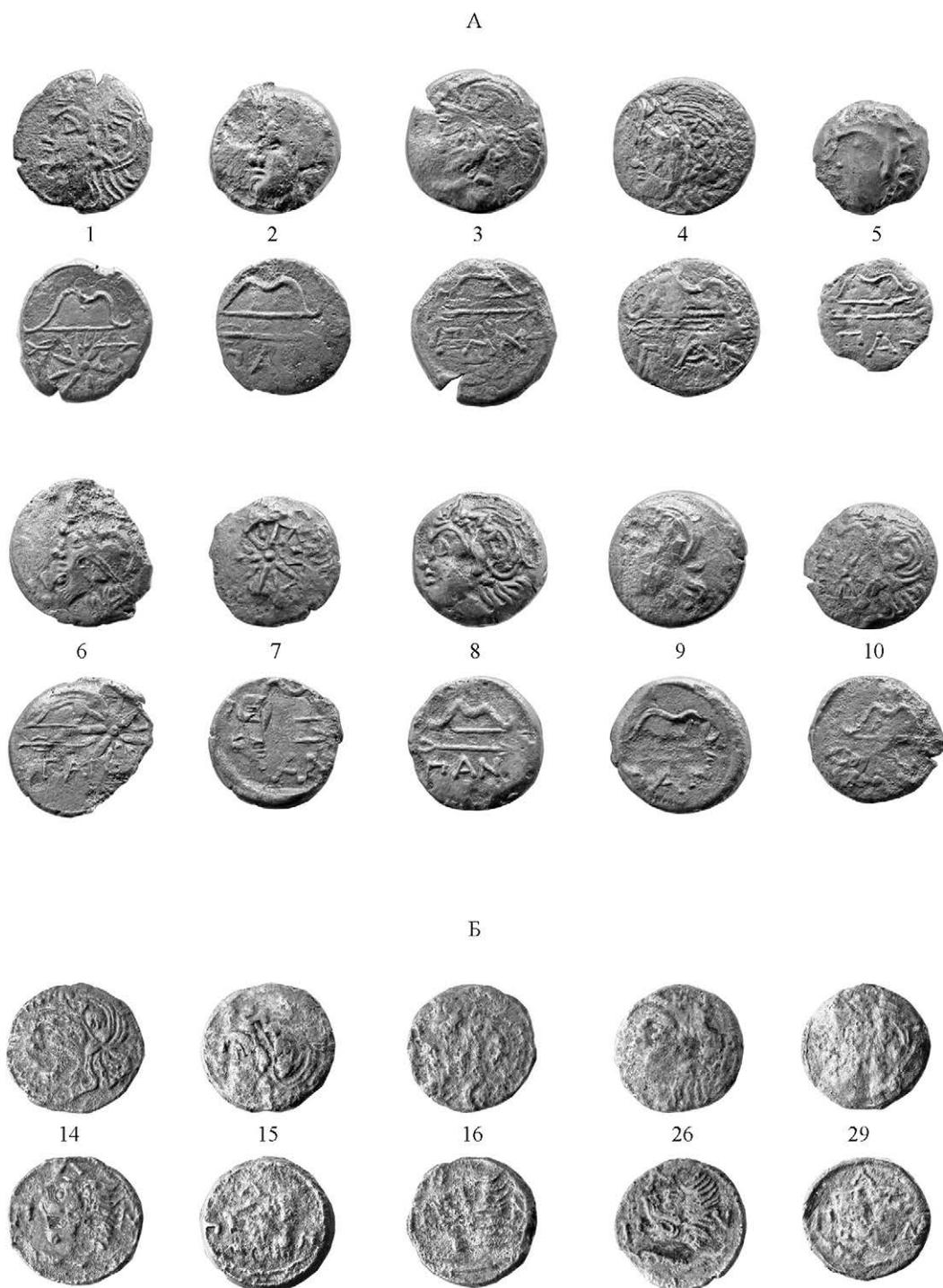

Рис. 2. Горгия. А – «Диковский» клад 1980 г. из пом. 52 дома 10 «а»;
Б – клад 1986 г. из пом. 102 дома 29

номера описи и пометки (Ш. V, 61)⁶, нанесенные Н. А. Фроловой, которая упоминает его без определений типов в сводке монетных находок из раскопок Горгиштии 1979–1989 гг. [Фролова, 1997, с. 167, № 1049–1080]. Таким образом, обстоятельства обнаружения клада остаются неизвестными.

Помещение 102 является частью дома 29, который был открыт в средней части археологического заповедника. С востока это помещение примыкало к дому 3 с помещением 21, стоявшему у пересечения Северной и Первой Поперечной улиц. Сам дом 29, в котором был найден клад, существовал в IV и первой половине III вв. до н. э. Его наземная часть имела перегородки, в которых камышовый каркас обмазывался глиной и штукатурился. Куски глиняной обмазки со следами выгоревших тростников появляются в горгишпийских домах, включая и дом 29, в IV в. до н. э. Этот дом вместе с другими домами периода IB погибает в пожаре в третьей четверти III в. до н. э. Е. А. Алексеева отмечает, что дату катастрофы подтверждают монеты и амфорные клейма из дома 29, а также домов 10 и 41 [Алексеева, 1997, с. 110–116]⁷.

Между тем найденный в помещении 102 клад определенно не может быть связан с датой пожара, погубившего дом 29, хотя монеты испытали термическое воздействие. Д. Б. Шелов датировал тип «голова сатира влево/голова льва, осетр, ПАН» временем около 315–300 гг. до н. э. [Шелов, 1956, с. 216, № 61], В. А. Анохин – около 293–283 гг. до н. э. [Анохин, 2011, с. 152, № 1039]. Д. Б. Шелов отмечал чрезвычайную обильность таких тетраخالков. Как и другие медные номиналы этой серии, они встречаются в погребениях, относящихся, судя по инвентарю, к рубежу IV и началу III вв. до н. э. В самом начале III в. до н. э. тетраخالки данного типа подверглись массовой надчеканке клеймами в виде звезды и горита [Шелов, 1956, с. 106] (позднее изображения последних вырезались непосредственно в штемпеле), а также и перечеканке в тип «сатир/лук и стрела», маркируя второй этап денежного кризиса на Боспоре, по нашей классификации [Абрамзон, Фролова, 2007–2008, с. 35].

Уникальность публикуемого клада определяется полным отсутствием сведений о других кладах, состоящих исключительно из тетраخالков с головой льва и осетром на о. с., еще не подвергшихся контрамаркированию. Не перечеканенные монеты (по одной) встречаются также в пяти других комплексах: 1) синхронный публикуемому клад 1980 г. из окрестностей ст. Тамань [Абрамзон, Фролова, 2007–2008, с. 104]; 2) Керченский клад 1869 г. [Люценко, 1880, л. 12, № 7; Абрамзон, Фролова, 2007–2008, с. 124–125, 584], зарытый начале III в. до н. э.; 3) Керченский клад 1879 г. (начало III в. до н. э.) [Люценко, 1880, л. 19; Абрамзон, Фролова, 2007–2008, с. 125]; 4) клад 1879 г. из ст. Сенной [Люценко, 1880, л. 34; Абрамзон, Фролова, 2007–2008, с. 126]; 5) Горгишпийский клад 1972 г.⁸, найденный на раскопе «Город II» при расчистке колодца, засыпанного в первой половине III в. до н. э. [Алексеева, 1976, с. 44; Кругликова, Фролова, 1980, с. 118–119, № 317–339]⁹.

⁶ По: Шелов, 1956.

⁷ Находки из дома 29, помещения 102 и слоя пожара см.: Алексеева, 1997. С. 264–265, табл. 65–71.

⁸ Клад хранится в фондах ААМ. Инв. № КМ 8365/11677–11682, 11690–11696, 11701–11703.

⁹ Обратим внимание что оба горгишпийских клада 1972 и 1986 гг. имеют схожие размеры – 29 и 32 монеты соответственно, представляя близкие суммы.

Таблица 1. Клады конца IV – первой четверти III в. до н. э. с тетраخالками «сатир/голова льва, осетр» без надчеканок

№	Тип	Дата (по Шелову, 1956)	Локации					
			Тамань, 1980 г.	Керчь, 1869 г.	Керчь, 1879 г.	Сенная, 1879 г.	Горгишия, 1972 г.	Горгишия, 1986 г.
1	Сатир / протома грифона, осетр [Анохин, 1986, № 111]	Ок. 330-315 гг.	Х	-	-	-	-	-
2	Сатир / протома пегаса [Анохин, 1986, № 112]	Ок. 330-315 гг.	-	-	-	-	Х	-
3	Сатир / голова льва, осетр, [Анохин, 1986, № 125]	Ок. 315-300 гг.	Х	Х	Х	Х	Х	Х
4	Тот же тип с надчеканками [Анохин, 1986, № 130]	Нач. III в. до н.э.	-	Х	-	-	Х	-
5	То же с надчеканками, перечеканенный в сатир / лук и стрела [Шелов, 1956, № 67]	Ок. 300-275 гг.	-	-	-	-	Х	-
6	Сатир / лук и стрела [Анохин, 1986, №133]	Ок. 300-275 гг.	-	Х	Х	-	Х	-
7	Сатир / голова быка [Анохин, 1986, №132]	Ок. 300-290 гг.	-	-			Х	-

Во всех остальных кладах периода денежного кризиса все монеты типа «голова сатира/голова льва, осетр» снабжены надчеканками в виде горита и двенадцатилучевой звезды [Анохин, 1986, № 131] и часто соседствуют с другими типами первой половины III в. до н. э. Очевидно, что в течение первой половины столетия тетраخالки со львом и осетром, не подвергшиеся контрамаркированию или перечеканке, почти полностью исчезают из обращения. Лишь единичны экземпляры, избежавшие этих операций, обращаются на денежном рынке до середины столетия, как свидетельствуют перечисленные клады.

Таким образом, публикуемый комплекс, состоящий только из тетраخالков типа *Анохин 125*, был спрятан в помещении 102 одним поколением обитателей дома 29 – в конце IV в. до н. э., а пожар случился при другом поколении, не знавшем об этом кладе, – в начале третьей четверти III в. до н. э. Пять других горгишпийских кладов, связь которых со временем городского пожара надежно установлена, имеют уже совершенно иной состав: в них преобладает деградированная пантикапейская медь с луком и стрелой на реверсе. Это клады из города – публикуемый клад из пом. 53 дома 10 «а»; с ближайшей хоры: один из Джемете [Алексеева, 1980, 45; Абрамзон, Фролова, 2007–2008, с. 140–145] и два – из Усатовой Балки (1986 и 2013 гг.) [Абрамзон, Новичихин, 2017, с. 377–388; 2018, с. 234–249], а также Анапский (Гребенской) клад 1977 г. с территории горгишпийского некрополя, в 1,5–2 км от городища [Нестеренко, 1981, с. 86–87; Абрамзон, Фролова, 2007–2008, с. 151–152].

Приложение

1. КАТАЛОГ КЛАДА ИЗ ПОМ. 53 ДОМА 10 «а» (1980 г.)¹⁰**Ок. 340–330 гг. до н.э.**Диобол¹¹

Л.с. Голова бородатого сатира влево.

О.с. Голова барана влево; под обрезом ПАНТИ.

1.	КМ 8365/11956	1.59 г	8 мм	Шелов, 1956, № 47; Анохин, 1986, № 80; 2011, № 995.

Ок. 330–315 гг. до н.э.

Л.с. Голова безбородого сатира вправо.

О.с. Протома пегаса вправо; вокруг П-А-N.

2.	КМ 8365/11970	1.84 г	15 мм	Ср. Анохин, 1986, № 112; 2011, № 1024; SNG BM I 872–873.

Ок. 275–250 гг. до н.э.

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево.

О.с. Лук и стрела; ПАН.

3.	КМ 8365/11957	1.35 г	15 мм	Ср. Шелов, 1956, № 66; SNG BM I 900–905.
4.	КМ 8365/11958	2.30 г	15 мм	То же.
5.	КМ 8365/11959	2.32 г	17 мм	То же.
6.	КМ 8365/11960	2.06 г	15 мм	То же.
7.	КМ 8365/11961	2.37 г	15 мм	То же.
8.	КМ 8365/11962	2.49 г	15 мм	То же.
9.	КМ 8365/11963	1.40 г	14 мм	То же.
10.	КМ 8365/11964	1.09 г	15 мм	То же.
11.	КМ 8365/11965	1.66	15 мм	То же.
12.	КМ 8365/11966	1.52	15 мм	То же.
13.	КМ 8365/11967	0.47 г	12 мм	То же.
14.	КМ 8365/11968	0.87 г	13 мм	То же.
15.	КМ 8365/11969	1.96	14 мм	То же.
16.	КМ 8365/11971	2.72 г	15 мм	То же.
17.	КМ 8365/11972	1.95	14 мм	То же.
18.	КМ 8365/11973	1.50	15 мм	То же.
19.	КМ 8365/11974	1.24	14 мм	То же.
20.	КМ 8365/11975	1.32 г	15 мм	То же.
21.	КМ 8365/11976	1.11 г	15 мм	То же.
22.	КМ 8365/11977	0.72 г	13 мм	То же.
23.	КМ 8365/11978	1.64	14 мм	То же.
24.	КМ 8365/11979	1.83 г	15 мм	То же.

¹⁰ Во всех трех кладах все монеты – пантикапейские.¹¹ Серебро. Все остальные монеты в кладах – бронзовые.

25.	КМ 8365/11980	1.48 г	15 мм	То же.
26.	КМ 8365/11981	0.44 г	12 мм	То же.
27.	КМ 8365/11982	1.52 г	15 мм	То же.
28.	КМ 8365/11983	1.16 г	15 мм	То же.
29.	КМ 8365/11984	1.35 г	15 мм	То же.
30.	КМ 8365/11986	1.77 г	15 мм	То же.
31.	КМ 8365/11987	2.08 г	15 мм	То же.
32.	КМ 8365/11988	1.05 г	15 мм	То же.
33.	КМ 8365/11989	1.42 г	14 мм	То же.

Сер. III в. до н.э.

То же.

34.	КМ 8365/11985	2.36 г	18 мм	Перечекан. Л.с. Надчеканка – треножник. Ср. SNG SPMFA 1006.
-----	---------------	--------	-------	--

2. КАТАЛОГ КЛАДА ИЗ ПОМ. 52 ДОМА 10 «а» (1980 г.)*Ок. 300–275 гг. до н.э.*

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево.

О.с. Лук и стрела вправо; ПАН.

1.	КМ 8365/11936	4.83 г	21 мм	Перечеканка из типа <i>Шелов</i> , 1956 № 62. Л.с. Надчеканка – горит. О.с. Надчеканка – звезда. Шелов, 1956, № 67; SNG BМ I 898, 899.
2.	КМ 8365/11937	4.87 г	20 мм	Ср. SNG BМ I 901.
3.	КМ 8365/11938	7.07 г	22 мм	Перечеканка из типа <i>Шелов</i> , 1956 № 62. Л.с. Надчеканка в виде 12-лучевой звезды. SNG BМ I 897.
4.	КМ 8365/11939	5.87 г	21 мм	То же.
5.	КМ 8365/11940	3.38 г	17 мм	О.с. Стрела влево. Ср. https://bosporan-kingdom.com/133-3119/17.html .
6.	КМ 8365/11941	4.89 г	22 мм	Перечеканка из типа <i>Шелов</i> , 1956 № 62. Л.с. Надчеканка – горит. О.с. Надчеканка – звезда. SNG BМ I 898, 899..
7.	КМ 8365/11942	6.00 г	20 мм	Перечеканка из типа <i>Шелов</i> , 1956 № 62. Л.с. Надчеканка в виде 12-лучевой звезды. SNG BМ I 898, 899.
8.	КМ 8365/11943	5.45 г	20 мм	Ср. Анохин, 1986, № 133; 2011, № 1049; SNG BМ I 894–896.
9.	КМ 8365/11944	5.75 г	21 мм	Перечеканка из типа <i>Шелов</i> , 1956 № 62. Л.с. Надчеканка в виде 12-лучевой звезды. Как № 7
10.	КМ 8365/11945	6.46г	20 мм	То же.

3. КАТАЛОГ КЛАДА ИЗ ПОМ. 102 ДОМА 29 (1986 г.)**Ок. 315–300 гг. до н.э.***Л.с.* Голова безбородого сатира в плющевом венке влево.*О.с.* Голова льва влево; внизу осетр влево; вокруг П–А–N.Лит.: *Зограф*, 1951, табл. ХLI, 2; *Шелов*, 1956, табл. V, 61; *Анохин*, 1986, № 125; 2011, № 1039; SNG BM I 883–885.

1.	КМ 9213/1	6.49 г	19 мм
2.	КМ 9213/2	6.17 г	20 мм
3.	КМ 9213/3	4.58 г	20 мм
4.	КМ 9213/4	6.71 г	19 мм
5.	КМ 9213/5	5.26 г	19 мм
6.	КМ 9213/6	6.47 г	19 мм
7.	КМ 9213/7	4.60 г	18 мм
8.	КМ 9213/8	5.28 г	19 мм
9.	КМ 9213/9	2.76 г	19 мм
10.	КМ 9213/10	5.57 г	19 мм
11.	КМ 9213/10	7.29 г	21 мм
12.	КМ 9213/12	6.30 г	18 мм
13.	КМ 9213/13	4.89 г	20 мм
14.	КМ 9213/14	4.63 г	20 мм
15.	КМ 9213/15	8.47 г	20 мм
16.	КМ 9213/16	4.76 г	19 мм
17.	КМ 9213/17	6.82 г	20 мм
18.	КМ 9213/18	5.54 г	19 мм
19.	КМ 9213/19	4.68 г	19 мм
20.	КМ 9213/20	4.72 г	20 мм
21.	КМ 9213/21	5.29 г	18 мм
22.	КМ 9213/22	4.32 г	20 мм
23.	КМ 9213/23	3.86 г	20 мм
24.	КМ 9213/24	4.67 г	20 мм
25.	КМ 9213/25	4.57 г	18 мм
26.	КМ 9213/26	4.80 г	19 мм
27.	КМ 9213/27	5.06 г	19 мм
28.	КМ 9213/28	3.82 г	19 мм
29.	КМ 9213/29	4.35 г	20 мм
30.	КМ 9213/30	4.41 г	20 мм
31.	КМ 9213/31	5.09 г	18 мм
32.	КМ 9213/32	4.55 г	18 мм

Список литературы

- Абрамзон, Новичихин, 2017. Абрамзон М.Г., Новичихин А.М. Крупнейший клад пантикапейских медных монет III в. до н.э. с хоры Горгиппии (2013 г.) // ВДИ. 77/2.
- Абрамзон, Новичихин, 2018. Абрамзон М.Г., Новичихин А.М. Клад пантикапейских медных монет III в. до н.э. с хоры Горгиппии (1986 г.) // ПИФК. 3.
- Абрамзон, Фролова, 2007–2008. Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I (1834–2005 гг.). (БИ. Suppl. 2). Симферополь–Керчь.
- Алексеева, 1976. Алексеева Е.М. Керамический комплекс первой половины III в. до н.э. из Горгиппии // КСИА. 145.
- Алексеева, 1980. Алексеева, Е.М. К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии // Горгиппия. Материалы Анапской экспедиции. I. Ред. И.Т. Кругликова. Краснодар.
- Алексеева, 1997. Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997.
- Алексеева, Беляева 1986. Алексеева Е.М., Беляева В.Н. Анапская экспедиция 1986 г. Отчет // НА АМ. А1–34.
- Алексеева, Нестеренко, 1980. Алексеева Е.М., Нестеренко Н.Д. Отчет о работе Анапской экспедиции Института археологии АН СССР за 1980 г. // НА АМ. А1–26.
- Анохин, 1986. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев.
- Анохин, 2011. Анохин В.А. Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог. Киев.
- Голенко, 1974. Голенко К.В. Монеты из раскопок Нимфея 1939–1970 гг. // НЭ. XI.
- Зинько, Куликов, 2002. Зинько В.Н., Куликов А.В. Клад медных боспорских монет III в. до н.э. из Крымского Приазовья // МАИЭТ. IX.
- Зограф, 1951. Зограф А.Н. Античные монеты. МИА. 16. М.–Л.
- Кругликова, Фролова, 1980. Кругликова И.Т., Фролова Н.А. Монеты из раскопок Горгиппии 1967–1972 гг. // Горгиппия (Материалы Анапской археологической экспедиции). Т. I. Краснодар.
- Люценко, 1880. Люценко Е.Е. Керчь и Тамань. Некоторые сведения о денежных кладах, найденных в последнее время на Керченском и Таманском полуостровах, а также на Юге России // Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. 2007–2008. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I (1834–2005 гг.). (БИ. Suppl. 2). Симферополь–Керчь.
- Нестеренко, 1981. Нестеренко, Н.Д. Клады Горгиппии. КСИА. 168.
- Прушевская, 1945. Прушевская Е.О. Анапский клад пантикапейских медных монет // ТОНГЭ. I.
- Фролова, 1997. Фролова Н.А. Монеты из раскопок Горгиппии 1979–1989 гг. // ПИФК. 4.
- Фролова, Савостина, 1998. Фролова Н.А., Савостина Е.А. Находки под стенами боспорской усадьбы: клад или строительная жертва? // РА. 1.
- Шелов, 1956. Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М.

Summary

M. G. Abramzon, A. M. Novichikhin
Hoard of bronze Panticapaeum fourth and third centuries BC coins
from excavations at Gorgippia in 1980 and 1986

The article is the first publication of three small hoards of Panticapaeum coins concealed in the late fourth century and the first half of the third century BC, which arrived in the Anapa Archaeological Museum. The first assemblage was concealed in the Room 53 of the House 10 "a". It consists of a silver diobol dated to 340–330 BC [Anokhin, 1986, No. 80], a bronze coin dated to 330–315 BC [Anokhin, 1986, No. 112], and 33 coins with Pan/bow and arrow [SNG B M I 900–905]. The hoard was concealed closer to the date of the great fire in Gorgippia in the mid-3rd century BC.

The second hoard was found in the Room 52 of the House 10 "a". It contains 10 coins with Pan/lion head and sturgeon overstruck with countermarks of a star and bowcase, and then with Pan/bow and arrow. It is a typical hoard of the beginning of monetary crisis in the Bosphorus, concealed no later than the end of the first quarter of the third century BC.

The third hoard includes 32 coins, all with Pan/lion head and sturgeon [SNG B M I 883–885] minted ca. 315–300 BC. It was found in the Room 102 of the House 29, which existed in the fourth and the first half of the third century BC. It was burned down under the great fire in the mid-century. Meanwhile, the hoard is not to be dated from the time of the fire that destroyed the house 29, although the coins were burned. The hoard consists exclusively of coins without countermarks. In the very beginning of the 3rd century BC all coins of such type have been generally overstruck with countermarks of a star and bowcase (which later were cut directly in dies). Only a few pieces avoided these operation and continued to circulate in the first quarter of the third century. Hence, the hoard was concealed in the very end of the fourth century BC, before the bulk of such coins was overstruck.

Д. В. Бейлин*, И. В. Рукавишникова**, А. В. Куликов**
(* Институт археологии Крыма РАН, Керчь;
** Институт археологии РАН, Москва)

Погребения с монетами могильника Александровские скалы 1

В 2017 г. была исследована курганный группа «Александровские скалы 1», расположенная приблизительно в 10 км к юго-западу от г. Керчь. В процессе изучения двух курганных насыпей, прикурганного и межкурганного пространства было открыто два участка некрополя римского времени (I–II вв. н. э.), на которых исследован 251 археологический комплекс, включавший погребения и поминальные сооружения – тризны. Некрополь относился к укрепленному поселению римского времени «Городище 11 км» и расположен в 500–700 м к востоку от него.

В сохранившейся части насыпи кургана 1 и в её прикурганном пространстве было раскопано 107 погребений, 4 из которых относились к катакомбной культурно-исторической общности. При исследовании прикурганного пространства и насыпи кургана 2 было выявлено 137 погребений (одно – на вершине кургана датируется IV в. до н. э.). Практически все захоронения оказались не ограбленными, поэтому выборки по погребальному обряду и инвентарю для статистических выводов весьма репрезентативны.

Курган 1 (рис. 1) являлся частью разрушенной курганной насыпи, возведенной над погребениями эпохи бронзы, совершенными в катакомбах, которые были устроены в слое мергеля и в плотном песчанике. Гробницы I–II вв. н. э. в центральной части сохранившейся насыпи имели три уровня залегания, зафиксированных от современной дневной поверхности. На генеральном плане этого участка могильника заметно, что в южных и восточных секторах, а также в прикурганном пространстве прослеживается определенная рядность погребений.

Курган 2 (рис. 2) представлял собой скалистый массив, на вершине которого при расчистке дернового слоя был зачищен развал каменной погребальной конструкции, сложенной из необработанных известняковых камней. Обнаруженные здесь фрагменты гераклейских и хиосских амфор могут относиться к этому погребению, которое, в этом случае, следует датировать IV в. до н. э. Все захоронения I–II вв. н. э. были расположены в основном в южной поле насыпи и околокурганном пространстве.

Основная их масса совершена в грунтовых могилах с каменным плитовым перекрытием, уложенным на заплечики. Практически все захоронения содержали набор

погребального инвентаря, типичный для известных одновременных могильников: посуда из глины и стекла открытых и закрытых форм, предметы быта из металла, глины и кости, светильники, терракоты, украшения, орудия труда, оружие, а также монеты.

Синхронные могильники и участки некрополей первых веков нашей эры были выявлены и исследованы в Восточном Крыму во второй половине XX века и неразрывно связаны с изучением укрепленных сельских поселений. После распада Советского Союза на Керченском полуострове началось невиданное по своим масштабам стихийное, а потом и организованное хищническое ограбление античных некрополей. Так практически полностью уничтожены некрополи поселений: Андреевка Северная, Михайловка, Туркмен, Кёзы, Артезиан, Осовины 1, городища Илурат и многих других. Безвозвратно утрачен целый пласт информации об особенностях вещевого комплекса и характере погребального обряда населения Боспора римского времени вместе с антропологическими данными.

До 2017 г. эталонными памятниками погребальной культуры сельской территории Европейского Боспора I–II вв. н. э. можно было считать раскопанные участки некрополей у дер. Новоотрадное [Арсеньева, 1961, с. 66–69; Арсеньева, 1963, с. 192–203; Арсеньева, 1970, с. 82–148], у села Золотое [Корпусова, 1971, с. 86–92; Корпусова, 1972, с. 353–354; Корпусова, 1973, с. 27–45; Корпусова, 1973, с. 74–83; Корпусова, 1983], близ поселения у дер. Семеновка [Кругликова, 1969, с. 98–119], грунтовые некрополи Крымского Приазовья (Караларское побережье) [Масленников, 1990; Масленников, 2000, с. 136–200], некрополи городищ Артезиан [Винокуров, 2014], Илурат и Китей [Хршановский, 2010, с. 583–609; Хршановский, 2011, с. 371–410], Кызаульский некрополь [Гайдукевич, 1959, с. 187–215; Чевелёв, 1985, с. 84–89].

На многочисленных материалах установлено, что присущая греческому погребальному обряду практика помещения в могилы монет в качестве обола Харона, постепенно затухает после денежного кризиса середины-второй половины III в. до н. э. и к концу второго столетия до н. э. практически исчезает. Вероятно, это произошло вследствие существенных изменений социального и этнического состава населения боспорских городов и поселений, в связи с притоком большого количества аборигенного населения, вынужденного оставить многочисленные неукрепленные поселки в глубинных частях Керченского полуострова и Крыма.

Заново эта традиция проявляется с I в. до н. э. и особенно явно прослеживается в первые века нашей эры. В позднеримское (во второй половине III – начале IV вв.) и в ранневизантийское время (V–VI вв.) практика помещать монеты в индивидуальные и коллективные гробницы становится почти нормой. Раскопки раннесредневековых некрополей Пантикапея VII и даже VIII вв. вновь показывают затухание этой древней традиции, что было связано с распространением христианства.

Монеты в могильнике Александровские скалы были найдены в следующих погребениях: курган 1: №№ 14, 26, 43, 44, 53, 99, 104, 105; курган 2: №№ 5, 12, 20, 51, 56, 57, 64, 77, 120, 125, 126, 134. То есть, в 20 погребальных комплексах. В одном случае в гробнице было две монеты (курган 2 погребение № 20) и еще в одном – три (курган 1 погребение № 104). Это составляет всего 8 процентов от общей массы захоронений, следовательно,

по теории нормального распределения, сам факт присутствия монеты в погребении не являлся общепринятой обрядовой нормой у данной общности.

Проанализируем контекст монет в погребальном обряде соответствующих могил. Все нижеописанные погребения участка могильника кургана 1 расположены в восточных секторах насыпи и совершены в углубленные узкие грунтовые ямы с заплечиками и плитовыми перекрытиями. Монеты, в основном, сопровождают мужские погребения. В двух случаях они встречены в погребении ребенка, но уже с отверстием, в качестве подвески.

Погребение № 14 (рис. 3, п. 14) Длинной осью могильная яма была ориентирована в направлении: северо-восток – юго-запад. Захороненный мужчина, 40–49 лет¹ лежал вытянуто, на спине, головой на северо-восток, ноги перекрещены в нижней части.

Инвентарь представлен красноглиняным кувшином морфологически близким к форме 4 по Д. В. Журавлеву (рис. 3, п. 14, 1), железным ножом (рис. 3, п. 14, 2) и монетой (рис. 3, п. 14, 3), найденными в ногах. Монета определена как ассарий Котиса I [Анохин, 1986. № 348] (рис. 11. 16). Выпуск датируется: 50–54 гг. н. э. Период нахождения в обращении с 50–54 гг. н. э. по вторую четверть II в.

Погребение можно датировать второй половиной I – первой половиной II вв. н. э.

Погребение № 26 (рис. 3, п. 26) располагалось в центральной зоне кургана 1. Длинной осью яма ориентирована: северо-восток – юго-запад.

На плитах перекрытия расчищены кости двух индивидов: женщины 15 лет и ребенка. В самой могильной яме мужчина 45–55 лет был размещен в вытянутом положении, на спине, головой на северо-восток. На дне зафиксированы углубления от истлевшего деревянного саркофага.

Погребальный инвентарь находился в районе тазовых костей мужчины, а также у стоп и представлен: однорожковым краснолаковым светильником закрытого типа на плоском дне (рис. 3, п. 26, 1), одноручным красноглиняным, ангобированным кувшином (рис. 3, п. 26, 2), фрагментом железного ножа (рис. 3, п. 26, 3) над бараньей костью, бронзовой пряжкой (рис. 3, п. 26, 5) с подвижным язычком у бедра вместе с оселком (рис. 3, п. 26, 6). Рядом найден бальзамарий голубого стекла с шаровидным туловом (рис. 3, п. 26, 7). Детали украшения погребального венка или нашивки на погребальную одежду в виде трилистников с выделенными продольными заломами и отверстиями для нашивания, изготовленных из фольги желтого металла (18 фрагментов) обнаружены в районе черепа, ключиц, плечевых костей обеих верхних конечностей, позвоночника и тазовых костей (рис. 3, п. 26, 8). Монета найдена между костями кисти правой руки (рис. 3, п. 26, 4). Это ассарий Митридата VIII, [Анохин, 1986. № 330] (рис. 11. 17) датирующийся 39–42 гг. н. э. Период нахождения в обращении – вторая половина I в. н. э.

В целом, погребение следует датировать второй половиной I – первой половиной II вв. н. э.

Погребение № 43 (рис. 3, п. 43) было совершено в юго-восточном секторе кургана 1. Могильная яма ориентирована длинной осью: север-юг и была выкопана в слое

¹ Антропологические определения выполнены М. В. Добровольской

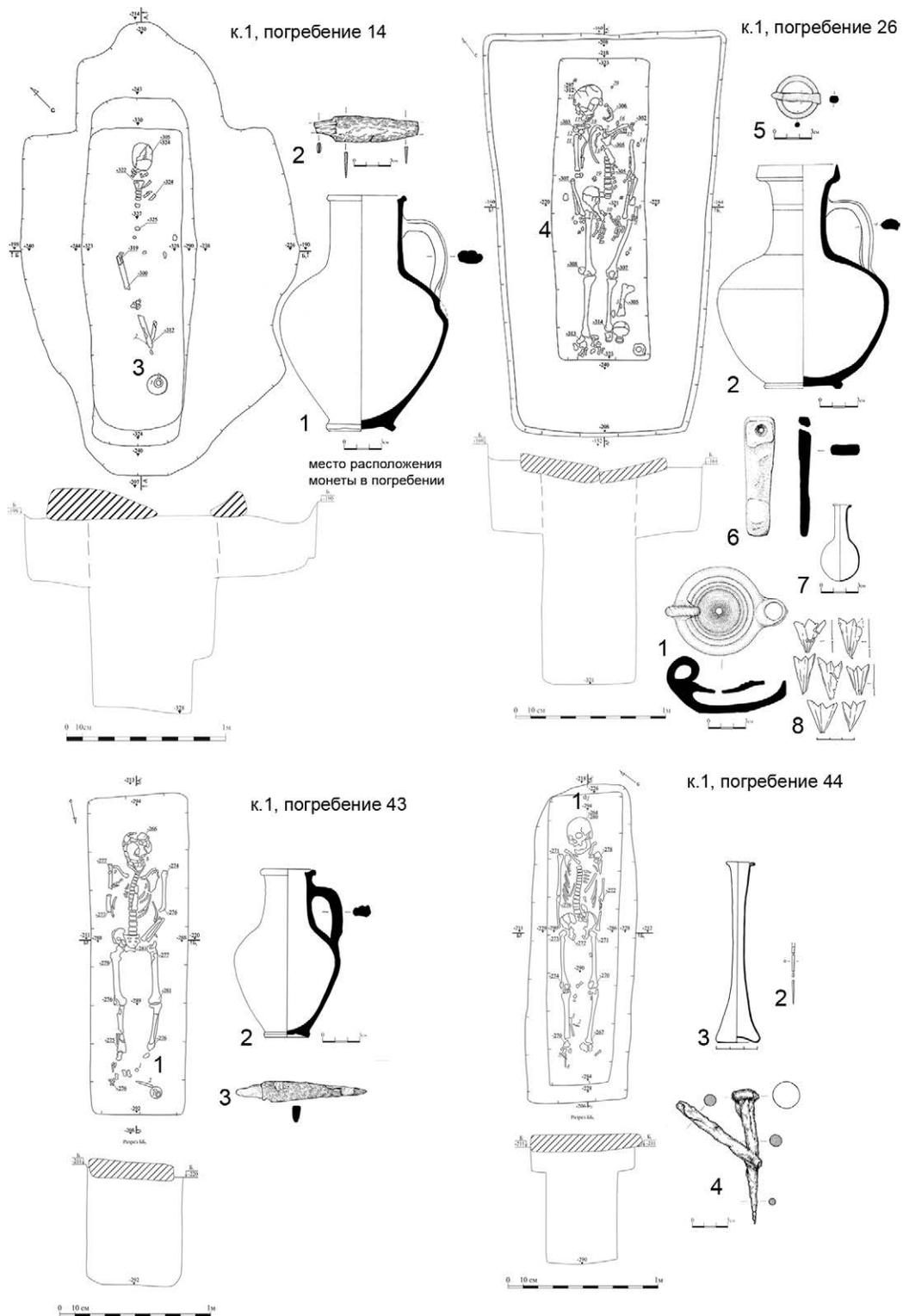

Рис. 3. Планы и инвентарь погребений: курган 1, погребение 14, 26, 43, 44

слоистого плотного мергеля и ниже – в пласте желтого известняка. На дне было зачищено углубление для инвентаря. Мужчина старше 40 лет был уложен вытянуто, на спине.

Погребальный инвентарь обнаружен в районе ступней ног: одноручный красноглиняный кувшин (рис. 3, п. 43, 2), железный нож (рис. 3, п. 43, 3) и монета между костями голени (рис. 3, п. 43, 1). Дупондий Рискупорида I, [Анохин, 1986. № 376] (рис. 11. 18) 86–92 гг. н. э. Период нахождения в обращении: по третью четверть II в. н. э.

Погребение можно датировать второй половиной II в. н. э.

Погребение № 44 (рис. 3, п. 44) совершено в восточном секторе кургана 1. Яма ориентирована в направлении: запад-восток. Мужчина старше 50 лет был уложен в вытянутом положении, на спине, головой на восток с небольшим отклонением к северу. Погребальный инвентарь представлен бронзовой иглой в районе ступней ног (рис. 3, п. 44, 2), бальзамарием стеклянным голубого стекла с коническим туловом (рис. 3, п. 44, 3), двумя гвоздями с фрагментами деревянных досок от гроба. Монета была обнаружена к востоку от черепа (рис. 3, п. 44, 1). Это сестерций Савромата I [Анохин, 1986. № 460] (рис. 11. 19) 117–123 гг. н. э. Период нахождения в обращении с 117–123 гг. н. э. по третью четверть II в. н. э.

Погребение можно датировать второй половиной II в. н. э.

Погребение № 53 (рис. 4, п. 53). Могильная яма ориентирована в направлении: северо-восток – юго-запад и располагалась в центральной части насыпи, рядом с погребением № 26. Скелет, кроме молочных зубов ребенка возрастом около 1,5–2 лет в северо-восточной части могилы, не сохранился. Погребальный инвентарь представлен: свинцовым стержнем (рис. 4, п. 44, 1), краснолаковой ойнохойей (рис. 4, п. 44, 2), стеклянной голубой бусиной (рис. 4, п. 44, 3) и монетой со сквозным отверстием (рис. 4, п. 44, 4). Монета предположительно определена как римский асс I в. н. э. (рис. 11. 20). Датировка погребения: первая половина II в. н. э.

Погребение № 99 (рис. 4, п. 99) совершено в юго-восточном секторе с краю. Могильная яма была вырыта в предматериковом суглинке и мергеле и ориентирована: северо-восток – юго-запад. Мужчина около 20 лет был уложен вытянуто, на спине, головой на северо-восток.

Погребальный инвентарь представлен красноглиняным кувшином у ног (рис. 4, п. 99, 1), под которым найден железный гвоздь (рис. 4, п. 99, 2); еще один гвоздь – над ногами (рис. 3, п. 99, 3). Над ступнями ног найден железный нож (рис. 4, п. 99, 4), железная пряжка (рис. 4, п. 99, 6) и монета (рис. 4, п. 99, 5) под костями ступни правой ноги. Монета определена как ассарий Котиса I [Анохин, 1986. № 344] (рис. 11. 21). 48–49 гг. н. э. Период нахождения в обращении: по первую четверть II в. н. э.

Датировка – первая половина (первая четверть) II в. н. э.

Погребение № 104 (рис. 4, п. 104) раскопано в юго-восточном секторе насыпи кургана. Мужчина, 35–45 лет был захоронен в вытянутом положении, на спине, головой на восток; скелет женщины до 30 лет был расчищен под костями скелета мужчины. Она была уложена в вытянутом положении, на спине, головой на северо-восток. Лицевая часть первого и второго погребенных развернута в разные стороны. Возможно, индивид № 1 (мужчина) был уложен в могилу в результате повторного её вскрытия поверх деревянного гроба индивида № 2 (женщина).

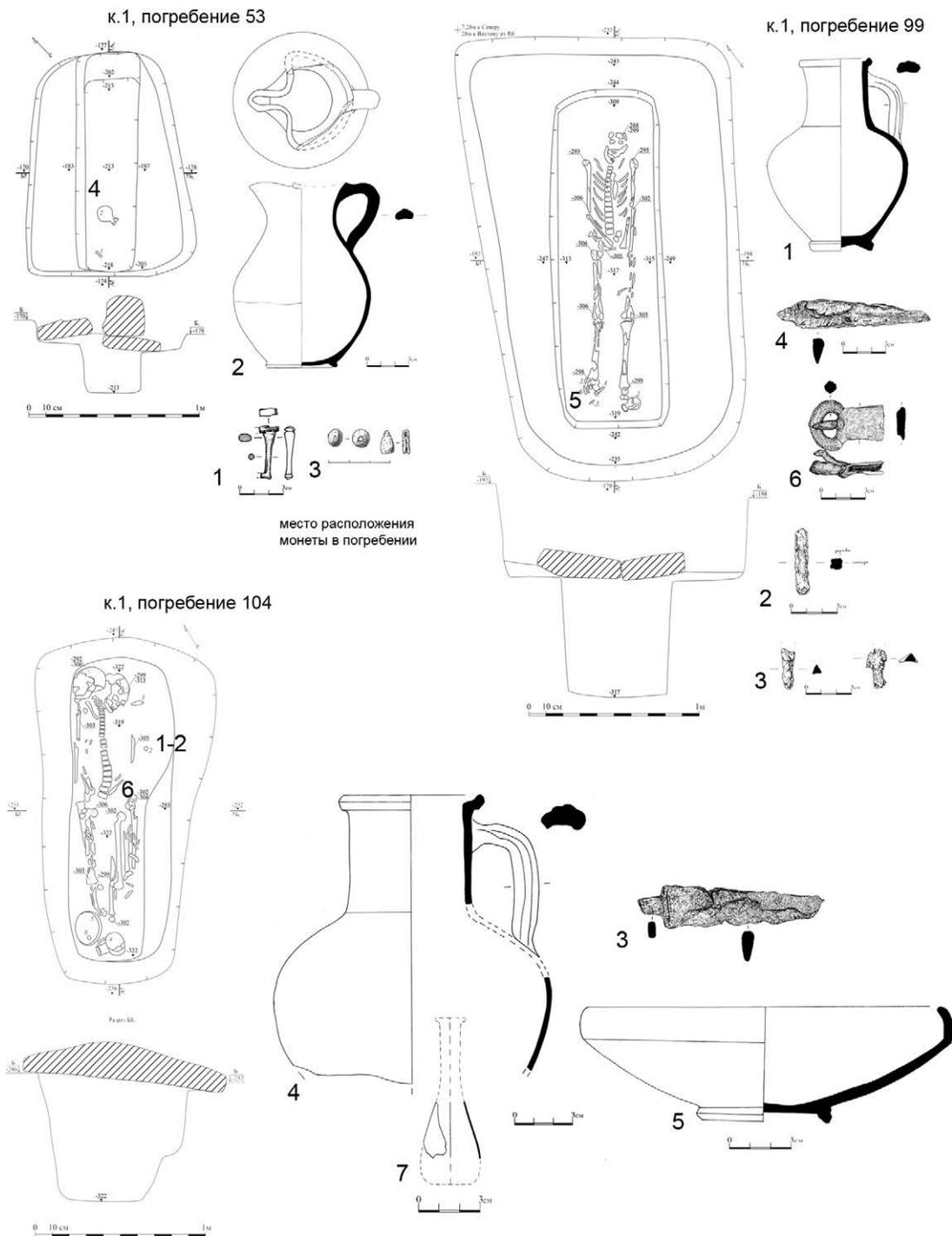

Рис. 4. Планы и инвентарь погребений: курган 1, погребение 53, 99, 104

Погребальный инвентарь обнаружен у западного борта могильной ямы в районе нижней части ног. Это: красноглиняный кувшин (рис. 4, п. 104, 4), краснолаковая миска (рис. 4, п. 104, 5). Прочий погребальный инвентарь – в восточной части могилы. Это две монеты (1, 2) (рис. 4, п. 104, 1–2) и железный нож рядом с мужчиной (рис. 4, п. 104, 3). Еще одна монета (3) находилась у тазовых костей мужчины (рис. 4, п. 104, 6).

Монеты определены как: 1 – дупондий Рискупорида I [Анохин, 1986. № 386]; 2 – дупондий Рискупорида I [Анохин, 1986. № 374]; 3 – ассарий Аспурга [Анохин, 1986. № 320] (рис. 11. 23, 24, 25). Выпуск датируется: 1 и 2: 80–85 гг. н. э.; 3–37–38 гг. н. э. Период нахождения в обращении (по верхней дате) с 86–92 гг. н. э. по вторую четверть II в. н. э. Суммарно, погребение можно датировать первой половиной (возможно, второй четвертью) II в. н. э.

Погребение № 105 (рис. 5, п. 105) было совершено в могиле, выкопанной в гумусированном грунте, предматериковом светло-коричневом суглинке и в слоистом мергеле в южной половине кургана 1. Яма ориентирована по оси: северо-восток – юго-запад. В погребении найдены фрагментированные кости двух индивидов, уложенных друг на друга. Мужчина, 40–49 лет зачищен в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток, ноги перекрещены. Скелет другого мужчины 30–49 лет располагался под вышеописанным погребенным.

Инвентарь состоял из стеклянных бальзамариев (флаконов) (рис. 5, п. 105, 6, 8–11) и краснолакового кувшина (рис. 5, п. 105, 7) и был обнаружен у юго-западного борта могильной ямы в районе нижней части ног. Рядом с черепом индивида 2 найдены бусины (рис. 5, п. 105, 1), копоушка (рис. 5, п. 105, 2) и игла (рис. 5, п. 105, 3). В срединной части найдена костяная рукоять ножа (рис. 5, п. 105, 5). Бальзамарий стоял у ног первого индивида, краснолаковый кувшин и еще четыре бальзамария – у руки второго. Монета (рис. 5, п. 105, 4) найдена в срединной части погребения.

Это ассарий Котиса I [Анохин, 1986. № 350] (рис. 11. 26) 54–56 гг. н. э. Период нахождения в обращении с 54–56 гг. н. э. по вторую четверть II в.

В целом, погребение можно датировать первой половиной (второй четвертью) II в. н. э.

В основном, в вышеописанных погребениях кургана 1 представлен типичный для могильников I–II вв. н. э. погребальный обряд и инвентарь одиночных мужских захоронений. В погребении № 26 покойный был украшен золотыми нашивками из фольги, что, как и расположение в центре насыпи, выделяло его более высокий статус.

Погребения с монетами в насыпи кургана 2.

На этом участке могильника погребения с монетами расположены в разных секторах южной половины кургана. Все они впущены в узкие грунтовые ямы с заплечиками и перекрыты плитами.

Погребение № 5 (рис. 5, п. 5) было совершено в восточном секторе южной половины и ориентировано по линии ВСВ-ЗЮЗ. В заполнении могильной ямы найдены фрагменты краснолаковой миски, красноглиняного кувшина, крышки (?) лепного сосуда. Погребенный (ребенок 10 лет) был уложен на спине, вытянуто, головой на восток-северо-восток. В верхней части его найдены бронзовые фибула с широкой спинкой и завитком

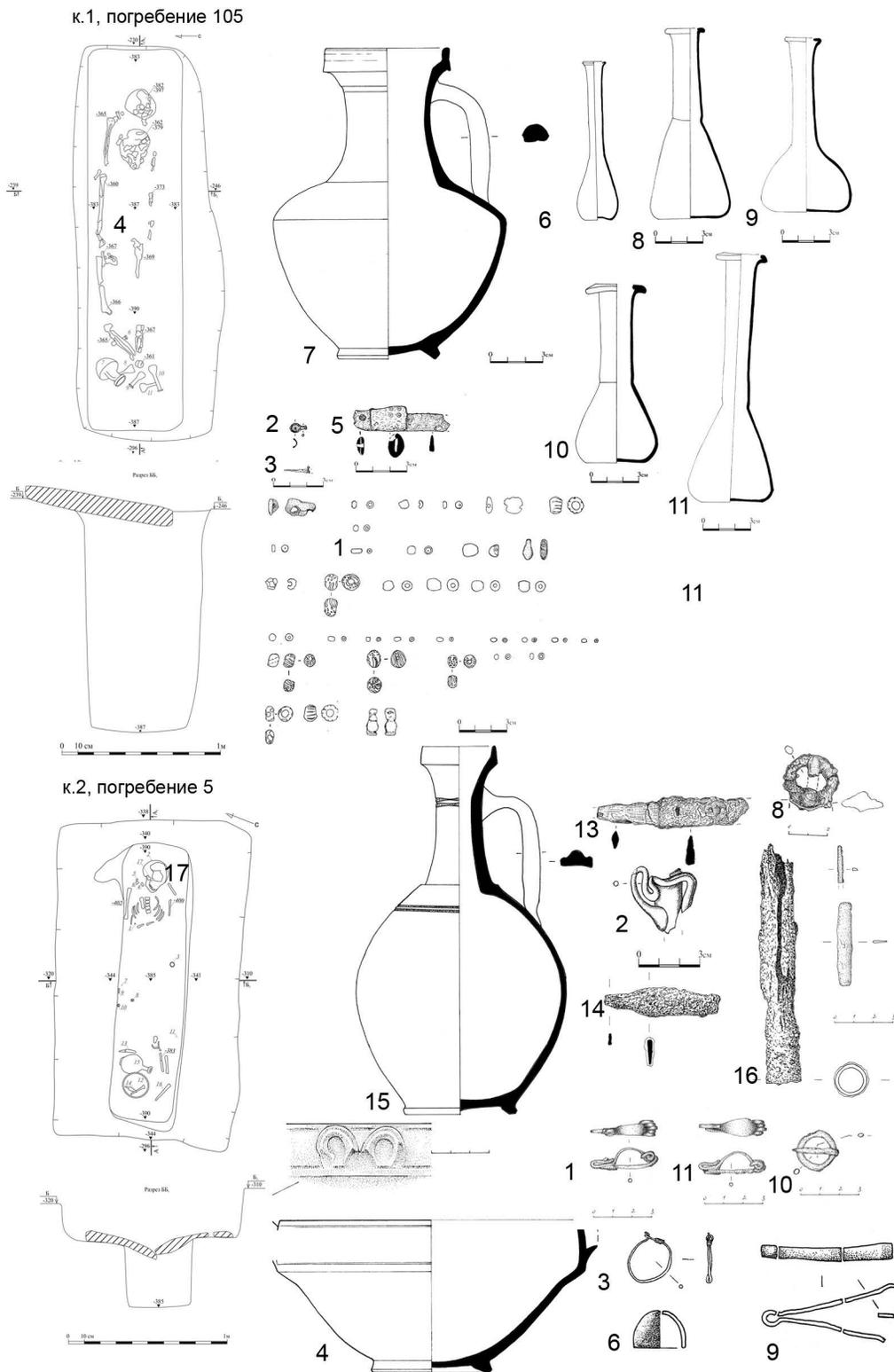

Рис. 5. Планы и инвентарь погребений: курган 1, погребение 105, курган 2, погребение 5

на приемнике (рис. 5, п. 5, 1), наперсток (рис. 5, п. 5, 6), две пронизи из египетского фаянса (рис. 5, п. 5), золотая проволочная серьга (рис. 5, п. 5, 3) и украшение из стенки оплавленного сосуда (рис. 5, п. 5, 2). У ног – железная и бронзовая пряжки (рис. 5, п. 5, 8, 10), краснолаковый кувшин на кольцевом поддоне с узким профилированным горлом и профилированной ручкой (рис. 5, п. 5, 15), краснолаковая чаша с вертикальным бортиком (Понтийская сигиллата. Форма 28 по Дж. Хейсу, 1972, I в. н. э.) (рис. 5, п. 5, 4), два фрагмента железных ножей (рис. 5, п. 5, 13–14), наконечник железного дротика (рис. 5, п. 5, 16), бронзовая фибула (рис. 5, п. 5, 11), фрагментированный пинцет (рис. 5, п. 5, 9). Монета с отверстием найдена под черепом (рис. 5, п. 5, 17). Это ассарий Митридата VIII [Анохин, 1986. № 330] (рис. 10, 1). Выпуск датируется 39–45 гг. н. э. Период нахождения в обращении с 39–45 гг. н. э. по третью четверть I в. н. э.

Датировка – третья четверть – конец I в. н. э.

Погребение № 12 (рис. 6, п. 12) было совершено в грунтовой яме, ориентированную по линии: запад-восток в самом западном краю данного некрополя. На дне могильной ямы были найдены фрагменты досок деревянного гроба. Мужчина (?) 40–49 лет был уложен вытянуто, на спину, головой на СВ, лицо повернуто к ЮЗ стене могилы, ноги скрещены. Погребальный инвентарь представлен: фрагментом бронзового замка от шкатулки (рис. 6, п. 12, 2) у головы, железным ножом (рис. 6, п. 12, 3) и оселком (рис. 6, п. 12, 4), железной пряжкой (рис. 6, п. 12, 9). В ногах – красноглиняный, ангобированный кувшин на кольцевом поддоне (рис. 6, п. 12, 6), краснолаковая орнаментированная кружка (орнамент в виде ряда вертикальных наклонных насечек на тулове выше уровня максимального расширения) (рис. 6, п. 12, 7), стеклянный бальзамарий (рис. 6, п. 12, 5) и фрагменты гроба. Монета найдена к северо-востоку от черепа (рис. 6, п. 12, 1). Это сестерций Савромата I [Анохин, 1986. № 466] (рис. 10, 2). Выпуск датируется 117–123 гг. н. э. Период нахождения в обращении с 117–123 гг. н. э. по третью четверть II в. н. э.

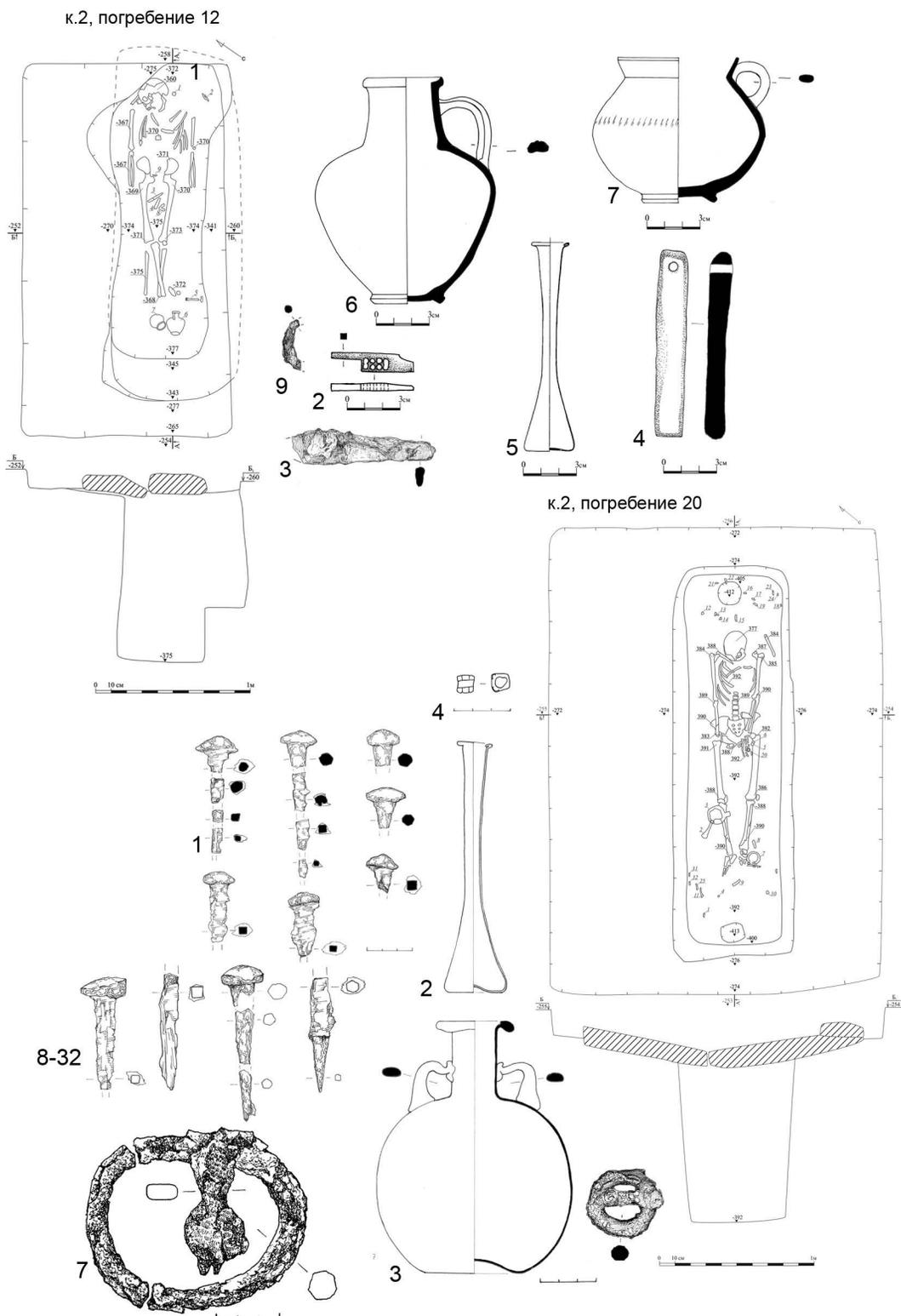
Датировка – вторая половина II в. н. э.

Погребение № 20 (рис. 6, п. 20) было раскопано в юго-западной части южной половины кургана к югу от погребения 12. Погребенный (мужчина 40–49 лет) был уложен в деревянный гроб, от которого сохранились железные гвозди (рис. 6, п. 20, 8–32) и ручка (рис. 6, п. 20, 7). Тело уложено вытянуто, на спине, головой на СВ. Кисти рук – на тазовых костях. В районе колен находились стеклянный кувшин (рис. 6, п. 20, 3) и бальзамарий (рис. 6, п. 20, 2), в районе таза – железная пряжка (рис. 6, п. 20), у ног – бронзовые пластины и орнаментированная бронзовая пронизь (рис. 6, п. 20, 4). Две монеты были найдены у тазовых костей, под кистью левой руки (рис. 6, п. 20, 1).

Монеты: 1 – ассарий Котиса I [Анохин, 1986. № 350]; 2 – ассарий Аспурга [Анохин, 1986. № 320] (рис. 10, 3, 4). Выпуск датируется: 1 – 54–56 гг. н. э.; 2 – 37–38 гг. н. э. Период обращения с 54–56 гг. н. э. по первую четверть II в. н. э.

Датировка погребения: вторая половина I – первая половина (возможно, первая четверть) II в. н. э.

Погребение № 51 (рис. 7, п. 51), обнаруженное в центральной части южной половины кургана 2. Могильная яма ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. Северо-западная и юго-западная стенки могильной ямы были сильно обожжены; толщина прокала составляет 3–5 см. Могильная яма сужается к дну. Кости погребенного

не обнаружены (кенотаф?). Инвентарь представлен краснолаковым кувшином на кольцевом поддоне (рис. 7, п. 51, 1). Кувшин был сильно обожжен, рядом с ним лежал оплавленный стеклянный предмет. Здесь же находился перевернутый двуручный кубок с высоким бортиком на кольцевом поддоне; борт профилирован, ручки горизонтальные, уплощенные (суммарная дата I в. н. э.) (рис. 7, п. 51, 2). В заполнении могильной ямы найдена медная монета (рис. 7, п. 51, 3). Она определена как 7 унций Динамии [Анохин, 1986. № 272] (рис. 10. 5) и датируется первым десятилетием I в. н. э. Период обращения: с первого десятилетия I в. н. э. по конец 2 четверти I в. н. э.

Датировать погребение можно первой половиной (первой четвертью) II в. н. э.

Погребение № 56 (рис. 7, п. 56) совершено в восточном секторе курганный насыпи. Могильная яма ориентирована по линии СЗ-ЮВ. В её засыпи были найдены: фрагмент железного ножа и фрагмент бронзовой серьги. Погребенный (мужчина 30–39 лет) был уложен в деревянный саркофаг вытянуто, на спине, головой на юго-восток, ноги перекрещены в районе щиколоток. Деревянный саркофаг размерами 2×0,6 м на ножках с многочисленными гипсовыми налепными украшениями был прослежен по расположению остатков дерева и элементов декора. Среди гипсовых декоративных наделов выделяются композиции из раскрашенных голубой и розовой красками деталей: «пешки», розетки, дельфины, женские протомы (рис. 7, п. 56, 1–4). Погребальный инвентарь представлен костяной пиксидой с крышкой (рис. 7, п. 56, 5–6) в изголовье с фрагментом ручки сероглиняного канфара (рис. 7, п. 56, 7). В районе груди найдены фрагменты бронзовой фибулы (лучковая, спинка профилирована, приемник узкий, загнут вовнутрь, фрагментированная, I в. н. э.) (рис. 7, п. 56, 8). В ногах лежала кость животного, стеклянный бальзамарий (середина I – середина II вв. н.э.)² (рис. 7, п. 56, 10), фрагменты стеклянного кувшина (рис. 7, п. 56, 11). Монета найдена у голени левой ноги (рис. 7, п. 56, 9). Это обол, 8 унций Агриппии (Фанагория), Митридатиды [Анохин, 1986. № 323] (рис. 10. 6) 14–37 гг. н. э. Период нахождения в обращении с 14–37 гг. н. э. по вторую четверть II в. н. э.

Датировка – вторая половина I – первая половина (первая четверть) II вв. н. э.

Погребение № 57 (рис. 7, п. 57) расположено у западного края исследованного участка могильника. Яма ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Погребение было ограблено в древности: перекрытие нарушено, в заполнении находились отдельные небольшие камни и кости человеческих скелетов, которые принадлежали двум индивидуумам: мужчине 45–54 лет, женщине 15–19 лет. Монета найдена в заполнении могильной ямы (рис. 7, п. 57, 1) и определена как ассарий Аспурга [Анохин, 1986. № 320] (рис. 10. 7). Выпуск датируется 37–38 гг. н. э. Период обращения: с 37–38 гг. н. э. по первую четверть II в. н. э.

Погребение можно датировать второй четвертью I – первой четвертью II вв. н. э.

Погребение № 64 (рис. 7, п. 77) было совершено в могильной яме, ориентированной по линии СВ-ЮЗ. Мужчина 40–49 лет был уложен головой на северо-восток, вытянуто на спине, кисти рук – на тазовых костях. Между двумя левыми ребрами была найдена бронзовая монета, определенная как дупондий Рискупорида I [Анохин, 1986. № 386]

² Определения О. С. Румянцевой

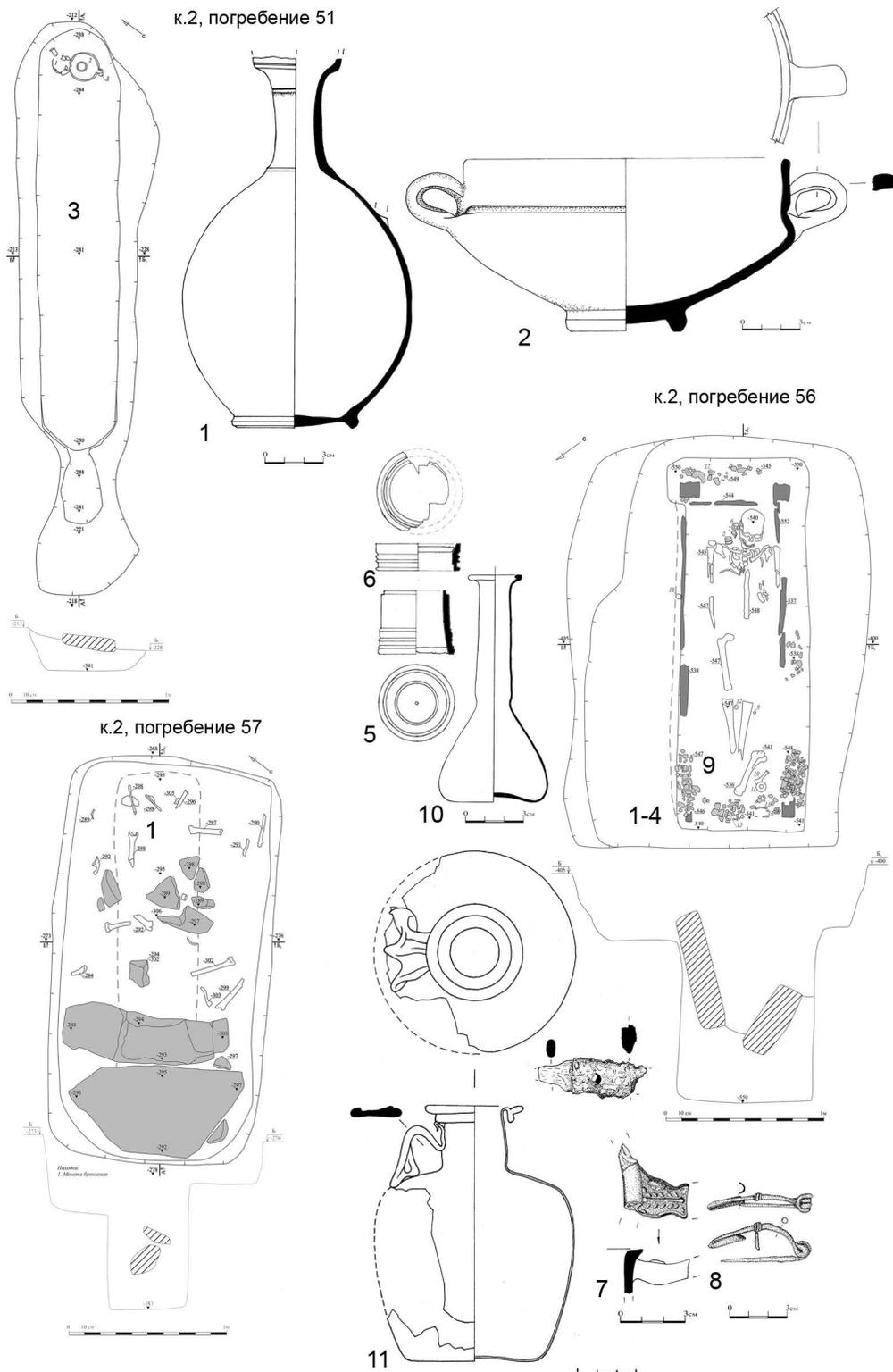

Рис. 7. Планы и инвентарь погребений: курган 2, погребение 51,56, 57

(рис. 10. 8). Выпуск датируется 86–92 гг. н. э. Период обращения: с 86–92 гг. н. э. по первую четверть II в. н. э.

Погребение можно датировать последней четвертью I – первой четвертью II вв. н. э.

Погребение № 77 (рис. 8, п. 77) раскопано в восточном секторе курганной насыпи. Плиты перекрытия отсутствовали (было деревянным?). Могильная яма ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Мужчина старше 50 лет был уложен на спине, вытянуто, головой на юго-восток, ноги скрещены в районе голеней. Погребальный инвентарь представлен железным ножом с остатками бронзовой детали обкладки рукояти (рис. 8, п. 77, 1) находившемся у руки. В ногах расчищен развал краснолакового кувшина с биконическим туловом (рис. 8, п. 77, 4). На уровне нижней части грудной клетки найдена железная пряжка (рис. 8, п. 77, 4), у тазовых костей – пастовая бусина (рис. 8, п. 77, 3), справа от туловища в районе тазовых костей лежал оселок (рис. 8, п. 77, 6). Монета найдена под правым тазобедренным суставом (рис. 8, п. 77, 5). Она определена как сестерций Савромата I (?) (рис. 10. 9) и датируется первой четвертью II в. н. э. Период нахождения в обращении: с первой половины по третью четверть II в. н. э.

Погребение можно датировать первой – третьей четвертью II вв. н. э.

Погребение № 120 (рис. 8, п. 120) найдено на западном краю могильника. Яма ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Мужчина 35–45 лет был уложен вытянуто на спине, головой на северо-восток, руки скрещены на тазовых костях. Инвентарь представлен: краснолаковым кувшином в ногах (рис. 8, п. 120, 1); у северо-западной стенки могильной ямы – железный нож (рис. 8, п. 120, 2), у правой локтевой кости – бронзовая пряжка (рис. 8, п. 120, 3). В заполнении найдены фрагменты железного наконечника стрелы. У северо-западной стенки могильной ямы, у правого тазобедренного сустава – медная монета (рис. 8, п. 120, 5): гемиобол (4 унции) Динамии [Анохин, 1986. № 272] (рис. 10. 10) 11–5 гг. до н. э. Период обращения: с 11–5 гг. до н. э. по вторую четверть I в. н. э.

Погребение можно датировать второй четвертью – второй половиной I в. н. э. (?).

Погребение № 125 (рис. 8, п. 125) находилось на западном краю курганной насыпи. Погребения 118 и 125 расположены рядом и оба ориентированы: ВСВ-ЗЮЗ. Их каменные заклады, вплотную примыкающие друг к другу и залегающие на одном уровне, находятся в одной прямоугольной яме, ориентированной ЗСЗ-ВЮВ.

Погребение № 125 парное (индивид 1 и индивид 2). Захоронения разделены тонкой прослойкой грунта (индивид 1 залегал поверх индивида 2).

На дне могильной ямы расчищен скелет индивида 2 (ребенок около 10 лет), который был уложен вытянуто на спине, головой на северо-восток, ноги скрещены. Череп перемещен к северному углу ямы. Другой погребенный (мужчина 35–45 лет) был уложен вытянуто на спине, головой на северо-восток. Погребальный инвентарь представлен фрагментом бронзовой фибулы (рис. 8, п. 125, 2), железной накладки (рис. 8, п. 125, 3), бронзовой пряжки (рис. 8, п. 125, 4), железного ножа (рис. 8, п. 125, 5). На дне могильной ямы около черепа основного захоронения (индивид 2) найдена медная монета, которая ввиду своей плохой сохранности не поддается определению (рис. 8, п. 125, 1; рис. 10. 11).

Датировка – вторая половина I (?) – II вв. н. э.

Погребение № 126 (рис. 9, п. 126) ориентировано по линии: ВСВ-ЗЮЗ. Мужчина 40–49 лет был уложен вытянуто на спине, кисти рук на тазовых костях. В ногах лежал

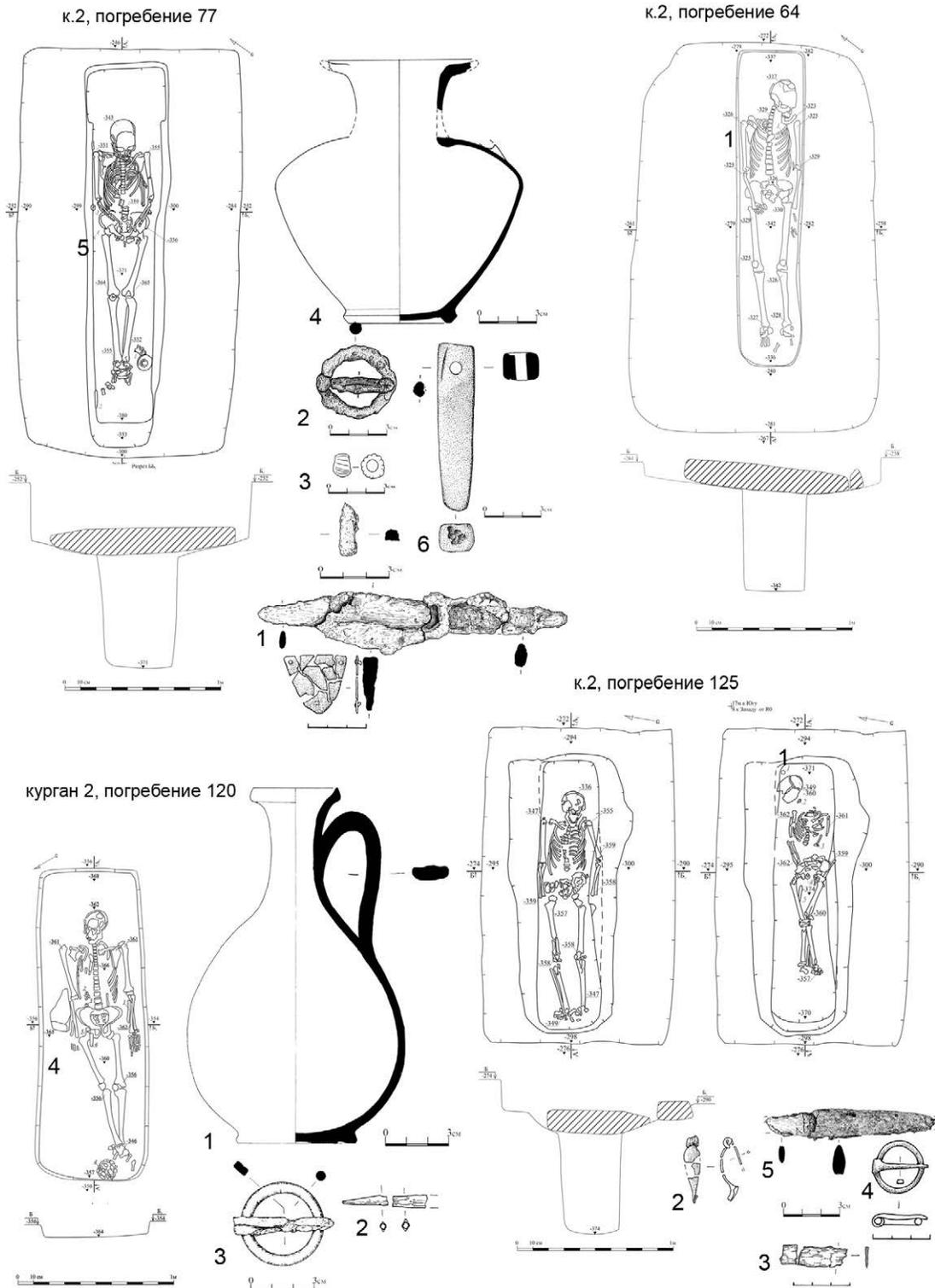

Рис. 8. Планы и инвентарь погребений: курган 2, погребение 64, 77, 120, 125

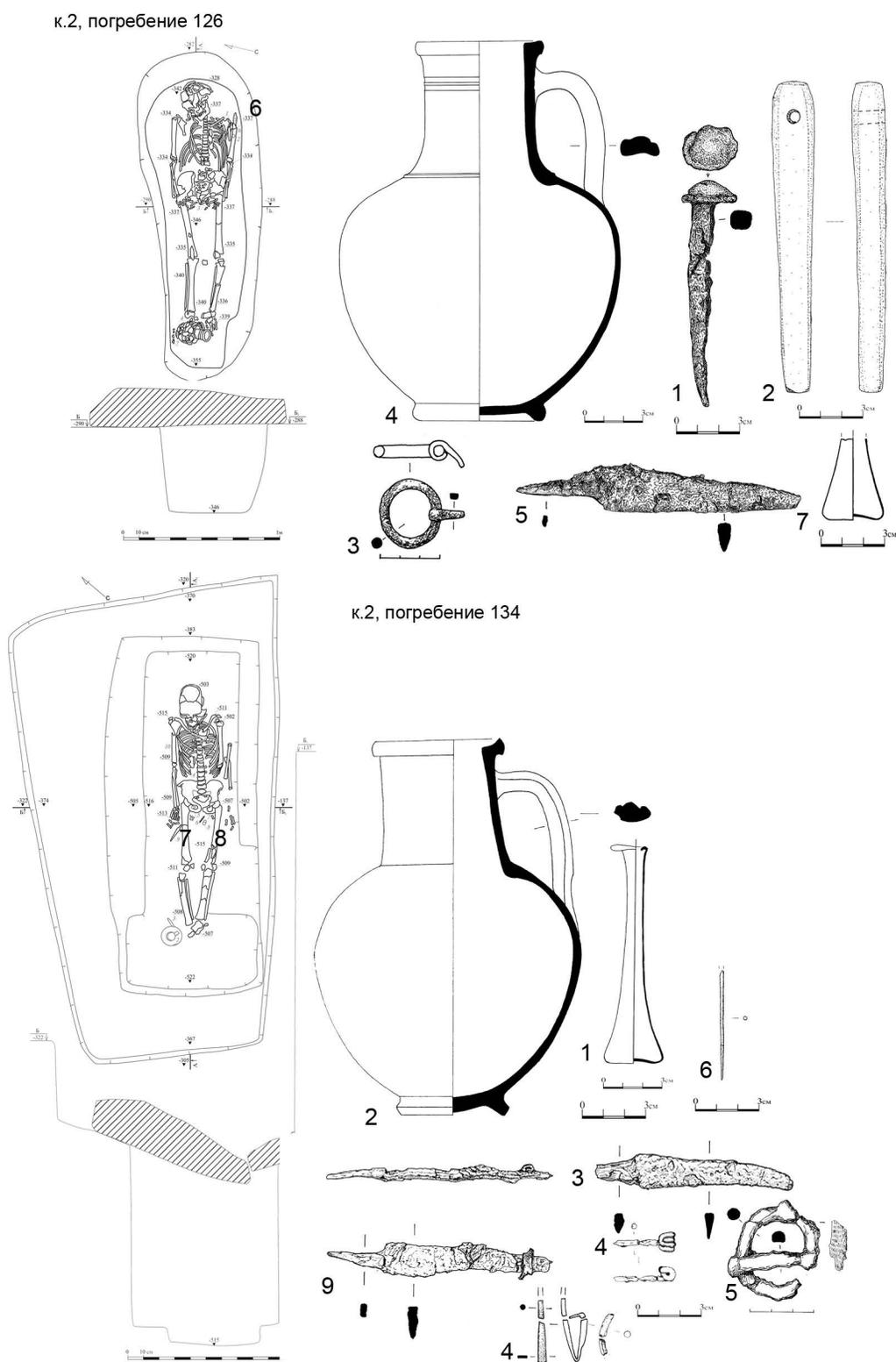

Рис. 9. Планы и инвентарь погребений: курган 2, погребение 126, 134

Курган 2.

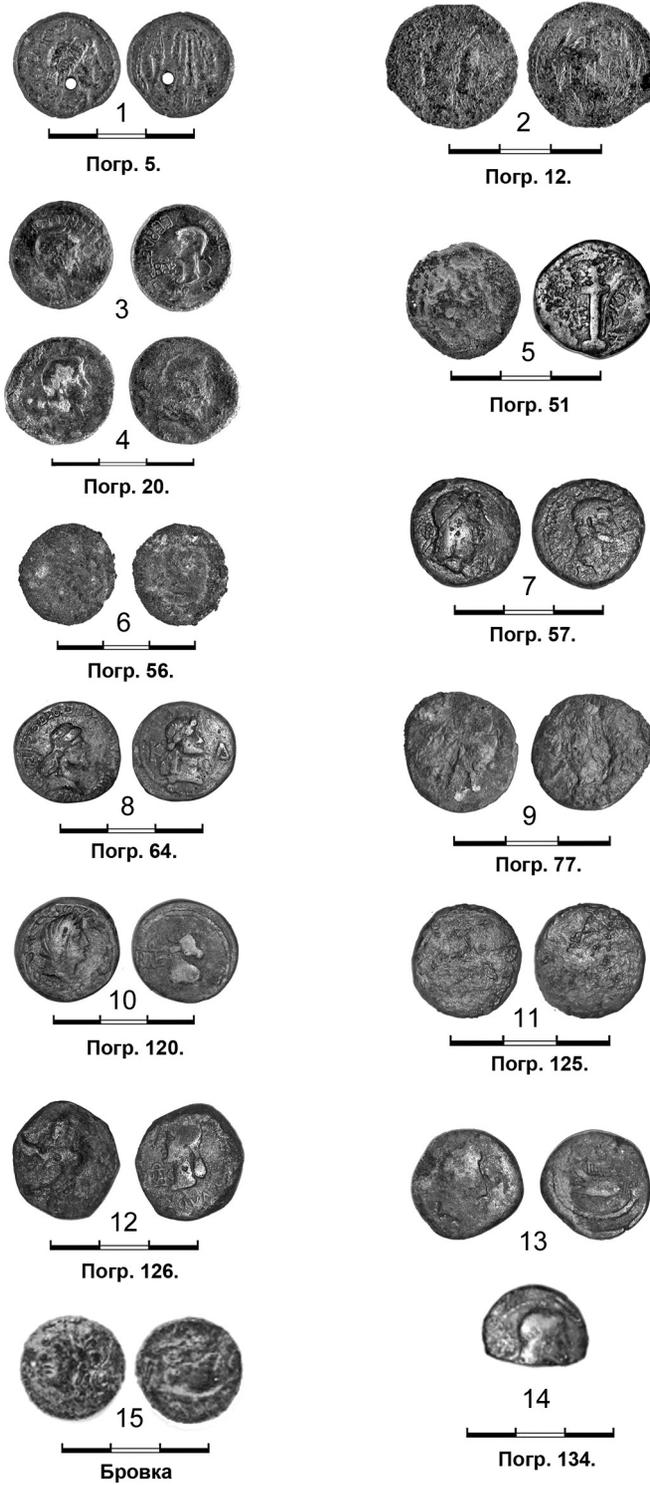

Рис. 10. Монеты из погребений кургана 2

раздавленный красноглиняный кувшин (рис. 9, п. 126, 4), стеклянный фрагментированный бальзамарий (рис. 9, п. 126, 7), железный нож (рис. 9, п. 126, 5). У левого плеча найден железный гвоздь (рис. 9, п. 126, 1). Пряжка находилась у правого бедра (рис. 9, п. 126, 3). У левого плеча найдена медная монета (рис. 9, п. 126, 6): ассарий Котиса I [Анохин, 1986. № 348] (рис. 10. 12). Выпуск датируется 50–54 гг. н. э. Период обращения: с 50–54 гг. н. э. по первую четверть II в. н. э.

Датировка – вторая половина I (?) – первая половина II вв. н. э.

Погребение № 134 (рис. 9, п. 134). Часть плит перекрытия уходят под дорогу. Яма ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Мужчина 35–45 лет был уложен вытянуто на спине, головой на северо-восток, ноги вытянуты и смыкаются у стоп. В ногах найден красноглиняный кувшин (рис. 9, п. 134, 2) и железный нож (рис. 9, п. 134, 3). Еще один нож лежал рядом с правым бедром (рис. 9, п. 134, 9). В правой части грудной клетки зафиксированы фрагменты двух парных бронзовых фибул I в. н. э. (рис. 9, п. 134, 4), а на груди – стеклянный бальзамарий (рис. 9, п. 134, 1). Между тазобедренными суставами найдены фрагменты железной пряжки (рис. 9, п. 134, 5) и бронзовая игла (рис. 9, п. 134, 6). Здесь же найдены две медные монеты (рис. 9, п. 134, 8). 1 – обол (8 унций) Агриппии (Фанагория), [Анохин, 1986. № 323] (рис. 10. 13); 2 – ассарий Аспурга [Анохин, 1986. № 320] (рис. 10. 14). Выпуск датируется: 1–14–37 гг. н. э.; 2–37–38 гг. н. э. Период обращения: с первой половины I в. н. э. по первую четверть II в. н. э.

Датировка – вторая половина I – первая половина II вв. н. э.

Все вышеописанные погребения, за исключением ямы со следами термического воздействия без скелета, принадлежали мужским или парным захоронениям. Как и на участке некрополя в насыпи кургана 1, монеты сопровождали в основном пожилых индивидов.

В погребениях I–II вв. н. э. монеты были обнаружены на следующих восточно-крымских сельских некрополях: Новоотрадное [Арсеньева, 1970, с. 82–148], у села Золотое [Корпусова, 1983], у деревни Семеновка [Кругликова, 1969, с. 98–119], а также в городища Артезиан [Винокуров, 2014].

На некрополе у села Золотое первыми двумя веками нашей эры были датированы более 50 могил. В 6-ти – обнаружены боспорские монеты I – начала II вв. н. э. Среди них монета Аспурга (37–38 гг. н. э./мог. № 45), Митридата VIII (39/40–44/45 гг. н. э./мог. № 25, № 149), две бронзовые монеты Динамии (?) и Савромата I (?) (I–II вв. н. э. мог. № 170). В качестве монисты была использована еще одна бронзовая «стертая» монета, датированная I в. н. э. (мог. № 168) и одна монета, предположительно, датированная эллинистическим временем (мог. № 103) [Корпусова, 1983, с. 54–55]. Это порядка 9–10% от общего числа могил.

Подобная же ситуация наблюдается и в опубликованных Т. М. Арсеневой материалах раскопок некрополя у села Новоотрадное. Здесь в 45 могилах обнаружено 7 монет, из которых исследовательница описала только две – монета Котиса I (45–62 гг. н. э., мог. № 1) и Савромата II (?) (могила № 36, конец второй половины II в. н. э.). Остальные монеты были просверлены и использовались в качестве монист. (мог. № 9 – монета Херсонеса IV в. до н. э. и мог. № 28 – монета Херсонеса начала I в. до н. э.). Еще две – остались неопределенными ввиду плохой сохранности (мог. № 44 и мог. № 45) [Арсеньева, 1970, с. 144]. В процентном соотношении – это 9% от общего числа могил.

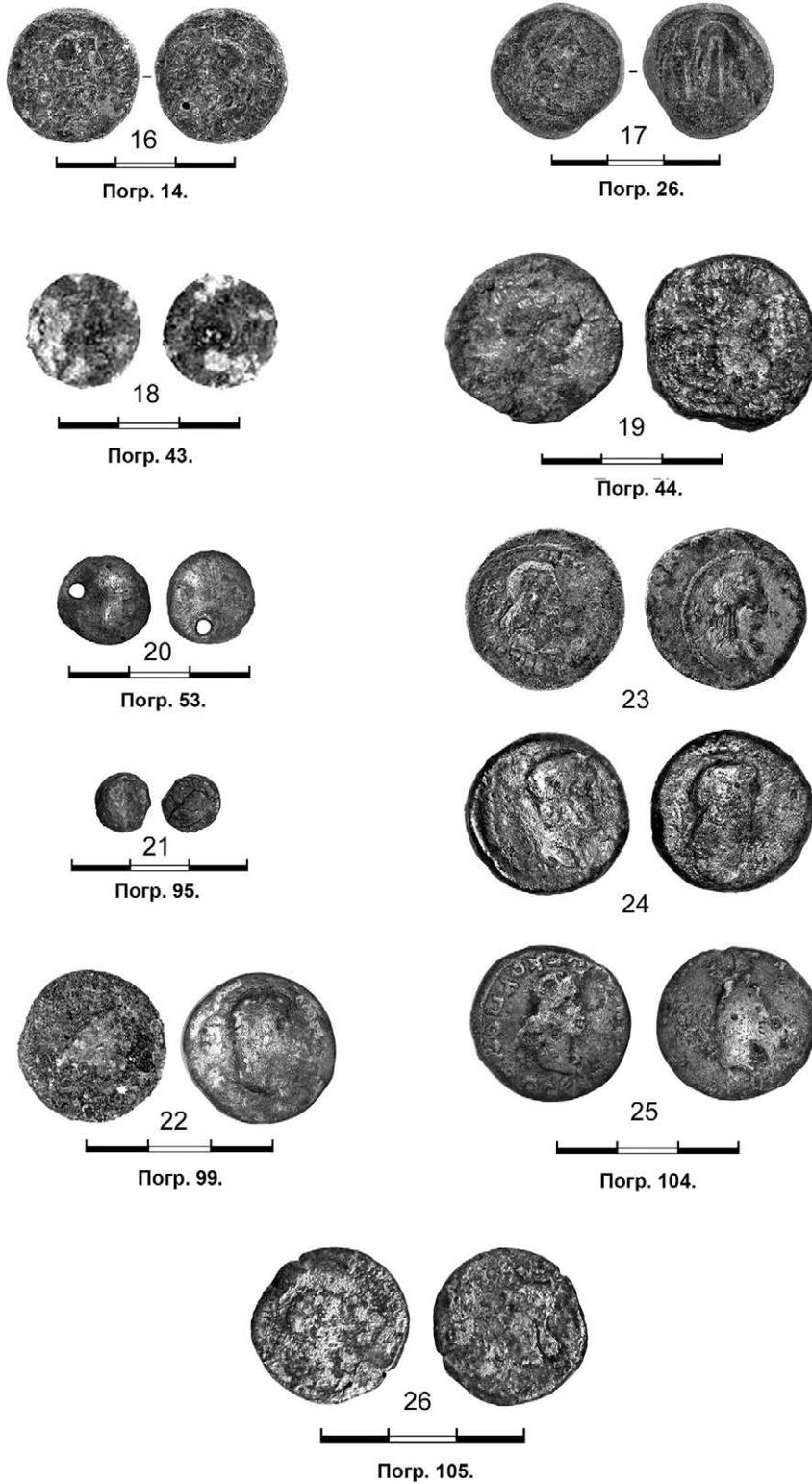

Рис. 11. Монеты из погребений кургана 1

А. А. Масленниковым были опубликованы результаты многолетних раскопок грунтовых некрополей поселений Караларского побережья Восточного Крыма [Масленников, 1995; Масленников, 1997; Масленников, 2000, с. 137–200] («Сиреневая бухта», «Сююрташ», «Салачик», «Зеленый мыс»). В целом, было раскопано более двухсот могил, хронологический диапазон которых охватывал период с I в. до н.э. по VI в. н.э. Для нас, наибольший интерес представляют результаты исследований некрополей «Сиреневая бухта» и «Сююрташ». На первом – было исследовано 169 разнотипных гробниц первых а втором – 48 могил [Масленников, 2000, с. 139]. Около 70% погребений было совершено в простых грунтовых могилах с плитовым перекрытием [Масленников, 2000, с. 158]. Несмотря на то, что большая часть «надежно» датированных погребений относилась к III–VI вв. н.э., погребения с монетами (12 могил из общего числа датированных) составляли 14,5%. Из 29 найденных монет 15 были использованы в качестве украшений или же были просверлены [Масленников, 2000, с. 154]. С учетом всех соответствовавших обстоятельств количество погребений с монетами в данных некрополях не превышало 10–15%.

Не исключение и некрополь городища Артезиан. Исследования его были начаты в 2000 г. и продолжаются по настоящее время. С 2000 по 2007 гг. здесь было раскопано 245 гробниц. Хотя значительная часть могил полностью или частично была разорена грабителями в 1990-е гг., сохранившийся археологический материал весьма показателен. Интересен и состав монет. Это монеты Аспурга 14–37 гг. (гробница 7/2000, 194/2005), монеты Котиса I (гробница 194/2005), монета Рискупорида I (80–93 гг., гробница 186/2005), Савромата I 93–123 гг., (гробница 9/2000), Риметалка 131–154 гг. (гробница 43/2001). В процентном соотношении – это 2,5% от общего числа могил, но, учитывая их плохую сохранность, возможно, этот показатель был около 10% от погребений I–II вв. н.э.

Таким образом, в погребальном обряде сельского населения Европейского Боспора с рубежа эр прослеживается стабильный, хотя и не очень высокий процент захоронений, в которых присутствовали монеты. Преимущественно они попадали туда в качестве «оболов Харона», что знаменует собой возрождение древней эллинской традиции, ранее почти угасшей на Боспоре. Можно предположить, что это как-то было связано с притоком эллинов или эллинизованных выходцев из Малой Азии в эпоху Митридата Евпатора.

Некоторые вопросы датирования комплексов с монетами.

Датирование погребального комплекса по найденным в них монетам сопряжено с определенными сложностями, даже если таковая имеет довольно точную дату выпуска. Ведь, будучи отчеканенной, перед тем, как «упокоиться» в культурном слое или погребальном комплексе, она в большинстве случаев, надо думать, находится более или менее длительный период в обращении в качестве платежного средства. Этот фактор обязательно следует учитывать, даже если это расширяет хронологический диапазон возможных датировок, что многим археологам кажется скорее недостатком, чем достоинством предлагаемого критического подхода.

Очень важен и контекст монеты в комплексе: это может быть элемент украшения (амулет, монисто), «обол Харона», а также – брошенной при засыпке могильной ямы участниками погребальной церемонии некий «дар». В двух последних случаях выбор монеты остается за людьми. Если монета была необходима в силу сложившейся

традиции, то неизбежно возникал вопрос, какую именно выбрать: мелкую или крупную, вновь отчеканенную или бывшую в употреблении. Этот выбор мог быть случайным или же «экономически обусловленным»; быть продиктован какими-то особенностями социально-политической идеологии или частной идеологической практикой.

Монеты как часть погребального обряда.

К сожалению, в большинстве случаев мы не можем объяснить мотивы выбора тех или иных монет, оказавшихся в захоронении. Наличие медных монет младших номиналов может быть продиктован в равной степени и «скупостью», и традициями погребальной практики. Но в случае с «оболом Харона», а тем более монисто – ситуация более определенная. Пример последнего – монета царя Митридата VIII с отверстием для ношения в качестве украшения-амулета, найденная в районе черепа взрослого мужчины (Курган 2, погребение № 5). Они массово выпускались около 45 г. н.э. в условиях надвигавшейся войны с Римом и были предназначены для выплат жалования боспорским солдатам. После поражения царя Митридата и замены его лояльным Риму Котисом I ношение монеты опального правителя могло быть неуместным, поскольку выглядело, как демонстрация политических симпатий (правда, скрытая от посторонних глаз). Другая монета, использованная в качестве монисто из детского погребения (Курган 1, погребение № 53) принадлежала римской имперской чеканке: на лицевой стороне которой помещено изображение римского императора, который являлся символом не только земной власти, но и небесной. Здесь тоже можно видеть своего рода декларацию – приверженность императорскому культу, то есть, демонстрацию политической благонадёжности. Впрочем, для ребёнка это было не столь важным.

Распределение монет в погребальных комплексах (Таблица 1, рис. 12)

Соответствующий анализ демонстрирует важную особенность погребального обряда: монеты помещались преимущественно в мужские захоронения. (Наличие монет в парных захоронениях дополняет это правило, поскольку в них были, вероятно, погребены супруги). Наиболее часто – в погребения зрелых мужчин (после 40 лет), что говорит, в числе прочего, об их определенном социальном статусе.

В 20 учтенных погребальных комплексах некрополя монеты распределяются следующим образом: в головах и у черепа – 5 (25%), в области кистей рук и на уровне живота 8 (40%), в ногах – 4 (20%), в заполнении могилы – 3 (15%). Даже если объединить случаи залегания монет в ногах погребенного и в заполнении могилы, их общее соотношение не превысит 35%, то есть гораздо менее половины случаев.

Корректировка и уточнение абсолютных дат погребений на основании найденных монет проводилась с учетом особенностей денежного обращения Боспора в рамках того или иного хронологического отрезка. Расширенная датировка погребальных комплексов по монетам с учетом длительности их нахождения в обращении позволяет «сглаживать» некоторые расхождения в датировках других групп погребального инвентаря: кувшинов, кубков и тарелок, стеклянной посуды, фибул, поясных пряжек. В соответствующих разделах Таблицы 1 даются «узкие» и «расширенные» даты, которые позволяют согласовать общую хронологию того или иного погребального комплекса.

Таблица 1. Таблица встречаемости датирующих предметов в погребениях с монетами

Локация	Местоположение																					
	Погребения в насыпи кургана № 1							Погребения в насыпи кургана № 2														
	14	26	43	44	53	99	104	105	5	12	20	51	56	57	64	77	120	125	126	134		
голова				+					+	+									+			
руки	+						+				+				+	+						
ноги	+		+										+								+	
заполнение					+																	
По половой принадлежности																						
Муж.	+		+	+			+			+	+				+	+	+			+	+	
парные		+					+							+						+		
детские									+													
По группам лагирующего материала																						
Кр. лаг./кув.					1/2 II				I-II	I										I		
Красногл. кувшины	2/2 I - II	кон. I - II	II-III			II-III	II-III			I										I-II	I-II	
Миски, тарелки							I-II			I											-	
Кубки, чаши									I	I											-	
фибулы							I-II			I											-	
Бальзамари	I			I-II					I-II	I-III											I-III	
Монеты	3ч I	2ч I	4ч I	1ч II	1ч I?	2ч I	4ч I	3ч I	2ч I	1ч II	1ч I	2ч I	1ч I	4ч I	1ч II	1ч II	4ч I	2ч I	1ч I	дон.з.	3ч I	2ч I
Корректировка (период обращения монет)																						
3ч I	2ч I	3ч I	3ч II	1ч I?	1ч I	2ч II	1ч II	3ч II	1ч II	3ч II	1ч II	3ч II	1ч II	2ч II	1ч II	?	1ч II	1ч II				
Верхняя дата комплекса																						
3ч I	2п I	3ч II	3ч II	1п II	1ч II	2ч II	1ч II	3ч I	2ч I	1ч II	3ч II	1ч II	2ч I	1ч I	?	2ч II	2ч II					

Рис. 12. Таблица встречаемости датирующих предметов в погребениях с монетами

Приложение

Описание монет

№№	Место чеканки. Эмитент Дата	Описание типов лицевой и оборотной сторон монеты	Размеры монетного кружка, толщина (см)	Место находки. Глубина (см)	Сохран- ность	Литература, источник
<i>Александровские скалы 1. Курган 2.</i>						
1	Боспорское царство Пантикапей. Митридагиды Митридат VIII 39–45 гг. н.э.	Ассарий, бронза Л.с.: Голова царя Митридата в диадеме, обращенная в профиль вправо. Легенда по краю поля: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΜΙΤΡΙΑΔΑΤΟΥ . Ободок точечный. О.с.: геральдическая композиция: в центре палица Геракла с наброшенной на нее львиной шкурой. Справа лук в горите, слева трезубец Посейдона. Справа внизу номинал – ΙΒ (12 унций). Ободок точечный.	2,2×2,2×0,4 Ø отв. 0,3	Погр. 5 Под черепом	Хорошая	ВК. 330-4060 Анохин, 1986. № 330. 39–42 гг. н.э. MacDonald D., № 313. 39–45 гг. н.э. Мельников. 41–45 гг. н.э.
2	Боспорское царство Пантикапей. Тиберию Юлии Савромат I 117–123 гг. н.э.	Сестерций, бронза Л.с.: Погрудное изображение царя Савромата в диадеме, обращенное в профиль вправо. Справа в поле помещен трезубец, слева – палица Геракла. Легенда по краю поля: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ . Ободок точечный. О.с.: Корона: венчик во все поле из двух ветвей, состоящих из трилистников по 3 звена, сверху – овальная гемма. Стебли ветвей внизу перевязаны лентой диадемы с пыльным бантом. Ободок точечный.	2,5×2,5×0,4	Погр. 12 -374	Удовле- творительная	ВК. 466-4494 Анохин, 1986. № 466. 117–123 гг. н.э. McDonald. 1999. № 398/7 117–123 гг. н.э.
3	Боспорское царство Пантикапей. Тиберию Юлии Котис I 54–56 гг. н.э.	Ассарий, бронза. Л.с.: Голова императора Нерона в лавровом венке в профиль вправо. По краю поля легенда: ΝΕΡΩΝΟΣ ΚΑΙ ΑΥΓΟΥΣΤΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ . Внизу номинал ΙΒ (12 унций). Ободок точечный. О.с.: голова Юлии Агриппины, обращенная в профиль влево. Волосы собраны на затылке. По краю поля легенда: ΑΓΡΙΠΠΙΝΗΣ ΣΕΒΑΣΤΗΣ . В поле слева монограмма царя Котиса I ΒΑΚ , Ободок точечный.	2,1×2,1×0,3	Погр. 20	Удовле- творительная	ВК. 350-4152 Анохин, 1986. № 350. Анохин, 2011. № 1452. McDonald. 1999. № 331n

№№	Место чеканки. Эмитент Дата	Описание типов лицевой и оборотной сторон монеты	Размеры монетного кружка, толщина (см)	Место находки. Глубина (см)	Сохран- ность	Литература, источник
4	Боспорское царство Пантикапей. Митридатиды. Аспург 37-38 гг. н.э.	Ассарий, бронза. Л.с.: Голова императора Калигулы в лавровом венке, обращенная в профиль вправо. Легенда по кругу: ΓΑΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ - ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΥ. Шрифт легенды рубленый. Ободок точечный. О.с.: погрудное изображение царя Аспурга в диадеме, обращенное в профиль вправо. Слева монограмма ΒΑΡ, справа внизу номинал ΙΒ (12 унций). Ободок точечный.	2,3×2,5×0,3	Погр. 20.	Удовле- твори- тельная	<u>ВК. 320-4167</u> Анохин, 1986, № 320. 37-38 гг. н.э. McDonald, 1999, № 302 37-38 гг. н.э.
5	Боспорское царство Пантикапей Митридатиды Динамия. Первое десятилетие I в. н.э.	7 унций, бронза. Л.с.: Голова Персея в крылатом шлеме, обращенная в профиль влево. Слева внизу - гарпа Ободок точечный. О.с.: Геральдическая композиция: в центре герма Гермеса, увенчанная бородастой головой, обращенной вправо. Справа - венчок, перевитый длинными лентами, и пальмовая ветвь. Слева монограмма ΒΑΕ, справа внизу номинал - Ζ (7 унций). Ободок точечный.	2,1×2,1×0,4	Погр. 51	Удовле- твори- тельная	<u>ВК. 286-4014</u> Анохин, 1986, № 272 8-9 гг. н.э. Мельников. 2-8 гг. н.э.
6	Боспорское царство Агриппия (Фанатория), Митридатиды 14-37 гг. н.э.	Обол (8 унций). Бронза Л.с.: Голова Ливии вправо в образе богини Афродиты Апатур в треугольной стелениде на голове и наброшенной накидке, спускающейся тяжелыми складками на плечи. Ободок точечный. О.с.: В центре поля - корабельная прора с зубчатым тараном и высоким загнутым носом. Легенда в две строки: ΑΓΡΠ- / ΠΕΩΝ. Внизу номинал Η (8 унций) - обол. Ободок точечный.	2,0×2,0×0,4	Погр. 56	Удовле- твори- тельная	<u>ВК. 323-4083.</u> Анохин, 1986, № 323. 37-38 гг. н.э. Анохин, 2011, № 1187-1191. 14-37 гг. н.э.

№№	Место чеканки. Эмитент Дата	Описание типов лицевой и оборотной сторон монеты	Размеры монетного кружка, толщина (см)	Место находки. Глубина (см)	Сохран- ность	Литература, источник
7	Боспорское царство Пантикапей. Митридагиды. Аспург 37–38 гг. н.э.	Ассарий, Бронза Л.с.: Голова римского императора Калигулы в лавровом венке, обращенная в профиль вправо. Легенда по кругу с 5 часа против часовой стрелки с разрывом: ΓΑΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΥ . Шрифт: легенд рубленый. Ободок точечный. О.с.: погрудное изображение царя Аспурга в диадеме, обращенное в профиль вправо. Слева зонограмма ΒΑΡ , справа внизу – номинал ΙΒ (12 унций). Ободок точечный.	2,3×2,3×0,4	Погр. 57	Удовлетворительная	<u>ВК. 320–4167</u> Анохин, 1986., № 320. 37–38 гг. н.э. McDonald, 1999, № 302 37–38 гг. н.э.
8	Боспорское царство Пантикапей. Тибериус Юлий Рескупорид I 86–92 гг. н.э.	Дунондий, бронза Л.с.: Погрудное изображение бородастого царя Рескупорида с диадемой на голове, обращенное в профиль вправо. Легенда по краю поля: ΤΙΒΕΡΙΟΣ ΙΟΥΛΙΟΣ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ . Шрифт рубленый. Ободок точечный. О.с.: Погрудное изображение царя, обращенное в профиль вправо. Волосы волнистыми прядями ниспадают на плечи и шею, на уровне лба платком с пучком на затылке. Плечи покрыты драпировкой, собранной в мелкие складки. По сторонам изображения в поле помещены буквы: Κ - Δ (24 унций). Ободок точечный.	2,2×2,3×0,3	Погр. 64	Хорошая	<u>ВК 386–4172</u> Анохин, 1986. № 386 Анохин, 2010. № 1491 McDonald, 1999, № 363/3
9	Боспорское царство Пантикапей Тибериус Юлий Савромат I Первая четверть II в. н.э.	Сестерций? бронза Л.с.: В центре поля – на постаменте курульное кресло с царской короной – пышным венком, перевитым лентой диадемы, концы которой свешиваются по сторонам сидения. Справа царский скипетр, увенчанный головой императора. Легенда не читается. Ободок точечный. О.с.: геральдическая композиция (символы всаднического достоинства): оружие? Номинал не читается, вероятно Μ-Η (48 унций). Легенда не прочитывается. Ободок точечный.	2,4×2,2×0,4	Погр. 77	Плохая	Монета точно не определяется

№№	Место чеканки. Эмитент Дата	Описание типов лицевой и оборотной сторон монеты	Размеры монетного кружка, толщина (см)	Место находки. Глубина (см)	Сохран- ность	Литература, источник
10	Боспорское царство Пантикапей Митридатиды Динамия. 11-5 гг. до н.э.	Гемибол (4 унций), латунь Л.с.: Голова богини Деметры, обращенная вправо. На голове накладка, ниспадающая на плечи тяжелыми складками. Изображение обрамлено фигурным ободком, стилизованным в виде венка. О.с.: голова быка в трехчетвертном развороте вправо. Слева монограмма ВАЕ. Ободок линейный.	2,0×2,0×0,5	Погр. 120	Хорошая	<u>ВК. 272-4012</u> Анохин, 1986. № 272 9 г. до н.э. – 8 г. н.э. McDonald D. № 235 9 г. до н.э. – 8 г. н.э. Мельников. 11-5 гг. до н.э.
11	\	Монета неопределенная	2,3×2,6×0,4	Погр. 125	Очень плохая	
12	Боспорское царство Пантикапей Митридатиды Котис I 50-54 гг. н.э.	Ассарий, бронза Л.с.: голова императора Клавдия в лавровом венке в профиле вправо. По краю поля легенда: TI · ΚΛΑΥΔΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ. Внизу номинал ΙΒ (12 унций). Ободок точечный. О.с.: Голова Юлии Агриппины, обращенная в профиль влево. Легенда по краю поля: ΙΟΥΛΙΑΝ ΑΓΡΙΠΠΙΑΝ ΣΕΒΑΣΤΗΝ. В поле слева монограмма царя Котиса I – ΒΑΚ. Ободок точечный.	1,9×1,7×0,3	Погр. 125	Удовле- творительная	<u>ВК 348-4078</u> Анохин, 1986. № 348 50-54 гг. н.э. McDonald. 1999. № 326 50-54 гг. н.э. Мельников. 49-54 гг. н.э.
13	Боспорское царство Агриппия (Фанагория), Митридатиды 14-37 гг. н.э.	Обол (8 унций), бронза Л.с.: Голова Ливии вправо в образе богини Афродиты Апатур в треугольной стлентиде на голове и наброшенной накидке, спускающейся тяжелыми складками на плечи. Ободок точечный. О.с.: В центре поля – корабельная прора с зубчатым тараном и высоким загнутым носом. Легенда в верхней части поля – в две строки с разрывом: ΑΓΡΙΠ- / ΠΕΩΝ. Внизу, справа от обреза проры – номинал в буквенном обозначении Η (8 унций). Ободок точечный.	2,1×2,0×0,3	Погр. 134	Удовле- творительная	<u>ВК. 323-4083.</u> Анохин, 1986. № 323. 37-38 гг. н.э. Анохин, 2011. № 1187-1191. 14-37 гг. н.э.

№№	Место чеканки. Эмитент Дата	Описание типов лицевой и оборотной сторон монеты	Размеры монетного кружка, толщина (см)	Место находки. Глубина (см)	Сохран- ность	Литература, источник
14	Боспорское царство Пантикапей. Митридатиды. Аспург 37-38 гг. н.э.	Ассарий, бронза. Монета спилена наполовину. Л.с.: Голова римского императора Калигулы в лавровом венке, обращенная в профиль вправо. Легенда по кругу: ΓΑΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΥ. Шрифт легенды рубленый. Ободок точечный. О.с.: погрудное изображение царя Аспурга в диадеме, обращенное в профиль вправо. Слева по краю поля монограмма ΒΑΡ, справа внизу – номинал ΙΒ (12 унций). Ободок точечный.	2,2×1,7×0,35	Погр. 134 -511	Удовлетворительная	<u>ВК. 320-4167</u> Анохин. 1986, № 320. 37-38 гг. н.э. McDonald D. № 302 37-38 гг. н.э.
15	Боспорское царство Пантикапей Спаргокиды Конец IV в. до н.э.	Тетрахалк, бронза. Л.с.: Голова юного сатира в венке из плюща, обращенная в профиль влево. О.с.: Голова льва с разинутой пастью, обращенная в профиль влево, под нею оседр, плывущий влево. Легенда по сторонам изображения (с 9 часа) по часовой стрелке в сокращении ступеньками: Π - Α - Ν.	1,9×2,0×0,4	Западная бровка, северная часть. (потребление IV в. до н.э.) - 115	Удовлетворительная	<u>ВК 125-3005</u> Анохин. 1986. № 125. 294-284 гг. до н.э. McDonald. 1999. № 70. 310-303 гг. до н.э.
<i>Александровские скалы 1. Курган 1.</i>						
16	Боспорское царство Пантикапей Митридатиды Котис I 50-54 гг. н.э.	Ассарий, бронза. Л.с.: голова императора Клавдия в лавровом венке в профиль вправо. По краю поля легенда: ΤΙ · ΚΛΑΥΔΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ. Внизу номинал ΙΒ (12 унций). Ободок точечный. О.с.: голова Юлии Агриппины, матери Нерона, обращенная в профиль влево. Волосы собраны на затылке. Легенда по краю поля: ΙΟΥΛΙΑΝ ΑΓΡΙΠΠΙΑΝ ΣΕΒΑΣΤΗΝ. В поле слева монограмма царя Котиса I ΒΑΚ. Ободок точечный.	1,3×1,3×0,3 Ø отв. 0,13	Погр. 14 Под левой берцовой костью	Хорошая	<u>ВК 348-4078</u> Анохин, 1986. № 348 50-54 гг. н.э. McDonald. 1999. № 326 50-54 гг. н.э. Мельников. 49-54 гг. н.э.

№№	Место чеканки. Эмитент Дата	Описание типов лицевой и оборотной сторон монеты	Размеры монетного кружка, толщина (см)	Место находки. Глубина (см)	Сохран- ность	Литература, источник
17	Боспорское царство Пантикапей. Митридатиды Митридат VIII 39-42 гг. н.э.	Ассарий, бронза Л.с.: Голова царя Митридата в диадеме, обращенная в профиль вправо. Легенда по краю поля: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΜΙΘΡΑΤΑΤΟΥ . Ободок точечный. О.с.: геральдическая композиция: в центре палица Геракла с наброшенной на нее львиной шкурой. Справа лук в горноте, слева трезубец Посейдона. Справа внизу номинал - ΠΒ (12 унций). Ободок точечный.	2,4×2,2×0,3	Погр. 26 -309	Удовле- твори- тельная	<u>ВК. 330-4060</u> Анохин, 1986. № 330. 39-42 гг. н.э. MacDonald, 1999, № 13. 39-45 гг. н.э. Мельников. 41-45 гг. н.э.
18	Боспорское царство Пантикапей Тибери Юлии Рескупорид I 86-92 гг. н.э.	Дупондий, латунь Л.с.: В центре поля - на постаменте курульмное кресло с царской короной - пыльным венком, перевитым лентой диадемы, концы которой свешиваются по сторонам сидения. Справа царский скипетр, увенчанный головой императора. Легенда по краю поля: ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΚΟΥΡΟΣ . Ободок точечный. О.с.: геральдическая композиция (символы всаднического достоинства): в центре круглый щит, за ним копье приманила острой кверху, справа сверху - бородастая голова с пышной шевелюрой, обращенная влево, слева - лошадиная голова, обращенная мордой влево. Внизу слева шлем с нащечниками и пыльным плюмажем, обращенный вправо, справа - короткий меч в ножнах. Внизу под щитом по сторонам древка буквенное обозначение номинала: Κ - Δ (24 унции). Легенда по краю поля: ΤΟΥ - ΑΣΠΟΥΡΙΟΥ . Ободок точечный.	2×2×0,3	Погр. 43 - 279	Плохая	<u>ВК. 376-4515</u> Анохин, 1986. № 376 Анохин, 2010. № 1481 MacDonald D., 1999, № 3543
19	Боспорское царство Пантикапей Тибери Юлии Савромат I. 117-123 гг. н.э.	Сестерций, бронза Л.с.: Погрудное изображение царя Савромата, обращенное в профиль вправо. Легенда по краю поля: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ . Ободок точечный. О.с.: Корона: венок во все поле из двух ветвей, состоящих из трилистников, ступирированных в 3 звена, сверху - овальная гемма. Стебли ветвей внизу перевязаны лентой диадемы с пыльным бантом. В центре номинал ΜΗ (48 унций) - сестерций. Ободок точечный.	2,5×2,6×0,3	Погр. 44 -282	Плохая	<u>ВК. 460-4157</u> Анохин, 1986. № 460. 117-123 гг. н.э.

№№	Место чеканки. Эмитент Дата	Описание типов лицевой и оборотной сторон монеты	Размеры монетного кружка, толщина (см)	Место находки. Глубина (см)	Сохран- ность	Литература, источник
	Рим? I в. н.э.	Асс? Бронза. Л.с.: изображение головы римского императора в лавровом венке, обращенное в профиль вправо. По краю поля легенда по часовой стрелке с 7 часа (нечитаема). О.с.: В центре поля фигура (неразборчиво). По краю поля легенда (нечитаема).	1,8×1,7×0,2 Ø отв. – 0,3	Погр. 53 дно	Плохая	
20	Боспорское царство Паникапей? Фанагория? Спартокиды II в. до н.э.	Монета неопределенная. Обол. Бронза	1×0,9×0,5	Погр. 95 Заполн.	Очень плохая, полно- стью корроди- рована	
21	Боспорское царство Пантикапей Митридатиды Котис I 48–49 гг. н.э.	Ассарий, Бронза Л.с.: голова императора Клавдия в лавровом венке в профиль вправо. По краю поля легенда: Π · ΚΛΑΥΔΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ. Внизу номинал ΙΒ (12 унций). Ободок точечный. О.с.: голова Юлии Агриппины, матери Нерона, обращенная в профиль вправо. Легенда по краю поля: ΙΟΥΛΙΑΝ ΑΓΡΙΠΠΙΑΝ ΚΑΙΣΑΡΟΣ. В поле справа монограмма царя Котиса I ΒΑΚ. Ободок точечный.	2,3×2,3×0,2	Погр. 99 -308	Уловле- твори- тельная	<u>ВК. 344-4078</u> Анохин, 1986, № 344 Анохин, 2010, № 1446 Фролова, 1997. Табл. XXIV, 24; XXV, 1-3
22	Боспорское царство Пантикапей Тибери Юлии Рескупорид I 86–92 гг. н.э.	Дупондий, бронза Л.с.: Погрудное изображение царя Рескупорида, обращенное в профиль вправо. Легенда по краю поля: ΤΙΒΕΡΙΟΥ ΙΟΥΛΙΟΥΣ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ. Ободок точечный. О.с.: Погрудное изображение царицы, обращенное в профиль вправо. Волосы волнистыми прядями ниспадают на плечи и шею. На уровне лба волосы прихвачены платком с пучком на затылке. Плечи покрыты драпировкой, собранной в мелкие складки. По сторонам изображения в поле помещены буквы: Κ - Α (24 унций). Ободок точечный.	2,5×2,4×0,3	Погр. 104 Заполн.	Хорошая	<u>ВК 386-4172</u> Анохин, 1986, № 386 Анохин, 2010, № 1491 McDonald, 1999, № 363/3

№№	Место чеканки. Эмитент Дата	Описание типов лицевой и оборотной сторон монеты	Размеры монетного кружка, толщина (см)	Место находки. Глубина (см)	Сохран- ность	Литература, источник
23	Боспорское царство Пантикапей Митридатиды Аспург 37–38 гг. н.э.	Ассарий, бронза. Л.с.: Голова римского императора Калигулы в лавровом венке, обращенная в профиль вправо. Легенда по кругу: ΓΑΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΥ. Ободок точечный. О.с.: погрудное изображение царя Аспурга в диадеме, обращенное в профиль вправо. Слева монограмма ΒΑΡ, справа внизу у обреза шеи – номинал ΙΒ (12 унций). Ободок точечный.	2,1×2,1×0,3	Погр. 104 -301	Удовле- творительная	<u>ВК. 320-4167</u> Анохин, 1986, № 320. McDonald, 1999, № 302
24	Боспорское царство Пантикапей Тибери Юлии Рескупорид I 80–85 гг. н.э.	Дупондий, бронза Л.с.: Погрудное изображение царя Рескупорида, обращенное в профиль вправо. Легенда по краю поля: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ. Ободок точечный. О.с.: Погрудное изображение богини Афродиты Агагур в высоком калафе и покрывале, обращенное в профиль вправо. Слева монограмма царя Рескупорида ΒΑΡΗ. Справа - обозначение номинала Κ - Δ (24 унций). Ободок точечный.	2,2×2,1×0,2	Погр. 104	Удовле- творительная	<u>ВК. 374-4583</u> Анохин, 1986, № 374 Фролова, 1997, т. I, табл. XXXVI, 21-23; табл. XXXI, 1, 2. McDonald, 1999, № 356.
25	Боспорское царство Пантикапей Митридатиды Котис I 54–56 гг. н.э.	Ассарий, Бронза Л.с.: голова императора Нерона в лавровом венке в профиль вправо. По краю поля легенда : ΝΕΡΩΝΟΣ ΚΑΥΑΥΔΙΟΥ ΣΕΒΑΣΤΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ. Внизу номинал ΙΒ (12 унций). Ободок точечный. О.с.: голова Юлии Агриппины, обращенная в профиль влево. По краю поля легенда: ΑΓΡΙΠΠΙΝΗΣ ΣΕΒΑΣΤΙΝΗΣ. В поле слева монограмма царя Котиса Ι ΒΑΚ. Ободок точечный.	2,2×2,2×0,25	Погр. 105 Заполн.	Удовле- творительная	<u>ВК. 350-4152</u> Анохин, 1986, № 350. Анохин, 2010, № 1452. McDonald, 1999, № 331н

- Журавлев, 2010. Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма первых веков н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). МАИЭТ. Supplementum 9. Симферополь.
- Зограф, 1951. Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. 16.
- Казаманова, 1969. Казаманова Н. А. Введение в античную нумизматику. М.
- Корпусова, 1971. Корпусова В. Н. Некрополь у с. Золотое // КСИА. 128.
- Корпусова, 1972. Корпусова В. Н. Боспорский некрополь у с. Золотое. АО. 1971. М.
- Корпусова, 1973. Корпусова В. Н. Сільське населення пізньоантичного Боспору // Археологія. 8. 1973.
- Корпусова, 1983. Корпусова В. Н. Некрополь Золотое: (К этнокультурной истории европейского Боспора) / Киев.
- Кропотов, 2010. Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев.
- Кругликова, 1966. Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время. Очерки экономической истории. М.
- Кругликова, 1969. Кругликова И. Т. Некрополь поселения у дер. Семеновки // СА. 1.
- Кругликова, 1975. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М.
- Куликов, 2002. Куликов А. В. Обзор монетных находок с городища Акра (1981–2001) и вопросы периодизации денежного обращения Боспора // БИ. II. Симферополь.
- Масленников, 1990. Масленников А. А. Население Боспорского государства в первых веках н. э. М.
- Масленников, 1994. Масленников А. А. Монетные находки и денежное обращение в Крымском Приазовье в античную эпоху // Древности Боспора. Т. 1. М.
- Масленников, 1997. Масленников А. А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М.
- Масленников, 2000. Масленников А. А. Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н. э. // ДБ. 3.
- Молев, 1980. Молев Е. А. Раскопки городища и некрополя Китея // Археологические исследования на Украине. Днепропетровск.
- Молев, 1990. Молев Е. А. Монеты из раскопок городища и некрополя Китея // Античный мир и археология. Вып. 7. Саратов.
- Сапрыкин, 1996. Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство: государство греков и варваров в Причерноморье. М.
- Сапрыкин, 2002. Сапрыкин С. Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.
- Сапрыкин, 2005. Сапрыкин С. Ю. Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху. М.
- Сапрыкин, 2009. Сапрыкин С. Ю. Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. Москва – Тула.
- Сапрыкин, 2018. Сапрыкин С. Ю. Древнее Причерноморье. М.- СПб.
- Свиридов, Язиков, 2018. Свиридов А. Н., Язиков С. В. Многослойное поселение «Городище 11 км» // ДБ. 23.
- Смекалова, 2001. Смекалова Т. Н. Боспор в сфере влияния Римской империи (по данным о составе монетных сплавов) // ДБ. 4.

- Смекалова, Дюков, 2001. Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Монетные сплавы государств Причерноморья: Боспор, Ольвия, Тира. СПб.
- Фролова, 1997. Фролова Н. А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э.). Т. I–II. М.
- Хршановский, 2010. Хршановский В. А. Погребально-поминальные комплексы второй половины I – первой половины II в. н. э. на некрополе Илурата // ДБ. 14.
- Хршановский, 2011. Хршановский В. А. Склепы I – первой половины II вв. н. э. на Илуратском плато // ДБ. 15.
- Чевелёв, 1985. Чевелёв О. Д. Новые погребения Кызаульского некрополя // КСИА. 182.
- Шелов, 1956. Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора в VI–II вв. до н. э. М.
- Шелов, 1960. Шелов Д. Б. Денежный рынок Танаиса // ЗОАО. Вып. 1 (34). Одесса.
- Шелов, 1961. Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса // МИА. 98.
- Шелов, 1966. Шелов Д. Б. Монеты из раскопок Танаиса 1955–1964 гг. // НЭ. VI.
- Шелов, 1970. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н. э. М.
- Шелов, 1972. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.
- MacDonald, 2005. MacDonald, David. An Introduction to the History and Coinage of the Kingdom of the Bosphorus. CNS. 5. CNG
https://bosporan-kingdom.com/coins_catalog.html

Summary

Denis V. Beilin, Irina V. Rukavishnikova, Alexey V. Kulikov Burials with coins of the «Aleksandrovskiye skaly 1» burial ground

The «Aleksandrovskiye skaly 1» belonging to the fortified settlement «Gorodishche 11 km» can rightly be considered as a reference burial ground of the population of the rural territory of European Bosphorus, identified and excavated by the authors of paper burial I-II centuries AD.

The tradition of placing graves in coins as obol Charon appears again in the first centuries of our era. Coins in the burials of the «Aleksandrovskiye skaly 1» burial ground were found only in the graves: kurgan 1 and kurgan 2, in 20 burial complexes. These burials make up only eight percent of the total array of burials, therefore, according to the theory of normal distribution, the fact of the presence of a coin in a burial is not a common ritual activity for this community of people.

The main objective of this study is the ability to analyze the context of the burial rite at this burial ground with coins.

В. В. Бочковой, Е. Н. Булах, А. И. Данилин
(ООО «Кубаньархеология», г. Краснодар)

Антропоморфная подвеска из поселения Волна 1

В 2017 г. во время проведения спасательных археологических работ на раскопе XXII поселения «Волна 1» в хозяйственной яме № 114 была обнаружена стеклянная подвеска в виде головы мужчины (рис. 1).

Подвеска с петелькой (высота 3,6 см., ширина 2,6 см.). Основа из глушеного белого стекла. Детали выполнены налепом из цветного стекла. Лицо желтое, глаза синие и белые, серьги белые, нос, рот, уши и верхняя губа желтые, сохранившаяся нижняя часть лица и брови выкрашены в синий цвет. Лоб украшен прической из разделенных коротких локонов белого и желтого цвета. Внутри канал от сердечника. Утрачена петелька, правое ухо, и нижняя часть головы, поверхность затертая, и утратила блеск.

Историография фигурных стеклянных подвесок и бус представлена, главным образом, зарубежными исследованиями. М. Сифрайд [Seefried, 1979; 1982], В. Таттон-Браун [Tatton-Brown, 1981; 1995], Т. Е. Хеверник [Haevernick, 1977].

Существует несколько классификаций, основанных на принципе морфологических признаков. Так Т. Е. Хеверник выделяет 32 группы «лицевых бусин» [Haevernick, 1977, р. 155–156] В. Таттон-Браун объединяет отдельную группу подвесок с лицевыми изображениями [Tatton-Brown, 1981, р. 143–155]. Сифрайд выделила четыре типа подвесок-голов, с изображениями демонов (тип А), мужских голов (тип В и С) и женских голов (тип D). [Seefried, 1982, р. 5–11] Рассматриваемая подвеска более всего подходит к типу С-I по классификации Сифрайд [Seefried, 1982, р. 8].

В 1982 г. большая часть фигурных подвесок известных на то время на территории Северного Причерноморья включена в свод археологических источников Е. М. Алексеевой [Алексеева, 1982, с. 33–45]. Всего ей выделено 6 типов подвесок с изображениями бородатых и безбородых лиц (тип 462–467). [Алексеева, 1982, с. 41–42]. Е. М. Алексеевой данные подвески с территории Северного Причерноморья датируются с VI по II вв. до н. э. [Алексеева, 1982, с. 33]. Ю. Б. Циркин указывает на то, что широкое распространение на территории Северного Причерноморья подвески с изображением лиц полукают в V в. до н. э. [Циркин, 1986, с. 75].

Вообще, ареал распространения голов-подвесок достаточно широк, охватывает Восточное, и Западное Средиземноморье, [Seefried, 1979, р. 22–25], Северное, и Западное Причерноморье [Чачева, 2015, с. 49–51], а также Кавказ [Алексеева, 1982, с. 41–42;

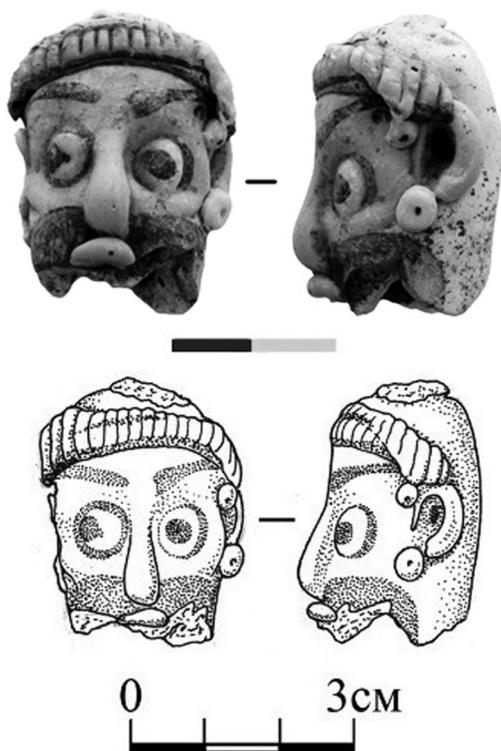

Рис. 1. Стекло́нная подвеска из ямы № 114 поселения Волна-1 (рисунок С. Пальченкова)

и парфюмерные сосуды из финикийского стекла, в том числе и подвески-головы, с изображением бородатых мужчин, датируемые первой половиной – серединой IV в. до н. э. [Марченко и др. 2000, с. 124–125; 208–209]. Интересна находка антропоморфной подвески в хозяйственной яме при раскопках поселения «Волна 1» в 2001 г., датируемая концом V – началом IV в. до н. э. [Новоселова, 2001, с. 134].

Рассматриваемая подвеска датируется достаточно точно: из ямы № 114 раскопа XXII происходит клеймо гераклейской амфоры (*ἐπί Καλλιᾶ Απολλωνίῳ*), определенное А. Б. Колесниковым 360-ми гг. до н. э. (рис. 2). Что в целом совпадает с датой вышеуказанных аналогичных находок из Северного Причерноморья.

По мнению некоторых исследователей, антропоморфные подвески имели не только эстетическое назначение. В частности, Е. М. Алексеева считает, что ранние варианты подвесок вполне могли иметь культовое значение, поздние служили амулетами-оберегами от сглазов [Алексеева, 1982, с. 34]. Имели место попытки связать головы-подвески с культом Диониса-Сабазия и культом плодородия в общем [Столба, 2009, с. 113]. В целом антропоморфным подвескам придают апотропеическое значение, отождествляя их с глазчатыми бусинами, которые, как принято считать, служили защитными амулетами от сглаза [Столба, 2009, с. 114].

Островерхов, 1985, с. 105–106]. На данный момент единого мнения о центрах их производства нет. Таттон-Браун выделяет несколько возможных – в Восточном Средиземноморье и на Родосе [Tatton-Brown, 1981, p. 17; 1995, p. 38–41]. Ю. Б. Циркин пишет о том, что стеклянные бусы с изображением человеческих лиц распространяются с помощью карфагенских торговых связей, что косвенно указывает на производство подвесок именно на Северном побережье Африки [Циркин, 1986, с. 75–76].

Абсолютно точных аналогий на территории Северного Причерноморья найти не удалось. Более всего подходит подвеска в виде бородатой мужской головы из собрания Эрмитажа, найденная в 1902 г. в некрополе Пангикапея, датируемая второй половиной IV в. до н. э. [Кунина, 1997, с. 207 кат № 42]. Подобные подвески были найдены при раскопках так называемой «лавки украшений» при исследовании Елизаветовского городища, в Ростовской области. На полу строительного комплекса 18 были обнаружены разнообразные украшения

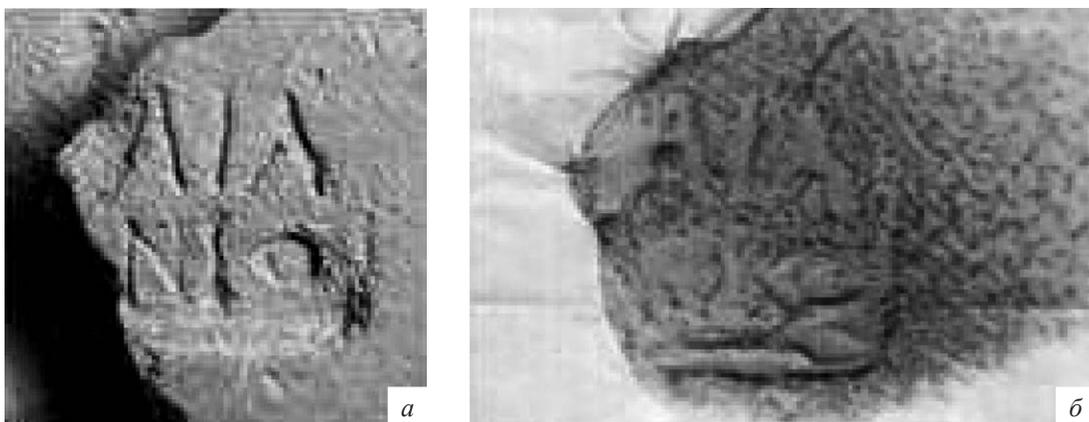

Рис. 2. Клеймо на гераклейской амфоре из ямы № 114 поселения Волна-1
а) фотография; б) протирка

Находка данной подвески довольно редкое, но не уникальное событие, как упоминалось выше: она вторая на поселении. Обилие амфорной тары разных центров материковой Греции и Малой Азии именно этого времени хорошо объясняет появление и аналогичных изделий на поселении «Волна 1» при посредничестве греческих торговцев.

Список литературы

- Алексеева, 1982. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ Г1-12. М.
- Кунина, 1997. Кунина Н. З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб.
- Марченко и др., 2000. Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П. Елизаветовское городище на Дону. М.
- Новоселова, 2002. Новоселова Н. Ю. Подвеска-маска из раскопок поселения Волна-1 // Таманская старина. СПб.
- Островерхов, 1985. Островерхов А. С. Фаянсовые и стеклянные бусы в Скифии // ВДИ. 3.
- Столба, 2009. Столба В. Ф. Бусы, подвески и амулеты: вера в сглаз у греческого и местного населения Таврики // ВДИ. 2.
- Циркин, 1986. Циркин Ю. Б. Карфаген и его культура. М.
- Chacheva, 2015. Chacheva M. Anthropomorphic Glass Pendants from the West Pontic Greek Colonies (in Bulgarian) // Arheologia. LVI. Sofia.
- Haevernick, 1977. Haevernick T. E. Gesichtperlen // MM.
- Seefried, 1979. Seefried M. Glass Core Pendants Found in the Mediterranean Area // JGS.

- Seefried, 1982. Seefried M. Es Pendentifs en verre sur noyau des pays de la Méditerranée antique. Roma.
- Tatton-Brown, 1982. Tatton-Brown V. Rod-Formed Glass Pendants and Beads of the 1st millennium BC: Catalogue of Greek and Roman Glass in the British Museum. London.
- Tatton-Brown, 1995. Tatton-Brown V. Some Greek and Roman Pendants, and Beads in the British Museum: Glass Beads: Cultural History, Technology, Experiment and Analogy. Leijre.

Summary

V. V. Bochkovoy, Ye. N. Bulakh, A. I. Danilin
Anthropomorphic suspension from the settlement of the Volna 1

The article is devoted to the discovery of the head-suspension of Phoenician glass. As a result of archaeological research in 2017 on the territory of the North-Western section of the settlement Volna 1. The settlement is located in the Temryuk district of Krasnodar region, in the South-Western part of the Taman Peninsula, 5 km South of the Taman, 3.5 km North-West of the Volna. The ancient settlement of Volna 1 existed from the second half of the VI c. BC. – to the IV c. AD.

В. В. Бочковой, Е. Н. Булах, А. И. Данилин
(ООО «Кубаньархеология», г. Краснодар)

Археологические раскопки северо-западной части поселения Волна 1 в 2017 г. (Раскоп XXII)

Поселение «Волна 1» находится в 4,7 км к югу от въезда в станицу Тамань, 3,2–3,7 км к северу от пос. Волна, у северной подошвы горы Зеленской, в 500 м. к северо-северо-западу от ее вершины. Визуально определить границы не представляется возможным. По результатам исследования Я. М. Паромова в 80-х годах прошлого века, основанным на обнаружении подъемного материала, площадь поселения, название которого дано также им, составляла около 32 га [Паромов, 1989, с. 76]. До этого поселение было известно, как «Северо-Зеленское» [Соколов, 1919, с. 1]. Первые раскопки на нём проводились в 50-е годы прошлого века В. Д. Блаватским, который пришел к выводу о непрерывном существовании его с VI в. до н. э. по IV в. н. э. [Блаватский, 1955, с. 73–87; 1959, с. 41–48]. В 1996–2000 гг. в центральной части поселения раскопки проводила экспедиция Государственного Эрмитажа [Соловьев, Бутягин, 2002, с. 69–80]. В 2001–2012 гг. была исследована значительная часть известной территории, а южная – раскопана практически полностью [Житников, 2005, с. 81–84]. С 2013 г. комплексные охранно-спасательные раскопки на памятнике проводятся ООО «Ирида». [Бочковой, Булах, 2017, с. 76–82; Житников, 2017, с. 95–122]. Северо-западный участок поселения Волна 1 (раскоп XXI площадью около 15655 м²) был исследован археологическим отрядом ООО «Кубань-археология», совместно с ООО «Ирида» под руководством В. В. Бочкового в 2017 г. Мощность культурного слоя составляла от 0.1 м на северо-западном до 3.2 м на юго-восточных участках. В итоге были выявлены следующие археологические объекты:

– 392 хозяйственные ямы. (При этом некоторые – прорезавшие друг – друга шли под буквенными обозначениями). Ямы выявлялись по пятнам разной формы на разных уровнях зачистки, начиная с третьего штыка, но чаще на уровне материковой глины. В сечении ямы также были различными при глубине от 0.2 до 3.15 м. По их большой концентрации в восточной части площади раскопа, в основном к западу от выявленных строительных остатков, можно предположить, что он захватил собой окраинную часть поселения. Зачастую хозяйственные ямы прорезали друг друга, образуя комплекс до 10 в квадрате.

По обнаруженному в ямах керамическому материалу выделяется несколько хронологических периодов. К эпохе поздней бронзы относились 4 хозяйственные ямы на ЮЗ

Таблица 1. Распределение амфор по центрам производства в процентном соотношении

Центр производства	Количество единиц керамики	Процент от общего числа фрагментов амфор
Хиос	39453	44.35%
Боспор	13907	15.63%
Неопределенные центры	8369	9.41%
Гераклея	6838	7.69%
Синопа	5483	6.16%
Кос	4243	4.77%
Амфоры римского времени	3832	4.31%
Фасос	1788	2.01%
Колхида	1132	1.27%
Эолийские амфоры	879	0.99%
Родос	838	0.94%
Менда	712	0.8%
Протофасос	610	0.69%
Лесбос	304	0.34%
Коринф	177	0.2%
Книд	138	0.19%
Херсонес	61	0.07%
Клазомен	34	0.04%
Патрей	24	0.03%
Икос	10	0.01%
Пепарет	7	менее 0.01%
Самос	5	менее 0.01%
Парос	1	менее 0.01%
Мирмекий	1	менее 0.01%
Муригиоль	1	менее 0.01%

краю раскопа. Хозяйственные ямы античного периода (конец VI в. до н.э. – IV в. н.э.) сконцентрированы в восточной его части: 2 ямы датированы концом VI в. до н.э.; 3 – концом VI – началом V в. до н.э.; 9 – V в. до н.э.; 3 – концом V – началом IV в. до н.э.; 4 – IV в. до н.э.; 3 – III в. до н.э.; 1 – II в. до н.э.; 3 – I–II вв. н.э.; 1 – IV в. н.э. В северо-западной же части они, как и другие объекты, отсутствовали вовсе.

Остатки 16 строительных объектов (рис. 3, 4; 4, 3), представленные каменными кладками, сохранившимися обычно в один, реже в два уровня (ряда). В основном они располагались в восточной и юго-восточной частях раскопа. Часть из них, очевидно, являлась фундаментами неких зданий. В кладках использовались обломки жерновов и фрагменты керамики. При этом в его восточной части раскопа было выявлено два строительных периода. Первый – приблизительно V–II вв. до н.э. располагался на глубине от 0,95 до 1,3 м

Рис. 1. 1–9 – находки из поселения Волна 1, раскоп XXII. 1 – грузило глиняное; 2 – корчага коричневоглиняная; 3 – пряслице глиняное; 4 – канфар чернολаковый; 5 – унгентарий серолощенный; 6 – кинжал? бронзовый; 7, 8 – фрагменты терракот

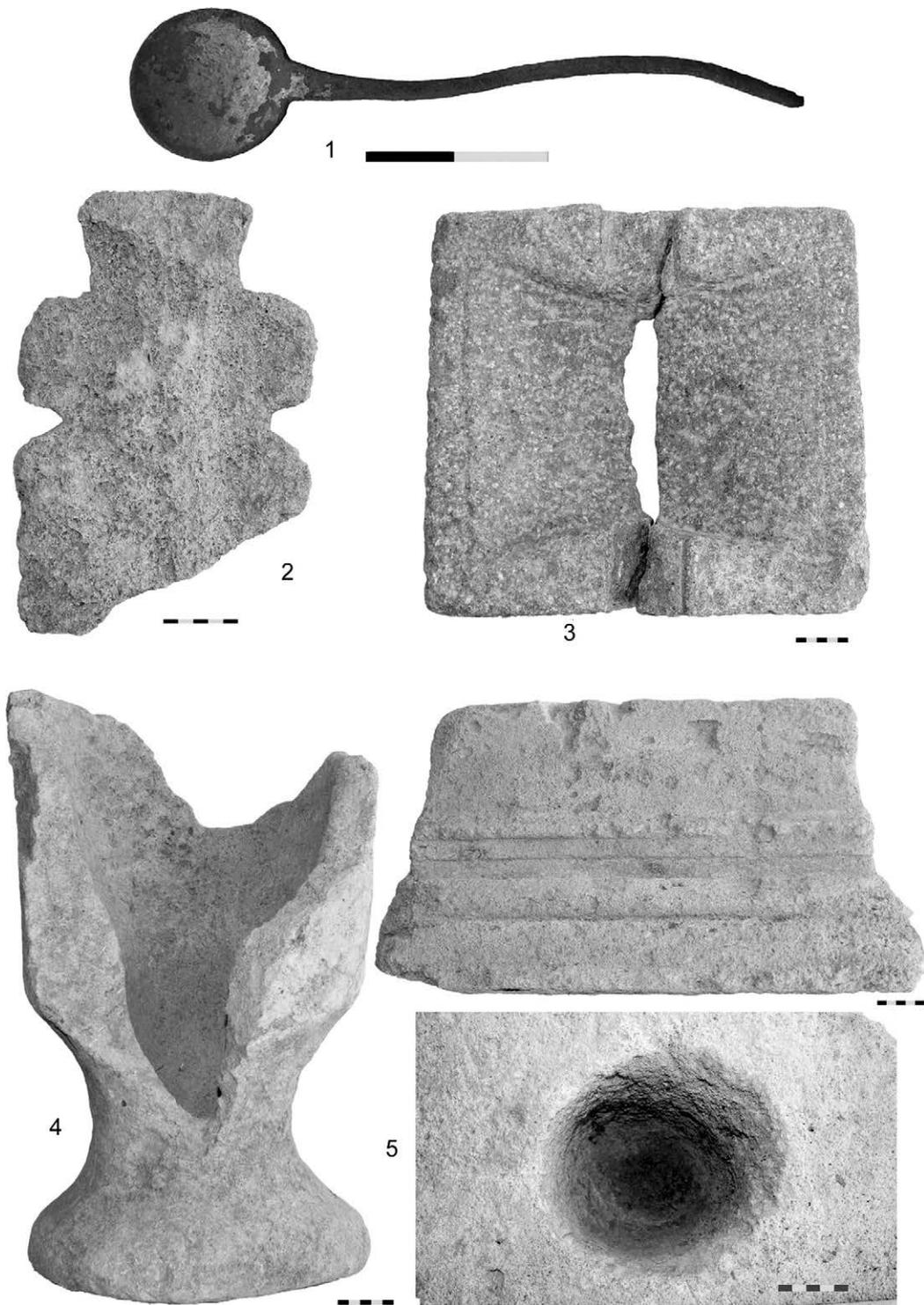

Рис. 2. 1–5 – находки из поселения Волна 1, раскоп XXII. 1 – мерная медная ложечка; 2 – каменное антропоморфное надгробие; 3 – каменная зернотерка; 4 – каменная ступа; 5 – база под колонну

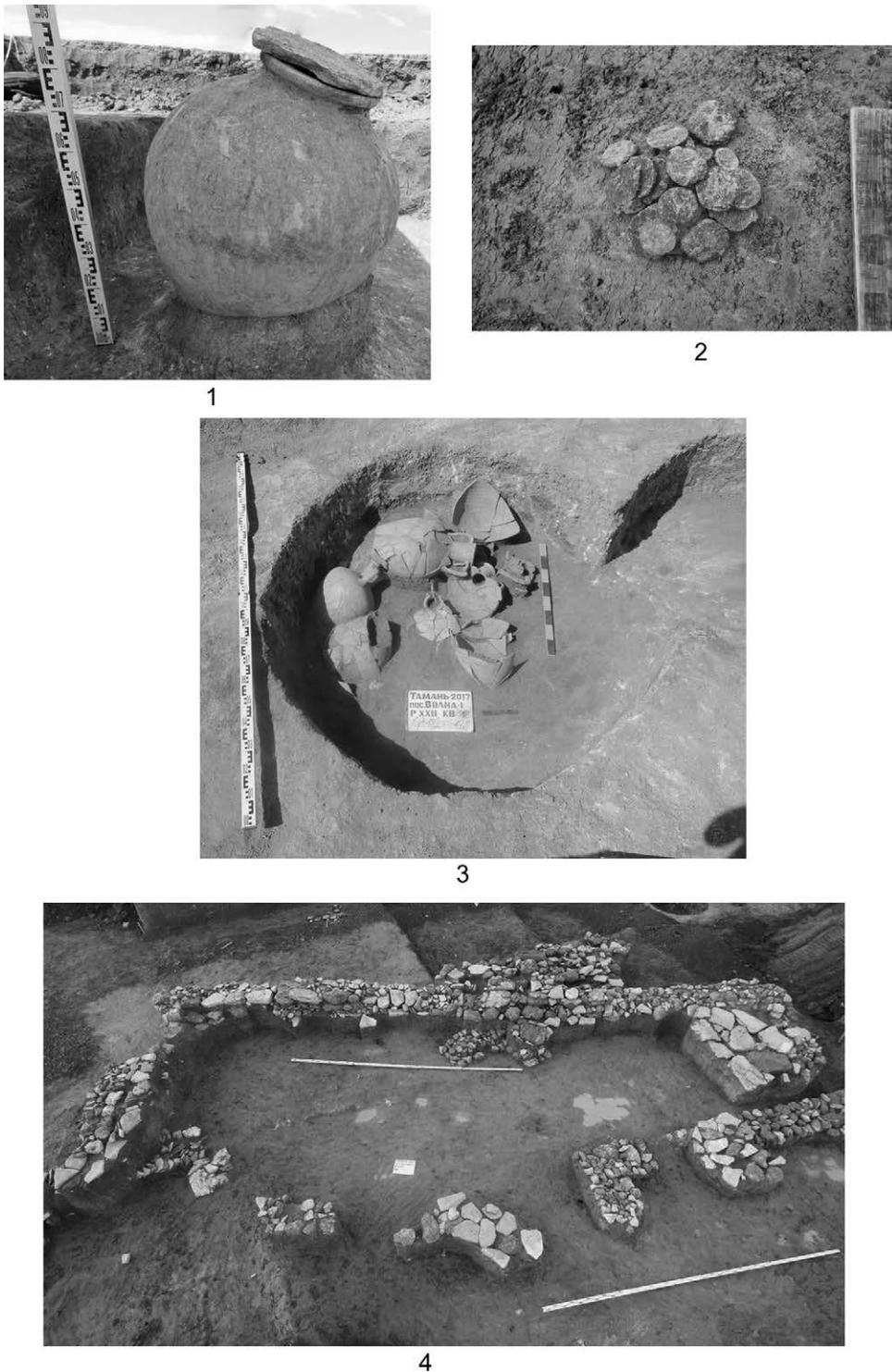

Рис. 3. Поселение Волна 1, раскоп XXII 1 – пифос in situ; 2 – клад медных монет; 3 – амфорный развал на дне хозяйственной ямы; 4 – архитектурные остатки

Рис. 4. Остатки архитектурных комплексов из поселения Волна 1, раскоп XXII.
1 – каменная вымостка; 2 – полуземлянка; 3 – архитектурные остатки

от уровня современной дневной поверхности (объект № 2 в квадратах № 55, 56/72, 73 (рис. 3, 4); объект № 4, 4А в квадратах № 48, 49; объект № 7 в квадратах № 40/56; объект № 13 в квадратах № 90, 91/107, 108; объект № 14 в квадратах № 27/40; объект № 18 в квадрате № 174; объект № 19 в квадратах № 8/16, 26/39).

Второй строительный «горизонт» датировался I-IV вв.н.э. и залегал на глубине от 0,2 до 0,75 м (объект № 3 в квадрате № 208; объект № 5 в квадратах № 190, 190А; объекты № 8, 8А в квадрате № 126; объект № 9 в квадратах № 131, 132/149, 150; объект № 12 в квадратах № 143, 159-161/175-177; объект № 16 в квадрате № 40; объект № 17 в квадратах № 27/40).

Две каменные вымостки относились, по-видимому, к эпохе поздней бронзы (XI-IX вв. до н.э.). На первой вымостке (объект № 1), расположенной на ЮЗ краю раскопа, в квадрате № 70 (рис. 4, 1), был расчищен фрагмент большой берцовой кости человека. На второй – (объект № 10) в СВ части раскопа (квадратах № 233, 234) также обнаружены фрагменты бедренных костей человека и пятна охры. Возможно, данные сооружения являлись своего рода культовых выставлений человеческих останков.

Кроме этого были открыты две полуземлянки прямоугольной формы, вырытые в материке. Одна – (объект № 15 в квадрате № 13 на границе с квадратом № 21) была ориентирована длинной осью по линии запад-восток (рис. 4, 2). Другая полуземлянка (объект № 23 в квадрате № 3 на границе с квадратом № 8) ориентирована длинной осью по линии СЗЗ-ЮВВ;

Следующая многочисленная (30 комплексов) группа археологических объектов представлена в основном развалами и отдельными сосудами. Как правило, это были единично, либо парно – стоявшие амфоры, реже пифосы. В эту группу входят также скелеты животных (собака), отдельные большие камни и клад медных монет в количестве 26 экз. (комплекс «Ю» в квадрате № 157 (рис. 3, 2)).

Самым массовым материалом, происходящим из культурного слоя, являлась керамика. Всего за время исследования северо-западного участка поселения «Волна 1» было обнаружено 122735 фрагмента простых красно – и коричневоглиняных, реже сероглиняных, чернолаковых, краснолаковых и лепных сосудов. Преобладала, естественно, амфорная тара – 72,39% от общего объема керамического материала (88847 единиц, в том числе несколько целых форм (Таблица 1)). Наиболее многочисленные обломки следующих центров производства: хиосские, гераклейские, синопские, косские, фасосские, колхидские. Так же много обломков широкогорлых красноглиняных амфор и «римских» узкогорлых I-IV вв.н.э. Реже встречались – лесбосских, мендейских, родосских, киддских, коринфских, херсонесских и, вероятно, эолийских. В единичных случаях зафиксированы фрагменты амфоры Клазомен, Пепарета, Пароса, Самоса, Икоса, Милета, амфор типа «Патрей», «Мирмекий», «Муригиоль». Амфоры определены А. С. Цинько, и В. В. Бочковым на основе типологии Причерноморских амфор С. Ю. Монахова [Монахов, 2003].

Затем следуют фрагменты красноглиняных, реже сероглиняных кувшинов и мисок. Лепная керамика встречалась довольно редко, как правило, это обломки горшков, корчаг, глиняных светильников. Черно – и краснолаковые сосуды – это кувшины, канфары (рис. 1, 4), миски, тарелки, рыбные блюда, унгентарий (рис. 1, 5). Кроме того, отметим

Таблица 2. Структура остеологического материала (по 12832 экземплярам)

Принадлежность костей	Общее количество шт.	Процентное соотношение %
КРС	3709	28,9
Собаки	3357	26,16
МРС	2464	19,2
Лошади	2120	16,52
Свиньи	668	5,2
Неопределенные	375	≈2,93
Моллюски	57	≈0,45
Кошки	27	≈0,21
Птицы	24	≈0,19
Зайцы	9	≈0,07
Человек	8	≈0,06
Рыбы	6	≈0,05
Дельфины	4	≈0,03
Грызуны	4	≈0,03

Всего определенных костей ≈ 97,08%

два пифоса, в том числе один целый II в. до н.э. (рис. 3, 1) и многочисленные куски черепицы.

Остеологический материал насчитывает 12832 единиц. Это кости овцы/козы, лошади, КРС, собаки, свиньи, рыбы (подробное соотношение приведено в Таблице 2). Все кости определены научным сотрудником Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника Г. И. Тимониной.

Многочисленны и индивидуальные находки из глины (рис. 1, 1–3), металла, камня и стекла. Больше всего было обнаружено медных монет – 892, монеты определялись А. С. Цинько согласно каталогу, В. А. Анохина [Анохин, 2011]. Особо стоит выделить каменное надгробие (рис. 2, 2), зернотерку (рис. 2, 3), каменную ступу (рис. 2, 4), базу каменную под колонну (рис. 2, 5), бронзовый кинжал? эпохи позднего бронзового века (рис. 1, 6), фрагменты терракот (рис. 1, 7, 8), медную ложечку (рис. 2, 1). Театральная терракотовая маска, найденная в культурном слое, будет издана в статье Vladimir Bochkovoy, David Braund, Roman Mimokhod, Nikolay Sudarev. *A new mask and musical instruments from the Eastern Bosphorus // Ancient Theatre and Performance Culture Around the Black Sea*. Планируемая дата публикации – октябрь 2019 г.

В основном, все эти находки датируются V–IV вв. до н.э. – I–II вв. н.э. и восполняют наши данные об обитателях Таманского полуострова в догреческую и античную эпохи.

Список литературы

- Анохин, 2011. Анохин В. А. Античные монеты Северного Причерноморья. Киев.
- Блаватский, 1955. Блаватский В. Д. Третий год работы в Синдике // КСИИМК. 58.
- Блаватский, 1959. Блаватский В. Д. Пятый год работ в Синдике // КСИИМК. 74.
- Бочковой, Булах, 2017. Бочковой В. В., Булах Е. Н. Предварительные результаты археологических раскопок западной части поселения «Волна 1» в 2017 г. // Археологические исследования на территории строящегося терминала СУГ и Таманского терминала навалочных грузов. Краснодар.
- Житников, 2005. Житников В. Г. Работы на поселении Волна 1 // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар.
- Житников, 2017. Житников В. Г. «Восточный район» жилой и хозяйственной застройки V–II вв. до н. э. на поселении «Волна 1» (Таманский полуостров) // ДБ. 21.
- Монахов, 2003. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре: Каталог определитель. М.- Саратов.
- Паромов, 1989. Паромов Я. М. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984–1985 гг. // КСИА. 196. М.
- Соловьев, Бутягин, 2002. Соловьев С. Л., Бутягин А. М. Архаические комплексы поселения Волна 1 в окрестностях Гермонассы // Таманская старина. Вып. 4. СПб.
- Соколов, 1919. Соколов В. В. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской // ИТУАК. Вып. 56. Симферополь.

Summary

V. V. Bochkovoy, Ye. N. Bulakh, A. I. Danilin
Archaeological excavations of the North-Eastern part of the Volna 1 settlement in 2017
(Excavation XXII)

The article presents a brief summary of the study of the North-Western part of the ancient settlement Volna 1. On the territory of the settlement found numerous traces of economic, household activity during the VI c. BC. – IV c. AD., including the remains of architectural structures.

David Braund
(University of Exeter, GB)

Bosporan griffins and the Spartocids: some observations

There has long been scholarly interest in griffins of all kinds, and that interest shows no sign of abating. Of course, griffins occur very extensively across the ancient world, in time and in space. It is not my purpose here to consider griffins in all these different chronological and geographical-cultural contexts, but rather to focus on griffins in the Bosphorus of the Spartocids, especially in the fourth century BC. First, I shall offer some general remarks on Bosporan griffins (especially in the light of recent work by N. Fedoseev and others). Then I shall draw attention to what may be an interesting griffin from Athens, in a rather neglected Bosporan scene from Piraeus.

Griffins between Scythians, Olbia and the Bosphorus

While scholars are often attracted by quests for origins, the goal of such quests tends ever to recede and become lost in complexity and hypothesis. So it is with griffins, whose origins remain obscure, though there is no shortage of modern theory and assumption about them and various cultural influences that may be involved in their distribution. On the north coast of the Black Sea and in its hinterlands, griffins offered some common ground between Greeks and Scythians [cf. Федосеев, 2016, с. 383 on shared iconography]. However, we are in a poor position to understand how griffins functioned in that broad cultural interaction. For example, the Dionysiac and Apolline griffins that we find in the Bosphorus (on which more below) might very well be perceived differently among Scythians, possibly entailing their version of Apollo and possibly not. However griffins came into Scythian society, it now seems clear that we must beware about much-repeated notions of their Siberian origins, for intensive study of early Scythian culture makes it far more likely that (no doubt with various complications and nuances) griffins arrived in the region from Ionia and Asia Minor more generally, not from the Altay [Канторович, 2010; 2012]. Indeed, a case has been made that the griffins at Pazyryk are themselves the result of the influence of Greek art, in which the mobility of griffins on glyptics may be important (Kawami, 1991, probably underestimating Near Eastern links to Siberia). In any event, this extraordinary Siberian evidence is too late to bear the weight that some writers have placed upon it, as the supposed fount of griffins in the Black Sea region and even the Mediterranean [e. g. Mayor, 2000, concerned to rationalise]. At any rate, griffins came to Greece early, as Mycenaean culture amply demonstrates, while it was Hesiod who first

wrote of them, or so we are told by an ancient commentator on the *Prometheus Bound* (ad 803) – a statement which we have no reason to doubt. As the archaic Greek world emerges for us in the eighth century, griffins already have a firm place.

Further, while the fact that griffins were important also in the world of Thrace and Macedonia must be acknowledged, we are in no real position to chart that specific relationship with regard to Bosporan griffins. While Thracian influence in the Bosphorus is palpable, not least in the names of the Spartocids, there is no particular reason to think that griffins came to the Bosphorus from Thrace and its environs. Of course, the sheer popularity of griffins in the art and also no doubt the *Denkwelt* of the ancient world at large, means that it is difficult and perhaps impossible to show the existence (let alone the importance) of any such specific connections, except in cases where we have a particular artistic detail or clear literary text that might help us. Similarly, the associations of griffins are numerous, whether in socio-political contexts or in the supernatural realm. In Greek culture generally, griffins tend to be associated with two particular gods, Apollo and Dionysus¹. Immediately that fact offers both opportunity and obstacle for any study of Bosporan griffins, because both deities were of such significance in Bosporan culture. Moreover, this was a polytheistic environment, wherein the griffin could never be exclusively the creature of just one of those gods, not to mention possible associations elsewhere in the supernatural. Very possibly the fact that griffins belonged to two gods of special importance in the Bosphorus may be part of the reason why they were so significant there (their link with Nemesis seems unattested in the Bosphorus). At the same time, we may also need to distinguish between function and intention: while the artist or patron might intend a Dionysiac griffin (for example), the viewer might see something else, perhaps a creature of Apollo. What is clear enough in all this, however, is the prominence of griffins in the Bosporan kingdom, in itself and by comparison with the rest of the Greek world. Some brief comparison may assist us, not least in assessing the role of colonial processes in the development of Bosporan griffins.

At Olbia, for example, we have nothing like the focus on griffins that we see in the Bosporan kingdom, except insofar as images of griffins arrived there on imported ceramics [Скржинская, 2010, с. 225]. The fact that both the Bosporan cities (mostly) and Olbia were founded from Ionia, and especially Miletus, shows the limitations to the view that the supernatural world of colonies was imported from their mother-cities [e. g. Ehrhardt, 1988]. There is a puzzle here. Griffins were, and continued to be, prominent in Ionia, not least in the decoration of the large interior of the temple of Apollo at Didyma [cf. Borg and Borg, 2002]. They can still be seen there, together with Amazons (fig.1). The later griffin on display in the theatre at Miletus (fig. 2) might suggest Apollo, too, but also Dionysus [further, Altenhöfer, Bol, 1989]. As for Teos, griffins are recurrent on civic coinage from the fifth century onwards [cf.: Lenger, 2009; Papalexandrou, 2010, p. 8–9 with extensive notes and valuable comment on coinage; also Kuznetsov, 2000, esp. p. 72 on Abderan coins]. The city of Teos's pride in Dionysus, and its fine temple of the god (whose remains hardly do it justice: fig. 3), indicate clearly enough that this was more the griffin of Dionysus, though Apollo need not be excluded, especially in a colonial context. I do not propose to repeat here my recent arguments about the use of a

¹ See the fundamental study [Delplace, 1980; cf. Westgate, 2011, on mosaics].

Fig. 1. Griffins at Didyma

Fig. 2. Griffins in the theatre at Miletus (base for statue of Apollo?)

Fig. 3. The remains of the temple of Dionysus at Teos

seated griffin on the coinage of Abdera and the Sindians, in whose territory Phanagoria was founded [Braund, 2017]. However, we must observe that the rare image of a seated griffin is found on coins of Teos and at its two colonies, Abdera and Phanagoria (albeit Sindian). The ancient notion that the Sindians had come from India seems to suit the tradition that Dionysus processed in triumph from there with a great entourage [e. g. Chuvin, 1991].

Herodotus, who clearly relied heavily on information gained at Olbia, offers two principal tales that concern griffins. Most obvious is his inclusion of griffins in the untravelled lands of the farthest north. His principal source (though most likely not his only one) was the epic poem of Aristeas of Proconnesus [Bolton, 1962; Shcheglov, 2010], who evidently presented himself as taken by Apollo on a mysterious journey which reached as far as the Issedones, who had tales of the lands to their north. There, it was said, gold-guarding griffins were locked in conflict with one-eyed Arimaspians, who sought to steal it, with the Hyperborean paradise beyond. Apollo's patronage should not surprise us, and not only because of his concern with poetry and the arts. Proconnesus too was a Milesian foundation, closely bound to nearby Cyzicus for much of its history [cf. Thompson, 1965 on its occasional coinage, and the theophoric name Apollothemis]. Accordingly, while the tale of the griffins and their gold in the distant north may seem to arise from non-Greek contexts, the fact is that we have it from Herodotus, who had it from a poet in the Milesian colonial tradition, who was overtly committed to Apollo, as a Milesian poet might well be. Of course, Herodotus has significant doubts about the contents of Aristeas' poem, though he accepts the general proposition that the most rare and valued things in the world of the *oikumene* seem to be located especially at

Fig. 4. Griffin with arrow

the margins of the earth (3. 116; cf. 4. 13). It is worth stressing the general point here, for it is fundamental and yet often misunderstood. What Herodotus conveys to us is a tale (in essence a Milesian one) about the distant north, but there is nothing in his account to suggest that he or we might consider it to be a tale from that distant north. Instead, we have what we might call a “colonial tradition” about the deep interior. Herodotus’ support (esp. 4. 27) for the notion that tales of Arimaspians come from the Issedones (as Aristeas had claimed) does nothing to alter the fact that we have these tales from Greeks.

Meanwhile, we should observe too that these griffins of the far north are martial creatures, equipped with the hooked extremities from which they take their name in Greek (*grypes*), specifically their claws and beaks. They use their strength – the combination of eagle and lion, sometimes with a serpentine element [cf. Bothmer, 1952] – and the speed indicated by their wings. As with eagles, their vision is outstanding, indicated by the huge eyes with which they are often shown. They are silent watchers, as we find them in *Prometheus Bound*, sharp-beaked and unbarking, for they give no warning before they bite (*Prometheus Bound* 804–5; [Beier, 2017]). They are perfect guards, impossible to avoid and impossible to escape. Weapons were hardly necessary, but we should observe fantastical beasts of the seventh century BC (having much of the griffin about them [cf. Шайб, 2017]) with bow and arrow on a blade from Kelermes. It may be important that these are not only the particular weapons of Scythians (particularly in Greek thought), but also the weapons of the archer-god Apollo (cf. Hdt. 4.59 on his Scythian incarnation). In the Bosphoran kingdom, we find griffins holding an arrow with its shaft in their mouths on some dazzling coinage (fig. 4), whose exegesis remains problematic, despite the many discussions of the iconography of Bosphoran coinage (treated briefly in an overview by [Федосеев, 2016; ср.: Tereschenko, 2012; Терещенко 2013; Терещенко, Шайб, 2017, note also Heracles’ bow and arrow]).

In addition to the Arimaspians, it is also in the context of Olbia that we have from Herodotus (4. 78–80) the story of Scyles, the king of the Scythians who was half-Greek and half-Scythian and wanted to live in both Scythian and Olbiopolitan culture. His desire for the latter required initiation into the civic cult of Dionysus, but the god was reviled by Scythians, so that Dionysus would not only reject him but, when the king failed to heed warnings, would destroy him. The story is so well known that it requires no great exposition here. However, I have recently argued in detail [Braund, 2019a] that this was a key part of the civic mythology

of Olbia, central to the cult of Dionysus itself. Further, that the grand palace that Scyles is said to have built for himself was itself a homage to Dionysus, which is why the god destroyed it as a warning to the king. In that context, Herodotus' report that the palace featured sphinxes and griffins is especially interesting, for both creatures had a strong Dionysiac association. It follows that Herodotus' account, rooted in Milesian Olbia, finds space for griffins who seem distinctly Apolline (from Aristeas) and others which seem Dionysiac, part of Scyles' palace in the city. Herodotus specifies that the griffins and sphinxes were of white marble, which was a luxury in Olbia, while the beasts themselves might evoke kingship [Westgate, 2011, p. 298]. These creatures in form and substance, like the palace as a whole, hint at the fact that Scyles remained a king even while playing the citizen in Olbia. They were located around the outskirts of the palace: we may recall that griffins act especially as guards, in the north as elsewhere. It is in such a role they appear as guards in the mosaics of Greek dining-rooms and tombs alike [Westgate, 2011, p. 298-299]. Their statues did the same at Scyles' peculiar palace, blasted by Dionysus himself (Hdt. 4. 79, where the god – sometimes interpreted as Zeus – can only be Dionysus). Perhaps we should also see griffins as creatures of the periphery, as guards should be, whether the periphery of a building or that of the whole earth, for they are on occasion to be found in the distant east too and in India more specifically (Ctesias, FGrH 688. 45h; Aelian, NA 4. 27, under the influence of Ctesias; so too the artful Philostratus, VA 3.48-49 and 6.1; cf. the giant ants and their gold, at Hdt. 3. 105 [in art: Виноградов, 2007; Franks, 2009], on burrows, Pliny NH 7.10). From a mundane perspective, such wondrous creatures could only be thought to exist on the distant periphery, for it was known that they did not exist in the Mediterranean or Black Sea worlds of course.

In Olbia, it has been claimed [e.g. Скржинская, 2010, с. 216], the sphinx was especially popular, often found on fragments of imported pottery. Of course, it is rather hard to interpret the significance of images on pottery imports for the ideas of a community, since we need to know much more, for example about the circumstances under which these sphinx-related vessels may have come to Olbia. However, it is certainly intriguing that we also have part of a white marble statue of a sphinx from the city (kept in Odessa Archaeological Museum), which can only remind us of the story of Scyles. This sphinx seems to have been made a few decades after Herodotus' visit to the city. Its very existence raises questions about the local use of a sphinx in the light of Scyles' story, which in many ways validated its appropriateness for Olbiopolitan initiates of Dionysus. Meanwhile, we can only observe an important upshot of these considerations. In comparing Olbia and the Bosphorus, with their similar origins and cultures, we seem to find that the sphinx in Olbia functions rather as griffins do in the Bosporan kingdom, as if these two very similar and related beasts of Dionysus somehow came to be shared between them.

Griffins in life and death

At the same time, however, it is worth making the point again that there is nothing exclusive about sphinxes, nor griffins, nor even both together. Thanks to Pausanias, we happen to know that the helmet of Phidias' great statue of Athena in Athens carried a sphinx centrally, flanked by griffins in relief on either side (Paus. 1. 24. 5-6). Again we see the griffin as a martial creature (and the gold of this chryselephantine statue may have encouraged the use

of griffins), but on this occasion with Athena. Given the flexibility of polytheism there is no contradiction here of course with their more usual associations with Apollo and Dionysus: the great statue of Athena in her great temple on the Athenian acropolis, might claim any decoration and any familiars for the deity. However, as Athena's limited links with griffins across Greek culture show, such a design and use of these creatures was far less likely in another city. At the same time, of course, Phidias' remarkable statue had a dynamic of its own, so that the goddess's helmet appeared on images of the goddess that were deposited as votives in Panticapaeum, Nymphaeum and Beregovoy-4 on the west coast of the Taman peninsula [see: Скржинская, 2010, с. 225, also noting pendants from Kul-Oba with Athena in a helmet with griffins on its cheek-pieces]. We can only wonder whether the image was especially attractive to Bosporans in view of its griffins. However, it is worth observing the broadly Dionysiac context at Beregovoy 4 [Завойкин, 2015], as well as the burial context elsewhere, on which more below. There may also be a political-diplomatic factor: as we shall see, Athens was important to the Spartocids.

In *Prometheus Bound* griffins are mentioned further afield on the margins, guarding their gold in Africa it seems [cf. Seaford, 1980], as "dogs of Zeus", exceptionally (though cf. [Dierichs, 1981; Gehrig, 2004] on archaic griffins at Samos (Heraion), Olympia and possibly Crete; cf. [Mattusch, 1990]): many reasons have been advanced (collected by [Larmour, 1992, p. 36]) but the single most important must be context (as with Athena's helmet), for Zeus is wholly central to the Prometheus trilogy. Perhaps the most important point in all this is that such exceptional instances do not change the bigger fact that in most cases, griffins are associated with Apollo and Dionysus. It is methodologically unsatisfactory simply to list all the deities who, at one time or another, have a link with griffins, because that obscures this very clear concentration upon these two deities, while such an approach also takes us away from crucial context. And that in turn obscures their significance in the Bosporan kingdom and elsewhere around the Black Sea. It is also worth noting that context takes many forms. For example, Artemis' association with the griffin (notably in the painting mentioned at Strabo 8. 3. 12) should perhaps be seen as an extension of the key link between griffins and her brother, Apollo, with its implications for her cult centres at Ephesus and elsewhere, as well as the complex issues surrounding the "mistress of animals" [e.g. Barclay, 2013]. We may compare Apollo (holding a lyre) shown in a fresco of a tomb at Panticapaeum, deposited in early Roman imperial times [Скржинская, 2010, с. 227, илл. 52].

However, Apollo aside, the deity most commonly shown riding griffins and the like is Dionysus, or a member of his circle. The recurrence of Dionysus with griffins is in part most likely a consequence of the fact that we depend on burials for so much of our material remains. In richer and larger burial complexes, the connection is especially striking, as in the burials at Bol'shaya Bliznitsa, where griffins are prominent and Dionysiac themes too, including theatrical and dance-related figurines [further: Braund, 2018, ch. 6]. The Greek tendency to deposit Dionysiac material of all kinds, including theatrical masks (often in miniature form) raises enormous questions about the interaction of ideas about drama, life and afterlife, which were in large part a consequence of the Dionysiac initiation that we know best from Athens, but which was also (as at Olbia) prominent in the Bosporan kingdom [Завойкин, 2015; Braund, 2019a]. Although we can never be wholly confident about ancient psychologies, not

Fig. 5. Zghuderi griffin

least in view of their remoteness, it is clear enough [e.g. Seaford, 2006, esp. p. 98–100] that the cult of Dionysus offered the prospect of immortality that was very much to the fore in the deposition of burials, when we may assume that those who buried the deceased liked to imagine that this was not death but the passage to an afterlife. While wine is often presented today as the focus of Dionysus' significance, we must locate his association with wine in the larger and more vital context of life and afterlife, wherein wine itself can readily be identified with blood. The recurrence of griffins on kantharoi and rhyta, and the rest of the paraphernalia of drink, brings together Dionysus and immortality, both in sympotic contexts and in the projected afterlife, signified by the deposit of these vessels in burials [cf. Hoffmann, 1966, S. 118]. In that regard too, we may wonder whether the use of bone (of which creature?) for the famous Dionysiac platelets from Olbia may have had some deeper significance, perhaps referencing the physical body [e.g. Braund, 2019b]. All this is the broad framework for griffins in funerary and burial contexts. Dionysus presides, but he is not the only relevant deity, as we have seen especially with Apollo, who may also appear in such a context, as we have seen. Perhaps the most striking example of griffins in regard to death and the afterlife is their regular appearance on Clazomenian sarcophagi [Dierichs, 1981; Papalexandrou, 2010; cf. Cook, 1981]. We may also recall the griffins on the sarcophagus from Kul-Oba [e.g. Vulina, Wasowicz, 1974, p. 45–51]². In his very valuable discussion of Bosporan griffins, Fedoseev [Федосеев, 2016, табл. 5. 1] shows (with much else) how a painted griffin of the sarcophagus was accompanied by a panther, a still more Dionysiac beast: presumably the spotted griffin mentioned by Pausanias derived from their fusion (Paus. 8. 2. 7).

² Cf. important discussion by Grandjouan [1989, p. 29–32], observing the closely connected craftsmen of Athens and the Bosphorus.

Fig. 6. Griffin sarcophagus in Patras, Peloponnese

Griffins lost nothing of their relevance in the imperial Roman period, where the griffin sarcophagus from Crimean Chersonesus [Скржинская, 2010] must be located in the framework of a recurrent habit of showing griffins at that time too on sarcophagi and in other funerary contexts. In the interior of the eastern Black Sea at Zghuderi, for example, we have a fine metal griffin, perhaps part of a lamp. It was deposited in a wooden sarcophagus of the Roman period, in a firmly Dionysiac context (fig. 5; [Braund, Javakhishvili, Nemsadze, 2009]). Accordingly, the museums of modern Turkey are crowded with sarcophagi displaying griffins, assembled from the cities of imperial Asia Minor (fig. 6). With these in view, it is unremarkable that griffins might appear on sarcophagi also in the Bosporan kingdom, as at Kul-Oba. We know enough about similar use of griffins on sarcophagi and in other funerary contexts in Magna Graecia to be sure that this is by no means a Black Sea or even East Mediterranean phenomenon in any isolated sense [e.g. Vermeule, 1987, esp. p. 31, n. 9, only concerned with Apollo]. The vases of southern Italy offer plenty of illustrations of griffins with Dionysus and his circle [further: Green, 1995, p. 116], and we should bear very much in mind that these vases have survived for us largely because they were selected for deposition in burials there. Similarly, so-called Kerch ware, which found its way far and wide, including as far as Kerch.

Spartocid griffins between the Bosporus and Athens

Of special interest, therefore, is a bone platelet from Nymphaeum (fig. 7; [Соколова, 2016, c. 121]), which was found within the city, not in any burial context. Our best indication of a date is its archaeological context, which includes a considerable range of fine and coarse wares as well as much waste material. At the later end of the date range we have a Chian kantharos that can be dated with some confidence to the second half of the fifth century BC, while amphorae fragments take us back as early as the later sixth century BC, while a range of Rhodian and Attic black and red figure suggests dates in the intervening century or so. This context

Fig. 7. Griffin platelet, Nymphaeum (after Соколова, 2016)

therefore leaves us with a wide date range for our griffin, from the late sixth century perhaps into the fourth (in detail, see [Соколова, 2016, с. 123]). The object's nature and purpose remain matters of speculation, even if we may be tempted to turn our minds to the Dionysiac platelets from Olbia. Certainly, there seems to be a clear Dionysiac aspect to this griffin, since the bearded head of what seems to be a satyr (with long hair and pointed, animalian ears) is just visible to the left (and thus in front) of the griffin, which faces left. He bears some resemblance to the various satyr (or Pan) heads that appear regularly on the coins of Panticapaeum from the fourth century BC ([Соколова, 2016, с. 122], who seems attracted by the bold suggestion that there may be some reference to King Satyrus). This may be a version of Pan himself, for his iconography in the northern Black Sea is not well attested otherwise. The "satyr's" connection with the griffin on the platelet remains uncertain too, though we may speculate, for example, that he is the beast's dismounted rider. In any event, this Dionysiac pair were at home in Nymphaeum, with its fine theatre-complex and spectacular entrance dedicated to Dionysus himself [Sokolova, 2002; 2017; Соколова, Павличенко, 2002; cf.: Sokolova, 2017; Braund, 2019a on the civic coinage and mirrors].

All the more so, given the fragment of a matrix of local stone, bearing a griffin, which was also found in the settlement of Nymphaeum (where secondary use is strongly suspected), and is now held in a private collection in Kerch. It seems rather later than our platelet, and has been dated to the fourth century BC, with some preference for the second half of that century [Федосеев, 1994], boldly inferring that this is a lion-headed griffin (as on a much later matrix from Panticapaeum, evidently for producing bronze details for armour: [Treister, 1990]). The most striking feature of this Nymphaeum matrix, however, is its very prominent teats, to which we shall return.

Of course, there is no concrete reason to suppose any direct connection between Nymphaeum's theatre-complex and the Dionysiac griffin on its bone platelet or the matrix, although we may observe their broad contemporaneity. However, the fact that Greek and Roman

Fig. 8. Griffin from Panticapaeum in Theodosia Museum

theatres were decorated with griffins, as was appropriate to their links to Dionysus and Apollo, must encourage the suspicion of some such connection, however attenuated, and also that the theatre-complex would have featured griffins quite prominently in its decoration. It is perhaps enough to recall the special chair of the priest of Dionysus Eleutherios in the theatre of Dionysus in Athens, which was decorated with griffins, albeit rather later, probably in the first century B.C. [Richter, 1966, p. 31, fig. 151] or the fine griffins from the theatre at Corinth [Sturgeon, 2004, esp. p. 76, with further examples]. The mirror-pair of stately (or heraldic) griffins on limestone slabs from Panticapaeum (one is kept in the museum at Theodosia, but came from Panticapaeum [Тункина, 2002, с. 203]; fig. 8) have been accorded a prominent place in the ancient city [см.: Федосеев, 2016], for example in the entrance to the royal palace there, or perhaps in association with the temple of Dionysus or of Apollo. All speculation, but plausible enough. We should also consider the possibility that they featured in the decoration of the great theatre that has yet to be found there, from which many think that a relief of an elderly Silenus has come [СкРЖИНСКАЯ, 2010, с. 198; Braund, Hall, 2014]. The griffins of the Bosphorus are sufficiently prominent, not least on coinage, that one can hardly disagree with Fedoseev that there is a case for interpreting them as in some sense the images of state, at least under the Spartocids of the fourth and third centuries BC, where we see them by far the most. It is tempting to go further and imagine them on major monuments all over the kingdom, but we must also respect the limited nature of our evidence.

The foregoing considerations have raised a series of details which may be drawn together to form a quite tight and coherent set of notions about these imaginary beasts that accounts for such prominence in the kingdom. We have observed their sheer strength, force and speed, which are all indicated in recurrent images of griffins tearing their large and fast prey (notably deer and horses), which some have related also to the dismemberment that is key to Dionysiac conceptions [Barr-Sharrar, 1982, p. 17; cf. 2008]. We have noted too their broader links

to kingship, as befits guardians of riches: wealthy rulers need guards of all kinds not only to project their power but also to protect the wealth that underpins it, whether in life or in death. We have seen that griffins might even be guards for the king of the gods himself, Zeus in *Prometheus Bound*. We have seen too their strong links to the two gods who seem to have been most important in the Bosphorus, namely Apollo and Dionysus, with the latter most readily visible amid the paraphernalia of death and burial, among which his griffins appear with the rest of his entourage. While the great tumuli of the kingdom illustrate well enough the importance of burial and the monumentalization of deceased Spartocids and their elite, we have noted also the synoptic context that further suited elite society and the palace. The conception of griffins as fearsome guards is consistent with these interrelated ideas, as we have seen in the decoration of tombs and dining rooms, well beyond the kingdom. The point here is not simply the capacity of the griffin, but also its attitude. For it is presented, at least from Aristeeas and probably earlier from Hesiod, as a creature that is a guard by nature: its very body has shown us that in early Greek art, with its huge eyes and wings. Moreover, we can see in later authors how that natural propensity might be explained further in the development of tales around the griffin as watchful parent, concerned not so much to protect gold as to protect its nest and offspring (Aelian. *NA*. 4.27, supporting the view). The chronology of these ideas is beyond our grasp, but there are clear indications of such notions early in Greek conceptions of the beast. Particularly striking is an archaic griffin of the later seventh century from Olympia, who sits in all its might over its child ([Younger, 2011, p. 166, n. 33], noting prehistoric comparanda, including a maternal sphinx; for illustration of griffin and child see: [Mayor 1994]). This is at least part of the reason too why the griffin on the Nymphaeum matrix is so very obviously maternal (albeit perhaps more ambivalent in sex, as we find with lions). The pendulous teats evoke not only motherhood, but also the protective nurturing of those over whom she watches. Already in Homer, the mother-lion displays that tendency (*Iliad*. 18.316–23; cf. [Gaca, 2008, esp. p. 163]).

Therefore, we may well understand how the griffin might emerge as the special beast of the Bosphorus. After all, this was the city of Pan, treated as such by Pan's own Arcadians in the fourth century (CIRB 37, which has proved unnecessarily controversial). It is a pity that we do not have the foundation myth (s) of the city, which probably featured Apollo, Pan and very likely Dionysus, and may have had a role for a griffin too. Whether the nymph at Nymphaeum was part of these traditions, we do not know, but a nymph in such a context may easily be imagined. Finally, at a more practical level, the evident Scythian concern with griffins would also have given impetus to their development in the Bosphorus, and vice versa. In this irrecoverable exchange of images and ideas, we may note the greater importance, as it seems, of griffins as guardians in the settled context of the Bosphorus, whereas the griffins of the Scythian pastoralists seem to have been treated less as guards than as fierce and mobile hunters or fighters. For Bosporans, as probably also for Scythians in their different way, griffins represented a fierce order, and even a force of culture against disorderly nature, as represented for example by the more deviant Arimaspians – Cyclops-looters – and the counter-cultural Amazons, with whom we regularly see them in combat.

With all that in mind, and especially the likelihood that griffins were in various senses the symbols of the kingdom and its rulers in the fourth century in particular, we may turn finally

Fig. 9. Relief from Piraeus (IG ii³ 298 = IG ii² 212)

to an image of Spartocid kings of the period from Athens. Since I shall discuss the image in detail elsewhere (Braund, *forthcoming*), I confine myself here to remarks about its possible griffin, with some summary context. The image is a relief from a monument erected in the Piraeus by the Athenian democracy in 347/6 (IG ii³ 298 = IG ii² 212). The relief (fig. 9) stands at the top of a long inscription arising from a mission to Athens by envoys of Spartocus II and Paerisades, who had recently succeeded their father Leucon as joint rulers of the Bosporan kingdom. The monument (both text and image) records and projects the continuity of Leucon's good relations with Athenian democracy into the next generation of Spartocid rulers, his sons. The two new rulers sit enthroned, side-by-side on a seat which has claw feet. These claws may be imagined as those of a griffin, but might also belong to a lion or the like. A third figure leans over the seated pair, resting on a strikingly long staff, which he has in his armpit. His staff and posture suggest advanced age, as also does his lack of the long hair sported by the two seated rulers. He is probably Leucon himself, who figures repeatedly in the inscription, and not (as usually thought) the obscure Apollonius, a third son of Leucon, who is added to the Athenian decree that follows, but clearly had no direct role in the arrangements that caused it. He was a son of Leucon, certainly, but he was not one of the successors to the throne.

The image is notably static: the two new rulers are seated and their deceased father rests on his staff. The only movement is that of the seated figure closest to Leucon. He raises a hand near the upper arm of his father. The position of his hand would suit a sceptre or the like. This single motion in the image tends to draw the viewer's attention to the head of the staff. The stone is worn, as is most obvious in the missing faces of the figures. We have no clear sense of the staff which may be a sceptre. Given the prominence of griffins in the culture

of the Bosporan kingdom, particularly at this time, we might even speculate that the head of any Bosporan sceptre could be a griffin, as possibly the claw feet of the shared throne. If there is a sceptre here, we may well understand why the seated ruler's movement is made to point the viewer to this detail. If, as Fedoseev was inclined to argue, the griffin was the royal symbol of the kingdom, we might have an example of that in distant Athens, in whose port of course were resident and transient Bosporans, as well as Athenians and others engaged with the kingdom [cf. Кошеленко, 2002]. For all such persons, this monument and its inscribed arrangements had a special interest and significance. The presence of griffin symbolism, though clearly not the main point of the relief by any means, might have marked Spartocid and Bosporan identity, but also, given the more general meaning of griffins, supported the broad sense of stability and security that was key to the monument's emphasis on continuity and no doubt royal grandeur. Finally, however, it must be stressed that there may be no griffins at all on the monument, which I shall discuss in much more detail in the *Annual of the British School at Athens* for 2019.

Список литературы

- Виноградов, 2007. Виноградов Ю. А. Большой лекиф Ксенофанта. СПб.
- Завойкин, 2015. Завойкин А. А. Anathema 18.9 в святилище Деметры и Коры (Береговой 4) // КСИА. 240.
- Канторович, 2010. Канторович А. Р. Истоки и вариации образов грифона и грифоподобных существ в раннескифском зверином стиле VII–VI вв. до н. э. // Археологический альманах. 21.
- Канторович, 2012. Канторович А. Р. К вопросу об истоках и вариациях образов грифона и грифоподобных существ в раннескифском зверином стиле VII–VI вв. до н. э. // Евразия в скифосарматское время. Памяти И. И. Гущиной. М.
- Кошеленко, 2002. Кошеленко Г. А. Еще один представитель боспорского лобби в Афинах? // ДБ. 5.
- Скржинская, 2010. Скржинская М. В. Фантастические существа в культуре, искусстве и религии античных государств Северного Причерноморья // БИ. 24. Симферополь–Керчь.
- Соколова, 2016. Соколова О. Ю. Изображение грифона из Нимфея // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного круглого стола 22–25 ноября 2016 года. СПб.
- Соколова, Павличенко, 2002. Соколова О. Ю., Павличенко Н. А. Новая посвятельная надпись из Нимфея // *Hypoboreus*. 8/1.
- Терещенко, 2013. Терещенко А. Монетное дело Пантикапея в IV в. до н. э. // ВДИ. 2.

- Терещенко, Шауб, 2017. Терещенко А. Е., Шауб И. Ю. Грифон на боспорских монетах: хронология, особенности, семантика образа // Новый Гермес. 9.
- Тункина, 2002. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России. СПб.
- Федосеев, 1994. Федосеев Н. Ф. Матрица с изображением грифона из Нимфея // ВДИ. 4.
- Федосеев, 2016. Федосеев Н. Ф. Боспорский грифон // ДБ. 19.
- Шауб, 2017. Шауб И. Ю. Монстры в культуре скифов // Новое прошлое. 4.
- Altenhöfer, Bol, 1989. Altenhöfer E., Bol R. Der Erosen-Jagdfries des Theaters in Milet // Ist-Mitt. 39.
- Barclay, 2013. Barclay A. Influence, inspiration or innovation? The importance of contexts in the study of iconography: the case of the Mistress of Animals in 7th-century Greece // Regionalism and globalism in antiquity. Exploring their limits. Louvain.
- Barr-Sharrar B. 1982. Barr-Sharrar B. Dionysos and the Derveni krater // Archaeology. 35.
- Barr-Sharrar, 2008. Barr-Sharrar B. The Derveni krater: masterpiece of classical Greek metalwork. Princeton.
- Beier, 2017. Beier C. Fighting animals: an analysis of interaction between human self and animal otherness in Attic vases // Interactions between animals and humans in Graeco-Roman antiquity. Berlin.
- Bolton, 1962. Bolton J. Aristeas of Proconnesus. Oxford.
- Borg and Borg, 2002. Borg B., Borg G. The history of Apollo's temple at Didyma, as told by marble analyses and historical sources // Interdisciplinary studies on ancient stone // ASMOSIA. VI. Venice.
- Bothmer, 1952. Bothmer D., von. Some Etruscan vases // Metropolitan Museum of Art Bulletin. 10.
- Braund, 2017. Braund D. The griffins of Taman, Teos and Abdera: reflections on Dionysus, Heracles and colonization // Артефакты и сакральное в истории Боспора. Нижний Новгород.
- Braund, 2018. Braund D. Greek religion and cults in the Black Sea region. Cambridge.
- Braund, 2019a. Braund D. Theatre and performance in the Bosporan kingdom // Ancient theatre and performance in the Black Sea region. Cambridge.
- Braund, 2019b. Braund D. Historiography and theatre: the tragedy of Scythian King Skyles // Ancient theatre and performance in the Black Sea region. Cambridge.
- Braund, *forthcoming*. Braund D. The relief of IG ii³298: Leucon and his sons in Athens and Mytilene.
- Braund, Hall, 2014. Braund D., Hall E. Theatre in the fourth-century Black Sea region // Greek theatre in the fourth century BC. Berlin.
- Braund, Javakhishvili, Nemsadze, 2009. Braund D., Javakhishvili K., Nemsadze G. The treasures of Zghuderi: Elite burials of Caucasian Iberia in the Roman period c. AD 200–250. Tbilisi.
- Chuvin, 1991. Chuvin P. Mythographie et géographie. Recherches sur l'oeuvre de Nonnos de Panopolis. Clermont Ferrand.
- Cook, 1981. Cook R. M. Clazomenian sarcophagi. Mainz.
- Delplace, 1980. Delplace C. Le griffon de l'archaïsme à l'époque impériale. Brussels.
- Dierichs, 1981. Dierichs A. Das Bild des Greifen in der frühgriechischen Flächenkunst. Münster.

- Ehrhardt, 1988. Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Vergleichende Untersuchung der kulturellen und politischen Einrichtungen. 2nd. ed. Frankfurt am Main.
- Franks, 2009. Franks H. M. Hunting the eschata: an imagined Persian empire on the lekythos of Xenophantos // *Hesperia*. 78/4.
- Gaca, 2008. Gaca K. Reinterpreting the Homeric simile of Iliad 16.7–11: the girl and her mother in ancient Greek warfare // *AJPh*. 129.
- Gehrig, 2004. Gehrig U. Die Greifenprotomen aus dem Heraion von Samos. Bonn.
- Grandjouan et al., 1989. Grandjouan C. et al. Hellenistic relief molds from the Athenian agora (*Hesperia Suppl.* 23). Princeton.
- Green, 1995. Green J. R. Theatrical motifs in non-theatrical contexts on vases of the later fifth and fourth centuries // *Stage directions: essays in ancient drama in honour of E. W. Handley (BICS Suppl.* 66). London.
- Heres, 1970. Heres G. Greifenprotomen aus Milet // *Klio*. 52.
- Hoffmann, 1966. Hoffmann H. Tarantine rhyta. Mainz.
- Kawami, 1991. Kawami T. Greek art and the finds from Pazyryk // *Notes in the History of Art*. 10.
- Kuznetsov, 2000. Kuznetsov V. Phanagoria and its metropolis // *Talanta*. 32–33.
- Larmour, 1992. Larmour J. Eyes, knowledge and power in the Prometheus Bound // *Scholia*. 1.
- Lenger, 2009. Lenger D. A proposito del grifone sulle monete d'Asia Minore // *Ancient history, numismatics and epigraphy in the Mediterranean world. Studies for C. Bosch and others*. Istanbul.
- Mattusch, 1990. Mattusch C. A trio of griffins from Olympia // *Hesperia*. 59/4.
- Mayor, 1994. Mayor A. Guardians of the gold // *Archaeology*. 47.
- Mayor, 2000. Mayor A. The first fossil hunters. Princeton.
- Papalexandrou, 2010. Papalexandrou N. Clazomenian sarcophagus in the Princeton University Art Museum // *Record of the Art Museum. Princeton University*. 69.
- Richter, 1966. Richter G. The furniture of the Greeks, Etruscans, and Romans, London.
- Seaford, 1980. Seaford R. Black Zeus in Sophocles' Inachos // *CQ*. 30.
- Seaford, 2006. Seaford R. Dionysos. London.
- Shcheglov, 2010. Shcheglov D. Aristeas of Proconnesus: facts and interpretations // *Aristeas*. 1.
- Sokolova, 2002. Sokolova O. Yu. New material from the excavation at Nymphaeum // *Talanta*. 32–33.
- Sokolova, 2017. Sokolova O. Yu. The Nymphaeum expedition in 2015 // *ASGE*. 41.
- Sturgeon, 1977. Sturgeon M. Sculpture: the reliefs from the theater (Corinth. 9. 2). Philadelphia.
- Tereshchenko, 2012. Tereshchenko A. Apollo-Dionysus motives on the coins of Panticapaeum // *Stratum plus*. 6.
- Thompson, 1965. Thompson M. The coinage of Proconnesus // *Revue numismatique*. 7.
- Treister, 1990. Treister M. A Matrix from Panticapaeum // *Journal of the Walters Art Gallery*. 48.
- Vaulina, Wasowicz 1974. Vaulina M., Wasowicz A. Bois grecs et romains de l'Ermitage. Wrocław.
- Vermeule, 1987. Vermeule C. The god Apollo, a ceremonial table with griffins, and a votive basin // *J. Paul Getty Museum Journal*. 15.
- Vermeule, 1972. Vermeule C. Greek funerary animals, 450–300 B. C. // *AJA*. 76.

- West, 2004. West S. Herodotus on Aristeeas // Pontus and the outside world. Leiden.
- Westgate, 2011. Westgate R. Party animals: the imagery of status, power and masculinity in Greek mosaics // Sociable man: Essays on ancient Greek social behaviour in honour of N. Fisher. Swansea.
- Younger, 2011. Younger J. C. A view from the sea // The seascape in Aegean prehistory (Danish Institute Monograph. 14). Athens.

Summary

Д. Браунд

Боспорские грифоны и Спартокиды: некоторые наблюдения

Статья посвящена грифонам в античных письменных источниках и в памятниках материальной культуры. В ней говорится о том, что грифоны были одними из фантастических образов мировоззрения греков, прежде всего (но не исключительно), связанных с культами Аполлона и Диониса. Грифоны были весьма широко распространены в греческой культуре (в контексте представлений о жизни и смерти) задолго до начала колонизации Причерноморья и сохраняли эту важную роль до рубежа эр.

Несмотря на то, что у нас очень мало информации о процессах культурного обмена между греками и скифами в период колонизации, важно ещё раз подчеркнуть, что греки уже имели сложившиеся традиции о грифонах до появления их (греков) в Северном Причерноморье. Историю влияния скифских представлений о грифонах на те же образы (сюжеты) у местных греков (и наоборот) описать пока невозможно, тем более что это затрагивает вопрос о роли соответствующих образов в регионах Сибири.

Надо отметить, что образы грифонов были особенно популярны в Милете (вместе с Дидимами) в культе Аполлона. Тоже можно сказать и о Теосе, где главным божеством являлся Дионис. Поэтому вполне возможно утверждать, что, культ грифонов оказался на Боспоре как часть мировоззрения и верований колонистов из Ионии. При этом примечательно, что образ грифона стал более популярным на Боспоре, нежели в Ольвии, где, как кажется, сфинкс играл ту же роль. На новых землях греки развивали новые варианты своих предыдущих представлений и образов. Грифонам прежде всего отводилась роль стражей, которые защищали своих и друзей. Не случайно, у них крупные глаза, чтобы лучше всё видеть. Они бесшумно, очень быстро и агрессивно передвигаются – спастись от них невозможно. Они часто сопутствуют тем, кто обладает богатством и властью. Согласно Аристею, грифоны стерегут золото. Следует учитывать, что этот примечательный сюжет у поэта не находит истоков (прообразов) в Северной Европе, но наверняка – они имелись в Милете. Аристей жил и писал на острове

Проконнес – колонии Милета (как и соседний Кизик), то есть в ареале наибольшего почитания Аполлона.

Н. Ф. Федосеев недавно представил надёжную аргументацию того, что на Боспоре грифон был символом царства Спартокидов. В своей статье он рассматривает объекты, которые доказывают наличие образа и культа грифонов на Боспоре. Фанагории и синдам (Синдике) в этой связи уже было уделено внимание автора в отдельной статье. Здесь же он останавливается на почитании грифона в Нимфее в контексте культа Диониса и наличия в этом городе театра. В равной степени тоже самое касается и пантикапейского грифона и его роли в культе Диониса (и, может быть, местного театра) и Аполлона. Автор полагает, что самка грифона, по-видимому, считалась самым надёжным стражем.

Наконец, автор обращает внимание на рельеф из Афин, на котором представлены сидящими на троне Спарток II и Перисад I, рядом с которыми стоит Левкон I. На основаниях ножек трона боспорских правителей можно увидеть изображения когтей грифонов (или львов?). На вершине скипетра, который держит боспорский правитель, показанный сидящим в центре композиции, автор статьи тоже предполагает изображение грифона.

Н. И. Винокуров
(Москва, МПГУ)

Исследование строительных остатков поздней цитадели на городище Артезиан в 2015–2017 гг.

Раскопки поздней цитадели проводятся ААЭ с конца 90-х гг. прошлого века. В 2015–2017 гг. они продолжались в северной части цитадели, в пределах северной прирезки раскопа III на площади около 400 кв. м¹ (рис. 1–7). Здесь исследовались следующие строительные остатки и связанные с ними культурные напластования: котлован выборки северной центральной башни 3, западная часть контрфорса – подпорной стены 209, банкет севернее стены 209 из выбросов культурного слоя, которые залежали поверх золистой засыпки оборонительного рва.

Как было установлено предшествующими работами [Винокуров, 2005, с. 50–60; 2008, с. 67–77; 2009, с. 9–16; 2010а, с. 38–44; 2010б, 46–65; 2012; 2013, с. 30–40; 2014, с. 98–105; 2018, с. 1–17], при царе Котисе I (45–68 гг.) на руинах ранней цитадели, погибшей в 46/47 г. в начальный период боспоро-римской войны 44/45–49 гг. (Тас. Апп. XII. 15–21)², возникла новая крепость с мощными прямоугольными башнями и крепостными стенами, сооруженными из больших рустованных квадров (рис. 1–7). При этом почти вдвое увеличались её размеры и возросла толщина стен. Крепость защищал менее глубокий, но более широкий ров, шириной до 10–12 м, с дополнительной внешней стеной – протейхизмой. Но это была уже цитадель иного типа, не только лучше укрепленная, но и выстроенная с применением последних фортификационных новаций.

Остатки сгоревших и разрушенных оборонительных сооружений ранней цитадели были разобраны, её ров засыпан, а слой пожара 46/47 гг. спланирован. В забутовке оборонительных стен новой «Цитадели» использованы квадры из ранних крепостных стен. Обгоревшие красно-бурые лицевые поверхности квадров, прежде выходившие на фасад, теперь развернуты внутрь кладки как менее прочные строительные элементы. Камни подтесывались

¹ Между реперными линиями РПю60 и РПю80, включая следующие квадраты 5×5 м (с запада на восток северную прирезку раскопа III): северную линию – Иж10/2, Кж1/1, Кж1/2, Кж2/1, Кж2/2, Кж3/1, центральную – Иж10/4, Кж1/3, Кж1/4, Кж2/3, Кж2/4, Кж3/3; южную – Ии10/2, Ки1/1, Ки1/2, Ки2/1, Ки2/2, Ки3/1; а также: Ии10/4, Ки1/4, Ки2/3, Ки2/4, Ки3/3, Ки3/4, Ки4/3, Кк2/2, Кк3/1, Кк3/2, Кк4/1.

² События боспоро-римской войны специально рассматривались в ряде работ [Дьяков, 1940, с. 71–88; Кадеев, 1979, с. 55–76; Горончаровский, 2002, с. 197–206; 2003, с. 161–170; Винокуров, 2004, с. 78–88; 2009, с. 9–16; 2005, с. 50–60; 2008, с. 67–77; 2009, с. 9–16; 2010а, с. 38–44; 2010б, 46–65; 2012; 2013, с. 30–40; 2014, с. 98–105; Abramzon, Treister, Vinokurov, 2012, с. 207–278; Сапрыкин, Винокуров, Белоусов, 2014, с. 134–162].

прямо на месте, о чем свидетельствуют прослеженные около башни 1 и в южном борту раскопа I толстые слои известкового отёса. В этих слоях открыты фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор типов «А» и «В» I в. н. э.³ и медная монета царя Аспурга (14–37 гг.) (к. о. 1/2001) [Фролова, 1997, ч. 1, с. 200, т. XIV, 1–21; Винокуров, 2004, с. 81–82].

Башни новой крепости отличали правильные пропорции и тщательность строительной техники. Пролёты оборонительных стен – куртины строились с башнями впритык, а не вперевязь. Этот строительный прием имел профилактический характер, особенно рассчитанный на разрушительные действия землетрясений. Цокольная часть башен несколько утолщалась, чтобы придать им большую антисейсмическую устойчивость и усилить сопротивление действию таранов⁴.

На раскопах I и III были вскрыты северо-восточный, юго-западный части и центр поздней Цитадели. Ранее полностью раскопаны две башни крепости: северо-восточная 1 и западная 2, благодаря чему их конструкция хорошо изучена. Так, *квадратная башня 1*⁵, фланкировавшая наружный северо-восточный угол стыковки крепостных стен, выдвинута на 4 м за линию северной крепостной стены 69 (на 4,6 м за линию стены 69а первого строительного периода). Она представляла собой мощную постройку, сложенную

³ Еще одним хронологическим репером перестройки крепости может являться горло светлоглиняной амфоры с профилированными ручками типа А1 конца первого века до н. э. – середины I в. н. э. [Шелов, 1978, Абрамов, 1993, 5.21]. Оно найдено в слое строительного отёса мощностью 0,12–0,18 м в 1999 г. (см. Отчет ААЭ 1999 г., рис. 100).

⁴ На некоторых квадратах стены зафиксированы подчетырехугольные выемки, пазы и вырезы для пиროнов, деревянных лаг и балок. Деревянные конструктивные элементы придавали оборонительным стенам большую прочность, эластичность и устойчивость, помогали связывать каменные и сырцовые части стен. Они обладали способностью гасить сейсмические колебания малой и средней мощности [см.: Башкиров, 1948, с. 392 и сл.]. Ширина балок была не менее 0,17–0,18 м. Часть из них, наверное, использовалась в качестве опоры при возведении навесов и балюстрад внутри «Цитадели».

Наружные фасады стен сложены довольно аккуратно из грубо отесанных разнокалиберных квадров желтого ракушечника и белого известняка, насухо, с плотной притеской швов, по постелистой тычково-ложковой системе. Пространство между ними заполнено квадрями и их обломками, установленных на постель без видимого порядка на желтой глине с известковой крошкой и щебнем.

Рекомендации античных фортификаторов, позволяют реконструировать высоту куртин – линий крепостных стен между башнями. Она должна была быть в два раза больше их толщины (Phil. Biz., 3.2, 8.6). Следовательно, высота стен поздней «Цитадели» городища Артезиан могла достигать 9–10 м, а башен – 12–15 м. Эти параметры вполне согласуются с размерами крепостных стен других населенных пунктов античных государств Северного Причерноморья [Крыжицкий, 1993, 66].

Во внутреннем углу между стенами и башней 1 сохранился участок вымостки. Здесь были установлены деревянные лестницы для подъема на верхние ярусы укреплений. Для их установки были вырублены подчетырехугольные пазы в некоторых квадратах башни.

С юга к башне 1 вел вымощенный проход, шириной 1,50 м, оформленный в стене 179/189 тремя ступенями. Внутри поздней «Цитадели», после возведения стен и башен, уровень поверхности был поднят за счет нивелировочных подсыпок желто-коричневого и коричнево-серого плотного глинистого грунта. Его подошвой послужил слой пожара ранней «Цитадели» середины первого века нашей эры. Он содержал известковую крошку, кости животных, угли и фрагменты керамики I–II вв. н. э. Последовательность подсыпок маркировали тонкие утопанные прослойки глинистого коричнево-серого и желто-серого грунта, зафиксированные ранее во время исследования напластований на севере раскопа. Позже они стали основой насыпей террас II–III вв. с разновременными находками первых веков.

Вдоль её крепостных стен следовали прямоугольные полуподвальные помещения. Они имели смежные стены, черепичную кровлю. Отсутствие печей, загоронок, остатков жерновов и следов лежанок при большом количестве ям от пифосов и амфор предполагает, что они преимущественно использовались для хранения припасов и складских нужд.

Обращали на себя внимание заметные зигзагообразные деформации всех фундаментов внутренних стен цитадели, которые появились в результате землетрясения второй половины III в. н. э. Фасады стен выдавлены в разные стороны, первоначально заданные правильные очертания сильно искажены.

⁵ Она обнаружена на раскопе I в 1999–2000 гг.

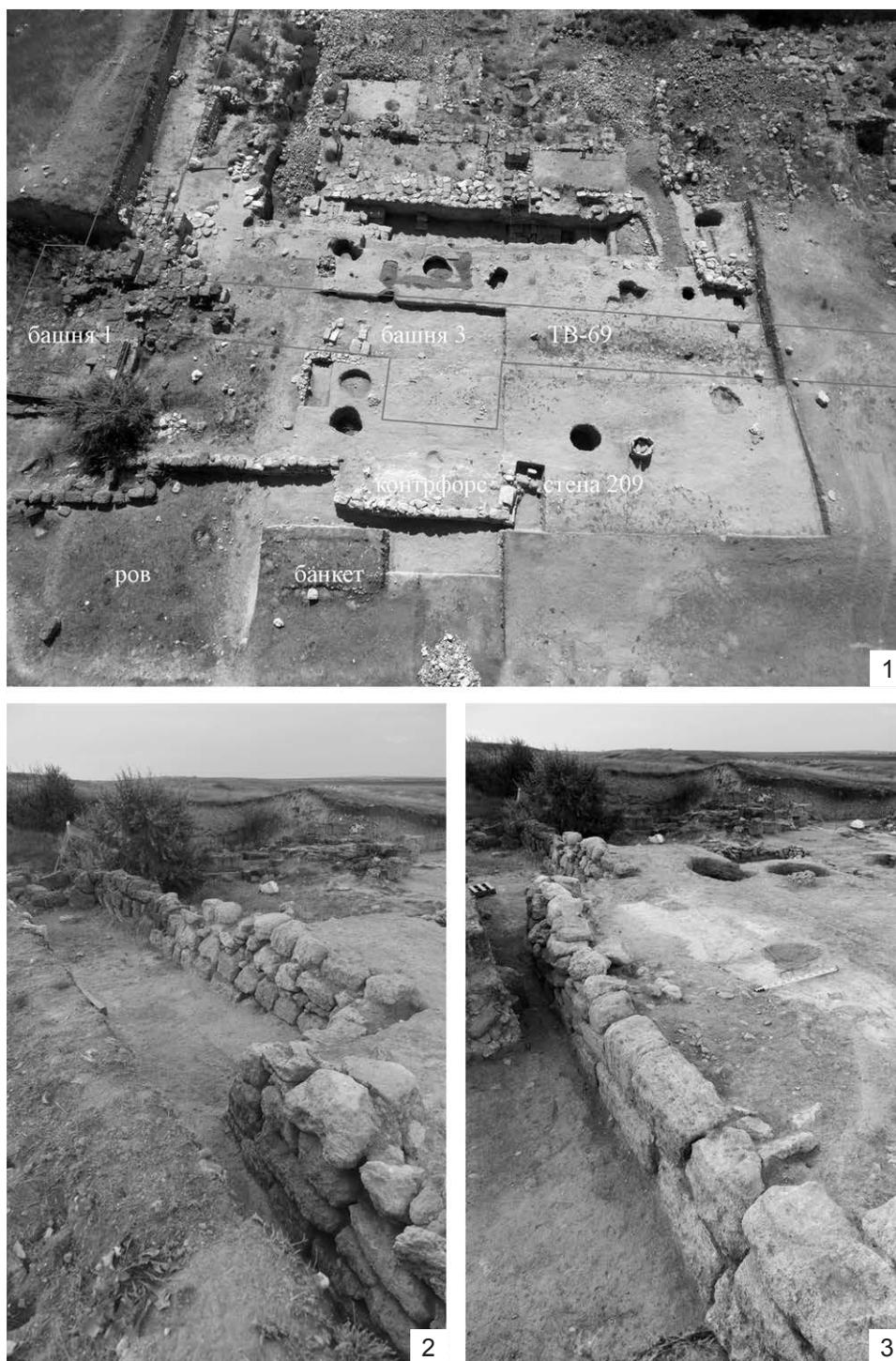

Рис. 2. 1 – панорама строительных остатков поздней цитадели со стороны контрфорса – стены 209. Вид с севера. Снимок квадрокоптера. 2016 г. 2–3 – восточная часть контрфорса – стены 209 поздней цитадели. Вид с юго-запада. До начала работ 2017 г. Северная прирезка. Раскоп III

на массивном четырехугольной формы бутовом основании (8,20/8,45×9,70/9,80 м), на котором покоился сплошной каменный цоколь (7,45×7,40 м). На цоколе располагался первый ряд собственно «тела» башни со сторонами 7,00×7,00 м. Три элемента конструкции башни: 1. каменная платформа – фундамент; 2. первый цокольный ряд из квадров; 3. нижний венец кладки из рустованных квадров придавали ее нижней части уступчатую в плане форму. Сохранившаяся высота цоколя и нижнего ряда кладки башни 0,68–1,16 м (1–2 вертикальных ряда). Фактически, это был бастион, не имевший в нижней части внутреннего пространства. На лицевой поверхности цокольного ряда башни заметно выделялись русты. Сплошные монолитные фундаменты и цокольные ряды, возведенные из квадров, в крепостных сооружениях античного Боспора редки. Такие башни были устойчивы к разрушению и были приспособлены для установки метательных машин.

В любом случае, столь основательная и прочная конструкция башни свидетельствует не только о значительной высоте и монументальности местных оборонительных сооружений, но и о важном стратегическом значении городища Артезиан. По-видимому, на башнях артезианской «Цитадели» имелись особые платформы для установки одной тяжелой и нескольких легких метательных машин. Аналогично устроена и западная башня 2, которая раскапывалась в 2003–2005 гг.

К северо-восточной башне 1 примыкали северная и восточная крепостные стены 69 и 68. Их остатки в виде траншей выборок и маловыразительных обрывков фундамента были обнаружены в 1999–2000 гг. на раскопе I на глубине 1,20–1,90 м от современной поверхности. Судя по уцелевшим участкам двухлицевые, трехслойные, двухрядные постелистые, тычково-ложковые кладки стен пересекались впереплет друг с другом под прямым углом.

Подобной конструкции была, скорее всего, и башня-бастион 3, которая находилась по центру стены 69. Она отстояла на 15,30 м западнее башни 1. Её расположение открыто в 2015 г. по контурам котлована средневековой выборки (рис. 1, 3–4). Раскопки котлована продолжались в 2016–2017 гг. Строительные остатки башни найдены только на последнем этапе. К сожалению, сохранность башни 3 оказалось очень плохой.

Исследование северной (центральной) башни 3

В 2015 г. в квадратах Кж2/3 и Кж2/4 ниже поддежного горизонта был открыт котлован средневековой выборки центральной северной башни 3 с зольным заполнением (См. Отчет ААЭ 2015 г., рис. 82, 87, 104–105, 115–117)⁶. В разрезе он имел неправильную корытообразную форму, его борта, выкопанные в слое окружающего желто-коричневого «сырцового» грунта, сужались книзу неровными уступами. Его размер, соответствующий величине башни 3: 6,43×7,27 м. Башня 3 выступала за куртину стены 69 на 4,05 м. Исследованная глубина котлована достигает 2,63 м (рис. 1, 3–4). Придонная его часть углублена в материковый грунт. Дно котлована ещё не выявлено⁷.

⁶ Углубление от котлована использовалась в средневековое время для сброса зольного грунта с большим количеством бытовых отходов с обломками керамики VIII–IX вв. От него на глубине 0,12–0,30 м от современной поверхности на отметке +0,19 осталось зольное пятно темно-серого цвета (размером 5,04/6,04×4,63/4,77 м), примыкавшее с севера к ТВ-69. Границы пятна были нечеткие, размытые, они уходили в бортики квадратов Кж2/3 и Кж2/4 (См. Отчет ААЭ 2015 г., рис. 8, 11, 104, 115–117).

⁷ Работы в квадратах Кж2/3–4 остановлены на уровне отметок: –3,38–2,46.

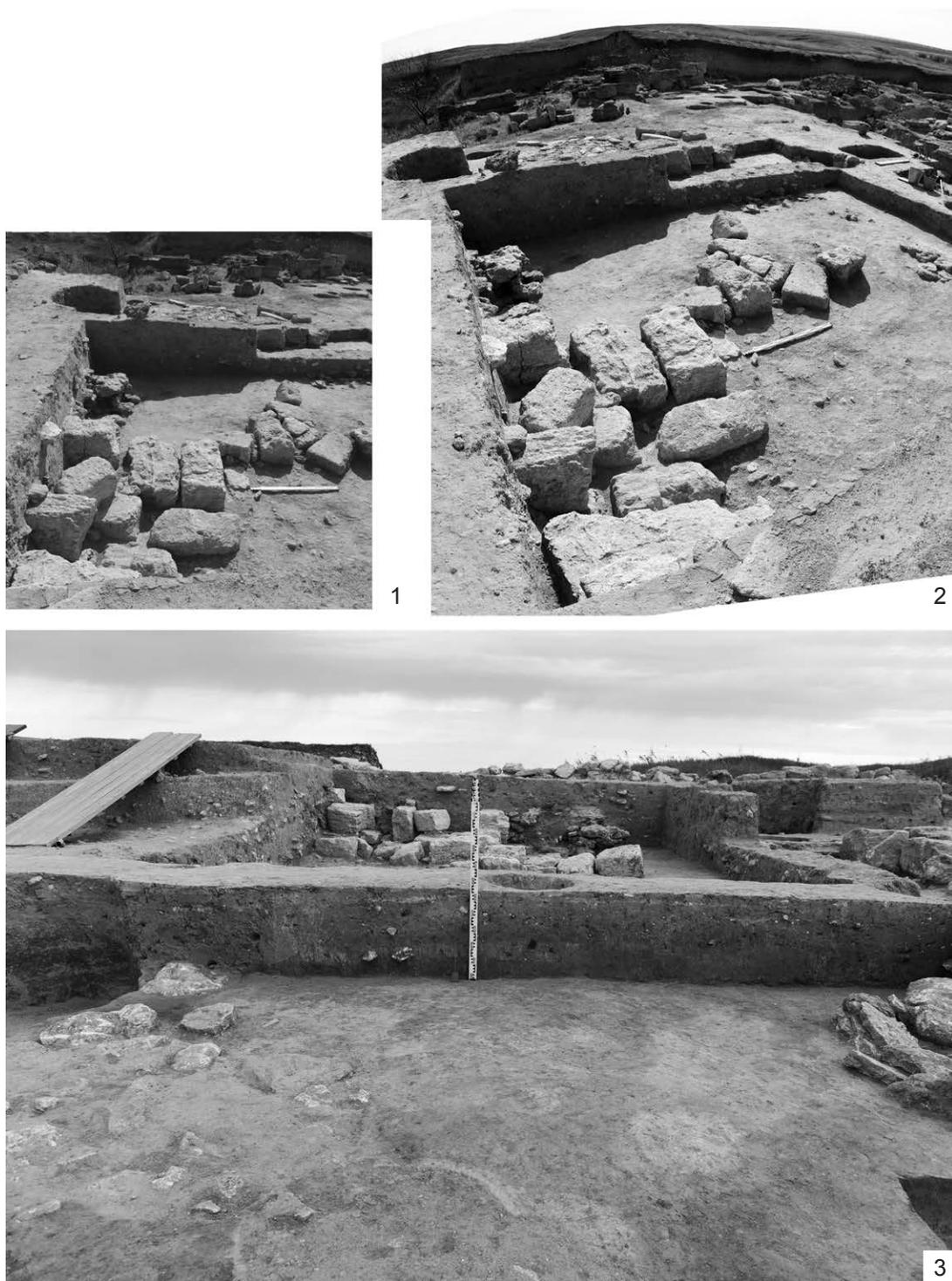

Рис. 3. 1–3 – котлован выборки северной центральной башни 3 поздней цитадели. Вид с запада, северо-запада и юга. Раскоп III. 2017 г.

Камни от разобранного фундамента башни 3 поздней цитадели сохранились в северной части котлована выборки, где обнаружены два вертикальных ряда кладки из разнокалиберных квадров белого и желтого известняка (1,11×0,73×0,56 м; 1,09×0,64×0,54 м; 0,75×0,66×0,54 м), установленных насухо (рис. 1, 3–4). На некоторых из них сохранились следы белого известкового раствора. Раствор и квадры аналогичны найденным в стене 194 ранней цитадели. Как и там, они в башне 3 были во вторичном использовании. Верхние квадры находились на отметке –1,40, нижние на отметке –1,91. Уровень залегания подошвы второго ряда кладки – 2,45–2,46. Щели между квадрами забиты бутом и щебнем на серой вязкой глине. Квадры в башне установлены на постелистые стороны, на фасад выходили тычками и ложками, но некоторые из них развернуты и смещены с первоначального места во время средневековой разборки башни (рис. 1, 3–4).

Заполнение котлована выборки башни 3 разделялось на несколько пластов. Нижний ярус, мощностью не менее 1,70 м, образовывали жёлто-коричневые, глинистые, сырцово-щебенистые сбросы, довольно плотные, с обломками квадров, известковой крошкой, щебнем и бутовым камнем, с отдельными находками пластин белой и розовой цемянки, обломков печины, кусков стекловидного производственного шлака, костей животных со следами кухонной разделки, обломками стенок и профильных частей античной керамики. Они по структуре и включениям мало чем отличались от нижних слоев засыпи траншей выборки северной крепостной стены 69 поздней цитадели⁸.

Поверх нижнего яруса в котловане выборки башни 3 отложился в VIII–X вв. верхний ярус из зольного грунта с прослойками темно-серого и светло-серого цвета, общей толщиной до 0,34–0,86 м (отметки +0,19–0,67) (См. Отчет ААЭ 2015 г., рис. 11, 116–117). Грунт был очень рыхлый, пылеватый, содержал большое количество щебня, бутового камня, угли, сажу и пепел, а также кости животных со следами кухонной разделки, обломки античной и средневековой керамики, с заметным преобладанием средневековых фрагментов VIII–X вв. (См. Отчет ААЭ 2016 г., рис. 137–139). Он был исследован в 2015–2016 гг.

Скорее всего, окончательная выборка кладки башни и стены 69 произошла не в позднеантичное время, а в средневековый период.

Северная крепостная стена 69, вытянутая с востока на запад, прослежена по останкам фундамента и траншее выборки на длину до 37 м (рис. 1, 5). Она уходит в западный борт раскопа. Ее ширина составляла 3,35 м, высота уцелевших фрагментов кладки 0,30–0,70 м (1–2 ряда квадров).

⁸ В 2017 г. в этих напластованиях обнаружено (на отметках –1,07–2,47) несколько десятков обломков черепицы, включая гранёный и желобчатые калиптеры, солёны местного и импортного производства (рис. 118.1–2); венчик амфоры красно-бурой глины (п. о. 535/2017); фрагмент ножки позднегераклейской амфоры типа C–IVB, 80-х гг. I в. н. э. – 40-х гг. II в. н. э. [Внуков, 2006, с. 167]; ножка амфоры красно-оранжевой глины (п. о. 536/2017); ручки амфор различных типов, среди которых хронологическими индикаторами являлись ручки амфор позднегераклейских амфор типа C–IVA – D I–IV вв. н. э. [Внуков, 2006, с. 167] (рис. 118.4). В заполнении также найдены: около трех десятков стенок и несколько профильных обломков (венцы, ручки, донца) кружальных кувшинов красной, коричневой и бежевой глины, небольшое количество стенок и профильных частей лепных сосудов и краснолаковых кубков, мисок, блюдец и тарелок первых веков н. э. (рис. 118.4–6); бронзовый фиксатор в виде кольца, диаметром 26 мм, на рукоять ножа (?) (к. о. 81/2017) (рис. 119.1); железная скоба на двух шипах, один из которых частично обломан, размером 34×12 мм (к. о. 82/2017) (рис. 119.2); ножевидная пластина из кремня светло-коричневого цвета размер 33×10 мм (к. о. 83/2017) (рис. 119.3); два пращевых ядра из песчаника, размером 56×46 мм, весом 160 г., размером 46×39, весом 75 г. (к. о. 22–23/2017) (рис. 119.4); обломок уплощенной серой гальки полигональной формы (п. о. 543/2017) (рис. 119.5) (см. Отчёт ААЭ 2017 г.).

Рис. 4. 1–2 – котлован выборки северной центральной башни 3 поздней цитадели. Вид с северо-востока и юга. Раскоп III. 2017 г.

Исследование ТВ-69.

Северная оборонительная стена 69 также была выбрана преимущественно в средневековое время. В 2015–2017 гг. в процессе раскопочных работ на северной прирезке продолжилось⁹ её дальнейшее исследование (рис. 1, 5). Она была раскрыта вдоль реперной линии РПЮ70 ещё на 28 м, от борта раскопа I 2000 г. в западном направлении, по всей длине северной прирезки. Общая выявленная длина стены 69 достигала 37,43 м. Её ширина в верхней части 3,80 м, в нижней до 2,77 м. Борта ТВ-69 неровные, сильно оплывшие, целиком выкопаны в более раннем культурном слое¹⁰. Траншея прорезала культурные напластования I–IV вв. н. э. на глубину до 1,70–1,86 м¹¹. Дно её открыто на ограниченном участке в кв. Ки2/2 и Ки2/3 на отметке –1,90, на глубине около 2,00–2,50 м в зависимости от уклона современной поверхности. Здесь *in situ* остались два небольших фрагмента нижнего ряда квадратной кладки фундамента стены 69, открытые на площади около 9 кв. м (См. Отчет ААЭ 2016 г., рис. 7–9, 84, 72.1, 110). Квадры лежали на постелистых сторонах, тычками на фасад. Они перекрыли вымостку 2, связанную с периодом бытования ранней цитадели. В качестве скрепляющего раствора использовалась жёлтая пластичная глина. Квадры отличались размерами и не были калиброваны (1,27×0,95×0,43 м; 1,03×0,69×0,42 м; 0,83×0,65×0,38 м; 1,09×0,46×0,36 м; 0,54×0,33×0,18 м), что может говорить о вторичном их использовании. Поверхность камней была среднеоколота, отдельные камни обработаны под «скарпель». Углы их оббиты, боковые грани сколоты. Стыковочные швы неплотные, что характерно для фундаментов крепостных стен городища, это был своего рода апробированный антисейсмический приём.

В 2017 г. по линии ТВ-69, западнее на 15,09 м в кв. Ки1/1, расчищены четыре подобных квадрата, которые остались невыбранными от южного фаса фундамента крепостной стены (рис. 1, 5). Они выходили торцами на фасад и были уложены параллельно друг другу на постелистые стороны. Их размеры: 0,98×0,56 м; 0,91×0,41 м; 1,04×0,57 м; 0,97×0,47 м. Подошва камней осталась не раскрытой. Верх их находился на отметках – 1,86–1,90. Они залегали на 0,30 м ниже восточных квадров. Возможно, в западной части фундамент стены был устроен таким образом, чтобы компенсировать уклон рельефа возвышенности.

⁹ Остатки каменного фрагмента основания стены и её траншеи выборки исследовались в 1999–2000 гг. на раскопе I. Длина кладки фундамента достигала 8,90 м, ширина – 2,30–2,4 м (при перестройке до 3,35 м), высота – 0,10–0,70 м (один – два вертикальных ряда). Она выявлена на глубине 2,36 м от современной поверхности. Ширина пространства между внутренним скатом рва и крепостной стеной 69а (берма) достигала 6,90–7,00 м. Столь большое расстояние, по-видимому, не следует считать отступлением от античных фортификационных канонов. Крепость была возведена на сравнительно рыхлых осадочных породах, склонных к эрозии, поэтому строители вполне обоснованно могли опасаться просадок и последующего разрушения стен, устроенных ближе к скату рва. Кроме того, следовало учитывать башни, выступающие за линию крепостных стен, вполне позволяющие контролировать все пространство между рвом и крепостными стенами. Траншея выборки стены 69 прослежена в 1999–2000 г. на длину 12 м до западного борта раскопа I. Её ширина составляла 3,35 м. Глубина ТВ-69 достигала 1,80–2,10 м. Её заполнение разделялось по структуре грунта: в верхней части находился мощный темно-коричневый, почти черный гумусный затёк, совершенно сливавшийся с гумусом, в нижней – светло-коричневый щебенистый, чрезвычайно плотный грунт с большим содержанием строительного мусора.

¹⁰ В 2105 г. края ТВ-69 в плане хорошо были заметны по тёмному заполнению в окружающем слое сырцово-щебенистого развала. До момента раскопок по трассе ТВ-69 следовала траншея, заметно понижаясь к западу, в сторону провала на месте котлована выборки северо-западной башни цитадели 1, подобно обычной дренажной траншее. Разрезы её заполнения до глубины 0,70–1,15 м фиксировались в профилях продольной бровки 2 и поперечных бровок 1–4, а также в западном борту, куда уходит продолжение ТВ-69 (См. Отчет ААЭ 2015 г., рис. 104–107, 110).

¹¹ До отметки –1,98 в западном борту раскопа I 2000 г.

Раскопочные работы в ТВ-69 после выборки её сырцово-щебенистого заполнения остановлены на уровне подошвы в восточной части траншеи, а западный её участок остался недоследованным¹². В нижних напластованиях ТВ-69 в 2017 г. фиксировались скопления известковой крошки вместе с бутлом и глиной, где изредка встречались отдельные плоские хорошо отесанные плиты, фрагменты зернотёрок, обломки античной и средневековой керамики (См. Отчёт ААЭ 2017 г., рис. 121–124).

Среди находок находились обломки гранёных и желобчатых калиптеров и солёнов импортного и местного производства, стенки и обломки венцов нескольких пифосов коричневой и оранжево-коричневой глины (п. о. 1190, 1074, 128/2017); профиль края мортария синопской глины (п. о. 407/2017), ножка эллинистической амфоры гераклейского производства IV в. до н. э. (п. о. 1096/2017), венчик и ручки позднегераклейских амфор типа С-Ia рубежа 60-х – 40-х гг. I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. (п. о. 1191/2017) [Внуков, 2006, рис. 1, с. 167; 2013, с. 14–25, рис. 3. А]; венчики и стенки узко-и среднегорлых амфор светлой и красно-коричневой глины, верх амфор с воронковидным горлом коричневой и бежевой глины с серым ангобом (п. о. 170–173/2017); профильные части амфор типа Син II последней четверти I в. н. э. – после середины III в. [Внуков, 2006, с. 167; 2013, с. 30–33, рис. 6. Д], типа Син III 40-х гг. I в. до н. э. – конца I в. н. э. [Внуков, 2006, с. 167; 2013, с. 31–32, рис. 7. А], типа Син IVa – конца I в. до н. э. (?) – середины II в. н. э. (?) [Внуков, 2006, с. 167; 2013, с. 30–33, рис. 7. Б]; горло, венцы, ручки и ножки амфор позднегераклейских амфор типов С-IVA1 – С-IVD второй-третьей четверти I–IV вв. н. э. [Внуков, 2013, рис. 5. А], ножка амфоры коричнево-бежевой глины (п. о. 1094/2017), шесть ножек амфор красной, коричневой, бежевой и бурой глины, более пяти десятков венцов и ручек различных амфор I–III вв., в том числе амфор типа 83 по И. Б. Зеест (п. о. 1087/2017) [Зеест, 1960, с. 170], фрагмент венчика с частью ручки эллинистической амфоры серо-коричневой мелкозернистой глины производства Менды (п. о. 173/2017); венчики амфор розово-коричневой, коричневой и красной глины (п. о. 170–172/2017); венцы и ручки позднегераклейских и позднесинопских амфор (п. о. 1191, 1088, 1090/2017), венчик средиземноморской амфоры с воронкообразным горлом (п. о. 1097/2017); венчик эллинистической амфоры гераклейского производства IV в. до н. э. (п. о. 1093/2017); ручки античных амфор различных типов, включая амфор типа Деллакеу розовато-коричневой глины III–IV вв. Обломков простой гончарной керамики найдено в ТВ-69 немного: 14 профильных фрагмента от закрытых и открытых простых гончарных сосудов красной, коричневой и серой глины, включая профиль гончарной сковороды бурой глины (п. о. 140/2017). Также найдено небольшое количество стенок и профильных частей лепных сосудов (верх крышки серой глины (п. о. 410/2017), края крышек, венцы, ручки и днища кувшинов, кружек, горшков, мисок). Относительно немного в ТВ-69 открыто обломков краснолаковой посуды от кувшинов, кубков, канфаров, мисок и тарелок первых веков н. э. (п. о. 149–151, 1106, 1109, 1113/2017). Следует отметить другие артефакты: фрагмент стенки амфоры с граффити в виде нескольких перекрещивающихся линий, красно-коричневая глина (к. о. 24/2017), бронзовая

¹² Отметки, на которых остановлены работы в 2017 г., вдоль ТВ-69: -2,14 на востоке в кв. Ки2/1–2 и Ки3/1 -1,98; на западе в кв. Ии10/2 и Иж10/4 -2,06.

Рис. 5. 1–2 – траншея выборки северной крепостной стены 69 поздней цитадели.
На переднем плане линия уцелевших кадров. Вид с запада и северо-запада.
Раскоп III. 2017 г.

вытянутая пластина длиной 80 мм (к. о. 77/2017), железные гвозди (п. о. 1614–1615/2017), кремнёвый отщеп коричневого цвета (к. о. 9/2017), а также медную монету Котиса I Котис I (45/46–68/69 гг. н. э.), датированную М. Г. Абрамзоном 49–54 гг. н. э. (н. о. 1/2017).

Исследование контрфорса – подпорной стены 209 поздней цитадели.

В северной части раскопа III, на стыке с раскопом I, была раскопана стена 209, которая являлась подпорной стеной – контрфорсом поздней цитадели (рис. 1–2, 6–7). Как показывают стратиграфические наблюдения и датировка нумизматических находок, она появилась во II в. н. э. по время перестройки крепости при царе Савромате I. Стена следовала с внешней стороны по периметру стен и башен поздней цитадели, повторяя их контур, образуя прямоугольные выступы к северу от башен. При этом пространство между подпорной стеной и крепостью было заполнено сбросами срезанного культурного слоя и материкового грунта. Она частично перекрыла оборонительный ров, к тому времени на три четверти заполненный мусорным грунтом. Ее основу составили культурный слой, срезанный с территории городища I в. до н. э. – II в. н. э., выбросы материкового грунта, мусорные золистые напластования. Фактически, подпорная стена и насыпь являлись контрфорсом, своего рода противотаранным бастионом, укреплявшим крепостные стены и башни. После разбора верха стен поздней цитадели он служил основой верхней террасы городища III–IV вв.

Стена 209 являлась западным продолжением монументальной подпорной стены 44/66/65¹³ (рис. 1–2, 6–7). Она сложена пирамидально из массивных квадров и плит известняка по постелистой тычково-ложковой однорядной однослойной системе. Стена 209 была также выстроена поверх полузасыпанного рва поздней цитадели. Вполне допустимо, что не только северо-восточный угол цитадели вместе с башнями 1 и 2, но и вся крепость были окружены массивным противотаранным контрфорсом-бастионом, который, несомненно, выполнял ещё и антисейсмические функции. Выявленная длина северной его части составляла не менее 39,79 м, ширина 4,47 м (от внешнего фаса стены 65 до восточного фаса башни 1) и 6,24 м (от стены 44 до северного фаса башни 1). Ширина контрфорса от башни 3 до внешнего фаса стены 209 достигала 4,97 м, от стены 69 до внешнего фаса стены 209–7,38–7,81 м. Понятно, что при такой ширине доступ таранов к крепостным стенам был совершенно невозможен.

Данное обстоятельство а priori свидетельствует о сохранении оборонительной функции «Цитадели» после реконструкции II в. н. э. Причем камни из крепостных стен использовались для сооружения подпорных стен. Если это предположение окажется верным, то можно говорить о третьем, вероятно, кратковременном этапе бытования крепостных сооружений городища, начало которому было положено с момента возведения подпорной стены 209/44/66/65. Сооружение контрфорса, подпорной стены и засыпка рва привели во II веке нашей эры к уменьшению ширины¹⁴ и глубины рва «Цитадели».

Верх стены 209 обнаружен в 2015–2016 гг. в квадратах Кж2/1–Кж2/2–Кж3/1 на глубине 0,30–0,44 м от поверхности (отметки–0,32–0,62) (рис. 1–2, 6–7). Она проходила

¹³ Стена 44 исследовалась в 1995 г, 1999 г.

¹⁴ Ширина рва на севере достигала 6,00 м (как и ширина бастиона), а на востоке – 8,5 м.

Рис. 6. 1 – контрфорс – стена 209. На переднем плане справа – ТВ-209. Вид с запада до начала работ 2017 г. На дальнем плане слева банкет из сбросов культурного слоя над оборонительным рвом, разобранный в 2017 г. 2 – центральная часть контрфорса – стены 209 поздней цитадели. На переднем плане золистое заполнение рва. Вид с северо-востока до начала работ 2017 г. Северная прирезка. Раскоп III

севернее центральной башни 3, следуя её прямоугольному контуру, образуя выступ-бастион, аналогичный, выстроенному у башни 1. Его длина с запада на восток до 9,86 м. Ширина бастиона с юга на север, от башни 3 до внешнего фаса стены 209–4,94–4,97 м. Он был выдвинут на 1,76 м севернее куртины стены 209.

Стена 209 сохранилась довольно хорошо. Её длина с востока на запад 17,89 м, ширина 0,97 м, высота до 1,62 м (до 4-х вертикальных рядов кладки) (рис. 1–2, 6–7).

В ходе раскопочных работ 2017 г. исследовалось западное продолжение стены 209, отходившее от башни 3 (рис. 1–2, 6–7). Здесь она была выбрана до двух нижних рядов кладки средневековой траншеей выборки, плотное глинисто-щебёнистое заполнение которой включало большое количество бутового камня, щебня, известковой крошки, а также – отдельные куски печины, шлака, цемянки, фрагменты античной и средневековой керамики (См. Отчёт ААЭ 2017 г., рис. 126–128). Во время её исследования ТВ-209, найдены (на уровне отметок –0,78–1,75) следующие находки: профильные части желобчатых калиптеров и соленов местного и импортного производства, стенки и профильные части пифосов; венчик амфоры оранжевой глины с бурым ангобом (п. о. 99/2017), венчики амфор коричневой глины типа 82 [Зеест, 1960] (п. о. 973–976, 161/2017); фрагменты сложнопрофилированных венцов амфор красно-оранжевой глины типа 80 [Зеест, 1960] (п. о. 977, 385/2017), фрагмент венца позднесинопской амфоры сиренево-коричневой глины (п. о. 978/2017), венчик амфоры розово-коричневой глины с бежевым ангобом, венчик амфоры коричневой глины с зеленовато-бежевым ангобом, венчик амфоры коричневой глины (п. о. 100–102/2017), венчик амфоры красно-оранжевой глины с «манжетовидным» краем и бежевым ангобом на поверхности, венчик амфоры с желобчатыми ручками бежево-коричневой глины, венчик амфоры пестрой глины, венчик амфоры коричнево-бежевой глины (п. о. 159–162/2017), венчик и стенки позднегераклейской амфор типа С-IVF IV в. до н. э. (п. о. 163/2017); горло амфоры с венчиком и ручкой коричневой глины с зеленовато-желтым ангобом (п. о. 561/2017); венчик амфоры красно-оранжевой глины с желтым ангобом (п. о. 386/2017), три десятка ручек позднеантичных амфор типов 72–84 [Зеест, 1960], в том числе амфор типа Делакеу розовато-коричневой глины III–IV вв., ножка амфоры оранжево-коричневой глины (п. о. 106/2017). Стенок и профильных обломков (венцы, ручки, донца) кружальных кувшинов красной, коричневой и бежевой глины найдено заметно меньше, как иенок и профильных частей лепных сосудов и краснолаковых кубков, мисок, блюд и тарелок первых веков н. э. Отмечу ещё другие находки: части терракотовой фигуры (тимпан?) коричневой глины (к. о. 41/2017); фрагмент бронзовой нашивной пластины с отверстием длиной 23 мм (к. о. 78/2017); два пращевых ядра из песчаника и серой морской гальки округлой формы (к. о. 90, п. о. 168/2017); медную монету плохой сохранности (н. о. 2/2017).

Подосва кладки 209 и её траншеи выборки в процессе раскопок 2017 г. не раскрыты. Работы в нижней части стены остановлены на уровне отметок –1,67 (на западе)–1,87 (на востоке) (рис. 1–2, 6–7).

Конструктивно стена 209 ничем не отличалась от восточного продолжения подпорных стен 65–66. Она была также сложена поверх полусасыпанного рва поздней цитадели из больших и средних, грубо околотых известняковых разнокалиберных квадров, блоков и плит вторичного происхождения (1,56×0,53×0,41 м; 1,41×0,56×0,18 м; 0,94×0,48×0,35 м)

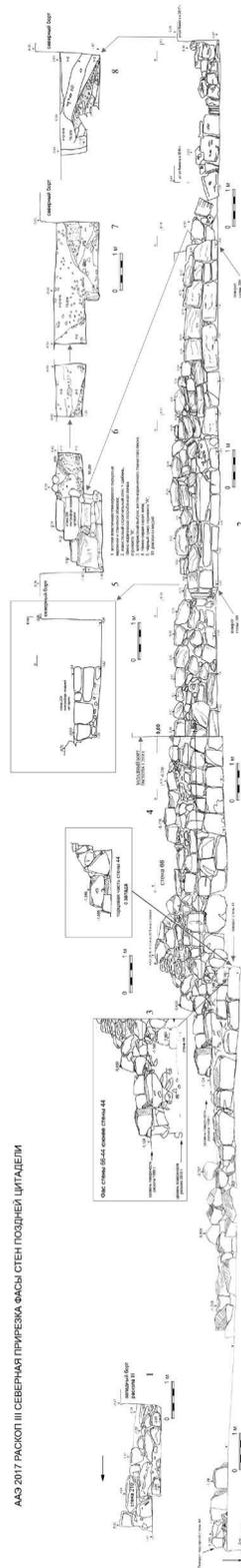

Рис. 7. 1. Фас внутренней однолицевой подпорной стены поздней цитадели 210 2016–2017 г. Вид с севера. 2. Фас внешней однолицевой подпорной стены – контрфорса поздней цитадели 44/66 1999–2000 гг. и 209 2016 г. Вид с севера. 3. Фас уступа – торцевой части подпорной стены – контрфорса поздней цитадели 44/66 1999–2000 гг. Вид с востока. 4. Фас уступа – торцевой части подпорной стены – контрфорса поздней цитадели 44/66 1999–2000 гг. Вид с запада. 5. Фас уступа – торцевой части подпорной стены – контрфорса поздней цитадели 209 2016–2017 г. Вид с востока. 6. Фасировка торцевой части стены 209 2016–2017 г. с запада. 7. Стратиграфия заполнения ТВ-209 2016 г. с севера и востока; 8. Стратиграфия заполнения ТВ-209 2017 с востока.

по однорядной, однолицевой постелистой тычково-ложковой схеме, насухо (рис. 1–2, 6–7). Подгонка камней друг к другу плотная. На небольших участках в третьем-пятых вертикальных рядах в кладке стены применялись нестандартные полигональные блоки средних и мелких размеров (0,49×0,48×0,32 м; 0,50×0,51×0,44 м; 0,76×0,36×0,38 м) на желто-серой глине, по всей видимости, фиксирующие следы ремонта (рис. 1–2, 6–7). Для выравнивания рядов и заполнения пустот между камнями изредка использовался мелкий бут на жёлтой глине. Вертикальные ряды в стене уложены с небольшим отступом от края (до 0,03–0,05 м), что придавало фасаду кладки пирамидальный характер.

Поверхность некоторых камней пережжена. В плане хорошо заметна общая сейсмическая деформация контрфорса, подвижки рядов, змеевидное выдавливание кладки (См. Отчет ААЭ 2016 г., рис. 94.1), сколы и вертикальные трещины на квадратах и плитах (рис. 1–2, 6–7).

Западнее кладки – в кв. Кж1/1-Кж1/2 – в вертикальном и горизонтальных срезах культурного слоя фиксировалась траншея выборки – ТВ-209, заполненная тёмно-серым грунтом с известковой крошкой, щебнем, бутом и гумусными прослойками. Длина ТВ-209 12,04 м, ширина 0,97–1,01 м, глубина не менее 1,45 м (отметки –0,46–1,75) (рис. 1–2, 6–7). Сложно сказать, до завершения её исследования, какова будет сохранность кладки 209 ближе к ещё не раскопанной северо-западной башне 4. Вполне возможно, что продолжение каменной кладки 209 может быть выбрано до основания.

Стена 209 была установлена на золистое заполнение рва поздней цитадели, перекрывающая его южный борт. К тому моменту ров, как уже отмечалось, был почти засыпан. В процессе строительства стены 209 пространство, которое оставалось между северным бортом рва и кладкой 209 (шириной в верхней части до 3,30 м, в нижней до 2,36 м), было последовательно засыпано глинисто-золистым переотложенным культурным слоем, материковым грунтом, пластами белого известкового строительного отёса, с большим количеством бута и щебня. Их сбросы, направленные под углом почти 45° к поверхности, хорошо видны в вертикальном срезе грунта между южным бортом раскопа и кладкой 209. Они сбрасывались под внутренний фас стены 209 последовательно, но в очень короткий промежуток времени, по мере возведения вертикальных рядов кладки подпорной стены¹⁵.

¹⁵ В верхнем ярусе сброса внутри контрфорса в 2016 г. найдены: края саманной жаровни коричневой глины, более двух десятков фрагментов стенок и 23 профильных обломков граненых и желобчатых калиптеров красно-розовой и коричневой глины; обломки краёв солёнов бурой и красно-коричневой глины, венчик и стенки пифоса коричневой, оранжево-коричневой, розовато-коричневой глины (рис. 95.1–5); ножка эллинистической амфоры фасосского производства, фрагмент пережженной ручки, стенок, ручек и ножки позднегераклейских амфор типа С-Ia рубежа 60-х – 40-х гг. I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. [Внуков, 2006, рис. 1, с. 167; 2013, с. 14–25, рис. 3. А]); фрагменты венца, стенок и ручек амфоры с двустольными ручками тёмно-коричневой глины (рис. 95.6); венцы, стенки и ручки узкогорлых амфор с профилированными ручками, включая обломки позднегераклейских амфор типов С-IVa-С I-II вв. н. э. [Внуков, 2006, с. 167], ручек амфор других типов (рис. 96.1–3); остатки простой гончарной посуды: ручки, стенки, венчики нескольких кувшинов красной, бежевой, коричневой и серой глины (рис. 96.4); фрагменты лепной посуды: края нескольких крышек с уступом по краю серой глины, венцы, стенки и ручки кружек и горшков (рис. 96.5); граффити в виде трёх параллельных линий на стенке амфоры красно-коричневой глины (к. о. 105/2016); стенки и профильные части двух краснолаковых сосудов первых веков нашей эры, фрагмент донца краснолаковой миски с граффити в виде двух линий (рис. 97) (см. Отчёт ААЭ 2016 г.). Это были, преимущественно, ранние материалы с незначительной примесью обломков керамики первой половины II в. н. э., соответствующие времени постройки контрфорса вокруг стен поздней цитадели.

*Исследование банкета севернее стены 209 из выбросов культурного слоя,
которые залежали поверх золистого заполнения оборонительного рва*

В 2017 г. в кв. Вж2/4-Вж3/3 был полностью разобран банкет из культурных напластований, который остался недоследованным в 2015–2016 гг. в ходе изучения участка севернее стены 209 над засыпанным рвом поздней цитадели (рис. 1–2, 8). Его площадь находилась в пределах 40 кв. м (8,00×5,00 м). Работы здесь были остановлены на уровне верхних напластований заполнения рва на отметках -1,11–1,86. После удаления банкета в золистом засыпи рва было выявлено несколько десятков ямных пятен с зольным и зольно-глинистым заполнением серого и серо-коричневого цвета от позднеантичных перекопов, большая часть из которых осталась от вкопанных здесь сосудов и хозяйственных ям. Диаметр ямных пятен колебался в пределах от 0,30 до 1,40 м (рис. 1–2). Они не раскапывались.

Культурные слои севернее стены 209 сформировались в период середины II–IV вв., когда поверх полузасыпанного рва во время бытования поздней цитадели продолжали выбрасывать золистый грунт с большим содержанием бытового мусора. В результате за стеной 209 образовалась довольно внушительная насыпь, закрывшая четыре вертикальных ряд кладки контрфорса последовательными золистыми напластованиями разных оттенков и плотности с находками первых веков нашей эры (рис. 2, 8). Мощность этих отложений достигала до 1,49 м¹⁶. Поверх них залежали средневековые выбросы переложенного культурного слоя из котлованов и траншей выборок башен и крепостных стен поздней цитадели с разновременным античным и средневековым материалом.

В золистых сбросах на уровне 3–4 рядов кладки 209, мощностью до 0,43 м¹⁷, мусорные слои отличались более рыхлой структурой и преимущественно состояли из чистой золы, перемешанной с костями животных и находками II–III вв., среди которых доминировали обломки разнообразной керамики с заметным преобладанием фрагментов стенок амфор (См. Отчёт ААЭ 2017 г., рис. 132–137). Среди находок выделялись: части профилей одиннадцати желобчатых калиптеров и шести соленов коричневой глины местного производства; стенки и днище от нескольких пифосов красно-коричневой, оранжево-коричневой, розовато-коричневой глины, донце мортария синопской глины; профильные части амфор I–III вв. н. э., в том числе венчики среднегорлых амфор красной и коричневой глины, стенки и ручки узкогорлых амфор с профилированными ручками, включая обломки позднегераклейских амфор типов C–IVC–D I–IV вв. н. э. [Внуков, 2006, с. 167]; профиль средиземноморской амфоры с воронкообразным горлом светло-бежевой глины (п. о. 584/2017), венцы широкогорлых амфор розовой, коричневой и красно-коричневой глины, типа 82 [Зеест, 1960] (п. о. 585, 582, 582, 583, 769, 770–771/2017); сложнопрофилированный венчик амфоры красно-оранжевой глины с прилепом ручки (п. о. 233/2017), профиль горла амфоры с венчиком и ручкой буро-коричневой глины, диаметром 90 мм (п. о. 233/2017), донце амфоры или простого гончарного сосуда коричневой глины (п. о. 242/2017); венчики амфор первых веков

¹⁶ Отметки верха и подошвы золистого заполнения рва севернее стены 209: -0,36–1,85.

¹⁷ Отметки: -1,54–1,72/-1,85.

ААЗ 2017 РАСКОП III СЕВЕРНАЯ ПРИРЕЗКА ПРОФИЛИ ЗАПАДНОГО И ВОСТОЧНОГО БОРТОВ КВАДРАТОВ СЕВЕРНЕЕ СТЕНЫ 209.

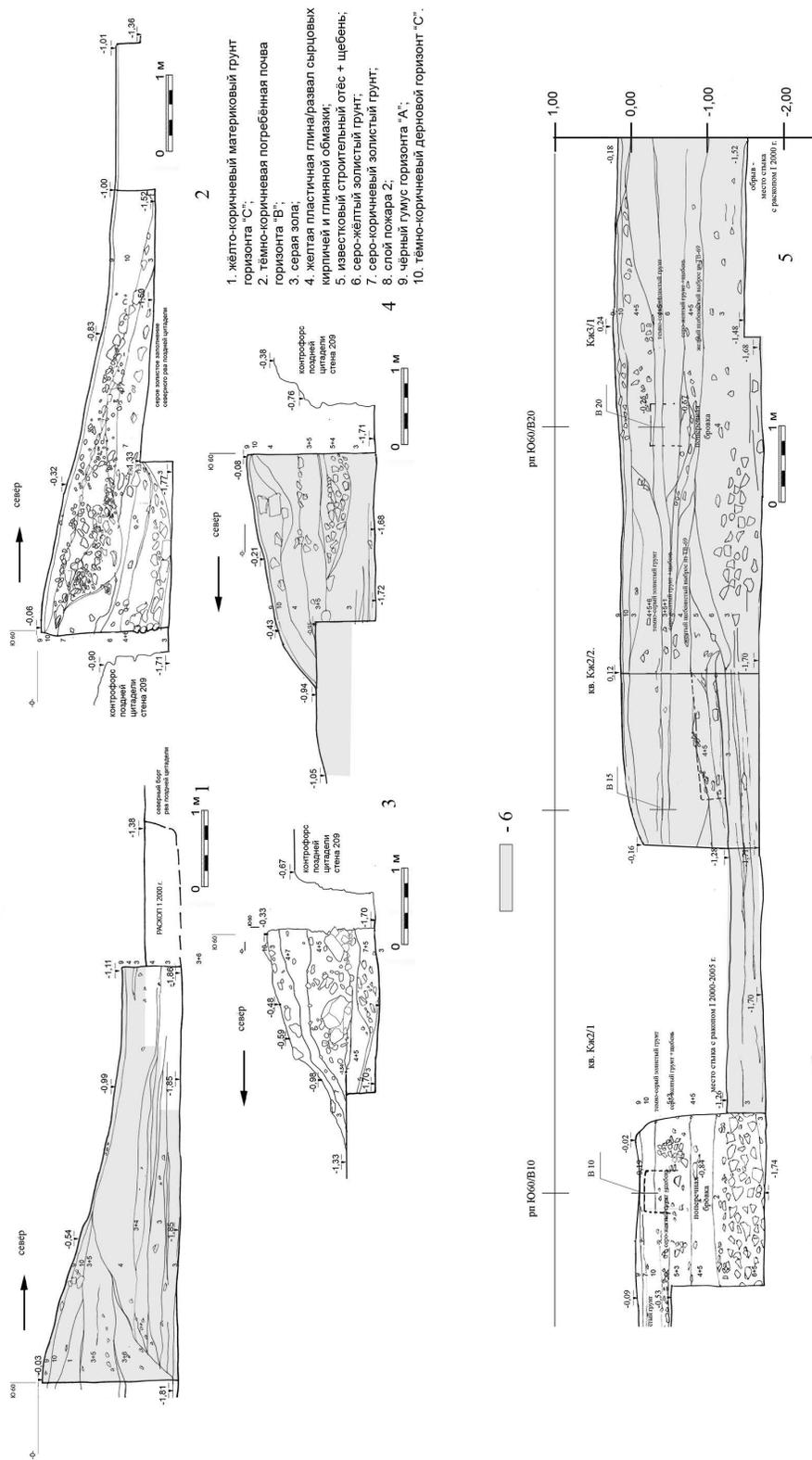

Рис. 8. 1. Стратиграфический профиль банкета кв. Вж3/3 по оси В25/Ю60-Ю50. Вид с востока; 2. Стратиграфический профиль западного борта кв. Вж2/3 по оси В11/Ю60-Ю50. Вид с востока; 3. Стратиграфический профиль банкета кв. Вж2/3 по оси В14,5/Ю58,7-Ю60. Вид с запада; 4. Стратиграфический профиль банкета кв. Вж2/4 по оси В16,77/Ю55,7-Ю60. Вид с запада; 5. Профиль культурных напластований. Банкета севернее стены 209 до начала работ 2017 г.; 6. Культурные напластования банкета севернее стены 209, исследованные в 2017 г. (выделены заливкой)

разных типов розово-коричневой глины с серым ангобом, коричневой, красной и бежевой глины, фрагменты массивных ручек амфор различных типов, среди которых самыми ранними являлись обломки ручек позднегераклейских амфор типа С-Ia рубежа 60-х – 40-х гг. I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. [Внуков, 2006, рис. 1, с. 167; 2013, с. 14–25, рис. 3. А], а самыми поздними – амфор типа «D» III–IV вв. н. э.; крупная ножка на круговом поддоне амфоры светлой глины типа «D» (п. о. 235/2017); венчик амфоры розово-коричневой глины (п. о. 232/2017); ножка амфоры светлой глины типа A1 (п. о. 237/2017); ножка амфоры типа «B» позднегераклейской амфоры типа С-IVB₁ 80-х гг. I в. н. э. – 40-х гг. II в. н. э. (п. о. 631/2017) [Внуков, 2006, с. 167]; ножка амфоры светлой глины типа С-IIIa конца I в. до н. э. первой трети I в. н. э. [Внуков, 2013, с. 24–26, рис. 4. А]; ножка амфоры коричнево-красной глины южнопонтийского производства (п. о. 238/2017); ножка амфоры типа С-IIIa конца I в. до н. э. первой трети I в. н. э. [Внуков, 2013, с. 24–26, рис. 4. А]; ножка и ручка средиземноморской амфоры оранжевой глины с бежевым ангобом с воронкообразным горлом (п. о. 240–241/2017); ножка амфоры розово-коричневой глины с бежевым ангобом с воронкообразным горлом (п. о. 239/2017). Фрагментов простой гончарной посуды было заметно меньше. Они включали: ручки, стенки, венчики, донца на круговом поддоне кувшинов и мисок красной, бежевой, коричневой и серой глины (п. о. 634–637/2017); стенки и профильные части нескольких лепных горшков, кружек, мисок серой, бежевой и чёрной глины; стенки и профильные части краснолаковых закрытых и открытых сосудов (кубков, мисок, тарелок) первых веков нашей эры, включая часть стенки краснолакового сосуда с граффити в виде креста (к. о. 16/2017).

В золистом слое банкета была обнаружена довольно редкая находка: часть надгробия с изображением двух скачущих всадников, от которых сохранились задняя часть корпуса одной лошади (до горита), голова и часть ноги другой, с деталями узды, хорошей работы, из плотного мшанкового известняка, размером 410×240×170 мм (к. о. 87/2017) (рис. 9). Она является третьей стелой всадников, из найденных на городище и некрополе Артезиан. Стилистически они подобны. Только на последнем памятнике всадники высечены в движении, а на двух предыдущих – в статике [Винокуров, 2002, с. 70–86]. Датировка фрагмента надгробия вряд ли выходит за пределы середины I в. н. э.

На уровне 3-го ряда кладки 209 (на отметке -1,40) прослежен плотный утрамбованный пласт золистого грунта зеленовато-серого цвета толщиной до 0,05 м, на котором отложился локальный каменный развал из кусков квадров (верх на отметке -0,99), заплывших жёлто-серой глиной, видимо, фиксировавший какие-то локальные разрушения и последующие перестройки контрфорса. Поверхность некоторых обломков имела следы интенсивного горения и прокалилась до красно-бурого цвета. В ходе расчистки данного сырцово-щебёнистого слоя, перемешанного с каменным развалом, выявлены: фрагмент профиля солена коричневой глины, венчик и стенки нескольких пифосов коричневой глины (п. о. 478/2017); восемь обломков ручек позднегераклейских амфор типов С-IVD и амфор других типов I–IV вв. н. э. (п. о. 479–486/2017); ножка амфоры коричневой глины (п. о. 488/2017); донце краснолакового сосуда (п. о. 487/2017); венчик лепного сосуда (п. о. 489/2017) (См. Отчёт ААЭ 2017 г., рис. 138).

Выше сырцово-щебёнистого слоя и слоя каменного развала залежали в поддерновом горизонте зольные сбросы III–IV вв. н. э., в которых прослойки и микропрослойки залежали с заметным уклоном к северу от контрфорса. Они содержали мелкие и средние угли, кости животных со следами кухонной разделки, обломки стенок и профильных частей керамики первых веков нашей эры, куски печины и пористого стекловидного шлака.

Из находок в слое золы (на отметках -0,70–1,07) следует указать: край солена коричневой глины, венчик пифоса коричневой глины, венчик пифоса буро-красной глины; венчик, стенки и ручки позднегераклейских амфор типа С-IVD III–IV вв. н. э. (п. о. 417, 425–427/2017) [Внуков, 2013]; венчики позднеантичных амфор красной глины (п. о. 444–447/2017), венчик амфоры красно-бежевой глины, типа 80 [Зеест, 1960, табл. XXXIII, 80 г], профиль горла амфоры коричневой глины (п. о. 446/2017); ручки позднеантичных амфор разных типов красной, коричневой, бежевой глины; венчик амфоры коричневой глины, типа 83 [Зеест, 1960, табл. XXXIV, 82], венчик амфоры бежево-коричневой глины, часть профиля амфоры с венчиком и фрагментом ручки красно-коричневой глины (п. о. 450, 452/2017); часть профиля амфоры коричневой глины с ручкой и венчиком (п. о. 449/2017); венчик амфоры красно-коричневой глины (п. о. 456/2017); венчик амфоры коричневой глины (п. о. 458/2017); часть профиля амфоры с венчиком и фрагментом ручки красно-оранжевой глины (п. о. 451/2017); ножка амфоры коричневой глины (п. о. 457/2017); ножка амфоры красно-оранжевой глины (п. о. 455/2017); венчик простого гончарного сосуда мортария коричневой глины с бежевым ангобом (п. о. 462/2017); верх простого гончарного кувшинчика с узким горлом красной глины с бежевым ангобом III в. (п. о. 459/2017); донце и ручка простого гончарного сосуда коричневой глины с бежевым ангобом на поверхности (п. о. 470, 467/2017); венчик простого гончарного сосуда – кастрюльки – серо-коричневой глины (п. о. 465/2017); профиль простого гончарного сосуда серо-коричневой глины (п. о. 460/2017); донца, стенки и профиль лепных горшков серой, бежевой и чёрной глины, три профильных части и 17 обломков стенок краснолаковых открытых сосудов (См. Отчёт ААЭ 2017 г., рис. 139–141); денарий Рескупорида (211/212–226/227 гг. н. э.),

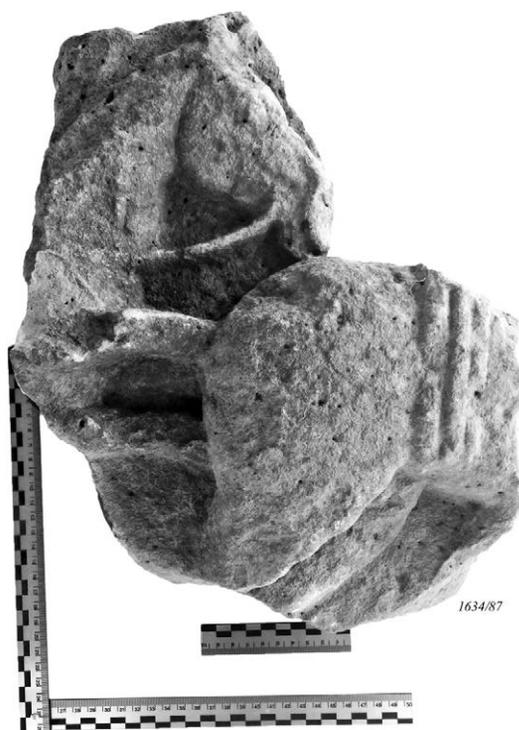

Рис. 9. Обломок плиты известнякового рельефа (стелы?) с изображением двух всадников (?) из сырцово-щебенистого слоя под золистым горизонтом (отметки -1,07/-1,40). Банкет. Севернее стены 209 (контрфорса). Северная прирезка раскопа III 2017 г.

датированный М. Г. Абрамзоном временем около 218 г. н. э. (н. о. 5/2017) [Ср. Зограф, 1951, XLIX, 12; Фролова, 1997/2, XVIII, 12; Анохин, 1986, 647].

Поверх золистых сбросов располагался мешаный грунт с прослойками гумуса и строительного отёса, связанный с выборками стены 209. В нём найдены стенки амфор и несколько профильных обломков: ручка и венчик лепного горшка чёрной глины. Его мощность до 0,18–0,28 м (рис. 8)¹⁸. По всей видимости, слой отёса образовался в процессе выборки башни 3 и стены 69 на камень после III–IV в. Он заметно понижался на север и восток, в сторону засыпанного рва. Находок в слое отёса, не было, за исключением нескольких фрагментов стенок позднеантичных амфор.

Поверх слоя отёса залегал слой серо-жёлтый глинистый разрушения, связанный с одновременными земляными работами после IV в. н. э., связанных в том числе с выкапыванием хозяйственных ям и добычей камня из ранних строительных остатков¹⁹. Его мощность до 0,15 м. В нём найдены: обломки стенок желобчатых калиптеров, стенки пифосов коричневой и красно-коричневой глины и амфор I–IV вв. н. э.

Выше описанного слоя находился гумусный горизонт, мощностью до 0,05–0,07 м. В нем найдены: более двух десятков сильно заизвесткованных и оббитых фрагментов стенок позднеантичных амфор, а также следующие профильные обломки: часть желобчатого калиптера коричневой глины, венчики амфор ручка пестрой глины и коричневой глины с бежевым ангобом на поверхности (п. о. 122–123/2017), венчики позднеантичных амфор коричневой глины с бежевым ангобом (п. о. 120–121/2017), 12 позднеантичных амфор различных (типов 72,75, 76,78, 84, по И. Б. Зеест (1960); массивная ножка амфоры оранжевой глины (п. о. 124/2017); донце простого гончарного сосуда серо-коричневой глины, донце краснолакового сосуда (п. о. 125, 487/2017); венчик лепного горшка серой глины (п. о. 489/2017) (см. Отчёт ААЭ 2017 г., рис. 142).

Следует полагать, что цитадель в III в. н. э. уже не использовалась и была перестроена под сооружения, которые относятся к *третьему периоду* жизни на городище.

Возможно, часть стен ее была разобрана, а территория застроена. В этот период произошли существенные перепланировки всей центральной части городища, что привело к устройству, по меньшей мере, шести террас. Самая верхняя из них была сооружена на месте «Цитадели», а нижняя – на не полностью засыпанном рве. В качестве подпорных стен верхней террасы в северо-восточной части поздней цитадели использовались останцы крепостных стен, а средней террасы – стены 44/65–66/209. Они были выявлены на раскопе I в период работ 1995–1999 гг., 2015–2017 гг.

Разрушение подпорных стен 44/65/209 контрфорса вокруг цитадели и насыпей террас произошло, скорее всего, во второй половине III в. н. э. Кладки стен, первоначально ориентированные по сторонам света, получили существенные деформации и подвижки. Западная часть стены 44 выгнулась по направлению юго-запад-северо-восток; камни второго ряда накренились и вышли за линию наружного фаса, а некоторые из них были даже выбиты сейсмоотлчком из тела стены. Они найдены в перевернутом положении у её подножья. Интересно, что подобные разрушения получила и стена 65.

¹⁸ Отметки верха и подошвы слоя отёса и развала сырца: -0,15–0,36.

¹⁹ На отметках -0,07–0,15.

Рядом с ее подножием обнаружены в 1998 г. вывалившиеся из кладки квадры, которые лежали в таком же положении [Винокуров, 1999, с. 44 и сл.]. Подобные сейсмические деформации прослежены, как писалось выше, и в стене 209 в 2016 г. Напомню, что в синхронных постройках, исследованных в 1989–1998 г., были зафиксированы аналогичные разрушения. Они характерны для землетрясений средней и большой мощности. В случае размыва, разборки или иных событий (например, штурма) характер разрушений строительных конструкций был бы другим.

Несмотря на плохую сохранность выявленных в 2015–2017 гг. строительных остатков в северной части поздней цитадели городища Артезиан, её дальнейшее исследование представляется вполне перспективным. Внешняя линия обороны крепости полностью не раскопана. Южная часть поздней цитадели, линии стен и башен совершенно не изучены. Дальнейшие работы по доследованию акрополя городища Артезиан расширят наши знания о традициях и новациях в боспорской фортификации римского периода.

Список литературы

- Абрамзон, Винокуров, 2016. Абрамзон М. Г., Винокуров Н. И. Золотые статеры Аспурга и Митридата III и новые комплексы с монетами и ювелирными изделиями с городища Артезиан // ВДИ. 3.
- Абрамзон, Винокуров, Трейстер, 2012. Абрамзон М. Г., Винокуров Н. И., Трейстер М. Ю. Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан // ВДИ. 3.
- Абрамзон, Винокуров, Трейстер, 2014. Абрамзон М. Г., Винокуров Н. И., Трейстер М. Ю. Хронологические индикаторы и проблемы интерпретации слоя боспоро-римской войны городища Артезиан // XV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь.
- Абрамов, 1993. Абрамов А. П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник 3. Москва.
- Анохин, 1986. Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев.
- Башкиров, 1948. Башкиров А. С. Антисейсизм древней архитектуры. Т. III. Италия. Уч. зап. Калининского Гос. Пед. Института. Т. XIV. Вып. 1. М.
- Винокуров, 1998. Винокуров Н. И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М.
- Винокуров, 1999. Винокуров Н. И. Раскопки городища Артезиан в 1997–1998 гг. Исследование северо-западного участка раскопа I // ДБ. 2.

- Винокуров, 2002. Винокуров Н. И. Новые изображения всадников на Боспоре // ДБ. 5.
- Винокуров, 2004. Винокуров Н. И. Тотальные разрушения второй половины III в. н. э. на Боспоре как хронологический репер // Боспорский феномен. Материалы междунауч. конф. Ч. 1. СПб.
- Винокуров, 2005. Винокуров Н. И. Гибель ранней «Цитадели» городища Артезиан // VI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф. Керчь.
- Винокуров, 2008. Винокуров Н. И. Война, пожар или природная катастрофа: археологические критерии оценок последствий катастроф на памятниках античной археологии в Крымском Приазовье // IX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. Керчь.
- Винокуров, 2009. Винокуров Н. И. Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и первая находка гладиуса в Крымском Приазовье // PARA BELLUM. № 31.
- Винокуров, 2010а. Винокуров Н. И. Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и гибель ранней цитадели городища Артезиан (по материалам раскопок 2004–2008 гг.) // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие открытия и находки. Вып. I. Москва–Киев.
- Винокуров, 2010б. Винокуров Н. И. Новые находки времени начала боспоро-римской войны на городище Артезиан в Крымском Приазовье в 2009 году // ДБ. 14.
- Винокуров, 2012. Винокуров Н. И. Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988–2011). Тюбинген.
- Винокуров, 2013. Винокуров Н. И. Городище Артезиан во второй половине I в. до н. э. – первой половине I в. н. э. // Российский научный журнал. № 1 (32).
- Винокуров, 2014. Винокуров Н. И. Раскопки помещения 10 (2009, 2011, 2013 гг.) ранней цитадели городища Артезиан // Таврические студии. Исторические науки. Симферополь. № 6.
- Винокуров, 2015. Винокуров Н. И. Центральное помещение 4 ранней цитадели городища Артезиан в Крымском Приазовье // OLBIU. In Memoriam V. V. Krapivina // Археологія і давня історія України. Вып. 1 [14]. Київ.
- Винокуров, Крыкин, 2016. Винокуров Н. И., Крыкин С. М. Рим, Боспор и Фракия в середине I в. н. э. // Вестник Московского Городского Педагогического Университета. № 2 (22).
- Винокуров, Крыкин, 2017. Винокуров Н. И., Крыкин С. М. Римская политика в Северном и Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н. э. // ПИФК. 4 (58).
- Винокуров, 2018. Два слоя пожара боспоро-римской войны 44/45–49 гг. на городище Артезиан в Восточном Крыму // ДБ. 22.
- Внуков, 1988. Внуков С. Ю. Широкогорлые светлоглиняные амфоры Северо-Западного Крыма // СА. 3.
- Внуков, 2006. Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Часть II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.
- Внуков, 2013. Внуков С. Ю. Амфоры римского времени городища Кара-Тобе // ДБ. 17.
- Горончаровский, 2002. Горончаровский В. А. Боспор и Рим в правление Митридата VIII // Античное государство: политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб.

- Горнчаровский, 2003. Горнчаровский В. А. Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н. э. // ВДИ. 3.
- Дьяков, 1940. Дьяков В. Н. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия // ВДИ. 3–4.
- Зограф, 1951. Зограф А. Н. Античные монеты. МИА. 16. М.-Л.
- Кадеев, 1979. Кадеев В. И. Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н. э. – III в. н. э. // ВДИ. 2.
- Крыжицкий, 1993. Крыжицкий С. Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев.
- Сапрыкин, Винокуров, Белоусов, 2014. Сапрыкин С. Ю., Винокуров Н. И., Белоусов А. В. Городище Артезиан в Восточном Крыму (Его жители и культуры) // ВДИ. 3.
- Шелов, 1978. Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н. э. Классификация и хронология // КСИА. 156.
- Фролова, 1997. Фролова Н. А. Монетное дело Боспора. Т. 1–2. М.
- Abramzon, Treister, Vinokurov, 2012. Abramzon M. G., Treister M. Y., Vinokurov N. I. Two Hoards of Coins and Jewellery Items from the Time of the Roman-Bosporan War of AD 45–49 from the Site of Artezian // ACSS. Vol. 18.2.

Summary

N. I. Vinokurov

Study of construction remnants of the late citadel at the Artezian site in 2015–2017

This publication is based on the latest findings obtained during the 2015–2017 field seasons of AAE. Archaeological investigation of the late citadel, built by King Cotys I on the site of the earlier fortress of King Mithridates III burned down earlier in 46/47 AD, continues in the central part of the Artezian settlement. Building remains of North Tower 3 and Fortress Wall 69 were studied at excavation III, along with Buttress 209, erected around the citadel over the defensive moat during the reign of Sauromates I.

It should be noted that traces of seismic deformation are discernible on all building remains. The most prominent of them bear evidence of the catastrophic earthquake in the second half of the 3rd century that led, apparently, to the destruction of the late citadel which with the loss of its defensive value was gradually taken apart, having become a source of building material. The demolition of defensive structures was most active in the medieval period. As a consequence, only the foundations in pits and trenches remained of the fortress walls and towers. Nevertheless, the studies of the late citadel of the Artezian site give us a glimpse of traditions and innovations of Bosporan fortification in the Roman period and have good prospects for further research since the site is not yet completely excavated.

А. А. Волошинов*, **Д. В. Бейлин****, **И. В. Рукавишника*****

(* *Институт археологии Крыма РАН, Бахчисарай;*

** *Институт археологии Крыма РАН, Керчь;*

*** *Институт археологии РАН, Москва*

Каменный склеп могильника Александровские скалы 1 (предварительная публикация)

В 2017 г. были раскопаны два участка некрополя укрепленного поселения первых веков нашей эры «Городище 11 км», которое находится в 11 км западнее г. Керчь, вблизи трассы Керчь-Феодосия. Они были расположены в полах и насыпях курганов 1 и 2 курганной группы «Александровские скалы 1» (рис. 1). Большинство погребальных сооружений представлено грунтовыми могилами с заплечиками и перекрытиями из известняковых плит. Всего на площади 6364 кв. м было исследовано 243 погребения, которые в основном относились ко второй половине I–II вв. н. э. Погребальный инвентарь представлен стандартным набором: керамическими и стеклянными сосудами, светильниками, терракотами, монетами, металлическими и костяными орудиями труда, ножами, оселками, редко оружием, украшениями из бронзы, много реже – драгоценных металлов, стекла, предметами туалета, игральными костями и т. д. В целом, эти погребения можно отнести к рядовому населению сельской территории Европейского Боспора, некрополи которого были известны и ранее. Особый интерес среди вновь открытых погребальных сооружений на рассматриваемом некрополе представляет каменный склеп. От исследованных на некрополе погребений склеп 100 выделяется рядом признаков, несвойственных для других могил: типом сооружения, количеством затраченного на его постройку труда, многократным использованием и количеством погребенных, наличием у двух из них специфических травм черепа, а также подзахоронением, совершенным после окончания функционирования склепа.

Погребение № 100 открыто в юго-восточной части насыпи кургана № 2 (рис. 2), на северной оконечности подпрямоугольного скального выступа – материкового массива плитчатого известняка-ракушечника мощностью до 0,8–0,9 м. В древности эта часть холма использовалась для добычи камня и являлась периферийным участком некрополя. Погребальное сооружение представляет собой однокамерный каменный склеп с плитовым перекрытием¹. Он состоял из подпрямоугольной в плане камеры

¹ После завершения археологических исследований была составлена его схема (рис. 5, 3), погребальное сооружение было промаркировано, разобрано и перевезено в крепость Керчь для последующей реконструкции и экспозиции.

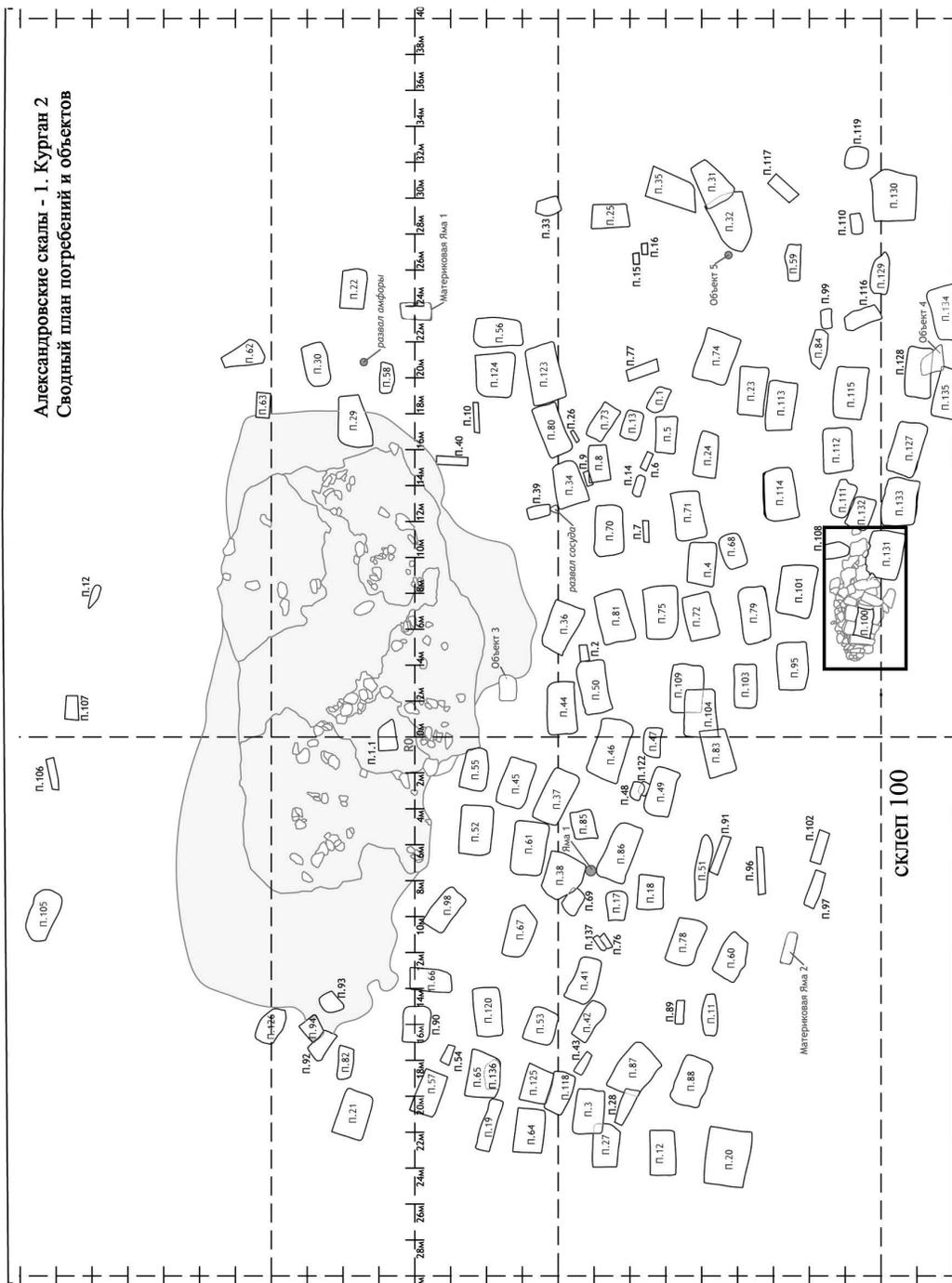

Рис. 1. План расположения склепа 100 на кургане 2 могильника Александровские скалы

Рис. 2. Вид с юго-запада на склеп 100

(2,07×0,95–1,02×1,15–1,35 м), ориентированной по оси З-В с незначительным отклонением на СВ-ЮЗ, а также короткого, подтрапециевидного в плане дромоса (0,7×0,9–1,0 м), вытянутого по оси СЮ (рис. 3. 2). Стены камеры сложены в орфостатно-постелистой технике из тщательно подгесанных плит известняка-ракушечника наибольшей величиной 1,71×1,28×0,28 м и 2,21×1,02×0,26 м (рис. 4). Плиты цоколя были установлены на ребро по периметру котлована (2,7–3,0×1,5×0,9–1,0 м) и впущены в материк до уровня плит перекрытия (рис. 3. 3, 4)². Свободное пространство между стенками котлована и плитами камеры было заполнено бутом и прослойками серого гумуса, в котором найдены стенки светлоглиняных амфор, венчик краснолакового кубка (рис. 9. 44) и дно красноглиняного (рис. 9. 45) сосуда. Пол погребального сооружения выкопан в плотном материковом суглинке; для фиксации плит в нем были вырезаны канавки до 10 см глубиной, а между их стенками и плитами установлено несколько подклинков из обломков камня длиной до 15 см³.

² Таким образом, например, устраивались гробницы в варварских курганах Восточного Крыма и в предгорьях [Колтухов, 2012, с. 105], а также некрополе Керкинитиды [Ланцов, 1988, с. 80–81, рис. 4].

³ Фиксация плит с помощью канавок применялась и в процессе строительства некоторых скифских подкурганых гробниц [Колтухов, 2012, с. 105].

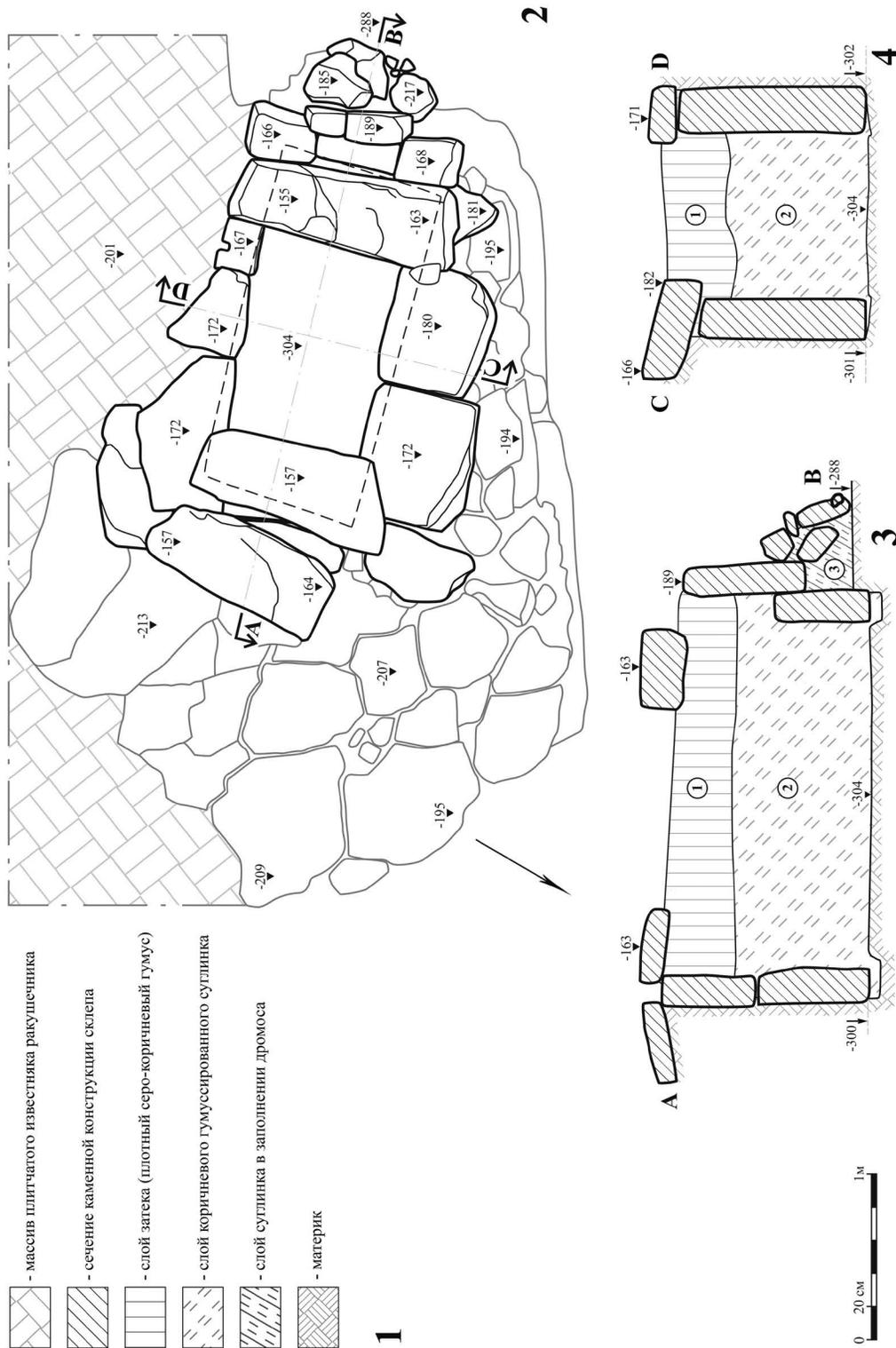

Рис. 3. Экспликация условных обозначений (1), план склепа (2), продольный (3) и поперечный (4) разрезы

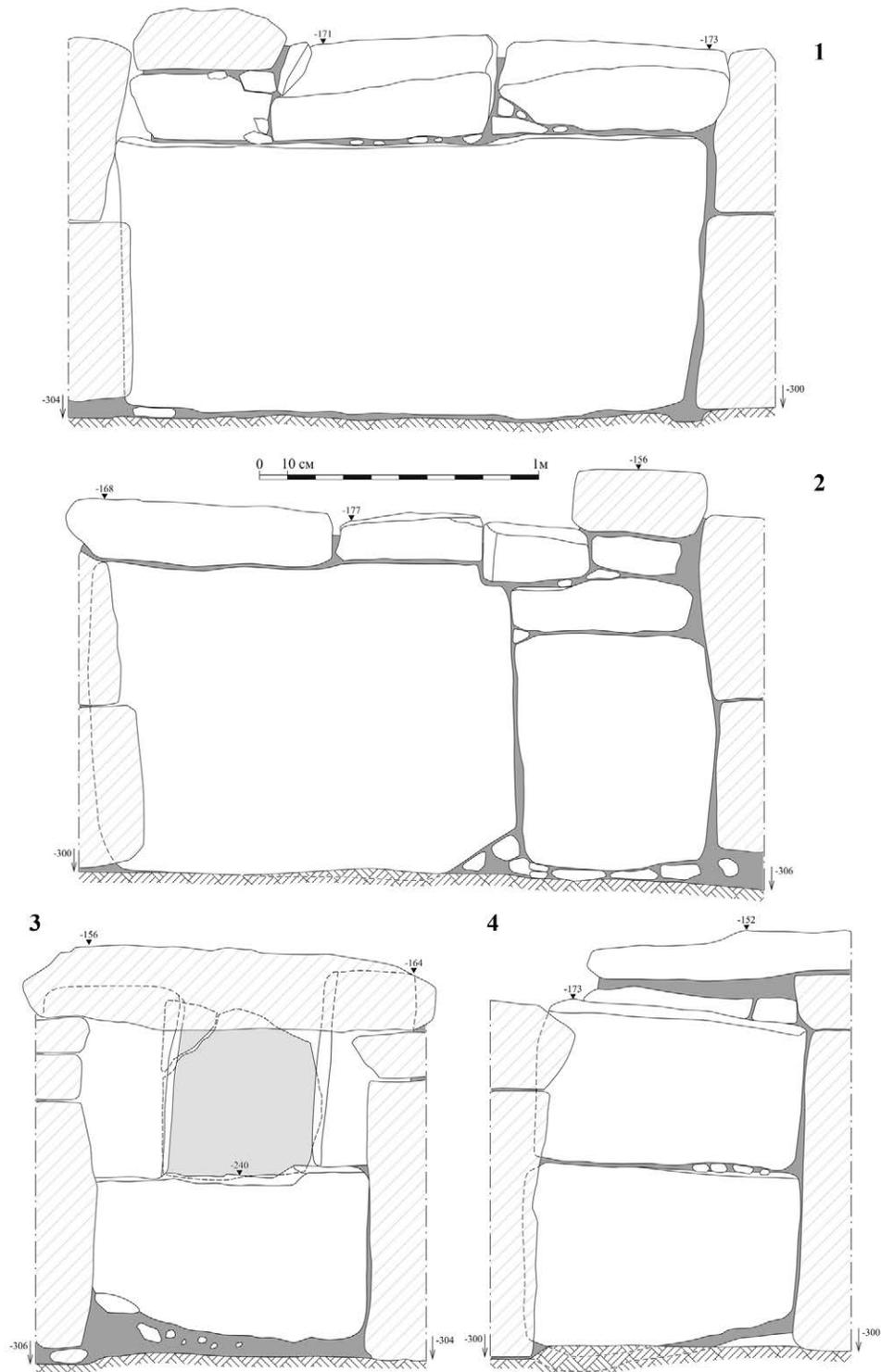

Рис. 4. Фасировка северной (1), южной (2), западной (3) и восточной (4) стенок камеры

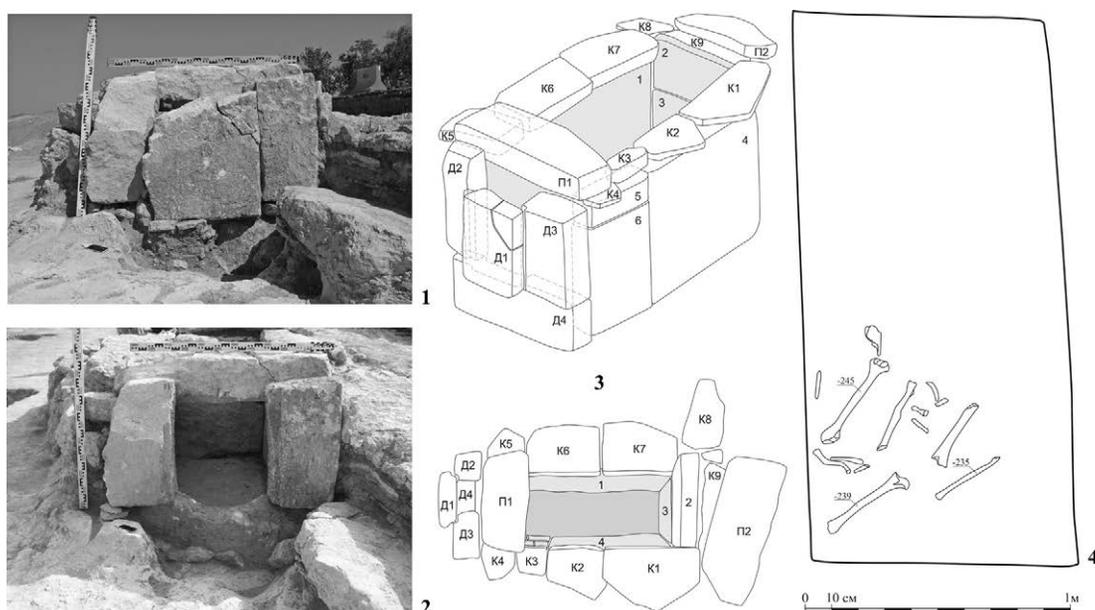

Рис. 5. Вход в склеп. Вид с запада (1, 2), план и аксонометрическая схема склепа с нумерацией блоков для транспортировки (3), план камеры склепа с костными останками скопления 1 (4)

Продольные стенки склепа были увенчаны карнизом, уложенным плашмя, в постелистой технике. Непосредственно на него опирались плиты перекрытия⁴. Над северной продольной стеной он имел наклонную (скошенную) поверхность и был составлен из трех блоков. Южная продольная стена была увенчана прямым карнизом, состоявшим из 4-х горизонтально уложенных плит с выносом до 10 см над плоскостью стены (рис. 3, 3, 4; 4).

Перекрытие сохранилось частично, на момент раскопок оно состояло из трех блоков ракушечника. Два из них перекрывали пространство над камерой, третий находился за ее пределами (смещен?)⁵. В процессе работ один из них, нависавший над восточной частью камеры, был демонтирован ввиду наличия многочисленных сквозных трещин.

Вход в склеп (рис. 4, 3; 5, 1, 2) осуществлялся через дромос длиной 0,7 м, шириной 0,9–1,0 м и глубиной до 0,2 м; стенки его вырублены в ракушечнике, а пол – в плотном материковом суглинке. Закладная плита по всей ширине дромоса была зафиксирована забутовкой из бутового камня. Сам входной проем устроен с запада, сложен из трех элементов и оформлен в виде подпрямоугольной арки шириной 0,55 м и высотой около 0,7 м. Боковые его стороны представляют собой два вертикально стоящих блока (0,68–0,7×0,41 м), опирающихся на плиту, поставленную на ребро. На лицевой

⁴ Очевидно, таким образом, карниз снимал нагрузку с верхних, торцевых граней цоколя.

⁵ Большая часть плит перекрытия ящика и входного проема отсутствовала, что, вероятно, связано со строительством шоссе на дороге в 60–70-х гг. 20 в. Уровень укладки шоссе полностью соответствует глубине залегания сохранившихся плит перекрытия. Вместе с тем, однородное заполнение ящика позволяет утверждать, что погребальное сооружение было полностью засыпано еще в древности.

плоскости этих блоков вырублены вертикальные пазы шириной 5–6 см и глубиной 4 см, предназначенные для фиксации закладной плиты, размеры которой составляют 0,69×0,64×0,17 м⁶.

Заполнение камеры (рис. 3. 3, 4) представлено двумя основными горизонтами:

1 – затёчный слой плотного, серо-коричневого гумуса с большим количеством известняковой крошки и мелких обломков камня. Он залегал непосредственно под плитами перекрытия, его мощность составляла 0,25–0,4 м. Этот слой образовался после прекращения функционирования погребального сооружения.

2 – слой плотного, однородного, коричневого гумусированного суглинка с большим количеством известняковой крошки. Мощность этого слоя до уровня залегания перемещённых костных останков в скоплении 2 составляла 0,45–0,6 м. В нем найдено несколько мелких обломков кальцинированных человеческих костей, фрагменты светлоглиняных амфор, в том числе, венчик (рис. 9. 40) широкогорлой плоскодонной амфоры типа С IVZ с верхним прилепом профилированной ручки с тремя врезами, датируемой первой третью I в. н. э. [Внуков, 2016, с. 38, рис. 2. 13]. Слой 2 включал также несколько мелких фрагментов краснолаковых сосудов первых вв. н. э.: ручку кубка (рис. 9. 41), венчик (рис. 9. 42) и дно кувшинов (рис. 9. 43). В заполнении слоя найден также фрагмент округлой, поперечно сжатой бусины из желтого глухого стекла (рис. 9. 35), относящейся к типу 5 по классификации Е. М. Алексеевой и датируемой первыми веками н. э. (Алексеева, 1978, с. 63, табл. 33. 1).

Всего в камере склепа было совершено не менее 11-ти захоронений⁷. Зачищено два скопления костей; одно – (№ 1), вероятно, является перезахоронением, а другое (№ 2) – смещёнными останками предыдущих погребений. В полном анатомическом порядке найдено два костяка взрослых индивидов (погребения 1 и 2) и детское погребение 3.

Скопление 1 (подзахоронение) (рис. 5. 4). У входа в камеру, в северо-западном ее углу, на высоте 0,6–0,7 м от пола, в слое коричневого гумусированного суглинка, зачищено скопление костных останков размерами около 0,6×0,7 м. Оно состояло из кости животного и разрозненного посткраниального скелета мужчины 30–39 лет (нескольких трубчатых костей и позвонков, ключицы и фаланг кисти). Длинные кости, при этом, были вытянуты одинаково, по оси СЗ-ЮВ, т. е. диагонально по отношению к камере. Часть мелких костей была найдена непосредственно у закладной плиты. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение 1 (рис. 6. А). У северо-западной продольной стенки камеры, на высоте около 0,2 м от ее пола, выявлен костяк мужчины 30–39 лет, лежавший вытянуто, на спине, головой на восток-северо-восток. На лобной кости зафиксировано округлое отверстие диаметром 15 мм – след проникающего ранения, ставшего причиной смерти. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая – незначительно согнута в локте, ее кисть на левом бедре. Ноги вытянуты параллельно, не смыкаясь в стопах. Длина костяка: 1,62 м.

⁶ Чертежи выполнены сотрудниками Крымской новостроечной археологической экспедиции М. И. Головиной, рисунки находок И. В. Якубовской.

⁷ Половозрастные определения сделаны ведущим научным сотрудником ИА РАН, д. и. н. М. В. Добровольской.

Инвентарь (рис. 6–7): В ногах найдены: краснолаковая тарелка (1) и столовая амфора (3), а также костяное веретено (2). На фалангах левой кисти – серебряный перстень со стеклянной вставкой (6) и фрагмент железного перстня (5).

Скопление 2 (рис. 6. А, Б). При совершении погребения 1, кости предыдущих захоронений были перемещены к южной продольной стенке камеры, где зачищено скопление человеческих костей, уложенных поверх погребений 2 и 3. Здесь находились останки пяти взрослых мужчин, одному из которых было 15–19 лет, одной женщины и ребенка 3 лет. Они были сложены аккуратно, и лишь отдельные – повреждены в древности.

Инвентарь (рис. 6–8): в центральной части скопления найдена бронзовая пряжка (4), гагатова (14) и стеклянная бусина (15), а в 0,42 м от нее, в сторону юго-западного угла – фрагмент бронзового кольца с литиком (16). В юго-восточном углу камеры обнаружены: железный нож (7), кость животного и несколько фрагментов кальцинированных человеческих костей. К скоплению 2 относится и кость руки с бронзовым браслетом (21), зачищенная поверхность погребения 2 (рис. 6, В).

Инвентарь смещенных погребений скопления 2 обнаружен и в перемещенном грунте в северной половине камеры (рис. 6, Б). В ее заполнении, включавшем многочисленные угольки, найдены две бронзовые фибулы (8, 10), железный нож (9), каменный оселок (11), бусина из египетского фаянса (13), костяное навершие веретена (18) и венчик (12) стеклянного бальзамария у погребения 2 (№ 24). Из этой части камеры происходит также фрагмент бронзового браслета (39) и железный наконечник стрелы (34).

Погребение 2 (рис. 6. В). Вдоль южной стенки склепа, на полу, непосредственно под скоплением 2, зачищен скелет мужчины 15–19 лет, лежавший вытянуто, на спине, головой на восток-северо-восток. В межглазничной области зафиксировано обширное нарушение – следы травмы несовместимой с жизнью. Левая рука вытянута вдоль туловища, фаланги отсутствовали, правая – незначительно согнута в локте и заведена под правое бедро. Правая половина таза смещена. Ноги перекрещены в голених. Длина костяка около 1,6 м.

Инвентарь (рис. 8–9): за черепом, в северо-восточном углу камеры, зачищена кость животного и краснолаковая чашка (23), в ней на подсыпке находился стеклянный бальзамарий (22). Вдоль южной стенки найдено еще два бальзамария (24, 25), лежавших на расстоянии 5 см друг от друга. Под черепом погребенного зачищена бронзовая серьга (17), у таза – над левой бедренной костью – стеклянная вставка перстня (26). Учитывая многократный характер использования камеры для захоронений, соотношение перечисленных предметов погребального инвентаря с погребением носит условный характер и основывается на близком их расположении, а также аналогичном уровне залегания. Эти предметы вместе с костными останками предыдущих захоронений, вероятно, были перемещены в данную часть камеры. На это указывает само положение предметов, а также тот факт, что венчик (12) бальзамария (24) был найден в заполнении северной ее половины.

Погребение 3 (рис. 6. В) совершено над погребением 2, поверх левой части его грудной клетки и таза. Это ребенок 3-х лет, уложенный вытянуто, на спине, головой на восток-северо-восток, руки и ноги вытянуты прямо.

Инвентарь (рис. 6. 8): за черепом найдена кость животного, у верхней челюсти – стеклянная бусина (27), на верхней половине грудной клетки зачищены бусы из египетско-

го фаянса (20) и стекла (19, 28), подвеска из египетского фаянса (29). В нижней части грудной клетки обнаружена бронзовая фибула (30) и стеклянная бусина (31), а также зачищено скопление семян (?). В черепе погребенного найдены подвеска из египетского фаянса (36), стеклянная пронизь (37) и фрагмент глиняной бусины (38). В заполнении у головы ребенка – фрагмент бронзового перстня (32).

Описание и анализ погребального инвентаря

Инвентарь погребения 1 (рис. 7).

1. Краснолаковая тарелка группы Eastern Sigillata C с туловом усеченно-конической формы на массивном кольцевом поддоне и двумя концентрическими врезными линиями на внутренней стороне дна. Высота – 5,2 см, диаметр края – 21,6 см, диаметр дна – 10,2 см. Датируется первой половиной-серединой II в. н. э. [Hayes, 1972, p. 319, fig. 64 – Form 2; Hayes, 1972, p. 319, fig. 64; Hayes, 1985, p. 77, Tavola XVII, 11 – Form L26B; Hayes, 2008, p. 52, fig. 25, 797, 798; Журавлев, 2010, с. 33, табл. 4. 51].

2. Костяное веретено из прямого, круглого в сечении гладкого стержня с утолщением в средней части и более узкими окончаниями. На верхнем, куда одевалось костяное навершие, (№ 18) найденное в 0,27 м к северо-востоку от веретена – косой срез; на нижнем гладкой стороной книзу одето костяное пряслице. Противоположная сторона его в сечении имеет сложную пирамидальную профилировку: основание с клювовидным, загнутым внутрь краем и два рельефных полукруглых кольца уменьшающегося диаметра, которые разделены врезными концентрическими бороздками. Центральное кольцо прорезано круглым сквозным отверстием. Длина веретена – 16,7 см, сечение – 0,3–0,5 см, диаметр пряслица – 1,9 см, толщина – 0,4 см, диаметр навершия – 0,9 см, высота 1,0 см.

Подобный комплект найден в позднескифском Усть-Альминском могильнике в погребении 88/2 с инвентарем II в. н. э. [Высотская, 1994, с. 91, табл. 24. 24]. Аналогичное пряслице, но без навершия происходит из могилы 46 могильника Александровские скалы, датирующейся второй половиной I в. н. э. – первой половиной II в. н. э.⁸, могилы № 164 некрополя Золотое [Корпусова, 1983, с. 33, рис. 9. 3, 7, табл. XLIV. 10, 12] с инвентарем второй половины I – начала II в. н. э. Близкой аналогией является также веретено из Горгишпии [Петерс, 1986, с. 58–59, рис. 33, табл. XI. 8, 9]. В целом, веретено из склепа 100 может быть отнесено к первому типу по классификации Б.Г. Петерса [1986, с. 58–59]. Подобные изделия известны также за пределами Северного Причерноморья [Catalogue..., 1983, 153, pl. XXVII, № 355].

3. Краснолаковая столовая амфора на кольцевом поддоне с вытянутым грушевидным туловом, невысоким горлом и загнутым внутрь венчиком. Высота – 19,5 см, диаметр венчика – 5,0 см, диаметр дна – 6,1 см. Может быть отнесена к форме 1.3 по Д. Журавлеву, датируемой по аналогиям из Бельбека-IV, Совхоза № 10, Херсонеса и кургана Мамай-Оба концом I – серединой II в. н. э. [Журавлев, 2010, с. 70, 71, табл. 36, 274, 275]

⁸ В могилах 46 и 100 веретена входили в состав инвентаря мужских погребений, что представляется достаточно странным. Впрочем, в древности этому предмету придавалось особое значение. Так, веретена вместе с другими ритуально значимыми предметами, неоднократно входили и в состав скифских погребений. И. Ю. Шауб предполагает, что в этих случаях веретено выступало как ритуально-магический жезл или атрибут сакральной власти [Шауб, 2018, с. 108].

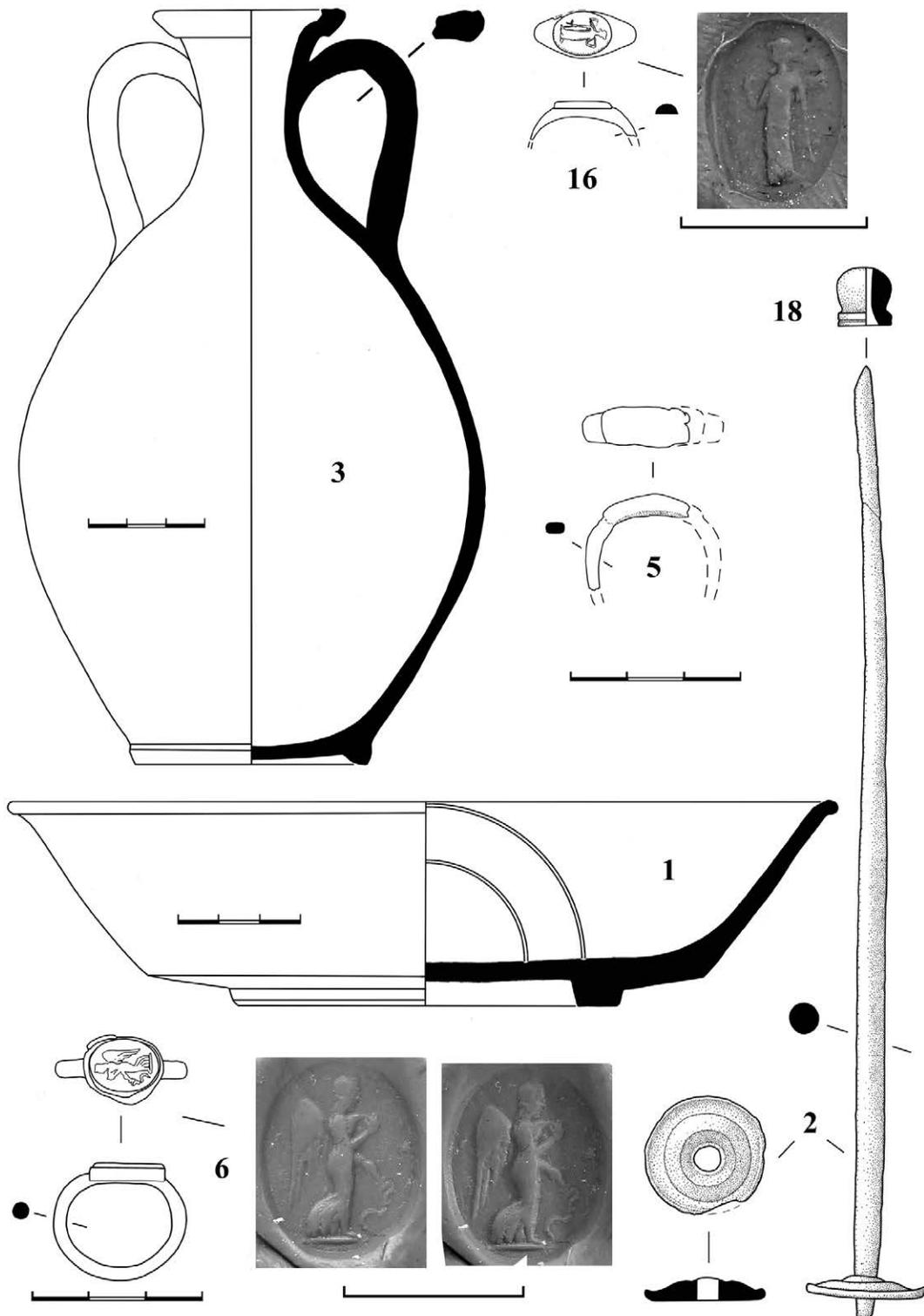

Рис. 7. Инвентарь погребения 1 (1–3, 5, 6) и скопления 2 (16, 18)

Ко второй половине I – началу II в. н. э. относится серия подобных сосудов (Form A-2, A-2b) из могильника Заветное [Kunelt, 2008, p. 68, 69. Kat.-Nr. 5, 6, 10–12].

5. Фрагмент железного перстня с подпрямоугольным щитком. Размеры фрагмента – 1,9 см, толщина плоской в сечении шинки – 0,2–0,3 см, щитка – 0,4 см, ширина щитка – 0,7 см.

6. Серебряный перстень с припаянной овальной шинкой и уплощенной вставкой-литиком из прозрачного светло-зеленого стекла. На вставке вырезано изображение Пакс-Немезиды влево. Богиня стоит со сложенными за спиной крыльями, левая рука приподнята на уровне плеч, оттягивая верхний край хитона⁹, в правой, опущенной руке она держит крылатый кадуцей. В ногах, под кадуцеем змея. Диаметр перстня – 2,3×2,0 см, сечение шинки круглое – 0,25 см. Размеры вставки – 1,2×0,9 см, толщина – 0,2 см. Овальная шинка припаяна отдельно. Перстни этого типа датируются I – началом II в. н. э. [Щербакова, 1980, с. 95]. Типологически сходный перстень III в. н. э. происходит из Братиславы-Русовца (Bazovský, Daňová, 2010, s. 75–78; Daňová, 2013, s. 50–51). Подобные изображения богини на каменных геммах, в зависимости от сопровождающих ее атрибутов или персонажей, тракуются как изображение Немезиды [Furtwängler, 1900, taf. LXVI, 11; Lippold, 1922, s. 172, taf. XXXII, 4; Sylloge..., 2007, tav. XXII, *fiE* 2; LVI, *Vr* 17] или Немезиды из Смирны [Неверов, 1978, Кат. № 39, 41, с. 175, 201, 203]¹⁰. Геммы с изображениями этой богини, найденные в Северном Причерноморье, представлены предметами I–III вв. н. э. Однако наибольшее сходство в сюжете, иконографическом типе и стилистике изображения перстня из склепа 100 имеют монеты императора Клавдия (41–54 гг. н. э.) (RIC I, pl. 15, 28) и Веспасиана (69–79 гг. н. э.) (RIC II, pl. 1, 16). Подобное сходство для гемм, вырезанных из камня, О.Я. Неверов считает не случайным и причисляет такие изделия к работам италийских мастерских [1979, с. 104, 107].

Инвентарь скопления 2 (рис. 7–9).

4 (рис. 8. 4). Бронзовая пряжка с круглой рамкой и подвижным прогнутым язычком. Диаметр рамки – 3,2 см, длина язычка – 3,5 см. Пряжки этого типа получили широкое распространение в середине I в. н. э. [Труфанов, 2009, с. 218, рис. 60. 14]. В отдельных погребальных комплексах датировка подобных предметов ограничена второй половиной I в. н. э. [Симоненко, 2004, с. 145, рис. 7. 41].

7 (рис. 8. 7). Железный нож с горбатой спинкой. Длина 11,7 см, наибольшая ширина – 1,8 см, толщина – до 1,0 см.

8 (рис. 8. 8). Бронзовая фибула с выпуклой спинкой и спиральным завитком на конце сплошного пластинчатого приемника. Тетива нижняя. Длина – 3,3 см, ширина спинки – 0,7–0,85 см. По А.К. Амброзу – группа 13, третий вариант, по В.В. Кропотову – I-я серия, третья форма [Амброз, 1966, с. 46, табл. 5. 15; Труфанов, 2009, с. 197, 199, рис. 50. 26, 28, 33, 40; Кропотов, 2010, с. 185, рис. 55]. Дата – вторая половина I – начало II в. н. э.

9 (рис. 8. 9). Железный нож с прямой, незначительно изогнутой спинкой. Длина 6,8 см, ширина – 1,7 см, толщина – 0,6 см.

⁹ Согнутая в локте рука Немезиды означает меру длины – синоним неизбежной кары.

¹⁰ См. Sylloge..., 2003, p.370.

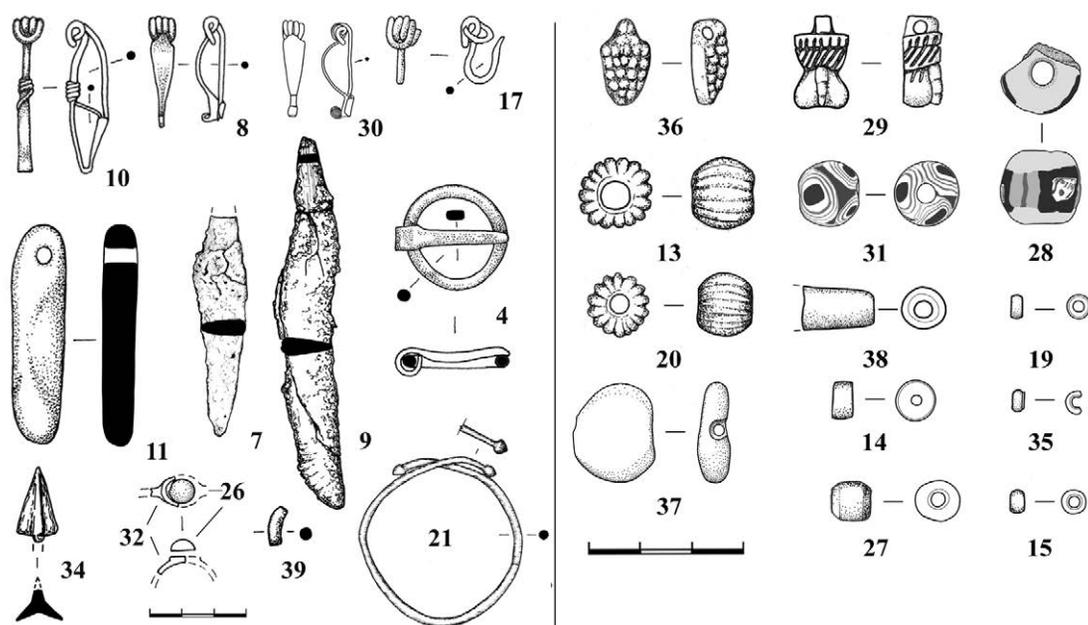

Рис. 8. Инвентарь из заполнения камеры (35), скопления 2 (4, 7–11, 13–15, 21, 39, 34), погребения 2 (17, 26) и погребения 3 (19, 20, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 36, 37, 38)

10 (рис. 8. 10). Бронзовая фибула. Уплощенная ножка расширяется книзу, тетива верхняя. Длина – 4,7 см, ширина спинки – 0,4 см. Относится к лучковым фибулам 2-го варианта серии I [Амброз, 1966, с. 48, табл. 9; Труфанов, 2009, с. 210, рис. 55. 16–31; Кропотов, 2010, с. 72. рис. 31]. Дата – вторая половина I в. н. э. – начало II в. н. э.

11 (рис. 8. 11). Каменный оселок с округлым сквозным отверстием для подвешивания. Длина – 7,4 см, наибольшая ширина – 2,0 см, толщина – 1,1 см. Диаметр отверстия – 0,6 см.

12 (рис. 9. 24). Венчик бальзамария № 24, найденного у погребения 2. Прозрачное стекло с голубым оттенком. Диаметр 2,2 см, высота фрагмента 0,5 см.

13 (рис. 8. 13). Округло-ребристая бирюзовая бусина из египетского фаянса. Размеры – 1,4×1,1 см. Тип 16г по классификации Е. М. Алексеевой, наибольшее распространение получил в I–II вв. н. э. [Алексеева, 1975, с. 34, табл. 5. 29].

14 (рис. 8. 14). Гагатовая короткоцилиндрическая бусина. Размеры – 0,8×0,4 см. Тип 27а по классификации Е. М. Алексеевой, наибольшее распространение получил в I–II в. н. э. [Алексеева, 1978, с. 14, табл. 20. 41].

15 (рис. 8. 15). Округлая поперечно – сжатая бусина из глухого желтого стекла. Размеры – 0,5×0,3 см. Тип 5 по классификации Е. М. Алексеевой, дата – первые века н. э. [Алексеева, 1978, с. 63, табл. 33. 1].

16 (рис. 7. 16). Фрагмент литого бронзового перстня с овальной «жуковиной», украшенной стеклянной вставкой-литиком из прозрачного желто-зеленого стекла. Вставка плоская, грани закруглены. На вставке изображение стоящей вправо богини с маленькими крыльями бабочки или птицы. Левая рука, поднятая на уровень плеч, оттягивает лямку хитона.

на, в правой, опущенной вниз держит уздечку (поводья?),¹¹. Размер фрагмента 1,9×0,8 см. Вставка – 1,0×0,7 см, ее толщина – 0,2 см. Литые перстни этого типа датируются I – началом II в. н. э. [Щербакова, 1980, с. 95; Высотская, 1994, с. 114, 115, рис. 34, 13; Труфанов, 2009, рис. 62, 21]. Подобные изображения на геммах трактуются как изображение Немезиды-Психеи [Furtwängler, 1900, taf. XXIV. 39, 47, 53, 63; Lippold, 1922, s. 172, Taf. XXXII, 5; Неверов, 1979, с. 114, табл. III, 50] или Немезиды из Смирны [Неверов, 1978. Кат. № 26–29, 33–36, 38, 40, с. 173, 174, 195–197, 200]¹². Подавляющая часть приведенных О.Я. Неверовым находок датируется I в. н. э. – II в. н. э. и сделана на территории Боспора; один перстень происходит из Херсонеса. Отдельные предметы относятся к I в. до н. э. и III в. н. э.

18 (рис. 7. 18). Костяное навершие – деталь веретена (см. № 2) с шаровидным туловом и короткоцилиндрическим основанием, орнаментированным врезной бороздкой. Диаметр – 0,9 см, высота – 1,0 см.

21 (рис. 8. 21). Бронзовый круглопроволочный браслет с разомкнутыми конусовидными окончаниями или т. н. «шишечками». Диаметр – 5,0–5,2 см, сечение – 0,3 см, размер «шишечек» – 0,45×0,5 см. Один из самых распространенных типов в сельских некрополях Боспора [Корпусова, 1983, с. 58, 59, рис. 16. 1; Арсеньева, 1970, с. 86] и варварских могильниках Юго-Западного Крыма [Высотская, 1994, с. 110; Труфанов, 2009, с. 225]. Получил наибольшее распространение в I–II вв. н. э.

34 (рис. 8. 34). Железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы с треугольной головкой и лопастями, срезанными под прямым углом к черешку. Общая высота с частью обломанного черешка – 2,3 см, высота головки – 2,1 см, ширина – 1,2 см. Наконечник может быть датирован I в. до н. э. – I в. н. э. [Хазанов, 1971, табл. XIX, 23]. В погребениях сельских некрополей Боспора находки подобных наконечников, как правило, представлены единичными экземплярами [Корпусова, 1983, с. 35]. М.Ю. Трейстер говоря о пантикапейских находках этого типа стрел указал, что они использовались римскими когортами лучников [1993, с. 73].

39 (рис. 8. 39). Фрагмент бронзового круглопроволочного браслета. Длина – 1,2 см, сечение – 0,35 см.

Инвентарь погребения 2 (рис. 8–9).

17 (рис. 8. 17). Бронзовая серьга, изготовленная из тетивы и пружинного механизма бронзовой лучковой подвязной фибулы. Овальная застежка согнута из круглопроволочной спинки, игла обломана, сохранившийся ее край загнут вверх и прижат к тетиве. Высота – 2,1 см, ширина тетивы – 0,9 см.

23 (рис. 9. 23). Глубокая краснолаковая чаша с туловом усеченно-конической формы, вертикальным бортиком и двумя горизонтальными ручками-налепами относится к форме 28. Диаметр бортика – 13,0 см, высота – 7,4 см, диаметр дна – 5,2 см. Сосуды подобной формы известны в погребениях середины I – начала II вв. н. э. Сильно выступающий за линию бортика профиль ручек, позволяет датировать чашу именно в рамках середины-второй половины I в. н. э. [Журавлев, 2010, с. 59, 144, табл. 27. 191;

¹¹ Символ умеренности и сдержанности, контроля за непокорными и высокомерными.

¹² Известно, что в Смирне почитали сразу двух Немезид [см. Пантелеев, 2018, 994]. Известны факты такого почитания и во Фракии [Covacef, 2011, s. 36, fig. 13: Cat. nr.9] – одна Немезида измеряет и вознаграждает за добро, другая измеряет и наказывает за злые деяния.

Труфанов, 2009, с. 154]. Серединой I в. н. э. датируются и находки подобных сосудов в могилах 13 и 21 в Ново-Отрадном [Арсеньева, с. 95, 96, 100, 134, рис. 15. 11, 13].

22, 24, 25 (рис. 9. 22, 24, 25). Бальзамарии представлены сосудами двух широко распространенных на Боспоре типов, изготовленных из прозрачного стекла с голубым оттенком:

1 (22). Коническое тулово с грушевидными очертаниями и выраженным переходом к цилиндрическому (трубчатому) горлу, имеющему перехват в основании. Венчик отогнут наружу, край загнут внутрь. Дно плоское, без следов понтии. Высота сосуда 9,1 см, диаметр венчика 1,8 см, диаметр тулова – 2,7 см. Тип I, 1, А по классификации Н. З. Куниной и Н. П. Сорокиной, дата – I в. н. э. [Кунина, Сорокина, 1972, с. 148, рис. 1. 2].

2 (24, 25). Каплевидное тулово плавно переходит в короткое цилиндрическое горло, не имеющее перехвата в основании:

а). 24. Венчик отогнут наружу, край сбит со стеклодувной трубки и не обработан. Дно плоское, без следов понтии. Высота сосуда 10,1 см, диаметр венчика 2,2 см, диаметр тулова – 2,7 см.

б). 25. Венчик отогнут наружу, край загнут внутрь, под венчиком на горле – выраженный перехват. Дно уплощенное с кольцевидным следом понтии. Высота сосуда – 10,0 см, диаметр венчика – 1,8 см, диаметр тулова – 2,7 см.

По классификации Н. З. Куниной и Н. П. Сорокиной оба сосуда следует отнести к типу I, 2, А и датировать I в. н. э. [Сорокина, 1962, с. 228, рис. 12, 9, 10; Кунина, Сорокина, 1972, с. 157, рис. 1]. Аналогичной датировки бальзамариев этих типов придерживается и К. Айсингс [Isings, 1971, p. 7, 64, fig. 1, 4; 15, 4].

26 (рис. 8. 26). Полусферическая вставка от перстня, изготовлена из светло-зеленого стекла. Диаметр – 0,7 см, толщина 0,3 см. Фрагмент самого перстня найден у головы ребенка (№ 32).

Инвентарь погребения 3 (Рис. 8)

19. Округлая поперечно сжатая бусина из желтого глухого стекла. Диаметр – 0,5 см, толщина – 0,3 см. Тип 5 по классификации Е. М. Алексеевой – первые века н. э. [Алексеева, 1978, с. 63, табл. 33. 1].

20. Округло-ребристая бирюзовая бусина из египетского фаянса. Диаметр – 1,2 см, толщина – 1,1 см. Тип 16г по классификации Е. М. Алексеевой, наибольшее распространение получил в I–II вв. н. э. [Алексеева, 1975, с. 34, табл. 5. 29].

27. Округлая бусина из желто-зеленого глухого стекла. Диаметр – 0,8 см, толщина – 0,7 см. Тип 5 по классификации Е. М. Алексеевой – первые века н. э. [Алексеева, 1978, с. 63, табл. 33. 1].

28. Фрагмент округлой бусины из бирюзового глухого стекла со сложным орнаментом в виде поперечного среднего пояса, состоящего из темно-синих квадратов, чередующихся с трехполосными квадратами из двух продольных желтых и красной полос. На фоне подпрямоугольников – изображения белых человеческих лиц типа «В» [Алексеева, 1975, с. 19, рис. 3. 33Б]. Размеры – 1,5×1,3 см. Подобные типы датируются Е. М. Алексеевой I в. до н. э. – II вв. н. э. [Алексеева, 1971, с. 185, рис. 2. 13–15, 17, 18].

29. Подвеска в виде гениталий из синего египетского фаянса. Обратная сторона плоская. Высота – 1,7 см, ширина – 1,1 см, толщина – 0,8 см. Тип 90 по Е. М. Алексеевой, датируемый в целом I до н. э. – II в. н. э. с преобладанием в I в. н. э. [1975, с. 47, табл. 7. 28].

30. Бронзовая фибула с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника. Спинка выпуклая, тегива нижняя, на конце приемника спиральный завиток. Длина 3,0 см, ширина – 1,0 см, ширина спинки – 0,7 см. По классификации А.К. Амброза – группа 13, третий вариант, по В.В. Кропотову – I-я серия, третья форма [Амброз, 1966, с. 46, табл. 5. 15; Труфанов, 2009, с. 197, 199, рис. 50. 26, 28, 33, 40; Кропотов, 2010, с. 185, рис. 5]. Дата – вторая половина I – начало II в. н. э. [Труфанов, 2009, с. 197, 199, рис. 50. 26, 28, 33, 40].

31. Округлая бусина из глухого бирюзового стекла с глазчатым орнаментом (темно-синий центр окружен чередующимися белыми и янтарно-желтыми кольцами). Диаметр – 1,2 см, толщина – 1,1 см. Тип 69 по Е.М. Алексеевой, датируемый I – нач. II вв. н. э. [1975, с. 67, табл. 16. 40].

32. Фрагмент бронзового перстня с тонкой полуовальной шинкой и жуковиной с круглым гнездом для выпуклой полусферической стеклянной вставки. Вставка найдена у погребения 2 (№ 26). Размеры фрагмента – 1,0×0,8×0,3 см. Датировка подобных украшений варьируется в пределах I–III вв. н. э. [Высотская, 1994, с. 113, рис. 34. 10; Труфанов, 2009, с. 222, рис. 62. 9, 10, 12].

36. Подвеска из бирюзового египетского фаянса в виде одинарной грозди винограда. Обратная сторона плоская, ягоды изображены мелкими. Высота – 1,6 см, ширина – 0,9 см, толщина – 0,7 см. Тип 76 по Е.М. Алексеевой, датируемый III в. до н. э. – нач. III в. н. э. с преобладанием в I в. н. э. [1975, с. 45, табл. 11. 31, 32, 39].

37. Уплотненная пронизь из темно-синего прозрачного стекла. Размеры – 1,9×1,5 см, толщина – 0,6 см. Тип 167 по классификации Е.М. Алексеевой – II–I вв. до н. э. [1978, с. 73, табл. 33. 72].

38. Фрагмент усеченно-конической пронизи из серой мелкозернистой глины. Длина – 1,3 см, диаметр – 0,8 см. Тип 10 по классификации Е.М. Алексеевой. Дата – I в. н. э. [Алексеева, 1982, с. 33, табл. 46. 57].

Рассмотренные особенности погребального обряда и датировки основных категорий инвентаря позволяют предложить следующую последовательность и хронологию погребальных действий. В середине-второй половине I в. н. э. в камере склепа были совершены первые семь захоронений. В конце I в. н. э. – первой половине II в. н. э. костные останки и инвентарь этих погребений были смещены в северную часть камеры, а на полу, вдоль южной ее стенки, было совершено погребение 2. Непосредственно поверх костяка было совершено затем детское погребение 3. Спустя некоторое время вдоль северной стенки камеры было совершено погребение 1, а костные останки и инвентарь были аккуратно уложены поверх погребений 2 и 3. Финальный этап функционирования склепа был связан с частичным заполнением камеры слоем плотного, однородного, коричневого гумуссированного суглинка и перезахоронением посткраниального скелета одного индивида на подсыпке мощностью 0,6–0,7 м.

Одним из наиболее интересных наблюдений, сделанных в результате исследования костных останков погребенных 1 и 2, стали следы травм, не совместимых с жизнью. Сама по себе фиксация проломов лобной кости у двух индивидуумов в одном погребальном сооружении не такое частое явление. Характер травм говорит о том, что они получены в близком бою, «лицом к лицу». Наибольший интерес вызывают следы проникающего

ранения на лобной кости погребения 1, представляющее собой округлое отверстие диаметром 15 мм. Оружие, которое могло бы оставить подобный след в обычном бою нам неизвестно. Достаточно своеобразны и травмы погребения 2 – обширное нарушение в межглазничной области, а также отсутствие кисти левой руки.

Количество погребенных, тип сооружения и рядовой, в целом, набор погребального инвентаря, характерного как для могильника Александровские скалы, так и других некрополей первых веков н.э. в округе Пантикапея (Ново-Отрадное, Золотое и др.), позволяют предположить, что исследованный склеп использовался как семейная усыпальница. Характерными для других боспорских некрополей являются восточная ориентировка и многократное использование сооружения, в котором инвентарь предыдущих захоронений просто сдвигался, а также его полное отсутствие в перезахоронениях [Корпусова, 1983, с. 25]. Таким образом, от основного типа погребальных сооружений на могильнике склеп № 100 отличается лишь конструкцией погребального сооружения¹³. Его строительство требовало гораздо больших трудозатрат для вырубки котлована, транспортировки, установки и подтески плит, а значит обходилось дороже, при том, что в склепе не были найдены какие-либо престижные предметы инвентаря или их фрагменты. Кроме того, он расположен на окраине некрополя. Такая обособленность в расположении вызывает интерес, но не находит объяснений и затрудняет какие-либо попытки определить социальный статус погребенных.

Из погребального инвентаря публикуемого склепа следует особо выделить два перстня с изображениями Немезиды (Пакс-Немезиды и Немезиды-Психеи). Такие случаи в некрополях Боспора нам не известны; чаще всего это единичные экземпляры с каменными геммами местной школы [Неверов, 1978, с. 173–175, 195–197, 200, 201, 203, Кат. № 25–37, 39, 40; Корпусова, 1982, рис. 3. 1–2; Корпусова, 1983, с. 63, рис. 18. 6]. В целом, О.Я. Неверов отмечает особую популярность этого образа на перстнях в эпоху Августа и ранней Империи [Неверов, 1978, с. 164]. Наиболее интересной и надежно датированной находкой являются два перстня с изображениями Немезид, найденные на городище Артезиан. Они были выполнены резчиками боспорской школы и входили в состав монетных кладов начальной фазы римско-боспорской войны 45–49 гг. н.э. [Абрамзон, Винокуров, Трейстер, 2012, с. 99, 105, 106, 117–122, рис. 7, 1, 3]. Известны и другие находки перстей местных мастерских, что говорит о достаточной популярности этого культа на Боспоре [Максимова, 1957, с. 78, 79, рис. 2. 8, 9]. М. И. Максимова отмечает, что подавляющее количество изображений Немезиды на боспорской глиптике «вырезаны на сильно выпуклых

¹³ Сходные по устройству и технике кладки небольшие каменные склепы на грунтовых и курганных могильниках обычно датируются IV–III вв. до н.э. Это подкурганые каменные конструкции на территории Керченского полуострова [Масленников, 1995, рис. 40; 45; Ковальчук, Масленников, Пономарев, 2009, с. 256–278, рис. 2–7], а также на границе степи и предгорий [Колтухов, 2005, с. 281, 283–285, рис. 10. 3, 6], в северной и северо-западной части Крыма [Колотухин, Колтухов, 2007, с. 102–108, рис. 7–11; Колтухов, 2012, рис. 32; 38; 90; 96]. Как предполагается строительство наилучших из них осуществлялось греческими мастерами, либо мастерами греческой школы [Колтухов, 2012, с. 105].

По форме входной ямы, развернутой поперек по отношению к камере и ее внутренним габаритам, близкими являются вырубленные в скале гробницы 33, 41, 55 и 57 в районе поселка Войкова [Капошина, 1959, рис. 4–7, 14]. Небольшие склепы с погребениями зажиточных горожан (погребения А77, А80, А195), датируемые III в. до н.э. – I–II вв. н.э. открыты на некрополе Нимфея [Грач, 1999, с. 54–58, 79–81, табл. 44. 1–2; 46. 1–2; 110. 1–3]. Одной из наиболее близких аналогий по размерам, характеру кладки и общей датировке, являются склепы-кенотафы № 226 и 227 на Илуратском плато [Хршановский, 2011, с. 395, 399–403, 407, рис. 15. 17–19].

камнях» и достаточно схематичны, им свойственна «плоскостность и эскизность», они «в отпечатке сливаются фоном, не выделяясь на нем четкими, пластическими формами» [Максимова, 1957, с. 80–81]. Изображения на перстнях из погребения 1 и скопления 2 объемны и реалистичны и достаточно точно передают известные в античном мире образы богини. Кроме того, изображение на серебряном перстне из погребения 1 (рис. 7. б) находит наиболее близкие аналогии на монетах императора Клавдия (41–54 г. н. э.) и Веспасиана (69–79 г. н. э.), что может рассматриваться в качестве косвенного свидетельства популярности культа Немезиды на Боспоре именно в это время.

Одновременная находка в склепе 100 двух перстней с изображением богини, позволяет поставить вопрос о возможных причинах появления этого образа на Боспоре. Прежде всего, интересен уже сам факт изображения этой богини, как одного из младших божеств римского пантеона [Соловьянов, 2008, с. 98]¹⁴, покровительницы солдат и гладиаторов [Wissowa, 1902, s. 315–316; Соломоник, 1960, с. 137; Соломоник, 1983, с. 40]. В римском пантеоне этот культ носил синкретический характер, а сама богиня превратилась из «греческой богини возмездия в богиню судьбы, всякой борьбы, кровавой и бескровной» [Зубарь, 2005, с. 75], «посылала счастье или несчастье каждому, смотря по заслугам» [Соломоник, 1960, с. 137]. В первые века н. э. этот культ традиционно

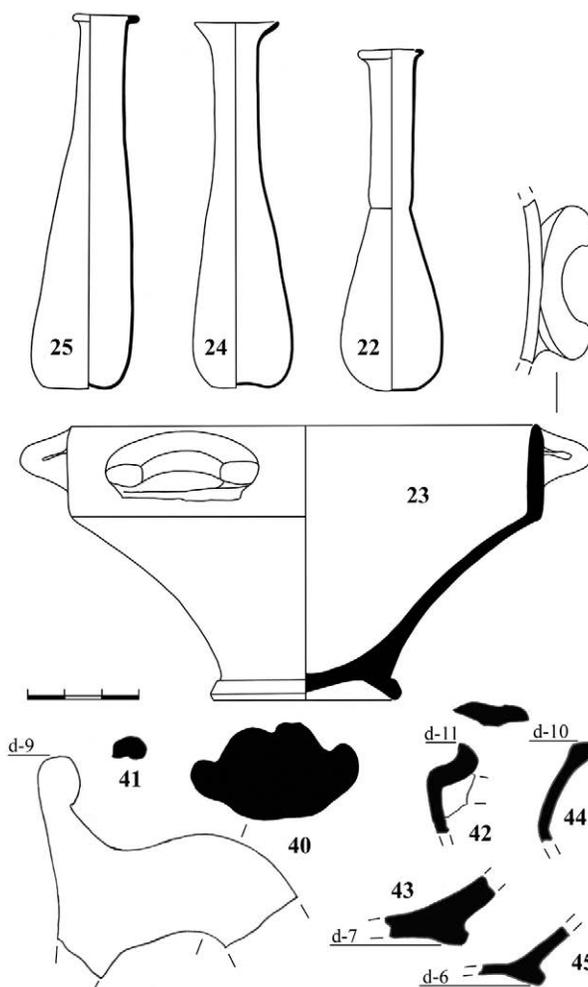

Рис. 9. Инвентарь погребения 2 (22, 23, 24, 25), фрагменты краснолакового кубка (44) и дна красноглиняного сосуда (45) из заполнения котлована, фрагменты сосудов из заполнения камеры – венчик амфоры (40), краснолаковых кубка 41, венчик (42) и дно кувшина (43)

¹⁴ Еще более интересно, что изображенная на этом перстне богиня носит синкретический характер Пакс-Немезиды. Пакс – богиня мира в римской мифологии, особо почитаемая римлянами, так как они стремились к миру после десятилетий гражданских войн. При этом в представлении римлян, условиями мира является победа Рима и поражение противника. Культ был введен Августом, посвятившим богине 9 году до н. э. Альтарь мира на Марсовом поле [Словарь античности, 1989, с. 406].

связывают с романизацией той или иной территории, а его распространение в Крыму, вероятно, осуществлялось через римских солдат, расквартированных в Херсонесе гарнизонов [Соломоник, 1960, с. 138; Соломоник, 1983, с. 18; Кобылина, 1984, с. 220]. Как предполагается, именно для проведения гладиаторских боев в Херсонесе, в период римского военного присутствия была проведена масштабная реконструкция театра, а при нем устроено святилище Немезиды [Соломоник, 1967, с. 69, 74; Соломоник, 1973, с. 91, 92; Горончаровский, 2008, с. 230–234; Костромичев, 2009, с. 11]¹⁵.

По аналогии с Херсонесом можно предположить, что культ Немезиды проник на Боспор в результате событий, связанных с римским военным присутствием, либо через самих боспорян, участвовавших в военных действиях на стороне Рима¹⁶.

Однако наиболее вероятно, культ Немезиды на Боспоре был связан с отправлением императорского культа¹⁷, введенным Котисом I [Горончаровский, 2009, с. 161]. Он становится «другом римлян и другом Цезаря», «пожизненным первосвященником Августа», и первым из правителей Боспора получает родовое имя Гиберий Юлий, что могло означать предоставление римского гражданства, причиной чему могло стать отправление им императорского культа [Астахов, 1999, с. 16–20; Черемисин, 2017]. Введение нового культа на Боспоре, очевидно, сопровождалось и проведением гладиаторских боев

¹⁵ При раскопах амфитеатра был найден алтарь II-начала III вв. н. э. с латинской надписью: «Богине Немесиде Хранительнице Тит Флавий Цельсин, (бенефициарий) консуляра XI Клавдиева легиона, за спасение себя и детей поставил по обету» [Соломоник, 1960, с. 134, 138–139, рис. 1; АСХ, 1976, № 544, рис. 218]. Другой алтарь II в. н. э. с греческой надписью «С добрым счастьем. Богине Немесиде (посвятил) Басилид, сын Калуса», говорит о распространении культа Немезиды и среди греческого населения Херсонеса [Соломоник, 1973, с. 87–94, рис. 126, 126а]. Впрочем, В. М. Зубарь предположил, что этот алтарь также принадлежал выходцу из Нижней Мезии, являвшемуся, солдатом вспомогательных войск [Зубарь, 2005, с. 75–76]. Э. И. Соломоник предположила, что культ Немезиды получил распространение в Херсонесе именно через отряды, присланные из Нижней Мезии [Соломоник, 1960, с. 138], указывая при этом, что «римский гарнизон в Херсонесе был смешанным. Он состоял из отрядов I Итальянского, XI Клавдиева и V Македонского легионов и вспомогательных войск мезийской армии» [Соломоник, 1960, с. 134–135]. Гладиаторы, впрочем, также могли входить в состав военных подразделений и, в этом случае, командироваться из лагерей на время выступления [Wahl, 1977, s. 129–132; Костромичев, 2009, с. 12]. О популярности гладиаторских боев в Херсонесе помимо глиняных светильников [Горончаровский, 2008, с. 236; Скржинская, 2014, с. 88], говорит фрагмент мраморного рельефа II в. н. э. с изображением битвы гладиаторов [Соломоник, 1973, с. 68, рис. 124б; АСХ, 1976, № 502, с. 159, рис. 200], а также навершие гладиаторского шлема в виде грифона – воплощения Немезиды как символа возмездия [Костромичев, 2009, с. 3, 4, 7, рис. 1, 2].

¹⁶ Вряд ли распространение этого культа могло происходить через кратковременно присутствовавших на Боспоре херсонеситов, воевавших на стороне Рима на начальном этапе Римско-боспорской войны [Зубарь, 2001–2002, с. 11, 12] или когорты Юлия Аквиллы. Однако это вполне могло осуществляться через фракийских воинов, состоявших на службе в войске боспорских царей [Сапрыкин, Ермолин, 2010, с. 79, 80]. Последователями культа Немезиды могли стать и сами боспоряне, восприняв его во время боевых действий на стороне Рима в I–II вв. н. э. Так, известны I и II Боспоранские когорты и I Боспоранская ала, побывавшие в Мезии, Дакии, Фракии, Верхней Паннонии, Каппадокии, Сирии [Трейстер, 1993, с. 73; Мартемьянов, 1994, с. 51–52; Требелева, 2002, с. 312], где также почиталась эта богиня [Covacef, 2011, s. 26, 36, 108, fig. 13, 60: Cat. nr. 9, 46; Попов, 2016, с. 117].

¹⁷ Немезида была также покровительницей актеров, атлетов «блустительницей справедливости в состязаниях» [Соломоник, 1967, с. 74]. Как предполагается, культ Немезиды мог быть связан с Римскими играми благодаря сближению ее образа с Тихе-Фортуной, либо благодаря образу Немезиды-судьи. Однако большая часть известных свидетельств указывает на связь этого культа с римскими играми именно там, где умирали военнопленные, преступники и рабы – на арене. Ее изображения в амфитеатрах были связаны с императорским культом и поддержанием существующего государственного порядка, для прославления и укрепления власти императора. Поэтому неудивительно, что в Смирне именно храм Немезиды использовался для отправления императорского культа, а на алтаре из Асторга (Испания) упоминаются «августовы Немезиды». Она являлась «воплощением заслуженного наказания, и тем самым восстановления мира и справедливости, и она часто изображалась попирающей врагов. Связь этого аспекта почитания с императором подчеркивалась много римскими самодержцами, начиная с Клавдия и, особенно, Траяна» [Пантелеев, 2018, с. 994–997].

[Черемисин, 2017], ставших одним из возможных способов прославления императора [Астахов, 1999, с. 16–20].

По мнению В. А. Горончаровского, это обычное в империи развлечение получило распространение после Римско-боспорской войны 45–49 гг. н. э., когда Боспор окончательно попал в зависимость от Рима [2005, с. 338; 2008, с. 224]¹⁸. Так, сцены травли животных и гладиаторские бои демонстрирует роспись склепа 1841 г. (склеп Ашика), созданная на Боспоре во второй половине I – начале II вв. н. э. [АДЖ, табл. LXXXIX, 1; ХС, ХСІ; Горончаровский, 2008, с. 224–231]. Косвенным доказательством популярности гладиаторских боев на Боспоре являются и светильники с изображением гладиаторов [Вальдгауэр, 1914, с. 37, № 194–196]. Этот образ, возможно, был популярен и у населения, оставившего могильник Александровские скалы. В могиле 46, расположенной неподалеку от публикуемого склепа, был найден светильник I–II вв. н. э. с изображением фракийца¹⁹.

Исключительно в качестве гипотезы, способной прояснить некоторые вопросы, возникшие в отношении публикуемого склепа, можно предположить, что в нем могли быть погребены боспорские гладиаторы и члены их семей. Участие местных жителей в гладиаторских боях считается вполне допустимым [Горончаровский, 2008, с. 229, 230; 2009, с. 159]. В этом случае становится понятным периферийное расположение склепа и отсутствие инвентаря высокого статуса, поскольку это могло быть обусловлено презрительным отношением к гладиаторам в обществе. В некоторых частях римской империи для их захоронений отводилось отдельное место, иногда же их вообще не считали достойными погребения [Хёфлинг, 1992, с. 100]²⁰. В пользу этого предположения могут говорить и специфические травмы погребенных в склепе²¹. След проникающего ранения на лобной кости в погребении 1 мог быть оставлен, например, трезубцем ретиария. Косвенным свидетельством предполагаемой принадлежности погребенных могут выступать и перстни с изображением Немезиды – блюстительницы справедливости, покровительницы солдат и гладиаторов.

¹⁸ Всадниками, начинавшими представление травлей животных, вероятно, могли быть сами боспоряне [Горончаровский, 2008, с. 227], на что указывает одежда местного облика, а гладиаторские бои велись профессиональными бойцами, которые могли быть приглашены со стороны [Скржинская, 2014, с. 90]. Впрочем, отсутствие обычного гладиаторского вооружения позволило В. А. Горончаровскому предположить, что в росписи склепа Ашика изображены грегари, набравшиеся из числа обреченных на смерть военнопленных и преступников. По его мнению, «на Боспоре отсутствовала местная гладиаторская школа, а приглашать ветеранов амфитеатров издалека было слишком дорогим удовольствием», «можно допустить периодическое присутствие на пантикапейской арене местных любителей, готовых за деньги продемонстрировать свое воинское мастерство» [2008, с. 229, 230; 2009, с. 159]. Впрочем, можно предположить, что это могли быть и вольнонаемные граждане, как в Древнем Риме, где к 70-му г. н. э., они составляли около 80% гладиаторов и служили по контракту [Сорокина, 2014, с. 54].

¹⁹ На светильнике изображен фракиец (*thraex*) с небольшим прямоугольным щитом (*parma*), наручем (*manica*), изогнутым кинжалом (*sica*), поножами и шлемом, который украшен перьями и навершием (вероятно в виде головы грифона).

²⁰ Гельмут Хёфлинг указывает на то, что «гладиаторам одной школы разрешалось объединяться, например, с целью совместного поклонения богам-покровителям», в том числе Немезиде [1992, с. 45].

²¹ Даже на кладбище гладиаторов в Эфесе, нечасто встречены раны, несовместимые с жизнью.

Список литературы

- Абрамзон, Винокуров, Трейстер, 2012. Абрамзон М. Г., Винокуров Н. И., Трейстер М. Ю. Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан // ВДИ. 3.
- Алексеева, 1971. Алексеева Е. М. Миниатюрная мозаика в стеклянных украшениях I в. до н. э. – II в. н. э. // СА. 4.
- Алексеева, 1975. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // Археология СССР. САИ. Вып. Г1-12. М.
- Алексеева, 1978. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // Археология СССР. САИ. Вып. Г1-12. М.
- Алексеева, 1982. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // Археология СССР. САИ. Вып. Г1-12. М.
- Амброз, 1966. Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н. э. IV в. н. э.) // САИ. Вып. Д1-30. М.
- Античная скульптура Херсонеса, 1976. Киев.
- Астахов, 1999. Астахов В. А. Характер боспоро-римских отношений на основании анализа титулатуры правителей Боспора по данным эпиграфики // Люди и политика: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 7. Брянск.
- Арсеньева, 1961. Арсеньева Т. М. Раскопки у дер. Новоотрадное в 1959 г. // КСИА. 86.
- Арсеньева, 1963. Арсеньева Т. М. Раскопки некрополя у дер. Новоотрадное // СА. 1.
- Арсеньева, 1970. Арсеньева Т. М. Могильник у дер. Новоотрадное // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н. э. МИА. 155. М.
- Арсеньева, 1977. Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса. М.
- Вальдгауэр, 1914. Вальдгауэр О. Ф. Античные глиняные светильники. СПб.
- Внуков, 2016. Внуков С. Ю. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. 2.
- Высотская, 1994. Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев.
- Горончаровский, 2005. Горончаровский В. А. Военно-политическая история Боспорского царства во второй половине I – середине III в. н. э.: от прочного союза с Римом до Готских войн // МНЕМОН. Исследования и публикации по истории античного мира. Под редакцией профессора Э. Д. Фролова. Выпуск 4. Санкт-Петербург.
- Горончаровский, 2008. Горончаровский В. А. Гладиаторы в бою. На аренах и полях сражений. М.
- Горончаровский, 2009. Горончаровский В. А. Сцены «охоты» в росписи пантикапейского склепа 1841 г. // Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира. СПб.
- Грач, 1999. Грач Н. Л. Некрополь Нимфея. СПб.

- Журавлев, 2010. Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма первых веков н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // МАИЭТ. Supplementum 9. Симферополь.
- Зубарь, 2005. Зубарь В. М. Боги и герои античного Херсонеса. Киев.
- Зубарь, 2001–2002. Зубарь В. М. Римское военное присутствие в Таврике // Stratum-Plus, № 4.
- Капошина, 1959. Капошина С. И. Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи // Некрополи боспорских городов. МИА. 69. М.
- Кобылина, 1984. Кобылина М. М. Религия и культы // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М.
- Ковальчук, Масленников, Пономарев, 2009. Ковальчук А. В., Масленников А. А., Пономарев Д. Ю. Склеп на юго-западном склоне г. Мысырь // ДБ. 13.
- Корпусова, 1982. Корпусова В. Н. Античные геммы боспорских некрополей // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев.
- Корпусова, 1983. Корпусова В. Н. Некрополь Золотое (К этнокультурной истории европейского Боспора). Киев.
- Кропотов, 2010. Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев.
- Колтухов, 2005. Колтухов С. Г. Склепы варварского населения степного и Предгорного Крыма в скифское время // Старожитності степового Причерномор'я і Криму. Запоріжжя. Вип. XII.
- Колотухин, Колтухов, 2007. Колотухин В. А., Колтухов С. Г. Скифский курганный могильник у с. Братское в степном Крыму // Старожитності степового Причерномор'я і Криму. Том IV. Запоріжжя.
- Колтухов, 2012. Колтухов С. Г. Скифы Северо-Западного Крыма в VII–IV вв. до н. э. (погребальные памятники) // Археологический альманах. № 27. Донецк.
- Костромичев, 2009. Костромичев Д. А. Бронзовый грифон из Херсонеса // МАИЭТ. Вып. XV. Симферополь.
- Кунина, Сорокина, 1972. Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Стекланные бальзамарии Боспора // ТГЭ. Вып. XIII. Л.
- Ланцов, 1988. Ланцов С. Б. Матеріали з некрополя Керкінітіди // Археологія. 63. Киев.
- Максимова, 1957. Максимова М. И. Боспорская камнерезная мастерская // СА. 4.
- Масленников, 1995. Масленников А. А. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н. э.) // Боспорский сборник. Вып. 8. М.
- Мартемьянов, 1994. Мартемьянов А. П. Выходцы из Северного Причерноморья в Нижней Мезии и Фракии в I–III вв. н. э. // Вісник Харківського державного університету. № 385 / Історія. Вип. 28. Харків.
- Неверов, 1978. Неверов О. Я. Изображения на геммах-печатках, металлических перстнях и амулетах // Кобылина М. М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М.
- Неверов, 1979. Неверов О. Я. Итальянские геммы в некрополях северопонтийских городов (К вопросу об итальянском импорте в Северное Причерноморье // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л.

- Пантелеев, 2018. Пантелеев А. Д. «Мученичество Пиония» и религиозная жизнь Смирны в III в. н. э. // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Том. 22.
- Петерс, 1986. Петерс Б. Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Попов, 2016. Попов М. В. Традиционные и официальные культы легионов Римской Дакки // ПИФК. 2.
- Ростовцев, 1913. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб.
- Сапрыкин, Ермолин, 2010. Сапрыкин С. Ю., Ермолин С. А. Римский флот на Боспоре: новая латинская надпись из Пантикапея // ВДИ. 3.
- Симоненко, 2004. Симоненко А. В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар.
- Соловьянов, 2008. Соловьянов Н. И. Сакральные представления воинов римской армии // Вестник Томского государственного университета. № 312.
- Соломоник, 1960. Соломоник Э. И. Алтарь Немесиды из Херсонеса // ВДИ. 2.
- Соломоник, 1967. Соломоник Э. И. Греческие надписи из района античного театра в Херсонесе // ВДИ. 1.
- Соломоник, 1973. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Лapidарные надписи. Киев.
- Соломоник, 1983. Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического (тексты, перевод, комментарий). М.
- Сорокина, 1962. Сорокина Н. П. Стекло из раскопок Пантикапея 1945–1959 гг. // Пантикапей. МИА. 103. М.
- Сорокина, 2014. Сорокина Т. С. Гладиаторы Древнего Рима: социальное положение и медицинская помощь // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. Том 22, № 1. М.
- Скржинская, 2014. Скржинская М. В. Досуг жителей античных государств Северного Причерноморья // БИ. XXX. Симферополь-Керчь.
- Словарь античности. 1989. М.
- Требелева, 2002. Требелева Г. В. Структура боспорской армии в первые века нашей эры // ПИФК. 12.
- Трейстер, 1993. Трейстер М. Ю. Римляне в Пантикапее // ВДИ. 2.
- Труфанов, 2009. Труфанов А. А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. - III в. н. э. // Stratum plus. № 4 (2005–2009).
- Хазанов, 1971. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М.
- Хёфлинг, 1992. Хёфлинг Г. Римляне, рабы, гладиаторы: Спартак у ворот Рима. М.
- Хршановский, 2011. Хршановский В. А. Склепы I – первой половины II вв. н. э. на Илуратском плато // ДБ. 15.
- Черемисин, 2017. Черемисин А. Л. Императорский культ на Боспоре // «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки» № 10.
- Шауб, 2018. Шауб И. Ю. О ритуальной функции веретена из погребения «царицы» в кургане Куль-Оба // Записки Института истории материальной культуры РАН. № 19. СПб.

- Щербакова, 1980. Щербакова В. С. Коллекция гемм из некрополя в окрестностях Херсонеса // АДСв. Вып. 17.
- Bazovský I, Daňová M, 2010. Antické pečetné prstene z Bratislavy-Rusoviec // Archeológia 20. Zborník slovenského národného múzea C IV. Ročník.
- Catalogue des objets de tabletterie du Musée de la civilisation gallo-romaine de Lyon, 1983. Lyon.
- Covacef Zaharia, 2011. Sculptura antică din expoziția de bază a Muzeului de Istorie Națională și Arheologie Constanța. Studies in ancient arts and iconography. 2. Series editor: Cristina-Georgeta Alexandrescu. (Bibliotheca Tomitana; VIII. Imagines; 2), Cluj-Napoca.
- Daňová M. 2013. Römischer Goldschmuck aus Gerulata und seiner Umgebung 1 // Forschungen zu Spätantike und Mittelalter. Band 2.
- Furtwängler, 1900. Furtwängler A. Die antiken Gemmen. Geschichte der Steinschneidekunst im klassischen Altertum, I-III, Leipzig-Berlin.
- Hayes, 1985. Hayes J. W. Sigillate orientali // In: Ceramica fine Romana nell' basin Mediterraneo. Atlante delle forme ceramiche II. Enciclopedia dell' arte antica, classica e orientale. Roma.
- Hayes, 1972. Hayes J. W. Late roman pottery. London.
- Hayes, 2008. Hayes J. W. Roman Pottery: Fine-Ware Imports // Athenian Agora, vol. XXXII. American School of Classical Studies.
- Isings C. 1971. Roman glass in Limburg // Archaeologica Traiectina IX. Groningen. Wolters-Noordhoff.
- Kunelt, 2008. Terra Sigillata aus Alma Kermen, Südwest-Krim. Typologie, Datierung, Rohstoffgruppen der Pontischen Sigillata. zur Erlangung des Doktorgrades eingereicht am Fachbereich Geschichts- und Kulturwissenschaften der Freien Universität Berlin im April 2008.
- Lippold 1922. Lippold G. Gemmen und Kameen des Altertums und der Neuzeit. Stuttgart.
- Sylloge gemmarvm gnosticarvm. Parte I. 2003 // Bollettino di numismatica. Monografia 8.2.II. Anno.
- Sylloge gemmarvm gnosticarvm, 2007 // Parte II. Bollettino di numismatica. Monografia 8.2.II. Anno.
- The Roman Imperial Coinage (RIC). 1984. Vol. I. From 31 BC to AD 69. London.
- The Roman Imperial Coinage (RIC). Vol. II. Vespian to Hadrian. London.
- Wahl J. 1977. Gladiatorenhelm-Beschläge von Limes // Germania. Jahrgang 55. Halbband 1-2.
- Wissowa G. 1902. Religion und Kultus der Römer. München.

Summary

Alexey A. Voloshinov, Denis V. Beilin, Irina V. Rukavishnikova
Stone crypt of the «Alexander skaly 1» burial ground
(preliminary publication)

The study is devoted to the description of the burial of the stone crypt of the site of the mound 2 of the «Alexander skaly 1» burial ground, referring to the necropolis of the ordinary population of the «Gorodisze 11 km». The monument was located 9 km west of the city of Kerch. Most of the burials of the investigated site belonged to the second half of the 1st century AD. - II in n. According to the structures of the burial complexes and the set of the funeral rites, the burial ground is close to the burials of the settlements of Artesian, Ilurut, Zolotoe.

The crypt in the open area of the burial ground was unique. The number of people buried, the type of structure and the private, in general, a set of funeral equipment, characteristic of both the Alexander Rocks cemetery and other necropolises of the first centuries AD. Nevertheless, according to the anthropological data and the nature of some objects, it is possible to assume that this is a tribal tomb of gladiators.

А. В. Гаврилов

(Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь)

Статуэтка – держатель жаровни в виде бюста Диониса из Арабата

Имя Митридата VI Евпатора, легендарного царя Боспора, противника Рима – единственное в топонимике Крыма, принадлежащее правителю античной эпохи. С ним связаны названия города Евпатория, гора Митридат и улицы Митридатская в Керчи, холм Митридата в Феодосии [Санжаровец, 2003, с. 269, 286–287]. Хотя эти топонимы и ойконимы имеют позднее происхождение, но письменные, эпиграфические и археологические источники живо свидетельствуют о его бурной эпохе, многие события которой связаны с Крымом. На целом ряде археологических памятников полуострова найдены артефакты напрямую или косвенно, связанные с тем временем.

Некоторые находки позволяют предположить, что подразделения понтийских войск располагались и в ряде ключевых пунктов округа Феодосии.

1. В находящемся на Акмонайском перешейке пункте Фронтное 2, где очевидно, было какое-то укрепление, а в материалах могильника II–III в. н. э. были встречены вторично использованные надгробные стелы из более раннего некрополя, принадлежавшие малоазийским грекам, возможно, из понтийского гарнизона [Корпусова, 1972, с. 48; 1980, с. 148];

2. В пункте Береговое 1 на побережье Феодосийского залива, где было большое поселение и, возможно, какая-то крепостца, поскольку именно через этот пункт проходила сухопутная дорога из Феодосии в Пантикапей и оставалась таковой вплоть до конца 19 века, когда была создана ныне действующая коммуникация. [Шульц, 1953, с. 122; Гаврилов, 2004, с. 33; Веселов, 2005, с. 88]. С этого поселения ко II–I вв. до н. э. относятся фрагменты колхидских амфор и лягинос [Гаврилов, 2004, с. 34, рис. 79, 1–8; ср.: Цецхладзе, 1992, с. 103, рис. 7, 1–5]. В этой связи отметим, что в конце II – начале I вв. до н. э. увеличивается количество колхидской амфорной тары и на ряде памятников Северо-Западного Крыма [ср.: Уженцев, 2006, с. 132]. Это свидетельствует о возросшем торговом обмене этих регионов Причерноморья и возможном перемещении военных формирований внутри державы Митридата VI. Интересной является и происходящая с этого же памятника находка фрагмента лепного ангобированного сосуда с наклепными волютами и рельефными стилизованными человеческими лицами. Такая керамика характерна для культур фрако-фригийского круга, что, косвенно может указывать на присутствие здесь выходцев из малоазийских областей Понта;

3. В 6 км к западу от Феодосии, на северном отроге Тепе-Оба находятся укрепление Куру Баш и поселение Куру Баш (лагерь), где были сделаны нумизматические находки

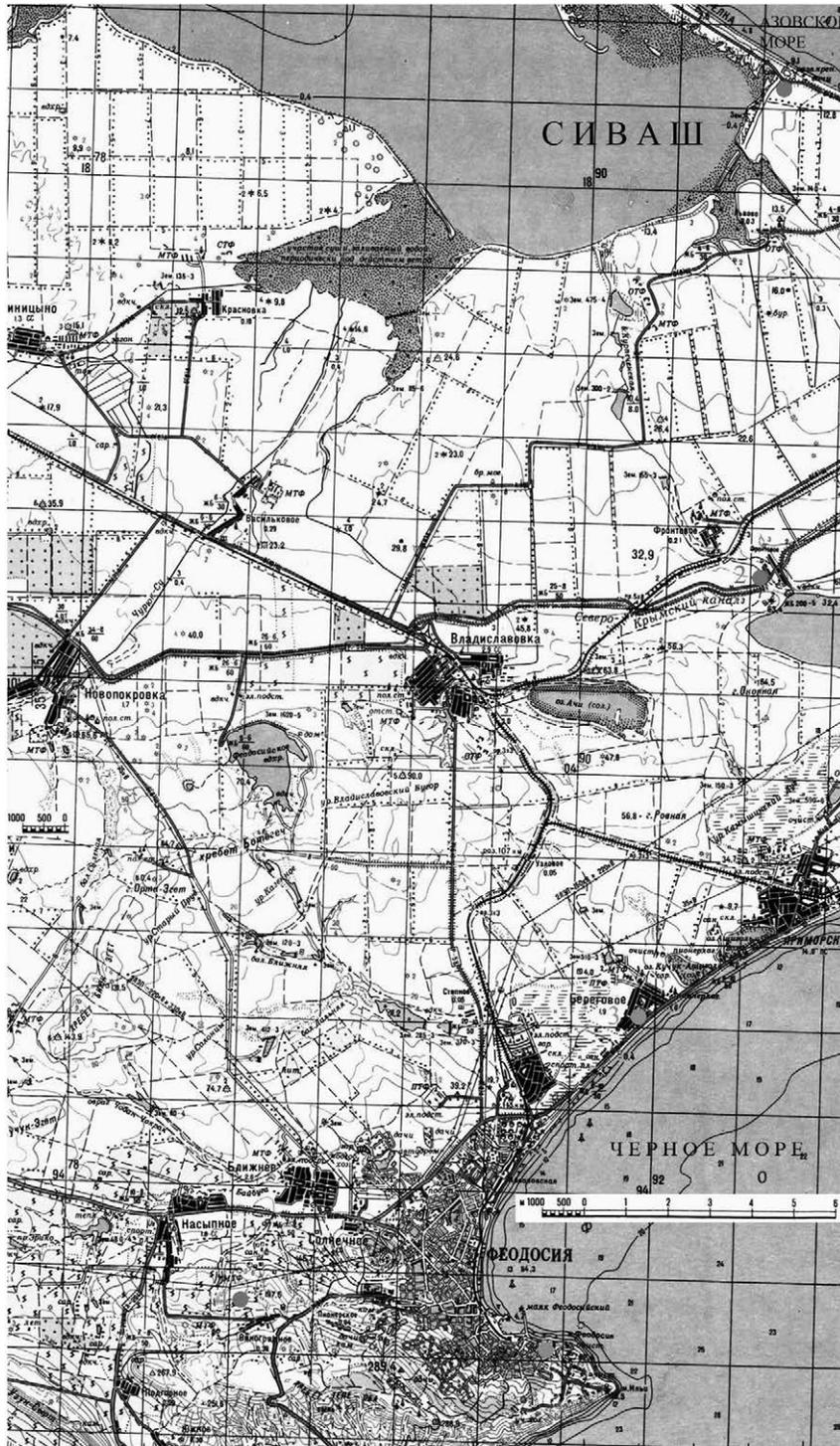

Рис. 1. Юго-Восточный Крым и Акмонайский перешеек с пунктами, где были обнаружены находки II-I вв. до н.э.: 1 – Арабат; 2 – Фронтное II; 3 – Береговое I; 4 – Куру Баш (лагерь). Карта 1988 г. М 1:1 км

конца II – первой половины I вв. до н.э., значительная часть которых принадлежит чеканке городов Понта и, по-видимому, связана с пребыванием здесь понтийского гарнизона [Гаврилов, 2004, с. 29; 2010, с. 141]. Куру Баш имеет зрительную связь с поселениями Береговое 1, Фронтное 2 и Феодосией. Поблизости от селища, вдоль северного подножья хребта Тепе – Оба в античную эпоху проходили дороги, связывавшие этот город с западными районами полуострова.

В 2018 г. мне сообщили об одной интересной находке, поступившей на нелегальный рынок древностей Феодосии. Ею оказалась бронзовая статуэтка-держатель от переносной бронзовой жаровни в виде бюста Диониса (рис. 4). По словам находчиков, статуэтка была найдена на поле рядом с Арабатской крепостью, где производились земляные работы (рис. 1–3). Там же было обнаружено и несколько медных понтийских монет времени Митридата VI Евпатора¹ (рис. 4).

Высота изделия 8,4 см; ширина по плечам 4,5 см. Высота «пьедестала» 2,5 см, ширина 2,7, толщина 1,9 см. Сверху и снизу он оформлен двумя выпуклыми ребрами. Внутри статуэтка полая; отверстие снизу овальное в плане 1,2×2,0 см. Вес 125,3 грамм. Лицо Диониса юношеское, лоб и глаза проработаны недостаточно хорошо, нос уплощенный, губы выделены одним валиком, на голове повязка (лента-диадема?), волосы поднимаются надо лбом (анастоле), прическа по бокам украшена гроздьями ягод плюща, длинные волнистые локоны спускаются по плечам. Сзади, на спине сохранилась часть квадратного в сечении (1,1×1,3 см) обломанного крюка-держателя, поверхность слома была сглажена. Нижне-затылочная часть головы и шея имеют утраты, статуэтка покрыта окислами, сохранность хорошая, очистке не подвергалась.

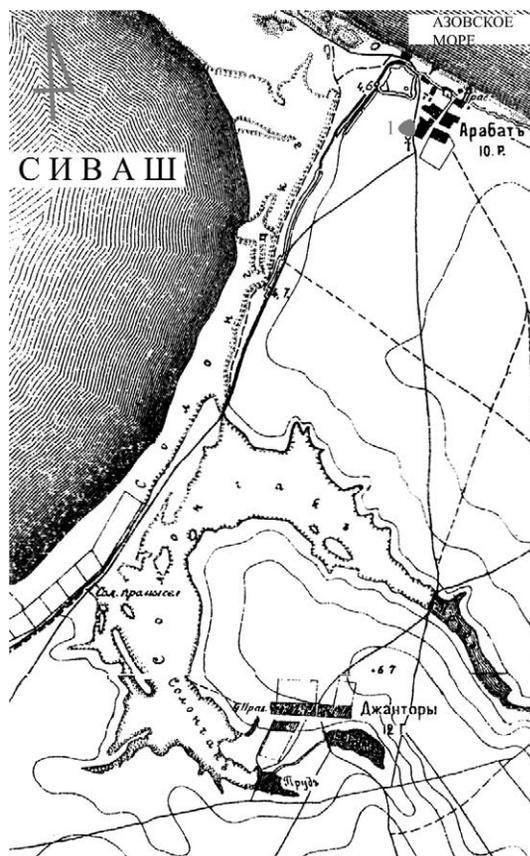

Рис. 2. Крепость Арабат и окрестности на карте 1953 г. М 1 : 500 м. Цифрой 1 указано место обнаружения статуэтки Диониса и понтийских монет.

¹ Земляные работы у крепости Арабат, а также на поле к югу от неё и на Турецком валу проводились в 2016 г. без соответствующего согласования. Республиканский Комитет Республики Крым по охране культурного наследия не обращал на это никакого внимания. В результате культурный слой арабатского посада оказался полностью уничтоженным и застроенным. На поле к югу от Арабатской крепости вырыты глубокие ямы, в которых виден метровый культурный слой 18–19 вв., попадаются архитектурные известняковые детали, принесенные, по-видимому, из крепости и более ранние находки.

Монеты представлены экземплярами наиболее массовых выпусков Понта: тремя тетрахалками чеканки Амиса типа: Арес – меч (105–90 гг. до н.э.) и двумя тетрахалками чеканки Синопы и Амиса типа: Зевс – орел (рис. 4). Как известно, на северопричерноморском рынке уже в начале царствования Митридата VI во множестве ходили амисские медные монеты ранних выпусков. Царь также разрешил Амису выпускать и серебро, что существенно подняло его авторитет в среде греческого торгово-ремесленного населения, которое увидело в нем силу, способную объединить греческие полисы.

В 80–63 гг. до н.э. на Боспоре в обращении преимущественно находились синопские тетрахапки типа: «Зевс – орел на молнии» [Сапрыкин, 1996, с. 171, 180, 181]. Так, относительно много их найдено и на селище Куру Баш (лагерь) [Гаврилов, 2010, с. 156, рис. 5: 66–69; 6: 70–77]. Находка таких же монет в пункте Арабат лишь подтверждает их хождение в Феодосии и её округе, как составной части Боспора, и, соответственно, указывает на возможное присутствие здесь какого-то понтийского подразделения.

Аналогов данному изображению юного Диониса известно немало. Из ближайших по времени и месту назовем терракоту из святилища I в. до н.э. на поселении Полянка. Это маска юного Диониса, имеющего похожую прическу, волосы стянуты повязкой, на голове венки из плюща, в котором выделяются шаровидные «шишки», – возможно, гроздь плодов плюща [Масленников, 2006, с. 116, табл. 30]. По-видимому, подобный образ Диониса был популярен и хорошо известен населению Боспора митридатовского времени.

Обследование поля показало, что здесь сохранился культурный слой от селения 18–20 вв., которое так и называлось – Арабат. Через него проходила дорога из Феодосии в Геническ [Кравцова и др., 1999, с. 201]. После Великой Отечественной войны оно было переименовано в Рыбацкое. На поле изредка попадаются фрагменты поливной и красноглиняной керамики 15–18 вв.

Данные находки показывают, что на севере Акмонайского перешейка у Азовского побережья, возможно, находился опорный сторожевой пост времени правления на Боспоре Митридата VI Евпатора. Это место было выбрано не случайно, поскольку где-то здесь в античную эпоху могла проходить одна из дорог, связывавших Боспор Киммерийский с северо-западными районами полуострова. В ту пору кочевники, в частности сарматы, вполне могли перемещаться с материка на полуостров по присивашской низменности, которая была на месте современного юго-восточного Сиваша, а также по отмелям, предшествовавшим Арабатской стрелке [Шульц, 1967, с. 196]. В качестве примера упомянем рейд царицы Амаги в Неаполь Скифский, а также поход роксолан для помощи скифам во время Диофантовых войн [Виноградов, 1987, с. 85; Ростовцев, 1915, с. 58]. Учитывая сложные отношения Митридата VI с сарматами в начальный период его правления на Боспоре, расположение в этом приазовском пункте понтийского воинского поста было необходимостью. Да и много позднее именно здесь, через Арабатскую стрелку совершали свои рейды на полуостров калмыки и казаки, что и обусловило строительство тут в конце XVII века Арабатской крепости.

Вероятно, линия из небольших укрепленных постов с сигнальными башнями позволяла Митридату VI контролировать сухопутные коммуникации, пересекавшие Акмонайский перешеек, в случае внезапных набегов недружественных варваров [Буйских, 1991, с. 88; Масленников, 1998, с. 111].

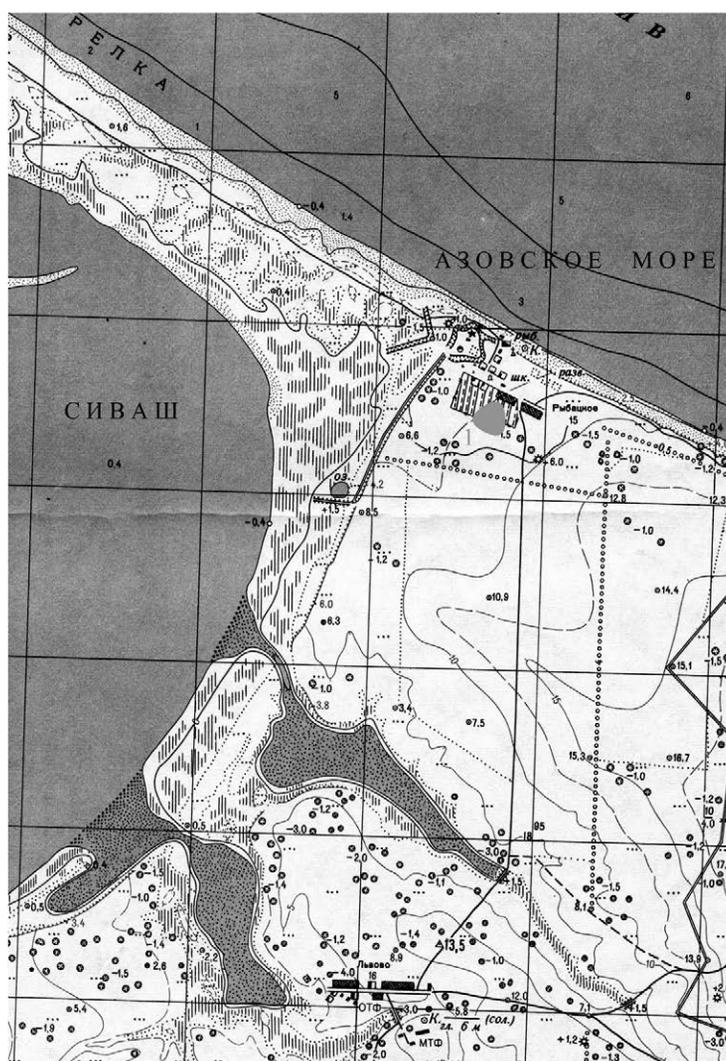

Рис. 3. Крепость Арабат и окрестности на карте-верстовке конца XIX в. Цифрой 1 указано место обнаружения статуэтки Диониса и понтийских монет

Но вернёмся собственно к нашей находке. Описанная статуэтка может, помимо своей чисто утилитарной «ценности» свидетельствовать о наличии культа Диониса в местных понтийских воинских подразделениях, который, очевидно, носил официальный статус и был введен в войсках после принятия этого эпитета Митридатом VI Евпатором. Это божество было очень популярным в полисах Малой Азии и Причерноморья на протяжении всей античной эпохи, а уже в самом начале правления этого царя сформировалась легенда о его божественном происхождении, в основу которой легли два главных культа: Зевса и Диониса [Джарман, 2013, с. 207]. Сначала на монетах Понта появилось изображение Зевса и орла на молнии, а также дионисийских символов, при этом профилю бога были приданы черты Митридата VI. Как известно, уже около 102/101 гг. до н. э. на острове Делосе при святилище Кабиров был построен героон

Рис. 4. Статуэтка – держатель жаровни в виде бюста Диониса из Арабата и понтийские тетрагалки чеканки Амиса и Синопы

Митридата, в надписи из которого впервые упоминается эпитет Дионис, что указывает на введение официального общепонтийского культа обожествленного царя.

С 96/95 гг. до н.э. на реверсах монет с именем и титулом Митридата VI Евпатора появляется обрамление из листьев плюща, что также указывает на официальный характер культа Диониса и отождествление царя с этим богом. С этого же времени на монетах Синопы, Амиса, Кабиры, Лаодикеи, Дии помещается голова Диониса в плющевом венке с его атрибутами: тирсом, пантерой, цистой. К началу первой войны с Римом (89–85 гг. до н.э.) в Понте было завершено формирование официального царского культа Диониса, что диктовалось политическими соображениями и задачами внутренней и внешней политики. Принимая этот образ, Митридат VI хотел уподобиться Александру Македонскому, как мстителю греков персам. Ведь после освобождения «Азии» от римлян большинство греческого населения приветствовало этого понтийского царя как Нового (Молодого, Возрожденного) Диониса. Митридата VI так и называли: Богом, Отцом, Спасителем, Либером, Евхием, Вакхом, Нисием, как свидетельствует Цицерон. Победоносное начало деятельности этого царя и присоединение к Понту огромных территорий, воспринималось населением, как начало новой жизни, что напрямую связывалось с божественной сутью этого царя, покровительством, слиянием и отождествлением его с Дионисом [Сапрыкин, 2009, с. 100].

После первой войны с Римом начался массовый выпуск изображений царя в скульптуре, глиптике, мелкой пластике. Очевидно, в это время и бытовые предметы стали украшаться изображениями юного Диониса, примером чему и является статуэтка-держатель от переносной жаровни, а также находка накладки-атташа с лицом юного Диониса с укрепления Куру Баш [Гаврилов, 2016, с. 128, вставка 4, 2]. Многократное повторение на разных предметах изображения юного Диониса должно было напоминать подданным о покровительстве этого божества правителю, государству, народу и, соответственно, способствовать укреплению официального культа понтийского царя.

Таврика, как хорошо известно, вошла в состав Понтийского царства в результате конфликта между Херсонесом и скифами в конце II в. до н.э. Не зря после победы над скифами, захвата их основных укреплений и установления контроля над Крымской Скифией Митридат VI воспринимался современниками именно, как скифский царь [Сапрыкин, 1996, с. 147]. По-видимому, крымские скифы после поражения в значительной мере утратили свою самостоятельность, но продолжали оставаться противниками понтийского царя, первоначально не входя в число его друзей и союзников [Виноградов, 2003–2004, с. 204]. Места их обитания, вероятно, были объявлены царскими владениями и находились под контролем понтийских гарнизонов, стоявших во стратегически важных местах полуострова, на побережье и большинстве основных сухопутных коммуникаций. В частности, – в Неаполе Скифском [Зайцев, 2003, с. 79], на городищах: Усть-Альминском [Высотская, 1994, с. 13], Кара Тобе [Внуков, 1997, с. 64–65], Беяусе, Южно-Донузлавском, Кульчуке [Дашевская, 1991, с. 21; Столба, Голенцов, 1999, с. 349–350], Калос Лимене [Уженцев, 2006, с. 126] и н. др. [Ланцов, 2001, с. 64]. Об этом же свидетельствуют находки из святилищ Артемиды на Сакской пересыпи [Ланцов, 2003, с. 41, 47, 48], малоазиатского женского божества Тарги на Джангульском оползне [Щеглов, 1988, с. 274–275] и «Полянка» на Караларском побережье Азова [Масленников, 2006, с. 9].

Кроме того, во всех перечисленных местах встречаются понтийские монеты, что, также может говорить о пребывании в них митридатовских войск или размещении гарнизонов [Высотская, 1994, с. 13, рис. 4; Зайцев, 1995, с. 79, рис. 6. 70; Кутайсов, 2004, с. 131; Голенко, Колтухов, 2005, с. 21; Гаврилов, 2010, с. 141]. В дополнение к уже известным пунктам, сравнительно многочисленные находки понтийских монет отмечены у села Донского Симферопольского района, сел Литвиненково, Мичуринское, Зеленогорское Белогорского района. Это указывают на возможное существование опорных военных постов в предгорьях полуострова, в местах, где находились удобные проходы из горного региона в степной.

С какого-то времени скифские династы, по-видимому, признали власть понтийского царя и даже стали его вассалами и союзниками. Однако, они не прекращали дипломатических попыток освободиться от неё. Очевидно, по их просьбе около 96 г. до н. э. римляне потребовали от Митридата возврата властителям скифов их отческих владений (Memn. XXX, 2). Скорее всего, именно после этого демарша Митридат VI был вынужден заключить со скифами некий союзный договор (или договоры) и, по-видимому, вернул им родовые владения, сделав их своими союзниками. Но для удержания их, похоже, понтийские войска продолжали нести службу во многих местах полуострова вплоть до гибели царя.

Если обратиться к истории Феодосии этого времени, то можно предположить, что, управляемая одним из членов царствующего дома Спартокидов, она не сразу признала власть Митридата и, может быть, даже поддержала Савмака. Это привело к противостоянию понтийского экспедиционного войска под руководством Диофанта и граждан Феодосии, город и близлежащие укрепления были взяты штурмом [Зеест, 1953, с. 147]. Но и после покорения полиса оппозиция Митридату в Феодосии была довольно сильной и сохранялась на протяжении всего периода его правления, что, как будто бы, отразила письменная традиция (App., Mithr., 107–111). В ней, как и в Ольвии [Крапивина, Диатроптов, 2005, с. 69], возможно, находился военный наместник округа (стратег), что было связано с включением этой области Боспора в военно-административную систему Понтийского царства [ср. Сапрыкин, 1996, с. 220, 221]. Кроме того, близкое варварское окружение и пограничный статус полиса вынуждали царя держать в регионе какое-то военное формирование. Для их дислокации были выбраны упомянутые и ещё не выявленные пункты в его округе.

Нужно отметить, что находки подобных статуэток-держателей жаровен встречаются в Северном Причерноморье и время от времени появляются на сайтах коллекционеров, в частности: <https://auction.violity.com/45958091-bust-apollo-1-3-st-n-e>; <http://auction.violity.com/66336790-dionis>; <http://www.sixbid.com/browse.html?auction=4829&category=144809&lot>. Все они имеют массивный крючок с прямоугольным концом, на который крепилась жаровня. Очевидно, переносные бронзовые жаровни использовались для обогрева палаток и помещений людьми мобильных занятий: военными, торговцами, кочевниками. Судя по материалам сети, такие жаровни украшались также изображениями в виде бюста Аполлона и Ареса – т. е. божествами эллинского пантеона, культ которых практиковался преимущественно в среде греческого и эллинизированного населения, а также военных. Исходя из датировок упомянутых монет Амиса и Синопы, можно отнести время её бытования к первой трети I в. до н. э. Это был период наибольшей военной активности Митридата VI Евпатора, в том числе на территории Крыма.

Список литературы

- Буйских, 1991. Буйских С. Б. Фортификация ольвийского государства. Киев.
- Веселов, 2005. Веселов В. В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. // ДБ. Supplementum II.
- Виноградов, 1987. Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора // ВДИ. 1.
- Виноградов, 2003–2004. Виноградов Ю. А. Народы Северного Причерноморья и Митридатовы войны // *Stratum plus*. 3.
- Внуков, 1997. Внуков С. Ю. Раскопки на Кара-Тобе у г. Саки // АИК 1994 г. Симферополь.
- Высотская, 1994. Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев.
- Гаврилов, 2004. Гаврилов А. В. Округа античной Феодосии. Симферополь.
- Гаврилов, 2010. Гаврилов А. В. Нумизматический материал селища Куру Баш (лагерь) и некоторые вопросы истории Феодосии конца II–I вв. до н. э. // *Stratum plus*. 6.
- Гаврилов, 2016. Гаврилов А. В. Мегарская чаша из могильника городища Куру Баш близ Феодосии // История и археология Крыма. Вып. III. Симферополь.
- Голенко, Колтухов, 2005. Голенко В. К., Колтухов С. Г. Монетные находки с территории Перекопского рва и вала и проблема локализации древнего Тафроса // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докл. науч. конф. М.
- Дашевская, 1991. Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып. Д 1–7.
- Джарман, 2013. Джарман О. А. Некоторые аспекты культа правителя в эллинистическом культурном обществе // Христианское чтение. № 3.
- Зайцев, 1995. Зайцев Ю. П. Хронология Неаполя Скифского // ДСПК. Вып. V.
- Зайцев, 2003. Зайцев Ю. П. Неаполь Скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симферополь.
- Зеест, 1953. Зеест И. Б. Раскопки Феодосии // КСИИМК. 51.
- Корпусова, 1972. Корпусова В. М. Про населення хори античної Феодосії // Археологія. 6.
- Корпусова, 1980. Корпусова В. Н. Надгробные стелы некрополей сельских поселений Боспора // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев.
- Крапивина, Диатроптов, 2005. Крапивина В. В., Диатроптов П. Д. Надпись наместника Митридата VI Евпатора из Ольвии // ВДИ. 1.
- Кравцова, Гарагуля, Гурбова, Каркач, 1999. Кравцова Л., Гарагуля В. К., Гурбова Л. В., Каркач Е. В. Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998 гг. Справочник. Симферополь.
- Кутайсов, 2004. Кутайсов В. А. Керкинитиды в античную эпоху. Киев.
- Ланцов, 2001. Ланцов С. Б. 2001. К вопросу о прибывании войск понтийского царя Митридата VI Евпатора в Таврике // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы международной конференции. Керчь.
- Ланцов, 2003. Ланцов С. Б. Античное святилище на западном берегу Крыма. Киев.

- Масленников, 1998. Масленников А. А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. М.
- Масленников, 2006. Масленников А. А. Античное святилище на Меотиде. М. – Тула. Гриф и К.
- Ростовцев, 1915. Ростовцев М. И. Амага и Тиргатао // ЗООИД. Т. XXXII. Одесса.
- Санжаровец, 2005. Санжаровец В. Ф. Имя Митридата VI Евпатора в топонимике Крыма и Керчи // БИ. Вып. X.
- Сапрыкин, 1996. Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство: государство греков и варваров в Причерноморье. М.
- Сапрыкин, 2009. Сапрыкин С. Ю. Религия и культуры Понта эллинистического и римского времени. Москва-Тула: Гриф и К.
- Столба, Голенцов, 1999. Столба В. Ф., Голенцов А. С. Монетные находки из раскопок Южно-Донузлавского городища 1964–1965 гг. // БФ. Греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб.
- Уженцев, 1992. Уженцев В. Б. Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н. э. – II в. н. э.). Симферополь.
- Цецхладзе, 1992. Цецхладзе Г. Р. Производство амфорной тары в Колхиде // ГА. Саратов.
- Шульц, 1953. Шульц П. Н. О комплексных историко-археологических и палео-географических исследованиях в Северном Крыму // ИКОГО. Вып. 2.
- Шульц, 1967. Шульц П. Н. Антропоморфная стела сарматского круга, найденная на Арабатской стрелке // ЗОАО. Т. 2. Одесса.
- Щеглов, 1988. Щеглов А. Н. Большой Кафель и святилище II в. до н. э. в урочище Джангуль // ПАК. Симферополь.

Summary

A. V. Gavrilo

Statue-holder of a brazier in the form of a bust of Dionysus from Arabat

In the article the discovery of a bronze statue-holder in the form of a bust of a young Dionysus from a portable brazier, found near the Arabat. Here the earthwork was found a few Pontic coins issued during the reign of Mithridates VI Eupator. Obviously, in this place there was one of military posts which were placed in all important military points of the peninsula Crimea. In his task was the control of land pricelessly-Azov road leading from Perekop to the European Bosphorus. Perhaps this is another evidence of the veneration of the ruler in the image of the God Dionysus, which was characteristic of all the kings of the Hellenistic States, especially Mithridates and enjoyed the support of his subjects.

А. В. Дмитриев

(Независимый исследователь, Новороссийск)

Реконструкция шлема из «Золотого кладбища» на Кубани

В 1901–1902 гг. профессор Петербургского Университета И. И. Веселовский производил масштабные раскопки «Золотого кладбища», в ходе которых было исследовано 94 кургана на правом берегу Кубани и 9 на левом – у станицы Некрасовской. Не касаясь этнической принадлежности погребений, о которой существуют различные мнения, хочу остановиться только на некоторых образцах вооружения, которые большинством исследователей (А. М. Хазанов, А. В. Симоненко, Н. Е. Берлизов и другие) относят к сарматам. Речь пойдёт о железных шлемах и чешуйчатых панцирях.

Единственный шлем из «Золотого кладбища», известный по публикации Э. Э. Ленца [Ленц, 1902, с. 120–123, рис. 1–3] неоднократно упоминается в исследованиях по оружию. Но ни его первый исследователь, ни последующие авторы не представляли, как он действительно выглядел. На художественной реконструкции внешнего вида сарматского всадника по материалам Золотого кладбища (рис. Е. Адамкевича) [Симоненко, 2010, с. 120, рис. 88, цветная вкладка стр. 160] показан всадник в небольшом сфероконическом шлеме (рис. 4, 1), а не высоком коническом с закруглённым навершием, как написано у Э. Э. Ленца. Наносник вдвое короче, чем 10 см у подлинного шлема и расположен не по линии тульи, а отогнут к носу. Небольшие подвижные на уши слегка прикрывают щеки, а у Э. Э. Ленца представлены крупные, наглухо прикреплённые нащёчники от окончания брови до затылка. Сзади из-под шлема выбиваются кудри воина, а на самом деле, чешуйчатый назатыльник (см. ниже) надёжно прикрывал затылок и шею.

Поверхностный анализ статьи Э. Э. Ленца привёл к ошибке и Н. Е. Берлизова. Он поправляет Э. Э. Ленца в том, что тулья у шлема не коническая, и представляет её в виде фригийского колпака, предлагая новый тип сарматских шлемов – «позднефракийский» (рис. 4, 2). В таблице приведено «подправленное» изображение рисунка 1 из статьи Э. Э. Ленца, где линия облома навершия заретуширована [Берлизов, 1998, с. 11; рис. 3, с. 13; 2011, с. 100, табл. 39]. В соответствии с приведённым на его рисунке масштабом, шлем имеет диаметр 31 см (при обычном диаметре 19–20 см). Следовательно, контуры шлема показаны неправильно (рис. 4, 2).

Искажённое изображение шлема (рис. 4, 3) по [Берлизов, 1998, рис. 3] приводит Е. В. Лурье [Лурье, 2014, с. 266, рис. 2, 7]. Можно ожидать, что никогда не существовавшие

Рис. 1. Раскладка фрагментов
левой половины шлема
[по: Ленц, 1902, рис. 1]

Рис. 2. Раскладка фрагментов
правой половины шлема
[по: Ленц, рис. 2]

сарматские шлемы «позднефракийского типа» теперь будут «кочевать» из одной статьи в другую.

Обратимся к началу этого сюжета. Предметы вооружения, найденные при раскопках И. И. Веселовского в 1901 г. были переданы для исследования известному российскому оружейнику, сотруднику Эрмитажа Э. Э. Ленцу. «Находка была доставлена в Комиссию в том виде, как её вынули из земли, и представляла несколько больших глинистых глыб, из которых торчали обломки железных поделок и скипевшиеся в твёрдую массу обрывки кольчужного плетения» [Ленц, 1902, с. 120]. При таком методе ведения раскопок, разумеется, полевая расчистка и фиксация не проводилась, а точное взаиморасположения предметов в погребении не было установлено. И далее: «При тщательной промывке глины, на лицо оказались следующие предметы: шлем крупных размеров совершенно сплюснутый и рассыпавшийся на множество кусков...». «Шлем сохранился очень плохо; тяжесть обрушившегося на него слоя земли раздавила тулью, куски которой почти сплошь состоят из хрупкого гидрата окиси железа, со слабыми лишь следами прежнего металлического состава» [Ленц, 1902, с. 120].

Статья Э. Э. Ленца иллюстрируется тремя фотографиями контуров шлема, составленных из обломков (рис. 1–3). При их увеличении видно, что уплощённые фрагменты укладывались на гладкую поверхность, зачастую со значительным напуском друг на друга. Сложенные фигуры снаружи регулировались, создавая контуры шлема, но в расплюсненном виде.

Рисунок 1. Включает уплощённые детали левой половины шлема: лобную часть с носником, левый нащёчник (Ленц называл его «наушем») и левую часть оголовья почти

до середины затылка. Вверху имеется полусферическое навершие, немного смятое и отогнутое влево. Трещина у оторванной части навершия прикрыта фрагментом тульи, а стык заретуширован, что искусственно создаёт подобие «фригийского колпака». Наносник с «бровями» (в одной плоскости с частью тульи) немного развёрнут против часовой стрелки, что подчёркивается неправильным зазором между фрагментами лобной части. Окончание правой «брови» утрачено и добавлено на фото ретушью. Нащёчник с обломком тульи поднят вверх, частично перекрывает левую «бровь» и заходит под верхние фрагменты тульи. Правый контур, состоящий из фрагментов неправильной формы, «срезан» по прямой линии и подретуширован даже там, где фрагменты отсутствуют.

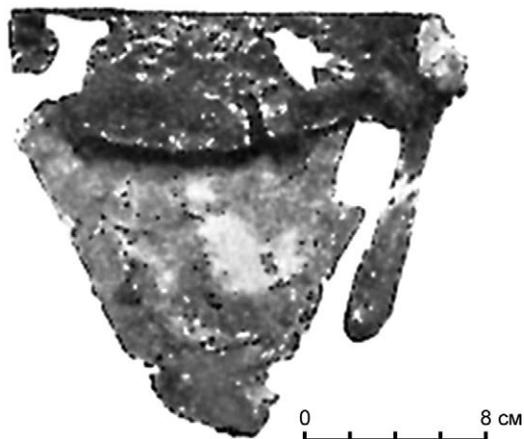

Рис.3. Левый нащёчник. Вид изнутри [по Ленц, 1902, рис. 3]

Рисунок 2. Сложены фрагменты тульи от затылка до области правого виска. Хорошо видно, что нижняя часть тульи составлена из выпрямленных фрагментов и резко отделяется от верхней, увенчанной полусферическим навершием. Навершие и верхняя часть тульи смяты, но до конца не расплющены, что хорошо подчёркивает первоначальную коническую форму оголовья. Поверх фрагментов оголовья в области правого виска лежит правый нащёчник с нижней частью оголовья, развёрнутый на 70 градусов по часовой стрелке и «крепко прикипевший к тулье». Нижняя часть нащёчника срезана ретушью, а контурам выреза для глаза придана совершенно неестественная форма. Правое окончание «брови» добавлено ретушью. Левый контур тульи срезан ретушью «под линейку», как на предыдущей фотографии.

Рисунок 3. Показана внутренняя сторона левого нащёчника с частью тульи и внутренней стороной наносника. Правая сторона «бровей» отсутствует и неестественно заретуширована (овалом). На фотографии нащёчник ретушью объединён с тульей и с наносником, хотя на рисунке 1 видно, что эти детали отделены друг от друга трещинами. Хорошо видно, что это не объёмные фрагменты конусовидного предмета, а искусственно уплощённые детали. Если сравнить рисунки 2 и 3, заметно, что края тульи и левого нащёчника находят друг на друга на 22–25 мм. Это могло произойти только при преднамеренной деформации. Пластины для крепления нащёчника к тулье, описанные Э.Э. Ленцем, практически не различаются.

В статье Э.Э. Ленца на всех рисунках указан масштаб 2/9 натуральной величины, но размеры одних и тех же деталей шлема на фотографиях несколько отличаются, что должно быть связано с перспективным искажением в разных ракурсах. На всех трёх фотографиях у изображения левого нащёчника разнятся не только размеры, но и форма. У Э.Э. Ленца (рис. 1) левый верхний угол ретушью загнут к «брови». На самом деле, вертикальная линия выреза для глаз должна подходить к низу тульи строго вертикально, что видно на фотографии. Также неестественно прямоугольно выглядит

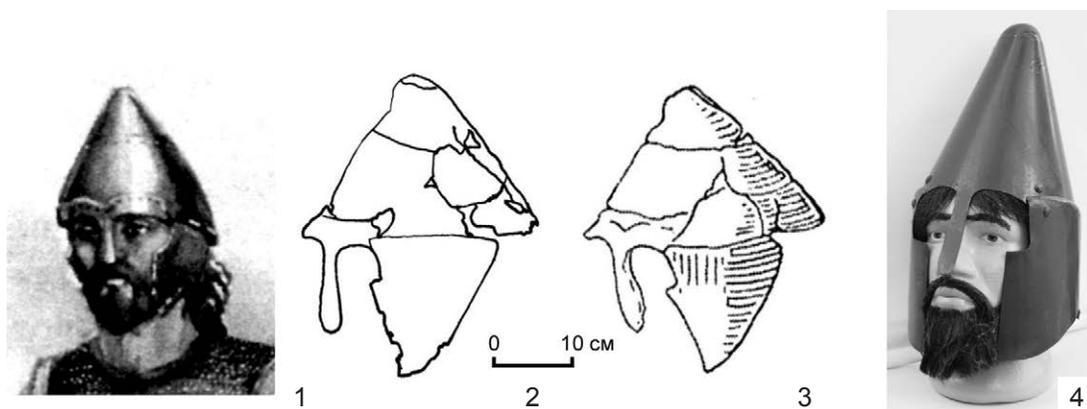

Рис. 4. Изображения шлема из «Золотого кладбища». 1 – Реконструкция внешнего вида сарматского всадника по материалам «Золотого кладбища» (рис. Е. Адамквич) по: [Симоненко, 2010, с. 120, рис. 88]; 2 – расплющенный шлем [Берлизов, 1998, с. 11; рис. 3, с. 13; 2011, с. 100]; 3 – тот же шлем, заштрихованный для придания «объёмности» [Лурье, 2014, с. 266, рис. 2, 7]; 4 – объёмная реконструкция (по А. В. Дмитриеву)

на нащёчнике и горизонтальный обрез для глаз. Это результат обкрошившейся кромки лицевой стороны нащёчника, которая, кроме того, немного загнута внутрь и, поэтому, кажется короче.

Тщательное изучение фотографий подтверждает «совершенную сплюснутость» шлема. Однако шлем не мог быть раздавлен «тяжестью обрушившегося на него слоя земли», а преднамеренно расплющен и разломан на куски, а уже плоские обломки и фрагменты назатыльника положены в погребение. Это доказывает утрата фрагмента жёсткой левой «брови», плоское состояние изогнутых деталей, накладдка с сильным сдвигом на тулью правого нащёчника, разбросанные чешуйки назатыльника. Не расплющенной осталась только часть полусферического навершия, имевшего большую жёсткость.

Искусственная порча шлемов, помещаемых в погребение, хорошо известна в археологии. Так, из 5 шлемов из х. Городского шлем пог. 8 в древности был искорёжен мощным ударом, а шлем пог. 1 был сплюснен сильным ударом [Лурье, 2013, с. 262]. Из трёх шлемов IX века, найденных в могильнике Дюрсо, – 2 были преднамеренно поломаны [Дмитриев, 2003, с. 204]. Не исключено, что многочисленные обломки шлемов «Золотого кладбища» (не включённые в каталоги) тоже могли принадлежать намеренно поломанным шлемам. Э.Э. Ленц описывает шлем следующим образом: «Коническая тулья в 23 см вышины состоит из двух частей: закруглённого полушарием навершия и приклёпанного к нему широкого венца». Геометрически шлем имел форму усечённого конуса с завершением в форме полусферы (рис. 4, 4).

Из-за плохой сохранности нижнего края венца Э.Э. Ленц не мог определить, как был защищён затылок, – сплошной пластиной, как наушы, чешуйчатым набором или же кольчужной сеткой. Он не понял, что описанная им «чешуя» являлась деталями чешуйчатого назатыльника, хотя и предполагал такую возможность [Ленц, 1901, с. 121].

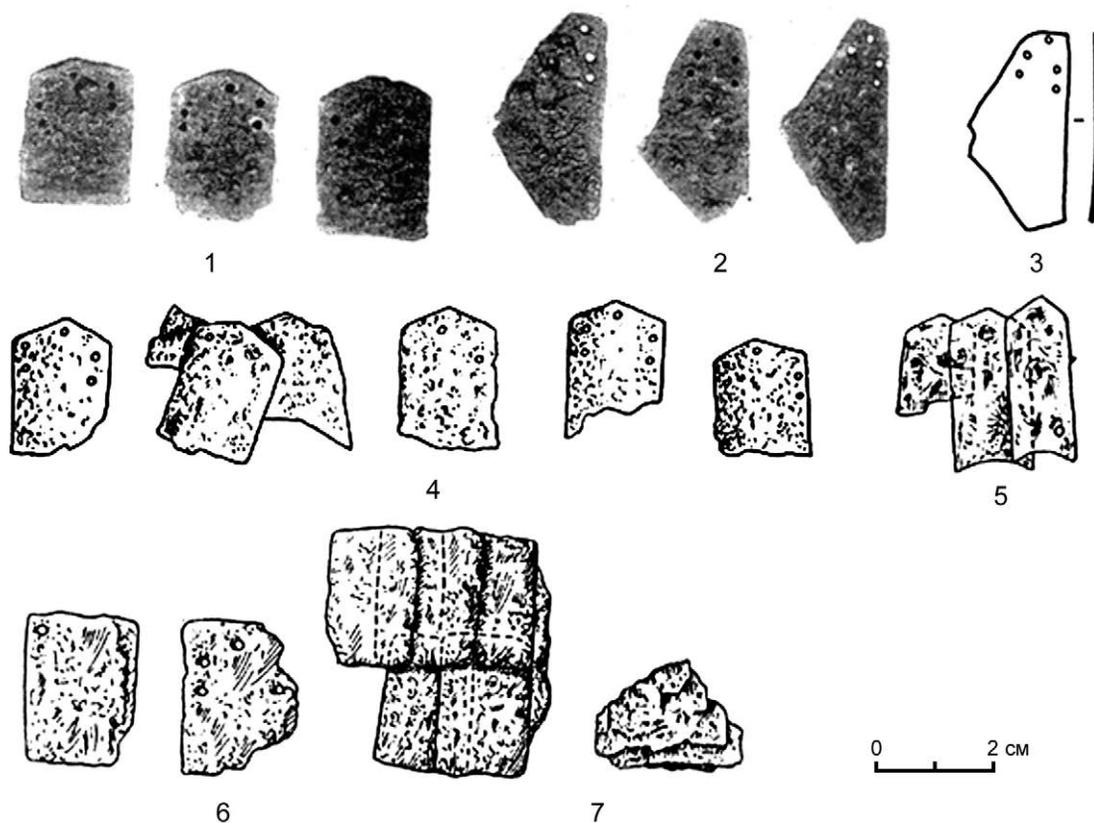

Рис. 5. Чешуйки назатыльников шлемов из «Золотого кладбища». 1, 2 – курган у ст. Тбилисской по [Ленц, 1902, с. 125 рис. 7, 8]; 3 – Курган 2 у ст. Казанской по [Симоненко, 2010, рис. 79, 4]; 4 – курган 1 станица Казанская по [Гущина, Засецкая, табл. 1.4], 5 – курган 4 у ст. Некрасовской по [Гущина, Засецкая, 1994, табл. 53, 528]; курган 3, ст. Тифлисская, раскопки 1908 года по [Гущина, Засецкая, 1994, табл. 56, 548]; 7 – курган 7 ст. Казанская по [Гущина, Засецкая, 1994, табл. 7, 45]

Чешуйки, найденные в комьях земли рядом с кольчугой, были плохой сохранности. Несколько чешуек внешней стороной «прикипели» к кольчуге. Как далеко от обломков шлема находились чешуйки, установлено не было. Чешуйки были двух размеров. Одни (числом около 50) с трёх сторон обрезаны прямоугольно, а с верхней стороны «закруглены или опилены тупым мысиком» (рис. 5, 1). Другие – пятиугольные (рис. 5, 2), числом не более 10, выкованы в виде неравнобедренного треугольника со срезанными у основания углами [Ленц, 1902, с. 124, 125, рис. 7, 8]. Первые пластины (по фотографиям) имели размеры 18–20×26–29 мм. Размеры сторон вторых – были 25×25×37 мм (срезы углов по 6–7 мм) или близкие к ним. В верхнем углу первых и в одном из острых углов вторых было небольшое отверстие, а ниже по обеим сторонам от него, ещё по два отверстия, расположенных в 4 мм одно над другим. Причём одна пара на 2 мм ниже, чем другая, расположенная на противоположной стороне (рис. 5, 1).

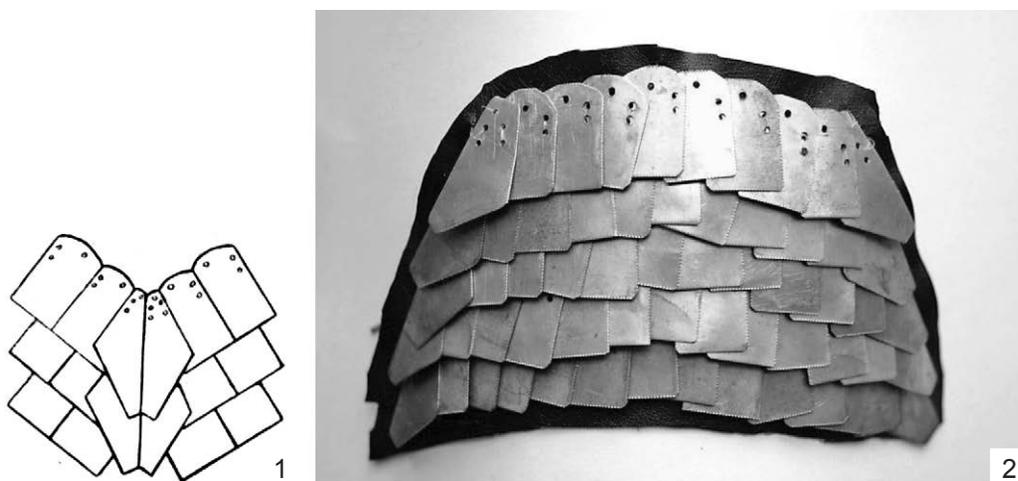

Рисунок 6. 1 – «Гадательная комбинация» изгиба панциря из чешуек назатыльника по [Ленц, 1902, рис. 9]; 2 – реконструкция назатыльника из этих же чешуек (по А. В. Дмитриеву)

Э.Э. Ленц предположил, что пятиугольные чешуйки (рис. 5, 2) «служили промежуточными звеньями в тех случаях, когда покроем брони требовал расположения чешуек не прямыми рядами, а по кривой или ломанной линии». Он составил, «совершенно гадательную комбинацию размещения этих чешуек» [Ленц, 1902, с. 125, рис. 9] (рис. 6, 1). Если бы в своей «комбинации» он расположил пятиугольные чешуйки не в центре, а по краям, то получил бы форму недостававшего ему назатыльника. Об отношении чешуек к назатыльнику Э.Э. Ленц даже не подумал.

На самом деле, чешуйки первого типа составляли основу назатыльника. По его высоте было 5 рядов. Каждый нижний ряд имел на одну пластинку больше. Если бы Э.Э. Ленц учёл все пластины первого типа, то верхний ряд имел бы 8 пластин, второй – 9, третий – 10, четвёртый – 11 и пятый 12. Пластинки треугольной формы ставились первыми и последними в каждом ряду. Они перекрывали косой зазор между назатыльником и нащёчками. На 5 рядов ушло как раз 50 пластин первого типа и 10 второго, указанных Э.Э. Ленцем (рис. 6, 2).

Становится понятным, почему пары отверстий на пластинах были расположены на разных уровнях (рис. 5, 1–6). Если бы все отверстия располагались на одном уровне, получилась бы ровная трапеция. При креплении к краю тульи, назатыльник обвисал бы строго вертикально. Чтобы его приблизить к шее, требовался изгиб вверх. Это достигалось тем, что пластины левой стороны назатыльника устанавливались парой опущенных вниз отверстий влево, а посередине назатыльника пластины «переворачивались» и более низкие пары отверстий размещались справа. Этим достигалась мелкоступенчатая «кривизна», приближавшая назатыльник к шее. Все чешуйки имеют слабое «желобчатое» сечение, что придаёт изгиб назатыльника близкий контуру тульи (рис. 6, 2).

Обычно чешуйки панциря крепились к основе через 2–3 отверстия в верхнем крае пластин. Иногда с одной из сторон добавлялось ещё 1–2 отверстия в верхней части пластины. Использование большого количества дополнительных креплений привело бы к тому, что панцирь был бы покрыт сплошной неподвижной корой, лишённой гибкости [Черненко, 1968, с. 30].

В отличие от сравнительно жёстких панцирей, для назатыльника требовалась большая гибкость. Это достигалось особой сборкой чешуек назатыльника, отличной от сборки доспеха.

Через боковые парные отверстия пластинки не пришивались к подбою, а только соединялись друг с другом, создавая слабоизогнутый ряд. Каждый ряд начинался и заканчивался пятиугольной пластиной, развёрнутой нижним основанием наружу. Первым набирался нижний пояс. Сборка начиналась справа налево. Затем, готовый ряд только через верхние отверстия пришивался к кожаной основе. Таким образом, каждая чешуйка пришивалась только в одном месте (вверху), а с боков поддерживалась креплением соседней. После этого собирался второй ряд с меньшим количеством чешуек на одну единицу и пришивался со смещением пластин на половину ширины (как на рисунке Э.Э. Ленца). В таком же порядке собирались все последующие ряды. Каждый ряд перекрывал предыдущий по высоте на 10–13 мм. Такая сборка обеспечивала прочность назатыльника, имевшего в каждой точке 2–3 слоя пластин. При хорошо обработанной основе из мягкой кожи, затыльник был более подвижный, чем подобный доспех, и легко откидывался при одевании шлема. Именно поэтому в комьях земли чешуйки лежали «нестройными, рассыпавшимися рядами» [Ленц, 1902, с. 124], а не как у панцирей – сплошной коркой.

В затылочной части шлема по нижнему краю тульи были пробиты отверстия с шагом соответствующему расстоянию между отверстиями в верхних углах верхнего ряда чешуек. Крепление назатыльника прикрывала узкая пластинка (в описании не отмечена).

Зная конструкцию, можно рассчитать размеры назатыльника. Расстояние между вертикальным рядом отверстий 13 мм. Расстояние от парных отверстий до края пятиугольных пластин 10 мм.

Общая ширина верхнего ряда чешуек равна $8 \times 13 + 2 \times 10 = 121$ мм, что для затыльника немного недостаточно. Однако, расчёт ширины затыльника по ободу (см. приложение) составил 144 мм, т.е. разница 23 мм (ширина двух чешуек). Э.Э. Ленц высказал предположение, что в Археологическую комиссию были доставлены не все детали, или при плохой сохранности он просто не досчитался десятка пластин. Скорее всего, у назатыльника общее количество пластин первого типа было 60–65 штук. Тогда ширина назатыльника по верху была бы 145–155 мм, что ближе к расчётам по фотографиям и удобнее при одевании шлема на голову большого размера.

Как были оформлены края кожаной основы назатыльника, – неизвестно. Край мог заворачиваться или сворачиваться валиком и прошиваться как на скифском оплечье из Нимфея [Черненко, с. 46, рис. 24]. Пластин с отверстиями по нижнему или боковым краям для крепления основы Э.Э. Ленц не приводит. Не вносят ясности и фотографии двух согнутых под углом и одной смятой пластинок, к которым «прикипели» фрагменты «ободка, окаймляющего в виде желоба край некоторых, впрочем, немногочисленных

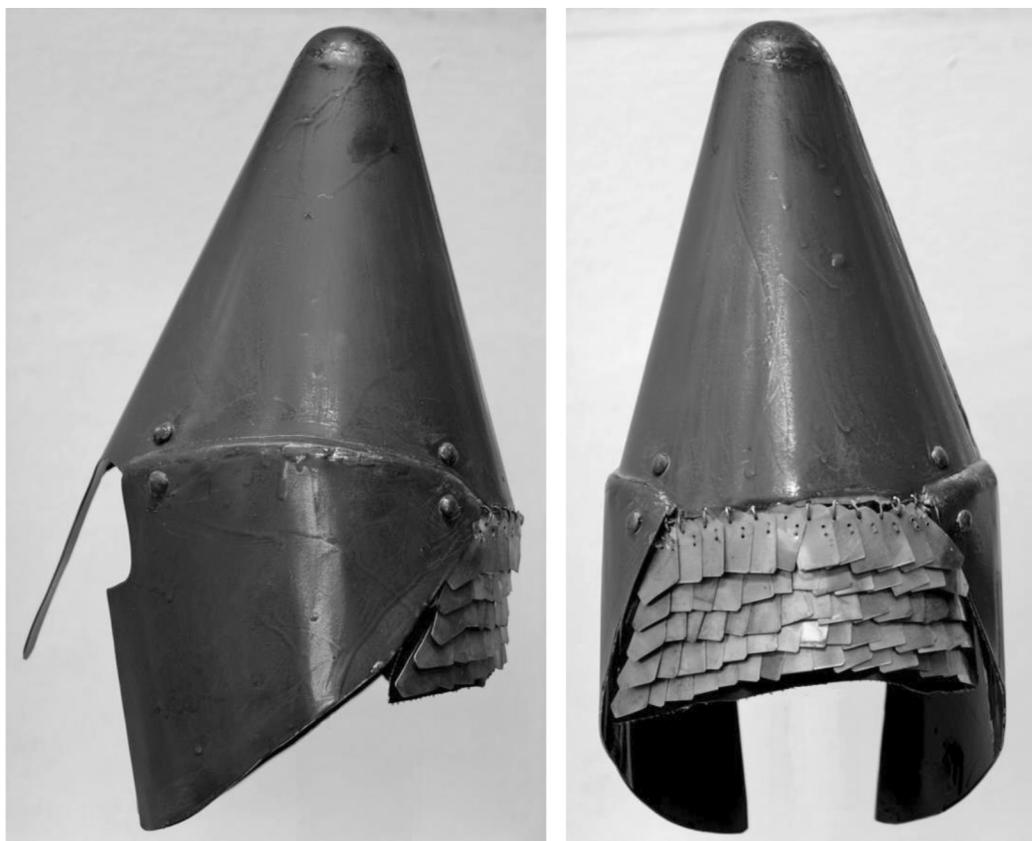

Рис. 7. Макет шлема из «Золотого кладбища» (по А.В. Дмитриеву)

чешуек» [Ленц, с. 126, рис. 10, 11]. Приведённая там же реконструкция не соответствует фотографиям. Чешуйки, загнутые под прямым углом наружу в доспехах не известны. Это можно объяснить преднамеренной порчей шлема.

По описанию и фотографиям, приведённым Э. Э. Ленцем, была выполнена графическая реконструкция шлема и развёртка деталей макета (приложение, рис. 12). Для сравнения, на развёртку макета были нанесены контуры сохранившихся фрагментов по фотографиям Э. Э. Ленца соответствующей величины. По полученным чертежам из листового металла был изготовлен макет шлема в натуральную величину.

Для реконструкции назатыльника по форме чешуек, описанных Э. Э. Ленцем и с таким же расположением отверстий было вырезано 60 прямоугольных и 10 пятиугольных пластин. Назатыльник был собран в том же порядке, как было описано выше. Как было защищено место крепления назатыльника не установлено. Общий вид реконструированного шлема (без защиты крепления назатыльника) показан на рисунке 7.

Правильность реконструкции шлема подтверждает её сравнение со шлемом из Выставочного комплекса ООО Сафари Парк г. Геленджика (далее «шлем из Сафари

Рис. 8. Шлем из Сафари Парка после реставрации

Парка»¹, куда в 2011 г. поступило около 150 обломков шлема необычной формы не считая мелких фрагментов размером 3–5 мм), спёкшиеся чешуйки и их фрагменты.

При реставрации выяснилось, что это около 65% площади поверхности. Некоторые обломки имели форму желобка, что говорило о конической форме оголовья, хотя верха конуса или закругления не сохранилось. Среди обломков железных пластин со следами позолоты имелось три фигурные пластинки из золота толщиной около 2 мм в форме прямого наносника с «бровями» и двух обрамлений нащёчников. Пластины были инкрустированы вставками из поделочных камней и стекла. Реставрация была выполнена реставратором по художественному металлу А. А. Иванько и автором статьи. Несмотря на многочисленные утраты, форма шлема восстановилась полностью, кроме окончания оголовья. Он состоял из оголовья, двух нащёчников и чешуйчатого назатыльника.

Оголовье было коническим. Сохранившаяся высота около 23 см. Оно изготовлено из двух усечённых конусов, одетых друг на друга. Конусы были согнуты из железных листов и соединены сзади кузнечной сваркой. Нижняя часть в основании имела форму близкую эллипсу по конуру черепа с размерами 19×21 см. Высота нижней части равнялась 13 см. Сверху на неё был одет конус меньшего размера, также сваренный продольно. Его сохранившаяся высота равнялась 10 см. Фрагментов окончания или закругленного навершия обнаружено не было. В процессе реставрации верхний конус был немного удлинён и закруглён по аналогии с другими подобными оголовьями (см. ниже). Между собой конусы соединялись шестнадцатью заклёпками. После этого шов расклёпывался

¹ Автор приносит благодарность учредителям и администрации ООО Сафари Парк за представленную возможность публикации шлема.

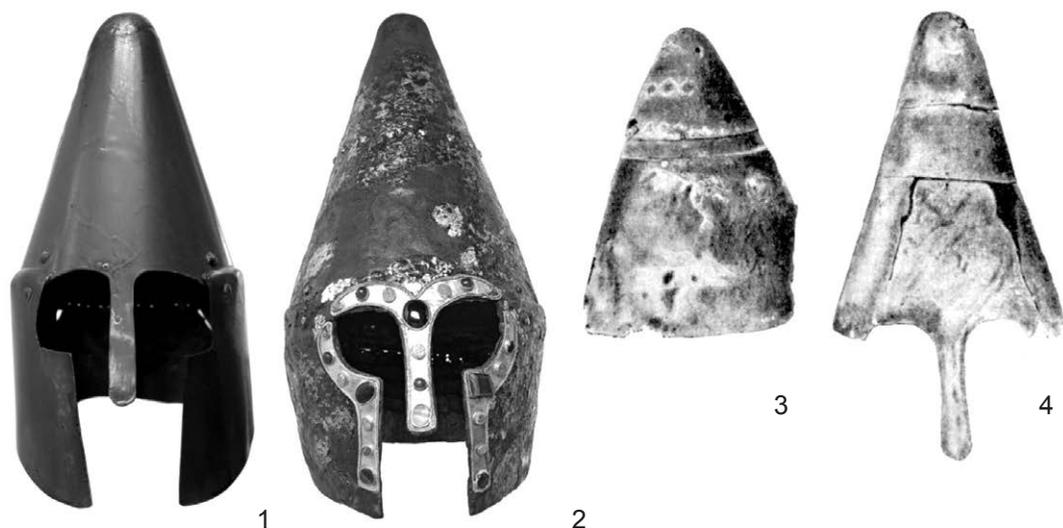

Рис. 9. Высокие восточные шлемы: 1 – Из «Золотого кладбища» (реконструкция по А. В. Дмитриеву); 2 – из собрания Сафари Парка; 3, 4 – из Истяцкого клада [Чернецов, 1953, рис. 1]. Тобольский музей. Ок. 1/6 н.в.

(кузнечная сварка) и не был виден снаружи. Заклёпки имели декоративные шляпки в форме выпуклой трёхлепестковой розетки с трёхгранной пирамидкой в центре, облицованные золотым листом. Сохранились все заклёпки, что дало возможность точно реконструировать оголовье.

Нижняя передняя часть напоминала коринфский шлем. Спереди к оголовью был прикреплён прямой наносник с дуговидными «бровями». «Брови» крепились кузнечной сваркой к наружному краю основания оголовья с наложением сверху, создавая выступающий бортик. Расстояние от внутреннего изгиба «бровей» до кончика наносника 9,5 см. Ширина наносника (по инкрустации) 1,8 см. Низ немного закруглён. «Брови» изогнуты и плавно утончаются к краям. Наносник строго без изгиба продолжал уклон тульи. Сзади по низу оголовья на расстоянии 13 мм были пробиты отверстия для крепления чешуйчатого назатыльника.

Изнутри, в области висков и за ушами сзади, к тулье при помощи крупных заклёпок крепились 4 толстых полосы размером 45×20 мм, изогнутые под тупым углом, служившие креплением нащёчников. Э. Э. Ленц, описывая такое же крепление, недоумевал, почему оно жёсткое, а не шарнирное для откидывания нащёчников [Ленц, 1902, с. 121]. Как было установлено далее, конструкция шлема позволяла одевать его, не откидывая нащёчники.

Нащёчники накладывались поверх тульи, создавая валик по её контуру. Спереди контур нащёчника повторял дугу глазной впадины, потом обрезался по прямой вертикальной линии. Снизу спереди контур нащёчника обрезался по прямой линии, загибаясь вверх по дуге, подходя сзади к тулье под углом около 40 градусов. Передние срезы обоих нащёчников были параллельны друг другу. Каждый нащёчник крепился к тулье при помощи двух заклёпок. Шляпки имели полусферическую форму и были обтянуты

золотым листом. Сохранившаяся высота нащёчников 16 см. Инкрустация не доходит до нижнего края нащёчника на 2,5 см.

У лица нащёчники были оконтурены золотой пластиной шириной 1,7 см с инкрустацией. Расстояние между краями инкрустации нащёчников (ширина прорези в шлеме) 6 см.

Назатыльник был такой же, как и у шлема из «Золотого кладбища». Форма и размеры чешуек обоих шлемов совпадали. Расстояние между отверстиями в тулье и верхними отверстиями соседних чешуек равнялись 13–14 мм.

Сохранился небольшой фрагмент кожаной основы с отверстиями, на которой крепились чешуйки. В развёрнутом виде назатыльник имел форму трапеции с немного выгнутым вверх верхним краем. Его размеры по верху 16 см, по низу 25 см, высота 9 см. Он состоял из 5 рядов чешуек. Верхние ряды перекрывали нижние приблизительно на $\frac{1}{2}$ высоты. Нижняя выступающая поверхность чешуек была покрыта позолотой. Количество подпрямоугольных чешуек в каждом последующем нижнем ряду увеличивалось на одну.

Место подвески назатыльника по краю тульи поверх колец прикрывалось узкой дуговидной пластинкой желобчатого профиля. Пластинка являлась как бы продолжением валика выступающих нащёчников. Из-за плохой сохранности фрагментов соединения назатыльника и тульи невозможно установить способ крепления этой пластины к тулье.

Каким было навершие, точно установить невозможно. Его фрагментов, даже самых мелких, не поступило. У шлема, описанного Э.Э. Ленцем, оно крепилось к тулье «несколькими заклёпками». Следов заклёпок не обнаружено. При реставрации навершие было выполнено по пропорциям большого тобольского шлема (см. ниже). Полусферическое закругление началось на 1 см выше сохранившегося края верхнего конуса тульи. Общая высота оголовья получилась около 27 см (рис. 8, 9). По состоянию сохранившихся деталей шлема установлено, что шлем лежал правым нащёчником вниз. Он долгое время находился в пустоте (катакомба, гробница?). Поверх шлема лежал кожаный предмет. Отпечатки складок кожи хорошо были видны на окисле оголовья. От правого нащёчника и нижней части правой стороны тульи сохранилось мало фрагментов. Изнутри поверхность шлема имела натёки окислов железа, подобные сосулькам или сталактитам. Металл не сохранился. Основа полностью утратила свойства металла и превратилась в хрупкую корку окислов.

Внешние поверхности всех деталей шлема были позолочены. На некоторых фрагментах хорошо прослеживаются ряды мельчайших насечек, пробивших тонкие листы золота (рис. 10, 1, 2). Через эти отверстия окислы железа проникли наружу и покрыли позолоту толстым и очень прочным слоем, который был прочнее окислившейся основы шлема. Декоративные шляпки заклёпок едва выступали из слоя окислов.

Обрамления бровей, наносника и передней части нащёчников были инкрустированы. Основа инкрустации левого нащёчника была смята ударом. Она погнута, разломлена на 3 части, мелкие фрагменты утрачены. Угловая вставка, вероятно, была разбита и утрачена. Анализ вставок не производился. Большая часть камней зелёного цвета (вероятно) бирюза. Кроме того, есть вставки из половинок сердоликовых бус красного

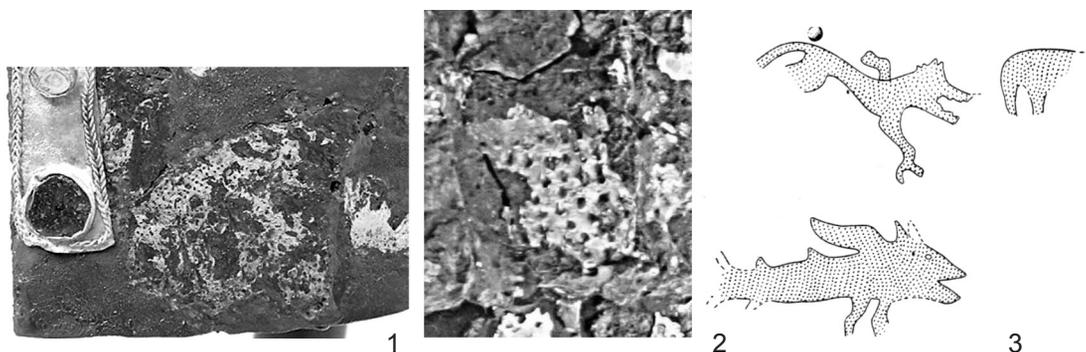

Рис. 10. Фрагменты позолоты шлемов с рядами точек. 1, 2 – шлем из Сафари Парка; 3 – малый шлем из Истяцкого клада по [Чернецов, 1953, рис. 2]

цвета, крупные овальные из граната и помутневшего стекла, неправильной формы из агата. На левом нащёчнике в смятый касти вставлен фрагмент обломка стеклянного сосуда, – результат ремонта в древности. При реставрации 4 утраченные вставки заменены подобными камнями.

В инкрустации нет симметрии, вставки выполнены из совершенно разных материалов. В то же время пластинки обрамлены «косичкой», касты из тонкой вертикальной пластинки выполнены аккуратно по форме разнородных камней.

Оказалось, что форма и конструкция шлемов, описанного Э.Э. Ленцем, и из Сафари Парка одинаковы. Полностью совпадают размеры чешуек назатыльника и отверстия в них, как будто сделанных по единому шаблону в одной мастерской. Разница только в форме вырезов для глаз, в позолоте и парадной отделке второго шлема (рис. 9, 1, 2).

Итоги реконструкции шлема из «Золотого кладбища».

Казалось бы, что нового или важного может внести реконструкция шлема, описанного Э.Э. Ленцем, в историю сарматского оружия? Только окончательно определилась форма шлема? А.В. Симоненко [Симоненко, 2014, с. 271], называя такие шлемы коническими с составной тульей, предполагает, что их известно 8 экземпляров и ссылается на единственное (неполное) изображение такого шлема из статьи Э.Э. Ленца. Именно на типе этого шлема стоит остановиться подробнее.

Более полное описание типа: шлем высокий усечённо-конической формы с полусферическим навершием, с длинным наносником, крупными нащёчниками и (обязательно) с чешуйчатым назатыльником.

Как уже говорилось выше, пятиугольные чешуйки с закруглённым или скошенным под углом верхом с одним отверстием вверху и двумя парами отверстий по бокам и пластины в виде вытянутого пятиугольника с таким же расположением отверстий использовались только для назатыльников шлемов (рис. 5). От чешуи панцирей они отличаются тем, что закруглён (или заострён) не нижний край, а верхний (тип 1). К кожаной основе назатыльников чешуя крепится только в одной точке через верхнее центральное отверстие. Парные отверстия, расположенные по обеим сторонам чешуек на разной высоте, служат для скрепления чешуек между собой, но не для крепления

к основе. В комплект чешуек назатыльника входят вытянутые треугольные чешуйки с закруглёнными острыми углами или пятиугольной формы (тип 2). В одном из углов таких чешуек находится тоже 5 отверстий, расположенных так же, как у типа 1. При сборке назатыльника чешуйки типа 2 монтировались крайними, заполняя, скошенный край назатыльника, примыкающий к нащёчку. У шлема из Сафари Парка сохранился фрагмент края назатыльника, прикипевшего к краю левого нащёчника, что подтверждает правильность реконструкции затыльника.

Во всех статьях по истории сарматского оружия такие пластины обязательно приводятся, как пример «комбинированного панциря», хотя ни одного достоверного примера использования их в «комбинированных» панцирях нет. Пока они встречены только в курганах «Золотого кладбища» и в шлеме из Сафари Парка.

Хотя после раскопок «Золотого кладбища» прошло более 100 лет, так и не установлено, сколько же там было найдено шлемов. Как отметил А. М. Хазанов, «Материал раскопок Золотого кладбища значительно обесценен: отчёты страдают неполнотой, инвентарь погребений сохранился не полностью и частично перепутан. Остатки доспехов только в единичных случаях перевозились в Петербург» [Хазанов, 1971, с. 59]. Из 34 зафиксированных находок панцирей, в музеях в настоящее время сохранилось только 17 [Гущина, Засецкая, 1994, с. 10], да и те только частично. Обстановка со шлемами ещё хуже. Данные о находках шлемов в источниках разные. Так в цитируемой выше книге говорится, что шлем представлен только одним экземпляром, описанным Э. Э. Ленцем, как находка в кургане у станицы Тифлисской. «К какому кургану у станицы Тифлисской в публикации Ленца не указано. В ГИМе хранятся фрагменты от подобного шлема, который, видимо ошибочно, отнесён Хазановым к 44 кургану у ст. Казанской, так как по отчётам Археологической комиссии за этим курганом шлем не числится. Таким образом, место находки шлема остаётся неясным. Кроме того Н. И. Веселовский указывает на находку шлема в кургане 4 у станицы Некрасовской, но из-за плохой сохранности последнего форма его не восстанавливается» [Гущина, Засецкая, 1994, с. 11]. В каталоге не отмечено, где хранятся фрагменты описанного шлема. Берлизов пишет, что шлем найден в кург. 52 у ст. Тифлисской [Берлизов, 2011, с. 100].

А. В. Симоненко считает, что Э. Э. Ленц описывал шлем из кургана 40 между Казанской и Тифлисской [Симоненко, 2014, с. 271] и далее пишет: «Не исключено, что в некоторых ограбленных погребениях найдены остатки шлемов такого же типа». Действительно, наличие чешуек назатыльников доказывает нахождение шлемов в нескольких курганах. В каталоге указаны следующие находки пластин назатыльников шлемов:

1. Курган 1, станица Казанская, раскопки 1901 г. Кат. № 4. Записаны как Панцирь (обломки). Железо, ГИМ. Инв. № 42380-382,189а/136. Панцирь комбинированный, состоящий из кольчуги и железных пластин. [Гущина, Засецкая, 1994, с. 41, табл. 1, 4] В Таблице 1 (с. 190) приведены рисунки (перевёрнутые) 4-х чешуек и фрагмент из 3-х сплётшихся пластин. Соединение с кольчугой ничем не подтверждается. Пластинки, как их описывал Э. Э. Ленц, с трёх сторон обрезаны прямоугольно, а с верхней стороны «закруглены или опилены тупым мысиком» (рис. 5, 4). По центру, вверху пластин было отверстие, а по две пары отверстий располагались по бокам в верхней части пластины. Одна пара была выше другой на половину расстояния между отверстиями. Нижний

край у всех пластин обломлен. Наибольший размер 18×23 мм, что близко пластинам, описанным Э.Э. Ленцем. Эти же пластинки, полностью соответствующие назатыльнику этого шлема, описанного Э.Э. Ленцем, приводит и А. В. Симоненко [Симоненко, 2010, рис. 79, 7].

2. На рисунке [Симоненко, 2010, рис. 79, 4] приведено изображение пятиугольной вытянутой пластинки из кургана 2 станицы Казанской (рис. 5, 3). Она является копией второго типа пластин, описанных Э.Э. Ленцем. В каталоге эта пластина не значится, но подтверждает наличие такого шлема в кургане.

То, что кроме описанных Ленцем, ещё в 2-х курганах Золотого кладбища встречены пластинки назатыльника шлема, изготовленные в одной мастерской по одним и тем же шаблонам, говорит, что там было не менее 3-х шлемов одинаковой конструкции.

3. К назатыльнику шлема относятся и пластины из кургана 4 у станицы Некрасовской, раскопанном в 1905 г. (рис. 5, 5), описанные в каталоге [Гущина, Засецкая, 1994, с. 75, 152, табл. 53, 528].

Кат. № 528. Панцирь. Железо. Размеры пластин 2.5×2.0 см ГЭ. Инв. № 2244/43 (Гущина, Засецкая, 1994, с. 75, т. 53, 528. Размеры и форма близки ранее описанным, только немного вогнут нижний край. Расположение отверстий такое же, как в чешуйках назатыльников. Возможно, что данный назатыльник принадлежал шлему, о котором упоминал И. И. Веселовский.

4. В каталоге Курган 3. Станица Тифлисская. Раскопки 1908 г. под № 548 значится; «Панцирь. Железо. Высота чешуйки 2.9 см. Ширина 2.0 см. ГЭ. Инв. № 2238/10. Спёкшиеся обломки чешуйчатого панциря. Чешуйки прямоугольной формы пластинчатые с боковыми отверстиями. [Гущина, Засецкая, 1994, с. 77, 155, табл. 56, 548]. На рисунке схематично изображён фрагмент из 5 пластин и 2 отдельные пластины. На одной из них чётко видны все 5 отверстий, расположенных по той же схеме, что и у всех чешуек назатыльников. Отличие состоит только в том, что верхний край пластинок не закруглён или заострён, а ровный. На конструкции назатыльника это никак не сказывается, только, вероятно, ухудшается подвижность. Эти же пластинки, как пластинки комбинированного панциря, приводит Симоненко [Симоненко, 2010, рис. 79, 1].

5. Несколько отличаются пластинки из кургана 17 станицы Казанской из раскопок 1901 г. Каталог № 78. Панцирь. Железо. Размеры чешуек 1.1×1.3 см. ГИМ. Инв. № 42380–392, 189/656. Обломки скипевшихся пластинчатых чешуек прямоугольной формы с одним округлым концом. [Гущина, Засецкая, 1994, с. 46, 106, т. 7, 78]. Чешуйки вдвое меньше, чем все предыдущие, но имеют ровный нижний и закруглённый верхний края, как у всех назатыльников «Золотого кладбища». Левый край фрагмента имеет контур, как у всех чешуйчатых назатыльников. Наличие таких пластин в доспехах не отмечено.

Итак, мы имеем доказательства шести находок чешуйчатых назатыльников шлемов в курганах «Золотого Кладбища». А. В. Симоненко отмечает наличие в фондах музеев «крупных изогнутых пластинок железа», предполагая, что это фрагменты шлемов. Зная форму шлема, описанного Э.Э. Ленцем, можно определить, соответствуют ли фрагменты форме этого шлема. По кривизне пластин легко узнать форму оголовья – коническая, полусферическая или цилиндрическая. Так же по отдельным фрагментам можно

определить принадлежность их к наноснику или нащёчнику. Характерные короткие, изогнутые под тупым углом, пластинки служили для присоединения нащёчников к тулье и т. д. Но это уже особая исследовательская работа в фондах.

Нельзя согласиться с Э.Э. Ленцем, что описанное им оголовье «свидетельствует о сравнительно невысоком развитии оружейного искусства у того народа или племени, который выработал такой образец шлема и выделял подобные найденному экземпляры». Он считал, что верх оголовья не вытянут в конус «по недостаточной доброте материала или по неумелости ковача», и что выгнутый полушарием верх шлема более подвергается «полной разрушительной силе отвесной рубки». Это дало основание И. И. Гущиной и И. П. Засецкой понять эту фразу так, что речь идёт о «сравнительно невысоком качестве его выделки» [Гущина, Засецкая, 1994, с. 10)]. В материалах «Золотого кладбища» фигурирует только 3 шлема, – описанный Э.Э. Ленцем и шлемы из курганов у ст. Некрасовской и Ярославской, формы которых не восстанавливаются из-за плохой сохранности [Гущина, Засецкая, 1994, с. 10; Хазанов, 1971, с. 62].

Находок каркасных сарматских шлемов, состоящих из узких вертикальных железных пластин и ободков пока немного [Сазонов 1992: рис. 7, 3; 9, 5; 11, 4, 22]. А. М. Хазанов считает, что «сарматские погребения не дают пока даже намёков на возможность местного происхождения каркасных шлемов» [Хазанов, 1971, с. 63]. Так что Э.Э. Ленц не мог привести примера более удачного и качественного изготовления железного шлема первых веков н. э. Его фраза о «неумелости ковача» опровергается его же описанием закруглённого навершия, которое «выковано из цельного куска без шва». Это сделать гораздо сложнее, чем согнуть пластину в конус. Предположение о непрочности соединения нижней части с навершием «всего несколькими заклёпками» также не обоснована. Навершие плотно одевалось на нижнюю часть, соединялось заклёпками, а затем стык соединялся кузнечной сваркой так, что шва не было видно. Фраза о «полной разрушительной отвесной рубке», которому подвергается узкая полусфера навершия, звучит очень предубеждённо. Полусферические бронзовые шлемы, бытовавшие у сарматов, имели гораздо большую поверхность, подверженную вертикальному удару меча. Да и сама «рубка» без стремян не таким уж длинным сарматским мечом вряд ли была столь «сокрушительной». Неубедителен и упрёк, что «оборонительное значение больших пластинчатых наушей так же не велико и значительно уступает кольчужной бармице». Хотя уже в 9 веке у сферо-конических шлемов на юго-востоке Европы защита нижней части головы и лица кольчужной бармицей преобладает, в Западной Европе ещё долго будет применяться пластинчатая конструкция закрытых шлемов.

Сравнивая шлем, описанный Э.Э. Ленцем, с более поздними сфероконическими шлемами с кольчужными бармицами (появившимися на много столетий позже) не понятно, почему конструкторы шлема вокруг тульи создали мощный выступающий валик по всему периметру шлема. Он образован выступающими дугами «бровей», напусками нащёчников, прикрытием крепления затыльника. Кузнецы прекрасно без швов и выступов склепали конус, а разместив крепления нащёчников и назатыльника с внутренней стороны оголовья, могли бы придать хорошую обтекаемость шлему. Может быть, это было сделано для того, чтобы скользящий удар клинка отражался и гасился валиком, как удар по гарде, а не передавался на плечи и шею?

И последнее возражение на замечания Э.Э. Ленца. Высота шлема и его полусферическое окончание говорят не о невысоком развитии оружейного искусства, а о традиции и конкретном назначении. Понятно, что у шлема основная функция это обезопасить голову в бою. Но для этого его не обязательно золотить и делать инкрустацию. А уже известны 3 позолоченных шлема такого типа, – 2 из Истяцкого клада и один из Сафари Парка (рис. 9). Во всех армиях особая отделка шлема, его отличие от остальных была привилегией предводителя. И именно на Востоке (правда, в более раннее время) мы видим высокие конические головные уборы и шлемы с закруглёнными навершиями. Скорее всего, прототипы описанных шлемов появились на Востоке.

В. В. Чернецов пишет о шлемах из Истяцкого клада: «Шлемы следует признать привозными, вероятнее всего, с Юга, может быть из тех же государств Средней Азии, откуда происходит и изображение Артемиды и которые, очевидно, имели достаточно оживлённые сношения с Севером» [Чернецов, 1953, с. 163].

Восточное происхождение данных шлемов, высказанное ещё Э.Э. Ленцем, не вызывает сомнения. На Западе их нет, а на Кубани они не могли родиться. Но и на Востоке нет полных аналогий. Высокие головные уборы и шлемы Древнего Востока похожи, но есть масса отличий, нет наносника, нащёчники закрывают лицо только частично и, кроме этого – большой временной разрыв. В изобразительном искусстве соответствующего времени пока такие шлемы не известны. Поэтому спорить, они парфянского или кушанского типа [Симоненко, 2014, с. 271] пока невозможно.

Какая-то партия этих шлемов пришла с Востока уже в готовом виде, а не изготавливалась в Прикубанье, где панцирный назащельник такого типа раньше не применялся. Какими путями они попали в Прикубанье, сейчас уже не выяснить. Можно всё же предположить, что нахождение в курганах «Золотого кладбища» 5–6 шлемов одного типа может подтверждать теорию миграции с Востока какой-то обособленной группы (сарматов?), осевшей в Прикубанье. Что это местное изобретение, – исключено однозначно.

Шлему из Сафари Парка из восточных находок ближе всего большой шлем из Истяцкого клада (рис. 9, 2, 4), хранящийся в тобольском музее [Ленц, 1902, с. 122–123, рис. 4а; Чернецов, 1953, с. 162, 163, рис. 1]. Оголовья по форме и размерам очень близки. Почти одинаковы высота нижнего усечённого конуса и длина наносника. Но есть и отличия от кубанских шлемов. Хотя у тобольского шлема по периметру тульи имеются отверстия для крепления какой-то защиты щёк и затылка, но способ крепления нащёчников и назащельника с образованием валика по низу тульи исключается.

Нужно особо отметить, что эти шлемы сближает редкая технологическая особенность. Поверхности обоих шлемов покрыты «тонким листовым золотом, на котором видны частые ряды мелких точек» [Чернецов, 1953, с. 163]. Такие же точки видны и на фигурных золотых пластинках второго шлема из Истяцкого клада (рис. 10, 1–3). В. И. Чернецов считал, что перед золочением на тонких золотых листах с обратной стороны выдавливались ряды точек «придававших поверхности золочения своеобразный струйчатый характер» [Чернецов, 1953, с. 163, рис. 2]. На поверхности шлема из Сафари Парка эти точки видны как в виде бугорков, так и ямок. Не исключено, что эти точки, нанесённые очень тонким инструментом, связаны с каким-то особым приёмом золочения, но это могут уточнить только специалисты по металлу.

Однако, одинаковая форма, размеры и пропорции шлемов, особый технологический приём золочения не могут быть простым совпадением. Шлемы изготовлены на Востоке в одном производственном центре со своими специфическими особенностями и главное, в один временной промежуток. Но здесь встаёт вопрос несоответствия датировок.

А. В. Симоненко датирует все курганы, где найдены чешуйки назатыльников шлемов (считая их деталями «комбинированного панциря» второй половиной I – первой половиной II в. н. э. [Симоненко, 2010, с. 120]. В то же время, В. Н. Чернецов с полной уверенностью определяет возраст Истяцкого клада (где найден идентичный шлем) «в целом с конца III и никак не позднее первой четверти II в. до н. э.» [Чернецов, 1953, с. 163]. Допустить, чтобы шлемы такого типа выпускались 200 лет без изменения формы и технологии, – невозможно. А. И. Соловьёв датирует шлемы Истяцкого клада I–II вв. н. э. не приводя обоснований [Соловьёв, 2003, с. 217].

В связи с этим, нужно как то синхронизировать устоявшиеся датировки «Золотого кладбища» и Истяцкого клада, но это уже не цель данной статьи.

Получить какие-либо сведения о месте, условиях находки шлема из Сафари Парка и сопутствующих вещах не удалось. Переданы были только смятые обломки бронзового котла, рассыпающегося из-за сильного окисления. Яко бы, этим котлом шлем был накрыт в момент находки. На фрагментах шлема окислов бронзы обнаружено не было. Это не позволяет верить в то, что шлем был накрыт котлом.

Несмотря на плохое состояние, котёл восстановлен полностью (рис. 11). А. В. Симоненко определяет его типом Ровное [Симоненко, 2014, с. 271].

Второй серьёзный вопрос, который затрагивает реконструкция шлема, это сарматские «комбинированные» панцири.

В статье «Эдуард Эдуардович Ленц как основатель российского оружеведения» С. В. Самгин писал: «Думается, что Э. Э. Ленцу следует отдать и первенство в применении такого распространенного сегодня, хотя и дискутируемого метода, как реконструкция: в «Описании оружия, найденного в 1901 г. в Кубанской области», исследователь попытался реконструировать часть доспеха из имеющихся пластин (ил. 7), оговорившись, однако, что «прилагаемый рисунок представляет составленную впрочем совершенно гадательно комбинацию в размещении этих чешуек» [Самгин, 2017, с. 13]

Сам Э. Э. Ленц считал, что подробный разбор найденного оружия дал лишь весьма неопределённые выводы и призывал выждать результатов находок оружия лучшей сохранности более доступное изучению [Ленц, 1902, с. 131]. Однако исследователи нашего времени принимают его «совершенно гадательную» комбинацию панциря

Рис. 11. Котёл, найденный вместе со шлемом (из собрания Сафари Парка)

из чешуек назатыльника шлема, как аксиому. Ошибка о принадлежности чешуек назатыльника шлема «комбинированному панцирю» теперь повторяется во всех работах по истории сарматского оружия.

Э.Э. Ленц считал, что все фрагменты защитного вооружения (кроме фрагментов колпака шлема), найденные в беспорядочных комьях земли, а именно: прямоугольные чешуйки с закруглённым или срезанным «мысыком» верхним краем (около 50 штук), пятиугольные пластины (не более 10 штук), кольчуга в двух крупных кусках и значительном числе мелких обломков, пояс из широких железных пластин с примыкающим к нему фрагментом панциря из мелкой чешуи, принадлежат одному доспеху [Ленц, 1902, с. 129].

То, что несколько чешуек назатыльника шлема «прикипели» лицевой стороной к кускам кольчуги (а другие в то же время лежали «нестройными рассыпавшимися рядами», Э.Э. Ленц предположил, что «кольчуга носилась в виде отдельной рубахи поверх чешуйчатой брони, но так как вещи найдены не на костяке, то из случайного расположения в кургане нельзя делать вывода относительно способа их ношения» [Ленц, с. 124]. Из прямоугольных и пятиугольных чешуек назатыльника он сделал реконструкцию изгиба панциря (рис. 6, 1) [Ленц, 1902, рис. 9]. Если даже предположить, что такие чешуйки и в таком виде могли присутствовать в панцире, получалось, что посередине на стыке чешуйки не перекрывают друг друга, и образуется очень опасный шов в самом центре доспеха. Но, эта реконструкция неоднократно используется исследователями доспеха [Берлизов, 2011, табл. 38, тип 1, вариант 4Б].

Э.Э. Ленц отмечает своеобразие исследованного им доспеха, но нигде не называет его «Комбинированным панцирем» и признаётся, что «совершенно неясно, какую роль играло кольчужное плетение в общем составе брони. Носилось ли оно в виде рубахи поверх чешуйчатого кафтана, или же оно входило в состав сего последнего, соединяя составные части и прикрывая места, недостаточно защищённые пластинками и чешуйками» [Ленц, 1902, с. 129].

Однако, все исследователи обязательно пишут о «комбинированных панцирях». А.М. Хазанов пишет: «К рубежу эр чешуйчатые панцири уступают место комбинированным. Такие панцири состоят из сочетания железных чешуек и пластин различного размера с кусками кольчужного плетения» и приводит примеры находок фрагментов панцирей, кольчуг и чешуйчатых назатыльников шлемов» [Хазанов, 1971, с. 60]. Находки в курганах помимо обрывков кольчуги кусков кожаной подкладки с прикрепленными к ней чешуйками наводят его на мысль, что защитный доспех состоял из двух отдельных частей – кольчуги и надевавшегося поверх неё панциря» (а у Э.Э. Ленца – наоборот, кольчуга поверх панциря). Он приводит свою реконструкцию такого доспеха тоже «совершенно гадательную», но уже использовавшуюся в работах других исследователей [Хазанов, 1971, таб. XXXIV, 3–5].

Он также предполагал, что «чешуйчатые и кольчатые части соединялись непосредственно в одном доспехе, быть может, даже прикреплялись к одной подкладке. В этом случае часть панциря была кольчатой, часть – чешуйчатой». Какой смысл нашивать кольчугу на кожу, когда теряется её главное преимущество – гибкость? Подобные достоверные примеры не известны. В итоге А.М. Хазанов делает вывод: «кубанский

комбинированный доспех представлял собой сочетание различных типов панциря – чешуйчатого, пластинчатого, а также кольчуги» [Хазанов, 1971, с. 61].

Ошибка Э.Э. Ленца повторена и в работе Гущиной и Засецкой И.П. [Гущина, Засецкая, 1994, с. 41, табл. 1, 4; с. 75, 152, табл. 53, 528; с. 77, 155, табл. 56, 548; с. 46, 106, т. 7, 78]. Так все чешуйки назатыльника шлема в каталоге описаны как панцири (Кат. № 78, 528, 548), а Кат. № 4 (где был и фрагмент кольчуги), как панцирь комбинированный.

Объективно к теории комбинированного панциря отнёсся Н.Е. Берлизов. Он пишет: «Остатки панцирей типа 1 вариантов 2е, 4а и 4б иногда встречаются с обрывками кольчуг. В результате появилась гипотеза о существовании комбинированных доспехов, состоящих и из чешуйчатой брони, и из кольчатого плетения [Хазанов, 1971, с. 60, 61; Симоненко, 1989, с. 68]. До сих пор ни одного целого панциря такой конструкции открыто не было». Он также отметил, что «наборы пластин для панцирей 4а и 4б не всегда встречаются в комбинации с кольцами и трактовать их как остатки комбинированной брони следует осторожно» [Берлизов, 2011, с. 97]. Однако, в свою типологию защитного доспеха тип 4 он включил тип 2е и 4б 1, 2, которые являются чешуйками назатыльника шлема. Там же он приводит и «гадательную» комбинацию панциря из пластин назатыльника [Берлизов, 2011, таб. 38, тип. 4б].

А.В. Симоненко также ошибочно предполагал, что описанные Э.Э. Ленцем пластинки от назатыльника шлема принадлежат комбинированным панцирям [Симоненко, 2010, с. 113, рис. 79, 1, 4, 7].

Кроме того, можно ли считать кольчугу с прикрепленными к ней для украшения декоративными чешуйками или усиленную наложенными сверху пластинками «комбинированным доспехом» [Симоненко, 2010, с. 119], или же это всё-таки кольчуга, хотя и несколько модернизированная?

К сожалению, эти ошибки в основополагающих работах по истории сарматского оружия уже невозможно исправить. Ещё долго многие поколения исследователей будут повторять их, пока выйдет обобщающий труд, который не станет перечислять догадки предшественников, а будет основан только на достоверных фактах хорошо зафиксированных находок.

Часто в отчётах можно встретить информацию о находках панцирей, шлемов и кольчуг «очень плохой сохранности» с непонятной зарисовкой и последующей попыткой создать подобие предмета из обломков. Чтобы сохранить как можно больше информации о предмете, необходима не только точная фиксация при раскопках, но и стремление, как можно надёжнее закрепить эти рассыпающиеся, зачастую непонятные предметы, изъять их в надёжно закреплённом виде. Кольчуги, панцири и шлемы плохой сохранности, я думаю, не нужно разбирать на месте раскопок, а брать монолитами с непотревоженным слоем земли под ними. Быть может, это покажется сложным, но в 1974 г. при раскопках могильника Дюрсо, автору удалось вывезти в музей непотревоженными 4 монолита со скелетами людей и скелет лошади с остатками седла гуннской эпохи. Зато в лабораторных условиях эти хрупкие предметы будут тщательно расчищены, закреплены, реставрированы и изучены.

Приложение

Графическая реконструкция шлема из «Золотого кладбища»

Для реконструкции формы шлема нужно знать размеры нижнего и верхнего диаметров оголовья и высоту усечённого конуса.

По фотографиям шлем имеет размеры нижнего основания 29 и 31 см. Это равняется диаметру обычного для той эпохи шлема $D_0 = 20$ см, умноженной на «пи»: 2.

Тогда половина окружности расплющенного шлема по ободу –

$$D_0 \times \pi : 2 = 20 \times 3.14 : 2 = 31.4 \text{ см}$$

Это близко размеру по фотографии = 31 см, что ещё раз говорит о «сплюснутости» шлема.

Далее приводятся размеры деталей по фотографиям:

Диаметр навершия $D_n = 6$ см;

Высота навершия $B_n = 3$ см;

Ширина тульи до навершия $Ш_t = 22$ см

Высоту тульи до навершия (B_t) можно вычислить по формуле:

$$B_t = \sqrt{Ш_t \times Ш_t - C \times C} = \sqrt{22 \times 22 - 7 \times 7} = 20.8 \text{ см};$$

Общая высота шлема составит: $B_t + B_n = 20.8 + 3 = 23.8$ см, что близко измерениям Э.Э. Ленца по деформированным обломкам равным 23 см (рис. 12, 2).

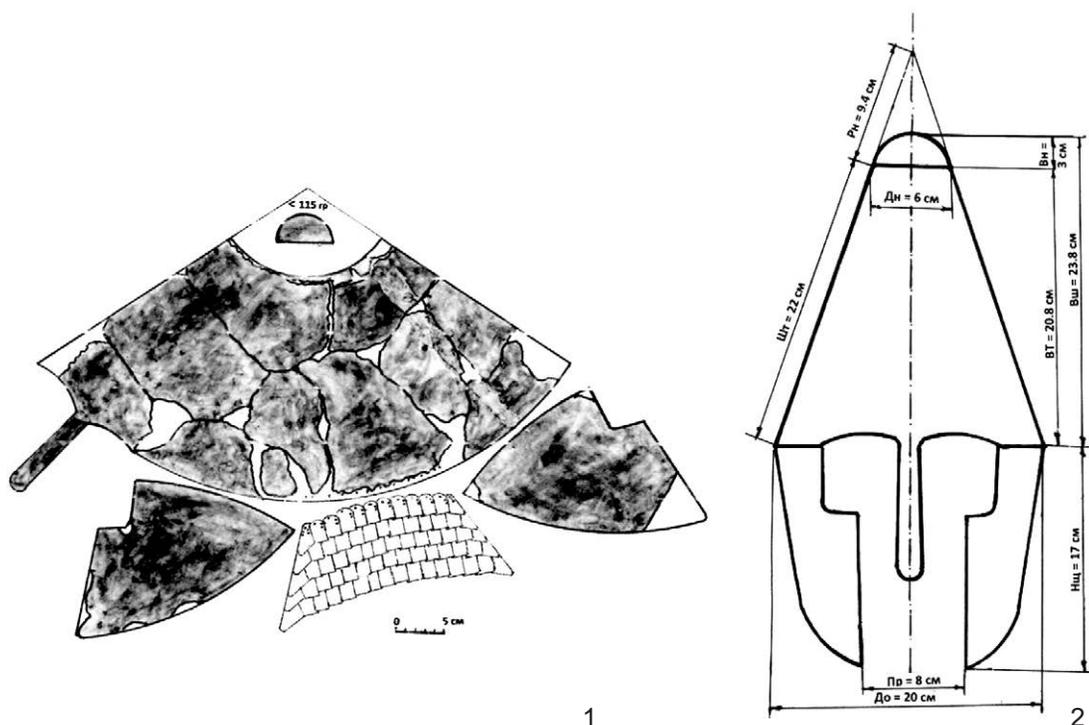

Рис. 12. 1 – Развёртка оголовья шлема из «Золотого кладбища» (по А. В. Дмитриеву);
2 – графическая реконструкция шлема из «Золотого кладбища» (по А. В. Дмитриеву)

Для формы развёртки оголовья шлема необходимо узнать радиус на уровне наверхия;

$$R_H = \text{Шт} \times \text{Дн} / 2: C = 22 \times 3:7 = 9,4 \text{ см};$$

Радиус развёртки по ободу

$$R = \text{Шн} + R_H = 22 + 9,4 = 31,4 \text{ см}$$

Угол схождения сторон оголовья (для развёртки) равен

$$360 \times 20 \times 3.14 : 31.4 \times 3.14 \times 2 = 115 \text{ гр.}$$

Распределение деталей шлема по ободу оголовья (размеры взяты по фотографиям):

Ширина «бровей» – 13.4 см

Ширина нащёчников (по ободу) – 18.5 см

На ширину назыльника по низу тульи остаётся $62.8 - 13.4 - 18.5 \times 2 = 14.4$ см.

Длина обода оголовья $20 \times 3.14 = 62.8$ см

На вычерченную развёртку оголовья в масштабе наложены фрагменты с фотографий Ленца. Видно, что с учётом наложений фрагментов на фотографиях друг на друга и искажения перспективы, фрагменты почти полностью заполнили площадь «выкрой-ки» (рис. 12, 1), что подтверждает правильность реконструкции оголовья (рис. 7).

В связи с перспективными искажениями при фотографировании, расчётные размеры элементов могут иметь искажения 1–1,5 см, но на общий облик это не влияет. Выполненная по данной графической реконструкции модель шлема в натуральную величину свободно одевается на голову в «подшлемнике» и даже удобна для ношения.

Список литературы

- Берлизов, 1998. Берлизов Н. Е. О нескольких забытых находках круга «Золотого кладбища» // Древности Кубани. Вып. 8. Краснодар.
- Берлизов, 2011. Берлизов Н. Е. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н. э. – V в. н. э. Краснодар.
- Гущина, Засецкая, 1994. Гущина И. И., Засецкая И. П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.
- Дмитриев, 2003. Дмитриев А. В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков. Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–IX века. М.
- Ленц, 1092. Ленц Э. Э. Описание оружия, найденного в 1901 г. в Кубанской области // ИАК. 1902. Вып. 4.
- Лурье, 2013. Лурье Е. В. Шлемы из могильника у хутора Городской: поиск аналогий // Шестая международная кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар.

- Сазонов, 1992. Сазонов А. А. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- Симоненко, 1989. Симоненко А. В. Доспехи сармат Прикубанья // I Краснодарская археологическая конференция. Тез. докладов. Краснодар.
- Симоненко, 2010. Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья // СПб.
- Симоненко, 2014. Симоненко А. В. Шлемы сарматского времени из Восточной Европы // Stratum plus. 4. СПб, Кишинёв–Одесса–Бухарест.
- Смагин, 2017. Смагин С. В. Эдуард Эдуардович Ленц как основатель российского оружейоведения. СПб.
- Соловьёв, 2003. Соловьёв А. И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение от каменного века до средневековья. Новосибирск.
- Хазанов, 1971. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М.
- Чернецов, 1953. Чернецов В. И. Бронза усть-полуйского времени // МИА. 35.

Summary

A. V. Dmitriev

Reconstruction of the helmet from the Golden Cemetery in Kuban

The article describes the reconstruction of the Sarmatian helmet from the burial mound in Kuban excavated by I.I. Veselovskiy. The helmet neck-flap is made from the flakes (scales) found in the same deposition. The neck-flap flakes have one opening in the rounded or sharpened upper edge. 2 more openings punched at different levels are located on both sides of the flakes. This is the main difference from the armor plates rounded at the bottom. In several structures of the Golden Cemetery there are formless helmet pieces and similar flakes. The researchers are mistaken in believing that they are the plates of "the combined armor suit". The reconstruction accuracy is confirmed by comparison with the helmet from the private museum in Gelendzhik found in the Krasnodar region. Both helmets are similar to the helmets from the Tobolsk museum, and this fact assumes their oriental origin.

С. А. Ермолин, С. А. Буравлев, А. В. Бонин
(Институт археологии РАН, г. Москва)

**Манитра.
Усадебный комплекс эллинистического времени
в Восточном Крыму (предварительная публикация
Центральной усадьбы)**

С июля по конец ноября 2018 г. на трассе строящегося железнодорожного подхода к Крымскому мосту в районе пос. Октябрьский проводились археологические исследования памятника, выявленного весной того же года. Название этому археологическому объекту было дано «Манитра» по близлежащей одноименной горе, (она же – Макитра Русская), расположенной юго-восточнее данного поселения. Перед полевыми разведочными работами были изучены все данные прежних разведок, картографический материал, а также результаты аэрофото – и космосъемки. На первом этапе были нанесены на карту масштаба 1:25000 все известные памятники этого района, выявленные ещё разведками В. В. Веселова полувековой давности [Веселов, 2005, с. 36–38]. Согласно им (08.05.63 г.) в 0,6–0,7 км к юго-западу от западной окраины пос. Октябрьское были выявлены следы незначительного поселения эллинистического времени. Оно располагалось как раз в районе предполагаемого курганного могильника, который был исследован в 2017 г. [Зинько, Зинько, 2018, с. 17–18]. Более никаких памятников археологии по трассе железнодорожного полотна ранее выявлено не было. Следующим этапом предварительных работ было изучение этого района по старым картам. На карте Крыма Яна Хендрика ван Кинсбергена 1776 г. и карте Крыма майора Мухина 1817 г. здесь никаких татарских аулов не обозначено. На более поздних картах в районе разведок появляется ставок, но каких-либо построек нет. Затем были изучены материалы аэрофотосъемки 1954 г., на которых отчётливо «читались» следы наличия неких остатков древних построек и, возможно, некрополя. Это подтвердилось при изучении космических снимков. Так, на одном из них четко видны следы двух круглых построек диаметром около 60–70 м, а также следы застройки между ними и ямы, возможно, некрополя. Непосредственно перед началом раскопок были сделаны снимки с БПЛА для корректировки археологических шурфов на исследуемой территории. Шурфовка (всего 24 шурфа) подтвердила наличие остатков каменных строений на территории более 1 га, а также дала некоторое количество археологического материала, главным образом, фрагментов амфор IV – начала III вв. до н.э. Таким образом, стало

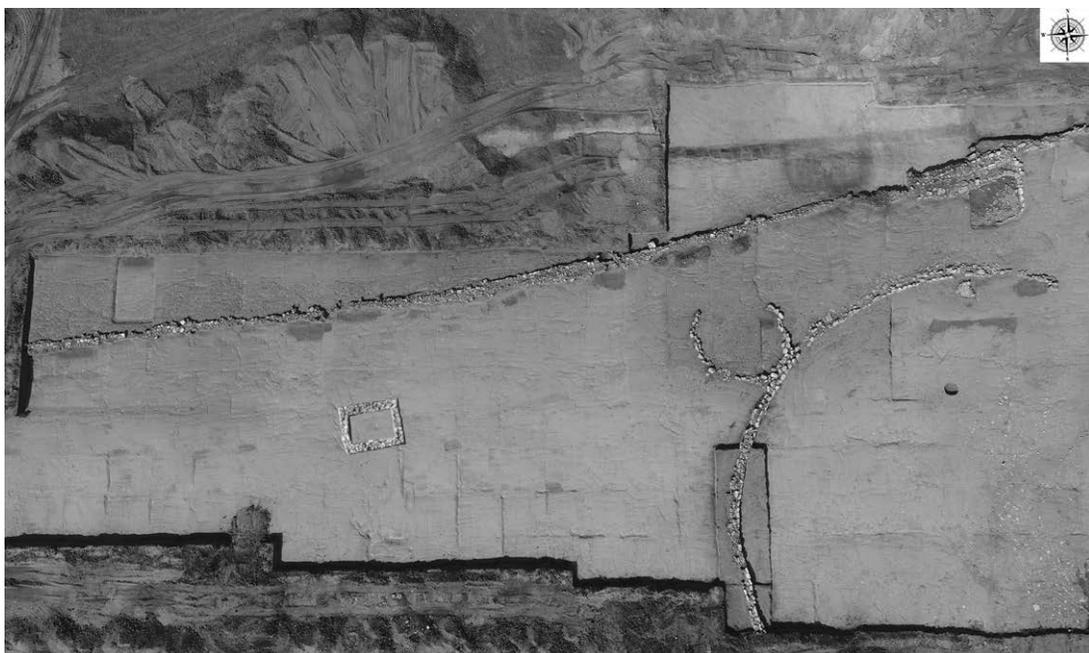

Рис. 1. Отдельно стоящая постройка и стена-ограда к западу от основных построек

ясно, что найдено неизвестное ранее поселение или усадьба с большой площадью застройки эллинистического времени.

Раскопки начались 26 июля 2018 г. с западной стороны от выявленных строительных остатков и на некрополе.

В раскопе № 1 (квадраты З/И-9/10) разбитом в 100 м к западу от места основной площади застройки поселения было исследовано отдельно стоящее строение (строительный комплекс № 2), в 10 м от которого выявлены остатки стены, сложенной из рваного камня-местного известняка в технике двухпанцирной кладки (рис. 1). Стена была ориентирована по линии В-3 с небольшим смещением к северу. Продольные стены только что упомянутой постройки располагались параллельны ей.

Размеры этой постройки 5,7×4,6 м при толщине стен 0,65–0,70 м. Они были сложены в технике двухпанцирной (двухрядной, трёхслойной) кладки. Внешние ряды из необработанных камней местного известняка среднего размера; забутовка из мелких камней и земли. Углы стен усилены камнями большего размера, а в северо-восточном – был уложен подпрямоугольный необработанный камень размером около 0,60×0,40×0,28 м. Сохранилось два ряда кладки (до 0,6–0,7 м). Основание (фундамент) – на высоту до 0,30 м, дверного проема не выявлено. В ходе раскопок здесь был получен следующий археологический материал: амфорных стенок 9, стенок красноглиняных сосудов 30, фрагмент чернолакового рыбного блюда, стенок чернолаковых сосудов 3 и фрагмент лепного сосуда. Скорее всего, эта постройка не имела черепичной кровли и было одноэтажной. Вероятно, она предназначалась для пастухов, охранявших скот внутри общей ограды – каменной стены (строительный комплекс № 4).

Рис. 2. Западный участок со стеной и круглым загонem для скота. Стрелкой указан бассейн-поилка для скота

Эта стена прослеживается от западной части раскопа до застройки самой усадьбы на протяжении около 130 м (рис. 2). Она сложена из рваного камня всё в той же упомянутой технике кладки. Толщина стены, сохранившейся в высоту до 0,32 м, достигала 0,8 м. В её восточной части, в районе круглого загонa для скота, частично открытого раскопом, впритык к стене находился своего рода бассейн – поилка для скота. Он был заглублен в материковую глину до 1,0 м, а его борта (кроме западного) укреплены крупными плитами известняка. Возможно, отсюда бассейн наполнялся дождевыми и тальными водами. Размер бассейна-поилки 5×10 м. В ходе выборки заполнения получено большое количество обломков амфорной тары и иной посуды, среди которой фрагменты гераклейских, хиосских, пепаретских, синопских амфор середины IV – первой четверти III вв. до н. э., в том числе ручка с клеймом.

В этом же раскопе № 1 (кв. Е-21, Д-24, Е, Д-17-25) исследована северная часть и упомянутой кольцевой ограды – загонa для скота (строительный комплекс 1). Но на аэро- и космоснимках видно продолжение этой круглой стены на нераскопанной площади к югу. Разрушенная стена загонa сложена из рваного камня средних размеров, двухпанцирная с забутовкой землей и мелкими камнями. Толщина её достигала 0,7 м, сохранившаяся высота – 0,3 м (практически в один ряд кладки). Диаметр загонa около 60 м. С территории внутри загонa также происходит большое количество керамических обломков. Амфорная тара представлена следующими центрами и типами IV – первой четверти III вв. до н. э.: Гераклея, Хиос прямогорлый, Пепарет, Синопа. На двух ручках имелись клейма.

Рис. 3. Строительный комплекс №3 – усадьба после расчистки.
Помещения и дворы пронумерованы по мере их расчистки

Основным исследованным объектом стала центральная (жилая и хозяйственная), очень сложная в плане застройка площадью около 5000 кв. м (строительный комплекс № 3). По характеру общей планировки это скорее не городская застройка с улицами и рядами домов с двориками, а компактно расположенные, примыкающие друг к другу усадьбы.

Работы начались с зачистки всей площади застройки на уровне завала каменной стен. После чего проводились раскопки отдельных жилищно-хозяйственных и вспомогательных комплексов: помещений, дворов, вымосток и т.п. (рис. 3, 4). Всего таковых удалось выделить семь: центральная (основная) усадьба и шесть меньших по площади усадеб, из которых две (усадьбы I и II) – специализированные винодельческие «хозяйства». В настоящей статье рассматривается лишь Центральная усадьба. В неё входят три двора, (соответственно, №№ 2, 3 и 7), а также помещения № 2-5, 8-13, 15-18, 23, 25, 26.

Двор 2. Является центральной частью усадьбы, застроенной с юга, запада и востока жилыми и хозяйственными помещениями. Восточная часть двора имеет глухую стену (№ 173) – забор. К этой стене примыкают четыре «пилястра» размерами 0,75×0,75 м. Велика вероятность, что вдоль стены располагался навес, а пилястры служили опорами для стропил односкатной крыши. Толщина стены, построенной в технике двухрядной, трёхслойной кладки из средних и небольших камней без раствора, около 0,75 м.

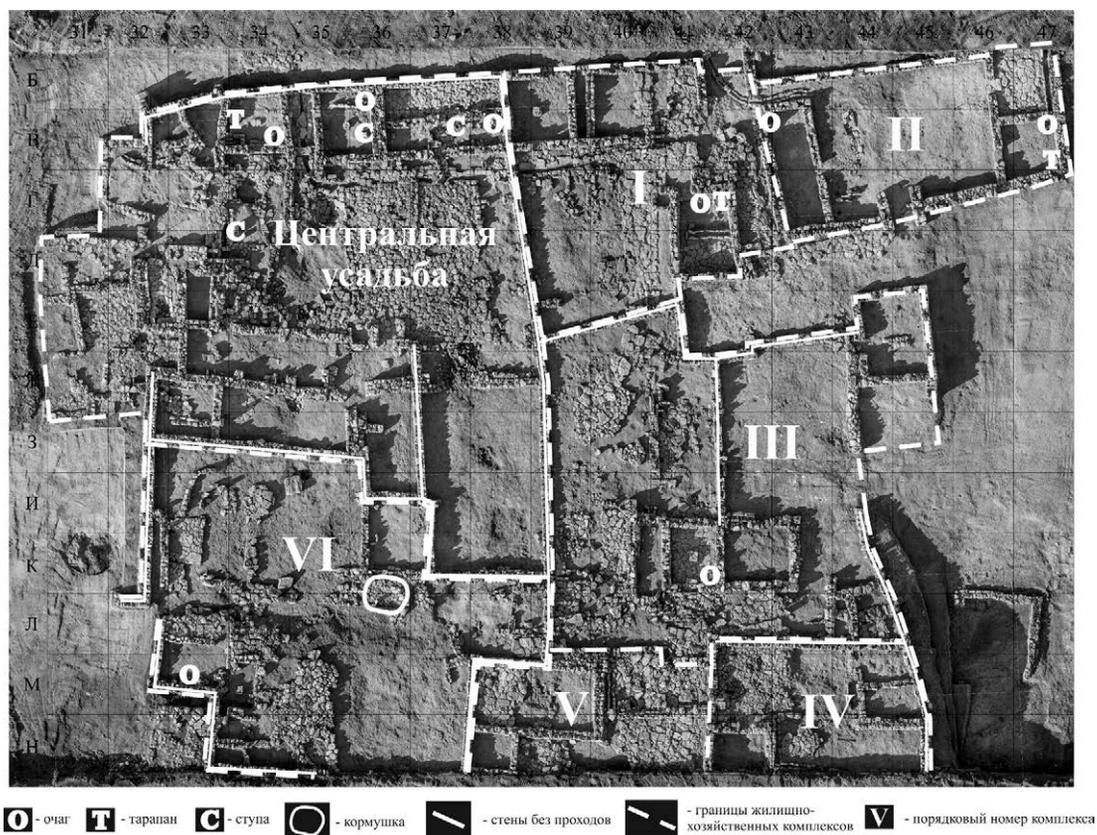

Рис. 4. Схема деления застройки усадьбы на отдельные жилищно-хозяйственные комплексы

Сохранность её в высоту до 0,85 м. С юга двор граничит с двором № 7, отгороженным стеной (№ 97). Но эта стена не связана со стенами двора, скорее всего, дворы №№ 2 и 7 изначально были единым целым. Об этом можно судить по хозяйственной яме (объект 1), как бы разрезанной данной стеной на две части. Стена № 97 (толщиной до 0.6 м), как, впрочем, и все стены рассматриваемого комплекса, была построена в той же технике кладки, но менее качественно, без выделенного фундамента и вследствие просадки в грунт ямы частично деформирована. По этой причине она была усилена стеной № 106, в результате постройки которой в южной части двора образовался «выступ», вероятно, тоже перекрытый навесом. Двор № 2 был вымощен необработанными известняковыми плитами, плотно подогнанными друг к другу. На территории двора, вровень с его поверхностью, в качестве нижних рядов кладок сохранились остатки, по-видимому, более ранних построек, разобранных почти полностью при строительстве усадьбы. В ходе расчистки двора были найдены тысячи обломков керамики. Наибольшее количество (более 5000 экз.) относилось к амфорной таре; единичны фрагменты чернолаковой посуды, но при этом достаточно много – простой кухонной и столовой. Амфоры представлены практически всеми центрами: Синопа, Гераклея, Фасос, Книд, Пепарет, Хиос, Менда, Родос, Кос, Колхида. Датировки не выходят за рамки середины IV – первой

Рис. 5. Центральная усадьба. Объект №1 – хозяйственная яма, погребение №3.
Вид с севера, сверху

трети III вв. до н. э. Среди коллекционных находок – бронзовый наконечник стрелы, две монеты, клейма на кусках боспорских соленов, амфорные клейма различных центров. Во дворе найдены каменные поилки. На этой же площади были раскопаны и хозяйственные ямы, описанные как объекты 1–8.

Яма № 1 (объект 1/1) находилась в южной части двора и «разрезана» стеной 96. Она имела неправильную форму; по-видимому, это следствие «перестройки» одной хозяйственной (зерновой?) ямы в две другие, более поздние. В ходе зачистки в западной части ямы было выявлено захоронение (?) (погребение № 3), от которого уцелел только череп, причём вместе с нижней челюстью в анатомическом порядке (рис. 5). Среди прочих многочисленных находок доминируют обломки амфор Синопы, Менды, Фасоса. Гераклеи, Коса присутствовали куски соленов и лутериев из боспорской глины, фрагменты кухонной и столовой посуды, а также кости животных (24 экз.). Эти ямы, скорее всего, относились к некоей первоначальной застройке, существовавшей до строительства Центральной усадьбы и всего усадебного комплекса.

Яма 2 (объект 2) располагалась в юго-западной части двора 2. Диаметр её горловины около 1,2 м, глубина около 1,4 м, диаметр дна около 1,4 м. При выборке заполнения найдены фрагменты амфорной тары, кухонной и столовой посуды, несколько костей животных и бронзовый гвоздь. По-видимому, зерновая она также относилась к первому (раннему) строительному периоду.

Яма 3 (объект 3) раскопана в метре к юго-востоку от ямы 2. Диаметр горловины около 1 м. Сама яма имела грушевидную форму при глубине около 1,3 м. В ней выявлено ещё одно захоронение (погребение № 5) плохой сохранности. Уцелели кости костей рук в анатомическом порядке. В заполнении выявлено 32 фрагмента керамики. Яма была засыпана, её горловина перекрыта плитами вымостки двора, которые над ней просели. Несомненно, и эта яма относилась ко времени, предшествовавшему постройке Центральной усадьбы.

Яма 4 (объект 4). Одна из самых больших ям этого комплекса. Её верхняя часть разрушена, яма конусовидная в разрезе. Диаметр дна 2,3 м, глубина около 3,3 м. Первоначальный объем ямы составлял около 7,5 м куб. Яма предназначалась для хранения зерна и могла вмещать в себя 6–6,5 тонн. В заполнении встречено большое количество фрагментов керамики, среди них обломки амфор Книда, Синопы, Хиоса, Гераклеи, Коса, Пепарета, датированных серединой IV – первой четвертью III вв. до н.э., а также некоторое количество – кухонной и столовой (венчик чернолакового канфара) посуды и 7 обломков костей животных. Среди находок – фрагмент солена и два синопских клейма. Яма также предшествовала постройке усадьбы.

Яма 5 (объект 5). Входит в комплекс вышеописанных ям. Диаметр горловины около 1 м, глубина 0,85 м, стенки ямы практически вертикальные. В ней выявлены 42 фрагмента керамики середины IV – первой четверти III в. до н.э.

Яма 6 (объект 6). Это небольшая круглая яма диаметром около 1,70 м и глубиной всего 0,1 м. Это, по всей видимости, остатки хозяйственной ямы, разрушенной в древности, в связи с проведением строительных работ. Находки представлены 67 фрагментами амфор Гераклеи, Менды, Синопы и простой кухонной и столовой посуды.

Яма 7 (объект 7). Находится в северо-западной части двора. Глубина около 3,2 м, диаметр дна 2,3 м. При объеме около 7,5 куб. м, могла вмещать 6–6,5 т. зерна. Яма была заполнена камнями от развалившихся близлежащих построек усадьбы после её оставления, то есть, синхронна времени её бытования. В ней найдено более тысячи обломков амфор Книда, Коса, Синопы, Хиоса, Пепарета, Гераклеи, Фасоса, а также кухонной и столовой посуды. Среди коллекционных находок – клеймо на куске солена, амфорные клейма, граффити на чернолаковых тарелке и рыбном блюде, монета.

Яма 8 (объект 8). Верхняя часть её сильно разрушена, сохранившаяся глубина около 2,4 м, диаметр дна 1,4 м. Скорее всего, яма относится к более раннему периоду и во время функционирования усадьбы не использовалась. Она, как и яма № 3, была перекрыта плитами вымостки двора. В заполнении ямы найдено более тысячи обломков амфор Книда, Коса, Синопы, Хиоса, Пепарета, Гераклеи, Фасоса, Колхиды, амфор неизвестного центра красной глины с белыми и черными включениями и шамотом, а также кухонной и столовой посуды. Отметим три клейма на ручках синопских амфор.

Итак, восточная часть двора Центральной усадьбы была вымощена, перекрыв при этом более ранние хозяйственные (зерновые?) ямы. Но яма на западе двора использовалась до оставления усадьбы, возможно, находясь в помещении или под навесом (в дальнейшем этот участок застройки с ямой и пифосами был переименован в помещение 45). Таким образом, западную часть двора, по всей видимости, занимали легкие хозяйственные постройки. С северной стороны этот двор специальной стеной отделялся от двора

Рис. 6. Центральная усадьба. Деление усадьбы на хозяйственные блоки

№ 7. Однако изначально они не составляли одно целое. Происхождение человеческих костей в двух ранних ямах оставляет простор для разного рода предположений.

К описываемому двору с трех сторон примыкали хозяйственные и жилые постройки (блоки) (рис. 6). Комплексный анализ материалов раскопок позволяет прийти к выводу, что помещения № 38, 17 и 25–26 составляли единый блок, в котором помещение 25 являлось жилым, помещение 26 хозяйственным (кладовой), а 38 – кухней. Помещение 17, скорее всего, также предназначалось для проживания (сельскохозяйственных рабочих?) (рис. 7). При этом южная стена блока строилась одновременно с его поперечными стенами. Стоит заметить, что она продолжалась в сторону соседней усадьбы (I) (рис. 3), которая первоначально составляла с описываемой единую постройку.

Вернёмся к характеристике упомянутых помещений. Южная и восточная стены помещения № 38 площадью 4,5×2–2,3 м были сложены впереплёт из необработанных

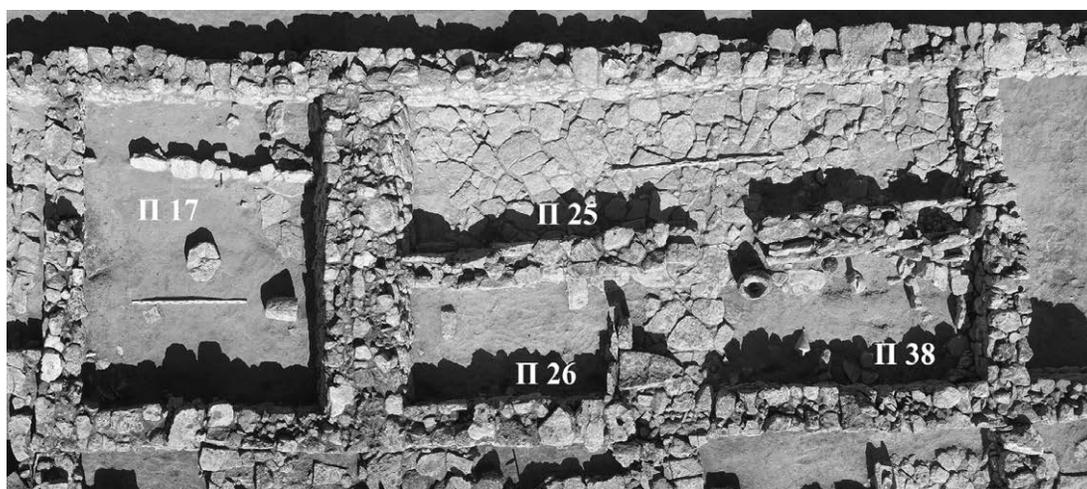

Рис. 7. Жилищно-хозяйственный блок 1. Помещения 17, 25, 26, 38

средних и мелких камней в технике иррегулярной, трёхслойной, двухрядной кладки. Толщина стен 0,70–0,75 м. Северная «стена» представляла собой каменный ящик (ларь), стенки которого состояли из вертикально установленных плит размером: 0,4×0,1×0,5 м; 0,4×0,2×0,44 м; 0,54×0,1×0,48 м. Фактическая высота этого сооружения размером 3,8×0,8 м около 0,35–0,4 м. Оно, вероятно, предназначалось для хранения топлива очага, которым могли быть обрезки лозы из виноградников (о виноделии и винодельнях будет сказано ниже), а также соломы и хворост. В ходе расчистки помещения найдена каменная ступа, две археологически целые амфоры, а также, в его северо-восточном углу, остатки очага. Пол помещения земляной. Из заполнения происходят фрагменты амфор Синопы, Книды, Фасоса, Колхиды середины IV – первой четверти III вв. до н. э., большое количество обломков посуды, в том числе часть чернолаковой солонки и рыбного блюда, а также 6 костей животных.

Помещение 26 располагалось к западу от вышеописанного. Оно было разделено проходом, от которого отгорожено (с востока) вертикально установленной плитой. Размер помещения 2,0×3,5 м. Западная его стена толщиной около метра была достроена со стороны соседнего помещения (№ 17) в толщину ещё на 0,3 м. Северная стена отгораживала от помещения 25 и имела толщину 0,7 м. Обе стены сложены в уже описанной технике иррегулярной кладки. Находки – стандартный набор амфорной, кухонной и столовой посуды. Из коллекционных находок упомянем клеймо на ручке синопской амфоры. Помещение, видимо, использовалось как кладовая.

Помещение 25 (рис. 8) размером 9,4×2,4 м, первоначально, видимо, жилое (?) впоследствии использовалось как хозяйственное. Пол вымощен плитами. Западная стена толщиной около 1,0 м изначально была тоньше (0,7 м). Впоследствии достроена со стороны помещения 17. Северная стена, как уже писалось, являлась общей для всего блока. Её толщина около 0,75 м. Кладка в целом аналогична вышеописанной, но для «перевязи» рядов использовались продолговатые камни, уложенные поперёк линии стены. В западной части помещения найдены две раздавленные амфоры. В заполнении – некоторое

Рис. 8. Жилищно-хозяйственный комплекс № 1. Помещение № 25

количество обломков амфорной тары середины IV – первой четверти III в. до н. э., в том числе два клейма.

Помещение 17 (3,9×5,1 м) составляло западную часть рассматриваемого жилищно-хозяйственного блока (рис. 7). Характер и материал кладок стен прежний. Но восточная – усилена однорядной кладкой. В результате её толщина составляла около 1,0 м. В южной стене зафиксированы следы заложённого прохода шириной 1,67 м. Действовавший же проход шириной 0,9 м находится в западной стене. В северной части помещения, в метре от стены имелась загородка из вертикально стоявших плит: ларь для топлива (?). В северо-восточном углу располагался очаг. В центре помещения помещалась подставка под жаровню для отопления помещения в зимнее время. На уровне пола найдены: каменная ступа, каменные пробки амфор, на трех из которых были процарапаны буквы: Н, М и Σ. В заполнении – обломки различной керамики середины IV – первой четверти III в. до н. э. Как уже писалось, помещение использовалось как жилище для сельскохозяйственных работников (?).

Хозяйственный блок № 2 Центральной усадьбы (рис. 6, 9) составляли помещения № 13, 15, 16, 45, а также объекты № 6 и 7. Начнем описание с помещения № 16.

Помещение № 16 (рис. 10) было пристроено к северной стене Центральной усадьбы и, как и весь блок № 1, имело в плане не вполне прямоугольную форму (западная

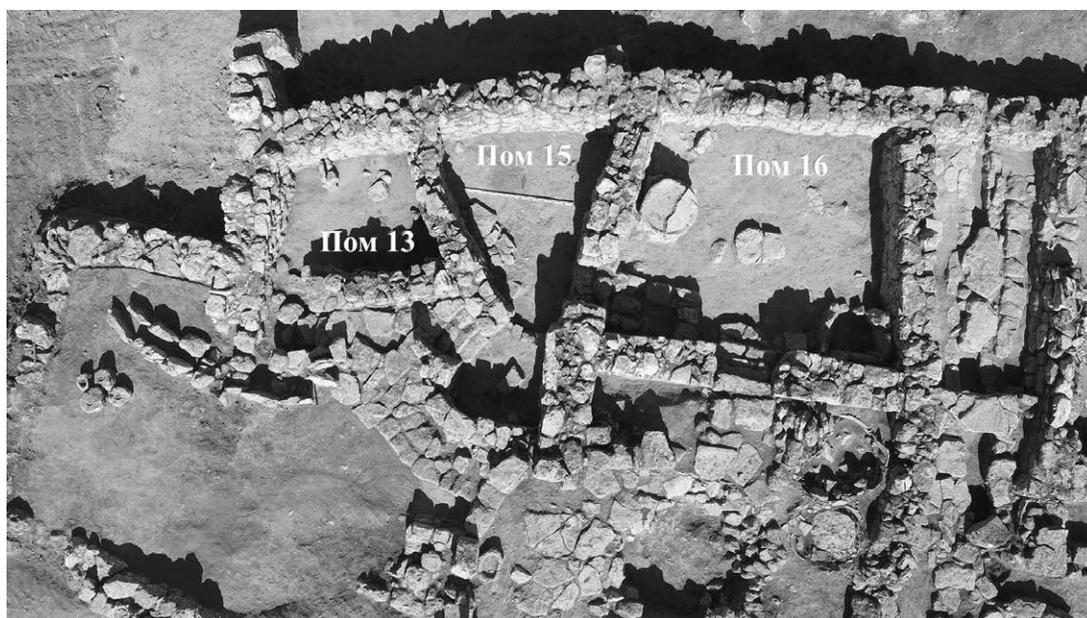

Рис. 9. Жилищно-хозяйственный блок № 2. Помещения 13, 15, 16

стена изогнута). Размеры помещения 4,0×4,1–5,0 м, толщина стен 0,7–0,75 м. Характер кладок – прежний. В ходе раскопок выяснилось, что в юго-восточном углу находился очаг, сложенный из необработанных плит. У западной стены, на своего рода подставках из камня, лежал круглый известняковый тарапан (расколот на две части) диаметром около 1,05 м. В северо-западном углу помещения стояла археологически целая амфора, в центре – две плиты-подставки под жаровню, а в юго-западном углу находился подпрямоугольное основание (лежанки?) размером 0,8×1,75 м, сложенное из необработанных камней. Проход в западной стене, который вёл в помещение 15, был заложен камнем. Вход же в само помещение находился с южной стороны. Непосредственно около него (с севера) располагались два пифоса. В заполнении помещения найдены обломки керамики всё той же датировки. Из прочих находок упомянем обломок изделия из бронзы, бронзовую монету, глиняное пирамидальное грузило. Помещение имело жилищно-хозяйственное назначение. В сезон, скорее всего, использовалось как винодельня, в остальное время – как небольшое жилище с кухней, где тарапан играл роль стола (?).

К западу от вышерассмотренного располагались помещения 15 и 13 (рис. 9) площадью около 4–5 кв. м каждое. Помещение 15 (полуподвальное) использовалось как кладовая, там сохранилась часть каменной лестницы. На последнем этапе функционирования этого блока, к югу от помещения 13 был устроен хозяйственный двор, с которого и вёл вход в него. Перед входом проходил водосток. После расчистки как самих помещений, так и прилегающей к ним территории, стали видны следы этих перестроек. На полу помещения 15 найдены четыре раздавленные амфоры, кроме того в заполнении содержалось более двухсот обломков керамики, в основном амфор. Из коллекционных находок упомянем монету, клеймо на ручке синопской амфоры, чернолаковый канфар и фрагмент терракотовой статуэтки.

Рис. 10. Жилищно-хозяйственный блок № 2. Помещение № 16

Помещение 13 (рис. 9), как и помещение 15, полуподвальное, и в него вела лестница из каменных плит. Судя по находкам, это также, возможно, была кладовая. Здесь найдены: 6 ткацких грузил, керамическое пряслице, фрагмент терракотовой статуэтки, клеймо на ручке синопской амфоры, две свинцовые гири, две монеты, фрагменты обкладки шкатулки (?), 5 стеклянных глазчатых бусин и много обломков посуды.

Территорию перед помещениями можно назвать двором с водостоком, огороженным с запада стеной. Зачистка на уровне материка показала, что эта часть блока № 2 перестраивалась. Первоначально, здесь (см. описание двора № 2) находилось ещё одно помещение. Впоследствии оно было разделено на два помещения № 13, 15. Часть раннего помещения было засыпана, достроена стена с западной стороны и проложен водосток. Вероятно, раннее помещение регулярно заливалось дождями, после чего была проведена соответствующая перепланировка. При этом упомянутый выше тарапан был перенесен в помещении 16, а проход в западной стене этого помещения заложен.

Последним в этом блоке являлось помещение № 45. Но этапы (строительные периоды) существования его стен не вполне ясны. Вероятно, на последнем этапе существования в помещении стояли пифосы для вина (?). На этом участке был исследован и объект № 7 (хозяйственная яма 7, которая описана ранее в разделе «Двор 2»). Как уже указывалось, она относилась к периоду, предшествовавшему постройке этой усадьбы.

Рис. 11. Жилищно-хозяйственный блок № 3. Двор № 3 с прилегающими к нему помещениями №№ 2, 10, 3, 9, 8, 5

Вполне возможно, что остатки стен помещения 45 также относятся к этому времени. Через это предполагаемое помещение мог существовать проход во двор № 2 и в усадебный комплекс.

Жилищно-хозяйственный блок № 3 (рис. 6) составляли помещения № 2, 3, 5, 8, 9, 10, а также двор № 3.

Двор № 3 имеет сложную «конфигурацию» вследствие ряда перепланировок и перестроек (рис. 11). Северная его часть прямоугольная в плане размером 4,90–4,27×3,25 м. Ограничившая его с востока стена, являясь частью помещения № 10, имела (со следами достроек) толщину около 1,2 м. Далее к югу двор расширялся в восточном направлении, образуя некий выступ размером 3,6×2,85 м. Ещё южнее пространство двора продолжается на 6,6 м, завершаясь стеной. С западной стороны во двор «врезано» помещение № 5, что уменьшает его площадь.

Во дворе исследована хозяйственная яма (объект 1) грушевидной формы, глубиной около 1,5 м при диаметре дна 2,0 м. Верхняя часть ямы разрушена. Она была заполнена затёчным грунтом, а в верхней части – плитами просевшей вымостки двора. Яма, по-видимому, относится к самому раннему периоду существования здесь поселения или небольшой усадьбы: концу V – середине IV вв. до н. э. В ней обнаружено более 200 керамических обломков, медная монета, 16 фрагментов костей животных, два

Рис. 12. Жилищно-хозяйственный блок № 3. Помещение № 10. Вид с юга

пирамидальных керамических грузила, клеймо на ручке синопской амфоры и каменная пробка для амфоры. Но яма не являлась т. н. закрытым комплексом, поскольку в неё явно попадала более поздняя керамика.

Вход во двор вёл с юга. Ко двору примыкает ряд помещений.

Помещение 2 вместе с помещением 10 являлись, по-видимому, кладовыми. Размер помещения 1,9×3,65 м. Стены имели толщину около 0,75 м. Вход располагался в северо-западном углу (в западной стене). На уровне пола был найден раздавленный пифос боспорской глины, а в заполнении – большое количество обломков разнообразной посуды, много кусочков свинца и свинцовых ремонтных скоб, железный нож, фрагмент железной пилы, свинцовое пряслице и чернолаковый канфар.

Помещение 10 (рис. 12) имело размер 2,1×6,0 м. Пол его вымощен плитами. Западная стена в результате поздних достроек «панцирем» толщиной до 0,5 м имела толщину около 1,2 м. В южной части помещения находилась зерновая яма грушевидной формы глубиной 2,3 м и диаметром дна 2,2 м. На её дне найдена каменная «горловина» с крышкой диаметром отверстия около 0,45 м. Объем ямы около 5 куб. м, то есть вместимость: около 4 т зерна.

Яма функционировала вместе с помещением до момента его оставления и её горловина провалилась уже в результате обвала стен, камни которых и заполнили яму. В ней было найдено всего 62 керамических обломка, включая и стенки амфор. Выход из данного помещения располагался с северной стороны и с соседним помещением (3) помещение 10 не сообщалось.

Помещение 3 имело размеры 5,05×3,40 м. Вход в него вёл с юга, со двора 3. Северная и западная стены однорядные, сложенные из довольно больших камней, имели ширину 0,45–0,50 м. В ходе зачистки западной части помещения, на уровне пола, найдена терракотовая статуэтка Кибелы, каменное корытце, каменная пробка амфоры, красноглиняный кувшин и развалы амфор. В юго-восточном углу расчищен очаг. Из заполнения происходит около тысячи фрагментов разнообразной керамики. Отметим гераклейское и синопские клейма, каменную крышку сосуда, каменный тёрочник, глазчатую бусину. На последнем этапе существования в помещении были сделаны проходы в западной стене и в северо-восточном углу, что поменяло его изначальное (жилище?) назначение, и оно стало проходным.

Помещения 8 и 9 сохранились очень плохо, западная часть их полностью отсутствует, стена уцелели только в один ряд камней. В ходе зачистки помещения 9 найдено 45 фрагментов керамики, в основном амфор. В помещении 8 также встречены обломки амфор. О предназначении этих помещений судить сложно, но небрежность постройки дает право предположить, что они использовались как жилища сельскохозяйственных рабочих. Не многим отличается от них и помещение 5.

Помещение 5 (рис. 6) размером 4,25×2,25 м. В южной части сохранилась вымостка пола. Стены толщиной до 0,65 м сложены в технике уже не раз описанной кладки; по углам усилены крупными плитами по ширине стен. Помещение имело жилищно-хозяйственное назначение.

Общее впечатление от данного жилищно-хозяйственного блока: помещения 3, 5, 8, 9 являлись жилищами сельскохозяйственных рабочих, помещения 2 и 10-кладовыми, где хранилось зерно, вино и другие продукты. Впрочем, не исключено, что они относились к блоку 2.

Жилищно-хозяйственный блок 4 (рис. 6, 13) примыкал с юга ко двору 2, а с восточной стороны от него был расположен двор 7. В блок входят помещения 4, 11, 12, 18.

Помещение 11 сохранилось плохо. Вероятно, оно было разделено на два отдельных: 11/1 и 11/2. В каждом был свой вход, очаг и место для хранения топлива.

Помещение 11/1 (рис. 13) располагалось в СЗ части блока 4. Вход в него вёл со стороны двора 2. Размер помещения 10,7×3,5 м. Кладка стен обычная. Толщина – 0,65–0,75 м. Непосредственно у входа в помещение, слева (рис. 13, 1), имелось отгороженное плитами место для топлива, а справа у стены (рис. 13, IV) найдены каменные заготовки для ступ. Такие же заготовки были обнаружены и в самом помещении (рис. 13, V). Не исключено, что помещение 11/1 являлось мастерской, где было организовано производство изделий из камня; там же, в восточной части, было и жилище мастеров.

Помещение 11/2 (рис. 13) было на севере отгорожено от предыдущего помещения стенкой толщиной около 0,4–0,5 м. Параллельно ей, сквозь южную стену, проходил водосток, который заканчивался в середине помещения. Судя по тому, что здание

Рис. 13. Жилищно-хозяйственный блок № 4

перестраивалось (под южной стеной находится остатки более ранней стены), водосток относился к какой-то более ранней, первоначальной постройке. Вход в помещение со двора 2 располагался в его северной стене. Возле него, слева со стороны двора имелась загородка-бункер, скорее всего, для хранения дров. Возможно, это было сделано ради экономии жилого пространства самого помещения. Помещение это было проходным: в южной стене имелся проход в помещения 12 и 18. С восточной стороны от входа, непосредственно у дверного проема, находился очаг, сложенный из вертикально установленных плит. По центру лежала плита – подставка под жаровню. При зачистке очага и восточной части помещения было найдено довольно много керамических обломков, из которых не менее 200 амфорных, в том числе ручка синопской амфоры с клеймом. Всего же в помещениях 11/1 и 11/2 найдено около тысячи фрагментов керамики и других предметов. Среди последних – бронзовый наконечник стрелы, фасосское клеймо, два клейма на кусках боспорских соленов, граффити на фрагментах чернолаковых сосудов. Если считать помещения 4, 12, 18 кладовыми, то помещение 11/2 могло быть сторожкой.

В ЮВ части жилищно-хозяйственного блока 4 располагалось помещение 18. Оно было пристроено к блоку на последнем этапе жизни усадьбы. Для прохода в него была разобрана часть стены помещения 11/2. Размеры этого помещения 8,5×4,0 м. Толщина восточной стены 0,65–0,70 м, северная, южная и частично западная стены – двойные и их толщина доходит до 1,0 м. В помещении исследованы два объекта: хозяйственные ямы 1 и 2 (рис. 7).

Рис. 14. Жилищно-хозяйственный блок № 4. Помещения 4, 12.
Белыми линиями обозначены остатки ранних стен, стрелками – водостоки

Объект 1 – углубление в материковой глине диаметром около 1,5 м и глубиной до 0,30 м. Заполнено затёчным грунтом, в котором найдено 22 фрагмента амфорной и столовой посуды и 5 костей животных.

Объект 2 – хозяйственная яма. Глубина её около 1,10 м, диаметр дна 1,0 м. Яма была заполнена до уровня 0,4 м от пола перегнившими органическими остатками (зерном?). Далее до горловины – камнями и землей. В ходе зачистки ямы обнаружено 54 фрагмента керамики и 21 кость животных.

Каких-либо признаков жилища: очага, жаровни и прочего не выявлено. Скорее всего, помещение 18 использовалось как кладовая и было пристроено к помещению 12.

Помещение 12 (рис. 13). Его следует рассматривать вместе с помещением 4. Общий их размер 15,2×4,0 м. Они были разделены стеной толщиной около 0,6 м, сложенной в обычной для поселения технике. Длина самого помещения 12 около 10 м. Стены имели разную толщину. Южная – (толщиной около 1 м), скорее всего, осталась от первоначальной застройки. Она была сложена в технике двухпанцирной кладки из довольно крупных необработанных камней с забутовкой мелкими камнями и суглинком. В 2 м от западной стены сохранился водосток. Ширина прохода с водостоком 0,37 м. Края его оформлены орфостатными камнями. Сам водосток представлен желобом, вытесанным в плоском камне. Ширина камня 0,65 м, ширина «слива» 0,25 м. На противоположной, северной стене, точно напротив этого водостока, был устроен еще один, располагавшийся поверх остатков более ранней стены, на которую опиралась северная стена данного помещения. Так как она имела толщину около 0,7 м, то более ранняя – выступала за её «границы» приблизительно на 0,3 м. (рис. 14). В этом помещении исследован объект 1 – зерновая яма. Она находилась у северной стены, примерно на одинаковом расстоянии от западной и восточной стен. Заполнение ямы – камни из развалившейся стены с серым суглинком. В верхней части заполнения отчетливо видно, что при разрушении стены, часть её вообще «сползла»

Рис. 15. Жилищно-хозяйственный блок № 4. Помещение 12.
Площадка под деревянную бадью

в яму. Таким образом, эта яма использовалась до прекращения существования самой усадьбы. В ходе выборки заполнения было найдено около тысячи фрагментов керамики и других находок, среди которых каменная крышка сосуда, каменный терочник, керамическое пирамидальное грузило, два клейма на ручках синопских амфор.

В северо-западном углу помещения расчищен участок вымостки из нескольких тщательно подобранных, плотно уложенных, обработанных подпрямоугольных плит. Размеры вымостки: 2,0×2,5 м. Размеры плит: 1,05 × 0,85 × 0,05 м; 1,56 × 0,7 × 0,05 м; 0,77 × 0,85 × 0,05 м. На плитах имеется неглубокий, но отчетливый подтёс в форме правильной окружности диаметром 2,2 м. Плиты этой вымостки заходят под западную и северную стены этого помещения (рис. 15). Она относится к раннему строительному периоду и предназначалась для установки деревянной бадьи (кадки), в которой давили виноград. Остатки же ранних стен, скорее всего, являлись стенами самой винодельни. Возникает вопрос: почему именно деревянной бадьи? Потому, что только для деревянной конструкции такого размера была необходима совершенно ровная твердая поверхность. Выступающие камни могут продавить дно, когда туда будет загружена почти тонна винограда, а установленная на земле деревянная бадья будет подвержена гниению. На данный момент это единственная винодельня первой половины IV в. до н. э. такого типа, найденная на Боспоре.

В ходе расчистки этого помещения найдено около 350 фрагментов разнообразной керамики, большая часть которых принадлежат амфорам, а также 24 обломка костей животных и бронзовая монета. Помещение после перестройки использовалось как кладовая.

Составной частью помещения 12 является помещение 4 (рис. 13). Оно отгорожено стеной толщиной около 0,6 м, в которой имелся проход шириной 1,2 м. Внутри помещения был сделан простенок, образующий коридор по ширине прохода в стене – 1,2 м. Длина простенка 3,3 м, толщина – около 0,6 м. В помещении частично сохранились плиты вымостка пола. При зачистке пола у северной стены выявлена более ранняя кладка, в восточной части которой имелся водосток. Он проходил сквозь стену и имел продолжение вдоль помещения 2 жилищно-хозяйственного блока 3. В ходе расчистки помещения найдено 19 обломков керамики и 2 фрагмента предметов из железа. Ниже уровня пола керамики обнаружено намного больше: около 200 фрагментов. Помещение 4, также как и помещения 12 и 18, использовалось в качестве кладовой.

Последним рассматриваемым объектом в центральной усадьбе будет двор 7 (рис. 6). Как уже упоминалось, первоначально он составлял единое целое с двором 2, но в дальнейшем был разделен на два части. «Разделительная» стена прошла по яме 1 (см. выше). Стена эта постепенно просела, что видно на фотографиях. Вход во двор находился именно над ямой 1. Судя по тому, что во двор не выходило ни одно из помещений, условно его можно назвать «хозяйственным», возможно, здесь располагался ток и хранились запасы топлива. Во дворе исследовано два объекта: яма 1/2 (объект 3), хозяйственная яма по центру двора (объект 2) и полуподвальное помещение с двумя каменными стенами (объект 1).

Размер самого двора 16,0×9,6 м. С запада он был ограничен стенами помещений 14 и 18. При этом стена помещения 14 углом вдаётся во двор примерно на один метр. С востока его отделяла стена 12, толщиной около 0,65–0,70 м. Кладка – обычная для данного памятника. Толщина стены на юге двора: 0,60 до 0,75 м. В ходе расчистки двора найдено более тысячи обломков амфор (в том числе две ручки синопских амфор с клеймами), большое количество фрагментов кухонной и столовой посуды, но сравнительно немного (64) костей животных.

Объект 1 (полуподвальное помещение размером 3,2×2,4 м) (рис. 16) располагался в юго-восточной части двора. Оно было заглублено на 0,60 м. Два борта этого котлована, северный и восточный, были укреплены каменными стенами. Северная – длиной около 2,40 м, имела высоту 0,60 м при толщине 0,45 м. Восточная стена длиной 3,20 м, сохранилась в высоту 0,60–0,85 м при толщине 0,45 м. В ЮЗ углу котлована находилась прямоугольная столбовая яма размером 0,30×0,30 м. Вероятно, столб, стоявший здесь, являлся опорой навеса. Назначение этой ранней постройки не совсем ясно, и во время функционирования самой большой усадьбы она была засыпана. Здесь также было найдено большое количество керамики. Из коллекционных находок упомянем фрагменты псаляя, бронзовую монету, клеймо на обломке черепицы, два клейма на ручках синопских амфор, каменную крышку сосуда.

Объект 2 – зерновая яма располагалась в центре двора. Она была грушевидной формы, глубиной около 2,5 м и диаметром дна 2,2 м. Объем ямы составлял около 7 м куб, т. е. в неё могло войти 6 т зерна. В ходе расчистки ямы найдено 116 фрагментов амфор.

Рис. 16. Центральная усадьба. Двор № 7. Объект № 1

Объект 3 (яма 1/2). Довольно большая хозяйственная яма глубиной 3,2 м с диаметром дна 2,3 м и объемом около 8 м куб. Яма относится к раннему этапу существования усадьбы. В заполнении также найдено большое количество обломков керамики.

К сожалению, формат статьи не позволяет в полном объеме описать весь комплекс раскопанных усадеб. В оставшихся шести можно найти аналогичные жилищно-хозяйственные блоки. Но стоит обратить внимание на одно уникальное помещение (19) в усадебном комплексе № VI (рис. 17).

Это небольшое помещение размером всего 2,0–2,30×2,50. Оно имеет два входа, расположенных в западной и восточной стенах, напротив друг друга. Стены помещения толщиной 0,60–0,70 м, сложены из необработанных камней среднего размера. В плане помещение неправильной формы, проходное и не предназначено для жилья. Около его южной стены, по центру, находится хорошо обработанный со всех сторон «пьедестал» с профилированным «цоколем» (основанием). Верхняя часть «пьедестала» отбита (рис. 18). Он прямоугольный в плане (0,57×0,45 м) с размером по «цоколю» 0,75×0,57 м. Последний – в профиле имеет два уступа. «Пьедестал» сделан из плотного известняка и, скорее всего, являлся алтарем. Рядом с ним стояла каменная чаша, впущенная в пол по верхний край, с отверстием в дне – жертвенник хтоническим богествам. На дне чаши лежали две обгорелые, трубчатые кости, предположительно птицы. Сверху чаша была перекрыта небольшой необработанной известняковой плитой. В силу этого помещение 19 можно считать небольшим храмом или святилищем. Здесь стоит вспомнить находку терракотовой статуэтки богини, сидящей на троне, найденную в помещении № 3 при разборе каменного завала и каменную «иконку»-плакетку с изображением Гермеса (рис. 19).

Следует обратить внимание и на находки монолитных тарапанов. Они стояли в жилых помещениях, которые не подходят под функции собственно виноделен ни по размерам,

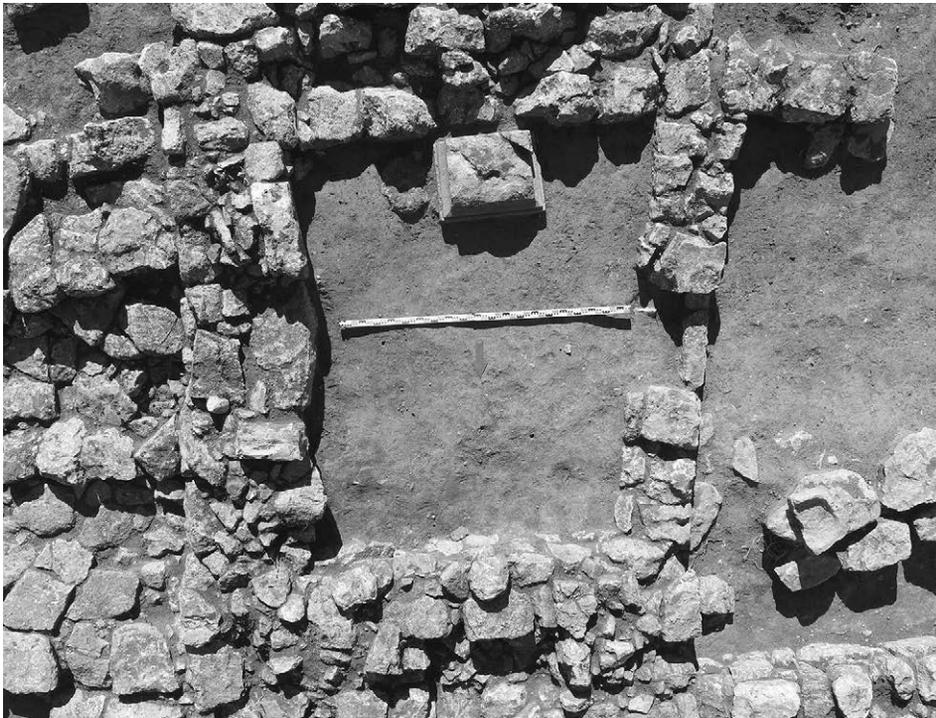

Рис. 17. Усадьба № VI. Помещение № 19. Вид сверху

Рис. 18. Усадьба № VI. Помещение № 19. Алтарь и жертвенник

Рис. 19. Помещение 21, объект 1.
Каменный рельеф

ни тем, что в них нет места для установки ёмкостей для сбора сусла. Учитывая, что тарапаны по назначению используются всего пару месяцев в году, можно предположить, что остальное время они просто служили столами, возможно, в жилищно-хозяйственных помещениях, а давить на них виноград могли как в других помещениях, так во дворе. Близкие по форме и размерам тарапаны, да и алтари были найдены на усадьбе Приазовья («Генеральское Западное») [Масленников, 1998, стр. 59, рис. А4; 2010 с. 123, рис. 65–66, 79]. Единственное место, которое можно связать со стационарной винодельней – это площадка под деревянную бадью в помещении 12, но эти остатки винодельни относятся, скорее всего, к раннему периоду (предположительно не позднее середины IV в. до н. э.) существования данного усадебного комплекса.

В ходе раскопок было найдено три монетных клада (два – монетно-вещевые). Все они обработаны д. и. н. М. Г. Абрамзон, которому авторы данной публикации выражают искреннюю благодар-

ность. Пока приведём лишь их краткую характеристику.

Клад № 1. Является монетно-вещевым, выявлен в юго-восточной части застройки поселения, в пределах квадрата К-42. Он был сокрыт в полу помещения № 7, располагавшегося в юго-западной части двора № 5 и имевшего выход в северной стене. По-видимому, представлял собой кошелек, содержащий 24 монеты четырех типов: 1) голова борода-того сатира/протома грифона, осетр, ПАН, с надчеканками в виде горита и звезды; 2) голова сатира/голова льва, осетр, ПАН, контрамаркированные изображениями горита и звезды; 3) голова сатира влево/лук и стрела вправо, ПАН; 4) голова сатира/голова быка в $\frac{3}{4}$ влево, ПАН. Кроме монет клад содержал женские серьги, изготовленные из белого металла и железный перстень. Клад датируется концом первой четверти III в. до н. э.

Клад № 2. Так же является монетно-вещевым и обнаружен в юго-западном углу двора 9, в 0,5 м к востоку от кладки 27, в 0,7 м к северу от кладки 26 при помощи металлодетектора. В составе клада 62 бронзовые монеты и железный нож, которые находились в маленьком тонкостенном двуручном красноглиняном сосуде. Сосуд с кладом размещался в ямке с золистым заполнением диаметром около 0,4 м.

Клад № 3. Состоит из десяти, кучно лежавших бронзовых монет, выявленных в помещении 45, в 0,8–1 м к востоку от кладки 186, непосредственно к северу от кладки 167, на глубине около 0,2 м от уровня пола.

Рис. 20. Основные типы монет из раскопок поселения Манитра

Кроме кладов на территории поселения найдено 173 монеты. Их можно разделить на пять основных типов (рис. 20): 1. Голова бородатого сатира вправо/протома грифона, ниже осетр, ПАН, 345–310 гг. до н. э. 2. Голова безбородого сатира вправо/ПАН – ТΙ, лук в горите вправо, 314–310 гг. до н. э. 3. Голова безбородого сатира вправо/ПАН, протома пегаса вправо, 314–310 гг. до н. э. 4. Голова безбородого сатира в венке влево/ПАН, голова льва влево, внизу осетр, 294–284 гг. до н. э. 5. Голова безбородого сатира в венке влево. Надчеканка «12-ти лучевая звезда»/ПАН, голова льва влево, внизу осетр, надчеканка

«горит», 284–275 гг. до н. э. [Анохин, 1986, с. 141, табл. 4]. Датировки монет не противостоят хронологии массового материала.

Скажем несколько слов и о массовом керамическом материале, а именно об амфорах. Хотя обработка находок еще не закончена, уже сейчас можно сказать, что в составе комплекса тарной керамики преобладали синопские амфоры. Подавляющее большинство фрагментов этих амфор относится к пифоидному типу по С.Ю. Монахову и датируется второй четвертью IV – третьей четвертью III в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 148–148, табл. 102–103]. Следующим центром, по численности фрагментов, представлена Гераклея. В основном это сосуды типов II (конического) и II-A, датируемых второй половиной IV – началом III в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 134–139, табл. 94–97] Из наиболее поздних гераклеийских амфор упомянем единичные находки фрагментов амфор типа IV (джаферка), датируемых первой четвертью III в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 139–140, табл. 97]. В то же время некоторые фрагменты явно относятся к типу I-A, датируемого 70–40 гг. до н. э. [Монахов, 2003, с. 132–134, табл. 991–92]. Значительным числом фрагментов представлены амфоры Книда, типы I (с высоким цилиндрическим горлом и грибовидным венцом) и II (с коническим горлом и кубаревидной ножкой) [Монахов, 2003, с. 101–110, табл. 71–76]. Гораздо меньшим количеством фрагментов представлены амфоры Хиоса, Коса, Пепарета и Фасоса.

В тексте выше упоминались более ранние строительные остатки и хозяйственные ямы. В некоторых из ям были найдены человеческие останки. Всего при раскопках выявлено 6 подобных объектов, не все из которых следует считать захоронениями. Собственно захоронение 1 было обнаружено под завалом камней, но значительно выше уровня пола соответствовавшего помещения и его никак нельзя связать со временем функционирования или оставления усадьбы. Видимо, оно было совершено (появилось?) уже позже. Но остальные 5 «случаев», как отмечалось выше, зафиксированы в ранних хозяйственных ямах. На этих находках следует остановиться более подробно.

Погребение 2 было выявлено во дворе 1, в хозяйственной яме 2 (объект 2) глубиной 1,80 м и диаметром дна 2,20 м. В придонной части ямы расчищен неплохо сохранившийся (в анатомическом порядке) скелет взрослого мужчины. Рядом найден фрагмент верхней части амфоры.

Погребение 3 (рис. 5) также было обнаружено в хозяйственной яме 1/1 во дворе 2. (см. выше). Скорее всего, в яму бросили лишь отрезанную голову.

Погребение 4. Костяк найден в яме 1 (объект 1) помещения 20, вместе с костями животного, как бы на разных уровнях. Видимо, труп был сброшен в частично заполненную яму, и голова оказалась ниже тела.

Погребение 5. Костяк находился на дне ямы 3 (объект 3) во дворе 2. Костяк в плохом состоянии, сохранились только кости рук и ног.

Погребение 6. Останки ребенка возрастом до года находились в яме 1 (объект 1) во дворе 5. Костяк в плохом состоянии, там же найден скелет собаки.

В ходе раскопок был выявлен и собственно некрополь усадьбы, который располагался к востоку от неё, за небольшим оврагом. Некрополю предполагается посвятить отдельную статью.

В целом же весь раскопанный строительный комплекс (№ 3) можно разделить на семь отдельных усадеб. Рассмотренная нами Центральная усадьба включала четыре

жилищно-хозяйственных блока из разных по площади, количеству и назначению помещений. К жилищно-хозяйственным можно отнести помещения 3, 11/1, 11/2, 16, 17, 25. Если допустить, что в каждом могло проживать 4–5 человек, то население центральной усадьбы составляло 24–30 человек. Здесь же исследовано 5 больших хозяйственных ям (в помещениях 45, 10, 12, дворах 3 и 7), в каждой из которых могло храниться до 6 тонн зерна. Может быть, это были запасы царского двора, которые собиралось (или скупалось) у населения близлежащих поселений.

В усадебный комплекс входит и два круговых загона диаметром около 60 м, скорее всего, использовавшихся для временного содержания скота. На основании косвенных данных, как-то: загоны для скота, винодельни, зерновые/хозяйственные ямы, находки значительное числа фрагментов амфорной тары и довольно большого количества монет (включая клады – 269 экз.), весовых гирь (9 экз.), многочисленных обломков черепицы, терракот, алтаря можно сделать вывод, что это была одна из «царских» усадеб с функцией эмпория (?). Основная хозяйственная деятельность их обитателей была направлена на разведение скота, выращивания винограда и торговлю, которой, быть может, способствовало её расположение близ одной из дорог, проходивших в сторону переправы через пролив и к столице – Пантикапею (около 10 км). Комплекс был построен в середине IV в. до н.э. на месте ранее существовавшей (с конца V в. до н.э.) сельской усадьбы или некоего поселения и функционировал до конца первой четверти III в. до н.э. Еще одна усадьба была разведена В. В. Веселовым [Веселов, 2005, с. 36–38] и исследована А. В. Зинько в 2017 г. [Зинько, Зинько, 2018, с. 17–18].

Для уточнения целого ряда деталей, а также полной планировки усадебного комплекса необходимы дополнительные раскопки, а также обработка и анализ всех полученных материалов.

Список литературы

- Анохин, 1986. Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев.
- Веселов, 2005. Веселов В. В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. // ДБ. Supplementum. II.
- Зинько, Зинько, 2018. Зинько В. Н., Зинько А. В. Охранно-спасательные археологические исследования на сельской округе Нимфея и Пантикапея в 2016–2017 гг. // Классическая и византийская традиция. 2018. Сб. материалов XII научной конференции. Белгород.
- Масленников, 1998. Масленников А. А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. М.
- Масленников, 2010. Масленников А. А. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье) // ДБ. Supplementum. III/1.
- Монахов, 2003. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Москва – Саратов.

Summary

S. A. Ermolin, S. A. Buravlev, A. V. Bonin

Manitra

**Manor complex of the Hellenistic time in Eastern Crimea
(preliminary publication of the Central Manor)**

The article discusses the results of the excavation of the settlement of Manitra, located in the Eastern Crimea, in the vicinity of Kerch. In the process of archaeological excavations on an area of about 18,000 square m was revealed continuous construction area of 4600 square m, to which from the west and east adjoined ring fences with a diameter of 55-60 m. The plot is a complex of paved courtyards, as well as residential and business premises. In their composition, it was possible to single out seven housing estate complexes belonging to the middle of the fourth and the first third of the third century. BC. The finds are represented by the amphoras of the main Aegean and Asia Minor Greek centers: Chios, Phasos, Cnidus, Kos, Peparet, Sinopa, Heraclea Pontic. Found fragments and whole forms of dining and kitchen ceramics, including jugs, bowls, plates, fish dishes, pots, as well as a significant number of coins (three treasures), products from non-ferrous and ferrous metals. Probably, small estates / settlements that existed here from the end of the 5th c. BC.

С. А. Ермолин, С. А. Буравлев, П. Г. Столяренко
(Институт археологии РАН, г. Москва)

Некрополь поселения Манитра (предварительное сообщение)

В апреле 2018 г. при проведении разведки на Керченском полуострове сотрудниками Института археологии РАН в районе поселка Октябрьское было выявлено поселение эллинистического времени Манитра [Ермолин, Буравлев, Бонин, 2018, с. 88–96]. При определении границ памятника на этапе разведок, возникло предположение, что на участке к востоку от него, отделенном небольшой балкой может располагаться некрополь. В разведочных шурфах погребений выявлено не было, но попадались значительное количество обломков античной керамики, в шурфе № 33 была даже зафиксирована кладка, которая впоследствии оказалась верхней частью погребального комплекса № 18.

В июле того же года при проведении охранно-спасательных раскопок, здесь всё же был обнаружен некрополь, синхронный поселению-усадебке Манитра. Он располагался на северном пологом склоне невысокой скалистой гряды, протяжённой в широтном направлении, примерно в 210 м от усадебного комплекса (рис. 1). Их действительно разделяла небольшая балка, ориентированная по направлению склона. Расположение некрополя в этом месте могло быть обусловлено близким залеганием скалы, что делало его неудобным для жилой застройки и хозяйственной деятельности обитателей поселения. Общий уклон поверхности в пределах исследованного участка некрополя составляет 7.41 м. В южной части мощность культурных напластований составляла всего 0.03 м, ещё выше по склону, и подавно выступала материковая скала. Максимальной толщины 0.88 м слой достигал в нижней, северной части склона и раскопа. Стратиграфия этих напластований в целом следующая. Слой дерна мощностью до 0.08 м, сменяется слоем темно-коричневого гуммированного суглинка, мощность которого достигает на отдельных участках 0.65 м. Нижний горизонт этого слоя является древней дневной поверхностью. В нём выявлены как отдельные фрагменты, так и небольшие скопления керамики, концентрировавшиеся вблизи погребений, что может быть связано с какими-то погребальными обрядами или выбросами из могил и склепов при перезахоронениях. В южной части исследованной площади этот слой подстилает скальный материк, местами перекрытый скальной крошкой. В центре и на севере под ним зафиксирована плотная супесь светло-коричневого цвета. Материал, выявленный в культурном

Рис. 1. Некрополь Манитры. Вид на исследованную часть некрополя с запада

слое некрополя, представлен преимущественно фрагментами амфор и столовой посуды IV – начала III вв. до н. э. Небольшой процент составляют обломки амфор позднеархаического времени.

Нужно отметить, что некрополь исследовался только в границах землеотвода, то есть на площади 1290 м². С большой вероятностью можно предположить, что погребения распространяются далее, в северном направлении. Всего было исследовано 21 погребение (рис. 2) трёх типов конструкций:

1) Одиночные, вырублены в скале могилы (15) двух подтипов:

- перекрытые плитами широкие и глубокие ямы, всегда ориентированные (с небольшим отклонением) в широтном направлении;
- грубо сделанные, неглубокие и узкие ямы иногда без перекрытий как широтной, так и меридиональной ориентацией.

2) Семейные (коллективные) погребения в каменных ящиках (плитовых могилах) с кольцевой оградкой (№№ 16 и 21).

3) Погребения в склепах (№№ 1, 4, 18, 20).

Опишем выборочно наиболее представительные и характерные захоронения каждой из этих групп (№ 17, № 16 и № 18).

Погребение № 17 (рис 3–5) относится ко второму подтипу вырубленных в скале могил. Могила была раскопана в западной части исследованной площади и входит в одну группу с могилами №№ 5, 6, 7, 10 и 11. Яма была ориентирована по направлению север-юг с отклонением 20° по часовой стрелке и имела перекрытие, от которого сохранилась

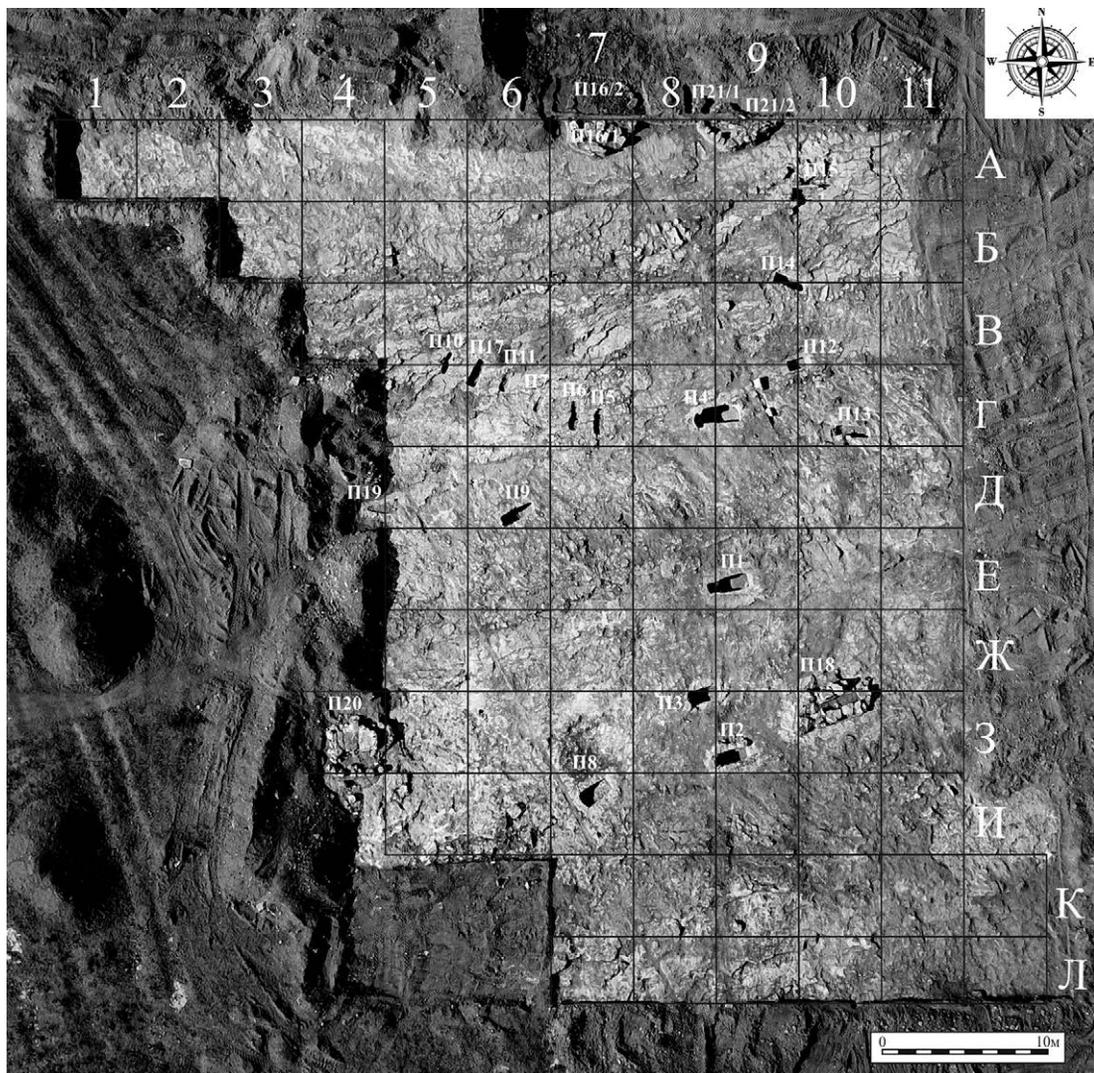

Рис. 2. Ортофотоплан участка некрополя с указанием номеров погребений

одна плита из необработанного местного известняка размером 1,6×1,14×0,15 м, перекрывавшая её южную и центральную часть (рис. 3).

Могильная яма в плане прямоугольная, слегка сужающаяся к северу, со скругленными углами. Продольный размер по поверхности скалы составил 1,86 м., ширина (расширяясь к изголовью, югу) – 0,49–0,61 м. Глубина – от 0,25 м в северной части до 0,32 м в южной и 0,35 м в центре.

Костяк плохой сохранности располагался вытянуто на спине, головой на юг, руки вытянуты вдоль туловища, левая слегка согнута в локте (рис. 4). Уцелели кости черепа, лежавшего на левом виске, лицевой частью к северо-западу. Сохранились и плечевые кости, фрагменты костей левой кисти, кости таза, бедренные и берцовые кости ног. Немногочисленный погребальный инвентарь составляли:

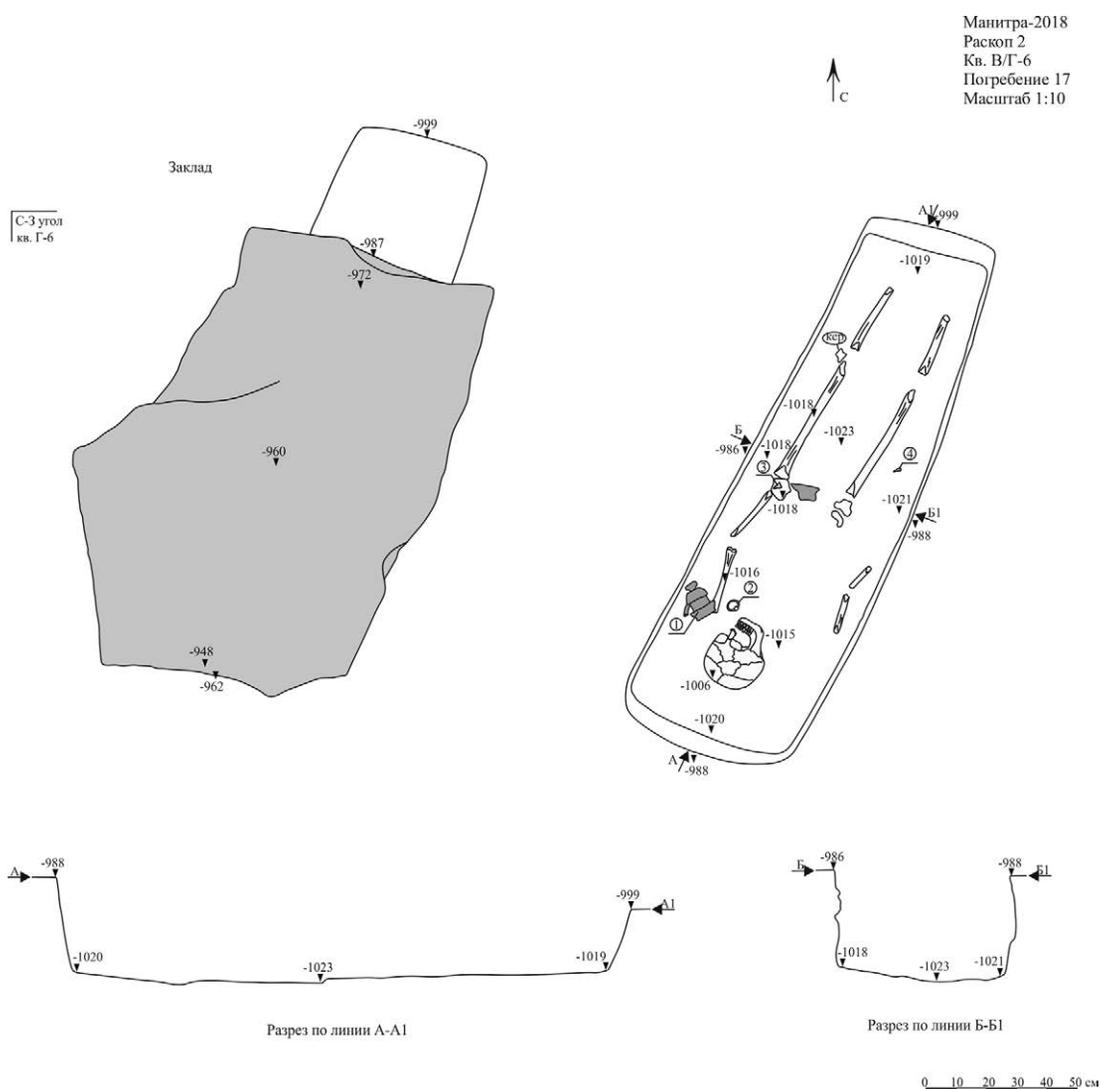

Рис. 3. Погребение №17. Чертеж погребения. М 1:10

– чернолаковый кубковидный канфар с формованным венчиком и утраченными ручками, помещенный у левой плечевой кости (рис. 5, 1). Датировка: последняя четверть IV – рубеж IV–III вв. до н. э. [Rotroff, 1997, p. 250, fig. 8, 83];

– бронзовый браслет с расплюснутыми завитыми в кольца концами, одно из которых обломано, выявлен в засыпи могилы, в 0.12 м выше ее дна, между основанием черепа и левой плечевой костью погребенного (рис. 5, 2);

– три однотипных бронзовых трехгранных наконечника стрел (рис. 5, 3–5). Один располагался на левой части таза погребенного, другой между основанием черепа и левой плечевой костью, под браслетом, третий – встречен в засыпи могилы, на 0.12 м выше ее дна, между восточной стенкой и правой бедренной костью погребенного.

Рис. 4. Погребение № 17. Зачистка погребения. Вид с северо-запада

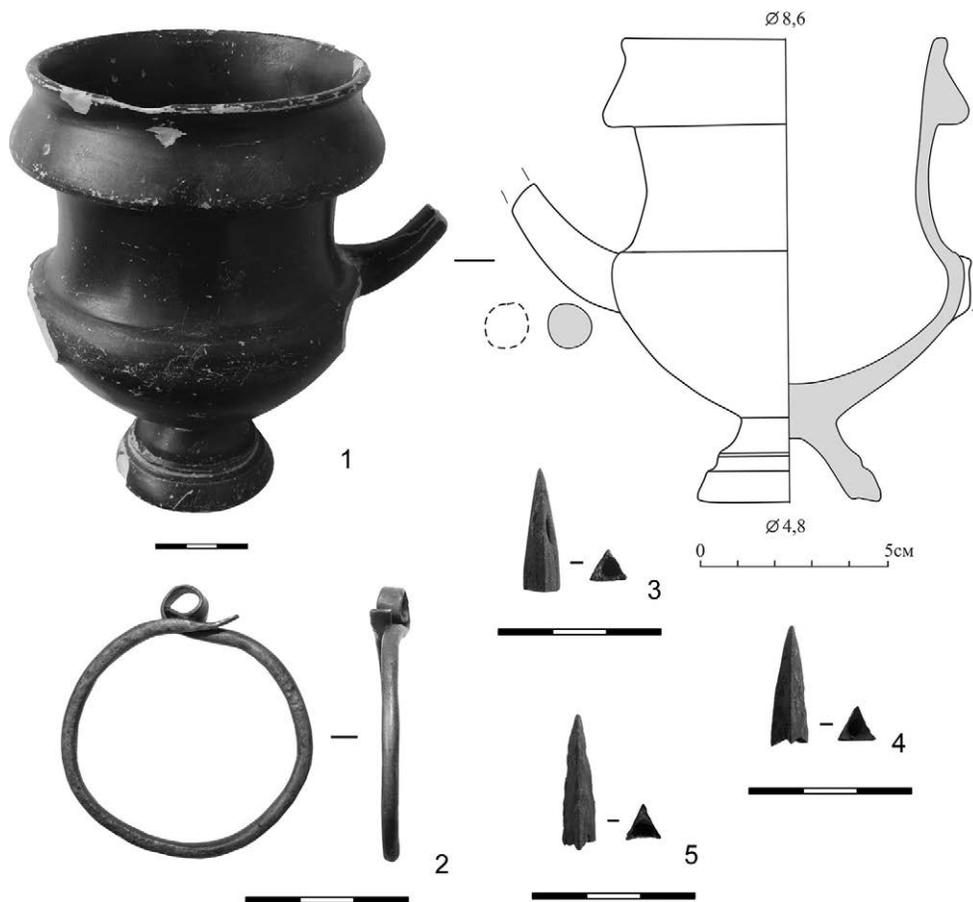

Рис. 5. Погребение № 17. Погребальный инвентарь: 1 – канфар чернолаковый (К. О. 392); 2 – браслет бронзовый (К. О. 393); 3 – наконечник стрелы бронзовый (К. О. 394); 4 – наконечник стрелы бронзовый (К. О. 395); 5 – наконечник стрелы бронзовый (К. О. 396)

Рис. 6. Погребение №16. План погребального комплекса. М 1:10

В заполнении ямы было найдено также несколько стенок амфор, видимо, случайно попавших туда. А также фрагмент ручки красноглиняной лесбосской амфоры конца VI-V вв. до н. э.

Погребения в каменных ящиках с кольцевыми оградками включали в себя по два захоронения в каждом. Оба комплекса располагались в северной части раскопа. Материковая скала перекрыта в этом месте слоем (до 0.5 м) материковой супеси светлорыжевато-коричневого цвета. Кольцевые обкладки могил были сооружены на уровне поверхности этого слоя, то есть уровне древней дневной поверхности. Каменные ящики же были впущены в слой, их продольные и торцевые плиты установлены на скалу, служившую дном гробниц. Анализ локальной стратиграфии позволяет предположить,

Рис. 7. Погребение №16. Погребальный комплекс из двух могил, окружённых кольцевой обкладкой. Вид с севера

что эти гробницы первоначально были скрыты под насыпями, в современном рельефе не прослеживавшимися.

Погребальный комплекс № 16 (рис. 6–7). **Каменная оградка** диаметром около 4,5 м сложена из необработанных плит и камней известняка на один – два ряда высоты. Размеры наибольших камней «кромлеха»: 0,78×0,47×0,15; 0,92×0,31×0,20 м. Расположенные в его пределах два каменных ящика имели широтную ориентацию, а их перекрытия располагались на уровне кольцевой обкладки (древней дневной поверхности). Снаружи, у юго-западной части кольцевой обкладки, было выявлено небольшое скопление керамики, которое, вероятно, могло являться остатками тризны.

Через погребальный комплекс с запада на восток были проложены две узкие (0,1–0,3 м) траншеи с современными коммуникациями, нарушившие как кольцевую обкладку, так и оба погребения. **Погребение 16/1** (рис. 8–10) располагалось в южной части внутреннего пространства кромлеха. Перекрытие могилы состояло из трёх необработанных известняковых плит прямоугольной формы и нескольких плит меньших размеров, располагавшихся над ними (рис. 6). Восточная плита перекрытия была повреждена и сдвинута одной из вышеописанных траншей. Общий продольный размер сохранившегося перекрытия составил 1,79 м, а от края западной плиты перекрытия до восточной торцевой стенки могилы – 2,2 м. Ширина перекрытия достигала 0,9 м.

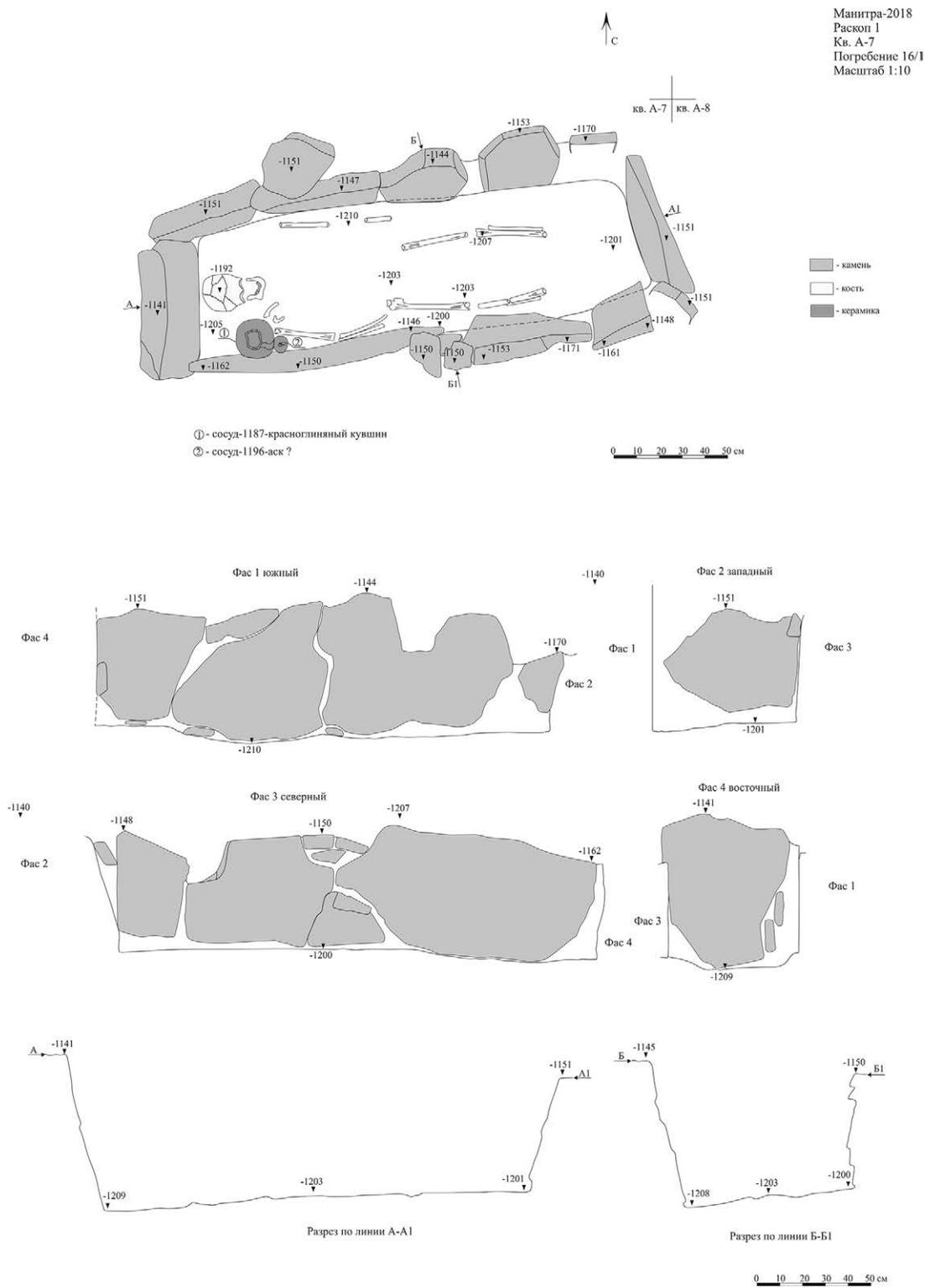

Рис. 8. Могила 16/1. Чертеж погребения. М 1:10

Рис. 9. Могила 16/1. Зачистка погребения. Вид с севера

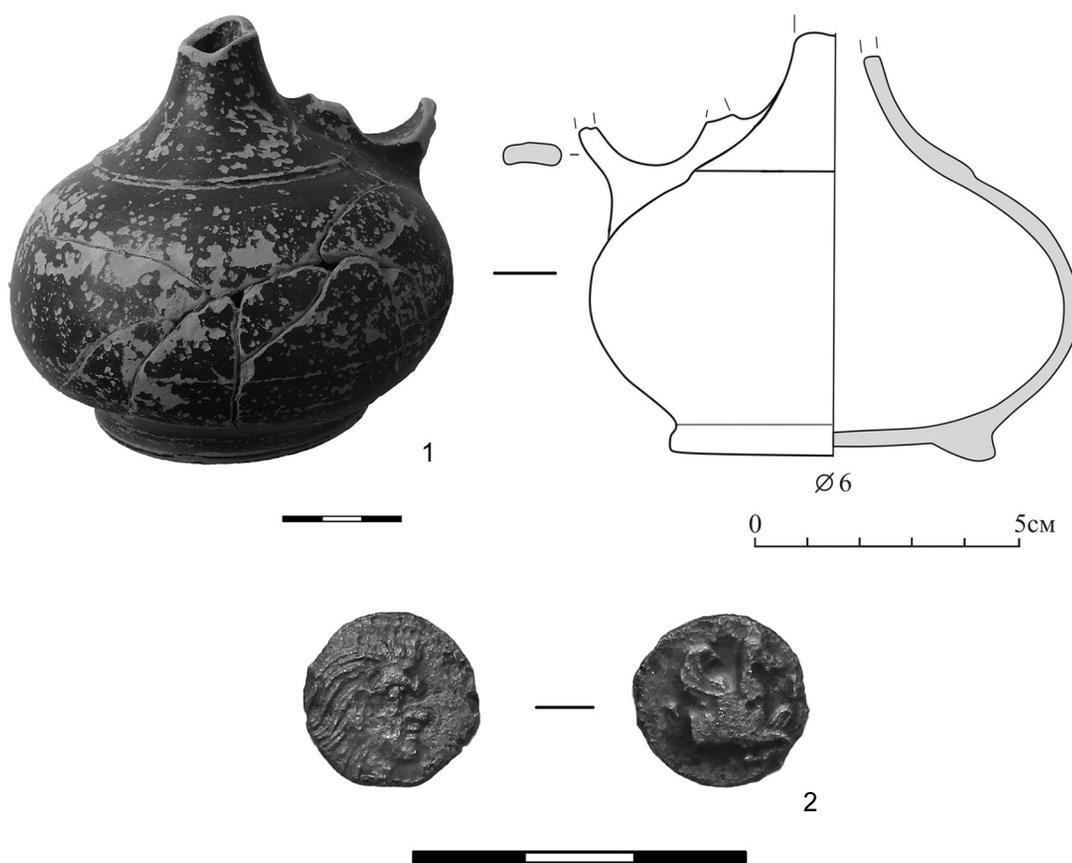

Рис. 10. Могила 16/1. Погребальный инвентарь: 1 – сосуд чернолаковый (аск) (К. О. 384); 2 – монета медная (К. О. 385). Голова безбородого сатира вправо/ПАН, протома пегаса вправо. 314–310 гг. до н. э. [Анохин, 1986]

Рис. 12. Могила 16/2. Зачистка погребения. Вид с севера

последней четверти IV – начала III вв. до н.э. [Sparkes, Talkott, p. 312, fig. 1196; Rotroff, 1997, p. 352, fig. 71, 1141].

В рот погребенного была вложена медная боспорская монета 314–310 гг. до н.э. (рис 10,2). (Л.с.: голова безбородого сатира вправо; о.с.: – ПАН, протома пегаса вправо) [Анохин, 1986, с. 140, табл. 3, № 112].

Погребение 16/2 (рис 11–13) выявлено в северной части кольцевой обкладки, в одном метре к северу от предыдущего и имело ту же ориентацию. Перекрытие ящика состояло, по-видимому, из трех необработанных плит местного известняка (рис. 6). Могила также была нарушена двумя упомянутыми траншеями, одна из которых пришлась на центральную часть ящика, частично разрушив его. Гробница представляла собой грубый каменный ящик размером: 1.93×0.56, глубиной до 0.56 м. Стенки его сложены из слегка отесанных и обколотых плит плотного известняка, в восточной части верх ящика был дополнен несколькими рядами кладки из небольших плоских камней (рис. 11). Полom служила скальная поверхность, на которую и были установлены плиты стенок ящика.

На дне был расчищен костяк, ориентированный головой на восток. Погребенный лежал вытянуто на спине, руки были вытянуты вдоль туловища. Средняя часть скелета нарушена траншеей (рис. 12). Рядом найдено пять керамических сосудов, располагавшихся вдоль северной и южной стенок ящика, на уровне берцовых костей погребенного. Между берцовыми костями правой ноги и северной стенкой могилы лежал на боку кувшин (рис. 13, 5). К западу от него находился корпус арибаллического оранжевоглиняного сосуда (рис. 13, 4) с утраченным горлом. Вдоль левой бедренной кости, у южного борта ящика стоял наклонно красноглиняный кувшин (рис. 13, 3). К западу от него расчищена красноглиняная миска с венчиком треугольной формы (рис. 13, 2). Она была установлена на ребро и не могла иметь какого-либо содержимого. С запада замыкал этот ряд сосудов чернолощёный приземистый горшок с ручкой, располагавшийся

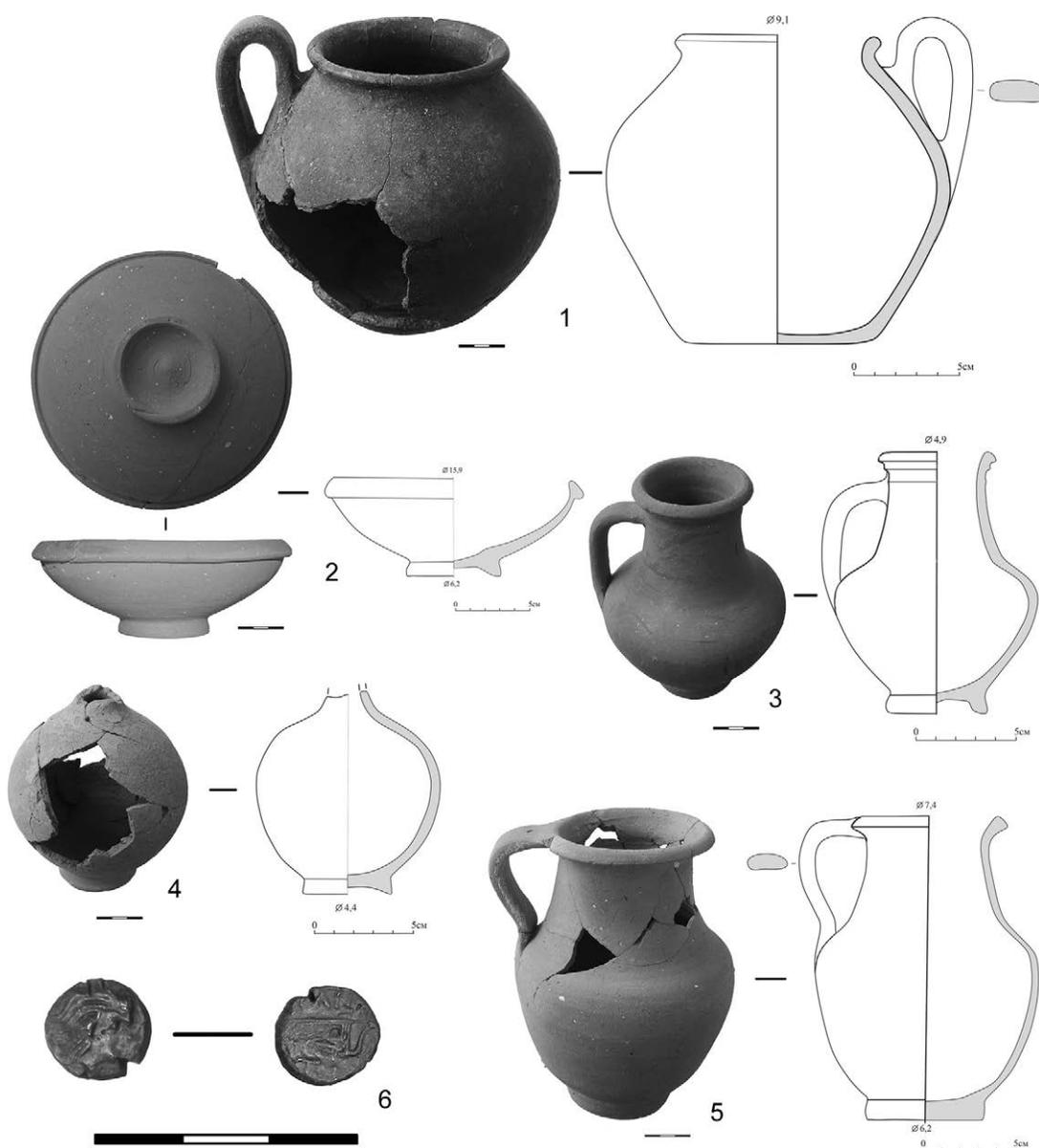

Рис. 13. Могила 16/2. Погребальный инвентарь: 1 – сосуд кухонный одноручный (К. О. 386); 2 – миска красноглиняная (К. О. 387); 3 – кувшин красноглиняный (К. О. 388); 4 – кувшин красноглиняный миниатюрный (К. О. 389); 5 – кувшин красноглиняный миниатюрный (К. О. 390); 6 – монета медная (К. О. 391). Голова безбородого сатира вправо/ΠΑΝ-ΤΙ, лук в горите вправо. 314–310 гг. до н.э. [Анохин, 1986]

на боку устьем к погребенному (рис. 13, 1). В костях черепа была найдена медная боспорская монета 314–310 гг. до н.э. (рис. 13, 6): л. с.: голова безбородого сатира вправо о. с.: ΠΑΝ-ΤΙ, лук в горите вправо. [Анохин, 1986, с. 140, табл. 3, № 113].

Погребения в склепах. Конструктивно они близки к небольшим трапециевидным в сечении склепам, выявленным в ряде синхронных некрополей северо-восточной оконечности

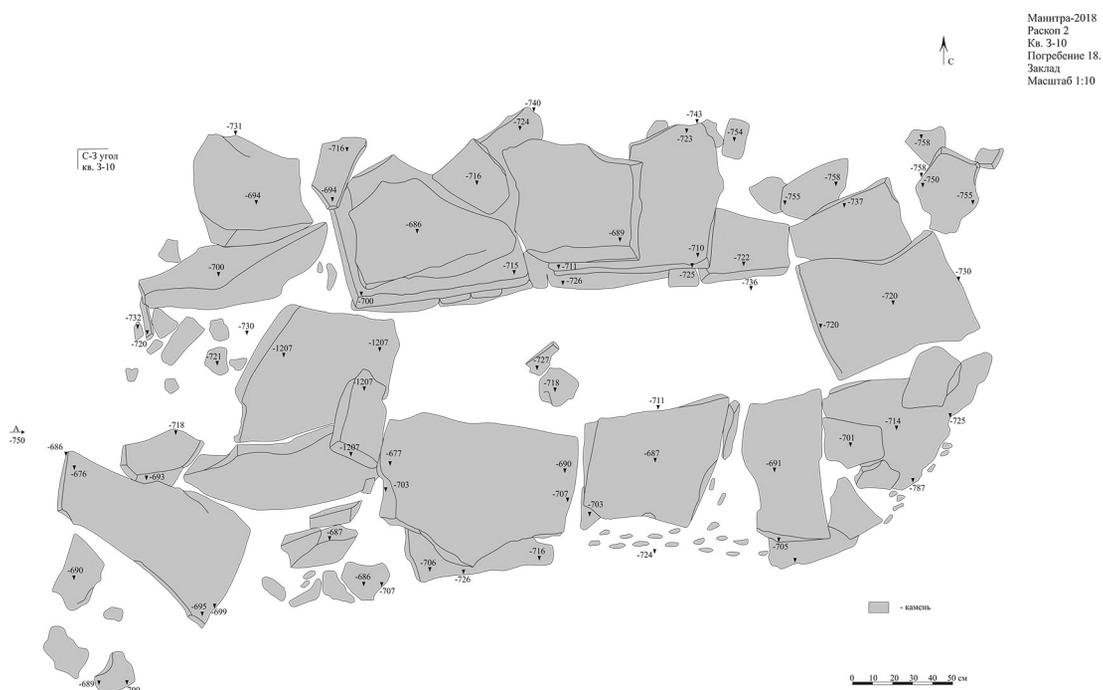

Рис. 14. Погребение № 18. Чертеж погребения. М 1:10

Керченского полуострова. В частности, исследованном в 1954 г. у завода им. Войкова [Капошина, 1959, с. 108–153] и на горе Хрони. Но склепы на некрополе Манитры имеют ряд отличительных особенностей. В частности, только один имел в сечении выраженную трапециевидную форму, остальные, если и расширяются к нижней части, то не столь заметно. Дромосы зачастую оформлены более грубо, имеют незначительную глубину и представляют скорее входные ямы, вытесанные в западных торцевых стенках камеры. Еще одной особенностью является комбинированная конструкция камеры и дромоса, нижняя часть которых высечена в скале, а верхнюю составляет надстройка из нескольких рядов необработанных плит и камней над камерой и орфостатно установленных на скалу плит дромоса.

Погребальный комплекс № 18 (рис. 14–15) находился в юго-восточной части исследованной площади. Продольная ось склепа ориентирована: восток – запад, с отклонением 20° против часовой стрелки. Камера склепа и входная яма вырублены в скале; камера имела в плане прямоугольную форму, входная яма примыкала к ней с запада. Продольные стенки камеры расширялись книзу, таким образом, в поперечном сечении она имела трапециевидную форму. Верхняя часть камеры над продольными и восточной торцевой стенками надстроена регулярной однорядной кладкой, уложенной на скальную поверхность вдоль кромки края камеры. Кладка сложена преимущественно из грубо обработанных плит и камней местного известняка, размеры которых достигали $0,72 \times 0,61 \times 0,11$ м, $0,93 \times 0,72 \times 0,24$ м. Над южным бортом было возведено два ряда кладки, высотой до 0,52 м, над северным четыре, высотой до 0,78 м. Ряды продольных кладок, особенно южного борта, незначительно вдаются к центру могилы относительно лежащих ниже, повторяя трапециевидное очертание скальных стенок склепа.

Рис. 15. Погребение № 18. Верхняя часть склепа на момент обнаружения. Вид с севера

Над восточной торцевой частью камеры кладка надстроена на два камня, нижний из которых, имеет утолщение к одной из сторон и уложен так, чтобы выровнять уклон скальной поверхности. Верхняя часть этой конструкции достигала местами уровня современной дневной поверхности; перекрытие над ней отсутствовало. Кроме увеличения вертикального пространства камеры, эта конструкция позволила нивелировать перепад высоты скальной поверхности.

Длина камеры склепа по верху скалы составила 2.03 м, по дну камеры 1.89 м. Ширина ее на уровне верхней части кладки достигает 0,6 м, по поверхности скалы – 0.82 м и по дну – 1.1 м. Общая глубина камеры составила 1.3 м.

В западную торцевую стенку на высоте 0.33 м от пола камеры была врезана ступенька высотой 0.28–0.30 м и длиной 0.47 м. Глубина от скальной поверхности до ступеньки составляла 0.30 м. Дромос был оформлен двумя необработанными или грубо обколотыми плитами, орфостатно приставленными к западным торцам кладки верхней части камеры. Основания плит установлены на скалу, являющуюся полом дромоса; с наружной стороны плит расчищен небольшой навал необработанных камней. Обе плиты были завалены к северу. Закладная плита погребальной камеры размером: 0.84×0.78×0.15 м, была отвалена от входа наружу и располагалась между плитами дромоса почти горизонтально.

В заполнении склепа, на 0.50–0.55 м выше уровня пола камеры, были выявлены останки **погребённого № 1** (рис. 16–17). Костяк лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп, обращенный лицевой частью на северо-восток, был раздавлен грунтом. Над ним располагалась бедренная кость другого индивида. Отдельные фрагменты ребер и других костей находились над грудной клеткой погребенного и под ним. Глубина от верха кладки южного борта могилы до костяка составила 0,8 м.

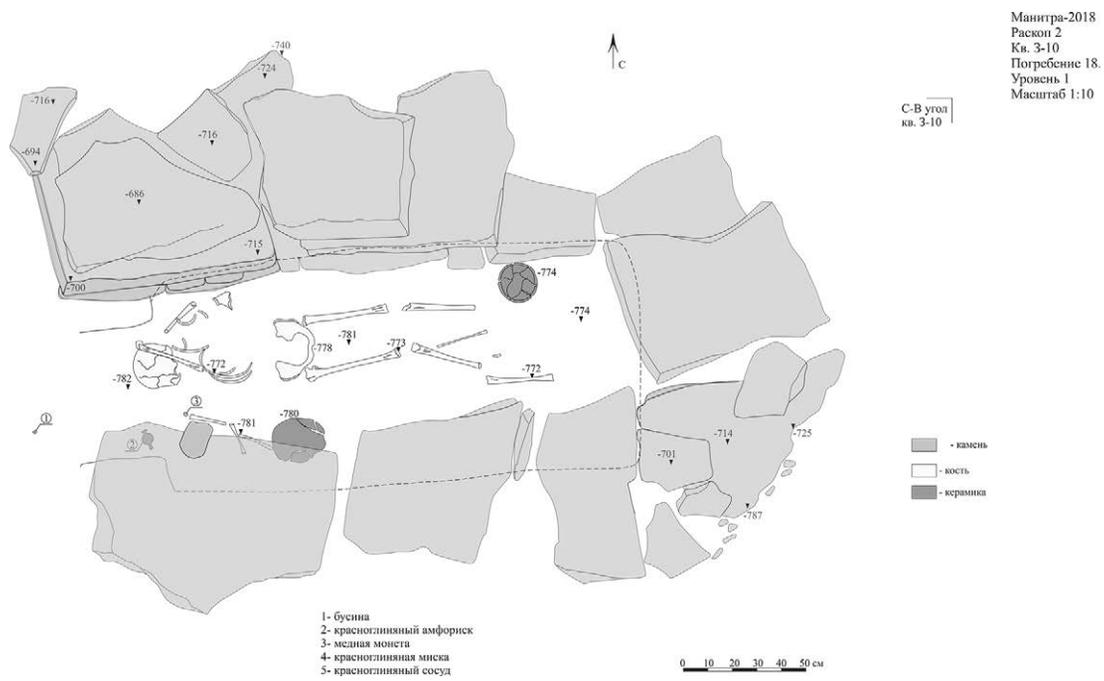

Рис. 16. Погребение № 18. Погребенный 1. Чертеж. М 1:10

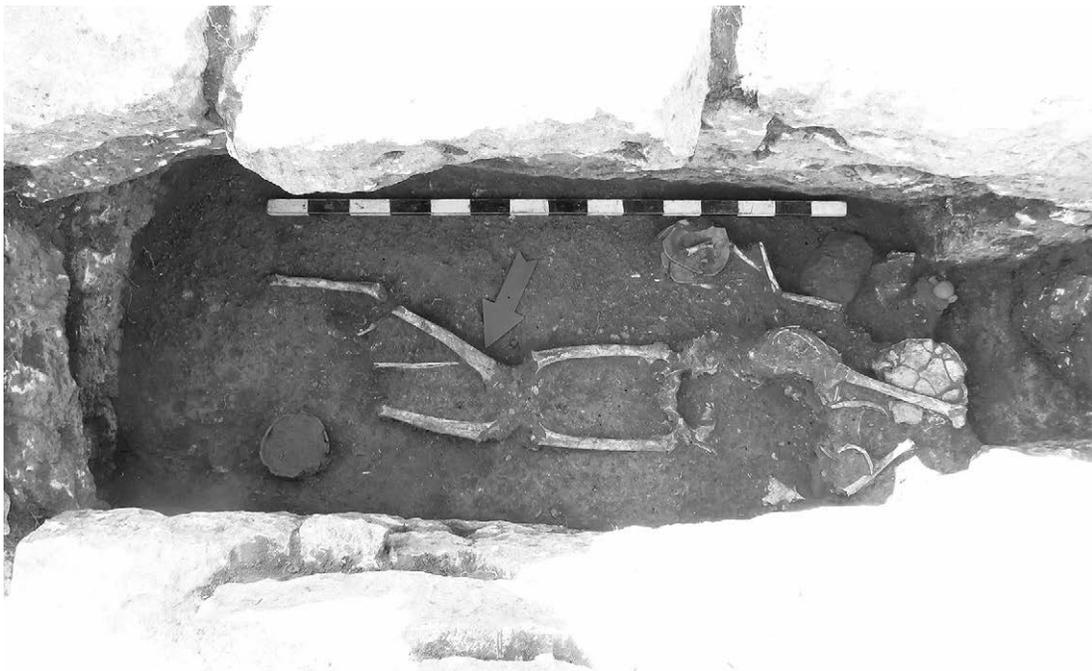

Рис. 17. Погребение № 18. Уровень 1, зачистка захоронения № 1.
Вид с северо-северо-запада.

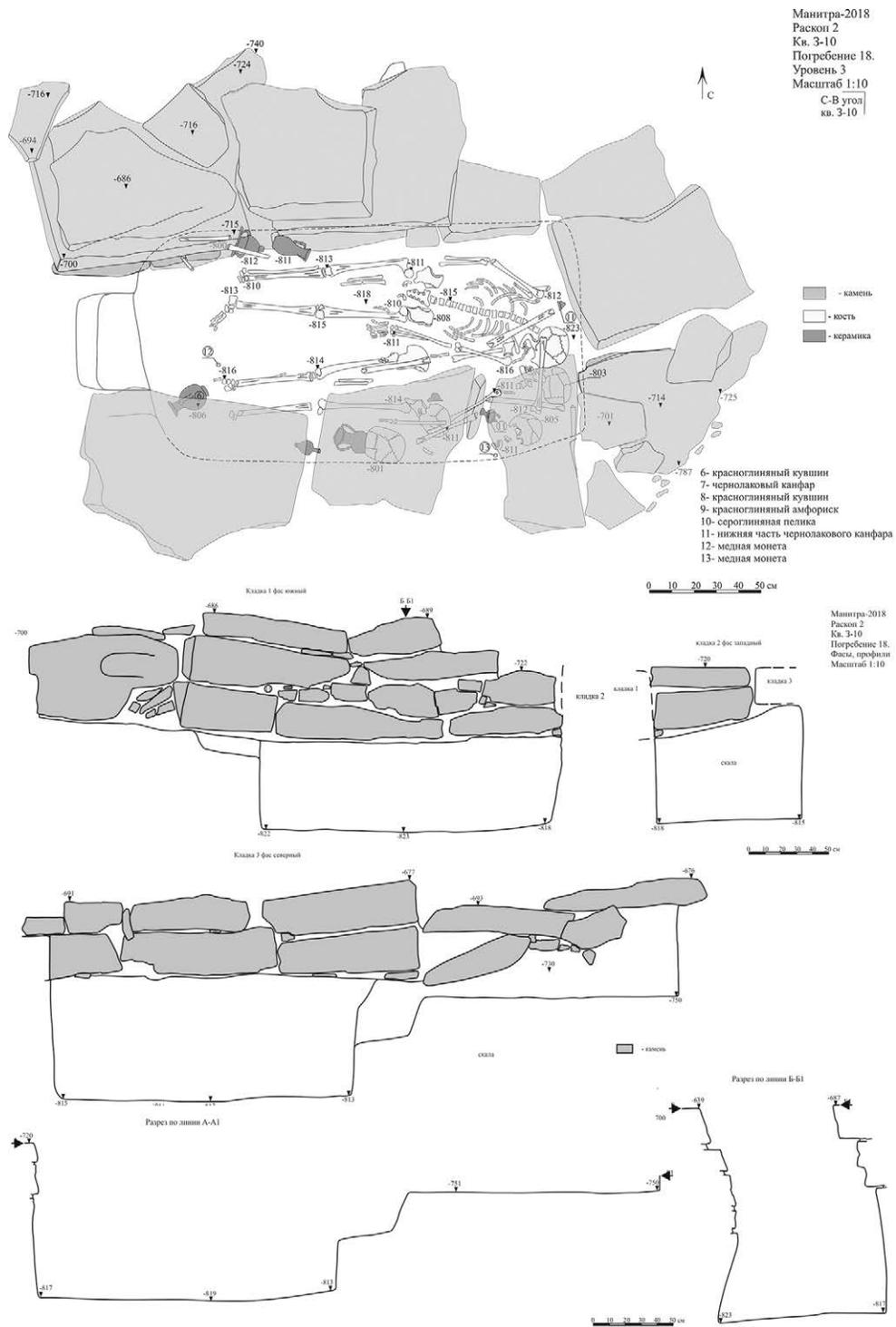

Рис. 18. Погребение № 18. Погребенный 2, 3. Чертеж. М 1:10

Рис. 19. Погребение № 18. Уровень 2, зачистка захоронения № 2, № 3.
Вид с северо-северо-запада

В одном горизонте с костными останками располагался сопровождавший его инвентарь. Между южной стенкой камеры и тазом погребенного № 1 расчищена фрагментированная чернолаковая миска с отверстиями ремонта (рис. 20. 1, 4). В юго-западном углу камеры, над уступом в западной торцевой стенке, стоял красноглиняный амфориск (рис. 20. 1, 2). У правого плечевого сустава найдена бронзовая монета плохой сохранности (рис. 20. 1, 3), тип которой установить не удалось. В ногах погребенного, у северо-восточного угла могилы, найдена нижняя часть тулова красноглиняного сосуда.

На полу склепа, приблизительно на 0.4 м ниже вышеописанного захоронения, расчищены *in situ* останки ещё двух индивидов, оба на одном уровне (рис. 18–19).

Погребенный № 2 располагался у северной стенки погребальной камеры вытянуто на спине, головой на восток. Череп лежал на левой стороне и был обращен лицевой частью на юго-запад, к черепу погребенного № 3. Руки вытянуты вдоль туловища, правая – слегка согнута в локте, кисть ее не сохранилась. Кисть левой руки находилась на левом бедре, а плечевая кость располагалась поверх плечевой кости соседнего костяка (№ 3). Среди костей черепа обнаружена медная боспорская монета (рис. 20. 2, 13), л. с.: голова безбородого сатира вправо; о. с.: ПАН-П, лук в горите вправо, датирующая 314–310 гг. до н. э. [Анохин, 1986, с. 140, табл. 3, № 113].

Погребальный инвентарь располагался между берцовой костью правой ноги и северной стенкой камеры. Он состоял из красноглиняного кувшина (рис. 20.2, 7), лежавшего на боку и чернолакового канфара, так же на боку (рис. 20. 2, 6). Канфары этой группы датируются последней четвертью IV в. до н. э. [Rotroff, 1997, p. 243, fig. 4, 1].

Погребенный № 3 располагался вдоль южной стенки камеры склепа. Его череп лежал на правой височной кости лицевой частью к северу, соприкасаясь ей с лобной костью индивида № 2. Положение костяка вытянутое, на спине. Рёбра и кости таза не сохранились. К инвентарю этого захоронения с определенной долей уверенности можно отнести лишь лежавший на боку красноглиняный кувшин (рис. 20. 1, 5), расчищенный

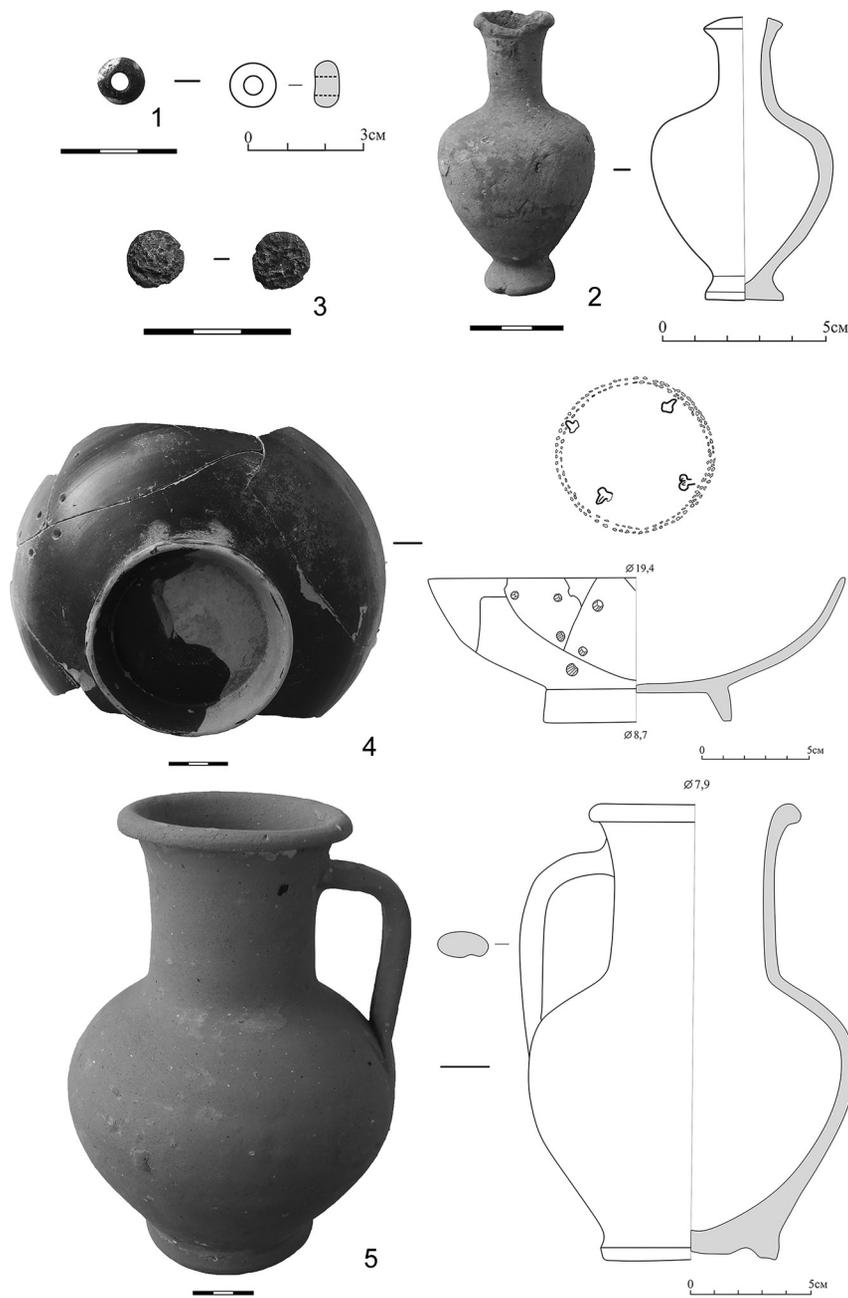

Рис. 20.1. Погребение № 18. Погребальный инвентарь: 1 – бусина глазчатая синего стекла (К. О. 397); 2 – амфориск красноглиняный (К. О. 398); 3 – монета медная (К. О. 399); 4 – миска чернолаковая на кольцевом поддоне (К. О. 400); 5 – кувшин красноглиняный (К. О. 401)

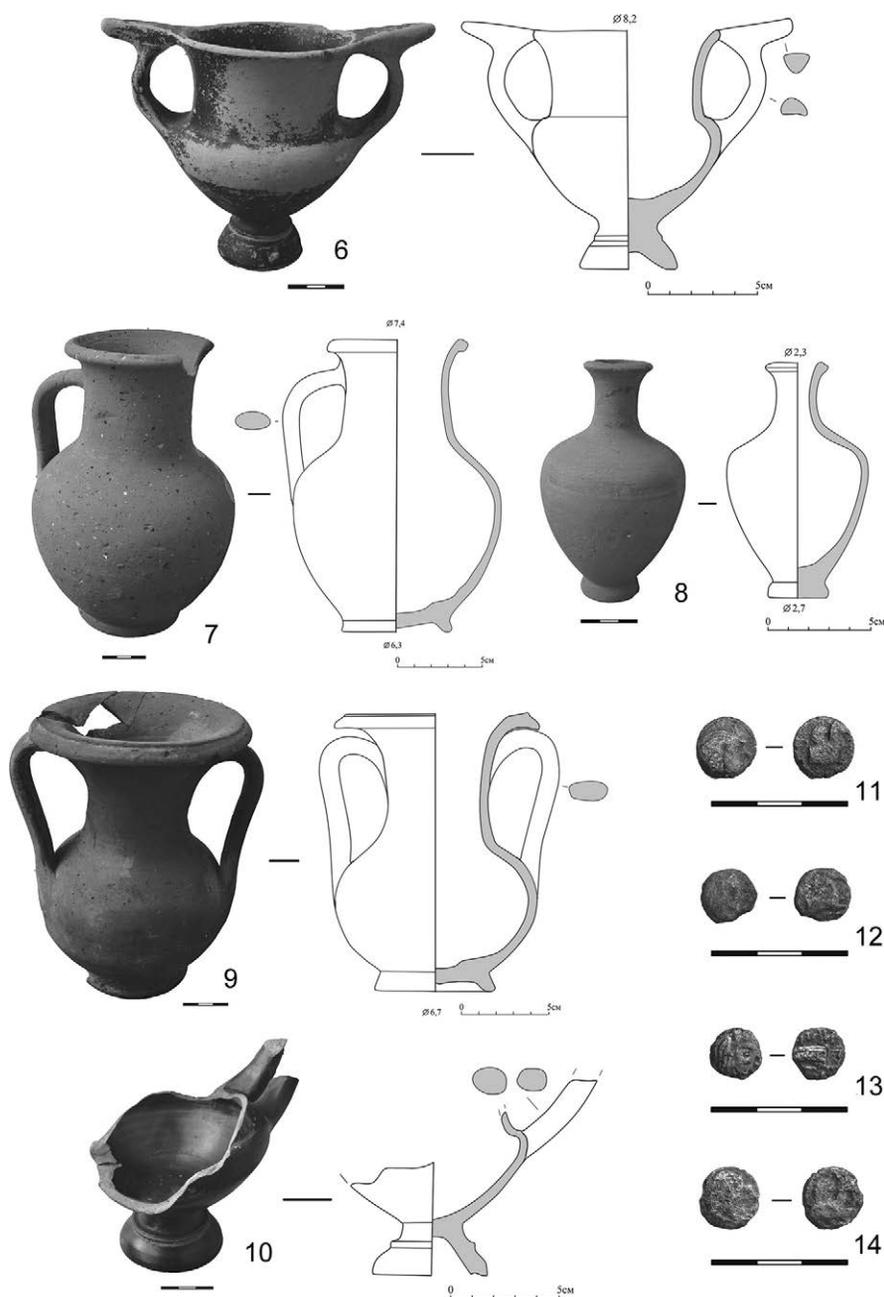

Рис. 20.2. Погребение № 18. Погребальный инвентарь: 6 – канфар чернолаковый (К. О. 402); 7 – кувшин красноглиняный (К. О. 403); 8 – амфориск красноглиняный (К. О. 404); 9 – пелика сероглиняная (К. О. 405); 10 – нижняя часть чернолакового канфара (К. О. 406); 11 – монета медная (К. О. 407). Голова безбородого сатира вправо/ПАН, протома пегаса вправо. 314–310 гг. до н. э.; 12 – монета медная (К. О. 408). Голова безбородого сатира вправо/ПАН, протома пегаса вправо. 314–310 гг. до н. э.; 13 – монета медная (К. О. 409). Голова безбородого сатира вправо/ПАН-П1, лук в горите вправо. 314–310 гг. до н. э.; 14 – монета медная (К. О. 410). Голова безбородого сатира вправо/ПАН, протома пегаса вправо. 314–310 гг. до н. э. [Анохин, 1986]

между костями его правой ступни и западной торцевой стенкой камеры. Среди костей черепа также была обнаружена медная боспорская монета (рис. 20. 2, 14): л. с.: голова безбородого сатира вправо о. с.: ПАН, протома пегаса вправо, датирующаяся 314–310 гг. до н. э. [Анохин, 1986, с. 140, табл. 3, № 112].

На этом же уровне в заполнении камеры склепа было найдено как по отдельности, так и в скоплениях множество перемещенных обломков костей других индивидов. Некоторые – перекрывали останки погребенных №№ 2 и 3. Вероятно, они принадлежали предшествовавшим захоронениям. То же самое можно отнести и к некоторым находкам.

Одно из наибольших скоплений располагалось у юго-восточного угла и вдоль южной стенки камеры и среди прочих костей содержало три черепа. В этом скоплении найден фрагментированный чернолаковый кубковидный канфар (рис. 20. 2, 10), разбившийся, вероятно, при перемещении останков. Несколько его обломков было обнаружено в том же скоплении костей, венчик утрачен. Производство сосудов подобных форм датируют в пределах последней четверти IV в. до н. э. [Rotroff, 1997, p. 247, 250, fig. 7.52–54, 8, 83]. Несколько западнее него, под одним из черепов, расчищены фрагменты чернолаковой миски или тарелки, форму которой восстановить не удалось. У южной стенки камеры, в западной части скопления, обнаружена небольшая сероглиняная пелика (рис. 20.2, 9). Над ее туловом размещался один из черепов. Еще западнее, у южной стенки, найден красноглиняный амфориск (рис. 20. 2, 8).

При разборке костяков были также обнаружены: две медные боспорских монеты 314–310 гг. до н. э. (рис. 20. 2, 11–12). Обе – одного типа [Анохин, 1986, с. 140, табл. 3, № 112] л. с.: голова безбородого сатира вправо о. с.: ПАН, протома пегаса вправо. Одна находилась у правой ступни погребенного № 3, другая под скоплением костей в юго-восточной части склепа.

Судя по количеству и расположению костных остатков, можно предварительно заключить, что склеп содержал не менее 6 погребенных, а захоронения производились не менее трех раз. Найденный в склепе материал датируется в пределах последней четверти IV – начала III вв. до н. э.

В заключении отметим, что набор погребального инвентаря во всех исследованных комплексах довольно скромнен и состоит из одного – трёх сосудов, а в некоторых случаях – простых бронзовых украшений, бус, монет и предметов вооружения. Из этого ряда несколько выделяется каменный ящик 2 погребального комплекса № 16, где одного погребенного сопровождал набор из пяти предметов простой столовой посуды и медная монета. О статусе погребенных, несомненно, свидетельствует и конструкция погребального сооружения. В некоторых высеченных в скале могилах, особенно второй категории, инвентарь вовсе отсутствовал. Большой интерес представляет группа грунтовых погребений второй категории, ориентированных меридионально, образующая как бы ряд из шести могил. Различную ориентацию простых грунтовых погребений в составе некрополя, вероятно, нужно связывать с неоднородностью этнического состава беднейшей категории населения усадьбы.

На данном этапе исследования можно констатировать, что рассмотренные погребения в целом синхронны финальному периоду существования усадьбы: последняя четверть IV – начало III вв. до н. э. Более точная датировка некрополя и его интерпретация возможна после полной обработки и систематизации всех полученных материалов.

Список литературы

- Анохин, 1986. Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев.
- Ермолин, Буравлев, Бонин, 2018. Ермолин С. А., Буравлев С. А., Бонин А. В. Предварительные результаты раскопок поселения Манитра // Классическая и византийская традиция. 2018. Сб. материалов XII научной конференции. Белгород.
- Капошина, 1959. Капошина С. И. Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи // МИА. 69.
- Rotroff, 1997. Rotroff S. I. Hellenistic Pottery Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material (The Athenian Agora. XXIX). Princeton, New - Jersey.
- Sparkes, 1970. Sparkes B. A., Talkott L. Black and Plain pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. (The Athenian Agora. XII). Princeton, New - Jersey.

Summary

S.A. Ermolin, S.A. Buravlev, P.G. Stolyarenko
Necropolis settlements Manitra
(preliminary message)

The article presents the preliminary results of the excavation of the necropolis of the settlement of Manitra. The necropolis is located to the east of the residential complex of the manor to the east, behind a small beam. It is located on the northern slope of the ridge, oriented in the latitudinal direction. The location of the necropolis in this place could be due to the close bedding of the rock to the surface, which is characteristic of a number of synchronous necropolises. 21 burial structures were investigated. Three types of burial structures can be distinguished among them: 1) Single graves are cut down in the rock. They are divided into two subtypes: a). The graves covered with slabs are wide and deep, carved into the rock, always oriented in the latitudinal direction with small deviations. b). Rough, insignificant in depth and width, graves, sometimes without overlapping, having both latitudinal and meridional orientation. 2) Family burials in stone boxes with ring fences. 3) Burials in crypts. Considered burials date from the last quarter of IV - the beginning of the III cc. BC.

Д. В. Журавлев*, Г. А. Ломтадзе*, А. А. Строков**
 (* Государственный исторический музей, г. Москва;
 ** Институт археологии РАН, г. Москва)

Комплекс амфорной тары второй половины V в. до н.э. с поселения Голубицкая 2

Боспорская археологическая экспедиция Государственного исторического музея совместно с Евразийским отделом Германского археологического института с 2007 г. ведет раскопки на северо-востоке Таманского полуострова, на поселении Голубицкая 2 [Журавлев, Шлотцауер, 2014, с. 150–186]. В ходе многолетних работ были выявлены уникальные фортификационные сооружения VI–V вв. до н. э. и большая серия хозяйственных комплексов (ям) VI–II вв. до н. э. На сегодняшний день установлено, что поселение было основано греками не позднее начала второй четверти VI в. до н. э. Целый ряд интересных находок с этого памятника уже издан, и коллективом авторов готовится полная монографическая публикация материалов этих раскопок.

Для изучения внутренней территории поселения в центре памятника был заложен раскоп 5 (рис. 1). Работы на нём велись в 2013–2016 г., исследованная площадь составила 525 кв. м. Основными объектами, открытыми здесь, стали 46 разновременных хозяйственных ям, вырытых в материковом грунте. Ямы были распределены по площади раскопа неравномерно. В северной части они отсутствовали, а в юго-западной – наблюдалась высокая концентрация ям конца VI – начала V вв. до н. э. В южной части раскопа, напротив, было зафиксировано всего несколько ям конца этого периода, а большая их часть датировалась эллинистическим и позднеэллинистическим временем.

Задачей данной статьи является ввод в научный оборот комплекса амфорной тары (рис. 2–8), обнаруженного в 2015 г. при исследовании ямы № 19 [Журавлев, Батасова, Кудряшова, 2017, с. 77, рис. 3; Журавлев и др., 2017, с. 225, рис. 34; Ломтадзе, 2016, с. 52–55]. Все материалы хранятся в отделе археологических памятников Государственного исторического музея (ГИМ 115001; Оп. Б-2144).

Контекст находки (рис. 2–3). Пятно ямы 19 было зафиксировано в 2014 г. на границе квадратов 57 и 56¹. Устье её размером 2,1 x 2,2 м имело округлую форму. В верхней части ямы заполнение представляло собой серый золистый суглинок (рис. 3, 1). В северной

¹ Полевые фотографии и чертеж – А. А. Строков, фото находок – И. А. Седеньков, реставрация керамики – В. А. Шестак, Д. В. Журавлев, рисунки – С. С. Тищенко, Е. О. Назарова.

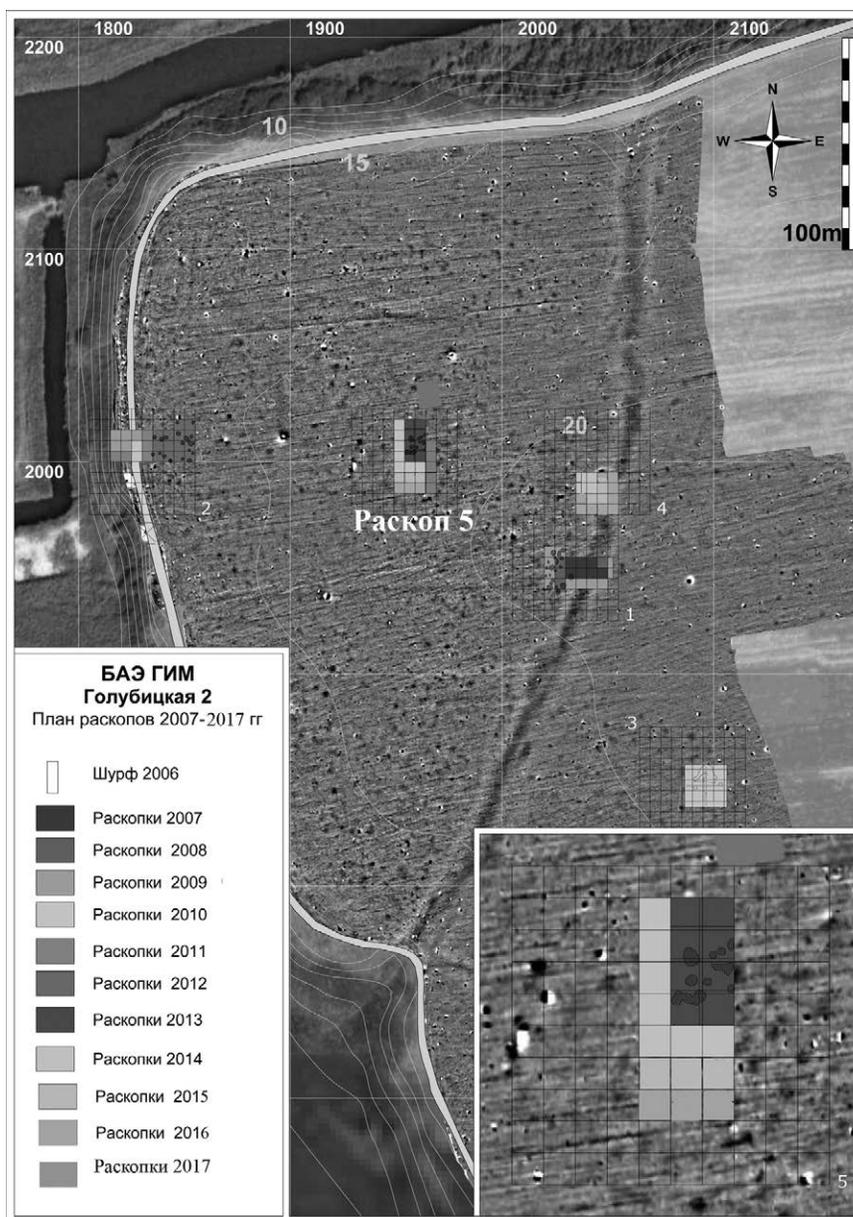

Рис. 1. Голубицкая 2. Топографический план с результатами магнитной разведки и схемой расположения раскопок

половине ямы было зафиксировано скопление керамики и костей, в том числе несколько крупных фрагментов амфор. Мощность этого слоя составила 0,4–0,5 м. Ниже характер заполнения менялся и представлял собой практически стерильный, без находок, темно-коричневый суглинок. Под этим слоем, на дне ямы (глубина 1,5–1,57 м) было обнаружено скопление целых и фрагментированных амфор (рис. 2, 1; 3, 2). Вдоль западной стенки ямы над уровнем амфор были расчищены скелеты 2-х черепаш (рис. 2, 2). Из заполнения на уровне залегания амфор отметим бронзовое кольцо в полтора оборота

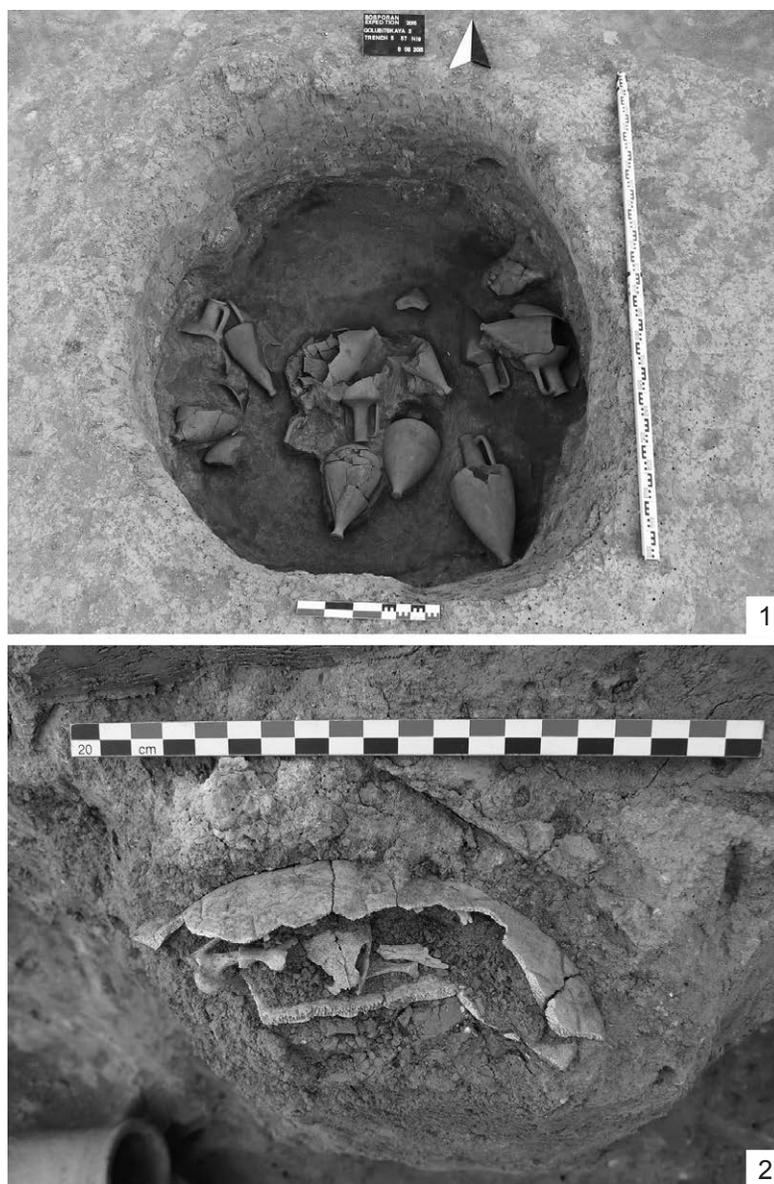

Рис. 2. Яма № 19 после расчистки. 1 – амфорный сброс; 2 – панцири черепак

и граффито на стенке амфоры в виде креста (рис. 8, 1, 3). Здесь же был обнаружен фрагмент обмазки с отпечатками тростника (рис. 8, 2). Судя по нему, обитатели поселения жили в домах турлучного типа, стены которых были сделаны из камыша и обмазаны глиной [Журавлев, Шлотцауер, 2014, с. 163]. Фрагменты подобной обмазки были не раз встречены как на Азиатском Боспоре [Долгоруков, Колесников, 1993, с. 113–132; Завойкин, 2018, с. 124–125], так и в Ольвии и на Березани [Крыжицкий, 1982, с. 14; Чистов, 2012, с. 9, 13, ил. 7]. Если в Фанагории, по мнению А. А. Завойкина, из подобных связок камыша, обмазанных глиной, делали крышу и межэтажные перекрытия [Завойкин, 2018, с. 124–125; ср. также: Крыжицкий, 1982, с. 14, прим. 4], то на поселении Голубицкая 2

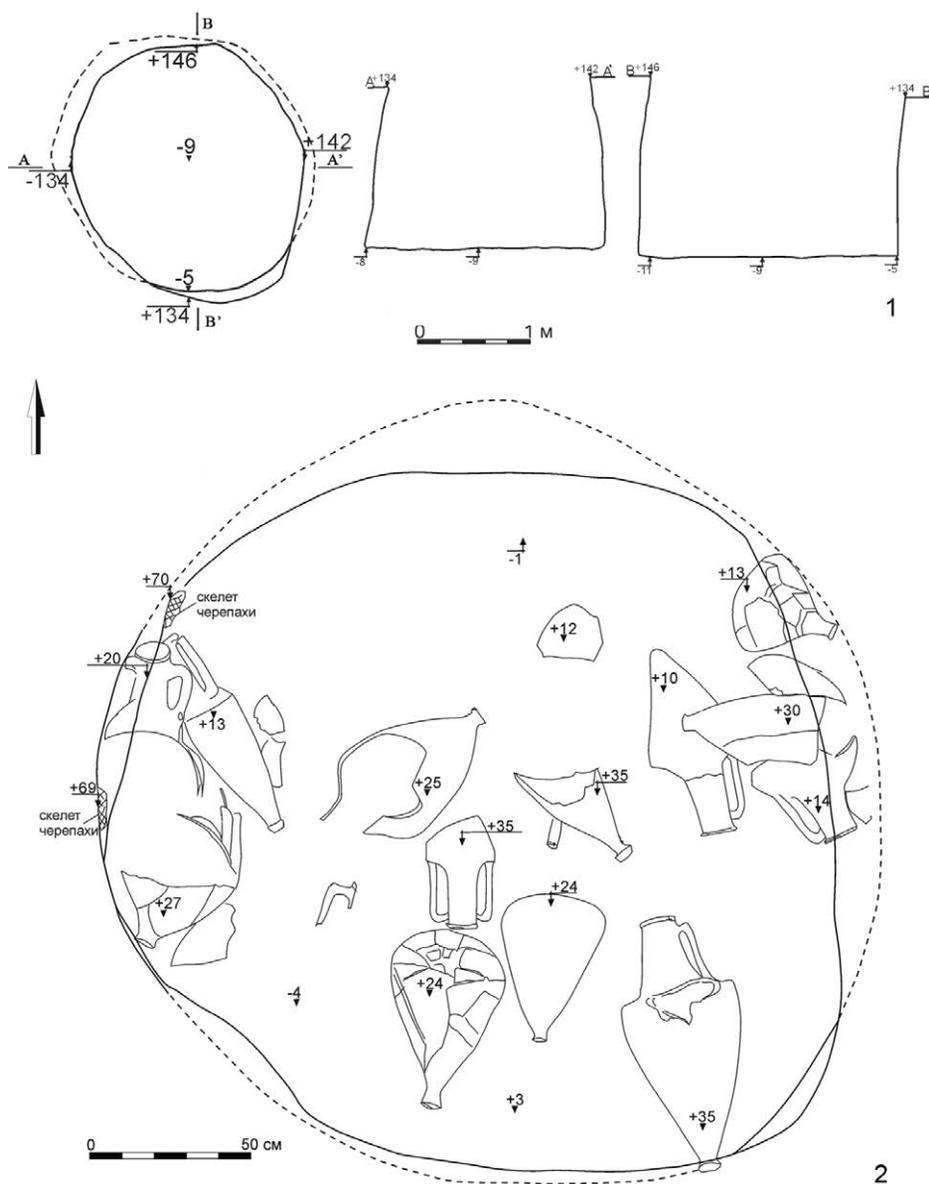

Рис. 3. Яма № 19. План и разрез

они были найдены *in situ* непосредственно на каменных фундаментах [Журавлев, Батасова, Кудряшова, 2014, с. 75] и явно относились к конструкции стен, как это, впрочем, фиксировалось ранее и в Фанагории [Долгоруков, Колесников, 1993, с. 113–132].

Материал из верхнего горизонта заполнения ямы. Находки из верхнего слоя, в первую очередь, фрагменты тарной керамики, крайне важны для датировки комплекса. Наиболее поздними из них являются обломки хиосских прямогорлых амфор последней трети V в. до н.э. (рис. 8, б) и горло мендейской амфоры с дипинти с двух сторон (рис. 8, в), датирующееся в пределах последней трети V – начала IV в. до н.э. Из находок более раннего времени отметим фрагмент горла хиосской позднепухлогорлой амфоры (рис. 8, г).

Амфоры из комплекса. После реставрации выяснилось, что в комплексе находилось 14 целых и фрагментированных амфор (рис. 4–8) и множество фрагментов. Они относятся к нескольким типам, часть из которых надежно идентифицируется с определенными центрами производства.

Пять хиосских амфор принадлежат хорошо известному в Причерноморье и Средиземноморье типу прямогорлых сосудов с «протоколпачковой» ножкой. Три из них – это фракционные сосуды (табл. 1, 1–3, рис. 4, 1–3; 6, 1–3) объемами около 10 л. Из двух полно-размерных хиосских амфор (табл. 1, 4–5, рис. 4, 4–5; 6, 4), у одной отбита ножка. Объемы их составляют около 20 л. Выборка аналогичных сосудов достаточно обширна. Наши сосуды, согласно классификации С. Ю. Монахова, относятся к поздней разновидности хиосских прямогорлых амфор [Монахов, 2003, с. 20–21, табл. 9–10], датировка которых не выходит за рамки последней трети V в. до н. э.

Две амфоры относятся к фасосскому производству. Наиболее близкой для одной из них (табл. 1, 6, рис. 4, 6; 6, 5) можно считать сосуд пифоидной формы из собрания Керченского музея, найденный на дне моря. Автор публикации датирует эту серию амфор в пределах второй половины V в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 62, табл. 37, 3].

Еще одна фасосская амфора сохранилась не полностью (табл. 1, 7, рис. 8, 4–5). У неё отсутствовали верхняя часть горла и одна из ручек. Нет сомнений, что она относится к хорошо известному типу тары этого центра, бытовавшему во второй половине V в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 65–66, таб. 40–41]. Близкие сосуды известны, в частности, из раскопок Пантикапея [Толстиков, Журавлев, Ломтадзе, 2003, с. 316, табл. XII, 1–2].

Место производства следующей амфоры (табл. 1, 8, рис. 5, 7; 7, 5) определить сложно. Общая морфология сосуда позволяет предположить его изготовление в фасосских или близких к Фасосу мастерских. Характеристика же глиняного теста (светло-коричневая, пористая глина с примесями известняка, песка и слюды), скорее ближе к мендейской таре последней трети V – первой трети IV в. до н. э. Помимо этого, надо отметить особую форму клювовидного венца, характерного для мендейской тары. Поиск аналогий приводит нас к амфоре из ольвийского некрополя, хранящейся в Эрмитаже (ГЭ. Ол. 1091. 31). Этот сосуд из-за редкого энглифического клейма на горле уже не раз привлекал к себе внимание исследователей [Фармаковский, 1903, с. 86; Зеест, 1951, с. 107, рис. 1; Зеест, 1960, с. 101, табл. XXII, 46; Рубан, 1976, с. 190–197; Брашинский, 1984, табл. 6, № 33; Монахов, 1999б, с. 140–142, рис. 9, 1; Монахов, 2003, с. 81–82, табл. 56, 3]. В свое время мы, вслед за В. В. Рубаном, предполагали её производство в фасосских или близких к ним мастерских [Рубан, 1976, с. 190, рис. 1; Журавлев, Ломтадзе, 2007, с. 89, рис. 7, 2]. Отличия публикуемого сосуда от ольвийского – в больших размерах и отсутствии клейма.

Если обратить внимание на известную «коническую» серию мендейских амфор второй половины V – начала IV в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 94–95, табл. 66], то становится заметно, что профилировка, параметры и визуальные характеристики этих амфор достаточно близки нашему сосуду. Позволим осторожно предположить, что, исходя из характеристики глины и морфологических особенностей, наша амфора, также как и ольвийская, может относиться как к фасосским мастерским, так и к малочисленной серии мендейской тары, возможно, связанной с «коническим типом», но имеющей другой объемный стандарт. В целом надо отметить, что дискуссия о локализации этих сосудов

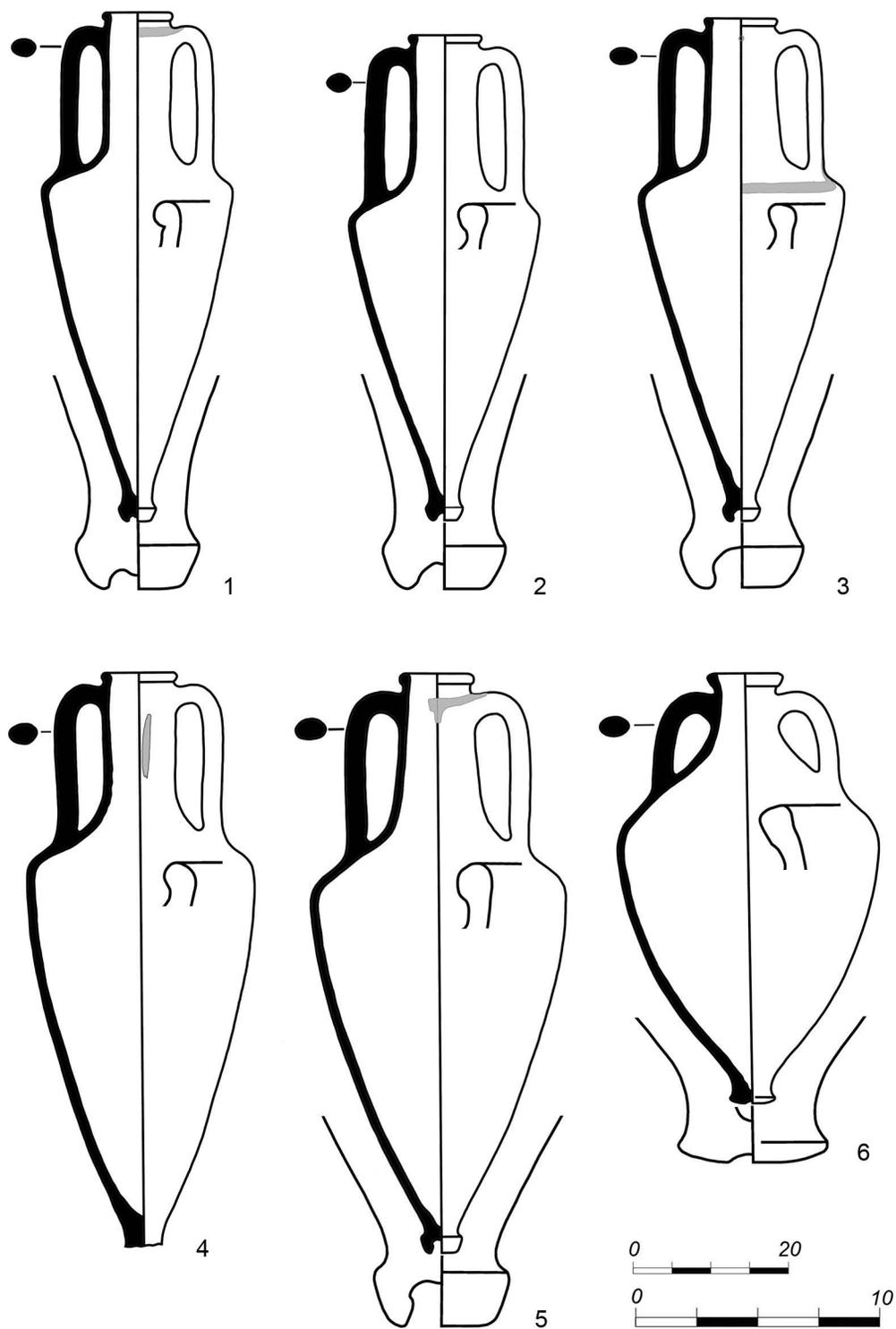

Рис. 4. Яма № 19. Амфоры

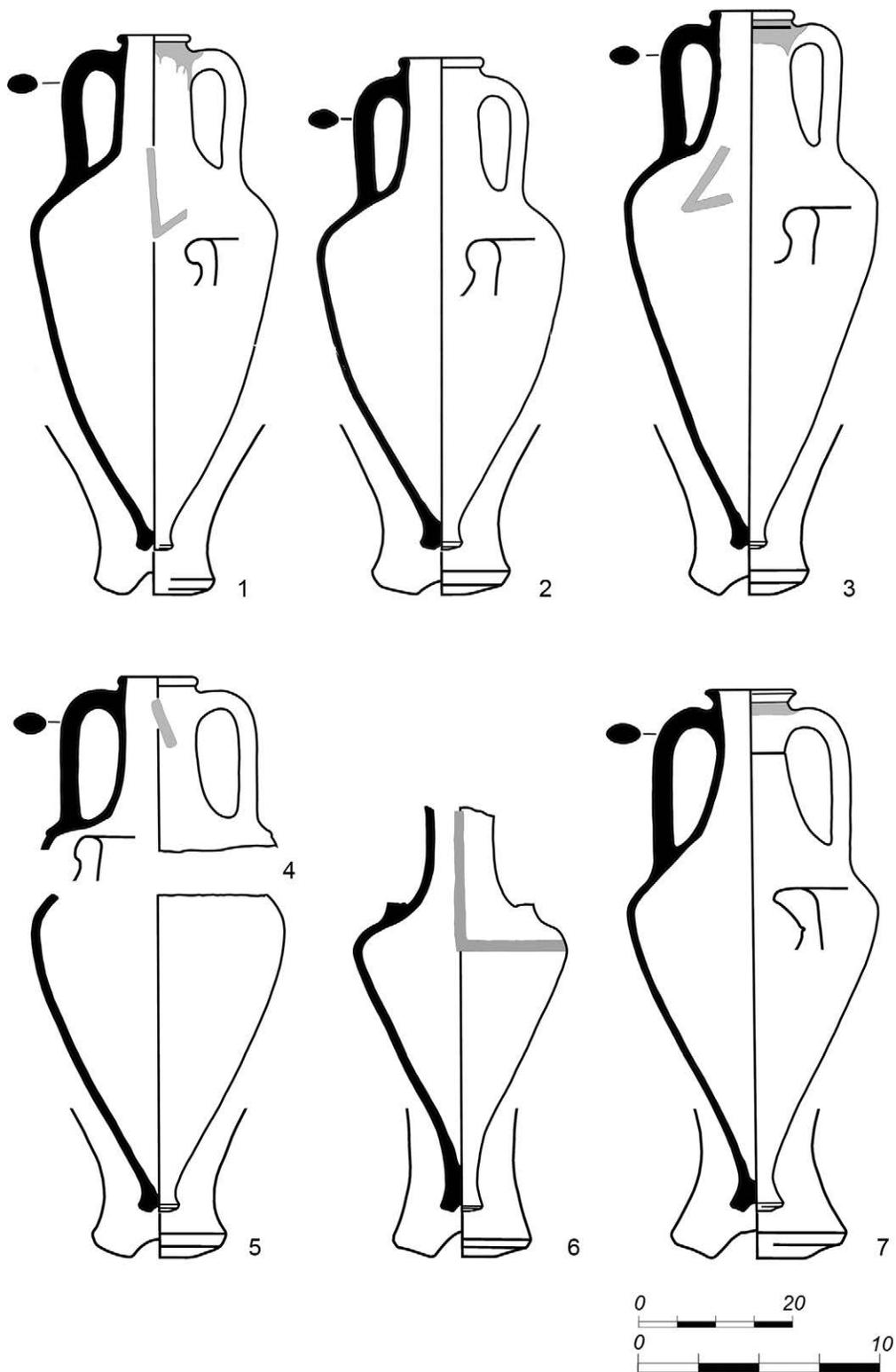

Рис. 5. Яма № 19. Амфоры

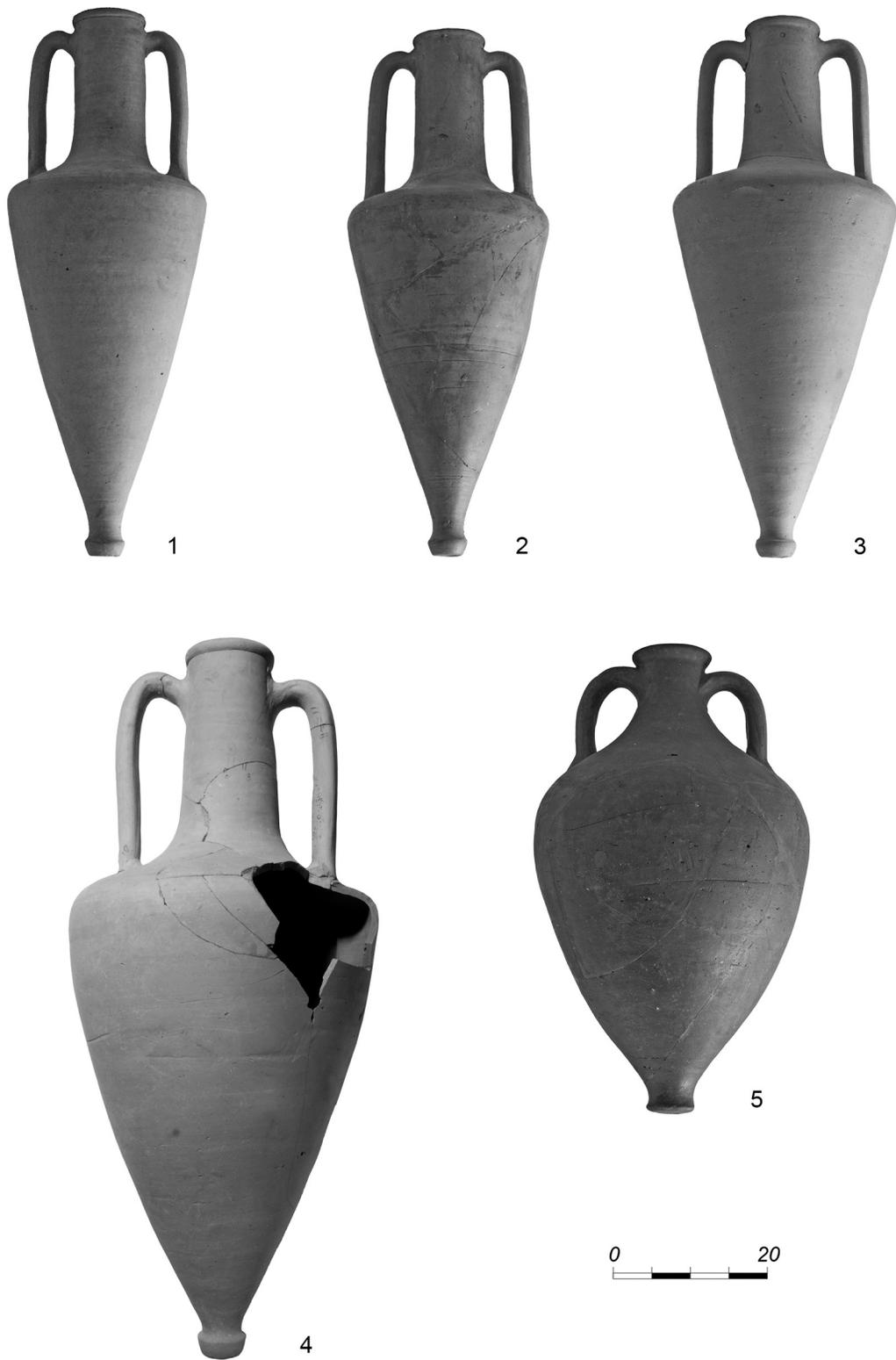

Рис. 6. Яма № 19. Амфоры

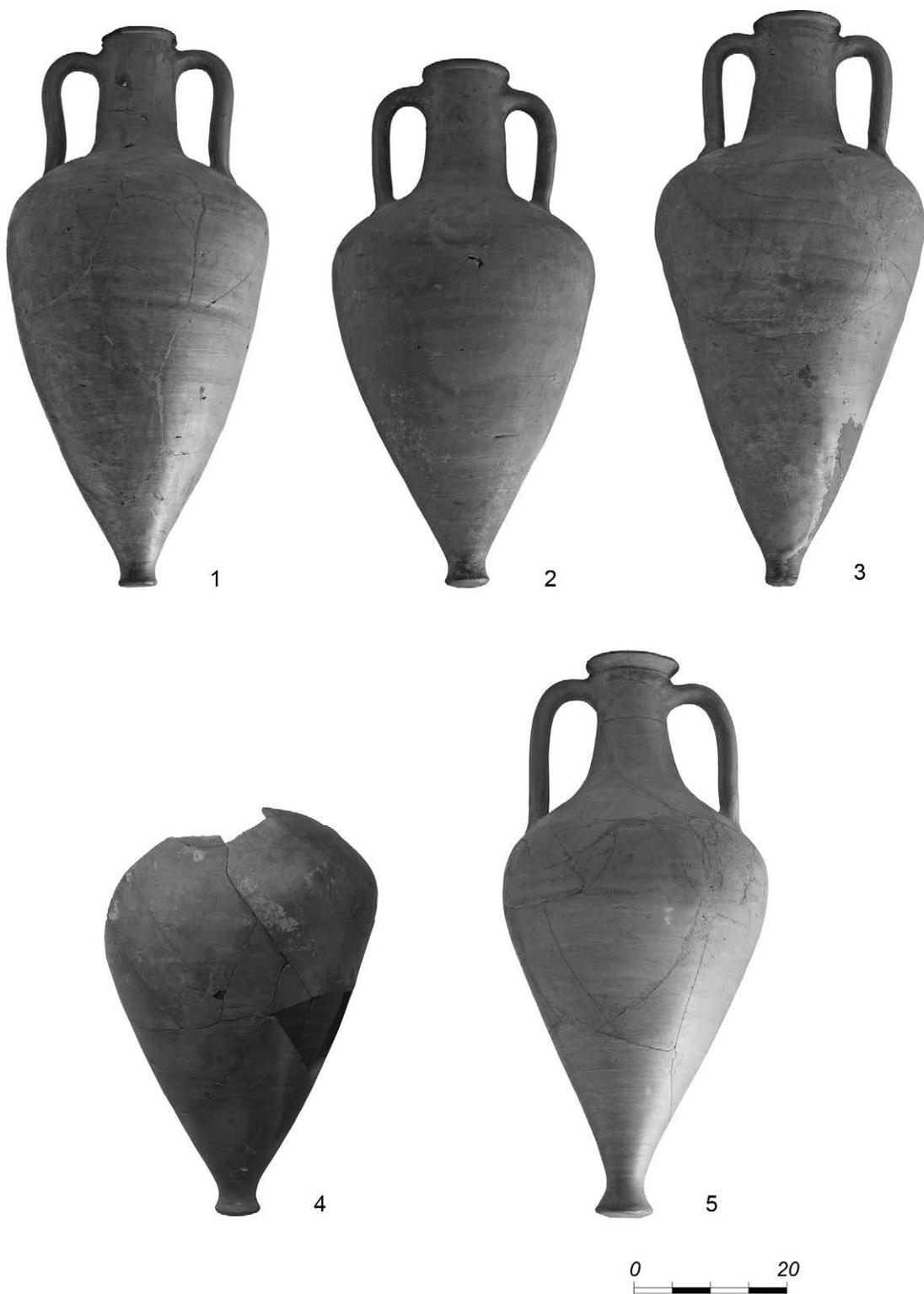

Рис. 7. Яма № 19. Амфоры

пока не закончена и требует применения комплексных методов, включая анализы глиняного теста. Если место производства этой серии амфор пока вызывает вопросы, то датировка, по найденному вместе с ней в ольвийском некрополе чернолаковому болсалу, не вызывает никаких сомнений: конец V – начало IV в. до н.э.

Еще один сосуд (табл. 1, 9, рис. 5, 6) относится к уже упоминавшемуся «коническому варианту» мендейской тары [Монахов, 2001, с. 63, рис. 4, 2–6; Монахов, 2003, с. 94–95, таб. 66]. К сожалению, у амфоры не сохранилось верхняя часть горла и ручки, что не позволяет датировать её точнее второй половины V в. до н.э.

Наиболее интересна серия из пяти сосудов, которую, без сомнения, можно отнести к одному центру производства (табл. 1, 10–14, рис. 5, 1–3, 5; 7, 1–4). Горло подобной же амфоры было обнаружено в слое, перекрывающем комплекс (рис. 5, 4). Тулово всех амфор имеет форму, близкую к конической, с округлыми плечами. Горло цилиндрическое, ручки овальные в сечении. Венчик валикообразный, ножки невысокие, расширяющейся книзу формы с подрезкой по внешней части и небольшой полусферической или конической выемкой. У одного сосуда (табл. 1, 12; рис. 5, 3; 7, 3) под венчиком присутствует двойной врезной поясок. У всех – сохранились следы красной краски в верхней части горла, а у некоторых – остатки дипинти этой же краской (табл. 1, 10, 12; рис. 5, 1, 3, 4). Глина амфор коричневая, иногда бурая, пористая, с мелкими включениями слюды и белых частиц.

Близкие по форме сосуды известны и в Причерноморье, и в Средиземноморье [Boulter, 1953, p. 105–106, cat. 153–157, pl. 39; Монахов, 1999а, с. 129, табл. 40, 6; Монахов, 2003, 84, табл. 57, 5]. Не совсем понятно, по какому принципу эта тара некоторыми исследователями причисляется к производству центров, близких к Фасосу [Монахов, 2003, с. 84]. Ни морфологические, ни метрические характеристики публикуемых сосудов не имеют ничего общего с продукцией этого острова. Наиболее близкие по морфологии и метрическим характеристикам сосуды производились в мастерских Пепарета и Икоса в первых трех четвертях IV в. до н.э. [Ломтадзе, Масленников, 2004, с. 150; Монахов, Кузнецова, 2009, с. 148–161; Монахов, Федосеев, 2013, с. 255–266; Ломтадзе, 2015, с. 20]. При общей близости (визуальная характеристика глины, общие пропорции сосуда, морфология венчика и ручек), заметны и некоторые отличия наших сосудов и амфор Пепарета (Икоса). Прежде всего, это касается профилировки ножки. Для того, чтобы окончательно определить центр производства, необходимо провести лабораторный анализ глиняного теста, из которого они были изготовлены. В целом, предположение об их пепаретском (или икосском) производстве имеет право на существование.

Итак, судя по всему, яма 19 не являлась складом или хранилищем пустой тары. Вероятнее всего, перед нами сброс использованных сосудов. Об этом говорит не только наличие в яме фрагментированных и неполных изделий, но и факт того, что на амфорах нет следов вторичного использования. Правда, на некоторых из них фиксируются следы ремонта: трещины, замазанные раствором на основе извести или мела. Возможно, эти амфоры треснули во время транспортировки и трещины были замазаны². Исходя из хронологии амфор и перекрывающего их слоя, датировать публикуемый хозяйственный комплекс следует в пределах последней четверти V в. до н.э.

² Подобные случаи известны [Голстиков, Ломтадзе, 2016, с. 470, рис. 12, 12].

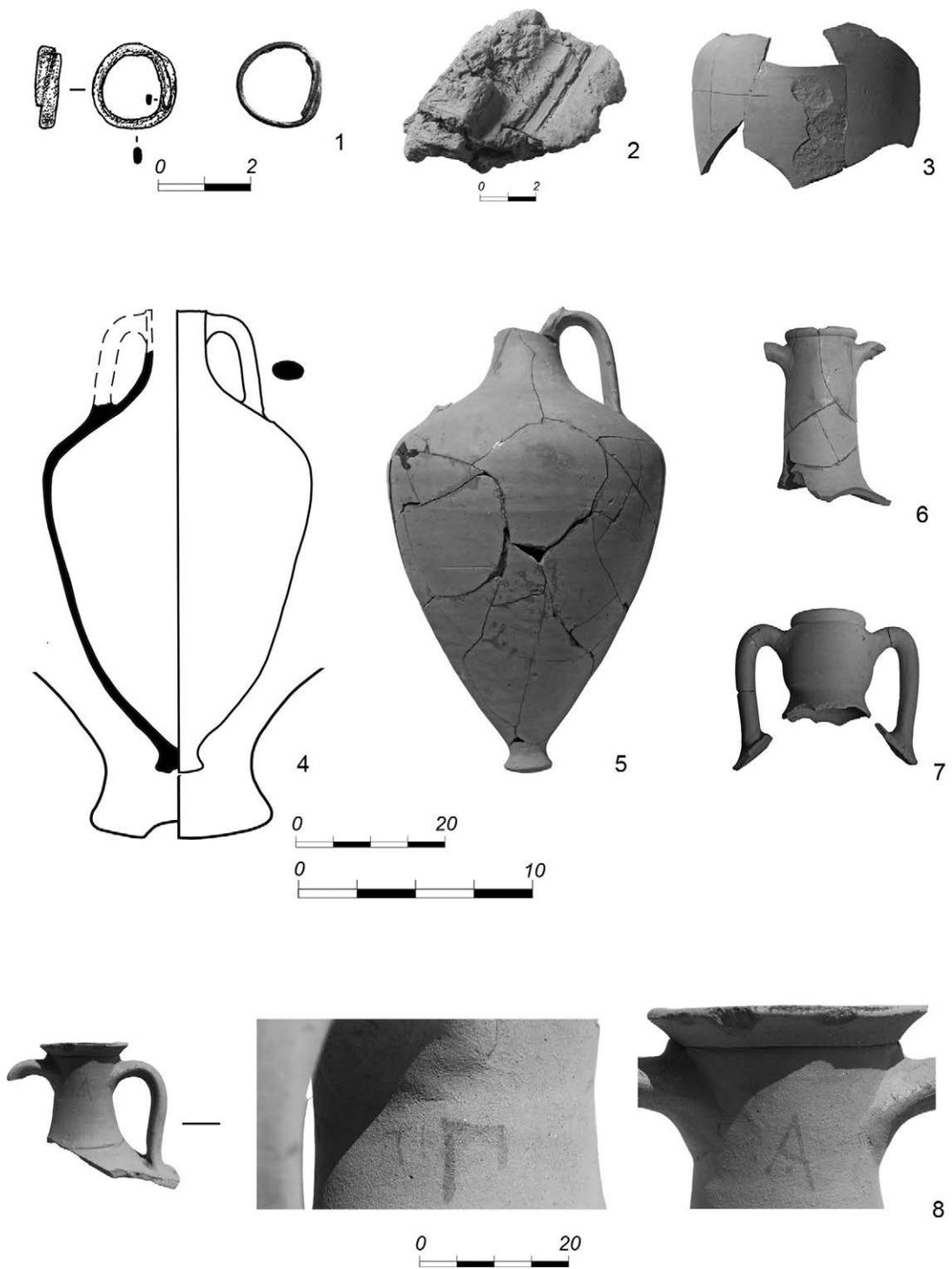

Рис. 8. Яма № 19. Амфоры и прочие находки

Таблица 1

№ п/п	Центр производства	H	H ₀	H ₁	D _{венчика}	D	D _{ножки}	V	Рис.
1	Хиос Оп. Б-2144/79	688	655	446	94	259	56	10,36	4.1; 6.2
2	Хиос Оп. Б-2144/89	655	624	405	94	258	49	9,36	4.2; 6.2
3	Хиос Оп. Б-2144/86	679	641	443	98	277	50	11,59	4.3; 6.3
4	Хиос Оп. Б-2144/80	783	750	478	100	346	54	23,93	4.5; 6.4
5	Хиос Оп. Б-2144/92	-	736	-	102	306	-	19,67	4.4
6	Фасос Оп. Б-2144/85	582	565	359	102	354	60	21,47	4.6; 6.5
7	Фасос Оп. Б-2144/87	-	-	398	-	360	64	-	8, 4-5
8	Менда(?) Оп. Б-2144/81	710	670	413	123	342	72	18,99	5.7; 7.5
9	Менда Оп. Б-2144/88	-	-	354	-	291	56	-	5.6
10	НЦ Оп. Б-2144/82	714	690	444	98	337	49	21,55	5.1; 7.1
11	НЦ Оп. Б-2144/83	670	635	404	114	337	56	20,35	5.2; 7.2
12	НЦ Оп. Б-2144/84	734	705	473	115	345	49	22,99	5.3; 7.3
13	НЦ Оп. Б-2144/93	-	-	-	106	308	-	-	5.4
14	НЦ Оп. Б-2144/96	-	-	383	-	346	55	-	5.5; 7.4

Список литературы

- Брашинский, 1984. Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л.
- Долгоруков, Колесников, 1993. Долгоруков В.С., Колесников А.Б. Новый тип строительных комплексов Фанагории // РА. 1.
- Журавлев и др. 2017. Журавлев Д.В., Батасова А.В., Строков А.А., Фирсов К.Б. Работы на северо-востоке Таманского полуострова // АО 2015 г. М.

³ H – высота, H₀ – глубина вместилища, H₁ – высота нижней части до максимального диаметра, D – диаметр, V – объем. Объемы измерены математически до верхнего прилепа ручек амфор.

- Журавлев, Батасова, Кудряшова, 2017. Журавлев Д. В., Батасова А. В., Кудряшова А. И. Исследования на поселении Голубицкая 2 в 2013–2016 гг. // Таврические студии. 12 (Материалы международной научно-практической конференции «Археология и истории Боспора. Новейшие археологические открытия на территории Боспорского царства. 10–12 августа 2017 г. Керчь). Симферополь.
- Журавлев, Ломтадзе, 2007. Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А. Керамические комплексы эллинистического времени из некрополя Ольвии // Археологія. 1. Київ.
- Журавлев, Шлотцауер, 2014. Журавлев Д. В., Шлотцауер У. Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове (2006–2013 гг.) // Государственный исторический музей и отечественная археология: к 100-летию отдела археологических памятников (Труды ГИМ. Вып. 201). М.
- Завойкин, 2018. Завойкин А. А. Общественное здание 4 в. до н. э. на акрополе Фанагории // Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 3 (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 6). М.
- Зеест, 1951. Зеест И. Б. Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем // ВДИ. 2.
- Зеест, 1960. Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 83.
- Крыжицкий, 1982. Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н. э. – IV в. н. э.). Киев.
- Ломтадзе, 2016. Ломтадзе Г. А. Амфорный комплекс конца V в. до н. э. на поселении Голубицкая 2 // Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой. М.
- Ломтадзе, Масленников, 2004. Ломтадзе Г. А., Масленников А. А. К реконструкции торгово-экономической ситуации на хоре Европейского Боспора // ПИФК. 14.
- Ломтадзе, 2015. Ломтадзе Г. А. Керамическая тара из раскопок поселений IV – первой трети III вв. до н. э. «Царской хоры» Европейского Боспора // ДБ. Supplementum III. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 3. М.
- Монахов, 1990. Монахов С. Ю. Амфоры типа Муригиоль // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону.
- Монахов, 1999а. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. Саратов.
- Монахов, 1999б. Монахов С. Ю. Заметки по локализации керамической тары. II: амфоры и амфорные клейма полисов Северной Эгеиды // АМА. 10.
- Монахов, 2001. Монахов С. Ю. Мендейский импорт в Причерноморье в V–IV вв. до н. э. // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб.
- Монахов, 2003. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Москва–Саратов.
- Монахов, Кузнецова, 2009. Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В. Об одной серии амфор неустановленного дорийского центра IV в. до н. э. (бывшие «боспорские» или раннехерсонесские) // Международные отношения в бассейне Черного моря в Скифо-античное и Хазарское время. Ростов-на-Дону.

- Монахов, Федосеев, 2003. Монахов С.Ю., Федосеев Н.Ф. Амфоры Икоса // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. СПб.
- Рубан 1976. Рубан В.В. Фасосская амфора с энглифическим клеймом // Археологические и археографические исследования на территории южной Украины. Киев.
- Толстикова, Журавлев, Ломтадзе, 2003. Толстикова В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Многокамерные строительные комплексы в системе застройки акрополя Пантикапея VI–V вв. до н.э. // ДБ. 6.
- Толстикова, Ломтадзе, 2016. Толстикова В.П., Ломтадзе Г.А. Комплекс амфор позднеклассического времени из раскопок центральной части Пантикапея (предварительная публикация) // ДБ. 20.
- Фармаковский 1903. Фармаковский Б.В. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 году // ИАК. 1903. Вып. 8. СПб.
- Чистов 2012. Чистов Д.Е. Комплексы и напластования конца VII – середины VI в. до н.э. Находки // Материалы Березанской (Нижнебугтской) античной археологической экспедиции. Т. 2. Исследования на острове Березань в 2005–2009 гг. СПб.
- Boulter, 1953. Boulter C. Pottery of the Mid-fifth Century from a Well in the Athenian Agora // *Hesperia*. Vol. XIII. № 2.
- Douglery-Intzessiloglou, Garlan, 1990. Douglery-Intzessiloglou A., Garlan Y. Vin et amphores de Peparetos et d'Ikos // BCH. 114.

Summary

D.V. Zhuravlev, G.A. Lomtadze, A.A. Stokov
Amphorae complex of the second half of the 5th century BC
from the settlement Golubitskaya 2

The aim of this article is to analyse and present amphora complex found in 2015 at the settlement Golubitskaya 2, situated in the eastern part of the Taman peninsula. The vessels were found in a household pit No. 19 in the central part of the site. The pit was filled with almost clear layer which in its upper part was covered with the horizon dating to the late 5th – early 4th century BC. On the bottom of the pit there were amphorae belonging to the given complex, altogether 14 complete and damaged vessels, which were produced in Chios, Thasos, Mende and probably Peparet (Ikos). There were traces of repair on some of them. The pit must have been used as a place to throw away wasted garbage. According to the amphorae and the covering layer dating, the complex should be dated to the last quarter of the 5th century BC.

А. А. Завойкин

(Институт археологии РАН, г. Москва)

Новые амфорные комплексы из раскопок «Верхнего города» Фанагории

На протяжении уже нескольких десятилетий (в особенности после выхода в свет книг И. Б. Брашинского [1980, с. 11 сл.; 1983, с. 128]) стала привычной и практически общепринятой идея, что простые тарные амфоры в сравнении, например, с более дорогостоящей расписной посудой, в силу того, что почти немедленно после их использования по прямому назначению теряли свою ценность, быстро выходили из обихода и «археологизировались»¹. Согласно мнению некоторых исследователей, в центрах транзитной торговли с туземным населением, проживающим в удалении от моря, амфоры чуть ли не сразу выбрасывались на свалку после того, как их содержимое перетаривалось в емкости, более приспособленные для транспортировки по суше или по небольшим рекам.

Это, конечно, преувеличение. Пусть даже эти довольно крупные сосуды вторично использовались в быту² в меньшем количестве, чем ежегодно привозимые из Средиземноморья на северный берег Понта Эвксинского амфоры. Сейчас важно не это. А то что в любом случае они весьма быстро выходили из обращения и попадали в культурный слой, в основной массе, быстрее³, чем многие другие категории вещей, в виде целых предметов или их обломков. Из этого следует простая и замечательно ясная мысль о высокой хронологической ценности амфорного материала (в том числе и в силу его массовости) и о том, что в археологических комплексах он – наиболее «молодой», т. е. приближенный к дате формирования этих комплексов.

Другое дело, что эти сравнительно простые по форме предметы эволюционировали в разные периоды и в различных центрах производства (многие из которых, кстати,

¹ Ранее эта идея была сформулирована в статье [Брашинский, 1965, с. 91].

² Примеров тому огромное количество. Лишь е. г. см. [Завойкин 2019, в печати].

³ Разумеется, и здесь будут оговорки. В укупоренном виде вино в амфорах могло храниться довольно долго (о выдерживании вина в амфорах см.: [Salviat, 1986, p. 178–179; Grandjean, 1992, p. 581; Empegeur, 1993, p. 42]. Но все же основной объем продуктов, доставляемых в керамической таре, употреблялся, скажем, в течение года (от одной навигационной компании до другой). Ср., однако: «... На сельских поселениях пустая керамическая тара рачительно использовалась в хозяйстве многие годы (пример – поселение “Усадьба Литвиненко”, где в складе хранилось 13 амфор пепаретского, хиосского и гераклейского производства, суммарно датированных от 80-х до первой половины 40-х годов IV века)» [Monakhov, Kuznetsova, 2017, p. 61].

до сих пор надежно не установлены⁴) то сравнительно быстро, то довольно медленно. Их формальные классификации, привязанные к датированным иными средствами «реперным» комплексам, далеко не всегда дают возможность получить датировки желаемой точности, существенно уступая, например, классификациям и датировкам расписной художественной керамики или амфорных клейм, которые в таком случае выступают в качестве датирующего материала для амфор⁵. Иными словами, заявленный тезис о хронологическом приоритете амфорных находок далеко не всегда реализуем на практике.

Вместе тем, не уверен, что возможности для уточнения и «сужения» датировок самих амфор в полной мере исчерпаны. Недавно С. Ю. Монахов и Е. В. Кузнецова написали следующие строки: «При разработке классификаций амфор долгое время основным методом для определения хронологических позиций был метод стратиграфических наблюдений. Однако со временем стало очевидно, что работа по созданию классификаций будет более успешной, а главное, более обоснованной, если ей будет предшествовать всесторонний анализ большого числа комплексов керамической тары. Они должны послужить той первичной базой, из которой может вырасти разветвленная сеть типологических классификаций амфор с детальной хронологией для каждого типа и варианта» [Monakhov, Kuznetsova, 2017, p. 60]⁶.

Представляется, однако, что противопоставление стратиграфического метода и датировки амфор по изолированным комплексам не вполне корректно. Напротив, убежден в том, что стратиграфическая дифференциация близких по времени комплексов является надежным инструментом для разработки относительной хронологии типов и вариантов керамической тары (как и любых других категорий материала) [ср. Виноградов, 1972, с. 9; Брашинский, 1983, с. 130]. В особенности в тех случаях, когда используются возможности «прямой» стратиграфической последовательности («цепочки» объектов), т. е. учитывается соотношение материалов из комплексов, перекрывающих (и/или прорезающих) друг друга. Споры нет, морфологический метод столь же универсален, и в развитых типологических классификациях уже давно установлены основные линии развития и последовательность типов амфор многих центров производителей. (Но все-таки далеко не всех, а значит и стратиграфический метод в данном случае не вполне устарел.) Более того, использование стратиграфических наблюдений заставляет «пристальнее вглядываться» в группы амфор, объединенных исследователями в одни, даже наиболее мелкие таксономические подразделения.

⁴ По подсчетам С. Ю. Монахова и Е. В. Кузнецовой, «мы имеем представление о керамической таре примерно 50–60 производственных центров от эпохи архаики до эллинизма» [Monakhov, Kuznetsova, 2017, p. 294, note 4].

⁵ Следует сразу сделать оговорку: в данной статье не рассматриваются иные категории находок помимо амфор. Это определяется оговоренным разделением сфер научных интересов участников Фанагорийского проекта. Поскольку здесь речь пойдет о комплексах позднеархаического – раннеклассического времени, хочу выразить искреннюю признательность начальнику Фанагорийской экспедиции ИА РАН В. Д. Кузнецову за то, что мне было позволено «вторгнуться» в хронологическую область его приоритетных научных интересов.

⁶ С. Ю. Монахов к 1999 г. учел уже около двух сотен амфорных комплексов VII–II вв. до н. э. из памятников Серверного Причерноморья [Монахов, 1999]. Разумеется, число опубликованных за почти два десятилетия комплексов существенно увеличилось, и перечислять новые интересные комплексы здесь нет ни возможности, ни смысла.

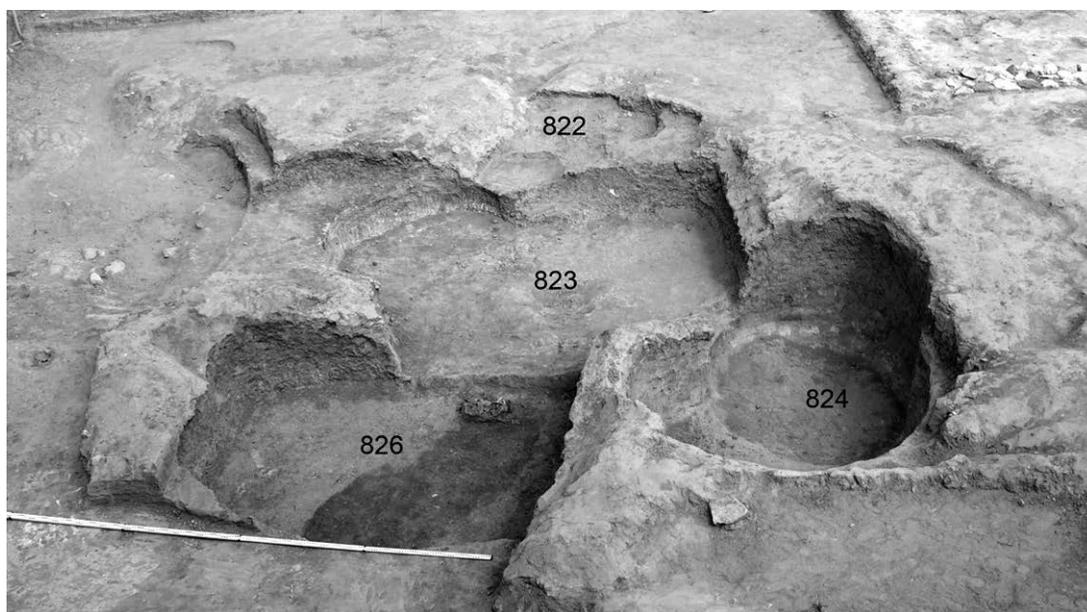

Рис. 2. Котлованы 826, 823, 822. Вид с юга

Это воронковидное горло с частью плеч хиосской амфоры (рис. 4. 1), его высота – 14 см, окраска венца и ручек по стандартной схеме (ширина полос на внешней поверхности ручек – 3 мм). Кроме того, здесь найдено горло еще одной такой же амфоры и ножка (рис. 4. 3). По своим линейным размерам и морфологии эти амфоры должны быть отнесены к тарным сосудам «с воронковидным горлом» раннего варианта (по С.Ю. Монахову, П-А), которые датируются третьей четвертью VI в. до н.э. [Завойкин 2013, 134–135, рис. 1. 1; Монахов 2003, 15–16, табл. 3. 1, 2; Буйских, Монахов, 2009, рис. 1. 1–4]⁷.

К этому же периоду следует отнести и верхнюю часть клазоменской амфоры (рис. 4. 2)⁸. На плече ее частично сохранилось дипинто красной краской, на горле – завиток, выполненный темно-бурым лаком, которым окрашен венец и нанесены полосы на ручках⁹.

Эолийская (лесбосская) красноглиняная тара представлена в комплексе тремя ножками (диаметр их подошвы 33 мм) и десятью фрагментами венцов и горла с ручкой сосуда малой емкости (рис. 4. 4–7). К числу хронологически значимых характеристик этой

⁷ «Lambrino A1», по П. Дюпону [Cook, Dupont 1998, 148–149, 151, fig. 23.2a] – ок. 560–530 гг. до н.э.

⁸ По С.Ю. Монахову – это вариант 3, третьей четверти VI в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 52–53, табл. 32. 4]. Ю. Сзегин, отмечая отсутствие в Клазоменах материалов для периода после персидского нашествия, допускает вероятность лакуны в производстве между 550–530/20 гг. до н.э. Это предположение кажется недостаточно обоснованным. Верхняя часть фанагорийской амфоры ближе к его группе Kla6, ок. 550–525 (?) гг. до н.э. или Kla7, датируемой 550–490/80 гг. до н.э. [Sezgin, 2004, p. 176–177, fig. 13; 2012, p. 46 f., 77, Kla6.02; p. 48 f., 80, Kla7.32, 35; p. 314–315]. Ср. [Чистов и др., 2012, табл. 85. 4 (фото)]: фаза II-B1 (последняя четверть – конец VI в. до н.э.).

⁹ Профилировка венца – ср. [Birzescu, 2012, S. 301, 303, Taf. 44. 837, 863]: тип 5, вторая половина VI в. до н.э.; [Буйских, 2015, с. 96, 95, рис. 3. 8]. Большинство фрагментов керамического комплекса из Ольвии А. В. Буйских датирует от конца 530-х годов (при наличии некоторого количества более ранних предметов), а завершение его формирования (засыпку «полуземлянки» производственного назначения) относит к последнему десятилетию VI в. до н.э. [Там же, с. 109].

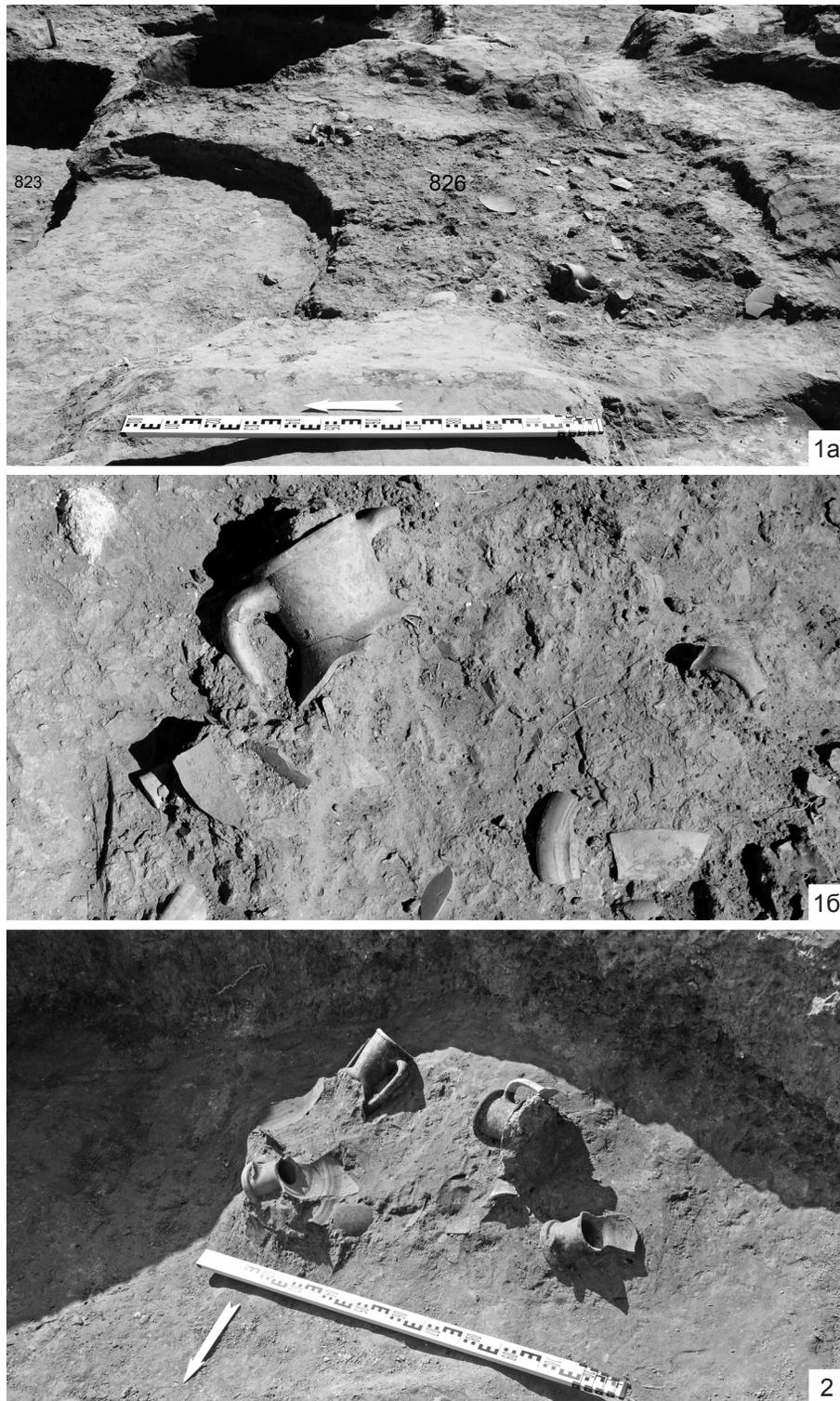

Рис. 3. Котлован 826. Верхний уровень заполнения (1а – общий вид с запада; 1б – то же, деталь); фрагменты амфор в нижней части заполнения (2)

группы относится небольшая высота ножек (от дна до плоскости подошвы¹⁰), относительно резкое расширение нижней части тулова и расстояние от края венца до рельефного уступа на горле под ним (от 22 до 27 мм). С уверенностью можно говорить только о том, что эолийские амфоры (их фрагменты) из фанагорийского комплекса старше амфор из афинского комплекса Q 12:3 (ок. 520–480 гг. до н. э.) [Roberts, 1986, p. 4 ff., 9, 63, 65, fig. 41, nos. 408–411] и близки по времени амфорам из ольвийского комплекса 2002 г. (третья четверть VI в. до н. э.) [Буйских, Монахов, 2009, с. 128, рис. 4. 1–4].

Наиболее представительны в комплексе – так называемые «протофасосские» амфоры. Не считая (как и в предыдущих случаях) обломков венцов и ручек, отмечу здесь верхние части четырех амфор двух вариантов (рис. 4. 8–10 и 11) и восемь ножек¹¹, две из которых фрагментированы (рис. 4. 12–14). На трех горлах амфор, относящихся ко второй серии по классификации С. Ю. Монахова¹², на плечевой части частично сохранились крупные дипинты, выполненные красной краской¹³. На верхней части амфоры первой (пифоидной) серии¹⁴ (рис. 4. 11) никаких пометок не имеется. Хорошие аналогии фанагорийским материалам дают находки из раскопок на Березани (периода II, фазы А: третья – начало последней четверти VI в. до н. э.) [см. Чистов и др. 2012, с. 64–65, табл. 61. 1, 2; 62. 5–14].

Особое внимание привлекают фрагменты амфоры (полагаю, что найденные в котловане фрагменты принадлежали одному сосуду¹⁵), центром производства которой, по всей видимости, допустимо считать Фасос (рис. 4. 16, 17). В пользу этого говорит не только треугольная (трапециевидная) в разрезе форма венчика, но визуальные характеристики глины (хотя, конечно, это лишь «экспертная» оценка). Короткое, чуть отогнутое горло, соответственно короткие (и сравнительно массивные) ручки, округлое плечико в сочетании с курватурой нижней части тулова на широком кольцевом поддоне (диаметром 79 мм при высоте 22 мм) позволяют легко представить себе шаровидную (пифоидную) форму амфоры в целом. Абсолютно точной аналогии в каталоге С. Ю. Монахова среди амфор «пифоидного» типа (I-A) обнаружить не удается, что, впрочем, не удивительно, поскольку в целом представленные в исследовании амфоры этого типа (двух вариантов, включающих семь серий!) датируются от конца VI в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 58–60]¹⁶.

¹⁰ Ср. [Чистов и др., 2012, с. 63]: фаза II-A, третья четверть VI в. до н. э.

¹¹ Диаметры их оснований: 70, 68, 67, 65, (65) и 59, 56, 53 мм [ср. Чистов и др., 2012, с. 65].

¹² См. [Монахов, 2003, с. 39–40, табл. 23. 4, 5]: третья четверть VI – рубеж V вв. до н. э. [ср. Sezgin, 2012, p. 268–270, Ionia. β.2]: 550–500 гг. до н. э.

¹³ Ср. [Чистов и др., 2012, с. 64]: «протофасосские» амфоры, в том числе с крупными дипинто соотносятся с третьей серией С. Ю. Монахова (конец VI – начало V вв. до н. э.), но отмечено, что «по контексту должны датироваться не позднее последней четверти VI в. до н. э.» (фаза II-A, третья – начало последней четверти VI в. до н. э.).

¹⁴ См. [Монахов, 2003, с. 39, табл. 23. 1]: середина – третья четверть VI в. до н. э. Ср. более поздний вариант из Q 12:3 [Там же, табл. 23. 3 = Roberts, 1986, p. 71, 72, fig. 44, nos. 440, 441]: ок. 520–480 гг. до н. э.; ср. [Sezgin, 2012, p. 270 ff., 280, Ionia. β.3.01, 02 и Ionia. β.2.05].

¹⁵ По всей видимости, то же самое можно сказать и о некоторых «протофасосских» амфорах, верхние части которых с высокой степенью вероятности должны соотноситься с обломками нижних частей. К сожалению, катастрофические по последствиям погодные условия в конце полевого сезона 2016 г. сделали невыполнимой необходимую работу, которая позволила бы это утверждать.

¹⁶ В том числе наиболее ранняя серия «джонс[т]он» (варианта «ворота Силена», I-A) датируется концом VI – началом V вв. до н. э.

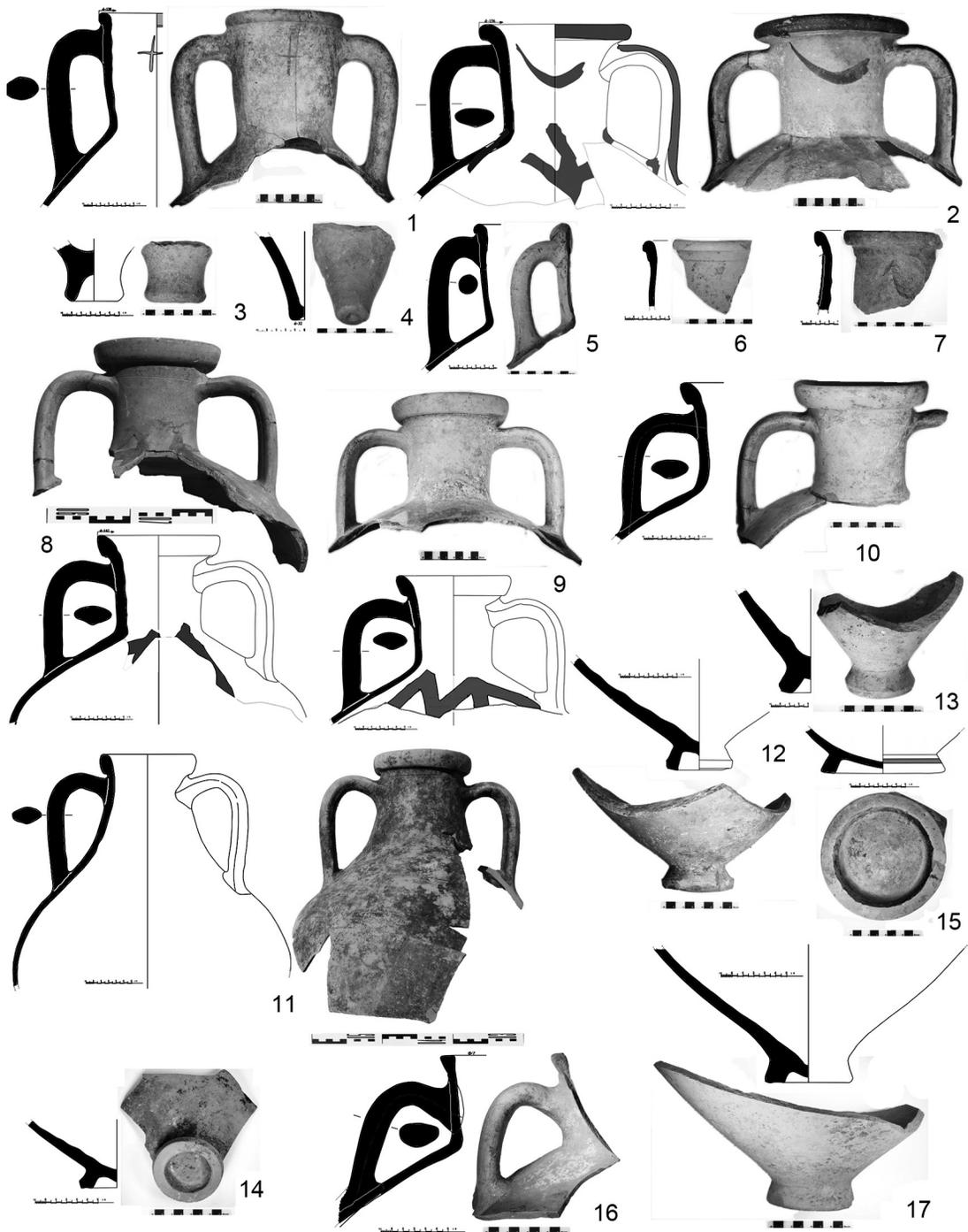

Рис. 4. Фрагменты амфор из котлована 826 (1, 3 – хиосских; 2 – клазоменских; 4–7 – эолийских красноглиняных; 8–14 – «протофасосских»; 15 – неустановленного центра; 16, 17 – фасосских)

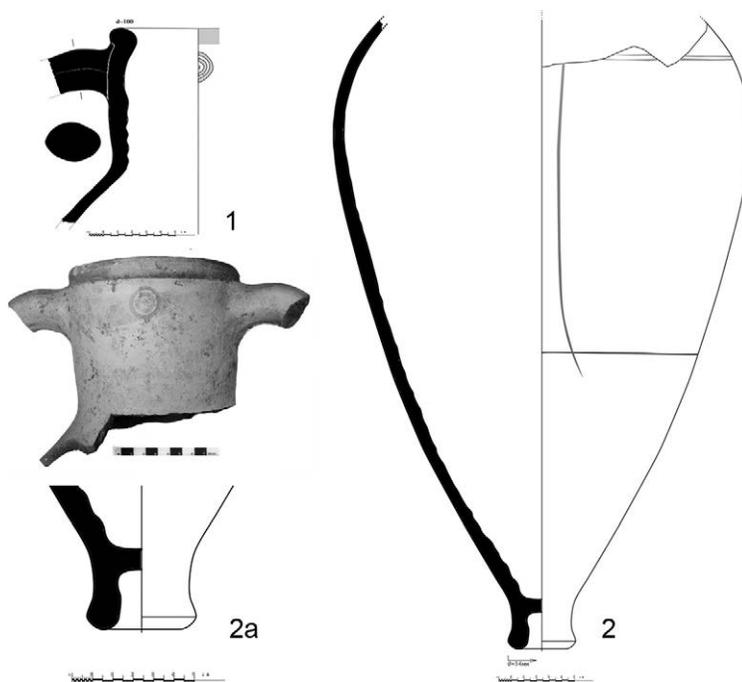

Рис. 5. Хиосские амфоры из котлована 826 (1) и из интерьера дома 802 (2, 2а)

Наиболее близкое соответствие фанагорийской амфоре, вероятно, представляет тарный сосуд из Истрии, датируемый второй половиной VI в. до н. э.¹⁷

Осталось упомянуть только широкий поддон (диаметр 13,7 см, высота 2,4 см) тарной амфоры с тонкой лаковой полоской на нем (рис. 4. 15), найти аналогию которой не удалось. Не исключено, что это поддон не амфоры, а крупного хозяйственного сосуда закрытого типа, например, гидрии.

Таким образом, время засыпки котлована 826 по амфорному материалу следует определять в пределах третьей четверти VI в. до н. э. Представляется, что для уточнения даты этого события мы располагаем еще одним фактом. В верхнем уровне засыпки котлована, среди обломков печины и отдельных черепков обнаружено горло хиосской амфоры (рис. 3. 1а, б; 5. 1), которая по своим морфологическим характеристикам занимает промежуточное положение между сосудами с воронковидным горлом и пухлогорльми¹⁸. У него окрашенный венец, лаковые полоски на ручках, под венчиком сдвоенные окружности. «Припухлость» на горле едва заметна, но высота – соответствует высоте пухлогорлых. Иными словами, эта разновидность хиосских амфор четко фиксирует переход от одного варианта к другому. Такие амфоры, в частности, были найдены в архаическом некрополе Фанагории [Завойкин, Колесников, Сударев, 2016, с. 170–171, рис. 69, 70]. Согласно классификации С. Ю. Монахова, они замыкают эволюционную

¹⁷ «Северная Эгеида, Фасос? VI в. до н. э.» [Birzescu, 2012, S. 343, Taf. 64, Nr. 1351]. Диаметр ножки у этой амфоры – 87 мм.

¹⁸ Ср. [Буйских, 2015, с. 96, 95, рис. 3. 7]: «время выпуска таких амфор не доходит до конца последней четверти VI в. до н. э.».

цепочку амфор с воронковидным горлом¹⁹. Исследователь отмечает: «Данный вариант амфор с воронковидным горлом не имеет твердо установленных хронологических реперов. В. В. Рубан, например, считает, что амфоры с воронковидным горлом не доживают до конца VI в. до н. э. [Рубан, 1982, с. 103]. Однако одна такая амфора присутствует в комплексе ольвийской ямы № 421 (1979 года) начала V века до н. э.²⁰, что дает основание несколько повысить верхнюю границу. Судя по всему, амфоры с воронковидным горлом этого варианта синхронны раннепухлогорлым сосудам» [Монахов 2003, с. 16 и прим. 39–41].

Позволю себе не согласиться с мнением авторитетного специалиста и поддержать точку зрения В. В. Рубана. «Уникальная» амфора «с прямым горлом и яйцевидным корпусом» из ольвийского комплекса ямы 421, справедливо датированного С. Ю. Монаховым интервалом 80-х – 70-х годов V в. до н. э., отнесена исследователем к поздним образцам тары с «воронковидным горлом» [Монахов, 1999, с. 87], хотя она не имеет следов орнамента (что косвенно подтверждает относительно позднюю ее датировку). Явным образом, недостаточно материалов (их собственно не имеется), которые позволили бы связать этот тарный сосуд (с которым С. Ю. Монахов не знаком *de visu*²¹ и в хиосском происхождении которого первоначально не был уверен) с хиосскими амфорами, представляющими финальный этап эволюции «воронковидных» и переход к «пухлогорлым», отстоящими от ольвийской амфоры лет на 40–50.

Наиболее приемлемым временным интервалом для амфор, аналогичных той, горло которой было обнаружено в верхнем горизонте засыпи котлована 826, представляются примерно 530–520 гг. до н. э.

После того как котлован засыпали, и перед тем как на этом месте построили из сырцового кирпича дом (802), была проведена тщательная подготовка: всю эту площадь перекрыли мощным (0,30–0,40 м) слоем чистой зеленовато-серой глины, которая с nivelировала все неровности и гарантировала постройку от проседания. Возведенный на этой субструкции дом, имевший не меньше двух помещений, сохранился очень плохо. Для нашей темы важна только одна находка, сделанная в углу одного из помещений (2) – вкопанная по плечо хиосская амфора (верхняя часть ее была отбита), использованная в хозяйственных целях (рис. 6). На тулове ее сохранилась традиционная для хиосских пухлогорлых амфор раннего варианта раскраска: сдвоенные узкие полосы в районе плеча и одиночная в нижней трети тулова, между ними пролегает вертикальная (не очень ровная) полоска (рис. 5. 2). От более ранних сосудов этого варианта фанагорийская амфора отличается стройностью (тулово яйцевидной формы²²), что, очевидно, указывает на ее относительную «молодость». Судя по размерам, емкость амфоры не превышала 24–25 л, что сближает ее с другой фанагорийской амфорой, найденной

¹⁹ Поздний вариант II-B = Lambrino A2; ср. [Монахов, 2003, с. 16, табл. 3. 3 (Ташлы-Яр) и 4 (из погребения 29/1911 ольвийского некрополя)]. По П. Дюпону – ок. 510–490 гг. до н. э. [Cook, Dupont, 1998, p. 151, fig. 23.2c].

²⁰ С. Ю. Монахов ссылается на: [Лейпунская, 1987, с. 89, 90, рис. 32. 3 (тип 3)]. Однако у Н. А. Лейпунской ссылка на этот рисунок (не позволяющий судить о деталях формы) отнесена к амфорам типа 2 (с воронковидным горлом). Описание и характеристику «хиосской?» амфоры «с прямым горлом» см. также: [Монахов, 1999, с. 83–85].

²¹ По всей видимости, утрачен [Монахов, 1999, с. 84].

²² Диаметр амфоры – 34,0 см; высота от нижнего края плеча до подошвы ножки – 47,0 см.

Рис. 6. Хиосская амфора в помещении 2 дома 802 *in situ*

на «Верхнем городе» в котловане VII, датируемой интервалом между 500 и 480 гг. до н. э. [Долгоруков, 1979, с. 4–5, рис. 38; Завойкин, 2013, с. 136, рис. 2. 4; с. 137].

Примерно в одном – полутора метрах к северу от дома 802 были открыты два котлована (815 и 823), второй из которых южным своим краем прорезал северо-восточную часть бортика котлована 826.

Котлован **823** имел подпрямоугольную в плане форму (углы слегка скруглены), его размеры – 3,55–3,75×3,2–2,7 м, продольная ось ориентирована меридионально

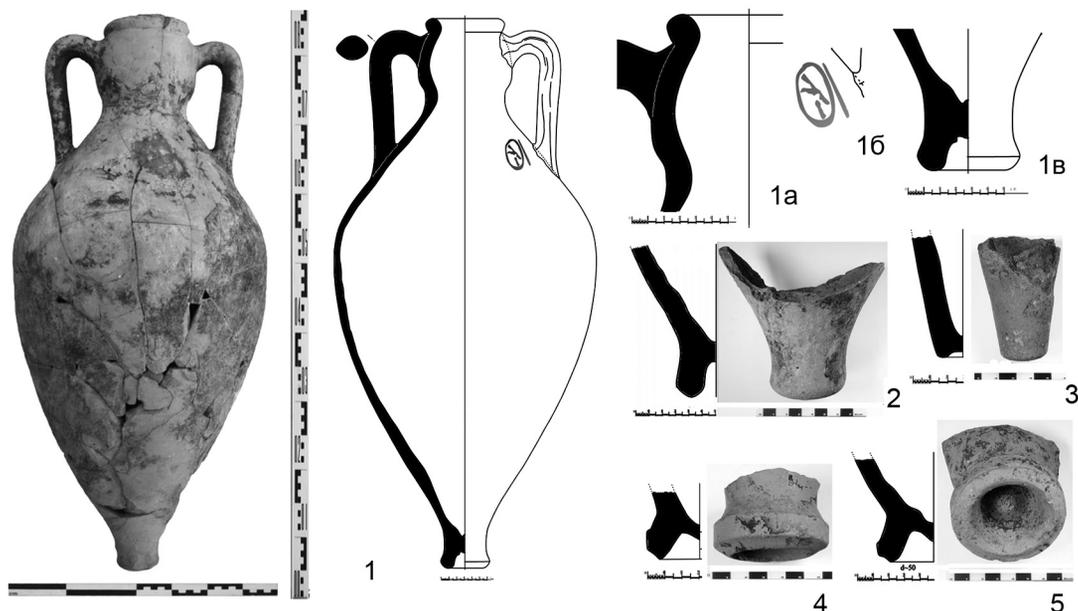

Рис. 7. Амфорные материалы из котлована 823 (1, 2 – хиосские; 3 – эолийские красноглиняные; 4, 5 – «протофасосские»)

[Кузнецов, 2017, с. 65–66]. Находки амфорных фрагментов в котловане немногочисленны и, по большей части, не очень выразительны. В их числе: фрагменты венца и ручки хиосских ранних пухлогорлых, 17 фрагментов венцов и 3 ножки «развитых» пухлогорлых хиосских (III–V по Монахову²³; рис. 7. 2); красноглиняных эолийских – 1 венец, 2 ручки, 1 ножка (рис. 7. 3); 6 венцов амфор, которые можно отнести к условной группе «Северная Эгеида». Но наиболее важна для нас целая хиосская амфора, которая была вкопана в пол вплотную к южному борту, примерно по центру его, сохранившаяся *in situ* (рис. 7. 1). Ее пропорции (высота 69,5 см, высота верхней части – 30 см, диаметр – 35,4 см), профилировка деталей, дипинто на плече – все указывает на наиболее раннюю серию амфор этого варианта хиосской тары. Именно такие амфоры характерны для находок из котлованов, датируемых (в первую очередь по амфорной таре) 70-ми годами V в. до н. э. [см.: Завойкин, Кузнецова, Монахов, 2013, с. 216, слл., табл. 1, рис. 17–19; Завойкин, 2013, с. 137–138].

Котлован 823 северной своей частью прорезал развал амфор, лежащих на плоской поверхности, по всей видимости, придонной части котлована (822), от которого сохранился лишь его северо-восточный уголок. Несмотря на незначительную сохранность этого комплекса, найденные в нем амфоры представляют определенный интерес. Речь идет, конечно, не об изолированных небольших фрагментах эолийских красноглиняных (Лесбос-К, 1 фр-т ручки) или «протофасосских» (3 небольших обломка венчиков) амфор, а о двух археологически целых сосудах, которые позволяют предполагать в них тарные сосуды, синхронные бытованию этого котлована, а не просто обломки из засыпки после окончания его

²³ «Появляются примерно в 80–70-е годы V века» [Монахов, 2003, с. 17, табл. 5].

использования. Итак, в этом комплексе представлена амфора Хиоса (рис. 8. 8) и амфора, которую можно (?) приписать производству мастерских о. Фасос (рис. 8. 9). Хиосская пухлогорлая амфора (высота – 65,2 см, диаметр – 32,5 см) «развитого» варианта (III-B, по Монахову), на плече ее – не крупное дипинто в виде вертикальной черты («*iota*») и окружности с точкой в центре («*teta*»). Вторая амфора имеет широкое пифоидное тулово (ее высота без ножки – 52 см, диаметр – 37,2 см), венец трапецевидный в разрезе, сразу под ним – рельефный поясок, придающий своеобразие форме. Глина красная, с редкими блестками слюды, визуально близка глине амфор, идентификация которых с продукцией фасосских мастерских сомнений не вызывает. Полная аналогия этому сосуду мне не известна, ближе всего он пифоидным амфорам серии I-A-1 С.Ю. Монахова, датируемой *от* конца VI в. до н.э. до «первой, а может быть, и начала второй четверти V столетия»; одной из отличительных черт амфор этой серии является «налепной воротничок» под венцом²⁴.

С учетом морфологии самих амфор и стратиграфической позиции комплекса его датировка приходится на интервал примерно между 480 и 470 гг. до н.э.

В 1,79 м к западу от котлована 823 был открыт еще один котлован (815), трапецевидный в плане, со слегка скругленными углами, вытянутый с севера на юг (3,64–4,20×3,39–3,57 м, зафиксированная глубина – 0,9 м) [Кузнецов, 2015, с. 70–71]. После того, как котлован был засыпан плотной серо-желтой глиной, над ним было построено здание (819), стена-перегородка которого (из сырцового кирпича на каменном фундаменте в северной ее части) пролегла через середину южного борта котлована.

В засыпи были найдены следующие фрагменты амфор (рис. 8. 3–7): хиосских пухлогорлых варианта III-A (1), варианта III-B (34), «протофасосских» (36), эолийских красной глины (11), сероглиняных лесбосских (7), самосских? (8), «с раздутым горлом» (1), «круга Фасоса» (3), мендейских (2), фасосских (11), неустановленных центров (9). Наиболее интересна археологически целая амфора Менды с шаровидным туловом, найденная в ЮЗ углу котлована²⁵, в средней части заполнения. По контексту находки и морфологии амфора датирована второй четвертью V в. до н.э. и представляет собой наиболее ранний образец из известных целых амфор этого центра, найденных в стратифицированном комплексе²⁶.

На дне котлована, в его СВ углу, рядом с небольшим овальным углублением неясного назначения у восточного борта, была обнаружена *in situ* вкопанная на треть высоты нижняя часть (по плечо) хиосской амфоры (рис. 8. 2) варианта III-B (диаметр – 34 см, высота нижней части от максимального диаметра тулова – 43 см).

В целом, нет сомнений в том, что эти котлованы (815, 823 и 822) относятся к одному сравнительно короткому периоду истории данного района Фанагории²⁷, который

²⁴ Так у амфоры с Афинской агоры [Johnston, 1991, p. 364, fig. 1, pl. 96 (фото); Grandjean, 1992, p. 550, 551, fig. 4, nos. 26, 27; Завойкин, Кузнецова, Монахов, 2013, с. 223–225, рис. 20. 37, 38; ср. Монахов, 2003, с. 60, табл. 34. 1–3]. Амфора [Монахов, 2003, табл. 34. 2] из ольвийской ямы 421 1979 г. профилировкой ножки и венца идентична амфорам типа КТБ 18б (круг Фасоса) [Зеест, 1960, с. 19, табл. VII] и, судя по глине и деталям профилировки, не имеет прямого отношения к продукции мастерских Фасоса или Менды [см. Завойкин 2017, 144–145].

²⁵ Угол перекрыт обрывком каменной кладки 813. Подошва этой кладки располагается примерно на 0,25 м выше верхней плоскости камней фундамента 819.

²⁶ Об этой находке подробно см.: [Завойкин, 2015].

²⁷ Так же, как и котлованы 290А, Б, В и 274, расположенные немного восточнее общественного здания 294, разделяющего их.

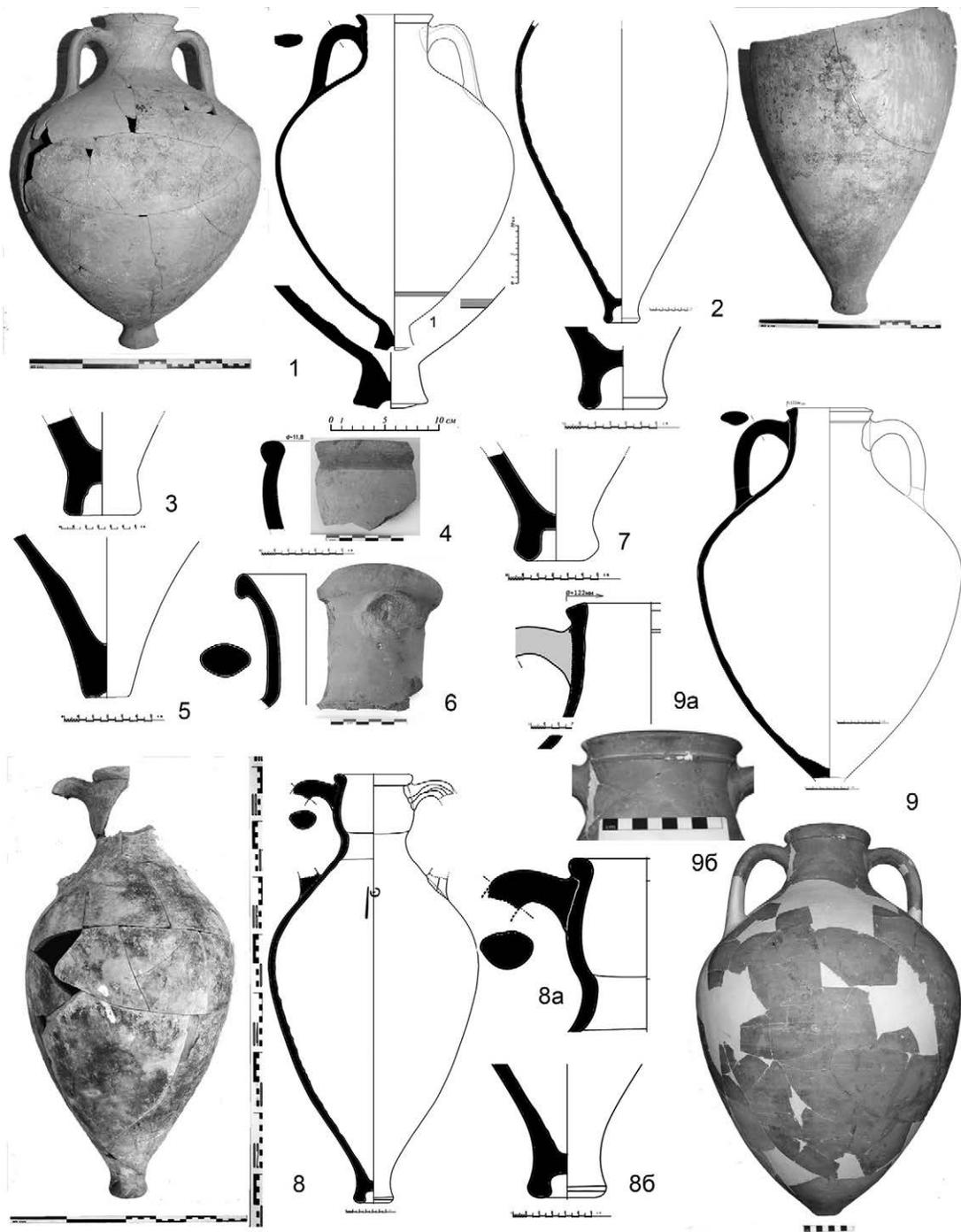

Рис. 8. Амфорные материалы из котлованов 815 (1–7) и 822 (8, 9)

приходится примерно на 480–470 гг. до н. э. И, напротив, весьма сомнительно, чтобы эти скромные углубленные в грунт хозяйственно-бытовые и/или производственные сооружения сосуществовали с капитальными общественными постройками (294, 464) на площади, которая впоследствии была основательно замощена булыжником (498). Прямое перекрытие котлована (815) стеной здания (819) показывает, что после того, как котлованы были засыпаны, на этом месте «возобновляется»²⁸ наземное домостроительство.

Осталось упомянуть амфорные материалы еще из одного объекта, который в основной своей части остался за пределами раскопанной площади. Это, по всей видимости, котлован (827), который был перекрыт каменным фундаментом здания (813). Установить северную границу котлована достоверно не удалось²⁹. Часть находок в нем концентрировалась над полом³⁰ (рис. 9. 1; 10. 2, 5), но основной их массив залегал в верхней части заполнения котлована (рис. 9. 3; 10. 1, 3, 4). Особенностью амфорного материала, оказавшегося в засыпи котлована было то, что заметную его долю составляли сравнительно крупные обломки или части амфор, что позволяет говорить о одновременности его засыпки [см. Завойкин 2018а, с. 54]³¹. Именно на этих крупных фрагментах сосредоточим свое внимание.

Самой любопытной чертой является присутствие в комплексе хиосских амфор двух типов трех вариантов, по Монахову: III-A, III-B и IV-A. Наиболее ранний из них (рис. 10. 4) представлен нижней частью амфоры, ближайшие аналогии которой служат тарные сосуды из кургана № 13 у с. Великая Знаменка [Монахов, 1999, с. 108, 111, табл. 35]³² и из фанагорийского комплекса «холм Г» [Монахов, 2003, с. 237, табл. 7. 2]³³. Следующий по времени вариант хиосских пухлогорлых (рис. 10. 5) также представлен туловом (до изгиба плеча) и тоже находит аналогии в фанагорийском комплексе

²⁸ Кавычки в данном случае поставлены в связи с тем, что общественные здания 464 и 294 были построены значительно раньше котлованов 822, 823 и 815, а окончательно разрушены в общем пожаре ок. середины V в. до н. э., пережив две перестройки (реконструкции), в ходе которых несколько менялась внутренняя их планировка в пределах внешних стен.

²⁹ Поскольку общие контуры котлована 815 были выявлены в 2014 г., а северная часть объекта 827 вторгалась в его ЮЗ угол (он оставался под кладкой 813), вероятно, эта его часть была нами уничтожена при выборке грунта заполнения котлована 815. Поскольку именно здесь (т. е. в контуре ЮЗ угла котлована 815, под кладкой 813) в средней части заполнения и была обнаружена мендейская амфора (см. выше и рис. 8. 1), должен признать, что теперь (после того, как в 2015 г. было проведено исследование котлована 815 и открыт котлован 827) не исключаю (но не уверен!), что этот тарный сосуд принадлежал комплексу 827 (с вытекающей отсюда хронологической поправкой). Приношу свои извинения читателям за то, что, возможно, ввел их в заблуждение, поторопившись с публикацией материала раньше завершения полевого исследования. В оправдание себе, сошлюсь не столько на желание «успеть» к юбилею В. П. Толстикова (публикация вышла в сборнике в честь этого события), сколько на то, что морфология опубликованной мной мендейской амфоры, на мой взгляд, все же так противоречит датировке комплекса 827 (см. выше). Другое дело, что о полной стратиграфической определенности теперь говорить невозможно.

³⁰ Как и в котловане 815 он был устлан органическим материалом (тростником?), но в отличие от последнего, здесь хорошо различимо переплетение волокон растения, образующее ромбические «ячейки» (циновка – см. рис. 9. 1а).

³¹ Наряду с крупными фрагментами здесь найдено некоторое количество небольших, в том числе заведомо более ранних: красно- и сероглиняных лесбосских, «протофасосских», хиосских пухлогорлых (III-A, по Монахову), кроме того – небольшие фрагменты венцов и ручек фасосских и мендейских амфор.

³² Исследователь датирует их (и комплекс в целом) 60–50-ми гг. V в. до н. э.

³³ Финальная датировка материалов из этого комплекса – рубеж середины и начала третьей четверти V в. до н. э. [Завойкин, 2013, с. 140, 141, рис. 3. 1, 4].

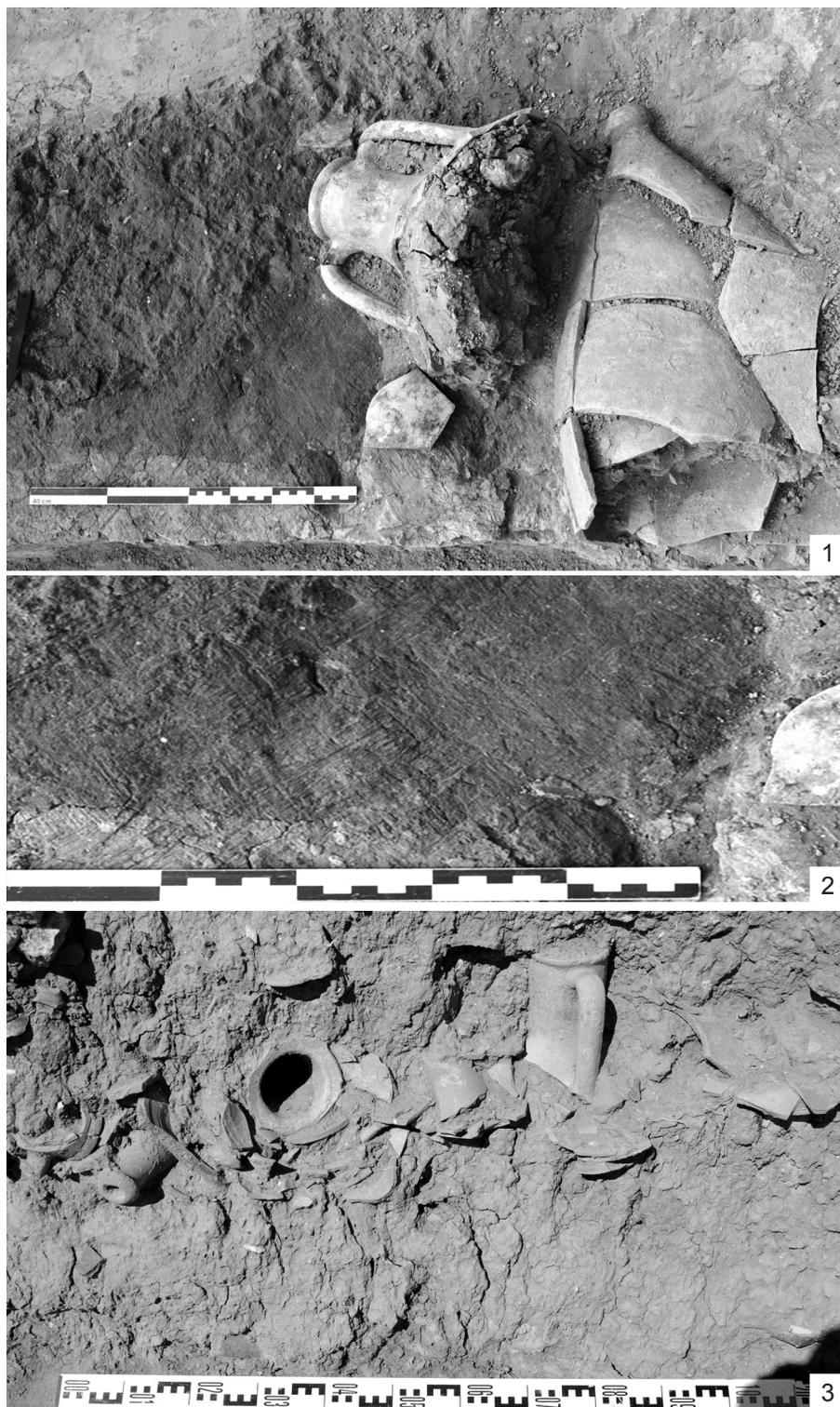

Рис. 9. Котлован 827: развал амфор в придонной части (1) и деталь подстилки на полу (2); сброс обломков амфор в верхней трети заполнения, в борту (3)

«Холм Г» [см. Завойкин, 2013, с. 140, 141, рис. 3. 2, 3, 5]; фрагмент горла из котлована (827) демонстрирует присутствие пухлогорлой амфоры, у которой горловина («шейка») уже вполне оформилась (рис. 10. 1)³⁴. Позднейшая в комплексе амфора Хиоса представлена верхней половиной сосуда с прямым горлом (рис. 10. 2) раннего варианта (IV-A [Монахов, 2003, с. 19 сл., 238, табл. 8]). Наилучшую параллель находим в складе 1978 г. из Нимфея [Монахов, 1999, с. 125, 126, табл. 40. 1]³⁵, который включал также (наряду с амфорами иных центров и типов) две фасосские «раннебиконические» амфоры типа «фанагорийский холм Г» [Там же, с. 125, 126, табл. 40. 4, 5]³⁶, как и в нашем котловане (рис. 10. 3)³⁷.

Кажется, до сих пор не было известно ни одного «узкого» комплекса, сочетавшего в себе сразу три отмеченных варианта (двух типов) амфор Хиоса. (Правда, в данном случае об «узости» комплекса амфорных находок можно судить лишь очень приблизительно.) Если наиболее ранний материал датируется не позднее 440 гг. до н. э.³⁸, то сочетание «позднепухлогорлых» с ранним вариантом прямогорлых хиосских³⁹ приводит к дате ок. 430 гг. до н. э. [см.: Монахов, 2003, с. 19; Завойкин, 2013, с. 140]. Ее и следует рассматривать в качестве *условной* даты закрытия комплекса (засыпки котлована), хотя, по-видимому, правильнее было бы назвать ее – *terminus post quem*.

Все рассмотренные амфорные находки происходят из специфических недолговечных объектов – заглубленных в культурный слой и материк котлованов подпрямоугольной формы. Наиболее ранний из них, третьей четверти VI в. до н. э., был перекрыт субструкцией на которой возведен дом (802), существовавший (наряду с другими зданиями, конечно) между примерно 520–480 гг. до н. э. Три других (823, 822, 815), датируемые 70-ми годами V в. до н. э., перекрыты строительным горизонтом, связанным с жизнедеятельностью зданий (294, 464 и 819), в том числе общественных, которая завершается не позднее середины V в. до н. э. Один котлован принадлежит периоду (вторая половина V в. до н. э.), к которому до последнего времени не удавалось надежно отнести

³⁴ В фанагорийском комплексе «холм Г» такое горло имеет лишь одна амфора [см. Завойкин, 2013, рис. 3. 5].

³⁵ По неподтвержденным данным, в этом комплексе присутствовала и пухлогорлая амфора, «но обнаружить ее в фондах не удалось» [Монахов, 1999, с. 125].

³⁶ Отмечается тот факт, что по сравнению с амфорами из эпонимного фанагорийского комплекса нимфейские выглядят более стройными. «Создается впечатление, что амфоры из нимфейского склада относятся к несколько более позднему времени», а сам комплекс «завершается не позднее середины 30-х годов. Не противоречит этому и то обстоятельство, что по некоторым данным кроме рассмотренных образцов склад содержал и хиосскую познепухлогорлую амфору» [Монахов, 1999, с. 125, 130].

³⁷ Уместно еще раз взглянуть на мендейскую амфору из котлована 815 (?) в сравнении с двумя аналогичными шаровидными амфорами из нимфейского склада [Монахов, 1999, с. 127, табл. 41. 1, 2; 128], которые С. Ю. Монахов относит к варианту I-B, датируемому в целом 40–30-ми годами V в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 90; ср. Grace, 1979, no. 43; Grandjean, 1992, p. 562, 563, fig. 10, № 67]. Безусловно, фанагорийская и нимфейские амфоры относятся одному варианту, но первая выглядит архаичнее: она более округлая (шаровидная), максимальное расширение точно по центру высоты, горло короче. То же самое можно сказать и при сравнении амфоры из Фанагории с ближайшей по пропорциям и размерам мендейской амфорой из комплекса афинской агоры R 13:4 (P 2377 [см. Papadopoulos, Paspalas, 1999, p. 161, note 1; p. 163, fig. 2; Agora XII, p. 398 – ок. 440–425 гг. до н. э.]). Все это, пожалуй, решает вопрос о принадлежности мендейской амфоры (рис. 8. 1) в пользу комплекса 815.

³⁸ Финальная дата дана по аналогии с хиосской из афинского комплекса N 7:3 [Boulter, 1953, p. 61, no. 150; Agora XII, p. 395: ок. 460–440 гг. до н. э.].

³⁹ Как в эталонном афинском комплексе R 13:4 [см. Grace, 1934, p. 202, fig. 1. 1; p. 303–304; 1979, no. 43].

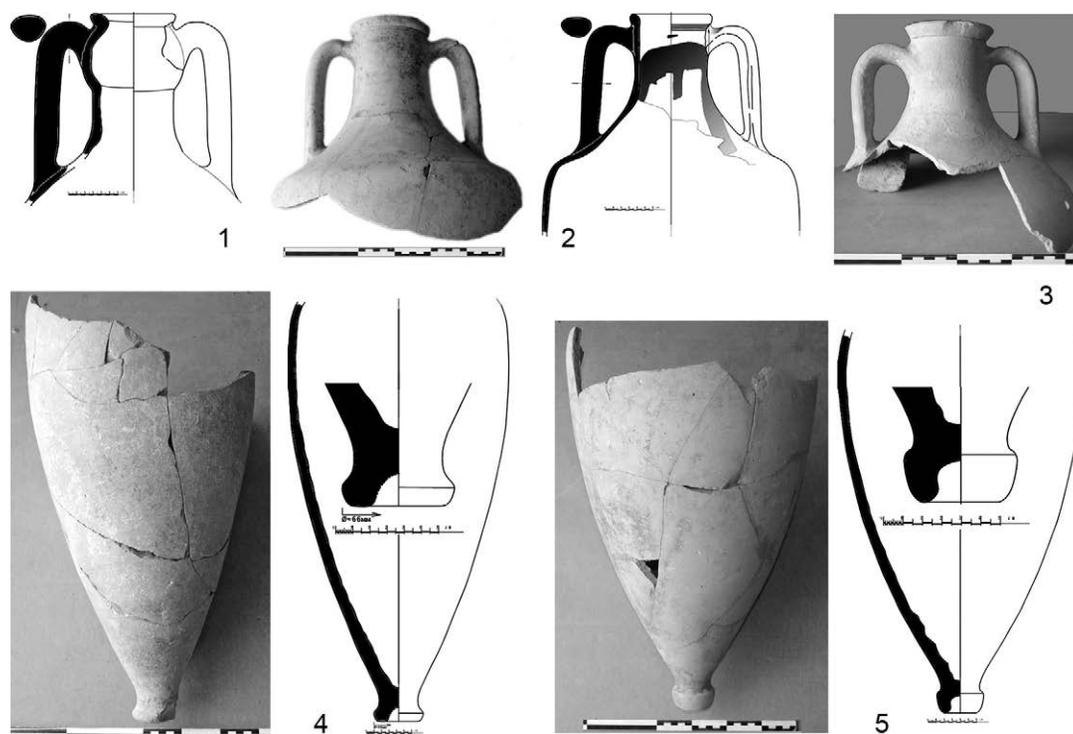

Рис. 10. Амфорные материалы из котлована 827 (1, 2, 4, 5 – Хиос; 3 – Фасос)

ни одну наземную постройку⁴⁰. Не касаясь сейчас возможного объяснения этой ситуации⁴¹, ограничимся констатацией факта, что в исследованном районе «Верхнего города» Фанагории наблюдаем «чередование» во времени сооружений разного рода: стационарных наземных построек и временных хозяйственных сооружений. Отмеченные случаи прямого перекрытия одних другими, на мой взгляд, подтверждают асинхронность тех и других. И поскольку «нормой» для общественного центра города следует признать существование здесь наземных зданий, мощеных улиц и площадей, можно думать, что котлованы – это свидетельства нарушения такой «нормы».

Так как на рассмотренном участке раскопа отсутствуют наземные постройки, явным образом предшествующие наиболее раннему котловану⁴², мы пока будем говорить о двух таких «нарушениях». Одно из них приходится приблизительно на 480–470 гг. до н. э.; второе – начинается после середины V в. до н. э. а завершается где-то на рубеже этого и следующего столетия [см. Завойкин, 2018б, с. 136]. Однако ввиду того, что слой

⁴⁰ См. примеч. 43. К этому времени можно отнести *два* котлована третьей четверти и *четыре* – последней четверти столетия. Из последних три локализируются как раз на рассмотренном участке раскопа: котлованы (492, 494, 496) прорезали остатки общественного здания (464), расположенного у южного борта раскопа. От котлована 279, расположенного на Центральном участке раскопа «В.Г.», сохранилась лишь ничтожная доля в придонной части. Срезавший верхнюю часть ранней ямы котлован сам был «пробит» четырьмя поздними ямами.

⁴¹ Об этом кратко см. [Завойкин, 2018а, 54–57, 64].

⁴² Не исключаю, что общественные здания 294 и 464 были построены раньше котлована 826, но доказать это пока не представляется возможным.

и архитектурные остатки этого довольно длительного периода почти (т. е. за пределами рассматриваемых здесь углубленных сооружений) не сохранились⁴³, я бы не решился интерпретировать выявленную ситуацию таким образом, что на протяжении полувека общественный центр города пребывал в развалинах. И если признать это суждение справедливым, то нельзя исключать вероятность, что котлованы второй половины V в. до н. э. разделяются на две хронологические группы (подразумевая, что между ними лежит/лежал горизонт «нормальной» наземной застройки района). В таком случае, первая из них должна быть отнесена к интервалу ок. 440–430/25 гг. до н. э.⁴⁴, а вторая – ближе к концу V в. до н. э. (условно: 410–400 гг. до н. э.⁴⁵).

В предложенной конструкции, объясняющей ситуацию на «Верхнем городе» второй половины V в. до н. э., слишком много логики и маловато археологических фактов. Но такова уж сохранность слоя этого времени. Приходится по крупицам исследовать то немного, что дошло до наших дней.

Остается еще не до конца выясненным принципиальный вопрос: какую функцию выполняли так называемые котлованы? Отвергая категорически вероятность их использования в качестве жилых сооружений (о каких жилых «землянках» может идти речь на акрополе города?), мы характеризовали эти сооружения как временные хозяйственные и/или ремесленные объекты. Действительно, в одном из котлованов (290Б) был обнаружен *in situ* склад амфор. В других – одна-три амфоры. Явных следов какой-либо производственной деятельности мы не нашли⁴⁶.

Вместе с тем, с определенной периодичностью котлованы появляются в этом районе Фанагории⁴⁷. Стратиграфические наблюдения и хронология открытых на раскопе объектов подводит к выводу, что котлованы каким-то образом связаны с периодами перестройки (реконструкции) зданий, разрушенных частично или полностью в результате неких событий. Следы пожаров и находки наконечников стрел в слоях разрушения

⁴³ Можно допустить, что они были уничтожены при последующей нивелировке района перед новым этапом застройки. В пользу этого, в частности, говорит тот факт, что общественное здание (460), построенное в начале IV в. до н. э., лежит непосредственно на остатках общественного здания (294), погибшего в пожаре середины V в. до н. э.

Сугубо предположительно к остаткам наземных построек второй половины V в. до н. э. можно отнести «обрывки» заглубленных относительно древней дневной поверхности середины этого века каменных кладок фундаментов, с той существенной оговоркой, что они могут относиться и к заглубленным частям построек следующего столетия. Лишь фундамент северной стены (497) здания, перекрытый вымосткой (474) и монументальным водостоком (487), по соображениям стратиграфии и планиграфии (не вписывается в структуру застройки как предшествующего, так и последующего периодов), может быть сравнительно надежно отнесен к числу архитектурных остатков второй половины V в. до н. э. Единственная наземная постройка, существование которой следует относить к этому периоду с полной уверенностью, – объект (743) особого рода и речь о нем пойдет отдельно в другом месте.

⁴⁴ Помимо отмеченного выше котлована 827, частично сохранившийся котлован 738 (в нем, на полу, помимо хиосской амфоры без горла была найдена верхняя часть мендеевской и амфора Самоса).

⁴⁵ Вероятно, к этой же группе примыкает котлован 744, который датируется уже первыми годами IV в. до н. э. [см. Завойкин, 2018а]. В таком случае, датировка всей этой группы должна быть несколько «омоложена».

⁴⁶ Находки так называемых «конусовидных предметов» (кстати, без сквозных отверстий) или куски пемзы со следами потертости одной стороны и т. п. – всего лишь косвенные свидетельства, позволяющие разве что заявить о «ремесленной теме».

⁴⁷ В последние годы на Северном участке раскопа было открыто еще несколько ранних котлованов (вторая половина VI – начало V в. до н. э.), материалы из которых в данной работе не рассматриваются.

(первые десятилетия⁴⁸ и середина V в. до н. э.⁴⁹) дают возможность говорить о немирном характере событий, за которыми последовало появление котлованов. Таким образом, допустимо (*mutatis mutandis*) предполагать, что эти своеобразные объекты были связаны здесь с потребностью хранить все необходимое для проведения восстановительных работ на акрополе.

Список литературы

- Брашинский, 1965. Брашинский И. Б. Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья // *Eirene*. Vol. IV. Praha.
- Брашинский, 1980. Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л.
- Брашинский, 1984. Брашинский И. Б. Методы исследования античной торговли. Л.
- Буйских, 2015. Буйских А. В. О датировке бронзолитейной мастерской в южной части Ольвии // *Археологія і давня історія України*. № 1 (14).
- Буйских, Монахов, 2009. Буйских А. В., Монахов С. Ю. Керамический комплекс третьей четверти VI в. до н. э. // *NORTIA*. Вып. VI. Воронеж.
- Виноградов, 1972. Виноградов Ю. Г. Керамические клейма острова Фасос // *НЭ*. Т. X.
- Долгоруков, 1979. Долгоруков В. С. Отчет о работах Фанагорийской экспедиции в 1979 г. М. // *Архив ИА РАН*. Р-1. № 8796.
- Завойкин, 2013. Завойкин А. А. Амфоры Хиоса в контексте истории Фанагории // *ДБ*. Т. 17.
- Завойкин, 2015. Завойкин А. А. Фанагория. Верхний город. Объект 815 // *С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности*. К 70-летию В. П. Толстикова. М.
- Завойкин, 2017. Завойкин А. А. Некоторые проблемы изучения торговли в амфорной таре // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения*. XVIII Боспорские чтения. Керчь.
- Завойкин, 2018а. Завойкин А. А. Котлован 744 на «Верхнем городе» Фанагории // *ДБ*. Т. 22.
- Завойкин, 2018б. Завойкин А. А. Общественное здание 4 в. до н. э. на акрополе Фанагории // *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 3 (Фанагория. Т. 6). М.
- Завойкин, 2019. Завойкин А. А. Заметки о вторичном использовании амфор в Фанагории // *Труды Отдела классической археологии ИА РАН*. Вып. 1 (в печати).

⁴⁸ Показательно также, что разрушенные в это время оборонительные сооружения, построенные еще в третьей четверти VI в. до н. э., не были восстановлены [см. Кузнецов, Никитин, 2018, с. 154; Кузнецов, 2018, с. 122, 123, рис. 4].

⁴⁹ Еще раз отмечу, что о постройках и котлованах более раннего времени я сознательно здесь умалчиваю.

- Завойкин, Колесников, Сударев, 2016. Завойкин А. А., Колесников А. Б., Сударев Н. И. Позднеархаические погребения на «Южном городе» Фанагории // *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 2 (Фанагория. Т. 4). М.
- Завойкин, Кузнецова, Монахов, 2013. Завойкин А. А., Кузнецова Е. В., Монахов С. Ю. Склад амфор 290Б из Фанагории // *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 1 (Фанагория. Т. 1). М.
- Кузнецов, 2015. Кузнецов В. Д. Отчет о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2014 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной). Т. 1. М. // *Архив ИА РАН*. Р-1. № 45554.
- Кузнецов, 2017. Кузнецов В. Д. Отчет о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2016 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной). Т. 1. М. // *Архив ИА РАН*. Р-1. № 51943–51951.
- Кузнецов, 2018. Кузнецов В. Д. Домостроительство Северного Причерноморья (эпоха архаики) // *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 4 (Фанагория. Т. 7). М.
- Кузнецов, Никитин, 2018. Кузнецов В. Д., Никитин А. Б. Древнеперсидская надпись из Фанагории // *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 3 (Фанагория. Т. 6). М.
- Лейпунская, 1987. Лейпунская Н. А. Амфоры // *Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время*. Киев.
- Монахов, 1999. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. Саратов.
- Монахов, 2003. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Москва–Саратов.
- Рубан, 1982. Рубан В. В. О хронологии раннеантичных поселений Бугского лимана (по материалам хиосских амфор) // *Материалы по хронологии археологических памятников Украины*. Киев.
- Чистов и др., 2012. Чистов Д. Е., Зуев В. Ю., Ильина Ю. И., Каспаров А. К., Новоселова Н. Ю. Исследования на острове Березань в 2005–2009 гг. (Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 2). СПб.
- Bîrzescu, 2012. Bîrzescu Iu. Die archaischen und frûklassischen Transportamphoren (Histria. Vol. XV). Bucureşti.
- Boulter, 1953. Boulter C. Pottery of the Mid-Fifth Century from a Well in the Athenian Agora // *Hesperia*. Vol. XXII. No. 2.
- Cook, Dupont, 1998. Cook R. M., Dupont P. *East Greek Pottery*. London–New York.
- Empereur, 1993. Empereur J.-Y. La production viticole dans l'Égypte ptolémaïque et romaine // *BCH Suppl.* XXVI. La production du vin et de l'huile en Méditerranée.
- Grace, 1934. Grace V. R. Stamped Amphora Handles Found in 1931–1932 // *Hesperia*. Vol. III. No. 3, 197–310.
- Grace, 1979. Grace V. R. *Amphoras and the Ancient Wine Trade (Excavations of Athenian Agora. Picture Book. No. 6)*. Athens – Princeton.
- Grandjean, 1992. Grandjean Y. Contribution à l'établissement d'une typologie des amphores thasiennes. Le matériel amphorique du quartier de la porte du Silène // *BCH*. Vol. 116–2.
- Johnston, 1991. Johnston A. An Archaic Amphora of Thasian Type // *Hesperia*. Vol. 60. No. 3.

- Monakhov, Kuznetsova, 2017. Monakhov S.Iu., Kuznetsova E. V. Overseas Trade in the Black Sea Region from the Archaic to the Hellenistic Period // *The Northern Black Sea in Antiquity: Networks, Connectivity, and Cultural Interactions*. Cambridge.
- Papadopoulos, Paspalas, 1999. Papadopoulos J.K., Paspalas S.A. Mending as Chalkidian Wine // *Hesperia*. Vol. 68. No. 2.
- Roberts, 1986. Roberts S.R. The Stoa Gutter Well. A Late Archaic Deposit from a Well in the Athenian Agora // *Hesperia*. Vol. 55. No. 1.
- Salviat, 1986. Salviat F. Le vin de Thasos. Amphores, vin et sources écrites // *BCH Suppl.* XIII. *Recherches sur les amphores Grecques*.
- Sezgin, 2004. Sezgin Yu. Clazomenian Transport Amphorae of the Seventh and Sixth Centuries // *Teos and Abdera: Metropoleis and Colony*. Thessaloniki.
- Sezgin, 2012. Sezgin Y. Arkaik Dönem İonia Üretimi Ticari Amphoralar, Ege Yayınları. İstanbul.

Summary

A. A. Zavoykin

New amphora' contexts from excavation of "The Upper City" of Phanagoria

The detailed analysis of finds of amphoras from archaeological contexts (constructions) of the 2nd half of the VI-V centuries BC opened by excavation on "The Upper City" of Phanagoria in recent years is presented in the article. It is about finds from the houses built from mud bricks, but mainly - from the deepened in soil rectangular "trenches" which served for some utility purposes.

It is important to emphasize that these constructions were considered by the author of the article in stratigraphical and chronological sequence. It allowed not only to specify datings of separate objects in the city district investigated by excavation, but also to define the main periods of its history. Throughout the first one and a half centuries of history of Phanagoria three times to replace surface houses came deepened to the earth constructions (trenches) of utility type. These constructions were short-lived and appeared after private and public buildings were destroyed in the historical kernel of the city (possibly, as a result of military operations). Such events were recorded for the 3rd quarter of the VIth century, ca. 480 BC and in the middle of the Vth century BC.

Н. В. Завойкина

(Институт археологии РАН, г. Москва)

Сакральные граффити на керамике из ранней Фанагории

О религии и культах населения Фанагории в третьей четверти VI – IV вв. до н.э. известно немного.

Афродита является одним из божеств олимпийского пантеона, о культе которой сохранились сведения. Святилище Афродиты Апатур упоминает Гекатей Милетский, автор VI в. до н.э. (FHG. I. 165). Анализ свидетельств Страбона об этом святилище (Strabo XI. 2, 10) позволил локализовать его за пределами городских стен, на западной окраине Фанагорийского полиса, в приморской его части. Так, Г. А. Кошеленко предположил, что Апатур располагался на территории хоры Фанагории [Кошеленко, 2010, с. 362]. Позднее В. Д. Кузнецов оспорил мнение о существовании двух святилищ Афродиты, владычицы Апатура, и обоснованно доказал, что Апатур, располагался на территории Фанагорийского полиса [Кузнецов, 2013, с. 314–327]. Страбон также передает парадигматический миф об Афродите Апатуре и Геракле (Strabo XI. 2, 10). Всесторонний его анализ привел Г. А. Кошеленко к выводу, что этот миф восходит к эпохе основания Фанагории теосцами и являлся мифологическим обоснованием прав новых поселенцев на занятые ими территории [Кошеленко, 2010, с. 362–375, 378–370].

Надписями второй половины IV – начала III вв. до н.э. культ Афродиты Урании, владычицы Апатура, фиксируется уже на территории самой Фанагории (CIRB 971, 972).¹ Среди памятников монументального искусства заслуживает внимания мраморная статуя, найденная в 1892 г., которая интерпретируется как изображение Афродиты Апатуры начала IV в. до н.э. [Соколов, 1999, с. 205–206]. О существовании храма Геракла в Фанагории известно из посвящения этому герою IV в. до н.э., вырезанному на мраморном архитраве (CIRB 973).

Г. А. Кошеленко, опираясь на письменные источники, высказал гипотезу, что в ранней Фанагории существовало, по всей видимости, два культа Афродиты. Первый – был привнесён на Боспор Киммерийский милетскими колонистами [Кошеленко, 2010, с. 379]. Этот культ процветал в Кехах, ближайшем к Фанагории полисе, и был включен

¹ Из последних находок упоминания заслуживает посвящение Афродите царем Аспургом начала I в. н.э. [Кузнецов, 2006, с. 155–161].

фанагорийцами в преобразованном виде в их сакральную историю и пантеон. Афродита «милетская» упоминается в лапидарных надписях, как правило, без эпитетов. Второй культ – это культ Афродиты Урании, владычицы Апатура [Кошеленко, 2010, с. 362–375, 379–380]. Он был собственно фанагорийским. Его парадигма восходит к празднику Апатурий, перенесенному колонистами из Афин на земли Ионии еще в раннеархаическую эпоху.

О культе Афродиты в Фанагории помимо надписей свидетельствуют импортные и местного производства терракотовые статуэтки этой богини, найденные при раскопках города и его некрополя [Кошеленко, 2010, с. 373–374]. Одна из них – терракотовая статуэтка Афродиты с голубем середины V в. до н. э. была недавно найдена при исследованиях «Верхнего города» [Ильина, 2017, с. 258–259, № 123]. Сказанное подводит к заключению, что Афродита владычица Апатура выступала, по всей видимости, верховным божеством-покровителем теосских колонистов, а позднее и Фанагорийского полиса в целом.

Аполлон являлся одним из главных богов-покровителей колонизационного процесса в Северном Причерноморье.² Культ этого бога известен пока в Фанагории не ранее второй половины V в. до н. э. О нем свидетельствует терракотовая статуэтка Аполлона, который полулежит, положив ноги на омфал; у его правого бедра – лань [Кобылина, 1974, с. 20, табл. 16.9]. Из Фанагории происходит мужской торс архаической терракотовой статуэтки ионийского производства, который М. М. Кобылина рассматривала как фрагмент изображения Аполлона [Кобылина, 1974, с. 20, табл. 17. 4]. В фанагорийской надписи IV в. до н. э. Аполлон упоминается с эпитетом *Ἰατρός* (CIRB 974). Место находок посвященных надписей на Верхнем плато позволило предположить, что храм Аполлона располагался в центральной, древнейшей части города [Кобылина, 1956, с. 36; Ломтадзе Н. (Завойкина), 1996, с. 147–151]. Высказывалось интересное мнение, что Аполлон не принадлежал к числу божеств, изначально пользовавшихся популярностью в Фанагории, и, скорее всего, не имел органической связи с актом основания города, в отличие от Афродиты [Кошеленко, 2010, с. 383]. Однако включение полиса в состав Боспорского царства привело со временем к принятию в нем культа Аполлона Иатра, который являлся главным богом-покровителем Пантикапея, основанного колонистами из Милета.

В числе земледельческих божеств в Фанагории почитались Деметра, Кора, Дионис, Артемида, Кибела.³ В ранний период истории города культ Деметры и Кору представлен находками терракотовых статуэток и протом богинь [Кобылина, 1956, с. 16–17; 1974, с. 20, 22, № 1–12, с. 15–20, 24, № 25; Ильина, 2017, с. 260–261, № 125а, 125б]. Важный культовый объект, исследованный И. Д. Марченко, – это загородное святилище конца VI–III вв. до н. э. Оно располагалось на Майской горе, на ближней хоре Фанагории (непосредственно к югу от городской окраины). Терракоты из раскопок этого святилища интерпретируются как изображения Деметры, Кору, Афродиты [Марченко, 1974,

² Это связано с тем, что колонизировали северное побережье Черного моря греки-ионяне, а Аполлон, отец Иона, прародителя всех ионийцев, особо покровительствовал им (Plat. Euthyd. 302 d).

³ Хотя, конечно, функции всех этих богов далеко выходили за рамки покровительства земледелию.

с. 31–33].⁴ Они позволяют считать, что здесь почитались общегреческие женские божества плодородия, прежде всего, Деметра и Кора [Кошеленко, 2010, с. 385].

Дионис был главным божеством-покровителем Теоса, метрополии Фанагории [Завойкин, 2011, с. 201; Cole, 1995, р. 313–316]. В другой колонии Теоса, Абдере, жрецы Диониса выступали эпонимами [Sherk, 1991, р. 225]. Важнейший культ метрополии в Фанагории играл заметную, но не ведущую роль [Завойкин, 2011, с. 199–208]. Отсутствие виноградарства и виноделия в Фанагории во второй половине VI–IV вв. до н. э. из-за неподходящих климатических условий для культивации виноградной лозы, как предполагается, явилось одной из причин, определивших, по мнению Г. А. Кошеленко, незначительное распространение культа Диониса в этом городе [Кошеленко, 2010, с. 389–390]. Однако это не совсем так. Изображения виноградной лозы, головы сатира в плющевом венке и канфара на клеймах с аббревиацией ФА(ΝΑΓΟΡΙΤΩΝ), прочно связанные с дионисийской символикой, на мерных ойнохоях из Фанагории⁵ указывают на существенную роль культа Диониса в Фанагории. Кроме этого, о культе Диониса в ранней Фанагории свидетельствуют находки терракотовых статуэток членов его фиаеса – сатиров, силенов и менад, основное число которых относится ко времени не ранее IV в. до н. э. [Кобылина, 1956, с. 60; 1974, с. 24–26, № 37, с. 42, 46, 49–51, 56].

На Боспоре известно две ипостаси Артемиды: Артемида Эфесская и Артемида Агротера. Оба культа были ориентированы на поклонение плодоносящим силам природы. У совр. ст. Ахтанизовской, территория которой в древности, возможно, была хорой Фанагории, была найдена надпись времени правления Перисада I, сообщающая о строительстве храма Артемиде Агротере (CIRB 1014). Нельзя исключать, что её культ был привнесён на Таманский полуостров из Афин, а не заимствован из Милета, где преобладал культ Артемиды Эфесской [Кошеленко, 2010, с. 391].

О культе Кибелы в Фанагории свидетельствует находка статуэтки богини IV в. до н. э. [Кобылина, 1974, с. 26, № 55, табл. 24. 9].

Итак, мы располагаем определенными сведениями о религиозно-культурной жизни Фанагории третьей четверти VI–IV вв. до н. э. Они отрывочны и разрознены по времени, но позволяют считать, что в Фанагории VI–IV вв. до н. э. уже существовали храмы и святилища, отправлялись культы ряда главных греческих богов. В тоже время очевидно, что как изучение граффити, которые появляются в ходе новых археологических исследований (раскоп «Верхний город»), так и ревизия старых находок («Южный город») могут существенно расширить базу источников по заявленной тематике. Например, о культе Гермеса, покровителя торговли, в Фанагории стало известно только благодаря граффито IV в. до н. э., в котором упоминается *παῖς Διός*, то есть Гермес [Яйленко, 1996, с. 176–179, № 2].

Расписная и чернолаковая посуда была одним из обычных видов приношений в храмы и святилища различных древнегреческих божеств. Часто подобные вотивы сопровождаются надписями. Одним из сложных вопросов в их изучении является отделение в посвященных граффити на сосудах сокращений имен божеств от теофорных

⁴ Уточнение даты функционирования святилища см: Егорова, Ильина, Кутинова, 2008, с. 258–278.

⁵ Известны также единичные их находки за пределами Фанагорийского полиса (Патрей, некрополь Тузлы).

имен донаторов или владельцев. Нередко издатели рассматривают аббревиатуры АП, АПО, АПОЛ, АΘ, ΑΘΕ, ΑΦΡ, ΗΡ и т. п. как начала имен божеств – Аполлона, Афины, Афродиты, Гермеса, Геракла, Геры и пр. Первым в отечественном антиковедении предложил подобного рода интерпретацию Э. Р. Штерн [Штерн, 1897, с. 174–195]; и такой подход до сих пор пользуется популярностью [Толстой, 1953, с. 103, № 168, с. 104–105, 169–171, 106, 175, 108, 177, 109, 180 и др.; Головкин, 1966; Бабинов, 1970; Цветаева, 1986, с. 215–217; Горская, 2002, с. 115–121; Емец, 2012, с. 45–46 и др.].⁶ Однако, для сравнения, среди 3 тыс. граффити из раскопок афинской агоры, на территории которой располагались различные храмы, только 14 надписей на керамике, бесспорно, отнесены к числу посвященных. М. Ленг отмечала, что из оставшихся неопубликованными экземпляров лишь немногие могут быть отнесены к категории вотивных надписей [Lang, 1976, p. 1, 52, 54–55; G7–11, 13, 16, 17–23].

Больше четверти века назад были выделены критерии, которые дают основания рассматривать такого рода сокращения, как начала теофорных имен владельцев сосудов [Яйленко, 1980а, с. 79 сл.; 2006, с. 357–359]. Многочисленные посвященные дипинти (главным образом, на чернофигурных вазах) и граффити из раскопок святилищ свидетельствуют, что большинство таких надписей располагаются на открытых частях сосудов, преимущественно на внешней их стороне, под венцом. Недавно опубликованные вотивные дипинти и граффити из раскопок святилища Деметры и Коры в Коринфе добавляют еще ряд веских аргументов в поддержку этого мнения [Stroud, 2013, p. 20–26, 40–45]. Имена божеств и/или их эпитеты писали полностью, тогда, как сокращения имен владельцев состоят, как правило, из 2–4 букв и обычно располагаются на поддонах сосудов [Stroud, 2013, p. 45–48].

Однако и среди граффити, вырезанных на поддонах сосудов, встречаются имена божеств.⁷ В данном случае важную роль в интерпретации буквенных сокращений играет археологический контекст. Если сосуды с сокращениями найдены в границах темени известного нам божества, то очевидно, что некоторые из аббревиатур на поддонах сосудов вполне могут содержать имя этого божества. Так, из святилищ Аполлона, Афродиты, Диоскуров в Навкратисе происходят вотивы с сокращениями имен этих божеств [Petrie, 1886, pls. XXXII, XXXIII, XXXV; 1888, pls. XX, XXI].⁸ Из святилищ Аполлона и Матери богов на Западном теменесе Ольвии также происходит серия вотивов с одно- или двухбуквенными сокращениями – А, АП М, МН [Русяева, 2010, табл. 16, № 11, 18, 19; табл. 20, № 22, 23, 24, 10, 11, 12, 27, 28, 29]. В ходе раскопок святилища Ахилла на мысе Бейкуш были найдены граффити с сокращением ΑΧΙ, которые интерпретируются как

⁶ Как правило, исследователи стремятся учитывать в своих интерпретациях археологический контекст находок граффити, но далеко не всегда это возможно.

⁷ Например, посвященные граффити из Пантикапея [Яйленко, 2006, с. 361, № 5, 7, 8] и Нимфея [Толстой, 1953, с. 75–76, № 110, 111, 114]. О расположении имен или эпитетов божеств на поддонах сосудов: Емец, 2012, с. 44. Важно учитывать тот факт, что в качестве вотива могли быть использованы не целые сосуды, а их части, довольно часто – поддоны [Завойкин, 2016, с. 176–177]. В этом случае расположение посвященных надписей на них возможно иное, чем на целых сосудах.

⁸ Переиздание граффити из свода Ф. Петри и новые материалы из Навкратиса см. https://www.britishmuseum.org/pdf/johnston_ceramic_inscriptions_new.pdf. В частности, из раскопок Навкратиса происходит венец чернолаковой чаши с граффитом АПОЛ, которое А. Джонстон относит к сакральным [Ibid., p. 38].

аббревиация имени Ахилла [Буйских, 2001, с. 38, рис. 3. 7–10; Vujskich, 2006, S. 130–139]. Из святилища Афродиты в Кехах происходит несколько сосудов с сокращениями А, АФ, АФР, которые рассматриваются как сокращения имени богини Афродиты [Емец, 2012, с. 202–203, № 695–697]. Исследования святилищ Геры Акрайи и Лимении в Афинах, Деметры и Коры в Коринфе выявили широкий ассортимент разного типа надписей на сосудах и небольших предметах: от 2–3-буквенных сокращений до целых предложений, содержащих имена богинь [Jeffery, 1962, p. 393–402; Stroud, 2013, p. 22–145].

Сказанное подводит к выводу, что в настоящее время к категории сакральных граффити Фанагории следует относить надписи на сосудах, которые можно бесспорно рассматривать как посвятельные или маркировки святилищ. Вотивные дипинти, нанесенные, как правило, краской красного цвета, на сосудах из раскопок Фанагории до сих пор не известны. Многочисленную группу сокращений из 1–4 букв из этого города рассматривать в качестве даров божествам затруднительно, поскольку условия их находки не позволяют уверенно соотносить их с культовыми объектами или сакральной территории. Надежно атрибутировать обнаруженные строительные остатки третьей четверти VI – первой половины IV вв. до н. э. на территории Верхнего города и Южного города Фанагории как культовые объекты сложно в виду отсутствия сколько-нибудь надежных археологических критериев [Завойкин, Кузнецов, 2011, с. 188–196; Муратова, Ильина, Шорунова, 2017, с. 90–91].⁹

Из раскопок разных лет на территории Фанагории¹⁰ происходит группа надписей на керамических остраконах, которые могут быть связаны с деятельностью городских храмов (святилищ) в рассматриваемое время.

1. Фрагмент венца килика, Иония, вторая половина VI в. до н. э. [Буйских, 2013, с. 96]. Найден на «Верхнем городе» в 1991 г. Высота венца – 3 см, длина – 4 см (рис. 1). На внешней стороне процарапано граффито. Высота букв – 1,4–1,7 см. Из палеографических особенностей надписи отметим так называемую «хвостатую» *rho*. Она употреблялась во многих локальных алфавитах архаической Греции, но не свойственна алфавитам ионийского Додекаполиса [Jeffery, 1990, p. 289, pl. 56, fig. 35; pl. 57, fig. 70 и др.; Яйленко, 1982, с. 220, рис. 2, 7; Яйленко, 2017, с. 303 сл., 339–340, рис. 51]. Учитывая время основания Фанагории около 540 г. до н. э. полагаем, что граффито было начертано в промежутке между ок. 540–500 гг. до н. э.

Граффито: ΕΝΡΗ.

Реконструкция: [ὁ θεῖνα με ἀνέθηκε] Ἐνη[ι] – *такой-то меня посвятил Гере*.

На внешней стороне сосудов под венцом располагались посвятельные граффити, структура которых включала имя посвятеля, сказуемое, как правило, ἀνέθηκε, и имя божества, которому преподнесен дар [Толстой, 1953, p. 80, № 124; Яйленко, 1980б, с. 79, № 69а, с. 81, № 73]. Известны граффити, в которых имя божества было вырезано после сказуемого ἀνέθηκε: граффито из Мирмекия конца V в. до н. э. – [ὁ/ἡ θεῖνα ἀ]νέθηκεν τῇ Μητρί [Емец, 2012, с. 148, № 379]; граффити «ἀνέθηκε Ἀπόλλωνι» из храма Аполлона с западного теменоса Ольвии VI–V вв. до н. э. [Русяева, 2010, с. 52, № 18, 19].

⁹ Одна из попыток была предпринята в диссертационном исследовании Ю.Н. Кузьминой (2011).

¹⁰ Здесь рассматриваются материалы двух раскопок: «Верхний город» (ВГ) и «Южный город» (ЮГ).

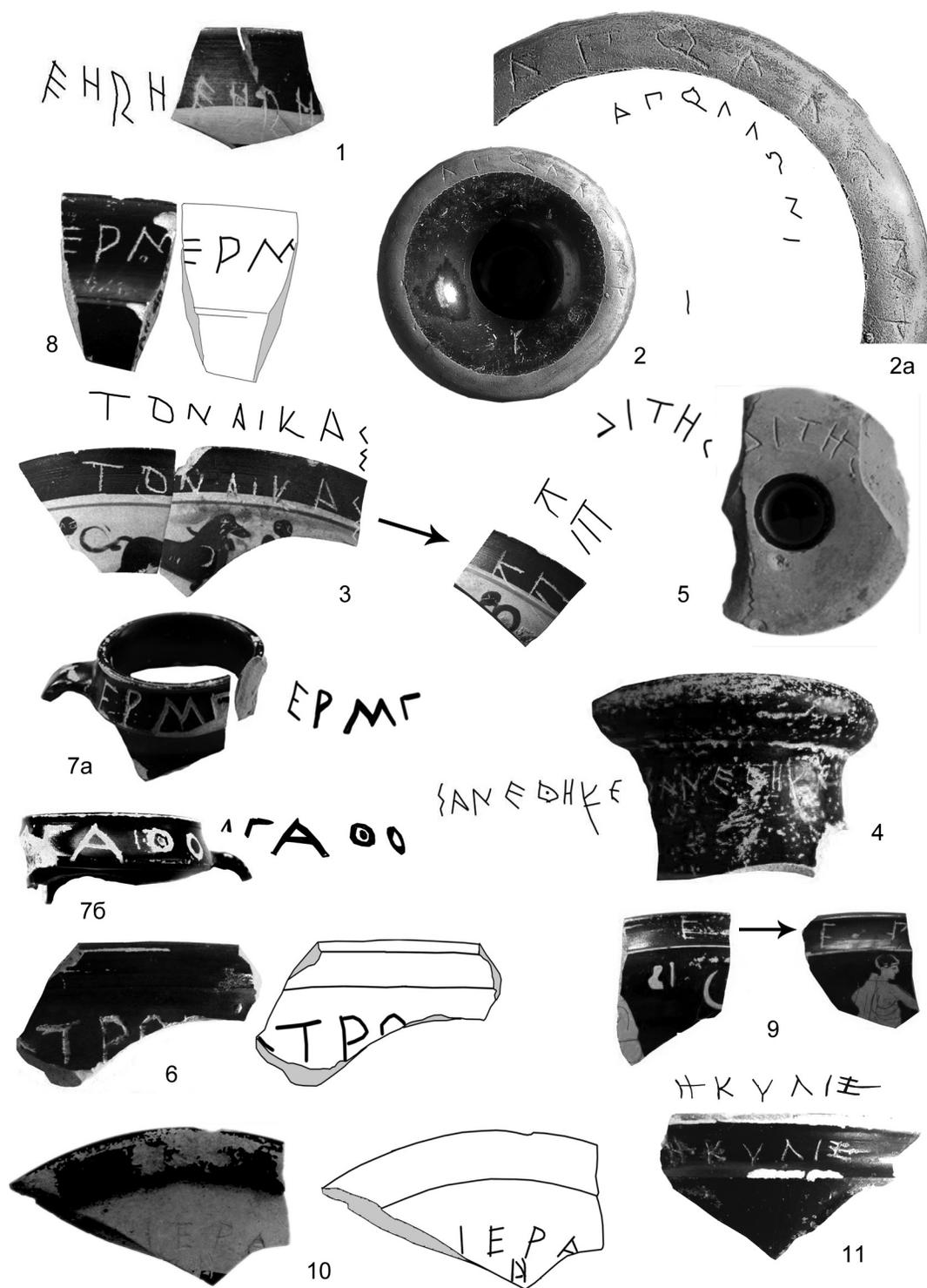

Рис. 1. 1 – граффито № 1; 2, 2а – граффито № 2; 3 – граффито № 3; 4 – граффито № 4; 5 – граффито № 5; 6 – граффито № 6; 7а, 7б – граффито № 7; 8 – граффито № 8; 9 – граффито № 9; 10 – граффито № 10; 11 – граффито № 11

В посвяtitельных надписях боспорских городов позднеклассического времени подобная структура является стандартной (CIRB 10, 11, 971, 972, 974 и др.). В частности, из самосского *герайона* происходят статуи богини Геры с надписями, содержащими вотивную формулу: ὁ θεῖνα μ' ἀνέθηκε τῆ Ἦρηι [Jeffery, 1990, p. 328–329]. Несмотря на то, что имя божества может отсутствовать в посвяtitельной надписи, она сохраняет, как правило, свою структуру: ὁ θεῖνα (με) ἀνέθηκε [Lazzarini, 1976, p. 115–118].

Предполагаем, что в надписи имя богини Геры написано на ионийском диалекте. Форма Ἦρη встречается у Гомера (II. I. 55, 195, 208, 400, 519, 523, 536; II. 15, 32, 69 etc.), а также в надписях второй половины VI–IV вв. до н.э. [Sokolowski, 1955, № 41.6; Bîrzesku, 2006, p. 171; IG II²4841]. Культ Геры фиксируется на Боспоре памятниками лапидарной эпиграфики с IV в. до н.э.¹¹ Итак, можно предложить реконструкцию фанагорийского граффито как [ὁ θεῖνα με ἀνέθηκ?]ε Ἦρηι[ι]. Отсутствие члена τῆι перед Ἦρηι в фанагорийском граффито не является исключительным случаем. Подобные пропуски встречены и в других посвяtitельных граффити. В частности, в посвящении Аполлону из Ольвии [Русяева, 2010, с. 52, № 18, 19]. Не исключено чтение Ἦρη. Пропуск *йоты* adscriptum в окончании имени богини Геры объясняется утратой дифтонгом ηι в dat. sing. в словах 1-го склонения второго компонента и переход в η [Thumb, Scherer, 1959, S. 254]. Это явление отмечается уже в ранних ионийских надписях. Так, в граффито середины – третьей четверти VI в. до н.э. с Березани *йот* adscriptum пропущен в слове δίκη (= δίκη) [Яйленко, 2017, с. 336]; в посвящении Главка сына Посидония с о. Левки начала V в. до н.э. *йот* пропущен в эпитете Ахилла: ... ἀνέθηκεν Ἀχιλλῆι Λευκῆ μεδέοντι... [Яйленко, 1980а, с. 84, табл. III, 1].

2. Поддон чернолакового килика, Аттика, последняя четверть VI в. до н.э. [Sparkes, Tallcott, 1970, p. 92, fig. 4, no. 420]. Найден при раскопках «Верхнего города» в 2016 г. На внешней стороне поддона процарапано два граффити (рис. 2, 2а). Высота букв – 0,5–0,7 см, расстояние между буквами – 0,6–0,7 см. Второе граффито процарапано с противоположной стороны от первого. Наличие *омеги* в надписи указывает на ее ионийский характер, формы *альфы*, *лямбды*, *ню* не противоречат этому наблюдению [Jeffery, 1990, p. 325]. Палеография надписи характерна для позднеархаического времени [Jeffery, 1990, p. 325–328]. В первом граффито у концевой *йот* с левой стороны на фото видна короткая косая черта, выходящая из центра буквы. Эта черта позднего происхождения, как показывает ее свежий скол.

Граффити: Ἀπολλώνι | I – Аполлону | обол (?).

Одно из самых ранних посвящений Аполлону не только в Фанагории, но и в боспорском регионе в целом. Вертикальная черта может обозначать в надписях обол или цифру 10 в алфавитной системе [Амух, 1941, p. 180–201; Tod, 1947, p. 25–26; Jongkees, 1951, p. 258–266; Johnston, 1978, p. 223; Woodhead, 1981, p. 110]. Месторасположения обоих граффити на диаметрально противоположных сторонах поддона указывает, что эти надписи не связаны друг с другом и, возможно, были сделаны в разное время. Цифра I = 10 может рассматриваться как порядковый номер килика в партии поставляемого

¹¹ В надписях первых веков Гера упоминается вместе с Зевсом (CIRB 76, 1021, 36) и наделена, наряду со своим божественным супругом, эпитетом *Сотерия* (CIRB 76, 36).

товара [Johnston, 1974, p. 146–147; 1979, p. 27]. Возможно, что I = 1 обол, и является ценой килика, которая писалась, как правило, на невидимых частях сосудов. О стоимости аттической посуды в позднеархаическую эпоху в Фанагории или других боспорских полисах почти ничего не известно. Имеющиеся сведения указывают, что в последней четверти VI в. до н. э. – первой четверти V в. до н. э. некоторые небольшие аттические вазы в Средиземноморье имели стоимость в один обол и даже выше [Johnston, 1979, p. 33–35; 2006, p. 20–23]. Настаивать на каком-либо одном из вариантов сложно.

Данное посвятельное граффито подтверждает мнение, что в ранней Фанагории почитался Аполлон, покровитель ионийцев, но не Аполлон Иатр. Приношение было совершено в храме этого бога, который, судя по месту находки поддона с граффито, предположительно мог располагаться на территории Верхнего города Фанагории.

3. Венец чернофигурного скифоса (из трех фрагментов), Атика, последняя четверть VI в. до н. э. Ближайшая аналогия – чернофигурный скифос на эхиновидной тонкой подставке из погребения 123 архаического некрополя Ольвии [Скуднова, 1988, с. 84–86, № 8: O.1911.297].¹² Фрагменты найдены в разные годы исследований на Северном участке «Верхнего города» (рис. 3).¹³ На рисунке видно, что правый фрагмент не стыкуется с левой частью сосуда. На левой части венца сохранилось изображение стоящего льва, повернутого вправо, лапы уничтожены сколом. Перед животным и позади него видны головы мужских (?) фигур. На правом фрагменте имеется изображение человеческой головы (мужской?), повернутой вправо, и, предположительно, верхней части хвоста льва. Детали изображений отмечены гравировкой. Верхняя часть гривы и язык льва окрашены пурпурной краской.

С внешней стороны по краю венчика, в полосе черного лака, сохранилась часть граффито. Высота букв – 0,8 см. Палеография надписи имеет характерные для позднеархаического времени начертания букв: *ню* с наклоном вправо; «остроугольная» *альфа*, *эпсилон* с наклоненными к низу гасами. Обращает на себя внимание зигзагообразная (шестичастная) *сигма*, характерная для дорийского алфавита и отмеченная в надписях Лаконии и Мессении в VI – начале V вв. до н. э. [Jeffery, 1990, p. 183, σ 2]. За пределами этих дорийских регионов зигзагообразная (лаконская) *сигма* встречается в аттическом граффито VII в. до н. э. и в граффито из ионийской Смирны ок. 650 г. до н. э. [Jeffery, 1990, p. 34, 66–67, σ3, 325, σ4, p. 341].

Граффито: ΤΟ ΝΑΙΚΑΣ –? – ΚΕ

Реконструкция: τὸ Ναικᾶς [лотήριον ἀνέθη]κε – *Наик посвятил кубок.*

Пустое поле перед *tau* указывает, что эта буква является началом надписи. Буквы ΤΟ понимаем как артикль среднего рода в асс. sing. (см. ниже). Он указывает, что после ΝΑΙΚΑΣ было вырезано существительное среднего рода. Учитывая месторасположение граффито, это должно быть название сосуда. Подходит слово τὸ λότηριον, кубок. Чаши для вина, которые мы часто называем киликами, могут именоваться в надписях потерями. Строгой классификации форм сосудов у древних греков не существовало

¹² Благодарю Ю. Н. Шорунову за консультацию.

¹³ Фрагменты 2014 и 2015 гг. переданы на хранение в ГТБУК «Историко-археологический музей «Фанагория»» (номера музейного хранения: ФМ-КП-1/28 А 28; ФМ-КП-9/45 А1368).

[Sparkes, Tallcott, 1970, p. 4–8; Jonston, 1979, p. 32–33]. Так, из Нимфея происходит граффито на чернолаковом скифосе конца V в. до н. э., который именуется его владельцем как «килик» [Горская, 2002, с. 118]. Пример употребления слова «лотήριον» встречаем в граффито на венчике килика из Пантикапея эллинистического времени: σὺ λότη-
[ριον] Στύ[φωρος?] [Голстой, 1953, с. 98, № 158]. Слово ΝΑΙΚΑΣ представляет номинатив личного имени Ναικᾶς.¹⁴ Единственная аналогия обнаруживается в надписи из Афродисия (Кария) позднеэллинистического или римского времени, где отмечено мужское имя Ναικᾶς – ... Ναικού τοῦ Ἀπολλωνίου (ΜΑΜΑ 8, 538, 1 стк.). Поскольку личное имя Ναικᾶς стоит в nom. sing., чтобы граффито имело смысл, сущ. τὸ [лотήριον] должно определяться как асс. sing. Расстояние между буквами в имени Ναικᾶς варьируется от 0,7 до 1 см. Следовательно, после этого имени и перед буквами -ΚΕ могли располагаться другие литеры. Вероятна реконструкция [ἀνέθη]κε.¹⁵ Учитывая сказанное, граффито может выглядеть следующим образом: τὸ Ναικᾶς [лотήριον ἀνέθη]κε. Имя божества, которому преподнесен дар, может не указываться в посвяtitельных надписях [Lazzarini, 1976, p. 115–117, 118]. Так, в граффито из Пантикапея середины VI в. до н. э. читаем: Δίας μ' [ἀ]νέθηκε [Голстой, 1953, с. 111, № 185; Яйленко, 2006, с. 394–395, № 42]; в граффито из Мирмекия рубежа IV–III вв. до н. э. написано: Ἦραϊς ἀνέθηκε(?) ἄρχοντος Σπάρδοκου [Гайдукевич, 1966, с. 70–76; Емец, 2012, с. 143–144, № 346].

4. Горло чернолаковой ольпы, под венцом и на горле – тонкие пурпурные полоски¹⁶, Аттика, последняя четверть VI в. до н. э. [ср.: Moore, Philippides, Bothmer, 1986, p. 40, тип «Mouth not Trefoil», после 530 г. – начало V в. до н. э.]. Найдено при исследовании «Верхнего города» в 1991 (рис. 4). Высота – 4,8 см, длина – 9,2 см. На горле под венцом сохранился фрагмент надписи. Высота букв – 0,9–1,2 см. Формы букв характерны для второй половины VI в. до н. э. [Jeffery, 1990, p. 325–326, 367–369; Виноградов, 2001, с. 6–7]. Обращает на себя внимание форма *эпсилон* со «скошенными книзу горизонталями», которая выходит из употребления в городах Ионии к началу V в. до н. э. [Jeffery, 1990, p. 325, ε4].¹⁷

Граффито: -ΣΑΝΕΘΗΚΕ.

Реконструкция: [ὁ δαίνα -]ς ἀνέθηκε – *такой-то посвятил*.

Слово ἀνέθηκε указывает, что граффито относится к группе посвяtitельных надписей божествам. Такие граффити нередко имеют структуру: ὁ δαίνα τῷ θεῷ ἀνέθηκε [Lazzarini, 1976, p. 111–115]. Аналогии встречаются в посвяtitельных граффити Аполлону Дельфинию позднеархаического времени с восточного теменоса Ольвии: Τύχων

¹⁴ Выражаю благодарность Н. А. Павличенко за консультацию в интерпретации личного имени.

¹⁵ Об употреблении гл. ἀνατίθημι в посвяtitельных надписях архаического времени см. Lazzarini, 1976, p. 70–71.

¹⁶ Хранится в ФГБУК «Государственный историко-археологический музей заповедник «Фанагория» ФМ-КП 10/7 А 1506 9180371.

¹⁷ Вывод Л. Джеффри подтверждает граффито конца VI в. до н. э. из Гермонассы [Treister, Shelov-Kovedyayev, 1989, p. 292–295]. Примеры *эпсилон* с прямыми горизонталями в позднеархаических надписях и граффити см.: Guarducci, 1967, p. 91, 152–153, 181, 193–194, 209; cf. P. 204 (Олимпия, начало V в. до н. э.); Jeffery, 1990, p. 66, 79, 89, 96, 99, 104, 109, 138, 144, 151, 174, 183 (Тарас, середина V в. до н. э.), 206, 230, 248 (Ахайя и ее колонии, не позднее второй четверти V в. до н. э.), 262, 345, 359; ср. p. 114, 132–133, 289, 313, 328, 335; Виноградов, 2001, p. 6–7 (Ольвия, середина – вторая половина VI в. до н. э.); Завойкина, 2015а, p. 68–72 (Пантикапей, последняя четверть VI – начало V вв. до н. э.) и пр.

Απόλλωνι Δελφινίωι ἀνέθηκε; [-?-] Απόλλωνι Δελφινίωι ἀνέθηκε и др. [Русяева, 2010, с. 25, № 1; с. 26, № 3; с. 27, № 5]. Имеются случаи, когда имя божества было вырезано после сказуемого ἀνέθηκε, как, например, в граффито из Мирмекия конца V в. до н.э.: [ὁ/ἡ δεῖνα ἀ]νέθηκεν τῇ Μητρί [Емец, 2012, с. 148, № 379].¹⁸ В фанагорийском граффито после ἀνέθηκε идет пустое поле, что говорит об отсутствии других слов после него.¹⁹ Имя божества может отсутствовать в посвянительной надписи, и в этом случае она имеет структуру: ὁ δεῖνα (με) ἀνέθηκε [Lazarini, 1976, р. 115–118]. Например, в граффито из Пантикапея середины VI в. до н.э. читаем: Δίας μ' [ἀ]νέθηκε [Толстой, 1953, с. 111, № 185; Яйленко, 2006, с. 394–395, № 42]; а в граффито из Ольвии V в. до н.э. – Κλεαίνιτος μὲ ἀνέθηκεν [Яйленко, 1980б, с. 81, № 73]. Перед ἀνέθηκε сохранилась концевая *сигма* предыдущего слова. Местоимение μέ может пропускаться в надписях.²⁰ Учитывая сказанное, скорее всего, *сигма* является окончанием личного имени дедиканта в nom. sing., ex. gr.: Ἀπολλόδωρος, Θεόφιλος, Φαναγόρης (ср. CIRB 971, 974).

5. Ножка чернофигурного килика, Аттика, вторая половина VI в. до н.э., тип «Eyes cup» [Rizzo, 1990, р. 100, fig. 182–183], найдена при исследовании «Верхнего города» в 2014 г. (рис. 5). Диаметр – 6,6 см, высота – 4,4 см. На нижней плоскости поддона имеется граффито. Высота букв ок. 1 см. От концевой *сигмы* сохранилась нижняя часть. Буквы в надписи не имеют характерных для позднеархаического времени палеографических признаков. Сохранившиеся буквы – *дельта*, *ипсилон*, *тау*, *эта* – равновеликие, аккуратные, без косых гас. Близкая аналогия этим формам букв встречается в двух граффити последней четверти VI – начала V вв. до н.э. из Пантикапея и *абecedарий* последней четверти VI в. до н.э. из Фанагории [Завойкина, 2015а, с. 68–71; Завойкина, 2017, с. 147, рис. 1]. Таким образом, граффито датируется последней четвертью VI в. до н.э.

Граффито: -ΔΙΤΗΣ.

Реконструкция: [-? – Ἀφρο]δίτης – ...*Афродиты*.

Афродита выступала в качестве главного божества-покровителя колонистов из Теоса, основавших Фанагорию.²¹ Сохранившееся в граффито окончание позволяет восстанавливать имя богини Афродиты в gen. sing., [Ἀφρο]δίτης. Можно предложить несколько вариантов реконструкции. Первый вариант – [ἱερὴ Ἀφρο]δίτης, священный дар Афродиты [Болтунова, 1977, с. 180; Виноградов, Тохтасьев, 1998, № 5; Lang 1976, р. 54, G16;]. Второй вариант реконструкции – [εἰσι τοῦ Ἀφρο]δίτης, я (т.е. килик) принадлежу Афродите – обнаруживает аналогии в граффити VI–V вв. до н.э. с Березанского поселения [Яйленко, 1980а, с. 89, № 14, 16] и Ольвии [Русяева, 2010, с. 28, № 9]. Известны маркировочные граффити «ἄβατα Ἀφροδίτης», абата Афродиты, то есть особое священное место в храме Афродиты на западном теменосе Ольвии [Русяева, 2010, с. 72–73, № 136, 137]. Сокращенный вариант приведенных формул представляет имя божества в gen. sing. – [Ἀφρο]δίτης [Lazarini, 1976,

¹⁸ Другие примеры – посвянительные граффити Аполлону Эгинскому с западного теменоса Ольвии VI–V вв. до н.э. [Русяева, 2010, с. 52, № 18, 19].

¹⁹ Отсутствие концевой *ню* в слове ἀνέθηκε(ν) может предположительно указывать, что имя божества началось на гласную (например, *альфа*, *эта*), и было вырезано со значительным отступом от него. Ср.: Толстой, 1953, с. 111, № 185; Яйленко, 2006, с. 394–395, № 42.

²⁰ Многочисленные примеры применения этой формулы в посвянительных надписях см.: Lazarini, 1976, р. 208–223.

²¹ Подробнее о культе Афродиты в ранней Фанагории см. введение.

с. 121–122, 241–250]. Он находит аналогии среди граффити VI–IV вв. до н. э. с Березанского поселения [Яйленко, 1980а, с. 89, № 15], Пантикапея [Яйленко, 2006, с. 366, № 7] и Ольвии [Русяева, 2010, с. 28, № 10–15; с. 58, № 45–48].

6. Фрагмент венца с отогнутым наружу краем чернолакового килика, Аттика, первая половина V в. до н. э. [Sparkes, Tallcott, 1970, p. 91 (type «C, concave lip»), fig. 4, no. 413, pl. 19, nos. 412, 413], был найден при раскопках «Верхнего города» в 2014 г. Длина – 5 см, высота – 2,1 см. На внешней стороне сохранилось граффито (рис. 6). Высота букв 0,8 см. Перед *tau* виден нижний край косой гасты. Ее нижний край находится напротив серединной части вертикали *tau*. Полагаем, что косая черта перед *tau*, судя по ее наклону, принадлежит *альфе* с укороченной правой гастой. Против предположения, что косая черта перед *tau* принадлежит *эпсилон* со скошенными книзу горизонтальными гастами, говорит то, что использование подобной формы *эпсилон* в граффити не выходит за границы VI в. до н. э. Примерно с начала V в. до н. э. употребляется *эпсилон* с прямыми горизонтальными гастами [Jeffery, 1990, p. 325, E]. Схожая тенденция отмечается в двух ранних граффити из Фанагории [Завойкина, 2017, с. 146–147]. От концевой *омикрон* в граффито сохранилась верхняя часть полуовала.

Граффито: – ΑΤΡΟ –

Реконструкция: [Γ]ατρο[ῶ].

В Пантикапее и других городах Боспора Аполлон почитался с эпиклесой Ἰητρος/Ἰατρος [Кошеленко, 2010, с. 380–384].²² Культу Аполлона Иатра в этом регионе посвящено специальное исследование Н. И. Сударева [Сударев, 1999, с. 213–221]. Существует две версии происхождения культа Аполлона Иатра. Первая, высказанная еще Р. Ганшиницем, указывает на то, что под Аполлоном Иатром причерноморские греки подразумевали местное туземное божество [Ganszyniec, 1923, S. 41]. Вторая – этот культ существовал в Ионии в древности и был принесен милетскими колонистами в Северное Причерноморье [Nilson, 1955, S. 540; Ehrhard, 1989, S. 115–117; Русяева, 2005, с. 221–236]. Предполагается, что Дидимы в период колонизации Понта Милетом предложили Аполлона с эпиклесой ион. Ἰητρος (= атт. Ἰατρος) в качестве бога-покровителя и священного защитника новых колоний [Русяева, 2005, с. 222]. В. П. Яйленко привел новые аргументы в поддержку мнения Р. Ганшиница.²³ Эпиклеса Ἰητρος/Ἰατρος известна по посвячительным надписям из Пантикапея и Фанагории (CIRB 6, 10, 974), граффити из Пантикапея и Ольвии [Яйленко, 2006, с. 366–368; Русяева, 2010, с. 43–47]. Существует версия, что в период автономии Фанагории милетский культ Аполлона Иатра не был распространен в этом городе [Кошеленко, 2010, с. 383].

В пантикапейских надписях и ольвийских граффити отмечается использование ионийской формы Ἰητρος. Только в фанагорийском посвящении CIRB 974 представлена аттическая форма, как и в публикуемом граффито – Ἰατρος. Другой случай употребления формы Ἰατρος встречается в двух граффити из Пантикапее начала IV в. до н. э. в сокращенной форме в dat. Ἰατ<ρῶ> или gen. Ἰατ<ροῦ> [Толстой, 1953, с. 106, № 174;

²² О ведущей роли культа Аполлона в античных городах Северного Причерноморья см. Русяева 2005, с. 204–261.

²³ Исследователь полагает, что это божество было связано с водной стихией, поскольку в двух древнейших березанских граффити Иетр идентичен р. Борисфену, и эпиклеса бога может означать на фракийском «блестрый» [Яйленко, 2006, с. 364–366].

Яйленко, 2006, с. 366, № 7]. Расхождения в древнегреческих диалектах в граффити – явление обычное, поскольку сделать приношение мог любой житель города или приезжий.²⁴ В частности, из святилища Геры Акрайи в Афинах происходят граффити как аттические, так написанные алфавитами Коринфа и Сикиона [Jeffery, 1962, с. 396–398].

На внешней стороне сосудов под венцом, как уже отмечалась, располагались посвященные граффити. Рассматриваемая надпись могла состоять как из одного слова [Ἰατροῦ], так и содержать предшествующий текст – [Ἀπόλλωνος Ἰατροῦ]. Аналогии предлагаемому чтению встречаются среди граффити из Патрея и Пантикапея [Емец, 2012, с. 233, № 906; Яйленко, 2006, с. 366, № 6, с. 367, прим. 1]. Не исключено чтение [Ἰατροῦ εἰμί], как в березанском граффито VI в. до н. э. [Толстой, 1953, с. 54, № 76]. В любом случае, настоящее граффито дает основания для вывода о почитании Аполлона Иатра в Фанагории еще в период ее автономии (но не ранее первой половины V в. до н. э.).

7. Фрагмент горла аттического миниатюрного одноручного чернолакового канфара. Единственная аналогия одноручному канфару из Фанагории обнаруживается в материалах афинской агоры и датируется в пределах IV в. до н. э. [Retroff, 1982, p. 123, № 705]. Он был найден при раскопках «Южного города» в 1985. Диаметр горла – 4,6 см, его высота макс. – 2,7 см. По внешней стороне венчика процарапана надпись (рис. 7а, 7б). Высота букв: 0,9–1 см. Форма букв характерна для первой половины IV в. до н. э.: *эпсилон* с равными горизонталями; *ро* с небольшим аккуратным сегментом; *мио* с боковыми наклонными гастами; *альфа* с широко расставленными боковыми гастами и прямой центральной перекладной; *тхета* с точкой в центре овала (ср. письмо середины – начала третьей четверти IV в. до н. э. с поселения Панское I [Столба, 2005, с. 77–80] и письмо Лесиса с афинской агоры, начала IV в. до н. э. [Jordan, 2000, p. 93].

Граффито: ΕΡΜΕ-1-ΑΓΑΘΟ

Надпись: Ἑρμέ[ω] Ἀγαθῶ – Гермесу Агафу.

В первом слове последняя буква (после *эпсилон*) не сохранилась. Учитывая генетивную форму Ἀγαθῶ (ион. ῶ = ου) восстанавливаем чтение Ἑρμέ[ω], ионийскую форму gen. sing. musc. Впервые надпись была введена в научный оборот И. А. Емцем [1995, с. 39; 2012, с. 196, № 659]. Он считает, что это симпозиальная надпись и предлагает, по аналогии с граффито из Пантикапея, чтение: [Διὸς Σωτήρος] Ἑρμέ[ω] Ἀγαθῶ [Δαίμονος] [ср. Толстой, 1953, с. 100, № 161]. Для подобной реконструкции на венце канфара просто нет места. Свободное поле между словами, где может разместиться не более двух букв, занимает верхний корень ручки. Поэтому надпись читается как Ἑρμέ[ω] Ἀγαθῶ и является посвященной.²⁵ Ионийский генетив Ἑρμέω (= аттич. Ἑρμιου) встречен в боспорском регионе не впервые, в частности, он известен в посвященном граффито из Пантикапея и на позолоченном килике из кургана Куль-Оба [Яйленко, 2006, с. 381, № 21, 387, № 26; LSJ, Ἑρμῆς]. Эпитет Гермеса Ἀγαθός известен по уже упомянутому граффито конца V в. до н. э. из Пантикапея. Однако его издатель, И. И. Толстой, предполагал, что в этом граффито Ἀγαθός не является эпиклесой Гермеса и дополнял: Διὸς Σωτήρος Ἑρμέω Ἀγαθῶ

²⁴ Нередко расхождение в диалектах встречается в одной надписи. Например, в сакральном декрете с Коса середины IV в. до н. э. наряду с дорийской формой слова ἱερεῖς, отмечается атт. ἱερεῖς (IG XII, 4).

²⁵ Об употреблении формулы «τοῦ θεοῦ» в посвященных надписях см. Lazzarini, 1976, p. 121–122, 241–250.

Δαίμωνος] [Толстой, 1953, с. 100, № 161]. В словарях по античной мифологии, составленных на основе литературных свидетельств, эпитет Ἀγαθός у Гермеса не засвидетельствован [RE, 1912, Hermes, col. 755–758; Bruchmann, 1893, Ἑρμῆς]. Фанагорийское посвящение Гермесу Агафу позволяет предложить чтение пантикапейского граффито как Διὸς Σωτήρος, Ἑρμῆω Ἀγαθ[οῦ] – Зевсу Сотеру, Гермесу Агафу, и рассматривать надпись в качестве посвятельной, а не застольной.²⁶ Посвящения божествам, состоящим в родственных отношениях (Гермес был по преданию сыном Зевса и часто исполнял поручения отца) известны. Так, из Ольвии происходит посвящение Гермесу и его супруге Афродите [Русяева, 2010, с. 72, 135]. Фанагорийское граффито совместно с пантикапейским посвящением впервые фиксирует неизвестный ранее эпитет Гермеса Ἀγαθός [Яйленко, 2006, с. 383–387].

8. Фрагмент венца чернолаковой чаши (килик?), Аттика, первая половина V в. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 93 (The Vicup type), pl. 20, nos. 434–436]. Он был найден при раскопках «Южного города» в 1986 г. Высота венца – 3,8 см, макс. длина – 1,8 см. На внешней стороне сохранилось три буквы (рис. 8). Высота букв – 0,9 см. Вертикальная галта *эпсилон* уничтожена сколом, как и правая косая вертикаль *мю*. Палеографические особенности: *эпсилон* с прямыми горизонтальными галтами, *ро* с крупным сегментом, *мю* с наклонными боковыми галтами, характерны для первой половины – середины V в. до н. э. [Болтунова, Книпович, 1965, с. 12; Vinogradov, 1997, S. 233–234].

Граффито: ΕΡΜ [-? -]

Надпись: Ἑρμ[ἔω Ἀγαθός?] или Ἑρμ[αγούρης (?) με ἀνέθηκε].

Местоположения граффито указывает на высокую вероятность отнесения его к группе посвятельных граффити. В пользу этого также свидетельствуют схожесть в начертании сохранившихся букв данного граффито (*ро*, *мю*) с формами букв в граффито Ἑρμῆ[ω] Ἀγαθός (№ 7), а также общность их обнаружения на территории «Южного города». Близка и датировка обоих граффити. Все эти наблюдения позволяют предложить реконструкцию граффито как Ἑρμ[ἔω Ἀγαθός?], *Гермесу Агафу*. Возможно также чтение Ἑρμ[ἔω] – *Гермесу* [Гайдукевич, 1987, с. 29; Яйленко, 2006, с. 382, прим. 1, с. 387, № 26]. Фрагментарность надписи наводит и на другие предположения. Так, ΕΡΜ может являться началом композита Ἑρμα- одного из личных имен, известных в боспорской антропонимии с классической эпохи, например: Ἑρμ[αγούρης] (CIRB 1056, Гермонасса), Ἑρμ[οκράτης] (CIRB 213, Пантикапей) и т. п. В этом случае надпись могла иметь следующий вид: Ἑρμ[αγούρης (?) με ἀνέθηκε]²⁷ – *Гермагор (?) посвятил меня*. Для подобной реконструкции места на венце килика достаточно.

9. Два не соединяющихся между собой фрагмента венца краснофигурного килика, Аттика, первая половина V в. до н. э. Форма венчика близка типу киликов «C, consave lip» [Sparkes, Talcott, 1970, p. 91, fig. 4, pl. 19, nos. 411–413]. Оба фрагмента были найдены при исследовании «Верхнего города» в 2009 г. Высота – 3,9 см (рис. 9). На левом фрагменте видна часть торса человеческой фигуры в гиматии, за спиной которого два висящих (на стене) предмета, один из которых, очевидно, стригиль; на правом – изображение верхней части мужской фигуры в гиматии. По всей видимости, на килике

²⁶ Ранее к подобному же заключению пришел В. П. Яйленко [2006, с. 388, № 30].

²⁷ Примеры употребления в граффити надписей с ἀνέθηκε см. выше.

была представлена сцена в гимнасии, покровителем которого был Гермес. На внешней стороне по слабо вогнутой поверхности венца была вырезана надпись, от которой сохранились четыре буквы. Высота букв – ок. 1 см, расстояние между буквами ок. 2 см.

Граффито: TE [-? -] EP [-? -].

Надпись: Τε[λεσίας?] Ἐρ[μῆ] ἀνέθηκε

Левая часть вертикальной гасты *tau* не сохранилась. Начальные буквы TE- могут относиться к началу имени посвятившего, а буквы EP – быть началом имени бога Гермеса, которому посвящена надпись. На последнее предположение наводит изображение атрибутов занятия в гимнасии на фрагментах вазы. Гермес выступал наряду с Гераклом покровителем древнегреческих гимнасиев. В этом случае имя посвятившего должно стоять в nom. sing., а имя бога – в dat. sing. Антропонимов на TE- известно не мало.²⁸ В качестве примера предлагаем восстановление Τε[λεσίας]. Это имя известно по надписи IV в. до н. э. из Нимфея (CIRB 924). Предполагаемая структура надписи находит аналогии в посвятивших надписях позднеархаического времени, в том числе, с восточного теменоса Ольвии: Τύχων Ἀπόλλωνι Δελφινίωι ἀνέθηκε; [-?] Ἀπόλλωνι Δελφινίωι ἀνέθηκε; и др. [Lazzarini, 1976, p. 111–115; Русыева, 2010, с. 25, № 1; с. 26, № 3; с. 27, № 5].

10. Фрагмент поддона небольшого чернолакового открытого сосуда, Аттика, V в. до н. э. Найден при раскопках «Верхнего города» в 1997 г. (рис. 10). Высота – 2,6 см, длина – 4,8 см. На внешней стороне поддона сохранилось пять букв, вырезанных в две строки. Высота букв – ок. 1 см. В начале 1-й стк. перед *ипсилон* идет пустое поле, правая гаста *альфы* уничтожена сколом. Расположение букв в 1 стк. с наклоном вправо показывает, что надпись была процарапана по кругу. Во 2-й стк. сохранилась одна буква, по всей видимости, *эта*. В пользу этого свидетельствует короткая центральная переключина, не касающаяся боковых сторон буквы. Правая гаста *эты* переправлена с косой черты на прямую. Первоначально ошибочно была вырезана *альфа*, которую затем переправили на *эту*. Расстояние между буквами в 1-й стк. (1,7–2 см) показывает, что и во 2-й стк. перед *этой* и после нее могли быть еще буквы.

Граффито: 1. IEPA | 2. – H -.

Реконструкция: ἱερά | [Ἦρ]η[ς] – *священные дары* | *Геры* (?).

В 1-й стк. читается (τὰ) ἱερά, священные дары. Этим словом маркировались предметы, принадлежащие храму определенного божества [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 88–89, № 369]. Из святилища Ахилла на о. Березань происходит граффито «[i]ερά Αχχιλέως» [Яйленко, 1980а, с. 86, № 8]. В коллекции Херсонеса имеется граффито «ἱερά Ἐρ[μῆ?]» [Соломоник, 1978, № 959]. Среди граффити из святилища Деметры в Нимфее встречается надпись «ἱερός Δήμητρος» [Толстой, 1953, с. 79, № 123]. Из фиванского Кабириона происходит группа бронзовых бычков с надписями ἱερός и ἱερόν. П. Рёш отмечает, что некоторые из них маркировались словом «священный» спустя триста лет, видимо, при храмовой инвентаризации [Roesch 1985, p. 135–151]. Предположительно, сохранившаяся во 2-й стк. буква *эта* является фрагментом имени божества, которому принадлежал сосуд. Как правило, строки в граффити располагались с одинаковым отступом, одна под другой. Следовательно, скол перед *этой* уничтожил 2–3 буквы. *Exempli gratia* можно предложить

²⁸ См., например: LGPN, I-Vc, s. v. Τε-.

восстановление ионийской формы имени Геры в gen.sing. [Ἦρ]η[ς]. В пользу этой версии свидетельствует во 2-й стк. исправление *альфы* (атт. Ἦρα) на *эту* (ион. Ἦρη). Таким образом, граффито может рассматриваться как инвентарная маркировка собственности храма, возможно, богини Геры (?) в Фанагории. Напомним, что Гера упоминается в двух ранних граффити из Фанагории – граффито № 1 данной публикации и в списке пожертвований из Фанагории после 540–520-е гг. до н. э. [Завойкина, 2018, с. 292–299].

11. Фрагмент чернолакового килика с отогнутым наружу венцом, Аттика, первая половина V в. до н. э. [Sparkes, Tallcott, 1970, p. 91 (type «C, concave lip»); fig. 4, № 413, pl. 19, № 412–413]. Он был найден при раскопках «Верхнего города» в 2014 г. На внешней стороне по венцу имеется граффито (рис. 11). Расстояние между буквами 0,4–0,7 см. У конечной *кси* центральная горизонталь продолжена вправо. Автор граффито процарапал эту линию, затем остановился (на месте остановки «стилоса» видно углубление округлой формы) и продолжил горизонталь дальше на 0,6 см.

Граффито: -ΗΚΥΛΙΞ

Надпись: [-? -] ἡ κύλιξ.

На внешней стороне венцов или тулова чаш для винопития располагались посвященные, владельческие или застольные надписи [Яйленко, 1980б, с. 90–93, № 91–96а; Завойкина, 2015б, с. 103–105].²⁹ Слово ἡ κύλιξ встречается в посвящении Гермесу из Нимфея: Ἐρμῆω ἡ κύλιξ, процарапанному на венце чернолакового аттического скифоса первой половины V в. до н. э. [Pavlichenko, Sokolova, 2016, p. 194]. В посвящении Афродите на венце килика из Ольвии IV в. до н. э. читаем: Ἀφροδίτης ἡ κύλιξ [Яйленко 1980в, с. 60, прим. 37]. С другой стороны, известна владельческая надпись Патрокла на венце килика последней четверти IV в. до н. э. из раскопок могильника Мысыр в Крымском Приазовье: Πατροκλεῖος κύλιξ [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 163, № 854]. Еще один пример предоставляет застольная надпись из Ольвии V в. до н. э.: Ἀκτίωιο<υ> ψύχη ἡ κύλιξ (εἰμί) σῶς, ἡδεῖα, ἡδύτοτος – «килик – душа Актигая, целый, сладкий приятный, для питья» [Виноградов, 1969, с. 147]. В фанагорийском граффито после конечной *кси* идет пустое поле длиной 4 см, а расстояние между буквами граффито варьируется от 0,8 до 2 см. Это наблюдение дает основание для вывода, что слово ἡ κύλιξ было последним в надписи. Следовательно, предполагать застольную надпись, схожую с цитированной, нет оснований. Хотя состояние граффити не позволяет однозначно определить ее содержание, приведенные аналогии позволяют думать, что перед словом ἡ κύλιξ могло стоять имя божества или личное имя владельца в gen. sing. poss.: [τοῦ δεῖνος] ἡ κύλιξ. Среди чтимых в ранней Фанагории божеств – Аполлон, Афродита, Гера, Гермес. Любому из них (и не только им) мог быть посвящен этот килик.

* * *

Итак, публикуемые граффити дополняют наши представления о религиозно-культурной истории ранней Фанагории. Имеются основания для предположения о существовании на территории «Верхнего города», где предполагается историческое ядро

²⁹ В статье Н.В. Завойкиной граффито с поселения «Полянка» следует читать: [Διονύσου?, Διονύ]σου δὲ ὑγεῖας, | [διδό?]ης ἰσχύιν. В публикации в имени Диониса имеется опечатка, которая была исправлена мною при вычитке корректуры статьи, но не учтена издателем.

полиса, в третьей четверти VI в. до н. э. теменоса. Где-то здесь располагались, возможно, храмы Аполлона и Геры.³⁰

Важными представляются новые хронологические данные о почитании в Фанагории Аполлона. Теперь можно уверенно говорить об отпавлении культа этого бога в городе практически с момента его основания. Новым также является упоминания богини Геры в ранних фанагорийских граффити. Посвящения Гере указывают, что жители этого полиса сохранили традиционные верования. Прежде этот факт не имел письменных подтверждений для раннего периода боспорской истории.

Эпиграфические данные о культе Аполлона Иатра в Фанагории пока относятся к периоду не ранее первой половины V в. до н. э.³¹ С момента основания полиса ок. 540 г. до н. э. и до начала V в. до н. э. граффити фиксируют только культ Аполлона без эпитеты.³² Пока сведения источников из Фанагории не коррелируются с общепринятой концепцией об Аполлоне Иатре как верховном божестве-покровителе ионийских колонистов берегов Боспора Киммерийского. В тоже время, не поддерживается гипотеза, что Аполлон Иатр стал почитаться в Фанагории лишь после включения полиса в состав державы Спартокидов-Левконинов в конце V в. до н. э. (пока самое раннее свидетельство о почитании Аполлона Иатра в Фанагории датируется первой половиной V в. до н. э.).

В первой половине V в. до н. э. на верхнем плато Фанагории, видимо, действовал уже и храм Афродиты.³³

Почитание Гермеса прослеживается в ранней Фанагории только на основании граффити.³⁴ Небольшая группа посвящений позволяет думать, что в классическую эпоху в городе существовал храм Гермеса. В районе «Южного города» обнаружены следы почитания Гермеса Агафа. Этот эпитет у божества встречается только в ранних боспорских надписях (Пантикапей, Фанагория). Особенности его культа остаются неизвестными. Нельзя исключать почитание Гермеса как супруга Афродиты в общем святилище.³⁵

Внимания заслуживают три ранних votivных приношения.³⁶ Надписи на этих сосудах показывают, что они соответствуют выделенным М. Лацарини формулам посвященных надписей VI – первой половины V вв. до н. э. в полисах Средиземноморья. В граффито № 3 упоминается некто Наик (Ναῖκῆς). Это имя впервые встречено в антропонимии не только Фанагории, но и всего Северного Причерноморья. Прежде оно было известно только в надписи позднеэллинистического времени из Карики.

³⁰ Граффити № 1, 2, 10 (храмовая маркировка собственности).

³¹ Граффито № 6.

³² Граффито № 2.

³³ Граффито № 5. Конечно, подобная локализация является предположительной, учитывая возможность перемещения посвященных граффити с их изначального места нахождения в ходе каких-либо разрушений, очистки территории от их последствий, дальнейшего строительства и т. п.

³⁴ Граффити № 7, 8, 9.

³⁵ Находки граффити и других предметов позволили предположить наличие святилища Афродиты и Гермеса в северо-восточной части Западного теменоса Ольвии и отдельного святилища Афродиты рядом с ним в позднеархаическое и классическое время [Гусева, 2010, с. 68–74].

³⁶ Граффити № 3, 4, 11.

Список литературы

- Бабинов, 1970. Бабинов Ю. А. Посвятительные граффити из Херсонеса Таврического // ВДИ. 4.
- Болтунова, 1977. Болтунова А. И. Зевс Отчий и Зевс Спаситель // ВДИ. 1.
- Буйских, 2013. Буйских А. В. Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитация). Киев.
- Буйских, 2001. Буйских С. Б. Исследование святилища Ахилла на Бейкушском мысу (предварительные итоги) // ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. Памяти Ю. Г. Виноградова. Севастополь.
- Виноградов, 1969. Виноградов Ю. Г. Киклические поэмы в Ольвии // ВДИ. 3.
- Виноградов, 1974. Виноградов Ю. Г. Древнейшее греческое письмо с острова Березань // ВДИ. 4.
- Виноградов, 2001. Виноградов Ю. Г. Визит эвбейца в Фанагорию // ВДИ. 1.
- Виноградов, Тохтасьев, 1998. Виноградов Ю. А., Тохтасьев С. Р. Новые посвячительные граффити из Мирмекия // *Hypoboreus*. 4/1.
- Гайдукевич, 1966. Гайдукевич В. Ф. Вотив Гереея из Мирмекия // Культура античного мира. М.
- Гайдукевич, 1987. Гайдукевич В. Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. Ленинград.
- Головко, 1966. Головко И. Д. Эпиграфические находки // МАСП. 5.
- Горская, 2002. Горская О. В. Культы Нимфея по материалам граффити // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб.
- Денисова, 1994. Денисова В. И. Литейная форма мастера Гикесия из Ольвии // Археологические вести. 3. СПб.
- Завойкин, 2011. Завойкин А. А. Заметки о культе Диониса в Фанагории // ПИФК. 4.
- Завойкин, 2016. Завойкин А. А. Афина и горгона Медуза в святилище «Береговой 4» // КСИА. 245.
- Завойкин, Кузнецов, 2011. Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. Древнейшее общественное здание в Фанагории // ПИФК. 4.
- Завойкина, 2015а. Завойкина Н. В. Два новых граффити из Пантикапея (из архива В. Д. и Т. В. Блаватских) // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова. М.
- Завойкина, 2015б. Завойкина Н. В. Симпозиум в археологическом контексте // КСИА. 241.
- Завойкина, 2017. Завойкина Н. В. Два *abecedaria* позднеархаического времени из Фанагории // ПИФК. 4.
- Завойкина, 2018. Завойкина Н. В. Список жертвоприношений с упоминанием Фанагора третьей четверти VI в. до н. э. из Фанагории // Боспорский Феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 1. СПб.

- Завойкина, Павличенко, 2016. Завойкина Н. В., Павличенко Н. А. Письмо на свинцовой пластине из Патрея // *Материалы по истории и археологии Фанагории*. Вып. 2 (Фанагория. Т. 4). М.
- Егорова, Ильина, Кутинова, 2008. Егорова Т. В., Ильина Т. А., Кутинова Т. М. К вопросу о датировке культового комплекса на Майской горе // *ДБ*. 12/1.
- Емец, 1995. Емец И. А. Граффити и дипинти как источник по сакральным представлениям населения Боспора // *Эпиграфический вестник*. 3.
- Емец, 2012. Емец И. А. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Северного Причерноморья (подготовительные материалы к Корпусу). М.
- Емец, Петерс, 1992. Емец И. А., Петерс Б. Г. Эпиграфические материалы из Патрея // *Древности*. 2.
- Ильина, 2017. Ильина Т. А. Боги-покровители Фанагории // *Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства*. М.
- Кобылина, 1974. Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Фанагории // *Терракотовые статуэтки*. Ч. IV. Подонье и Таманский полуостров (САИ Г1-11/IV). М.
- Кобылина, 1956. Кобылина М. М. Фанагория // *МИА*. 57.
- Кошеленко, 2010. Кошеленко Г. А. Религия и культы // *Античное наследие Кубани*. Т. II. М.
- Кузнецов, 2006. Кузнецов В. Д. Новые надписи из Фанагории // *ВДИ*. 1.
- Кузнецов, 2013. Кузнецов В. Д. Апатур // *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 1 (Фанагория. Т. 1). М.
- Кузьмина, 2011. Кузьмина Ю. Н. Эллинские святилища Боспора в VI–I вв. до н. э. (по материалам раскопок сакральных комплексов Азиатского Боспора). Дис. канд. ист. наук. М. (Архив ИА РАН. Р-2, № 2795).
- Ломтадзе (Завойкина), 1996. Ломтадзе (Завойкина) Н. В. Картографирование эпиграфических памятников Фанагории как источник по исторической топографии города // *История и культура древнего мира*. М.
- Марченко, 1974. Марченко И. Д. Терракоты из святилища на Майской горе (Блеваке) // *Терракотовые статуэтки*. Ч. IV. Придонье и Таманский полуостров (САИ Г1-11/IV). М.
- Муратова, Ильина, Шорунова, 2017. Муратова М. Е., Ильина Т. А., Шорунова Ю. Н. Религия и культы Пантикапея и Фанагории // *Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства*. М.
- Русяева, 2005. Русяева А. С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Мифы, святилища, культы олимпийских богов и героев. Киев.
- Русяева, 2010. Русяева А. С. Граффити Ольвии Понтийской (МАИЭТ Supplementum 8). Симферополь.
- Сапрыкин, Масленников, 2007. Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. Граффити и дипинти хоры античного Боспора (БИ. Supplementum 1). Симферополь–Керчь.
- Скудная, 1988. Скудная В. М. Архаический некрополь Ольвии. Публикация одной коллекции. Л.
- Соломоник, 1978. Соломоник Э. Я. Граффити античного Херсонеса. Киев.
- Столба, 2005. Столба В. Ф. Греческое письмо с поселения Панское I // *ВДИ*. 4.

- Сударев, 1999. Сударев Н. И. Культ Аполлона Врача и некоторые вопросы греческой колонизации // ДБ. 2.
- Толстой, 1953. Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.-Л.
- Цветаева, 1986. Цветаева Г. А. Посвятительные граффити из Горгишии IV в. до н. э. // Проблемы античной культуры. М.
- Шауб, 2007. Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб.
- Штерн, 1897. Штерн Э. Р. «Graffiti» на античных южнорусских сосудах // ЗООИД. XX.
- Яйленко, 1980а. Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани, Ольвии // ВДИ. 2.
- Яйленко, 1980б. Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани, Ольвии // ВДИ. 3.
- Яйленко, 1980в. Яйленко В. П. Несколько ольвийских и березанских граффити (по материалам Одесского археологического музея) // КСИА. 159.
- Яйленко, 1982. Яйленко В. П. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. М.
- Яйленко, 1995. Яйленко В. П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М.
- Яйленко, 1996. Яйленко В. П. Псевдоэпиграфика античного Северного Причерноморья // История и культура древнего мира. М.
- Яйленко, 2006. Яйленко В. П. Посвятительные граффити Пантикапея и округи // ДБ. 9.
- Яйленко, 2016. Яйленко В. П. Сказ про то, как исследователь И. Е. Суриков отправил в небытие Фанагора, Гермона, Гилона и разоблачил лжецов Демосфена да Эхина // Боспорские чтения. XVII. Керчь.
- Яйленко, 2017. Яйленко В. П. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора в VII в. до н. э. – VII в. н. э. СПб.
- Амух, 1941. Амух D. A. An Amphora with a Price Inscriptions in the Hearst Collection at San Simeon, University of California // Publications in Classical Archaeology. 1/8. Berkeley.
- Birzesku, 2006. Birzesku Iu. Some Ceramic Inscriptions from Istrian Sanctuaries: The Naukratis Approach // Naukratis: Greek Diversity in Egypt. Studies on East Greek Pottery and Exchange in the Eastern Mediterranean. London.
- Bruchmann, 1893. Bruchmann C. F. H. Epitheta Deorum quae apud poetas Graecos leguntur (W. H. Roscher. Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. Supplementum I). Leipzig, 1884–1886.
- Bujskich, 2006. Bujskich S. V. Kap Bejkuš – Kap des Achilleus: eine Kultstätte des göttlichen Heros im Mündungsgebiet des Bug // Der Achilleus Kult im nördlichen Schwarmeraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit. Beiträge zur Akkulturationsforschung (Internationale Archäologie 94), Leidorf.
- Cole, 1995. Cole S. G. Civic Cult and Civic Identity // Sources for the Ancient Greek City-State. Copenhagen.
- Ehrhard, 1989. Ehrhard N. Apollo Ietros. Ein verschollener Gott Ioniens? // IstMitt. 39.
- Ganszyniec, 1923. Ganszyniec R. Apollo als Heilgott // Archiv für Geschichte der Medizin. 15.
- Guarducci, 1967. Guarducci M. Epigrafia Greca. I. Caratteri e storia della disciplina; la scrittura greca dalle origini all' eta Imperiale. Rome.

- Jeffery, 1962. Jeffery L.H. Inscriptions on Vases and Small Objects // *Perachora. The Sanctuary of Hera Akraia and Limenia II*. Oxford.
- Jeffery, 1990. Jeffery L.H. *The Local Scripts of Archaic Greece. A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eighth to the Fifth centuries B.C.* Oxford.
- Johnston, 1974. Johnston A.W. Trademarks on Greek Vases 1 // *Greece and Rome*. 21/2.
- Johnston, 1978. Johnston A.W. List of Contents: Attic Vases // *AJA*. 82.
- Johnston, 1979. Johnston A.W. Trademarks on Greek Vases. Warminster.
- Johnston, 2006. Johnston A.W. Trademarks on Greek Vases. Addenda. Oxford.
- Jongkees, 1951. Jongkees J.H. On Price Inscriptions on Greek Vases // *Mnemosyne*. 4/3–4.
- Jordan, 1978. Jordan D.R. A Graffito from Panticapaeum // *ZPE*. 30.
- Jordan, 2000. Jordan D.R. A Personal Letter Found in the Athenian Agora // *Hesperia*. 69/1.
- Lang, 1990. Lang M. *Ostraca (The Athenian Agora. XXV)*. Princeton, New Jersey.
- Lazzarini, 1976. Lazzarini M.L. Le formule delle dediche votive nella Grecia Arcaica (Memorie. Classe di Scienze morali, storiche e filologiche. Serie VIII. Vol. XIX. Fasc. 2). Rome.
- Moore, Philippides, Bothmer, 1986. Moore M. B., Philippides M. Z. P., Bothmer (von) D. *Attic Black-figures Pottery (The Athenian Agora. XXIII)*. Princeton, New Jersey.
- Petrie, 1886. Petrie W.M.F. *Naukratis*. 1. London.
- Rizzo, 1990. Rizzo M. A. Le anfore da trasporto e il commercio Etrusco Arcaico. I. Complessi tombali dall'Etruria medionale. Rome.
- Roesch, 1985. Roesch P. Les taureaux de bronze du Kabirion de Thebes et l'écriture archaïque beotienne // *Proceeding of the Third International Conference on Biotian antiquities*. Amsterdam.
- Rotroff, 1982. Rotroff S. *Hellenistic Pottery and Imported Moldmade Bowls (The Athenian Agora. XXII)*. Princeton, New Jersey.
- Sherk, 1991. Sherk R. K. The Eponymous Officials of Greek Cities III // *ZPE*. 88.
- Sokolowski, 1955. Sokolowski F. *Lois sacrées de l'Asie Mineure*. Paris.
- Sparkes, Tallcott, 1970. Sparkes B. A., Tallcott L. *Black and Plain Pottery of 6th, 5th and 4th centuries BC (The Athenian Agora. XII)*. Princeton, New Jersey.
- Stroud, 2013. Stroud S. *The Sanctuary of Demeter and Kora. Inscriptions (Corinth. XVIII, 6)*. Princeton, New Jersey.
- Thumb, Scherer, 1959. Thumb A., Scherer A. *Handbuch der griechischen Dialekte*. 2. Heidelberg.
- Tod, 1947. Tod M.N. Epigraphical Notes on Greek Coinage. III. ΟΒΟΛΟΣ // *The Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society* 7/1–2.
- Treister, Shelov-Kovedyaev, 1989. Treister M. Ju., Shelov-Kovedyaev Th. V. An Inscribed Conical Clay Object from Hermonassa // *Hesperia*. 58/3.
- Trippé, 2015–2016. Trippé N. Une lettre d'époque classique à Thasos // *BCH*. 139–140/1.
- Vinogradov, 1997. Vinogradov Yu. G. A Letter from Gorgippean Rural Estates // *ACSS*. 4/3.
- Wachter, 2001. Wachter R. 2001. *Non-Attic Greek Vase Inscriptions*. Oxford.
- Woodhead, 1981. Woodhead A. G. *The Study of Greek Inscriptions*. 2nd ed. Cambridge.

Summary

N.V. Zavoykina

Sacred inscriptions on vases from the early Phanagoria

A substantial lack of information about Ancient Greek cults in the early Phanagoria makes us turn to the graffiti, found during the excavations of this city. Eleven inscriptions on ceramic sherds (Ionic and Attic vases), dating from the third quarter of the VIth - IVth centuries BC, are published in the article. Graffiti № 1 (540–500 BC) and №10 (Vth century BC) are devoted to Hera, graffiti № 2 (4th quarter of VIth century BC) – Apollo. Before their publications there are no any written evidence concerning to the cults of Hera and Apollo for the Bosporos in the third quarter of the VIth – Vth centuries BC. The inscriptions make it impossible for to believe a *temenos* was situated in the territory of the “Upper City” in Phanagoria, where was its *acropolis* in the third quarter of VIth – Vth centuries BC. Temples of Apollo and Hera were located somewhere in the *temenos*. The graffiti № 2 indicates that Apollo was worshiped in the city almost from the period of its foundation. The dedications of Hera point out a keeping of traditional beliefs inherent in Ionian Greeks by inhabitants of Phanagoria. The epigraphic data related to the cult of Apollo Iatros in Phanagoria has still referred to a period not earlier than the first half of Vth century BC (graffiti № 6). So far, the new dedications from Phanagoria are not correlated with the generally accepted concept of Apollo Iatros as the supreme deity patron of the Ionian colonists in the Cimmerian Bosporos. At the same time, it is not supported by the hypothesis that Apollo Iatros was worshiped in Phanagoria only after the inclusion of it in the Spartokidai state at the end of Vth century BC. The dedication of Aphrodite is incised in the graffiti № 5 (the first half of V century BC). It denotes that a temple of Aphrodite acted apparently in the acropolis of Phanagoria in V century BC. Only ceramic inscriptions (graffiti №№ 7, 8, 9) inform of a worship of Hermes in the early Phanagoria. So, it is impossible to suspect an existence of Hermes temple in the city in the Classical period. Hermes Agaphos was worshiped in “Southern City” – a trade and handcraft part in the early Phanagoria. This epithet of the deity is found only in the early inscriptions from Panticapaeum and Phanagoria. Graffiti №№ 3, 4, 11 are votive inscriptions cut out in offerings (vases) to some deities. They correspond to the formulas in dedicated inscriptions of the VIth - the first half of Vth centuries BC in the cities of the ancient Mediterranean, which were allocated to M. Lazarini. Graffiti № 3 mentions the name of Naikas (Ναϊκάς). This name is firstly met in anthroponomy not only of Phanagoria, but also of the Northern Black Sea. Earlier it was known only in an inscription of the Late Hellenistic time from Caria.

В. Г. Зубарев

*(Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого)*

Склеп № 10 из раскопок 2007 года на некрополе городища «Белинское»¹

Некрополь городища «Белинское» расположен в 600 м к востоку от него, в северной части урочища Аджиэль (Восточный Крым), на южной окраине с. Державино (ныне нежилого), в полутора километрах от села Белинское. Он занимает возвышенность, являющуюся продолжением плато с городищем. Наиболее изучена к настоящему времени центральная часть некрополя. Именно здесь в 2007 г. был исследован склеп № 10, о котором и пойдёт речь в статье. Это место было подготовлено в 70-е гг. прошлого века под расширение карьера по добыче ракушечника. Наскальный грунт по большей части был снят, поэтому некоторые могильные ямы и грабительские «шурфы» были хорошо заметны на фоне скалы. По мере приближения к границам предполагаемого карьера толщина наскального грунта увеличивалась. В центре участка и по юго-восточному краю проходит глубокая траншея выборки карьерного камня. Рельеф имеет чётко выраженное понижение в сторону Аджиэльской балки (рис. 1). Нетронутым наскальный грунт сохранился к востоку от карьерной площадки. В 2012 г. здесь в непосредственной близости от края карьера вслед за грабителями был расчищен вырубной склеп с коротким дромосом катакомбного типа (№ 20). Данный некрополь, скорее всего, продолжается и дальше к востоку. На это, в частности, указывает анализ планов, сделанных до начала разработки карьера. Так на планах 1957 и 1974 гг. чётко видна цепочка курганов, протянувшаяся с запада на восток через центральную часть некрополя, причём наибольшее их скопление наблюдается как раз в том месте, где был выявлен склеп № 10 (рис. 2–3). Некоторые из этих насыпей сохранились до наших дней. Две, наиболее удалённые от карьера, подверглись разрушению относительно недавно. Анализ обломков керамики, выброшенной грабителями, позволяет датировать погребения в них эпохой бронзы. Остатки насыпи были прослежены

¹ Работа выполнена в рамках НИР «Археологические и геофизические изыскания на археологических памятниках Аджиэльской балки для проверки гипотез о характере антропогенного воздействия в период голоцена» в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого (задание Минобрнауки России, № 33.6496. 2017/8.9).

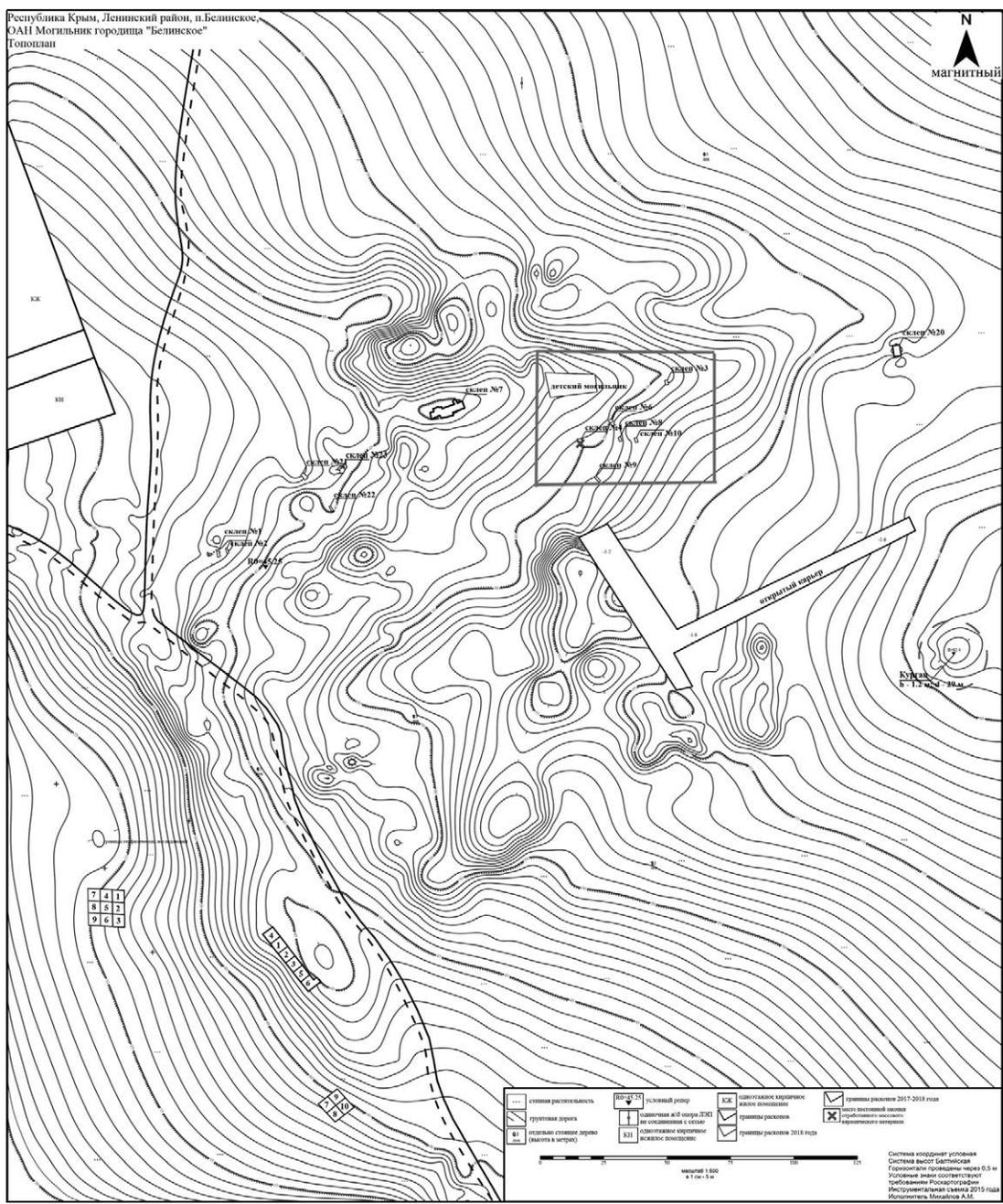

Рис. 1. Некрополь городища «Белинское». Топографический план. Выделен участок местоположения склепа № 10

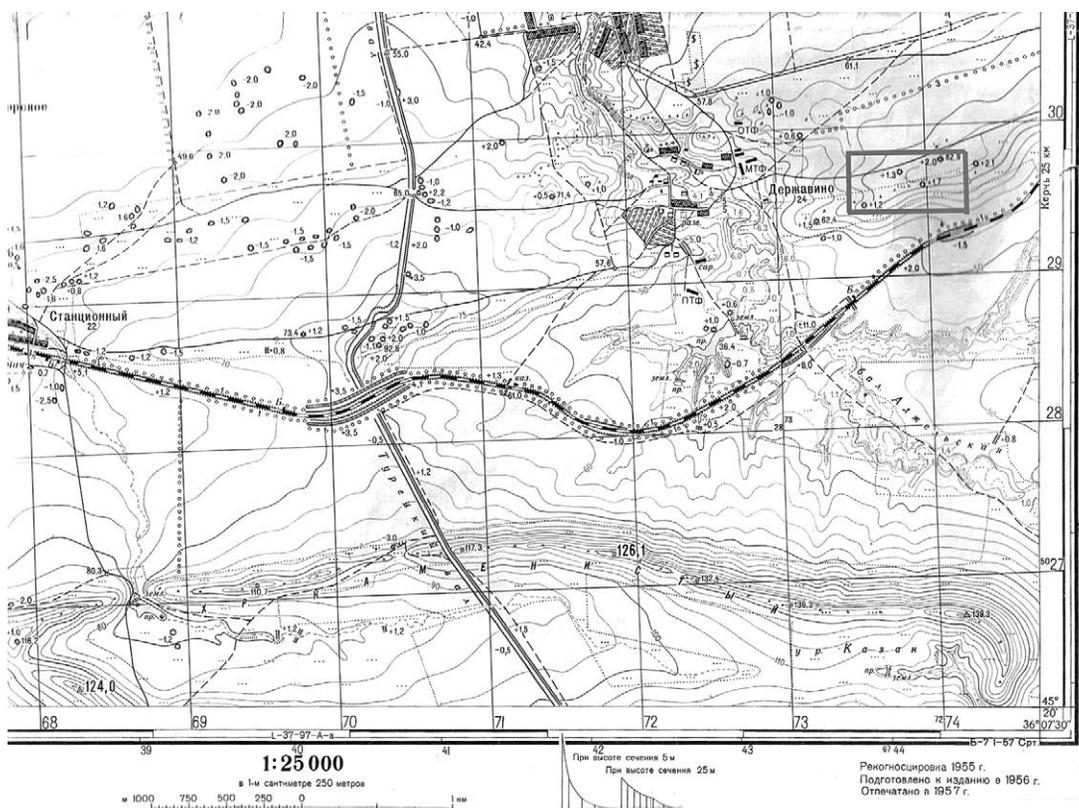

Рис. 2. Карта 1957 года. Выделен участок местоположения склепа № 10

и над склепом № 20. Следовательно, таковая являлась частью конструкции погребальных сооружений и античного времени, по крайней мере, части из них.

Работы в центральной части некрополя были начаты ещё в 2005 г. На площади около 1000 кв. м за 11 лет работ были выявлены и исследованы 23 склепа. Два из них имели перекрытие и датировались II – первой половиной III вв. н. э. Остальные – полностью вырубленные в скальном грунте, датируются второй половиной III–IV вв. н. э. и относятся к типу склепов с коротким дромосом. Все гробницы были ограблены ещё в древности и повторно в новое время. В двух склепах выявлены вторичные захоронения, относящиеся к периоду средневековья. Проведённый анализ антропологического материала показал, что все склепы являлись семейными. В них было захоронено от 5 до 23 человек: мужчин, женщин и детей. Рядом со склепами исследованы 13 грунтовых погребений, три из которых оказались неграбленными (два взрослых и одно детское). Часть из них имела перекрытия. Датируются все они II – первой половиной III вв. н. э.

Общая стратиграфия слоёв, перекрывающих погребальные сооружения на центральном участке, следующая:

1. **Слой гумуса темно-серого цвета.** На центральном участке он сильно повреждён в результате разработки карьера, а в местах выхода скальной породы отсутствует. Мощность его колеблется от 0,1 до 0,2 м. В целом он довольно рыхлый и сыпучий.

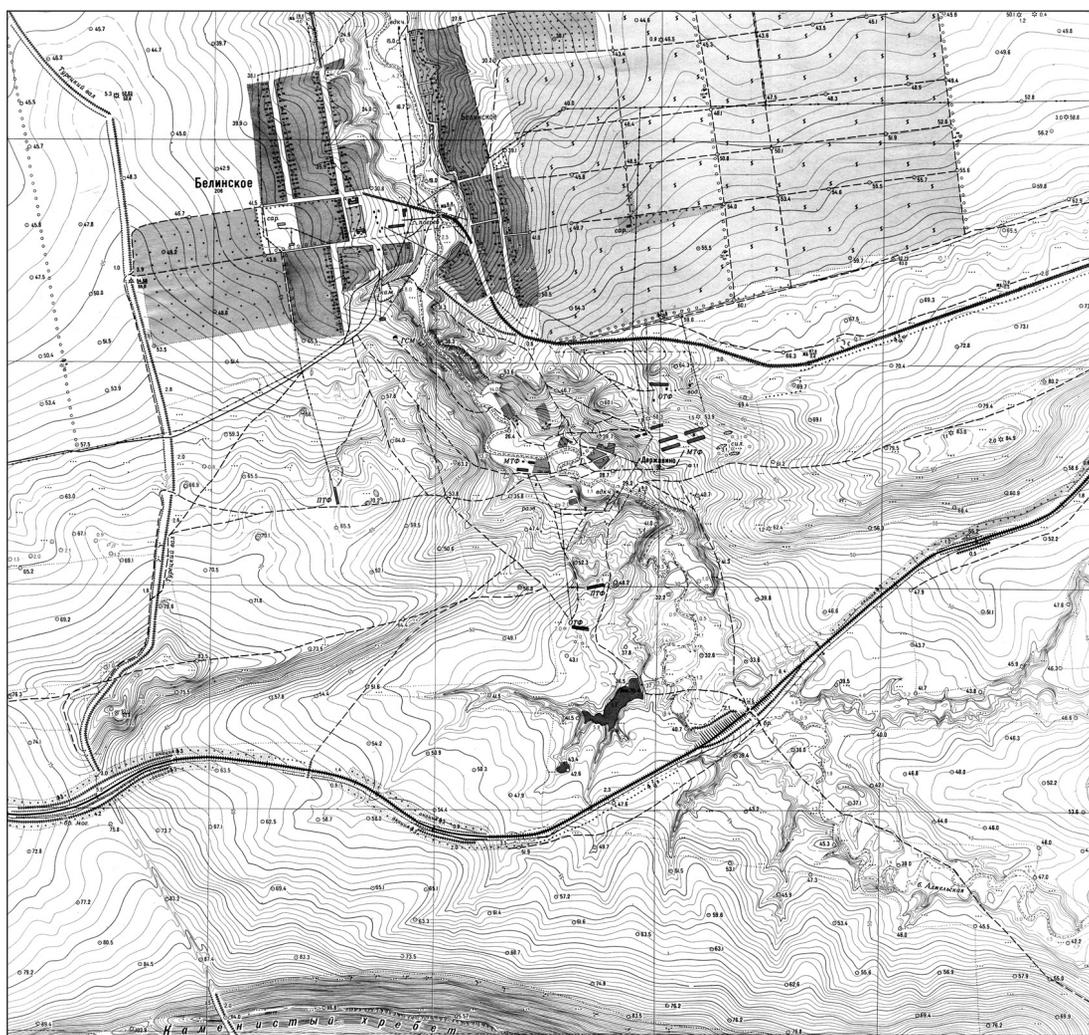

Рис. 3. Карта 1974 года. Выделен участок местоположения склепа № 10

2. Тёмно-серая супесь на основе суглинка часто с большим количеством каменной крошки и бута. Её образование связано с поздними перекопами, как в средневековый период, так и в новейшее время. На центральном участке, который активно использовался в раннем средневековье, этот слой встречается и на межмогильном пространстве, и в заполнении могильных ям.

3. Жёлто-коричневый суглинок (предматериковый слой). На центральном участке он сохранился только во впадинах, ямах выборки камня и в заполнении могильных ям.

4. Материковый слой. Это жёлтый ракушечник, более рыхлый ближе к дневной поверхности и более плотный дальше от неё. В целом рельеф материкового слоя сохраняет уклон в сторону Аджиэльской балки, но более ровный в центральной части. Все склепы и грунтовые погребения на центральном участке впущены в него.

Культурный слой, как таковой, на исследованных участках некрополя отсутствует. Единичные находки в слое предматерикового суглинка, как правило, тяготеют к местам погребений и не отражают процесс формирования стратиграфического горизонта в целом. Все до сих пор исследованные могилы, вне зависимости от времени совершения погребения, впущены в материковый грунт и отличаются лишь глубиной залегания и конструктивными особенностями.

Аналогичные по конструкции рассматриваемому склепы известны в Предгорном Крыму (могильники Нейзац, Дружное, Инкерман и др.) [Храпунов, 2004, с. 138,148]. В первые века н.э. они становятся доминирующими и на некоторых могильниках Восточного Крыма, в частности, на Илуратском плато. В.А. Хршановский, опираясь на типологию боспорских склепов Е.А. Савостиной, определяет их, как склепы-катакомбы [Хршановский, 2012, с. 526]. Для них характерны прямоугольные или трапециевидные в плане входные ямы; не заполненные камнями короткие дромосы, входы в которые закрывались крупными каменными плитами и прямоугольные или трапециевидные в плане погребальные камеры с полуциркульным сводом. Традиция строительства подобных склепов связана с Северным Кавказом, а их доминирование на некрополе городища «Белинское», начиная с последней четверти III в. н. э., свидетельствует о присутствии в составе населения выходцев оттуда, скорее всего, алан [Зубарев, 2009, с. 176, 178].

Отличительной особенностью склепа № 10 является тщательная отделка стен и сводов дромоса и погребальной камеры светлой штукатуркой, возможно, с последующей росписью (на стенах погребальной камеры местами сохранились остатки красной краски), а также наличие на дальней от дромоса стене камеры, слева от лежанки, оштукатуренного рельефа головы быка. Склеп ориентирован по продольной оси северо-запад – юго-восток (рис. 4).

Могильная яма прямоугольной формы (2,46 x 1,1 м, глубиной 1,94 м) была вырублена в жёлтом ракушечнике. С юго-востока в дромос склепа вёл спуск из четырех ступеней, шириной до 1 м и высотой до 0,37 м каждая. У входа в погребальную камеру обнаружена отодвинутая закладная известняковая плита (1,45 x 1,0 м, толщина до 0,18 м), лежавшая под углом 75° на грунтовом выбросе, образовавшемся при рытье склепа. Пространство между закладной плитой и дромосом заполнено переотложенным грунтом из засыпи грабительского лаза. В нетронутой ими юго-восточной части ямы грунт – жёлто-коричневый суглинок с примесью обломков жёлтого ракушечника. В нём присутствовали лишь незначительные фрагменты стенок керамических сосудов.

Дромос имеет арочный свод. В нижней части входа с наружной стороны сохранились следы штукатурки. Его ширина внизу 0,74 м, высота по центру 1,09 м. Длина от могильной ямы до камеры всего 0,27 м. Дромос соединён с камерой ступенькой высотой 0,32 м, шириной 0,39 м и толщиной 0,13 м. Дромос был полностью заполнен переотложенным грунтом грабительской засыпи без находок.

Погребальная камера – прямоугольная в плане (2,9 x 2,4 м) с полуциркульным сводом, максимальной высотой до 1,84 м немного смещена к западу по отношению к могильной яме и дромосу. Пол склепа скальный. В 0,3 м от входа обнаружен отваленный из искусственного углубления в полу (до 0,05 м) обработанный блок ракушечника (0,42 x 0,45 x 0,17 м) со следами огня на лицевой стороне. Единственная лежанка

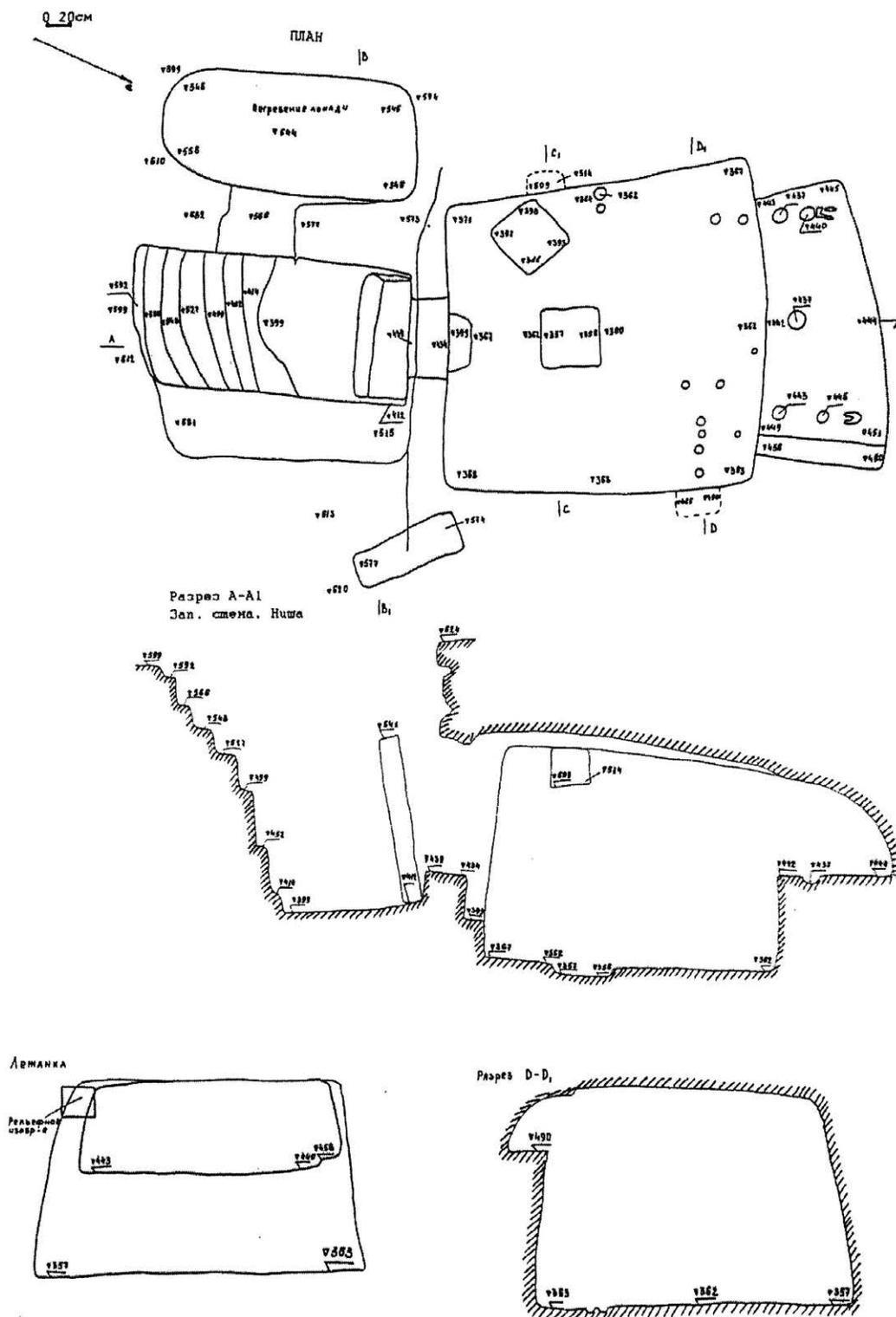

Рис. 4. Некрополь городища «Белинское». Склеп № 10. План и разрезы

(2,12×0,99 м, высота от пола 0,74 м) расположена в северо-западной части камеры и ориентирована по продольной оси северо-восток – юго-запад. В северо-восточной её части имелся «уступ» высотой 0,06 м и шириной 0,18 м. Слева от лежанки на северо-западной стене камеры обнаружено рельефное изображение головы быка (0,23×0,16 м) (рис. 5). В западной и восточной стенах имелись ниши со следами коפותи (0,27×0,36×0,15 м и 0,35×0,41×0,17 м соответственно).

Рельефные изображения на стенах погребальных камер склепов первых веков н.э. известны на территории Боспора. Примером может служить склеп «Геркулеса» на некрополе Кыз-Аул [Федосеев, 2014, с. 438]. Однако рельефы в виде букрания нам неизвестны. В то же время изображения быка на других объектах встречаются. Так букраний присутствует на солнечных часах I–II вв. н.э. из Китея [Мировое наследие Европейского Боспора, 2016, с. 247, 334], на рельефе вотива фиасотов из Танаиса (КБН, 1259), на ажурной подвеске I в. н.э. из восточного некрополя Фанагории [Сударев, 2010, с. 445, рис. 25]. В.П. Яйленко отмечает, что функция букрания на вотиве фиасов и часах хтоническая, связанная с плодородием [Яйленко, 2010, с. 345]. Н.И. Сударев относит подвеску с букранием к предметам, имевшим символическое значение, подчёркивающее статус погребённого [Сударев, 2010, с. 445]. Символика букрания в погребениях связана с надеждой на возрождение после смерти [Яйленко, 2010, с. 673]. Такой же смысл, по-видимому, имеет и рельефное изображение головы быка в склепе № 10 некрополя городища «Белинское». Кроме того, нельзя исключить и отражение в нём связи с потусторонним миром, которому нужно приносить определённые жертвы. Подтверждением тому служит вышеупомянутая, хорошо обработанная плита ракушечника со следами огня (алтарь?) (рис. 4).

Погребальная камера склепа № 10 примерно на треть была заполнена грунтом, лежавшим с понижением от дромоса к лежанке. По большей части это переотложенный грунт грабительской засыпи, однако, под ним сохранилась небольшая прослойка жёлто-коричневого суглинка, достигающая вблизи дромоса у юго-восточной стены своего максимума (0,2–0,3 м). Находки отсюда состояли из 23 амфорных стенок, фрагмента ручки светлоглиняной узкогорлой амфоры типа «С» по Д.Б. Шелову, обломка ручки и трёх фрагментов дна светлоглиняного кувшина, нескольких кусочков профилированных частей краснолаковой, простой красноглиняной и лепной посуды. Кроме того, здесь же были найдены части двух железных гвоздей (рис. 6. 1), бронзового (рис. 6. 8) и железного (рис. 6. 6) ножей и дно стеклянного кувшина (рис. 6. 7).

Находки из жёлто-коричневого суглинка представлены обломками четырёх стеклянных бальзамариев (рис. 6. 2–5), стеклянной пронизью (рис. 7. 2), фрагментами железного клинкового изделия (на двух – сохранились остатки дерева) (рис. 7. 3) и костяной пластиной (рис. 7. 1)..

Стеклянные бальзамарии. Из четырех, найденных в камере бальзамариев, три (рис. 6. 2–3, 5) относятся к типу 1,2, Д-Е (по классификации Н.З. Куниной и Н.П. Сорокиной). Пик их распространения приходится на середину II – середину III вв. н.э. [Алексеева, Сорокина, 2007, с. 64, табл. 46, 5]. Подобный бальзамарий был найден в могиле № 13 того же некрополя, которое датируется концом II – началом III вв. н.э. [Зубарев, 2013, с. 171, 173. рис. 9]. Ещё один бальзамарий (рис. 6. 4) относится к типу III (по той же

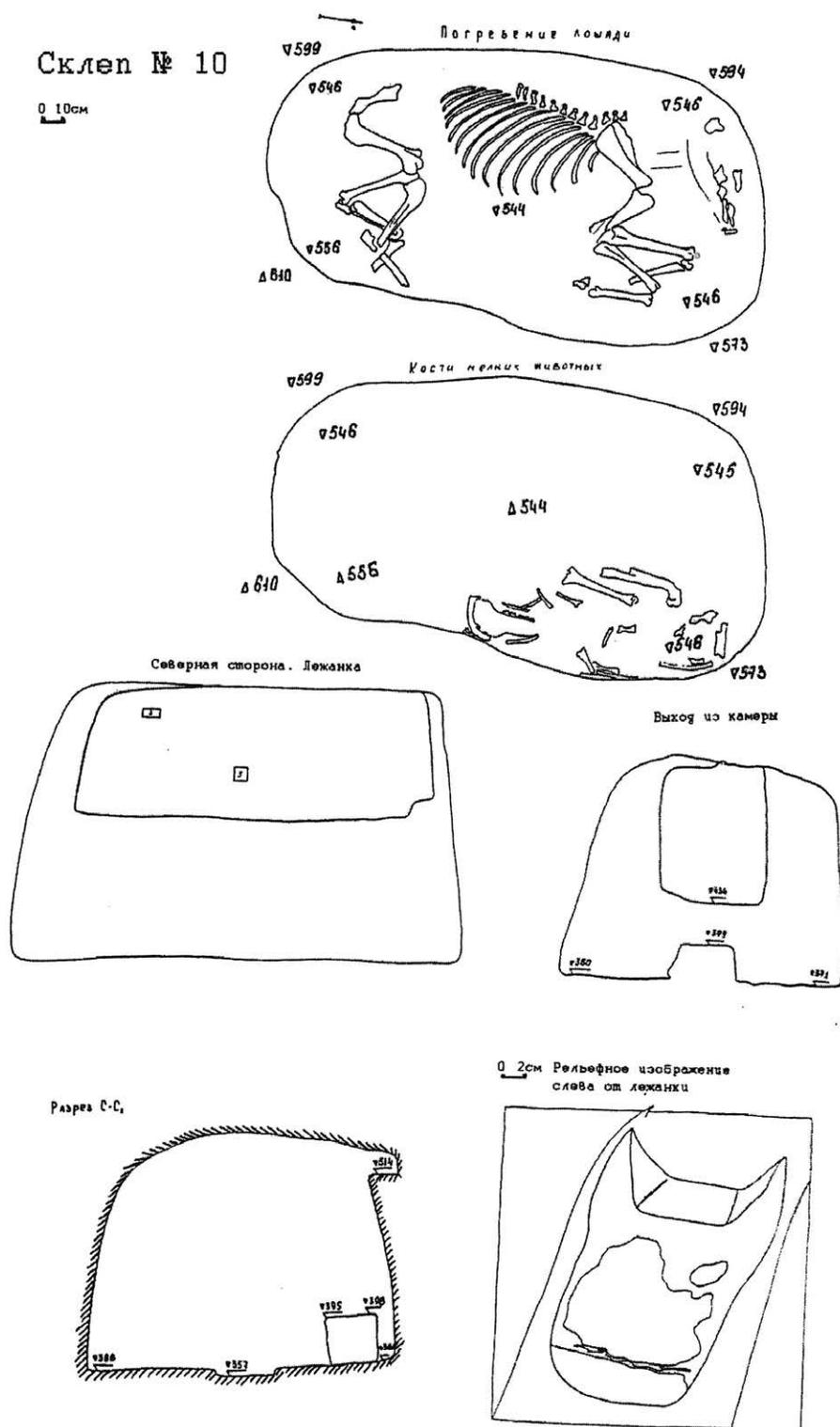

Рис. 5. Некрополь городища «Белинское». Склеп № 10. Разрезы и захоронение лошади

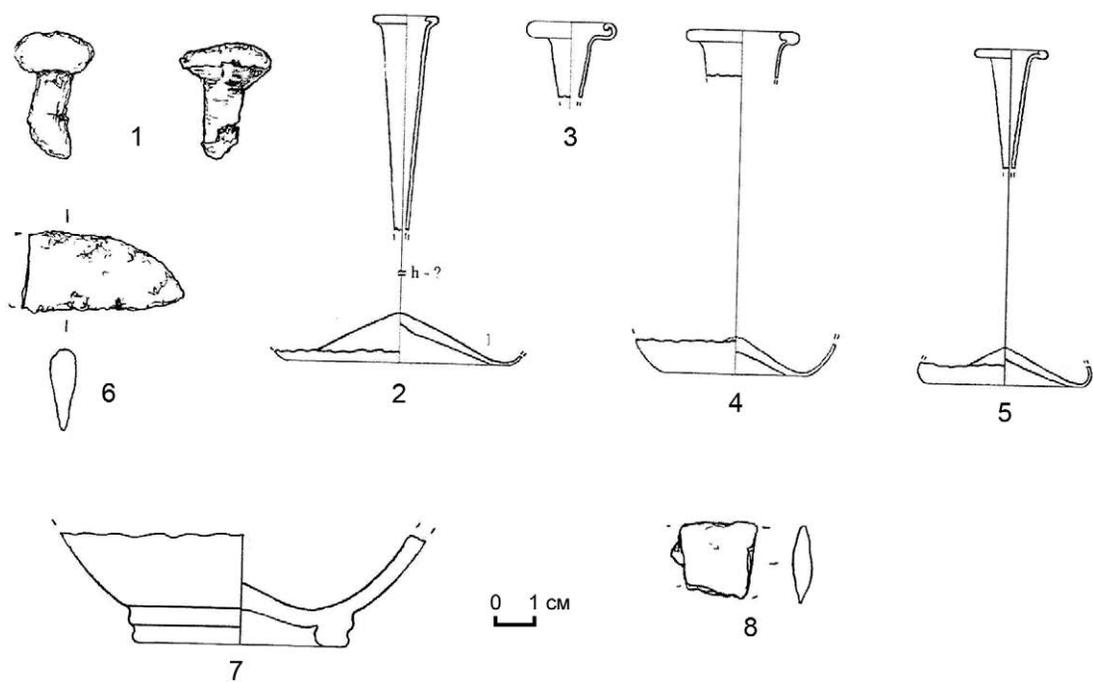

Рис. 6. Некрополь городища «Белинское». Склеп № 10.
Материал из погребальной камеры

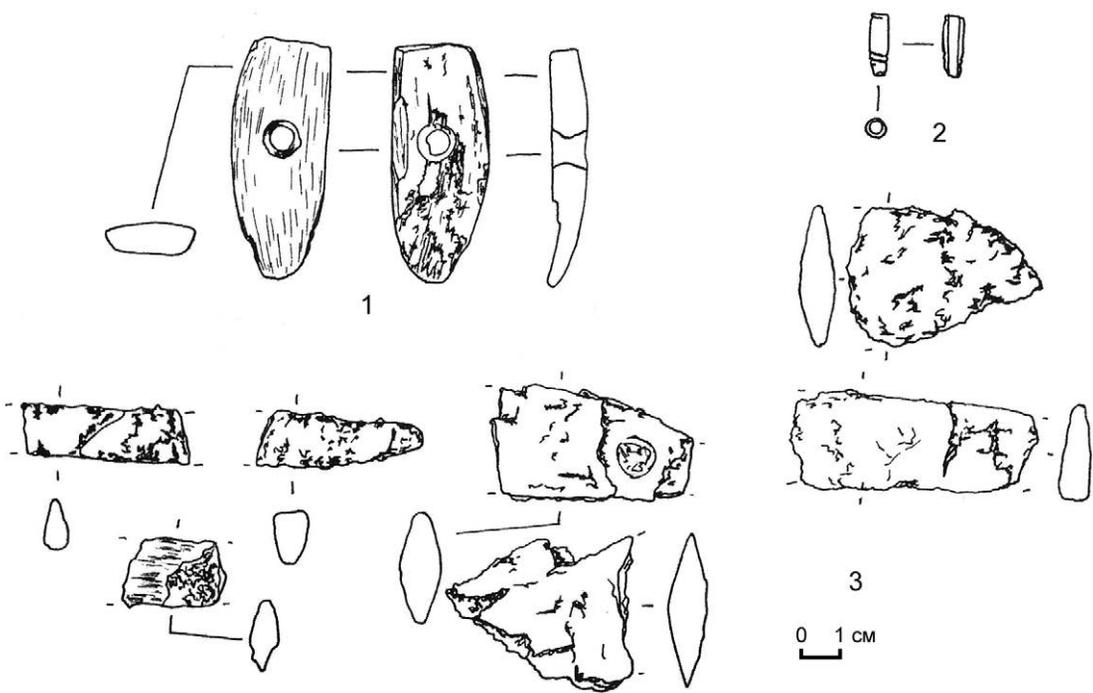

Рис. 7. Некрополь городища «Белинское». Склеп № 10.
Материал из погребальной камеры

классификации). Бальзамарии с шаровидным туловом в боспорских комплексах относятся к середине I – середине II в. н. э. [Алексеева, Сорокина, 2007, с. 62, табл. 41].

Стеклопаянная пронизь из тёмного одноцветного стекла (рис. 7. 2) относится к типу 203 по Е. М. Алексеевой и датируется III–IV вв. [Алексеева, 1978, с. 74–75].

Клинковое изделие. Вероятнее всего, его можно определить как боевой нож. Подобные ножи известны среди находок в могильнике Нейзац. Их отличает большая, чем у обычных ножей, длина и наличие на них остатков дерева от ножен [Храпунов, 2011, с. 31, рис. 24. 6–7].

Антропологический материал включает разрозненные кости скелетов 6 индивидов. Половозрастная принадлежность их выглядит следующим образом²:

Склеп № 10	
(6 индивидов)	
мужчина	50-60
мужчина	30-40
мужчина	20-30
женщина	30-40
ребёнок	9 месяцев-1 год
ребёнок	1-2 года

У всех взрослых индивидов имеются патологические и травматические изменения. Не вдаваясь в подробности и сложную медицинскую терминологию (этому вопросу посвящена специальная статья [Зубарев, Пономарёв, 2009, с. 224–232]), остановимся лишь на отдельных моментах, которые, на наш взгляд, дают некоторое представление о жизни людей, погребённых в склепе № 10.

Как минимум, в двух случаях имеются следы ранений. В первом – это круглое отверстие с зелёным окислом по краю (5×4 мм), без следов заживления на задней стороне правой лучевой кости, несколько ниже локтевой бугристости (ранение стрелой?). Во втором случае, на фрагменте черепа мужчины 20–30 лет имеется перелом левой теменной кости, сформированный двумя осколками, вдавленными в полость черепа (7×4 см). Этот перелом образовался от воздействия тупого продолговатого предмета, контактирующая часть которого была представлена ребром. Осколки перелома плотно спаяны костной мозолью, что указывает на то, что смерть потерпевшего наступила спустя несколько лет после травмы. Возможно, что после перелома у человека развилась посттравматическая эпилепсия.

Интересно и то обстоятельство, что на нескольких костях имеются следы заживших переломов, а характер патологии на костях женщины указывают на сильные нагрузки на предплечья (поднятие тяжестей?). У мужчин вероятны сильные нагрузки на позвоночник и ноги, что может свидетельствовать о постоянной верховой езде на лошади.

Подтверждением такому выводу может служить и найденное в 0,53 м к западу от могильной ямы склепа № 10 захоронение лошади. Тщательно выровненная под

² Обработка антропологического материала Д. Ю. Пономарёв (г. Керчь).

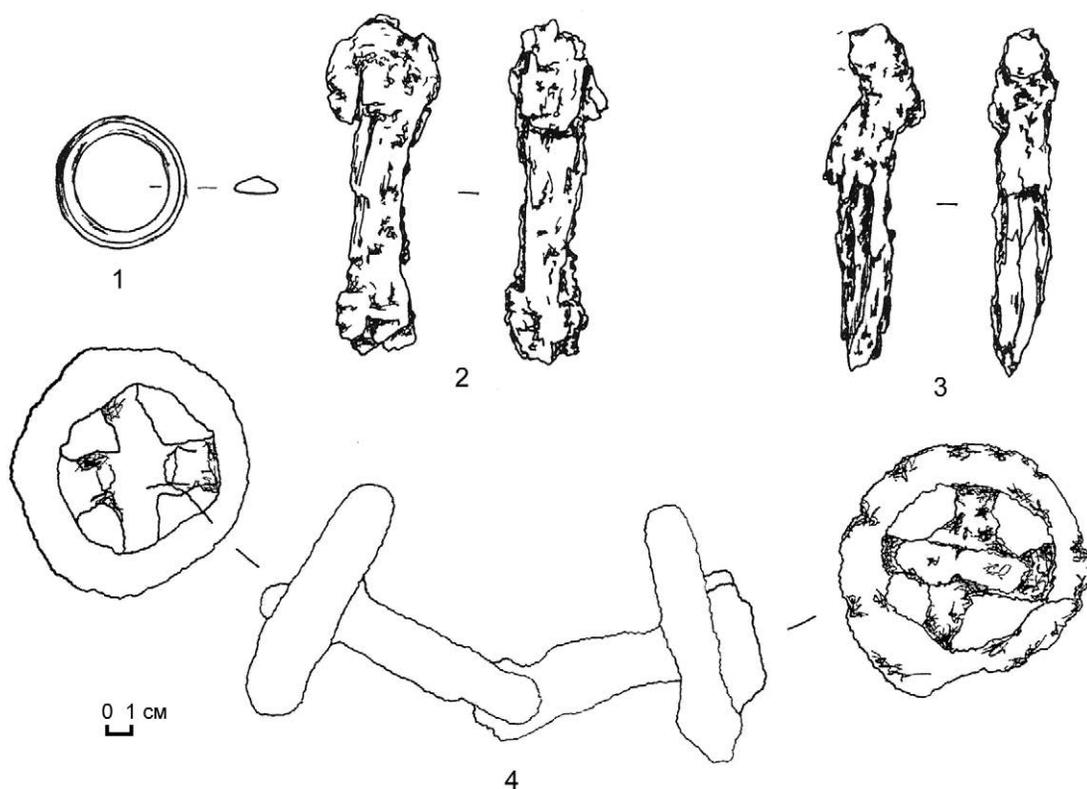

Рис. 8. Некрополь городища «Белинское». Склеп № 10.
Материал из погребения лошади

захоронение площадка позволяет рассматривать это захоронение в едином комплексе с погребением в склепе (рис. 4). Оно представляло собой овальную в плане могильную яму (2,3×1,15 м, глубина 0,61 м), вырубленную в материковой скале и заполненную жёлто-коричневым суглинком. Костяк животного лежал головой на север, в анатомически верной последовательности (рис. 5). В северо-восточном углу могильной ямы, рядом с ногами лошади, находились разрозненные кости свиньи.

У изголовья лошади обнаружены восемь фрагментов железных удил (рис. 8. 4), медное кольцо конской упряжи (рис. 8. 1), два сильно корродированных изделия из железа, вероятнее всего, остатки псалий (рис. 8, 2–3). Почти такой же набор конской упряжи был найден в погребениях коней на Усть-Альминском некрополе, где он датируется I–II вв., а происхождение колесовидных удил связывается с Северным Кавказом [Высотская, 1994, с. 90, рис. 29].

Анализ погребального инвентаря, включая захоронение лошади, позволяет утверждать, что все погребения в склепе, или наиболее ранние из них, могут быть датированы концом II – серединой III вв. н. э. В то же время следует учитывать, что склепы были предназначены для многократных захоронений. Они наиболее интенсивно использовались по прямому назначению в IV веке, когда этот тип погребальных сооружений становится основным на некрополе. Дошедший до нас инвентарь, в силу неоднократных грабежей,

не в полной мере отражает общую картину обряда, а найденная в погребальной камере пронизь свидетельствует в пользу более длительного функционирования склепа.

Наличие букрания на стене, среди прочего, могло подчёркивать относительно высокий статус погребённого. На это же косвенно указывает и плотная концентрация вблизи склепа № 10 других, менее значимых погребений. Причём, это единственный участок с такой плотной концентрацией погребений в центральной части некрополя. Прочие склепы, как исследованные, так и определяемые по грабительским лазам, вытянуты в линии с запада на восток. Относительно ранняя датировка «исходного» погребения в склепе № 10 позволяет предположить, что погребённый, если и не являлся предводителем в этнической группе, которая пришла на городище и заняла доминирующее положение среди его жителей к концу III в. н. э., то мог занимать достаточно высокое положение в местной общественной иерархии.

Список литературы

- Алексеева, 1978. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г1-12.
- Алексеева, Сорокина, 2007. Алексеева Е. М., Сорокина Н. П. Коллекция стекла античной Горгиипии. М.
- Высотская, 1984. Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев.
- Зубарев, 2009. Зубарев В. Г. К вопросу об этническом составе жителей сельских поселений Европейского Боспора в III-IV вв. н. э. (по материалам городища «Белинское и его некрополя») // Боспорские чтения. X. Керчь.
- Зубарев, 2013. Зубарев В. Г. Две могилы «с заплечиками» из некрополя городища «Белинское» в Восточном Крыму // ДБ. 17.
- Зубарев, Пономарёв, 2009. Зубарев В. Г., Пономарев Д. Ю. Антропологические материалы из погребений некрополя городища «Белинское» // ДБ. 13.
- Сударев, 2010. Сударев Н. И. Некрополи и погребальные обряды // Античное наследие Кубани. Т. II. М.
- Федосеев, 2014. Федосеев Н. Ф. Склеп «Геркулеса» на некрополе Кыз-Аул и вопросы датировки уступчатых склепов // ДБ. 18.
- Храпунов, 2004. Храпунов И. Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // БИ. VI.
- Храпунов, 2011. Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследования могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь.
- Яйленко, 2010. Яйленко В. П. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора. VI в. до н. э. – V в. н. э. М.

Summary

V. G. Zubarev

**Crypt No. 10 from excavations in 2007 at the necropolis
of the ancient settlement "Belinskoye"**

The article is aimed to publish the research results of crypt No. 10 in the central section of the necropolis of the ancient settlement "Belinskoye" in the eastern Crimea. The crypt belongs to the type of carved out crypts with a short dromos. Its distinctive feature is careful decoration of the walls and arches of the dromos and burial chamber with light plaster, possibly followed by painting (some red paint remains on the walls of the burial chamber), as well as plastered relief of the bull head on the burial chamber wall farthest from the dromos, to the left of the bench. Burial of a horse near a gravel pit is also connected with the crypt. The burial in crypt No.10 is dated the end of the 2nd - middle of the 3rd century AD. Analysis of the remnants of the grave tools and anthropological material, careful decoration and location features on the necropolis let conclude that the status of individuals buried in the crypt is high.

А. А. Иванов, Д. В. Кутуков
(НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар)

Раннесредневековые погребения из раскопок поселения Балка Хреева-3 на Тамани

Эпоха раннего средневековья в отношении Таманского полуострова остаётся малоизученным временем, поэтому выявление каждого нового памятника, несомненно, заслуживает пристального внимания.

В феврале – августе 2016 г. археологической экспедицией НАО «Наследие Кубани» были проведены раскопки поселения Балка Хреева-3, попавшего в зону строительства автомобильной дороги «М-25 Новороссийск – Керченский пролив к г. Керчь и сухогрузному району морского порта Тамань на участке км 0 – км 42». Поселение было выявлено в 2011 г. Н.И. Сударевым и располагалось в 7,6 км к востоку-северо-востоку от восточной окраины ст. Тамань на водоразделе, а также на примыкающем к нему западном склоне одноименной балки. Центральная часть поселения представляет собой грядку – возвышенность, плавно понижающуюся к северу и к югу. Территория поселения вытянута по линии ЮЗ-СВ, а его общая площадь составляет 19 га. Работами 2016 г. была исследована северная, периферийная часть памятника на площади около 36580 кв. м.¹

В момент выявления памятник был предварительно датирован эпохой поздней бронзы – средневековья. В ходе раскопок эта информация в целом подтвердилась. Значительная часть объектов и большая часть находок из культурного слоя относились к периоду поздней бронзы. Тем не менее, часть исследованных объектов, представлявших собой хозяйственные ямы и отдельные ситуации, безусловно, датировались эпохой раннего средневековья. Например, в некоторых из них были найдены остродонные амфоры с перехватом в центральной части корпуса. Следует упомянуть и амфору редкого типа, морфологически близкую к позднейшим вариантам амфор типа «Зеест 72». Также достаточно выразительна серия лощеных кувшинов, в составе которой присутствовали как фрагменты сосудов, так и целые формы. Лепная керамика представлена горшками с отогнутыми наружу венчиками, украшенными пальцевыми защепами или насечками. Необходимо отметить, что находки раннесредневековой керамики встречаются не только в ямах, но и в верхних горизонтах культурного слоя. Судя по этому

¹ Материалы из раскопок поселения Балка Хреева-3 в 2016 г. переданы на постоянное хранение в Таманский археологический музей – филиал государственного бюджетного учреждения культуры Краснодарского края «Краснодарский Государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына».

материалу, раннесредневековый слой поселения Балка Хреева-3 можно датировать второй половиной V–VI началом VII вв. н. э. В пределах исследованной площади поселения было выявлено 7 погребений разных эпох, 2 из которых датировались ранним средневековьем. Облик керамических сосудов, найденных в этих захоронениях, аналогичен керамике из объектов и культурного слоя поселения. Этим раннесредневековым погребениям и посвящена данная заметка.

Погребение И-76-1 было выявлено в центральной части исследованного участка. Пятно могильной ямы было прослежено при контрольном прокопе материка и слабо выделялось на фоне окружающей материковой супеси. Заполнение – однородная супесь желто-серого цвета. Могильная яма в плане имела трапециевидную со скругленными углами форму, неровные края и была ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ (рис. 1, 1). Размеры её по верхнему краю: 2,71×1,56 м. Вдоль продольных сторон могильной ямы удалось проследить уступы-ступеньки. С восточной стороны – два продольных уступа шириной 0,48 м и 0,39 м; вдоль западной стенки был выявлен один уступ шириной до 0,63 м. Погребение было совершено в углублении, устроенном на дне могильной ямы. В плане оно имело вытянуто-овальную форму размером 2,62×0,72 м. Сохранность костей крайне плохая. При расчистке удалось выявить отдельные фрагменты трубчатых костей нижних и верхних конечностей, костей таза, отдельных ребер и позвонков, залежавших *in situ*. Судя по ним, погребенный, взрослый индивид, располагался вытянуто на спине, головой на север с небольшим отклонением к северо-западу. Ноги, очевидно, были вытянуты параллельно друг – другу, левая рука была – вдоль туловища, а правая – согнутая в локте, вероятно, лежала кистью на костях таза. На дне ямы также были обнаружены следы гробовища, о чём свидетельствовали тонкие полоски древесного тлена. Оно имело вытянуто-трапециевидную в плане форму при длине 1,67 м и ширине от 0,45 м до 0,26 м. Вероятно, гробовище имело перекрытие, так как на дне могильной ямы, в области, головы погребенного, были прослежены пятна древесного тлена.

Говоря об обряде этого погребального комплекса, необходимо упомянуть ситуацию, прослеженную на 0,15 м выше уровня выявления пятна могильной ямы, ближе к его южной границе. Здесь было расчищено скопление фрагментов трубчатых костей и фрагментированной верхней челюсти овцы/козы. Очевидно, оно являлось остатками заупокойной пищи или тризны.

В погребении были обнаружены остатки следующего погребального инвентаря:

1. За пределами гробовища, ближе к северной стенке могильной ямы, стоял сероглиняный лощеный кувшин. Он имел тулово округлой формы и высокое, сужающееся к венчику горло. Венчик с выделенным сливом сильно отогнут наружу. Ручка дуговидной формы с нижним прилепом на плечиках, а верхним – в верхней трети горловины. В сечении ручка овальной формы, со слабо выделенным ребром. Дно сосуда плоское. Поверхность кувшина хорошо заполирована, темно-серого цвета. На тулове заметны вертикальные полосы лощения. На плечиках имелись две горизонтальные бороздки. Верхняя треть горловины покрыта вертикальным лощением, остальная часть горловины имеет рифление в виде горизонтальных бороздок. Тесто (глина) сосуда серого цвета, плотное, однородное, без видимых примесей. Высота кувшина 43 см, диаметр по венчику 14 см, диаметр тулова 28,5 см, дна – 13 см (рис. 1, 3).

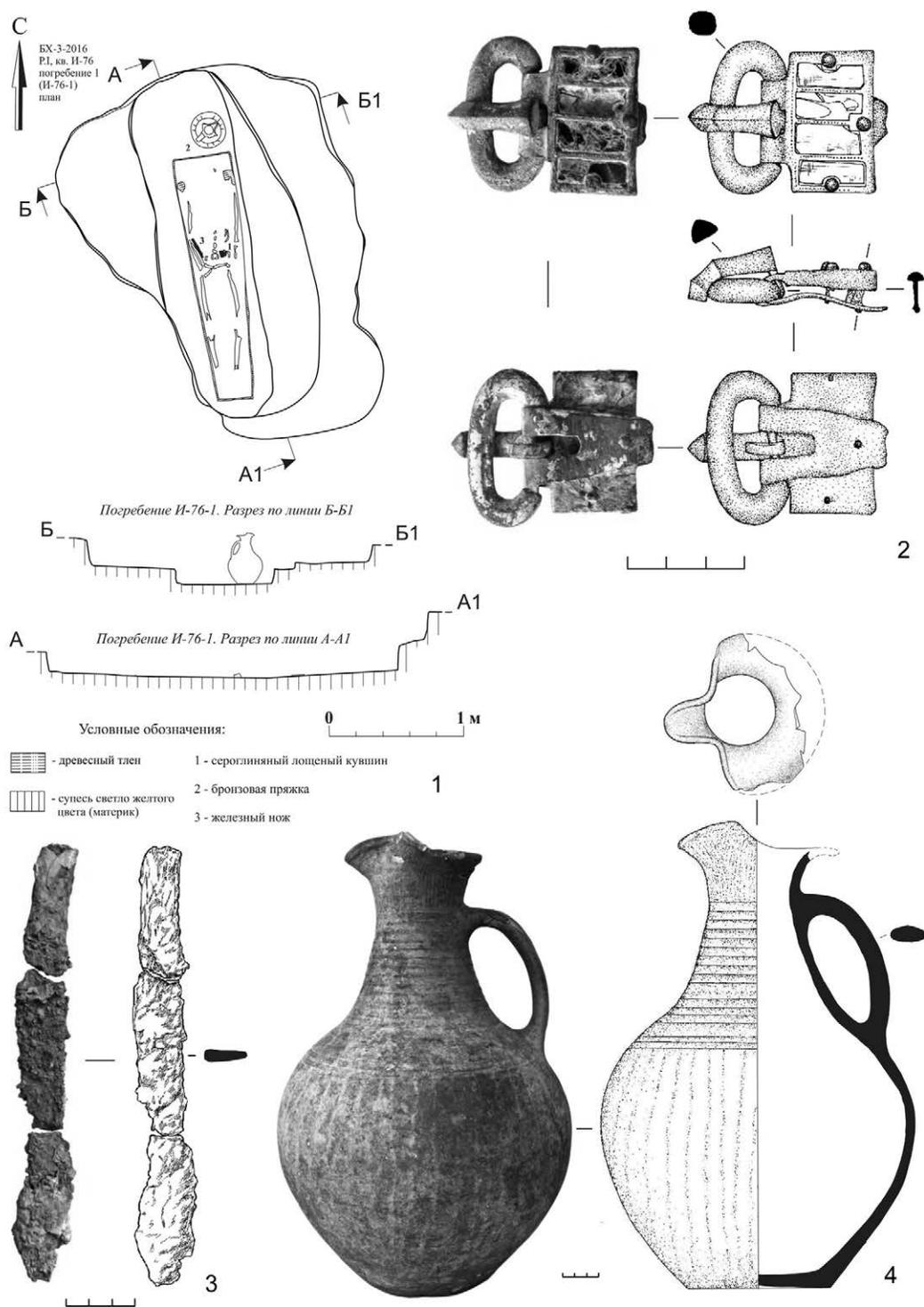

Рис. 1. Поселение Балка Хрева-3. План и инвентарь Погребения И-76-1.
1 – план и разрез погребения; 2 – бронзовая пряжка; 3 – железный нож;
4 – сероглиняный лощеный сосуд

2. На костях таза обнаружена массивная бронзовая литая пряжка с рамкой овальной формы. В поперечном сечении рамка округлая. Язычок пряжки короткий, хоботкообразный, слегка выступающий за край рамки, заужен в центре и треугольный в сечении. Он крепился к рамке при помощи петли, огибающей задний край рамки. Щиток рамки литой, массивный, прямоугольной формы. На внешней поверхности его устроены четыре прямоугольных ячейки для инкрустаций. В трех ячейках сохранились пластины слюды (?) темно-фиолетового цвета. В ячейке с несохранившейся вставкой заметна паста желто-зеленого цвета, очевидно, служившая для крепления инкрустаций. По краю рамки, а также на перегородках, разделяющих ячейки, нанесен точечный орнамент. Рамка соединена со щитком за счет узкой пластины, отходящей от края щитка и огибающей одну из сторон рамки. Следует отметить, что в этом месте рамка имеет немного меньший диаметр сечения. Крепление пряжки к ремню осуществлялось при помощи трёх гвоздиков, округлые шляпки которых заметны на внешней стороне рамки. На поверхности пряжки сохранились следы позолоты. Длина пряжки 4,5 см, размеры рамки 3,8×2,0 см, – щитка 3,5×2,0 см (рис. 1. 2).

3. Справа от костей таза обнаружен плохо сохранившийся железный нож (кинжал?) с однолезвийным клинком, прямой спинкой и плоским черешком со следами деревянной рукояти. На поверхности клинка сохранился деревянный тлен – следы ножен. Общая длина сохранившейся части ножа 18,8 см, длина черешка 5,8 см, наибольшая ширина клинка 2,5 см (рис. 1. 3).

Погребение Л-77-1 выявлено на расстоянии 12,8 м к северо-западу от предыдущего. Пятно могильной ямы также выявлено после контрольного прокопа материка и слабо читалось на фоне окружающей материковой супеси. Заполнение ямы – однородная супесь желто-серого цвета. Могильная яма в плане имела трапециевидную со скругленными углами форму и была вытянута по линии ССЗ-ЮЮВ (рис. 2, 1). Размеры её по верхнему краю составили 1,78×1,28 м. Вдоль восточной стенки ямы прослежено невысокое возвышение шириной до 0,31 м, плавно переходящее ко дну могильной ямы. Стенки могильной ямы вертикальные. Дно слегка понижалось к югу. На нём, в её южной и центральной частях, фиксировались норы грызунов, разрушившие костяк погребенного.

На ступеньке, ближе к северной стенке ямы, обнаружено скопление фрагментированных костей животного – фрагментов челюсти и ребер МРС. В центральной части ямы, в её заполнении, ближе ко дну, обнаружены зуб и обломок трубчатой кости человека. В силу крайне плохой сохранности костей говорить о позе и ориентировке погребенного не представляется возможным. Тем не менее, в захоронении *in situ* был обнаружен погребальный инвентарь.

1. В северной части могильной ямы, ближе к её северной стенке, стоял сероглиняный кувшинчик с туловом вытянуто-овальных очертаний. Дно сосуда прогнуто. Ручка небольшая, петлевидной формы, с валиком на внешней стороне, округлая в сечении, прикрепленная к плечевой части тулова. Край горловины утрачен, сохранившаяся часть – имеет цилиндрическую форму. На тулове и у основания горловины нанесены парные горизонтальные бороздки. Между ними нанесен зигзагообразный орнамент в виде бороздки. Поверхность сосуда серого цвета имеет хорошо заметные следы лощения. В изломе черепок серого цвета, тесто плотное, однородное, с примесью слюды

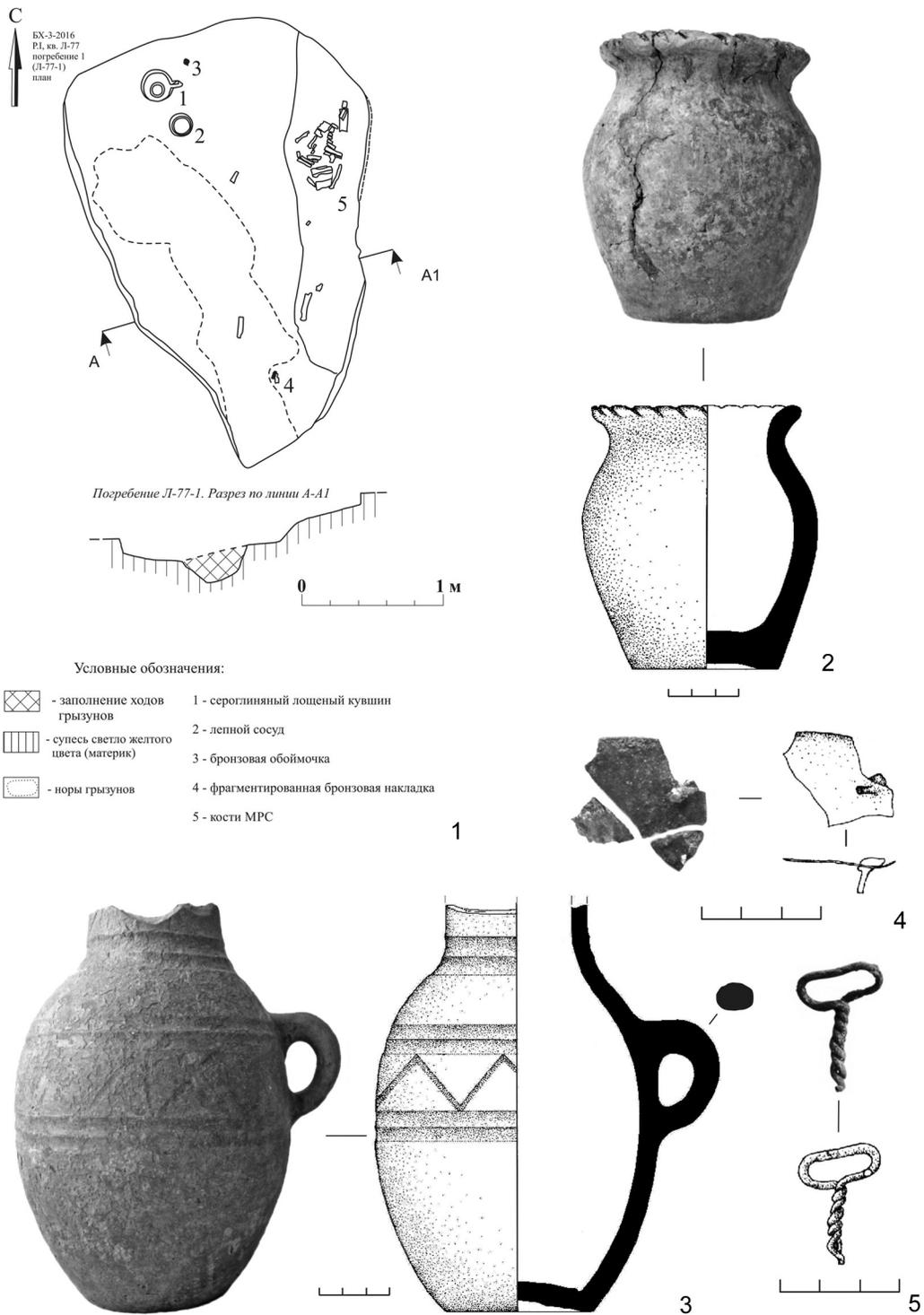

Рис. 2. Поселение Балка Хрева-3. План и инвентарь Погребения Л-77-1.
1 – план и разрез погребения; 2 – лепной сосуд; 3 – сероглиняный лощеный сосуд;
4 – бронзовая накладка; 5 – бронзовая обоймочка

и единичных включений песка. Высота сосуда 19 см, диаметр по дну 7,3 см, диаметр тулова 13 см, размеры сечения ручки 1,5×1,5 см (рис. 2. 3).

К югу от кувшинчика находился лепной сосуд баночновидной формы. Шейка сосуда выделена, невысокая, венчик отогнут наружу и орнаментирован косыми насечками. Поверхность серо-коричневого цвета, заглаженная; черепок в изломе черный, тесто плотное, с включениями слюды и шамота. Высота сосуда 10,7 см, диаметр по венчику 8,5 см, по дну 6,0 см, диаметр тулова 9,5 см (рис. 2. 2).

Рядом с ними была обнаружена «обоймочка», из скрученной медной проволоки (рис. 2. 4). В южной части ямы, на дне лежала фрагментированная бронзовая пластинка (обкладка) со шпеньками для крепления (рис. 2. 5).

Описанные погребения обладают сходными чертами погребального обряда. Для них характерна меридиональная ориентировка могильных ям, и, судя по погребению И-76-1, северная ориентировка погребенных. Также в обоих случаях прослежены ступеньки вдоль длинных сторон могильной ямы. По всей вероятности, обряд предполагал обязательное наличие напутственной пищи. На это указывает и присутствие в обоих погребениях керамических сосудов, расположенных сходным образом – ближе к северной стенке могильной ямы. Весьма вероятно, что они располагались за головами погребенных. Обряд мог предполагать использование гробовища.

Хронология этих погребальных комплексов достаточно надежно определяется на основании датировки бронзовой пряжки из погребения И-76-1. Типологически близкие пряжки (трехчастные, с овальным кольцом, трехгранным или хоботовидным язычком и овальным или прямоугольным щитком, отлитые из серебра или бронзы), правда, с несколько иным декором прямоугольного щитка, происходят из раннесредневековых памятников Крыма. А. И. Айбабиным они датируются в пределах VI в. н.э. [Айбабин, 1979, с. 31; рис. 1. 12, 16; рис. 5. 1]. М. М. Казанский и А. В. Мастыкова, обобщившие данные о находках пряжек этого типа на территории Кавказа, определяют время их бытования второй половиной V – первой половиной VI вв. При этом они указывают на византийское происхождение таких пряжек, находки которых хорошо известны в Средиземноморье [Казанский, Мастыкова, 2018 с. 346–347]. Видимо, не случайно наиболее близкую аналогию пряжке из погребения И-76-1 удалось найти в частной коллекции из Фрайбурга, приобретенной Римско-германским музеем. Автор каталога приводит дату: конец V – начало VI вв. н. э. [Schulze-Dörrlamm, 2009, s. 397, 606 FO, O. 42989].

Ближайшие аналогии для сероглиняного лощеного сосуда из погребении И-76-1, происходят из раннесредневековых памятников Северо-Западного Предкавказья и Прикубанья, в частности – в материалах из ранней группы погребений могильника Дюрсо, относимых к V – середине VI вв. [Дмитриев, 2003, с. 201, табл. 81, 18, 19]. Аналогичные сероглиняные кувшины также происходят из позднейшей группы погребений могильника Елизаветинского городища № 2, датируемых суммарно периодом второй половиной V – первой половиной VII вв. [Пьянков, Анфимов, 2014, с. 93, рис. 6, 3; Лунёв, Пьянков, 2016, с. 156, рис. 1. 20]. В комплексах этого же могильника известны и аналогии сероглиняному лощеному сосуду и лепному горшку из погребения Л-77-1 [Пьянков, Анфимов, 2014, с. 90, рис 4; Лунёв, Пьянков, 2016, с. 159, рис. 1].

Таким образом, учитывая аналогии, дату публикуемых комплексов вполне можно ограничить в пределах второй половины V–VI вв. При этом следует отметить, что хорошо датированные комплексы этого времени на территории Таманского полуострова буквально единичны. Достаточно выразительным примером для данного утверждения служит составленный А. А. Строковым свод ременных гарнитур гуннской эпохи, найденных на территории Азиатского Боспора. И хотя в него вошли материалы практически всех известных на данный момент памятников Таманского полуострова, в том числе и не введенных в научный оборот, в данной выборке присутствуют всего лишь четыре предмета поясной гарнитуры второй половины V – первой половине VI вв., которые происходят из двух погребений некрополя Фанагории [Строков, 2009, с. 316, рис. 5]. Поэтому выше-рассмотренные погребения заполняют или вернее дополняют своего рода хронологическую лакуну среди раннесредневековых памятников Таманского полуострова.

Вопрос об этно-культурной принадлежности публикуемых комплексов является сложным и, очевидно, на сегодняшний день не может иметь однозначного решения. Абсолютных аналогий обряду для погребений из Балки Хреевой-3 среди позднеантичных и раннесредневековых памятников Тамани подобрать не удалось. Возможно, одной из причин этого стали как единичность комплексов второй половины V–VI вв., так и то обстоятельство, что значительная их часть или ещё не введена в научный оборот, или опубликована лишь частично. Состояние источниковой базы относительно позднеантичных памятников Таманского полуострова достаточно четко охарактеризовано А. П. Медведевым [Медведев 2011, с. 32].

Тем не менее, представляется возможным наметить возможные направления для решения данной проблемы.

Поиск аналогий погребальному обряду публикуемых комплексов логичнее всего начать с некрополей крупных средневековых центров, функционировавших в указанный период на территории Таманского полуострова. Следует отметить, что северная ориентировка погребенных и использование гробовищ зафиксированы среди погребений, входивших в составе средневековых некрополей Фанагории и Таманского городища. По мнению В. Н. Чхаидзе эти могильники оставлены «небогатым и этнически разнообразным населением крупного торгового города» [Чхаидзе, 2004, с. 407–408]. Однако вследствие практически безынварного обряда датировка погребений средневековых некрополей Фанагории и Таманского городища крайне затруднена, а более или менее хорошо датированные комплексы относятся уже к более поздней эпохе, к VIII–IX вв. [Чхаидзе, 2012, с. 254–255]. Таким образом, напрямую связать обряд рассматриваемых комплексов с материалами средневековых некрополей крупных раннесредневековых центров Тамани представляется весьма затруднительным.

Вместе с тем, судя по некоторым элементам обряда, (северная ориентировка, положение одной из рук на костях таза, захоронения в прямоугольной грунтовой яме, присутствие лощеной керамики за головой погребенного) зафиксированы в позднеантичных погребениях конца IV – первой половины V вв., исследованных на Восточном некрополе Фанагории. А. П. Медведев характеризует данную группу погребений, как варварскую, в обряде и материальной культуре которой прослеживаются признаки сармато-аланского и даже, в какой-то мере, восточногерманского культурного компонента

[Медведев, 2011, с. 38, рис. 2]. Нельзя не отметить ещё одну возможную параллель. Все вышеотмеченные признаки характерны также для погребений поздней группы уже упоминавшегося могильника Елизаветинского городища № 2. Авторы публикаций, посвященных материалам данного памятника, неоднократно отмечали их сходство с погребениями Пашковского могильника, где также иногда встречается северная ориентировка погребенных [Пьянков, Анфимов, 2014, с. 99; Лунёв, Пьянков, 2016, с. 157]. При этом надо обратить внимание на ещё одну, возможно, не случайную деталь. С Пашковским могильником, относимым к группе памятников типа «Пашковский – Карповка», также связана находка средиземноморской пряжки второй половины V – первой половины VI в. [Казанский, Мастыкова, 2018, с. 345; Мастыкова, Казанский, Сапрыкина, 2016, с. 13, 99]. Это обстоятельство, учитывая находку пряжки византийского круга в погребении И-76-1, позволяет не только говорить о параллелях в облике керамики и погребального обряда, но и предполагать наличие общих связей со Средиземноморьем или Византией. Таким образом, представляется возможным наметить ещё одно направление для решения вопроса о культурной атрибуции погребений из «Балки Хреевой-3».

Так или иначе, суммируя приведенные наблюдения, касающиеся аналогий для погребального обряда и инвентаря публикуемых комплексов, можно предположить, что на фоне немногочисленных синхронных им памятников Таманского полуострова они выглядят достаточно чужеродным в культурном плане элементом. Следует отметить, что ранневизантийский период на Тамани, по меткому замечанию Я. А. Паромова, характеризуется как «время запустения» [Паромов, 2003, с. 160], в связи с чем, нельзя исключать возможности появления здесь во второй половине V–VI вв. новых в культурном отношении групп раннесредневекового населения. Этот процесс, очевидно, и документируют погребения эпохи раннего средневековья из раскопок поселения «Балка Хреева-3».

Список литературы

- Айбабин, 1979. Айбабин А. И. Погребения второй половины V – первой половины VI в. в Крыму // КСИА.158.
- Дмитриев, 2003. Дмитриев А. В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М.
- Казанский, Мастыкова, 2018. Казанский М. М., Мастыкова А. В. Ранневизантийские пряжки на Кавказе (середина V – середина VI в.) // XXX Крупновские чтения. Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. Карачаевск.
- Лунёв, Пьянков, 2016. Лунёв М. Ю., Пьянков А. В. Поздняя группа погребений могильника Елизаветинского городища № 2 (раскопки 2013 г.) // XXIX Крупновские чтения. Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. Грозный.

- Мастыкова, Казанский, Сапрыкина, 2016. Мастыкова А. В., Казанский М. М., Сапрыкина И. А. Пашковкий могильник № 1. Исследование материалов Пашковского могильника. Т. 2. М. – СПб.
- Медведев, 2011. Медведев А. П. Позднеантичный некрополь Фанагории (по материалам раскопок 2005 г.) // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 1.
- Паромов, 2003. Паромов Я. А. Памятники ранневизантийской эпохи (IV–VII вв.). Кандарурская группа поселений // Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М.
- Пьянков, Анфимов, 2014. Пьянков А. В., Анфимов И. Н. Поздняя группа погребений могильника Елизаветинского городища № 2 (раскопки 1978 г.) // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая истории. 4.
- Строков. 2009. Строков А. А. Ременные гарнитуры гуннской эпохи Азиатского Боспора // БИ. XXI. Симферополь–Керчь.
- Чхаидзе, 2004. Чхаидзе В. Н. Средневековые погребения Таманского городища // ДБ. 7.
- Чхаидзе, 2012. Чхаидзе В. Н. Фанагория в VI–X веках. М.
- Schulze-Dörrlamm, 2009. Schulze-Dörrlamm M. Byzantinische gürtelschnallen und gürtelbeschläge im Römisch-germanischen zentralmuseum. II. Die schnallen mit scharnierbeschläg und die schnallen mit angegossenem riemendurchzug des 7. bis 10. Jahrhunderts. Mainz.

Summary

A.A. Ivanov, D.V. Kutukov

Early medieval burials from the excavations of the settlement «Balka Khreeva-3» on the Taman Peninsula

The article is devoted to the introduction for scientific use of two early medieval burials of the second half of the V–VI centuries, revealed during security and rescue excavations conducted in 2016 by the expedition of NAO «Nasledie Kubani» at the Balka Khreeva-3 settlement at the highway construction area M-25 Novorossiysk - the Strait of Kerch to the city of Kerch.

The early medieval burials revealed during the excavations of the settlement “Balka Khreeva-3”, are marked by ground pits with ledges along the long sides and orientation of the buried to the North. The implements are represented by gray-clay polished jugs, a handmade pot and a bronze belt buckle. According to the inventory, the burials can date back to the second half of the V–VI centuries, while the analogies of the burial rite recorded during the excavations are not known in the synchronous monuments of the Taman Peninsula. Apparently the appearance of burials with a similar rite should be associated with the migration of new groups of the early medieval population to the territory of the Taman Peninsula, perhaps, from the territory of the North-Western Ciscaucasia and the Kuban region.

А. К. Каспаров
(ИИМК. СПб.)

Остатки грызунов и повседневная жизнь античных обитателей Причерноморья¹

Остатки грызунов в культурных слоях археологических памятников представляют для исследователя определенную проблему. Грызуны – животные норные, проводящие значительную часть жизни под землей, в глубоких норах, длина которых может составлять иногда несколько метров. Трудность интерпретации остатков Rodentia заключается в том, что зачастую невозможно установить, принадлежат ли найденные костные фрагменты животным, жившим во времена существования археологического памятника или это какие-то позднейшие интродуценты, вырвавшие свои норы в археологических слоях и погибшие под землей, в результате эпизоотий или не пережив зимнюю спячку. Но всё же в некоторых, довольно редких случаях древность этих останков не вызывает сомнений. Это происходит тогда, когда на костях имеются следы человеческой жизнедеятельности: порезы, заполированность или следы огня.

В этой связи можно вспомнить, например, кости задних конечностей большого тушканчика или земляного зайца *Allactaga jaculus Pall.*, которые были найдены в колодце при раскопках поселения Панское в Западном Крыму. Там было множество целых бедренных и больших берцовых костей. Причем других костей этого животного обнаружено не было [Kasparov, 2002]. На двух из них были зафиксированы «отметки», похожие на следы ножа.

Земляной заяц – самый крупный из тушканчиков, обитающих на территории бывшего СССР. Длина его тела достигает 260 мм и вес до 500 гр. Естественно, что богатые мясом задние конечности этого крупного грызуна вполне могли использоваться в пищу при ограниченности ресурсов питания. Кости принадлежат либо взрослым, либо полувзрослым животным, когда отсутствует или оба, или только нижний эпифиз кости при том, что величина её уже вполне соответствует взрослому животному. Такая возрастная однородность говорит о том, что отлов производился в течение какого-то одного непродолжительного времени, в сезон, когда ювенильные особи еще не появились на свет либо не передвигались активно, а родившиеся в прошлом году уже достигли или почти достигли половой зрелости.

¹ Настоящая статья написана в рамках работы по научной теме НИР 0184-2019-0009

Можно предполагать, что отлов земляных зайцев проходил в весеннее время. С первыми заморозками этот зверек впадает в спячку и пробуждается в конце марта-апреле. Поскольку большой тушканчик активен исключительно в ночное время проще всего добывать его ловушками, которые устанавливаются у выхода из норы.

Ещё один пример такого рода: обнаружение на городище Нимфей в 2016 г. в хозяйственных ямах №№ 64, 65 и 67 на участке М трех скелетов обыкновенной полевки *Microtus arvalis* Pall., остатков пяти скелетов степной полевки *Microtus socialis* Pall., двух скелетов малого суслика *Citellus pygmaeus* Pall. и нескольких разрозненные костей грызунов, ближе не определимых. Все эти материалы датируются I–II вв н. э. Эти зверьки, по всей видимости, попали в ямы в момент их использования, пока они были пусты или заполнены водой и погибали там, не имея возможности выбраться наружу. Хотя, может быть, в мусор выбрасывали просто мертвых грызунов, пойманных ловушками или убитых каким-то другим образом. Весьма вероятно, что и это тоже тот случай, когда можно считать доказанным, что эти грызуны жили именно тогда, когда были вырыты ямы. Впрочем, непосредственного отношения к человеческой деятельности этот материал, возможно и не имеет.

Тем не менее, подобные находки свидетельствуют о том, что грызуны и в древности, так же как и сейчас, обитали в непосредственной близости от человека и, вероятно, наносили ощутимый вред продуктовым запасам, особенно зерна и бобовых.

Каким образом древние земледельцы пытались защитить собранный урожай от непрошенных потребителей, мы можем только гадать. В античных памятниках Восточного Крыма не часто, но регулярно встречаются останки кошек, судя по величине, несомненно домашних. Возможно кошка, которая была в те времена достаточно экзотическим домашним питомцем [Keller 1908, с. 57] несколько регулировала численность мышей и крыс в доме, не допуская их размножения сверх допустимого предела. Но её численности для этого было явно недостаточно. Потому зачастую приходилось прибегать к каким-то оккультным, мистическим ритуалам, чтобы защитить посевы и урожай от этих вездесущих вредителей.

Известно, что на античном Родосе отмечали праздник Сминфий, где чествовали Аполлона, избавившего людей от грызунов, портивших виноградную лозу [Иванов, 1994, с. 53–54]. В литературе описываются бронзовые фигурные гири в виде мышей, грызущих зерно, орех или печенье, иногда с мистическими знаками [Борисковская, 1973, с. 110], использовавшиеся, очевидно, для взвешивания сыпучих или зерновых продуктов. Таким образом, грызуны, несмотря на мелкие размеры и полную бесполезность для человека, оказывались включены в круг сакральных и мифологических образов античного мира. Мышь, изображенная с пшеничным, ячменным или ржаным колосом, чеканилась, например, на монетах Метапонта и некоторых других античных полисов (кстати – знаменитыми своими хлебными богатствами), известны также кумские монеты с изображением спящей мыши [Lang, 1884].

Вообще, в античной космогонии мышь была тесно связана с Аполлоном. Культ Аполлона Сминфейского (от *Σμινθεύς* «мышь») был распространен уже в Гомеровской Греции. Возможно, он и сам первоначально представлялся в виде мыши. Страбон, упоминает о таком храме Аполлона в Хрисе: «В этой Хрисе находятся святилище Аполлона

Сминфейского и эмблема, показывающая подлинное значение имени бога: именно у ноги статуи лежит мышь. Это произведение Скопаса из Пароса... Гераклид Понтийский сообщает, что мыши, во множестве водившиеся около святилища, считались священными, а поэтому статуя воздвигнута стоящей на мыши.» (Strabo XIII, 1, 48). На эту парадоксальную связь ничтожного грызуна с могучим античным богом гораздо позднее обращал внимание даже Максимилиан Волошин [Волошин, 1911].

Очевидно, что из-за связи мышей с Аполлоном и их способности хорошо видеть при очень слабом свете, который человеком воспринимался уже как темнота, древние наделяли их некими профетическими способностями. Плиний отмечал, что «...это животное, коим не следует пренебрегать, определяя знамения, значимые для государства» (Plin. NH, VIII, 221), ссылаясь, при этом на персидских магов, а также сообщает, что мыши «самые подходящие животные для религиозных обрядов». «Появление белых мышей, – снова замечает Плиний, – считается радостным предзнаменованием» (Plin. NH, VIII, 220).

Клавдий Элиан (конец II – начало III вв. н. э.) также сообщает интересную деталь, делающую мышей весьма удачным «материалом» для гаданий и магических ритуалов, поскольку их печень уменьшается и увеличивается в точном соответствии с циклами луны. Он также сообщает, что: «Мыши принадлежат к животным, щедрее прочих наделенным даром предвидения. Они первыми чуют, когда обветшалый дом грозит рухнуть, и, оставив свои норы и привычные укрытия, со всех ног бегут на новое место» (Aelian. Var. Hist., I, 11).

По утверждению других древних авторов мыши воплощали течение времени вообще, и считалось, что они способны предсказывать перемены погоды и смену времен года. Так, «крики» мышей предвещают наступление холодов, а перед дождем они перестают появляться в полях. Писк и «танцы» мышей означают скорую непогоду: при первых признаках дождя мыши лапками ворошат солому и спешно устраивают себе гнездо (Arat Phaen., 1130). Оживленное движение мышей перед грозой, их «танцы» и «пение», соотносилось также и с деятельностью Зевса, а их поведение – «хороводы» по мнению некоторых исследователей, ассоциировались с музами, тем более что и Аполлон, носил эпоним «Мусагет», то есть предводитель муз.

Интересно отметить, что Артемидор в своем «Соннике» о мышях пишет следующее: «...мышь означает домашнего раба, потому что живет в одном доме с хозяином, с ним вместе питается и очень боязлива. Поэтому хорошо, если снится, что в доме много мышей, веселых и беззаботных; это означает большую радость и приобретение множества рабов» (Artem. Oneir. III, 28).

Кроме того, в античной культуре мыши (вероятно, любые мышевидные грызуны) и крысы порою являлись животными, безусловно, имеющими отношение к хтоническому, подземному миру. В этой связи интересен тот факт, что в греческой традиции, начиная с Гомера, глагол «τρίζω», которым обозначались звуки, издаваемые мышами, использовался для описания «голоса» умерших, теней в подземном царстве (см., например: Hom. Od. XXIV, 5, 9). Вероятно, связью с подземным (потусторонним) миром объясняется и соотношение мыши с покидающей тело в момент смерти душой, отправляющейся в Аид. Поскольку мыши ассоциировались с землей, они вполне могли быть связаны и с обрядами в честь мертвых. В подтверждение этого можно сослаться

на описание Овидием ритуала, совершавшегося во время римского праздника Фералий, праздника поминовения мертвых, где мышшь связывается с идеей немоты и слепоты [Herbermann, 1991, с. 60].

Примечательно, что почти в этой же связи «мышинный сюжет» присутствует среди немногих дошедших до нас свидетельств античных авторов о Боспорском «царстве». По, наверняка, заимствованному из какого-то местного источника рассказу Диодора Сицилийского, к которому он сам относится с некоторым скепсисом, боспорскому царевичу Сатиру (конец IV в. до н. э.) оракул советовал остерегаться мышши. Тот предпринимал всяческие меры, «чтобы предотвратить свой рок»: убивал мышшей, замазывал их норы, никому не позволял носить соответствующее имя, но всё напрасно... Сатир погиб от раны в мышцу руки (Diod., XX, 26). А слова «мышшь» и «мышца» и в греческом языке звучат и пишутся почти одинаково.

Показательно, что подобные представления лежали в основе использования «магических» способностей мышшей в античной медицине. Они чаще всего выступали в качестве «лекарства» от слепоты и болезней зрения. Плиний и Марцелл Эмпирик утверждали, что зрение улучшается, если положить новорожденного слепого мышшонка на глаза больного. В. Н. Топоров отмечает, что схожие верования зафиксированы впоследствии и на Балканах, в частности в Сербии и Румынии [Топоров, 1977, с. 58]. Интересно, что и другое животное, близкое мышши как мифологически, так и по величине и отчасти по условиям своего обитания, – крот, так же связано с врачеванием, являясь, как известно, священным животным Асклепия [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 532].

Разнообразные медицинские рецепты, направленные на преодоление всевозможных недугов, где в качестве ингредиентов фигурируют различные части мышши, содержатся у Гиппократов: «Когда у женщины плохо пахнет изо рта и десны черные и плохие, сжечь порознь заячью голову и трех мышшей; из двух мышшей нужно вынуть внутренности без печени и почек; истолочь в каменной ступке мрамор или белый камень и просеять; потом смешать равные доли этих составных частей и этим надо натирать зубы и внутри рта; дальше натирать шерстью, пропитанной жиром, и тогда сполоснуть рот водой (Hipp. *Annal.* III, 263).

Великий римский врачеватель Гален цитирует рецепт снадобья, якобы написанный Клеопатрой, который предписывает использовать измельченные мышшиные головы в качестве одного из ингредиентов мази для избавления от лысины. Она же советует носить мышшиные мордочки в качестве оберега от лихорадки и оспы [McKeown, 2010, с. 11].

По чисто народным, бытовым поверьям, мышшь в античности считалась одним из самых сексуально активных животных, что объяснялось обычной многочисленностью мышшей и быстротой их размножения. У малоазийских греков существовало убеждение, что при нарушении супружеской верности мышши производят страшное опустошение в доме. Ревнивые римлянки тайно смазывали своих мужей мышшиным пометом, дабы обеспечить супружескую верность. Вероятно, поэтому мышши связывались еще и с Афродитой (Венерой) и даже изображались рядом с ней на монетах (например, на статерах Киликии) [Топоров, 1982, с. 190].

Весьма удивительно, что грызуны, будучи сами по себе мелкими и малозаметными животными, имели такое значение в народной медицине и поверьях. Не только мышшь

сама по себе, но и ее изображение, по всей вероятности, наделялось теми же качествами. В коллекции гипсовых слепков с античных резных камней, из собрания Государственного Эрмитажа встречено 16 оригинальных изображений, на которых так или иначе присутствует мышь. На некоторых мышь изображена вместе с петухом. Причем в некоторых случаях петух выступает в качестве противостоящего мыши персонажа. На трех изображениях мы видим мышь, управляющую повозкой с впряженными в нее петухами.

На других инталиях мышь присутствует с орешком, зажатым в лапках, играющей на духовом музыкальном инструменте – авлосе, на двух оттисках мышь изображена вместе с кошкой. На одной – она фигурирует, как пойманная кошкой добыча. На другой, более схематичной, некое животное, по всей видимости, кошка, выступает в качестве повелителя мыши, имея в лапах нечто вроде кнута. Такое разнообразие сюжетов говорит о заметной роли мыши в сакральном кругу и в кругу бытовых верований античного мира.

Оказываясь на кольце или амулете, грызун придавал ему те чудодейственные свойства, которыми его самого наделяло людское суеверие. Так что есть все основания полагать, что изображение, помещаемое владельцем на вещь, имело магическую функцию, то есть гемма могла служить не только печатью, украшением, но и его талисманом, от которого владелец ожидал благотворного влияния на какую-то, важную для него сторону своей жизни. Воспроизведение в античном мире грызунов на таких сугубо личных вещах, как резные вставки в перстни в виде инталий, говорит о том, что у греков и римлян они играли весьма видную роль в сакральной жизни и повседневных бытовых ритуалах.

Подводя итог, можно сказать, что мышевидные грызуны, не являясь сколько-нибудь важным домашним животным и обладая крошечными размерами, вполне могли бы оставаться вне сакрально-мифологического круга античной культуры. Однако тесная близость этих зверьков к человеку, его обитание в жилище и постоянное влияние, часто негативное на его повседневную жизнь, привело к тому, что грызуны в бытовом укладе античности играли гораздо большую роль, чем можно было бы предполагать.

В основном в древности придавалось большое значение таким качествам мышей, как обитание в норах, в толще земли, что в глазах людей того времени делало их близкими к хтоническим богам (или богам вообще). Отсюда использование мышей в обрядах и символике культов, посвященных мертвым, убеждения, что мыши могут знаменовать или предвидеть некие грядущие события и т. д. Возможно по этой причине мышь, обитатель подземного мира, в канонических сюжетах на античных резных камнях противопоставлялась не только кошке, своему извечному недругу, но и петуху, который исконно считался солярным символом.

Второе качество мышей – высокая плодовитость, определенная устойчивость к отрицательным воздействиям и постоянное присутствие в жилище, способствовало тому, что их или части их тела наделяли различными магическими и целебными свойствами, главным образом связанными с исцелением от разных болезней.

Символически мыши олицетворяли на бытовом уровне достаток и изобилие (вероятно в силу своей многочисленности). Возможно поэтому, печатка с изображением

мышь могла быть неким талисманом, привлекающим удачу или достаток в дом. Из-за шума, обычно производимого мышами в период, когда они активны, их почитали существами жизнерадостными и склонными к шумному веселью. Отсюда частые изображения мышей, как участников неких празднеств и процессий, играющих на музыкальных инструментах и т. д.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что в античном мире грызуны, в первую очередь мыши, были теснейшим образом связаны с религиозными представлениями и народной медициной. И, как видно, в основном это были положительные коннотации. В связи с этим остатки грызунов, находимые при археологических раскопках, должны привлекать гораздо более пристальное внимание, несмотря на трудность их хронологической атрибуции.

В заключении автор хотел бы выразить сердечную благодарность Елене Николаевне Дмитриевой, канд. искусствоведения, мл. научному сотруднику отдела Античного мира Государственного Эрмитажа (С.-Петербург), за ценные советы и консультации.

Список литературы

- Арат, 2000. Арат. Явления / Пер., вступ. ст. и комм. К. А. Богданова // Античная библиотека. СПб.
- Артемидор, 1999. Артемидор Далдианский Сонник // Библиотека античной литературы. СПб.
- Борисковская, 1973. Борисковская С. П. Античная художественная бронза. Каталог выставки. Л.
- Волошин, 1911. Волошин М. А. Аполлон и мышь // Северные цветы. № 5. М.
- Гамкрелидзе, Иванов, 1984. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1. Тбилиси.
- Гиппократ, 1941. Гиппократ. Сочинения. Т. 3. М.
- Гомер, 1987. Гомер. Илиада, Одиссея. XXIV. (Пер. с древнегреческого В. Вересаева). М.
- Иванов, 1994. Иванов В. И. Дионис и прадионисийство. М.
- Плиний, 1994. Плиний. Естественная история. (Перевод, предисловие и примечание Г. А. Тароняна). М.
- Страбон, 1994. Страбон. География. (Пер. Г. Стратановского). М.
- Топоров, 1977. Топоров В. Н. Mousai «Музы»: соображения об имени и предыстории образа [к оценке фракийского вклада] // Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М.
- Топоров, 1988. Топоров В. Н. Мышь // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М.

- Элиан, 1963. Элиан Клавдий. Пестрые рассказы. (Пер. с древнегреческого С. В. Поляковой). М.-Л.
- Herbermann, 1991. Herbermann C.-P. Antike Etymologic // Sprachtheorien der abendlandischen Antike. Tübingen.
- Kasparov, 2002. Kasparov A. K. Osseous remains // Hannestad L. and other. Archaeol. Investigation in W. Crimea. Panskoe I. Append. 5. Aarhus: Aarhus Univers. Press.
- Keller, 1908. Keller O. Zur geschichte der katze im altertum // Mitteilungen des kaiserlich deutschen archaeologischen instituts. Roemische abteilung. v. 23.
- Lang, 1884. Lang A. Custom and Myth // <http://www.gutenberg.org/files/14080/14080-h/14080-h.htm>
- McKeown, 2010. McKeown J. C. A Cabinet of Roman Curiosities: Strange Tales and Surprising Facts from the World's Greatest Empire. Oxford. Oxford University Press.

Summary

A. K. Kasparov

**The remains of rodents and the daily life of the ancient inhabitants
of the Black Sea coastal region**

This article deals with the problem of interpreting of osteological remnants of rodents from antique monuments of the Eastern Crimea. The possibility of a reliable linking of these finds to one or another archaeological layer is discussed. It was shown that mouse-like rodents played an unexpectedly significant role in the sacred and mythological views of the ancient world. There are numerous examples of ancient beliefs that endowed rodents with various mystical or prognostic functions. In this regard, it is proposed to pay more attention to these osteological remains than it was previously practiced.

М. Е. Клемешова

(Институт археологии РАН, г. Москва)

Типы лепной посуды поселения и некрополя Вестник-1

Публикации лепной керамики с памятников Азиатского Боспора, в том числе из раскопок такого примечательного во многих отношениях, как Вестник-1¹ имеют большое значение для изучения этой категории археологических материалов. В первую очередь, это основа для создания в будущем общей классификации ее форм, встречаемых на данной территории. При том, что археологические работы на Таманском полуострове ведутся уже более полутора столетий, специальные работы, посвященные ее изучению и интерпретации, обобщающие материалы именно этого региона, до сих пор отсутствуют. В очень малой степени введены в научный оборот керамические коллекции античных поселений и некрополей. В то же время, появившиеся в последние годы публикации, посвященные лепной посуде с ряда памятников (Ю. А. Виноградов, Р. В. Стоянов, С. В. Кашаев, Г. А. Камелина, М. Е. Клемешова, Г. А. Ломтадзе, Ю. Н. Кузьмина), позволяют проводить первый анализ материалов. Во-вторых, крайне значимым для правильной атрибуции, поиска точных аналогий, дальнейшего сопоставления форм и интерпретации полученной информации, является наличие точных параметров публикуемых изделий и их особенностей, сведений обо всей керамической коллекции в целом: количестве лепной посуды (профильных частей) на памятнике сравнительно с круговой без учета амфорной тары и абсолютном ее числе, учете количества сосудов в отдельных категориях и видах, метрических данных (диаметрах донцев и венчиков, толщине стенок и пр.), особенностях форм венчиков и других профильных частей. При морфологическом разнообразии коллекции для получения полного представления о ней имеет значение учёт вариаций форм отдельных сосудов и их фрагментов. В-третьих, для сопоставления материалов различных памятников и поиска аналогий крайне важен учет технологической информации. Сведения о гончарной технологии представляют собой особый блок данных, позволяющих конкретизировать археологический источник, дающих возможность описывать и сопоставлять артефакты по четко определенным критериям. К ним относится информация об используемом исходном пластичном сырье (ИПС), составе формовочных масс, способах конструирования сосуда, обработке поверхностей, нанесении

¹ Краткая информация приведена [Чевелев, Кашаев, Сударев, 2011; Клемешова, 2017, с. 266, рис. 1-3]

орнамента и режиме обжига. В настоящей работе использованы данные, полученные при исследовании керамики по методике, разработанной А. А. Бобринским [Бобринский, 1978; 1999].

При описании лепной посуды поселения и некрополя Вестник-1 особое внимание уделялось соотношению рецептов составления формовочной массы с выделенными типами сосудов для более полной характеристики присутствующего на памятнике керамического комплекса, дальнейшего выделения на этом и других памятниках групп сосудов, изготовленных в соответствии с одними и теми же культурными традициями и области их распространения.

Вся керамика распределена на категории, виды, типы и варианты. Основной классификационной единицей является тип. Определение типов производилось на основании, прежде всего, сопоставления обнаруженных фрагментов верхних профильных частей сосудов с целыми формами из классификаций лепной посуды сопредельных территорий – Западного Закубанья, Прикубанья, Танаиса и Нижнего Подонья (работы Т. М. Арсеньевой, И. С. Каменецкого, Е. А. Бегловой, В. Р. Эрлиха, А. М. Новичихина, Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко). При отсутствии в них аналогий рассматриваемой керамике выделение типов осуществлялось на основании учета размеров, форм и степени отгиба венчиков и сохранившихся верхних частей тулова, поскольку в большинстве случаев полные формы сосудов не реконструировались, а из имеющихся донцев с верхними профильными частями достоверно можно было соотнести только те, что относились к мискам. Внутри ряда типов посуды выделены варианты в зависимости от различий форм края венчика.

Автором учтены фрагменты 131 сосуда, четыре из которых являются археологически целыми формами. Все они относятся к концу VI – началу III в. до н. э., в основном – к V–IV вв. до н. э. [Клемешова, 2017, с. 262, 265–266]. Выделены следующие категории посуды: столовая, кухонная, тарная (хозяйственная, для хранения припасов). К столовой керамике относятся миски (возможно, часть их могла использоваться и при приготовлении пищи), к кухонной – небольшие горшки, кастрюли и, возможно, небольшие корчаги, к тарной – большие горшки и корчаги. Часть небольших горшков и корчаг могла иметь смешанное кухонно-хозяйственное назначение.

Выделены следующие типы мисок:

Тип 1: со слегка загнутым внутрь, слегка заостренным венчиком (рис. 1. 1–4): 5 экз., 1 экз. (рис. 1. 2) имеет сплошное лощение наружной и внутренней поверхности. Диаметр венчиков 100–260 мм, диаметр дна (по имеющемуся целому экземпляру) 85 мм, толщина стенок 6–11 мм. Миска (рис. 1. 1): диаметр венчика 155 мм, диаметр донца 85 мм, высота 58 мм. Формовочные массы (далее – ФМ) – илистая глина² (1)³, илистая глина + органический раствор (3), илистая глина + дресва (кальцит) + шамот + органический раствор (1). Фрагменты таких мисок ближе всего к некоторым образцам типов 1 и 2, выделенных А. М. Новичихиным по материалам Западного Закубанья VI–V вв. до н. э. (раннее Анапское поселение, Воскресенский некрополь, некрополь у хутора

² Подробно составы формовочных масс этой керамики охарактеризованы [Клемешова, 2017].

³ В скобках указано количество сосудов этого типа, ФМ которых имеет данный состав.

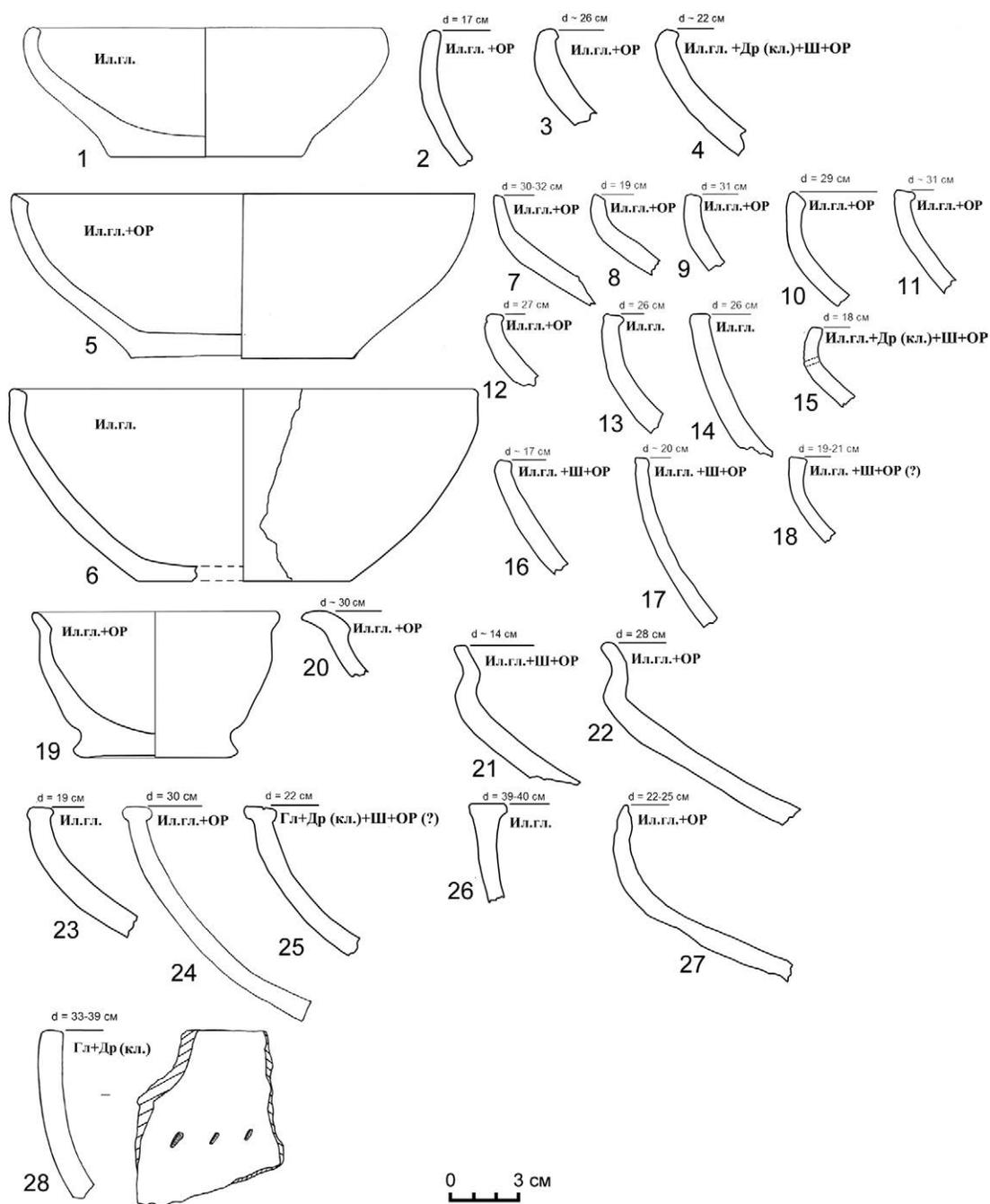

Рис. 1. Лепные миски поселения и некрополя Вестник-1: 1–4 – тип 1; 5–18 – тип 2, 19 – тип 3 вариант 1; 20 – тип 3 вариант 2; 21–22 – тип 4; 23–24 – тип 5 вариант 1; 25 – тип 5 вариант 2; 26 – тип 5 вариант 3; 27 – тип 6; 28 – тип 7

Рассвет) [Новичихин, 2006, с. 36, рис. 35. 1, 8, 11]. Из иных аналогий можно упомянуть фрагменты с поселения Вестник-2 конца VI–III вв. до н. э.⁴ [Ларенок В. А., Ларенок П. А., 2017, с. 192, табл. XVIII. 6, 7, 9], Артющенко I, посл. трети VI – первой четверти V в. до н. э. [Виноградов, 2006, с. 73, рис. 2. 8], Вышестеблиевской-11, середины – начала третьей четверти V в. до н. э. [Рогов, Кашаев, Форназир, с. 196, рис. 17. 7], из Мирмекия, второй четверти – конца VI – начала V в. до н. э. [Виноградов, 1994, с. 60, рис. 2. 15, 16; Бутягин, 1998, с. 83–84, рис. 1. 28], Усть-Лабинского могильника, погребений VI–V вв. до н. э. [Анфимов, 1951, с. 160, рис. 1. 5, 6], Фанагории, из слоя VI–IV вв. до н. э. [Кругликова, 1951, с. 91, рис. 2. 1, 2].

Тип 2: с прямым, косо срезанным внутрь краем венчика (рис. 1. 5–18): 16 экз., два из них лощеные: рис. 1. 6 – слабое лощение верхней части снаружи до середины тулова, рис. 1. 18 – сплошное внутреннее и наружное лощение. Диаметр венчиков 170–330 мм, диаметр дна (по имеющимся целым экземплярам) – 100 мм, высота 74–91 мм, толщина стенок 5,5–10 мм. Целые формы: миска (рис. 1. 5): диаметр венчика 210 мм, диаметр дна 100 мм, высота 74 мм; миска (рис. 1. 6): диаметр венчика 220 мм, диаметр дна 100 мм, высота 91 мм. ФМ – илистая глина (3), илистая глина + органический раствор (9), илистая глина + шамот + органический раствор (3), илистая глина + дресва (кальцит) + шамот + органический раствор (1). Этот тип мисок аналогичен выделенному Е. А. Бегловой типу II варианта А меотских мисок VI–IV вв. до н. э. из могильников левобережья Кубани [Беглова, 1995, с. 74–75, рис. 27. 3, 4, 9], ряду мисок типа III, выделенных Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко по материалам правобережья Кубани (VI–V вв. до н. э., встречаются и позже, во вт. пол. IV – пер. пол. III в. до н. э.) [Лимберис, Марченко, 2012, с. 42–43, рис. 23. 4, 6, 8, 12, 13]. По оформлению края венчика данные образцы находят наибольшее сходство с мисками типа 1, выделенного А. М. Новичихиным [Новичихин, 2006, с. 37, рис. 35. 2–7], однако для последних характерна форма тулова в виде усеченного конуса, тогда как мискам Вестника-1, в основном, присущи, видимо, более округлые, выпуклые стенки тулова. Некоторые аналогии: поселение Вестник-2 конца VI–III вв. до н. э. [Ларенок В. А., Ларенок П. А., 2017, с. 192, табл. XVIII. 5], Торик [Онайко, 1980, табл. XXVI. 258, 261, 263, 270], некрополь у хутора Рассвет, VI–V вв. до н. э. [Население..., 2010, с. 87, рис. 217. 77, с. 107, 216], поселение Артющенко I, конца VI – первой половины V и III–II вв. до н. э. [Виноградов, 2006, с. 73, рис. 2. 9; Стоянов, 2009, с. 274, рис. 4. 2; Стоянов, 2010, с. 224, рис. 7. 4], Вышестеблиевская-11, рубеж третьей-четвертой четверти V в. до н. э. [Рогов, Кашаев, Форназир, 2005, с. 196, рис. 17. 11], Мирмекий [Бутягин, 1998, рис. 1. 36]. Аналогична по форме миске из погребения 1 второй четверти V в. до н. э. некрополя Вестник-1 (рис. 1. 5), но имеет другой срез венчика (горизонтальный) миска из погребения 10 V в. до н. э. некрополя Артющенко-2 [Кашаев, 2007, с. 212, рис. 1. 5; 2. 4].

Тип 3: с венчиком, резко отогнутым наружу, с выраженным ребром в месте перехода внутренней части венчика в округлое тулово, 2 экз. (рис. 1. 19–20). В целом, миски этого типа близки выделенному А. М. Новичихиным типу 3 [Новичихин, 2006, с. 37–38, рис. 36], датирующемуся второй половиной VI–V вв. до н. э. Исследователь отмечает,

⁴ Н. И. Сударев, раскапывавший поселение Вестник-1, предполагает, что оно составляет одно целое с поселением Вестник-2.

что большинство таких сосудов найдено в некрополе у хутора Рассвет и в районе Горгишпии, в то время, как в раннемеотских могильниках они встречаются редко, и предполагает, что основным местом производства подобной посуды была именно эта территория. Выделенные по материалам Вестника-1 варианты отличаются размерами. В первом случае рассматривается образец миниатюрной миски (рис. 1. 19), во втором (рис. 1. 20) – более массивной, относящейся к иному размерному ряду.

Вариант 1: имеющийся в нашем случае целый экземпляр (рис. 1. 19) отличаются от рассмотренных А. М. Новичихиным более вытянутые пропорции. Диаметр венчика 105 мм, диаметр дна 63 мм, высота 67 мм, толщина стенок 5,5–9 мм. ФМ – илистая глина + органический раствор. Он близок также типу IV варианту А мисок, выделенных Е. А. Бегловой. Подобный экземпляр предположительно датируется IV в. до н. э. [Беглова, 1995, рис. 30. 2, с. 76]. Аналогичны данной миске сосуды типа X из верхнего слоя Танаиса [Арсеньева, 1965, с. 180, табл. IV. 6, 8].

Вариант 2: 1 экз. (рис. 1. 20), диаметр венчика около 300 мм, толщина стенки 6–7,5 мм. ФМ – илистая глина + органический раствор. Фрагмент этого сосуда можно сопоставить с миской из погребения 100 некрополя у хутора Рассвет вт. пол. VI–V вв. до н. э. [Население..., 2010, с. 134, 216, рис. 217. 100] и миской из могильника Уляп 1 [Беглова, 1995, с. 76, рис. 30. 2] предположительно датирующимися IV в. до н. э.

Тип 4: с резко отогнутым наружу венчиком и выраженным ребром на тулове под венчиком в месте максимального расширения тулова (рис. 1. 21–22): 2 экз. Диаметр венчика 140–280 мм, толщина стенок 9–10 мм. ФМ – илистая глина + шамот + органический раствор (1), илистая глина + органический раствор (1). Фрагменты этих сосудов относятся к типу IV б, выделенному Е. А. Бегловой [Беглова, 1995, с. 76, рис. 30. 3–4], датируемому V в. до н. э. и типу II подтипу МПА варианту 2, выделенному Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко [Лимберис, Марченко, 2012, с. 41, рис. 22. 12], VI–V вв. до н. э. Полная аналогия таким мискам встречена на поселении Вестник-2 [Ларенок В. А., Ларенок П. А., 2017, с. 192, табл. XVIII. 11]

Тип 5: с «Г»-образной в сечении формой венчика (рис. 1. 23–26).

Вариант 1 (с ровной верхней площадкой края венчика и округлым туловом) – 2 экз. (рис. 1. 23, 24). Диаметр венчика 190–300 мм, толщина стенок 9,5–10 мм. ФМ – илистая глина (1), илистая глина + органический раствор (1). Подобная форма венчика имеется у миски типа I из Серегинского грунтового могильника [Беглова, 1995, с. 71–72, рис. 25. 6], предположительно относящейся к IV в. до н. э., из погребения 10 некрополя раннего Анапского поселения⁵ [Алексеева, 1991, с. 53, табл. 10. 8]. Венчики такой формы встречаются у круговых сероглиняных меотских мисок Прикубанья [Лимберис, Марченко, 2005, с. 261–262, с. 264, рис. 32. 2; рис. 37. 4], IV в. до н. э.

Вариант 2 (аналогичной формы, с бороздкой по верхней площадке края венчика) – 1 экз. (рис. 1. 25). Диаметр венчика 220 мм, толщина стенок 8 мм. ФМ – глина + дресва (кальцит) + шамот + ОР (?) (1). Полные аналогии не обнаружены.

Вариант 3 (с треугольной в сечении формой венчика) – 1 экз. (рис. 1. 26). Наружная и внутренняя поверхности имеют сплошное лощение. Диаметр венчика ок. 390–400 мм,

⁵ Благодарю Н. В. Тарасову за помощь в поиске аналогий к данному типу мисок.

толщина стенок 7–9 мм. ФМ – илистая глина (1). Сосуд с близкой формой венца имеется на Новоджерелиевском городище № 3, I в. до н. э. – начало II в. н. э. [Шевченко, 2013, с. 19, рис. 34. 5].

Тип 6: с прямым, слегка заостренным краем венчика (рис. 1. 27): 1 экз. Диаметр венчика ок. 220–250 мм, толщина стенок 7,5 мм. ФМ – илистая глина + органический раствор. Аналогичные миски относятся к типу II варианту 2 подтипу МП-В, выделенному Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко [Лимберис, Марченко, 2012, с. 41, рис. 22. 14] VI–V вв. до н. э., типу II варианта А, выделенному Е. А. Бегловой [Беглова, 1995, с. 73–74, рис. 27. 3], V в. до н. э. Аналогии: Торик, вторая половина VI в. до н. э. [Онайко, 1980. табл. XXVI, 268, с. 87], поселение Артющенко I, вторая половина III – первая половина II в. до н. э. [Стоянов, 2009, с. 274, рис. 4. 3], могильник Старокорсунского городища № 2, конец III – начало II в. до н. э. [Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2005, с. 248, рис. 9. 12].

Тип 7: орнаментированная миска большого диаметра с невыделенным венцом с уплощенным краем (рис. 1. 28): 1⁶ экз. Диаметр венчика 330–390 мм, толщина стенок 9–10 мм. В 4,5 см ниже края венчика находится орнамент в виде горизонтального ряда косо поставленных так называемых «ногтевых вдавлений». ФМ – глина + дресва (кальцит). Фрагменты подобных сосудов обнаружены в Торике [Онайко, 1980, с. 85, 135, табл. XXV. 242, 244].

Горшки разделены на следующие типы:

Тип 1: широкогорлые горшки с небольшим, слегка отогнутым венчиком и округлым туловом (рис. 2. 1–3): 5 экз., все орнаментированы. Диаметр венчиков 210–380 мм, толщина стенок 9–14,5 мм. ФМ – илистая глина + органический раствор. Под венчиком орнамент в виде ряда пальцевых вдавлений. Горшки такой формы характерны для Горгииппии и ее окрестностей, встречаются на Таманском полуострове [Алексеева, 1991, с. 9–10, 18, табл. 21. 3, 6; табл. 23. 18; табл. 34. 18; Алексеева, 1997, табл. 9. 18; 144. 11; 170. 25–26; 208. 3; Виноградов, 2002, с. 66–67, рис. 2. 14, 15; Стоянов, 2009, с. 272, рис. 1. 4; Ларенок В. А., Ларенок П. А. 2017, табл. XIX. 7]. Во всех перечисленных случаях, кроме двух [Виноградов, 2002, рис. 2. 14; Ларенок В. А., Ларенок П. А. 2017, табл. XIX. 7], они не имеют орнамента, встречаются в слоях и комплексах с последней четверти VI в. до н. э. по первую половину III в. н. э. Орнамент в виде ряда пальцевых вдавлений известен прежде всего на лепной керамике памятников района Горгииппии и прилегающей территории⁷ и Таманского полуострова [Алексеева, 1997, табл. 9. 18; 144. 9; Ларенок В. А., Ларенок П. А., 2017, табл. XIX. 2, 7–9; Иванов, Сударев, с. 107–108, рис. 3. 2; Виноградов, 2006, рис. 1. 1; Камелина, 2018, с. 194, рис. 1. 4; Кругликова, 1951, рис. 1. 2; Кузьмина, Камелина, 2015, рис. 4. 5], Торика [Онайко, 1980, табл. XXV. 245], существует в тот же промежуток времени, в основном, обнаружен на сосудах, относящихся к VI–V вв. до н. э.. В Прикубанье он не распространен, но есть в Восточном Приазовье (Новоджерелиевское 3 и Роговское 1 городища) I в.

⁶ В предварительной публикации к этому типу сосудов был отнесен второй фрагмент [Клемешова. 2017, рис. 1. 11], который, по мнению автора, вероятнее, принадлежит не миске, а горшку без выделенного горла (тип 4 в данной статье). Фрагменты орнаментированных подобным образом горшков с уплощенным венчиком были обнаружены на поселении Урочище Самойленко (раскопки 2013 г., Д. А. Карпов, начальник экспедиции Н. И. Сударев, начальник раскопа А. В. Иванов).

⁷ Является одной из основных форм орнамента на лепной керамике VI–IV вв. до н. э. поселения Урочище Самойленко, расположенного около станицы Натухаевской, обрабатываемой в настоящее время автором.

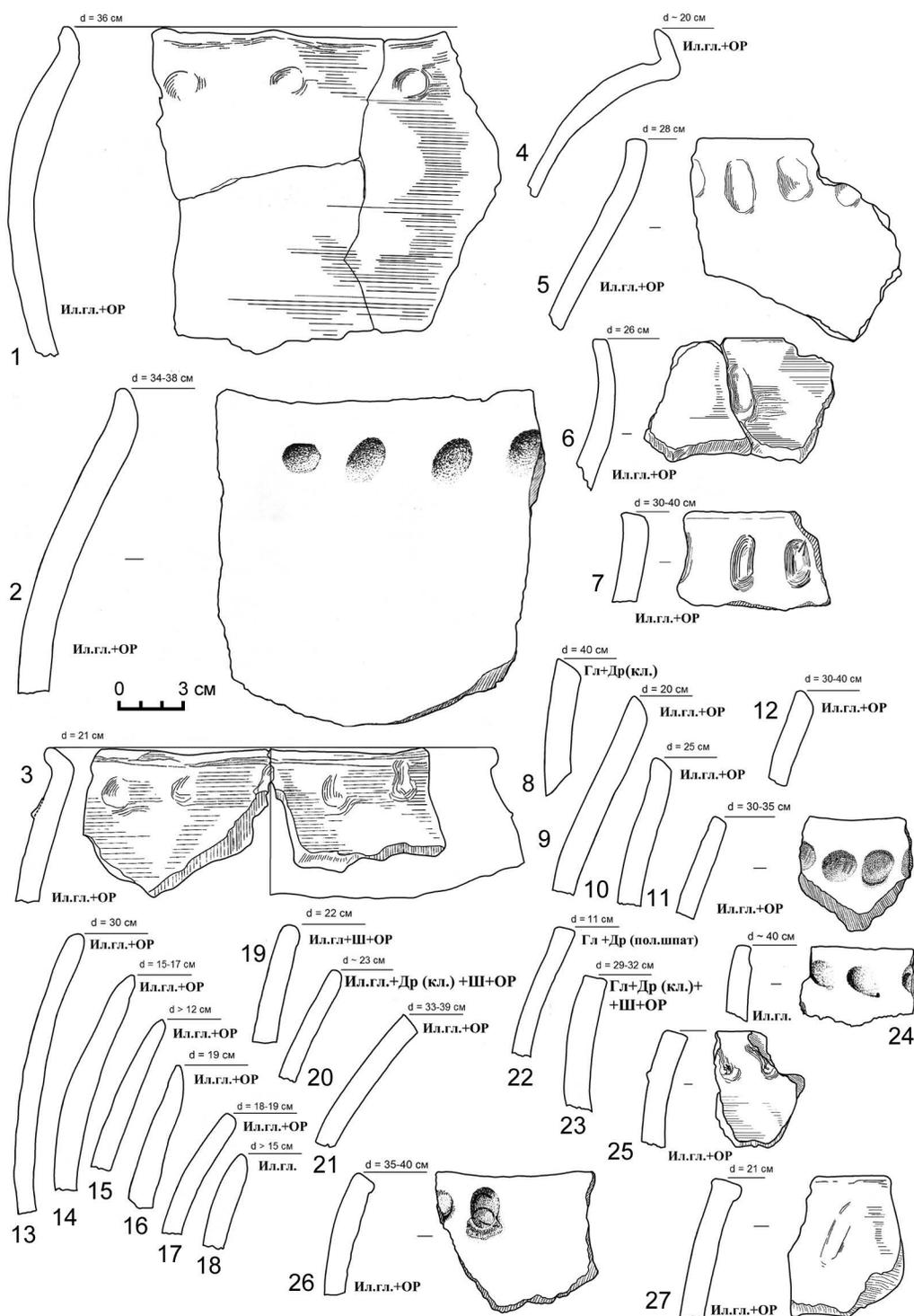

Рис. 2. Лепные горшки поселения и некрополя Вестник-1: 1–3 – тип 1; 4 – тип 2; 5–7 – тип 3; 8–12 – тип 4 вариант 1; 13–20 – тип 4 вариант 2; 21–25 – тип 4 вариант 3; 26–27 – тип 4 вариант 4

до н. э. – начало II в. н. э. [Шевченко, 2013, с. 19, рис. 33. 6] и на Нижнем Дону (Нижнегниловское городище, слой I–IV вв. н. э. [Каменецкий, 1957, с. 131, рис. 6]. Имеется керамика с таким орнаментом в Мирмекии, VI–V вв. до н. э. [Бутягин, 1998, рис. 1. 6, 16]. Другой район распространения подобного орнамента связан с Северо-Западным Причерноморьем, выделяемой Н. А. Гаврилюк на памятниках античного времени керамикой «фракийской группы» [Гаврилюк, 2010, с. 17, 21, рис. 1. 1, 8, 11; 3. 6].

Тип 2: широкогорлые горшки с сильно отогнутым небольшим венцом и сильно расширяющимися округлыми стенками тулова (рис. 1. 4): 1 экз. Диаметр венчика 200 мм, толщина стенок 8–9 мм. ФМ – илистая глина + органический раствор. Подобные сосуды в значительном количестве встречены на поселении Вестник-2 [Ларенок В. А., Ларенок П. А., 2017, табл. XIX. 4–6, 8, 9].

Тип 3: широкогорлые горшки с небольшим, почти вертикально поставленным уплощенным венцом и сильно расширяющимися стенками тулова (рис. 1. 5–7) – 3 экз., все орнаментированы. Диаметр венчика 260–400 мм, толщина стенки 8,5–11 мм. ФМ – илистая глина + органический раствор. Под венчиком расположен горизонтальный ряд коротких вертикальных, сделанных пальцем, полос-вдавлений. Эти сосуды относятся к выделенному Е. А. Бегловой типу I подтипу 2 [Беглова, 1995, с. 44–48, рис. 9. 1–4]. Все они не имеют орнамента, датируются V–IV вв. до н. э. Горшок подобной формы из могильника Старокорсунского городища 2 происходит из погребения конца VI – начала V в. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2012, с. 36–37, рис. 20. 4].

Тип 4: горшки без выделенного горла. Представляют собой один из самых распространенных типов сосудов на меотских памятниках Прикубанья, Таманском полуострове и в нижнем Подонье и Приазовье. По классификации Т. Н. Книпович они относятся к типу 3 лепной керамики Елизаветовского городища [Книпович, 1934, с. 164–165, рис. 47. 1], Т. М. Арсеньевой – типам XXII–XXIV керамики Танаиса [Арсеньева, 1969, с. 180–182, табл. I. 4, 12–14, 16, 17], И. С. Каменецкого – типу 1 керамики донских городищ и Прикубанья [Каменецкий, 2011, с. 302, рис. 228. 1], Е. А. Бегловой, Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко и А. М. Новичихину – типам II горшков правобережья и левобережья Кубани и Западного Закубанья [Беглова, 1995, с. 48–53, рис. 11. 1–4; Новичихин, 2006, с. 35, рис. 33. 1–4; Лимберис, Марченко, 2012, с. 36, рис. 19. 5–9; 20. 1–2], К. К. Марченко – типу IV керамики Елизаветовского городища [Марченко, 1972, с. 130–131, рис. 2. 6] и типу 3 варианту А керамики Березани и Ольвии [Марченко, 1988, с. 80–83, рис. 11]. У различных исследователей они получили разное наименование: горшки без выделенного или с отсутствием выраженного горла [Книпович, 1934, с. 164; Каменецкий, 1965, с. 166–167; Каменецкий, 2011, с. 302; Арсеньева, 1969, с. 180–182], баночной формы [Кругликова, 1954, с. 81, табл. I. 3; Марченко, 1988, с. 80; Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 144; Гаврилюк, Соколова, 2007, с. 276, кат. 123–129], со слабопрофилированным туловом баночной формы [Эрлих, 2007, с. 79, рис. 141. 20–21], баночные сосуды со срезанным краем [Марченко, 1972, с. 125, 130], с загнутым краем [Новичихин, 2006, с. 35; Лимберис, Марченко, 2012, с. 36]. Автор данной работы придерживается названия этого типа сосудов, данного первыми исследователями этой керамики и наиболее точно отражающего, на его взгляд, особенности ее морфологии. Наиболее ранние находки таких горшков античного времени происходят из Торика, относятся к третьей четверти VI в. до н. э.

[Онайко, 1980, табл. XXV. 243а–245, 252; XXVI, 238, 239, 241, 243б, 241, 248]. Фрагмент сосуда такого типа найден в Келермесском грунтовом могильнике [Галанина, 1989, с. 76, 86, рис. 9. 4] в погребении второй половины VII – начала VI в. до н. э. Изделия подобной формы с «воротничком» на венчике известны с протомеотского времени (поселение Красногвардейское II на Кубани, IX – середина VIII в. до н. э., святилище Ленинохабль) [Шарафутдинова, 1989, с. 52, рис. 7. 1, 2, 4; Эрлих, 2007, с. 79, рис. 141. 20–21]. В районе Горгипшии и на Таманском полуострове часты находки фрагментов таких сосудов, относящихся к концу VI (по крайней мере, к его последней четверти) – V в. до н. э. (Горгипшия, Семибратнее городище, поселение Вестник-2, Урочище Самойленко, Красное-1, Фанагория, поселение Артющенко I, Вышестеблиевская-11, Голубицкая-2). Встречаются они в комплексах того же времени в Мирмекии. В Прикубанье же они в основном распространены с V в. до н. э. На правобережье Кубани горшки без выделенного горла широко распространяются в V в. до н. э. и остаются главным и едва ли не единственным типом лепных кухонных горшков до I в. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2012, с. 36]. Е. А. Беглова указывает, что они появляются на памятниках правобережья несколько раньше рубежа V–IV вв. до н. э., на памятниках конца VI–V вв. до н. э. их находки единичны, а в конце V – начале III в. до н. э. они являются господствующей формой кухонной посуды. В целом, происхождение их неясно, распространение на Кубани идет с запада на восток [Беглова, 1995, с. 49–52]. Существует этот тип горшков до III в. н. э. включая его. Как вариант этих сосудов, видимо, нужно рассматривать и тип горшков с «воротничком» на венчике (тип 6 в настоящей классификации), поскольку они имеют ту же форму, только, ввиду дополнительных конструктивных особенностей, сопровождаются утолщенным «воротничком» вокруг горловины.

Вариант 1 (рис. 2. 8–12): с косо срезанным внутрь, слегка заостренным краем венчика и расширяющимися стенками тулова – 5 экз., из них 1 орнаментирован (рис. 2. 11) горизонтальным рядом пальцевых вдавлений, находящимся под венчиком. Диаметр венцов 200–400 мм, толщина стенок 7,5–12 мм. ФМ – илистая глина + органический раствор (4), глина + дресва (кальцит) (1). Некоторые аналогии: Горгипшия, последняя четверть VI–V в. до н. э., IV–II вв. до н. э., II – первая половина III в. н. э. [Алексеева, 1991, с. 9–11, 14, табл. 21. 5, 23. 17, 19; 25. 11, 13; Алексеева, 1997 с. 111, табл. 56. 51; 124. 32], поселение Артющенко I, последняя четверть VI – первая половина V в. до н. э. и вторая половина III – первая половина II в. до н. э. [Виноградов, 2006, с. 71–72, рис. 1. 2–5; Стоянов, 2009, с. 272–273, рис. 2. 1–2; Стоянов, 2010, с. 224, рис. 7. 3], Голубицкая-2 [Камелина, 2009, рис. 1. 3, с. 157–158], могильники левобережья Кубани, V–IV вв. до н. э. [Беглова, 1995, рис. 11, с. 48–53], могильник городища № 3 у хутора Ленина, V в. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2012, с. 81, 82, рис. 86. 5, 91. 3], Елизаветовское городище, V – первая половина III в. до н. э. [Книпович, 1934, с. 164–165, рис. 47. 1; Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 144, рис. 57. 6], Танаис, в слоях и комплексах III в. до н. э. – I в. н. э. [Арсеньева, 1969, с. 180–182, табл. I. 4], Нижнегниловское городище, слой I–IV вв. н. э. [Камеицкий, 1957, с. 131, рис. 6], Сухо-Чалтырское городище, первые века н. э. [Шелов, 1953, с. 191–192, рис. 3. 2]

Вариант 2: с округлым или заостренным краем венчика и расширяющимися стенками тулова (рис. 2, 13–20) – 9 экз., не орнаментированы. Диаметр венчиков 150–300 мм,

толщина стенок 7–13 мм ФМ – илистая глина + органический раствор (6), илистая глина (1), илистая глина + шамот + органический раствор (1), илистая глина + дресва (кальцит) + шамот + органический раствор (1). Аналогии: Торик [Онайко, 1980, с. 85, 134–135, табл. XXVI. 241, 238, 241], Горгишпия, из слоя конца VI–V вв до н.э., II – первая половина III в. н.э. [Алексеева, 1991, с. 18, табл. 34. 22; Алексеева, 1997, табл. 108. 29; 117. 9; 127. 7; 129. 21; 131. 30; 151. 2; 153. 16; 157. 23; 170. 22], некрополь ОПХ «Анапа», VI–V вв. до н.э. [Алексеева, 1991, с. 64, табл. 48. 4], крепость у станицы Анапской, построена в I в. до н.э. [Алексеева, 1997, с. 52–53, табл. 18. 10, 13], некрополь в Широкой Балке, погребения I – начала II в. н.э. [Население предгорий., 2011, с. 29, 31, 265, рис. 263. 2, 3], Артющенко I, последняя треть VI – первые три четверти V в. до н.э. [Виноградов, 2006, с. 71–72, рис. 1. 1, 7–8; Стоянов, 2010, с. 227, рис. 9. 5, 7; Стоянов, 2009, с. 273, рис. 2. 3], Мокро-Чалтырское городище, II–III вв. н.э. [Братченко, 1957, с. 194–195, рис. 7. 2], Танаис, слои и комплексы III в. до н.э. – I в. н.э. [Арсеньева, 1969, с. 180–182, табл. I. 12, 14, 16, 17], Старокорсунское городище № 2, V в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2012, с. 77, рис. 60. 3; с. 75, рис. 46. 7], Новоджерелиевское городище № 3, I в. до н.э. – начало II в. н.э. [Шевченко, 2013, с. 19, рис. 33. 1].

Вариант 3: с уплощенным краем венчика (рис. 2. 21–25) – 5 экз., из них 2 орнаментированы (рис. 2. 24, 25). Диаметр венчиков 110–400 мм, толщина стенок 8–12 мм. ФМ – илистая глина (1), илистая глина + органический раствор (2), глина + дресва (полевой шпат) (1), глина + дресва (кальцит) + шамот + органический раствор (1). Под венчиками двух сосудов нанесен орнамент в виде, в одном случае, горизонтального ряда косо поставленных пальцевых вдавлений (рис. 2, 24), в другом (рис. 2, 25) – такого же ряда вертикальных наколов с протаскиванием, расширенных в нижней части, сделанных заостренным предметом (палочкой или костью). При этом образуется узор из ряда вдавлений каплевидной формы. Аналогичный орнамент на сосудах того же типа есть в Торике, вторая половина VI в. до н.э. [Онайко, 1980, табл. XXV. 245, 252] и керамике поселения Урочище Самойленко VI–IV вв. до н.э. Аналогии форме венчика: поселение Вестник-2 [Ларенок В. А., Ларенок П. А., 2017, табл. XIX. 1, 2], поселение Артющенко I, последняя треть VI – перв. четв. V в. до н.э. [Виноградов, 2006, с. 71–72, рис. 1. 5], Танаис [Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, с. 115, 116, табл. 28. 413, 416], погребения IV–II вв. до н.э. могильников Старокорсунского городища № 2 и городища № 3 у хутора Ленина [Лимберис, Марченко, 2005, рис. 2. 12; 4. 8, 9; 5. 15, 16, 22; 7. 12; 8, 9; 14. 14, 15; 24. 7; 32. 15, 16; 35. 6; 39. 6; 46. 4; 47. 5; 48. 15; 52. 5], Мирмекий, комплексы середины VI в. до н.э. [Бутягин, 1998, с. 83, рис. 1. 7, 18, 19].

Вариант 4: с косо поставленным, «Г»-образным краем венчика (рис. 2. 26, 27; 3. 1) – 3 экз., все орнаментированы. Диаметр венчиков 210–400 мм, толщина стенок 10–12 мм. ФМ – илистая глина + органический раствор (2), глина + дресва (кальцит) (1). Орнамент на этих сосудах расположен под венчиком, представляет собой в одном случае (рис. 2. 26) ряд пальцевых вдавлений, возможно, сгруппированных по несколько штук (сохранились два отпечатка и большой промежуток рядом с одним из них), в другом косые полосы, проведенные пальцем (рис. 2. 27), вероятно, так же вдоль всего венчика, и в третьем (рис. 3. 1) – горизонтальный ряд небольших круглых наколов, оставленных концом палочки с тупым концом. Аналогии орнаментам в виде ряда сдвоенных

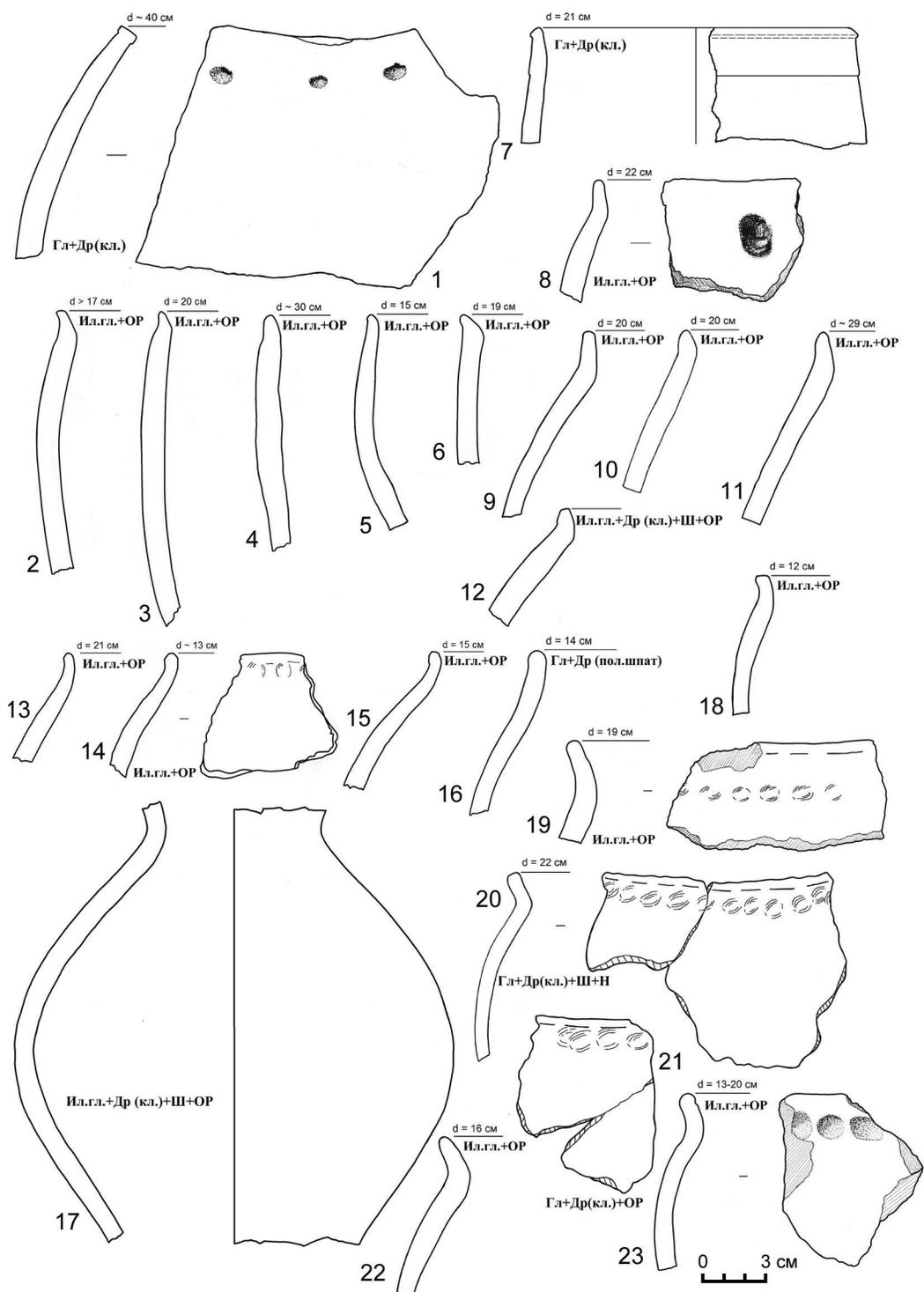

Рис. 3. Лепные горшки поселения и некрополя Вестник-1: 1 – тип 4 вариант 4; 2–6 – тип 5; 7 – тип 6; 8–12 – тип 7; 13–16 – тип 8; 17 – тип 9; 18 – тип 10 вариант 1; 19–23 – тип 10 вариант 2

и строенных пальцевых вдавлений – Новоджерелиевское городище № 3 и Роговское городище № 1, I в. до н. э. – начало II в. н. э. [Шевченко, 2013, с. 19, рис. 33. 6], Нижнегниловское городище, слой I–IV вв. н. э. [Каменецкий, 1957, с. 131, рис. 6]. Аналогии форме венчика не обнаружены.

Тип 5: горшки с небольшим слегка отогнутым заостренным венчиком и незначительно расширяющимися к середине стенками тулова (рис. 3. 2–6): 6 экз. Диаметр венчиков 150–300 мм, толщина стенок 7,5–12 мм. ФМ – илистая глина + органический раствор (6). Аналогии: пос. Артющенко I, последняя треть VI – первая и третья четверть V в. до н. э. [Виноградов, 2006, с. 71–72, рис. 1. 11; Стоянов, 2010, с. 225, рис. 7. 6], Горгишпия, VI–V в. до н. э. [Алексеева, 1991, с. 14, табл. 25. 12; с. 18, табл. 34. 19], поселение Красное-1, конец VI – начало V в. до н. э. [Иванов, Сударев, 2015, с. 107, рис. 3. 2].

Тип 6: горшки с «воротничком» на венчике (рис. 3. 7) – 1 экз. Диаметр венчика 210 мм, толщина стенки 6,5–7,5 мм. ФМ – глина + дресва (кальцит). Наиболее ранние образцы этого типа найдены на поселении Красногвардейское-2 (см. выше). Аналогии античного времени обнаружены в Прикубанье, где такие сосуды встречаются в VI–V и на протяжении всего IV вв. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2012, с. 36, рис. 20. 1–2; 62. 5; 81. 3], Торики, вторая половина VI в. до н. э. [Онайко, 1980, табл. XXV. 250, 251; XXVI. 249] и поселениях Голубицкая-2 (широкая дата по памятнику – вторая четверть VI – первая половина III в. до н. э. [Камелина, 2009, с. 156–157, рис. 1. 1] и Артющенко-1, последняя треть VI–V вв. до н. э. [Виноградов, 2006, с. 72–73, рис. 2. 3; Стоянов, 2010, с. 223, рис. 4. 15] на Таманском полуострове. В последнее время выявлены на поселении Красное-1, конец VI – начало V в. до н. э. [Иванов, Сударев, 2015, с. 107, рис. 3. 2] и Урочище Самойленко, один фрагмент обнаружен в Пантикапее [Толстиков и др., 2017, с. 205, табл. 134. 13].

Тип 7: горшки с небольшим, вертикально поставленным венчиком с четко выраженным местом перехода венчика в плечи, и сильно расширяющимися книзу почти прямыми стенками тулова (рис. 3. 8–12): 5 экз., из них один орнаментирован (рис. 3. 8). Чуть ниже места отгиба венчика у него находится круглое пальцевое вдавление, вероятно, часть опоясывающего плечи горшка ряда. Диаметр венчиков 200–290 мм, толщина стенок 9–12 мм. ФМ – илистая глина + органический раствор (4), илистая глина + дресва (кальцит) + шамот + органический раствор (1). Близок типу 4, выделенному И. С. Каменецким [Каменецкий, 2011, с. 302, рис. 228. 4]. Аналогии: Горгишпия, IV–II вв. до н. э., [Алексеева, 1997, с. 123–124, табл. 56. 48], поселение Вестник-2, конец VI–III вв. до н. э. [Ларенок В. А., Ларенок П. А. 2017, с. 192, табл. XIX. 16], поселение Артющенко I, V в. до н. э. [Стоянов, 2010, рис. 4. 14].

Тип 8: горшки с небольшим, слегка отогнутым венчиком с плавным отгибом и сильно расширяющимися округлыми стенками тулова (рис. 3. 13–16) – 5 экз., из них один орнаментирован (рис. 3. 14). На этом фрагменте в месте отгиба венчика расположен ряд неглубоких круглых пальцевых вдавлений. Диаметр венчиков 130–210 мм, толщина стенок 6,5–10 мм. ФМ – илистая глина + органический раствор (4), глина + дресва (полевой шпат) (1). Тип 2 по классификации И. С. Каменецкого [Каменецкий, 2011, с. 302, рис. 228. 2]. Аналогии: Горгишпия, из слоя конца VI–V вв. до н. э. [Алексеева, 1991, с. 18, табл. 34. 21], поселение Артющенко I, последняя треть VI – первая четверть V в.

до н.э. [Виноградов, 2006, с. 72, рис. 2. 4], Раевский некрополь [Юго-Восточная периферия..., 2007, рис. 103. 54], погребение 63 некрополя в Широкой Балке, вторая половина II–III вв. н.э. [Население предгорий..., 2011, с. 113, рис. 104. 1].

Тип 9: горшок с плавно отогнутым венцом и сильно расширяющимися к середине округлыми стенками тулова (рис. 3. 17) – 1 экз. Происходит из погребения 1, 2010 г., датируемого второй четвертью V в. до н.э. Максимальный диаметр тулова находится приблизительно посередине общей высоты сосуда. Край венчика и дно отсутствуют. Сохранившаяся высота сосуда 234 мм, максимальный диаметр тулова 230 мм, диаметр в месте перегиба под венчиком 90 мм, толщина стенок 6,5–10 мм. ФМ – илистая глина + дресва (кальцит) + шамот + органический раствор (1). Возможно, представляет собой корчагу, с плавно отогнутым венцом, подобную относящимся к типу I по классификации Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко, датирующихся VI–V вв. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2012, с. 23–24, рис. 11. 1–10] или горшок типа I, выделенного Е.А. Бегловой [Беглова, 1995, с. 45, рис. 8. 2], датирующегося V в. до н.э.

Тип 10: горшки баночной формы, с цилиндрическим, слабо расширенным туловом.

Вариант 1: с небольшим, плавно отогнутым уплощенным венчиком и округлым туловом (рис. 3. 18) – 1 экз. Диаметр венчика 120–170 мм, толщина стенок 8 мм. ФМ – илистая глина + органический раствор (1). Близок типу 10 по классификации И.С. Каменецкого [Каменецкий, 2011, с. 302, рис. 228. 10]. Обнаруженные аналогии – Роговское городище № 1 [Шевченко, 2013, с. 31, рис. 52. 8].

Вариант 2: с небольшим, отогнутым венчиком со слегка уплощенным или округлым краем и округлым туловом (рис. 3. 19–23), – 5 экз. из них 1 (рис. 3. 23) орнаментирован рядом круглых пальцевых вдавлений, проходящим по месту отгиба венчика, 3 имеют «технологический» орнамент (рис. 3. 19–21). У этих сосудов в месте отгиба венца заметен ряд очень слабых пальцевых вдавлений, представляющих собой не умышленно нанесенный орнамент, а следы регулярного нажатия пальцами с внешней стороны при выгибании венчика наружу. Диаметр венчиков 130–220 мм, толщина стенок 5–10 мм. ФМ – илистая глина + органический раствор (3), глина + дресва (кальцит) + органический раствор (1), глина + дресва (кальцит) + шамот + навоз (1). И.С. Каменецкий отмечал универсальность подобной формы горшков («широко распространен у меотов, но достаточно известен и в других культурах») [Каменецкий, 2003, с. 72]. Аналогии: усадьба Джемте I, конец III–I вв. до н.э. [Алексеева, 1980, с. 36, рис. 10. 33, 35], Семибратнее городище [Каменецкий, 2003, с. 72, рис. 3. № 1922], Роговское городище № 1, Новоджерелиевское № 3, I в. до н.э. – начало II в. н.э. [Шевченко, 2013, с. 31, рис. 52. 9; с. 19, рис. 33. 2, 4].

Вариант 3: с небольшим, слегка отогнутым венчиком и прямыми вертикальным стенками тулова, сужающимися в нижней части (рис. 4. 1–2) – 2 экз., 1 орнаментирован (рис. 4. 2). На нем в зоне отгиба венчика проведена гладкой палочкой слабо вдавленная горизонтальная полоса, по ней через равные промежутки сделан ряд вдавлений круглой палочкой с закругленным концом. Диаметр венчика 130–170 мм, толщина стенки 7–8 мм. ФМ – илистая глина + органический раствор (2). Аналогии не обнаружены.

Вариант 4: с уплощенным, треугольным в сечении венчиком и цилиндрическим туловом (рис. 4. 3) – 1 экз. Диаметр венчика около 100 мм, толщина стенки 11,5–13 мм. ФМ – илистая глина + органический раствор (1). Аналогии не обнаружены.

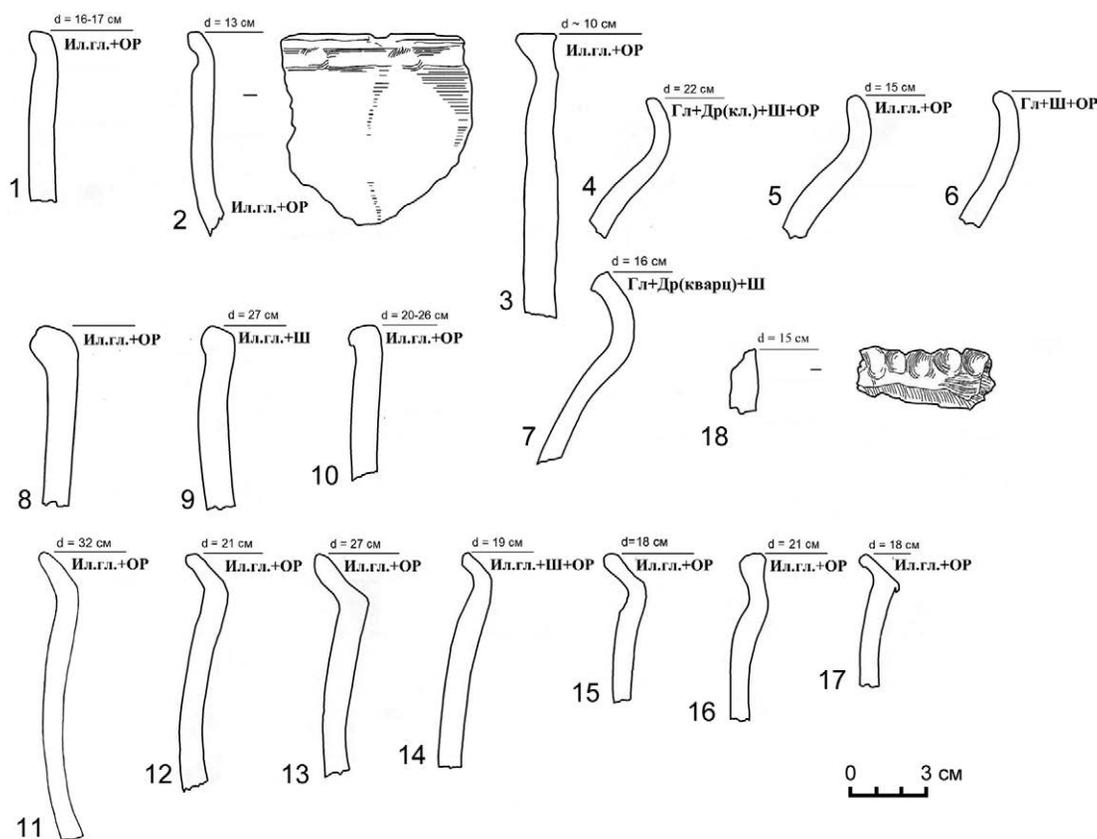

Рис. 4. Лепные горшки и кастрюли поселения и некрополя Вестник-1:
 1–2 – тип 10 вариант 3; 3 – тип 10 вариант 4; 4–6 – тип 11 вариант 1;
 7 – тип 11 вариант 2; 8–10 – тип 12; 11–17 – лепные кастрюли;
 18 – фрагмент горшка с тычковым пальцевым орнаментом на венчике

Тип 11: горшки с удлинённым, плавно отогнутым венчиком с отогнутым наружу краем и округлым туловом (рис. 4. 4–7). Эти сосуды по форме относятся к типу горшков с «дуговидной в разрезе шейкой» по классификации Б.Н. Гракова [Граков, 1954, с. 70–72].

Вариант 1: с венчиком с округлым или слегка заостренным краем, плавно переходящим в округлые плечо и тулово сосуда (рис. 4. 4–6) – 6 экз. Диаметр венчиков 140–220 мм, толщина стенок 6–9,5 мм. ФМ – илистая глина + органический раствор (4), глина + шамот + органический раствор (1), глина + дресва (полевой шпат) + шамот + органический раствор (1). Некоторые аналогии: Горгишпия, вымостка с материалом V в. до н. э. и более ранним [Алексеева, 1991, с. 14, табл. 25. 14], Воскресенский некрополь, конец VI–V вв. до н. э. [Алексеева, 1991, с. 57–58, табл. 41. 17], Красный Курган, IV в. до н. э. [Алексеева, 1991, с. 60–61, табл. 42. 8], некрополь ОПХ «Анапа» [Алексеева, 1991, табл. 47. 8], поселение Артющенко I, последняя треть VI – середина III в. до н. э. [Виноградов, 2006, с. 72, рис. 2. 5; Стоянов, 2010, с. 221, рис. 4. 9, 10], Вышестеблиевская-11, рубеж третьей-четвертой четвертей V в. до н. э. [Рогов, Кашаев, Форназир, 2005, с. 196, рис. 17. 4].

Вариант 2: с плавно отогнутым венчиком со слегка расширенным, четко обрисованным краем, имеющим подтреугольную форму, слегка уплощенным плечом и округлым туловом (рис. 4. 7) – 1 экз. Диаметр венчика 160 мм, толщина стенки 9–10 мм. ФМ – глина + дресва (кварц) + шамот (1). Такие сосуды относятся к типу XLII лепной керамики Танаиса, III–I вв. до н. э. [Арсеньева, 1969, с. 187–188, табл. II. 5; III.12; IV. 3; V. 4, 14; VI. 15; X. 7; XI. 1]. Т. М. Арсенъева отмечает, что горшки этого типа встречаются во всех слоях городища, в том числе и на Елизаветовском городище в слое конца V – начала IV в. до н. э., отнесены Т. Н. Книпович к типу 1 (самому многочисленному на поселении) [Книпович, 1934, с. 161–163, 198–199, рис. 45. 1, 3; 51. 1]. Кроме того, фрагменты подобных сосудов встречены в Фанагории [Кругликова, 1951, с. 97, рис. 4. 3]. И. Т. Кругликова отмечает в качестве примеси к формовочной массе двух из этих горшков те же, что выявлены и во фрагменте, найденном на Вестнике-1 – шамот, дробленый известняк и кварц, но относит время их бытования на городище к I–IV вв. н. э.

Тип 12: горшки с валикообразным венчиком и почти прямыми, слегка расширяющимися стенками (рис. 4. 8–10) – 3 экз. Диаметр венчика 200–270 мм, толщина стенки 10–12 мм. ФМ – илистая глина + органический раствор (2), илистая глина + шамот (1). Сосуды с венцом такой формы встречаются в материалах Горгиппии, рубеж V–IV – III вв. до н. э. и II – пер. пол. III в. н. э. [Алексеева, 1997, с. 123–124, табл. 56. 52; табл. 124. 25], хотя в целом они, видимо, не совсем типичны для лепной посуды Прикубанья и Таманского полуострова античного времени. Фрагмент (рис. 4, 8) может принадлежать корчаге типа II с цилиндрическим горлом, по классификации Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко [Лимберис, Марченко, 2012, с. 24–26, рис. 12. 2, 3], датируемого концом VI – первой половиной V в. до н. э.

Помимо перечисленных типов, на поселении обнаружен фрагмент горшка с орнаментом в виде пальцевых тычковых вдавлений по краю венчика (рис. 4. 18). Толщина стенки – 6,5–7,5 мм. ФМ – илистая глина + органический раствор. Горшки с подобным орнаментом, но нанесенные, как правило, не пальцами, а палочкой нередки на памятниках античного времени Крыма и Северо-Западного Причерноморья, для керамики Азиатского Боспора и Прикубанья использование такой орнаментальной зоны является редкостью.

Кастрюли (ранее тип 13) представляют собой широкогорлые сосуды с отогнутым венчиком с выделенной закраиной для крышки или без таковой и слабо расширяющимися к середине округлыми, почти вертикально поставленными стенками тулова (рис. 4. 11–17): 9 экз. Диаметр венчиков 180–320 мм, толщина стенок 5–10 мм. ФМ – илистая глина + органический раствор (7), илистая глина + шамот + органический раствор (2). Лепные подражания греческим круговым кастрюлям хорошо известны на античных памятниках Северного Причерноморья [Марченко, 1988, с. 85–87; Гаврилюк, Соколова, 2007, с. 273–276]. Ближайшей аналогией обнаруженным на поселении Вестник лепным кастрюлям по форме тулова и удлиненного венчика без закраины для крышки являются сосуды из античной усадьбы в Джемете, конец III–I вв. до н. э. [Алексеева, 1980, с. 36, рис. 10. 31–33]. Ряд таких же сосудов обнаружен на поселении Вестник-2 [Ларенок В. А., Ларенок П. А., 2017, табл. XIX. 10–12]. Дно у них, видимо, плоское, что можно предположить, судя по сохранившемуся профилю кастрюли с Вестника-2 [Ларенок В. А.,

Ларенок П. А., 2017, табл. XIX. 10] и тому, что все обнаруженные на Вестнике-1 донца относятся к плоскодонным формам (рис. 6).

Корчаги разделены на следующие типы:

Тип 1: со слегка отогнутым утолщенным венцом и расширяющимся книзу горлом со слегка выпуклыми стенками (рис. 5. 1) – 1 экз. Диаметр венчика 280 мм, толщина стенки 7,5 мм. ФМ – илистая глина + органический раствор. Подобные корчаги могут относиться к типам I и II, выделенным Е.А Бегловой [Беглова, 1995, с. 36–38, рис. 2, 3, 4. 1, 2, 5], относящимся к концу VII – началу III в. до н. э., и типу II по классификации Н.Ю. Лимберис и И. И. Марченко [Лимберис, Марченко, 2012, с. 24–26, рис. 12. 6, 7, 9, 10, 11], датируемому концом VI – первой половиной V в. до н. э. Горло корчаги с поселения Вестник отличается от перечисленных экземпляров большим диаметром.

Тип 2: с небольшим, плавно отогнутым венчиком и высоким горлом. В нижней части горла горизонтальная вдавленная полоса (рис. 5. 2): 1 экз. Диаметр венчика не восстанавливается, внутренний диаметр горла в месте отгиба венчика около 150 мм, толщина стенки 10–11 мм. ФМ – глина + дресва (кальцит) + шамот. Этот экземпляр может быть отнесен к типам, указанным выше. Близок формам корчаг кобанской культуры (западный и центральный вариант) середины VII–IV вв. до н. э. [Козенкова, 1989, с. 262–264, табл. 104, AI-8, BI-7, BII-14]. На кобанских корчагах орнамент в виде вдавлений и углубленных полосок и крестов распространяется в начале VI в. до н. э. Горла подобных сосудов обнаружены на Вестнике-2 [Ларенок В. А., Ларенок П. А., 2017, с. 192, табл. XIX. 3].

Тип 3: с небольшим отогнутым венчиком и расширяющимся книзу горлом (рис. 5. 3–10) – 10 экз., 2 орнаментированы. На одном фрагменте (рис. 5. 3) под венчиком нанесен остроконечным предметом орнамент в виде ряда вертикальных наколов каплевидной формы, аналогичных описанным выше у горшков варианта 3 типа 4. На другом (рис. 5. 10) под венчиком имеется вертикальная вдавленная полоса шириной 7 мм, высотой 14 мм, проведенная палочкой, вероятнее всего, часть орнаментального ряда из таких же элементов. Диаметр венчиков 90–250 мм, толщина стенок 7,5–11 мм. ФМ – илистая глина (1), илистая глина + органический раствор (6), илистая глина + дресва (кальцит) + органический раствор (1), глина + дресва (кальцит) (1), глина + дресва (кальцит) + шамот + органический раствор (1). Корчаги небольших размеров известны в меотской керамике Прикубанья [Лимберис, Марченко, 2012, с. 24–26, рис. 12. 16, 17; Новичихин, с. 34, табл. 30. 3, 6].

Тип 4: с широким отогнутым венцом (рис. 5. 11–15) – 5 экз. Диаметр венчиков 240–320 мм, толщина стенок 7,5–16 мм. ФМ – илистая глина + органический раствор (2), илистая глина + дресва (кальцит) + шамот (1), глина + дресва (кальцит) + шамот (2). Аналогии: тип 2 протомеотских корчаг, могильник Хаджох [Эрлих, 2007, с. 72–74, рис. 133. 5], типы II–III, выделенные Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко, VI–V вв. до н. э., в основном эти экземпляры относятся к V в. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2012, с. 24–27, рис. 11. 13, 15; 12. 1, 7–10], корчаги типа 2, выделенные А. М. Новичихиным [Новичихин, 2006, табл. 30, 3, 5, 6, с. 34], близко – некрополь ОПХ «Анапа» [Алексеева, 1991, с. 63–64, табл. 47. 18].

Тип 5: с отогнутым венцом (рис. 5. 16–17) – 2 экз. Диаметр венчиков 290–350 мм, толщина стенок 8–11 мм. ФМ – илистая глина + органический раствор (2). Соответствуют

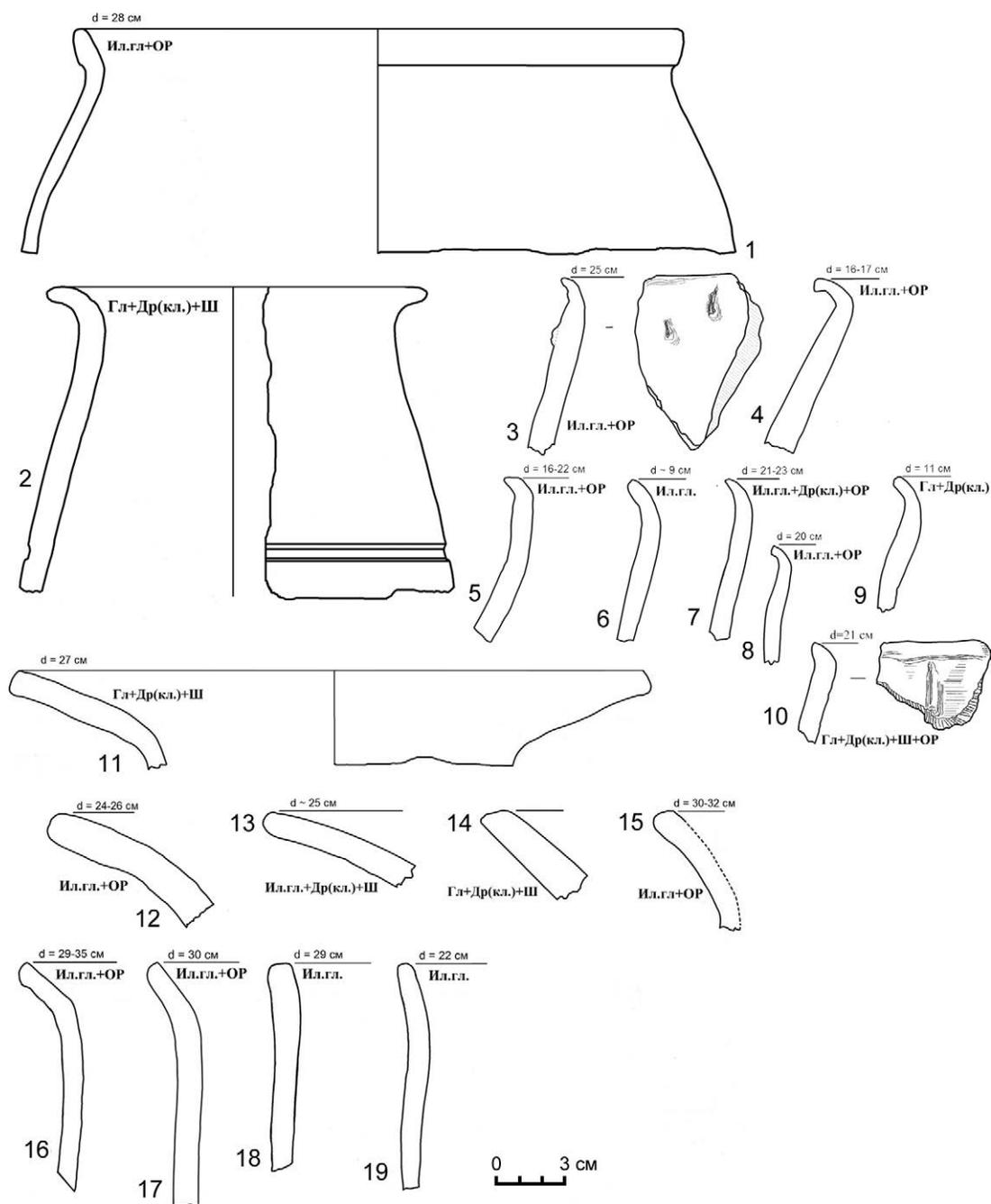

Рис. 5. Лепные корчаги поселения Вестник-1: 1 – тип 1; 2 – тип 2; 3–10 – тип 3; 11–15 – тип 4; 16–17 – тип 5; 18–19 – тип 6

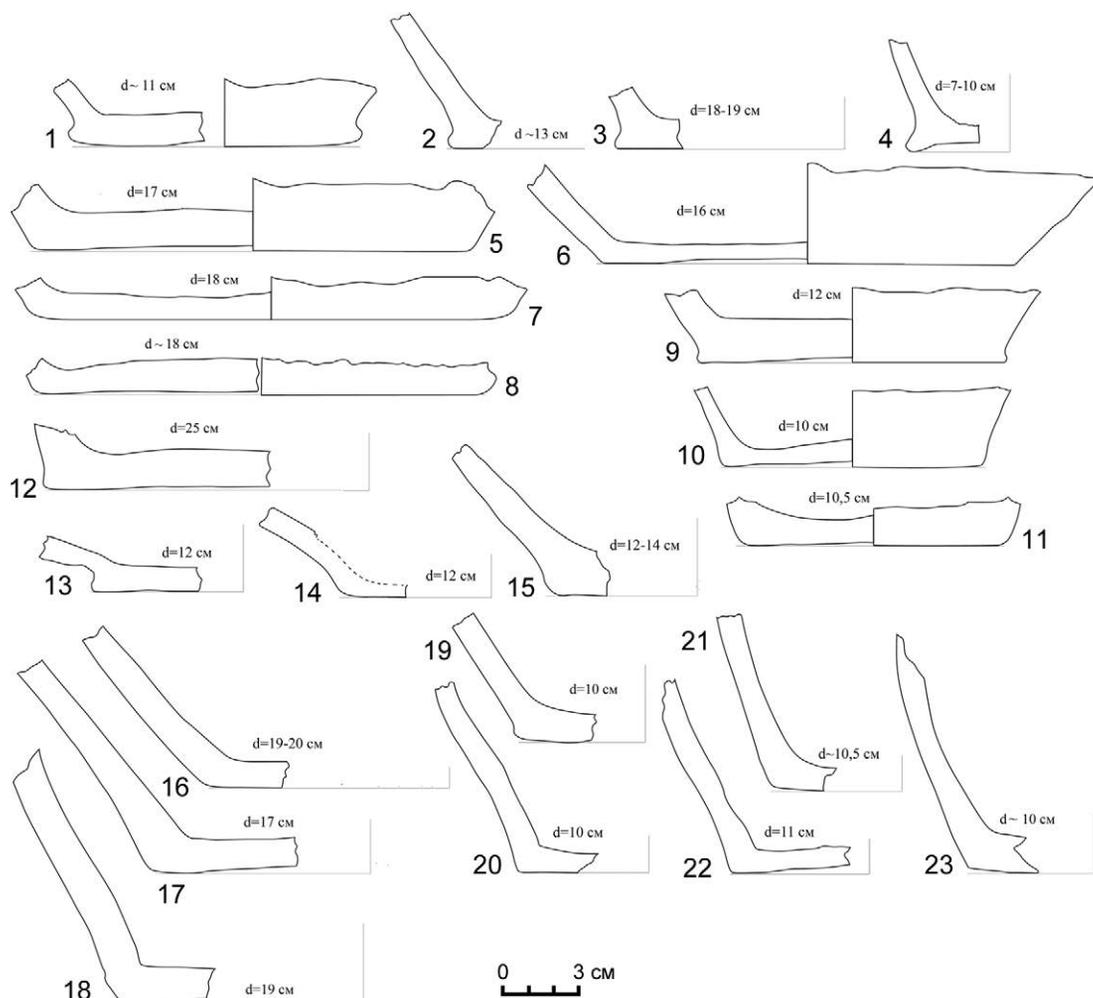

Рис. 6. Донца лепной посуды поселения и некрополя Вестник-1

типу I, выделенному Е. А. Бегловой, V-IV вв. до н. э. [Беглова, 1995, с. 36-38, рис. 3. 2-3; 4. 4-5; 5. 1-2], типу II по Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко, VI-V вв. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2012, с. 24-26, рис. 11. 15, 16; 12. 1-3].

Тип 6: с прямым, очень слабо отогнутым наружу в верхней части венцом (рис. 5. 17-18) - 3 экз. Диаметр венчиков 220-290 мм, толщина стенок 7,5-11 мм. ФМ - илистая глина (2), илистая глина + органический раствор (1). Вероятно, могут быть отнесены также к корчагам типа II по Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко [Лимберис, Марченко, 2012, с. 24-26, рис. 12. 5].

Представленные материалы позволили уточнить, какие именно типы лепной посуды и ее орнамента были характерны для варварского населения поселения Вестник-1. Судя по количеству, наиболее широко распространены были миски типа 2, они же в подавляющем большинстве сделаны в соответствии с местной [Клемешова, 2017, с. 270] гончарной традицией составления формовочных масс - из илистой глины с примесью

органического раствора. Из горшков наиболее массово встречаются относящиеся к типу 1, 4, 5, 7, при этом большинство из них сделано из таких же формовочных масс. В значительном количестве присутствуют лепные кастрюли, изготовленные из ФМ, составленных в той же традиции, что, вероятно, может говорить об интенсивности влияния греческой культуры на аборигенное население. Корчаги всех размеров, возможно, являются не исконной формой местной посуды, поскольку в большинстве своем сделаны из формовочных масс, составленных по рецептам на основе исходного пластичного сырья и примесей, не использующихся в местной традиции, или из смешанных [Клемешова, 2017, с. 269–271]. Обращает внимание тот факт, что большинство слабо представленных типов сосудов или имеющих вариабельные морфологические отличия – миски типа 5 варианта 2 и типа 7, горшки типа 4 варианта 3 (рис. 2. 22, 23), типа 4 варианта 4 (рис. 3, 1), типа 6, типа 8, типа 10 варианта 2 (рис. 3. 20, 21), типа 11 (рис. 4. 4, 6, 7), корчаги типа 2, типа 3 (рис. 5. 7, 9, 10), типа 4 (рис. 5. 11, 13, 14) изготовлены, как правило, также не из формовочных масс, составленных по местному рецепту. Это обстоятельство позволяет допускать, что такая посуда могла быть изготовлена представителями не аборигенного по происхождению населения или привезена на поселение из других мест.

Из орнаментов наиболее распространены состоящий из цепочки пальцевых вдавлений и созданный на основе «рисования пальцами», что, учитывая практическое отсутствие их на Кубани, позволяет, видимо, считать эти виды орнаментации и орнаментиров характерными именно для населения района Горгипсии, где, в основном, обнаружены аналогии им.

В целом, представленные формы сосудов, за редкими исключениями (горшки типа 1, 2, 11 вариант 2 и лепные кастрюли) являются обычными для меотской керамики Прикубанья, что, вероятно, может говорить о сложении во многом близкой культуры изготовления лепной посуды у населения поселения Вестник-1 и меотов Кубани и юго-востока Азиатского Боспора.

Список литературы

- Алексеева, 1980. Алексеева Е. М. К изучению сельских поселений вокруг Горгипсии // Горгипсия (материалы Анапской археологической экспедиции). Т. I. Краснодар.
- Алексеева, 1991. Алексеева Е. М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М.
- Алексеева, 1997. Алексеева Е. М. Античный город Горгипсия. М.
- Анфимов, 1951. Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. 23.
- Арсеньева, 1965. Арсеньева Т. М. Лепная керамика Танаиса. I. Открытые сосуды // Древности Нижнего Дона. МИА. 127.

- Арсеньева, 1969. Арсенъева Т. М. Лепная керамика Танаиса. II. Горшки // Античные древности Подонья – Приазовья. М.
- Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001. Арсенъева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В. Некрополь Танаиса (раскопки 1981–1995 гг.). М.
- Беглова, 1995. Беглова Е. А. Керамика Закубанья VI–IV вв. до н. э. как исторический источник. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1995 // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 2. № 2587.
- Бобринский, 1978. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.
- Бобринский, 1999. Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара.
- Бутягин, 1998. Бутягин А. М. Лепная керамика архаического Мирмекия // Боспорское царство как историко-культурный феномен. СПб.
- Братченко, 1957. Братченко С. Н. Правобережное Мокро-Чалтырское городище на Дону // СА. 2.
- Виноградов, 1994. Виноградов Ю. А. Еще одна архаическая полуземлянка из Мирмекия // БС. 4.
- Виноградов, 2002. Виноградов Ю. А. Архаические комплексы поселения Артющенко I // Таманская старина. Вып. 4. СПб.
- Виноградов, 2006. Виноградов Ю. А. Лепная керамика архаического времени с поселения Артющенко I на Таманском полуострове // Записки ИИМК РАН. 1.
- Галанина, 1989. Галанина Л. К. Новые погребальные комплексы раннемеотского времени из Келермесского грунтового могильника // Меоты – предки адыгов. Майкоп.
- Гаврилюк, 2010. Гаврилюк Н. А. Керамика «фракийской группы» памятников Северного Причерноморья // Карпатика. Вып. 39. Ужгород.
- Гаврилюк, Соколова, 2007. Гаврилюк Н. А., Соколова О. Ю. Лепная керамика Нимфея // Античный мир и варвары на юге Украины и России. Скифия, Ольвия, Боспор. Москва-Киев-Запорожье.
- Граков, 1954. Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре // МИА. 36.
- Иванов, Сударев, 2015. Иванов А. В., Сударев Н. И. Поселение Красное-1 // V Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Краснодар.
- Камелина, 2009. Камелина Г. А. Лепная керамика из раскопок поселения Голубицкая-2 на Таманском полуострове // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар.
- Каменецкий, 1957. Каменецкий И. С. Нижнегниловское г-ще (раскопки 1954–55 гг.) // Краеведческие записки. Таганрог. 1.
- Каменецкий, 1965. Каменецкий И. С. Население Нижнего Дона в I–III вв. н. э. Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. 1965 // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 2.
- Каменецкий, 2003. Каменецкий И. С. К датировке Семибратнего городища // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. 3.
- Каменецкий, 2011. Каменецкий И. С. История изучения меотов // М.

- Клемешова, 2017. Клемешова М.Е. Результаты исследования лепной керамики поселения и некрополя Вестник-1 из раскопок 2010–12 гг. (по данным технико-технологического анализа) // КСИА. 247.
- Кашаев, 2007. Кашаев С.В. Лепная керамика из некрополя Артющенко 2 // Записки ИИМК РАН. 2.
- Книпович, 1934. Книпович Т.Н. Опыт характеристики городища у станицы Елизаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г. // ИГАИМК. 104.
- Козенкова, 1989. Козенкова В.И. Кобанская культура Кавказа // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Кругликова, 1951. Кругликова И.Т. Фанагорийская местная керамика из грубой глины // МИА. 19.
- Кругликова, 1954. Кругликова И.Т. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города // МИА. 33.
- Кузьмина, Камелина, 2015. Кузьмина Ю.Н., Камелина Г.А. Лепная керамика из раскопок объекта 464 в Фанагории // ПИФК. 1.
- Ларенок В.А., Ларенок П.А., 2017. Ларенок В.А., Ларенок П.А. Раскопки поселений в Крымском и Анапском районах Краснодарского края по линии строительства ВЛ «Крымская-Вышестеблиевская» в 2010 г. // Археологические записки. Ростов-на-Дону. 9.
- Лимберис, Марченко, 2005. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар.
- Лимберис, Марченко, 2012. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Меотские древности VI–V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани) // Краснодар.
- Марченко, 1972. Марченко К.К. Лепная керамика V–III вв. до н.э. с городища у ст. Елизаветовская на Нижнем Дону // СА. 1.
- Марченко, 1988. Марченко К.К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине I в. до н.э. (по материалам лепной керамики). Л-д.
- Марченко, Житников, Копылов, 2000. Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Елизаветовское городище на Дону. Pontus Septentrionalis II, Танаис 2 // М. Население..., 2010. Население архаической Синдики (по материалам некрополя у хутора Рассвет) // Некрополи Черноморья. Вып. 3. М.
- Население предгорий., 2011. Население предгорий Северо-Западного Кавказа в римскую эпоху. По материалам некрополя в Широкой Балке // Некрополи Черноморья. Вып. 4. М.
- Новичихин. 2006. Новичихин А.М. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н.э. (по материалам погребальных памятников). Анапа.
- Онайко, 1980. Онайко Н.А. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М.

- Рогов, Кашаев, Форназир, 2005. Рогов Е. Я., Кашаев С. В., Форназир Й. Керамический комплекс из хозяйственных ям поселения Вышестеблиевская-11 на юге Таманского полуострова // БИ. 8.
- Стоянов, 2009. Стоянов Р. В. Лепная керамика второй половины III – первой половины II в. до н. э. из раскопок поселения Артющенко I (1999–2006 гг.) // БИ. 22.
- Стоянов, 2010. Стоянов Р. В. Материалы кон. VI – начала III в. до н. э. из раскопок поселения Артющенко 2 в южной части Таманского полуострова // Античный мир и археология. Саратов. 14.
- Толстикова, Асташова, Ломтадзе, Самар, Тугушева, 2017. Толстикова В. П., Асташова Н. С., Ломтадзе Г. А., Самар О. Ю., Тугушева О. В. Древнейший Пантикапей. От апойкии – к городу. М.
- Чевелев, Кашаев, Сударев, 2011. Чевелев О. Д., Кашаев С. В., Сударев Н. И. Новые исследования в Анапском районе Краснодарского края // XII Боспорские чтения. Керчь.
- Шарафутдинова, 1989. Шарафутдинова Э. С. Двуслойное поселение Красногвардейское II – памятник эпохи поздней бронзы – начала раннего железа на Кубани // Меоты – предки адыгов. Майкоп.
- Шевченко, 2013. Шевченко Н. Ф. Племена Восточного Приазовья на рубеже эры. Труды Приазовской археологической экспедиции. Т. 1. Ростов-на-Дону.
- Шелов, 1953. Шелов Д. Б. Сухо-Чалтырское городище // ВДИ. 2.
- Эрлих, 2007. Эрлих В. Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М.
- Юго-Восточная периферия., 2007. Юго-Восточная периферия Боспора в эллинистическое время. По материалам Раевского некрополя // Некрополи Черноморья. Вып. 1. М.

Summary

М. Е. Klemeshova

Handmade ware types from Vestnik-1 settlement and necropolis

Paper presents the description of types of handmade vessels found at Vestnik-1 settlement in 2010-2012. The settlement situated in Anapa district Krasnodar region, dated to the end of VI – beginning of III c. BC. Characteristic paste recipes for every type are presented. The forms of vessels and ornament types which are characteristic for native population are determined.

А. В. Ковальчук*, О. Ю. Соколова**

(* Институт археологии РАН, г. Москва;

** Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург)

Черепичные клейма из раскопок Нимфея (1939–1991 гг.)¹

Систематические раскопки на городище Нимфей проводятся с 1939 г. по настоящее время.

Среди находок следует отметить большое количество фрагментов черепицы, среди которых преобладают изделия пантикапейского производства, в том числе клеймённые. Некоторые оттиски из находок 1939 года попали в собрание ГМИИ им. А. С. Пушкина (9 экз.), остальная часть коллекции (до 1991 г. включительно) хранится в Государственном Эрмитаже. Отдельные экземпляры, найденные на городище в 1939, 1941, 1948, 1949, 1952 гг. (18 экз.), учтены в каталоге IosPE III. Следует отметить, что авторам не удалось найти в фондах ГМИИ им. А. С. Пушкина и Государственного Эрмитажа все оттиски, упомянутые в своде. Они выделены в нашем каталоге курсивом. Часть их содержит номера, не существующие в инвентарном каталоге Эрмитажа (кат. № 8, 281) или повторяющиеся дважды (кат. №№ 48, 69), иногда сомнительное восстановление штампов (кат. №№ 180–181).

Начиная с 1992 г. клейма из раскопок Нимфея стали поступать на хранение в фонды Керченского заповедника. Большая их часть была опубликована Н. Ф. Федосеевым в 2012 г. [Федосеев, 2012]. В Керченском музее находятся также клейма, найденные на городище Нимфей в ходе сбора подъемного материала В. В. Веселовым в 1950–1960 гг. и строительства дороги (всего 11 экз. – Федосеев, 2012, кат. №№ 28, 121, 562, 1206, 1299, 1518, 1871, 2942, 3080, 3207, 3459).

В каталоге боспорских черепичных клейм из Керченского заповедника на гистограмме, отражающей их распределение по местам находок [Федосеев, 2012, с. 9, 152], Нимфей, в соответствии с количеством учтённых оттисков (278 экз.²), располагается между Загородной усадьбой (134 экз.) и поселением Генеральское-Западное (357 [Ковальчук, 2003]/388 экз. [Федосеев, 2012, с. 152]). Такая ситуация выглядит необычно с учетом размеров и статуса памятников [Ковальчук, 2015, с. 208].

¹ Статья написана в рамках работы над проектом РФФИ № 16-31-01101-ОГН «Организация производства строительных материалов на Боспоре в IV–II вв. до н. э.»

² Согласно полевым описям, на городище с 1992 по 2010 гг. было найдено 511 боспорских черепичных клейм.

Её можно объяснить указанной особенностью хранения находок. Если учесть все находки боспорской клейменной черепицы из раскопок Нимфея с 1939 по 2010 г., то общее количество её составит 912 экземпляров. Эти данные позволяют разместить Нимфей между Мирмекием и Пантикапеем.

Итак, рассмотрим коллекцию боспорских черепичных клейм, найденных при раскопках на городище до 1992 г. Нам известно 401 клеймо, из которых 14 не читаются.

Типологически находки распределяются следующим образом:

- клейма, сокращенные до 1–2 слогов без знака «С», – 100 шт.;
- клейма, сокращенные до 1–2 слогов со знаком «С», – 112 шт.;
- клейма с сохранением падежного окончания $\Gamma\epsilon\pi$. – 175 шт. (из них 109 с легендой $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\iota\kappa\eta/\beta\alpha\sigma\iota\lambda\iota\kappa\acute{o}\varsigma$).

Среди клейм IV в. до н. э., представленных тем или иным штампом, большинство содержит известные для этого времени имена и почти всегда в двух вариантах – без знака «С» и с ним. Вторая группа несколько больше первой, что, вероятно, свидетельствует об активизации строительной деятельности в последней четверти IV в. до н. э.

Отметим также следующие особенности. В нимфейской коллекции присутствуют отдельные штампы, которые редко встречаются в материалах других памятников Боспора. Речь идет, прежде всего, о штампе ПО (кат. №№ 232–237). Найдки этих отгисков в Нимфее и Китее позволили предположить их локальное производство [Федосеев, 2012, с. 13] и интерпретировать содержание легенды как по (λέως) (городская) [Федосеев, 2012, с. 14] по аналогии с клеймами из Приены [Wiegand, Schrader, 1906, s. 179]. Известны схожие граффити на столовой керамике [Масленников, Сапрыкин, 2007, с. 112] и клеймо на амфоре [там же, с. 107–108]. По мнению Н. Ф. Федосеева, подобные черепичные клейма могли производиться как в самом Нимфее, так и «по заказу боспорских правителей в Пантикапее, а предназначаться для городских построек в Нимфее» [Федосеев, 2012, с. 14].

Укажем на несколько аргументов, которые позволяют сомневаться в правильности подобной интерпретации легенды. Прежде всего, следует разделять граффити и амфорные/черепичные клейма, так как последние имели более официальный характер.

Во-вторых, черепичное клеймо из Приены с легендой ΠΟΛΕΩΣ рассматривается Т. Вигандом и Х. Шредером, как клеймо, произведенное «в городской черепичной мастерской» [Wiegand, Schrader, 1906, S. 179, № 354, 26]. Наличие на Боспоре подобных мастерских сомнительно. На наш взгляд, интерпретация клейма, как изготовленного для «городских построек» [Федосеев, 2012, с. 14], в целом также маловероятна, так как в известных нам оттисках всегда указывается конкретный тип здания будь то храм, или городские стены, театр и т. д. [Гайдукевич, 1934, с. 269, 284]. По-видимому, правильнее видеть в клейме из Приены указание на принадлежность строительных материалов городу.

Следует также сказать, что, согласно наиболее распространенной точке зрения [Гайдукевич, 1934, с. 266–270], подавляющая часть боспорских черепичных клейм IV в. до н. э. содержит в легенде имена боспорских царей и других владельцев черепичных предприятий, а также отдельные имена эргастериархов или мастеров-производителей черепицы. В пользу такого объяснения отчасти говорит и появление в III в. до н. э. части имен в полной форме с сохранением падежного окончания, которые во второй

половине IV в. до н. э. были известны лишь в сокращенной форме. В связи с чем, правдоподобнее выглядит восстановление в поле клейма собственного имени, например, имени Посейдоний [Федосеев, 2012, с. 14, 72, № 1849].

Редким является также оттиск СВI, известный всего в двух экземплярах: одно из Нимфея (кат. № 41), а второе из Кеп.

Отметим также штампы, находки которых пока зафиксированы только среди материалов Нимфея. Это клейма: []ΘΕΥ, ΘΕΥ (кат. № 67, 68), ΜΕΔΟ ρ. (кат. № 131), ΜΗΣΤΟΣ (кат. № 155), ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ (кат. № 261-264). Так как они известны в одном-двух экземплярах, говорить об их местном производстве не приходится. В связи с чем вопрос об изготовлении и клеймении черепиц в Нимфее пока остается открытым.

По числу оттисков выделяются клейма с легендой ΜΗΣC двух штампов (13 шт. – кат. №№ 142-154). Они хорошо известны среди материалов из раскопок Пантикапея, Мирмекия, Генеральского-Западного, Манитры и Фанагории. Здесь следует видеть, скорее всего, одновременный завоз крупной партии черепиц из мастерской Местора. находка в Нимфее клейма с легендой ΜΗΣΤΟΣ (Μήστο (ρσ) подтверждает правильность восстановления данного имени В. В. Шкорпиллом [Шкорпил, 1911] и соотнесение его с Местором, сыном Гиппосфена (КБН 1039), жившем при Перисаде I.

Отдельно следует сказать о клеймах III в. до н.э. Их набор невелик; подавляющая часть оттисков относится к группе βασιλική/βασιλικός (109 шт.); хорошо представлены оттиски двух разных штампов с легендой Παριβάδου (40 шт. – кат. №№ 185-224). Все остальные штампы единичны: семь клейм Пантера и Неокла (кат. №№ 225-231), 11 клейм с именем Спартока (кат. №№ 254-264), семь – архонта Гигиэнонта (кат. №№ 271-277), всего одно клеймо Сатириона (кат. № 250).

Таким образом, коллекция боспорских черепичных клейм из раскопок Нимфея 1939-1991 гг. охватывает период с середины IV по конец III вв. до н.э.

Список литературы

- Гайдукевич, 1934. Гайдукевич В. Ф. Строительные керамические материалы Боспора. Боспорские черепицы // ИГАИМК. 104. М.-Л.
- Граков Б. Н. Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini (IosPE). III. Боспор Киммерийский. Клейма на керамидах и калиптерах. Май 1958 – февраль 1959 (Архив ИА РАН. Р-2. № 2172).
- Ковальчук, 2003. Ковальчук А. В. Керамические строительные материалы, происходящие с сельских поселений Восточного Крыма (IV – начало III вв. до н.э.) // ДБ. Supplementum. III. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 2. Индивидуальные находки и массовый керамический материал. М.

- Ковальчук, 2015. Ковальчук А. В. [Рец.] Н. Ф. Федосеев. «Керамические клейма. Боспор». Киев, 2012 // ДБ. 19.
- Масленников, Сапрыкин, 2007. Масленников А. А., Сапрыкин С. Ю. Граффити и дипинти хоры античного Боспора (БИ Supplementum. I). Симферополь-Керчь.
- Федосеев, 2012. Федосеев Н. Ф. Керамические клейма. Т. 1. Боспор (Из собрания Керченского историко-культурного заповедника). Киев.
- Шкорпил, 1911. Шкорпил В. В. К вопросу о времени правления архонта Игиэнонта // Сборник археологических статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Археологической комиссии. СПб.
- Wiegand, Schrader, 1906. Wiegand T., Schrader H. Inschriften von Priene. Berlin.

Summary

A. V. Kovalchuk, O. Y. Sokolova The tile stamps from Nymphaeum (1939–1991 years)

The Bosporan tile stamps excavated in Nymphaion (in 1939 – 1991 years) published in the article, consist of 401 objects stored in the State Hermitage. That collection have not been reviewed until now. The tile's stamps cover period from middle of the IV till end of the III century B. C. The Stamps of the IV century B. C. from Nymphaion give us all kinds of the well-known names, most of the time in two versions – with «C» sign and without it. With advantage of first group in quantitative. This fact is an indication of the building growth in the last quarter of the IV century B. C. The collection of the stamps of the III century B.C. is small, most are apply to the group of the stamps with a legend “βασιλική/βασιλικός”.

Приложение

Каталог

Порядок клейм повторяет их размещение в IosPE III. Клейма, выделенные курсивом, известны авторам каталога только по публикациям. После ссылки на публикации при наличии разночтений приводится комментарий с указанием расхождений.

В каталоге используются следующие сокращения:

ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина

Н – Нимфей, полевой номер

НФ – Нимфей, музейный номер

ГЭ – Государственный Эрмитаж

IosPE III – *Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini. Vol. III*

‘ΑΘ (рис. 1)

Аналогии: № 1–13 IosPE III

Дата: 360–330 гг. до н. э.

1. Н.82 № 723³ [ГЭ, НФ.82.503]
2. Н.82 № 714 [ГЭ, НФ.82.494]
3. Н.82 № 722 [ГЭ, НФ.82.502]
4. Н.87 № 27 [ГЭ, НФ.87.216]

ΑΘΗ (рис. 2)

Дата: 360–330 гг. до н. э.

5. Н.41 № 475 [ГЭ, НФ.41.198]
6. Н.82 № 324 [ГЭ, НФ.82.465]
7. Н.91 № 276 [ГЭ, НФ.91.243]

ΑΘΗΣ (ретроградно, рис. 3)

Аналогии: № 21–24 IosPE III

Дата: 330–300 гг. до н. э.

8. *Н.46 № 765 [ГЭ]*⁴
- Публикация: IosPE III № 22
9. Н.86 № 222 [ГЭ, НФ.86.206]
10. Н.87 № 121 [ГЭ, НФ.87.235]

ΑΠ (в лигатуре, ретроградно, рис. 4)

Аналогии: № 55–67 IosPE III

Дата: 360–330 гг. до н. э.

11. Н.72 № 603 [ГЭ, НФ.72.370]
12. Н.79 № 161 [ГЭ, НФ.79.59]

ΑΠ (в лигатуре, рис. 5)

Аналогии: № 68–73 IosPE III

³ На клеймах из Эрмитажа шифры написан без знака №, через точки (Н.82.723), в каталоге он сохранен для единообразия данных.

⁴ В полевой описи Нимфейской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа за 1946 г. такой полевой номер отсутствует.

Дата: 360–330 гг. до н. э.

13. Н.72 № 469 [ГЭ, НФ.72.363]

14. Н.86 № 119 [ГЭ, НФ.86.198]

АПС (рис. 6)

Аналогии: № 78–89 IosPE III

Дата: 330–300 гг. до н. э.

15. Н.41 № 1029 [ГЭ, НФ.41. 468]

Публикация: IosPE № 78

16. Н.66 № 215 [ГЭ, НФ.66.349]

17. Н.70 № 259 [ГЭ, НФ.70.142]

18. Н.73 № 176 [ГЭ, НФ.73.630]

19. Н.82 № 248 [ГЭ, НФ.82.460]

20. Н.82 № 580 [ГЭ, НФ.82.480]

21. Н.83 № 212 [ГЭ, НФ.83.265]

22. Н.84 № 242 [ГЭ, НФ.84.243]

23. Н.88 № 1 [ГЭ, НФ.88.314]

24. Н.90 № 88 [ГЭ, НФ.90.207]

АПО (ретроградно, рис. 7)

Аналогии: № 92–100 IosPE III

Дата: 360–330 гг. до н. э.

25. Н.72 № 285 [ГЭ, НФ.72. 359]

26. Н.82 № 495 [ГЭ, НФ.82. 476]

27. Н.90 № 17 [ГЭ, НФ.90.204]

ΑΡΙΣΤΑ (P ретроградно, рис. 8)

Аналогии: № 113–119 IosPE III

Дата: 360–330 гг. до н. э.

28. Н.52 № 440 [ГЭ, НФ.52.484]

Публикация: IosPE III № 113

29. Н.91 № 20 [ГЭ, НФ.91.235]

ΑΣΤΥС (рис. 9)

Аналогии: № 120–135 IosPE III

Дата: 330–300 гг. до н. э.

30. Н.62 № 88 [ГЭ, НФ.62.253]

31. Н.73 № 809 [ГЭ, НФ.73.670]

32. Н.82 № 802 [ГЭ, НФ.82.517]

33. Н.83 № 139 [ГЭ, НФ.83.262]

34. Н.85 № 350 [ГЭ, НФ.85.249]

35. Н.88 № 19 [ГЭ, НФ.88.316]

ΑΣΤΥΔ (ретроградно, рис. 10)

Дата: 360–330 гг. до н. э.

36. Н.73 № 612 [ГЭ, НФ.73. 648]

ΑΣΤΥΔΑ (рис. 11)

Аналогии: № 136 – 143 IosPE III

Дата: 360–330 гг. до н. э.

37. Н.72 № 1015 [ГЭ, НФ.72.385]

38. Н.85 № 340 [ГЭ, НФ.85.247]

ВАК/ IА (энглифическое, рис. 12)

Аналогии: № 144–160 IosPE III

Дата: 360–340 гг. до н. э.

39. Н.72 № 197 [ГЭ, НФ.72.357]

40. Н.73 № 675 [ГЭ, НФ.73.659]

СВИ (рис. 13)

Дата: 330–300 гг. до н. э.

41. Н.72 № 938 [ГЭ, НФ.72.378]

ЕРМО (ретроградно, рис. 14)

Аналогии: № 204 – 209 IosPE III

Дата: 360–330 гг. до н. э.

42. Н.73 № 778 [ГЭ, НФ.73.667]

43. Н.82 № 432 [ГЭ, НФ.82.472]

ЕРМОС (рис. 15)

Аналогии: № 210 – 216 IosPE III

Дата: 330–300 гг. до н. э.

44. Н.87 № 127 [ГЭ, НФ.87.236]

ЕРМОСПАI (рис. 16)

Аналогии: № 217 – 227 IosPE III

Дата: 330–310 гг. до н. э.

45. Н.72 № 1100 [ГЭ, НФ.72.393]

ZH (рис. 17)

Аналогии: № 237 – 242 IosPE III

Дата: 360–330 гг. до н. э.

46. Н.73 № 655 [ГЭ, НФ.73.652]

47. Н.73 № 722 [ГЭ, НФ.73.661]

ΘE (рис. 18)

Аналогии: № 266 – 273 IosPE III

Дата: 360–330 гг. до н. э.

48. Н.39 № 133 [ГМИИ]

Публикация: IosPE № 267

49. Н.72 № 941 [ГЭ, НФ.72.379]

50. Н.87 № 4 [ГЭ, НФ.87.212]

ΘE (в лигатуре, рис. 19)

Аналогии: № 274 – 278 IosPE III

Дата: 360–330 гг. до н. э.

51. Н.82 № 715 [ГЭ, НФ.82.495] + Н.82 № 716 [ГЭ, НФ.82.496]

52. Н.85 № 286 [ГЭ, НФ.85.241]

ΘEC (рис. 20)

Аналогии: № 279 – 287 IosPE III

Дата: 330–300 гг. до н. э.

53. Н.73 № 223 [ГЭ, НФ.73.632]

54. Н.78 № 207 [ГЭ, НФ.78.166]

55. Н.86 № 267 [ГЭ, НФ.86.209]

ΘΕΟΣ (рис. 21)

Аналогии: № 289 – 305 IosPE III

Дата: 330–300 гг. до н. э.

56. Н.72 № 64 [ГЭ, НФ.72.354]

57. Н.72 № 934 [ГЭ, НФ.72.377]

58. Н.78 № 213 [ГЭ, НФ.78.167]

59. Н.83 № 136 [ГЭ, НФ.83.259]

ΘΕΟΠΣ (ретроградно, рис. 22)

Дата: 330–300 гг. до н. э.

60. Н.79 № 159 [ГЭ, НФ.79.57]

61. Н.83 № 344 [ГЭ, НФ.83.280]

62. Н.84 № 289 [ГЭ, НФ.84.246]

ΘΕΥ (рис. 23)

Аналогии: № 306 – 324 IosPE III

Дата: 360–330 гг. до н. э.

63. Н.39 № 136 [ГМИИ]

Публикация: IosPE № 306

64. Н.48 № 560 [ГЭ, НФ.48.1021]

Публикация: IosPE № 307

65. Н.73 № 672 [ГЭ, НФ.73.656]

66. Н.84 № 185 [ГЭ, НФ.84.235]

ΠΘΕΥ (рис. 24)

Дата: 360–330 гг. до н. э.

67. Н.90 № 115 [ГЭ, НФ.90.208]

ΘΕΥ (рис. 25)

Дата: 360–330 гг. до н. э.

68. Н.72 № 1099 [ГЭ, НФ.72.392]

СΘΕΥΛ (рис. 26)

Аналогии: № 339 IosPE III

Дата: 330–300 гг. до н. э.

69. Н.39 № 133 [ГМИИ]⁵

Публикация: IosPE № 339

70. Н.66 № 401 [ГЭ, НФ.66.350]

71. Н.69 № 146 [ГЭ, НФ.69.133]

ΠН (рис. 27)

Аналогии: № 340–344 IosPE III

Дата: 360–330 гг. до н. э.

⁵ Клеймо с таким же шифром упоминается в IosPE III под № 267

72. Н.67 № 42 [ГЭ, НФ.67.49]

73. Н.82 № 720 [ГЭ, НФ.82.500]

74. Н.87 № 40 [ГЭ, НФ.87.221]

ИНС (рис. 28)

Аналогии: № 345 – 351 IosPE III

Дата: 330–300 гг. до н. э.

75. Н.69 № 161 [ГЭ, НФ.69.135]

76. Н.70 № 78 [ГЭ, НФ.70.140]

77. Н.81 № 211 [ГЭ, НФ.81.82]

78. Н.82 № 300 [ГЭ, НФ.82.463]

79. Н.82 № 301 [ГЭ, НФ.82.464]

Ю (рис. 29)

Аналогии: № 352 – 358 IosPE III

Дата: 360–330 гг. до н. э.

80. Н.85 № 302 [ГЭ, НФ.85.243]

ИПК (в лигатуре, ретроградно, рис. 30)

Аналогии: № 359 – 365 IosPE III

Дата: 360–330 гг. до н. э.

81. Н.41 № 452 [ГЭ, НФ.41.200]

Публикация: IosPE № 359

82. Н.56 № 480 [ГЭ, НФ.56.594]

83. Н.67 № 69 [ГЭ, НФ.67.52]

84. Н.72 № 196 [ГЭ, НФ.72.356]

85. Н.80 № 210 [ГЭ, НФ.80.171]

86. Н.82 № 606 [ГЭ, НФ.82.484]

87. Н.87 № 67 [ГЭ, НФ.87.226]

88. Н.87 № 279 [ГЭ, НФ.87.241]

ИШПО (ретроградно, рис. 31)

Аналогии: № 366 – 370 IosPE III

Дата: 360–330 гг. до н. э.

89. Н.85 № 341 [ГЭ, НФ.85.348]

ИШПО (ретроградно, рис. 32)

Аналогии: № 371 – 372 IosPE III

Дата: 360–330 гг. до н. э.

90. Н.80 № 76 [ГЭ, НФ.80.161]

ИШПОКРАС (рис. 33)

Аналогии: № 373 – 379 IosPE III

Дата: 330–300 гг. до н. э.

91. Н.82 № 717 [ГЭ, НФ.82.497]

92. Н.82 № 801 [ГЭ, НФ.82.516]

93. Н.83 № 5 [ГЭ, НФ.83.254]

94. Н.85 № 315 [ГЭ, НФ.85.244]

95. Н.88 № 353 [ГЭ, НФ.85.330]

КО (рис. 34)

Аналогии: № 404 – 406 IosPE III

Дата: 360–330 гг. до н. э.

96. Н.72 № 975 [ГЭ, НФ.72.381]

97. Н.86 № 55 [ГЭ, НФ.86.195]

КОИС (рис. 35)

Аналогии: № 408 – 417 IosPE III

Дата: 330–300 гг. до н. э.

98. Н.49 № 552 [ГЭ, НФ.49.603]

Публикация: IosPE № 408

99. Н.90 № 16 [ГЭ, НФ.90.203]

КОИС (рис. 36)

Аналогии: № 418 – 436 IosPE III

Дата: 330–300 гг. до н. э.

100. Н.48 № 704 [ГЭ, НФ.48.1528]

Публикация: IosPE № 419

101. Н.85 № 69 [ГЭ, НФ.85.229]

102. Н.56 № 351 [ГЭ, НФ.56.590]

103. Н.72 № 1041 [ГЭ, НФ.72.391]

104. Н.82 № 719 [ГЭ, НФ.82.499]

КР (в лигатуре; ретроградно, рис. 37)

Дата: 360–330 гг. до н. э.

105. Н.72 № 980 [ГЭ, НФ.72.399]

КРАТПС (рис. 39)

Аналогии: № 443 – 458 IosPE III

Дата: 330–300 гг. до н. э.

106. Н.83 № 158 [ГЭ, НФ.83.263]

ЛЕ (ретроградно, рис. 38)

Аналогии: № 459 – 461 IosPE III

Дата: 360–330 гг. до н. э.

107. Н.81 № 12 [ГЭ, НФ.81.71]

108. Н.82 № 176 [ГЭ, НФ.82.459]

ЛЕΩ (ретроградно, рис. 40)

Аналогии: № 478 – 483 IosPE III

Дата: 360–330 гг. до н. э.

109. Н.91 № 16 [ГЭ, НФ.91.233]

ЛЕΩС (рис. 41)

Аналогии: № 467–477 IosPE III

Дата: 330–300 гг. до н. э.

110. Н.86 № 52 [ГЭ, НФ.86.194]

111. Н.86 № 258 [ГЭ, НФ.86.20]

ЛΥ (рис. 42)

Аналогии: № 494 IosPE III

Дата: 360–330 гг. до н. э.

112. Н.56 № 337 [ГЭ, НФ.56.589]

113. Н.82 № 389 [ГЭ, НФ.82.469]

114. Н.82 № 799 [ГЭ, НФ.82.514]

115. Н.87 № 39 [ГЭ, НФ.87.220]

ΛΥ (в лигатуре, рис. 43)

Аналогии: № 489–493 IosPE III

Дата: 360–330 гг. до н. э.

116. Н.88 № 18 [ГЭ, НФ.88.315]

ΛΥКС (рис. 44)

Аналогии: № 495 – 497 IosPE III

Дата: 330–300 гг. до н. э.

117. Н.80 № 212 [ГЭ, НФ.80.173]

118. Н.84 № 45 [ГЭ, НФ.84.231]

119. Н.86 № 296 [ГЭ, НФ.86.213]

ΕΠΙ ΛΥКС (ретроградно, в 2 строки, рис. 45)

Аналогии: № 199 – 202 IosPE III

Дата: 330–300 гг. до н. э.

120. Н.83 № 48 [ГЭ, НФ.83.256]

121. Н.83 № 49 [ГЭ, НФ.83.257]

122. Н.90 № 49 [ГЭ, НФ.90.206]

123. Н.90 № 130 [ГЭ, НФ.90.209]

ΕΠΙ ΛΥКС (ретроградно, в 1 строку, рис. 46)

Аналогии: № 199 – 202 IosPE III

Дата: 330–300 гг. до н. э.

124. Н.83 № 138 [ГЭ, НФ.83.261]

ΛΥΟ (рис. 47)

Аналогии: № 502 – 507 IosPE III

Дата: 360–330 гг. до н. э.

125. Н.56 № 42 [ГЭ, НФ.56.572]

ΛΥΣΙΣ (ретроградно, рис. 48)

Аналогии: № 508 – 511 IosPE III

Дата: 330–300 гг. до н. э.

126. Н.72 № 1135 [ГЭ, НФ.72.394]

127. Н.81 № 199 [ГЭ, НФ.81.80]

128. Н.86 № 271 [ГЭ, НФ.86.210]

ΜΕ (ретроградно, рис. 49)

Аналогии: № 515 – 518 IosPE III

Дата: 360–330 гг. до н. э.

129. Н.84 № 322 [ГЭ, НФ.84.247]

ΜΕΛΟ (ретроградно, рис. 50)

Аналогии: № 519 – 522 IosPE III

Дата: 360–330 гг. до н. э.

130. Н.56 № 482 [ГЭ, НФ.56.595]

МЕΛΟ (ретроградно, рис. 51)

Дата: 360–330 гг. до н. э.

131. Н.82 № 774 [ГЭ, НФ.82.512]

ΜΕΝΟΙC (рис. 52)

Аналогии: № 525 – 550 IosPE III

Дата: 330–300 гг. до н. э.

132. Н.41 № 823 [ГЭ, НФ.41.67]

Публикация: IosPE № 526

133. Н.49 № 209 [ГЭ, НФ.49.600]

Публикация: IosPE № 527

134. Н.49 № 421 [ГЭ, НФ.49.601]

Публикация: IosPE № 420⁶, 528

135. Н.50 № 97 [ГЭ, НФ.50.164]

136. Н.56 № 250 [ГЭ, НФ.56.584]

137. Н.56 № 249 [ГЭ, НФ.56.583]

138. Н.73 № 673 [ГЭ, НФ.73.657]

139. Н.80 № 226 [ГЭ, НФ.80.175]

140. Н.81 № 8 [ГЭ, НФ.81.70]

141. Н.86 № 67 [ГЭ, НФ.86.196]

ΜΗC (рис. 53)

Аналогии: № 573 – 591 IosPE III

Дата: 330–300 гг. до н. э.

142. Н.72 № 580 [ГЭ, НФ.72.367]

143. Н.73 № 173 [ГЭ, НФ.73.629]

144. Н.79 № 5 [ГЭ, НФ.79.54]

145. Н.81 № 77 [ГЭ, НФ.81.73]

146. Н.81 № 212 [ГЭ, НФ.81.83]

147. Н.82 № 449 [ГЭ, НФ.82.473]

148. Н.82 № 800 [ГЭ, НФ.82.515]

149. Н.83 № 137 [ГЭ, НФ.83.260]

150. Н.84 № 172 [ГЭ, НФ.84.234]

151. Н.85 № 414 [ГЭ, НФ.85.483]

152. Н.86 № 253 [ГЭ, НФ.86.293]

ΜΗC (рис. 54)

Дата: 330–300 гг. до н. э.

153. Н.83 № 372 [ГЭ, НФ.83.281]

154. Н.87 № 130 [ГЭ, НФ.87.238]

ΜΗCΤOC (рис. 55)

Дата: 330–300 гг. до н. э.

⁶ Клеймо упоминается в IosPE III дважды, под №№ 420 и 548, в первом случае ошибочно восстановлено как [Κ]ΟΙC

155. Н.72 № 496 [ГЭ, НФ.72.365]

МНТ (Н и Т в лигатуре, рис. 56)

Аналогии: № 592 – 593 IosPE III

Дата: 360–330 гг. до н. э.

156. Н.82 № 721 [ГЭ, НФ.82.501]

МНТРОС (рис. 57)

Аналогии: № 594 – 610 IosPE III

Дата: 330–300 гг. до н. э.

157. Н.56 № 38 [ГЭ, НФ.56.571]

МОС (ретроградно, рис. 58)

Аналогии: № 624 – 630 IosPE III

Дата: 330–300 гг. до н. э.

158. Н.56 № 441 [ГЭ, НФ.56.592]

159. Н.72 № 602 [ГЭ, НФ.72.369]

160. Н.73 № 608 [ГЭ, НФ.73.644]

161. Н.73 № 838 [ГЭ, НФ.73.672]

162. Н.80 № 77 [ГЭ, НФ.80.162]

163. Н.82 № 112 [ГЭ, НФ.82.456]

164. Н.85 № 182 [ГЭ, НФ.85.234]

165. Н.87 № 83 [ГЭ, НФ.87.228]

166. Н.87 № 87 [ГЭ, НФ.87.230]

167. Н.87 № 99 [ГЭ, НФ.87.231]

МТ (в лигатуре, рис. 59)

Дата: 360–330 гг. до н. э.

168. Н.72 № 248 [ГЭ, НФ.72.358]

169. Н.72 № 1144 [ГЭ, НФ.72.395]

170. Н.73 № 674 [ГЭ, НФ.73.658]

NI (рис. 60)

Аналогии: №№ 633–634 IosPE III

Дата: 360–330 гг. до н. э.

171. Н.56 № 121 [ГЭ, НФ.56.576] с перекладиной

172. Н.79 № 2 [ГЭ, НФ.79.53]

173. Н.82 № 664 [ГЭ, НФ.82.489]

174. Н.82 № 798 [ГЭ, НФ.82.513]

175. Н.83 № 374 [ГЭ, НФ.83.283] с перекладиной

176. Н.87 № 28 [ГЭ, НФ.87.217] с перекладиной

NIKΩC (рис. 61)

Аналогии: № 642 – 643 IosPE III

Дата: 330–300 гг. до н. э.

177. Н.52 № 149 [ГЭ, НФ.52.474]

Ο⁷ (отпечаток, рис. 62)

⁷ Клеймо похоже на отпечаток круглого предмета с углублением по середине

Дата: 360–330 гг. до н. э.

178. Н.72 № 615 [ГЭ, НФ.72.371]

179. Н.84 № 200 [ГЭ, НФ.84.236]

ПА № 660⁸

180. Н.39 № 132 [ГМИИ]

Публикация: IosPE № 660

СПА № 663

181. Н.39 № 130 [ГМИИ]

Публикация: IosPE № 663

ПАΙΡΙΣ (рис. 63)

Аналогии: № 664 – 673 IosPE III

Дата: 344–311 гг. до н. э.

182. Н.83 № 228 [ГЭ, НФ.83.267]

ΠΑΡΙΣΑ/ ΕΡΜΟΚΡ (рис. 64)

Аналогии: № 695–701 IosPE III

Дата: 310 гг. до н. э.

183. Н.88 № 299 [ГЭ, НФ.88.324]

ΠΑΡΙΣΑ/ ΠΡΥΤΑΝΙ (рис. 65)

Аналогии: № 711–719 IosPE III

Дата: 310 гг. до н. э.

184. Н.88 № 348 [ГЭ, НФ.88.329]

ΠΑΡΙΣΑΛΟΥ (рис. 66)

Аналогии: № 676 – 692 IosPE III

Дата: 284–245 гг. до н. э.

185. Н.41 № 453 [ГЭ, НФ.41.199]

186. Н.69 № 160 [ГЭ, НФ.69.134]

187. Н.72 № 993 [ГЭ, НФ.72.383]

188. Н.73 № 579 [ГЭ, НФ.73.639]

189. Н.73 № 580 [ГЭ, НФ.73.640]

190. Н.81 № 91 [ГЭ, НФ.81.75]

191. Н.82 № 348 [ГЭ, НФ.82.466]

192. Н.82 № 425 [ГЭ, НФ.82.470]

193. Н.83 № 273 [ГЭ, НФ.83.273]

194. Н.83 № 376 [ГЭ, НФ.83.285]

195. Н.84 № 260 [ГЭ, НФ.84.244]

196. Н.87 № 65 [ГЭ, НФ.87.225]

197. Н.87 № 110 [ГЭ, НФ.87.233]

198. Н.88 № 32 [ГЭ, НФ.88.317]

199. Н.88 № 336 [ГЭ, НФ.88.326]

200. Н.89 № 90 [ГЭ, НФ.89.179]

201. Н.91 № 274 [ГЭ, НФ.91.242]

⁸ Клейма этих штампов известны только по публикации. Возможно, неверное восстановление

ΠΑΡΙΣΑΛΟΥ (рис. 67)

Дата: 284-245 гг. до н. э.

- 202. Н.69 № 122 [ГЭ, НФ.69.131]
- 203. Н.70 № 326 [ГЭ, НФ.70.144]
- 204. Н.72 № 974 [ГЭ, НФ.72.380]
- 205. Н.73 № 610 [ГЭ, НФ.73.646]
- 206. Н.79 № 134 [ГЭ, НФ.79.56]
- 207. Н.80 № 270 [ГЭ, НФ.80.176]
- 208. Н.81 № 23 [ГЭ, НФ.81.72]
- 209. Н.82 № 431 [ГЭ, НФ.82.471]
- 210. Н.82 № 582 [ГЭ, НФ.82.482]
- 211. Н.82 № 632 [ГЭ, НФ.82.488]
- 212. Н.82 № 665 [ГЭ, НФ.82.490]
- 213. Н.83 № 313 [ГЭ, НФ.83.278]
- 214. Н.83 № 375 [ГЭ, НФ.83.284]
- 215. Н.84 № 1 [ГЭ, НФ.84.230]
- 216. Н.84 № 288 [ГЭ, НФ.84.245]
- 217. Н.86 № 11 [ГЭ, НФ.86.192]
- 218. Н.86 № 12 [ГЭ, НФ.86.193]
- 219. Н.87 № 6 [ГЭ, НФ.87.213]
- 220. Н.87 № 25 [ГЭ, НФ.87.214]
- 221. Н.87 № 26 [ГЭ, НФ.87.215]
- 222. Н.87 № 34 [ГЭ, НФ.87.218]
- 223. Н.87 № 52 [ГЭ, НФ.87.222]
- 224. Н.87 № 129 [ГЭ, НФ.87.237]

ΠΑΝΘΗΡΟΣ/ ΝΕΟΚΛΕΟΥΣ (рис. 68)

Аналогии: № 721 - 748 IosPE III

Дата: первая половина III в. до н. э.

- 225. Н.72 № 362 [ГЭ, НФ.72.361]
- 226. Н.72 № 1021 [ГЭ, НФ.72.386]
- 227. Н.73 № 614 [ГЭ, НФ.73.650]
- 228. Н.73 № 657 [ГЭ, НФ.73.654]
- 229. Н.81 № 80 [ГЭ, НФ.81.74]
- 230. Н.84 № 224 [ГЭ, НФ.84.241]
- 231. Н.91 № 14 [ГЭ, НФ.91.231]

ΠΟ (в лигатуре, ретроградно, рис. 69)

Аналогии: № 755 - 759 IosPE III

Дата: 360-330 гг. до н. э.

- 232. Н.80 № 78 [ГЭ, НФ.80. № 163]
- 233. Н.82 № 718 [ГЭ, НФ.82.498]
- 234. Н.82 № 728 [ГЭ, НФ.82.508]
- 235. Н.88 № 50 [ГЭ, НФ.88.319]
- 236. Н.88 № 344 [ГЭ, НФ.88.328]

ΠΟ (ретроградно, рис. 70)

Дата: 360–330 гг. до н. э.

237. Н.73 № 23 [ГЭ, НФ.73.627]

ΠΚ (ретроградно, рис. 71)

Дата: 360–330 гг. до н. э.

238. Н.72 № 1157 [ГЭ, НФ.72.396]

239. Н.90 № 48 [ГЭ, НФ.90.205]

ΠΥΘ (рис. 72)

Аналогии: № 767 – 774 IosPE III

Дата: 360–330 гг. до н. э.

240. Н.70 № 89 [ГЭ, НФ.70.141]

241. Н.82 № 299 [ГЭ, НФ.82.462]

242. Н.82 № 607 [ГЭ, НФ.82.485]

243. Н.84 № 225 [ГЭ, НФ.84.242]

ΣΑ (ретроградно, рис. 73)

Дата: 311–309 гг. до н. э.

244. Н.69 № 167 [ГЭ, НФ.69.137]

245. Н.72 № 13 [ГЭ, НФ.72.353]

ΣΑΓ (рис. 74)

Аналогии: № 785 – 797 IosPE III

Дата: 311–309 гг. до н. э.

246. Н.69 № 166 [ГЭ, НФ.69.136]

247. Н.82 № 713 [ГЭ, НФ.82.493]

ΣΑΤΥС (рис. 75)

Аналогии: № 798 – 812 IosPE III

Дата: 311–309 гг. до н. э.

248. Н.64 № 85 [ГЭ, НФ.64.112]

249. Н.73 № 654 [ГЭ, НФ.73.651]

ΣΑΤΥΡΙΩΝΟΣ (рис. 76)

Аналогии: № 817–1065 IosPE III

Дата: первая половина III в. до н. э.

250. Н.86 № 212 [ГЭ, НФ.86.204]

ΣΠΑΡ (рис. 77)

Аналогии: № 1085 – 1130, 1131 – 1158 IosPE III

Дата: 303–283 гг. до н. э.

251. Н.87 № 106 [ГЭ, НФ.87.232]

252. Н.90 № 15 [ГЭ, НФ.90.202]

253. Н.91 № 15 [ГЭ, НФ.90.232]

ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ (рис. 78)

Аналогии: № 1208 – 1211 IosPE III

Дата: 245–225 гг. до н. э.

254. Н.54 № 476 [ГЭ, НФ.54.439]

255. Н.73 № 581 [ГЭ, НФ.73.641]

256. Н.83 № 244 [ГЭ, НФ.83.270]

257. Н.85 № 494 [ГЭ, НФ.85.487]

258. Н.87 № 292 [ГЭ, НФ.87.247]

259. Н.88 № 162 [ГЭ, НФ.88.322]

260. Н.91 № 19 [ГЭ, НФ.91.234]

ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ (рис. 79)

Дата: 245–225 гг. до н. э.

261. Н.82 № 727 [ГЭ, НФ.82.507]

262. Н.85 № 183 [ГЭ, НФ.85.235]

263. Н.85 № 230 [ГЭ, НФ.85.237]

264. Н.87 № 56 [ГЭ, НФ.87.223]

ΤΙ (рис. 80)

Аналогии: № 1222 – 1229 IosPE III

Дата: 360–330 гг. до н. э.

265. Н.86 № 211 [ГЭ, НФ.86.203]

ΤΙΣ (рис. 81)

Аналогии: № 1230 – 1238 IosPE III

Дата: 330–300 гг. до н. э.

266. Н.72 № 990 [ГЭ, НФ.72.382]

267. Н.82 № 111 [ГЭ, НФ.82.455]

268. Н.85 № 162 [ГЭ, НФ.85.231]

ΤΙΜΟΣ (рис. 82)

Аналогии: № 1240 – 1251 IosPE III

Дата: 330–300 гг. до н. э.

269. Н.84 № 205 [ГЭ, НФ.84.237]

270. Н.89 № 102 [ГЭ, НФ.89.180]

ΑΡΧΟΝΤΟΣ/ΥΓΙΑΙΝΟΝΤΟΣ (рис. 84)

Аналогии: № 1261 – 1275 IosPE III

271. Н.51 № 889 [ГЭ, НФ.51.937]

272. Н.84 № 168+Н.85 № 231 [ГЭ, НФ.84.233]

273. Н.85 № 186 [ГЭ, НФ.85.236]

274. Н.87 № 64 [ГЭ, НФ.87.224]

275. Н.87 № 77 [ГЭ, НФ.87.227]

ΑΡΧΟΝΤΟΣ/ΥΓΙΑΙΝΟΝΤΟΣ (рис. 83)

Аналогии: № 1276 – 1313 IosPE III

276. Н.72 № 1022 [ГЭ, НФ.72.387]

277. Н.83 № 257 [ГЭ, НФ.83.271]

СΦΟΙ (рис. 85)

Дата: 330–300 гг. до н. э.

278. Н.82 № 110 [ГЭ, НФ.82.454]

ΒΑΣΙΛΙΚΗ (рис. 86)

Аналогии: № 1638 – 1654 IosPE III

Дата: середина III в. до н. э.

279. Н.39 № 334 [ГЭ, НФ.39.362]
280. Н.39 № 484 [ГЭ, НФ.39.454]
281. Н.48 № 268
Публикация: IosPE III № 1638
282. Н.49 № 268 [ГЭ, НФ.49.599]
283. Н.50 № 117 [ГЭ, НФ.50.167]
284. Н.53 № 65 [ГЭ, НФ.53.59]
285. Н.53 № 446 [ГЭ, НФ.53.420]
286. Н.60 № 285 [ГЭ, НФ.60.356]
287. Н.62 № 18 [ГЭ, НФ.62.252]
288. Н.66 № 209 [ГЭ, НФ.66.348]
289. Н.66 № 228 [ГЭ, НФ.66.84]
290. Н.67 № 68 [ГЭ, НФ.67.51]
291. Н.70 № 290 [ГЭ, НФ.70.143]
292. Н.72 № 994 [ГЭ, НФ.72.384]
293. Н.73 № 590 [ГЭ, НФ.73.643]
294. Н.73 № 656 [ГЭ, НФ.73.653]
295. Н.73 № 589 [ГЭ, НФ.73.642]
296. Н.73 № 755 [ГЭ, НФ.73.664]
297. Н.78 № 138 [ГЭ, НФ.78.165]
298. Н.80 № 96 [ГЭ, НФ.80.166]
299. Н.80 № 185 [ГЭ, НФ.80.169]
300. Н.81 № 152 [ГЭ, НФ.81.79]
301. Н.81 № 229 [ГЭ, НФ.81.84]
302. Н.82 № 109 [ГЭ, НФ.82.453]
303. Н.82 № 473 [ГЭ, НФ.82.474]
304. Н.82 № 474 [ГЭ, НФ.82.475]
305. Н.82 № 581 [ГЭ, НФ.82.481]
306. Н.82 № 768 [ГЭ, НФ.82.511]
307. Н.83 № 100 [ГЭ, НФ.83.258]
308. Н.83 № 227 [ГЭ, НФ.83.266]
309. Н.83 № 398 [ГЭ, НФ.83.287]
310. Н.83 № 309 [ГЭ, НФ.83.274]
311. Н.83 № 310 [ГЭ, НФ.83.275]
312. Н.83 № 312 [ГЭ, НФ.83.277]
313. Н.84 № 206 [ГЭ, НФ.84.238]
314. Н.85 № 172 [ГЭ, НФ.85.232]
315. Н.86 № 68 [ГЭ, НФ.86.197]
316. Н.86 № 282 [ГЭ, НФ.86.211]
317. Н.87 № 84 [ГЭ, НФ.87.229]
318. Н.87 № 280 [ГЭ, НФ.87.242]
319. Н.87 № 283 [ГЭ, НФ.87.246]
320. Н.88 № 59 [ГЭ, НФ.88.320]

- 321. Н.88 № 320 [ГЭ, НФ.88.325]
- 322. Н.91 № 16 [ГЭ, НФ.91.203]
- 323. Н.91 № 177 [ГЭ, НФ.91.237]
- 324. Н.91 № 273 [ГЭ, НФ.91.241]

ΒΑΣΙΛΙΚΗ (рис. 87)

Аналогии: № 1370 – 1637 IosPE III

Дата: середина III в. до н. э.

- 325. Н.53 № 425 [ГЭ, НФ.53.419]
- 326. Н.60 № 186 [ГЭ, НФ.60.355]
- 327. Н.69 № 140 [ГЭ, НФ.69.132]
- 328. Н.72 № 438 [ГЭ, НФ.72.362]
- 329. Н.73 № 60 [ГЭ, НФ.73.628]
- 330. Н.73 № 679 [ГЭ, НФ.73.660]
- 331. Н.73 № 810 [ГЭ, НФ.73.671]
- 332. Н.80 № 47 [ГЭ, НФ.80.160]
- 333. Н.80 № 211 [ГЭ, НФ.80.172]
- 334. Н.82 № 175 [ГЭ, НФ.82.458]
- 335. Н.82 № 298 [ГЭ, НФ.82.461]
- 336. Н.82 № 374 [ГЭ, НФ.82.467]
- 337. Н.82 № 474 [ГЭ, НФ.82.654]
- 338. Н.82 № 577 [ГЭ, НФ.82.478]
- 339. Н.82 № 579 [ГЭ, НФ.82.479]
- 340. Н.82 № 605 [ГЭ, НФ.82.483]
- 341. Н.82 № 631 [ГЭ, НФ.82.487]
- 342. Н.82 № 761 [ГЭ, НФ.82.510]
- 343. Н.83 № 17 [ГЭ, НФ.83.255]
- 344. Н.83 № 265 [ГЭ, НФ.83.272]
- 345. Н.83 № 328 [ГЭ, НФ.83.279]
- 346. Н.83 № 373 [ГЭ, НФ.83.282]
- 347. Н.85 № 262 [ГЭ, НФ.85.239]
- 348. Н.85 № 492 [ГЭ, НФ.85.485]
- 349. Н.85 № 493 [ГЭ, НФ.85.486]
- 350. Н.86 № 216 [ГЭ, НФ.86.205]
- 351. Н.87 № 3 [ГЭ, НФ.87.211]
- 352. Н.87 № 38 [ГЭ, НФ.87.219]
- 353. Н.87 № 119 [ГЭ, НФ.87.234]
- 354. Н.87 № 281 [ГЭ, НФ.87.243]
- 355. Н.88 № 59 [ГЭ, НФ.88.320]
- 356. Н.88 № 86 [ГЭ, НФ.88.321]
- 357. Н.88 № 192 [ГЭ, НФ.88.323]
- 358. Н.89 № 44 [ГЭ, НФ.89.178]
- 359. Н.90 № 199 [ГЭ, НФ.90.211]
- 360. Н.91 № 226 [ГЭ, НФ.91.239]

361. Н.91 № 340 [ГЭ, НФ.91.244]

ΒΑΣΙΛΙΚΗ (рис. 88)

Публикация: IosPE III № 1655–1673

Дата: середина III в. до н. э.

362. Н.48 № 948 [ГЭ, НФ.48.1529]

363. Н.81 № 147 [ГЭ, НФ.81.78]

364. Н.84 № 207 [ГЭ, НФ.84.239]

ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ (рис. 89)

Аналогии: № 1714 – 1793 IosPE III

Дата: середина III в. до н. э.

365. Н.39 № 137 [ГМИИ]

Публикация: IosPE № 1714

366. Н.41 № 563 [ГЭ, НФ.41.201]

367. Н.50 № 170 [ГЭ, НФ.50.171]

368. Н.56 № 122 [ГЭ, НФ.56.118]

369. Н.72 № 2 [ГЭ, НФ.72.352]

370. Н.72 № 1024 [ГЭ, НФ.72.389]

371. Н.73 № 206 [ГЭ, НФ.73.631]

372. Н.73 № 557 [ГЭ, НФ.73.638]

373. Н.79 № 41 [ГЭ, НФ.79.55]

374. Н.80 № 97 [ГЭ, НФ.80.167]

375. Н.80 № 194 [ГЭ, НФ.80.170]

376. Н.80 № 225 [ГЭ, НФ.80.174]

377. Н.82 № 608 [ГЭ, НФ.82.486]

378. Н.82 № 726 [ГЭ, НФ.82.506]

379. Н.82 № 729 [ГЭ, НФ.82.509]

380. Н.83 № 229 [ГЭ, НФ.83.268]

381. Н.83 № 230 [ГЭ, НФ.83.269]

382. Н.83 № 377 [ГЭ, НФ.83.286]

383. Н.85 № 70 [ГЭ, НФ.85.230]

384. Н.88 № 396 [ГЭ, НФ.85.332]

385. Н.88 № 423 [ГЭ, НФ.85.333]

386. Н.91 № 227 [ГЭ, НФ.91.240]

ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ (рис. 90)

Дата: середина III в. до н. э.

387. Н.82 № 730 + Н.82 № 725 [ГЭ, НФ.82.505]

Неопределенные клейма:

388. Н.39 № 138 [ГМИИ]

Публикация IosPE III № 1341

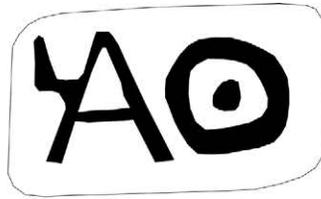
389. Н.52 № 150 [ГЭ, НФ.52.573]

390. Н.72 № 470 [ГЭ, НФ.72.364]

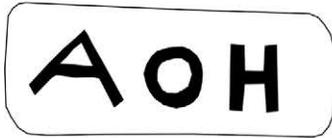
391. Н.72 № 1023 [ГЭ, НФ.72.388]

392. Н.72 № 1025 [ГЭ, НФ.72.390]

- 393. Н.73 № 792 [ГЭ, НФ.73.668]
- 394. Н.73 № 756 [ГЭ, НФ.73.665]
- 395. Н.73 № 757 [ГЭ, НФ.73.666]
- 396. Н.73 № 613 [ГЭ, НФ.73.649]
- 397. Н.79 № 160 [ГЭ, НФ.79.58]
- 398. Н.80 № 79 [ГЭ, НФ.80.164]
- 399. Н.81 № 136 [ГЭ, НФ.81.77]
- 400. Н.85 № 261 [ГЭ, НФ.85.238]
- 401. Н.85 № 301 [ГЭ, НФ.85.242]

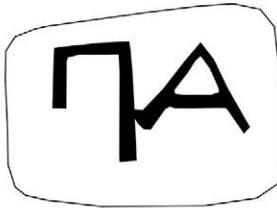
1

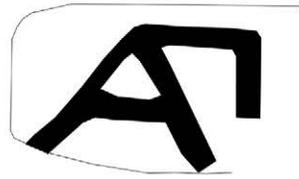
2

3

4

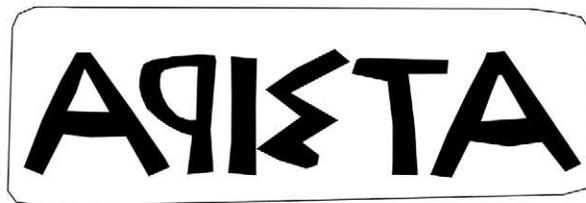
5

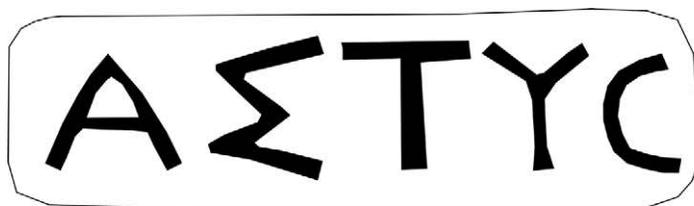
6

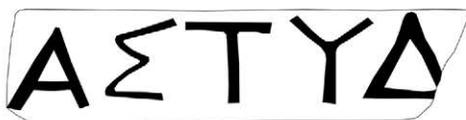
7

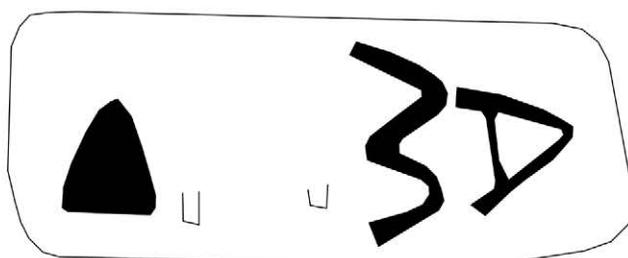
8

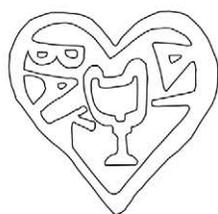
9

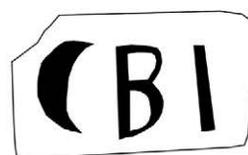
10

11

12

13

14

ΕΡΜΟΣ

15

ΕΡΜΟΣΓΑΙ

16

ΙΗ

17

ΟΕ

18

ΟΕ

19

ΘΕ)

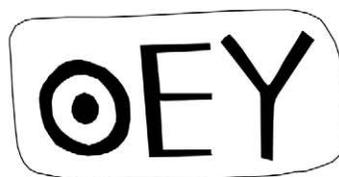
20

ΘΕΟΟ)

21

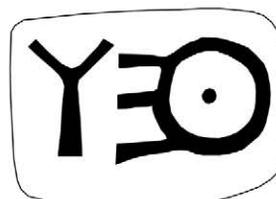
22

23

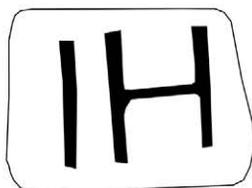
24

25

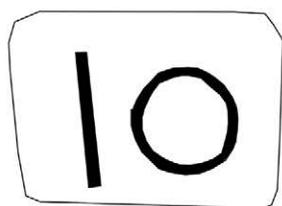
26

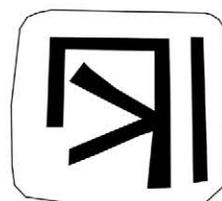
27

28

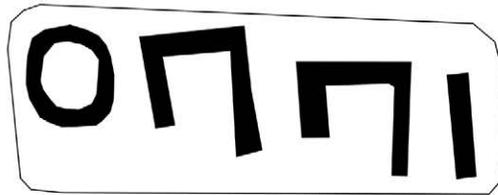
29

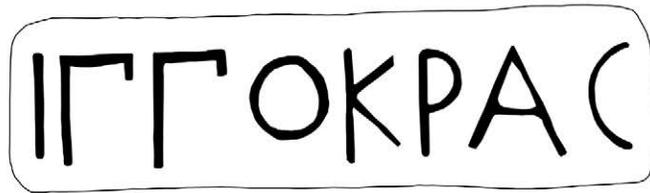
30

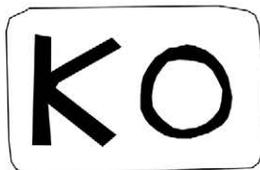
31

32

33

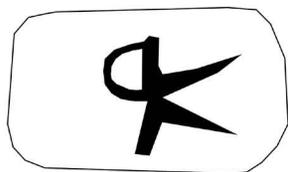
34

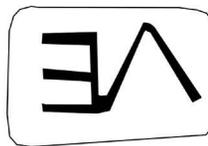
35

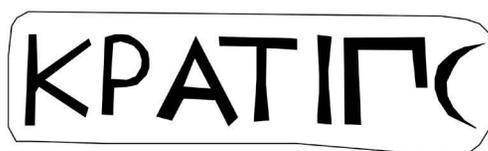
36

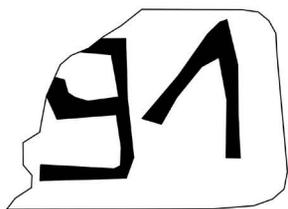
37

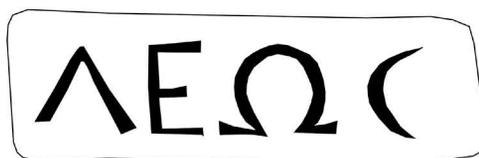
38

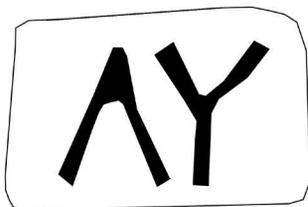
39

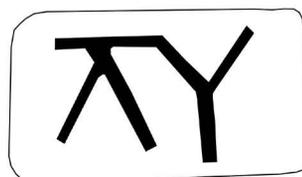
40

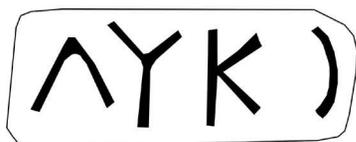
41

42

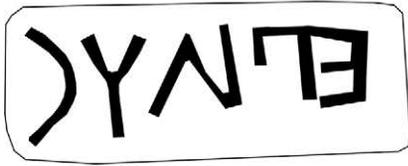
43

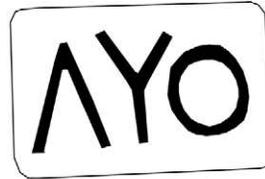
44

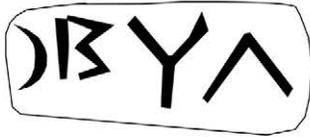
45

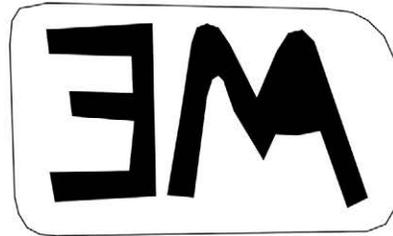
46

47

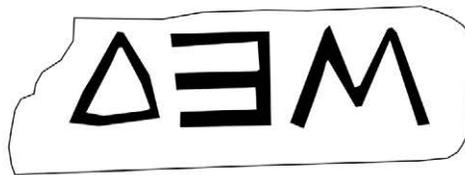
48

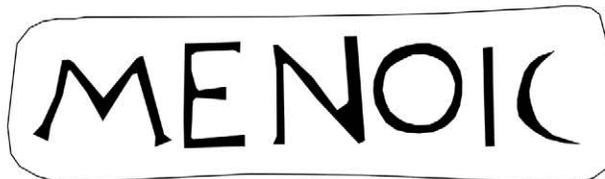
49

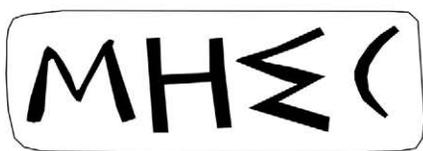
50

51

52

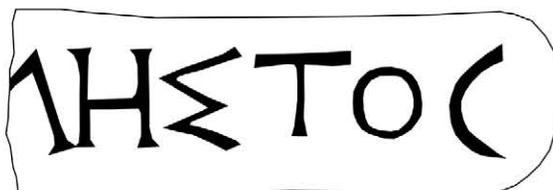
53

54

55

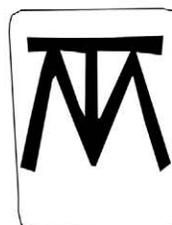
56

57

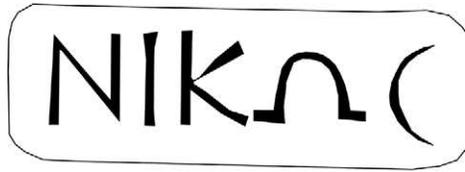
58

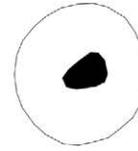
59

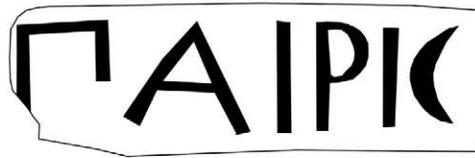
60

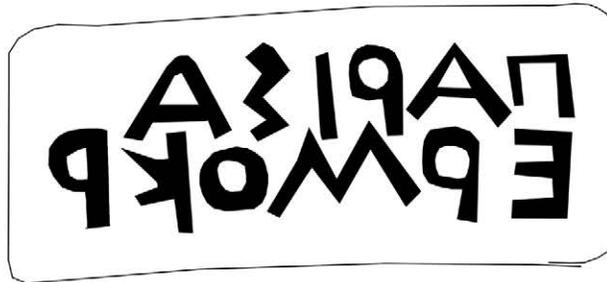
61

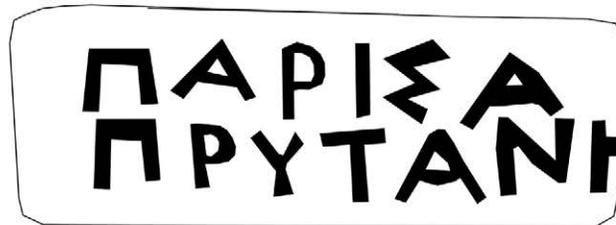
62

63

64

65

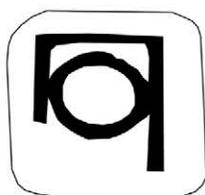
66

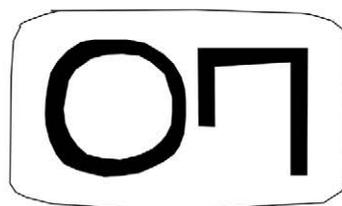
67

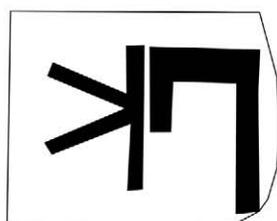
68

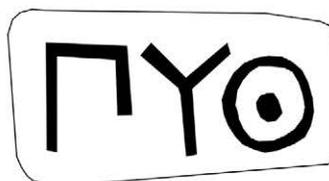
69

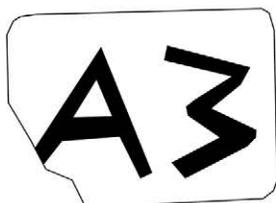
70

71

72

73

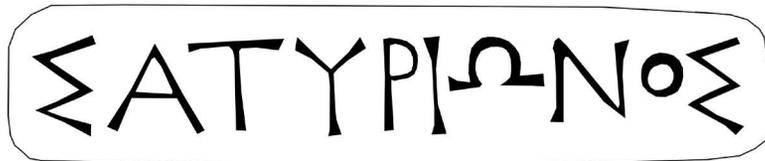

74

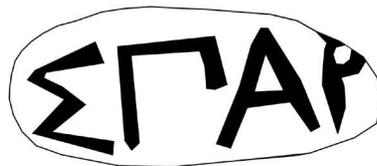
ΣΑΤΥΣ

75

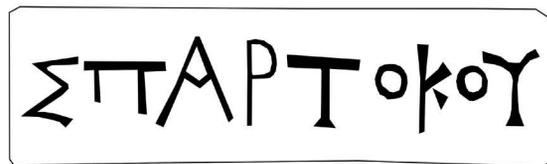
ΣΑΤΥΡΙΩΝΟΣ

76

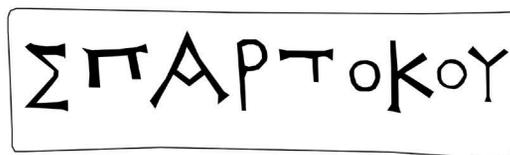
ΣΓΑΡ

77

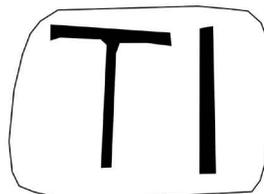
ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ

78

ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ

79

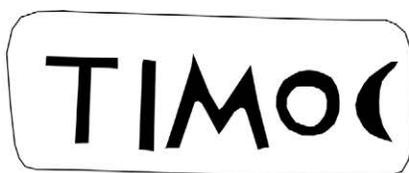
ΤΙ

80

ΤΙΔ

81

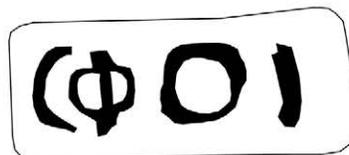
82

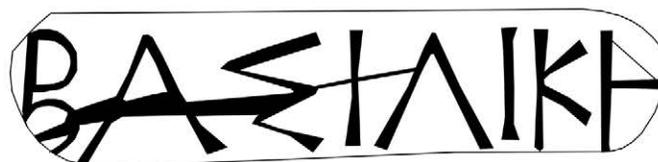
83

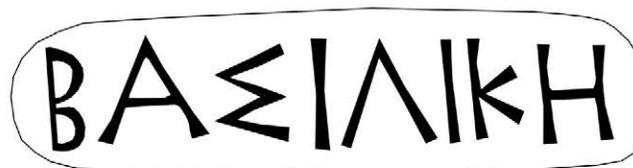
84

85

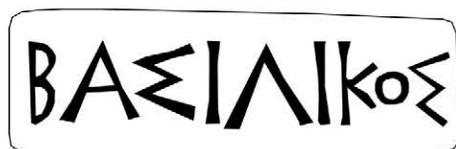
86

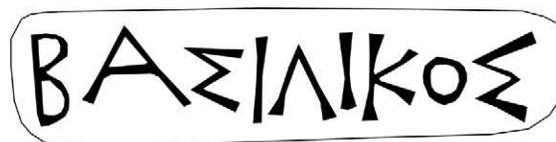
87

88

89

90

С. Н. Корневский

(Институт археологии РАН, г. Москва)

Особенности культурных слоев майкопских поселений Тузла 15 и Галюгаевское 1 (проблема реконструкции палеоклимата и хозяйственно-культурного типа)

Цель настоящей статьи сравнить особенности отложения культурных слоев на поселении Тузла-15 в Причерноморской зоне Краснодарского края и удаленного от него на сотни километров поселения Галюгаевское 1 на левобережье р. Терек в западном окончании Прикаспийской низменности (рис. 1). Оба памятника относятся к майкопско-новосвободненской общности, точнее к её псекупскому и майкопскому вариантам [Корневский, 2004]. Поселение Тузла 15 ещё находится в стадии ввода в научный оборот [Корневский, Сударев, 2019, в печати], а поселение Галюгаевское 1 и его палинологические анализы уже отражены монографически [Корневский, 1993, с. 94–101; 1995]. В связи с этим их подача в статье также различна. Более того, данные поселения Галюгаевское 1 могут быть уточнены, спустя 30 лет после их первой фиксации. Ниже перейдем к изложению материала.

На обоих поселениях были отобраны пробы для палинологического анализа и сделаны первые определения по характеристике палеоклимата. Последнее обстоятельство усиливает интерес к предлагаемому сопоставлению. Изучение особенности культурных слоев поселений медно-бронзового века и их находок ставит вопрос о характеристике хозяйственно-культурного типа их носителей.

Поселение Тузла-15 находится в западной части Таманского полуострова, западнее ст. Тамань Темрюкского района Краснодарского края, примерно, в 2 км от современного берега Черного моря. Оно было открыто С. А. Буравлевым в 2011 г. Памятник локализован на невысоком всхолмлении, соседствуя с балкой, по которой когда-то в древности могла протекать вода. С запада на восток его пересекала проселочная дорога и линия электропередачи.

В 2012 г. в состав экспедиции Н. И. Сударева автором была организована небольшая «майкопская» группа для исследования этого раннего поселения. Работы носили характер разведки культурного слоя. В 2013–2015 гг. они велись уже по открытым листам С. Н. Корневского [Корневский, 2014; 2015].

Проблема реконструкции палеоклимата по данным палинологии в эпоху существования племен майкопско-новосвободненской общности (МНО) была уже довольно

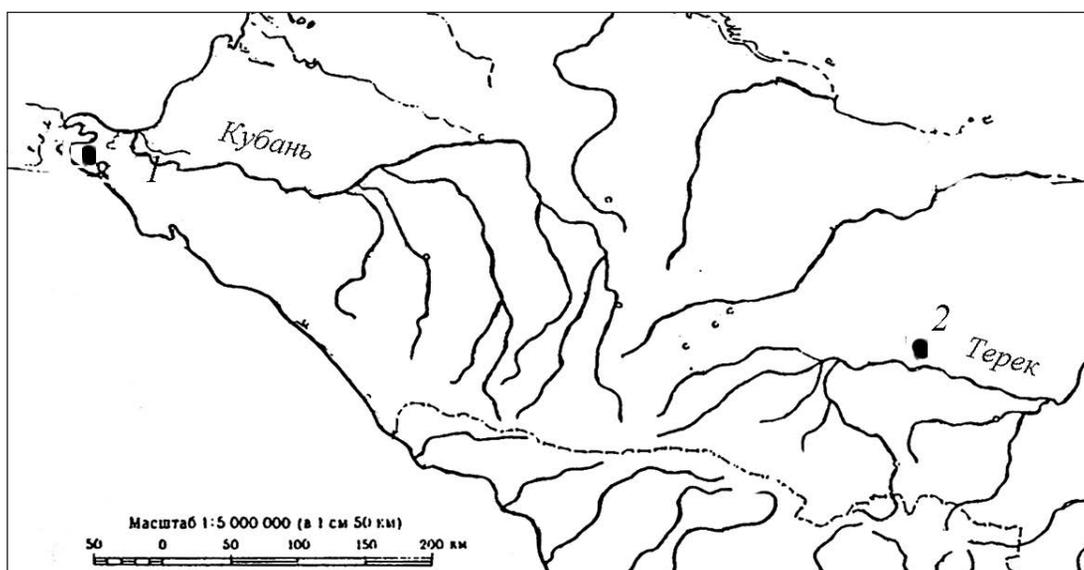

Рис.1. Поселения Тузла 15 (1) и Галюгаевское 1 (2) на карте Предкавказья

давно поставлена в печати С. Н. Кореневским и Е. А. Спиридоновой [Спиридонова и др., 2001, с. 114–143] и неоднократно освещалась ими впоследствии [Спиридонова и др., 2001, с. 114–143; Кореневский, 2004, с. 73–75; Кореневский, 2005, с. 67–119; Кореневский, 2007, с. 119–128; Кореневский и др., 2007]. В целом источниками по теме палеоклимата в Предкавказье в IV тыс. до н. э. служили данные, отобранные автором из культурного слоя поселений майкопской культуры и из ям погребений в курганах. Но все эти источники проб ранее не были связаны с Причерноморской зоной. Приводимые ниже сведения, в сущности, являются первой информацией о природных условиях и климате на Таманском полуострове в рассматриваемое время.

Начальные результаты палинологических исследований поселения Тузла 15 получены по отборам проб из раскопок 2012, 2014 гг. Они собирались из бортов квадратов через 10 см. Верхние пробы располагались под нижним уровнем распашки, нижние – происходили из почвы, насыщенной карбонатными отложениями и из более глубокого материкового слоя. Все определения выполнены к. г. н. Е. А. Спиридоновой.

Раскоп 12012 г. Заключение по колонке шурфа 12012 г. лишь обозначило исследуемую проблему. Оно отразило общую закономерность расположения в почве культурных останков. Так, уровень распашки имел нижнюю границу на глубинах 0,55–0,6 м (образец 1). Предполагаемый культурный слой занимал толщину в размерах от 0,55–0,6 м до 0,75–0,8 м (образцы 2–5). С глубин 0,8–0,85 м (образец 6) начинали появляться карбонаты. В шурфе 1 они отслеживались до глубины 0,9–0,95 м (образцы 7, 8). Ниже располагался желтый материковый суглинок. Пыльца семейства маревых (*Chenopodiaceae*), подсемейства астровых (*Asteroideae*), рода полыней (*Artemisia*) иногда присутствовала в виде больших скоплений, что может свидетельствовать о близком произрастании этих растений. В общем составе преобладает пыльца травянистых и кустарничковых растений (81–91%), на втором месте древесные породы (7–15%); на споры приходится от 2 до 4%.

Среди древесных пород больше всего пыльцы сосны (*Pinus*) (77–89%); помимо этого отмечена пыльца березы (*Betula*), ольхи (*Alnus*) (по 3–9%) и широколиственных пород (около 6%), представленных пыльцой дуба (*Quercus*) и липы (*Tilia*).

По-видимому, большинство пыльцевых зерен имеют дальний ветровой занос. Пыльца сосны очень тонкая, иногда с почти неразвитыми мешками. Сохранность пыльцы широколиственных пород тоже имеет свои особенности: она часто тонкая и иногда минерализованная.

Травянистые растения представлены, прежде всего, пыльцой разнотравья (37–38%), в составе которого преимущественно отмечена пыльца подсемейств астровых (*Asteroideae*) (8–13%) и цикориевых (*Cichorioideae*) (16–20%), семейства бобовых (*Fabaceae*) (4–7%), в небольших количествах и единично пыльца растений семейств гречишных (*Polygonaceae*) (горец (*Polygonum*), гречиха (*Fagopirum*), гвоздичных (*Caryophyllaceae*), ворсянковых (*Dipsacaceae*), мальвовых (*Malvaceae*), гераниевых (*Geraniaceae*), зонтичных (*Apiaceae*), рода портулак (*Portulaca*). Также в спектре много пыльцы маревых (*Chenopodiaceae*) (25–36%), в том числе солянки (*Salsola*). Последняя -, по - видимому, представлена как однолетними, так и многолетними формами.

Пыльца злаков (*Poaceae*) встречается в количестве около 19%, полыней (*Artemisia*) – от 9 до 19%. Споровых растений в комплексе немного: споры зеленых мхов (*Bryales*) (55–69%) и папоротников семейства многоножковых (*Polypodiaceae*) (31–45%).

Данная палинологическая характеристика свидетельствует о существовании тут открытых безлесных ландшафтов. Исходя из особенностей их состава, можно сказать, что в окрестностях памятника в это время произрастали сообщества лугово-степной и отчасти полупустынной растительности. В представленном спектре много пыльцы разнообразного разнотравья, представителей семейства маревых (*Chenopodiaceae*), в том числе и различных солянок (*Salsola*). Скорее всего, полупустынный тип растительности встречался на участках ближе к приморской полосе с почвенными грунтами с сильным засолением из-за близко залегающих минерализованных грунтовых вод. На большей части полуострова тогда господствовал полынно-луговой-степной растительный покров. В понижениях рельефа могли селиться лугово-солончаковые сообщества.

Анализ более верхних образцов 2–5 (глубины: 0,6–0,8 м) показал, что при сохранении общих черт полынно-луговой-степной растительности климат колебался. Данный спорово-пыльцевой комплекс отвечает несколько иным условиям внешней среды по сравнению с предыдущим этапом. Здесь произошло увеличение роли галофильной растительности, в основном сформированной различными видами из семейства маревых (*Chenopodiaceae*). Таким образом, увеличилось значение полупустынной растительности, тогда как степная растительность сохранялась на разрозненных участках, как правило, в местах с более высоким рельефом. По составу разнотравья луга-степи, скорее всего, имели целую гамму переходов от более влаголюбивых к более ксерофитным группировкам. Все эти особенности состава растительных сообществ свидетельствуют о развитии более сухих климатических условий в районе изучаемого поселения. Из этого можно сделать вывод, что культурный слой, с которым связан этот палинологический комплекс, формировался в условиях полупустыни, где лугово-степные сообщества сохранились в виде отдельных участков.

Самый верхний образец 1 получен с глубины 0,55–0,6 м. От предыдущего комплекса он отделен перерывом. В нём немного больше пыльцы древесных пород (11%) и спор (около 7%); содержание же пыльцы травянистых растений по-прежнему на первом месте и составляет 82%.

Среди древесных пород все так же доминирует пыльца сосны (*Pinus*) (83%); процент содержания пыльцы широколиственных пород сокращается до 7% (они представлены пыльцой дуба (*Quercus*) и грецкого ореха (*Yuglans*)). Впервые в разрезе встречена пыльца ивы (*Salix*) (около 5%). Также отмечена пыльца березы (*Betula*) и ольхи (*Alnus*).

В группе травянистых растений больше всего пыльцы маревых (*Chenopodiaceae*) (41%), в том числе и солянки (*Salsola*). Содержание пыльцы злаков (*Poaceae*) составляет 22%, а на пыльцу разнотравья приходится 29%. По сравнению с предыдущими комплексами состав разнотравья становится беднее. Количество пыльцы полыней (*Artemisia*) – 9%. Впервые в разрезе единично отмечена пыльца эфедры (*Ephedra*).

Подобный состав спектров, как и в предыдущем разрезе, также характеризует открытые ландшафты, но соотношение между лугово-степными и полупустынными группировками изменилось. Стало заметно меньше полынных, которые являются одними из индикаторов опустыненных сообществ. Увеличилась роль злаков, среди которых отмечены культурные формы. Можно предположить, что галофильная растительность в основном сохранилась только вблизи побережий, тогда как роль лугово-степных формаций увеличилась; вероятно, появились участки пашен. Как датируется образец 1, сказать трудно. Он может относиться ко времени уже после существования майкопского поселка Тузла 15.

Раскоп 5 2014 г. Отбор проб оказался более показательным. Он подтвердил данные из шурфа 2012 г. и несколько расширил информацию о климате в районе изучаемого поселка. Пробы для палинологического анализа отбирались в квадрате 1 раскопа 5 из участка, расположенного рядом с полуземлянкой № 4. Диапазон отобранных анализов стал шире. Наиболее древние образцы были взяты с глубин 1,32–1,33 м. Их данные обобщены в споро-пыльцевом комплексе I (СПК-I). В кратком изложении они таковы.

В слое материковых отложений на глубинах 1,32–1,33 м в окрестностях памятника произрастали разнотравные степи. В наиболее неблагоприятных участках рельефа чаще селились полупустынные растительные сообщества. Климат был жарким, позволяющим откладываться карбонатам. Археологические определения эти глубины связывают с «материком».

На глубинах перехода от надкарбонатного слоя к карбонатному (0,8–1,2 м) отмечается споро-пыльцевой комплекс II (СПК-II). Он выделен по образцам 3–6 (с интервала глубин от 1,2 до 0,8 м). Сохранность пыльцы и спор плохая, много минерализованных зерен, для части пыльцевых зерен трудно или невозможно определить систематическую принадлежность.

Для комплекса характерно высокое содержание пыльцы растений семейства маревых (*Chenopodiaceae*) наряду с меньшим количеством пыльцы полыней (*Artemisia*) и злаков (*Poaceae*). Состав пыльцы разнотравья включает относительно небольшое количество родов и семейств. Характер споровых растений близок к предыдущему комплексу.

Иными словами, в период формирования этого комплекса преобладала полупустынная растительность, доминировали растительные сообщества с господством растений семейства маревых (*Chenopodiaceae*). Лугово-степные группировки с ограниченным преобладанием злаков сохранялись на более низких, влажных участках территории. Климат был сухой и с длительными периодами засухи. Образцы проб с глубин 1,2–0,8 м еще не связаны с массовыми находками керамики.

Выше, на уровне надкарбонатного слоя почвы и образования культурного слоя, на глубинах 0,8–0,5 м образцы отражают очередные климатические изменения. Они связаны с СПК-III. Находки на глубинах 0,8 м совпадают с верхним уровнем фиксации ямы жилища 4. Сохранность пыльцы и спор плохая, единично встречаются мелкие угольки.

В общем составе, по-прежнему, преобладает пыльца травянистых и кустарничковых растений, тогда как пыльца древесных пород составляет около 2%. Среди последних – присутствуют единичные зерна сосны, дуба и липы, тогда как в предыдущем комплексе, при общей большей роли древесных пород пыльца широколиственных пород отсутствовала. Состав споровых близок к предыдущим комплексам.

Дата жилища 4 Ки – 192174170 ± 30 ВР 2876–2676 ВС., т. е. 29–27 вв. до н. э.

Дополнительную информацию к данным из квадрата 1 у постройки 4 дают пробы, отобранные из раскопа 6.

Раскоп 6 2014 г. (или квадрат 2) располагался на 80 м к северу от квадрата 1, на периферии поселка. Находок керамики в нем практически не было. Данные палинологического отбора проб очень похожи на вышеописанные. Но особо интересна информация из самого верхнего уровня почвы. Она связана со споро-пыльцевым комплексом IV.

Он (*маревые, разнотравье, злаки*) выделен по образцу 8 из комковатого коричневого суглинка на границе со слоем распашки (с глубины 0,62 м). В образце встречаются единичные угольки, сохранность спор и пыльцы лучшая, чем во всех других образцах из этого разреза. Характер спектров комплекса резко отличается от предыдущих. Как и в других комплексах здесь в общем составе преобладает пыльца травянистых и кустарничковых растений, но меняется соотношение между содержанием пыльцы растений семейства маревых (*Chenopodiaceae*) и других – из этой группы. Представители семейства маревых начинают заметно преобладать (49%), что может говорить о более сухом климате и, как следствие, засолении грунтов. Среди древесных пород присутствует только пыльца сосны (*Pinus*). В состав травянистых и кустарничковых растений помимо пыльцы растений семейства маревых (*Chenopodiaceae*) входит пыльца злаков (*Poaceae*) (14%), полыней (*Artemisia*) (12%), цикорийевых (*Cichorioideae*) (около 7%), астровых (*Asteroideae*) (16%), единично крестоцветных (*Brassicaceae*) и бобовых (*Fabaceae*). Из споровых растений отмечены споры зеленых мхов (*Bryales*) и папоротников семейства многожковых (*Polypodiaceae*).

Предварительное обобщение выше приведенных материалов позволяет придти к нескольким тезисам. Нетронутый культурный слой поселения Тузла 15 прослеживается в основном по глубинам 0,6 м – 0,8/0,9 м. Выше к поверхности земли (до глубины до 0,6 м) грунт представляет распашку. Почвы ниже культурного слоя (с глубины 0,9 м – 1,35 м) связаны уже с карбонатным горизонтом или т. н. материком.

Климатические условия времени карбонатного слоя связаны со споро-пыльцевым комплексом I, прослеженным по всем трем шурфам. Этот комплекс отражает открытый

природный ландшафт с господством степных сообществ, где также существовали участки засоленных почв с преобладанием различных группировок, образованных растениями семейства маревых (*Chenopodiaceae*).

В окрестностях памятника произрастали разнотравные степи, в наиболее неблагоприятных участках рельефа чаще селились полупустынные растительные сообщества. Климат был жаркий, позволяющий откладываться карбонатам. Археологические находки на этих глубинах раскопками не выявлены.

Климат времени культурного слоя неоднократно менялся. Произошло увеличение роли галофильной растительности, в основном сформированной различными видами из семейства маревых (*Chenopodiaceae*). Увеличилось значение полупустынной растительности, тогда как степная – сохранялась на разрозненных участках, как правило, в местах с более высоким рельефом. Из этого можно сделать вывод, что культурный слой формировался в условиях полупустыни, где лугово-степные сообщества сохранились в виде отдельных участков. О некоторой увлажненности климата времени культурного слоя может также свидетельствовать незначительное присутствие в спектрах пыльцы широколиственных пород (дуб, липа) и небольшое участие пыльцы березы наряду с сосной [Кореневский, Спиридонова, Сударев, 2019, в печати].

Финальные определения климатических условий поселения Тузла 15 связаны с верхними пробами, отобранными из под слоя распашки. В какой-то мере они совпадают с прекращением жизни на майкопском памятнике. По сравнению с предыдущим комплексом состав и структура растительных сообществ существенно изменились. Климат стал значительно суше. Уменьшилась видовая насыщенность и продуктивность травостоя. Судя по составу спектра здесь была полупустыня с значительными периодами засухи, в которой преобладали солянковые полукустарничковые сообщества. В это время майкопское население покидает поселок. Наступает период становления местных культур среднего бронзового периода Предкавказья.

Поселение Галюгаевское – 1 расположено совсем в иной местности, на 650 км удаленной от Черного моря, на левом берегу р. Терек в Курском районе Ставропольского края, в 40 км от г. Моздока на восток. Оно было открыто в 1985 г. и раскапывались с перерывами до 1991 года [Кореневский, 1993; 1995].

На поселении выявлен культурный слой, содержащий развалы керамики, ямы, фрагменты турлучной обмазки строений, находки из камня и металла. Зафиксированы ямы с керамическим браком, контуры трех построек, а также менее выраженных строений. Все они являлись наземными. Внутри строений встречен керамический бой, зернотерки, каменные орудия, медное шило, глиняные конусы. Особо интересна находка крупной зернотерки с положенной на нее тыльной стороной верх меньшей зернотеркой и кремневой пластиной. Всё оставлено так, будто постройка покинута только «вчера».

Культурный слой поселения прослеживался по гребню всхолмления на расстоянии до 500 м при ширине около 100 м (около 50 000 м кв, или 5 га). Общая площадь вскрытия на этом памятнике составила несколько более 2800 м кв. Культурный слой в стратиграфических разрезах не выделялся по цветовой гамме. На всех профилях раскопов прослеживалась похожая картина. Наиболее отчетливо она представлена на разрезе раскопа 51989 г.

В 1985 г. возвышенность, где располагалось это поселение, планировалась на снос во время мелиоративных и строительных работ. После раскопок курганов на гребне холма и поселения в его толще эти работы удалось остановить. Но поверхность всхолмления всё же подверглась проработке техникой и невелировке, поэтому глубины залегания находок и почвенных слоев могли отражать естественное понижение почвенных напластований внутри холма и нуждаются в особых комментариях.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на уровень залегания материка, нижнего карбонатного слоя и уровни залегания «полов» строений. Так уровень постройки 1989 г. находился на глубине около 1 м. Его подстилал на глубине 1,1, -1,2 м слой карбонатов. Характер собственно материковых отложений был связан с суглинком: сначала сухим «жестким и чистым», затем влажным и зеленоватым по цвету. В ямах находки могли встречаться на глубинах до 1,2-1,4 м.

Уровень глубин находок в жилище 1988 г. был выше и равнялся 45-50 см. Глубина находок в жилище 1991 г. составляла около 55/60 см. Этот уровень снова был выше карбонатного слоя поселения.

Судя по этим данным уровни фиксации полов строений, довольно расходятся, колеблясь от 90/100 см до 50/60 см. Иными словами, сама толща обитаемого пространства могла составить 40/50 см. Взятые отсюда на С14 кости животных были связаны с ямами у жилища 1991 г., как видим, наиболее «молодого» строения. Даты полученные в лаборатории Оксфорда: 4530 ± 70 BP 3355-3100 BC; 4580 ± 90 BP 3240-3100 BC. Дополнительная дата по фрагменту керамики 1 класса из коллекции этого поселка Кi- 130224580 ± 90 BP 3240-3100 BC. [Корневский, 2011, с. 27-30] почти совпадает с оксфордскими датами по кости.

Нижние напластования культурных отложений Галпогаевского поселения не имеют радиоуглеродных определений. Однако важно обратить внимание на следующий факт. Самые ранние находки керамики происходили здесь с глубин около 0,7-1 м, непосредственно над уровнем залегания карбонатов. В раскопе 21988 г. карбонаты в виде комковатой крошки стали встречаться с глубины более 0,7 м. На глубине 1 м дно раскопа уже все было заполнено отложениями карбонатов. Возникает вопрос, как этот уровень карбонатов связан с отложениями майкопской керамики? Поможет разобраться в этом профиль одной из ям. Дно её оказалось высушенным ещё в древности. Над сухой корочкой располагался слой карбонатов. [Корневский, 1995, с. 93 рис. 6]. Выше и ниже его из профиля бровки проступали находки. Таким образом, образование карбонатного горизонта происходило в то время, когда яма была вырыта и стала заполняться керамическими отходами, то есть обитание в данном месте майкопского населения тесно связано с временем формирования карбонатного слоя: засушливым и влажным, жарким климатом. Как датируется слой карбонатов на поселении Галпогаевское 1 – вопрос открытый.

На другом поселении (Галпогаевское III) дата из шурфа оказалась более древней: 3950-3650 BC [Корневский, 2011, с. 27]. Датированный черепок майкопской керамики с этого же поселения показал время 3800-3530 BC. Таким образом, население майкопской культуры в районе галпогаевских всхолмлений явно «фиксируется» в первой половине IV тыс. до н. э.

Особенностью культурного слоя поселения Галпогаевское 1 является отсутствие его цветового окраса. Оно, вероятно, связано с тем, что поселок мог заселяться эпизодически.

Его население время от времени то покидало его, то вновь возвращалось на прежнее обжитое место. Слои же напластований в жилищах тонкие: «в один развал черепка».

Палинологические определения растительности на поселении Галюгаевское 1 были выполнены Е. А. Спиридоновой и Я. Н. Лаврушиной. Они были опубликованы в тезисном варианте в 1993 г., когда радиоуглеродная хронология Предкавказья только – только набирала статистику. Местность с естественными всхолмлениями в долине Терека была открытой с господством степного растительного покрова. Климат был засушливый, условия – неблагоприятными для лесной и луговой растительности. С майкопским культурным слоем связаны палинологические зоны IV и V, как было отмечено в только что упомянутой публикации.

IV палинологическая зона приходится на возникновение разнотравных степей, увеличение луговой растительности. Лес концентрировался островками по долинам реки. Климат был более влажным и прохладным, чем прежде. Во время следующей V палинологической зоны происходит увеличение злаковой растительности. Но климат становится суше, намечается его аридизация. В дальнейшем, после исчезновения майкопского населения, аридизация климата на данном участке терской долины продолжалась [Корневский, 1993, с. 94, 95, 160, 161в]. В раскопе 1989 г. удалось зафиксировать даже верхний уровень отложения карбонатов, перекрывавший отложения майкопского культурного слоя [Корневский, 1995, с. 17; с. 94, рис. 7].

Сопоставляя данные о культурных слоях поселения Тузла-15 и Галюгаевское 1, отдаленных на сотни километров друг от друга, можно прийти к следующему общему заключению. Появление майкопского населения в Предкавказье (в Причерноморье и Терской области) было связано с природными условиями после всплеска жаркого и засушливого климата, которые стали динамично распространяться по Предкавказью в начале, первой половине IV тыс. до н. э. На каштановых почвах в то время стал откладываться карбонатный горизонт. Везде ли он стал образовываться в одно и то же время с существованием археологических памятников – вопрос, требующий специальных исследований. Климат в период обитания майкопского населения неоднократно колебался, что могло стимулировать его локальные миграции.

Культурные слои майкопских поселений не раз показывали культурные отложения в жилищах толщиной всего «в один развал черепка». Но это совершенно не говорит о кратковременности существования майкопской культуры, как иногда отмечается в некоторых работах [Рысин, 2012, с. 215]. Скорее это отражение периодичности обитание на них носителей майкопской культуры, которые могли строить и покидать свои жилища, но не возводить их одно над другим.

Достаточно мощные культурные слои (от 0,2 до 0,8 м) отмечены также на поселении Чекон в Анапском районе Краснодарского края [Бочковой, 2012]. На поселении Чишхо (побережье Краснодарского водохранилища) культурные отложения имели толщину около 0,3 м. Лежавшие выше культурные напластования эпохи поздней бронзы и меотского времени составляли всего лишь по 10 см [Корневский, 2004а]. Эти данные дополнительно свидетельствуют, что эпоха майкопской культуры была долгим явлением. То же самое отражают и её радиоуглеродные даты: от первой четверти до финала IV тыс. до н. э. [Корневский, 2011, с. 27–30].

Материалы Галюгаевского 1 поселения позволили сформулировать общее понятие о хозяйственно культурном типе носителей майкопско-новосвободненской общности, как о подвижно-оседлом способе ведения хозяйства. Его основу составляло придомное скотоводство и мотыжное земледелие. В мясной диете предпочтение отдавалось мясу крупного и мелкого скота, реже употребляли свинью и лошадь. Жители Причерноморской полосы по данным поселения Тузла-15 разнообразили пищевой рацион устрицами и рыбой. Естественно, имела место охота, но в мясном рационе майкопского населения нет обилия костей благородного оленя, как у носителей культуры накольчатой жемчужной керамики Западного Предкавказья [Корневский, 1998, с. 105–109]. Для остеологических коллекций майкопских поселений не характерна доминанты костей свиньи. Майкопцы не были активными свиноедами, как пишут иногда некоторые авторы, вспоминая публикации прошлых лет с неправомерным отнесением находок культуры накольчатой жемчужной керамики к майкопской [Формозов, 1965, с. 91].

Носители различных вариантов МНО, конечно, могли иметь вариации в особенностях своего ХКТ, но всех их объединяло общее стремление селиться в долинах рек и у склонов возвышенностей, где могло быть достаточное обилие влаги и воды. Их манили луговые пространства и злаковые степи. Расселение майкопцев в пещерах и гротах имело место, но не было для них типичным.

Освоили ли майкопские племена высокогорную зону Большого Кавказа – вопрос открытый. Оружие (бронзовые топоры, наконечники копий) из Сванетии [Чартолани, 1989, с. 40–43, табл. XII] позволяет полагать, что его владельцы могли принадлежать племенам куро-араксской культуры.

Обитателей майкопских поселений с культурным слоем 30–50 см невозможно называть кочевниками – номадами. В современном понятии кочевого скотоводства кочевники не связаны с долговременным «стационаром», придомным скотоводством и разведением свиней. В ассортименте материальной культуры номадов нет мотыг, нет огромного количества мисок, чанов и пифосов. Эти атрибуты культуры характерны для оседлого или подвижно-оседлого населения, связанного со скотоводством и земледелием [Корневский, 2004, с. 71–77].

По мнению крупнейшего специалиста – этнолога в области истории скотоводства В. М. Шамиладзе: «Кавказ не был ни очагом кочевничества, ни ареной ранних кочевников» [Шамиладзе, 1982, с. 70, 76]. Подлинное кочевничество или номадизм, как модель скотоводческого хозяйства, оформилась в основном с приручением лошади под верх.

О земледелии же майкопцев могут свидетельствовать бронзовые мотыги, многочисленные зернотерки и вкладыши серпов, находимые на поселениях. Что выращивали майкопцы, сказать трудно, но ещё у предмайкопских племен местного халколита были известны сорта пшеницы и ячменя [Осташинский, др., 2016, с. 35–40]. Вместе с тем, мотыжное земледелие быстро приводило к истощению плодородия почвы, что принуждало население к перемене мест обитания в поисках более плодородного участка [Киквидзе, 1987, с. 25, 33, 48, 52]. Сочетание земледелия с пастушеским скотоводством на примерах исторической этнографии хорошо отражено, например, в культуре африканского племени зулусов, пастушеских скотоводов не знавших верховой езды [Риттер, 1968, с. 17].

Предложение же М.Б. Рысина оценивать характер земледелия майкопцев по примеру современных казачьих хозяйств, использующих на полях навоз, не может рассматриваться как аргумент в реконструкции деятельности аграриев глубокой древности [Рысин, 2012, с. 215]. Майкопцы занимались не плужным земледелием, а мотыжным, которое является совсем иной моделью аграрного сектора. Хорошо известно, что неумелое использование навоза, как удобрения, вообще может пагубно сказаться на урожайности. Смена же поля для посевов и оставление его «под паром» всегда были в ассортименте методов выращивания различных агрокультур. Использовали ли в древности пережную для повышения урожайности почвы при мотыжном земледелии – неизвестно.

Установление прямой связи расселения майкопского населения рассматриваемых вариантов МНО с образованием карбонатного горизонта на каштановых почвах ставит вопрос, о значимости этого явления для их хозяйственного уклада. По всей вероятности, такие условия были особо благоприятны для разведения крупного и мелкого рогатого скота, который мог отправляться на выпас и содержаться в стойлах. Гипотетическое земледелие майкопцев на каштановых почвах могло испытывать большую зависимость от её увлажнения, что стимулировало население к поиску новых плодородных участков по долине реки. В этом отношении топография поселений Тузла-15 и Галюгаевское 1 очень похожи.

Список литературы

- Бочковой, 2012. Бочковой В. В. Отчёт о проведении охранно-спасательных археологических исследований объектов археологического наследия поселения «Чекон» и кургана «Юровка» // Архив Управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. № 29344
- Киквидзе, 1987. Киквидзе Я. А. Земледелие и земледельческий культ в древней Грузии. Тбилиси.
- Корневский, 1993. Корневский С. Н. Древнейшее оседлое население на среднем Терек. М.
- Корневский, 2004. Корневский С. Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско – новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.
- Корневский, 2005. Корневский С. Н. Ориентация культур древнейших земледельцев и скотоводов эпох энеолита – раннего бронзового века Кавказа и Подунавья в системе схемы Блитта-Сернандера // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Махачкала.
- Корневский, 2011. Корневский С. Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.

- Корневский, 2014. Корневский С.Н. Отчет о раскопках поселения Тузла-15 Темрюкского района Краснодарского края в 2013 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 40750.
- Корневский, 2015. Корневский С.Н. Отчет о разведках культурного слоя на поселениях Тузла-15 и Чекон-1 Краснодарского края Майкопским отрядом Восточно-Боспорской экспедиции в 2014 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 45723.
- Корневский, 2016. Корневский С.Н. Отчет о разведках культурного слоя на поселении Тузла-15 Краснодарского края Майкопским отрядом Восточно – Боспорской экспедиции в 2015 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 47627.
- Корневский, Белинский, Калмыков, 2007. Корневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А. Большой Ипатовский курган на Ставрополье, как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. М.
- Корневский, Сударев, 2013. Корневский С.Н., Сударев Н.И. Разведочный раскопки поселения Тузла-15 в 2012 г. // Шестая международная кубанская археологическая конференция. Краснодар.
- Корневский, Спиридонова, Сударев, 2019. Корневский С.Н., Спиридонова Е.А., Сударев Н.И. О климате времени майкопского поселения Тузла-15 на Таманском полуострове (предварительное сообщение) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 17. Краснодар. (В печати)
- Осташинский, Черленок, Лоскутов, 2016. Осташинский С.М. Черленок Е.А, Лоскутов И.Г. Новые данные о земледелии Северо-Западного Кавказа // Археологические вести. Вып. 22. СПб.
- Риттер, 1968. Риттер Э.М. Зулус Чака. Возвышение зулусской империи. М.
- Рысин, 2012. Рысин М.Б. Проблемы хронологии и переодизации древних культур Кавказа (радиоуглеродная «революция» и традиционная типология // Археологические вести. Вып. 18. СПб.
- Сударев, 2013. Сударев Н.И. Отчет о проведении археологических разведок на территории г. -к. Анапа, г. Славянск-на-Кубани Славянского района и в Темрюкском районе Краснодарского края в 2012 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 35481.
- Спиридонова, Алешинская, Корневский, Ростунов, 2001. Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Корневский С.Н., Ростунов В.Л. Сравнительный анализ природной среды времени существования майкопской культуры в центральном Предкавказье. (Ставропольский край, Северная Осетия – Алания) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология, антропология, палеоклиматология. Вып. 2. М.
- Формозов, 1965. Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.
- Чартолани, 1989. Чартолани Ш.Г. К истории нагорья Западной Грузии доклассовой эпохи. Мицниереба. Тбилиси.
- Шамиладзе, 1982. Шамиладзе В.М. О некоторых вопросах классификации и терминологии скотоводства Кавказа // Советская этнография. Вып. 2. май-июнь. М.

Summary

S. N. Korenevskiy

**Characteristic of cultural layers of the settlements of the Maikop culture
Tuzla 15 and Gulyaevskoe 1 (the problem of reconstruction of paleoclimate
and economic-cultural type)**

The Article is devoted to comparison of cultural layers of settlement Tuzla 15 and Galugae-vskoe1 of the Maikop-novosvobodnaia community and general and preliminary reconstruction of ancient climate from data of the palynological standards selected from the cultural levels of these settlements. In the problems of reconstruction of husbandry type of carriers of early variant of the Maikop-novosvobodnaia community are affected. The results of palynological analysis were executed by E.A.Spiridonova, The analyses conducted in article show that they reflect the steppe terms of people leaved in settlement during of hot climate with changeability of moistening of soil.

А. М. Корженков*, А. А. Масленников**,
А. Н. Овсяченко*, А. С. Ларьков*,
А. А. Супренков*

(* Институт физики Земли РАН, г. Москва;

** Институт археологии РАН, г. Москва)

Сейсмические деформации в урочище Сююрташ в Крымском Приазовье¹

Большое античное городище (Золотое восточное) в урочище Сююрташ (рис. 1) – уникальный археологический памятник, как в смысле своей исторической значимости [Масленников, 1998, с. 90–102; 2017, с. 210–221; Супренков, 2014, с. 376–397], так и сохранности следов древних геологических катастроф. Мы уже указывали ранее, что в Восточном Крыму имеются весьма многочисленные «отголоски» сильнейших древних землетрясений, обнаруженные, в частности, на таких античных и средневековых поселениях, как Китей, Акра, Нимфей, Илурад, Михайловка, Артезиан, крепость Ени-Кале и мн. др. [Белик и др., 2016 с. 17–35; Винокуров и др., 2015 с. 51–66; Корженков и др., 2016, с. 372–381; Корженков и др., 2017, с. 5–28; Корженков и др., 2018а, с. 115–132; Корженков и др., 2018б, с. 111–138; Овсяченко и др., 2015, с. 33–54; Овсяченко и др., 2017, с. 89–92; Molev et al., 2018 и др.]. Яркие сейсмические деформации были охарактеризованы нами и на ряде поселений Азовского побережья полуострова: Полянка и Мыс Зюк [Масленников, 2013, с. 251–252; Масленников и др., 2017, с. 265–294; Овсяченко и др., 2019].

На всех вышеперечисленных объектах были выявлены типичные сейсмические деформации в строительных конструкциях – кинематические индикаторы, служащие как для выявления и доказательства сейсмической природы разрушений и повреждений (1), так и для определения направления на эпицентральною зону древней катастрофы (2), а также местной интенсивности сейсмических колебаний (3). Методологический подход был неоднократно описан нами в перечисленных выше статьях, а также более ранних публикациях по Крыму.

Итак, наиболее простыми, но информативными деформациями являются **систематические наклоны, выдвигания и обрушения** стен целиком или их частей одной ориентировки в одном направлении. Сейсмические колебания, распространяющиеся из эпицентральной области, захватывают в свое движение нижние части построек,

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (гранты № 18-05-01004 и 18-35-00521).

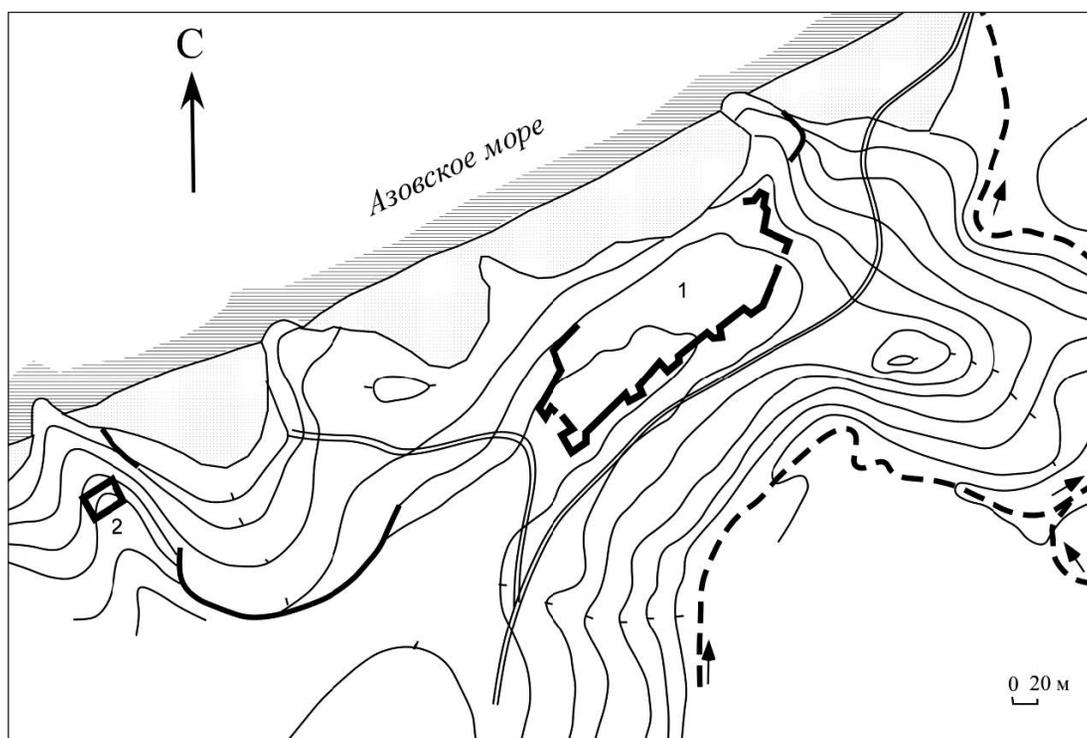

Рис. 1. Топограмма городища Сююрташ. Толстые изломанные линии – основные стены городища, прерывистые линии – тальвеги временных водотоков, толстые плавные линии – стенки обрывов, тонкие одиночные линии – изолинии рельефа, двойные линии – дороги. 1-городище Золотое восточное III–II вв. до н. э. 2-башня на городище Золотое-восточное в бухте (IV–VI вв. н. э.)

верхние же – по инерции остаются на месте и наклоняются, выдвигаются или падают в сторону источника сотрясений.

Примером систематического направления падения или отбрасывания каменных блоков во время сильного землетрясения является «непотревоженная» археологами часть южной оборонительной стены городища Золотое Восточное (Сююрташ) (рис. 2), продолжающейся к северу от участка стены № 2, раскопанной в 1953 г. И. Т. Кругликовой [Кругликова, 1957, с. 134–135]. Азимут простирания этой стены – 20°. Так, большой плоский камень – «в» сместился с нижележащего к востоку – по азимуту 85° на 1.1 м. В настоящее время сдвинутый каменный блок имеет наклонное положение под углом в 30°. Во время своего движения этот камень ещё и повернулся вокруг вертикальной оси на 20° против часовой стрелки.

Соседний каменный блок «г» также сместился – «отлетел» на восток по азимуту 100° на расстояние 2 м. По тому же азимуту сдвинулся на 1 м к северу соседний с севера плоский камень «е».

Среди выдвиганий строительных конструкций при сейсмических сотрясениях наиболее эффективным выглядит смещение большой известняковой плиты (рис. 3) на раскопе «Юго-Западный» (1989 г.). Размер описываемой плиты около 2×2 м при

Рис. 2. Отбрасывание камней во время сильного землетрясения. Южная городская стена городища Сююрташ. «в», «г», «е» – нумерация каменных блоков, слетевших со стены к востоку. Прерывистая линия – продолжение восточного фасада стены № 2, её видно под камнем «в»

Рис. 3. Смещение к северу большой каменной плиты в юго-западной части городища

Рис. 4. Поворот по часовой стрелке средней части южной стены башни византийского времени

толщине 0.5 м. При перемещении этой тяжелой плиты к северу между ней и соседней (южной) плитой образовалась «брешь» до 0.9 м. В эту расселину упали более мелкие каменные обломки древней постройки (камни забутовки – внутреннего слоя кладки стены?), ранее стоявшей на плите.

Важнейшим доказательством сейсмической природы повреждений являются **систематические развороты** вокруг вертикальной оси стен целиком, их частей или отдельных каменных блоков. Во многих местах нами наблюдались подобные развороты строительных конструкций по часовой стрелке для стен одной ориентировки и повороты против часовой стрелки в стенах перпендикулярного простирания. Подобные деформации возникают в случае, если сейсмические колебания направлены под углом к стенам обеих ориентировок.

Наиболее эффектным примером подобной деформации является поворот средней части южной стены солидной башнеобразной постройки византийского времени (VI в. н. э.) по часовой стрелке в западной части урочища Сююрташ (городище Золотое-Восточное в бухте, раскопки 1989–1990 гг.) (рис. 1 и 4). (Её географические координаты по GPS-приемнику N 45°27'14.9", E 36°06'23.0", h 23 м, точность определения координат ± 5 м.) Это сооружение стоит на скалистом мысу на известняковом основании, и сохранилось в высоту местами до 3 м. Башня сложена из больших (до 2-м в длину), почти не обработанных блоков-плит местного известняка, выломанных из материковых выходов, находившихся в нескольких десятках метрах к востоку, а также средних и небольших камней.

Длина повернутого фрагмента стены 3 м, высота – до 2 м. Простирание непо потревоженной части стены 67°, 65° (в среднем 66°), повернутый фрагмент – 85°, 80°, 80°

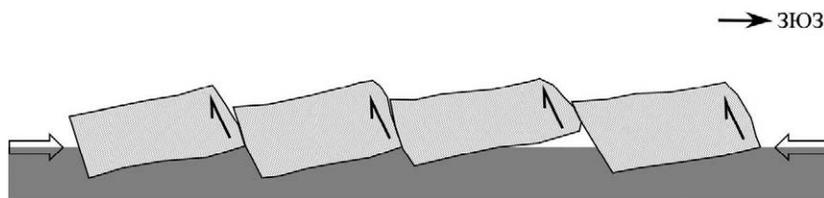

Рис. 5. Схематическая зарисовка систематически наклоненных каменных плит на раскопе 1989 г. Подобные систематические перекосы могут быть вызваны лишь латеральным сжатием

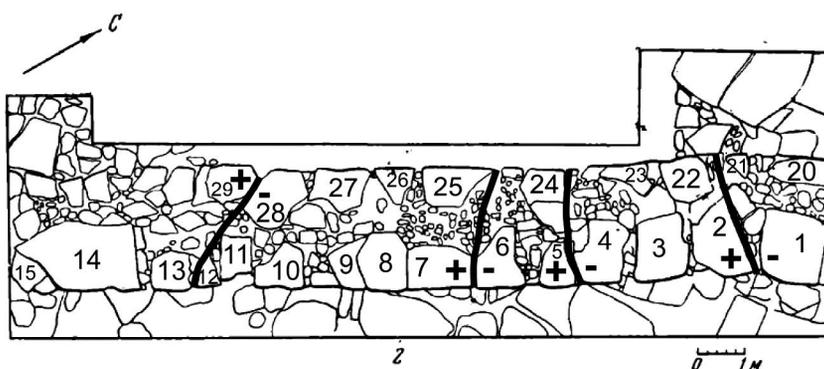

Рис. 6. Разрывы в стене № 2 (раскоп 1953 г.) обусловленные продольным сжатием. Каменные блоки произвольно оцифрованы нами для удобства дальнейшего описания наблюдаемой в них деформации. Толстые черные линии – сейсмогенные разрывы: + поднятое крыло, – опущенное

(в среднем 82°). Таким образом, угол поворота составил 16° по часовой стрелке. При этом в стене образовался разрыв, и она претерпела смещение к югу на 50 см.

Необычным типом деформаций, выявленным нами на городище Сююрташ, является **систематический перекосяк – наклон каменных плит в связи с их горизонтальным сжатием** (рис. 5). Плиты наклонились к ВСВ в виде клавиш по азимуту 20° . Каменные плиты имеют длину до 3 м, ширину до 2 м, а их толщина может достигать 0,8 м. «Воздымание» краев одной плиты над другой – до 25 см.

Похожий механизм, вызванный действием тангенциального сжатия в грунте, по-видимому, работает и в случае многочисленных **разрывов стены № 2** (раскопки 1953 г.)

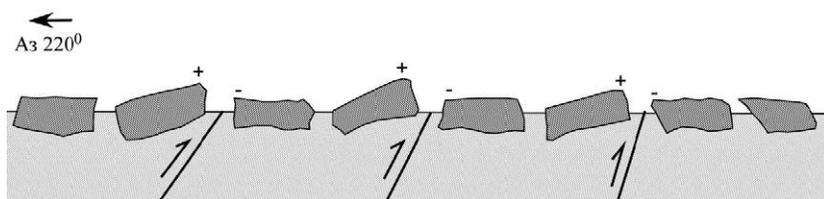

Рис. 7. Схематическая зарисовка систематических малоамплитудных разрывов в грунте (разрез), смещающих каменную кладку в стене № 2

Рис. 8. Первый (восточный) разрыв в стене № 2. «а» – вид на запад (стрелки показывают саму линию разрыва). «б» – вид на юг северного фаса стены (белая линия – показывает выход на поверхность плоскости разрыва). + поднятое крыло, – опущенное крыло. Цифры соответствуют нумерации на плане

(рис. 6). (Географические координаты её восточного окончания по GPS приемнику: N 45°27'19.4", E 36°06'45.6", h 27 м, точность определения координат ± 4 м.) Обследованная стена имеет азимут простираения 20° по восточному фасау. Строительная конструкция сохранилась до двух-трёх рядов кладки. Здесь, правда, не происходит торшение отдельных строительных блоков относительно друг – друга, а имеет место выход

на поверхность нескольких малоамплитудных разрывов, разрывающих и смещающих каменную кладку целиком вверх на первые десятки сантиметров (рис. 7).

В качестве примера приведем фотографии и описание первого (северного) разрыва в кладке стены № 2. Стена по разрыву смещается целиком на всю её ширину, то есть смещенными по разрыву оказываются как каменные блоки фаса, так и забутовочный материал (рис. 8). Величина смещения достигает 25 см. В целом азимут простирания этого разрыва 85°. Разрыв выглядит как косой скол к общему простиранию стены. В опущенном крыле разрыва малые камни забутовки «расшвелены», наклонены.

Каменный блок 21 из северного фаса стены, на который пришёлся разрыв, раздроблен, его обломки вылезли наружу на расстояние до 20 см – на запад, в целом по азимуту 285°. Эти обломки также наклонились в западном направлении под углом до 20°.

Получил повреждение и соседний к северу камень 20 – в его нижней части образовался прямоугольный скол (рис. 8 б). Он также наклонился по азимуту 70° под углом 10°. Соседний к югу каменный блок 22 наклонился на ЮВ (по азимут 150°) под углом в 10°. Это камень разбит трещиной с простиранием 110° и развернулся вокруг вертикальной оси на 10° против часовой стрелки.

Ко всему прочему, во время древнего землетрясения верхняя часть стены № 2 обрушилась, а нижняя часть «расселась»; каменные блоки ее слагающие наклонились, выдвинулись, приподнялись, опустились и раздробились вследствие сильнейших сейсмических воздействий. Приведем описание деформаций лишь нескольких строительных блоков. Так, камень 2 в южном фаса оборонительной стены имеет **сопряженные сколы** в южной своей части (рис. 9). Эти сколы возникли из-за местной концентрации напряжений. Данный каменный блок имеет наклон по азимуту 165°, под углом 10°. В связи с этой интерференцией сейсмических волн нижерасположенный каменный блок выбило наружу (к югу) на расстояние до 60 см и раскололо на несколько мелких частей.

Камень 5 в этой же стене № 2 в связи сейсмическими колебаниями, направленными приблизительно параллельно простиранию стены (20°), был выбит кверху и наклонился

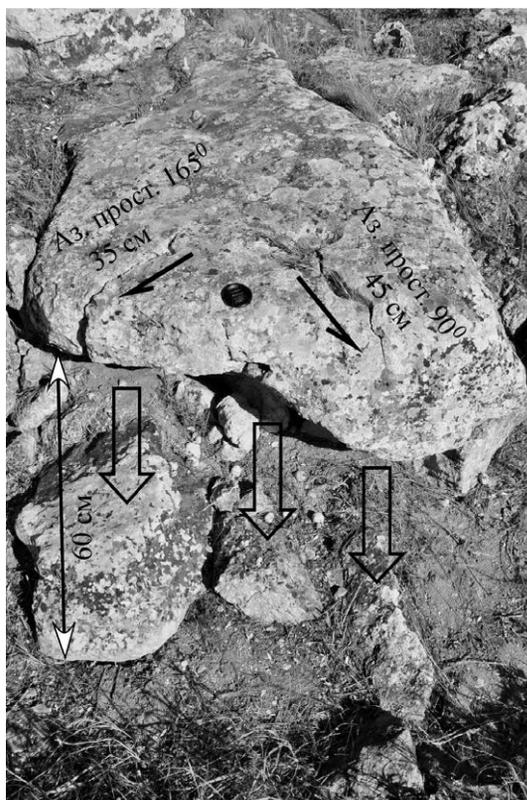

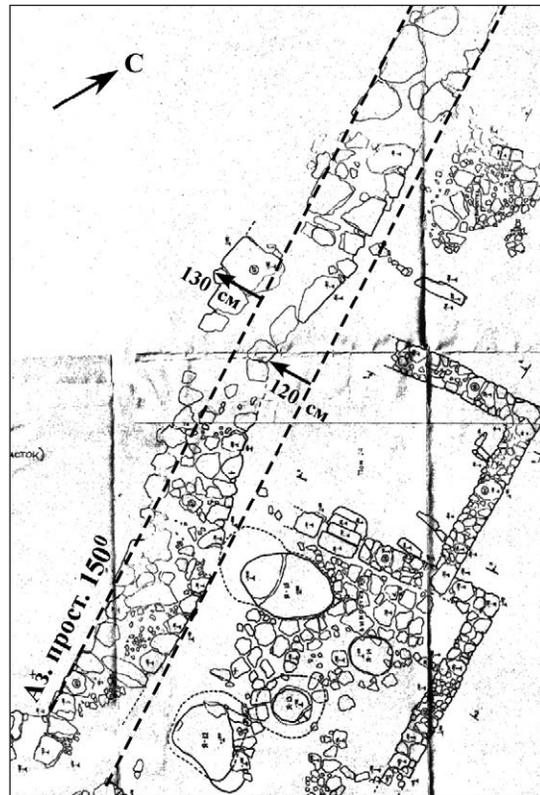
Рис. 9. Сопряженные сколы на камне 2 в стене № 2 (раскоп 1953 г.). Они образовались вследствие концентрации здесь сейсмических напряжений. Этот же процесс привел к тому, что нижерасположенный каменный блок выдвинулся к югу и раскрошился на несколько частей

Рис. 10. Выбивание вверх, наклон к югу и разворот против часовой стрелки каменного блока 5 в южном фасае стены № 2 (на нем расположена измерительная рулетка). Соседний к западу камень 6 наклонился на восток и раскололся. Его западная отколотая часть немного просела вниз, образовав небольшие pull-apart'ы – крошечные аналоги Мертвого моря или Галилейского озера

по азимуту 155° (ЮЮВ) под углом в 16° (рис. 10). Одновременно произошел поворот этого каменного блока на 10° против часовой стрелки. При этом он выдвинулся к ЮВ на 15 см по азимуту 130° . Эти же сейсмические напряжения раскололи соседний камень 6 вдоль трещины с простиранием 115° . Он наклонился на ВЮВ по азимуту 115° под углом 10° .

Стена, раскопанная в 1989–1992 гг. [Масленников, 1998, с. 90–100] в юго-западной части городища Сююрташ, **имеет изогнутое в плане простирание** (рис. 11 а, б). При её общем простирании 150° центральная часть стены сильно выгнута к ЮЮЗ, в целом по азимуту 240° . Стена сохранилась на высоту до четырёх рядов каменной кладки. Раскопанная длина стены 4 м, средняя остаточная высота 0.5 м. Кроме камней, сохранившихся в кладке, большое количество их лежит к западу от самой строительной конструкции. В то же время лишь небольшое число камней находилось к востоку от описываемой стены. Важно отметить, что стены перпендикулярной ориентировки в строительном комплексе, расположенном к востоку от описываемой стены, не имеют систематической картины повреждений. Подобные изгибы стен в плане наблюдались нами и ранее, например, на поселении Полянка [Масленников и др., 2017]. Эти деформации обусловлены максимальной свободой колебаний в центральной части длинной стены, в то время как её концы, прикрепленные к смежным – перпендикулярным стенам, практически не колеблются в перпендикулярном направлении. Кроме смещения каменных блоков стены, как единой каменной кладки, мы отмечали систематические

а

б

Рис. 11. Значительный изгиб на плане стены ЮВ простирания в СЗ направлении. Сильные сейсмические воздействия привели к максимальному изгибу стены в центральной части, где имела место максимальная свобода колебаний. «а» – план, «б» – фотография стены, вид на СЗ. Прерывистые линии – первоначальное положение фасов стены. Черные линии со стрелкой указывают направление смещения строительной конструкции

наклоны каменных блоков (под углом 20–30°) в том же СЗ направлении (рис. 12), а также их развороты вокруг вертикальной оси.

Чрезвычайно важен, интересен и сложен вопрос о числе и возрасте землетрясений, вызвавших упомянутые «аномалии» на данном памятнике археологии. В начале своих изысканий на Сююрташе мы предполагали, что огромные каменные плиты, подстилающие большинство построек на раскопе «Западный», находятся как бы *in situ*. Однако дальнейшие работы на раскопе «Восточном» показали, что они частично выламывались древними строителями поблизости и перемещались на расстоянии до нескольких сотен метров. Стыки плит отесывали для подгонки краев друг к другу. Перед укладкой плит неровности участка засыпались грунтом и закладывались камнями разного размера (рис. 13). Вместе с тем, в прибрежном обрыве можно наблюдать, что коренное основание городища сложено другими породами – массивными мшанковыми известняками.

Укладка этих громадных плит повсеместно имела место на начальном этапе строительства, особенно при сооружении мощной оборонительной стены городища. Но вернёмся к вопросу о землетрясениях. Результаты исследований сейсмических деформаций в строительных комплексах Пантикапея и Нимфея позволили ещё довольно давно В.П. Толстикову [1999, с. 72–75] предположить, что некая сейсмодкатастрофа могла случиться в районе боспорской столицы примерно во 2-й четверти III в. до н.э. В 2017 г. во время раскопок были получены свидетельства сильного землетрясения на поселении «Госпиталь», располагавшегося фактически на территории современной Керчи. Здесь была раскопана землянка с каменной обкладкой стен, которая одновременно обрушилась внутрь, завалив человека и корову. Датировка этого объекта: конец IV – первая треть III вв. до н.э. [Рукавишникова и др., 2018, с. 302–309]. На рассматриваемом городище ярким проявлением, возможно, этого же сейсмического события является образование флексурного «изогнутия» в «вымостке» плит на раскопе «Восточный» (рис. 14). Простирание оси флексуры по азимуту ~65°, наклон плит к ССЗ под средним углом 20°. Это же древнее землетрясение, вероятно, ответственно за образование многочисленных протяженных прогибов и грабенов в других вымостках, раскопанных в западной и восточной

Рис. 12. Значительные систематические наклоны каменных блоков стены ЮВ простирания на раскопе 1989–1992 г. в ЮЗ направлении. Северное окончание стены, вид на ЮЗ

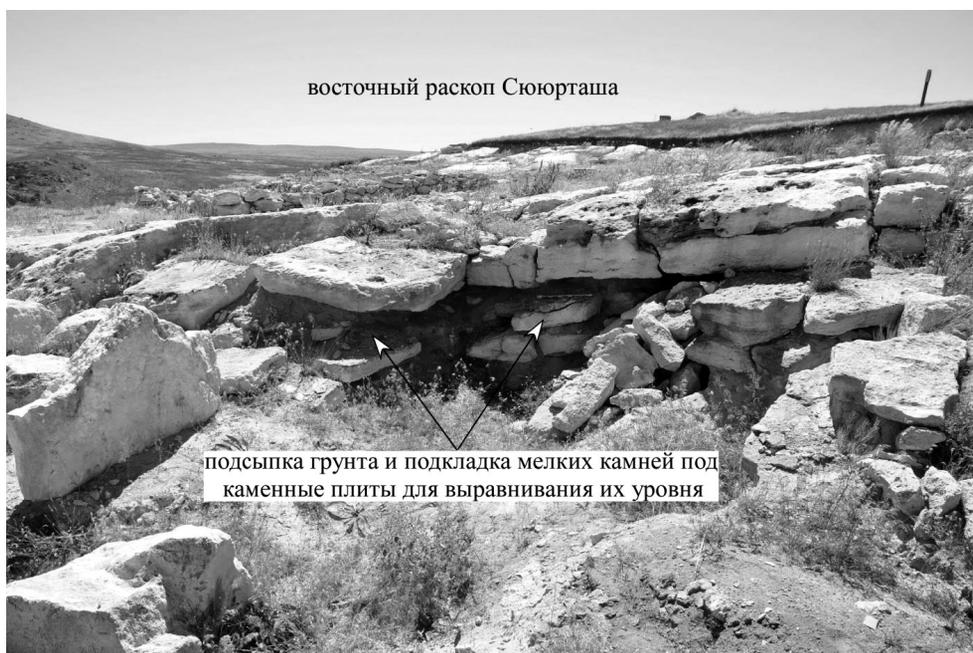

Рис. 13. «Восточный» раскоп на городище Сююрташ. Вид на ЮВ. Под большими каменными плитами виден насыпной грунт и мелкие камни, использовавшиеся для выравнивания участка

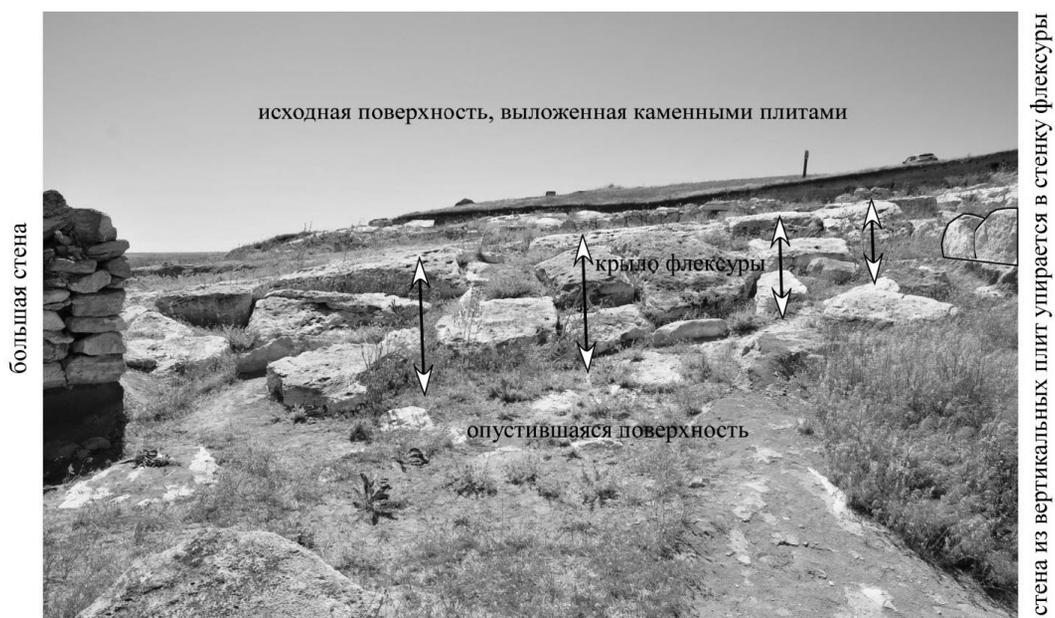

Рис. 14. Участок раскопа «Восточный». В «вымостке» каменных плит образовалась флексура, вдоль которой (в 3-м веке до н. э.?) было опущено мористое крыло. Большая стена и стена из вертикальных плит были построены позже сейсмического события: они встроены в образовавшийся уступ

Рис. 15. Западный фас стены 2 «Большой стены» на раскопе «Восточный»

частях памятника. Встаёт вопрос: когда произошел этот общий наклон плит вымосток к морю, особенно заметный на «Восточном» раскопе? Ведь маловероятно, чтобы древние строители укладывали каменные плиты с таким общим неровным уклоном.

Тем не менее, после этого землетрясения обитатели поселения не покинули его, а попытались восстановить разрушенное. Они **встраивали** новые строительные конструкции в уже существовавший сейсмогенный рельеф. Так, например, стена № 12 раскопа «Восточный» [Супренков, 2014, с. 381] с азимутом простираения 135° в своем южном окончании доходит до крыла флексуры и упирается в него (рис. 14). Однако природная стихия не оставила местных жителей в покое. Новые сейсмотолчки дали о себе знать уже сравнительно скоро. В результате северная часть описываемой стены уцелела внизу, но вертикальные плиты заметно наклонились на восток под углом 80° . Обновление флексуры, по всей видимости, произошло и при этом землетрясении. На это указывает резкий перепад основания «Большой стены» примерно на 40 см именно там, где эта стена пересекается флексурой (рис. 15). Над смыкающим крылом флексуры кладка нарушена, а камни рассечены короткими сколовыми трещинами. Но люди вновь пытались наладить жизнь, восстановив разрушенные строения. Правда качество этих построек было невысокое: для возведения стен использовались лишь мелкие обломки каменных блоков (рис. 16, 17). Жилища как бы встраивались в уже существующий рельеф, не выравнивая его. Однако и эти постройки были, по-видимому, разрушены еще одним землетрясением (рис. 18), после чего городище было покинуто окончательно, разрушаясь

Рис. 16. Три этапа строительства на Сююрташе: 1-й – большие плоские плиты, использовавшиеся для вымостки, 2-й – остатки стены из вертикальных каменных блоков, 3-й – остатки стены, сложенной из мелких камней поверх остатков старой стены

Рис. 17. Двухсторонний субмеридиональный грабен, образовавшийся в вымостке из каменных плит на раскопе «Восточный». По правую руку человека видно встраивание стены из мелких камней без выравнивания в уже существовавший грабен

Рис. 18. ЮЗ часть раскопа «Восточный». Остатки строений 3-й фазы строительства низкого качества. Эти постройки были также повреждены при сильном землетрясении: дальняя стена разорвана и смещена разрывом (левый сдвиг), ближайшая стена получила сильный изгиб (в плане) на север до 15 см, её верхняя часть наклонилась к югу под углом 74°

уже от последующих катаклизмов, в том числе и рассматриваемого характера. Предложенная только что историко-сейсмическая «реконструкция», естественно, далеко не бесспорна. По крайней мере, три сильнейших землетрясения (см. ниже) только менее чем за двухвековой период существования поселения – частота довольно-таки настораживающая... Но продолжим наш «экскурс» по урочищу и обратимся к массивной башне соседнего позднеантичного поселения (объект № 2 на рис. 1). Её строительство датируется второй четвертью VI в. н. э., а гибель – рубежом третьей-четвертой четвертей того же века [Масленников, 1998, с. 264]. Выше уже отмечалось, что она имеет серьезные деформации стен, в частности, разворот участка стены на всю её высоту по часовой

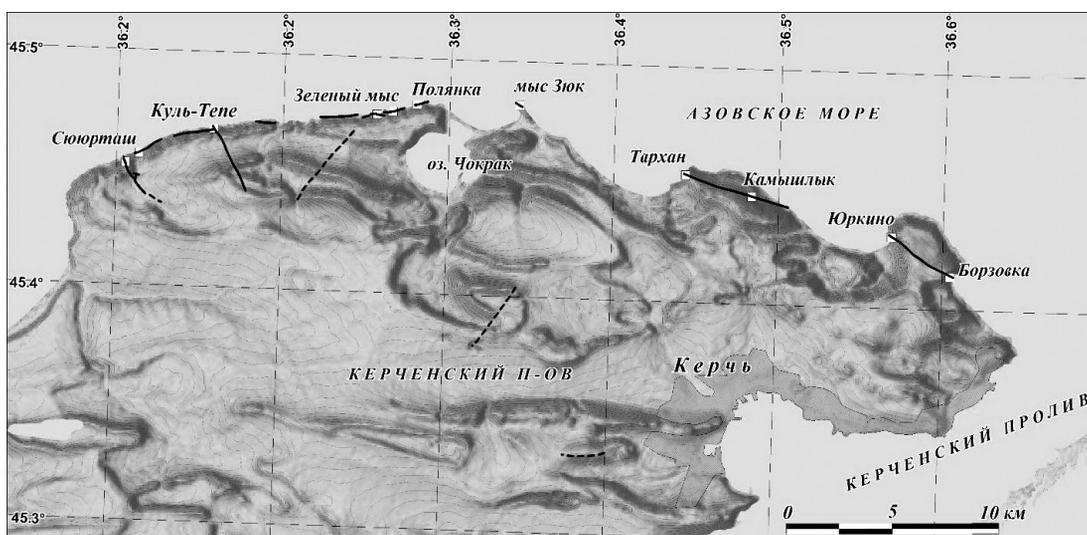

Рис. 19. Схема изученности Южно-Азовского разлома методами палеосейсмогеологии. Квадратами показаны места детального исследования разрезов с тектоническими смещениями молодых отложений. Сплошные линии – активные разломы с изученными следами сеймотектонических подвижек прошлого; пунктирные – предполагаемые по структурно-геоморфологическим данным

стрелке (рис. 4), выпадение ЮЗ угла и «выкалывание» по двум сопряженным плоскостям и выдвигание на восток ещё одного участка восточной стены. Таким образом, мы фиксируем следы ещё одного очень сильного землетрясения, по крайней мере, раннего средневековья, но, может быть, и более позднего.

Рассмотренную картину разрушений дополняют результаты геологических обследований окрестностей данного памятника. Прежде всего, речь идет о приуроченности рассматриваемого района к зоне Южно-Азовского активного разлома, сейсмогенерирующая роль которого была установлена ещё в конце 1980-х гг., во время работ по оценке сейсмической опасности для строящейся Крымской АЭС [Геология..., 1992, с. 96–118; Никонов, 1994, с. 23–26]. А. А. Никонов [1994, с. 21] тогда пришел к выводу, что вдоль южного берега Азовского моря на дне обнаруживаются морфологические и геологические признаки продольного разрыва (разрывов) со смещением крыльев на 25–50 м за послекарангатское время, т. е. не более чем за 100 тыс. лет, в том числе, по-видимому, и в конце позднего плейстоцена, в период накопления континентальных лёссов послекарангатского времени. В те же годы, на суше, в районе мыса Тархан был изучен прямолинейный ров, предположительно ассоциируемый с сеймотектоническим образованием [Клюкин, 1995, с. 113–114; Борисенко и др., 1999, с. 115–116]. Позже голоценовые сеймотектонические разрывы были обнаружены в нескольких местах на Азовском побережье Таманского и Керченского п-овов (частично опубликовано: [Масленников и др. 2017, с. 280–289; Овсяченко и др., 2015, с. 33–54; Овсяченко и др., 2017, с. 89–90; Овсяченко и др., 2019], там же описаны и методические особенности исследований). Таким образом, было установлено, что зона разлома следует вдоль Азовского побережья Керченского и Таманского полуостровов и кое-где выходит на сушу (рис. 19).

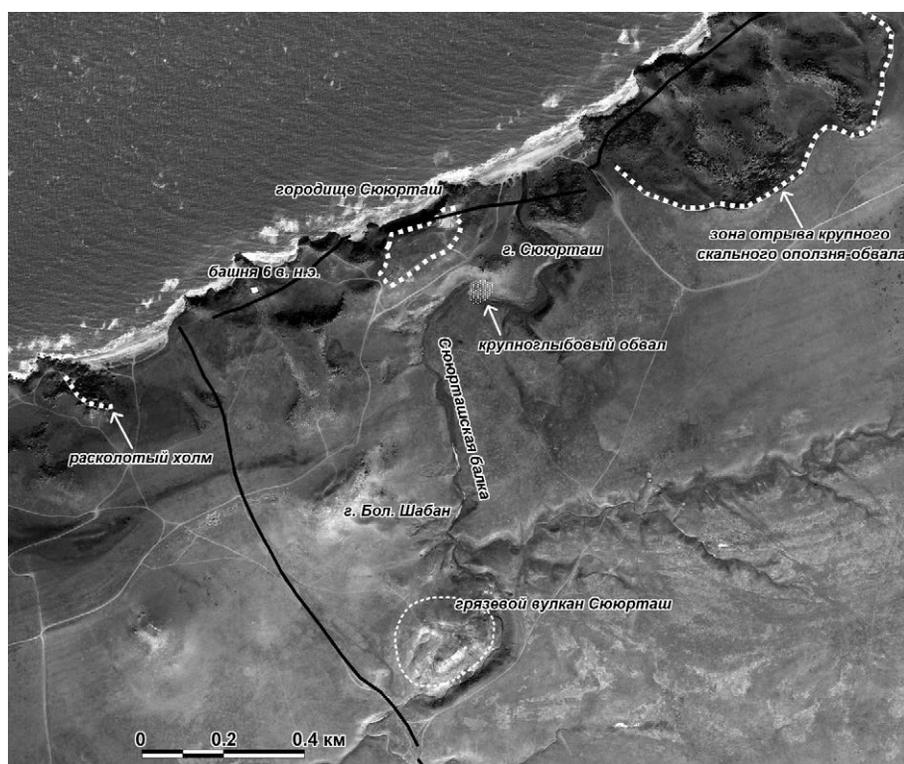

Рис. 20. Общая схема района городища Сююрташ на основе космоснимка (<http://ecn.t0.tiles.virtualearth.net/tiles/a>). Черные линии – сегменты Южно-Азовского активного разлома

Не является исключением и район урочища Сююрташ (рис. 20, 21). Сейсмотектонические нарушения здесь прослежены вдоль берега моря через «Восточный» раскоп поселения, где, как уже отмечалось, можно наблюдать флексурный изгиб, прогибы и грабены в вымостке из плит. Но вернёмся к окрестностям.

В целом, рельеф вблизи городища отличается большим разнообразием. Территория памятника и окружающие его холмы сложены известняками мшанковых рифов мэотического яруса, вытянутыми цепочкой вдоль берега моря. Пространство между рифами «выполнено» слоистыми известняками-ракушечниками и сцементированными глинами (аргиллитами). Ниже залегают сцементированные пылеватые и глинистые отложения (алевролиты и аргиллиты) сарматского яруса. Подошва мэотического яруса испытывает пологое (5–10°) падение в северном направлении, образуя северное крыло крупной Караларской антиклинальной складки, ось которой расположена в 1,2–1,5 км южнее и вытянута в северо-восточном направлении. На возвышенных прибрежных пространствах прочные рифовые «постройки» отпрепарированы плоскостным смывом и выражены в виде крутых известняковых холмов. Как правило, рифовые известняки выступают в море мысами, а в податливых к размыву межрифовых отложениях или оползневых телах волны выработали бухты с песчано-ракушечными пляжами.

Рис. 21. Общая схема района городища Сююрташ на основе космоснимка (<http://sat01.maps.yandex.net/tiles?l=sat&x=>). Между стрелками – выраженные в рельефе разрывы субширотного простирания в зоне Южно-Азовского активного разлома

Примерно в 700 м к югу от городища расположен грязевой вулкан Сююрташ. В настоящее время он демонстрирует вялый режим деятельности. Здесь наблюдаются три грифона, выделяющие жидкую грязь, солёную воду и сероводород. Однако вулканическая сопка диаметром порядка 150 м окаймлена кольцевым рвом, в который вложена позднеголоценовая кальдера взрыва. Древние, сильно размытые и заросшие грязевые потоки распространены на расстояние до 100 м от очага взрывного извержения, которое произошло в древности.

В высоком прибрежном обрыве под городищем обнажены массивные мшанковые известняки. У «Восточного» раскопа они нарушены зоной извилистых разрывов без существенной вертикальной компоненты смещений (рис. 21, 22). Разрывами рассечена ниша, расположенная в верхней части скального обрыва. Ниже разлом проявлен рвом, вдоль которого наблюдается правостороннее горизонтальное смещение прибрежного обрыва и серии узких морских террас примерно на 3 м. В результате горизонтального смещения площадка нижней террасы к западу от разлома оказалась выдвинута в волно-прибойную зону, где происходит размыв её аккумулятивного чехла. К востоку от разлома площадки террас перекрыты обвально-осыпным шлейфом и отвалами с «Восточного» раскопа, т. е. оказались выведены из волно-прибойной зоны в результате горизонтального смещения. Этот разлом прослеживается на раскоп, где представлен описанным выше валообразным изгибом (флексурой) вымостки и «Большой стены».

Рис. 22. Сейсмотектонический разрыв в прибрежном обрыве в районе «Восточного» раскопа городища Сююрташ (положение см. на рис. 21)

К западу от городища большой интерес вызывает ров субмеридионального (ССЗ) простирания, вдоль которого отмечено горизонтальное смещение уступов, по-видимому, сельскохозяйственной террасы (рис. 23, 24). Уступы разделяют две основные площадки террас и, вероятнее всего, в древности представляли собой подпорные стенки, вписанные в уже существовавший рельеф террасированного морского побережья. Верхняя терраса – это выровненная площадка на водораздельной поверхности вытянутого холма. С южной и северной сторон она ограничена протяженными уступами высотой до 6 м. Площадка и уступы террасы рассечены рвом и смещены в горизонтальном направлении на 4–5 м. Ров наиболее ярко выражен на поверхности высокой террасы, где имеет глубину до 3 м. На площадке низкой террасы он выражен уже не так ярко. Однако и здесь прослеживается линейное понижение той же ориентировки глубиной не более 1, м. Возможно, ров является искусственным или подработан человеком, но отсутствуют отвалы. У выхода рва на площадку нижней террасы отложился конус выноса видимой мощностью до 2 м. Конус сложен суглинистыми наносами – продуктом вымывания дождями из рва. Отложение конуса говорит о резком появлении рва в древности, после чего началось заглаживание рельефа поверхностными процессами. Конус перекрыл ров на нижней террасе, однако, далее, в сторону моря, прослеживается упомянутое линейное понижение той же ориентировки. В итоге можно предположить, что ров представляет собой сейсмотектонический разрыв, который рассёк и сместил уступы террас в горизонтальном направлении на 4–5 м.

Для проверки этого, в бровке высокого прибрежного уступа была пройдена траншея, в которой изучено строение линейного понижения (рва) на окончании низкой террасы (рис. 25). Вскрытый разрез представлен глинисто-алевритистыми, неогеновыми

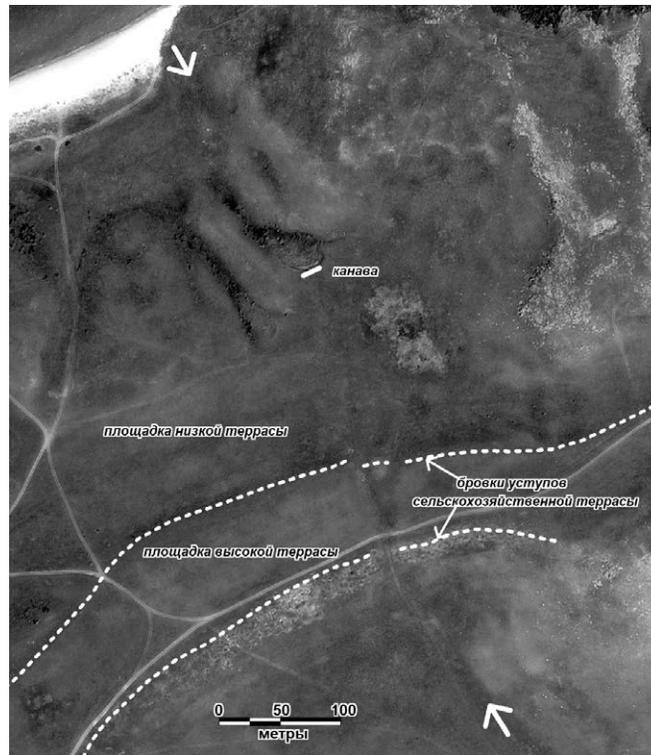

Рис. 23. Общая схема района к западу от городища Сююрташ на основе космоснимка (<http://sat01.maps.yandex.net/tiles?l=sat&x=>). Между стрелками – сегмент Южно-Азовского активного разлома субмеридионального (СС3) простираения

Рис. 24. Ров субмеридионального (СС3) простираения, на поверхности высокой сельскохозяйственной (?) террасы. Вид на запад

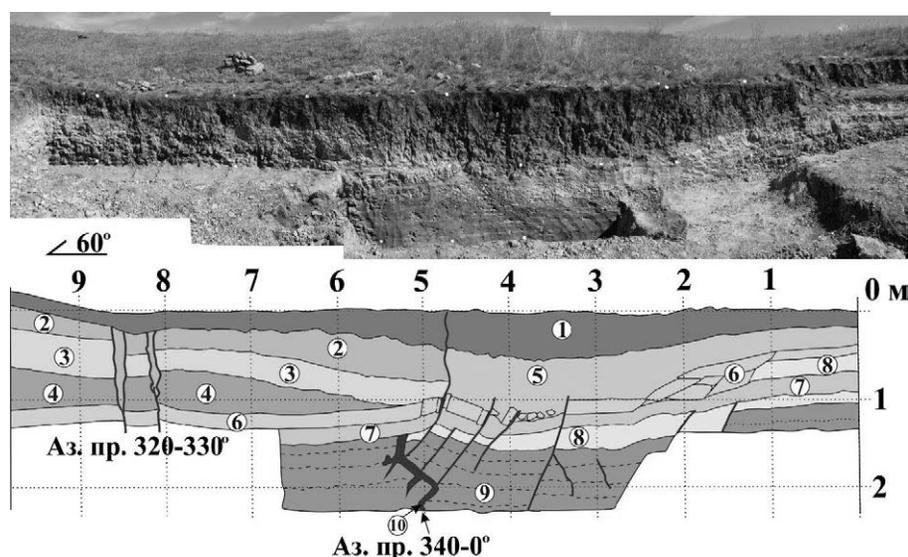

Рис. 25. Фото и зарисовка борта траншеи к западу от городища Сююрташ. Сегмент Южно-Азовского активного разлома субмеридионального (ССЗ) простирания, смещающий сельскохозяйственную (?) террасу.

1 – современный гумусовый горизонт чернозёма; 2 – осветлённый алевритистый чернозём; 3 – белёсые, светло-серые, выветрелые алевролиты, неслоистые, известковистые, с налетами гипса (иллювиальный горизонт почвенного профиля); 4 – светло-серые, мягкие, тонкослоистые, глинистые алевролиты (коренные породы – сарматский ярус позднего миоцена); 5 – бурозем (культурный слой с обломками красноглиняной и лепной посуды); 6 – крупнокристаллический, прочный гипс с линзами и включениями черной илистой глины (коренные породы – сарматский ярус позднего миоцена); 7 – бурые, рыхлые пески с линзой гипса в западной части разреза; 8 – светло-серые, тонкослоистые алевролиты с рассеянным мелкокристаллическим гипсом и известью; 9 – серые, мягкие, тонкослоистые, глинистые алевролиты с тонкими прослоями светло-серых песков и налетами гипса по трещинам; 10 – пластичная, влажная глинка трения, отдельные линии – разрывы

(поздний миоцен) слоями и позднеголоценовым почвенным покровом. И те, и другие – нарушены тектоническими разрывами. Самой примечательной особенностью разреза является слой необычайно прочного гипса толщиной до 25 см, отложившегося в поднемиоценовой мелководной лагуне (слой 6 на зарисовке). Слой гипса подстилается рыхлыми бурыми песками толщиной до 20 см (слой 7). Неогеновые слои испытывают очень пологое (5–8°) падение в северном направлении.

Основной разрыв (в центре канавы) в позднемиоценовых алевролитах выполнен пластичной, влажной глиной трения толщиной до 20 см и имеет зигзагообразную форму с элементами эшелонированного строения. По всей видимости, эта глина внедрилась снизу вдоль разрыва, представляя собой локальный вариант внутриразломного диапиризма (пластичного внедрения). По отдельным мелким разрывам в глинистых алевролитах наблюдаются незначительные вертикальные смещения, формирующие «структуру домино» с разворотом межразрывных блоков. В рыхлом песчаном слое (№ 7 на зарисовке) смещения рассеяны в виде изгибов и межзернового проскальзывания,

однако разрывы появляются и выше, в слое прочного гипса. Отдельные гипсовые блоки в результате разворота оказались вдавлены своим западным краем в кровлю бурых песков. Повороты по часовой стрелке вдоль оси в горизонтальной плоскости захватывают по несколько слоев разреза. Такая структура в разрезе фиксирует механизм продольного растяжения (удлинения) в разломной зоне за счет однонаправленного поворота системы ломтевидных блоков и объясняет формирование на поверхности линейного тектонического понижения (рва). Возможно, разломная зона имеет подобную структуру и в плане, отражая сдвиг в горизонтальной плоскости по всей разломной зоне. Вклад горизонтальной компоненты смещения отражает угол наклона борозд скольжения к горизонту – 20–25°.

О преобладании горизонтальной компоненты смещений также свидетельствует соприкосновение по разрывам разных фациальных разностей одних и тех же слоёв, включая слои позднеголоценового почвенного профиля. Вдоль центрального разрыва намечается вертикальная граница между осветлённым гумусовым горизонтом чернозёма (слой 2), иллювиальным горизонтом чернозёма (3), белёсыми, выветрелыми алевролитами (слой 4) и бурым гумусовым горизонтом с античной керамикой – обломками красноглиняной и лепной посуды (культурный слой 5). Слой 5, по всей видимости, фиксирует собой участок ровной сельскохозяйственной террасы с относительно мощным гумусовым горизонтом и следами жизнедеятельности человека. Кроме фрагментов посуды в нём встречены многочисленные обломки мезоценовых известняков с почвенным загаром, слагающих окружающие террасу холмы. В настоящее время этот слой расположен в чуждых геоморфологических условиях – на склоне прибрежного уступа. Он резко контактирует с почвенным профилем (слои 2, 3), сформировавшимся в склоновых условиях, за пределами древних сельскохозяйственных угодий. Можно полагать, что такое неестественное соприкосновение является следствием выдвигания участка ровной сельскохозяйственной террасы в северном направлении вдоль тектонического разрыва, в результате смещения в горизонтальном направлении на несколько метров. Выдвижение западного крыла разрыва в том же направлении соответствует морфологии смещения уступа террасы – правосторонний сдвиг.

В восточной части траншеи вскрыты два разветвляющихся кверху разрыва, между которыми слой прочного гипса опущен на 10–15 см. По всей видимости, на глубине разрывы объединяются, образуя расходящуюся вверх структуру «цветка», характерную для сдвигов. К востоку от разрывов резко уменьшается толщина осветлённого чернозёма (слой 2), но увеличивается толщина иллювиального горизонта (3), тем самым мощность почвенного профиля существенно не меняется. Видимо, величина горизонтального смещения здесь заметно уступает основному разрыву в центре канавы.

Перечисленные признаки определённо указывают на тектоническую природу рва, вдоль которого наблюдается смещение уступа террасы, а вовлечение в деформацию культурного слоя с античной керамикой – на возраст смещения. После деформации произошло образование современного чернозёма средней толщиной 35 см. Он перекрыл все смещённые слои почвенного профиля и не испытал значительных деформаций. Используя показатели зависимости мощности гумусового горизонта почв от их возраста, полученные с использованием хронологических данных на надёжно

Рис. 26. Крупный оползень-обвал к востоку от Сююрташской балки и городища Золотое-Восточное (бровка стенки отрыва показана стрелкой). Вид на восток

датированных археологических объектах [Лисецкий и др., 2017, с. 82], для обычных условий Керченского п-ова получаем время формирования гумусового горизонта такой мощности: 1800–2000 лет. Эти цифры, естественно, в какой-то мере условны, однако в совокупности с другими материалами и наблюдениями, они свидетельствуют, что сейсмо-подвижка произошла около 2000 лет назад и представляла собой результат выхода очага сильного землетрясения на поверхность.

Следы сильных землетрясений сохранились также в виде т.н. вторичных нарушений. Наиболее ярко они проявлены в скальных известняковых массивах в форме специфических оползней и обвалов, имеющих признаки аномального перемещения, встряхивания, выброса или отличающиеся колоссальными размерами и захватом в смещения значительных водораздельных пространств (рис. 26). Надо сказать, что в рассматриваемом районе все скальные массивы оказались в той или иной степени поражены этими вторичными эффектами. Самые крупные из них «развиты» вдоль берега моря, где имеются наиболее благоприятные условия – крутые склоны и подрезка основания высокого прибрежного уступа волно-прибойной деятельностью.

Крутые склоны, но без активной эрозии, имеются и в долине Сююрташской балки. Наиболее примечателен здесь крупноглыбовый обвал, сошедший с юго-западного склона скалы Сююрташ (рис. 27). Он отличается аномально большим объёмом, размерами глыб, величиной отброса в горизонтальной плоскости и его направлением. Обвал

Рис. 27. Крупноглыбовый обвал на юго-западном склоне скалы Сююрташ.
Вид на северо-восток

отброшен на юго-запад, тогда как остальные, не менее крутые склоны горы покрыты единичными глыбами. Крупнейшая глыба в результате удара раскололась пополам. Обвал произошел в глубокой древности, после чего здесь была сооружена плотина, впоследствии размываясь дождевыми паводками.

К западу от городища Сююрташ можно наблюдать расколотый пополам скальный рифовый холм высотой 30–40 м (рис. 28). Он расколот дугообразной расселиной, которая на прилегающих, относительно пологих террасированных склонах, сложенных алевролитами сарматского яруса, выражена пологим рвом глубиной не более 1 м. Вдоль основной расселины глыбы размером 10×30 м отброшены в горизонтальном направлении на 8–10 м по азимуту 25–30°. Более мелкие глыбы (размером до 5×8 м) оказались перемещены на большее расстояние – до 50 м и перекрыли низкую приморскую террасу, что говорит о позднеголоценовом возрасте обвала (до 2000 лет).

Результаты этих геологических исследований позволяют сделать вывод о неоднократном выходе очага сильного землетрясения в районе городища и урочища Сююрташ. В отдельные эпизоды сейсмической активизации сеймотектонический разрыв (очаг) пересекал городище там, где оно вскрыто «Восточным» раскопом. Многочисленные мелкие разрывы со смещениями, наблюдаемые на строительных остатках городища, по всей видимости, образовались над оперяющими разрывами, возникавшими в широкой зоне выхода очага на поверхность. Зона Южно-Азовского разлома здесь имеет сложное строение и сопровождается сегментом поперечной (ССЗ) ориентировки, которые выражены смещением «сельскохозяйственной» террасы на 4–5 м в горизонтальном направлении. Следы сильных землетрясений сохранились также в виде вторичных нарушений, представляющих собой результат сейсмических колебаний. Ими поражены практически все поверхности с благоприятными геоморфологическими условиями.

Рис. 28. Расколотый пополам скальный рифовый холм (оползень-обвал) к западу от городища Сююрташ. Вид на запад

Таким образом, исследованные разрушения и повреждения на археологических памятниках в урочище Сююрташ однозначно свидетельствуют о произошедших здесь неоднократных сильных землетрясениях с выходом очага непосредственно на городище и в его окрестностях.

Первое «историческое» событие такого рода имело, по-видимому, место в первой половине (?) III в. до н. э. Его сила составила $I = 9-10$ баллов, что привело к практически полному уничтожению только что появившегося (?) поселения. Очаговая зона землетрясения залегала в непосредственной близости от него – вдоль Южно-Азовской сейсмогенерирующей зоны. Оперяющие разрывы землетрясения вышли на поверхность прямо на поселении (флексурная зона). Следы этого же или близких по времени землетрясений были отмечены нами к востоку от урочища Сююрташ, на поселениях Полянка и Мыс Зюк [Масленников и др., 2017; Овсяченко и др., 2019 и др.].

Вторая близкая по времени сейсмо-катастрофа, вероятно, состоялась некоторое время спустя, но не позднее рубежа II–I вв. до н. э. Третья – около середины I в. до н. э. (знаменитое землетрясение 63 г. до н. э.). Во время этих событий, например, была разрушена встроенная в существующий рельеф субмеридиональная стена № 12 на раскопе «Восточный», а её нижние части наклонились к востоку. Сильные деформации получила и «Большая стена» на том же раскопе. Сила землетрясения, по крайней мере в последнем случае, составила $I \geq 9$ баллов. Его эпицентральная область находилась неподалеку от поселения в СВ направлении. Следы этого/их землетрясения/ий также отмечены нами на поселениях к востоку от Сююрташа [Масленников, 2013, с. 251–252; Масленников и др., 2017, с. 265–294; Овсяченко и др., 2019].

Следующее сильное землетрясение (около середины III в. н. э.?) разрушило уже заброшенные постройки на рассматриваемом городище. Сила его составила $I \geq 8$ баллов. Очаг вновь располагался неподалеку от памятника (оперяющие разрывы вышли на поверхность на раскопе «Восточный») к северу от него (изгиб в плане к северу от субширотной стены).

Последнее землетрясение, которое нам удалось зафиксировать по данным археосейсмологии и «местной» археологии, это сейсмическое событие, сильно повредившее «византийскую» башню, которая погибла (?) на рубеже третьей-четвертой четвертей VI в. н. э. Сила землетрясения составила вновь $I \geq 9$ баллов. Следы его зафиксированы нами и на Мысе Зюк [Овсяченко и др., 2019]. Его эпицентр также находился неподалёку от описанного выше урочища и поселений. Возможно, оперяющий разрыв был в нескольких метрах к югу от южной стены башни, хотя по кинематическим индикаторам, выявленным нами в стенах этого сооружения, сильные сейсмические колебания – толчки распространялись с ЮВ.

Все эти материалы носят пока сугубо предварительный характер, так как для рассмотрения был привлечен относительно небольшой ряд сейсмических деформаций, описанных фактически только для одного памятника. Дальнейшие исследования, сравнения и анализ археологических материалов, а равно и продолжающиеся археологические раскопки неизбежно внесут свои коррективы.

Список литературы

Белик и др., 2016. Белик Ю.Л., А.М. Корженков, А.В. Куликов, А.С. Ларьков, А.Н. Ма-
раханов, А.Н. Овсяченко, Е.А. Рогожин. Сейсмогенные деформации в стенах позд-
несредневековой крепости Ени-Кале в Восточном Крыму // Вопросы инженерной
сейсмологии. Т. 43. № 2.

- Блаватский, 1977. Блаватский В.Д. Землетрясение 63 г. до н.э. на Керченском полуострове // Природа. № 8.
- Борисенко и др., 1999. Борисенко Л.С., Пустовитенко Б.Г., Дублянский В.Н., Вахрушев Б.А., Клюкин А.А., Ена А.В., Китин М.А. Сейсмодислокации и палеосейсмичность Крыма // Сейсмологический бюллетень Украины за 1997 год. Симферополь.
- Винокуров и др., 2015. Винокуров Н.И., Корженков А.М., Родкин М.В. К оценке сейсмической опасности района Керченского пролива по данным археосейсмологии // Вопросы инженерной сейсмологии. Т. 42. № 2.
- Геология..., 1992. Геология и геодинамика района Крымской АЭС / Отв. ред. Н.М. Гавриленко, А.В. Чекунов. Киев.
- Клюкин, 1995. Клюкин А.А. Сейсмодислокации Керченского полуострова // Сейсмологический бюллетень Украины за 1992 г. Симферополь.
- Корженков и др., 2016. Корженков А.М., Овсюченко А.Н., Ларьков А.С. Сейсмические деформации в древнем городе Илурате // Природа, № 10.
- Корженков и др., 2017. Корженков А.М., Ломакин Д.А., Овсюченко А.Н., Ларьков А.С., Мараханов А.В., Рогожин Е.А. О следах сильных позднесредневековых землетрясений в комплексе медресе – мечеть Узбека (г. Старый Крым) // Геофизические процессы и биосфера. Т. 16. № 3.
- Корженков и др., 2018а. Корженков А.М., Овсюченко А.Н., Ларьков А.С., Мараханов А.В., Рогожин Е.А. Сударев Н.И. Следы сильных землетрясений на Михайловском городище (Керченский полуостров, Крым) // ДБ. 22.
- Корженков и др., 2018б. Корженков А.М., Ларьков А.С., Овсюченко А.Н., Соколова О.Ю. Следы сильных землетрясений в руинах Боспорского города Нимфея // БИ. XXXVII. Керчь.
- Кругликова, 1957. Кругликова И.Т. Поселение Золотое Восточное // КСИИМК. 70.
- Лисецкий и др. 2017 Лисецкий Ф.Н., Маринина О.А., Буряк Ж.А. Геоархеологические исследования исторических ландшафтов Крыма. Воронеж.
- Масленников, 1998. Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. М.
- Масленников, 2013. Масленников А.А. О локальных геоморфологии, палеосейсмизме и археологии Крымского Приазовья или по следам древних землетрясений // ДБ. 17.
- Масленников, 2017. Масленников А.А. Нищета и мощь фортификации // Північне Причорномор'я за античності доби. На пошану С.Д. Крижицького Київ.
- Масленников и др. 2017. Масленников А.А., Овсюченко А.Н., Корженков А.М., Ларьков А.С., Мараханов А.В. Следы сильных землетрясений на городище Полянка и Южно-Азовский активный разлом // ДБ. 21.
- Никонов, 1994. Никонов А.А. Признаки молодой тектонической активности в зонах Южно-Азовского и Керченского разломов // Геотектоника. № 5.
- Овсюченко и др., 2015. Овсюченко А.Н., Шварев С.В., Ларьков А.С. Мараханов А.Н. Следы сильных землетрясений Керченско-Таманского региона по геологическим данным // Вопросы инженерной сейсмологии. Т. 42, № 3.
- Овсюченко и др., 2017. Овсюченко А.Н., Корженков А.М., Ларьков А.С., Мараханов А.В., Рогожин Е.А. Новые сведения об очагах сильных землетрясений в районе Керченского полуострова // Доклады АН. Т. 472, № 1.

- Овсюченко и др., 2019. Овсюченко А.Н., Корженков А.М., Масленников А.А., Вакарчук Р.Н., Ларьков А.С., Сысолин А.И. Следы и хронология сильных исторических землетрясений на мысе Зюк в Восточном Крыму // Физика Земли. 2019. № 4. (в печати)
- Рукавишникова и др., 2018. Рукавишникова И.В., Двуреченская Н.Д., Двуреченский О.В., Алексеев А.В., Федосеев Н.Ф. Поселение «Госпиталь» (Республика Крым, Ленинский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25. М.
- Супренков, 2014. Супренков А.А. Назначение и хронология построек северо-восточной части эллинистического городища Сююрташ в Крымском Приазовье (по результатам работ ВКАЭ в 2010–2013) // ДБ. 18.
- Толстикова, 1999. Толстикова В.П. К проблеме землетрясения III в. до н.э. на Боспоре (по материалам раскопок Пантикапея и Нимфея) // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. СПб.

Summary

**A. M. Korjenkov, A. A. Maslennikov, A. N. Ovsyuchenko,
A. S. Lar'kov, A. A. Suprenkov**
Seismic deformations in the Siuyurtash area, Azov Littoral zone

We have conducted a study of destructions and deformations in Syuyurtash archeological monument. They testify uniquely on strong earthquakes occurred here. Their seismic foci reached the surface directly in the monument and in its vicinity. First seismic event occurred apparently in IIIrd century BC. Its seismic intensity was $I = IX-X$ which led to practically complete destruction of the ancient settlement. Focus zone of the seismic event has been located in the direct vicinity from the settlement – along the southern Azov seismogenic zone. Fledging ruptures of the earthquake reach the surface directly in the ancient settlement – flexure zone. Second natural catastrophe is apparently well-known earthquake of 63 BC. For example, during this event there was destroyed a sub-longitudinal wall No. 12 in Eastern Trench embedded into existed relief. Wall's lower parts tilted eastward. Strong deformations got also the "Big Wall" in the same trench. Local seismic intensity was $I \geq 9$. Epicentral area of the earthquake locates near the settlement into NE direction. Traces of this earthquake were described by us in adjacent Polyanka and Mys Zyuk ancient settlements. Third earthquake (IIIrd century AD?) has destroyed last remain buildings of poor quality in the Syuyurtash settlement. Seismic intensity of this earthquake was $I \geq 8$. Its seismic focus locates near the ancient monument

(fledged ruptures reached the surface in the Eastern Trench) to the north of it (a lateral bend of sub-latitudinal wall). Last earthquake which we could record by archeoseismological data was a seismic event which significantly deformed the tower of Byzantine time. The tower has perished in a border between of third-fourth quarters of VI century AD. Local seismic intensity was $I \geq 9$. The traces of this earthquake were also described by us in Mys Zyuk monument. An epicenter of the fourth earthquakes was also near the building construction: it is possible that fledged rupture was in few meters southward from the southern wall of the tower. However by the kinematic indicators, which we revealed in the walls of the building, the strong oscillations – shocks propagates from SE. All obtained materials have a preliminary character because for the consideration we have involved a short number of the seismic deformations described by us in Syuyurtash. Our further investigations as well as continuing archeological excavations have possibly open new facts. Nevertheless obtained materials have to serve for new interpretation of civilization development in the eastern Crimea, as well as for seismic hazard assessment.

В. Д. Кузнецов
(Институт археологии РАН, г. Москва)

Древнейшая Фанагория: некоторые проблемы

Прежде всего я хотел бы поздравить своего коллегу и друга Алексея Завойкина с его юбилеем. Алексей очень много лет работает в Фанагории, которую он не просто любит – он ею живет и дышит. Его преданность этому великому памятнику не знает границ. Будучи полевым археологом самого высокого уровня, А. А. Завойкин полностью погружен в процесс раскопок, тонко чувствует землю, культурный слой. Если учесть при этом, что он является человеком в высшей степени знающим свое дело, ответственным и скрупулезным в работе, то становится очевидным, что речь идет о специалисте самого высокого уровня.

Фанагория – один из самых крупных древнегреческих городов на территории России. Она находится на берегу Таманского залива, в его юго-восточном углу. Город просуществовал примерно с середины VI в. до н. э. до конца IX в. н. э., когда он был захвачен неизвестными врагами. После этого разгрома жизнь едва теплилась на его развалинах в течение X и XI вв. Максимальная площадь, которую занимала Фанагория в период своего расцвета, не превышала 60–65 га. При этом к настоящему времени (начиная с первых веков н. э.) примерно треть древнего города затоплена водами морского залива. Как показывают подводные исследования, которые ведутся в Фанагории с 1999 г., к моменту прибытия греческих переселенцев, приморская часть будущего города также была затоплена. По всей видимости, море стало отступать в IV в. до н. э. Об этом свидетельствуют результаты раскопок в прибрежной полосе, которые показали наличие культурного слоя на материке, который датируется именно этим временем.

Общепринято мнение о том, что Фанагория была апойкией Теоса. Об этом сообщают некоторые древние писатели. Однако весьма важным обстоятельством, на которое невозможно не обратить внимания, является то, что два автора, Геродот и Страбон, когда рассказывают о выселение теосцев из родного города в Абдеру в результате персидской осады, ничего не говорят о Фанагории. В статье, посвященной метрополии Фанагории, я пришел к выводу, что апойкия на берегу Понта могла быть основана не из Теоса одновременно с Абдерой, а спустя короткий промежуток времени из Абдеры.

Этот вывод не противоречит сообщениям Евстафия¹, Псевдо-Арриана и Псевдо-Скимна² (GGM II, 549, p. 324.36–41 = Arr. Bith. fr. 55 (Roos); GGM I, 886–887, p. 232 = GGM I, 47, p. 412). По их данным Фанагория была основана выходцами из Теоса под предводительством Фанагора. Однако напомним, что Геродот (1. 168) называет жителей Абдеры его времени «теосцами в Абдере» (*ἄνθρωποι τῶν ἐν Ἀβδήροις*) [Herrmann, 1981, p. 29; Graham, 1992, p. 57]. Значит, и жители Фанагории вначале могли себя называть теосцами. Такие примеры, когда жители новой апойкии продолжали называть себя по имени своей прежней родины, известны [Graham, 1999, p. 103–105]³.

Осторожно к этому предположению подошел Д. Браунд. По его мнению, отсутствие в письменных источниках сведений об основании Фанагории из Абдеры является решающим аргументом в пользу традиционной точки зрения о том, что обе апойкии были выведены из Теоса, хотя и разным способом (*in very different ways*). Поскольку массовая миграция из Теоса пришлась на Абдеру, а также по причине географической близости между этими городами Геродот и Страбон могли ничего не говорить об основании Фанагории. Тем более, что Геродот очень мало интересовался Боспором [Braund, 2014, p. 55, 70].

Однако для принятия такой точки зрения мешает одно обстоятельство, на которое обращает внимание и сам Д. Браунд: каким образом в экстраординарных условиях осады персами Теоса, когда воины Гарпага уже поднялись на городские стены, жители смогли не просто отправиться во Фракию, но еще и выбрать ойкиста и группу переселенцев для отправки в крайне далекие земли на северном побережье Черного моря? Хорошо известно, что вывод апойкии под руководством ойкиста требовал осуществления определенных мероприятий, в том числе консультации у дельфийского оракула (подробнее см. [Leschhorn, 1984, S. 105–109; Malkin, 1987, p. 27 ff; 1989, p. 132 ff; 2011, p. 112–117; Dougherty, 1993, p. 15–27]). Представляется, что в такой тяжелый момент теосцы имели время только для того, чтобы погрузиться на корабли (*ἔσβάντες πάντες ἐς τὰ πλοῖα*)⁴ и уплыть в то место, которое им по каким-то причинам было уже хорошо известно – в Абдеру. Очевидно, что основать апойкию на северном побережье Черного моря можно было лишь спустя какое-то время, когда появилась возможность организовать вывод колонии в соответствии с установленными нормами. Причина же второго переселения теосцев, уже из Абдеры, могла состоять в тяжелом положении их во Фракии, где апойкам пришлось вести на протяжении многих лет войны с местными племенами (Pind. *Paе.* 2. 59–70) [Graham, 1991].

Современные исследователи, когда говорят о выводе апойкии в Абдеру, практически никогда не упоминают Фанагорию [Isaac, 1986, p. 80–81; Graham, 1992, p. 48; Rubinstein,

¹ Ὅτι ἐν τῷ τῆς Μαϊώτιδος νῆσος ἀπειρεσίῃ ἐστήρικται, ἣν καλοῦσι Ταυρικὴν, ἐν ἣ Φαιναγόρα καὶ Ἑρμῶνασσα, Ἰώνων ἀποικοὶ πόλεις, ὧν ἠγήσατο Φαιναγόρας τις καὶ Ἑρμῶν ἀφ' ὧν οἱ τόποι καλοῦνται. Ἀρριανὸς δὲ οὕτως ἡσι: «Φαιναγόρεια, ἣν ἔκτισε Φαιναγόρας ὁ Τῆιος, φεύγων τὴν τῶν Περσῶν ὕβριν...» (GGM II, 549, p. 324.36–41 = Arr. Bith. fr. 55. Ed. Roos).

² Εἴτ' ἔστιν Ἑρμῶνασσα Φαιναγόρεια τε, ἣν Τῆιος λέγουσιν οἰκίσαι ποτέ (GGM I, 886–887, p. 232 = GGM I, 47, p. 412). См. [Diller 1986, 102–117, 165; Скржинская, 1980, 115–125].

³ Например: οἱ δὲ Βορυσθενεῖται οὗτοι λέγουσι σφέας αὐτοὺς εἶναι Μιλησίους («эти борисфениты говорят, что они милетяне» – Hdt. 4. 78).

⁴ Hdt. 1. 168.

2004, p. 1101; ср.: Avram, Hind, Tsetschladze, 2004, p. 950–951]. Одним из немногих специалистов, который уделил этому вопросу внимание, является И. Малкин. По его мнению, Теос основал две апойкии – Абдеру и Фанагорию. Разница между ними состояла в следующем. Переселенцы в Абдеру прибыли в основанную ранее Клазоменами колонию и закономерно приняли ее прежнее имя. Колонисты оказывали *heroic time* ойкисту клазоменцев – Тимесию. Фанагор же, будучи ойкистом апойкии на побережье Черного моря, смог возвысить свою власть до такого уровня, что она получила свое название от его имени [Malkin, 1985, p. 122–123]⁵.

К моменту прибытия теосских переселенцев на Таманский полуостров здесь уже существовало какое-то количество греческих поселений. К настоящему времени большинство из них не подвергалось археологическим исследованиям. По этой причине нам остается неизвестным, насколько плотно полуостров был заселен в первой половине – середине VI в. до н. э. Периодически осуществляемые в разных частях полуострова раскопки обнаруживают поселения этого времени [Шелов, 1953, с. 160–161; Сорокина, 1957; Журавлев, Шлотцауер, 2011, с. 278–283, рис. 19–20]. Однако мы не знаем не только названий этих поселений, но часто и точного времени их основания.

Фанагор основал свой город между двумя уже существовавшими соседними апойкиями – Кепами и Гермонассой. Обе они находятся на берегу Таманского залива и основаны во второй четверти VI в. до н. э., т. е. на 20–25 лет раньше Фанагории [Кузнецов, 1991, с. 34]. Вопрос заключается в том, почему теосские переселенцы смогли основать свой город именно здесь, между милетской и митиленской колониями? Дело в том, что земли вокруг этих городов (расстояние между Кепами и Гермонассой составляет 27–28 км), скорее всего, уже были поделены между ними. Принимая во внимание наличие и других эллинских поселений на подходящем для основания города морском побережье, можно говорить о том, что к моменту появления теосцев много свободной земли на полуострове быть не могло. Значит ли это, что Фанагор со своими соратниками должен был отвоевывать территорию под новую апойкию? Д. Браунд справедливо полагает, что теосцы еще до отправления на северное побережье Понта должны были иметь информацию об этих далеких землях. По его мнению, перед основанием Фанагории теосцы уже каким-то образом присутствовали на Таманском полуострове. В частности, они могли участвовать в основании милетских апойкий, которые доминировали в регионе [Braund, 2014, p. 58 ff.]. Однако это не означает, что теосские переселенцы смогли легко и без проблем основать свою апойкию. В процессе раскопок в Кепе, которые находятся в пяти километрах от Фанагории, был зафиксирован сильный пожар, который, по всей видимости, уничтожил весь город [Кузнецов, 1992, с. 42–43]. Катастрофа датируется началом третьей четверти VI в. до н. э., т. е. совпадает по времени с основанием Фанагории. Утверждать, что город был сожжен теосскими переселенцами, стремившимися утвердиться на новом месте, было бы преждевременно. Однако географическая близость Кеп и Фанагории, а также совпадение дат пожара и появления новой апойкии может оказаться не случайным.

⁵ Такое понимание происхождения имени Фанагории было оспорено И. Е. Суриковым [Суриков, 2012, с. 440–469]. Он предлагает видеть в слове Phanagoras эпиклесу бога Аполлона. Однако эта точка зрения встретила возражения других специалистов [Charalampakis, 2013, p. 180–189; Кузнецов, 2016, с. 251–252].

В этой связи весьма важным представляется взаимоотношения между Теосом и ее апойкиями, т. е. между метрополией и ее колониями. Этому вопросу в научной литературе уделяется заметное внимание [Ehrhardt, 1983, S. 224–241; Graham, 1999; Gorman, 2002, 181–193; Greaves, 2010, p. 131–136; Alfen van, 2014, p. 631–652]. О тесных контактах Теоса с Абдерой нам хорошо известно как из письменных, так и нумизматических источников. П. Херрманн опубликовал и тщательно исследовал фрагментированную надпись, которая была найдена в Теосе (т. н. Teian Imprecation) [Herrmann, 1981, S. 1–30; Lewis, 1982, p. 71–72; ML 30]. Она показывает настолько близкую связь между двумя городами, что дала основание некоторым исследователям говорить об отсутствии самостоятельности у каждого из них. Действительно, в соответствии с документом у обоих полисов было одинаковое политическое устройство и религиозные институты [Loukoroulou, Parissaki, 2004, p. 306–307; Youni, 2007, p. 724–736; Alfen van, 2014, p. 638]. Монета, начало чеканки которой, возможно, было согласовано обоими городами [Крау, 1976, p. 35], имела одно и тоже изображение на лицевой стороне – грифона (у Теоса он повернут вправо, у Абдеры – влево) [May, 1966, p. 49 ff; Chrissanthaki-Nagle, 2007, p. 93 ff].

Может ли отсутствие каких-либо следов в источниках о таких же тесных связях между Фанагорией и Теосом, как у последней с Абдерой, быть доказательством того, что понтийская апойкия не имела контактов со своей метрополией? В данном случае неважно, была ли основана Фанагория Теосом или теосцами из Абдеры. Действительно, у нас нет никаких письменных документов на этот счет. Однако они могли не сохраниться. Что же касается археологических фактов, то они в данной ситуации не играют решающей роли. Ионийский экспорт в северный Понт не может служить аргументом в пользу каких-то особых связей между конкретными городами, поскольку он практически одинаков для всех городов. Речь может идти только о торговых связях в целом Ионии с северопонтийским регионом вообще. Например, расписная керамика категории *wild goat style*, распространенная в понтийских апойкиях в ранний период их существования, никак не может помочь в решении этого вопроса. То же касается и амфорной тары. В какой-то мере слабую надежду дает нумизматика. На некоторых типах так называемой «синдской» монеты имеется фигура сидящего грифона вправо, перед которым изображено зерно. Это очевидное заимствование с изображения на теосской монете. Сложный вопрос об эмитенте «синдской» монеты рассмотрен мною в другом месте [Кузнецов, 2016].

Мне представляется, что связи между Теосом и Абдерой и Теосом и Фанагорией носили разный характер. Если в первом случае речь практически идет о симполитии, как это следует из упомянутой выше надписи из Теоса, то во втором случае ни о каком тесном союзе речи быть не может. Мы можем говорить о двух совершенно разных способах основания апойкии. В результате экстраординарных обстоятельств все население (πάπιτες – Hdt. 1. 168) Теоса переселилось в Абдеру. Не случайно Абдера уже в архаическое время занимала значительную площадь (около 40 га) [Tuna, 2000, p. 121–123]. Спустя некоторое время произошел крайне редкий случай – эта апойкия реколонизовала свою метрополию [Huxley, 1984, p. 149–152; Graham, 1991, p. 176 ff]. Эти события не могли не сказаться на характере взаимоотношений между Теосом и Абдерой, выходящими

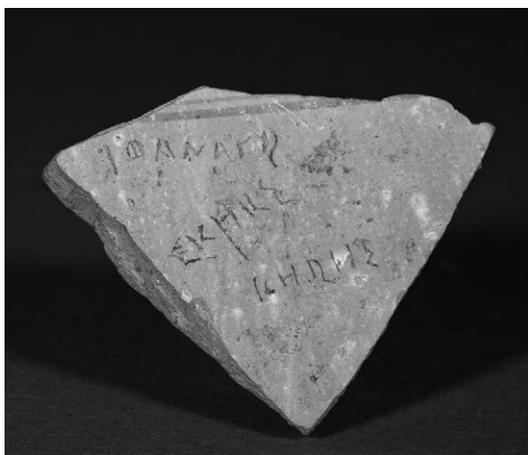

Рис. 1. Граффито на черепке хиосской амфоры с именем Фанагора

за рамки обычных связей между метрополией и апойкией [Alfen van, 2014, p. 632].

Другое дело Фанагория. Она была основана в соответствии с установившейся практикой вывода апойкией [Graham, 1999, p. 25 ff; Malkin, 2011, p. 23, 63]. Уже только по этой причине она должна была иметь многообразные связи с метрополией, прежде всего родственные и религиозные⁶, но на традиционном уровне. Это предполагает политическую независимость апойкии от метрополии. Одним из важнейших показателей такой независимости является культ ойкиста [Malkin, 1987, p. 134, 203; Jacquemin, 1993, p. 19–27].

В связи с этим важно отметить очень важную находку, сделанную в Фанагории во время раскопок в самом центре архаического города. Здесь было найдено граффито с именем Фанагора, которое может свидетельствовать не только о культе ойкиста, но и о месте его почитания (рис. 1). Интерпретация этого документа сопряжена с определенными сложностями. Предложенные исследователями варианты его понимания требуют, с моей точки зрения, существенной корректировки [Завойкина, 2018, с. 292–299; Шелов–Коведяев, 2018, с. 98–100; Сапрыкин, 2019⁷].

Особенно это касается второй строки, интерпретация которой до сих пор остается крайне спорной. В любом случае мне трудно согласиться с тем, что в тексте видят запись о денежных приношениях. Однако не вызывает никаких сомнений прочтение первой строки, в которой называется имя Фанагора в несколько сокращенном виде.

Поэтому вполне естествен вопрос о вероятности видеть в этом Фанагоре ойкиста теосской апойкии. Н. В. Завойкина и Ф. В. Шелов–Коведяев уверены в том, что это так на основании своей трактовки граффито. С. Ю. Сапрыкин же, допуская такую возможность, все же склоняется к тому, чтобы считать его одним из рядовых колонистов.

При обсуждении этого вопроса нужно обратить внимание на несколько обстоятельств. Первое из них состоит в том, что в Фанагорию, в отличие от Абдеры, переселилось

⁶ Можно с определенной долей уверенности говорить о важности в Фанагории культа Диониса – главного божества в Теосе, см. [Завойкин, 2011, с. 199–209], а также, возможно, Афродиты Урании [Ustinova, 1999, p. 29–53]; против [Braund, 2018, p. 223].

⁷ См. в настоящем томе.

Рис. 2. Вид на холм – историческую часть Фанагории с раскопом «Верхний город» – с воздуха

лишь небольшое количество переселенцев. Поскольку им пришлось отправляться в отдаленные и известные только по рассказам места, то скорее всего эти колонисты представляли собой группу молодых людей, не отягощенных семьями, готовых к различным трудностям и испытаниям. Такая практика была весьма распространена [Яйленко, 1982, с. 79]. Второе обстоятельство заключается в том, что вполне естественным будет предположение о том, что среди этих немногочисленных переселенцев мог оказаться не один только человек с именем Фанагор. Однако, если не считать граффити, состоящих из отдельных букв и иногда имен, то для архаических слоев Фанагории характерна крайняя редкость письменных документов с более или менее значительным по размерам текстом. Это заключение позволяет предположить, что речь в нашем граффито идет не о рядовом человеке. Возможность того, что мы имеем дело здесь с ойкистом, с моей точки зрения, весьма велика: редкость (если не неординарность) документа, хронологическое совпадение с периодом основания Фанагории могут служить подтверждением. Хотя понятно, что не решающим.

Одним из косвенных подтверждений этой позиции могут оказаться некоторые археологические факты, к рассмотрению которых мы и переходим. Как теперь хорошо известно, изначально Фанагория была основана на одном из холмов верхнего плато, который позднее стал акрополем (рис. 2). Площадь холма не превышает 1,5 га. Однако пока нельзя точно сказать, выходила ли вновь основанная апойкия за пределы этого

холма [Завойкин, Кузнецов, 2013, с. 162–169]. Можно определенно говорить лишь о том, что наиболее ранние культурные напластования не обнаружены на нижнем плато.

Раскопками, которые производились на южной окраине Фанагории, в 150–170 м от исторического ядра города, слои VI в. до н. э. также не обнаружены. В это время здесь находился некрополь. Архаические могилы перекрыты слоем, который относится к рубежу первой и второй четвертей V в. до н. э. Примерно серединой V в. до н. э. датируется самый ранний слой, зафиксированный к востоку от исторического ядра города [Kuznetsov, Zavoikin, 2014, p. 29–33]. Таким образом, к настоящему моменту можно предполагать, что первоначальная апойкия была небольшой, занимая лишь территорию упомянутого холма, может быть немного выходя за его пределы в южном направлении. Как бы то ни было, площадь первопоселения, по всей видимости, не превышала 2 га, а скорее всего была несколько меньше⁸.

В течение последних двух с лишним десятилетий в историческом ядре Фанагории осуществляются археологические исследования наиболее ранних напластований этого города (раскоп «Верхний город», общая площадь более 3000 м²). Здесь открыты кварталы с остатками значительного количества жилых и общественных сооружений, построенных из сырцовых кирпичей. Всего открыто более двух десятков строений разной степени сохранности. К настоящему моменту эти работы доведены до материка еще не на всей площади.

Несмотря на то, что историческое ядро Фанагории исследовано не полностью, раскопки большой площадью⁹ позволяют говорить о том, что примерно в середине холма и частично в восточном направлении от него находился административный центр города. Здесь обнаружены здания общественного и религиозного назначения. Среди них можно специально отметить храмы и культовые комплексы [Кузнецов, 2018, с. 123]. Например, обнаружен небольшой *templum in antis*, посвященный неизвестному божеству. Он имел, по крайней мере, два строительных периода. Его сооружение относится к V в. до н. э. Более ранний храм был построен из сырцовых кирпичей, положенных на грунт, тогда как более поздний имел каменный фундамент (рис. 3). Однако совершенно неожиданно во время раскопок в 2018 г. под храмом была обнаружена еще и не совсем обычная конструкция. Она представляет собой подвальное помещение, сложенное из сырцовых кирпичей без фундамента (№ 835) (рис. 4, 5). Исключение составляет только северная стена, нижняя часть которой сложена из камня. Вход не зафиксирован, хотя очевидно, что комплекс был ориентирован на север, как и храмы в антах над ним. Подвал разделен на две части (северную и южную) стеной с проходом в ее центре. Эта стена имеет высоту 1,5 м, она ниже стен подвала (1,75 м). Площадь основного (южного) помещения – 4,2 м², а северного – 1,2 м². Подвал сгорел в очень сильном пожаре. Внутри него обнаружен завал амфор, терракотовая статуэтка, ионийская расписная керамика, золотой перстень с изображением юноши с венком в каждой из рук [Boardman 2001, p. 156–157, fig. 198 N (late archaic)] и другие находки (рис. 6). Все они датируются второй половиной VI – первой половиной V вв. до н. э. Можно предположить, что этот

⁸ Для сравнения: Сирус (Siris, Южная Италия) был основан на холме площадью в 5 га, а позднее на этом месте был устроен акрополь [Tréziny, 2006, p. 232].

⁹ В общей сложности с 1975 г. вскрыто около 3400 кв. м. Нужно учитывать также и то, что траншеями XIX в. уничтожена значительная часть холма.

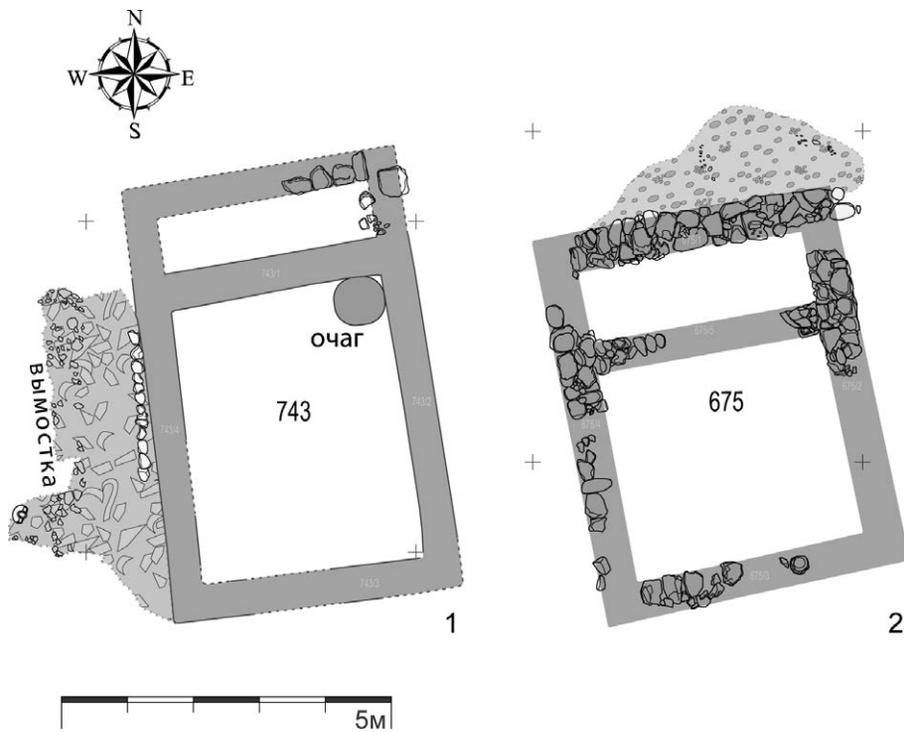

Рис. 3. Планы храмов в антах

комплекс был святилищем и имел отношение к хтоническим культам¹⁰. В пользу этого говорит не только специфический характер сооружения, но и его расположение под более поздним по времени храмом. Кроме того, в подвале найден обломок ручки мраморного лутерия¹¹ (рис. 6. 4), а также два глиняных предмета, напоминающих венчики лутериев (рис. 6. 2). Однако на их «венчиках» видны потертости, что говорит о том, что они стояли на какой-то поверхности. Не исключено, что они использовались в качестве алтарей-эсхар. Следует отметить, что при строительстве подвального помещения был в значительной степени уничтожен еще более ранний комплекс, который, по всей видимости, также имел религиозное назначение. Его еще предстоит раскопать и изучить.

Таким образом, при основании города был выделен небольшой по размеру специальный участок, закрепленный за святилищем. На нем на протяжении не менее полутора столетий сменилось не менее четырех комплексов. Однако остается непонятным назначение такого комплекса, заглубленного в грунт: если изначально он предназначался хтоническим божествам, то почему позднее на его месте были поочередно построены два храма в антах? При этом, в плане ранний комплекс очень напоминает храм в антах.

¹⁰ См. предупреждение Ф. Ван Стратена о необходимости избегать использования в археологической литературе термина «хтонический», поскольку за ним не стоит какой-либо археологически определяемый тип бога, культа, святилища или алтаря (... any archaeologically definable type of god, cult, sanctuary or altar) [Straten van 1995, p. 167]. Однако при интерпретации описываемых фанагорийских находок предположение об их хтоническом характере практически неизбежно.

¹¹ Об использовании лутериев в храмах см. [Ginouvès, 1962, p. 77 et suiv.].

Рис. 4. Святилище № 835 со следами пожара

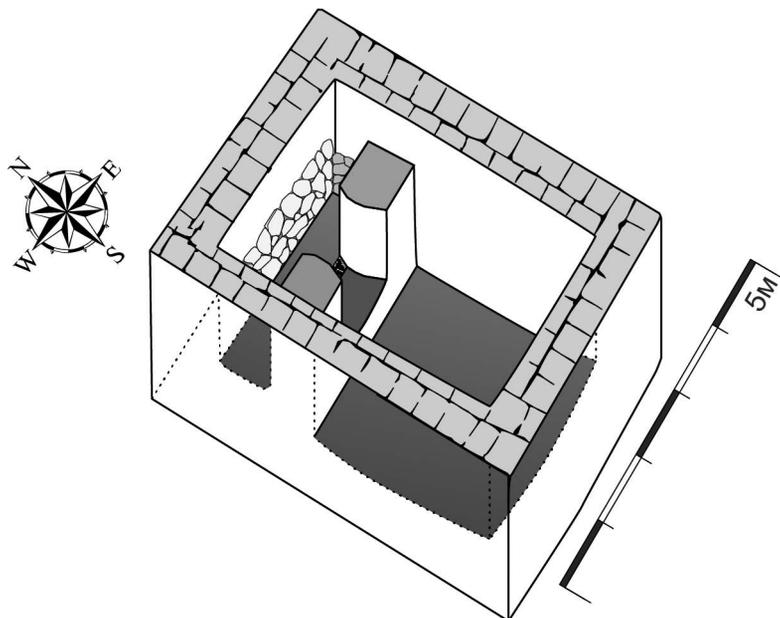

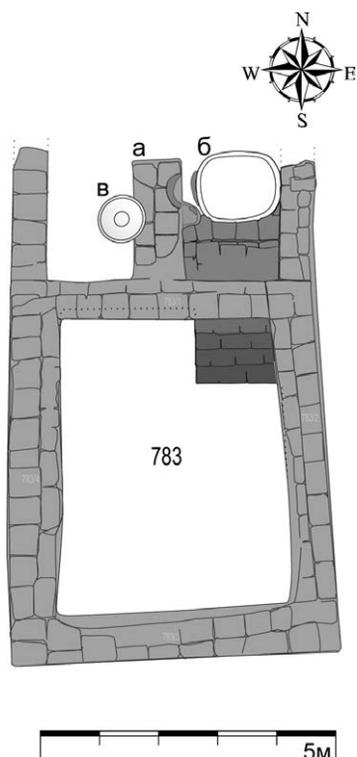
Рис. 5. Святилище № 835: аксонометрия

Рис. 6. Находки из святилища № 835

Рис. 7. Святилище № 783 с алтарем и ботросом

Однако для нашей темы больше может интересоваться еще один очень интересный комплекс, который находится в 25 м к северо-востоку от только что описанного объекта (№ 783). Он также представляет собой подвал прямоугольной формы, сооруженный из сырцовых кирпичей без каменного фундамента. Глубина залегания подвала от поверхности материкового песка – 2,0 м. Его размеры 5,0–5,2 × 3,8–4,1 м (около 20 м²). Комплекс ориентирован главным фасадом на север. Восточная и западная стены имеют продолжение к северу, выходя за пределы подвала. При этом они имеют гораздо более мелкое залегание по сравнению со стенами подвала (рис. 7–9). Между этими стенами вне подвала находится алтарь, построенный из сырцовых кирпичей. С восточной стороны к нему вплотную примыкает площадка, выложенная сырцовыми кирпичами, фланкированная

Рис. 8. План святилища № 835
а – алтарь; б – яма-ботрос; в – чаша

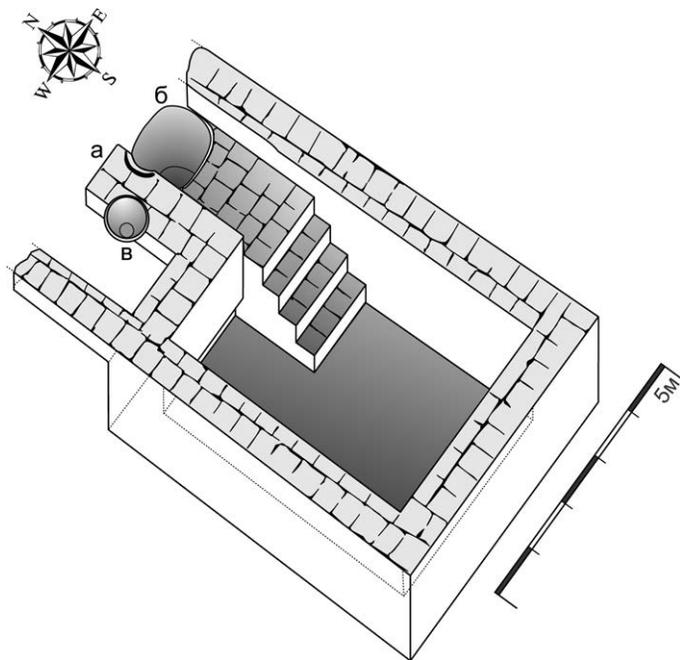

Рис. 9. Реконструкция объекта № 783. Аксонометрия
а – алтарь; б – яма-ботрос; в – чаша

Рис. 10. Яма-ботрос

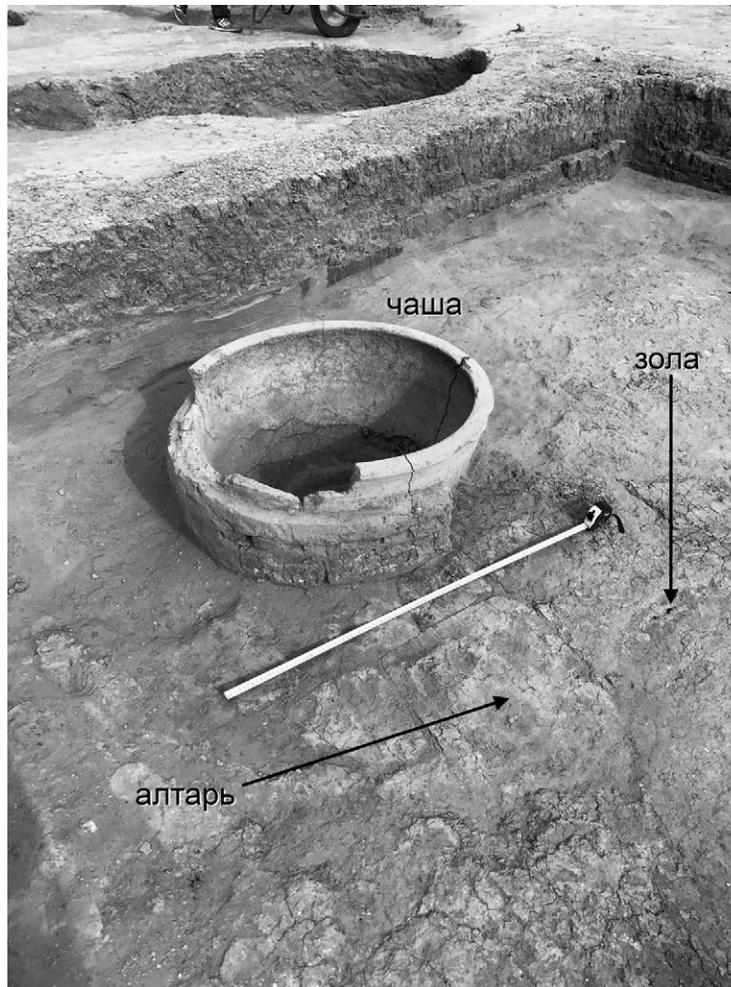

Рис. 11. Чаша, стоящая на алтаре в культовом комплексе № 783

с северной стороны подквадратной в плане ямой-ботросом (рис. 10). На западном краю алтаря, на его поверхности стоит глубокая чаша (диаметр 80 см, глубина 42 см; рис. 11). Ее предназначение остается не очень понятным. С одной стороны, ее можно рассматривать как сосуд для омовения рук перед жертвоприношением. Однако вазопись дает нам изображение таких чаш (*chernips*) как небольших емкостей [Straten van 1995, p. 31–40; Zografou 2005, p. 208 et suiv.]. По этой причине, приходится отказаться от этого предположения. С другой стороны, такого рода чаша могла служить для собирания крови жертвенных животных [Burkert, 1985, p. 56; Straten van, 1995, p. 114, fig. 119].

В северо-восточном углу подвала находится лестница, по которой можно было подняться на площадку перед алтарем. На поверхности алтаря и на краю ямы-ботроса, примыкающего к алтарю с восточной стороны, видны следы золы. Над ботросом совершали жертвоприношения животных, сливая в яму кровь¹². Среди находок из подвала

¹² См. у Павсания: ... ἔθυσεν ἐς τὸν βόθρον (Paus. 5. 3. 2) [Antonaccio, 1995, p. 170].

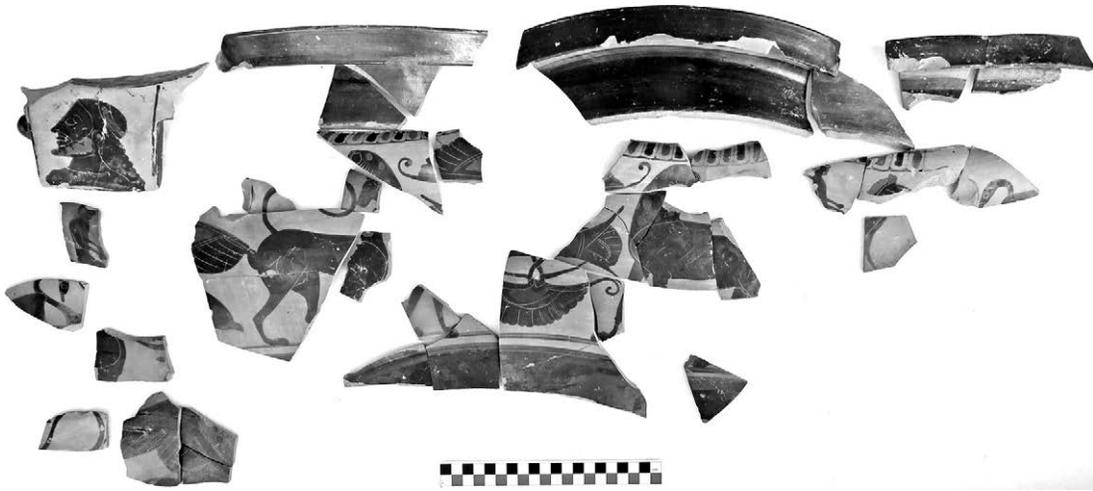

Рис. 12. Чернофигурный кратер из культового комплекса № 783

отметим чернофигурные аттические кратер и килик, которые датируются третьей четвертью VI в. до н. э. (рис. 12, 13). Очевидно, что к этому времени и относится сооружение комплекса.

Как и в случае с предыдущим культовым комплексом, заглубленным в землю, остается неизвестным, что собой представляла наземная часть здания над подвалом. По причине неполной сохранности комплекса непонятно, где находился вход в подвальное помещение.

Мало может быть сомнений в том, что оба описанных выше святилища связаны с отправлением хтонических культов. Другой вопрос в том, что это были за культы. Специальное внимание в контексте интересующей нас проблемы должно привлечь второе святилище. Здесь важное значение имеет тот факт, что в нем присутствует два типа алтаря – сооруженный из сырцовых кирпичей и яма-ботрос. Первый из них, поднятый над уровнем земли, служил для жертвоприношений олимпийским богам, второй, заглубленный в землю, – хтоническим божествам и мертвым (культ которых всегда имел хтонический характер) [Yavis, 1949, p. 91 ff; Burkert, 1985, p. 199–200]¹³. Поскольку такого рода комплекс находится на центральной улице, идущей от городских стен к главной площади Фанагории первоначального этапа ее существования, и является уникальным сооружением для города, то мы можем в очень осторожной форме поставить вопрос о том, что он мог быть

Рис. 13. Чернофигурный килик из культового комплекса № 783

¹³ См. у Афиней: ... ὄρυξαι βόθρινον πρὸς ἑσπέραν τοῦ σήματος... («выкопай яму к западу от могилы») (Athen. 9. 410).

Рис. 14. Здание № 769, построенное поверх святилища № 783

связан с почитанием ойкиста, т. е. Фанагора. В пользу такой точки зрения свидетельствует то, что комплекс с алтарем является более крупным по размерам в сравнении с другими синхронными сооружениями. Следует также отметить еще одно обстоятельство, которое может иметь определенное значение: после гибели святилища оно было засыпано песком. На поверхности этого песка из сырцовых кирпичей было сооружено прямоугольное в плане здание (№ 769). В центре него находился очаг-гестия. Функция здания остается неизвестной, поскольку от него сохранились только нижние ряды кирпичей. Однако не исключено, что оно также имело религиозно-культовое назначение. Объяснения этому выводу состоят в следующем: невозможно представить, чтобы на месте святилища могло быть построено здание другого назначения, например, жилой дом; в жилищах очаг-гестия находился по преимуществу при входе в дом сразу за порогом, а не в центре помещения.

Комплекс просуществовал очень недолго и прекратил свое существование в конце третьей четверти VI в. до н. э. С чем это связано, остается пока неизвестным. Если это так, то следует полагать, что ойкист Фанагории через какое-то количество лет (в пределах третьей четверти столетия) мог умереть. Таким образом, он мог прожить в апойкии, например, лет 15, если исходить из даты основания Фанагории около 540 г. В таком случае ему могло быть от 50 до 70 и более лет. Святилище, в котором почитался его культ, прекратило свое существование по неизвестной причине. Позднее, при расширении территории города оно могло быть перенесено в новый городской центр.

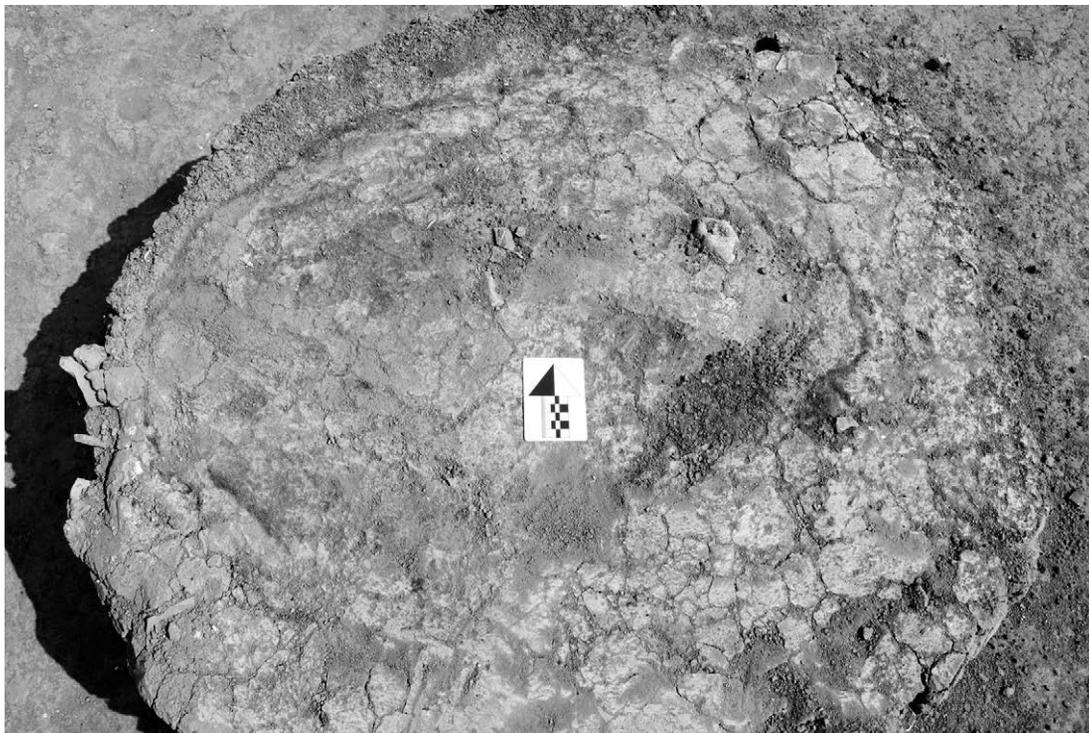

Рис. 15. Очаг-гестия в здании № 769

Безусловно, автор отдает себе отчет в том, что такого рода предположение о связи описанного святилища или культового комплекса с ойкистом Фанагории, остается и, по всей видимости, останется лишь гипотезой. Однако дело не в этом предположении, поскольку важнее другое – подчеркнуть неординарность крупного (по меркам этой апойкии времени становления) комплекса, который находился на главной улице, на которой сосредоточены и другие общественные и религиозные постройки поселения. Он имел какое-то очень важное значение для Фанагории раннего времени.

Список литературы

- Журавлев, Шлотцауер, 2011. Журавлев Д. В., Шлотцауер У. Греческая колонизация восточной части Таманского полуострова // *Scripta antiqua*. 1.
 Завойкин, 2011. Завойкин А. А. Заметки о культе Диониса в Фанагории // ПИФК. 4.
 Завойкин, Кузнецов, 2013. Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. Некоторые проблемы урбанистики Фанагории в V в. до н. э. // БЧ. XIV. Керчь.

- Завойкина, 2018. Завойкина Н. В. Список пожертвований с упоминанием Фанагора третьей четверти VI в. до н. э. из Фанагории // БФ: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 1. СПб.
- Кузнецов, 1992. Кузнецов В. Д. Раскопки в Кепах // Очерки археологии и истории Боспора. М.
- Кузнецов, 2016. Кузнецов В. Д. Фанагория и Синдика: некоторые заметки // Материалы по археологии и истории Фанагории. 2 (Фанагория. Результаты археологических исследований. 4). М.
- Кузнецов, 2018. Кузнецов В. Д. Домостроительство северного Понта (эпоха архаики) // Материалы по археологии и истории Фанагории. 4 (Фанагория. Результаты археологических исследований. 7). М.
- Сапрыкин, 2019. Сапрыкин С. Ю. К прочтению и интерпретации некоторых боспорских граффити // ДБ. 24.
- Скржинская, 1980. Скржинская М. В. «Перипл Понта Евксинского» анонимного автора // Исследования по археологии Северного Причерноморья. Киев.
- Сорокина, 1957. Сорокина Н. П. Тузлинский некрополь. М.
- Суриков, 2012. Суриков И. Е. Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы (к постановке проблемы) // ДБ. 16.
- Шелов, 1953. Шелов Д. Б. Раскопки Западно-Цукурского поселения на Тамани // КСИИМК. 51.
- Шелов-Коведяев, 2018. Шелов-Коведяев Ф. В. К ранней истории Фанагории // ПИФК. 3.
- Яйленко, 1982. Яйленко В. П. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. По данным эпиграфических источников. М.
- Antonaccio, 1995. Antonaccio C. M. An Archaeology of Ancestors. Tomb Cult and Hero Cult in Early Greece. Lanham.
- Alfen, 2014. Alfen P. van. *Metoikêsis and Archaic Monetary Coordination: Teos-Abdera and Phokaia-Velia* // First International Congress of the Anatolian Monetary History and Numismatics. Proceedings. Antalya.
- Avram, Hind, Tsetskhladze, 2004. Avram A., Hind J., Tsetskhladze G. The Black Sea Area // An Inventory of Archaic and Classical Poleis. Oxford.
- Boardman, 2001. Boardman J. Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical. London.
- Braund, 2014. Braund D. The Thessalian Foundation of Phanagoria: Civic Identity Re-visited and Extended // Phanagoreia und darüber hinaus... Festschrift für Vladimir Kuznetsov... (Altertümer Phanagoreias. 3). Göttingen.
- Braund, 2018. Braund D. Greek Religion and Cults in the Black Sea Region. Goddesses in the Bosphoran Kingdom from the Archaic Period to the Byzantine Era. Cambridge.
- Burkert, 1985. Burkert W. Greek Religion. Archaic and Classical. Oxford.
- Charalampakis 2013. Charalampakis P. Some Notes on the Name ΦΑΝΑΓΟΡΕΙΑ and ΦΑΝΑΓΟΡΗΣ // AMA. 16.
- Chryssanthaki-Nagle 2007. Chryssanthaki-Nagle K. L'histoire monétaire d'Abdère en Thrace (VIe s. avant J.-C. – IIe s. après J.-C.). Athènes.

- Diller, 1986. Diller A. The Tradition of the Minor Greek Geographers. Amsterdam (reprint 1952).
- Dougherty, 1993. Dougherty C. The Poetics of Colonization. From City to Text in Archaic Greece. New York–Oxford.
- Ehrhardt, 1983. Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Vergleichende Untersuchung der kulturellen und politischen Einrichtungen. Frankfurt am Main–Bern–New York.
- Ginouvès, 1962. Ginouvès R. Balaneutikè. Recherches sur le bain dans l'antiquité grecque. Paris.
- Gorman 2002. Gorman V. B. Milesian Decree of *Isopoliteia* and the Refoundation of the City, ca. 479 BCE // V. B. Gorman, E. W. Robinson (eds.). *Oikistes. Studies in Constitutions, Colonies, and Military Power in the Ancient World*. Leiden–Boston–Köln, 181–193.
- Graham, 1991. Graham A. J. Adopted Teians: A Passage in the New Inscription of Public Imprecation from Teos // *JHS*. 111 (= *Collected Papers on Greek Colonization*. Leiden–Boston–Köln. 2001, 263–268).
- Graham, 1992. Graham A. J. Abdera and Teos // *JHS*. 112 (= *Collected Papers on Greek Colonization*. Leiden–Boston–Köln. 2001, 269–314).
- Graham, 1999. Graham A. J. Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester.
- Greaves, 2010. Greaves A. M. The Land of Ionia. Society and Economy in the Archaic Period. Oxford.
- Herrmann, 1981. Herrmann P. Teos und Abdera im 5. Jahrhundert v. Chr. Ein neues Fragment der Teiorum Dirae // *Chiron*. 11.
- Huxley 1984. Huxley G. Teos in Pindar // *Studies Presented to S. Dow on His Eightieth Birthday*. Durham.
- Isaac, 1986. Isaac B. The Greek Settlements in the Thrace until the Macedonian Conquest. Leiden.
- Jacquemin, 1993. Jacquemin A. Oikiste et tyran: fondateur-monarque et monarque-fondateur dans l'Occident grec // *Ktéma*. 18.
- Kraay, 1976. Kraay C. M. Archaic and Classical Greek Coins. Berkeley–Los Angeles.
- Kuznetsov, Zavoikin 2014. Kuznetsov V. D., Zavoikin A. A. On the Archaeological Topography of Phanagoria // *Phanagoreia und darüber hinaus... Festschrift für Vladimir Kuznetsov (Altertümer Phanagoreias. 3)*. Göttingen.
- Leschhorn, 1984. Leschhorn W. Gründer der Stadt'. Studien zu einem politisch-religiösen Phänomen der griechischen Geschichte. Stuttgart.
- Lewis, 1982. Lewis D. M. 1 On the New Text of Teos // *ZPE*. 47.
- Loukopoulou, Parissaki, 2004. Loukopoulou L., Parissaki M.-G. Teos and Abdera: The Epigraphic Evidence // *Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony*. Thessaloniki.
- Malkin, 1985. Malkin I. What's in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies // *Athenaeum*. 63.
- Malkin, 1987. Malkin I. Religion and Colonization in Ancient Greece. Leiden.
- Malkin, 1989. Malkin I. Delphoi and the Founding of Social Order in Archaic Greece // *Metis*. IV/1.
- Malkin, 2011. Malkin I. A Small Greek World. Networks in the Ancient Mediterranean. Oxford.
- May, 1966. May J. M. F. The Coinage of Abdera (540–345 B. C.). London.

- Rubinstein, 2004. Rubinstein L. *Ionia // An Inventory of Archaic and Classical Poleis*. Oxford.
- Straten van, 1995. Straten F. T. van. *Hiera Kala. Images of Animal Sacrifice in Archaic and Classical Greece*. Leiden–New York–Köln.
- Tréziny, 2006. Tréziny H. *L'urbanisme archaïque des villes ioniennes: un point de vue occidental // REA*. 108/1.
- Tsetskhladze, 2008. Tsetskhladze G. R. *The Pontic Poleis and the Achaemenid Empire: Some Thoughts on Their Experiences // Forme sovrapoleiche e interpoleiche di organizzazione nel mondo greco antico*. Galatina.
- Tuna, 2000. Tuna N. *Archaic Teos: Preliminary Survey Results // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н. э.) (Таманская старина. 3)*. СПб.
- Ustinova, 1999. Ustinova Yu. *The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom. Celestial Aphrodite and the Most High God*. Leiden–Boston–Köln.
- Vinogradov, 1998. Vinogradov Ju. G. *The Greek Colonisation of the Black Sea Region in the Light of Private Lead Letters // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology*. Stuttgart.
- Yavis, 1949. Yavis K. G. *Greek Altars. Origins and Typology*. Saint Louis.
- Youni, 2007. Youni M. S. *An Inscription from Teos Concerning Abdera // Thrace in the Graeco-Roman World*. Athens.
- Zografou, 2005. Zografou A. *Élimination rituelle et sacrifice en Grèce ancienne // La cuisine et l'autel. Les sacrifices en questions dans les sociétés de la Méditerranée ancienne*. Turnhout.

Summary

V. D. Kuznetsov

Earliest Phanagoria: some questions

The article is devoted to some questions of the earliest history of Phanagoria. Special attention is paid to the relationships between Phanagoria and its metropolis, to the graffito with the name of Phanagoras, and to the unusual sanctuaries connected with chthonic cults.

А. А. Масленников

(Институт археологии РАН, г. Москва)

Монетные находки на эллинистических сельских поселениях Крымского Приазовья

Прошло почти два десятилетия после нашей первой попытки как-то охарактеризовать состояние «сельской» нумизматики Восточного Крыма в античную эпоху. Некоторые новые обстоятельства (задача уточнения хронологии ряда памятников сельской округи Боспора в эллинистическую эпоху и качественная публикация аналогично – скромного собрания с Таманского п-ова моими коллегами А. А. Завойкиным и М. Г. Абрамзоном) заставили вновь обратиться к этой теме, правда в более узких хронологических рамках и, соответственно, при новом состоянии источников. Эту работу ввиду абсолютного дилетантизма автора никак нельзя считать полноценной публикацией. Её цель – всего лишь статистика и датировка монетных находок. Итак, прежде всего, о хронологии. В данном случае, как уже ни раз оговаривалось, речь пойдёт о периоде, условно охватывающем III-II вв. до н. э. Монеты этого времени были обнаружены на целом ряде сельских поселений Крымского Приазовья: Полянка, мыс Зюк, Чокракский мыс, Казантип-восточный II, Ново-Отрадное, Порфмий (если ставить под сомнение его городской статус именно в это время) и н. др. Но более всего, так сказать, для чистоты исторической картины, для нас важны материалы с памятников, общая датировка которых максимально узкая в рамках рассматриваемой темы. Таковых два: поселения Золотое – восточное или Сююрташ и Крутой берег. Оба исследуются уже достаточно давно и на солидной площади, поэтому вполне пригодны для статистических выводов и наблюдений. Сюда же, в известной степени, можно отнести и поселение Полянка, стратиграфическая специфика которого также позволяет надёжно выделить именно этот хронологический «горизонт». Но в начале, насколько это уместно, несколько замечаний иного рода. Стремление к получению максимально точной (узкой) датировки находок, слоёв, построек, памятников и, как следствие, исторических реконструкций – естественное желание всякого исследователя-археолога. И монеты из всех прочих артефактов, исключая письменные свидетельства, в этой связи всегда представлялись самыми желанными источниками. Однако, как известно всякому, их научная значимость в качестве хронологического репера – весьма относительна. (Они могли находиться в обращении довольно долго, могли быть специально спрятаны и т. п.) Но главное: во все времена, монеты, как деньги, «имели обыкновение» теряться.

Это обстоятельство и по сей день присуще им, пожалуй, даже в большей степени, чем всем прочим предметам обыденного человеческого обихода. (На втором месте мы бы поставили ключи и мелкие украшения.) Почему это происходило и происходит – вопрос к психологам, портным и ... господину Богу. А вот почему их не находили, не подбирали уже в древности – не вполне ясно. Конечно, монетка, особенно маленькая, могла закатиться, завалиться, быть засыпанной или затоптанной. Одним словом: не попасться на глаза. Но могла и просто по какой-то причине не привлекать к себе внимания. Не нагибаемся же мы сейчас за каждой «копейкой», хотя ещё лет сто назад, вероятно, сделали бы это, а лет двести – даже обязательно. Так или иначе, но деньги ведь потом-то все-таки и находят, в том числе и археологи. И, порой, довольно часто и много. (О кладках мы условимся сейчас вовсе не говорить. А «добыча» разного рода кладоискателей нам просто неведома, хотя считаться с ней все же как-то надо.) И это «подводит» нас к известной статистике. Так что же мы имеем?

Вот данные о монетных находках вообще по двум упомянутым, «базовым» поселениям на 2018 г. включительно. Золотое-восточное: 26; Крутой берег: 34. Все – медные, почти исключительно пантикапейского чекана. Много это или мало? Смотря – с какой площади. В первом случае – это 4150 кв. м; во втором – 2300 кв. м. (Или 0.005 и 0.015 по отношению «плотности» находок на кв. м. То есть, во втором поселении она почти в три раза больше.) Цифры, таким образом, как бы сопоставимы. Надо бы, конечно, исходить из «кубатуры», но посчитать её, по понятным причинам, значительно сложнее. Отметим лишь, что средняя мощность культурных напластований при всей их стратиграфической специфике на каждом памятнике была примерно одинаковой: от 0.5–1 до 1.5–1.8 м. Правда, значительная часть этой площади на Золотом-восточном представляла собой зольно-мусорные отложения. А на Крутом Береге все это сплошь регулярная застройка. Исходя из этого можно, как будто бы сделать «вывод», что деньги чаще теряли (оставляли) на улицах и в помещениях, нежели они служили объектом приношения или просто выбрасывались вместе с мусорным грунтом и золой на общую «свалку». В последнем случае они оказались «утерянными» как бы вторично, ибо какая – то часть «обронённых» (не поворачивается сказать: «выброшенных») монет при уборке «мусора» была, надо думать, подобрана. Но что примечательно: если на Сююрташе монетные находки были «рассредоточены» вроде бы «равномерно» по двум основным раскопам примерно одинаковой площади (14 монет было найдено в 1989–1992 гг. на площади около 2000 кв. м, остальные – в 2011–2018 гг.), то на Крутом Береге подавляющее большинство их происходит из прежних раскопок (около 1500 кв. м), а за сезоны 2010–2016 гг. – всего две! А ведь площадь «нового» раскопа составляет около 800 кв. м (и он фактически продолжал прежний), то есть, в два, а не в 16, следуя логике таких рассуждений, раза меньшей! В чем же дело? Думается, не только в случайности и археологическом везении. Данный памятник расположен в весьма посещаемом ныне месте и, судя по характерным внешним признакам, неоднократно «обследовался» с помощью металлодетекторов. Иными словами, монетные и иные металлические находки были, по крайней мере, из верхних почвенных горизонтов начисто выбиты. Аналогичные «следы» ежегодно фиксируются на разных упомянутых и неупомянутых археологических объектах побережья и даже «глубинки», но ... В целом же, приведённые цифры по двум поселениям, как мы видим, если и не рав-

ны, то и не принципиально различны, что, наверное, свидетельствует о таких примерно одинаковых именно для этого времени и места показателях, как интенсивность денежного обращения, уровень достатка (платёжеспособности) населения, его экономических связей и, отчасти, социальном статусе. Но, как известно, все – в сравнении. В предшествовавшие полтора века здесь же, в Приазовье существовали весьма примечательные во всех отношениях «усадебные комплексы» т.н. царской хоры. На самом значительном и богатом из них (Генеральское-западное) только в процессе раскопок (около 4550 кв. м) было найдено 133 монеты (показатель «плотности» – 0.03). В последующие века, судя по раскопкам «ординарных» слоёв и комплексов, частота встречаемости монетных находок на сельских поселениях (например: Семёновское городище, или «усадьба» у Ново-Отрадного, да и тот же мыс Зюк) также была выше. От статистики перейдём, наконец, к самому важному: типологии и хронологии монет¹. Однако и тут надо сделать одно замечание.

Всякий специалист по античной нумизматике и даже просто дилетант от нумизматики знает, что среди всех боспорских монет те, что относятся к рассматриваемому времени, за небольшим исключением – самые мелкие, «неаккуратные», мало примечательные во всех отношениях и в массе своей плохо сохранившиеся. Последнее обстоятельство для нас особенно важно, ибо не всякий «монетный кружок» попадает в основные фонды музейного хранения, то есть уверенно определен, как монета и, соответственно, датирован. Так из 26 монет с Сьюрташа – 5 (в том числе одна с отверстием – подвеска?) остались не идентифицированными. Из 34 с Крутого Берега – тоже – 5. Однако при этом надо отметить, что характеристика всех неопределённых, плохо сохранившихся монет т.с., по фактуре не оставляет сомнений в их принадлежности к чеканке именно рассматриваемого времени (размеры, плохое качество, наличие литников). Что же остальные? Вот их сводка по Сьюрташу.

№ п/п	№ по коллекционной описи	Описание монеты	Аналоги	Датировка
1	161/1989	Л.с. Голова бородатого сатира влево. О.с. ПАН, голова быка влево.	З. ХLI, 7; А. 132	300–250 или 284–275 гг. до н.э.
2	76/1990.	Л.с. Голова сатира влево. О.с. ПАН, лук, стрела. Следы литников.	З. ХLI, 5.	300–250 гг. до н.э.
3	184/1991.	Л.с. Голова сатира влево. О.с. ПАН, лук, стрела. Следы литников.	З. ХLI, 5.	300–250 гг. до н.э.
4	185/1991	Л.с. Голова сатира вправо. О.с. Лук, стрела. Надчеканка – треножник. ПАН.	З. ХLI, 10–11; А. 143.	Середина – 230–220 гг.; III в. до н.э.

¹ Первичные определения монет, найденных Восточно-Крымской экспедицией в 80-х и 90-х годах и отчасти позднее, были сделаны В. Н. Розовым, которому автор выражает искреннюю благодарность. Часть этих монет, ввиду плохой сохранности, была идентифицирована им приблизительно. К настоящему изданию все доступные, то есть, хранящиеся в фондах Керченского музея находки были перепроверены и их характеристики уточнены. Автор выражает благодарность сотрудникам музея и, прежде всего, Н. В. Быковской за такую возможность. Кроме того, ввиду некоторых различий в датировках у наших ведущих нумизматов, вероятно, следовало бы приводить для каждого экземпляра по три-четыре соответствующие ссылки, оставляя окончательный выбор за читателем. Однако мы ограничились, как правило, двумя, реже тремя ссылками. При этом «З» означает известный труд А. Н. Зографа (1951), «Ш» – не менее известную монографию Д. Б. Шелова (1956) и «А» – книгу В. А. Анохина (1986). Полагаем, что этого пока достаточно.

5	186/1991.	Л.с. Голова сатира вправо. О.с. Лук, стрела. Надчеканка – треножник. ПАН.	З. ХLI, 10-11; А. 143	Середина – III в. до н.э.; 230–220 гг. до н.э.
6	187/1991.	Л.с. Голова Аполлона вправо, надчеканка – треножник. О.с. Орёл. ПАН.	З. ХLI, 10-11; А. 143	Середина III в. до н.э.; 230–220 гг. до н.э.
7	188/1991	Л.с. Голова Аполлона в венке вправо. О.с. Орел, ПАНТИ, надчеканка – треножник.	З. ХLI, 10-11; А. 138,143.	Середина – III в. до н.э.; 230–220 гг. до н.э.
8	189/1991	Л.с. Голова Посейдона (?) вправо. О.с. Нос корабля, ПАНТИ, надчеканка – голова сатира (?) вправо.	З. ХLI, 13; А. 144. 3.	Третья четверть III в. до н.э., 220–210 гг. до н.э.
9	1/1992	Л.с. Голова безбородого сатира влево, надчеканка – треножник. О.с. Лук, стрела вправо. ПАН (?). Следы литников	З. ХLI, 8; А. 139 (?).	Третья четверть III в. до н.э.
10	2/1992	Л.с. Голова безбородого сатира влево (?). О.с. Лук, стрела вправо, ПАН. Литник.	З. ХLI, 5; А. 133	Первая половина, середина III в. до н.э.
11	3/1992.	Л.с. Голова безбородого сатира влево (?). О.с. Лук, стрела вправо, ПАН. Литник.	З. ХLI, 5; А. 133	То же самое
12	1/2011	Л.с. Голова безбородого сатира влево (?). О.с. Лук, стрела вправо, ПАН. Литник.	З. ХLI, 5; А. 133	То же самое.
13	2/2011	Л.с. Голова безбородого сатира влево (?). О.с. Лук, стрела вправо, ПАН. Литник.	З. ХLI, 5; А. 133	То же самое
14	4/2011	Л.с. Голова безбородого сатира влево (?). О.с. Лук, стрела вправо, ПАН. Литник.	З. ХLI, 5; А. 133	Аналогично
15	5/2011	Л.с. Голова сатира вправо (?). О.с. Лук, стрела ПАНТИ (?).	З. ХLI, 6. А. 145.	Середина – последняя четверть III в. до н.э.
16	67/2012.	Л.с. Голова сатира (?). О.с. Лук, стрела вправо. ПАН.	З. ХLI. 5.	Первая пол. – середина III в. до н.э.
17	78/2013.	Л.с. (?). О.с. Лук, стрела вправо. ПАН.	З. ХLI. 5.	То же самое
18	1/2014.	Л.с. Голова юного сатира (?) вправо. О.с. Лук, стрела вправо. ПАН.	З. ХLI, 4; А. 146 (?).	Середина, посл. четверть III в. до н.э.
19	5/2015.	Л.с. Голова сатира влево. О.с. Восьмиконечная звезда, шапка Диоскура, рог изобилия, ПАН.	Прямых аналогий отыскать не удалось. Близкие – З. ХLI, 20 (?); А. 175 (?).	Конец III, начало II вв. до н.э. или последняя четверть II в. до н.э.
20	7/2015.	Л.с. (?). О.с. Лук, стрела вправо, ПАН.	З. ХLI, 4.	Первая половина – середина III в. до н.э.
21	137/2016.	137/2016 . Л.с. Голова безбородого сатира влево. О.с. – лук и стрела, ПАН; надчеканка «треножник, слева ПАН».	З. ХLI, 8; III. VI, 70; А. №.139.	Середина - третья четверть III в. до н. э.

А вот – по Крутому Берегу.

№ п/п	№ по коллекционной описи	Описание монеты	Аналоги	Датировка
1	394/1985.	Л.с. Голова сатира вправо (?). О.с. Лук, стрела. ПАН.	З. ХLI, 4.	Первая пол. – середина III вв. до н.э.
2	395/1985.	Л.с. Голова юного сатира вправо. О.с. Лук, стрела вправо. ПАН	З. ХLI, 5.	То же самое
3	396/1985	Л.с. (?). О.с. Лук в горите, ПАН	З. ХLII, 9; А. 169.	200–110 гг. до н.э. или 150–140 гг. до н.э.
4	397/1985.	Л.с. голова влево (?). О.с. Шапка Диоскура и звезда (?).	З. ХLI, 21.	Конец III – нач. II вв. до н.э.
5	398/1985	Л.с. Голова сатира вправо (?). О.с. Лук, стрела. ПАН.	З. ХLI, 4.	Первая пол. – середина III вв. до н.э.
6	399/1985.	Л.с. (?). О.с. Лук в горите, ПАН	З. ХLII, 9; А. 169.	200–110 гг. до н.э. или 150–140 гг. до н.э.
7	672/1986	Л.с. Голова Аполлона вправо. О.с. Лук в горите вправо, ПАН.	З. ХLII, 9; Ш. № 95; А. 169.	Первая пол. – середина II вв. до н.э.
8	673/1986.	Л.с. Голова безбородого сатира влево (?). О.с. Голова льва вправо, надчеканка	(?). Ш. № 62.	Первая половина III в. до н.э.
9	674/1986	Л.с. Голова безбородого сатира влево. О.с. Лук и стрела вправо, ПАН (?), литник.	З. ХLI, 5; Ш. № 73.	Первая пол. – середина III вв. до н.э.
10	675/1986.	Л.с. (?). О.с. Лук, стрела вправо ПАН, литник.	Ш. № 73.	Первая пол. – середина III вв. до н.э.
11	676/1986.	Л.с. Голова Аполлона вправо (?). О.с. Орел с расправленными крыльями, ПАН надчеканка (?).	З. ХLI, 10; Ш. 71; А. 143.	Середина III в. до н.э. или 230–220 гг. до н.э. Последняя дата предпочтительнее ввиду наличия надчеканки.
12	677/1986	Л.с. Голова Афины (?) вправо. О.с. Трехзубец, ПАН.	Ш.103; З. ХLIII 4; А. 184.	Середина – последняя четверть II в. до н.э.
13	678/1986.	Л.с. Голова сатира влево (?). О.с. Лук и стрела вправо ПАН.	З. ХLI, 4.	Первая пол. – середина III в. до н.э.
14	386/1987.	Л.с. (?). О.с. Лук, стрела вправо. ПАН (?), литник.	З. ХLI, 5	Первая пол. – середина III вв. до н.э.
15	387/1987	Л.с. Голова сатира влево. О.с. Лук, стрела вправо. ПАН, литник	З. ХLI, 5; Ш. № 66.	Первая пол. – середина III вв. до н.э.
16	388/1987	Л.с. Голова сатира влево. О.с. Лук, стрела вправо. ПАН, литник	З. ХLI, 5; Ш. № 66.	Первая пол. – середина III вв. до н.э.
17	389/1987.	Л.с. Голова Посейдона вправо (?). О.с. Корабельная прора влево. ПАНΠ.	Ш. 75; А. 144.	Третья четверть III в. до н.э.
18	391/1987.	Л.с. Голова сатира влево. О.с. Лук, стрела вправо. ПАН, литник	З. ХLI, 5; Ш. № 66	Первая пол. – середина III вв. до н.э.
19	392/1989.	Голова юного сатира влево. О.с. Лук, стрела вправо. ПΑπ (?).	З. ХVI, 4; Ш. № 65.	Первая пол. – середина III вв. до н.э.

20	393/1987.	Л.с. Голова сатира влево. О.с. Лук, стрела вправо. ПАН, литник, надчеканка (?)	З. ХLI, 5; Ш. № 66.	Первая пол. – середина III вв. до н.э.
21	394/1987	Л.с. Голова Посейдона вправо (?). О.с. Корабельная прора влево. ПАНП.	Ш. 75; А. 144.	Третья четверть III в. до н.э..
22	395/1987.	Л.с. Голова Аполлона вправо. О.с. Лук, стрела. ПАН.	А. 146.	220–210 гг. до н.э.
23	397/1987.	Л.с. (?). О.с. Лук, стрела вправо, ПАН.	З. ХLI, 4; Ш. 65.	Первая пол. – середина III в. до н.э.
24	398/1987.	Л.с. Голова молодого сатира влево. О.с. Лук, стрела вправо, ПАН, литник.	З. ХLI, 5. Ш. 66.	Первая пол. – середина III в. до н.э.
25	357/1988.	Л.с. Голова сатира вправо. О.с. ?, литник.	Ш. № 72 (?).	Середина III в. до н.э.
26	361/1988.	Л.с. Голова сатира вправо (?), надчеканка (?). О.с. Лук, стрела. ПАН.	З. ХLI. 5; Ш. 66.	Первая пол. – середина III в. до н.э.
27	362/1988.	Л.с. Голова сатира вправо (?), надчеканка (?). О.с. Лук, стрела. ПАН.	З. ХLI. 5; Ш. 66.	Первая пол. – середина III в. до н.э.
28	126/2010	Л.с. Голова Аполлона в венке вправо. О.с. треножник.	А. № 141.	230–220 гг. до н.э.
29	90/2015	Л.с. Голова юного сатира влево. О.с. Лук, стрела вправо, ПАН, литник.	З. ХLI. 5.	Первая пол.- середина III в. до н.э.

Итак, первое, что «бросается в глаза», это схожесть обоих «собраний», что выражается в однообразии типов монет. Их всего три-четыре. Всё это оболы, дихалки и тетрахапки. Абсолютно преобладает тип – табл. ХLI, № 4, 5 по А. Н. Зографу.

Как бы ни разнились между собой датировки всех представленных типов у наших известнейших нумизматов (а, в целом, от А. Н. Зографа к В. А. Анохину просматривается тенденция к их омоложению), совершенно очевидно, что за редким исключением – всё, только что рассмотренное, относится к III в. до н.э. Причём, если полагаться на А. Н. Зографа, то к его первой половине – середине. А если отдавать предпочтение Д. Б. Шелову и особенно В. А. Анохину – второй. Монеты II в. до н.э. единичны и только на Крутом Береге. Монет, уверенно относимых к рубежу IV–III вв. до н.э., нет вовсе.

Всё это как-то странно на фоне явного присутствия на обоих памятниках массового материала (амфорные клейма, лаковая посуда, «мегарские» чашки) не только III, но и II вв. до н.э. Невольно задаёшься вопросом: «Что, их обитатели перестали во II в. пользоваться деньгами или новые эмиссии до них по какой-то причине не доходили либо почти не доходили, и в обороте оставались «прежние» монеты»? А, может быть, мы ошибаемся в датировках прочих находок, и общая хронология этих поселений уже? Ну, это, уж, слишком! Ведь нельзя же ставить под сомнение соответствующие (например: амфорные клейма) определения таких маститых учёных, как Н. Ф. Федосеев! Но... имеем, что имеем и будем это «держат в уме» при наших последующих изысканиях в данном направлении.

В этой связи обратимся к слоям, вернее рассматриваемым артефактам интересующего нас времени с соседнего поселения Полянка. Оно известно в немалой степени благодаря своим нумизматическим находкам: монетному кладу эпохи Асандра 1985 г., изданному, кстати, Н. А. Фроловой. Напомним, эллинистические слои здесь местами подстилают напластования и строительные остатки I в. до н.э., местами существуют,

как бы сами по себе. Иными словами, находки монет III-II вв. до н.э. встречаются и в них, и что, естественно, реже в более поздних культурных отложениях. На «вчерашний» день из общего числа в 81 экземпляра (не считая двух упомянутых кладов) таковых в достоверности учтено 53. (Остальные – чеканка I в. до н.э.) Всё это медные тетраалки, дихалки и оболы. Приведём и их список.

№ п/п	№ по кол-лекционной описи	Описание монеты	Аналоги	Датировка
1	75/1984	Л.с. (?). О.с. Лук, стрела. ПАН (?), литник.	З. ХLI, 5.	Первая пол. – середина III в. до н.э.
2	443/1985	Л.с. (?). О.с. Лук, стрела вправо. ФА.	З. ХLII, 13; Ш. 112; А. 147.	250-200 гг. до н.э.; II в. до н.э.; 220-210 гг. до н.э.
3	445/1985	Л.с. Голова юного сатира влево. О.с. Лук, стрела вправо. ПАН.	З. ХLI, 4.	Первая пол. – середина III в. до н.э.
4	497/1987	Л.с. (?). О.с. Лук, стрела вправо. ПАН, надчеканка – треножник.	З. ХLI, 8; Ш. 70.	Первая пол. – середина III в. до н.э.
5	197/2007	Л.с. ?. О.с. ?	по фактуре, вероятно, З. ХLI. 5.	То же
6	56/2009	Л.с. (?). О.с. Лук, стрела вправо. ПАН (?).	З. ХLI, 6; Ш. 72; А. 146.	Середина III в. до н.э., 220-210 гг. до н.э.
7	130/2010	Л.с. Голова Аполлона вправо. О.с. Лук в горите. ПАН.	З. ХLII, 9; Ш. 95; А. 169	200-110 гг.; середина II в. до н.э. 150-140 гг. до н.э. (святилище).
8	104/2011	Л.с и О. с. не «читаются»		По фактуре, вероятно, III в. до н.э.
9	105/2011	Л.с. (?). О.с. Лук, стрела вправо. Надчеканка в виде звезды (?).	А. 133.	275-245 гг. до н.э.
10	106/2011	Л. с. Восьмилучевая звезда. О.с. треножник (?).	З. ХLII, 18.	Первая пол. – середина II в. до н.э.
11	108/2011	Л.с. Голова молодого сатира в венке влево. О.с. Лук, стрела вправо, ПАН.	З. ХLI. 4; Ш. 65; А. 133.	Первая пол. – середина III в. до н.э.; 275-245 гг. до н.э.
12	110/2011	Л.с. Голова Аполлона вправо. О.с. Лук в горите влево.	Ш. 95; А. 169.	Первая пол. – середина II в. до н.э.; 150-140 гг. до н.э.
13	111/2011	Л.с. Голова Аполлона вправо (?). О.с. Лук, стрела вправо. ПАН (?).	А. 146.	220-210 гг. до н.э.
14	143/2011	Л.с. (?). О.с. Лук, стрела вправо, ПАН (?).	З. ХLI. 5.	Первая пол. – середина III в. до н.э.
15	144/2011	Л.с. (?). О.с. Лук, стрела вправо, ПАН (?).	З. ХLI. 5.	Первая пол. – середина III в. до н.э.
16	145/2011	Л.с. (?). О.с. Лук, стрела вправо, ПАН (?).	З. ХLI. 5.	Первая пол. – середина III в. до н.э.

17	146/2011	Л.с. (?). О.с. Лук, стрела вправо, ПАН (?).	З. ХLI. 5.	Первая пол. – середина III в. до н.э.
18	147/2011	Л.с. Голова сатира влево. О.с. Лук, стрела вправо. ПАН.	З. ХLI. 5	Первая пол. – середина III в. до н.э.
19	148/2011	Л.с. Голова сатира влево. О.с. Лук, стрела вправо. ПАН.	З. ХLI. 5	Первая пол. – середина III в. до н.э.
20	149/2011	Л.с. Голова сатира влево. О.с. Лук, стрела вправо. ПАН.	З. ХLI. 5	Первая пол. – середина III в. до н.э.
21	209/2012	Л.с. Голова быка вправо. О.с. Плуг, колос. ПАН (?)	Ш. 83; А. 165.	Первая половина II в. до н.э.; 160–150 гг. до н.э.
22	211/2012	Л.с. Голова (?) вправо. О.с. Лук, стрела. ПАН.	А. 146.	220–210 гг. до н.э.
23	212/2012	Л.с. Голова Афины в шлеме вправо. О.с. Прора. ПАН.	Ш. 102; А. 183.	Ок. 110 или 125–115 гг. до н.э.
24	213/2012	Л.с. Голова Аполлона вправо. Лук в горите. ПАН.	З. ХLII. 9; Ш. 95; А. 169.	200–110 гг. до н.э.; первая пол. – середина II в. до н.э.; 150–140 гг. до н.э.
25	242/2013	Л.с и О.с. не «читаются»	По фактуре	III в. до н.э.
26	243/2013	Л.с. и О.с. изображение не «читается». Литник.	По фактуре – З. ХLI. 5.	Первая пол. – середина III в. до н.э.
27	244/2013	Л.с и О.с. не «читаются».	По фактуре.	III в. до н.э.
28	245/2013	То же.	То же	То же
29	246/2013	То же	То же	То же
30	247/2013	То же, но на О.с. – кажется, ПАН.	То же	То же
31	248/2013	Л.с. ?. О.с. Горит. ПАН.	Ш. ХLII. 9 (?)	200–110 гг. до н.э.
32	249/2013	Л.с и О.с. не «читаются».	По фактуре	III в. до н.э.
33	251/2013	Л.с. и О. с. не «читаются». Литник	По фактуре – З. ХLI.5.	Первая пол. – середина III в. до н.э.
34	191/2014	Л.с. (?) О.с. Лук, стрела вправо. ПАН. Литник.	З. ХLI. 5.	Первая пол. – середина III в. до н.э.
35	131/2015	Л. и О.с. не «читаются»	По фактуре	III–II вв. до н.э.
36	132/2015	Л.с. (?) О.с. Голова быка влево (?)	З. ХLI. 7; Ш. 64.	Первая пол. III в. до н.э.
37	133/2015	Л и О. с. не «читаются» Литник.	По фактуре	Первая пол. – середина III в. до н.э.
38	135/2015	Л.с. Голова быка вправо. О.с. Плуг, колос. ПАН (?)	Ш. 83; А. 165.	Первая половина II в. до н.э.; 160–150 гг. до н.э.
39	136/2015	Л.с. (?). О.с. Лук, стрела (кадуций ?) вправо. ФА.	З. ХLII. 13.	250–200 гг. до н.э.

40	137/2015	Л. и О. с не «читаются»	По фактуре	По-видимому, II в. до н.э.
41	138/2015	Л. и О. с не «читаются»	То же	То же.
42	139/2015	Л.с. Восьмиконечная звезда. О.с. Треножник (?)	З. XLIII, 18. (?).	Первая половина- середина II в. до н.э.
43	137/2016	Л.с. Голова безбородого сатира влево. О.с. Лук, стрела, надчеканка тренож- ник, слева ПАН	З. XLI, 8; Ш. VI, 70; А. IV, 139.	Третья четверть III в. до н.э.
44	188/2016	Л.с. Голова безбородого сатира влево. О.с. Лук и стрела, ПАН (деградирован- ный тип).	З. XLI, 5; Ш. VI, 66.	Третья четверть III в. до н. э.
45	189/2016	Л.с. Голова бородатого сатира влево. О.с. Рог изобилия между шапками Диоскуров, ПАНТИ	З. XLI, 20; Ш. VIII, 100; А. табл. 6, 175.	Последняя чет- верть II в. до н. э.
46	190/2016	Л.с. Звезда; между лучами П-А-Н-Т-И-К-А-П. О.с. Треножник.	З. XLIII, 18; А. табл. 7, 203.	Начало I в. до н. э. (?)
47	157/2016	Л.с. Голова Аполлона вправо. О.с. Дельфин влево, ПАН.	З. XLII, 10; Ш. VIII, 97; А. табл. 4, 140	Первая половина или середина II в. до н. э.
48	192/2016	Л.с. Голова безбородого сатира влево. О.с. Лук, стрела, надчеканка тренож- ник, под ним ПАН.	З. XLI, 8; Ш. VI, 70; А. IV, 139	Третья четверть III в. до н.э.
49	84/2018	Л.с. Голова безбородого сатира вправо. О.с. Шапки Диоскуров, ПАНТИ. -	З. XLI, 21; Ш., 101; А. 176.	Последняя чет- верть II в. до н.э.
50	85/2018	Л.с. Голова безбородого сатира вправо. О.с. Лук, стрела, ФА	З. XLII, 13; Ш. 112; А. 147	II в. до н.э.
51	86/2018	Л.с. Голова безбородого сатира влево (голова Аполлона?). О.с. Лук, стрела, ПАН. Надчеканка – треножник (или треножник – в качестве основного типа?)	З. XLI, 8 (или 9); Ш. 70 (или 69); А. 139 (или 141)	Третья четверть III в. до н.э.
52	88/2018	Л.с. Голова безбородого сатира влево. О.с. Рог изобилия между шапками Ди- оскуров, ПАНТИ	З. XLI, 20; Ш. 100; А. 175	Последняя чет- верть II в. до н.э.
53	95/2018	Л.с. Голова безбородого сатира влево. О.с. Лук, стрела, ПАН. Надчеканка – треножник.	З. XLI, 8; Ш. 70; А. 139	Третья четверть III в. до н.э.

Таким образом, «Полянка» демонстрирует большее разнообразие типов монет, главным образом, за счет эмиссий II в. до н. э., доля которых здесь, вообще, выше, чем на вышерассмотренных поселениях. При этом «нижняя» хронологическая граница практически не меняется, а вот «верхняя» –, кажется, ближе к рубежу II–I вв. до н. э. или даже чуть позже. Обстоятельство – весьма на наш взгляд, примечательное и пока необъяснимое. Окончательные выводы о хронологии каждого поселения, а следовательно, какие-либо исторические реконструкции, естественно, требуют комплексного привлечения

археологических (прочих в нашем распоряжении просто нет) источников. Монетные же находки, как мы видим, уже показывают некоторые локальные особенности памятников Крымского Приазовья и специфику местного денежного обращения. Более основательное изучение и осмысление данной категории археологического материала, разумеется, дело специалистов-нумизматов.

Список литературы

- Анохин, 1986. Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев.
 Зограф, 1951. Зограф А. Н. Античные монеты. МИА. 16. М.-Л.
 Шелов, 1956. Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI-II вв. до н. э. М.

Summary

A. A. Maslennikov

Coin finds from the Azov Littoral rural sites of the Hellenistic Epoch

The article deals with the statistics, typology and dating (according to the most accepted modern concepts) of coin finds made over the years during the excavations of settlements (Polyanka, Syuyurtash, Krutoi Bereg) of Hellenistic time (3-2 centuries BC) in the Crimean Azov region. A very significant area was opened and numerous and diverse mass material was obtained. This makes it possible to clarify, compare and correlate the chronological framework of monuments, which is important in terms of appropriate reconstruction for one of the most poorly covered by written sources periods of the history of the Bosphoran state.

А. В. Окороков*, Ю. О. Егоров**

(* *Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, г. Москва;*

** *Институт вулканологии и сейсмологии ДВО РАН, г. Петропавловск-Камчатский)*

К вопросу о локализации местоположения античного поселения Корокондама

Письменные источники, подкрепленные результатами многолетних археологических исследований, свидетельствуют об активном освоении древними греками Таманского п-ова, где, особенно в прибрежной зоне, на протяжении VI в. до н. э. возникает большое количество эллинских апойкий. Обусловлено это было многими факторами, но, в первую очередь, удобным географическим положением с точки зрения торговли, мореплавания и военно-морской стратегии, позволявшей контролировать прохождение морских судов по Боспору Киммерийскому – Керченскому проливу. Повышение уровня моря в результате фанагорийской трансгрессии привело к тому, что античные города и поселения (Акра, Патрей, Гермонасса, Фанагория, Кепы и др.), располагавшиеся в прибрежной зоне, частично оказались под водой. Одно из них – Корокондама находилось на южном берегу Таманского залива, именовавшегося в древности Корокондамитским озером.

Сведения античных авторов о Корокондаме – это, главным образом, периплы, то есть, своего рода лоции, описания берегов и проливов в указанном регионе. Этот пункт упоминается в «Географии» Страбона, у Клавдия Птоломея, в «Перипле Понта Эвксинского» Псевдо-Арриана, т. е. у авторов «римского времени». Согласно им:

– Корокондама являлась крайним населенным пунктом юго-восточной части современного Керченского пролива;

– располагалась напротив (в 70 стадиях = 14 км) селения Акра, в 180 стадиях от Синдской гавани и в 130 стадиях от Патрея;

– в районе местоположения Корокондамы находились удобные гавани. Однако функционирование гавани или порта у самого поселения ни Страбон, ни другие авторы не отмечают;

– Корокондама располагалась на узкой полосе земли, в виде выдающейся в сторону Боспора Киммерийского косы;

– название городка – явно не греческое, что позволяет сделать некоторые предположения относительно хотя бы части его населения.

Первым попытался определить местонахождения Корокондамы российский академик П. С. Паллас [Паллас, 1877, с. 23]. Впоследствии к этому возвращались многие отечественные историки, географы и археологи: П. Дюбрюкс [Дюбрюкс, 1858, с. 13], И. И. Бларамберг [Бларамберг, 1848, с. 13], А. Б. Ашик [Ашик, 1848, с. 444], К. К. Герц [Герц, 1870, с. 58], В. Ф. Гайдукевич [Гайдукевич, 1949, с. 512], Н. П. Сорокина [Сорокина, 1957, с. 50], М. О. Поночевный [Поночевный, 1891, с. 18] и др.

Суммируя результаты их работ, можно выделить следующие основные версии локализации:

- у Кизилташского лимана, в районе местечка Бугаз;
- в районе современной станицы Тамань;
- в районе мыса Тузла;
- севернее мыса Тузла, включая участок вдоль современного соленого озера Тузла;
- юго-восточнее мыса Тузла, между мысом Тузла и мысом Панагия.

Версия 1 не согласуется с описаниями древних авторов, в первую очередь Страбона, помещавшего поселение напротив «маленького селения по имени Акра», лежавшего в «области пантикапейцев» на расстоянии в 70 стадий. Местоположение полузатопленной Акры в настоящее время надёжно установлено в юго-восточной части Керченского п-ова, непосредственно к северу от мыса Такиль. При пересчете в метры, независимо от того какие в своем описании использует стадии Страбон (греческие или римские) и с учетом уровня моря в древности, искомая «точка» ложится на участок от Средне-тузлинского рифа до мыса Панагия, но никак не восточнее (в районе Кизилташского лимана).

По этой же причине сомнительна и Версия 2. Тем более, что по общепринятому мнению в данном месте находятся остатки античного города Гермонассы, археологические исследования которого ведутся многие десятилетия.

Довольно широкое распространение получила Версия 3. Она базируется на материалах раскопок древнего некрополя, располагавшегося на одноименном мысу и выявленного еще в середине XIX в. Единого мнения: какому поселению мог принадлежать Тузлинский некрополь среди исследователей нет. Большинство полагают, что он относился к античной Корокондаме.

Практически все авторы, помещавшие Корокондаму на мысе Тузла, отмечают, что само поселение, вероятнее всего, разрушено морем. Однако в результате многолетних подводных исследований, проводимых в разные годы В. Д. Блаватским (1957), А. Н. Шамраем (1977–1979), К. К. Шиликом (1982–1985), Д. Ф. Кравченко (1979–1982), А. В. Кондрашевым (1992, 1994–1997, 2005) и н. др., каких-либо следов культурного слоя или строительных остатков под водой выявлено не было. Дно в этом месте, по словам К. К. Шилика, представляло собой «голый бенч, сложенный коренной неогеновой глиной, на котором нет никаких отложений, в том числе нет и остатков культурного слоя» [Шилик, 2013, с. 60]. В тоже время на рифовой гряде мыса Тузла была собрана внушительная коллекция античных и средневековых якорей (более 60 экз.) практически всех типов, известных в Средиземноморье в VI в. до н. э. – XI в. н. э. и позже, представленная каменными и свинцовыми штоками греко-римского периода и железными якорями более позднего времени. Особый интерес вызвал придонный каменный вал (насыпь),

определенный как рукотворный¹. По мнению автора находки А. В. Кондрашева, она могла носить фортификационный характер или иметь гидротехническое (портовое) назначение [Кондрашев, 2000, с. 159–160]. Именно локализация якорной стоянки в сочетании с результатами исследований, позволивших выявить на отмели остатки искусственной (?) каменной гряды, дало основание К. К. Шилику и А. В. Кондрашеву предположить, что в данном месте находилась гавань античного городища Корокондама [Кондрашев, 2009, с. 174–175].

Версия 4 (местонахождении севернее мыса Тузла) была выдвинута в начале 1980-х гг. К. К. Шиликом и опубликована им в 1988 г. [Шилик, 1988, с. 5.]. В 2005 г. в данном районе отработала подводная археологическая экспедиция под руководством А. В. Кондрашева. В результате исследований были выявлены 3 комплекса, представлявшие собой «рукотворную каменную валообразную гряду (насыпь?)» и «хаотические скопления необработанных блоков плотного мелкозернистого песчаника и известняка». Между камнями были найдены фрагменты керамических сосудов VI–V вв. до н. э. [Кондрашев, 2005].

В 2013 г. К. К. Шилик, суммируя полученные результаты, писал: «Изучение аэрофотоснимка мыса Тузла и находки строительных остатков на дне позволяют говорить, что вслед за Акрой обнаружена Корокондама – сравнительно крупный для Боспора город площадью предположительно 12 га. У города была своя гавань, защищённая от опасных здесь ветров южных направлений. Защитой служила нынешняя Тузлинская гряда, восточная часть которой в античное время возвышалась над уровнем моря» [Шилик, 2013, с. 73].

Однако последующие исследования показали ошибочность данной версии. В сентябре–ноябре 2011 г. ООО «ИПЦ Специальных работ» совместно с Институтом археологии РАН под руководством А. Н. Гея на территории Темрюкского района Краснодарского края были проведены комплексные археологические изыскания по проекту «Создание сухогрузного района морского порта Тамань». Полевые работы велись двумя наземными археологическими отрядами под руководством Н. И. Сударева и А. А. Супренкова и отрядом подводных археологов под руководством С. В. Ольховского.

Для уточнения наличия культурного слоя на южной оконечности предполагаемого местонахождения античной Корокондамы, в пределах участка проектируемого порта, водолазами отряда было выполнено 4 шурфа 2×2 м. В результате на глубину около 1,5 м была зафиксирована следующая стратиграфия:

- 0,9 м верхнего слоя песка, перемешанного с ракушкой;
- 0,3 м ила, перемешанного с ракушкой;
- 0,2 м мелких, окатанных камней;
- плотный материковый песок.

Фрагментов керамики или каких-то строительных остатков при шурфовке выявлено не было².

¹ Авторы, допуская возможность частичной рукотворности насыпи, тем не менее считают, что она сформировалась в результате разрушения рифовой гряды.

² Отчетная документация о работах любезно предоставлена руководителем Центра подводной археологии ИА РАН С. В. Ольховским

В 2015 г. в рамках подводной археологической разведки в зоне строительства проектируемого газопровода Краснодарский край – Крым, экспедицией Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева под руководством авторов данной статьи были заложены ещё 4 шурфа 2×2 м глубиной 1,5–2,0 м ниже уровня дна. Ни следов культурного слоя, ни фрагментов керамики также выявлено не было. Экспертиза образцов гравия и гальки, поднятых из шурфов (2015 г.), проведенная в минералогической лаборатории геологического факультета МГУ, показала их местное происхождение [Огороков, 2015].

Данные геофизических исследований, включавших: магнитную съёмку, непрерывное сейсмоакустическое профилирование, съёмку поверхности дна гидролокатором бокового обзора и многолучевым эхолотом, позволили детально охарактеризовать строение осадочной толщи в этом районе. Эта информация была сопоставлена с материалами бурения, проведённого по линии прохождения трассы газопровода.

В декабре 2015 – феврале 2016 гг. ООО «Скуба-Сервис» были проведены подводно-технические работы по площадному водолазному обследованию дна прибрежной части 370-метровой полосы акватории проектируемого магистрального газопровода Краснодарский край – Крым в районе примыкания к соленому озеру Тузла (Тамань). Целью работ, согласно Техническому заданию, являлись поиск и выявление взрывоопасных предметов (ВОП). Общая площадь исследований составила 21 га. Обследование дна проводилось поквратно (21 квадрат 100×100 м) с использованием металлодетекторов «Sea Hunter Mark II» и «Garrett infinium LS».

В результате осмотра участка, где по версии К. К. Шилика и А. В. Кондрашева могли находиться затопленные остатки античного поселения Корокондама, никаких археологических находок и остатков каких-либо строительных материалов выявлено не было³. Таким образом, анализ археологических и инженерно-строительных материалов показал, что длительное существование поселения на рыхлых песчаных пляжах, постоянно трансформируемых морем, маловероятно. Кроме того, возраст песчаных наносов до глубины 6 м, по материалам скважины МГУ, пробуренной на Тузлинской косе, не превышает 600 лет. Каменистая же гряда, идентифицированная ранее как «рукотворная», является фрагментом крыла складки, круто падающие слои которой в этом месте представлены известняками, разрушенными (и разрушаемыми) природными процессами (воздействие волн, льдов в зимний период, сверление моллюсками и др.). Концентрация же фрагментов керамики на южных склонах этой гряды, свидетельствует о том, что они, вероятно, были принесены сюда с южных объектов, например, с рифовой зоны в районе мыса Тузла, куда в свою очередь, они могли попасть из разрушающегося некрополя. Их дальнейшее движение под воздействием волн и течений было блокировано возвышающейся над дном каменистой грядой.

И, наконец, последним веским доказательством отсутствия в этом районе следов античного поселения являются результаты подводных работ, выполненных при строительстве магистрального газопровода «Краснодарский край – Крым». Они сопровождалась

³ Отчетная документация о работах любезно предоставлена генеральным директором ООО «Скуба-Сервис» К. В. Орбаченко.

археологическим наблюдением А. В. Степанова (ИА РАН). Каких-либо следов культурного слоя, скоплений керамики или строительных остатков выявлено не было⁴.

А теперь обратимся к версии 5.

В настоящее время в прибрежной части, на отрезке между мысом Тузла и мысом Панагия, зафиксированы остатки трех поселений античного периода: Волна 2 (на основе керамического материала, выявленного в разные годы при археологических разведках памятник датируется VI–I вв. до н. э.), Волна 3 (IV в. до н. э. – III в. н. э.) и Тамань 1 («Пятиколодезное»). Последний – представляет для нашего исследования особый интерес.

На карте 1817 г. в этом месте указан пункт «Кишла раз». В. В. Шкорпил, исследовавший здесь древние «гробницы», именует это место «хутор Алексея Кротенко». В. В. Соколов – автор «Карты древних поселений и могильников в районе станицы Таманской» (1915 г.) – «участком наследников Кротенко». На карте 1941 г. оно отмечено как «МТФ (молочно-товарная ферма) 2 Кротков», на карте Генерального штаба 1989 г. – «МТФ № 2 совхоза Южный».

В настоящее время эта местность представляет собой холмистую равнину с небольшим уклоном к западу (к морю) и югу. Упомянутая МТФ не существует, от неё сохранились лишь развалины строений, двухэтажный жилой дом и несколько хозяйственных построек. К югу и западу от них равнина прорезана балкой, вероятно, древним руслом реки. У моря равнина заканчивается высоким глиняным клифом, в пределах которого хорошо видны эрозионные врезы и оползневые тела. В зоне пляжа можно наблюдать вывалы известняков, обработанных волнами. Мутность воды у берега указывает на то, что побережье интенсивно размывается даже при небольшом волнении (рис. 1).

Первые исследования городища были проведены в 1911 г. В. В. Шкорпил, который осуществлял наибольшие раскопки двух некрополей, выявленных в этом районе. К сожалению, в его отчете нет точной географической привязки объектов. Говорится лишь, что один некрополь был у мыса Тузла (очевидно, Тузлинский некрополь), другой – у хутора Кротенко. В обоих был найден материал VI–III вв. до н. э. По мнению В. В. Шкорпила оба некрополя могли относиться к одной колонии. Он же отмечал, что в районе Тузлинской грязелечебницы и у хутора Кротенко сохранились следы древних жилищ, правда слишком незначительных, чтобы быть остатками деревень или городов [Шкорпил, 1914, с. 1–3].

В 1953 г. поселение и некрополь были обследованы Синдским отрядом Таманской экспедиции под руководством проф. В. Д. Блаватского. Было установлено, что поселение возникло в VI в. до н. э. и существовало до IV в. н. э. Монументальный характер построек и вымостки, а также обильный инвентарь в могилах, позволили предположить, что жители поселения были довольно зажиточны. Строения в основном сооружались из камня, часть помещений была покрыта штукатуркой с красной облицовкой. Крыши крыты черепицей, причем, не только боспорской, но и привозной (рис. 2). Жители занимались сельским хозяйством и переработкой его продуктов, виноградарством и виноделием, рыбной ловлей (находки грузил, раковин моллюсков), гончарным производством. О торговых связях свидетельствовали находки фрагментов амфорной тары:

⁴ Отчетная документация о работах любезно предоставлена научным сотрудником ИА РАН А. В. Степановым.

Рис. 1. Средняя Тузла. Вид с мыса на север, в сторону м. Тузла

Хиоса, Фасоса, Синопы, Гераклеи, Коса, Родоса и посуды ионического, аттического, малозийского и местного боспорского производства.

Все это позволило В.Д. Блаватскому предположить, что данное поселение может являться античной Корокондамой [Блаватский, 1957, с. 118–129]. Н.П. Сорокина в своей работе «Тузлинский некрополь» возражала, мотивируя это тем, что «расположение этого поселения противоречит данным Псевдо Арриана. Оно теперь находится в 1 км от берега моря, а в античную эпоху отстояло от него еще дальше» [Сорокина, 1957, с. 49]. Однако такое мнение было справедливо исходя из представлений (размерах и местоположении) об этом памятнике 1950-х годов. Современные исследования (работы С. А. Буравлева и А. А. Супренкова) показали, что в настоящее время его западная граница примыкает к обрывистому берегу и уже в значительной степени разрушена абразией.

Важное значение для изучения древнего поселения и некрополя у хутора Кротки имели и работы Я. М. Паромова. В 1980-х гг. на базе анализа аэрофотосъёмки и собранного подъемного материала он попытался определить границы этого памятника. Согласно его топографическому плану, на западе они ограничивались берегом Черного моря, а на юге – ложиной (руслом реки?). Северная и восточная границы были предположены по распространению подъемного материала. По расчетам Я. М. Паромова, размеры памятника составляли 1000×750 м, а мощность культурного слоя, прослеженного в береговых обнажениях, достигала 1,5 м. В микрорельефе им были зафиксированы пологие возвышения, цвет грунта на которых был светлее, чем на остальной площади, а также скопления керамики. По мнению Я. М. Паромова, это были области плотной

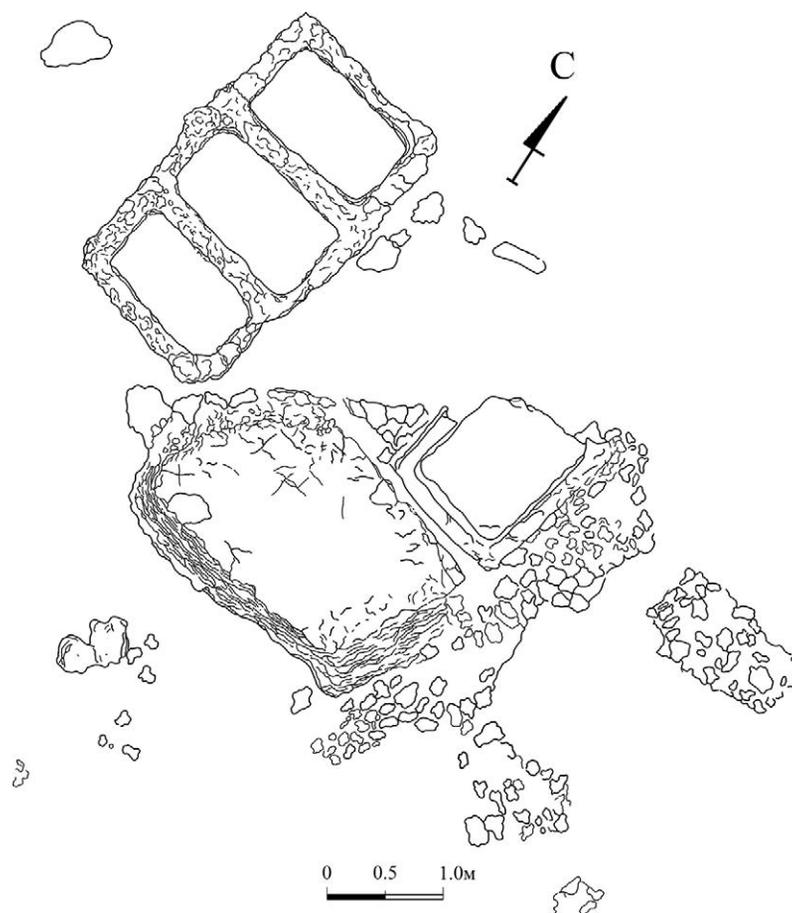

Рис. 2. «Пятиколодезное». План винодельни.
Раскопки В. Д. Блаватского, 1953 г.

застройки. В ходе его разведок удалось собрать большое количество профильных фрагментов керамики, позволившей датировать памятник, который получил наименование «Тамань 1», VI–III вв. до н. э. [Паромов, 1992, с. 421–425].

Интересная информация по древней системе межевания в окрестностях поселения «Тамань 1» представлена в статье Ю. В. Горлова, А. В. Поротова и Г. В. Требелевой, посвященной ландшафтно-геоморфологическому облику Таманского полуострова в древности. Проанализировав ряд материалов, в том числе данные дистанционного зондирования земной поверхности, авторы сделали предварительный вывод, что район поселения «Тамань 1» представляет собой остатки следов землеустройства сельской территории небольшого боспорского городка. По их мнению, это был самостоятельный центр городского типа уже на начальном этапе освоения полуострова, и его сельская территория отличалась по структуре от хоры Гермонассы. Общий размер размежеванного радиально-концентрическим образом пространства составлял около 200 га. При этом основания «лучей», образующих межевание, находятся в настоящее время в море, на расстоянии около 0,5 км от уреза воды [Горлов и др., 2006. с. 70–72].

В 2010 г. работы в южной части поселения велись Восточно-Боспорской археологической экспедицией ИА РАН под руководством Н.И. Сударева и С.В. Кашаева (ИИМК РАН). Удалось уточнить восточную и юго-восточную границы памятника (он имел несколько большие размеры) и отметить разрушения в районе некрополя.

В следующем году в районе хутора Кротки была проведена детальная археологическая разведка, направленная на уточнение границ и мощности культурного слоя памятников археологии, попадавших в зону планировавшегося строительства сухогрузного морского порта Тамань [Буравлев, 2011].

Предварительные результаты всех проведенных недавно археологических работ в сравнении с изысканиями предшественников были изложены в упомянутой выше статье А.А. Супренкова. Исследователям удалось проследить распределение датирующего материала и определить насыщенность культурного слоя на разных участках поселения.

На основе характера находок и объектов, выявленных при археологической разведке, они высказали предположение, что памятник «Тамань 1» мог относиться к сельским поселениям, как его ранее и интерпретировал В.Д. Блаватский. Территория поселения смещалась с течением времени с запада на восток, от берега моря, вглубь суши, что, вероятнее всего, было связано с береговой абразией. Однако, учитывая результаты геоморфологических исследований и видимые на космических снимках следы межеваний, они не отрицают возможности того, что это поселение являлось периферией небольшого полиса, значительная часть которого в настоящее время находится под водой (или уничтожено морем) [Супренков, 2012, с. 427–432].

В июле 2016 г. авторами статьи в составе группы исследователей (А.В. Огороков, А.В. Степанов, Ю.О. Егоров, А.В. Кулагин, Д. Дмитриев) была визуально осмотрена прибрежная часть разрушаемого поселения. У подножия берегового обрыва удалось найти несколько обломков керамики V в. до н. э. – IV в. н. э., а также кусок плинфы, попавшие сюда, вероятно, в результате обвально-оползневых процессов. Одновременно были проведены разведочные подводные изыскания.

Напомним, что первые подводные археологические исследования Средне-Тузлинского рифа были предприняты ещё в 1981 г. Таманской подводно-археологической экспедицией под руководством Д.Ф. Кравченко⁵. В результате разведочных погружений примерно в 700 м от берега, на глубине 5,0 м были найдены объекты XIX–XX вв. и железный якорь VII–XI вв. н. э. [Кравченко, 1982].

В 1992 г. исследование рифа было продолжено подводной археологической экспедицией Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына и Центра комплексных подводных исследований под руководством А.В. Кондрашева. Общая площадь визуального осмотра дна составила около двух га. Среди камней рифовой гряды были найдено 2 железных якоря VII–XI вв. н. э. (на глубине 3,6 и 6,3 м), 4 фрагмента керамики разного времени (от I–II вв. н. э. до X–XII вв. н. э.) на глубине 5,6–6,5 м и якорный камень на глубине 5,6 м [Кондрашев, 1993]. Датировка

⁵ Один из авторов статьи (А.В. Огороков) участвовал в экспедиции в качестве художника-архитектора.

последней находки затруднительна из-за широкого диапазона использования таких весовых якорей.

В 1995 г. экспедицией Краснодарского музея-заповедника был обследован участок дна площадью в один га. Среди находок следует выделить 2 каменных якорных штока VII–IV вв. до н. э. (глубина залегания 5,0 и 5,8 м) и часть свинцового штока II вв. до н. э. – IV в. н. э. (глубина 4,8 м) [Кондрашев, 1996]. Все эти находки дали дополнительную информацию при последующей реконструкции древней береговой линии.

В 2016 г. на глубинах от 0,5 до 2,5 м авторами были выявлены скопления известняковых камней-плит правильной формы со следами искусственной обработки (прослежены примерно на расстоянии до 300 м от берега). Они лежат «автономно» на плотных неогеновых глинах и присыпаны песком (рис. 3, 4). По-видимому, они являются остатками древних построек и попали сюда, вероятнее всего, при обрушении берега. Между плитами наличествовали камни неместного (привозного) происхождения: кварциты, грано-диориты, слюдистые сланцы и гнейсы, а также, в меньшем количестве – базальты, андезиты-базальты и н. др. В большинстве своем они представляли собой хорошо окатанные валуны и крупную гальку. Как известно, привозной камень (балласт судов) широко использовался при строительстве зданий и вымосток в античных прибрежных поселениях. Фрагментов керамики между камнями обнаружено не было, что, в общем, не удивительно, если учесть очень активную волновую обработку прибрежной зоны.

В период с 2015 по 2017 гг. на акватории от мыса Тузла до мыса Панагия, в рамках строительства ряда гидротехнических объектов, при участии авторов было выполнено большое количество геолого-геофизических изысканий. В частности: гидромагнитная съёмка, непрерывное сейсмоакустическое профилирование, съёмка дна гидролокатором бокового обзора, многолучевым эхолотом СиБим. Кроме того, был получен значительный материал по изыскательским скважинам, который позволил провести сеймостратиграфический анализ по площади работ. При этом опорной являлась скважина МГУ-02 (коса Тузла). Согласно всем этим данным были проведены комплексные исследования, позволившие оценить возраст различных фаций осадочной толщи, их состав, скорость осадконакопления, климатические особенности региона в различные периоды времени, а также особенности изменения растительности на побережье [Свиточ и др., 2010]. Эти материалы значительно обогатили информацию о геологическом строении, характере осадконакопления и особенностях морской абразии, исследуемого района.

В полевой сезон 2018 г. авторами статьи при содействии специалистов Научно-производственного предприятия «Форт XXI» (руководители: С. В. Дунчевская, Л. А. Иванов) был проведён детальный осмотр берегового обрыва, пляжа, прибойной зоны и обширного мелководья Средне-Тузлинского рифа. Выполнен комплекс исследований дистанционными методами (эхолотный промер, съёмка дна гидролокатором бокового обзора, сейсмоакустическое профилирование). В результате была построена детальная батиметрическая карта, собрана мозаика поверхности морского дна по данным ГБО, построены разрезы осадочных комплексов по данным высокочастотного сейсмического профилирования. Полученные материалы позволили определить форму и структуру рифовых гряд, оценить структуру и тип донных осадков, их вертикальную

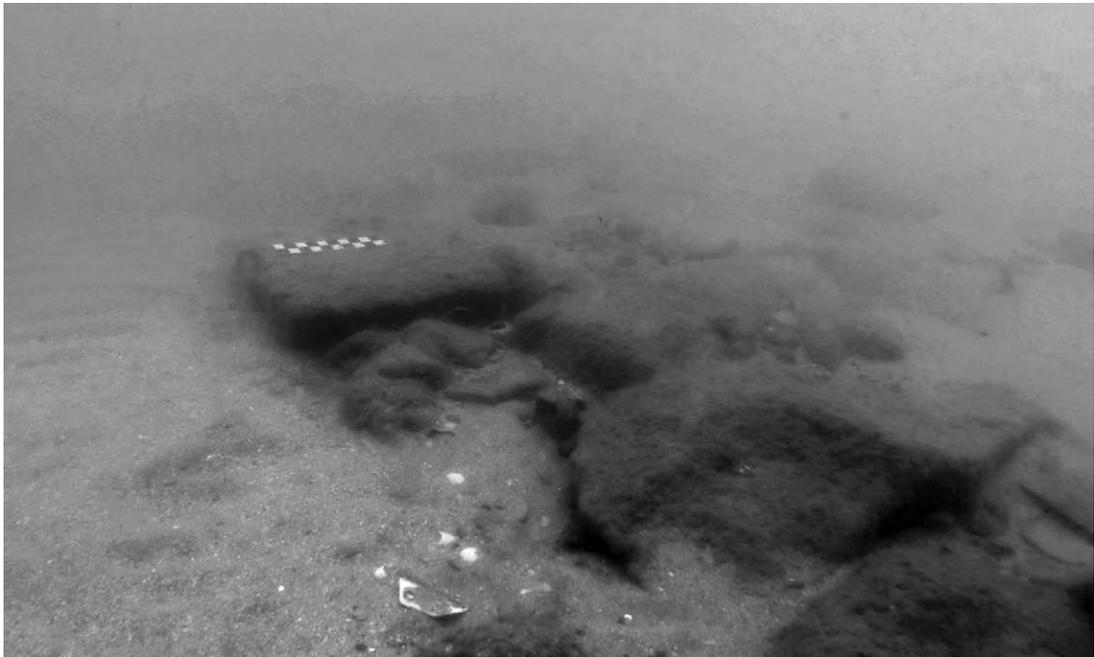

Рис. 3. Группа изометричных отёсанных, твёрдых плитчатых известняков на морском дне

Рис. 4. Группа отёсанных изометричных известняковых блоков и россыпь окатанных привозных пород камня различного состава, от габбро до гранитов.

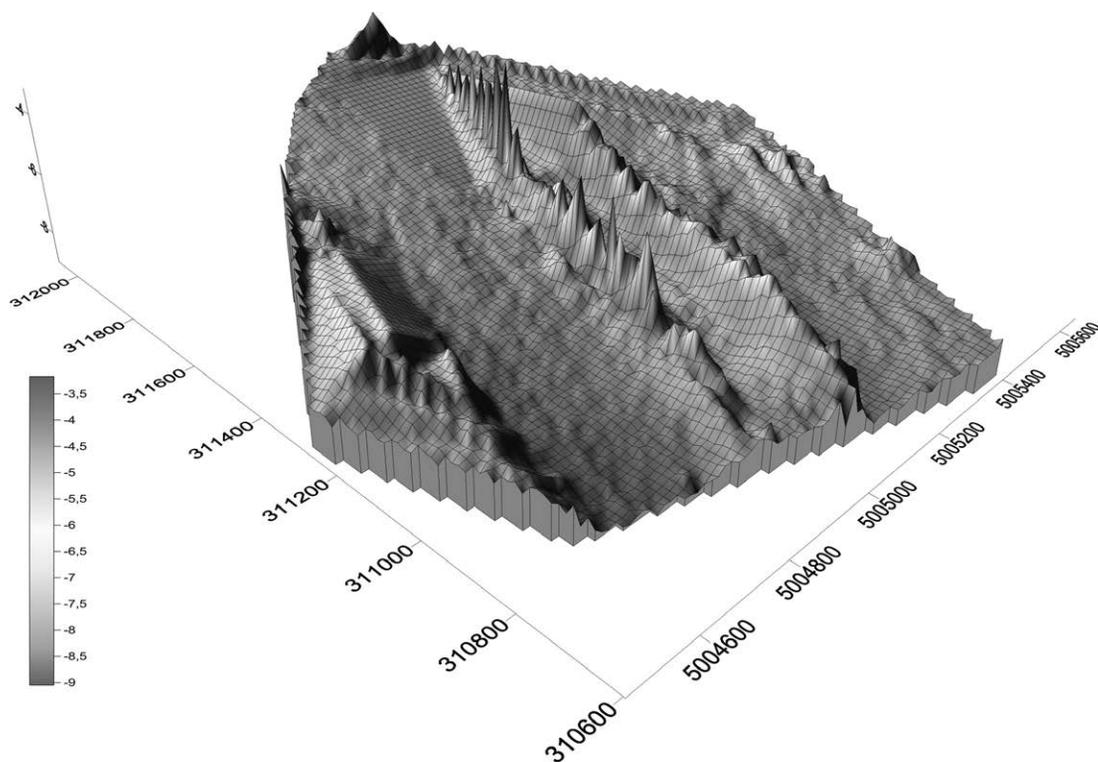

Рис. 5. 3D схема поверхности дна исследуемого участка

и горизонтальную изменчивость, что, в свою очередь, значительно помогло в восстановлении конфигурации древних береговых линий [Огороков, 2019].

Эти исследования показали, что в настоящее время на акватории в районе Средней Тузлы существуют две рифовые гряды, сложенные известняками различного состава (рис. 5). Эти гряды в прошлом, при низком стоянии моря, могли быть цепочками небольших островов, часть которых объединяли аккумулятивные косы и пересыпи. Между грядами существовали бухты и лагуны. Впоследствии эти формы рельефа подвергались размыву (формировались поверхности выравнивания) а, затем, при повышении уровня моря, оказались под водой в зоне малодоступной для абразионного воздействия волн.

Анализ имеющихся в распоряжении авторов геологических материалов и проведенные натурные исследования показали, что современный, высокий (до 20 м) береговой обрыв сложен четвертичными суглинками, которые почти полностью нивелируют неогеновые палеоформы рельефа. Формировался он в период трансгрессии моря, и на протяжении нескольких веков в значительной степени продвинулся вглубь побережья под воздействием морской абразии.

Разрушение берегового обрыва происходит следующим образом: образуются литрические сбросы, формируются оползневые тела, затем происходит их смещение в сторону пляжа по обводненным слоям-коллекторам, которые являются превосходной смазкой. Отметим, что коллекторы в этом районе значительно обводнены даже

в засушливый период. То есть, чистые грунтовые воды здесь присутствуют круглый год. Поэтому участок археологического объекта «Тамань 1» – «Пятиколодезного» был удобным местом для поселений во все времена. Здесь кроме прудов с метеорной водой находятся хорошие источники пресной воды. В пределах балки, где располагалось древнее поселение, до слоёв коллекторов возможен прямой доступ, т. е. обычный колодец, который будет поставлять большое количество чистой пресной воды. Выходящие на дневную поверхность в нижней части берегового обрыва грунтовые воды и в настоящее время формируют небольшие озёра в оползневых телах. По этой причине здесь, под клифом у берега, даже во второй половине августа произрастает буйная зелень.

При движении от рифа к побережью, в клифе можно наблюдать вывалы мшанковых известняков в крыле складки из коренного залегания – это береговое продолжение рифовой гряды. Тут находится протяжённая и достаточно глубокая балка, сформированная активными эрозионными процессами на суше; по этой причине мощность верхнечетвертичных суглинков мала. В балке и в её притоках существовали многочисленные пруды. Современные же пруды прекращают своё бытование по причине замыкания продуктами разрушения дневной поверхности метеорными водами.

Иную ситуацию мы наблюдаем в Северной оконечности Средней Тузлы. Этот участок имеет характерное и своеобразное строение. Здесь, в пределах пологой синклинали, в береговом обрыве обнажаются хорошо выдержанные по мощности пласты конгломератов, сложенные древними пляжевыми отложениями. Конгломераты залегают на водоупорных и обводнённых в кровле неогеновых глинах. Выше по разрезу они перекрыты верхнечетвертичными суглинками.

Как показали полевые исследования, на интенсивность разрушения берега в данном районе влияют два взаимосвязанных процесса: морская абразия и оползни. Море размывает береговой обрыв, давая возможность движению блоков на побережье. Блоки эти находятся в неустойчивом состоянии, так как в коллекторах вода постепенно вымывает мелкую песчаную фракцию. Глиняная водоупорная подстилка служит прекрасным смазочным материалом. Блоки оседают, формируются классические листрические сбросы, начинается движение оползневого тела к пространству, высвобожденному морской абразией. Процесс идёт быстро и практически непрерывно. Мягкие породы интенсивно размываются в период сильных штормов, более плотные, такие как конгломераты, вскрытые в синклиналиях, формируют у обрыва экзотические груды значительных по объёму блоков. Если процесс оползания идёт равномерно, то и блоки породы лежат ровными полосами, постепенно уходя в море.

Есть ещё один сценарий разрушения берега – катастрофический. Следы таких явлений обнаружены на побережье к югу от мыса Тузла (Средняя Тузла). Здесь довольно далеко от берега лежат блоки конгломерата, которые практически не обработаны волнами и сохранили свою угловатую форму, что указывает на то, что они не находились в зоне воздействия волн, а сразу оказались на глубине, в отдалении от берега. Поле блоков занимает значительный участок морского дна, следовательно, в море переместился большой по площади участок побережья. Мягкие породы плейстоцен-голоценового возраста разрушило море, а конгломераты остались на дне. Такой процесс возможен при землетрясении, когда в водонасыщенных слоях-коллекторах проявляются

тиксотропные свойства. Тиксотропные явления в глинистых грунтах – это способность грунтов под влиянием механического воздействия, например, встряхивания или вибрации, разжижаться и переходить в золи или суспензии, которые являются идеальной смазкой, а затем, когда воздействие устранено, восстанавливать прежнее устойчивое состояние. Поэтому землетрясение, даже небольшое, может служить своеобразным спусковым механизмом для возникновения грандиозного обвала. Обвал такого типа может не только переместить большие объёмы грунта, но и вызвать значительную волну. Подобные явления хорошо известны и зафиксированы даже в XX веке⁶. На побережье Тамани площадь отдельных оползневых блоков сопоставима с размером футбольного поля. Один из таких оползней мог сформироваться в период от 2 до 2,5 тыс. лет назад. Если на противоположном берегу пролива, на побережье, существовало поселение, оно, скорее всего, было разрушено, а затем погребено под слоем оживленных осадков. При этом многое: основания построек, части крепких стен, вымостки, утварь, посуда – могло сохраниться в весьма хорошем состоянии: При нынешнем повышении уровня моря и активной абразии такие руины могут быть «отпрепарированы» волнами и появиться на дневной поверхности либо на мелководье. Похожую ситуацию мы можем наблюдать в районе античного поселения Акра, на крымском побережье Керченского пролива.

Имеющиеся в настоящий момент материалы по геологии, космолокации, сейсмическому профилированию, эхолотному промеру, а также съемки морского дна гидролокатором бокового обзора, позволяют сделать предварительную реконструкцию береговых линий исследуемого района. Основным маркером древних береговых линий являются участки склонов с высоким градиентом, с резкими перегибами. Кроме того, учитывались особенности поддонных границ и характер поверхностей современного морского дна.

Весьма значимыми оказались данные космолокации; в данном районе на акватории они были информативны до глубин моря 8–12 м. По их результатам были охарактеризованы не только древние береговые линии, но и особенности их строения.

Особый интерес вызывают палеоформы, представленные на рис. 6. Деталь космолокации в районе «Холодной балки», находящейся в полутора километрах к северу от мыса Панагия, был отснят в период продолжительного штиля, в результате чего рассеяние от водной толщи было минимальным, а дно просматривалось до глубины 7–10 м достаточно хорошо. На снимке отчётливо виден древний клиф, который частично сохранился благодаря тому, что формировался в плотных глинах и глинистых сланцах. В клифе прослеживаются эрозионные врезы (показаны индексом **A**), которые существовали при низком уровне моря. В настоящее время по ним сбрасываются (вниз по склону) значительные объёмы осадочного материала – продукт разрушения побережья штормовыми волнами. Ближе к берегу заметна ещё одна палеоформа, возможно, ещё одна береговая линия. Просматриваются фрагменты пляжа (показаны индексом **B**). Современный клиф (показан индексом **B**) по своему строению очень похож на древнюю

⁶ Например, цунами на Аляске произошедшее 9 июля 1958 г. в заливе Литуйя MODELING THE 1958 LITUYA BAY MEGA-TSUNAMI, II Charles L. Mader Los Alamos National Laboratory Los Alamos, NM 87545 U.S.A. Michael L. Gittings Science Applications International Corporation Los Alamos, NM 87545 U.S.A. LA-UR-02-5632. The International Journal of The Tsunami Society Volume 20 Number 5 Published Electronically 2002 P. 240–251).

Рис. 6. Фрагмент космолोकации района между мысом Панагия и Холодной балкой

форму, которая сейчас находится под водой. Таким образом, вполне допустимо, что уровень моря рос неравномерно. Были периоды быстрого подъёма моря, но существовали и длительные промежутки времени, когда его уровень был стабилен. Проведенные в полевые сезоны 2016 и 2018 гг. подводные работы позволили зафиксировать ряд объектов, представляющих интерес для наших исследований. В первую очередь, это изометричные блоки известняков со следами ручной обработки, лежащие на глиняном основании, не имеющие «корней» и попавшие сюда из остатков фундаментов построек и вымосток в результате морской абразии и оползания участков побережья. Во-вторых,

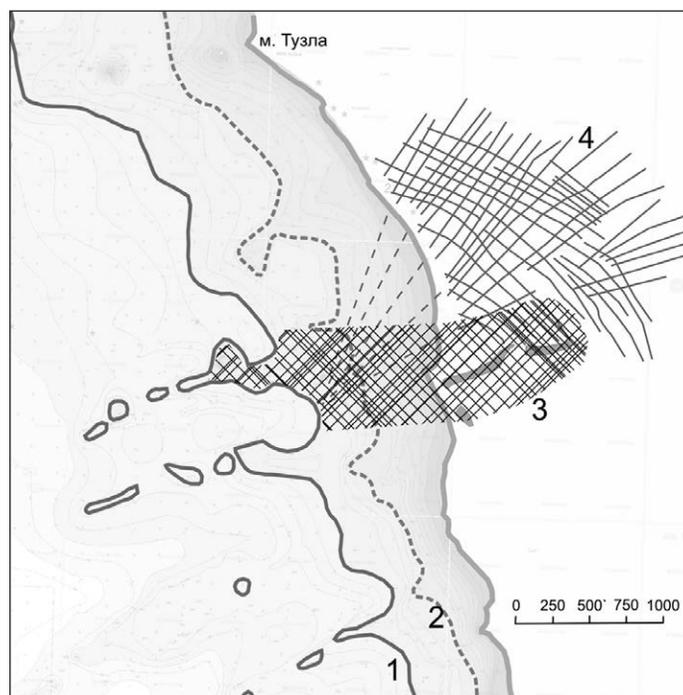

Рис. 7. Предварительная реконструкция береговых линий на участок от мыса Тузла до Средней Тузлы

инородный каменный материал, представленный привезёнными породами, не встречающийся в районе исследований в естественном залегании.

Итак, в результате анализа комплекса данных была построена предварительная схема положения линий побережья на два периода времени (рис. 7). Временные интервалы, безусловно, не точны; для их конкретизации необходимы дополнительные исследования и осмысление имеющегося материала по возрастам отдельных структур на полуострове. Бесспорным является факт наличия древних береговых линий, в дальнейшем, при получении дополнительных данных, их можно оконтурить достаточно точно. Также бесспорен факт существования в древности уходящих в море от побережья цепочек островов соединённых косами. Эти формы не аккумулятивные; они возникли в процессе денудации побережья и сохранились по причине большей прочности слагающих их пород. Также очевиден факт наличия в древности небольших приглубых бухт среди цепочек островов. Их следы хорошо читаются на сейсмических записях.

Таким образом, результаты проведенных исследования, с учетом выводов предшественников и современных исследователей, позволяют с большой вероятностью локализовать местоположение античного поселения Корокондама именно в районе жилой зоны бывшего хутора Кротенко (Кротки), молочной фермы совхоза «Южный» (памятник археологии «Тамань 1» – «Пятиколодезное») и прилегающей к ним акватории. Поселение (городок) возникло примерно в VI в. до н.э. в прибрежной зоне, представлявшей в античный период залесенный пологий склон с выходами в море небольших кос и цепочки островов. Очевидно, оно не имело собственного благоустроенного порта или

хотя бы гавани, в связи с чем, вероятно не играло важного торгового значения. Его жители занимались в основном сельским хозяйством и рыбной ловлей, о чём убедительно свидетельствуют находки у мыса Панагия, в районе современного рифа Трутаева большого количества рыболовных грузил и якорных камней (более 40), использовавшихся в древности на маломерных плавсредствах. Все эти камни имели вес около 30 кг (оптимальный для одного человека) и были изготовлены из известняков местного происхождения. В качестве якорных стоянок прибывавших кораблей использовались места в прямой видимости недалеко от данного поселения: в районе мыса Панагия, у рифа Трутаева и рифовой гряды у мыса Тузла.

Эти рифы, сложенные мшанковыми известняками, в античное время, вероятно, представляли собой косы, выступавшие над водой на 2–3 м и прикрывавшие участок прибрежной зоны от южных, юго-восточных (риф Трутаева), а также северных и северо-восточных (Тузлинский риф) ветров.

Важно отметить, что согласно современным исследованиям, ветры юго-восточных направлений преобладают в этом районе в весенний период, северных и юго-западных – в летний, северных и северо-восточных – осенью. Причем, наиболее сильные ветра (более 15 м/с) преимущественно северного и северо-восточного направлений, в основном приходятся на октябрь–апрель. Скорее всего, роза ветров в античное время была близка современной. Нахождение большого количества (более 100) якорей и их частей античного и ранне-средневекового периодов во внутренней акватории Тузлинского рифа и рифа Трутаева, говорит о том, что именно на осенне-зимний период приходится наибольшее количество кораблекрушений и потерь якорей в этом районе.

С постепенным повышением уровня моря и с активизацией природных процессов на суше (землетрясение, извержение грязевых вулканов), ускорился процесс разрушения глиняного клифа, прибрежные постройки в поселениях уничтожались в результате оползневых процессов, а затем под воздействием волн. В связи с этим, жилая зона поселения стала сдвигаться с запада на восток – вглубь побережья, а прибрежная часть, погружаясь под воду, интенсивно «перемалывалась» течениями, сильными штормами, а временами её перекрывали оползневые тела, поступающие с разрушаемого берега.

Важнейшим разрушающим факторам для побережья являются оползни, отдельные блоки которых достигают значительных размеров. Измеренные нами площади оползневых тел вблизи поселения Кротки достигают размеров 280×85 м. Части самих оползневых тел, сложно размываемых морем (конгломераты и ракушечники), чётко просматриваются на морском дне, на расстоянии от 30 до 50 м от уреза воды. Вероятно, некоторые из них были сброшены в море одновременно, что, как уже писалось, могло быть спровоцировано землетрясением. Оползневые блоки с остатками культурного слоя, попавшие в воду, являются поставщиками артефактов, в частности керамики, которая в дальнейшем перемещается береговыми течениями до препятствий, в частности рифов, либо искусственных сооружений.

В настоящее же время большая часть раннего городка Корокондама уничтожена морем и частично погребена под наносами донных осадков на расстоянии примерно 0,5 км в море от современного уреза воды. Но более поздние его остатки ещё доступны исследованиям.

Список литературы

- Ашик, 1848. Ашик А. Б. Боспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Ч. I–III. СПб.
- Блаватский, 1957. Блаватский В. Д. Четвертый год раскопок в Синдике // КСИИМК. 70.
- Бларамберг, 1848. Бларамберг И. И. Замечания на некоторые места древней географии Тавриды // ЗООИД, Т. II.
- Буравлев, 2011. Буравлев С. А. Отчет о спасательных археологических разведках, направленных на уточнение границ и мощности культурного слоя, памятников археологии, попадающих в зону строительства сухогрузного района морского порта Тамань в Темрюкском районе Краснодарского края в 2011 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 29247.
- Гайдукевич, 1949. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М., – Л.
- Герц, 1870. Герц К. К. Археологическая топография Таманского полуострова. М.
- Горлов и др., 2006. Горлов Ю. В., Поротов А. В., Требелева Г. В. Юго-западное побережье Таманского полуострова в античную эпоху // ДБ. 9.
- Дюбрюкс, 1859. Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, существовавших на Европейском берегу Боспора Киммерийского // ЗООИД, Т. IV.
- Кондрашев, 1993. Кондрашев А. В. Отчет о проведении подводной археологической разведки на участке мыс Панагия – мыс Тузла Темрюкского района Краснодарского края в 1992 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 17375.
- Кондрашев, 1996. Кондрашев А. В. Отчет о проведении подводной археологической разведки у мыса Тузла Темрюкского района Краснодарского края в 1995 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 19601.
- Кондрашев, 2000. Кондрашев А. В. Корабельная стоянка у мыса Тузла в Керченском проливе // Таманская старина. Греки варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н. э.). СПб. Вып. 3.
- Кондрашев, 2005. Кондрашев А. В. Отчет о проведении археологических разведок в Керченском проливе у мыса Тузла Темрюкского района Краснодарского края в 2005 году (Архив ИА РАН. Р-1, № 26916).
- Кондрашев, 2009. Кондрашев А. В. Затопленное античное поселение у мыса Тузла // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар.
- Кравченко, 1982. Кравченко Д. Ф. Отчет о проведении подводной археологической разведки побережья Таманского полуострова (в районе мысов Тузла, Панагия, Железный Рог) в 1981 г. (Архив ИА РАН, Р-1, № 10058).
- Окороков, 2015. Окороков А. В. Отчет о проведении археологической разведки в южной части Керченского пролива, прибрежной части территории Ленинского района

- Республики Крым, прибрежной части территории Темрюкского района Краснодарского края в 2015 году (Архив ИА РАН. Р-1, № 28509).
- Окороков, 2018. Окороков А.В. Отчет о проведении археологической разведки в прибрежной части акватории Керченского пролива (Черное море) в районе мысов Тузла и Панагия в Темрюкском районе Краснодарского края в 2018 году (Архив ИА РАН. Р-1).
- Паромов, 1992. Паромов Я.М. Археологическая карта Таманского полуострова. Ч. I. М. (Препринт)
- Паллас, 1877. Паллас П.С. Разные замечания касательные до острова Тамана // ЗООИД. X.
- Паромов, 1992. Паромов Я.М. Археологическая карта Таманского полуострова. Ч. I. М. (Препринт)
- Поночевный, 1891. Поночевный М.О. Географический очерк Боспорского царства // Кубанский сборник. II. Екатеринодар.
- Свиточ и др., 2010. Свиточ А.А., Дикарев В.А., Янина Т.А., Арсланов Х.А. Материалы комплексной обработки скважины МГУ-02: коса Тузла // Черноморский регион в условиях глобальных изменений климата: закономерности развития природной среды за последние 20 тыс. лет и прогноз на текущее столетие. М.
- Сорокина, 1957. Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. М.
- Супренков, 2012. Супренков А.А. Охранные разведки на поселении Тамань 1 в 2011 г. // ДБ. 16.
- Шилик, 1988. Шилик К.К. Ещё один город на дне Керченского пролива // Человек, море, техника. Вып. 5. Л.
- Шилик, 2013. Шилик К.К. Античные города на дне Керченского пролива (история поисков и открытий) // Изучение памятников морской археологии. Вып. 7. СПб.
- Шкорпил, 1914. Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // ИАК. 56.

Summary

A. V. Okorokov, Y. O. Egorov

On the localization of the ancient settlement of Korokondama

The article presents a study on the localization of the location of the ancient settlement Korokondama, located according to the testimony of ancient authors on the Taman Peninsula (Black sea). As a result of a detailed analysis of various written sources, as well as archaeological research, including the author's, put forward a convincing version of the location of the settlement Korokondama in the area between modern capes Tuzla and Panagia.

И. В. Рукавишникова*, **Т. В. Егорова****,
Д. В. Бейлин***, **Н. Ф. Федосеев †*****

(* *Институт археологии РАН, г. Москва;*

** *Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва;*

*** *Институт археологии РАН Крыма, г. Симферополь)*

Чернолаковые и краснофигурные сосуды из тризновых комплексов кургана «Госпитальный»

Курганы в черте города Керчь большей своей частью относятся к погребальным комплексам Боспорского царства и хранят в себе погребальные архитектурные шедевры античной эпохи. Курган «Госпитальный» расположен юго-западнее микрорайона Нижний Солнечный в г. Керчь и являлся самой крупной насыпью в цепочке боспорских курганов могильника Цементная слободка 1, тянущейся в сторону курганов Ак-Бурунского мыса. В связи с масштабными земляными работами, развернувшимися в 2017 г. по строительству автомобильных подходов к Керченскому мосту, был исследован находившийся в зоне строительства курган «Госпитальный». На момент начала раскопок курган представлял собой высокую, округлую в плане насыпь, полы которой были основательно повреждены в результате хозяйственной деятельности второй половины XIX–XX вв. Высота земляной конструкции достигала 7 м, а диаметр – около 78–90 м (рис. 1). В плане насыпь была вытянута по линии север-юг. Поверхность кургана в центральной и южной части была сильно повреждена перекопами разных времен. Тем не менее, насыпь сохранила свое грандиозное величие [Рукавишникова, Бейлин, Федосеев, Воронков, 2018]. Курган «Госпитальный» по расположению, насыпи и архитектуре погребальных сооружений близок курганам Юз-Обы и других подобных памятников Древнего Боспора [Ростовцев, 1914; Виноградов, 2012, 2014; Кузнецов, 2004; Савостина, 1986].

В результате последовательно проведенных исследований под насыпью был открыт оштукатуренный каменный склеп с длинным дромосом. Разрушенная камера сохранила остатки перекрытия с уступчатым сводом. Все заполнение погребального сооружения было изъято и разрушено в результате неоднократных одновременных ограблений. Стены камеры склепа были основательно разрушены при выборке камня на строительные нужды, вероятней всего, во второй половине XIX столетия.

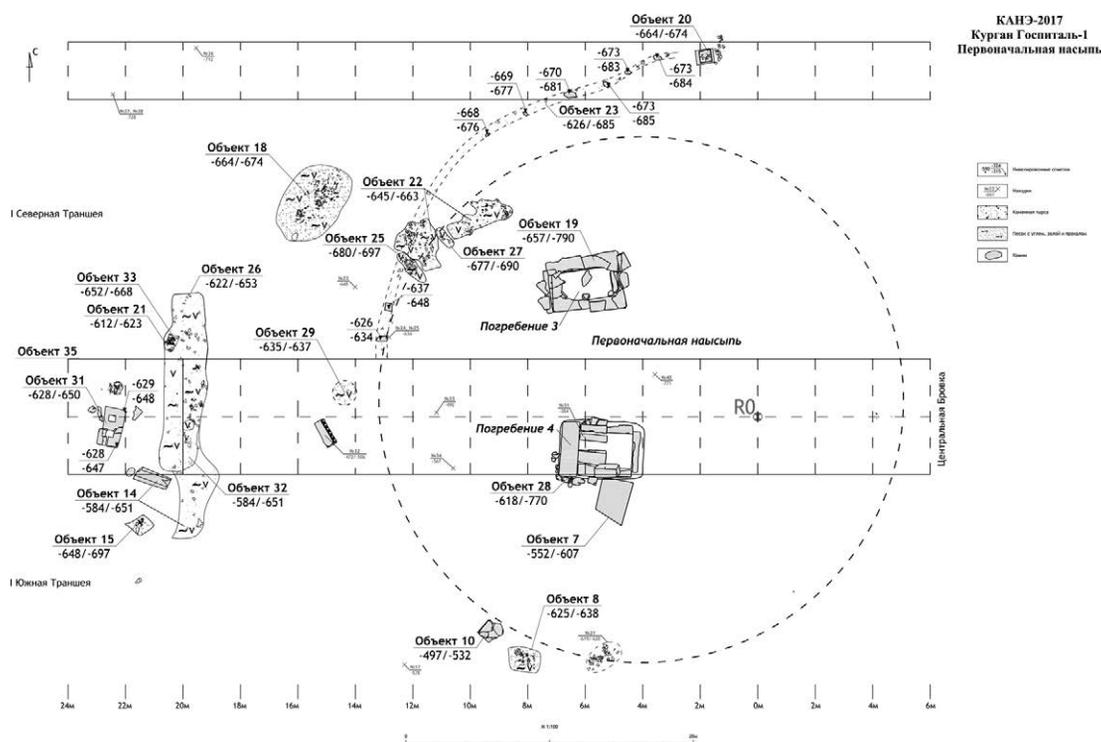

Рис. 2. Погребально-поминальные комплексы тризн и план первоначальной насыпи 1 кургана «Госпитальный».

как: кострища, устроенные в небольших ямах и пепелища, зафиксированные в более мелких углублениях, а так же каменные прямоугольные алтари-эсхары, вокруг которых были найдены фрагменты разбитых сосудов (рис. 1. 2).

Из всех этих комплексов происходят многочисленные фрагменты чернолаковых и краснофигурных сосудов, которые и находятся в центре исследований, результаты которых представлены в этой статье. Помимо чернолаковых сосудов в комплексах тризн были найдены и другие предметы, тем не менее, именно описываемые изделия, являются в кургане «Госпитальный» самым информативным материалом. Тем более, что время сооружения объектов архитектурного ансамбля кургана «Госпитальный» разное.

Комплексы тризн и эсхар расположены с южной стороны, западной и северо-западной, и с северной. В работе приводятся краткие описания этих объектов и их заполнения, а также дается предварительный анализ чернолаковых и краснофигурных сосудов.

Помимо тризн и погребений первого кургана, фрагмент чернолаковой миски был найден в рушенном заполнении камеры основного склепа (объект 5) (рис. 3. 4). Камера склепа была прямоугольной в плане размерами 5,20×4,80 м и ориентирована длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Она была перекрыта уступчатым сводом, который начинался на высоте 2,60 м от уровня пола.

К курганной насыпи 1 относятся практически все тризновые комплексы (рис. 2).

Тризновый комплекс объекта 8 (рис. 4–5) был расположен на юге в 8 м от центра кургана рядом с южным алтарем-эсхарой и представлял собой углубленное на 0,13 м с уровня

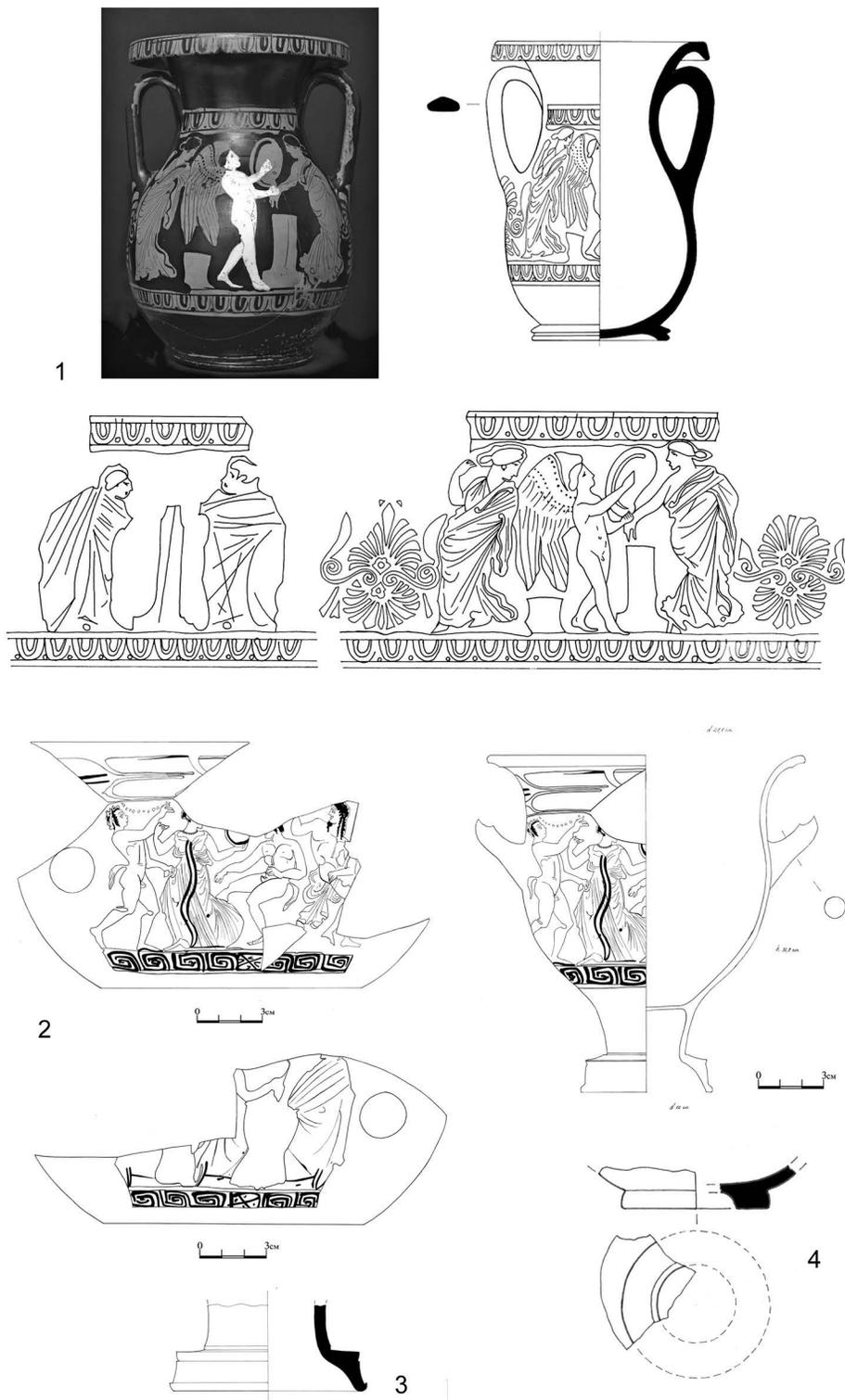

Рис. 3. 1 – пелика краснофигурная, погребение 3; 2 – кратер краснофигурный; 3 – фрагмент кратера; 4 – фрагмент миниатюрной миски

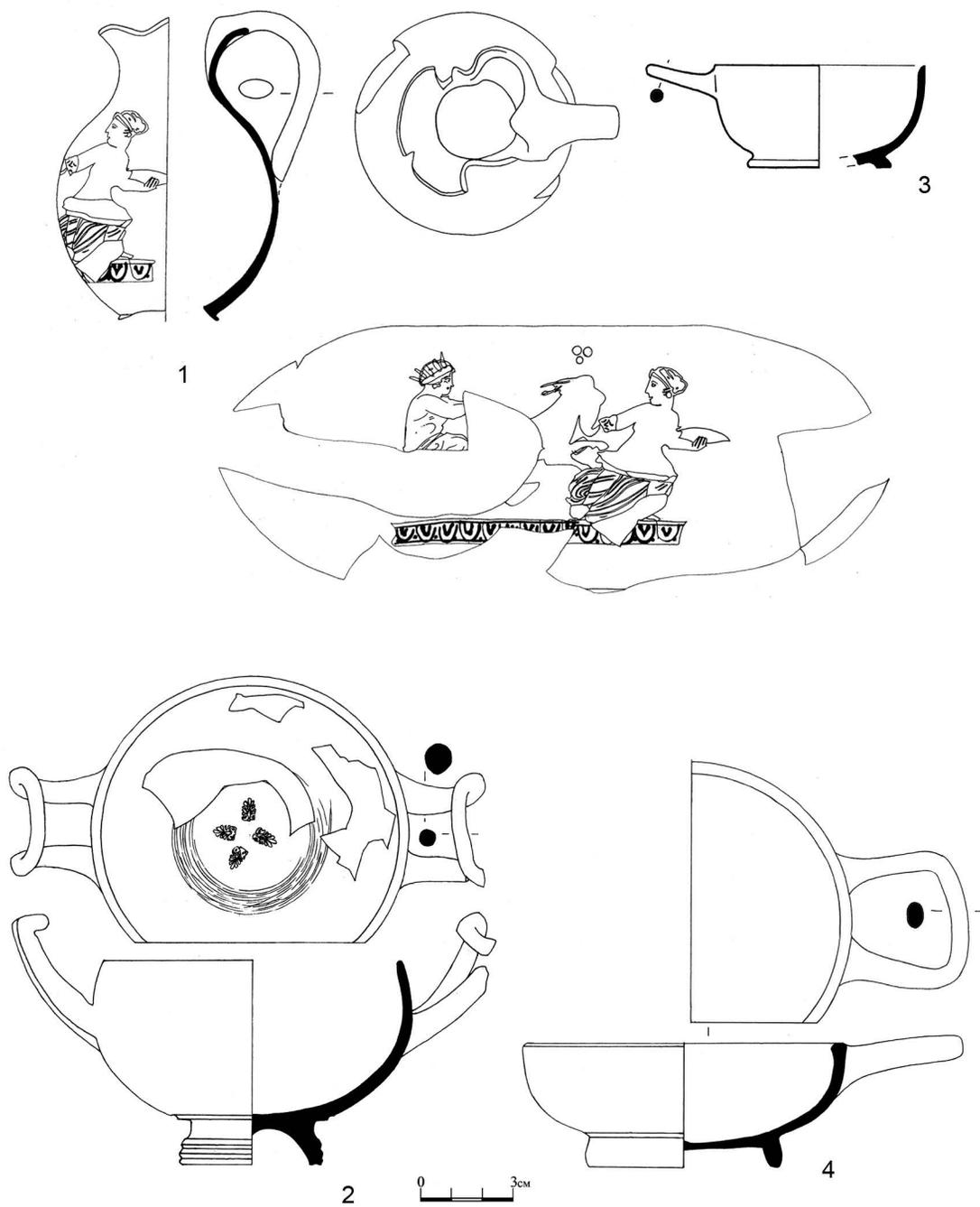

Рис. 4. Тризновый комплекс, объект 8, чернолаковые и краснофигурные сосуды

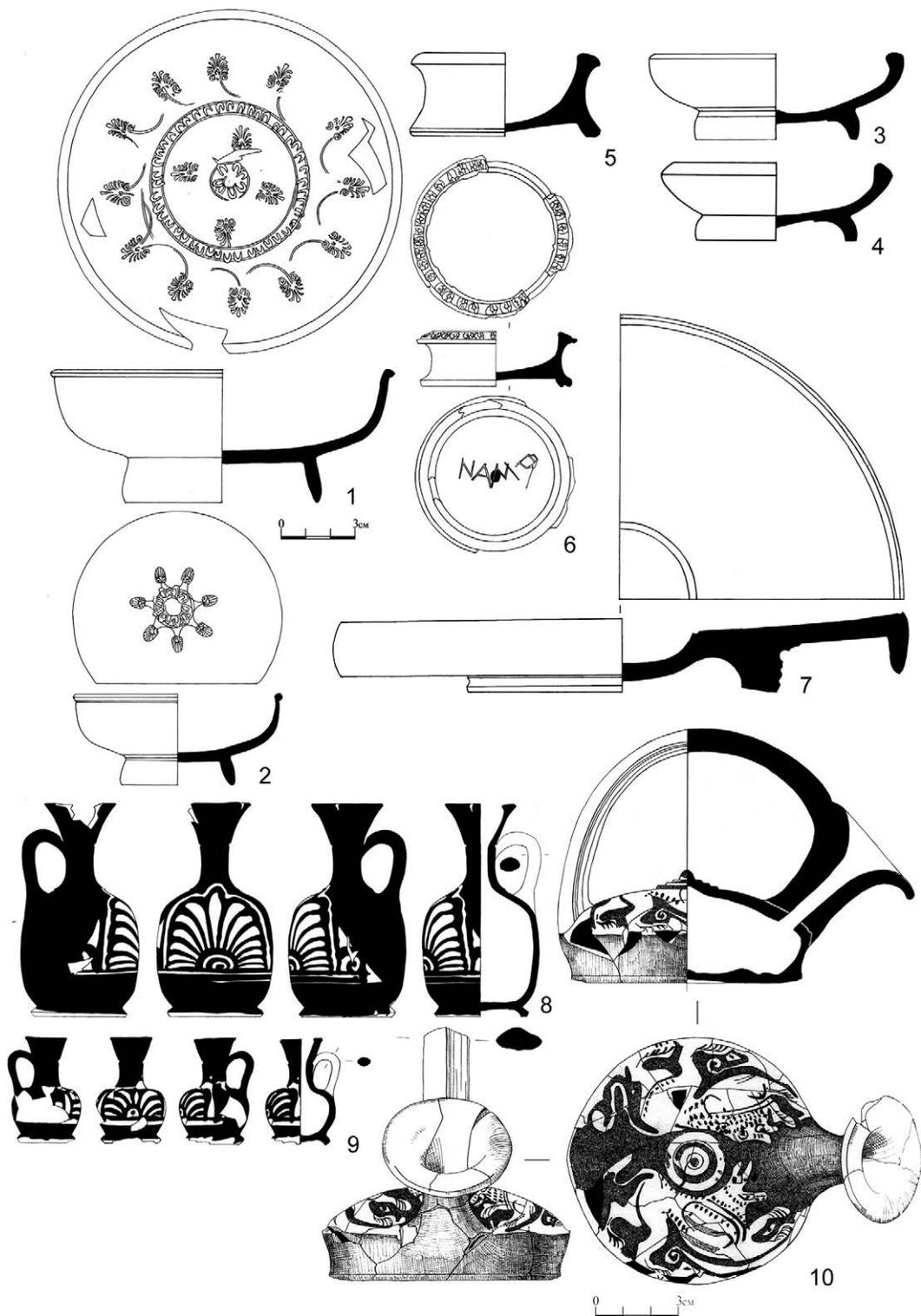

Рис. 5. Тризновый комплекс, объект 8, чернолаковые и краснофигурные сосуды

погребенной почвы зольное пятно очага с выявленным ниже прокалом. Помимо разбитых непосредственно на этом месте сосудов, таких как краснофигурная ойнохойя и лекиф, а также чернолаковые солонки и миски, в комплексе были расчищены красноглиняный кувшинчик, фрагменты терракоты и мелкие кальцинированные кости животных. На дне одной из чернолаковых солонок было вырезано граффито NAM<O>.

Тризновый комплекс объекта 18 (рис. 6–7) – это обширное зольное пятно в западной части кургана в 8 м на северо-запад от погребения 3, размерами около 3 м в диаметре выявлено на уровне погребенной почвы. В его заполнении найдены многочисленные мелкие фрагменты чернолаковых мисок, в том числе миниатюрных, солонок, рыбного блюда, стемлеса, канфаров, чаш, краснофигурных асков и лекифов, а также красноглиняных кастрюлек и кувшинов, раздавленных алабастров, амфор, кальцинированные кости животных, в том числе и астрагалы. На дне одной чернолаковой миски нанесено граффито ТХР, другой – ТУ, третьей – А; на дне чернолаковой солонки – граффито Т.

Каменный ящик погребения 3 (объект 19, рис. 3. 1), провалившиеся плиты перекрытия которого найдены на уровне – 6,57 м от R0, был ориентирован по сторонам света и углублен в материк. Погребения 3 и 4 были основными под насыпью кургана 1. ЮВ угол ящика находился в 4,61 м к 3 и в 3,76 м к северу от R0, СЗ угол в 7,38 м 3, 5,30 м к С. В ящике сохранилось нетронутое, но раздавленное каменными плитами и суглинком погребение 10–12 летнего ребенка с многочисленными алабастрами, стригелем, 160 игральными астрагалами и краснофигурной пеликой, так называемого керченского стиля.

Каменный алтарь-эсхара (объект 20, рис. 3. 2) находился у северной полы кургана в 10 м к северу от R0. Алтарь-эсхара был ориентирован по сторонам света своими гранями и перекрыт каменной крышкой. С восточной стороны от него был найден разбитый кратер с краснофигурной росписью с композицией с менадами и сатирами.

Тризновые объекты 22, 25, 27 были расположены рядом и, возможно, были взаимосвязаны.

Тризновый комплекс объекта 22 (рис. 8–9) – вытянутая по окружности неглубокая яма аморфных очертаний в виде двух сливающихся пятен, заполненных золой, размерами около 1,5×1 м. Этот комплекс был расположен к западу от каменного ящика погребения 3 (объект 19). Крайняя северная точка пятна находилась в 9,61 м к западу, 7,55 м к северу от R0. Крайняя южная точка: в 11,55 м к западу, в 5,06 м к северу.

В комплексе были найдены фрагменты чернолаковых ойнохой, лекифов, солонок, чаш, мисок, рыбное блюдо, аск и фрагменты терракоты в виде силена с составными частями, керамических алабастров и гипсовых алабастров, побывавших в огне, красноглиняного кувшина и фасоских амфор, а также многочисленные астрагалы и фишка. На внешней стороне дна чернолаковой миски вырезано граффито – Т.

Тризновый комплекс объекта 25 (рис. 10) находился под пятном комплекса объекта 22 и был помещен в яму до 0,3 м глубиной, длиной около 0,6 м и до 0,3 м шириной, ориентированную по линии СЗ-ЮВ на уровне –6,90 м от вершины большого кургана. В ней были найдены фрагменты сосудов из объекта 22, перекрывавшего объект 25, а также фрагмент светильника, железные стержни и гвозди, астрагалы и чернолаковые сосуды. На внешнюю сторону дна чернолаковой миски нанесено граффито – Т.

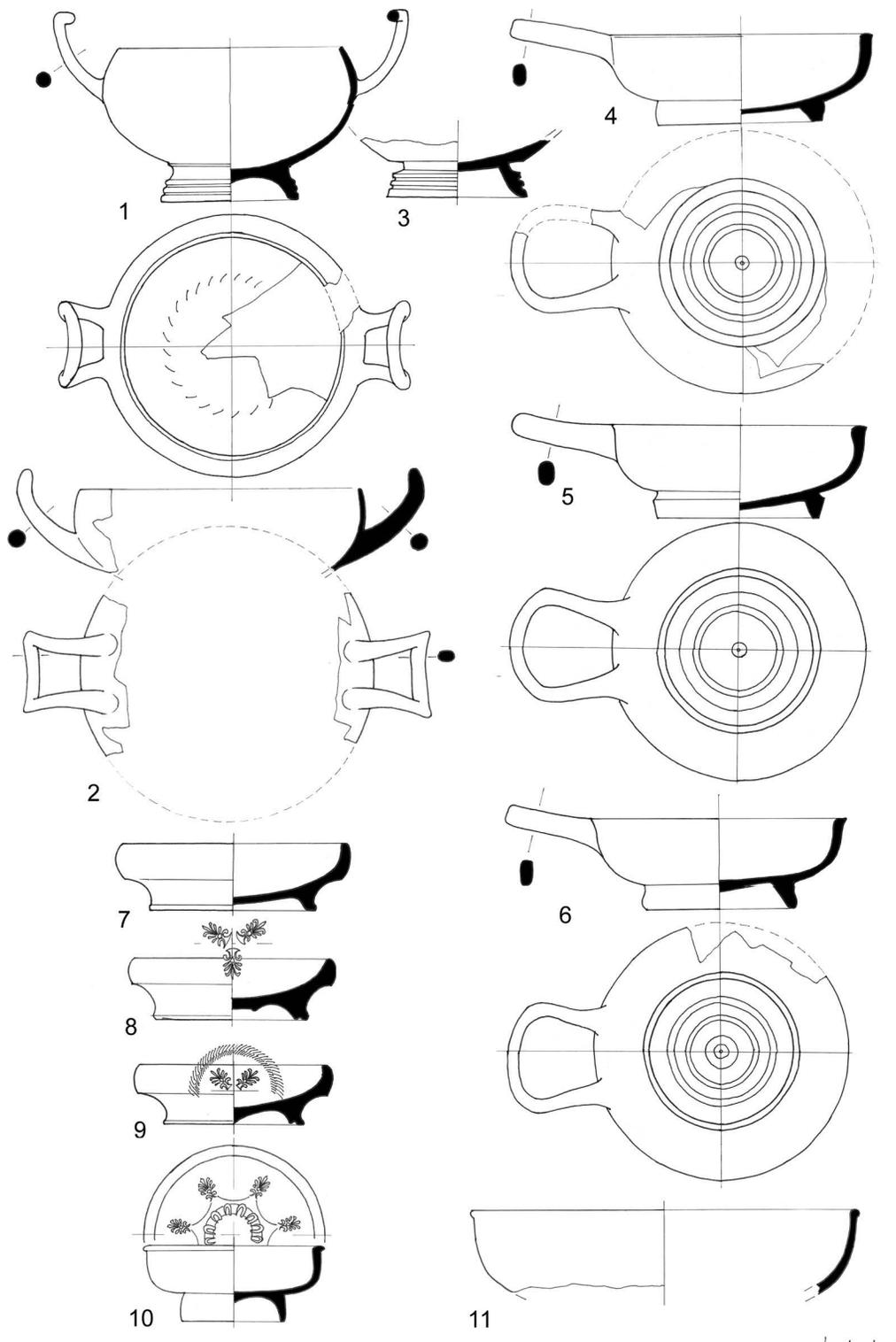

Рис. 6. Трizonный комплекс, объект 18, чернолаковые сосуды

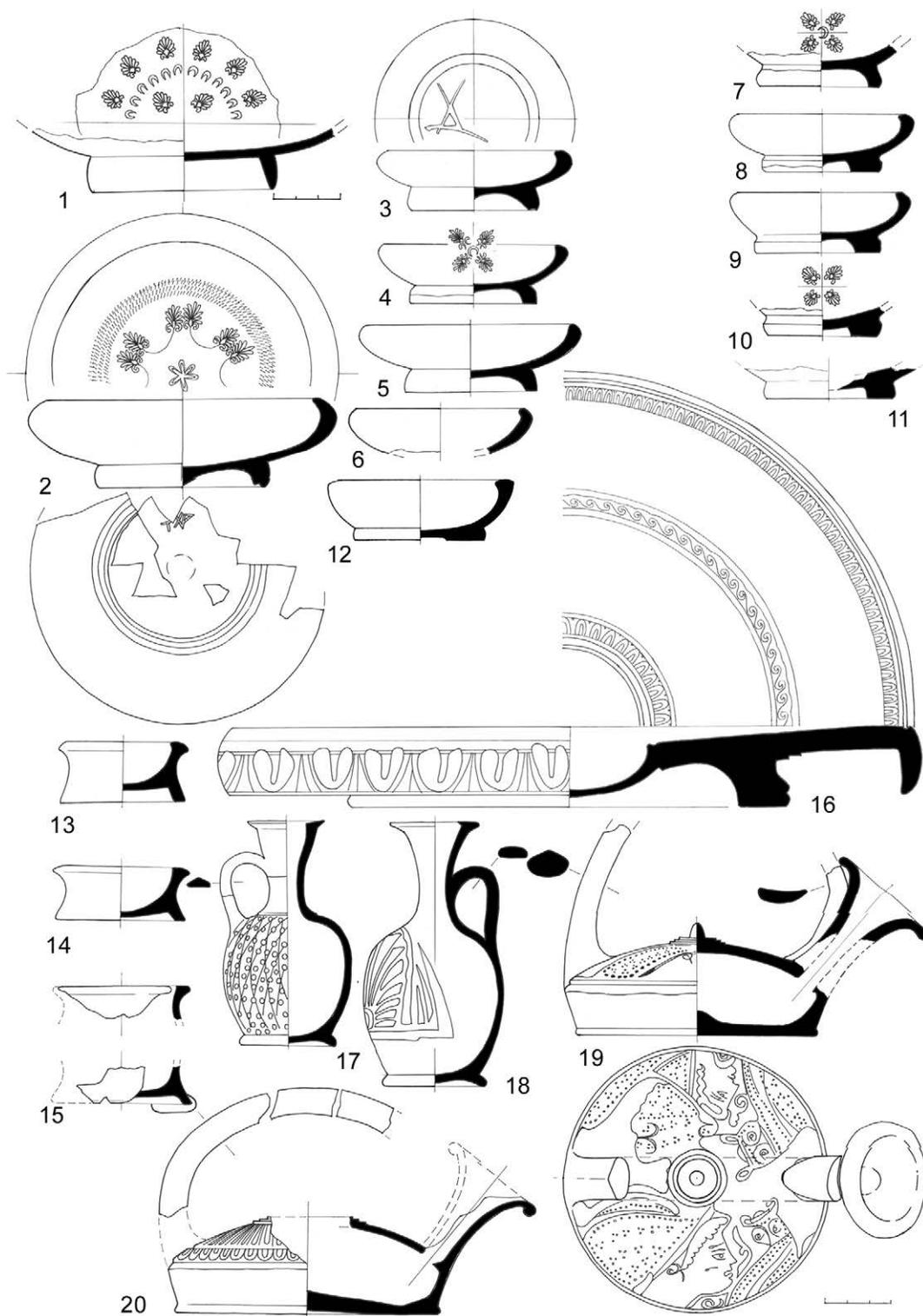

Рис. 7. Тризновый комплекс, объект 18, чернолаковые и краснофигурные сосуды

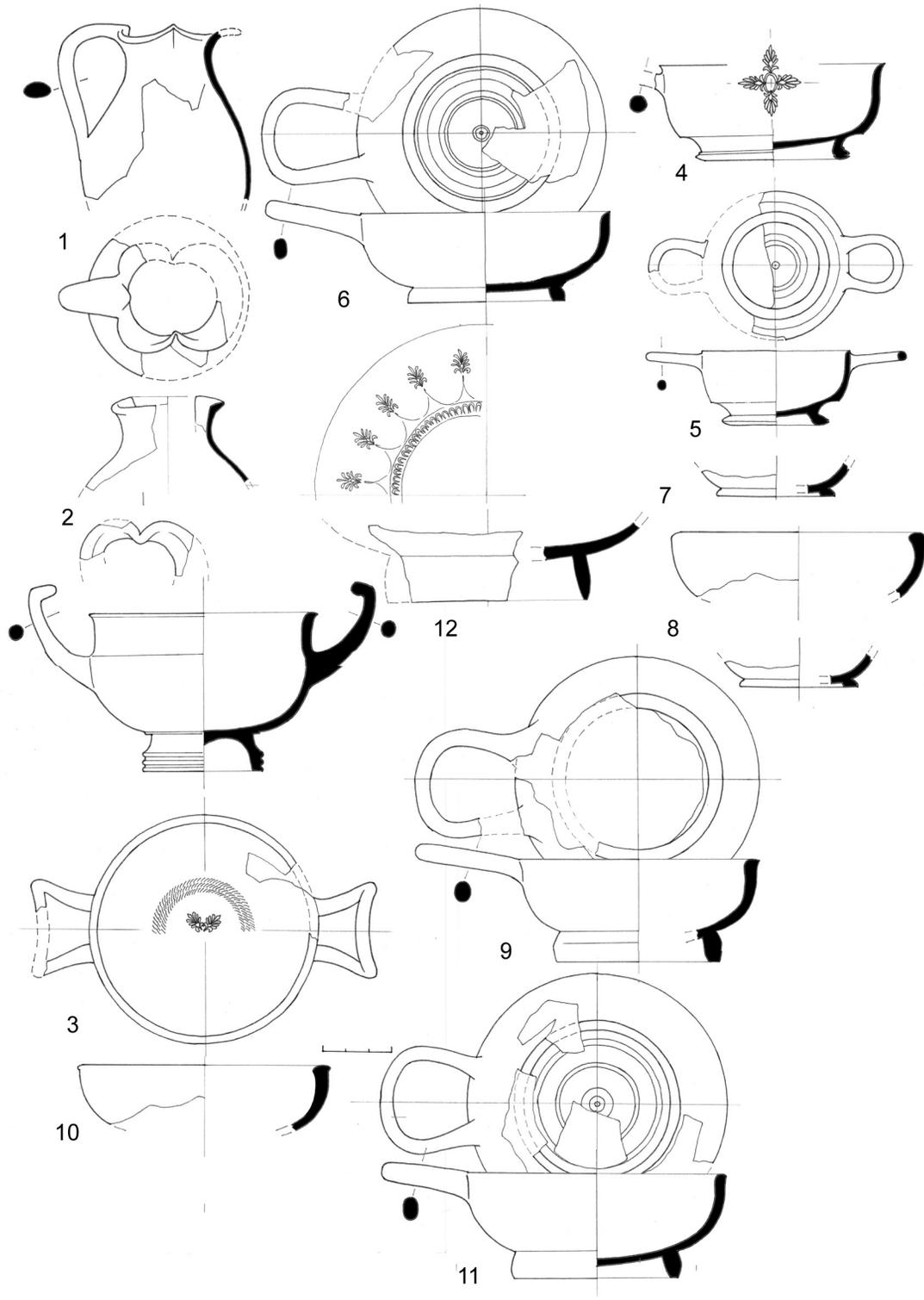

Рис. 8. Тризновый комплекс, объект 22, чернолаковые сосуды

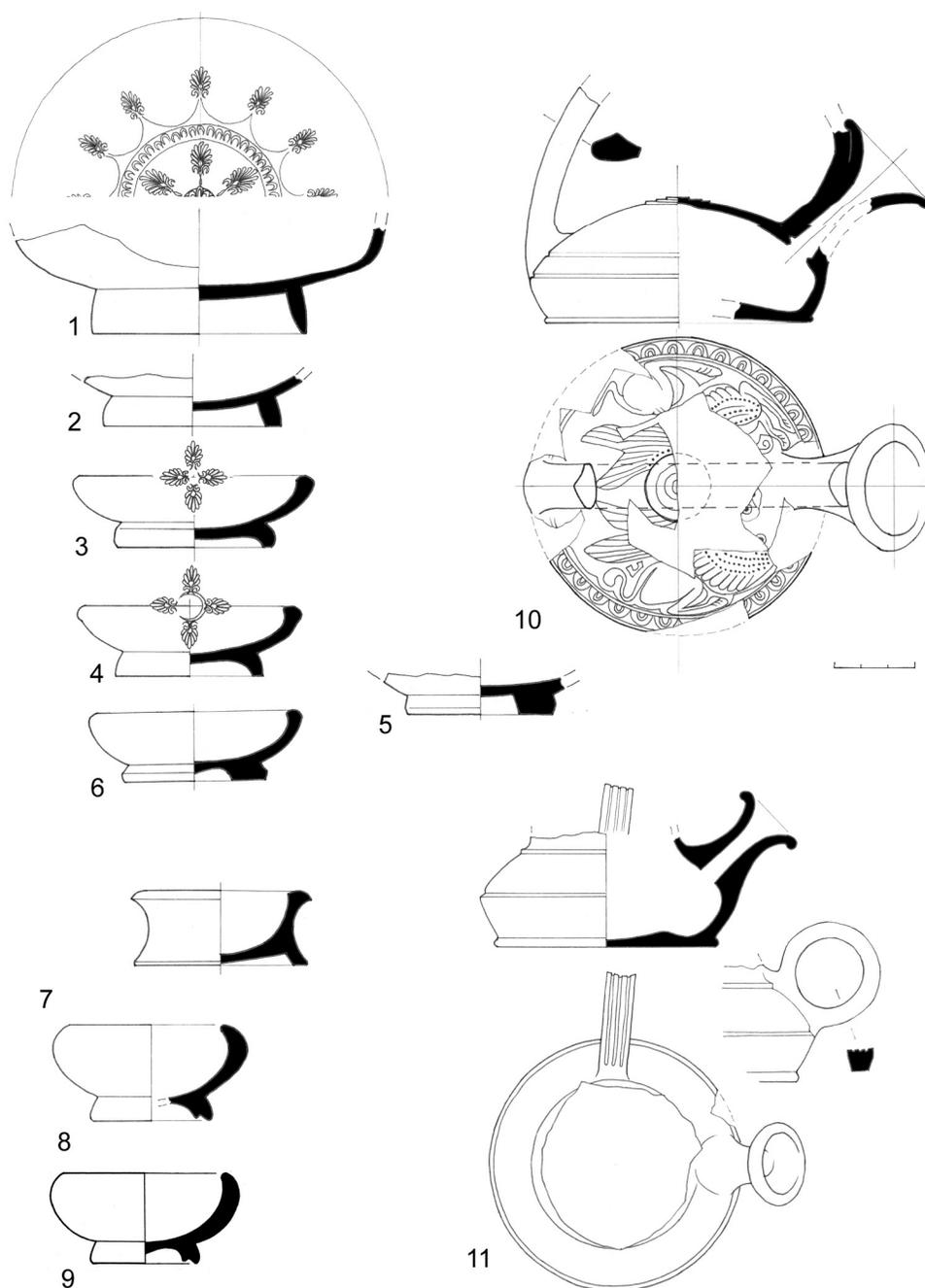

Рис. 9. Тризновый комплекс, объект 22, чернолаковые и краснофигурные сосуды

Тризновый комплекс объекта 27 (рис. 10) расчищен в углубленной яме, вытянутой по линии СЗ-ЮВ, с кострищем, размерами 0,8 м на 0,3 м, глубиной до 0,35 м, в котором кроме чернолаковых сосудов, таких как: солонки, миски, чаша, были зафиксированы остатки гипсовых алабастров и часть бронзового украшения.

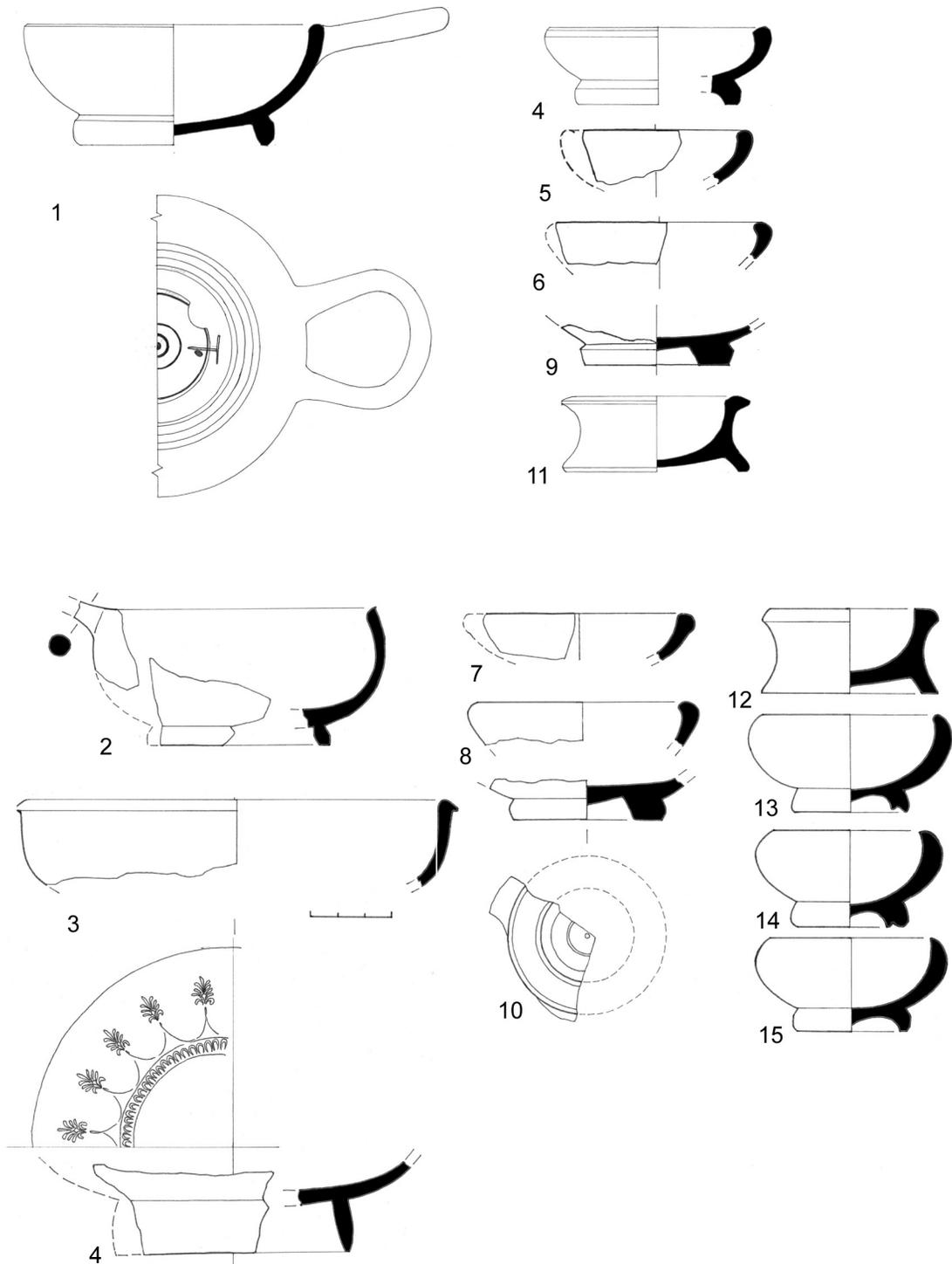

Рис. 10. Тризновый комплекс, объект 25, Тризновый комплекс, объект 27, чернотаковые сосуды

Кострище тризновое объекта 29 (рис. 11), находилось на центральной оси кургана к западу от каменного ящика погребения 4. Центр пятна диаметром до 0,6 м находился в 14,38 м к З, и в 0,82 м к СВ от R0. В кострище были найдены фрагменты краснофигурного сосуда, красноглиняного кувшина, фрагмент донья алабастра с отверстием.

Двойной алтарь – эсхара «западная» (объект 31, рис. 11. 1–2), был расположен на уровне -6,28/-6,50 м от вершины в западной поле кургана. Он был расколот и сдвинут и находился на небольшой подсыпке в 22 м к западу от центра. В расколах эсхары найдены фрагменты арибаллического чернолакового и сетчатых лекифов, амфоры фасосской, а также свинцовые выплески. Рядом с алтарем находилась группа красноглиняных ойнохой над скоплением железных составных частей предмета, возможно жаровни.

Тризновый комплекс объекта 35 (рис. 12) найден на западе от пятна тризны объекта 18 недалеко от двойной эсхары. Комплекс представлял собой компактное скопление фрагментированных чернолаковых сосудов, таких как лекиф, миски, аски, фрагменты сероглиняного кувшина, красноглиняная кастрюлька и рыбное блюдо. На чернолаковой миске на внешней части донца было вырезано граффито NY.

Судя по планиграфии расположения комплексов тризн, они, возможно, все относились к кургану 1.

Основную массу керамики, представленной в поминальных и погребальных комплексах составляли чернолаковые и краснофигурные сосуды. Весь этот объем включал в себя более чем 130 краснофигурных и чернолаковых сосудов и их фрагментов. Это были традиционно встречающиеся в погребальных комплексах сосуды для питья, для вина и воды, столовая посуда и миниатюрные сосуды для масла. Хронологический разброс этих сосудов – конец V – середина/третья четверть IV вв. до н. э.

Крупные сосуды для вина и воды представлены, преимущественно, краснофигурными экземплярами. В частности, у северной эсхары – алтаря (объект 20) был обнаружен фрагментированный краснофигурный колоколовидный кратер (*bell-krater*) (рис. 3. 2). Для этого типа кратеров характерны отогнутый наружу слабопрофилированный венчик, плавно переходящий в колоколовидное тулово, горизонтальные П-образные ручки, прикрепленные в его верхней трети, и довольно массивная профилированная полая ножка. Кратеры подобной формы выпускались в Аттике на протяжении всего IV в. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 240, pl. 3. 61; Knigge, 2005, p. 216, taf. 132. 852; McPhee, 1997, p. 99–145; Landolfi, 2000, p. 77–91 и др.]. Рисунок занимает две трети тулова и расположен в его верхней части. Сверху поле рисунка ограничено левосторонним лавровым венком под венчиком, снизу – меандром. Изображение трактуется как дионисийские сцены [Boardman, 1997, p. 218, 219].

Сторона А: Изображения менады с развернутой влево головой, с тимпаном в левой руке, между двумя танцующими сатирами, и сидящего Диониса, голова которого повернута в сторону танцующих. Открытые части тела менады выполнены белой краской, складки ее длинного хитона – лаком.

Сторона Б: Три задрапированные фигуры.

По сюжету и стилю изображение близко мастеру «*Retorted Painter*» первой трети IV в. до н. э. [Boardman, 1997, p. 169, fig. 343; CVA Wien, Kunsthistorisches Museum 3, 1974, p.

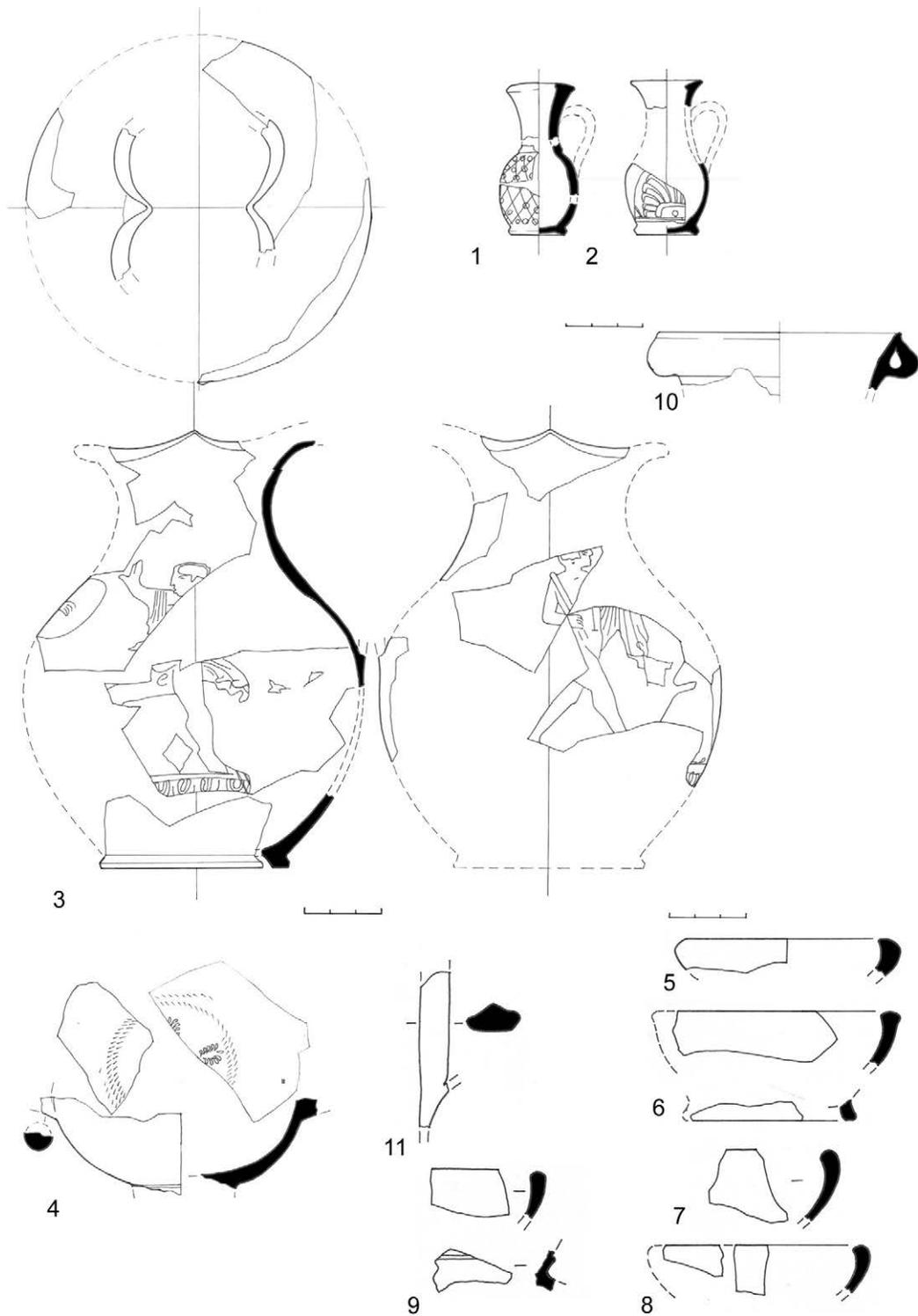

Рис. 11. Тризновый комплекс, объект 29, камеры склепа и находки из насыпи: чернотроковые и краснофигурные сосуды

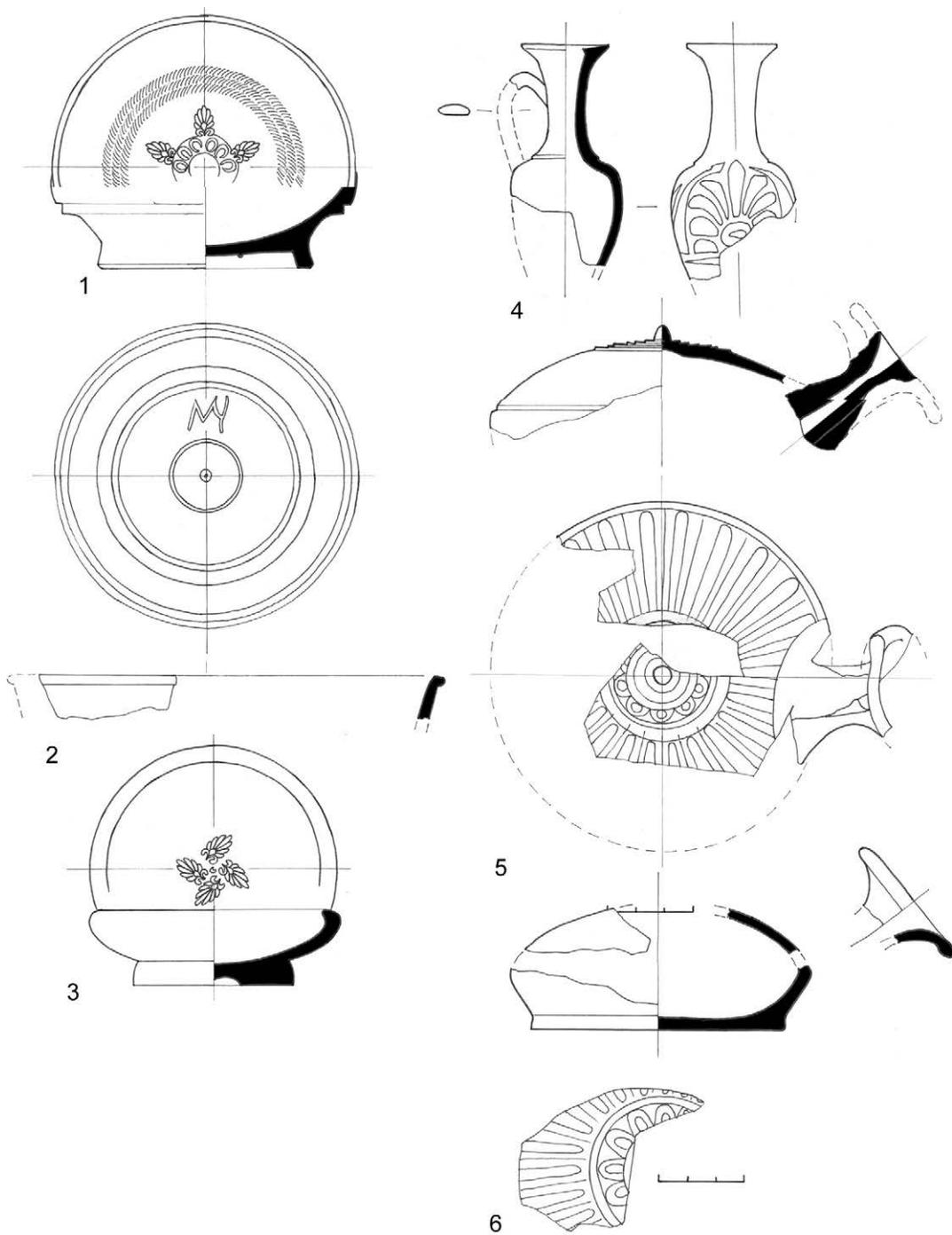

Рис. 12. Тризновый комплекс, объект 35, чернолаковые и краснофигурные сосуды

29–30, pl. 128. 3–5]. Косвенно об этой дате говорит и характер изображения Диониса, показанного не зрелым мужчиной с длинной бородой, а юношей с венком в волосах, как его принято было изображать в классическое и позднеклассическое время [Вдовиченко, Турова, 2006, с. 55].

Кроме того, фрагмент ножки еще одного аналогичного кратера был найден за пределами объектов в насыпи (в траншее 1 к северу от осевой запад-восток линии кургана) (рис. 3. 3).

Из погребения 3 (объект 19) происходит краснофигурная пелика (*pelike*) – разновидность столовой амфоры, отличавшаяся, главным образом, формой тулова, центр тяжести которого смещен в его нижнюю треть, плавно переходящего в горло, завершавшееся сильно отогнутым наружу массивным венчиком (рис. 3. 1) [Блаватский, 1953, с. 41; Sparkes, Talcott, 1970, p. 49]. Форма, в целом, характерна для IV в. до н.э. [Кобылина, 1951, с. 136 и далее; Moore, 1997, p. 12; Νλιοπούλου, 2015, p. 59]. Край венчика таких пелик традиционно украшался овами. Нижнее крепление ручек декорировалось сдвоенными пальметтами. Два ряда ов, расположенные в средней части горла и нижней трети тулова, ограничивают поле рисунка.

Сторона А: Эрот с двумя пляшущими женщинами. В центре композиции – Эрот с тимпаном в руках. Тело Эрота выполнено белой краской. Прическа обозначена лаком. По обе стороны от него расположены женщины, закутанные в гиматии. Открыты лица и правые руки. Лица женщин обращены к Эроту. Между Эротом и женщиной справа – алтарь.

Сторона Б: Двое юношей у алтаря. Фигуры задрапированы в гиматий и обращены лицом друг к другу. Драпировка и прически выполнены лаком.

Близкая по сюжету, но более вытянутая по форме и небрежная по стилю изображения пелика, хранится в Ялтинском музее и датируется 330–320 гг. до н.э. [Вдовиченко, Турова, 2006, с. 89–90, рис. 9. 57]. Однако аналогичный сюжет известен и для пелик первой трети IV в. до н.э. [Beazley, 1971, p. 493. 3; CVA Milano Collezione «Н. А.» 2, 1971, p. 6–7, pl. 2279]. Судя по приземистой форме, а также четким линиям и большому вниманию к деталям, отличающим стиль изображения, наш экземпляр можно отнести именно к этому времени.

Из трех фрагментированных ойнохой две краснофигурные (рис. 4. 1; рис. 11. 3) и одна – чернолаковая (рис. 8. 1). Все они относятся к типу «с невыраженными плечиками» или так называемой форме 3 по Б. Спарксу и Л. Талькотт, получившему наиболее широкое распространение в конце V и в IV вв. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 60–63]. Для них характерны трехлепестковый венчик; невысокое, относительно широкое горло, плавно переходящее в гладкое тулово; овальная или подтреугольная в сечении вертикальная ручка, прикрепленная к верхней трети тулова и краю сосуда, с небольшим шиповидным выступом в месте верхнего крепления. Чернолаковый экземпляр из тризновского комплекса объекта 22 (рис. 8. 1) по аналогиям с материалами из Афин датируется первой половиной IV в. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 245. 124–126].

Краснофигурные ойнохой украшены росписями с разными сюжетами. Сосуд из тризновского комплекса (из объекта 29) (рис. 11. 3) сильно поврежден, что затрудняет точно определить все персонажи рисунка. Тем не менее, вероятнее всего, это

изображение юноши в драпировке и атлета с диском (сохранился только диск), принадлежащее группе «*Fat Boy*», наиболее распространенной в IV в. до н.э. [Moore, 1997, p. 40–41]. Поле рисунка ограничено только снизу рядом перевернутых ов. Прямых аналогий пока найти не удалось. Ближайшие многочисленны и встречаются в коллекциях различных музеев [Moore, 1997, p. 230, pl. 65–66. 609; CVA Turin Museo di Antichita, 1958, p. 10. 8; CVA Nordrhein – Westfalen, 1949, p. 26, taf. 16. 1–3 и др.]. По особенностям формы наш сосуд можно датировать первой половиной IV в. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 245. 124–126].

Ойнохоя из тризнового комплекса объекта 8 (рис. 4. 1) также имеет многочисленные утраты, однако рисунок не сложно восстановить. Он ограничен горизонтальной полосой с овами в нижней части тулова. На тулове изображены три фигуры: мальчик, видимо, в повозке, запряженной козлом, догоняет девочку, несущую пирог – омфалос, приз на соревнованиях в винопитии. Корона мальчика, часть кожи девочки, ноги и тулово козла тонированы белой краской. Рельефные украшения девочки изначально были позолочены. Сходные сюжеты, связанные с антестериями – праздником «пробуждения природы», зафиксированы на сосудах из Эрмитажа, Копенгагена, Афин, Лондона и др. [Hoorn, 1951, fig. 256, № 580; Lezzi-Hafter, 1997, p. 252, fig. 6–7; Ruhfel, 1984, p. 140, fig. 78 и др.]. Наиболее вероятная дата нашего сосуда – первая четверть IV в. до н.э.

Необычно мало (всего 10 экземпляров) сосудов для питья. Они происходят, преимущественно, из трех тризновых комплексов (объекты 8, 18 и 22). Представлены всего два типа этой группы сосудов аттического производства: кубковидные канфары (*cupkantharos*) и чаши типа *bolsal*.

Кубковидные канфары – глубокие сосуды для питья, родственные как канфарам классических форм, так и кубковидным скифосам [Егорова, 2017, с. 43]. Четыре сосуда (рис. 4. 2; рис. 6. 1, 2; рис. 11. 4) относятся к так называемому варианту с чашевидным туловом (*plain rim: bowl-shaped*), для которого характерны полусферическое тулово с прямыми стенками, переходящими в прямой венчик; две горизонтальные, округлые в сечении П-образные ручки, прикрепленные к тулову в его средней части; низкая широкая профилированная ножка с невыраженным стволом и желобком на подошве и конический выступ в центре внешней поверхности дна. Такие сосуды имеют многочисленные аналогии и датируются серединой – третьей четвертью IV в. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 285, fig. 7. 688; Bouzek, 1990, p. 153, pl. 9. 1; Knigge, 2005, s. 156, abb. 36. 355, 2; Егорова, 2017, с. 46, рис. 8. 81]. Один фрагмент нижней части кубковидного канфара стандартного варианта (*plain rim: standard*) с широкой профилированной ножкой без ствола и конического выступа на внешней поверхности дна (рис. 6. 3), относится к середине IV в. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 285, pl. 28. 685; Алексеева, 1997, таб. 207. 2; Morgan, Arafat, 2001, p. 384, fig. 25, 26; Knigge, 2005, s. 156, abb. 36. 353; Егорова, 2017, с. 45, рис. 8. 76]. Один целый сосуд (рис. 8. 3) принадлежит варианту с низким горлом (*plain rim: squat rim*), наиболее популярному в Северном Причерноморье [Sparkes, Talcott 1970, p. 285, fig. 7. 684; Knigge, 2005, p. 171, abb. 36. 453; Petit, 1995, fig. 8. 3; Егорова, 2009, с. 93, рис. 8. 103; Егорова, 2017, с. 46, рис. 8. 79 и др.]. Они имеют укороченную верхнюю часть стенки и резко отогнутый наружу венчик, гладкое тулово, две горизонтальные П-образные ручки, прикрепленные к верхней половине тулова и возвышающиеся над

краем, а также профилированную ножку на низком стволе с желобком на подошве и конический выступ в центре внешней поверхности дна. Этот вариант производился в Аттике непродолжительное время – во второй и третьей четвертях IV века до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 120]. Три экземпляра украшены штампованным орнаментом. В двух случаях – это четыре сгруппированные в центре пальметты, окруженные насечками (рис. 4. 2; рис. 8. 3), в третьем – лишь насечки (рис. 6. 1).

Для трех чаш типа *bolsal* характерно достаточно вместительное тулово (однако не такое глубокое, как у скифосов), прямой венчик со скошенным внутрь краем, две горизонтальные П-образные ручки, которые крепятся в верхней части стенок и отогнутый наружу кольцевой поддон (рис. 4. 3; рис. 8. 4, 5). Одна из них, происходящая из тризнового комплекса объекта 8 (рис. 4. 3), судя по упрощенно трактованному поддону, датируется концом V в. до н. э. [типологически близка: Sparkes, Talcott, 1970, p. 273, fig. 6, pl. 53. 538, 539]. Две другие, из тризнового комплекса объекта 22, имеют более широкий спектр аналогий и относятся к началу IV в. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 157, 275, pl. 24. 556; Knigge, 1976, s. 157. 351; Hayes, 1984, fig. 197. 61; Егорова, 2017, с. 31, 32, рис. 5. 47].

Наиболее многочисленна и по общему количеству (67 экземпляров), и по разнообразию форм посуда для сервировки стола: одноручные чаши, миски разных типов, в том числе миниатюрные, солонки и рыбные блюда.

Интересны, обычно не часто встречающиеся в погребальных комплексах, аттические чернолаковые одноручные чаши, найденные в тризновых комплексах объектов 8, 18, 22, 25 и 27 (например, на территории довольно обширного некрополя Зоны в Восточной Фракии синхронного времени всего две таких чаши [Нλιοπούλου, 2015, p. 92]). В публикуемом кургане их обнаружено 14 экземпляров (рис. 4. 4; рис. 6. 4–6; рис. 8. 7–11; рис. 10. 1, 2). Это сосуды на кольцевом поддоне, который может иметь разную форму, с довольно глубоким вместилищем, прямой, иногда слабо изогнутой верхней частью стенки, с выпуклым или скошенным внутрь краем венчика, одной горизонтальной ручкой, прикрепленной непосредственно под краем. Большинство исследователей сходятся во мнении, что их использовали для индивидуальной сервировки блюд, хотя остается предположение, о том, что они могли служить и сосудами для питья [подробнее: Sparkes, Talcott, 1970, p. 124; Rotroff, 1997, p. 155, 156]. Они имеют незначительные различия в моделировке края венчика и поддона, что позволяет относить их к близкой хронологической группе и датировать второй четвертью – серединой IV в. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 290, fig. 8. 755–761; Knigge, 2005, p. 176, abb. 42. 466, 671; Нλιοπούλου, 2015, p. 92].

Миски (16 экземпляров) представлены тремя основными типами: с выпукло-вогнутым профилем (рис. 6. 7–9; рис. 12. 1), с отогнутым наружу (рис. 5. 1, 2; рис. 6. 10, 11; рис. 7. 1; рис. 8. 12; рис. 9. 1, 2; рис. 10. 3, 4; рис. 12. 1) и загнутым внутрь краем (рис. 7. 2, 3). Первые происходят из тризнового комплекса объекта 18 и из тризнового комплекса объекта 35. Они отличаются рельефной внешней поверхностью с утолщением у края и широким кольцевым поддоном. Причем в тризновом комплексе объекта 18 найдены исключительно миниатюрные варианты формы, диаметром до 9.0 см, а в тризновом комплексе объекта 35 – единственный полноразмерный экземпляр. Не смотря на то, что авторы публикации материалов из раскопок Афинской агоры датируют близкие

по форме, но не абсолютно аналогичные сосуды первой четвертью IV в. до н. э. [Sparkes, Talkott, 1970, p. 295, fig. 8. 821–822; Hermary, Panayotova, Baralis, Damyanov, Riapov, 2010, p. 217, pl. 100a], мы предполагаем чуть более позднюю их датировку – 80-е гг. или вторая четверть IV в. до н. э., учитывая тот факт, что две миски украшены штампованным орнаментом, одним из элементов которого являются насечки (рис. 6. 9; рис. 12. 1). Насечки впервые появляются как добавление к комбинации пальметт или в качестве самостоятельного орнамента на чернолаковых сосудах только во второй декаде IV в. до н. э. [Sparkes, Talkott, 1970, p. 30; Егорова, 2015, с. 65].

Миски с отогнутым наружу краем были сконцентрированы в тризновых комплексах объектов 8, 18, 22 и 27. Стоит отметить, что все они относятся к раннему варианту формы с подтреугольной моделировкой края, ровными стенками и высоким кольцевым поддоном с заостренной подошвой. Такой вариант датируется по аналогиям с материалами из Афин около 380 г. до н. э., или чуть шире – концом первой – началом второй четверти IV в. до н. э. [Sparkes, Talkott, 1970, p. 293, pl. 32, fig. 8. 803]. Только один сосуд отличается от всех наличием конического выступа в центре внешней поверхности дна, который появляется у мисок этого типа не ранее второй четверти IV столетия [Sparkes, Talkott, 1970, p. 293, pl. 32, fig. 8. 804] (рис. 6. 10). На некоторых экземплярах сохранился прочерченный и штампованный орнамент, характерный для этого времени: различные комбинации ов, пальметт, окружностей и дуг [Егорова, 2015, с. 65, 66].

Миски с загнутым внутрь краем представлены единственным полноразмерным сосудом с диаметром венчика 12.0 см из тризнового комплекса объекта 18 (рис. 7. 2). Форма является типичной для изделий второй четверти – конца IV в. до н. э.: венчик с незначительным утолщением в верхней части, край заострен; кольцевой поддон с желобком на подошве; отчетливо читается конический выступ в центре внешней поверхности дна [Sparkes, Talkott, 1970, p. 295, pl. 33, fig. 8. 829]. Однако мы можем несколько уточнить датировку. По сочетанию орнаментальных мотивов, таких как овы, сгруппированные в центре, парные пальметты, соединенные дугами и насечки, окружающие всю композицию, она не может датироваться ранее начала второй четверти и позднее середины IV в. до н. э., т. е. времени, когда уже появляются насечки, но овы еще полностью не уходят в прошлое [Егорова, 2015, с. 66]. Из этого же объекта происходит и миниатюрный вариант аналогичной миски (рис. 7. 3).

Собственно миниатюрные формы мисок, которых здесь большинство (23 экземпляра), представлены двумя основными типами. Во-первых, это сосуды, классифицированные Б. Спарксом и Л. Талькотт как один из поздних вариантов миниатюрных мисок с загнутым внутрь краем на кольцевом поддоне с тонкими стенками (*later and light*) [Sparkes, Talcott, 1970, p. 134; Knigge, 2005, s. 138, abb. 46. 212; Егорова, 2017, с. 79]. Поздними они являются по отношению к более массивным мискам второй четверти V в. до н. э., поскольку происходят, преимущественно, из слоев последней четверти V – рубежа V/IV столетий [Sparkes, Talcott, 1970, p. 134; Knigge, 2005, s. 138, abb. 46. 193, 213, 286]. В нашем собрании только один сосуд из тризнового комплекса объектов 22/25, вероятно, можно датировать таким ранним временем (рис. 9. 3). Для остальных (из тризновых комплексов объектов 8, 18, 22, 25 и 27) характерно более глубокое вместилище и более высокий поддон (рис. 5. 3, 4; рис. 7. 4–7; рис. 9. 4; рис. 10. 4–8; рис. 11. 5–8), что позволяет относить

их к финалу развития формы и датировать концом первой четверти IV в. до н. э. по аналогиям с аттическими образцами [Sparkes, Talkott, 1970, p. 298, fig. 9. 876].

Во-вторых, это миниатюрные миски с широким поддоном (*broad base*), для которых характерны массивные, но невысокие кольцевые поддоны с широкой подошвой с желобком или без желобка на ней и конический выступ в центре внешней поверхности дна (рис. 3. 4; рис. 7. 8–12; рис. 9. 5, 6; рис. 10. 9, 10; рис. 11. 9; рис. 12. 3). Часть из них, имеющие чуть более узкий поддон с более резким переходом в месте крепления к тулову (рис. 7. 8–11; рис. 9. 5; рис. 10. 9, 10), типологически близки аттическим сосудам, датирующимся около 380 г. до н. э. [Sparkes, Talkott, 1970, p. 299, fig. 9. 882; Knigge, 2005, s. 188, abb. 46. 572]. Другая часть мисок, с широким плоским поддоном с плавным переходом к внутренней поверхности дна (рис. 3. 4; рис. 7. 12; рис. 9. 6; рис. 11. 9; рис. 12. 3) относится к форме более распространенной во второй четверти IV в. до н. э. [Sparkes, Talkott, 1970, p. 135, 299, fig. 9. 883]. Один сосуд отличается крайне незначительной высотой поддона (рис. 7. 12). Тем не менее, по его общей моделировке, а также по форме венчика, его можно отнести ко второй четверти – середине IV в. до н. э.

Еще одной представительной группой столовой посуды (13 экземпляров) из тризновых комплексов объектов 8, 18, 22, 25 и 27 являются солонки, функциональное назначение которых в какой-то степени было сходно с миниатюрными мисками. Их использовали для различных приправ. Из всего многообразия их типов здесь представлено только два наиболее популярных в IV столетии: солонки с вогнутыми стенками (*concave wall*) и на кольцевом поддоне (*footed*). Первые (рис. 5. 5, 6; рис. 7. 13–15; рис. 9. 7; рис. 10. 11, 12) имели совершенно особую форму: плавно вогнутый внешний контур стенки, завершением которой сверху был слегка утолщенный, отогнутый наружу край; снизу продолжением стенки является отклоненный наружу прямой более или менее высокий поддон. Поддон формировался одновременно со стенками сосуда, а не отдельно как кольцевые поддоны. К сожалению, довольно сложно говорить о точной датировке таких солонок. Вероятнее всего, укороченный поддон был характерен для сосудов, производство которых не выходило за рамки начала IV в. до н. э., а со второй четверти этого столетия распространяются варианты на довольно высоком поддоне, которые пользовались наибольшей популярностью в середине IV в. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 136]. Все наши экземпляры, за исключением одного, близки аттическим изделиям, которые Б. Спаркс и Л. Талькотт датировали второй и третьей четвертями IV в. до н. э., а С. Ротрофф, основываясь на анализе комплексов, в которых все они были найдены, несколько сдвигает дату окончания их производства до 315 года до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 136; Rotroff, 1997, p. 165–166].

Одна солонка (рис. 5. б) значительно отличается от остальных, в первую очередь, низким поддоном с желобком на подошве, что возможно, свидетельствует о ее более раннем производстве [ближайшие аналогии: Sparkes, Talcott, 1970, p. 302, pl. 34, fig. 9. 934]. Кроме того, край венчика солонки украшен штампованными пальметтами. Подобное украшение не характерно для солонок данного типа, равно как и для солонок других типов, но встречается на миниатюрных мисках с широким краем (*broad rim*), выпускавшихся в последней трети V в. до н. э. – первой четверти IV в. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 134, 297, pl. 59, fig. 10. 853; Villard, 1960, pl. 18. 15], что не позволяет узко датировать наш экземпляр.

Солонки на кольцевом поддоне являются самым поздним типом солонок, который появляется только во второй четверти IV в. до н. э. и продолжает использоваться вплоть до середины III столетия [Егорова, 2017, с. 84]. По своей форме они являются миниатюрным подобием мисок с загнутым внутрь краем на кольцевом поддоне (рис. 9. 8, 9; рис. 10. 13–15). Ранние экземпляры (второй – третьей четвертей IV в. до н. э.), как правило, имеют очень маленький диаметр, зачастую не превышающий 6–7 см, и довольно массивный кольцевой поддон с желобком на подошве, а также конический выступ в центре внешней поверхности дна. Иногда для них характерны и массивные стенки со значительным утолщением в верхней трети. Именно к таким относятся солонки, найденные в тризновых комплексах объектов 22, 27. Ближайшие аналогии им происходят из раскопок Афинской агоры, некрополя Зоны, из коллекции музея Вюрсбурга и др. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 302, fig. 9. 946–949; Rotroff, 1997, p. 347, fig. 65. 1075; Kotitsa, 1998, s. 17. 14; Νλιοπούλου, 2015, p. 91 и др.].

Рыбные блюда представлены всего двумя экземплярами (рис. 5. 7; рис. 7. 16). Первый, из объекта 8, имеет довольно массивный край, отогнутый под углом около 90°, тонкие ровные стенки, неглубокую центральную соусницу, окруженную желобком и массивный профилированный по внешней поверхности кольцевой поддон с плоской, скошенной внутрь подошвой (рис. 5. 7). Поскольку прямой аналогии пока найти не удалось, для определения времени производства этого блюда важно обратить внимание на форму поддона. Для самых ранних аттических образцов рыбных блюд конца V – начала IV в. до н. э. характерна профилированная внешняя поверхность, но только для нижней части двухчастного поддона, состоявшего из невысокого широкого ствола и основания. К началу второй четверти IV в. до н. э. поддон становится монолитным, но вероятно, в некоторых случаях, может сохранять рельефность внешней поверхности, которая исчезает к середине столетия [Sparkes, Talcott, 1970, p. 148]. Таким образом, мы можем предположительно датировать наш сосуд началом второй четверти IV в. до н. э. Второе блюдо из тризнового комплекса объекта 18 (рис. 7. 16) по форме поддона также можно отнести к началу IV в. до н. э. [ближайшие аналогии формы: Sparkes, Talcott, 1970, p. 310, fig. 10. 1064, 1065]. Стоит обратить внимание и на его орнаментацию: крупные овы располагаются по внешней поверхности края; по верхнему и нижнему краю рабочей поверхности стенки проходят два ряда миниатюрных ов и спиралевидная волна между/на равном удалении от них. Аналогичное оформление края представлено на фрагментах блюд из Фанагории и Херсонеса того же времени [Morgan, 2004, p. 135. 375; Вдовиченко, Жесткова, 2011, с. 76. 653].

Последняя группа сосудов – это миниатюрные сосуды для масел, в которую входят лекифы и аски (рис. 5. 8–10; рис. 7. 17–20; рис. 9. 10, 11; рис. 11. 1, 2; рис. 12. 4–6).

Лекифы (*lekythos*) – закрытые сосуды с высоким узким горлом и одной вертикальной ручкой – традиционно ассоциируют с античной погребальной практикой [Блаватский, 1953, с. 5; Sparkes, Talcott, 1970, p. 150; Рогов, Тункина, 1998, с. 173; Καλτσας, 1998, p. 123 и др.]. Здесь представлены исключительно арибаллические лекифы (*squat lekythos*) с раструбообразным венчиком со скошенным внутрь краем, высоким узким горлом, приземистым туловом и низким кольцевым поддоном, двух вариантов декорирования внешней поверхности. К первому относятся краснофигурные лекифы, тулова которых украшает крупная пальметта, наносившаяся с противоположной от ручки стороны (рис. 5. 8, 9; рис. 7. 18; рис. 11.

2; рис. 12. 4). Такие сосуды имеют многочисленные аналогии и традиционно датируются, преимущественно, в пределах второй четверти IV в. до н. э. [Morgan, 2004, p. 48, pls, 6, 35, 61; Robinson, 1933, p. 146–150, 160–162; Иванов, 1963, с. 196–198; Ηλιοπούλου, 2015, p. 71. 102–104; Морган, 1999, с. 46–48. 110–114; Вдовиченко, 2008, с. 220, 277, 296, 308; Hерmary, Panayotova, Baralis, Damyanov, Riapov, 2010, pl. 24, 79, 80, 86, 87; Вдовиченко, Жесткова, 2011, с. 106, табл. 16. 477, 483 и др.]. Однако К. Морган на основе анализа материалов из Фанагории и Таманского музея довольно убедительно обосновала возможность более продолжительного существования формы, по крайней мере, до конца третьей четверти столетия [Morgan, 2004, p. 167, 168]. Таким образом, датировка группы лекифов с пальметтами, происходящих из тризновых комплексов объектов 8, 18, 31, 35, а также из траншеи 1 за пределами скоплений, довольно широкая – вторая – третья четверти IV в. до н. э. Второй вариант – так называемые, сетчатые лекифы группы Булас, тулова которых украшают перекрещенные полосы лака (сетка) с белыми точками на пересечениях (рис. 7. 17; рис. 11. 1). Венчик, верхняя часть горла и ручка, обычно, покрыты лаком. Аналогии им не менее многочисленны [Robinson, 1933, p. 160–162; Beazly, 1946, p. 17–20, pl. 4, 16, 17; Ηλιοπούλου, 2015, p. 64. 83–85; Морган, 1999, с. 43. 90–107; Вдовиченко, 2008, с. 220, 277, 296, 308; Вдовиченко, Турова, 2006, с. 116, рис. 21. 134, 135; Hерmary, Panayotova, Baralis, Damyanov, Riapov, 2010, pl. 24, 81, 87; Вдовиченко, Жесткова, 2011, с. 106, табл. 16. 479–482]. Время производства определяется в пределах первой – начала четвертой четверти IV в. до н. э. Наши экземпляры, вероятнее всего, стоит относить к периоду расцвета формы и датировать второй четвертью столетия.

Из тризновых комплексов объектов 8, 18, 22, 25 и 35 происходят семь асков с уплощенной формой тулова (рис. 5. 10; рис. 7. 19, 20; рис. 9. 10, 11; рис. 12. 5, 6). Для них характерны отогнутый наружу венчик с утолщенным краем; узкое горло, смещенное относительно центра; уплощенное тулово с выпуклым щитком, над которым располагалась плоская вертикальная ручка; дисковидный плоский поддон. Во всех случаях, за исключением одного, щиток имел рельефное умбоновидное украшение сверху.

На одном из краснофигурных асков, обнаруженном в тризновом комплексе объекта 8, сохранилось изображения кошачьего хищника (предположительно, пантеры) и собаки, развернутых головами к носику сосуда (рис. 5. 10). Прямых аналогий этому рисунку нет, но исследователи отмечают, что такого рода изображения были широко распространены в начале IV в. до н. э. [Вдовиченко, 2008, с. 70; Moore, 1997, p. 56].

Второй аск (из тризнового комплекса объекта 18) относится к группе Бизли (рис. 7. 19). Изображения на щитке: А – голова Аримаспа или Амазонки и грифон, Б – голова Аримаспа или Амазонки и пантера. Аналогичные сосуды хранятся в Варшавском национальном музее и датируются серединой IV в. до н. э. [CVA Warsaw Musee National 3, 1964, p. 22, pl. 47. 2, 4, 6].

Тем же или чуть более поздним временем датируется аск из тризнового комплекса объекта 22 (рис. 9. 10). Переход от щитка к стенке декорирован поясом из ов. Несмотря на значительные утраты, изображение на щитке можно восстановить. Это два грифона, обращенные головами к носику сосуда. Типологически близкий аск опубликованный И. И. Вдовиченко и Н. П. Туровой, происходит из коллекции Ялтинского историко-литературного музея [Вдовиченко, Турова, 2006, с. 108, рис. 19. 114]. Авторы публикации относят этот сосуд к мастеру Феррара Т. 408.

Три сосуда из тризнового комплекса объектов 18 и 35 украшены так называемым «язычковым» орнаментом: на щитке от центра расходящиеся лучи, ограниченные сверху, а в одном случае и снизу, овами (рис. 7. 20; рис. 12. 5, 6). И. И. Вдовиченко датирует такие сосуды из раскопок Херсонеса третьей четвертью IV в. до н. э. [Вдовиченко, 2008, с. 70].

Единственный чернолаковый не орнаментированный аск отличается от прочих, в первую очередь, формой и местом крепления ручки (рис. 9. 11). Это небольшая профилированная кольцевидная ручка, прикрепленная к плечикам сосуда. Для асков этого типа характерен также круглый фильтр с отверстиями в центре щитка, который в нашем случае не сохранился. Подобные сосуды датируются обычно в пределах первой – второй четвертей IV в. до н. э. [Sparkes, Talkott, 1970, p. 319, pl. 39. 1188, 1189].

Таким образом, в статье представлен анализ всей выборки чернолаковых и краснофигурных сосудов, найденных в погребально-поминальных комплексах кургана «Госпитальный». Все представленные сосуды для питья, столовые и сосуды для масел относятся к продукции аттических мастерских IV в. до н. э. Несмотря на то, что многие из них могли находиться в использовании относительно продолжительное время и не могут являться жесткими реперами для датировки найденных комплексов, по совокупности нахождения предметов *in situ* вместе с другими находками, мы можем, с известной долей вероятности, отнести их к определенным периодам IV в. до н. э. Анализ чернолаковых сосудов не противоречит наблюдениям по планиграфии кургана. Практически все тризновые комплексы (№№ 8, 18, 22, 25, 27, 29), эсхары относились к погребениям в каменных ящиках (погребение 3 и погребение 4) и были сделаны под или рядом с насыпью кургана 1. Под вопросом остается принадлежность двучастной западной эсхары и найденного в 1,5 м к северу от нее тризнового комплекса 35.

Погребение 3 может быть датировано концом первой – началом второй четверти IV в. до н. э. на основании датировки краснофигурной пелики, найденной в этом закрытом комплексе, в то время как относящиеся к нему тризновые комплексы в основном относятся ко второй четверти IV в. до н. э. Возможно, что западная двучастная эсхара (объект 31) и тризновый комплекс, расположенный рядом с ней (объект 35) относятся к третьей – четвертой четверти IV в. до н. э. – возможному времени возведения склепа кургана «Госпитальный».

Представляется возможным сделать попытку реконструкции процесса функционирования курганных насыпей и связанных с ними поминально-погребальных комплексов. Так, сразу же после совершения погребений в каменных ящиках, совершаются поминальные мероприятия, связанные с тризновыми комплексами № 18, 22, 25, 27, расположенными западнее погребения 3. Тогда же, возможно, в процессе, и по окончании возведения насыпи кургана 1 в конце первой – начале второй четверти IV в. до н. э. (80–70-е гг.), совершаются сакральные действия и формируются остальные тризновые комплексы в углубленных ямах, а так же устанавливаются одночастные эсхары с севера и запада курганной насыпи. Затем, спустя 30–40 лет, в третьей – начале последней четверти IV века до н. э. к существующему кургану с юга пристраивается склеп с уступчатым перекрытием и длинным дромосом кургана 2 и совершается комплекс сакральных мероприятий с установкой или использованием уже двучастной эсхары, возможно, как символом родства погребенных.

**Хронологические таблицы по чернолаковым и краснофигурным сосудам
по объектам**

Объект 5

	последняя четверть V в. до н.э.	первая четверть IV в. до н.э.	вторая четверть IV в. до н.э.	третья четверть IV в. до н.э.
Миниатюрная миска				

Объект 8

	последняя четверть V в. до н.э.	первая четверть IV в. до н.э.	вторая четверть IV в. до н.э.	третья четверть IV в. до н.э.
Ойнохоя				
Кубковидный канфар				
Чаша типа bolsal				
Одноручная чаша				
Миски				
Миниатюрные миски				
Солонки				
Рыбное блюдо				
Лекифы				
Аск				

Объект 18

	последняя четверть V в. до н.э.	первая четверть IV в. до н.э.	вторая четверть IV в. до н.э.	третья четверть IV в. до н.э.
Кубковидный канфар				
Одноручная чаша				
Миски				
Миниатюрные миски				
Солонки				
Рыбное блюдо				
Лекифы				
Аск				

Объект 19

	последняя четверть V в. до н.э.	первая четверть IV в. до н.э.	вторая четверть IV в. до н.э.	третья четверть IV в. до н.э.
Пелика				

Объект 20

	последняя четверть V в. до н.э.	первая четверть IV в. до н.э.	вторая четверть IV в. до н.э.	третья четверть IV в. до н.э.
Кратер				

Объект 22

	последняя четверть V в. до н.э.	первая четверть IV в. до н.э.	вторая четверть IV в. до н.э.	третья четверть IV в. до н.э.
Кубковидный канфар				
Чаша типа bolsal				
Одноручная чаша				
Миски				
Миниатюрные миски				
Солонки				
Аск				

Объект 22/25

	последняя четверть V в. до н.э.	первая четверть IV в. до н.э.	вторая четверть IV в. до н.э.	третья четверть IV в. до н.э.
Кубковидный канфар				
Одноручная чаша				
Миниатюрные миски				
Аск				

Объект 25

	последняя четверть V в. до н.э.	первая четверть IV в. до н.э.	вторая четверть IV в. до н.э.	третья четверть IV в. до н.э.
Одноручная чаша				
Солонки				
Миниатюрные миски				

Объект 27

	последняя четверть V в. до н.э.	первая четверть IV в. до н.э.	вторая четверть IV в. до н.э.	третья четверть IV в. до н.э.
Одноручная чаша				
Миски				
Миниатюрные миски				
Солонки				

Объект 29

	последняя четверть V в. до н.э.	первая четверть IV в. до н.э.	вторая четверть IV в. до н.э.	третья четверть IV в. до н.э.
Ойнохоя				

Объект 31

	последняя четверть V в. до н.э.	первая четверть IV в. до н.э.	вторая четверть IV в. до н.э.	третья четверть IV в. до н.э.
Лекифы				

Объект 35

	последняя четверть V в. до н.э.	первая четверть IV в. до н.э.	вторая четверть IV в. до н.э.	третья четверть IV в. до н.э.
Миски				
Миниатюрные миски				
Лекифы				
Аск				

Список литературы

- Алексеева, 1997. Алексеева Е.М. Раскопки эллинистического дома в Горгиппии // КСИА. 143.
- Блаватский, 1953. Блаватский В.Д. История античной расписной керамики. М.
- Вдовиченко, 2008. Вдовиченко И.И. Античные расписные вазы в Северном Причерноморье. Симферополь.
- Вдовиченко, Жесткова, 2011. Вдовиченко И.И., Жесткова Г.И. Расписная керамика Херсонеса Таврического (Раскопки К.К. Костюшко-Валюжинича и Р.Х. Лепера) // Stratum+. № 3.
- Вдовиченко, Турова, 2006. Вдовиченко И.И., Турова Н.П. Античные расписные вазы из собрания Ялтинского историко-литературного музея. Симферополь-Керчь.
- Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012. Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Смекалова Т.Н. Юз-Оба курганный некрополь аристократии Боспора. Том 1. Симферополь-Керчь.
- Виноградов, 2014. Виноградов Ю.А. Острый или Десятый курган некрополя Юз-Оба // БИ. 30. Симферополь.
- Егорова, 2009. Егорова Т.В. Чернолаковая керамика IV-II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. М.

- Егорова, 2015. Егорова Т.В. Чернолаковая керамика V–IV вв. до н.э. с прочерченным и штампованным орнаментом из раскопок Пантикапея // «С Митридата дует ветер»: Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова. М.
- Егорова, 2017. Егорова Т.В. Античная чернолаковая керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. М.
- Иванов, 1963. Иванов Т. Антична керамика некрополя Аполлония // Аполлония. София.
- Кобылина, 1951. Кобылина М.М. Поздние боспорские пелики // МИА. 19.
- Кузнецов, 2004. Кузнецов В.Д. Фанагорийский склеп с уступчатым перекрытием // ПИФК. XIV.
- Морган, 1999. Морган К. Каталог аттической керамики из коллекции Таманского музея. СПб.
- Рогов, Тункина, 1998. Рогов Е.Я., Тункина И.В. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I // АВ. № 5.
- Ростовцев, 1914. Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Санкт-Петербург. Изд. ИАК, XVIII. Т. 1.
- Рукавишникова и др. 2018. Рукавишникова И.В., Бейлин Д.В., Федосеев Н.Ф., Воронков И.А. Курган «Госпитальный» в Керчи (предварительное сообщение) // ДБ. 23. М.
- Савостина, 1986. Савостина Е.А. Типология и периодизация уступчатых склепов Боспора // СА. 2.
- Beazly, 1946. Beazley J.D. Miniature Panathenais // BSA. 41.
- Beazley, 1971. Beazley J.D. Paralipomena: Additions to Attic Black-Figure Vase-Painters and to Attic Red-Figure Vase-Painters. Oxford.
- Boardman, 1997. Boardman J. Athenian Red Figure Vases the Classical period. London.
- Bouzek, 1990. Bouzek J. Studies of Greek pottery in the Black Sea area. Prague.
- Hayes, 1984. Hayes J. W. Greek and Italian Black-Gloss Wares and Related Wares in the Royal Ontario Museum: a Catalogue. Toronto.
- Hermay, Panayotova, Baralis, Damyanov, Riapov, 2010. Hermay A., Panayotova K., Baralis A., Damyanov M., Riapov A. Apollonia du Pont (Sozopol) la necropole de Kalfata (V–III s. av. J.-C.). Paris.
- Hoorn, 1951. Hoorn G. Choes and Anthesteria. Layden.
- Ηλιοπούλου, 2015 Ηλιοπούλου Σ., Αρχαία Ζώνη IIIa–To νεκροταφείο–Ταφικά έθιμα και πρακτικές. Komotini.
- Καλτσας, 1998. Καλτσας Ν.Ε. Ακανθος Ι. Η ανασκαφή στο νεκροταφείο κατά το 1979. Athen.
- Knigge, 2005. Knigge U. Der bau Z // Kerameikos. Ergebnisse der ausgrabungen. Bd. XVII. München
- Kotitsa, 1998. Kotitsa Z. Hellenistische Keramik im Martin von Wagner Museum der Universität Würzburg. Würzburg
- Landolfi, 2000. Landolfi M. Il Pittore di Filottrano e la tarda ceramica attica a figure rosse nel Piceno // La céramique Attique du IV siècle en Méditerranée Occidentale. Naples.

- Lezzi-Hafter, 1997. Lezzi-Hafter A. Offerings Made to Measure: two special commissions by the Eretria Painter for Apollonia Pontica // Athenian Potters and Painters. The Conference Proceedings. Oxford.
- McPhee, 1997. McPhee I. Stemless Bell-Kraters from Ancient Corinth // Hesperia. 66. 1.
- Moore, 1997. Moore M. B. Attic red-figured and white-ground pottery // The Athenian Agora. XXX.
- Morgan, 2004. Morgan C. Attic fine pottery of the archaic to Hellenistic periods in Phanagoria // Phanagoria Studies. 1. Leiden, Boston.
- Morgan, Arafat, 2001. Morgan C., Arafat K. Fine pottery of the Archaic-Early Hellenistic periods in the collection of the Temryuk museum (Taman peninsula) // Colloquia Pontica. 6.
- Petit, 1995. Petit T. Remarques sur la ceramique "subclassique" et hellenistique, a vernis noir et a engobe, du "Palais" d'Amathonte // Hellenistic and Roman Pottery in the Eastern Mediterranean. Advances in Scientific Studies. Warsaw.
- Robinson, 1933. Robinson D. M. Mosaics, Vases, and Lamps of Olynthus Found in 1928 and 1931 // Excavations at Olynthus. Baltimore, London.
- Rotroff, 1997. Rotroff S. I. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material // The Athenian Agora. XXIX.
- Ruhfel, 1984. Ruhfel H. Kinderleben im Klassischen Athen. Mainz.
- Sparkes, Talcott, 1970. Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plain pottery of the 6th, 5th, 4th centuries B. C. // The Athenian Agora. XII.
- Villard, 1960. Villard F. La ceramique grecque de Marseille. Paris.

Summary

I. V. Rukavishnikova, T. V. Egorova, D. V. Beilin, N. F. Fedoseev † Black-Glazed vessels from the funeral-memorial complexes of the "Hospital" mound

The article presents an analysis of the collection of Black-Glazed and Red-Figured vessels found in the funeral-memorial complexes of the Hospitaln barrow. All presented drinking vessels, vessels for wine and food service and oil vessels belong to the production of attic workshops of the 4th century BC. According to the totality of finding objects in situ, along with other finds, we can relate them to certain periods of the 4th century BC. The analysis of Black-Glazed pottery does not contradict observations on the mound planigraphy. Practically all the treasury complexes (8, 18, 22, 25, 27, 29), the altars belonged to burials in stone boxes (burial 3 and burial 4) were made under or near the mound 1.

С. Ю. Сапрыкин
 (Московский государственный университет
 им. М.В. Ломоносова,
 Институт всеобщей истории РАН, г. Москва)

К прочтению и интерпретации некоторых боспорских граффити

1. В 2015 г. Н.В. Завойкина, предварительно опубликовав интересное граффито на фрагменте хиосской амфоры третьей четверти VI в. до н. э., найденное при раскопках Фанагории, прочитала в нем имя Фанагора (рис. 1). Она отметила, что «упомянутое в надписи лицо тождественно Фанагору, жившему в г. Теосе (западное побережье Малой Азии), который и стал основателем Фанагории (ок. 540 г. до н. э.)» [Завойкина, 2015, с. 132, 133]. В 2016 г. надпись была переиздана и определена как письмо, адресованное Фанагору, имя которого поставлено в звательном падеже $\Phi\alpha\nu\alpha\gamma(\omicron)\rho(\acute{\alpha})$ – «О, Фанагор!», так как автор якобы обращается к нему с пожеланием или просьбой. По ее мнению, это самое раннее упоминание имени Фанагора в античных надписях, а в начале надписи перед его именем стоит вертикальная черта – разделитель между словами [Завойкина, 2016, с. 42, № 1; 2017а, с. 209, № 48]. В 2018 г. было опубликовано более подробное исследование надписи, прочитанной следующим образом: $\text{I}\Phi\text{ANAGP} / \text{EI}<\text{HIC}\Sigma / \text{ICHPH}\Sigma - \text{I}\Phi\alpha\nu\alpha\gamma<\acute{\omicron}>\rho<\epsilon\omega> \text{vel } <\eta\varsigma> / \text{EI}< \text{H}\acute{\iota}\omicron\varsigma / \text{Ic } \text{H}\eta\eta\varsigma$, т.е. «Обол Фанагору/5 обол и половина (обола) Эйей/обол и гемиобол для Геры»; в стк. 3 упоминается имя богини Геры, перед которым вертикальная черта и маленький полуовал – обол и гемиобол для Геры, поскольку «знак маленького полуовала обычно использовался в надписях для обозначения гемиобола». Начало стк. 2 автор публикации читает как $E = 5, I = 10, < (= 15, 5)$, хотя далее принимает $< = \frac{1}{2}$, но понимает эти знаки как «5 за обол и половину обола» или «6 обол и половина обола», отдавая предпочтение последнему (хотя в итоговом переводе надписи стоит почему-то «5 обол и половина обола» (sic!). Далее стоящее слово прочитано как $\text{HIC}\Sigma$ – $\eta\acute{\iota}\omicron\varsigma$ в именительном падеже (полуовал Σ использовался для передачи краткого $\omicron$), что значит «метко разящий», являющийся одним из эпитетов Аполлона Феба и встречающийся исключительно в эпической поэзии Гомера. Н.В. Завойкина приходит к выводу, что граффито является «записью приношений Фанагору, Аполлону Эйю и Гере», а Фанагор – ойкист Фанагории как героизированный умерший поставлен в один ряд с богами [Завойкина, 2018а, с. 292–299].

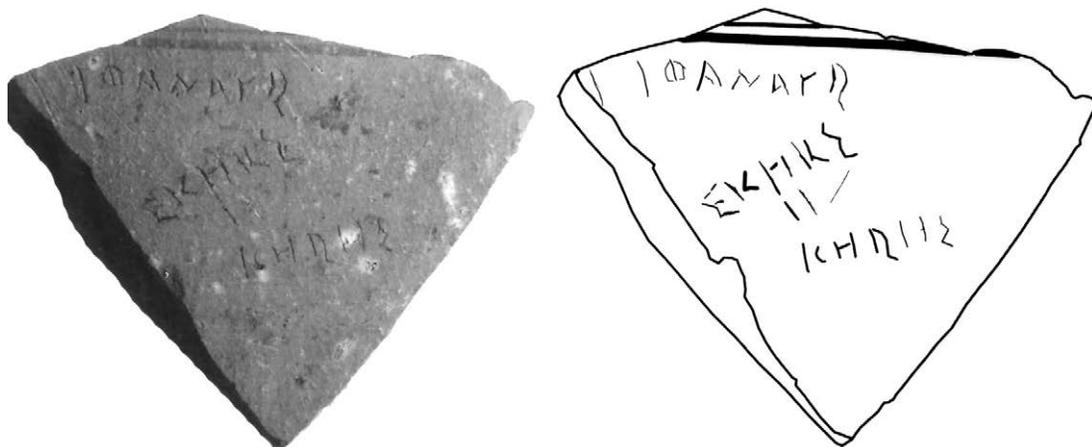

Рис. 1. Фоторафия и прорисовка граффито с именем Фанагора
(по Завойкиной с коррекцией автора)

Чуть ранее Ф. В. Шелов-Коведяев предпринял попытку дать иную интерпретацию этого памятника (при чтении публикации Завойкиной невольно проскальзывает мысль, что она знакома со статьей Шелова-Коведяева, но почему-то не дала на нее ссылку, хотя некоторые его предложения явно приняла). В стк. 1 он, как и Завойкина, вычитывает имя Фанагора, в стк. 2 прочитывает имя Кэры, богини гибели, рока или роковой гибели, которое «во множественном числе применяется и к Эринниям», а в стк. 3, как и Завойкина, видит имя Геры. Он совершенно справедливо критикует точку зрения Завойкиной, поскольку вертикальный разделитель вначале текста не вписывается в структуру такой надписи, как письмо. Ссылаясь на Л. Джеффери, он отмечает, что подобные разделители не свойственны надписям из ионийских городов. По его мнению, надпись должна читаться следующим образом:

| ΦΑΝΑΓΡ
Ε ΚΗΡΣ
|ς ΗΡΗΣ

«10 Φαναγόρου / 5 Κηρί / 13 Ἡρης», т.е. «10 Фанагора, 5 Кэре, 13 Геры» [Шелов-Коведяев, 2018, с. 98–100].

По мнению Шелова-Коведяева, граффито якобы начертано двумя авторами – один писал имена в родительном падеже (Φαναγόρου, Ἡρης), другой в дательном (Κηρί). Он пишет: «аутопсия показала, что в первом имени между Г и Р может находиться заизвестковавшийся ... нечеткий омикрон». Это предположение сомнительно: шрифт надписи одинаковый во всех строках и соответствует орфографии архаической эпохи (например, одинаковое написание буквы *rho*); между *гаммой* и *rho* в первом имени *омикрон* не прослеживается, автор граффито явно пропустил эту букву, и к тому же сокращал имена в сткк. 1–2 (м. б. он не был уверен в правильном написании родительного падежа или следовал обычному правилу выписывать личные имена в граффити в сокращении); разная ориентация имен на черепке не является доказательством нанесения текста различными людьми – автор располагал буквы и слова так, как ему было удобно

(ср., например, граффити из Ольвии – [Русяева, 2010, табл. 6, 5; 16, 2; 27, 12]; никакого датива в стк. 2 на остраконе нет, конечная буква там явная *сигма* в архаическом написании с раздвинутыми усиками¹, *йота* же в надписях на ранней хиосской керамике всегда передавалась в классической форме как I [Cook, Woodhead, 1952, p. 160; Jeffery, 1961, p. 30–35]; при пожертвованиях богам в храмы и святилища в надписях по обыкновению использовали не родительный падеж, а дательный², тем более что в нашем случае, как полагает Ф. В. Шелов-Коведяев, почему-то присутствуют оба эти падежа, а по мнению Завойкиной – родительный и именительный. Не приводя ни одного параллельного примера, Шелов-Коведяев наивно объясняет это начертанием имен на черепок разными авторами.

Восстанавливая в личном имени Фанагора ионийский генитив, Н. В. Завойкина переводит его как «обол Фанагору», в стк. 2 «пять оболов и половина (обола) Эйей» (nominativus), а в стк. 3 «обол и гемиобол для Геры». При таком понимании правильнее использовать при переводе родительный падеж при прилагательных, например, «посвященный кому»: «обол (посвященный) Фанагору», «обол и гемиобол, посвященные Гере», «пять оболов и половина (обола), посвященные Эйю», т. е. эпитет Аполлона по аналогии с рядом стоящими Фанагором и Герой подразумевает родительный падеж. Перевод «для кого-то» или «кому-то» требует дательного падежа – *Dativus commodi et incommodi*. Это ставит под сомнение прочтение EI<HCΣ как Ἡϊός, тем более что ни простой ни двойной именительный падеж здесь невозможен. Усматривать в этом слове полуовальный *омикрон* вряд ли правильно, это скорее угловатый знак, а не С.

Неверным представляется и мнение обоих исследователей, что стк. 3 начинается с вертикальной черточки и значка в виде «лунарной» *сигмы* (IC), причем С, как утверждает Ф. В. Шелов-Коведяев, «в архаических шрифтах Ионии выражало Г». В архаических шрифтах *гамму* передавали как Λ ∩ } | ι 1 [Jeffery, 1961, p. 30–35], поэтому принимать начальные буквы в стк. 3 за цифровое обозначение IC = 13 вряд ли справедливо. Маловероятно и предлагаемое Завойкиной Ic как обол и половина (гемиобол). Если надпись начертана рукой одного автора, как справедливо полагает исследовательница, то почему в стк. 2 знак половины стоит в виде <, как она его понимает, а в стк. 3 знак половины выписан в виде полуовала С? Напрашивается вывод, что это *каппа*, начертанная небрежно – она выписана с усиками, неходящими до вертикальной гасты. В стк. 2 у нее правильные угловато-косые гасты не примыкают к вертикали, а в стк. 3 они также не примыкают к вертикальной гасте, но более курсивной формы.

К этому следует добавить, что в стк. 1 перед именем Фанагора не одна вертикаль |, а ||, что отчетливо заметно на качественной фотографии [Завойкина 2015, с. 133, правда в прорисовке ее почему-то нет]. В таком случае говорить об алфавитной системе счета, которой якобы пользовались авторы граффито, невозможно: | не может означать цифру 10, так как || не соответствует цифре 20, которая по алфавитной системе

¹ Идею об авторстве двух разных лиц и чтение последней буквы в стк. 2 как Г справедливо отвергла и Н. В. Завойкина [Завойкина 2018а, с. 293–295].

² См., например, граффити-посвящения в храм Артемиды Орфии в Спарте [Hondius, Woodward, 1919/1921, p. 104–125; Dawkins (ed.), 1929, p. 371–374], посвящения Афине с акрополя Спарты [Woodward, 1932, 240–253], богине Артемиде в ее святилище в Бравроне [Temelis, 1994, p. 33].

передавалась как К'. В Ионии использовали обе системы счета – акрофоническую и алфавитную [Syll. I, 11, a-d], в Афинах алфавитная система счета была введена в начале V в. до н.э. для указания цен на керамическую продукцию. Совмещение обеих систем применялось не в отношении разных объектов, а в одном цифровом (ценовом) ряду, например, Π | | и Ε | | = 7 (5 драхм и 2 обола) [Hackl, 1909, S. 8–10; Talcott, 1935, 515, 516]. Если следовать этому правилу, то ΕΙ< должно обозначать 5 драхм и полтора обода (обол и гемиобол), а не 5 или 6 оболов и полуобол, как считает Завойкина. Что же до знака С, то он действительно обозначал половину обода, но встречается в надписях не ранее IV в. до н.э. из Дельф, Эпидавра; к тому же иногда он означал 1 халк, как на Керкире, или 1 драхму, как в Калхедоне и Херсонесе [Tod 1911/1912, p.103–107, 113, 120, 123; 1926/1927, p. 145].

Как уже говорилось, большое сомнение, помимо палеографии, вызывает восстанавливаемый Завойкиной в стк. 2 эпитет Феба Аполлона Ἡϊός. Он засвидетельствован только у Гомера в «Илиаде»: ἦϊε Φοῖβε [Hom. II. XV. 365; XX. 152] и образован от приветствия, крика, при помощи которого зывали к богу (ср. ἦϊός (ἦ ἦ ἦ)), что встречается только у поэтов) [LSJ s. v.]. Прилагательное ἦϊός – метко разящий, пускающий стрелы – образовано от глагола ἦϊμι и косвенно может относиться к Аполлону. Однако в качестве эпитета засвидетельствована только форма в виде крика зывания к богу, о чем говорится в эпической и лирической поэзии. Это ставит под большой вопрос чтение Завойкиной в стк. 2 эпитета Аполлона «лучник». Скорее всего, в этом случае стоял бы эпитет «токсофор» или просто имя Аполлона, как предполагается исследовательницей в отношении Геры в стк. 3.

Обращает на себя внимание, что ни Завойкина, ни Шелов-Коведяев никак не объяснили наличие вертикальной линии на черепке (ее хорошо видно на прорисовке) между сткк. 2 и 3. При тщательном изучении поверхности остракона рядом с ней заметны еще две линии – одна вертикальная, другая слегка наклонная вправо. Их сохранность несколько хуже, чем у первой из этих трех черточек. Поэтому из всего сказанного выше следует, что граффито из Фанагории это не список пожертвований в святилища Фанагора, Кэры и Геры, как считает Ф. В. Шелов-Коведяев, и не письмо, адресованное Фанагору, и не посвящение в святилища Фанагора, Аполлона, Геры, в чем убеждена Н. В. Завойкина. Ведь культ богини Кэры в Северном Причерноморье до сих пор не зафиксирован, а эпитет Ἡϊός нигде, кроме поэзии, не встречается. Текст надписи может быть прочитан следующим образом:

| | Φαναγ(ό)ρ(α)
 ἐκ Ἡκσ(ίω)
 | | /
 κηρής

В стк. 1 бесспорно вычитывается имя «Фанагор», что не удивительно для Фанагории. Следует согласиться с Н. В. Завойкиной, что это мог быть ойкист Фанагории – города, названного его именем (Steph. Byz. s. v. Φαναγόρεια). Впрочем, имя Φαναγόρας/ης было очень популярно в эллинском мире. Среди городов, где оно зафиксировано, Смирна, Клазомены, Эритры, Эфес, Теос – метрополия Фанагории [LGNP V. A. 443], острова Делос, Кеос, Лесбос, Фасос, Эвбея [LGNP I. 453], Афины [LGNP II. 440], Гераклея-Перинф,

Фанагория на Боспоре [LGPN IV. 339; CIRB 971]. Поэтому нельзя исключать, что под этим именем в граффито мог скрываться не ойкист, а одноименный житель ранней Фанагории, названный в честь ойкиста.

В стк. 2 мы предположительно вычитываем сокращение имени Ἀξίος, также достаточно известного среди эллинов. Оно встречается в Эфесе, Смирне, Кизике [LGPN V. A. 40], в островных центрах Эгеиды [LGPN I. 49]. Возможны и другие варианты имен на Αξ-, например, Ἀξίοχος, Ἀξίων, Ἀξίωνικος, Ἀξίπολις и др. Мы останавливаемся на первом варианте, поскольку учитываем, что автор граффито сокращал имена и даже пропустил букву в имени Фанагора. Если бы это было более длинное имя, то он вряд ли сократил бы его до трех букв. Имя Ἀξίος начертано в ионийской огласовке Ἰκσ (...), с характерной заменой α=η и с употреблением архаического двойного консонанта κσ = ξ (ср. ξσ = κσσ в Коринфе, Родосе, Ионии) [Buck, 2001, p. 75]. В наиболее ранних греческих надписях с использованием наиболее примитивного типа греческого алфавита, когда согласная Ξ еще не употреблялась, соответствующий звук отражался путем написания χσ = κσ, и это вошло в местные алфавиты [Buck, 2001, 17; ср. Johnston, 1975, p. 154, 155; Cook, 1998, p. 9]. Примеров этому в греческой эпиграфике достаточно. Это, как правило, документы VI – первой половины V в. до н. э.: граффити с агоры Афин – Χσα (...) [Lang, 1976, F 42], Πραχσ<ι>νε = Πραξίνη [ibid. В 10], Πρ<α>χσονος = Πράξων [ibid. С 21]; Χσάνθιππος = Ξάνθιππος на остраконах из Афин [Ober, Hedrick (eds.), 1993, p. 96]; чередование χσ, ξ, ξσ в граффити и надписях Камироса, Линда, Родоса, Иалиссоса [Johnston, 1975, p. 154]; Χσά (νθος?) на светильнике из Афин [Howland, 1958, pl. 22] и в граффито из Ольвии [Русяева 2010, табл. 6, 6 = IGDOlbia 86: Χσάνθαι]; ΕΥΠΡΑΧ<σ> ΙΥ = Εὐπραξίου на амфоре начала VI в. до н. э. [Oikonomides, 1988, p. 44, № 25]; [Πρ]όχσενος = Πρόξενος vel [Θε]όχσενος = [Θε]όξενος [IG P. 1144.124 = LGPN IV. 292] в надписи из Византии 464 г. до н. э. Данное фонетическое явление часто встречается в надписях из Беотии: Фивы – Ξενώ = Χσενῶ [LGPN III. В. 319], Танагра – Δεχσαρέτα = Δεξαρέτα [IG VII. 623 = LGPN III. В. 108], Εὐχσενίδα = Εὐξενίδα [IG VII. 592 = LGPN III. В. 162], Орхомены – Δεχσῶν = Δέξων [LGPN III. В. 109].

Особенно показательное использование данного консонантизма на островах Восточного Средиземноморья: наряду с характерным для эпохи архаики χσ=ξ – Χσεινόδικος = Ξεινόδικος [LGPN I. 342: Парос, VI в. до н. э.], Ἀλ[ε]ησῶ = Ἀλεξῶ [IG XII. 7. 142 = LGPN I. 28: Аморгос, 525–500 гг. до н. э.], ср. Кеос, 475–450 гг. до н. э. – Ξενήρετος = Σχενήρετος [ibid. 346 с перестановкой звуков согласно произношению], даже после появления в алфавите звука и соответствующей буквы *кси*, архаизация двойного консонанта сохраняется, но уже с использованием ξ = ξσ: Ξσενῦς = Ξενῦς [ibid. 346, Самос, V в. до н. э.], Ἀρχεάναξ = Ἀρχεάναξ [ibid. 84, Линд, 450–411 гг. до н. э.]. То же находим в Лидии: Δέξστρος = Δέξτρος [TAM V.1.24.1.3=LGPN V.A. 119]³. Любопытна трансформация χσ = κσ = ξσ = σ в личном имени из Синопы Σαρσάνδης = Ξαρσάνδης [ISinore 77 = LGPN V. A. 341], а также передача ξ через κξ в имени Ἀκξίος = Ἀξίος [LGPN V. A. 40, Кизик]. Однако ближайшие аналогии замене ξ на κσ встречаются в эпиграфике Феры

³ В ономастике Боспора подобное фонетическое явление засвидетельствовано еще в III в. н.э.: CIRB 1278, 1280 – Χάρακτος, Χάραξ[σ]τος, ср. Χάραξ (Ptol. VI. 2).

архаической эпохи в именах Ἀνακσιβία = Ἀναξιβία [LGPN I. 36], Δεκσίλο [ς] = Δεξι-
 λος [IG XII.3.Suppl.1415 = LGPN I. 122], Ἀνακσιρ[άτης] = Ἀναξιρ[άτης] [IG XIII. 3.
 Suppl. 1484 = LGPN I. 37], Ἀνακσις = Ἀναξις [IG XIII. 3. Suppl. 1465, 1482 = LGPN I. 37],
 Ἀλεκσικ[ράτης] = Ἀλεξικ[ράτης] [IG XIII. 3. Suppl. 1466 = LGPN I. 26].

Таким образом для времени архаики, которым датируется фанагорийское граффито, использование двойного консонанта ко вместо ξ в имени Ἰκοσ (ίο) = Ἰκοσ (ίου) = Ἰξ (ίου)? закономерно. Тогда предлог ἐκ должен обозначать нечто, полученное от Аксия (=Эксия). Скорее всего речь идет о деньгах, и если это так, то вертикальные (очень редко горизонтальные) черточки по акрофонической системе счета означали один обол (крайне редко драхму, для нее существовал особый знак). Иногда для обозначения халка применяли наклонные черточки / или \ [Tod, 1911/1912, p. 104–116]. Поэтому возможно, что Фанагору было пожертвовано 2 оболы, а от Аксия (=Эксия) 2 оболы и халк. Однако в VI в. до н. э. и начале V в. до н. э. на Боспоре в обращении находились серебряные номиналы Пантикапея тетроболы, триоболы, драхмы, гемиоболы и тетартемории [Анохин, 1986, 136], а в конце VI в. до н. э. появились диоболы и оболы [Frolova, 2004, S. 17–20]. Поэтому можно предположить, что в первом случае две черточки означали диобол, а три черточки во втором случае триобол.

Сложнее с объяснением слова в последней строке надписи. От него во многом зависит интерпретация этого важнейшего для истории Боспора эпиграфического памятника. Как говорилось выше, мы прочитываем здесь слово ΚΗΡΗΣ (Σ имеет такую же орфографию, как и в предыдущей строке, что исключает предположение о написании текста двумя разными людьми). Существует два возможных варианта его интерпретации. Первый – это личное имя. В греческой антропонимике известны похожие или близкие имена, например, Κάρης [LGPN II. 255, VI в. до н. э., Афины], Κήριος, Κήρις, Κάρος [LGPN V. A. 245, Эфес, Магнесия], Κάρος [LGPN I. 251, Самос, архаическая эпоха; LGPN III. A. 237, Сицилия, IV в. до н. э.], Κέρης [LGPN V. B. 232, Кария, позднеэллинистическая эпоха], Κέρως [LGPN III. A. 240, Аргос, 350 г. до н. э.], Καρούς [LGPN III. B. 126, Беотия, Танагра, эллинистическое время], Κάρος, Κᾶρος [LGPN IV. 187, Фракия, эпоха эллинизма и позднеримское время]. По сообщению Страбона [XVI. 2. 39], у боспорцев был прорицатель по имени Ἀχαϊκάρος, о котором ничего более неизвестно. В. П. Яйленко почему-то называет его Архайкаром, указывая без всяких ссылок, что есть форма этого имени с *ro*, хотя во всех доступных изданиях этот прорицатель фигурирует под именем Ἀχαϊκάρος. Можно согласиться, что он почитался в святилище, но вряд ли можно принять идею, что первая основа его имени соответствует имени Археанактидов, правивших в Пантикапее в 480–438 гг. до н. э. Вторая основа имени, по мнению Яйленко, Κῆρ (эолийская форма Κᾶρ) – божество судьбы, рока, смерти, поэтому «значение имени божества (прорицателя – С. С.) Ἀχαϊκάρος «изначальный рок», «древний кар» [Яйленко, 2017, с. 425].

По нашему мнению, имя испорчено при переписке текста Страбона или заимствовано географом из уже искаженного текста первоисточника. Оно состоит из двух частей Ἀχαϊκός Κᾶρος, т. е. ахейский Карос (или Кар) или Ἀχαιὸς Κᾶρος, т. е. Карос ахеец (Ἀχᾶϊκ(ός) (Κ)ᾶρος *vel* Ἀχᾶϊ(κός) Κᾶρος через выпадение одной *каппы* или Ἀχαι(ός) Κᾶρος при сокращении окончания в этниконе аналогичном финальной флексии в имени).

Вполне допустимо, что прорицатель, как полагает Яйленко, был связан с Таманским полуостровом, где находилось его прорицалище или святилище, хотя у Страбона об этом не сказано ни слова. Как известно, Κάρο, Κάροος – этимологический предок карийцев, которые эпизодически осуществляли плавания в Понт до греков и, вероятно, в ходе греческой колонизации, о чем сохранились следы в источниках [Ефремов, 2013, с. 78–92]. Плиний Старший, опираясь на очень раннюю традицию, сообщает, что соседние с Танаисом области удерживали карийцы, затем клазоменцы и меоны, наконец – пантикапейцы (Plin. VI. 20 (420)). Поэтому появление в ономастике Боспора, особенно в азиатской части, имени, связанного с мифологическим Каром – родоначальником карийцев – вполне вероятно. Этнокон «ахеец», по всей видимости, наследие греческой колонизации северо-восточного Причерноморья, где проживали племена ахеев, названные так потому, что в этой части северокавказского побережья пытались закрепиться выходцы из Ахеи и Фессалии, отчего среди названий местных племен закрепился этот этноним. Поселившиеся поначалу в этом регионе эллины, очевидно под давлением соседей-гениохов и колхов, передвинулись в район Синдики и Синдской гавани, «заселенной эллинами, пришедшими из соседних областей» [Ps.-Scymn. 886]. Среди пришедших в Синдику из соседних областей могли быть и потомки колонистов побережья Северного Кавказа из числа переселенцев из Ахеи, Фессалии, Беотии, Пелопонесса [Сапрыкин, 2018, с. 645]. К ним, по всей видимости, мог принадлежать Кар, ставший прорицателем, ибо имел отношение к высшей касте – жрецам, возводившим род к первопоселенцам. Его имя было созвучно имени богини Керы – божества насильственной смерти, гибели, рокового конца, что облегчило ему возможность стать прорицателем. Таким образом имя Κάρο, Κάροος и теоним Κῆρ, Κηρός (эол. Κἄρ) восходят к древнейшей эпохе, возможно, к колонизации Тамани и конкретно Фанагории. Следовательно КНРНΣ могло быть личным именем Κάροης или Κάροας в ионийской огласовке с передачей α > η.

Если в стк. 4 действительно стояло это личное имя, то смысл граффито такой: от Аксия (=Эксия), очевидно, Фанагору, было пожертвовано (или передано) два оболы (диобол), что отражено двумя черточками перед именем Фанагора. Предположение, что это жертвование самого Фанагора, представляется менее вероятным, так как перед его именем отсутствует предлог ἐκ, как перед именем Аксия (=Эксия). Если так, то в стк. 1 в имени Фанагора уместнее восстанавливать дательный падеж, а три вертикальные (один слегка наклонный) знаки, т. е. триобол, в стк. 3 относятся к жертвованию от Кереса, очевидно, тому же Фанагору. Тогда перевод граффито получается такой: «диобол Фанагору от Аксия (=Эксия), триобол *дал* Керес». Это означает, что граффито является одним из древнейших записей трапедзита или ростовщика-кредитора о передаче денег Фанагору – частному лицу, тезке ойкиста, либо самому ойкисту Фанагору, а быть может в святилище (героон) или прорицалище ойкиста Фанагории, обожествленного или скорее героизированного горожанами после его кончины.

Второй вариант трактовки слова КНРНΣ связан с пониманием его как gen. subject. κῆρ, κηρός – смерть, гибель, бедствие, несчастье, недуг, болезнь, злой рок (нарицальное имя одноименной богини) – с характерной заменой ο > η в окончании под влиянием первого ударного слога. Тогда смысл надписи такой: «диобол Фанагору (или в Фанагорейон – героон Фанагора), триобол от Аксия (=Эксия) от беды (или злой судьбы, рока)».

Рис. 2. Граффито с проклятием Нисе

Последний вариант представляется менее правдоподобным, хотя в обоих случаях вполне допустимо, что Фанагор, которому предназначались подношения, это ойкист Фанагории. При всей заманчивости такого предположения, мы больше склоняемся к тому, что Фанагор – частное лицо, а сам документ является записью о возврате ему долгов от Аксия (=Эксия) и Кереса.

2. Второе граффито начертано на донце чернолакового аттического килика последней четверти VI – первой четверти V в. до н. э. и также происходит из раскопок Фанагории 2013 г. с раскопа «Верхний город». Текст фрагментарный, сохранились только три строки, написанные по внешней окружности поддона (рис. 2):

ΘΗ ΝΥΣΑΙ
ΑΑΑΑΑ
Ν: ΑΙΦ?

Граффито опубликовано Н. В. Завойкиной, трактовавшей его как владельческую надпись и предложившей такое восстановление:

[Αγα]θή Νύσα
Ἄ Ἄ Ἄ Ἄ Ἄ
Ναί

Перевод: «(Доб)рая Ниса. Ах! Ах! Ах! Ах! Ах! Подлинно так».

Автор публикации надписи пришла к выводу, что это «письмо, возможно, любовного характера. Автор обращается к некоей Нисе. ...Восклицание Ἄ выражает сочувственное и, в то же время, порицающее отношение. Пятикратное повторение этого восклицания в письме, дополненное усилительным утверждением Ναί, призвано передать, как сильно автор письма за что-то осуждает Нису» [Завойкина 2016, с. 44, № 11; 2017а, с. 366, № 301]. В более поздней публикации исследовательница отвергла связь текста надписи с магией [Завойкина 2018б с. 69,70].

Подобное толкование граффито и вывод вызывают обоснованные возражения. Первое: владельческая надпись никак не сочетается с ее характеристикой как любовного письма. Второе: любовное послание вряд ли содержало бы осуждение Нисы, которой оно адресовано. Третье: имя Нисы стоит в дательном падеже, на что первоиздательница

не обратила внимание, следовательно весь смысл надписи концентрируется на Нисе. Четвертое: сохранившееся на черепке ΘН не обязательно относится к [Αγα]θή, к тому же, если бы это было письмо или послание, в нем непременно были бы характерные для эпистолярных документов выражения приветствия типа «такой(ая)-то такому(ой)-то привет!». Но этого нет, тем более что сохранившийся текст является началом надписи. Пятое: Н. В. Завойкина не заметила или не обратила внимание, что между Ν и последующими буквами Α Ι Ι (или Φ?) интерпункция в виде трех вертикальных точек, которые означают завершение одной фразеологемы и начало следующей⁴. Поэтому чтение в стк. 3 восклицания Ναί невозможно, как невозможно оно еще и потому, что в стк. 3 сохранилось не три, а четыре буквы (вместе с интерпункцией). Все сказанное показывает, что смысл граффито иной и это заставляет нас тщательнее подойти к его изучению.

Прежде всего обращает на себя внимание пятикратное повторение Α Α Α Α Α после упоминания имени Нисы. Это ключевой момент для интерпретации граффито. На чернотлаковом фрагменте из Спарты засвидетельствовано граффито Η / ΚΚΚΚΚΚΚΚ, предположительно определенное как вотив неграмотного человека, который хотел написать на посвящаемой вещи текст, даже если этот текст был простой чушью [Woodward, 1932, p. 247, fig. 4, 5]. С таким определением согласиться сложно, так как надпись выполнена четко и буквы в ней расположены в соответствующем порядке. Скорее всего, данное граффито имело магический характер и потому было поднесено в святилище. Как известно, алфавит и отдельные буквы алфавита по представлению древних греков обладали магическими свойствами, поэтому надписи, содержащие отдельные буквы, традиционно трактуются как магические, сакральные, как апотропеи, заклятия или наговоры и т. п. [Яйленко, 2005, с. 469; Емец, 2005, с. 148, 149]. В связи с разбираемым фанаторийским граффито важно упомянуть о находке в Пантикапее свинцовой таблички с магическим заклятием, в котором содержалось исключительно одно слово ἀνώνυμος, повторенное 18 раз. Авторы публикации этого памятника полагают, что «аноним» это душа безвременно ушедшего человека, своего рода обращение к так называемым «безымянным богам», как правило, к Эриниям и Эвменидам, божествам мести, зла, злобной сущности [Belousov, Fedoseev, 2014, p. 145–148]. По аналогии многократное повторение буквы Α в граффито из Фанатории в сочетании с именем Нисы также имело магический сакральный смысл, связанный со злом, роком, неподобающим поведением, образом действия или плохим характером.

Исходя из этого, можно предложить следующую реконструкцию надписи:

[Κακοή]θη(ι) Νῦσαι
ΑΑΑΑΑ
[θεῶ]ν : ΑΙΦ[...]

⁴ В поздней публикации Н. В. Завойкина высказала мнение, что точки не могут быть интерпункцией, так как «углубления свежие и глубокие, очевидно, позднего происхождения и к надписи отношения не имеют [Завойкина 2018б, с. 70, прим. 7]. Это утверждение не представляется убедительным, точки как-то уж очень подозрительно точно легли на окончание фразы и проставлены явно искусственно, расположены вертикально в количестве трех, уверенно разделяя слова. Если бы они появились позднее текста надписи и не имели к ней никакого отношения, то подобное расположение точек, характерных для интерпункции в греческих граффити, в высшей степени странно.

В такой транскрипции надпись, скорее всего, магический наговор, своего рода проклятие. В качестве параллели можно привести известное проклятие в адрес женщины Наны в граффито из поселения Зенонов Херсонес на Боспоре: $\text{Νάνα κακὰ Ονήσω ἔε}$ – «порочная Нана с Онесом вступила в связь» [Яйленко, 2005, с. 483, 484; Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 129, № 662 с коррекцией предыдущих вариантов чтения]. В нашем восстановлении граффито из Фанагории можно перевести как «Злой (порочной) Нисе пятикратное проклятие богов! (...)». ΑΙΦ [...] в конце стк. 3, возможно, начало имени автора граффито или какое-то слово, означавшее внезапность, например, αἴφνης, αἰφνίδιος и т. п. На Боспоре, правда в римское время, засвидетельствовано имя Αἰφνίδιος [LGPN IV. 12], а в греческой ономастике встречаются имена Αἰφικιανός, Αἰφικία [LGPN I. 22]. Возможно, что ΑΙΦ (...) имя автора граффито или имя человека, которому было адресовано другое проклятие (либо наоборот похвала в противоположность порочной Нисе).

По мнению Н. В. Завойкиной, « Νῦσα – вос. sing. женского имени Νύση (= Νίσση). Это имя проникло в античную антропонимию, вероятно, из Ликии или Фригии вместе с его носителями. Замена *йот* на *ипсилон* в нем является результатом перестановки этих гласных на письме вследствие, видимо, их произношения» [Завойкина, 2018б, с. 70]. Однако имя Νῦσα засвидетельствовано в Македонии [LGPN IV. 258], Арголиде, Южной Италии [LGPN III. А. 332], Карики, Киликии, Памфилии, Милете [LGPN V. В. 322], Эолии, Вифинии, Смирне, Лидии, Тие на Понте [LGPN V. А. 340], на островах Косе и Родосе [LGPN I. 341]. Оно встречается в основном в эллинистическую и римскую эпохи. В Афинах в IV в. до н. э. зафиксировано близкое имя Νισώ [LGPN II. 342]. Имя Νῦσα принадлежало селевкидской принцессе – супруге понтийского царя Фарнака I [IG XI. 1056]. Появление его на фанагорийском килике – одно из самых ранних его упоминаний в греческой эпиграфике. Поскольку форма имени Νύση (= Νίσση) крайне редкая и в греческом мире не засвидетельствована, то имя Νῦσα , по всей видимости, существовало в греческом ономастиконе уже в раннюю эпоху и никакой перестановки гласных в это время не наблюдалось.

3. В 2015 г. Н. В. Завойкина опубликовала граффито (рис. 3), которое интерпретировала как запись долгов жителей Фанагории и датировала второй половиной IV в. до н. э. [Завойкина 2015, с. 138]. В 2017 г. она дала его реконструкцию, назвав его торговой записью и прочитав следующим образом: $\text{Ατότης ΕΕΟΔΠ / ΔΔΔΔ / Νευμήνιῶ ΕΕΟ / Διονῦ Στρατό[νικου?] / ΕΕ[ΟΔΔ]ΔΔ}$ – «Атот – ш(есть) г(ектов) о(роба) за 5 д(рахм). От Нумения ш(есть) г(ектов) о(робы) за 4 д(рахмы). От Диона, сына Страто(ника?), ш(есть) г(ектов) о(робы) за 4 д(рахмы)», продатировав его уже концом V – первой половиной IV в. до н. э. [Завойкина, 2017, с. 151–158; 2017а, с. 340, № 259]. В 2018 г. исследовательница уточнила дату, предложив первую половину – начало третьей четверти IV в. до н. э., а также дала новое чтение и интерпретировала граффито как запись трапедзита. В целом восстановление Завойкиной осталось прежним, уточнению подверглись только цифровые знаки в стк. 3 Νευμήνιῶ ΕΟΠ , а также имя и цифра в стк. 4 – 5 $\text{Διονῦ Στρατό[κλῶ?] / ΕΕ[ΟΔ]ΔΔ}$. На этом основании предложено следующее чтение: $\text{Ατότης ε(ἰς) ε(ἰς) ὀ(βολός) ΔΠ = 15 / Νευμήνιῶ ε(ἰς) ὀ(βολός) π(έντε), ΔΔΔΔ = 40 / Διονῦ Στρατό[κλῶ?] ε(ἰς) ε(ἰς) ὀ(βολός) ΔΔΔ = 30}$, т. е. «Атот – один, один о(бол), 15 (оболов); от Нумения – обол, пять (оболов),

сорок (оболов); от Диония, сына Страто(ника?) (*sic!*) – один, (один) (обол), 30 (оболов).

Восстановление и интерпретация надписи Н. В. Завойкиной были подвергнуты критике Ф. В. Шеловым-Коведяевым [Шелов-Коведяев, 2018, с. 101, 102]. Он продактировал надпись концом VI – началом V в. до н. э., правильно прочитал имя Дионистрата вместо Диония, сына Стратоника или Диона, сына Стратокла, как у Завойкиной. По его мнению, буквы после имен «надо читать как сокращения слов, а не цифры», □ как $H=1/2$ либо $\vdash$ (драхма), из которых он выбрал первое $H = 1/2$. На этом основании он предлагает такое чтение: $\text{Ατότης ΕΕ□ΔΠ} / \text{ΔΔΔΔ} / \text{Νευμηνίω ΕΕ□} / \text{Διονυστράτῳ} / \text{ΕΕ[□Δ(Δ)]ΔΔ}$ – «Атот (за) 2,5–15 / 10 10 10 10 / от Невмения (за) 2,5 / от Дионистрата (за) 2,[5–10 (10)] 10 10». Ф. В. Шелов-Коведяев полагает, что учет ведется в медимнах зерна.

Интерпретация граффито уважаемыми коллегами, к сожалению, вызывает большое сомнение. Во-первых, странно, что цифровые знаки, а следовательно и расчеты, ведутся одновременно по акрофонической и алфавитной системам. Как правило, для ведения счета употребляется одна из систем. В данном случае мы имеем следующие знаки-буквы, используемые в расчетах по акрофонической системе: $\Delta = 10$ или знак драхмы, $\Pi = 5$, $E = 100$, иногда $E = 1/2$ обола [IG V. 2. 6b, 7 = Tod 1911/1912, p. 104, 118], ср. $ΕΕΕ = \text{τριψιβόλια}$ (Геря, Тегя) [Tod, 1911/1912, p. 125]; □ может обозначать H, O или $O=1$ или название обола. Во-вторых, непонятно, почему автор граффито указывал сумму в оболах по-отдельности, как считает Завойкина, например, один, один обол, 30 оболов, или обол, пять оболов, 40 оболов. Куда проще было указать $\Delta\Delta\Pi = 32$ обола или $\Delta\Delta\Delta\Pi = 46$ оболов, как было принято при расчетах в деньгах. В-третьих, при проплате за товар, особенно если речь идет о талантах, минах и медимнах, по обыкновению указывается, что это именно мины, медимны [IG II. 5, 179b] или таланты [ср. Tod, 1911/1912, p. 101, 124; Виноградов, 1971, с. 69; Awianowicz, 2011, S. 237–239; Сапрыкин, Федосеев, 2010, с. 51]. Ни Н. В. Завойкина, ни Ф. В. Шелов-Коведяев не объяснили, почему имя Атота стоит в именительном падеже, а имена двух других лиц в родительном. Ф. В. Шелов-Коведяев попытался дать такое определение: Атот за 2,5 (непонятно в каких номиналах монет! – С. С.) приобрел 15 и 10101010 (медимнов?), от Невмения за эту же

Рис. 3. Запись трапедзита Атота

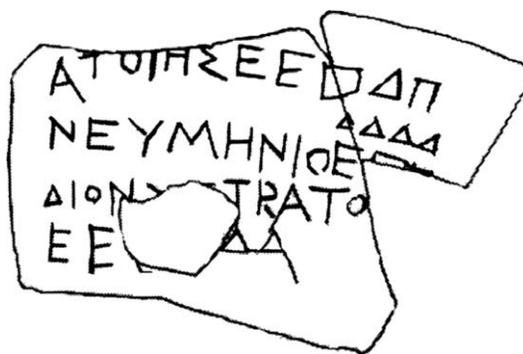

Рис. 4. Прорисовка граффито Атота (по Завойкиной с небольшими изменениями автора)

сумму было получено непонятно сколько медимнов, от Дионистрата за такую же сумму было тоже получено 10101010, т. е. получается, что оба лица приобрели по 40 медимнов! Но в таком случае Атот получил от Невмения и Дионистрата за одинаковую сумму одинаковое количество медимнов, что вызывает определенное сомнение. Возникает также вопрос, почему количество медимнов у Атота, как считает Шелов-Коведяев, – 15 и 40 (= 55), т. е. ΔΠ = 15 и ΔΔΔΔ = 40 – выражено именно так, а не просто цифрой 55, т. е. ΔΔΔΔΔΠ, ΠΠΠΠ, ΠΔ (маленькая подписная *дельта* под верхней гостой *пи*)Π или ΝΕ, как было принято в такого рода документах. На этом основании еще более непонятно, почему имя Атота фигурирует в номинативе, а имена других лиц в генитиве. Следует также учитывать, что последняя строка испорчена, отчего сумма, относящаяся к Дионистрату, остается неясной (под выбоиной слева внизу просматривается нижняя часть слегка наклоненной влево вертикальной госты, вероятно, угол Ε?). Восстановление суммы, относящейся к Нумению, как ΕΟΠ (здесь в облом уходят две буквы) более справедливо, чем чтение Ф. В. Шелова-Коведяева, а реконструировать сумму Дионистрата скорее всего можно как ΕΕΕ[.]ΔΔ.

Все сказанное заставляет искать иное объяснение означенного граффито. Это действительно список лиц, которые задолжали или отдали какие-то суммы денег, выраженные в цифрах по акрофонической системе. Ε = 100 здесь вряд ли уместна – цифра слишком большая для денежных единиц (хотя при иных обстоятельствах вероятная). Если принять, что Ε = 1/2, то получается следующее: Атот – 2 полуоболы, 15 оболы, 4 драхмы, от Нумения – полуобол, 5 оболы, от Дионистрата – 3 полуоболы, (...)2 драхмы, м. б. 3 или 4 драхмы. Если допустить, что Ε = $\frac{1}{6}$ гекта, т. е. 1 гекта = 1/6 статера, то получается, что «Атот дал 2 гекты, 15 оболы (или 15 полугект), 4 драхмы, а от Нумения получил гекту, 5 оболы (или 5 полугект), от Дионистрата получил 3 гекты, 2–3 или 4 драхмы». Поскольку по шрифту надпись датируется не позднее первой половины IV в. до н. э., то обозначенные в ней номиналы монет соответствуют эпохе.

В конце V в. до н. э. на Боспоре имели хождение серебряные оболы, гемиоболы, тригемиоболы, диоболы, триоболы, тетартемории (Пантикапей, Синдская гавань), драхмы (Нимфей), в начале IV в. до н. э. драхмы, диоболы, гемиоболы, тетроболы (Пантикапей), драхмы триоболы (Феодосия), драхмы, диоболы, гемиоболы (Фанагория), в первой половине IV в. до н. э. диоболы, триоболы, оболы, драхмы (Пантикапей, Фанагория, Феодосия), золотые статеры, гекты, серебряные оболы, диоболы, драхмы, гемидрахмы (Пантикапей) [Анохин, 1986, с. 137–140]. Поэтому вполне вероятно, что Атот в фанагорийском граффито – ростовщик или кредитор-трапедзит, предоставлявший деньги в долг с процентами разным лицам. Среди тех, кто получил у него деньги, или поменял свои деньги на обращавшиеся монеты боспорского чекана, были Невмений и Дионистрат, которые отдали Атоту долги, а тот или его компаньон записал выданную каждому из них сумму и полученные от них долги на остракон для запоминания, поскольку отданные суммы были неполными. Гекты, как мы полагаем, это золотые монеты Пантикапея типа «голова безбородого сатира влево – протома крылатого льва влево, колос, ΠΑΝ» [Анохин, 1986, с. 140, № 92].

Записи сумм денег, полученных от частных лиц с указанием их имен, нередко встречаются в эпиграфике, включая Северное Причерноморье. При вложении денег

частными лицами, по правилам трапедзитов, менялы записывали имя вкладчика и сумму вклада. В надписях о кредитных операциях перечислялись частные лица с указанием сумм, которые они выплачивали [Demosth. Contra Calip. LI.4]. То же относилось к тем, кто выплачивал проценты. Среди граффити с указанием сумм денег и имен частных лиц можно назвать долговую записку с процентами от первоначальной ссуды из Зенонова Херсонеса [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 132–135, № 694], надпись IV–III в. до н. э. из Эритры со списком личных имен и денежных сумм по акрофонической системе [Tod, 1926/1927, p. 147, 148, 155–157, no. 53]. Можно упомянуть граффито из Ольвии со списком лиц, кому и по какой цене торговец должен был продать пряное вино [Яйленко, 1980, с. 97, 98, № 106], и запись торговца первой половины VI в. до н. э. с Березани, где упоминались имена, от которых этот торговец получил деньги – один раз гекту и пять раз полугекту [Виноградов, 1971, с. 65, 66]. Подобные граффити оставляли как простые торговцы, так и ростовщики – менялы (трапедзиты).

Таким образом разобранные выше граффити являются важнейшими источниками по истории Фанагории. Они раскрывают некоторые бытовые и коммерческие стороны жизни ее древнейших обитателей.

Список литературы

- Анохин, 1986. Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев.
- Виноградов, 1971. Виноградов Ю. Г. Новые материалы по раннегреческой экономике // ВДИ. 1.
- Емец, 2005. Емец И. А. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского. М.
- Ефремов, 2013. Ефремов Н. Карийцы в Северном Причерноморье. Легенда и действительность // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Ростов-на-Дону.
- Завойкина, 2015. Завойкина Н. В. Малая эпиграфика // Фанагория. М.
- Завойкина, 2016. Завойкина Н. В. Граффити на керамике позднеархаического времени из Фанагории // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Материалы международного круглого стола 7–8 июня 2016 года. М.
- Завойкина, 2017. Завойкина Н. В. Новое торговое граффито из Фанагории // БЧ. XVIII. Симферополь–Керчь.
- Завойкина, 2017а. Завойкина Н. В. Граффито с упоминанием Фанагора. Быт и частная жизнь горожан: граффито на донце килика – письмо Нисе.
- Фанагория. Торговые связи: граффито-деловая записка торговца // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. М.

- Завойкина, 2018. Завойкина Н. В. Граффито трапезита из Фанагории // ПИФК. 3.
- Завойкина, 2018 а. Завойкина Н. В. Список пожертвований с упоминанием Фанагора третьей четверти IV в. до н. э. из Фанагории // БФ. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 1. СПб.
- Завойкина, 2018б. Завойкина Н. В. Два граффити частного характера позднеархаического времени из Фанагории // ДБ. 22.
- Русяева, 2010. Русяева А. С. Граффити Ольвии Понтийской. Симферополь.
- Сапрыкин, Масленников, 2007. Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь-Керчь.
- Сапрыкин, Федосеев, 2010. Сапрыкин С. Ю., Федосеев Н. Ф. Фрагмент хозяйственного письма на свинце из Пантикапея // ВДИ. 1.
- Сапрыкин, 2018. Сапрыкин С. Ю. Древнее Причерноморье. СПб.-М.
- Шелов-Коведяев, 2018. Шелов-Коведяев Ф. В. К ранней истории Фанагории // ПИФК. 3.
- Яйленко, 1980. Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 3.
- Яйленко, 2005. Яйленко В. П. Магические надписи Боспора // ДБ. 8.
- Яйленко, 2017. Яйленко В. П. Источниковедческий анализ античных известий об основании Фанагории и Гермонассы, об Археанактидах, «синдской диасфагме», херсонесском састере; еще раз о легендах монет Феодосии и Нимфея // ДБ. 21.
- Awianowicz, 2011. Awianowicz B. A New Hellenistic Ostrakon from Nikonion // ZPE. 177.
- Belousov, Fedoseev, 2014. Belousov A., Fedoseev N. A New Magical Inscription from Panticapaeum's Necropolis // ZPE 190.
- Buck, 2001. Buck C. D. The Greek Dialects. Bristol (reprint).
- Cook, 1998. Cook B. F. Greek Inscriptions. Berkeley, Los Angeles.
- Cook, Woodhead, 1952. Cook R. M., Woodhead A. G. Painted Inscriptions on Chiot Pottery // ABSA. 47.
- Dawkins (ed.) 1929. Dawkins R. M. (ed.). The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta. L.
- Frolova, 2004. Frolova N. A. Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosphoros (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. V. Chr.). Die Münzen der Städte Pantikapaion, Theodosia, Nymphaion und Phanagoria sowie der Sinder. Berlin.
- Hackl, 1909. Hackl R. Merkantile Inschriften aus attischen Vasen // Münchener archäologische Studien. München.
- Hondius, Woodward 1919/1921. Hondius J. J., Woodward A. M. Laconia. I. Inscriptions // ABSA. 24
- Howland, 1958. Howland R. H. Greek Lamps and Their Survivals // The Athenian Agora. IV. Princeton.
- Jeffery, 1961. Jeffery L. H. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxford.
- Johnston, 1975. Johnston A. W. Rhodian Readings // ABSA. 70.
- Lang, 1976. Lang M. Graffiti and Dipinti // The Athenian Agora. XXI. Princeton.
- Ober, Hedrick (eds.), 1993. Ober J., Hedrick W. (eds.). The Birth of Democracy. An Exhibition Celebrating the 2500th Anniversary of Democracy. Washington.
- Oikonomides, 1988. Oikonomides A. N. Graffiti and Dipinti. Greek Inscriptions from the Excavations of the Athenian Agora at Kerameikos. Part II // Horos. 6.

- Talcott, 1935. Talcott L. Attic Black-Glazed Stamped Ware and other Pottery from a Fifth Century Well // *Hesperia* 4.
Temelis, 1994. Temelis P.G. Brauron. Athens.
Tod, 1911/1912. Tod M.N. The Greek Numerical Notation // *ABSA* 18.
Tod, 1926/1927. Tod M.N. Further Notes on the Greek Acrophonic Numerals // *ABSA*. 27.
Woodward, 1932. Woodward A.M. Excavations at Sparta, 1924–27 // *ABSA*. 30.

Summary

S.Ju. Saprykin

To the Reading and Interpretation of Some Bosporan Graffiti

The author of the article gives new reading and interpretation of three Greek graffiti found during the excavations at Phanagoreia in course of recent years. They were published by N.V. Zavoikina and two of them were studied by F. V. Shelov-Kovediaev. The author tries to correct their reading and restoration and on the base of analogies gives his own explanation of their meaning: 1/ the first graffito of the 6 century BC was probably either a dedication of money from two persons Aksios (=Eksios) and Keres to Phanagoras who could be *ktistes* or *oikistes* of Phanagoreia (deified or made a hero after death) or simply a commercial script when two men, named above, returned money to a certain Phanagoras/es who as a creditor lent them some money; 2) the second graffiti was initially explained as a letter to a woman Nysa where she was slightly reproached by exclaiming A A A A A. In fact this inscription though rather fragmentary, is a magical text addressed to Nysa, accused for her bad behavior or angry character; 3) the third document of the early 4 century BC is a trading or commercial note of a banker-*trapedzites* Atotes who in accordance with the new reading could give several coins to two persons – 2 *hectae* 15 obols and 4 drachms and got back 1 *hectae* and 5 obols from Numenios, and from Dionystratos 3 *hectae* and 2, 3 or 4 drachms (the last line is damaged and the sum of money is restored approximately). Coin nominals mentioned in the graffiti in acrophonic system were in use in the beginning of the 4 century BC throughout the whole Bosporan kingdom.

М. В. Скржинская
(Независимый исследователь, г. Киев)

Ювелирные изделия – необходимый элемент повседневной и праздничной жизни боспорян в V–IV вв. до н. э.

Великолепные изделия ювелиров из раскопок боспорских некрополей служили предметом исследования многих ученых, начиная с XIX века. Основное внимание уделялось искусствоведческому анализу и технике исполнения этих предметов, а также отождествлению представленных ювелирами фигур с персонажами греческого фольклора и литературы. Лишь попутные замечания касались роли украшений в жизни боспорян. В задачи этой статьи входит рассмотрение работ ювелиров, которые могут немало рассказать о некоторых аспектах повседневной и праздничной жизни греков на берегах Боспора Киммерийского и об их знакомстве с выдающимися мастерами из разных городов греческой ойкумены.

В повседневной жизни греки широко пользовались печатями, служившими удостоверениями их личности. Прилагаемые к письмам и к различным документам оттиски печатей на воске подтверждали их подлинность, так как было известно, кому принадлежала печать. Кроме того печати исполняли роль замков: с помощью кусочка воска, на котором находился оттиск печати, закрывали шкатулки с ценностями, кладовые и двери комнат в доме, и хозяин печати мог быть уверен в неприкосновенности закрытого помещения или ларца, если оттиск на воске не был поврежден.

Состоятельные боспоряне приобретали дорогие печати, вырезанные на полудрагоценных камнях и щитках золотых перстней; изображение на них могло служить также амулетом. В V в. до н. э. житель Пантикапея владел великолепным образцом ценной печати с фигурой крылатой Горгоны (рис. 1). Голову или реже полную фигуру этого фантастического существа греки изображали в качестве оберега на сосудах, оружии и других предметах, найденных при раскопках боспорских и многих других античных городов и некрополей [Скржинская, 2010, с. 202, 203]. Упомянутая печать, вырезанная на голубом халцедоне [Неверов; 1976, № 16], безусловно, была сделана по заказу боспорянина, желавшего иметь определенное изображение, которое исполнил выдающийся ионийский мастер в начале V в. до н. э. Голова Горгоны представляет традиционную маску; изящное молодое женское тело этой фантастической женщины, вызывавшей ужас и восхищение, облачено в полупрозрачную одежду и снабжено

четырьмя серповидными крыльями; такие же крылья, но меньших размеров, прикреплены к сапожкам на ногах. Характерная для многих фигур архаического времени поза «коленипреклоненного бега» в сочетании с крыльями, по-видимому, передает полет Горгоны.

Начиная с III в. до н. э. резные камни стали вставлять в перстни, а до того инталии снабжались цепочкой или металлической вращающейся дужкой для того, чтобы их носить на поясе или на запястье. Например, на двух инталиях V и IV в. до н. э. из Пантикапея золотая дужка прикреплена к печатам с изображениями Артемиды и летящей цапли (рис. 2, 3), а упомянутая выше гемма с Горгоной имела золотую цепочку [Неверов, 1976. № 16, 20, 39].

Металлические перстни-печати с глубоко врезанными изображениями иногда делали с несомкнутыми концами, чтобы легко надеть на любой палец. Таков золотой перстень IV в. до н. э. из Пантикапея

Рис. 1. Бегущая горгона со змеями в руках. Оттиск халцедоновой печати. Первая половина V в. до н. э. Пантикапей

Рис. 2. Артемида с луком. Халцедоновая печать. IV в. до н. э. Пантикапей

Рис. 3. Летящая цапля. Халцедоновая печать с подписью Дексамена Хиосского. Вторая половина V в. до н. э. Пантикапей

Рис. 4. Юноша с петухом. Оттиск яшмовой печати. Рубеж V-IV в. до н. э. Таманский полуостров

с изображением хиосской амфоры [Неверов, 1976, № 21] принадлежала торговцу вином, фигура юноши, дрессирующего петуха [Неверов, 1976, № 32], появилась на печати боспорского любителя петушиных боев (рис. 4), а так называемые обнаженные купальщицы [Неверов, 1976, № 33, 36] исполнены по заказам поклонников Афродиты. Так как эллины видели в грифоне бдительного стража, можно думать, что его изображение служило оберегом для боспорских владельцев подобных печатей (рис. 5) уже в V в. до н. э. [Мирмекийский клад, 2004, № 158, 159].

Убедительным доказательством того, что боспоряне заказывали печати ведущим мастерам своего времени, являются обнаруженные на Боспоре работы Дексамена, жившего во второй половине V в. до н. э. Его инталии называют в числе лучших образцов античной глиптики. Сохранилось четыре подписных геммы этого великолепного мастера; две из них найдены в боспорских погребениях. Их положили в могилы как особо любимые вещи покойных. Одна

с изображением летящей утки [Неверов, 1984, табл. 160, № 15]. Небогатые боспоряне приобретали бронзовые перстни и печати из литого стекла. Последние, скорее всего, исполняли местные боспорские мастера уже в первой половине V в. до н. э.; таковы две стеклянных печати из Нимфея [Неверов, 1983, с. 108].

Считается, что античная глиптика достигла своего наивысшего расцвета в V-IV вв. до н. э. Немало первоклассных образцов печатей этого времени найдено на Боспоре. Дорогие инталии на полудрагоценных камнях, как и другие драгоценности, изготавливались по специальным заказам и отражали вкусы боспорян. Однако, нам сейчас часто не ясно, какое значение для владельца имели те или иные изображения, например, какие ассоциации вызывал фигуры коней, птиц и других животных [Неверов, 1976, № 17, 19, 20, 22, 25, 47, 48]. Можно лишь предположить, что яшмовая инталия

Рис. 5. Орлиноголовый грифон. Печать из горного хрусталя. V в. до н. э. Пантикапей

Рис. 6. Золотой пантикапейский статер с изображением сатира и львиноголового грифона. Первая половина IV в. до н. э.

печать принадлежала жителю Фанагории; на пестрой яшме изображена цапля, которая, испугавшись чего-то, взмахнула крыльями и выпустила из клюва свою добычу кузнечика. Другая халцедоновая инталия из богатого склепа в некрополе Пантикапея обладает особой ценностью, так как только здесь мастер указал не только свое имя Дексамен, но и происхождение с острова Хиос. Он изобразил цаплю в стремительном полете (рис. 3): голубой цвет халцедона-сапфирита передает фон небесной лазури. По характерным чертам работы Дексамена и мастеров его школы определяется авторство еще нескольких найденных на Боспоре гемм [Неверов 1983, с. 40–43].

Как и многие искусные, успешные мастера, Дексамен работал в разных греческих городах и в частности в Афинах. Оборудование для изготовления инталей, состоявшее из станка с приводом, разных резцов и абразивов, можно было легко возить с собой. Возможно, боспоряне, которые в то время часто посещали Афины [Скржинская, 2010а, с. 110, 215, 216], заказывали там геммы у Дексамена, но с не меньшей вероятностью можно предположить, что Дексамен приезжал на какое-то время на Боспор [Неверов, 1983, с. 44].

Мастера, вырезавшие инталии, делали также печати на металлических перстнях и штампы для монет [Неверов, 2004, с. 27]. В ежедневной жизни боспорянам были необходимы мелкие монеты для торговли, покупок на рынках и приобретения различных предметов у местных ремесленников. Поэтому уже в конце VI в. до н. э. в Пантикапей, вероятно, пригласили ионийского мастера для изготовления штампа для древнейших денег с изображением головы льва [Зограф, 1951, с. 164]. Приезжие мастера в конце V в. до н. э. делали штампы для ранних монет Фанагории, Нимфея, Горгишии и Феодосии. Когда же принималось решение выпустить дорогостоящие золотые и серебряные монеты, то на Боспор приглашали профессионалов высочайшего класса. Некоторые из золотых пантикапейских статеров принадлежат к вершинам мастерства греческих ювелиров [Соколов, 1999, с. 284]. В. Д. Блаватский [1964, с. 67] назвал изображение сатира на монете 375–372 г. до н. э., не уступающим по силе скульптурам Скопаса (рис. 6).

Кроме местных денег, боспоряне у себя на родине видели высокохудожественные образцы монет, штампы для которых исполняли ювелиры в разных греческих городах. Таковы обнаруженные в боспорских погребениях и кладах разнообразные изображения на золотых кизикинах, серебряных афинских монетах и статерах Александра Македонского и Лисимаха. Из речи псевдо – Демосфена «Против Формиона» (XXXIV, 25) известно, что во второй половине IV в. до н. э. боспорские трапезиты обменивали один кизикин на 21 и две трети афинской драхмы; такими деньгами расплачивались за крупные

Рис. 7. Бронзовый фалар с изображением борьбы греков с амазонками. IV в. до н. э. Курган Большая Близница

вещах служили украшениями и оберегами. На защитных доспехах боспорян нередко находились рельефные маски горгон; считалось, что они могут охранить бойца, так как напоминают об убийственном взгляде этих чудовищ на их противников и таким образом помогают одержать победу [Скржинская, 2010 б, с. 203]. Панцирь из кургана, сооруженного во второй половине IV в. до н. э. на Тамани, и поножи из Пантикапея с рельефной маской Медузы Горгоны долгое время служили не одному владельцу, потому что поножи попали в погребение не менее чем через 50–70 лет после их изготовления, а панцирь неоднократно ремонтировался [Трейстер, 2009, с. 122–127].

На украшениях и узде боевых коней классического и эллинистического времени нередко встречаются сцены битв греков с амазонками; сюжет напоминал о давних победах эллинов и призывал повторить их подвиги [Трейстер, 2001, с. 253–258]. Так украшены двадцать бронзовых фаларов в уборе коней из кургана Большая Близница. Они отличаются тонкой работой и выполнены одним мастером из Южной Италии в последней трети IV в. до н. э. [Трейстер, 2001, с. 251–256]. Три сложные композиции помещены на небольшом круглом поле изделия. На одной группе фаларов обнаженный грек стаскивает амазонку с коня, а у его ног лежат поверженные греческий воин и амазонка, на другой серии пеший воин в мускульной кирасе атакует амазонку мечом, а вторая раненая лежит у его ног, третья серия фаларов близка ко второй, но воин обнажен а его щит и меч повернуты иначе (рис. 7). Ниже мы покажем, что ювелир из Южной Италии также в последней трети IV в. до н. э. изготавливал золотые серьги на Боспоре, поэтому весьма вероятно, что фалары не являлись предметами импорта, а италийский мастер привез с собой штампы с популярными сюжетами и делал фалары на месте.

Отметим, что многочисленные фалары с различными рельефными изображениями, изготовленные в боспорских мастерских местными и приезжими ювелирами, начиная с последней трети IV в. до н. э., пользовались большим спросом у состоятельных представителей племен, обитавших вблизи греческих колоний Северного Причерноморья [Мордвинцева, 2001, с. 161–162].

партии товаров и за различные дорогие изделия, в том числе и за работы искусных ювелиров. Можно с уверенностью говорить, что боспоряне ценили наряду со стоимостью монет качество изображений на них. Об этом свидетельствует забота не только о сюжете, но и о мастерстве изображений на местных деньгах.

Итак, в повседневной жизни боспорян постоянно присутствовали ювелирные изделия в виде печатей, перстней и монет, и ими в основном пользовались мужчины. Только для них ювелиры изготавливали декор парадного оружия, доспехов и убора коней. Рельефные изображения на таких

Подобно всем эллинам, боспоряне часто приглашали гостей на ужин, называвшийся симпозиумом, то есть совместным питьем вина, сопровождавшимся беседами на различные темы, пением и слушанием музыки [Скржинская, 2014, с. 110–126]. Во время застолья еду и вино подавали на парадной посуде. У состоятельных боспорян в такой сервиз входили изготовленные ювелирами золотые, серебряные и бронзовые сосуды с рельефами. До наших дней их сохранилось немного, так как вышедшие из употребления металлические изделия отдавали в переплавку, и лишь немногие помещали в могилы. О парадном сервизе боспорян известно по многочисленным находкам дорогой керамической посуды. Как и в других областях греческой ойкумены, на Боспоре чаще всего вино пили из киликов. Образцом такого металлического сосуда может служить серебряный килик IV в. до н.э. из Зеленского кургана на Тамани [Гайдукевич, 1949, с. 135, рис. 32]. Еще раньше в V в. до н.э. боспоряне приобретали в Афинах посуду из драгоценных металлов. Там между 30–80 гг. этого века у местных ювелиров были куплены серебряные позолоченные килики с выгравированными на дне мифологическими персонажами. Четыре таких килика найдены в разных погребениях Семибратних курганах на Тамани [Горбунова, 1971, с. 18–37]. Там же обнаружены схожие по форме золотые и серебряные ритоны и рога; из первых пили вино из верхней части изделия, а у вторых – отверстие для питья находилось в нижнем его конце. Самый крупный ритон сделан ахеменидским ювелиром и имеет окончание в виде полуфигуры крылатого козла. Остальные четыре изготовлены греческими мастерами, которые к тулову сосуда из рога или дерева прикрепляли золотые и серебряные окончания со скульптурными изображениями голов собаки, льва и барана [Власова, 2001, с. 20–27].

В праздничный убор эллины включали золотые венки и расшитую золотом одежду. Например, Демосфен в речи «Против Мидия» рассказал, как он, исполняя литургию хороба, заказал ювелиру золотые венки для участников хора на празднике Дионисии; сам же оратор шел в религиозной процессии в шитом золотом гиматии и золотом венке (Dem. XXI, 16, 22). В могилах некоторых боспорских современников Демосфена найдены венки, которые заказывали для праздничного наряда или получали в качестве награды и носили при жизни в торжественных случаях. Эти венки отличаются от специально сделанных для похорон: многочисленные найденные на Боспоре погребальные венки имеют значительно меньший вес металла и гораздо более тонкие лепестки растений.

Самый известный принадлежавший боспорянину золотой венок сделан ювелиром в середине IV в. до н.э. (рис. 8). Его владелец был похоронен в кургане Кекуватского, находящемся сейчас на территории близ Керчи [ГЗ, № 105]. Боспорянина облачили в защитный доспех и на голову надели оливковый венок, который, по справедливой оценке М.И. Ростовцева [1925, с. 192], является лучшим по ювелирной работе из всех, найденных на Боспоре, и, пожалуй, самым большим по весу (около 250 гр.). Ветви, украшенные круглыми плодами, на затылке связаны тонкой провололочкой, чтобы завязывать венок по размеру головы. Концы ветвей обрезаны наискось и оформлены пластинками с концентрическими кругами, имитирующими срез. Последнее говорит о том, что мастер думал, как его изделие будет выглядеть сзади, а для погребального венка это было неважно, так как его надевали на лежащего человека, поэтому заднюю часть венка никак не оформляли.

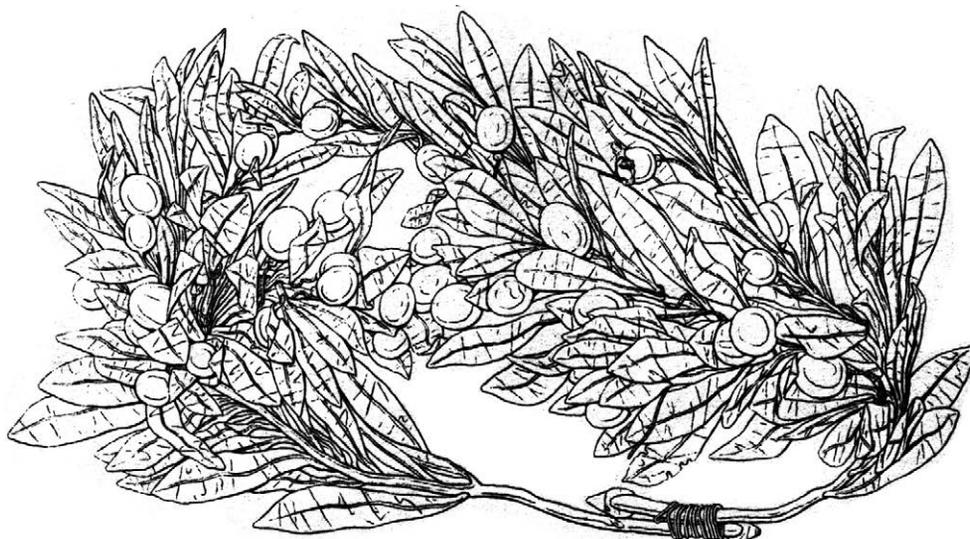

Рис. 8. Золотой оливковый венок. IV в. до н. э. Курган Кекуватского

Другой подобный венок, сделанный в последней трети IV в. до н. э. [ГЗ, № 115], обнаружен в кургане Большая Близница на Таманском полуострове недалеко от античной Фанагории [Толстой, Кондаков, 1889, с. 45; Гайдукевич, 1949, с. 289]. Покойный лежал в одежде, расшитой золотыми штампованными бляшками. Так же как в кургане Кекуватского, о военных подвигах боспорянина напоминали панцирь, поножи, меч, кинжал, копьё, стрелы и шлем, а надетый на него золотой оливковый венок символизировал какие-то гражданские или спортивные заслуги. Этот венок легче предыдущего (около 168 гр.), но также тщательно сделан хорошим ювелиром, который на каждом листике посередине рельефом обозначил прожилку. Венок особенно интересен тем, что на нем есть следы починки. Это указывает, что умерший неоднократно надевал его в торжественных случаях и повредил мелкие веточки, которые пришлось чинить.

Еще один золотой венок IV в. до н. э., который носили при жизни, находился в могиле на мысе Ак-Бурун близ Пантикапея [Толстой, Кондаков, 1889, с. 46]. Кроме венка, боспорянин во время праздников надевал головной убор яйцевидной формы, напоминающий греческую шапку – пилос. Его украшал золотой ажурный рельеф с изображением аканфа и арацеи (рис. 9). Эти типичные растения для греческих орнаментов встречаются и на Боспоре, например, на фреске того же времени в склепе кургана Большая Близница (Античные государства, 1984, табл. 108, 5). О военных подвигах покойного напоминали его доспехи и оружие, атлетические победы символизировал, вероятно, самый ценный приз – наградная панафинейская амфора за победу в беге [Скржинская 2010 а, с. 300]. Наверное, упомянутый уникальный золотой убор, исполненный незаурядным ювелиром, использовался во время религиозных церемоний. Ведь почетные обязанности жрецов исполняли члены царской семьи (КБН 25) и знатные боспоряне, к числу которых принадлежал и погребенный в кургане Ак – Бурун.

На фреске одного боспорского склепа конца IV в. до н.э. изображены висящие на гвоздях венки и другие принадлежности атлета [Скржинская 2010а, с. 303, рис. 88]. Это позволяет думать, что свои золотые венки боспоряне вешали на стены парадных комнат дома.

Итак, упомянутые венки изначально предназначались для праздничного наряда или награды при жизни. Правда, боспорские цари в отличие от властей Ольвии и Херсонеса не награждали своих подданных и иностранцев золотыми венками, но боспоряне получали подобные награды в других государствах [Скржинская 2010а, с. 293–295]. В эллинистический период на Боспоре было налажено производство погребальных венков [Максимова, 1979, с. 42, 43], потому в могилы перестали класть слишком ценные венки, которые надевали при жизни.

Весьма разнообразны были ювелирные изделия, которыми пользовались гречанки. Они ежедневно носили скромные украшения, а дорогими дополняли праздничный костюм. Лишь гетеры из – за характера их деятельности в любое время надевали дорогие уборы. О существовании таких женщин в городах Боспора остались единичные свидетельства. В их числе граффито на чернолаковом килике V в. до н.э. из Нимфея. Сосуд для вина, которое было неприлично пить порядочным женщинам, подарили Геликопиде; она, скорее всего, как было принято у эллинов, развлекала участников вечернего застолья игрой на аулосе или лире [Толстой, 1953, с. 73]. О другой гетере флейтистке Пасафиликате, жившей в IV в. до н.э. в Мирмекии, известно по надписи на ее надгробии (КБН 875). В этой эпитафии нет упоминания имени ее отца или мужа, также как на пантикапейских надгробных стелах Атенаиды и Мирсилы, уроженок Хиоса и Гераклеи (КБН 155, 246). Это, скорее всего, говорит о захоронении гетер, для которых друзья поставили довольно дорогие надгробия, но не писали имен ближайших родственников умершей, как на эпитафиях женщин из семей граждан.

Жены и дочери состоятельных боспорян, которые могли иметь дорогие украшения, большую часть жизни проводили в гинекее на женской половине дома и редко покидали его пределы. Их не звали на застолья, устраивавшиеся хозяином в андроне, где было уместно появление женщин лишь низшего социального положения. Свадьба занимала ведущее место в числе немногих домашних праздников, на которых присутствовали боспорянки из семей полноправных граждан. Тогда невеста, ее мать, сестры и подруги надевали лучшие свои одежды и ювелирные украшения. В нарядном уборе такие женщины могли появляться в праздничных шествиях, посвященным некоторым богам. Особенно роскошные костюмы с множеством украшений носили жрицы. Это

Рис. 9. Золотой головной убор боспорянина. IV в. до н.э. Курган на мысе Ак-Бурун

Рис. 10. Височные подвески с изображением Фетиды на гиппокампе. Последняя треть IV в. до н. э. Курган Большая Близница.

битвы амазонок с грифонами, а из-под него была видна стленгида. К калафу крепилась пара замечательных височных подвесок с рельефным изображением Фетиды, едущей на гиппокампе и держащей в руках доспехи для Ахилла (рис. 10). Следы ремонта на оборотной стороне подвесок показывают, что их неоднократно надевали. В уши женщины были продеты серьги роскошного стиля (рис. 11), шею обвивали два ожерелья, на руках красовались золотые браслеты с фигурками львиц, а на пальцах – четыре золотых перстня с изображением Артемиды, Афродиты и Эроса. Одежда и покрывало были расшиты множеством золотых бляшек с изображениями разных богов, героев, танцовщиц, животных и фантастических существ [ГЗ, с. 184–195; 267–271]. Такое большое количество украшений, которые затмевали друг друга и которыми каждым по-отдельности должны были любоваться окружающие, позволяет думать, что их обладательница надевала их все не одновременно, а в ее дорогой кипарисовый саркофаг поместили все

можно иллюстрировать драгоценными находками в двух боспорских погребениях IV в. до н. э. Металлические украшения вместе с одеждой из дорогой ткани составляли немалый вес, так что жрица могла двигаться только размеренно и торжественно, привлекая всеобщее внимание не только своим высоким положением и выдающейся ролью в праздничных ритуалах, но также роскошным нарядом, сияющим золотом. В боспорских религиозных ритуалах, наверняка, участвовали женщины из царской семьи [Скржинская, 2010б, с. 30–45, 50].

Жрица Деметры, похороненная в Павловском кургане близ Пантикапея [Гайдукевич, 1949, с. 254–255; ГЗ, с. 166–171], носила на голове золотую стленгиду (начельник), имитирующий пряди волос и серьги с фигурками летящей Ники. Золотое ожерелье тончайшей работы обвивало шею, а на пальцы были надеты три перстня [ГЗ, № 106–108].

Еще более роскошный убор был у жрицы, погребенной в кургане Большая Близница на азиатской стороне Боспора [Гайдукевич, 1949, с. 286–288]. Ее голову венчал калаф (головной убор в форме корзины), украшенный золотыми пластинками с рельефными изображениями

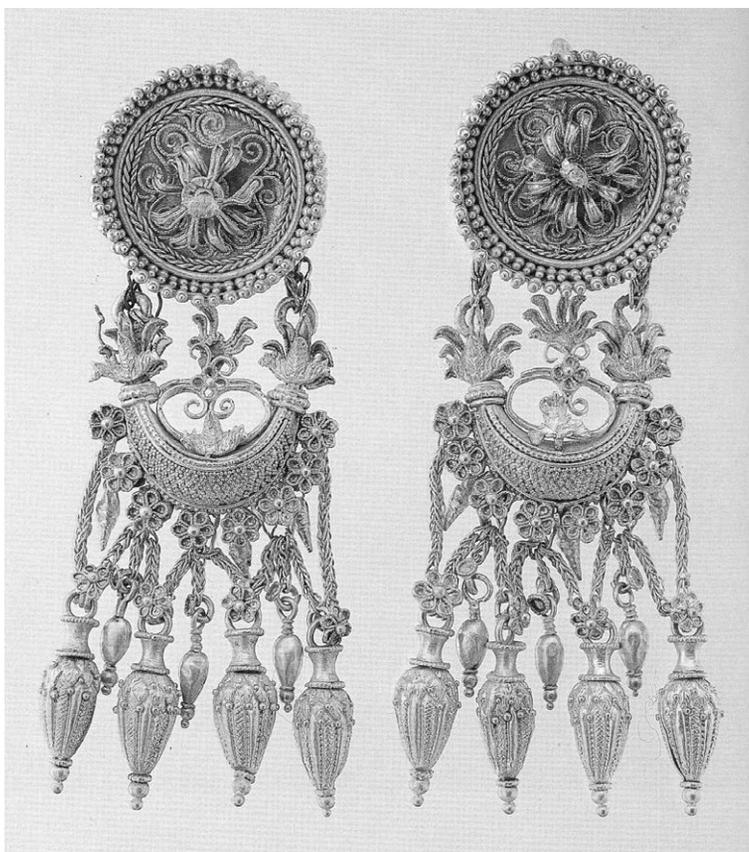

Рис. 11. Серьги роскошного стиля. Последняя треть IV в. до н. э.
Курган Большая Близница

самые ею ценимые вещи: любимые драгоценности, бронзовое зеркало, палочку для косметики и костяное веретено.

Археологические находки показывают, что на Боспоре жрицы хоронили в их парадном облачении. Это позволяет заключить, что для каждой жрицы заказывался новый драгоценный убор, в который включали модные в то время украшения, а после смерти их клали в могилу. Набор украшений могли заказать одному мастеру. Об этом свидетельствуют одинаковые технические приемы изготовления серег, подвесок и ожерелья тесьмы в уборе жрицы из кургана Большая Близница [ГЗ, с. 190. № 120-123].

Изучение комплексов находок из погребений помогает получить некоторые сведения об обладателях ювелирных изделий, о вкусах тех, кто их приобретал, и о характере работы ювелиров. Искусствоведческий анализ ювелирных изделий показывает, что на Боспоре трудились мастера разных школ, но редко удается решить, откуда приезжал ювелир, так как в греческой тореvтике, начиная с классического периода, образуется некий общий «язык» [Трейстер, 2001, с. 252]. Но все же в ряде случаев можно определить принадлежность некоторых ювелирных изделий мастерам из Ионии, Афин и Южной Италии.

Пантикапей, в котором, по общему мнению исследователей находились главные боспорские ювелирные мастерские, был милетской колонией. Неудивительно, что древнейшие ювелирные изделия изготовлены милетским и другими ионийскими мастерами. Выше уже упоминались, что они делали штампы для местных монет и вырезали замечательные инталии для печатей. В конце V–IV вв. до н. э. на Боспоре находилось немало состоятельных заказчиков. В их числе были не только греки, но и знатные варвары, которым сначала захотелось иметь понравившиеся им предметы, увиденные на Боспоре, а позже сами стали заказывать ювелирные изделия со сценами из скифского эпоса. Правда, на наш взгляд, далеко не все подобные изделия сделаны на Боспоре, как считается в современной научной литературе [Вахтина, 2005, с. 300]. Есть серьезные основания думать, что многие произведения златокузнецов, найденные в скифских курганах Поднепровья, изготавливались приезжими мастерами в Ольвии [Скржинская, 2017 б, с. 105–108].

Боспор имел широкие экономические и политические связи со многими греческими государствами. В Пантикапей приезжали иностранные послы и купцы, капитаны и команды кораблей, здесь гастролировали прославленные музыканты и актеры, работали архитекторы, скульпторы и ювелиры [Скржинская, 2017а, с. 338–350]. От них в разных греческих полисах становилось известно, что боспоряне и скифы постоянно заказывают златокузнецам всевозможные изделия и могут предоставлять драгоценные металлы. Это избавляло ювелира заботиться о сырье, а также от риска перевозки дорогих предметов при достаточно частых в то время кораблекрушениях и нападениях пиратов.

В наемном помещении ювелиры легко могли организовать производство своей продукции, используя имевшиеся у них инструменты и заготовки для популярных в то время изделий из драгоценных металлов, например, для серег с головками львов и других животных, часто встречающихся среди находок в Средиземноморье, Херсонесе и на Боспоре в IV–III вв. до н. э. [Скржинская, 2010б, с. 121–122]. Мастерская ювелира, как и других античных ремесленников, служила одновременно и лавкой, где продавались простые и недорогие изделия, а также принимались заказы на изготовление сложных и дорогостоящих работ. По государственным заказам ювелиры делали наградные венки и штампы для монет, а для частных лиц всевозможные украшения, использовавшиеся в повседневном и праздничном костюме, серебряную посуду с позолоченными рельефами, оружие с разнообразным декором, украшения для дорогой упряжи коней.

Нам очень мало известно о том, как скифы посещали города Боспора. Некоторые сведения об этом содержатся в диалоге Лукиана «Токсарис», в котором автор использовал сведения из какого-то сочинения эллинистического времени. Там говорилось о том, что скифские вожди и их послы присутствовали на пирах у боспорских царей, а с их дочерьми могли заключать династические браки (Лис. Тох. 44, 49). Надо полагать, что знатные скифы, посещая боспорские города с политическими и экономическими целями, получали приглашения на симпозион в домах состоятельных боспорян. Кроме того варвары могли видеть греков в праздничных одеждах и украшениях во время празднеств и жертвоприношений. Поэтому они желали иметь у себя понравившиеся им вещи.

Вероятно, через боспорских посредников скифские заказчики договаривались с ювелиром о цене и предоставляли необходимое золото; ведь его скифы привозили в Причерноморье по древнему торговому пути, шедшему за Урал. К их караванам присоединялись греки из Ольвии и Боспора [Скржинская, 1998, с. 90–94], поэтому и сами боспоряне могли давать металл для собственных заказов златокузнецам. Наверное, в Северном Причерноморье существовали и другие источники драгоценных металлов.

Находки в кургане Куль-Оба, находившемся недалеко от Пантикапея, представляют великолепный пример произведений выдающихся ювелиров, приехавших на Боспор. Похороненные в кургане царь и царица жили в первой половине IV в. до н.э. Принадлежавшие им драгоценные предметы сделаны разными мастерами и не одновременно. Это хорошо показала Л.В. Копейкина, определив разное время изготовления многочисленных золотых бляшек, украшавших одежду и покрывала покойных [Копейкина, 1986, с. 28–63]. В кургане находились почти все виды ювелирных изделий, которые исполнялись по заказам скифов: столовые и ритуальные сосуды, парадное оружие и всевозможные украшения [Брашинский, 1979, с. 41–73].

Среди украшений из Куль-Обы руке афинского мастера, работавшего в Пантикапее, на наш взгляд, определенно принадлежат подвески с головой Афины и роскошные серьги (рис. 12, 13, 14). Эти дорогие изделия, по всей вероятности, были заказаны как копии понравившихся скифам украшений, увиденных на Боспоре. Ведь известно, что ювелиры, по желанию заказчиков, могли повторить, свои произведения. Таковы, например, найденные в четырех разных курганах золотые обкладки горита со сценами из жизни Ахилла [Черненко, 1981, с. 67] или одинаково украшенные золотыми рельефами ножны мечей из курганов Чертомлык и Пять братьев [Брашинский, 1979, с. 121]. Иногда, исходя из назначения украшения, ювелир собирал его из имевшихся

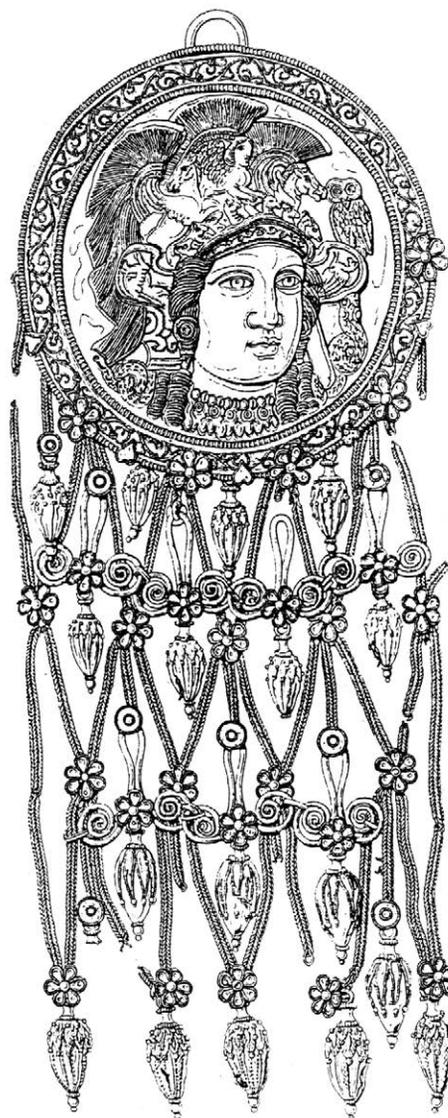

Рис. 12. Височная подвеска с изображением головы статуи Афины из Парфенона. Первая половина IV в. до н. э. Курган Куль-Оба

Рис. 13. Серьги с изображением Ники, завязывающей сандалию. Середина IV в. до н. э. Курган Куль-Оба

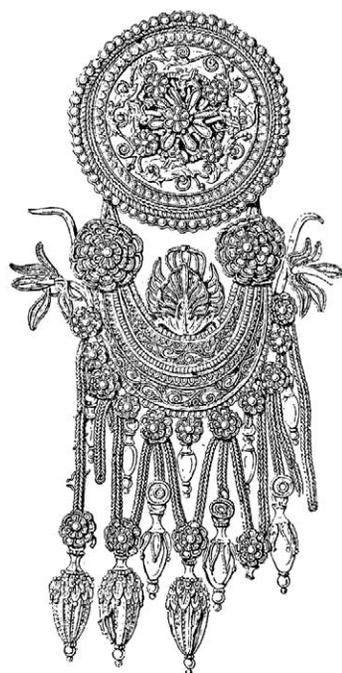

Рис. 14. Серьги с изображением nereид, везущих оружие Ахиллу. Середина IV в. до н. э. Курган Куль-Оба

у него заготовок. Это видно при сравнении золотых серег из Пантикапея [ГЗ, № 103] и подвески из кургана Большая Белозерка [Scythian Gold, 1999, № 95].

Оба изделия представляют голову богини в роскошном головном уборе, с серьгами в ушах и с ожерельем и подвеской в виде букрания (рис. 15, 16). В середине IV в. до н. э. форма для украшения была изготовлена скульптором, работавшим совместно с ювелиром. Такое содружество двух мастеров мы видим на многих ювелирных изделиях с фигурками людей и животных [Савостина 2001, с. 286]. Прекрасная лицо женщины с безукоризненно правильными чертами, скорее всего, является репликой головы статуи греческой богини, исполненной выдающимся скульптором эпохи высокой классики. В античности копии с прославленных произведений постоянно появлялись на предметах прикладного искусства, они нередко встречаются и в Северном Причерноморье [Скржинская, 2009, с. 55].

На пантикапейской паре серег сохранились петли для прикрепления к ушам. Серьги рассчитаны на то, что на них могут смотреть со всех сторон: Калаф на голове богини полностью орнаментирован пальметтами и лотосами, лепестки которых заполнены синей и зеленой эмалью, а сзади показаны собранные в узел волосы (рис. 15). Аналогичная золотая головка из скифского кургана служила либо подвеской, прилежавшей к груди, либо нашивалась на одежду. Поэтому мастер оставил лишь лицевую

Рис. 15. Серьги с изображением головы богини. Середина IV в. до н. э. Пантикапей

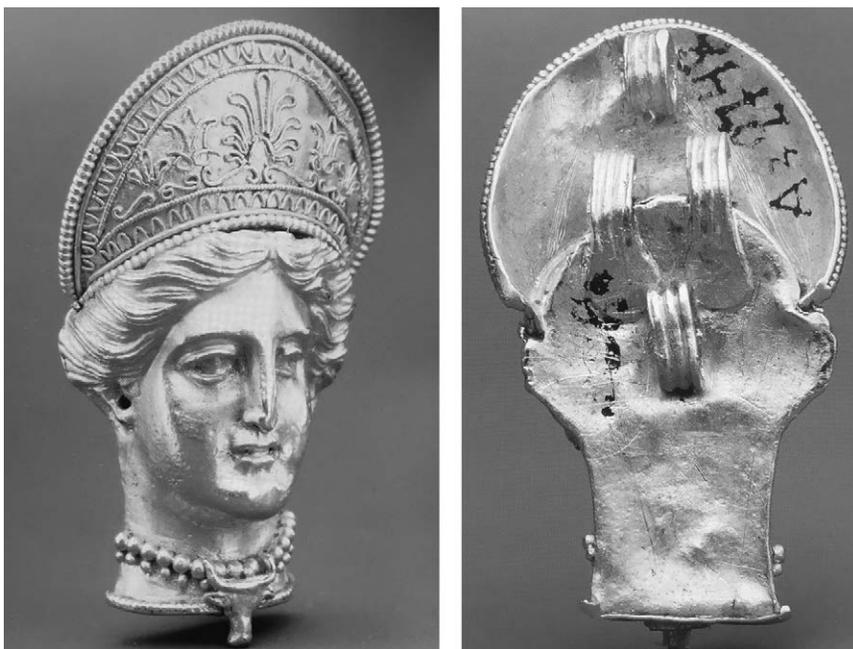

Рис. 16. Подвеска с изображением головы богини. Середина IV в. до н. э. Курган Большая Белозерка

часть украшения и заменил круглый головной убор на высокую диадему, возвышавшуюся лишь над передней частью головы, а на полую внутренней стороне ювелир сделал петли для крепления (рис. 16).

Две знаменитые афинские скульптуры послужили образцами для фигур на ювелирных изделиях из кургана Куль-Оба. Вероятно, еще в Афинах скульптор, по просьбе ювелира, изготовил для височных подвесок форму с изображением головы статуи Афины Партенос, поставленной Фидием в Парфеноне. Скульптор с большим мастерством и точностью воспроизвел величественное лицо богини и ее шлем с тройным гребнем (рис. 12), что подтверждается описанием Павсания (I, 24, 5, 6), видевшего эту статую. Это лучшее из дошедших к настоящему времени изображений знаменитого произведения Фидия постоянно упоминается в исследованиях о декоре Парфенона.

Наверное, первоначально подвески были сделаны для богатого убора девушек, принимавших участие в афинских праздниках главной богини города. Там на торжественную процессию и жертвоприношение тратились немалые средства. Павсаний (I, 29, 16) писал, что в IV в. до н. э., то есть тогда, когда были изготовлены упомянутые подвески, оратор Ликург потратил много денег на изготовление золотых ритуальных сосудов, статуэтки Ники и праздничных нарядов девушек, принимавших участие в торжествах. Афинский ювелир, работая на Боспоре, использовал одну и ту же привезенную с собой форму для упомянутых подвесок и для менее детально проработанных вотивных позолоченных терракотовых медальонов с головой богини; они найдены в Пантикапее, Нимфее и в святилище на азиатской стороне Боспора [Скржинская, 2010а, с. 239].

Скорее всего, скифский вождь, увидев золотые украшения в уборе боспорянок, заказал в боспорской ювелирной мастерской для своей жены подобные подвески и серьги. Украшениями роскошного стиля называются ювелирные изделия, которые сделаны с применением микротехники; они отличаются обильными декоративными деталями и наличием миниатюрных рельефов или целых скульптурных групп [Deppert-Lippitz, 1985, S. 161]. Находки таких подвесок, серег и ожерелий в некрополе Феодосии и в кургане Большая Близница показывают, что боспорянки из состоятельных семей носили роскошные украшения, которые были в моде у гречанок и в других греческих городах в середине IV – начале III в. до н. э. [Саверкина, 2000, с. 8, 20]. К настоящему времени известно всего 14 таких серег, половина происходит из Северного Причерноморья. Они найдены в боспорских и скифских погребениях, а одна пара в херсонесском склепе [Саверкина, 2001, с. 8–9].

Крупные серьги такого вида достигали длины 10 см и служили не ушными украшениями, а височными подвесками, прикреплявшимися к калафу или стленгиде. Не случайно на одной серьге из Куль-Обы, имеющей длину 9 см [ГЗ, с. 149], сохранилась такая же петля (рис. 13), как на подвесках с головой Афины. Однако по сложившейся традиции, мы будем называть все эти украшения серьгами, не разделяя их на височные и ушные, тем более, что не всегда можно сказать, к какому виду их надо отнести; например, трудно решить, как носили серьги из кургана Большая Близница высотой в 5,8 см (рис. 11).

Изделия роскошного стиля стоили очень дорого не только из-за необходимого для них золота, но из-за долгого и кропотливого труда, требовавшего высочайшего мастерства

Рис. 17. Серьги с изображением Ники на квадриге и апобата.
Последняя треть IV в. до н. э. Феодосия

ювелира, который наряду с распространенными приемами работы златокузнецов владел мастерством микротехники. Это видно уже на самых первых изделиях этого стиля. Пятидесятью годами четвертого века датируется древнейшая из известных сейчас пара серег, принадлежавшая скифской царице [ГЗ, с. 146]. На верхнем диске этих серег представлены четыре крошечные nereиды, плывущие на дельфинах и везущие доспехи Ахиллу по просьбе его матери Фетиды (рис. 14). Изображения шлема с перьями, щита и лат столь миниатюрны, что едва различимы лишь при рассматривании сквозь увеличительное стекло. На остальных серьгах ювелиры располагали миниатюрные фигурки божеств ниже диска. Уже на сделанных несколько позже серьгах из того же кургана две фигурки Ники, завязывающие сандалию, помещены у концов ладьи (рис. 13); там же на прочих серьгах находятся изображения других персонажей, а Нику ювелиры иногда помещали над центром ладьи, например на серьгах из Феодосии (рис. 17) и Херсонеса.

Наверное, первые образцы серег роскошного стиля появились в Афинах, а затем вошли в моду и в других греческих городах, где ювелиры стали повторять в различных вариациях эти дорогие украшения. Ведь Афины были крупнейшим центром Эллады, который посещали эллины со всех концов греческой ойкумены. К мысли о первенстве Афин в производстве украшений роскошного стиля склоняет анализ изображения на втором по древности известном сейчас образце подобных серег. Уникальные для ювелирных изделий фигурки Ники, завязывающей сандалию (рис. 13), воспроизводят

редкую позу богини, которая в этом положении впервые появилась на мраморном рельефе конца V в. до н. э., находившемся на балюстраде у храма Ники Аптерос на афинском акрополе [Виппер, 1972, с. 231].

Ювелиры, делавшие серьги подобного типа, составляли их из четырех обязательных компонентов: наверху обильно декорированный диск, к нему прикреплена крупная ладьевидная подвеска, а от нее спускается переплетение цепочек с двумя рядами небольших подвесок; серьги украшали растительным орнаментом и часто миниатюрными фигурками мифологических персонажей. Включение этих компонентов требовала мода на подобные украшения. В то же время заказчику хотелось, чтобы его экземпляр имел свои особенности и представлял уникальное произведение. Вероятно, ювелир называл цену своего труда, количество необходимого золота и срок исполнения; он обсуждал с заказчиком свою работу не только на словах, но также показывал образцы и детали украшений и рисовал окончательный эскиз всего изделия. Известно же, что архитекторы представляли заказчиком смету расходов, рисунки и макеты предполагаемых зданий (Plut. De lib. Et aegritat. 3).

Наиболее тонко и разнообразно украшены роскошные серьги, принадлежавшие жительнице Феодосии (рис. 17). Некоторые особенности изготовления декора этих и херсонесских серег свидетельствуют, что последней трети IV в. до н. э. их сделал приезжавший в Херсонес и на Боспор мастер из греческой колонии в Южной Италии [Рогов, 2001, с. 69–70]. Трудно решить, приезжал ли ювелир в боспорскую столицу, где обычно трудились приезжие мастера, или обосновался на время в Феодосии, исполняя трудоемкий и дорогой заказ для убора местной жительницы. Тогда в Феодосии появилось немало состоятельных боспорян, так как в середине IV в. до н. э. в этом городе построили не уступавший пантикапейскому порт, способный одновременно принять сто кораблей (Dem. XX, 33).

Италийский ювелир был виртуозом в изготовлении мельчайших деталей декора. На обеих парах серег мастер поместил розетки, чередующиеся с крошечными прототипами грифонов, которые скрывают крепления для подвешивания цепочек с разными подвесками. На херсонесских украшениях над краями ладьи находятся фигурки музы с кифарой, а на феодосийских – крылатые эроты. Скульптурная композиция, изображающая крылатую Нику, правящую квадригой, помещена на прямоугольной подставке, стоящей на луннице. Вероятно, эта подставка напоминает пьедестал скульптуры, служившей моделью для ювелира или для работавшего с ним скульптора. На феодосийских серьгах группа на пьедестале более сложная, чем на херсонесских: рядом с крылатой Никой, правящей колесницей, стоит вооруженный воин высотой всего 0,7 мм. Это напоминает рассказы античных авторов о прославленных ювелирах. Например, Элиан в «Пестрых рассказах» (I, 16) сообщил, что Мирмекид из Милета «смастерил четырехконную колесничку размером меньше мухи и написал золотыми буквами на сезамовом зерне элегический дистих».

Стоящий на колеснице рядом с Никой воин в шлеме и со щитом в руке представляет апобата [Максимова, 1958, с. 62–66]. Такие воины участвовали в сражениях в период архаики. Они соскакивали с боевой колесницы, врезавшейся в строй врагов, и вступали в бой, а в случае необходимости апобат бегом догонял движущуюся колесницу,

вскакивал на нее и отрывался от преследователей. Уже в V в. до н. э. боевые колесницы и апобаты не участвовали в сражениях, но в V–IV вв. до н. э. афиняне включали состязания апобатов в программу празднования Панафиней [Скржинская, 2010, с. 223–224]. Демосфен назвал упражнения апобатов «восхитительным зрелищем, состоящим из множества меняющихся картин», и упомянул, что такие соревнования проводятся во многих больших и малых греческих городах (Dem. LXI, 25). Слова оратора позволяют предположить, что боспоряне видели такие состязания у себя на родине.

Ювелир изобразил апобата, держащегося правой рукой за передок колесницы; немного согнув колени, он уже откидывает назад туловище и левую руку со щитом. В следующий момент апобат, прыгивая с колесницы, коснется ногой земли и побежит. По мнению М. И. Максимовой, ювелир представил реального воина на колеснице, победившей на состязаниях в Афинах, и Нику, символизирующую эту победу. Мне кажется, что композицию на феодосийских серьгах вернее интерпретировать как сцену из мифа о победе в каком-то сражении или поединке эпических времен. Ведь на серьгах и прочих украшениях в IV в. до н. э. изображали исключительно мифологических персонажей [ГЗ, с. 38] К числу подобных сцен следует отнести и композицию на феодосийских серьгах.

Фантазия древних греков наделяла искусством апобата некоторых богов и героев. Чернофигурные вазовые рисунки с эпизодами мифа о сражении богов и гигантов показывают, что апобатами выступали Зевс и Геракл, и, по нашему мнению, на феодосийских серьгах представлен молодой Геракл; ведь в роли апобата он известен и на других произведениях прикладного искусства. Например, на найденном на Боспоре лекифе афинского мастера Ксенофанта в невысоком рельефе представлена Афина, поражающая гиганта, и трижды повторен рельеф с колесницей, управляемой Никой, и рядом с ней находится Геракл в роли воина-апобата, которого боги пригласили помочь им в борьбе с гигантами [Скржинская, 2010а, с. 232].

В уборе гречанки из Феодосии наряду с упомянутыми серьгами было роскошное золотое ожерелье [ГЗ, № 201]. Его, по моим наблюдениям, сделал тот же итальянский ювелир, использовавший аналогичные приемы декора на обоих парах серег. Это одинаковой формы зерновидные подвески и крошечные протомы крылатых грифонов, скрывающие крепление для миниатюрных фигурок женщин, нижняя часть которых изображает тело пчелы (рис. 18). В сохранившейся литературе нет упоминаний о таком миксантропическом существе, так что сейчас не известно, какие представления были связаны с этим персонажем, встречающимся на серьгах роскошного стиля [ГЗ, № 63, 70].

В. Я. Рогов [2002, с. 41] привел убедительные доказательства того, что в херсонесском подстенном склепе, где найдены роскошные серьги и дорогое ожерелье, хоронили жриц. Их богатый наряд с драгоценными украшениями во многом сходен по составу с набором ювелирных изделий в погребениях боспорских жриц в курганах Павловский и Большая Близница. Поэтому надо полагать, что феодосийские серьги и ожерелье также принадлежали жрице.

Во второй половине IV вв. до н. э. наряду с итальянскими ювелирами на Боспоре продолжали работать афинские златокузнецы. Это подтверждается анализом некоторых украшений из убора жрицы, похороненной в кургане Большая Близница. Автор этих изделий владел искусством микротехники и расцветивал украшения эмалью, делал серьги

Рис. 18. Ожерелье роскошного стиля и одна из подвесок в виде женщины-пчелы.
Последняя треть IV в. до н. э. Феодосия

роскошного стиля (рис. 11), как и его старший современник, сделавший серьги с крошечными nereидами из кургана Куль-Оба (рис. 14). На двух золотых ожерельях жрицы есть вставки из зеленой и голубой эмали, а на одном из них первый из трех рядов подвесок в виде буквых орешков прикреплен к миниатюрным протомам пегасов. Височные украшения с изображением Фетиды на гипсокампе (рис. 10) по форме имеют аналогию лишь с подвесками с изображением головы Афины (рис. 12) из кургана Куль-Оба. Эти наблюдения позволяют предположить, что золотой убор жрицы изготовил приехавший на Боспор афинский ювелир, продолживший традиции своего старшего коллеги.

В захоронении жрицы особый интерес представляет уникальный калаф со сценой сражения амазонок и грифонов. В отличие от прочих украшений, которые можно было носить в разных случаях, калаф надевали при исполнении религиозных ритуалов. От калафа другой жрицы, похороненной в том же кургане, остались лишь несколько золотых фигурок менад, служительниц Диониса; они были прикреплены к утраченной теперь кожаной основе калафа. Стоит отметить, что на аттическом кратере из собрания Лувра нарисованы оба сюжета: в верхнем фризе мы видим сражение амазонок с грифонами, а в нижнем дионисийские сцены (рис. 19). Поэтому можно думать, что обе упомянутые жрицы, жившие в Фанагории и принадлежавшие одной семье, служили одному и тому же божеству.

По литературным источникам известно, что в борьбе за золото в бой с грифонами вступали одноглазые аримаспы (Нер. IV, 13). На росписях аттических ваз в сражениях с грифонами появляются не только аримаспы, но и амазонки. Как и аримаспов, их изображали в условном восточном костюме, а отличительной чертой амазонок были окрашенные в белый цвет открытые части тела или выбивающиеся из под шапок длинные

локоны. Специально для боспорян аттические вазописцы расписывали так называемые боспорские пелики, и на них одним из распространенных сюжетов было сражение амазонок с грифонами [Скржинская, 2010б, с. 83–84]. На калафе мы видим противников грифонов в таких же условных восточных костюмах, как и на вазах, а изображение одного воина в фас с двумя глазами (рис. 20) определенно указывает, что здесь представлены сражающиеся амазонки. Образцом для декора калафа и росписей пелик послужило неизвестное сейчас произведение монументального искусства. Это доказывает фигура амазонки, отбивающейся от грифона на калафе (рис. 21), и идентичный рисунок на аттической пелике из Пантикапея (рис. 22).

Матрицы для фигур на многих ювелирных изделиях делали скульпторы [Савостина, 2001, с. 286]. Для изготовления калафа ювелир привлек профессионального скульптора, сделавшего восковую модель и матрицу для изображений шестерых амазонок и семерых грифонов. Как и на росписях ваз, грифоны побеждают амазонок, одни из которых убегают, другие на коленях отбиваются от чудовищ. Таким образом, можно заключить, что в утраченном сейчас мифе рассказывалось, как амазонкам не удалось отнять золото, охраняемое грифонами. Миф был особенно популярен на Боспоре,

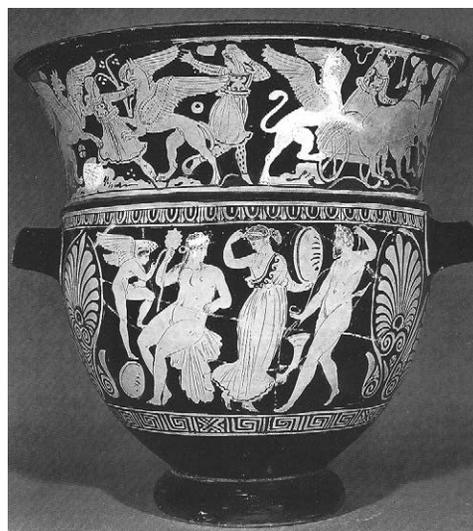

Рис. 19. Краснофигурный кратер с изображениями сражения амазонок с грифонами и дионисийскими сценами. IV в. до н.э. Собрание Лувра

Рис. 20. Прорисовка центральной части калафа из кургана Большая Близица

Рис. 21. Амазонка, отбивающаяся от нападения грифона. Фрагмент рельефа на калафе из кургана Большая Близица

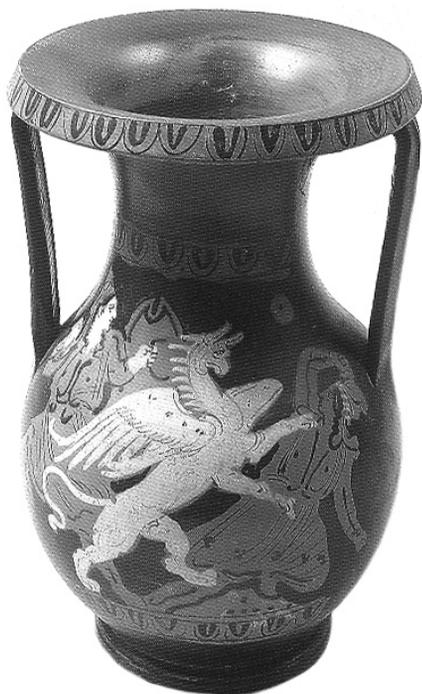

Рис. 22. Амазонка, отбивающаяся от нападения грифона. Краснофигурная пелика. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей

но его, конечно, знали в Афинах и других греческих городах, куда попадали аттические вазы с подобными росписями (рис. 19).

Итак, мы показали, сколь заметную роль в ежедневной и праздничной жизни боспорян играли ювелирные изделия. Их приобретали для собственных нужд, для подарков, для религиозных ритуалов и для приношений в храмы разных богов. Некоторые дорогие сосуды и украшения привозили из метрополии, но большинство изготовляли приезжие ювелиры в своих временных мастерских в городах Боспора; там исполнялись индивидуальные заказы и делались рядовые вещи. Определенно можно утверждать, что на Боспоре трудились златокузнецы из Ионии, Афин и Южной Италии. Судя по археологическим находкам, наибольшее количество иностранных ювелиров работали на Боспоре в конце V–IV вв. до н. э.

По будням боспоряне носили немногие украшения, пользовались инталиями и резными перстнями, служившими печатями; кроме того они видели местные и иностранные монеты, штампы для которых делали выдающиеся ювелиры.

Больше всего ювелирные изделия использовали в праздничной обстановке. Серебряные и золотые сосуды, украшенные рельефами или гравировкой, входили в парадный сервиз; в них подавали еду и вино за царским столом и во время официальных приемов, а также на свадьбах, симпозиумах и других домашних праздниках в домах состоятельных боспорян. В праздничный наряд мужчин и женщин могли входить золотые венки, перстни и одежда, расшитая золотыми бляшками с различными штампованными изображениями. Женщины надевали свои лучшие серьги, подвески и ожерелья. Их они приобретали сами, но чаще получали в качестве подарков. Особенно нарядным и дорогим был убор боспорских жриц, которые наряду с обычными украшениями надевали ритуальные, например, богато орнаментированные калафы. В классический и эллинистический периоды на Боспоре было принято хоронить жриц в их парадном уборе, а для их преемниц делали новые ювелирные украшения, отвечавшие моде того времени.

У мужчин особую группу ювелирных изделий представляли украшения парадного оружия и убора коней. Эти предметы нередко служили ценными подарками соотечественникам, а также могли быть дарами вождям соседних племен.

Боспоряне, как и другие греки, посвящали богам драгоценности. К сожалению документально известно лишь о пожертвованиях боспорских царей. В IV в. до н. э. в Афинах в сокровищницах храмов верховной богини города хранились золотые венки – дары Левкона, Спартока и Перисада (МИС 3 и Дополнение 1) [Скржинская 2010а, с. 294–295]. В надписях эллинистического времени имеются сведения о том, что Перисад II и царица Камасария дарили золотые чаши в храмы Аполлона в Милете и на Делосе (МИС 27, 28, 38, 39).

Изображения на ювелирных изделиях являются одним из источников, позволяющих узнать, в каком облике боспоряне представляли своих богов и разных мифологических персонажей: амазонок, горгон, грифонов, пегасов и др. Некоторые из этих изображений напоминают сюжеты из греческих мифов, безусловно, знакомых боспорянам: это рассказы о новом оружии Ахилла, которое ему доставила Фетида и nereиды, о битве амазонок с грифонами, об участии Геракла в гигантомахии, о горгоне, убивающей своим взглядом и др.

В боспорских ювелирных мастерских изготавливались сосуды, нашивные бляшки и другие изделия со сценами из скифского эпоса. Это дает основание утверждать, что боспоряне, выступавшие посредниками между ювелирами и скифскими заказчиками, пересказывали сюжеты некоторых скифских сказаний, и таким образом грекам становился известным фольклор скифов.

Серьги и ожерелья, украшенные фигурками, выполненными в микротехнике, свидетельствуют о необыкновенной остроте зрения ювелиров, а также их боспорских заказчиков. Обладательницы этих украшений не только сами любовались крошечными фигурками, но хотели, чтобы их могли рассмотреть и те, кто видел их праздничный убор.

- Скржинская, 2010а. Скржинская М. В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб.
- Скржинская, 2010б. Скржинская М. В. Культурные традиции в античных государствах Северного Причерноморья. Киев.
- Скржинская, 2014. Скржинская М. В. Образование и досуг в античных государствах Северного Причерноморья. Киев.
- Скржинская, 2016. Скржинская М. В. Золотые венки и их роль на Боспоре и в других античных государствах Северного Причерноморья // БИ. 32.
- Скржинская, 2017а. Скржинская М. В. Иностранцы в Пантикапее и их общение с боспорянами // ДБ. 21.
- Скржинская, 2017б. Скржинская М. В. Иностранцы в Ольвии (V-I вв. до н.э.) // Північне Причорномор'я за античної доби (на пошану С. Д. Крижицького). Київ.
- Соколов, 1999. Соколов Г. И. Ольвия и Херсонес. Ионическое и дорическое искусство. М.
- Толстой, Кондаков, 1889. Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. 1. СПб.
- Трейстер, 2001. Трейстер М. Ю. Тема амазономахии в торовитке поздней классики // Боспорский рельеф со сценой сражения. М.
- Трейстер, 2009. Трейстер М. Ю. Бронзовый нагрудник панциря с изображением головы Медузы из кургана у ст. Елизаветинской в Прикубанье // БИ. 21. Симферополь-Керчь.
- Уильямс, Огден 1995. Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V-IV вв. до н. э. СПб.
- Черненко, 1981. Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев.
- Deppert-Lippitz, 1985. Deppert-Lippitz B. Griechischer Goldschmuck. Mainz am Rhein.
- Scythian Gold, 1999. Scythian Gold. The Treasures from Ancient Ukraine. New York.

Summary

M. V. Skrzhinskaya

Jewelry – a necessary element of the Bosphorans' every day and fest life in 5-4th c. BC.

The Bosphorans used widely their own jewelry as the gifts and dedications for the Gods. The author divides all the jewelry is some groups depending of their specification. Seals, coins' stamps and vessels were used in utilitarian goals. Decorations, front weapons and ritual items create a separate group. A lot of jewelry can be attributed only with man or woman. The author concludes that some decorations had to be produced at Bosphorus by the artists came from Ionia, Athens and Southern Italy. They worked on the order of Bosphorans and Scytai and produced decorations and the other jewelry used in the Greek world at the end of 5-4th c. BC.

Т. Н. Смекалова*, А. М. Бутягин**,
А. Е. Пасуманский***, Е. Д. Трубникова*
(* Крымский федеральный университет, г. Симферополь;
** Государственный Эрмитаж;
*** ООО «Живой Софт»)

Рентгено-флуоресцентный анализ состава сплава монет Боспора эпохи денежного кризиса III в. до н.э. (по материалам клада 2002 г. из Мирмекия)¹

На материале клада боспорских монет середины III в. до н.э., найденного в 2002 г. на городище Мирмекий, (раскопки А.М. Бутягина, место хранения – Керченский музей) удалось получить новые данные о финансово-экономическом кризисе, охватившем в III в. до н.э. все античные государства Северного Причерноморья. Исследуемый клад ценен тем, что он детально (состав клада – 722 монеты) отразил наиболее важный, переломный, этап денежного кризиса на Боспоре. К моменту захоронения клада в III в. до н.э. боспорский рынок был наводнен перечеканенной и вырождающейся медью. Происходит очень быстрая деградация монет типа: «голова сатира – лук и стрела», отразившаяся в небрежности чеканки и редукации веса монет, что подмечали все исследователи монетного дела Боспора. Помимо этого происходит «порча» металла большим количеством свинца, добавляемого в монетный сплав для удешевления последнего. Этот факт был нами установлен ранее при изучении монет из коллекции Государственного Эрмитажа [Смекалова, Дюков, 1998; 2001, с. 49–50]. Однако в то время удалось исследовать всего несколько десятков монет, относившихся ко всему кризисному периоду, что не позволило сделать статистически подкрепленных детальных выводов относительно последовательных стадий денежного кризиса. В результате проведенного нами в рамках данного проекта массового анализа состава сплава монет из клада 2002 г. впервые удалось комплексно проанализировать пиковый этап денежного кризиса III в. до н.э. Он проявился в деградации всех характеристик монеты: в многократном уменьшении веса одного и того же номинала, крайней небрежности чеканки изображений, в изменении состава сплава в сторону ухудшения его качества за счет чрезмерной добавки свинца.

¹ Исследования проводились при финансовой поддержке проекта РФФИ № 18-18-00193 «Начальный период истории денег: переход от полновесной монеты к знаку условной стоимости». Приносим нашу благодарность руководству и сотрудникам Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника за предоставленную возможность исследования монет и помощь в процессе измерения состава их сплава.

Рис. 1. Монеты Боспора времени кризиса III в. до н. э. 1 – монета Группы I: начала III в. до н. э. Инв. № КН156231/12, вес 5,09 г; 2 – монета Группы II (подгруппа А): Около 300–275 г. до н. э. Инв. № КН156231/107, вес 5,40 г; 3 – монета Группы II (подгруппа Б): Около 300–275 г. до н. э. Инв. № КН156231/168, вес 2,91 г; 4 – монета Группы III: 275–250 гг. до н. э. Инв. № КН156231/247, вес 1,88 г.

Исследовалась репрезентативная выборка из 351 монеты этого клада. В неё вошли монеты трех групп по классификации Н. А. Фроловой [Абрамзон, Фролова, Куликов, Смекалова, Иванина, 2006, с. 31–33]:

Группа I: начала III в. до н. э. Вес 3,78–7,37 г. Тип: “голова безбородого сатира в венке влево – ПАН, лук и стрела вправо,” перечеканенные из типа: «голова сатира в венке – голова льва, осетр, ПАН, с надчеканками (рис. 1, 1).

Группа II (подгруппы А и Б): Около 300–275 г. до н. э. Вес 5,06–7,34 г. (подгруппа А) (рис. 1, 2) и 2,73–4,76 г (подгруппа Б) (рис. 1, 3). Тип тот же, но монеты отчеканены на новых кружках.

Группа III: 275–250 гг. до н. э., Вес 1,16–2,79 г. Деградированный тип: “голова безбородого сатира в венке влево – ПАН, лук и стрела вправо” (рис. 1, 4).

Исследования проводились с помощью неразрушающего и скоростного метода рентгено-флуоресцентного анализа (РФА). Химический состав сплава монет из клада изучался по способу неразрушающего безэталонного РФА на спектрометре Mistral M1 фирмы Bruker, габариты и вес которого позволяют проводить измерения непосредственно в музейном хранилище. Удастся анализировать более 100 монет в день, кроме того, метод не требует отбора проб с образца и не нарушает целостности поверхности изделия. Все эти преимущества позволяют изучать состав сплава больших кладов и коллекций монет, что необходимо для получения статистически значимых данных. В используемой установке имеется возможность выбирать точечную область для анализа состава сплава и перемещать ее по поверхности монеты. Для получения достоверных данных проводилось осреднение по нескольким точкам на аверсе и реверсе монет, что минимизирует разброс данных за счет неоднородности сплава на поверхности монеты. Для изучения нами были выбраны следующие химические элементы, входящие в состав монетного сплава: медь (Cu), цинк (Zn), свинец (Pb), олово (Sn), железо (Fe), серебро (Ag), мышьяк (As), золото (Au), марганец (Mn), сурьма (Sb). Однако, концентрации цинка, марганца и золота оказались ничтожно малыми, ниже порога чувствительности прибора, поэтому они не принимались во внимание.

Итоги исследования состава сплава монет из клада 2002 г., найденного в Мирмекии, приведены в Приложении.

В результате сопоставления состава сплава с весовыми и визуальными характеристиками монет удалось сделать следующие выводы:

Монеты группы I, перечеканенные на монетах, выпущенных в самом конце IV в. до н.э., с изображениями головы безбородого сатира в плющевом венке, повернутой влево/головы льва, повернутой влево, и осетра внизу чеканены из бронзы, содержащей до 5% свинца и 1–8% олова (рис. 2, 1). Естественно, что металл перечеканенных монет – тот же, что и оригинальных. Это обычный, доброкачественный сплав на медной основе, который повсеместно использовался в античной монетной чеканке для изготовления монет мелких номиналов (оболы). Перечеканки выполнены достаточно аккуратно.

Монеты группы II (подгруппа А) биты на новых монетных кружках, которые еще не потеряли в весе (рис. 4, 2). Сплав этой подгруппы еще хорошего качества (содержание свинца в бронзе не превышает 6–7%). Однако монеты подгруппы Б (рис. 4, 3) резко отличаются по содержанию свинца: его уже гораздо больше: 8÷20% и даже 27%. Таким образом, именно в монетах группы II (подгруппа Б) проявился начальный переход к чеканке из низкосортного сплава, содержащего аномально больше количество свинца. Одновременно с этим почти вдвое падает вес монет.

Свинец как рецептурная примесь обычно добавляется в монетные сплавы для облегчения литья и чеканки. Однако для достижения этих целей бывает достаточно всего нескольких процентов свинца; большее же его количество влечет за собой падение качества сплава, так как свинец не растворяется в меди и образует глобулы и слои, что вызывает ухудшение фактуры монетного кружка и уменьшение его антикоррозийной стойкости: коррозия идет по границам глобул. Повышенное содержание свинца в монетах, безусловно, отражает кризисные явления и стремление удешевить монетный сплав.

Монеты группы III демонстрируют три очень быстрых процесса деградации монет, идущих параллельно. Монеты этой группы по типу и номиналу остаются прежними,

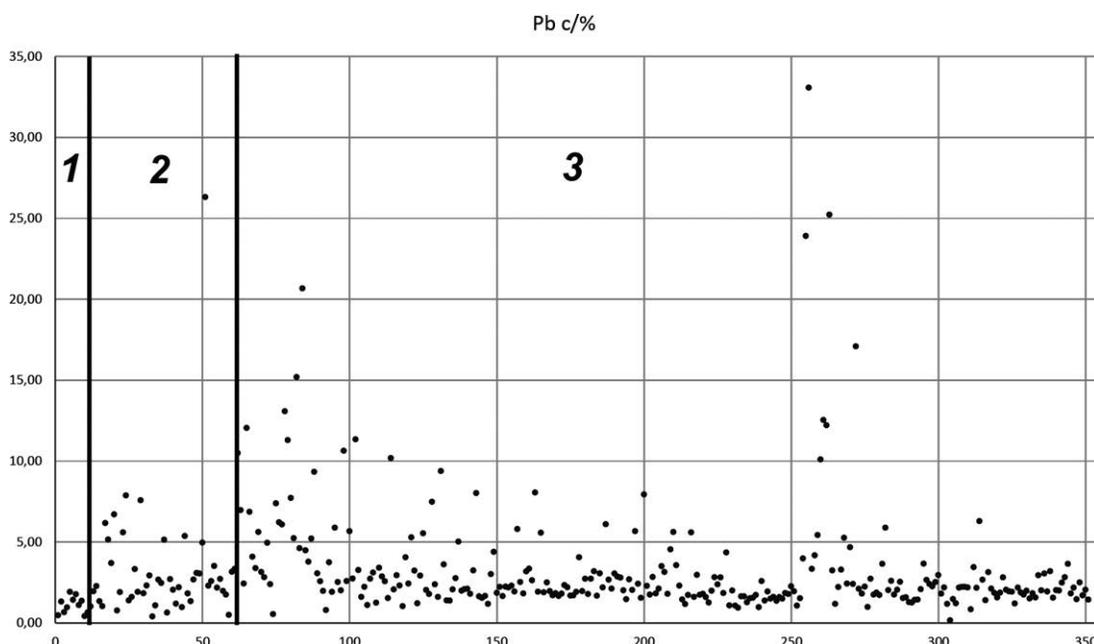

Рис. 2. График зависимости содержания свинца в сплаве монет эпохи денежного кризиса в зависимости от времени их выпуска. 1 – монеты Группы I: начала III в. до н.э.; 2 – монеты Группы II (подгруппы А и Б): Около 300–275 г. до н.э.; 3 – монеты Группы III: 275–250 гг. до н.э.

но катастрофически быстро мельчают и ухудшаются по качеству сплава. Происходит резкое уменьшение веса; наиболее легкие экземпляры (по-видимому, позднейшие) имеют вес менее 1 г. Налицо также крайнее ухудшение качества их чеканки (чеканка наспех, скошенный гурт, следы обруба литников). Теперь эти монетки делаются из новых, неряшливо отлитых заготовок, которые содержат в среднем уже не менее 10% свинца, а во многих монетах и более 20% (рис. 4, 4). Вместе с тем, некоторые из монет содержат небольшое количество свинца. По-видимому, в переплавку шли все монеты предыдущих выпусков, в том числе и начала III в. до н.э., характеризующиеся “докризисным” содержанием свинца в пределах нескольких процентов.

В качестве причин денежного кризиса исследователи называют спад торговли Боспора зерном, конкуренцию Египта, упадок Афин в III в. до н.э. Все эти события могли быть причинами отсутствия валютных поступлений в казну Пантикапея [Анохин, 1986, с. 55]. В III в. до н.э. прекращается чеканка серебряных монет, что, по-видимому, следует связать с нехваткой этого драгоценного металла на Боспоре. Если принять предположение, что для боспорской серебряной чеканки V–IV вв. до н.э. использовалось лаврионское сырье, доставляемое из Афин в обмен на боспорское зерно, то финансовый кризис нужно связать именно с прекращением Афино-Боспорской хлебной торговли.

Наиболее резкие проявления денежного кризиса, вероятно, надо относить ко второму десятилетию правления Перисада II, т.е. примерно к 275 г. до н.э. [Зограф, 1951, с. 178; Анохин, 1986, с. 50]. Выйти из этого кризиса удалось только при Левконе II во второй половине III в. до н.э.

Приложение

Состав сплава монет из клада 2002 г., найденного в Мирмекии.
Монеты представлены по группам I, II-A, II-B, III по Н.А. Фроловой
[Абрамзон, Фролова, Куликов, Смекалова, Иванина, 2006, с. 33–35].

Инв. номер КП 156231/	Вес, г	Группа	Медь Cu, %	Свинец Pb, %	Олово Sn, %	Железо Fe, %	Серебро Ag, %	Мышь-як As, %	Сурьма Sb, %
1	6.37	I	95.05	0.47	3.82	0.19	0.11	0.00	0.19
3	5.95	I	94.27	1.32	3.28	0.00	0.15	0.00	0.98
7	6.09	I	96.71	0.66	2.03	0.06	0.09	0.00	0.44
9	5.37	I	95.55	0.96	2.65	0.08	0.09	0.00	0.66
12	5.09	I	86.73	1.92	8.80	0.00	0.32	0.29	1.94
16	5.97	I	89.72	1.43	8.58	0.00	0.00	0.00	0.27
27	6.09	I	95.17	1.78	1.09	0.00	0.15	0.35	1.46
65	6.02	I	95.09	1.11	2.26	0.00	0.18	0.27	1.09
91	7.37	I	93.30	1.37	3.62	0.28	0.19	0.00	1.24
96	3.78	I	92.50	0.42	6.94	0.05	0.00	0.00	0.09
225	6.00	I	93.14	0.66	4.33	0.00	0.25	0.27	1.36
93	7.34	II-A	91.50	1.03	6.68	0.07	0.10	0.00	0.62
107	5.40	II-A	89.04	1.95	7.42	0.07	0.08	0.00	1.43
327	5.06	II-A	83.72	2.28	12.40	0.06	0.21	0.00	1.34
5	2.79	II-B	95.92	1.34	1.78	0.04	0.14	0.00	0.77
14	2.87	II-B	91.47	1.04	5.12	0.00	0.14	0.52	1.72
19	4.24	II-B	74.35	6.18	16.75	0.22	0.33	0.00	2.17
20	2.86	II-B	91.28	5.16	0.98	0.17	0.18	0.24	2.00
21	3.88	II-B	89.51	3.70	3.78	0.09	0.21	0.00	2.70
32	3.85	II-B	79.16	6.71	11.81	0.12	0.23	0.00	1.98
34	3.63	II-B	96.06	0.77	2.40	0.14	0.07	0.00	0.39
45	2.82	II-B	94.79	1.91	0.29	0.00	0.17	1.04	1.80
52	2.96	II-B	91.57	5.60	1.79	0.25	0.12	0.00	0.66
59	2.98	II-B	86.86	7.88	3.10	0.08	0.18	0.00	1.91
63	3.59	II-B	95.48	1.40	1.35	0.00	0.14	0.00	1.64
73	3.19	II-B	91.50	1.61	3.61	0.13	0.24	0.45	2.46
77	3.18	II-B	90.77	3.32	1.82	0.00	0.17	1.72	2.19
88	3.92	II-B	91.07	1.92	3.62	0.00	0.25	0.29	2.84
97	4.28	II-B	86.49	7.59	2.31	0.34	0.21	0.00	3.06
105	3.35	II-B	92.75	1.83	2.30	0.00	0.21	0.19	2.72
106	2.90	II-B	87.51	2.32	6.71	0.00	0.34	0.57	2.55
108	3.14	II-B	91.34	2.94	2.42	0.00	0.25	0.25	2.81
110	3.28	II-B	94.08	0.41	5.33	0.10	0.00	0.00	0.08
114	2.84	II-B	95.27	1.09	2.89	0.00	0.11	0.00	0.63
115	2.90	II-B	92.28	2.67	2.21	0.00	0.21	0.00	2.64
122	2.84	II-B	94.03	2.47	1.03	0.00	0.20	0.29	1.98
129	3.62	II-B	89.37	5.15	1.82	0.65	0.20	0.00	2.81
135	3.46	II-B	92.43	0.64	6.83	0.00	0.05	0.00	0.06

Инв. номер КП 156231/	Вес, г	Группа	Медь Cu, %	Свинец Pb, %	Олово Sn, %	Железо Fe, %	Серебро Ag, %	Мышь-як As, %	Сурьма Sb, %
137	3.04	II-Б	92.89	2.71	1.79	0.00	0.19	0.61	1.81
139	2.90	II-Б	91.97	2.05	5.53	0.00	0.12	0.00	0.33
144	3.31	II-Б	92.09	1.19	5.08	0.06	0.10	0.36	1.13
149	1.50	II-Б	94.29	2.21	2.53	0.06	0.14	0.00	0.77
154	3.23	II-Б	95.64	0.98	2.74	0.00	0.12	0.00	0.52
168	2.91	II-Б	87.57	5.37	4.63	0.00	0.15	0.00	2.26
176	4.64	II-Б	92.52	1.83	3.82	0.07	0.13	0.00	1.64
182	3.94	II-Б	92.50	1.35	4.56	0.14	0.10	0.00	1.35
187	3.28	II-Б	94.77	2.69	1.62	0.00	0.12	0.00	0.80
188	3.34	II-Б	92.19	3.09	2.01	0.06	0.21	0.00	2.45
197	3.14	II-Б	92.52	3.06	1.95	0.00	0.20	0.00	2.27
201	4.76	II-Б	89.30	4.97	2.61	0.06	0.20	0.00	2.85
202	4.57	II-Б	66.57	26.32	5.51	0.23	0.16	0.00	1.22
217	3.50	II-Б	92.19	2.30	2.45	0.00	0.20	0.45	2.40
221	3.47	II-Б	92.73	2.58	3.97	0.00	0.10	0.00	0.62
258	4.84	II-Б	91.62	3.52	2.08	0.22	0.17	0.54	1.86
265	3.71	II-Б	92.60	2.18	2.01	0.06	0.22	0.37	2.56
272	3.66	II-Б	91.97	2.71	2.70	0.00	0.20	0.21	2.21
283	4.08	II-Б	93.32	1.98	3.80	0.08	0.12	0.00	0.70
295	2.90	II-Б	90.64	1.75	5.66	0.00	0.15	0.55	1.25
306	3.24	II-Б	91.84	0.50	7.41	0.07	0.06	0.00	0.12
319	3.01	II-Б	91.29	3.17	1.71	0.00	0.24	0.19	3.41
347	3.32	II-Б	90.93	3.34	2.23	0.00	0.23	0.81	2.46
2	2.64	III	79.85	10.50	7.85	0.19	0.19	0.00	1.35
4	1.59	III	85.11	6.97	6.59	0.11	0.14	0.00	1.08
6	1.69	III	89.82	2.43	6.35	0.05	0.20	0.00	1.15
8	2.74	III	83.62	12.06	3.22	0.40	0.09	0.00	0.62
10	2.36	III	85.07	6.87	6.67	0.19	0.17	0.00	1.05
11	2.30	III	92.76	4.10	2.16	0.23	0.10	0.00	0.65
13	1.42	III	93.00	3.39	2.56	0.04	0.12	0.00	0.89
15	2.25	III	90.01	5.62	0.86	0.00	0.19	0.89	2.43
17	1.50	III	92.85	3.15	2.73	0.05	0.17	0.00	1.03
18	2.59	III	89.15	2.82	6.42	0.10	0.25	0.00	1.26
22	2.32	III	90.57	4.96	3.42	0.26	0.11	0.00	0.69
23	1.19	III	93.76	2.39	2.98	0.07	0.18	0.00	0.61
24	1.65	III	90.13	0.55	8.72	0.04	0.16	0.00	0.40
25	1.60	III	82.43	7.40	8.06	0.08	0.40	0.00	1.63
26	1.63	III	89.47	6.22	1.07	0.06	0.09	0.00	3.08
28	2.30	III	87.96	6.09	4.76	0.14	0.14	0.00	0.92
29	2.01	III	82.40	13.08	0.92	0.22	0.13	0.00	3.26
30	2.31	III	80.69	11.30	6.72	0.09	0.20	0.00	1.00
31	1.98	III	86.98	7.72	4.16	0.12	0.17	0.00	0.85
33	1.93	III	86.35	5.24	7.21	0.16	0.17	0.00	0.87
35	1.39	III	72.17	15.19	10.54	0.47	0.24	0.00	1.39
36	2.06	III	90.64	4.62	2.31	0.13	0.11	0.00	0.73

Инв. номер КП 156231/	Вес, г	Группа	Медь Cu, %	Свинец Pb, %	Олово Sn, %	Железо Fe, %	Серебро Ag, %	Мышь-як As, %	Сурьма Sb, %
37	1.87	III	74.34	20.68	3.57	0.28	0.15	0.00	0.98
38	1.57	III	91.48	4.49	3.03	0.21	0.11	0.00	0.68
39	1.68	III	90.21	3.79	4.68	0.07	0.18	0.00	1.07
40	2.37	III	90.80	5.22	3.00	0.24	0.10	0.00	0.64
41	2.55	III	86.30	9.33	1.20	0.12	0.10	0.00	2.94
42	1.58	III	91.71	3.07	4.05	0.00	0.18	0.00	0.99
43	1.86	III	92.20	2.57	2.69	0.17	0.19	0.00	2.18
44	1.77	III	94.82	1.97	2.43	0.00	0.12	0.00	0.66
46	2.34	III	84.72	0.79	14.18	0.20	0.00	0.00	0.11
47	1.55	III	93.57	3.74	1.60	0.27	0.12	0.00	0.69
48	1.22	III	91.89	1.92	4.97	0.04	0.17	0.00	1.00
49	2.33	III	89.86	5.88	3.22	0.15	0.12	0.00	0.76
50	1.11	III	90.29	2.54	5.73	0.08	0.17	0.00	1.19
51	1.62	III	93.21	2.01	3.93	0.00	0.13	0.00	0.72
53	1.82	III	83.58	10.65	2.65	0.16	0.20	0.00	2.76
54	2.23	III	90.86	2.59	5.67	0.03	0.12	0.00	0.73
55	1.42	III	89.85	5.67	3.52	0.22	0.10	0.00	0.64
56	1.35	III	93.07	2.74	0.72	0.00	0.12	0.47	2.88
57	2.46	III	86.61	11.34	1.06	0.16	0.11	0.00	0.72
58	1.88	III	94.56	3.27	1.63	0.05	0.05	0.00	0.44
60	1.57	III	92.55	1.61	4.74	0.06	0.15	0.00	0.90
61	1.63	III	92.44	2.23	4.29	0.07	0.14	0.00	0.83
62	2.06	III	92.85	1.11	4.98	0.00	0.15	0.17	0.73
64	2.57	III	92.19	2.74	1.64	0.00	0.22	0.82	2.39
66	1.79	III	91.56	3.11	4.21	0.05	0.17	0.00	0.90
67	1.86	III	93.88	1.25	3.86	0.14	0.15	0.00	0.72
68	1.85	III	90.20	3.42	5.09	0.07	0.18	0.00	1.04
69	1.42	III	89.29	2.88	6.64	0.05	0.14	0.00	0.99
70	2.61	III	92.45	2.58	4.24	0.00	0.10	0.00	0.63
71	2.34	III	94.83	1.53	2.78	0.00	0.12	0.00	0.74
72	2.36	III	85.33	10.19	1.57	0.08	0.22	0.00	2.55
74	2.33	III	91.58	2.07	5.43	0.06	0.13	0.00	0.73
75	1.47	III	92.96	2.95	3.24	0.00	0.12	0.00	0.73
76	1.64	III	92.90	2.32	3.57	0.00	0.23	0.00	0.97
78	1.42	III	96.02	1.04	2.25	0.00	0.10	0.00	0.58
79	2.42	III	90.54	4.06	4.24	0.11	0.18	0.00	0.87
80	1.79	III	93.29	2.43	3.45	0.00	0.12	0.00	0.72
81	1.88	III	89.38	5.29	4.42	0.15	0.10	0.00	0.66
82	1.29	III	90.66	3.24	4.50	0.14	0.19	0.00	1.27
83	1.82	III	93.62	1.22	4.29	0.07	0.16	0.00	0.64
84	2.19	III	91.18	2.93	4.53	0.26	0.17	0.00	0.93
85	2.00	III	86.31	5.54	6.00	0.34	0.09	0.00	1.71
86	1.67	III	93.33	2.04	3.39	0.00	0.19	0.00	1.05
87	1.56	III	93.97	1.78	3.14	0.00	0.20	0.00	0.91
89	1.29	III	83.21	7.49	7.19	0.31	0.18	0.00	1.62

Инв. номер КП 156231/	Вес, г	Группа	Медь Cu, %	Свинец Pb, %	Олово Sn, %	Железо Fe, %	Серебро Ag, %	Мышь-як As, %	Сурьма Sb, %
90	2.23	III	89.92	2.38	6.49	0.07	0.17	0.00	0.97
92	1.30	III	94.77	1.61	2.87	0.00	0.11	0.00	0.63
94	1.97	III	89.72	9.39	0.38	0.32	0.00	0.00	0.19
95	2.66	III	91.78	3.62	3.34	0.44	0.11	0.00	0.72
98	2.00	III	94.39	1.40	3.29	0.00	0.13	0.00	0.79
99	2.10	III	94.60	1.38	2.87	0.00	0.21	0.00	0.94
100	0.94	III	91.39	2.07	5.38	0.00	0.19	0.00	0.96
101	2.74	III	92.94	2.77	1.67	0.00	0.16	0.77	1.69
102	1.69	III	87.06	5.03	6.23	0.07	0.24	0.00	1.38
103	1.55	III	90.32	1.99	6.19	0.06	0.26	0.00	1.18
104	2.01	III	93.33	2.09	3.72	0.07	0.12	0.00	0.68
109	1.52	III	94.55	2.11	2.56	0.00	0.11	0.00	0.66
111	1.95	III	94.70	1.80	2.70	0.00	0.12	0.00	0.68
112	1.16	III	91.01	3.25	2.23	0.00	0.21	1.05	2.25
113	1.61	III	84.51	8.03	5.89	0.00	0.19	0.00	1.38
116	1.69	III	94.91	1.64	2.54	0.00	0.13	0.00	0.78
117	1.95	III	95.86	1.55	1.86	0.00	0.11	0.00	0.62
118	2.13	III	94.51	1.67	3.04	0.00	0.10	0.00	0.68
119	2.55	III	95.50	1.18	2.40	0.00	0.14	0.00	0.77
120	2.30	III	93.59	3.02	2.13	0.25	0.15	0.00	0.81
121	1.52	III	92.92	4.40	1.48	0.36	0.12	0.00	0.72
123	1.76	III	93.42	1.86	3.73	0.06	0.13	0.00	0.80
124	1.40	III	93.62	2.24	3.33	0.00	0.13	0.00	0.69
125	1.16	III	93.56	1.66	3.62	0.05	0.20	0.00	0.92
126	1.70	III	93.24	2.24	3.56	0.04	0.14	0.00	0.78
127	2.00	III	93.60	2.20	3.43	0.00	0.11	0.00	0.66
128	2.07	III	93.00	2.30	3.75	0.04	0.14	0.00	0.78
130	1.06	III	94.85	1.94	2.45	0.00	0.11	0.00	0.64
131	2.40	III	90.08	5.81	3.25	0.10	0.10	0.00	0.67
132	2.63	III	94.78	2.53	1.85	0.00	0.13	0.00	0.71
133	2.05	III	93.39	1.83	3.78	0.05	0.16	0.00	0.80
134	1.35	III	93.10	3.18	2.88	0.00	0.12	0.00	0.71
136	1.74	III	92.81	3.36	2.91	0.00	0.13	0.00	0.79
138	2.06	III	91.15	2.64	5.18	0.07	0.15	0.00	0.81
140	1.99	III	82.38	8.06	8.06	0.15	0.18	0.00	1.17
141	2.36	III	90.51	1.93	6.39	0.12	0.14	0.00	0.85
142	1.96	III	86.90	5.58	6.32	0.10	0.15	0.00	0.95
143	1.40	III	93.90	1.90	3.29	0.06	0.11	0.00	0.73
145	2.04	III	92.96	2.51	3.81	0.05	0.10	0.00	0.57
146	1.11	III	92.95	1.96	4.22	0.05	0.13	0.00	0.69
147	2.75	III	95.49	1.70	2.00	0.04	0.12	0.00	0.65
148	2.40	III	94.34	1.83	3.04	0.05	0.11	0.00	0.62
150	2.75	III	92.35	1.67	5.06	0.13	0.11	0.00	0.67
151	3.57	III	93.09	1.82	1.29	0.00	0.17	1.88	1.75
152	1.63	III	92.21	2.34	4.34	0.06	0.15	0.00	0.90

Инв. номер КП 156231/	Вес, г	Группа	Медь Cu, %	Свинец Pb, %	Олово Sn, %	Железо Fe, %	Серебро Ag, %	Мышь-як As, %	Сурьма Sb, %
153	1.83	III	95.62	2.20	1.44	0.00	0.12	0.00	0.62
155	1.99	III	93.97	1.69	3.49	0.06	0.11	0.00	0.68
156	1.62	III	95.22	1.70	2.27	0.06	0.11	0.00	0.65
157	2.08	III	93.75	1.92	3.47	0.10	0.11	0.00	0.65
158	1.76	III	90.17	4.06	4.94	0.00	0.12	0.00	0.71
159	1.03	III	93.69	1.97	3.35	0.00	0.18	0.00	0.82
160	0.97	III	90.86	2.73	3.30	0.00	0.13	0.38	2.61
161	2.01	III	92.90	1.78	4.33	0.05	0.17	0.00	0.77
162	2.24	III	93.77	2.73	2.51	0.05	0.15	0.00	0.79
163	1.92	III	91.55	3.19	1.97	0.00	0.20	0.52	2.57
164	2.12	III	94.42	1.68	3.08	0.06	0.11	0.00	0.66
165	1.72	III	93.47	3.07	2.78	0.00	0.11	0.00	0.57
166	1.81	III	92.55	2.20	4.16	0.05	0.21	0.00	0.84
167	2.69	III	89.57	6.10	1.89	0.00	0.17	0.00	2.27
169	1.37	III	92.14	2.68	4.34	0.03	0.12	0.00	0.69
170	2.17	III	93.84	2.13	2.77	0.00	0.22	0.00	1.04
171	2.43	III	92.72	3.05	3.22	0.04	0.14	0.00	0.83
172	1.88	III	92.88	2.86	3.41	0.05	0.12	0.00	0.67
173	1.88	III	91.76	2.80	4.63	0.07	0.12	0.00	0.63
174	2.36	III	93.41	2.01	3.68	0.05	0.13	0.00	0.72
175	2.77	III	94.12	1.47	3.60	0.00	0.13	0.00	0.69
177	1.89	III	92.63	2.70	3.94	0.00	0.12	0.00	0.61
178	1.96	III	94.09	2.04	3.02	0.00	0.13	0.00	0.72
179	2.60	III	88.01	5.67	3.53	0.10	0.21	0.00	2.47
180	1.77	III	93.11	2.42	3.51	0.08	0.12	0.00	0.75
181	1.51	III	96.10	1.55	1.43	0.04	0.14	0.00	0.73
183	2.18	III	87.56	7.94	2.34	0.07	0.14	0.00	1.95
184	2.12	III	93.32	2.29	3.57	0.00	0.12	0.00	0.71
185	2.28	III	92.58	1.75	4.32	0.39	0.16	0.00	0.80
186	2.27	III	89.04	2.84	6.67	0.06	0.21	0.00	1.19
189	1.31	III	94.13	1.83	3.18	0.11	0.10	0.00	0.65
190	2.73	III	94.65	2.13	2.42	0.00	0.11	0.00	0.69
191	1.44	III	91.30	3.51	4.14	0.05	0.14	0.00	0.86
192	2.25	III	91.55	3.15	4.31	0.07	0.14	0.00	0.78
193	2.12	III	92.23	1.80	4.46	0.58	0.16	0.00	0.78
194	1.82	III	88.10	4.54	5.85	0.16	0.16	0.00	1.18
195	1.50	III	86.54	5.62	6.31	0.05	0.22	0.00	1.27
196	1.64	III	90.91	3.57	4.27	0.19	0.04	0.00	1.02
198	2.30	III	88.64	2.31	7.00	0.08	0.20	0.22	1.55
199	1.32	III	93.08	1.45	4.25	0.08	0.18	0.00	0.96
200	1.87	III	83.08	1.17	14.47	0.00	0.26	0.00	1.02
203	1.50	III	94.46	1.73	2.99	0.00	0.12	0.00	0.71
204	2.24	III	89.63	5.60	1.52	0.00	0.30	0.00	2.95
205	1.67	III	93.87	1.61	3.55	0.14	0.11	0.00	0.71
206	2.79	III	92.06	2.97	3.90	0.05	0.14	0.00	0.89

Инв. номер КП 156231/	Вес, г	Группа	Медь Cu, %	Свинец Pb, %	Олово Sn, %	Железо Fe, %	Серебро Ag, %	Мышь-як As, %	Сурьма Sb, %
207	2.57	III	95.10	1.74	2.43	0.00	0.11	0.00	0.62
208	1.98	III	94.39	1.80	2.88	0.00	0.15	0.00	0.79
209	2.18	III	93.12	1.60	4.27	0.00	0.15	0.00	0.87
210	1.31	III	94.39	1.26	3.41	0.06	0.13	0.00	0.74
211	2.11	III	95.25	1.99	1.96	0.00	0.12	0.00	0.67
212	2.32	III	93.04	2.83	3.24	0.09	0.12	0.00	0.68
213	1.15	III	92.57	2.38	4.01	0.06	0.19	0.00	0.79
214	1.45	III	92.76	2.82	3.14	0.25	0.11	0.00	0.92
215	1.82	III	93.83	1.85	3.47	0.00	0.12	0.00	0.73
216	1.76	III	90.92	4.35	1.92	0.00	0.34	0.14	2.33
218	2.17	III	94.30	1.08	3.82	0.00	0.14	0.00	0.66
219	1.81	III	93.23	2.01	3.84	0.00	0.15	0.00	0.77
220	1.68	III	93.27	1.07	4.03	0.39	0.18	0.20	0.86
222	1.85	III	95.32	0.94	2.51	0.00	0.15	0.23	0.85
223	1.78	III	93.95	1.64	3.54	0.00	0.14	0.00	0.73
224	1.80	III	93.30	1.64	4.10	0.00	0.19	0.00	0.77
226	1.61	III	92.85	1.27	5.01	0.06	0.15	0.00	0.67
227	0.95	III	92.37	1.52	4.82	0.00	0.16	0.25	0.87
228	2.42	III	94.00	1.56	3.66	0.00	0.11	0.00	0.66
229	1.43	III	94.02	1.73	3.45	0.00	0.14	0.00	0.65
230	1.75	III	93.32	0.97	4.59	0.04	0.15	0.00	0.93
231	1.92	III	93.10	2.59	3.45	0.00	0.12	0.00	0.74
232	1.31	III	92.78	1.38	4.71	0.05	0.16	0.00	0.92
233	1.52	III	95.35	1.95	1.89	0.00	0.11	0.00	0.70
234	1.26	III	92.85	1.50	4.87	0.06	0.14	0.00	0.59
235	2.20	III	93.50	1.61	3.74	0.17	0.15	0.00	0.84
236	1.93	III	93.36	1.37	4.05	0.05	0.18	0.00	1.00
237	2.07	III	93.01	1.59	4.48	0.05	0.14	0.00	0.72
238	2.18	III	95.94	1.51	1.85	0.00	0.10	0.00	0.60
239	1.37	III	91.65	1.85	5.17	0.00	0.20	0.15	0.98
240	1.98	III	93.78	1.79	3.44	0.00	0.16	0.00	0.84
241	0.99	III	92.64	2.27	1.90	0.15	0.15	0.72	2.18
242	1.95	III	91.18	1.96	5.92	0.05	0.12	0.00	0.76
243	1.38	III	97.03	1.07	1.29	0.00	0.10	0.00	0.52
244	0.95	III	94.41	1.53	3.31	0.00	0.11	0.00	0.64
245	1.48	III	91.47	3.99	3.61	0.00	0.14	0.00	0.80
246	2.16	III	71.09	23.92	3.41	0.00	0.12	0.00	1.47
247	1.88	III	63.12	33.09	2.74	0.22	0.09	0.00	0.74
248	1.81	III	92.28	3.34	3.46	0.17	0.10	0.00	0.66
249	1.83	III	91.36	4.18	3.54	0.13	0.12	0.00	0.67
250	2.59	III	91.50	5.43	2.11	0.15	0.11	0.00	0.69
251	1.63	III	83.88	10.11	5.08	0.09	0.12	0.00	0.73
252	2.25	III	82.30	12.55	4.23	0.10	0.12	0.00	0.71
253	1.82	III	79.22	12.22	6.98	0.18	0.16	0.00	1.23
254	1.82	III	68.43	25.23	5.44	0.16	0.11	0.00	0.64

Инв. номер КП 156231/	Вес, г	Группа	Медь Cu, %	Свинец Pb, %	Олово Sn, %	Железо Fe, %	Серебро Ag, %	Мышь-як As, %	Сурьма Sb, %
255	1.67	III	93.65	3.25	2.09	0.19	0.11	0.00	0.71
256	1.50	III	95.83	1.18	1.74	0.44	0.10	0.00	0.58
257	2.52	III	94.47	2.21	2.44	0.07	0.10	0.00	0.71
259	1.94	III	94.04	3.29	1.61	0.22	0.12	0.00	0.72
260	1.83	III	89.33	5.27	3.76	0.07	0.17	0.00	1.40
261	2.29	III	94.80	2.43	1.82	0.22	0.09	0.00	0.63
262	1.95	III	88.19	4.68	5.97	0.10	0.16	0.00	0.90
263	2.36	III	95.17	2.41	1.73	0.09	0.06	0.00	0.54
264	1.56	III	77.98	17.10	3.83	0.18	0.12	0.00	0.79
266	1.48	III	93.79	2.11	3.34	0.00	0.11	0.00	0.66
267	2.13	III	93.47	1.81	3.79	0.00	0.15	0.00	0.78
268	2.18	III	89.33	2.24	6.95	0.06	0.22	0.15	1.04
269	2.67	III	94.37	0.98	4.43	0.04	0.00	0.00	0.17
270	1.52	III	91.06	2.73	4.86	0.05	0.14	0.00	1.16
271	2.62	III	94.38	1.75	3.25	0.00	0.17	0.00	0.44
273	1.87	III	93.20	1.88	3.96	0.06	0.16	0.00	0.75
274	2.30	III	94.41	1.73	3.09	0.00	0.13	0.00	0.65
275	1.68	III	88.00	3.65	6.98	0.10	0.20	0.00	1.08
276	1.55	III	85.72	5.88	7.23	0.07	0.17	0.00	0.93
277	2.02	III	94.54	2.03	2.41	0.11	0.10	0.00	0.82
278	1.28	III	91.78	2.60	4.84	0.00	0.12	0.00	0.66
279	2.00	III	95.50	1.75	1.85	0.00	0.15	0.00	0.75
280	2.20	III	94.54	2.06	2.61	0.00	0.12	0.00	0.67
281	2.13	III	94.03	2.54	2.65	0.00	0.11	0.00	0.66
282	2.03	III	91.27	1.53	5.23	0.00	0.21	0.00	1.75
284	1.48	III	93.99	1.59	3.43	0.00	0.17	0.00	0.82
285	1.70	III	95.73	1.29	2.01	0.00	0.22	0.00	0.74
286	1.69	III	94.14	1.26	3.67	0.00	0.21	0.00	0.72
287	1.17	III	93.27	1.43	4.24	0.06	0.15	0.00	0.86
288	0.77	III	96.24	1.44	1.39	0.00	0.17	0.00	0.77
289	1.89	III	92.45	2.09	4.56	0.05	0.13	0.00	0.71
290	3.18	III	92.25	3.66	0.34	0.00	0.20	1.22	2.32
291	1.18	III	91.28	2.66	4.90	0.05	0.18	0.00	0.93
292	1.77	III	91.52	2.40	5.19	0.10	0.11	0.00	0.68
293	1.32	III	93.29	2.27	3.56	0.00	0.15	0.00	0.73
294	2.12	III	92.50	2.53	4.13	0.00	0.14	0.00	0.70
296	1.49	III	91.64	2.95	4.28	0.00	0.19	0.00	0.94
297	1.82	III	93.53	1.81	3.54	0.00	0.20	0.00	0.91
298	1.92	III	93.43	2.19	3.47	0.00	0.16	0.00	0.75
299	1.13	III	92.46	1.18	5.26	0.06	0.23	0.00	0.81
300	1.81	III	95.11	0.16	4.55	0.07	0.11	0.00	0.00
301	2.33	III	92.94	1.48	3.02	0.07	0.29	0.36	1.85
302	1.11	III	93.03	1.22	4.72	0.00	0.19	0.00	0.85
303	1.00	III	91.34	2.18	5.33	0.04	0.17	0.00	0.95
304	1.68	III	91.97	2.23	4.72	0.05	0.17	0.00	0.85

Инв. номер КП 156231/	Вес, г	Группа	Медь Cu, %	Свинец Pb, %	Олово Sn, %	Железо Fe, %	Серебро Ag, %	Мышь-як As, %	Сурьма Sb, %
305	1.54	III	92.65	2.23	4.09	0.05	0.18	0.00	0.79
307	1.41	III	91.86	2.19	4.74	0.06	0.18	0.00	0.98
308	1.69	III	95.37	0.85	2.94	0.00	0.17	0.00	0.67
309	2.38	III	92.49	3.44	1.22	0.21	0.26	0.18	2.20
310	1.89	III	92.87	2.17	4.00	0.00	0.15	0.00	0.81
311	1.78	III	86.05	6.30	6.26	0.00	0.17	0.00	1.22
312	1.94	III	92.46	2.67	3.80	0.07	0.16	0.00	0.84
313	2.15	III	94.07	1.40	3.63	0.00	0.13	0.00	0.77
314	1.71	III	89.35	3.14	6.06	0.04	0.21	0.00	1.20
315	1.53	III	93.71	2.12	3.34	0.05	0.12	0.00	0.66
316	2.60	III	92.19	1.86	4.10	0.00	0.18	0.00	1.67
317	1.22	III	92.16	1.58	5.05	0.00	0.19	0.00	1.03
318	2.51	III	91.99	1.87	2.70	0.00	0.30	0.20	2.94
320	0.66	III	92.52	2.82	3.70	0.00	0.15	0.00	0.81
321	2.42	III	93.23	2.05	1.48	0.00	0.23	0.26	2.75
322	2.00	III	95.79	1.96	1.43	0.00	0.18	0.00	0.64
323	1.76	III	93.30	1.93	3.79	0.00	0.15	0.00	0.83
324	1.58	III	93.37	1.21	4.37	0.00	0.21	0.00	0.85
325	1.60	III	89.80	2.18	6.87	0.07	0.17	0.00	0.90
326	1.20	III	92.86	1.88	4.09	0.00	0.20	0.00	0.97
328	2.07	III	89.21	1.75	7.73	0.05	0.14	0.18	0.94
329	1.71	III	94.95	1.99	2.38	0.00	0.10	0.00	0.58
330	2.58	III	90.91	1.52	6.90	0.00	0.09	0.00	0.58
331	1.48	III	93.85	1.83	3.24	0.00	0.18	0.00	0.90
332	1.48	III	93.79	1.58	3.69	0.00	0.12	0.00	0.82
333	1.53	III	92.45	2.95	3.52	0.00	0.16	0.00	0.92
334	1.99	III	95.70	2.02	1.44	0.00	0.14	0.00	0.70
335	2.21	III	91.77	3.05	1.44	0.00	0.23	1.30	2.20
336	1.73	III	95.09	1.94	2.08	0.00	0.14	0.00	0.74
337	1.68	III	93.82	3.20	2.18	0.00	0.11	0.00	0.69
338	1.68	III	94.54	1.56	3.08	0.00	0.12	0.00	0.70
339	1.52	III	90.43	2.02	6.49	0.03	0.19	0.00	0.83
340	1.24	III	89.18	2.00	7.52	0.08	0.22	0.00	1.00
341	2.60	III	93.03	2.50	3.60	0.00	0.17	0.00	0.70
342	2.51	III	94.00	2.82	1.31	0.17	0.11	0.00	1.58
343	2.02	III	92.02	3.66	1.82	0.00	0.16	0.21	2.14
344	2.24	III	93.57	1.83	3.75	0.05	0.13	0.00	0.68
345	1.19	III	91.60	2.18	4.17	0.00	0.17	0.22	1.66
346	1.89	III	91.98	1.46	5.28	0.07	0.19	0.00	1.02
348	1.99	III	93.21	2.51	2.77	0.16	0.13	0.00	1.23
349	1.68	III	93.52	1.70	3.83	0.00	0.17	0.00	0.77
350	1.96	III	92.88	2.05	4.29	0.05	0.11	0.00	0.62
351	1.61	III	93.58	1.44	3.93	0.07	0.19	0.00	0.79

Список литературы

- Абрамзон, Фролова, Куликов, Смекалова, Иванина, 2006. Абрамзон М. Г., Фролова Н. А., Куликов А. В., Иванина О. А., Смекалова Т. Н. Клады античных монет. Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника (Нумизматическая коллекция. Т. I). Киев.
- Анохин 1986. Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев.
- Голенко 1974. Голенко К. В. Монеты из раскопок Нимфея 1939–1970 гг. // НЭ. XI.
- Зограф 1951. Зограф А. Н. Античные монеты (МИА. 16). М.–Л.
- Смекалова, Дюков 1998. Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Л. Результаты исследования состава боспорских монет VI–II веков до н. э. из собрания Государственного Эрмитажа // ДБ. 1.
- Смекалова, Дюков 2001. Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Л. Монетные сплавы государств Причерноморья: Боспор, Ольвия, Тира. СПб.
- Шелов 1956. Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до нашей эры. М.

Summary

**T. N. Smekalova, A. M. Butyagin, A. E. Pasumansky, E. D. Trubnikova
X-fluorescent analysis of the composition of the alloy of Bosporan coins
of the epoch of III B.C. monetary crisis (Mirmekian hoard from 2002)**

On the material of the hoard of the Bosporan coins of the middle of the III B.C., found in Mirmekii in 2002 new data were obtained on the financial and economic crisis, which affected the III B.C. all the ancient Greek states in the Northern Black Sea coast. It was possible to determine that about 275 B.C. in Bosporos, the minting of coins of low-grade bronze, containing an abnormally higher amount of lead, deteriorating the quality of the coin circle, began. The final stage of the monetary crisis (275–250 B.C.) was expressed in the marginal decrease in the weight of coins (up to 1 gram), the extreme deterioration in the quality of their minting, and also the erratic use of remelted bronze coins of previous issues with both “normal” bronze and bronze with excess amount of lead. The most dramatic period of the monetary crisis that we identified for the time around 275 B.C. is likely to be associated with wars with the Scythians, as well as internecine wars of the sons of Bosporan tsar of Perisades. These events could lead to the rapid devastation of precious metals in the Bosporus and a financial crisis, from which it was possible to emerge only under Levkon II in the second half of the 3rd century B.C.

А. А. Супренков, М. А. Топоривская
(Институт археологии РАН, г. Москва)

Углублённые постройки северо-восточной части городища Сююрташ в Крымском Приазовье (по результатам работ 2010-2018 гг.)

Городище Золотое Восточное (Сююрташ) – одно из крупнейших и известнейших в Крымском Приазовье, относящееся к периоду «тёмных веков» боспорской истории: III–II вв. до н. э. Его изучение связана с именами И. Т. Кругликовой [Кругликова, 1957, с. 137; 1975, с. 99] и А. А. Масленникова [Масленников, 1998, с. 90–100; 2017а, с. 210–221]. Начиная с 2010 г. работы на северо-восточной части городища были возобновлены отдельным отрядом ВКАЭ под руководством автора. За этот период раскопанная площадь превысила 2000 кв. м (рис. 1), а промежуточные результаты работ неоднократно публиковались. Так в основном были описаны остатки открытых строений [Супренков, 2013, с. 243–248; Супренков, 2014, с. 376–397] и основные категории наиболее информативных находок [Супренков, 2014, с. 386–392; Масленников, 2015, с. 132–133; Масленников, 2017, с. 312–313; Масленников, 2017а, с. 210–221; Лукьянова, Супренков, 2017, с. 48–52; Супренков, Прокопенко, Топоривская, 2017, с. 256–260]. Данная статья будет посвящена не самому презентабельному, но, по-своему, важному и многочисленному на этом участке поселения типу археологических объектов – углублённым в слой, а чаще – материк «постройкам»: ямам (напомним, на западном – исследованном прежде, их было выявлено совсем немного, что, по-своему, примечательно). Их раскопки, помимо всего прочего, представляли интерес в плане анализа хотя и не частых, и не всегда примечательных по находкам, но, всё же, в какой-то степени закрытых комплексов.

Всего за указанный срок на рассматриваемой площади было изучено более 70-и ям (рис. 2). Большая их часть являлась обычными объектами хозяйственно-мусорного назначения, во множестве встречающимися на античных и варварских поселениях. Тем не менее, попытаемся классифицировать их, основываясь на предполагаемом функциональном назначении, и, отчасти, на их стратиграфии в рамках выявленных строительных периодов, в полной мере осознавая известную условность таких критериев и определений. Кроме того, хронологически комплексы одного и того же периода могут различаться, а горловины (устья) большинства ям кроме, естественно, самых поздних, были вообще выявлены на материке. И отнесение их конкретно к какому-то из первых двух строительного-хронологических периодов зачастую возможно только на основании

Рис. 1. Общий вид на раскоп 2010–2018 гг., вид с юго-запада

расположения (соотнесения) возле тех или иных построек. С третьим строительно-хронологическим периодом на городище мы связываем достаточно мощные зольно-мусорные напластования, с определённого времени перекрывшие все прочие строения и объекты на рассматриваемом участке и соответствовавшие времени его запустения. Из этого «горизонта» происходит подавляющее большинство, в том числе относительно хорошо датированных находок. Данные слои располагались преимущественно на западе исследованной площади и не представляли собой одного зольного массива. Существовало как бы два очага их распространения – первый перекрыл постройки, выявленные в 2010–2013 гг., второй – строения 2015–2016 гг. Создаётся впечатление, что городище на рассматриваемом участке как бы последовательно застраивалось снизу – вверх, в южном направлении по небольшому естественному склону. То есть, новые южные «кварталы» строились в то время как северные – засыпались золой. Однако, учитывая очевидную единовременность возведения оборонительных стен по периметру городища, эта «картина» вызывает сильные сомнения. Тем не менее, зольные слои (зольник 1), перекрывшие «большую стену» на севере раскопанной площади и соседние помещения 1–2 хронологически может соответствовать времени бытования располагавшихся южнее помещений 4 и 5. Зольник же (2), перекрывший эти последние, мог формироваться во время бытования группы помещений 6–10. Более узкая (приближающаяся

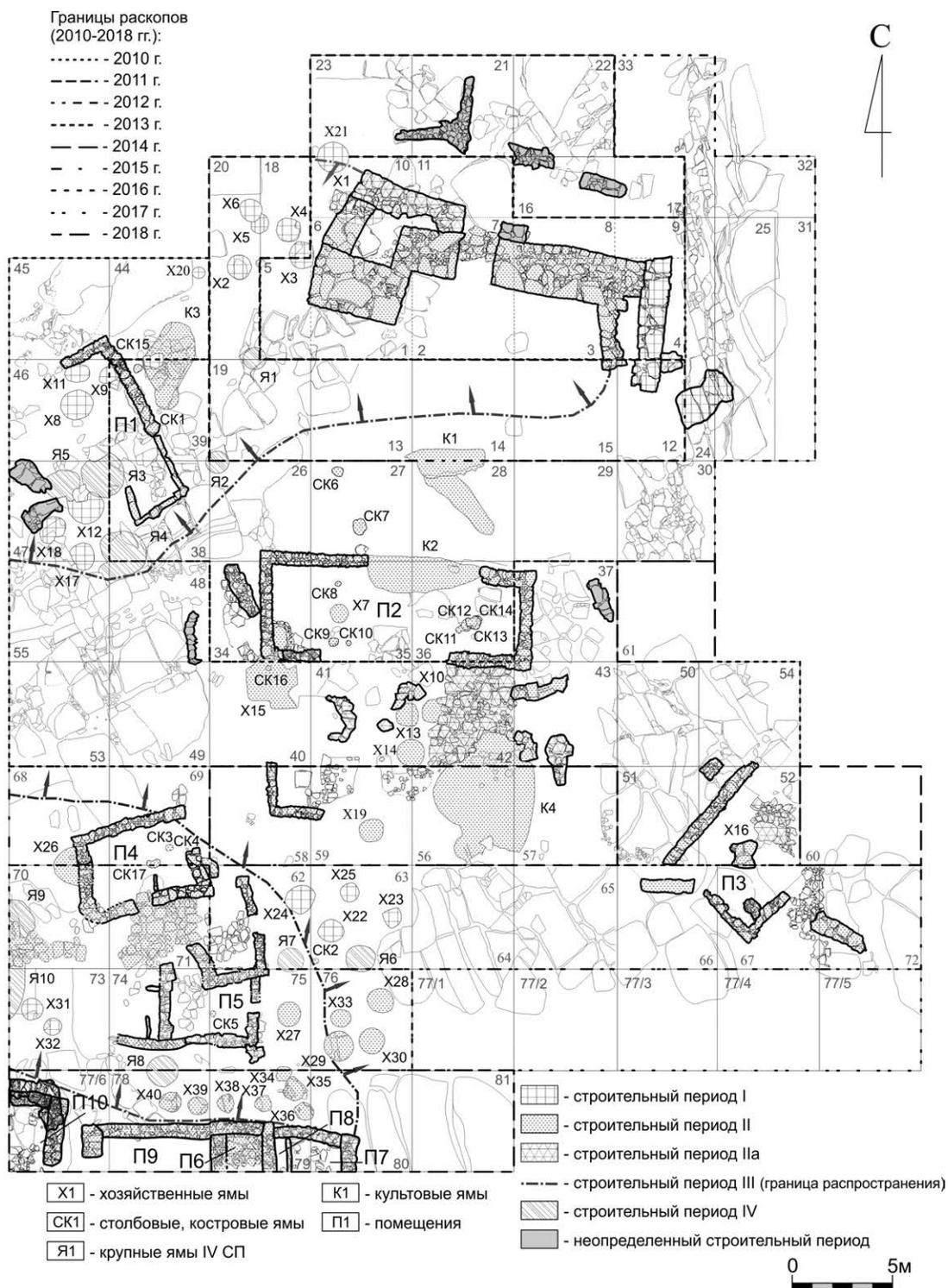

Рис. 2. План построек раскопа «Восточный»

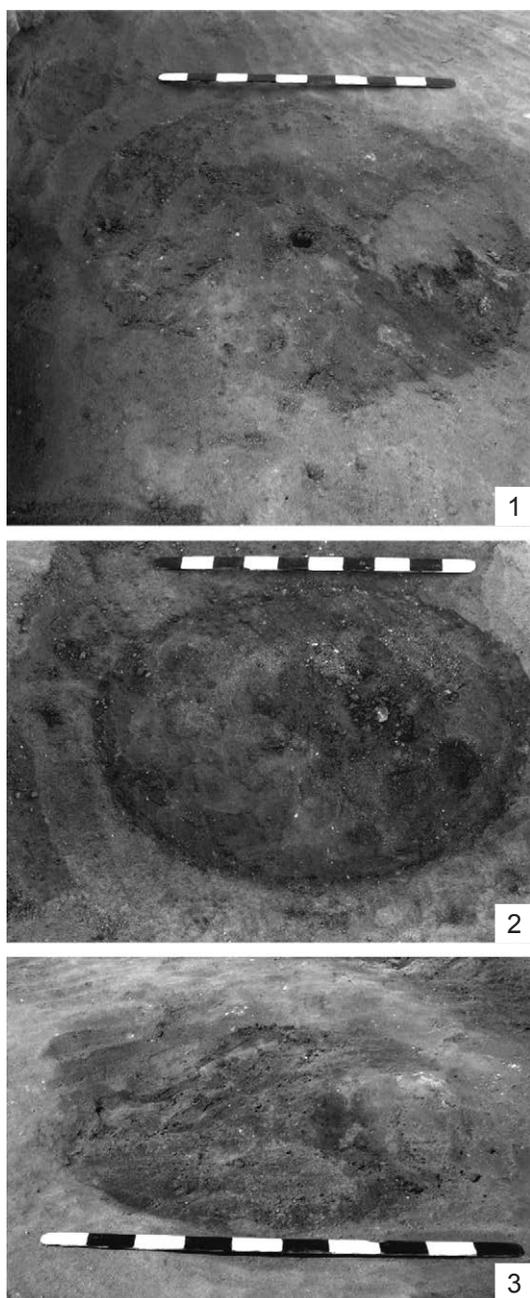

Рис. 3. Горловины ям первого типа. 1 – яма X2, вид с востока; 2 – яма X3, вид с юга; 3 – яма X4, вид с востока.

наковыми) формами горловины и дна. Средний диаметр горловин/устья ям с совпадающей формой дна (X2, X3, X4, X14, X16, X19-X21, X34, X38) составлял от 0,8 м до 1,3 м. Наименьший – отмечен у ямы X20–0,4 м, самый большой – у ямы X21 (2 м). Диаметр дна этой группы ям, как правило, превышал диаметр их горловин не более чем на 0,2 м

к абсолютной) хронология этих напластований – тема отдельного исследования.

Но вернёмся к ямам. К четвёртому строительному периоду относятся те из них, которые прорезали слои зольников, т.е. были сооружены уже в то время когда основная жизнедеятельность происходила на других участках.

Итак, попытаемся представить типологию, вернее, группировку ям исследованного участка памятника по их хозяйственному или иному назначению, с общим описанием их параметров, а также, по возможности, соотнесения их, как уже отмечалось, с тем или иным строительным периодом. К первой группе относятся хозяйственные ямы (X); ко второй – небольшие столбовые или/и костровые ямы (СК), затем – глубокие (зерновые?) ямы IV строительного периода (Я); а также большие ямы неясного назначения, возможно, «культовые» (К).

Хозяйственно-мусорные ямы – самые многочисленные – около 40 объектов. Они сопутствуют как первому, так и второму строительным периодам. Горловины почти всех их были выявлены на уровне материка (рис. 3). Исключение – яма X3; её верхнюю «границу» удалось зафиксировать несколько выше. Эти ямы можно поделить на три подгруппы. В *первую* вошли ямы усечёно-конической в плане формы (трапециевидные с расширением книзу в разрезе) (X2, X3, X4, X7, X9, X11, X13, X14, X16, X18-X21, X34, X37, X38, X39). В свою очередь, они делились на ямы с круглой или овальной в плане горловиной/устьем и соответствующим дном, а также на ямы со смешанными (неоди-

Рис. 4. Яма Х21 после выборки, вид с востока

(т. е., 1,1–1,58 м). Исключение составили некоторые ямы, где это превышение варьировалось в ту или иную сторону: у ям Х20 и Х38 диаметр дна превысил горловину всего на 0,1 м; в ямах Х21 и Х34 зафиксировано наибольшее расширение стенок в придонной части – размеры дна достигали 1,4–1,5 м. Овальные горловины ям Х9, Х11, Х13, Х18 имели размеры: 1,2–1,3 м на 1–1,2 м. Параметры их доньев также не превышали размеры горловин более чем на 0,2 м, составляя 1,2–1,5 м на 1,1–1,4 м. Что касается ям с неодинаковыми формами горловины и дна (Х7, Х37, Х39), то в первых двух из них горловины круглые (0,8–0,9 м), а донья овальные (1,1–1,4 на 1 м). У ямы же Х39 отмечена овальная в плане горловина (1×0,9 м) и круглое дно диаметром 1,4 м. Глубина ям всей этой подгруппы в основном не превышала 1,5 м (рис. 4).

Вторая подгруппа ям цилиндрической в плане и прямоугольной в разрезе формы (Х8, Х10, Х12, Х17, Х22 – Х33, Х35, Х36, Х40) имела аналогичные, почти одинаковые размеры горловин и дна, которые, как правило, были круглыми. Средний их диаметр равнялся 0,9–1,4 м, за исключением ямы Х26, где он составлял 2 м. В случае, когда ямы были овальными в плане (Х8, Х10, Х12, Х17, Х22, Х36, Х38), их размер в горловине и придонной части не превышал 1,2–1,8 м в длину и 1,1–1,6 м в ширину.

Размеры третьей подгруппы овальных в плане и чашевидных в разрезе ям (Х1, Х5, Х6) в среднем составляли 0,9–1,1 м в длину и 0,82–1 м в ширину (Х5, Х6). Наиболее крупной в этой подгруппе оказалась яма Х1 (2,6×2,1 м). Глубина ям второй и третьей подгруппы примерно соответствовала первой.

Рис. 5. Группа столбовых и костровых ям, вид с юга

Исключением из всех трех подгрупп стала большая яма X15, которая в плане и разрезе имела аморфную форму. Длина ее стороны по уровню устья равнялась 2,8 м, ширина – 2,4 м, а глубина не превысила 0,4 м. Это был своего рода котлован под землянку (?).

Характер заполнения и состав находок из всех этих и прочих ям будет описан ниже, в контексте попытки их распределения по определенным строительным периодам.

Группа *столбовых и костровых ям*¹ включала меньше объектов – 17, соответственно 5 и 12. Они также были обнаружены на уровне материка (рис. 5). *Столбовые ямы* (СК1, СК2, СК3, СК4, СК5) разделялись по формам их горловин на две подгруппы. *Первые* – с круглыми горловинами диаметром 0,25–0,3 м и глубиной не более 0,15 м (СК2, СК3) имели чашевидную в разрезе форму. *Вторые* – с устьями аморфной формы (СК1, СК4, СК5) в разрезе, как правило, также близки к чашевидным. Размеры их примерно 0,1–0,25 м при глубине 0,05–0,15 м.

К *костровым* ямам отнесено 12 объектов с СК6 по СК17. Их горловины круглые (СК6, СК7, СК9, СК11, СК12, СК14 – СК16) или овальные (СК8, СК10, СК13, СК17). Диаметр первых – 0,2–0,4 м; максимальные размеры вторых – 0,7 на 0,4 м в. Глубины ям этих подгрупп 0,25–0,3 м.

Крупные ямы IV строительного периода, как было сказано, прорезали слои зольников (рис. 6) и за исключением трёх из них (Я3 – Я5) имели конусовидную форму (Я1, Я2,

¹ Речь идёт о небольших ямках, иногда заполненных горелым грунтом с углём и золой. Сказать точно: служили ли эти ямы углублениями примитивных очагов или были заполнены сгоревшими остатками деревянных опор часто затруднительно.

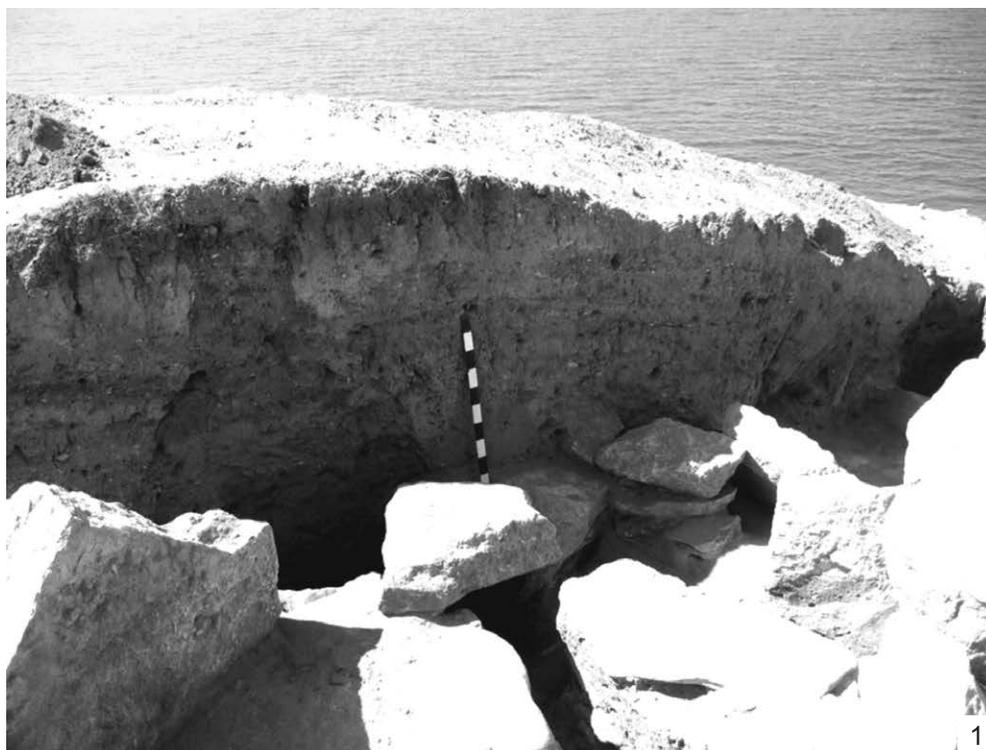

Рис. 6. Яма ЯЗ IV сп. 1 – разрез в западном борту раскопа; 2 – дно восточной части

Я6-Я10) с диаметром горловин от 0,6 до 1,1 м. Глубина их около 1 м.² Их особенностью было сильное расширение стенок к придонной части, в результате чего диаметр дна превышал диаметр горловины и в среднем равнялся 1,2–2 м.

Ямы особого типа в этой группе имели грушевидную (Я3), цилиндрическую (Я5) и неправильную (Я4) формы. У грушевидной ямы диаметр горловины составлял 1,1 м, а глубина 1,6 м. Вторая яма была скорее яйцевидной в плане формы с размером дна 1,6×1,4 м и неизвестной изначальной глубиной – верхнюю часть её выявить в ходе работ не удалось. Неправильной формы яма Я 4 также имела овальную горловину (2,5×2,3 м), значительную глубину (до 2,25 м) и дно примерно идентичное горловине.

«Культовые» ямы. Культовый характер построек, расположенных в северной части раскопа, вокруг «большой стены № 1» пока остаётся гипотетичным [Супренков, 2014, с. 282], хотя, очевидно, что все они (помещения 1 и 2) не могли являться ни жилыми, ни оборонительными. Поскольку прямых аналогий среди сельских эллинистических святилищ в Северном Причерноморье нам найти не удалось, будем называть их просто «общественными».

Итак, к группе ям культового (общественного) назначения относятся объекты К1, К2, К3, К4. Первые две – имели между собой схожие характеристики: овальные в плане, одинакового размера (4,7×1,6 м), обе они были достаточно сильно вытянуты по оси запад-восток. Их покатые стенки чашевидно сужались к придонной части; глубина которой 0,35–0,45 м. От ямы К1 с юго-западной стороны отходила неглубокая канавка длиной около 4 м. Устье ямы К4 (также котлован?) было округлым диаметром около 6 м. Глубина ямы – 0,5 м. Её стенки оказались неровными, но близкими к вертикальным. Примечательна яма К3 (рис. 6), вырытая как бы вокруг «очага» – участка материковой поверхности размером около 1×1 м со следами продолжительного горения. С запада этот участок ограничивался обожжённым плоским камнем, поставленным на ребро и прислонённым к внешнему фасу помещения 1, а с юга, востока и севера – группой «связанных» друг с другом ям, получивших общее наименование К3. «Центральная» из них находилась к востоку от «очага». Размеры её овального устья: 1,2 м с запада на восток на 1,1 м с севера на юг. Форма – скорее конусовидная. Стенки и дно относительно ровные. Глубина около 1,6 м. Диаметр круглого дна 1,2 м.

«Северо-западная» яма, располагалась к северу от «очага». Её горловина близка к круглой (1,1×1,08 м), со слегка усечённым северным сектором. Форма – скорее цилиндрическая, хотя в северной части яма немного расширялась книзу. Стенки относительно ровные. Глубина – около 0,8 м. Круглое, ровное дно представляло собой плоский участок материковой скалы и белой предскальной крошки.

Серое пятно «северной» ямы было выявлено к северу от вышеописанных ям. Горловина её круглая (1,8×1,8 м). Форма почти цилиндрическая. Дно ямы на глубине 1,2 м – ровное, круглое и также являлось участком материковой скалы и плотной скальной крошки.

Таким образом, этот «очаг» был как бы окружён четырьмя ямами. При этом горловины их, по-видимому, не нарушали одна другую. Заполнение ям также было идентичным, что

² Следует учитывать некоторую условность этих подсчётов. Ямы этого типа, как правило, выкапывались в золистом грунте и сами также были заполнены грунтом с золой. Поэтому не всегда удавалось выявить их горловину в самом верхнем горизонте.

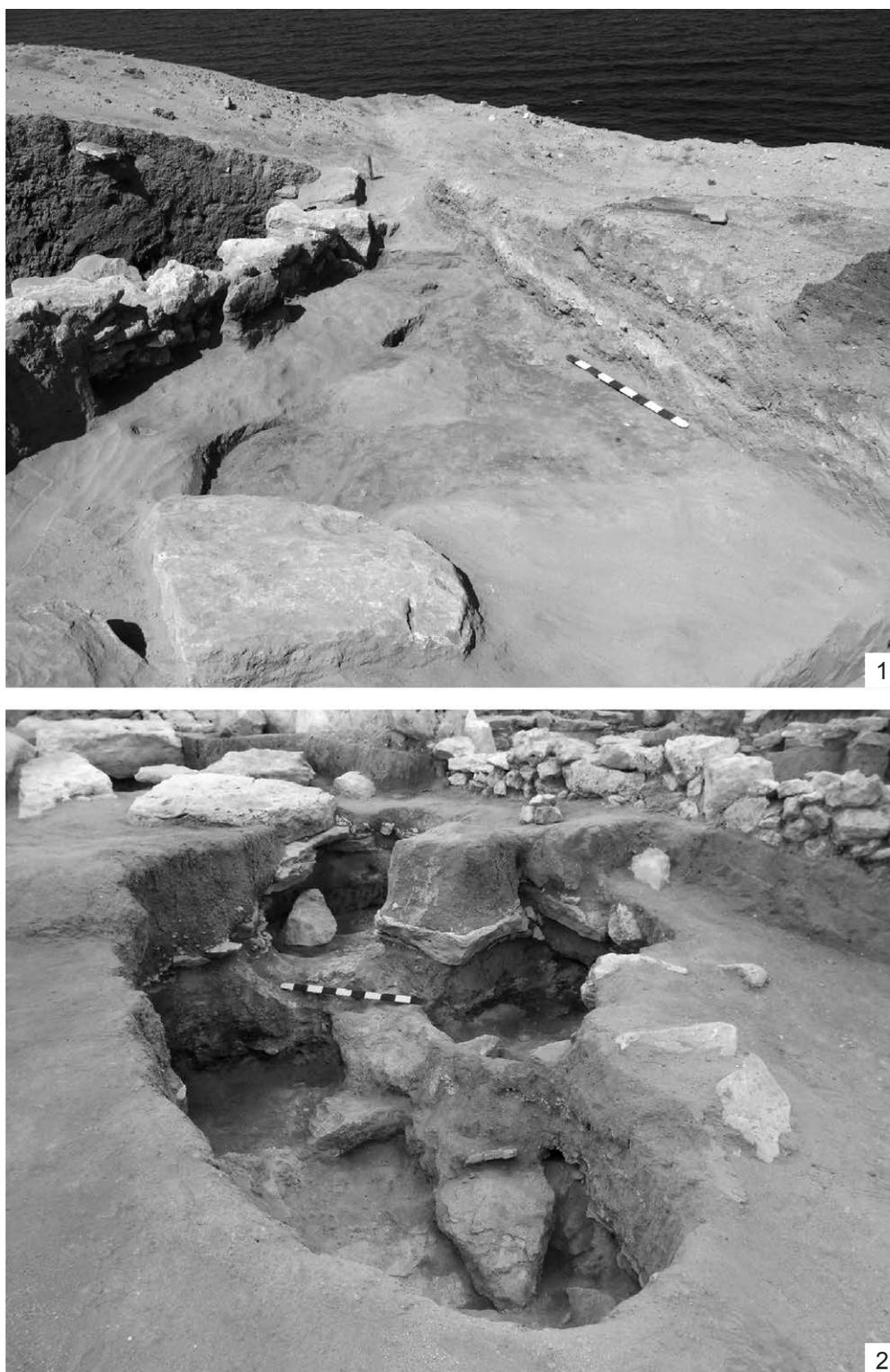

Рис. 7. Яма КЗ. 1 – горловина, вид с юга; 2 – после выборки, вид с севера

позволяет считать выкопанными практически единовременно. Они были заполнены тёмно-серой супесью, золой, ракушками мидий, кусками печины, слабо-заизвесткованной керамикой разной степени измельчённости и костями животных. Попадались и небольшие красные, окатанные камни: «галька» неместного происхождения. Напомним, что к северу от «очага» располагались две небольшие ямки, вероятно, костровая и столбовая.

Итак, мы представили краткое описание выявленных углублённых объектов. Попытаемся теперь соотнести их с указанными выше строительными периодами.

Строительный период I. Ещё в начале работ было установлено, что основные постройки, выявленные на раскопе, не относились к первейшему строительному периоду. Часть большой стены № 1 лежала на прослойке культурных напластований и частично над одной из ям. Основные строения рядом ситуационно были связаны с этой стеной, поэтому были также отнесены ко *второму* СП. К первому же – только что упомянутая яма, соседние, схожие с ней ямы, а также некоторые другие, похожие по конструкции и расположению. Первая группа ям (X1 – X6, X20, X21) располагалась в северо-западной части исследованного участка поселения. Вторая – (X8 – X12, X17, X18) находилась к юго-западу от первой. Третья, наиболее удалённая группа (X22 – 25 и X31–32) была раскопана в юго-западной части исследованной площади.

Заполнение ям этого периода почти всегда представляло собой однородную, серо-коричневую (X1 – X6, X8), серую (X12, X17 – X23, X31, X32) или коричневую (X9, X11, X25) супесь. Практически повсеместно в нём встречались куски печины и слабо заизвесткованной керамики. В половине – присутствовали кости животных, а в некоторых – фрагменты створок раковин мидий (X1, X2, X4, X6, X17, X18, X21). В яме X21, помимо прочего, зафиксирована зола, кости птиц и мелкие камни, в яме X4 – куски обгорелого сырца, а в ямах X23 и X32 обнаружены кусочки угля.

Охарактеризуем эти находки. Всего в *хозяйственных ямах* первого строительного периода их учтено 1228 единиц. *Обломки амфорной тары* составляют около 42%, из которых 29 единиц (5,6%) – профильные. Среди последних фрагменты *синопских* амфор – 72% (21 единица): 5 венчиков, 13 ручек, две из которых с клеймами (ямы X1 и X24), первое из датируется 265–255³ гг. до н. э. (рис. 8, 1), второе 270–260 гг. до н. э. (рис. 8, 2), а также 3 ножи. *Родосские* амфоры представлены двумя профильными фрагментами (около 7%): венчиком (яма X25) и ручкой. Профильные фрагменты амфор Колхиды (около 14%) представлены частью горла (яма X32) двумя ручками и ножкой. Две амфорных ручки (около 7%) принадлежали другим (?) центрам производства.

Столовая круговая (гончарная) посуда представлена 54⁴ обломками (около 4% всех находок), 29 из которых – профильные части. Преобладает *красноглиняная* керамика – 44 фрагмента, в том числе 19 профилированных: верхняя часть кувшина (яма X18, рис. 8, 7), край ойнохой (яма X25), два края рыбных блюд, край чашки, два венчика кувшинов, четыре ручки кувшинов, три плоские донца кувшинов, пять – на кольцевом поддоне. Было найдено 8 фрагментов *чернолаковой* посуды (около 0,5%), среди них семь

³ Определение клейм Н. Ф. Федосеева.

⁴ Реально этих фрагментов могло быть больше, следует учитывать, что не всегда стенки красноглиняных столовых сосудов можно отличить от измельчённых амфорных.

Рис. 8. Находки из группы хозяйственных ям

профильных: край чашки (яма Х4), край миски (яма Х25), донце и край канфара (яма Х25), венчик сосуда с ручкой (яма Х8), ручка малого сосуда (яма Х21) и донце на кольцевом поддоне (яма Х18). *Буролаковая* керамика представлена краем миски из ямы Х22. Также и «мегарские» чаши – один край (яма Х8, рис. 8, 5). Обломков *лепной посуды* было существенно больше: 148 (12% от всех находок из ям этого типа), 21 из которых были профильными. Они представлены почти целым горшком (яма Х18, рис. 8, 9), краем кастрюли (яма Х25), 15 венчиками мисок и горшков, ручкой и тремя донцами горшков.

К отдельным категориям находок относились *изделия из керамики* – грузило из ручки синопской амфоры (яма Х17, рис. 8, 10); *из камня* – грузило с отверстием из ямы Х18 (рис. 8, 11) и ядро для пращи (яма Х6, рис. 8, 12). Кроме того, отсюда происходят 246 кусков *печины* (20% от всего материала этого периода), 158 обломков *костей животных* (около 13% всех находок) и 104 *кости рыб* из ям Х18, Х21, Х32 (около 8,5% от общего числа материала).

Строительный период II является наиболее насыщенным по количеству построек в целом и по числу ям в том числе. Остатки каменных строения этого периода представляли собой основания стен помещений и отдельно стоящие стены. Ямы, расположенные вблизи них, как правило, относились к этому же периоду. Среди них вышеописанная яма К3, пристроенная к помещению 1 и заполненная тёмно-серой супесью с кусками печины, створками раковин мидий, керамическими обломками и костями животных. Здесь же, как уже писалось, были найдены красные окатанные галечные камни.

Другая группа ям находилась рядом с помещением 2 (к северу и к югу от него), а также непосредственно в его границах. Это ямы Х7 – на западе внутри строения и Х15 – с внешнего юго-западного угла помещения. Ямы Х10, Х13, Х14 и Х19 были выявлены южнее него. Их заполнение представляло собой серую супесь с кусками печины в каждой, за исключением ямы Х15. Фрагменты керамики, уголь, а также зола присутствовали везде. То же касается и костей животных, опять же, за исключением ямы Х15; зато здесь были найдены фрагменты створок раковин мидий. Внутри помещения 2 располагались костровые ямы: СК8 – СК10 (в западной части) и СК11 – СК14 (в восточной). Ямы СК6 и СК7 находились за пределами помещения, к северу от него. Все они были заполнены тёмно-серой супесью с обильной примесью золы и большим количеством угля. В этой же части памятника, к северу и к югу от помещения 2, были расчищены две ямы, вероятно, культового значения: К1 и К4, заполненные серой супесью с печиной, керамическими обломками, золой и фракциями угля. В яме К1 присутствовали фрагменты створок раковин мидий; в яме же К4 – кости животных и множество мелких камней.

Большинство ям СП II было выявлено в юго-западной части исследованной площади, в районе помещений 4 и 5, а также южнее их, где в настоящий момент исследуется группа помещений 6–10. Ямы эти в основном хозяйственного назначения, но четыре – столбовые и одна костровая. Снаружи к западной стене помещения 4 примыкала большая хозяйственная яма Х26. Прочие – располагались за северной стеной помещений 6–9, а также далее к северо-востоку от них (Х27 – Х30, Х33 – Х40). Большая их часть была заполнена серой супесью с включением мелких фракции печины (яма Х27), угля с золой (ямы Х27, Х34), костей животных (Х28, Х29, Х30, Х33) и керамических обломки средней измельчённости (Х28 – Х30, Х33). Ямы Х35, Х37, Х39, Х40 были заполнены светло-коричневой супесью.

Что касается столбовых ям, то две из них (СК3 и СК4) были выявлены внутри помещения 4. В его центре раскопана и костровая яма СК17. Ещё одна столбовая яма (СК2) располагалась севернее группы хозяйственных ям, к северо-востоку от помещений 6–9. Все эти столбовые и костровые ямы были заполнены тёмно-серой супесью, а дно ямы СК17 сильно обожжено.

Строительный период IIIa. Остатки построек этого периода единичны, как правило, это стены или части помещений, пристроенные к постройкам II периода и, скорее всего, почти одновременны им. Единственная яма, которую мы можем отнести к этому периоду – Х16.

Находки из ям двух вышеуказанных периодов будут описаны вместе. В группе *хозяйственных ям* их зафиксировано 741 единиц. В количественном и процентном соотношении они распределяются следующим образом: *амфорная тара* составляет 50% (371 един.), среди которых 15 профильных фрагментов. Наибольшее их число принадлежало *синопским* амфорам (12 фрагментов). Среди них два венчика, 9 ручек, одна из которых с клеймом 270–260 гг. до н.э. (яма Х16, рис. 8, 4) и ножка. Профилированные фрагменты *родосских* амфор представлены двумя ручками, одна из них с клеймом 145–86 гг. до н.э. (яма Х28, рис. 8, 3). Амфоры Колхиды – венчик из ямы Х30. *Столовая круговая посуда*: 37 фрагментов (5%). К 19 профильным *красноглиняным* обломкам относится полный профиль гончарной миски (яма Х15, рис. 8, 8), три венчика и часть горла кувшинов, венчик сосуда, ручка чашки и 6 донцев на кольцевом поддоне. Кроме этого был найден венчик кувшина *синопской* глины. Фрагментов *чернолаковой посуды* всего 3 (0,5%): край тарелки (яма Х29), край чашки (яма Х35) и донце миски на кольцевом поддоне (яма Х30). В яме Х34 был обнаружен фрагмент донца «*мегарской*» чашки (рис. 8, 6.). *Сероглиняная* керамика представлена венчиком лутерия из ямы Х13. *Лепная керамика* составляла 93 обломка (12,5%). Это 7 венчиков и донце горшков, 2 донца прочих сосудов. *Изделия из глины* – это фрагмент терракотовой статуэтки из ямы Х19. *Из камня* – ядро для пращи (?) (яма Х7), галечный камень зеленоватого оттенка (яма Х19), а также кремневый отщеп из ямы Х37. В хозяйственных ямах строительного периода II также было встречено 134 куска *печины* (18%). *Кости животных* присутствовали в количестве 101 единиц (13,5%), среди них один рыбный позвонок.

Заполнения *столбовых ям* II СП содержало гораздо меньшее число находок. Обломков *амфорной тары* всего три, в том числе синопская ручка. В яме СК2 была найдена мелкая *кость животного*. В заполнении *костровых ям* археологического материала было несколько больше. Это 19 *амфорных* стенок и край *красноглиняной* миски. К *лепной посуде* отнесена глиняная «ступка» из рыхлой глины (яма СК17) и две стенки горшков. *Кость животного* всего одна.

Находки из «*культовых*» ям суммарно составляют 349 единиц. В яме К1 археологический материал отсутствовал. Из ямы К2 происходило 90 находок, среди которых около половины составлял *амфорный бой* (44 фрагментов). Среди профильных обломков половина – *синопской* глины (два венчика и ручка), а также ножка и венчик *родосской* и найдена ножка амфоры неизвестного центра. Обломков *столовой посуды* 8. Среди профильных – край миски, ручка кувшина с граффито (рис. 9, 1), два плоских донца. Количество фрагментов *лепной керамики* в яме К2 составило 11 единиц, в том числе венчик

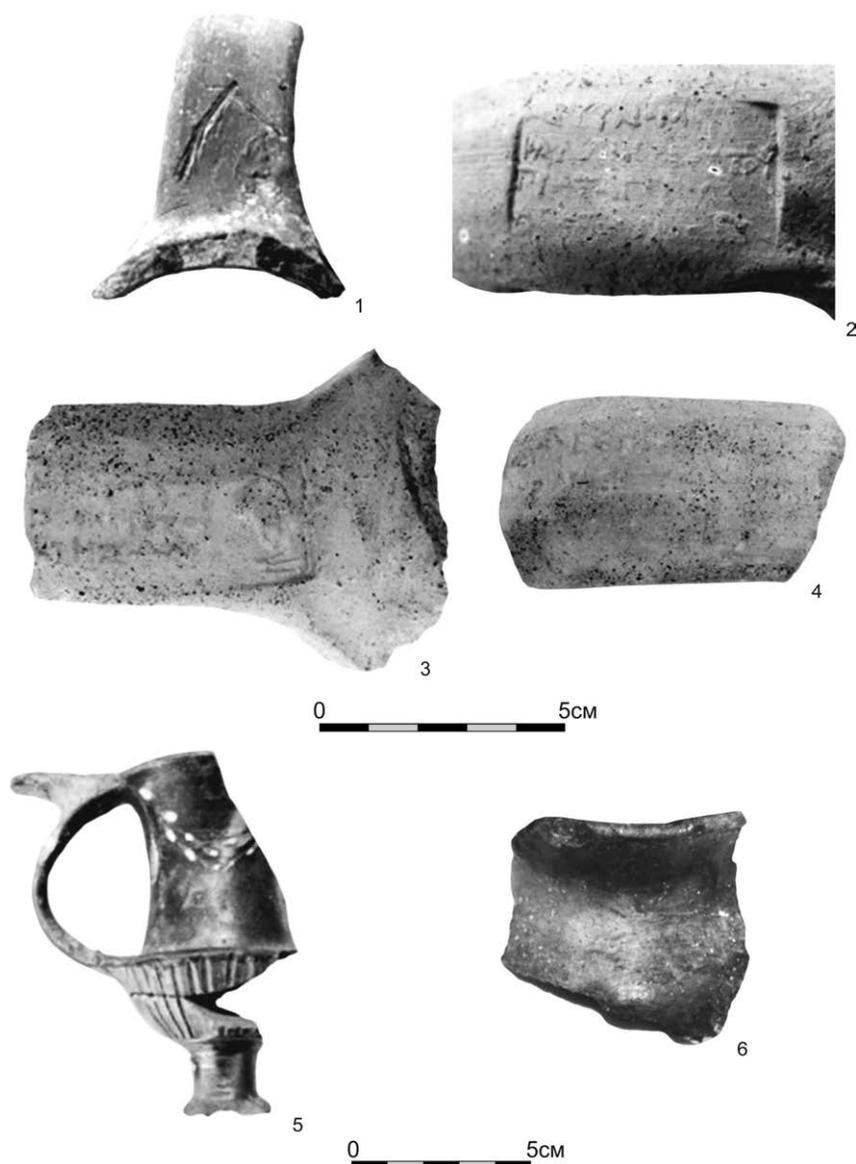

Рис. 9. Находки из группы «культовых» ям

и донце горшков. Там же были найдены четыре куса *печины* и 23 *кости животных*. Материал из ямы КЗ представлен только 117 обломками *амфорной тары*, среди которых 12 профильных. Вновь преобладает *Синопа* (четыре венчика и три ручки, одна из которых с клеймом 260–250 гг. до н.э. (рис. 9, 2). *Колхидские* и *фасосские* (?) амфоры представлены одной ручкой и венчиком, а две ручки принадлежали амфорам неизвестных центров. *Столовая круговая посуда* насчитывала 12 красноглиняных фрагментов. Среди них – 3 края мисок, край чашки, венчик кувшина, 4 донца на кольцевом поддоне. Здесь же найден край *чернолаковой* миски и часть некоего изделия из бронзы. *Лепная керамика* была представлена 10 фрагментами, в том числе шестью профилированными

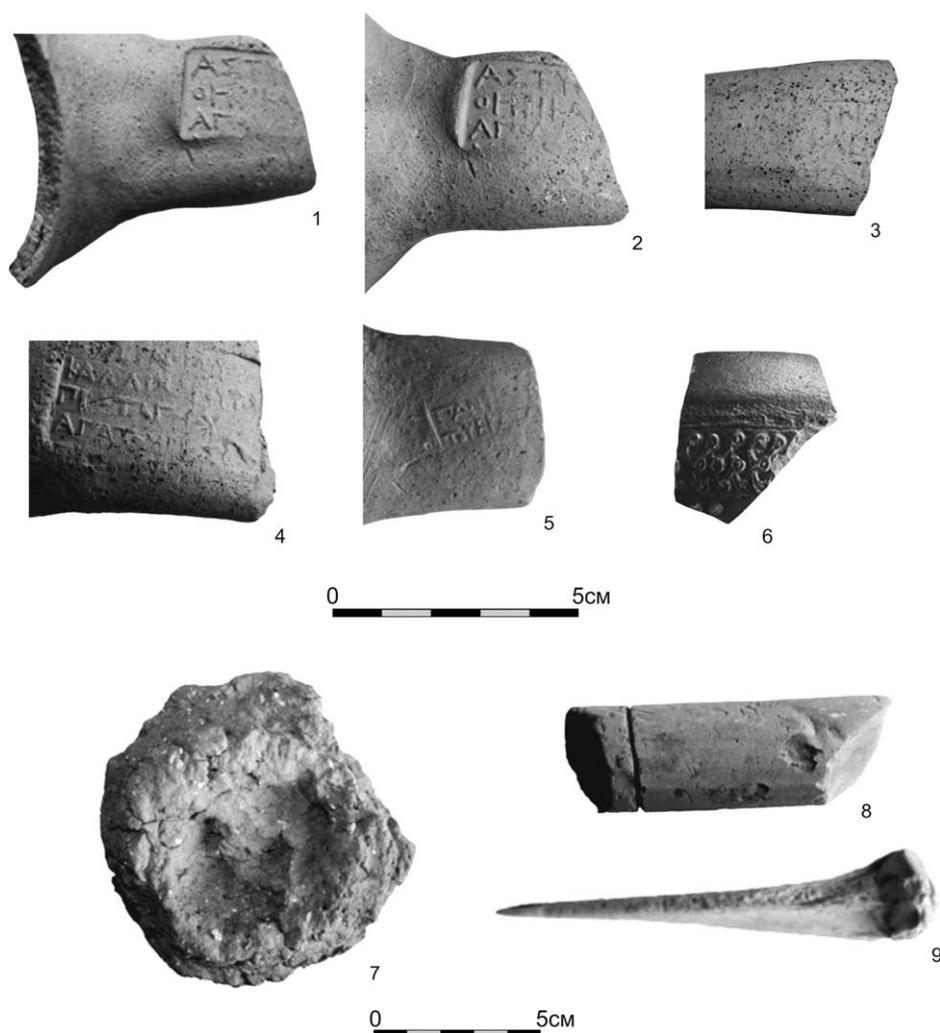

Рис. 10. Находки из группы ям IV сп.

(два венчика горшка (рис 9, 6), венчик миски, венчик сосуда неопределённого типа, два донца сосудов). Кусков *печины* – 24, а *костей животных* – 38.

Среди находок из ямы К437 фрагментов амфор, в том числе 6 профильных синопской глины (две ручки с клеймами (рис 9, 3–4), одно из которых датируется 280–220 гг. до н. э., два венчика и две ручки). *Чернолаковая посуда* представлена фрагментированным канфаром (рис. 9, 5). Здесь же был найден предмет из глины, 6 кусков *печины* и 12 костей животных.

Строительный период IV. Ямы этой группы, скорее всего, являлись зернохранилищами: они достаточно крупные в размерах, на стенах некоторых (Я3, Я7) сохранилась глиняная обмазка, которая в придонной части ямы Я7 была обожжена. Горловина ямы Я1 была перекрыта крупной известковой плитой. Общеизвестно, что хранение зерна в ямах широко практиковалось обитателями античных и только сельских поселений (Varron. I, 57–63); [Кругликова, 1975, с. 180]. При этом была распространена именно форма ям с узкой

горловиной, удобной для перекрытия, расширяющимися книзу стенками и существенной глубины [Burch, Nolla, Sagrera, 2010, p. 393–395]. Заполнение ям этого типа на городище представляло собой серую или коричневую супесь с некрупными керамическими обломками. В 6 ямах были обнаружены куски печины, а в ямах ЯЗ, Я6, Я8 – уголь и зола. Кроме того, почти во всех них встречались кости животных и створки раковин мидий.

Находки из ям IV строительного периода, представлены 637 единицами. На амфорную тару приходится 39,5% (252 единиц), среди которых 23 профильные (16 фрагментов синопской глины – 2 венчика, 13 ручек, пять из которых с клеймами (рис. 10, 1–5) и ножка. Три из клейм из ямы 3 датированы 260–250 гг. до н.э., 245–235 гг. до н.э. и 220–210 гг. до н.э., клеймо из ямы 4 220–210 гг. до н.э. Родосские амфоры представлены семью профильными фрагментами: двумя венчиками и пятью ручками. Столовая круговая посуда – это 66 фрагментов (около 10% находок). К красноглиняной отнесены 12 профильных обломков: край рыбного блюда, верхняя часть маленького сосуда, край миски, два венчика кувшинов, две их ручки, фрагмент кувшина с отбитым горлом, два донца на кольцевом поддоне, два плоских донца и ножка амфориска, венчик лутерия синопской глины (яма ЯЗ), край мегарской чаши (Я1, рис. 10, 6), ручка кувшина и плоское донце (Я4). Чернолаковая посуда – это край миски из ямы Я4. Число фрагментов лепных сосудов составило 75 (12%). Профильные части это: 5 венчиков горшков, три венчика открытых сосудов, донце горшка. Строительная керамика представлена единственным и, скорее всего, случайным обломком красноглиняного солена. Также в ямах этой группы найдены: фрагмент грузила из ручки родосской амфоры (ЯЗ, рис. 10, 8), амфорная глиняная пробка (Я4, рис. 10, 7) и одна костяная проколка (ЯЗ, рис. 10, 9). Количество кусков печины – 62 (9,5%), число костей животных – 177 (28%).

Таким образом, мы попытались провести классификацию наиболее часто встречаемых археологических объектов (ям) на участке городища Золотое Восточное, исследованном в 2010–2018 гг. К сожалению, единичное число находок со сколько-либо точной датировкой не позволяет дополнить её соответствующей хронологической характеристикой.

Список литературы

- Кругликова, 1957. Кругликова И. Т. Поселение Золотое Восточное // КСИИМК. 70.
 Кругликова, 1975. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М.
 Лукьянова, Супренков, 2017. Лукьянова Н. В., Супренков А. А. Анализ коллекции амфорных клейм участка «Восточный» городища Сююрташ по итогам исследований 2010–2017 гг. // Классическая и византийская традиция. Сборник материалов XI научной конференции. Белгород.
 Масленников, 1998. Масленников А. А. Эллинская хора на краю Ойкумены. М.

- Масленников, 2015. Масленников А. А. О боспорской хронографии и боспорской хронологии. (Опыт сравнительно-относительной хронологии городищ европейского Боспора периода «зрелого» эллинизма) // КСИА. 238.
- Масленников, 2017. Масленников А. А. Торговля на эллинистических поселениях дальней хоры европейского Боспора // БЧ. XVIII. Керчь.
- Масленников, 2017а. Масленников А. А. Ницета и мощь фортификации // Пивничне Причерномор, я за античної доби. На пошану С. Д. Кръжицького. Київ.
- Супренков, 2013. Супренков А. А. Особенности формирования сакрального пространства на укреплённых сельских поселениях Восточного Крыма эпохи позднего эллинизма (на примере городища Золотое Восточное) // БФ. Греки и варвары на Евразийском перекрёстке. СПб.
- Супренков, 2014. Супренков А. А. Назначение и хронология построек северо-восточной части эллинистического городища Сююрташ в Крымском Приазовье (по результатам работ ВКАЭ в 2010–2013) // ДБ. 18.
- Супренков, 2014. Супренков А. А. К хронологии восточной части эллинистического городища Сююрташ в Крымском Приазовье. БЧ. XV. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь.
- Супренков, Прокопенко, Топоривская, 2017. Супренков. А. А., Прокопенко С. Н., Топоривская М. А. Снова к хронологии эллинистического городища Сююрташ в Крымском Приазовье (по результатам работ на раскопе «Восточный» в 2010–2017 гг.) // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Сборник научных трудов. Симферополь.
- Burch, Nolla, Sagrera, 2010. J. Burch, J. M. Nolla, J. Sagrera. Le système de stockage en silos sur le territoire ibérique aux environs d'Emporion // Bibliothèque d'Archéologie Méditerranéenne et Africaine 3. Grecs et indigènes de la Catalogne à la mer Noire. Paris.

Summary

A. A. Suprenkov, M. A. Toporivskaya

The sunken featured buildings of north-east part of ancient settlement Syuyurtash in Crimean Azov coast during the 2010-2018 period.

The article is dedicated to the results of author's activities at the settlement Golden Eastern (Zolotoyoe Vostochnoye) in the period of 2010–2018. During the excavations were discovered and explored more than 70 sunken featured buildings, meaning underground pits, at the north-east part of the settlement. The authors attempt the possible pits classification according to their purpose and period construction and give archaeological material overview from the pits filling.

И. Е. Суриков

(Институт всеобщей истории РАН, г. Москва)

Ономастикон Спартокидов за пределами Боспора (Часть III)

Данная часть работы является последней, она завершит и подытожит наблюдения над ономастическими данными, сделанные в первых двух [Суриков, 2016; Суриков, 2018a] (появившаяся в промежутке статья об имени Перисад [Суриков, 2017] должна быть рассматриваема в том же контексте, хотя она и была написана в несколько ином ракурсе, в силу практически полного отсутствия компаративного внебоспорского материала).

Здесь мы обратимся прежде всего к имени, которое носил один из самых знаменитых представителей династии Спартокидов, к имени, которое благодаря ему, пусть и ненадолго (310–304 гг. до н. э.), но все-таки, можно сказать, прогремело по всему греческому миру. Речь идет о Евмеле.

В сравнительном плане наш наибольший интерес будут привлекать те носители этого имени¹, которые являются относительно ранними, датируясь доэллинистическим временем. Такова была наша позиция и на предыдущих этапах анализа, и объясняется она тем, что с началом эпохи эллинизма претерпели существенные изменения традиционные греческие принципы имянаречения. По большому счету это связано с тем, что рожденный Александром мир стал в меньшей степени полисным, в большей степени «космополитическим», чем прежде. Усилились мобильность ономастиконов, диффузия имен, которые отныне подчас давались с коммеморативными намерениями (появляется множество лиц, носящих имена знаменитых людей, например, диадохов, хотя и не имеющих никакого отношения к этим знаменитостям; на примере конкретного ЛИ Селевк мы имели возможность это наблюдать в первой части статьи).

Нарушилась, так сказать, чистота картины, которая ранее в рамках семейных ономастических комплексов обуславливалась, с одной стороны, семейными же традициями имянаречения (выражавшимися в передаче «по наследству» не обязательно полных имен, а, как минимум, не менее часто их корневых морфем [Суриков, 2009]), с другой – матримониальными связями и ксеническими контактами (о важности последних см. [Herman, 1990]).

¹ Данные о них, как и раньше, будут приводиться в основном по справочнику LGPN.

Подчеркнем, что мы имеем в виду *аристократические* семейные ономастические комплексы. Понятие аристократической ономастики совершенно справедливо использует С.Г. Карпюк [Карпюк, 2003, с. 198–259]; но он, как нам представляется, не прав, когда противопоставляет ее ономастике демократической (даже с учетом того, что он работает на материале Афин – полиса в котором власть знати в какой-то момент сменилась властью народа). Если со всей бесспорностью вычлняются сугубо аристократические корневые морфемы в личных именах (*ιππ-*, *ἀριστ-*, *καλλ-* и ряд других), то можно ли говорить о «демократических» корневых морфемах? Для самого С.Г. Карпюка, разумеется, таковой предстает в первую очередь *δη-*, но тут приходится делать настолько большое количество ограничительных оговорок, что они фактически обесценивают сам тезис. Имена с корнем *δη-*, чего и С.Г. Карпюк не может не признать, «появились и в Афинах, и в Греции вообще задолго до классической эпохи: они засвидетельствованы и среди мифологических... и среди гомеровских имен» [Карпюк, 2003, с. 207]. А о какой демократии могла вообще идти речь в столь ранние исторические периоды? Далее, в подобной системе взглядов ЛИ Аристодем оказывается вообще каким-то «противоречием по определению».

В действительности же аристократическим именам противостояли не «демократические», а простонародные. Это феномен, характерный, вообще говоря, для многих ранних обществ. Так, в Древней Руси мы ведь не встретим в крестьянских семьях Святославов, Олегов, Всеволодов и т. п. Эти имена осознавались как княжеские и в незнатной среде выглядели бы данными «не по чину». Сказанное, разумеется, не означает, что существовал какой-то официальный запрет, «табу» на подобное имянаречение. Зачем было запрещать то, что и так не практиковалось?² Простонародные имена отличались от аристократических своей, мы бы сказали, неспецифичностью. Нередко в них присутствовали теофорные компоненты³. Дионисий, Аполлодор, Диодор, Афиней... Да можно было бы перечислять почти до бесконечности. А вот, скажем, «Мегакл» – совсем иное дело. Имя с ярко выраженной специфичностью; и, во всяком случае, применительно к Афинам, если мы встречаем его носителя, то можем быть практически с безоговорочностью уверены, что он имеет какое-то отношение к роду Алкмеонидов.

Можем ли мы трактовать ономастикон Спартокидов как аристократический – зависит от того, понимаем ли мы самих Спартокидов как аристократов. В литературе очень нередко мнение, согласно которому это род какого-то совсем темного происхождения, даже не греческого, а варварского (по мнению одних – фракийского, по мнению других – иранского). Данная точка зрения, конечно, исходит из того, что в спартокидском именнике наряду с греческими именами (которые, подчеркнем, все-таки преобладают) наличествуют также фракийские и иранские по происхождению. Однако, кажется, достаточно ясно, что проводить прямую корреляцию между этнической принадлежностью лица и этимологией его имени – путь в высшей степени ненадежный. У греков даже в архаический период было более чем достаточно носителей варварских имен. Причем практиковалось такое как раз не у простонародья, а у аристократов,

² Это, как может заметить читатель, наш pendant к идее А.А. Завойкина о «табуировании» спартокидских царских, династических имен для рядовых граждан Боспорского государства [Завойкин, 2006].

³ По проблемам, связанными с ними, см. [Parker, 2000].

имевших разветвленную сеть ксенических контактов; были у них, в числе прочих, и негреческие ксены, имена которых попадали в семейный ономастикон.

В любом случае, в рассматриваемый период незнатная семья не могла бы оказаться во главе государства, ее попросту не приняли бы граждане (убежденность в политическом превосходстве аристократов в V в. до н.э. была у греков еще всеобщей [Starr, 1992, *passim*], даже афиняне, хотя и установили демократию, но в качестве лидеров продолжали выдвигать представителей знати). В другом месте [Суриков, 2014, с. 80–96] мы привели аргументы в пользу того, что предшествовавший Спартокидам режим Археанактидов⁴ представлял собой не тиранию, как часто полагают, а узкую олигархию, олигархию одного рода, подобную, например, правлению Бакхиадов в Коринфе. Род этот, судя по названию («потомки древних владык»!) отличался просто-таки чрезвычайной знатностью. Допустимо ли представить, что Спарток I, пришедший на смену Археанактидам, был каким-то «выскачкой»? Не думаем. Если продолжать аналогию с Коринфом, Кипсел, свергнувший Бакхиадов и ставший тираном, отнюдь не являлся выходцем из простонародья, он сам принадлежал к Бакхиадам по линии матери (а отцом его был знатный лапиф Этион, Herod. V. 92)⁵. Вообще *все* тираны времен архаики и ранней классики были аристократами, а в том, что Спартокидов следует воспринимать как тиранов, ныне почти никто не сомневается.

Вернемся к имени Евмел. В рамках боспорской правящей династии оно не получило распространения, так и осталось единичным: после младшего сына Перисада I [LGPN IV, p. 133, s. v. Εὐμηλος № 1] никто из Спартокидов, насколько известно, больше его не носил⁶. Это, по-видимому, следует связывать с тем, что правитель Евмел, несмотря на все свои успехи, воспринимался потомством прежде всего как кровавый узурпатор, истребитель собственных родичей, – словом, не та фигура, на которую стоит ориентироваться.

Что же касается общегреческого ономастического контекста, «Евмел» – имя не слишком редкое, но и не слишком частое. Далее, это – хорошее аристократическое имя, причем, судя по всему, весьма древнее. Означает оно «богатый стадами мелкого рогатого скота» [Pare, 1911, S. 413], что уводит нас фактически в гомеровский период: всем хорошо известно, что в поэмах Гомера именно скот очень высоко ценится, часто выступает мериллом стоимости и богатства, общество в целом имеет более скотоводческий, чем земледельческий характер, диета героев в основном мясная и т. п.

В связи со сказанным представляет очень большой интерес, что самый ранний зафиксированный исторический носитель имени Евмел⁷ оказывается именно современником

⁴ Вопрос о них недавно актуализовался в связи с тем, что в последние годы набирает силу восходящая к Г. А. Кошеленко тенденция считать, что Боспор Киммерийский в начале V в. до н.э. находился в зависимости от Ахеменидской державы (например: [Treister, 2010; Tsetskhladze, 2018; Кузнецов, 2018]; несколько иначе – [Завойкин, 2015]) и, таким образом, первые боспорские правители – Археанактиды – были вассальными тиранами. Однако вопрос об Археанактидах не так прост. <Не совсем точно, я никогда не настаивал на такой зависимости, говорил только об особых связях... – А. З.>

⁵ Кстати, к вопросу об именах: в семье Кипселидов встречается как минимум одно варварское имя, Псамметих (египетское). И оно попало в род явно в результате ксенических контактов.

⁶ Не только у Спартокидов, но и на всем античном Боспоре это имя очень редко. Помимо тирана Евмела, есть только какой-то Евмел III в. до н.э. из Горгиппии [LGPN IV, p. 133, s. v. Εὐμηλος № 2].

⁷ Были и мифологические персонажи с таким именем, – например, царь Патр в Ахайе, автохтон (Paus. VII. 18. 2), вождь фессалийцев в Троянской войне, сын Адмета (Hom. II. II. 714), и др.

Гомера и, более того, его «коллегой». Это – достаточно знаменитый эпический поэт Евмел Коринфский. К сожалению, о нем очень мало сведений, сочинения его сохранились лишь в незначительных фрагментах [Burgess, 2001, p. 51; Lamberton, 2005, p. 170]. Иногда это дает повод усомниться в том, что перед нами действительно ранний автор. Так, в LGPN соответствующая ономастико-просопографическая единица датирована «8 (sic! – И. С.) или IV в. до н. э.» [LGPN IIIA, p. 170, s. v. Εὐμηλος № 7]. Однако здесь мы имеем дело лишь с «отрыжкой гиперкритицизма», и нет никаких сомневаться в том, что Евмел творил в VIII в. до н. э., ближе к концу столетия.

Согласно заслуживающему доверия свидетельству Павсания (в самом начале описания Коринфской области, Paus. II. 1. 1), Евмел принадлежал к роду Бакхиадов – да, именно тех самых Бакхиадов, о которых в иной связи упоминалось чуть выше. Кстати, один уже этот факт решительно препятствует поздней датировке поэта: Бакхиады после того, как были свергнуты Кипсолом в середине VII в. до н. э., сошли с исторической сцены⁸.

Таким образом, Евмел имел исключительно знатное происхождение: Бакхиады являлись коринфским ответвлением знаменитого рода Гераклидов⁹. Данный факт, кстати, согласуется с тем давно замеченным феноменом, что древнегреческие поэты архаического периода в подавляющем большинстве были выходцами из аристократии¹⁰. Отметим тут, что еще один носитель имени Евмел [LGPN VA, p. 179, s. v. Εὐμηλος № 9] имел отношение к поэзии. По указанию византийского словаря «Суда», так звали отца знаменитого лирика Анакреонта, уроженца Теоса (Suid. s. v. Ανακρέων), что указывает однозначно на VI в. до н. э.

Но мы несколько забежали вперед; рассмотрим, как делалось нами ранее применительно к другим ономастическим единицам, носителей ЛИ Евмел с точки зрения их географического распространения, в основном придерживаясь принципа удаления от Боспора. В Херсонесе Таврическом есть два Евмела-родственника (судя по всему, это дед и внук: у одного из них сына зовут Аполлоний, а у другого так же зовут отца), живших в первой половине III в. до н. э. [LGPN IV, p. 133, s. v. Εὐμηλος № 5–6]. Напомним, что ЛИ Аполлоний, между прочим, тоже входит в спартокидский династический именной, правда, встречаясь в нем только один раз: Аполлонием звали одного из сыновей Левкона I, младшего брата Спартока II и Перисада I. Однако рассматривать его ономастический контекст не приходится, поскольку оно совершенно неспецифичное, одно из самых массовых в греческом мире. Соответственно, из сочетания имен Евмел и Аполлоний в одной семье еще нельзя делать ответственных выводов.

Во Фракии есть только Евмел римского времени [LGPN IV, p. 133, s. v. Εὐμηλος № 7]. Если «спуститься» южнее, в Македонию, то из тамошних двух Евмелов [LGPN IV, p. 133, s. v. Εὐμηλος № 3–4] некоторый потенциальный интерес представляет лишь второй. Его время и место жительства обозначено как «Амфиполь, 285–245 гг. до н. э.», а особенность заключа-

⁸ О коринфских Бакхиадах и их правлении см. [Жестоканов, 2003].

⁹ К общей истории которого см. [Молчанов, 2004].

¹⁰ О том, что даже Гомер мог иметь достаточно высокое происхождение, см. теперь интересные соображения: [Панченко, 2016, с. 65–72]. Правда, у Д. В. Панченко несколько преувеличенные представления о возможности реконструкции гомеровской биографии; но это все-таки лучше, чем делать из Гомера абсолютный фантом, как Грегори Надь [Nagy, 2003; Nagy, 2010] и его школа.

ется в том, что данный Евмел имел сына по имени Сатирион. А ЛИ Сатирион, естественно, родственно ЛИ Сатир – одному из самых характерных для династии Спартокидов.

Движемся далее на юг. Довольно много Евмелов в Фессалии [LGPN IIIВ, р. 160, s. v. Εὐμηλος № 11–21], но большинство из них относятся к эллинистическому и римскому времени. Более ранних только два: один, из Ларисы [LGPN IIIВ, р. 160, s. v. Εὐμηλος № 13], датируется IV в. до н. э., а другой (город неизвестен) даже первой половиной V в. до н. э. [LGPN IIIВ, р. 160, s. v. Εὐμηλος № 21]. Три Евмела из Локриды – эллинистические [LGPN IIIВ, р. 160, s. v. Εὐμηλος № 8–10], а среди семи беотийских Евмелов [LGPN IIIВ, р. 160, s. v. Εὐμηλος № 1–7] есть жившие в эллинистическое и римское время.

Как почти всегда, более богатый материал дает Аттика – 25 единиц. В большинстве своем эти афинские Евмелы, конечно, поздние и потому не могут нас сильно заинтересовать. Исключение может представлять один, зафиксированный эпиграфически в 128/127 г. до н. э. [LGPN II, р. 178, s. v. Εὐμηλος № 19]. С ним связан следующий занятный нюанс: данный афинянин происходил из аттического дема Филаиды. Дем этот получил название от одного из древнейших и знатнейших в афинском полисе аристократических родов, именовавшегося точно так же¹¹. К роду Филаидов принадлежали, например, такие знаменитые деятели, как марафонский победитель Мильтиад, его сын Кимон, историк Фукидид.

Разумеется, дем и род – отнюдь не одно и то же, и далеко не все афинские граждане, приписанные к дему Филаидов, были также членами и рода Филаидов¹². Но в нашем случае интересно то, что Евмел из рода Филаидов дал своему сыну имя Стесагор. А вот это может уже о чем-то говорить, если исходить из тезиса о континуитете семейных ономастических фондов: ЛИ Стесагор – типично филаидское (в смысле именно рода, а не дема) [Davies, 1971, р. 494], его, например, носили дед и брат Мильтиада. Стало быть, велика вероятность, что Евмел принадлежал не только к дему Филаидов, но и к роду Филаидов. Говорим это, разумеется, вовсе не имея в виду, что боспорский правитель Евмел находился в каком-то отношении с афинскими Филаидами (сведений о специальных связях этого рода с Северным Причерноморьем не имеется¹³), а просто дабы еще раз подчеркнуть аристократический характер имени.

Из остальных афинских Евмелов упомянем только таких, которые датируются временем ранее III в. до н. э.: один – из неизвестного дема, 353/352 г. до н. э. [LGPN II, р. 177, s. v. Εὐμηλος № 1], один – из дема Колоны, 335/334 г. до н. э., отца звали Аристофонтом [LGPN II, р. 177, s. v. Εὐμηλος № 14], один – из дема, начинающегося с Π (остальная часть названия в надписи не сохранилась), середина IV в. до н. э., сына звали Олимпиодором [LGPN II, р. 177, s. v. Εὐμηλος № 17], один – из дема Проспальта, 335/334 г. до н. э., отца, что интересно, звали Евмелиадом – очередное свидетельство морфемного континуитета в ономастиконе знати [LGPN II, р. 178, s. v. Εὐμηλος № 20]. Для двух же самых ранних афинских Евмелов (459 г. до н. э. и ок. 411 г. до н. э.) известны не демы, а только филы:

¹¹ О роде Филаидов см. хотя бы [Surikov, 2013], со ссылками на другую литературу.

¹² У афинян, в отличие от римлян, род вообще был категорией только аристократической [Суриков, 20186].

¹³ Хотя, строго говоря, и сплеча отрицать наличие таких связей нельзя. Филаиды уже с периода архаики имели серьезные интересы на северо-востоке, контролировали Херсонес Фракийский [Hammond, 1956]. Почему бы не допустить, что их заинтересованность могла простирается и дальше, в Понт?

в первом случае это Эрехеида [LGPN II, p. 178, s. v. Εὔμηλος № 22], во втором Леонтида [LGPN II, p. 178, s. v. Εὔμηλος № 23]. Есть еще один Евмел первой половины IV в. до н. э., само афинское происхождение которого под сомнением [LGPN II, p. 178, s. v. Εὔμηλος № 24]. Резюмируя материал из Афин, можно отметить, что в этом полисе ЛИ Евмел фиксируется с середины V в. до н. э., а более популярным становится в следующем столетии.

Переместимся теперь на Пелопоннес. К этому региону, как указывалось выше, принадлежит самый древний исторический носитель имени, о котором идет речь, – поэт Евмел Коринфский из Бакхиадов. Другой коринфский Евмел – эллинистический [LGPN IIIA, p. 170, s. v. Εὔμηλος № 8]. Таковые преобладают и на Пелопоннесе в целом (вообще ЛИ Евмел на этом полуострове редко; например, в Спарте оно не встречается вообще). Разве что в Аргосе фиксируется Евмел, датирующийся самой поздней классикой, 330–300 гг. до н. э. [LGPN IIIA, p. 170, s. v. Εὔμηλος № 2]. На подобном фоне привлекает к себе внимание, видимо, более ранний Евмел из Элиды [LGPN IIIA, p. 170, s. v. Εὔμηλος № 6]. Он упоминается сатириком Лукианом (Lucian. Adv. ind. 10) как кифаред и должен быть датирован V веком до н. э.

Таким образом, ЛИ Евмел нетипично для Пелопоннеса; оговорим сразу, что в более западных регионах (в частности, в Великой Греции) оно, похоже, вообще не употреблялось. В LGPN, правда, есть одна ономастическая единица из италийского Неаполя [LGPN IIIA, p. 170, s. v. Εὔμηλος № 9], но указано, что это герой, от которого получила название фратрия Евмелидов. Героев все-таки лучше числить «по ведомству» мифологии, а не реальной истории (к тому же возможно, что это даже и не герой, а местное божество).

Обратимся теперь к материалу из малоазийского региона. Он опять же небогат. Самым ранним Евмелом здесь (VI в. до н. э.) является отец поэта Анакреонта из Теоса, о котором упоминалось выше. Два ионийских Евмела датируются IV в. до н. э.: один из Эрифр [LGPN VA, p. 179, s. v. Εὔμηλος № 4], другой из города Левки [LGPN VA, p. 179, s. v. Εὔμηλος № 5]. Возможно, к тому же столетию (но, возможно, и к следующему) относится Евмел из Лампсака [LGPN VA, p. 179, s. v. Εὔμηλος № 13]; впрочем, имя в надписи сохранилось плохо, и нет даже полной уверенности, что его следует восстанавливать именно как «Евмел». Из поздних носителей имени имеет смысл упомянуть, пожалуй, только Евмела с хоры вифинской Никии, жившего во II–III вв. н. э. [LGPN VA, p. 179, s. v. Εὔμηλος № 2], – в связи с тем, что он дал сыну имя Аполлоний, зафиксированное у Спартокидов, но, повторим и напомним, неспецифичное, не позволяющее делать ответственных выводов (особенно учитывая, что перед нами персонаж уже римского времени).

Среди Евмелов, зафиксированных на островах Эгейского моря, по-настоящему интересен лишь один, с Феры [LGPN I, p. 180, s. v. Εὔμηλος № 15]. Он упоминается на одной из ферских эротических надписей, которые принадлежат к чрезвычайно древним греческим эпиграфическим памятникам [Jeffery, 1963, p. 318–319; Powell, 1991, p. 175]: их дата – середина VII в. до н. э. (а, возможно, даже раньше). Один относительно ранний Евмел (ок. 330 г. до н. э.) жил в Камире на Родосе [LGPN I, p. 180, s. v. Εὔμηλος № 14]. Наконец, к середине IV в. до н. э. относится Евмел из Кирены¹⁴ [LGPN I, p. 180, s. v. Εὔμηλος № 7], но это совсем уже далеко от Причерноморья.

¹⁴ Давший своему сыну имя Аммоний, что отражает специфику региона.

Итак, относительно проанализированной ономастической единицы с полной уверенностью можно утверждать, что, во-первых, каких-то прямых корреляций между боспорским регионом и другими областями греческого мира не наблюдается, а, во-вторых, ЛИ Евмел является древним (отчасти даже «эпическим») и всегда воспринималось как достойное аристократическое имя. Вероятно, именно поэтому его и получил во второй половине IV в. до н. э. представитель рода Спартокидов. Впрочем, заметим, такой представитель, относительно которого не предполагалось, что он когда-либо займет престол (а если он его в конце концов все-таки занял – то это произошло в результате особого стечения обстоятельств, предвидеть которое было нельзя), и потому-то, очевидно, ему было дано имя не из набора специфичных династических.

* * *

Подходя уже к концу работы, остановимся все-таки, пусть буквально в нескольких словах, на типично спартокидском имени Сатир. Полноценный анализ релевантного ономастического материала в формате статьи невозможен ввиду громадного обилия этого материала из всех частей греческого мира (Сатиров – сотни и сотни!)¹⁵, поэтому придется ограничиться лишь некоторыми наблюдениями.

В чем-то удивляет именно *малая* встречаемость на Боспоре этого, в общем-то, весьма и весьма распространенного греческого имени. В Пантикапее только три Сатира, все три – правители из Спартокидов [LGPN IV, p. 305, s. v. Σάτιρος № 1–3]. Кроме них, есть еще Сатир из Патрея IV в. до н. э. [LGPN IV, p. 305, s. v. Σάτιρος № 1–7], Сатир из Нимфея III в. до н. э. [LGPN IV, p. 305, s. v. Σάτιρος № 6] и два Сатира из Горгишии того же столетия [LGPN IV, p. 305, s. v. Σάτιρος № 4–5]; у второго сын Аполл (Ἀπολλᾶς, от «Аполлоний», имя, встречающееся у Спартокидов, но неспецифичное).

Если оставаться в рамках бассейна Понта Эвксинского, бросается в глаза сравнительная многочисленность носителей ЛИ Сатир в Каллатисе (Западное Причерноморье). Таковых 14 [LGPN IV, p. 305, s. v. Σάτιρος № 17–30], хронологически они располагаются от IV в. до н. э. до I в. н. э., но решительно преобладают в III в. до н. э. Имеет смысл напомнить, что в начале эпохи эллинизма Каллатис находился в каких-то особых отношениях со спартокидским Боспором [Сапрыкин, 2018, с. 270–271]. Когда город во времена войн диадохов, в конце IV в. до н. э., был захвачен Лисимахом, большая группа каллатийских граждан (тысяча человек) бежала не к кому иному, как к Евмелу Боспорскому, который предоставил им город и землю для поселения. О таком благодеянии в Каллатисе, понятно, не могли не помнить, и, возможно, имевшее место после того распространение спартокидского имени в каллатийском ономастиконе – знак благодарности. Именем этим, однако, было не «Евмел», а «Сатир»; но, как упоминалось

¹⁵ И этот материал еще более возрастает количественно, если привлекать и имена, родственные ЛИ Сатир (как Сатирион, Сатирин, Сатириск и т. п.). А их пришлось бы привлекать, если бы ставилась задача сделать анализ исчерпывающе полным. Например, всем, кто занимался эволюцией титулатуры Спартокидов в IV в. до н. э., конечно, известна посвятельная надпись Аполлону Врачу жреца Сатириона, сына Патека (КВН. 10; теперь см. также [Rhodes, Osborne, 2007, p. 326–327, No. 65 B]. Мы считаем, есть основания полагать, что этот Сатирион [LGPN IV, p. 305, s. v. Σατιρίων № 2], – персона, судя по всему, значительного ранга – находился в каких-то родственных отношениях со Спартокидами (возможно, принадлежал к боковой, не правящей ветви их рода).

выше, во-первых, ЛИ Евмел оказалось в числе одиозных, а, во-вторых, оно не имело ярко выраженного спартокидского характера, в отличие от ЛИ Сатир.

Из понтийских полисов последнее можно признать относительно распространенным еще в Гераклее [LGPN VA, p. 399, s. v. Σάτυρος № 33–41]. Из гераклейских Сатиров несколько являются ранними (IV в. до н.э.), а один из них особенно известен [LGPN VA, p. 399, s. v. Σάτυρος № 33]. Это тиран [Берве, 1997, с. 394–395; Сапрыкин, 2018, с. 81], младший брат основателя гераклейской тирании Клеарха, унаследовавший от него власть и правивший в 352–345 гг. до н.э., а родившийся в 410 г. до н.э. Таким образом, перед нами представитель другой влиятельной правящей династии. Появление имени Сатир в Гераклее (а первый из боспорских Сатиров все-таки старше гераклейского) могло произойти в силу родственных, матримониальных или ксенических связей с Боспором. Кстати, между двумя тираническими династиями наблюдаются некоторые сходные черты.

Проследим, например, как шло преемство власти в Гераклее: Клеарх – брат Клеарха Сатир – племянник Сатира и сын Клеарха Тимофей – младший брат Тимофея Дионисий (далее начался период смут). Дионисий, кстати, с определенного момента стал соправителем Тимофея; не исключено, что и Сатир соправительствовал Клеарху или, как минимум, играл значительную роль в управлении. На спартокидском Боспоре институты соправительства братьев и наследования власти братом от брата зафиксированы надежно. Создается впечатление, что в обоих случаях власть воспринималась как власть рода. Не то чтобы эти случаи уникальны в династиях тиранов (подобная практика существовала, например, у сиракузских Дейноменидов, галикарнасских Гекатомнидов), но были и противоположные. Так, Поликрат Самосский, став тираном в результате переворота, осуществленного им совместно с двумя братьями, впоследствии одного из этих братьев убил, а другого изгнал, – видимо, специально для того, чтобы они не могли унаследовать его власть. В сущности, перед нами борьба двух принципов – родового и семейного. На Боспоре второй победил в ходе войны между сыновьями Перисада I.

Скажем еще очень кратко о нескольких носителях ЛИ Сатир в Афинах. Именно о нескольких, поскольку в целом в аттическом томе LGPN перечислены 129 Сатиров [LGPN II, p. 394–395, s. v. Σάτυρος № 1–129], начиная с середины V в. до н.э. (самый ранний афинский Сатир датирован 460–450 гг. до н.э. [LGPN II, p. 394, s. v. Σάτυρος № 2]), но данные по подавляющему их большинству для наших целей иррелевантны; только трое могут привлечь какое-то внимание.

Один из них – самый известный афинский Сатир [LGPN II, p. 394, s. v. Σάτυρος № 53]. И известный, надо сказать, с негативной стороны. Когда в полисе установилась олигархия «Тридцати тиранов» (404–403 гг. до н.э., кстати, как раз времена Сатира I на Боспоре), данный афинский Сатир (из дема Кефисия) зарекомендовал себя как один из самых верных и жестоких приспешников этого кровавого режима. Еще при подготовке олигархического переворота он, будучи членом Совета Пятисот, инициировал судебное преследование лидера демоса Клеофонта, приведшее к казни последнего (Lys. XXX. 10, 12, 14). А уже при власти «Тридцати» он возглавил репрессивную коллегия Одинадцати. Ксенофонт сообщает, что Сатир руководил арестом Ферамена, осмелившегося протестовать

против террористической политики и тоже казненного (Xen. Hell. II. 3. 54–56), причем вел себя по отношению к Ферамену демонстративно грубо и нагло.

Отметим еще Сатира того же времени из дема Лакиады [LGPN II, p. 394, s. v. Σάτιρος № 54], поскольку этот дем в V в. до н. э. был резиденцией главной семьи рода Филаидов, о котором говорилось выше в связи с ЛИ Евмел. И, наконец, Сатира первой половины IV в. до н. э. из неизвестного дема [LGPN II, p. 395, s. v. Σάτιρος № 111] – он примечателен тем, что назвал одну из своих дочерей Фанагорой. Об уникальном распространении в Афинах IV в. до н. э. женского имени Фанагора, более нигде в греческом мире не зафиксированного и притом вызывающего неизбежные ассоциации с Фанагорией, одним из крупнейших боспорских городов, мы писали в другом месте [Суриков, 2015].

Понятно, что приведенный здесь афинский материал весь имеет только косвенное отношение к Боспору. Но пора уже переходить к выводам по ономастическим данным, разобранным во всех трех частях статьи.

Спарток – фракийское имя (потому-то оно и встречается особенно часто – с вариантами Спарадок, Спартак – во Фракии и соседствовавшей с ней Македонии), попавшее на Боспор (состояние наличных источников все-таки не дает права на ответственные суждения по вопросу о том, при каких конкретно обстоятельствах это произошло) и ставшее там династическим. В других регионах греческого мира это имя (равно как и родственные ему – Спартокион, Спартакион) практически вообще не употреблялось. Имя Селевк традиционно считается македонским, однако действовавший на Боспоре и упомянутый Диодором Селевк I, преемник Спартока I, жил раньше, нежели любой из его македонских тезок. По-прежнему не исключаем возможности, что в действительности этого раннего представителя Спартокидов звали Залевком.

Имя Левкон нельзя назвать редко встречающимся, чисто локальным (разброс – от региона Боспора Киммерийского и вплоть до Южной Италии). В то же время и к числу чрезвычайно распространенных отнести его нелегко. В некоторых областях ЛИ Левкон вообще не представлено. Наверное, особенно характерно, что никаких Левконов нет во Фракии (а ведь с именами Спарток и Селевк там совсем иная ситуация). Зато обнаруживаются ранние Левконы (более ранние, чем на самом Боспоре) в Аттике и в соседней с ней Беотии. Похожая ситуация – с именем Горгишп.

Имя Притан – чисто ионийское, распространенное в полисах Ионии, материковых, островных, а также и колониальных. Поскольку Боспорское государство составилось, как известно, тоже в основном из ионийских колоний, то, видимо, приходится сделать вывод, что данное имя пришло на Боспор из Ионии. Имя Орхам, восходящее к древнему, еще гомеровскому потестарному термину, – редкое и, так сказать, узко локализованное. Оно встречается только у ионийцев. Но даже в ионийском ареале Орхамов обнаруживаем мало в каких местах; что интересно, среди этих мест – Абдера, полис, близкородственный боспорской Фанагории.

ЛИ Евмел является древним (отчасти даже «эпическим») и всегда воспринималось как достойное аристократическое имя. Вероятно, именно поэтому его и получил во второй половине IV в. до н. э. представитель рода Спартокидов. Могут представлять интерес внебоспорские коннотации (в том числе афинские) имени Сатир и женского имени Акия.

Список литературы

- Берве, 1997. Берве Г. Тираны Греции. Ростов-на-Дону.
- Жестоканов, 2003. Жестоканов С.М. Олигархия Бакхиадов // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2.
- Завойкин, 2006. Завойкин А.А. Об институте династических имен Спартокидов // ДБ. 10.
- Завойкин, 2015. Завойкин А.А. Ахемениды и Боспор (историографический аспект проблемы) // ПИФК. 1 (47).
- Карпюк, 2003. Карпюк С.Г. Общество, политика и идеология классических Афин. М.
- Кузнецов, 2018. Кузнецов, В.Д. 2018: Боспор Киммерийский в 5 в. до н. э. (древнеперсидская надпись из Фанагории) // Фанагория. 6.
- Молчанов, 2004. Молчанов А.А. Персеиды–Гераклиды–Темениды: идея непрерывной династической легитимности в официальных родословных античных монархов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год: Генеалогия как форма исторической памяти. М.
- Панченко, 2016. Панченко Д.В. Гомер, «Илиада», Троя. СПб.
- Сапрыкин, 2018. Сапрыкин С.Ю. Древнее Причерноморье. М.–СПб.
- Суриков, 2009. Суриков И.Е. Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов // Вопросы эпиграфики. 3.
- Суриков, 2014. Суриков И.Е. Некоторые проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н. э. («взгляд из Эллады») // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М.
- Суриков, 2015. Суриков И.Е. Афинские Фанагоры // ДБ. 20.
- Суриков, 2016. Суриков И.Е. Ономастикон Спартокидов за пределами Боспора (Часть I) // ДБ. 20.
- Суриков, 2017. Суриков И.Е. Варианты написания боспорского имени Перисад в эпиграфических памятниках и нарративных источниках // ДБ. 21.
- Суриков, 2018а. Суриков И.Е. Ономастикон Спартокидов за пределами Боспора (Часть II) // ДБ. 22.
- Суриков, 2018б. Суриков И.Е. Семья и род как феномены культуры в античности: Древнегреческие ΟΙΚΟΣ и ΓΕΝΟΣ в сравнении с римскими FAMILIA и GENS // Вестник РГГУ. (40).
- Burgess, 2001. Burgess J.S. The Tradition of the Trojan War in Homer and in the Epic Cycle. Baltimore.
- Davies, 1971. Davies J.K. Athenian Propertied Families 600–300 B.C. Oxford.
- Hammond, 1956. Hammond N.G.L. The Philaids and the Chersonese // CIQ. Vol. 6. No. 3/4.

- Herman, 1990. Herman G. Patterns of Name Diffusion within the Greek World and Beyond // *CIQ*. Vol. 40. No. 2.
- Jeffery, 1963. Jeffery L.H. *The Local Scripts of Archaic Greece: A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eighth to the Fifth Centuries B.C.* Oxford.
- Lamberton, 2005. Lamberton R. *Ancient Reception // A Companion to Ancient Epic* / Ed. by J.M. Foley. Oxford.
- Nagy, 2003. Nagy G. *Homeric Responses*. Austin.
- Nagy, 2010. Nagy G. *Homer the Preclassic*. Berkeley.
- Pape, 1911. Pape W. *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. 3 Aufl., neu bearbeitet von G.E. Benseler. 4 Abdruck. Ht. 1: A – K. Braunschweig
- Parker, 2000. Parker R. *Theophoric Names and the History of Greek Religion // Greek Personal Names: Their Value as Evidence* / Ed. by S. Hornblower, E. Matthews. Oxford.
- Powell, 1991. Powell B.B. *Homer and the Origin of the Greek Alphabet*. Cambridge.
- Rhodes, Osborne, 2007. Rhodes P.J., Osborne R. *Greek Historical Inscriptions 404–323 BC: Edited with Introduction, Translations, and Commentaries*. Oxford.
- Starr, 1992. Starr C.G. *The Aristocratic Temper of Greek Civilization*. Oxford.
- Surikov, 2013. Surikov I.E. *Herodotus and the Philaids // Ruthenia Classica Aetatis Novae: A Collection of Works by Russian Scholars in Ancient Greek and Roman History* / Ed. by A. Mehl, A.V. Makhlayuk, O. Gabelko. Stuttgart.
- Treister, 2010. Treister M. 'Achaemenid' and 'Achaemenid-inspired' Goldware and Silverware, Jewellery and Arms and their Imitations to the North of the Achaemenid Empire // *Achaemenid Impact in the Black Sea: Communication of Powers* / Ed. by J. Nieling, E. Rehm. Aarhus.
- Tsetskhladze, 2018. Tsetskhladze G.R. 2018: 'The Most Marvellous of All Seas': The Great King and the Cimmerian Bosphorus // *EYΔAIMΩN: Studies in Honour of Jan Bouzek* / Ed. by P. Pavúk, V. Klontza-Jaklová, A. Harding. Prague.

Summary

I. E. Surikov

Spartocid Onomasticon outside Bosphorus (Part III)

There is a complex of personal names, which is manifestly connected with the Spartocid dynasty at the Bosphorus. It seems to be interesting how such names were used in other regions of the Ancient Greek world. This, third and last, part of the article concentrates on the names Eumelus and Satyrus. Relevant parallels from other regions of the Greek world (such as Attica, Peloponnese, Western and Southern Pontus) are cited. Then follow general conclusions for all three parts of the article.

М. Ю. Трейстер

(Германский археологический институт, г. Берлин)

Длинные мечи с халцедоновыми навершиями в Сарматии и на Боспоре*

В комплексах позднесарматской культуры на территории Азиатской Сарматии встречаются детали мечей из нефрита и халцедона (скобы, перекрестья и навершия), которые атрибутируют, как китайские или подражания китайским [Werner, 1956, S. 26–27, Taf. 38, 4; 40, 3; Хазанов, 1971, с. 25–27, табл. XIV–XV; Trousdale, 1975, p. 110–113, figs. 91–92; p. 243–245, nos. V1–2, pl. 22; Безуглов, 2000, с. 176–177; Ли Джи Ын, 2010, с. 153–162; Brosseder, 2015, p. 268–269, fig. 32; p. 294, list 22; Симоненко, 2015, с. 74–81]. При этом совместные находки скоб и перекрестий происходят только из двух комплексов на Нижнем Дону: погребения № 1 кургана № 19/1979 могильника Сладковский [Максименко, Безуглов, 1987, с. 185, рис. 2. 1, 2, 7; 190; Werner, 1994, S. 274; 276, Abb. 5. 1, 2, 7; Безуглов, 2000, с. 172, 176, рис. 1. 3; 2, 24–25; 2017, с. 95–96, 107; Скрипкин, 2000, с. 18, 20, рис. 1. 12; Ли Джи Ын, 2010, с. 155–156, табл. 30. 4–5; 35; Максименко, Ли Джи Ын, 2015, с. 138, рис. 2.1. 3, 8; Симоненко, 2015, с. 76–77, рис. 21. 9] и погребения № 1 кургана № 8/1990 могильника Камышевский-I [Безуглов, 1998, с. 87–88; 2000, с. 172, 176, рис. 1. 1, 12–13; 2017, с. 95–100, рис. 9. 1–7; 14; Скрипкин, 2000, с. 18, 20, рис. 1. 14; Ли Джи Ын, 2010, с. 156, табл. 30. 6–7; 36. 1–3; Максименко, Ли Джи Ын, 2015, с. 138, рис. 2.1. 3, 8; Симоненко, 2015, с. 76–77, рис. 21. 8]. У последнего меча в дополнении к нефритовым скобе и перекрестью было янтарное навершие дисковидной формы овального сечения.

Навершия мечей, найденные в комплексах Азиатской Сарматии (рис. 1), обычно, халцедоновые (рис. 1–4), реже – изготовлены из других материалов (рис. 5), например, янтаря (рис. 5. 1–3). Они, как правило, имеют дисковидную (рис. 2–4), реже – сегментовидную (рис. 1; 5. 1–3), полусферическую или овальную в сечении форму (рис. 5. 4–7), насаживались через отверстие на верх рукояти и могли дополнительно оформляться бронзовыми

* Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РФНФ, «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н.э. – III в. н.э.» (FL-334/15-1). Партнер проекта с российской стороны – Б.А. Раев. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную нам возможность работать в экспозиции и фондах музеев: М.Е. Филимоновой и И.Р. Гусач (Азов, АИАПМЗ), Н. В. Хабаровой, А. В. Жадаевой (Волгоград, ВОКМ), Н.В. Быковской (Керчь, ВКИКМЗ), О.А. Халяпиной (Оренбург, ГИКМ), М. К. Мурзагалиевой (Уральск, ЗКОИКМ). Моя особая благодарность руководителю Артезианской археологической экспедиции, Н.И. Винокурову, за разрешение опубликовать железный меч с навершием из раскопок цитадели городища Артезиан и информацию о найденном там же стеклянном навершии.

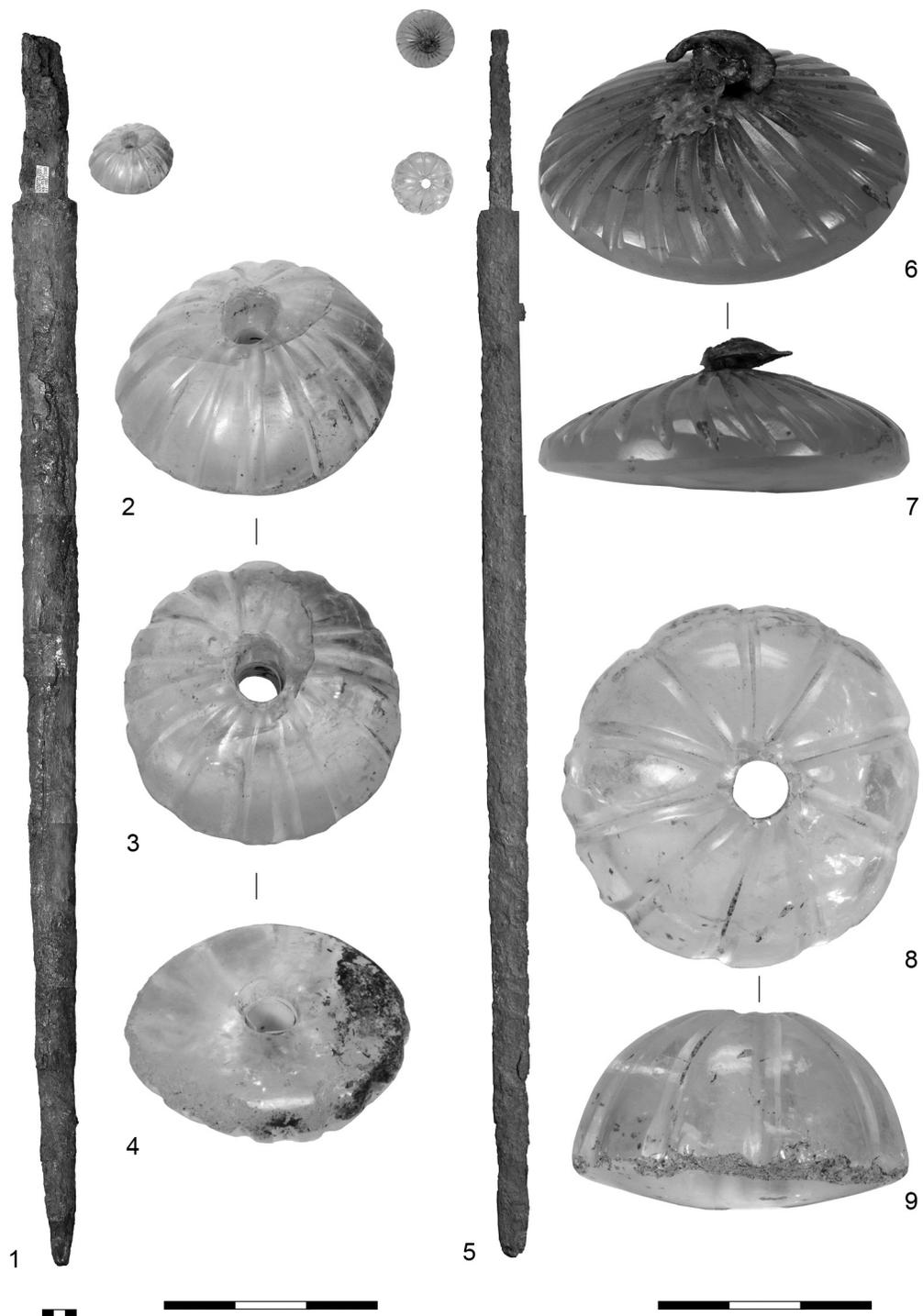

Рис. 1. Длинные мечи с навершиями и темлячными бусинами из полудрагоценных камней. Азов, АИАПМ. 1–4 – Тузлуки. Курган № 17/1980. Погребение № 1, КП-17317/236; 5–9 – Высочино-I. Курган № 10/1976. Погребение № 1, КП-25987, 16169/498. 1, 2. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015

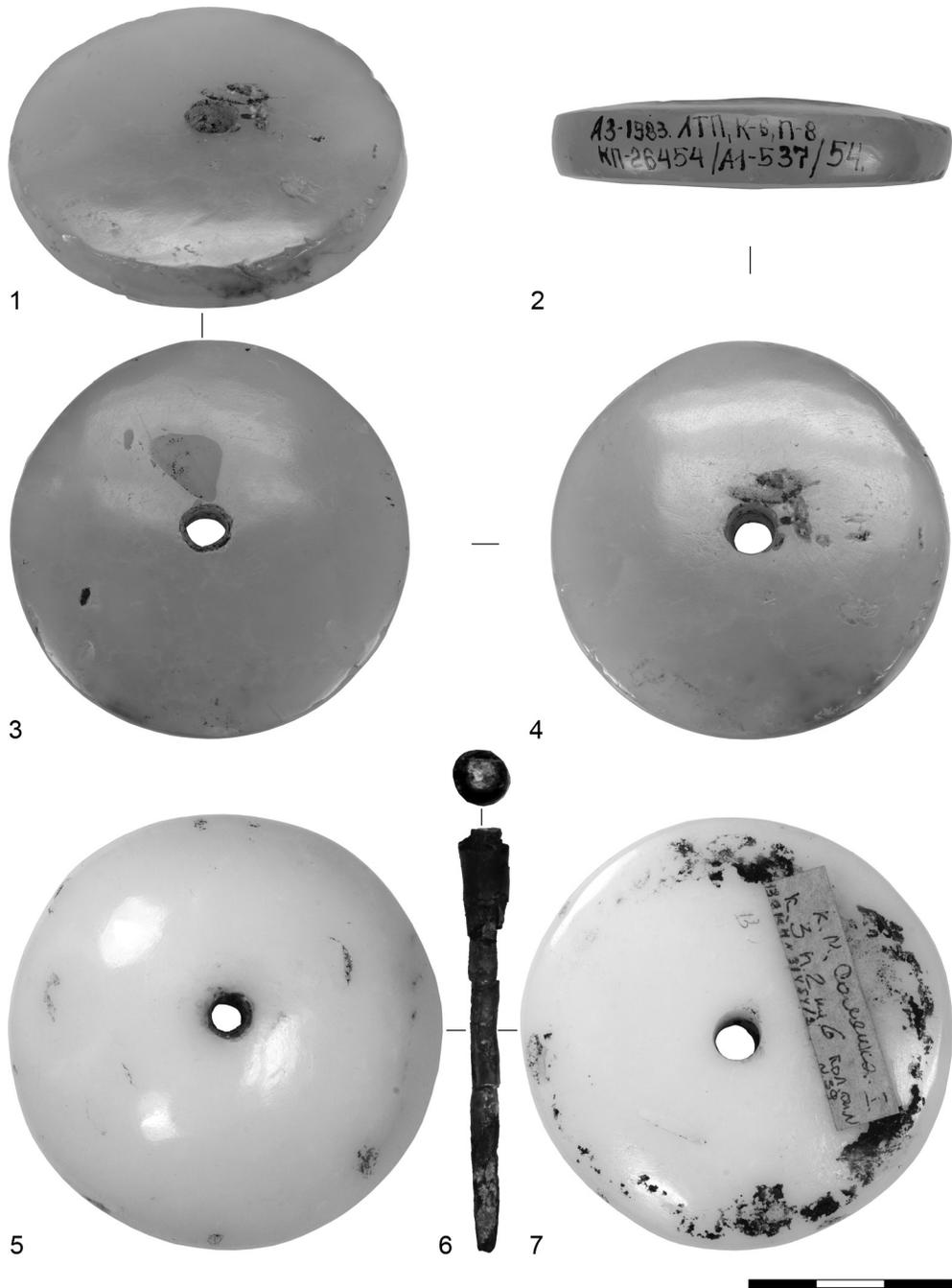

Рис. 2. Халцедоновые навершия мечей. 1–4 – Ростов-на-Дону. Ул. Вятская. Курган № 6/1983. Погребение № 8. Азов, АИАПМ, КП-264546 А1–537/54; 5–7 – Солянка-І. Курган № 3/2000. Погребение № 2. Волгоград, ВОКМ, инв. № 31454/2. Фото, М. Ю. Трейстер, 2015

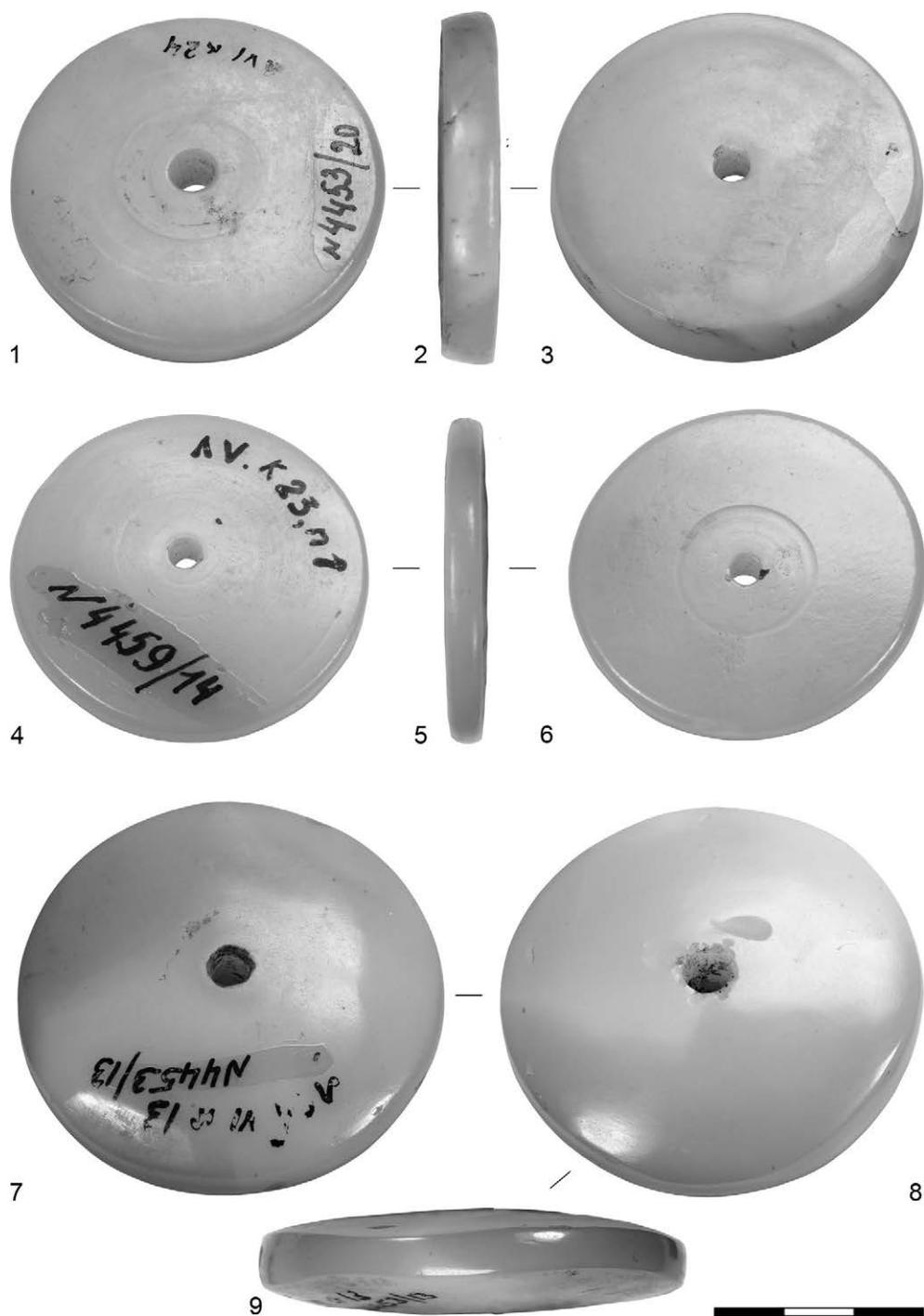

Рис. 3. Халцедоновые навершия рукоятей мечей. Уральск, ЗКОИКМ. 1–3 – Лебедевка-VI. Курган № 24/1979. Погребение № 1, инв. № 4453/20; 4–6 – Лебедевка-V. Курган № 23/1979. Погребение № 1, инв. № 4459/14; 7–9 – Лебедевка-VI. Курган № 13/1979. Погребение № 2, инв. № 4453/13. Фото М. Ю. Трейстера, 2015. Фото, М. Ю. Трейстер, 2015

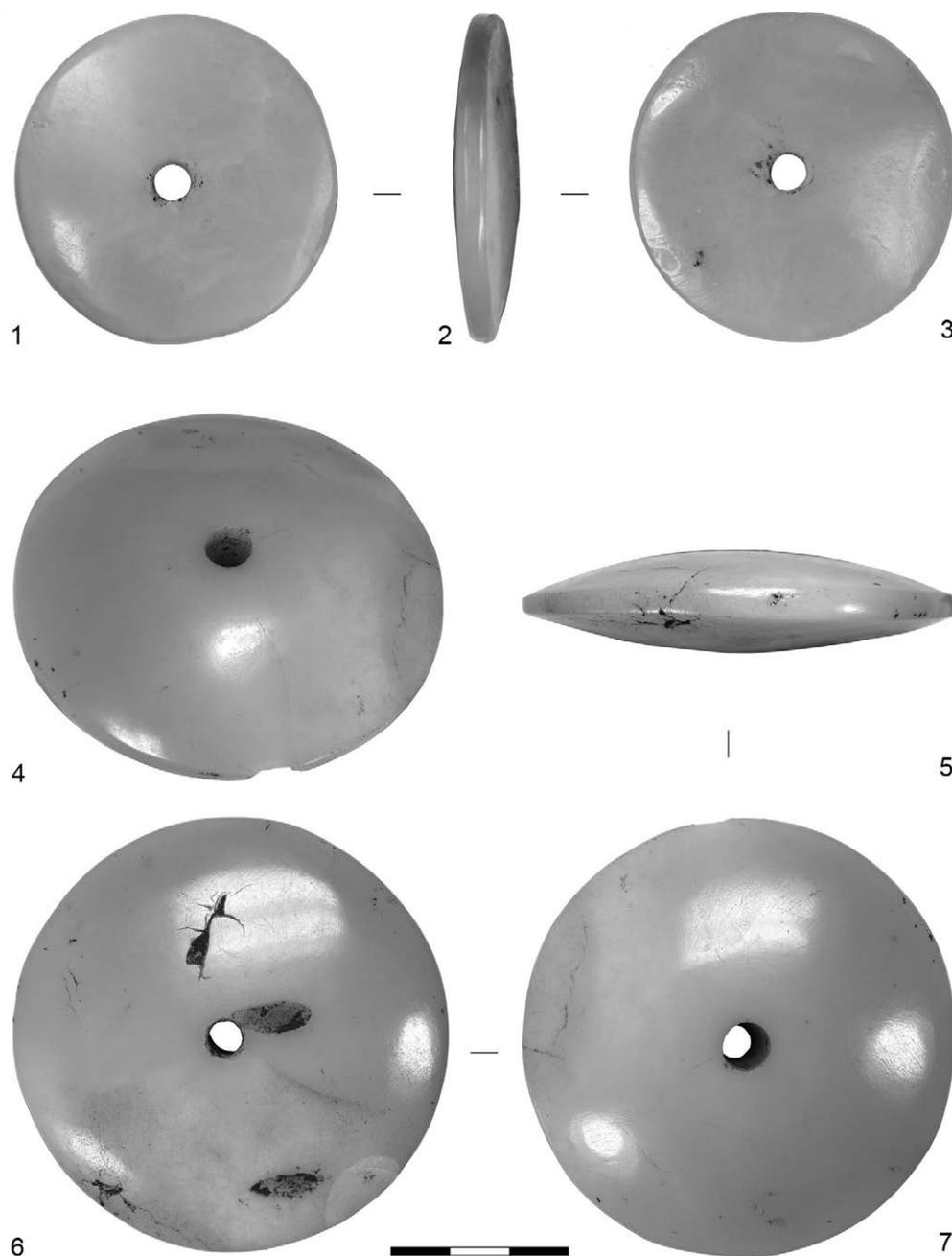

Рис. 4. Халцедоновые навершия рукоятей мечей. Оренбург, ОГИКМ, без инв. №. 1–3 – Красногор. Курган № 1/1936. 4–7 – Место находки не известно. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015

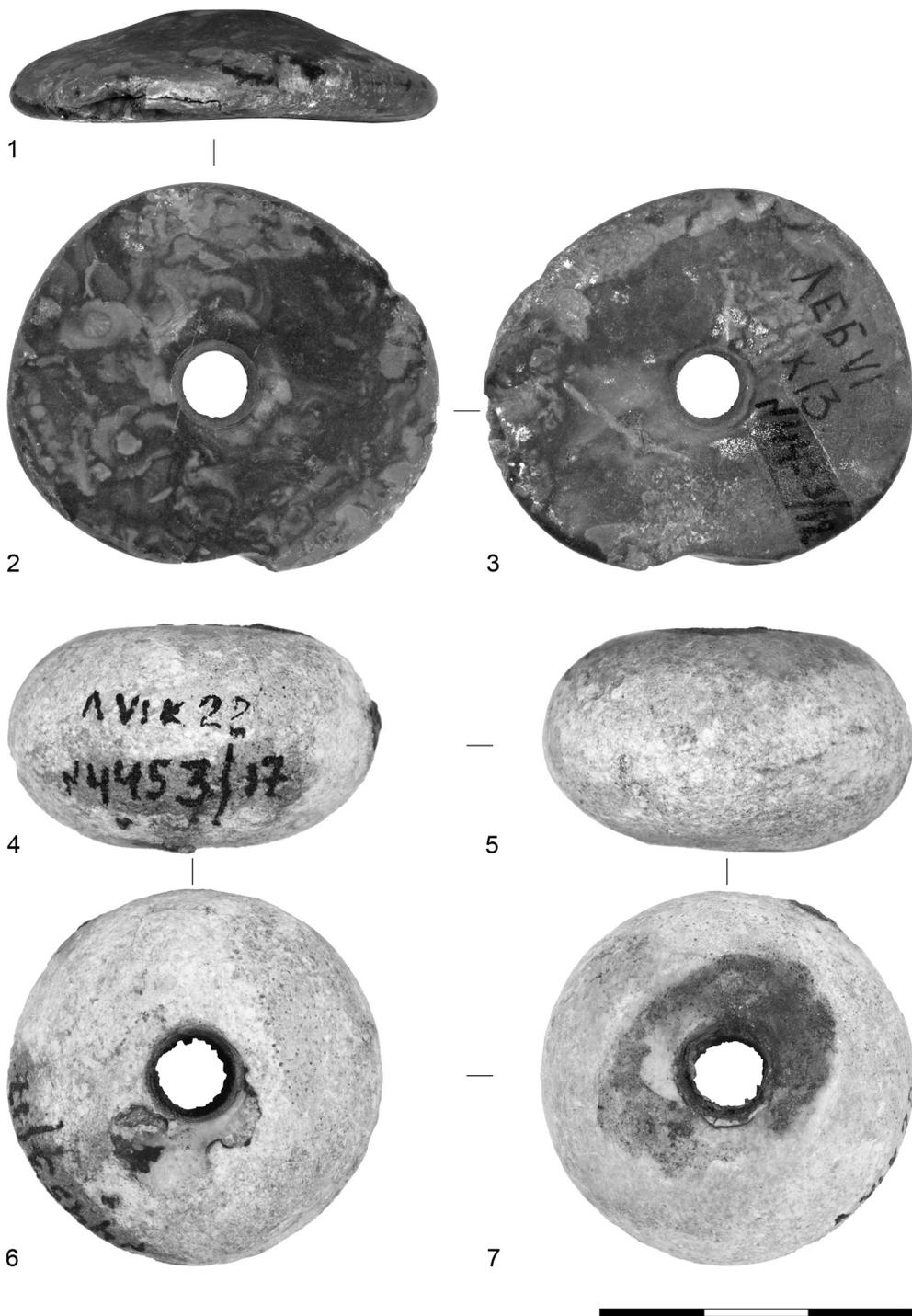

Рис. 5. Навершия рукоятей мечей из янтаря и алебаstra (?). Уральск, ЗКОИКМ.
 1–3 – Лебедевка-VI. Курган № 13/1979. Погребение № 2, инв. № 4433/12;
 4–7 – Лебедевка-VI. Курган № 22/1979. Погребение № 1, инв. № 4453/17.
 Фото, М. Ю. Трейстер, 2015

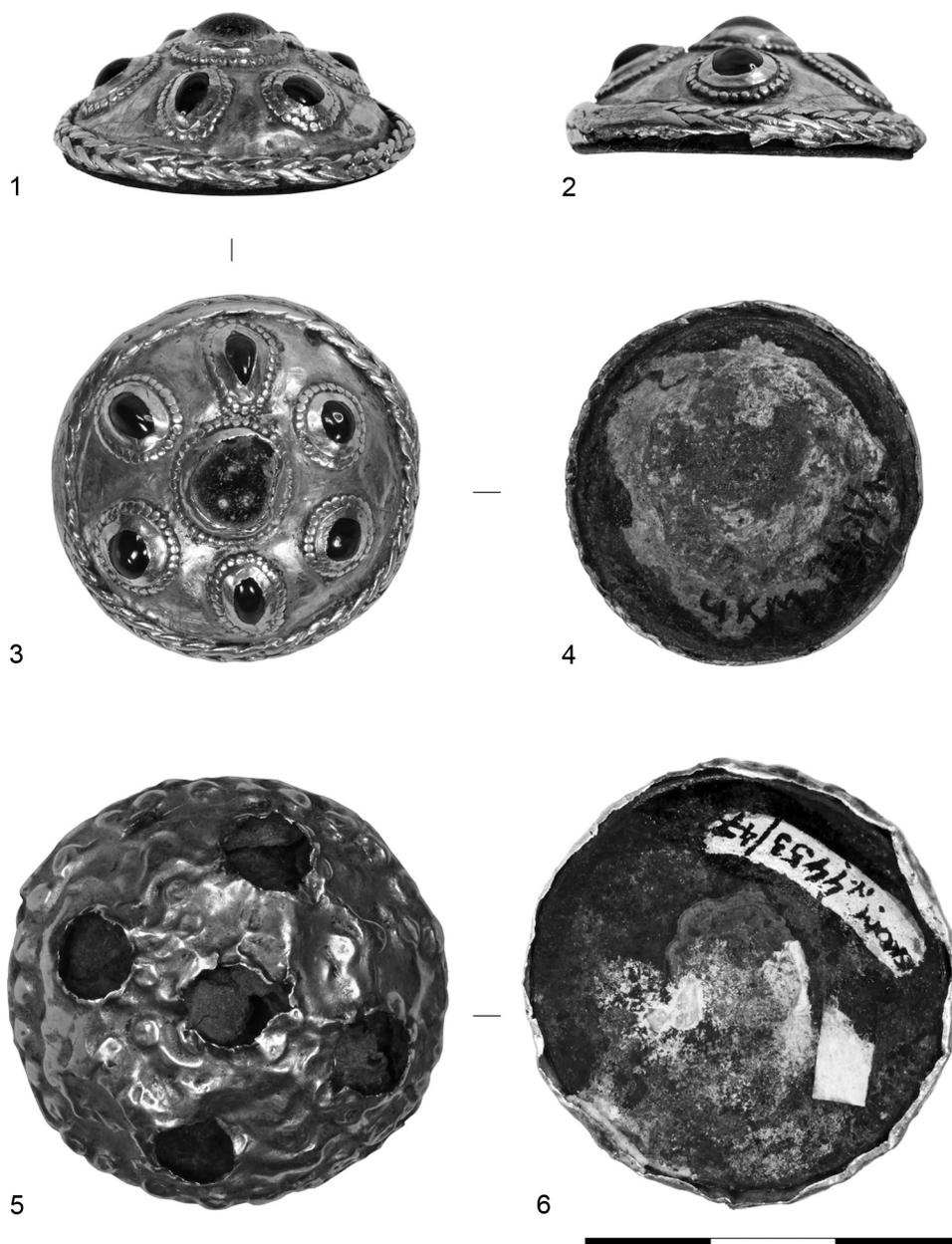

Рис. 6. Накладки на навершия мечей. 1–4 – Место находки не известно. Оренбург, ОГИКМ, без инв. №; 5–6 – Лебедевка-VI. Курган № 37/1979. Погребение № 1. Уральск, ЗКОИКМ, инв. № 4453/47. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015

или серебряными накладками со штифтами, которые иногда дополнительно обтягивались золотым листом и украшались вставками в кастах, обведенных зернью (рис. 6).

С. И. Безуглов учел находки десяти наверший из камня, в том числе шести в форме халцедоновых дисков, из погребений Нижнего Подонья [Безуглов, 1988, с. 109; 2000, с. 172, 186, табл. 1; Гугуев, Безуглов, 1990, с. 170–171]. Еще одно навершие, не учтенное

им, было найдено в грунтовом некрополе Кобяковского городища [Ларенок, 2013, с. 80, № 1, табл. 52. 11]. Значительно меньше их в Волго-Донском междуречье – три экземпляра (два – в виде дисков из халцедона) [Безуглов, 2000, с. 173; Кривошеев, 2007, с. 66, рис. 1. 9; 67], Нижнем Заволжье – пять экземпляров (четыре – в виде дисков из халцедона) [Кривошеев, 2007, с. 66, рис. 1. 6–9; с. 67]¹, и Прикубанье – два экземпляра [Безуглов, 2000, с. 173]². На востоке они были более распространены – из Южного Приуралья и Зауралья происходит не менее 20 наверший (17 – в виде дисков из халцедона) (рис. 7) [Безуглов, 2000, с. 173; Пастушенко, Бернц, 2008, 16; Малашев, 2013, 89]. К западу от Нижнего Подонья навершия мечей из халцедона неизвестны. Диаметр большинства дисков укладывается в интервал от 5,2 до 7,5 см, при максимальной толщине от 0,6 до 1,8 см.

Значительно больше находок таких халцедоновых дисков происходит не с территории Азиатской Сарматии (рис. 7), а из Прикамья, где было найдено более 130 таких дисков на 24 памятниках, датирующихся в рамках второй половины III–IV вв. н. э. [Пастушенко, Бернц, 2008, с. 21, рис. 1 – карта]. Причем они были найдены как в мужских погребениях вместе с мечами, так и в женских – в качестве подвесок к ремням, гривнам или ожерельям. Диаметр дисков колеблется от 3,0 до 6,2 см, при этом наиболее часто встречаются диски диаметром от 4,2 до 5,2 см [Пастушенко, Бернц, 2008, с. 12–23; Голдина, Голдина, 2010, с. 185–187; Краснощёров, 2011, с. 236, 237, рис. 4. 22, 77; Быкова, Казанцева, 2012, с. 94–95, 97–98, рис. 1. 18, 20; Голдина, Бернц, 2016, с. 31–32, рис. 3. 20; 41–42, рис. 8. 73; Голдина, Перевощиков, 2017, с. 117–119; Малых, 2017, с. 29–30]. Лишь очень небольшая часть халцедоновых дисков из Прикамья использовалась в качестве наверший рукоятей мечей – 12 экз. [Пастушенко, Бернц, 2008, с. 15, таблица; Быкова, Казанцева, 2012, с. 94, 95; Казанцева, Нагиев, 2017, с. 78, 79, рис. 3. 4]. При этом, погребения, в которых были найдены такие мечи, относятся к двум хронологическим группам: второй половины III в. н. э., в которых были найдены два меча с навершиями диаметром 5,2 и 6,0 см [Голдина, 2003, с. 4, табл. 2. 26; с. 334, табл. 332. 8; Голдина, Бернц, 2016, с. 31], и третьей четверти IV в. н. э. – три меча с округлыми в плане навершиями диаметром 4,6 и 4,7 см [Голдина, 2003, с. 332, табл. 330. 6; с. 334, табл. 332. 8; Голдина, Бернц, 2016, с. 39, рис. 7. 8–69; с. 41, 42, рис. 8. 73, вверху]. Есть основания полагать, что мы наблюдаем тенденцию уменьшения размеров наверший³.

Приведенные в статье Пастушенко и Бернц данные о том, что на Боспоре найдено не менее 22 экз. таких дисков [Пастушенко, Бернц 2008, с. 16; ср. Безуглов, 2000, с. 173], безусловно, нуждается в уточнении. Еще больше вводит в заблуждение читателей фраза из статьи Н. В. Быковой и О. А. Казанцевой: «По мнению А. В. Мاستыковой, диски обнаружены в Северном Причерноморье, в Пантикапее, не только в мужских,

¹ Включенное в список М. В. Кривошеева халцедоновое навершие короткого меча из кургана № 24 у с. Большая Дмитриевка имеет не только другую форму – в виде усеченного конуса, но и значительные меньшие размеры (дм. 2,5 см, выс. 1, 2 см). [Матюхин, 1997, с. 192, рис. 6. 16–17; 193–194; ср. Кривошеев, 2007, с. 66, рис. 1. 7; 67].

² На самом деле их было найдено значительно больше. Так, среди находок из грабительских раскопок 1930-х гг. у ст. Даховской, поступивших в Ростовский музей и утраченных во время Великой отечественной войны, происходит «группа набалдашников или наверший мечей из полудрагоценных камней различных пород камня и форм (пять крупных плоских халцедоновых, одно умбнообразное из агата), все с круглыми сквозными отверстиями посередине [Лунин, 1940, с. 38, № 8].

³ Заданный объем статьи не позволяет нам подробнее остановиться на гипотезах и возможных объяснениях причин и путей попадания халцедоновых дисков в Прикамье.

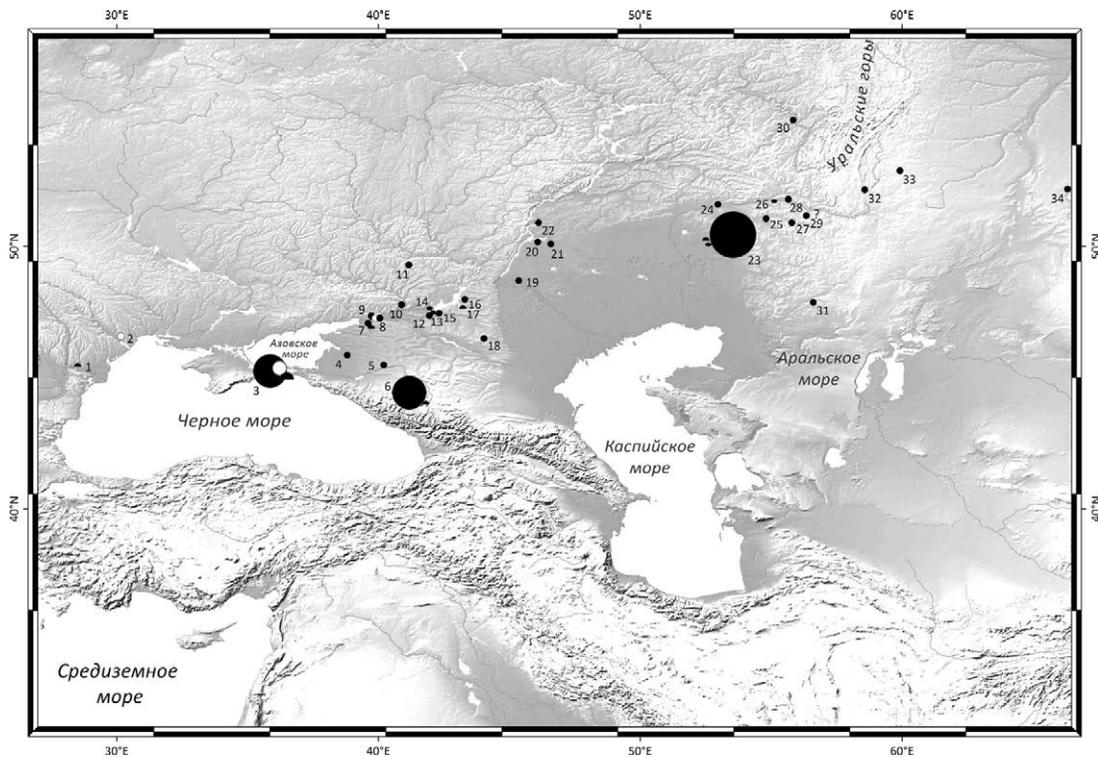

Рис. 7. Навершия рукоятей мечей второй половины II–IV вв. н. э. 1 – Градешты, 2 – Маяк, 3 – Ольвия, 4 – Пантикапей, 5 – Новокорсунская, 6 – Тбилисская, 7 – Даховская, 8 – Высочино-VII, 9 – Кобяково, 10 – Ростов-на-Дону (ул. Вятская), 11 – «Четыре брата», 12 – Сладковский, 13 – Ильиновский-I, 14 – Центральный-VI, 15 – Камышевский-I, 16 – Подгорненский-IV, 17 – Новоаксайский, 18 – Гремячая, 19 – «Три Брата», 20 – Колобовка-III, 21 – Солянка-I, 22 – Альт-Ваймар, 23 – Лебедевка, 24 – Красный Яр, 25 – Покровка-10, 26 – Бердянка-V, 27 – Целинный-I, 28 – Красногор, 29 – место находки неизвестно (Оренбург, ГИКМ), 30 – Уфа, 31 – Кара-Тобе, 32 – Комсомольский-IV, 33 – Агаповский, 34 – Покровский. Круг с заливкой – навершия рукоятей мечей – диски халцедоновые, круг без заливки – диски из других материалов, полукруг – навершия сегментовидного и полусферического сечения, овал – навершия овального сечения. Масштаб значков, обозначающих находки в Керчи, – условный (точное количество находок неизвестно). Карта составлена М. Ю. Трейстером, 2018

но и в женских захоронениях [Мастыкова, 2001, с. 23]». На самом деле, А. В. Мастыкова пишет не о дисках, а о халцедоновых эллипсовидных бусах и ни слова не пишет о связи находок с полом погребенного.

В свое время А. М. Хазанов [1971, с. 16] и М. Г. Мошкова [1978, с. 74, 76], опираясь на наблюдения Н. И. Сокольского [1954, с. 154–155], предположили, что обычай украшать рукояти мечей навершиями из различных материалов, в том числе полудрагоценных камней, пришел к кочевникам с Боспора, при этом отмечалась чрезвычайная редкость таких мечей у кочевников [Хазанов, 1971, с. 16 («кубано-пантикапейская традиция» – использован термин М. И. Ростовцева [1918, с. 51 – МТ].

Очевидно, что навершия мечей из погребений некрополя Илурата конца I – первой половины II в. н. э. и второй половины II – начала III в. н. э. и по форме (в первом случае) – не диск, а бусина, и особенно по размерам (дм. бусины – 3 см, диска – 2, 1 см) [Горнчаровский, с. 2001, 69–72, рис. 1–2] отличаются от рассматриваемых нами.

Что касается наверший мечей, информация о которых приводится в статье Н. И. Сокольского [1954, с. 154–155], то она носит очень общий характер, также как очень общий характер носила короткая информация М. И. Ростовцева [1918, с. 51–52; Rostowzew, 1931, S. 213–215; ср. Anke, 1998, S. 110, Anm. 617] о мечах «кубанско-пантикапейского типа» с навершиями из полудрагоценного камня. Н. И. Сокольский отмечает, что они изготовлены из халцедона, оникса, янтаря, дымчатого топаза, кости, стекла, пасты различных цветов и называет их «пуговицевидными», указывая в одном случае, что оно имеет диаметр 3 см. Опубликованные им рисунки некоторых наверший [Сокольский, 1954, табл. VI. 4–6; VII. 2–3] показывают, что они не имеют ничего общего с халцедоновыми навершиями из кочевнических погребений, а в тех случаях, когда опубликованы рисунки с масштабом, очевидно, что диаметр таких наверший, как правило, небольшой.

Так, пастовое навершие железного меча в форме низкого цилиндра из земляного склепа № 3/1951 некрополя на м. Тузла имеет диаметр ок. 2,5 см [Зеест 1953, с. 156, 158, рис. 63. 1; Сокольский, 1954, с. 156, табл. VII. 1b; Werner, 1956, S. 123, C21]. Н. И. Сокольский относил меч в I–II вв. н. э. – на самом деле, судя по находкам в этом склепе характерных золотых тисненых погребальных пряжек, – погребение может быть датировано не ранее второй половины IV в. н. э. [Трейстер 2015, 114, 178–182, прим. 740]. Это отнюдь не означает, впрочем, что такие пастовые навершия появились лишь в позднеантичный период. Чуть больше 3 см в диаметре имеют пастовые навершия мечей первых веков н. э. из раскопок некрополя Тиритаки [Сокольский, 1954, с. 153, табл. VI. 5–6; Werner, 1956, S. 123, C22]. Несколько больше (диаметр 4,5 см) – точеное костяное навершие меча этого же времени из Керчи [Сокольский, 1954, с. 156, табл. VII. 2]. Наконец, укажу на навершие из прозрачного голубоватого стекла дм. 2,4 см, найденное в 2018 г. в слое разрушения ранней цитадели городища Артезиан (п. о. 1761).

Янтарное навершие дм. 4,7 см меча I–II вв. н. э. (по Н. И. Сокольскому) из Керчи по своей форме (грибовидной) и декору (в форме вихревой розетты) [Сокольский, 1954, с. 156, табл. VII. 3] может быть сопоставлено с халцедоновыми навершиями из кургана № 10 могильника Высочино I (дм. 5,1 см, толщ. макс. 1,6 см) в Нижнем Подонье (рис. 1. 6–7) [Cat. Daoulas, 1995, p. 96, nos. 124–125; Безуглов, 2000, с. 191, рис. 5. 9; Cat. Paris, 2001, p. 249, no. 286; von Krosigk, 2005, S. 112–115, Abb. 4–5; Беспалый, Лукьяшко, 2008, с. 22, № 4; с. 128, табл. XIV. 4], а также темлячными бусинами из упомянутого погребения (рис. 1. 8–9) [Безуглов, 2000, с. 191, рис. 5. 9; Беспалый, Лукьяшко, 2008, с. 22, № 4; с. 128, табл. XIV. 2] и кургана № 17/1980 могильника Тузлуки⁴ (дм. 3,9–4,3 см, толщ. макс. 2,0 см) (рис. 1. 2–4). В этой связи уместно будет отметить и находку в Керчи в земляной гробнице против сада Чернявского – это «большая, полусферической формы пуговица

⁴ О том, что это, скорее всего, не навершие, говорит положение бусины в непо потревоженном погребении на уровне верхней части клинка: Беспалый, 1981, л. 97, № 4, табл. XXXIX, рис. 4. 14; 6. См. план – погребения: там же, рис. 3.

из белого топаза с желобками, украшенная сверху золотой бляшкой с тремя гранатами и двумя изумрудами» [ОАК за 1889 г., с. 9; Rostowzew, 1931, S. 215].

Заслуживает внимание агатовое навершие меча из погребения в первом большом кургане у бывш. завода Херхеулидзева, открытого Д. Карейшей в 1842 г. – оно имеет форму ступенчатой пирамидки и максимальный диаметр ок. 5,9 см [Сокольский, 1954, с. 155, табл. VI. 4; с. 186, № 35]. Н. И. Сокольский (без обоснований) датирует комплекс II в. н. э. Судя по тому, что в нем кроме меча были найдены только два перстня с геммами (золотой и железный), а также веночек из золотых листьев лавра [Карейша, 1844, с. 610], специально никто датировкой этого комплекса не занимался. Близкую форму имеет и одно из упомянутых выше пастовых наверший из Тиритаки [Сокольский, 1954, с. 155, табл. VI. 6].

Я не отрицаю того, что среди находок на Боспоре были такие халцедоновые навершия дисковидной формы. На опубликованной М. И. Ростовцевым фотографии без масштаба, которая, как указывает автор, была ему прислана В. В. Шкорпилом, представлено почти 20 различных наверший мечей и кинжалов из Керчи и Прикубанья, хранившихся в Керченском музее. Среди них есть несколько плоских дисковидных наверший [Ростовцев, 1918, с. 51–52, рис. 31; см. также Rostowzew, 1931, S. 213–215; ср. Anke, 1998, S. 110, Anm. 617]. Н. И. Сокольский [1954, с. 154–155, прим. 6] упоминает халцедоновые навершия «пуговицевидной» формы, хранящиеся в Эрмитаже, не приводя их изображений и не указывая размеров, однако, отмечая их инвентарные номера: П. 1894.21, П. 1879.4.

Судя по приведенному Н. И. Сокольским инвентарному номеру, одно из халцедоновых наверший (П. 1894.21) происходит из склепа Юлия Каллисфена, открытого в саду Абдул-Керима в Керчи в 1894 г. [Шаров, 2011, с. 444, 447, 458 (илл.); Шаров, Чореф, 2015, с. 363, № 15; 364, рис. 6]. При этом в публикациях размеры навершия не указаны и лишь изображение на общей фотографии находок из склепа в саду Абдул-Керима позволяет прийти к выводу, что диаметр навершия составлял около 6,5 см, т. е. вполне сопоставим с размером находок из сарматских погребений.

О том, что среди находок деталей мечей в Керчи были навершия из халцедона ясно и из отчетов В. В. Шкорпила [1905, с. 39–40; 64; 1907, с. 59–60]. В частности, у длинного меча из погребения № 244 (121)/1903 на Глинище «на конце рукоятки оказалась большая пронизь из халцедона (дм. 0,05 м) с золотым украшением в виде шляпки гвоздя на середине» [Шкорпил, 1905, с. 51; Rostowzew, 1931, S. 214; Сокольский, 1954, с. 182, № 2; Werner, 1956, с. 123, C20d – навершие здесь, совершенно очевидно ошибочно, определено как халцедоновая бусина]. В этом погребении отмечаются находки «простой бронзовой фибулы», а также бронзовой поясной пряжки «со знаком вроде тех, какие встречаются на пантикапейских и танаидских камнях с надписями». Это очевидное указание на пряжку с тамгой Тиберия Юлия Евпатора (154–170 гг. н. э.). [ср. Трейстер, 2011, с. 303–340]. Эта датировка вполне коррелируется с новой (поздней) датировкой погребения в склепе в саду Абдул-Керима второй половиной II в. н. э. [Завойкина, 2013, с. 54–56; Шаров, Чореф, 2015, с. 370–371], свидетельствуя о том, что длинные мечи с дисковидными халцедоновыми навершиями во второй половине II в. н. э. уже использовались на Боспоре.

Каменное навершие было найдено и в склепе Деметры в Керчи в 1896 г. К сожалению, материал его не указан (судя по опубликованной архивной фотографии, это скорее мраморовидный известняк, чем халцедон) – диаметр навершия составляет ок. 5–6 см⁵.

Основу в виде халцедонового кружка дм. 4,9 см и толщиной 1,0 см имеет и навершие меча из склепа, открытого в 1841 г. в Аджимушкае, погребение в котором в настоящее время относят к 30–40-м гг. IV в. н. э. Диск из халцедона сверху украшен массивной золотой накладкой дм. 3,4 см с декором в технике клуазоне и плоскими вставками из зеленой пасты, красного стекла и лазурита [ДБК, 1854, с. 186, табл. XXVII. 7; Gajdukevic, 1971, S. 444–445, Abb. 137; Безуглов, 2000, с. 173, прим. 7; Šarov, 2003, S. 38, 46, Abb. 10. 2; Шаров, 2012, с. 220–222, рис. 21. 2].

Близкую находкам из сарматских погребений конструкцию крепления навершия обнаруживает длинный меч из могилы № 82 (10)/1910 на Глинище, в которой была найдена бронзовая монета Савромата II: железный меч дл. 0,75 м находился в истлевших деревянных ножнах; «на конце рукоятки найден кружок из твердой белой массы с бронзовой пряжкой над отверстием, в которое заходил конец железного шпенька» [Шкорпил, 1913, с. 69; Rostowzew, 1931, S. 215; Сокольский, 1954, с. 190, № 4; Werner, 1956, S. 123, C20i].

К сожалению, в указанных выше погребениях не найдены какие-либо вещи, позволившие бы по описанию датировать их. С другой стороны, не очень понятно, на каком основании Й. Вернер отнес эти погребения к эпохе Великого переселения народов.

В любом случае, нельзя не обратить внимание и на датировки керченских мечей. Даже если мы примем новую (позднюю) датировку погребения в склепе в саду Абдул-Керима второй половиной II в. н. э. [Завойкина, 2013, с. 54–56; Шаров, Чореф, 2015, с. 370–371], которая, кстати, никак не объясняет наличие в склепе целого набора стеклянных сосудов середины – третьей четверти I в. н. э. [Кунина, 1997, с. 297, № 214; с. 327, № 377; Шаров, Чореф, 2015, с. 366–367, рис. 8] и перстня с портретом императора Клавдия работы резчика Скилакса [Neverov, 1976, с. 109, № 131; Неверов, 1979, с. 105; 110, № 13, табл. I; Шаров, Чореф, 2015, с. 359, рис. 2; с. 363, № 3], то и в таком случае это находка свидетельствует о том, что длинные мечи с халцедоновыми дисковидными навершиями во второй половине II в. н. э. уже использовались на Боспоре. Но насколько широко они были распространены, до полной публикаций материалов из некрополя Пантикапея говорить не приходится, а хронологически близкое навершию меча из склепа Юлия Каллисфена навершие меча из могилы № 38 некрополя Илурата [Горончаровский, 2001, с. 71, рис. 2] имеет, как уже отмечалось, значительно меньший размер.

Совершенно очевидно, что на Боспоре обычай оформления навершиями рукоятей длинных мечей появился значительно раньше, вероятно не позднее рубежа н. э. – первой половины I в. Во всяком случае на одном из мечей из датирующегося 46–47 гг. н. э.

⁵ Ростовцев, 1913–1914, с. 211, № 9 – определено как «каменное кольцо нижней части рукоятки меча» с непонятным размером «1,06» (вероятно, правильно было бы 0,06 (м)); Шаров, 2016, с. 326, № 15, рис. 7, слева внизу; Медведева, Шаров, 2017, с. 116, № 15; с. 118, рис. 95, слева внизу. Судя по тому, что упомянутая здесь же М. И. Ростовцевым костяная пиксида, также изображенная на фотографии, имеет диаметр 0,03 и высоту 0,052 м, то по фотографии размер навершия – ок. 5,25 см. Т. е. это довольно крупное навершие.

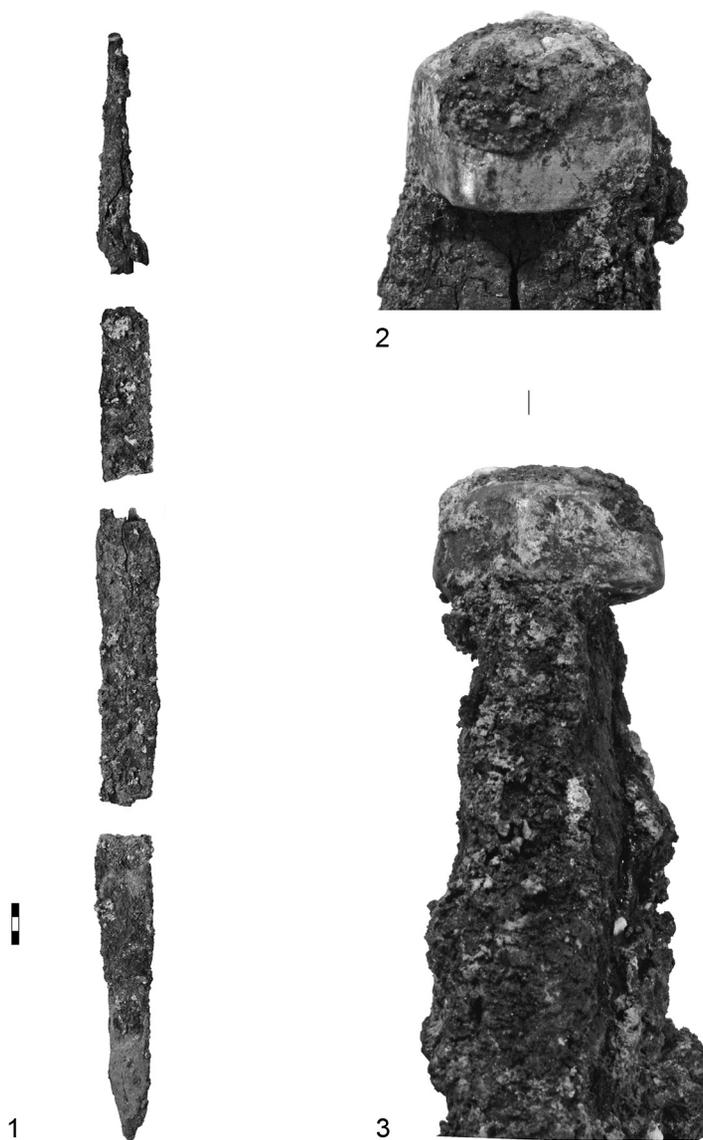

Рис. 8. Железный меч с халцедоновым навершием (до реставрации). Артезиан. 2013 г. Раскоп III. Помещение № 4. Слой пожара. П.о. 3462. Керчь, ВКИКМЗ, НВФ-13443. Фото, М.Ю. Трейстер, 2014

[Винокуров, 2014, с. 98–105; 2015, с. 271–294; Абрамзон, Винокуров, 2016, с. 712–743] слоя разрушения ранней цитадели городища Артезиан имеется почти ромбовидное в плане навершие из камня светло-серого цвета (халцедона?) с выпуклой верхней частью (1,11×1,24 см, толщ. 0,72 см) (рис. 8)⁶. Также очень небольшое навершие (деревянное со шляпкой диаметром 2 см) было у меча из датированной I в. до н. э. – началом I в. н. э. могилы № 37 (холм «И») некрополя Фанагории [Сокольский, 1954, с. 155, табл. V. 1].

⁶ 2013 г. Раскоп III. Помещение № 4. Слой пожара. п. о. 3462. Керчь, ВКИКМЗ, НВФ-13443.

Заслуживают внимание и оформления рукоятей двух мечей из погребения последней четверти I в. н. э. кургана Рошава Драгана в районе Старой Загоры в Болгарии, которые по ряду признаков могли быть изготовлены именно в Северном Причерноморье. У первого из них, снабженного китайской нефритовой скобой [Буюклиев, 1986, с. 72, № 100в, с. 112, табл. 10; 1995, с. 40–41, рис. 2. 1; 3. 1; с. 42; Werner, 1994, S. 275, 277, Abb. 4. 6–7; Gonthier et al., 2014, p. 5–12, figs. 3–5; Brosseder, 2013, S. 95, Abb. 6. b; Симоненко, 2010, с. 397–398; 2015, с. 67, 77–78, 79, рис. 22. 4; Кат. София 2015, с. 28–29, № 10; Безуглов, 2017, с. 98], навершие выполнено из раковины с отверстием в центре, оправленной сверху золотой пластиной с вырезом в центре, украшенной изображениями тамг; в центре навершие украшено золотым колпачком, к плоской оборотной стороне которого припаяна петля [Буюклиев, 1986, с. 72, № 100б, с. 112, табл. 10; Werner, 1994, S. 277, Abb. 6. 2; S. 280; Буюклиев, 1995, с. 40–41, рис. 1. 2; 3. 3; с. 42; Gonthier et al., 2014, p. 5–12, fig. 2; Симоненко, 2015, цв. вкл. 2. 5а–г; Кат. София 2015, с. 28–29, № 9; Безуглов, 2017, с. 98]. У второго меча – навершие в виде диска из алебастра (гипса?) украшено золотой накладкой с изображением лежащего льва, снизу у накладки имеет железный шип для крепления к рукояти [Буюклиев, 1986, с. 72, № 101, с. 111, табл. 9; 1995, с. 39, рис. 1. 4; с. 42; Симоненко, 2015, с. 81; Безуглов, 2017, с. 98].

Что касается наверший мечей из комплексов позднеантичного времени – то находки из склепов на Госпитальной улице, открытых в 1904 г. и датируемых последней четвертью IV – первой половиной V в. н. э., дают следующие материалы. У одного из мечей было дисковидное навершие из пасты (дм. 3,6 см, толщ. 1,3 см) с декоративной золотой шляпкой с инкрустацией из граната [Засецкая, 1993, с. 61–62, № 130, табл. 28], другое было из оникса, также с золотой шляпкой с инкрустацией из граната и имело диаметр 3,0 см при толщине 1,6 см [Засецкая, 1993, с. 62, № 135, табл. 29]. Кроме того, здесь же были найдены навершия из неопределенного камня диаметром 2,5 и 2,8 см [Засецкая, 1993, с. 62, № 134, табл. 29]. Найденное в склепе в имении Гордиковых янтарное навершие имеет полусферическую форму и диаметр 3,4 см [Засецкая, 1993, с. 40, № 8, табл. 7]. У меча из «гробницы Мессаксуди» было дисковидное навершие диаметром 4,2 см, основу которого составлял деревянный диск, поверх которого находился серебряный – с декором в технике *niello*. На нем был закреплен колпачок из бронзы, обтянутый золотой фольгой со вставками алмандинов в овальных кастах, обведенных зернью [Rostovtzeff, 1923, p. 106–107, fig. 3; 5; p. 128; Сокольский, 1954, с. 155, 192, № 16; Безуглов, 2000, с. 173; Cat. Daoulas, 1995, p. 112, no. 140; Soupault, 1995, p. 228, 238, pl. 3. 6; Kat. Mannheim 2001, S. 100, Nr. 1.6.2.1]. У длинного меча из гробницы, открытой на Глинище в 1896 г., находки из которой поступили в Одесский музей, навершие из плоского круглого тщательно отшлифованного халцедона имеет золотой колпачок с инкрустацией из красного стекла [фон Штерн, 1897, с. 3–4, табл. I, 3б; Werner, 1956, S. 122, C20a, taf. 15. 7].

Очевидно, что структура навершия меча из «гробницы Мессаксуди» близка структуре наверший длинных мечей из позднесарматских погребений в Южном Приуралье, Нижнем Поволжье и Подонье [Мошкова, Демиденко, 2010, с. 259]. Оформление диска навершием в виде колпачка из бронзы, обтянутого золотой фольгой со вставками, и даже композиция этих вставок находят прототипы на навершиях мечей из кургана № 37 могильника Лебедевка VI (рис. 6. 5–6) [Самашев и др. 2007, 20 (внизу); Мошкова,

Демиденко, 2010, с. 254–256, рис. 1. 1–2; 2. 1–2; с. 259], из кургана № 11 у ст. Тифлисской [Гущина, Засецкая, 1994, с. 57, № 247, табл. 26], кургана № 8 могильника Камышевский I [Безуглов 2000, 190, рис. 4. 5–6], из кургана № 25 могильника Валовый-I [Безуглов, 2000, с. 191, рис. 5. 22; Беспалый и др., 2007, с. 60, № 15, табл. 75. 4a; Безуглов и др., 2009, с. 51, 56, 58, рис. 33. 2; цв. вкл.; с. 94–95] и из курганной группы Гремячая [Демиденко, 2010, с. 64–65, рис. 3; Симоненко, 2015, с. 59, цв. вкл. 1. 2]. Еще один колпачок неизвестного происхождения такой конструкции с декором в виде шести овальных вставок в пластинчатых кастах, обрамленных зернью, сгруппированных вокруг более крупной центральной вставки, хранится в Оренбургском музее (рис. 6. 1–4).

Таким образом, навершия, которые использовались для оформления рукоятей боспорских мечей второй половины IV в. н. э., ни по размерам, ни по материалу (в большинстве случаев), а иногда по форме не соответствовали тем навершиям, которые в это же время получили распространение в Прикамье. Этот факт, в свою очередь, ставит под серьезное сомнение реконструкцию путей попадания халцедоновых наверший в Прикамье учеными из Удмуртии. Совершенно очевидно, что их можно сопоставлять, прежде всего, с навершиями мечей, получивших распространение, главным образом, в позднесарматских погребениях Южного Приуралья, а также Нижнего Подонья и Поволжья в первой половине III в. н. э. Даже в том случае, если на Боспоре подобные по форме и размерам навершия из халцедона и использовались, то единственное достоверное свидетельство этого датируется второй половиной II в. н. э. и предполагать, что в середине III, а уж тем более в третьей четверти IV в. н. э. здесь работали мастерские, в массовом порядке производившие такие диски, которые подверглись разграблению готами, нет никаких оснований.

Несмотря на очевидные свидетельства того, что в Северном Причерноморье и на Боспоре, в частности, уже на рубеже нашей эры – в первой половине I в. получает распространение обычай украшать рукояти мечей навершиями из различных материалов, возможная связь оформления рукоятей мечей позднесарматского времени стандартными дисковидными навершиями из халцедона с боспорской традицией на сегодняшний день (до публикации материалов некрополя Пантикапея и минералогических исследований наверший) не представляется доказанной. По имеющимся очень неполным сведениям, приведенным выше, можно говорить лишь о том, что начиная со второй половины II в. н. э. длинные мечи с такими деталями, появляются как у кочевников Азиатской Сарматии, так и на Боспоре. Нюансы датировок комплексов, как будто бы говорят о том, что на Боспоре они появились чуть раньше, чем на Дону, если исходить из датировки погребения № 244 (121)/1903 на Глинище именно временем правления Тиберия Юлия Евпатора, т. е. 154–170 гг. что вероятно, но не обязательно. Географическое распределение находок мечей с такими навершиями, которые преобладают не в Прикубанье или на Нижнем Дону, а в Южном Приуралье (рис. 7), позволяют считать эту связь не такой очевидной. Впрочем, не исключено, что находки из Южного Приуралья несколько более поздние, чем нижнедонские, если исходить из того, что погребения на Нижнем Дону датируют концом II – первой четвертью (третью) III в. н. э. [Безуглов, 2017, с. 105], тогда как среди комплексов из Южного Приуралья есть погребения,

которые можно датировать как первой половиной III, так и серединой – второй половиной этого столетия⁷.

Не меньше оснований предполагать изготовление мечей с халцедоновыми дисковидными навершиями в мастерских Среднего Востока или Индии [Безуглов, 2000, с. 178–180; Кривошеев, 2005, с. 190; Кривошеев, Скрипкин, 2006, с. 133]. В пользу этого свидетельствуют и исследования состава металла, и металлография клинков, и высокий уровень обработки камня. Есть все основания предполагать, что обычай украшения рукояти крупным навершием из камня дисковидной формы возникает в Центральной Азии, о чем свидетельствует и меч из погребения № 2 Орлатского могильника [Вайнберг, 1992, с. 119–120, табл. 46. IV.1; Горбунова, 2000, 44; Васильев, 2013, с. 63–64, рис. 1. 2].

Дисковидные халцедоновые навершия отличает высокий уровень изготовления: обточка, сверления и полировки. В сечении они были либо линзовидные с очень узкой торцевой гранью (иногда это просто ребро), либо имели форму низкого цилиндра, шайбы, иногда с несколько выпуклой поверхностью. Говорить о какой-то закономерности распределения халцедоновых наверший этих групп не приходится, оба типа их представлены как в Подонье, так и в Поволжье и в Южном Приуралье. На поверхности некоторых наверший второй группы хорошо видны концентрические следы от обработки на станке (рис. 3. 1–6). Я могу утверждать это в отношении тех наверший из погребений III в. н. э. могильника Лебедевки (рис. 3. 1–6), которые мне удалось обследовать *de visu*. Имеется ли таковые следы на близких по форме сечения навершиях из Подонья, известных мне только по контурным рисункам С. И. Безуглова [2000, с. 191, рис. 5. 20–21], я не знаю, впрочем судя по неровно выведенным граням – вряд ли, подобно тому, как никаких следов обработки на станке нет на относящемся к этой группе навершии из кургана № 6/1983 на ул. Вятской в Ростове-на-Дону (рис. 2. 1–4). Эти наблюдения свидетельствуют в пользу того, что навершия изготавливались в разных мастерских, отличающихся разным технологическим уровнем обработки камня, в том числе и в высокоспециализированных, в которых его обточка производилась при помощи станков. Даже визуально хорошо заметны отличия цвета каменного материала различных наверший (рис. 1–4).

Локализация мастерских, однако, представляется трудноразрешимой задачей. Изображений длинных мечей в Парфии времени ранее II в. н. э. практически не известно, а на длинных мечах детали оформления рукояти и перекрестий неразличимы [Winkelmann, 2003, S. 58–62; 2013, p. 240–242; 245–249]; реальные находки парфянских длинных мечей II–III вв. н. э. чрезвычайно редки, а среди опубликованных – известны экземпляры с прямыми перекрестиями, но без наверший [Farrokh et al., 2016, p. 49–53, figs. 21–25; Karamian et al., 2018, p. 44–50, fig. 5], лишь в одном случае в могильнике Вестемин на севере Иране был найден длинный меч с прямым перекрестьем и навершием, опубликованный на фотографии – ни размеры навершия, ни его форма и материал не указаны [Farrokh et al., 2018, p. 19, fig. 3; Karamian et al., 2018, p. 45, 46, fig. 4].

Тем не менее, нельзя не отметить, что в погребении кургана № 6 могильника Бердянка-V, в котором был найден фрагмент янтарного навершия овального сечения

⁷ См. например, о датировке кургана № 43 могильника Покровка 10: Малашев, Яблонский, 2008, с. 66, 83.

[Моргунова, Мещеряков, 2012, с. 212, 215, рис. 4. 1], сопоставимый по форме с неопубликованным навершием из алебастра (?) из кургана № 22/1979 могильника Лебедевка-VI (рис. 5. 4–7) и янтарным навершием меча из кургана № 8 могильника Камышевский-I [Безуглов, 2000, с. 172, рис. 4, 1. 5; 2017, с. 97, рис. 9. 5; 14, 5; Ли Джи Ын, 2010, с. 156, табл. 36. 4], были найдены золотые пряжка и окончания ремней поясной гарнитуры (наконечник ремня: Малашев, Яблонский, 2008, с. 69, 71; Моргунова, Мещеряков, 2012, с. 214, 216, рис. 5. 2; цв. вкл. XXIII; Трейстер, 2018, с. 135–136, рис. 26. 3. – Пряжки: Малашев, Яблонский, 2008, с. 69, 71; Моргунова, Мещеряков, 2012, с. 214, 216, рис. 5. 3–4; цв. вкл. XXIII; Трейстер, 2018, с. 135–136, рис. 26. 1–2] предположительно иранского происхождения [Малашев, Яблонский, 2008, с. 69–72; Малашев, 2013, с. 135–142]. В. Ю. Малашев совершенно справедливо предположил, что они являлись предметами престижной воинской экипировки и к представителям воинской элиты населения Южного Приуралья попали либо как трофеи, либо как дары. Судя по датировке самих деталей поясной гарнитуры [Малашев, Яблонский, 2008, с. 69–72; Малашев, 2013, с. 135–142; Трейстер, 2018, с. 135–137] и хронологии комплексов (первая половина – середина III в. н. э.), из которых происходят эти предметы, они, предположительно, могут рассматриваться в связи с чередой событий, последовавших после утверждения на иранском престоле Арташира I, а именно – военными акциями двух первых Сасанидов (Арташира I и Шапура I) по установлению господства в восточных районах Ирана [Малашев, Яблонский, 2008, с. 71; Малашев, 2013, с. 141–142].

Отдельные находки наверший, в том числе в форме дисков и полусферической в сечении в форме с отходящими от центра канавками, изготовленные из нефрита и горного хрусталя [James, 2004, p. 141–142, 150–151, fig. 88, nos. 531–532; Biborski, Kaczanowski, 2013, p. 424, 425, fig. 4], происходящие из Дура-Европос, подтверждают предположение о возможном иранском изготовлении длинных мечей с рассматриваемым здесь типом каменных наверший. Особого внимания заслуживает находка железного меча с нефритовым дисковидным навершием дм. 5,4 см и макс. толщиной 1,7 см (рис. 9. 4) [James, 2004, p. 150–151, fig. 88, no. 532] при скелете, обнаруженном в Дура-Европос в башне 19 (рис. 9. 2); предполагается, что это был персидский офицер, погибший при штурме Дура-Европос в 256 г. н. э. [du Mesnil du Buisson, 1936, p. 192–199, figs. 16–18, pl. XVIII; James, 1986, p. 121; 2004, p. 34–39, figs. 12–16; 2011, p. 81, 88]⁸. Интересно, что из грабительских раскопок у ст. Даховской происходит не только большая серия халцедоновых наверший мечей, но и серебряный кубок галльского производства (?) с дарственной надписью царя Пакора на донце, предположительно Пакора III, брата парфянского царя Вологеза III (148–191 гг.), которого последний посадил на престол Армении при Антонине Пие [Лунин, 1939, с. 220–223, рис. 9; 1940, с. 39–49, рис. 1–2; Тревер, 1953, с. 242–245; Трейстер, 2007, с. 25–26; Мордвинцева, Трейстер, 2007, т. 2, № В/1.2, рис. 16; Treister, 2013, p. 41, 44, fig. 6 (с лит.)]. Высказывавшиеся предположения о датировке кубка первой половиной I в. н. э. и связи надписи с царем Парфии Пакором II (78–105 гг. н. э.) [Кропоткин, 1970, с. 27, 85, № 721, рис. 81. 3; Клейн, 1979, с. 216] несостоятельны по той причине, что анализ формы и декора сосуда однозначно говорит в пользу его датировки не ранее

⁸ Дамаск, Национальный музей, инв. номер не известен. Навершие опубликовано только в прорисовке.

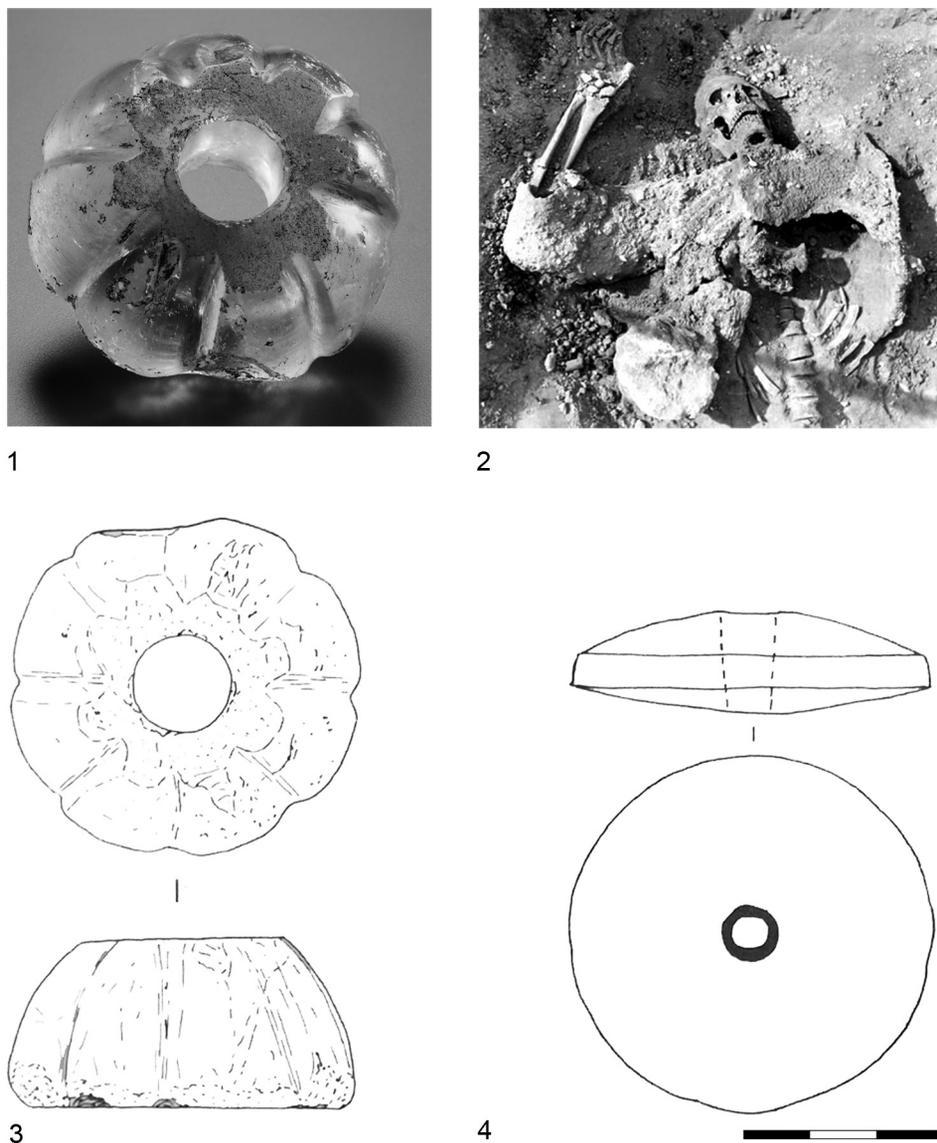

Рис. 9. Дура-Европос. 1 – навершие из горного хрусталя. Yale University Art Gallery, inv. 1938.5999.74: <https://artgallery.yale.edu/collections/objects/95546>; 2 – «персидский офицер» – скелет из башни 19 (по: du Mesnil du Buisson, 1936, р. 192–199, pl. XVIII. 3); 3–4 – нефритовое навершия из горного хрусталя и нефрита (по: James 2004, 150, fig. 88)

середины II в. н. э. [Трейстер, 2007, с. 25–26; Treister, 2013, р. 41–43; 47–50]. Таким образом, нельзя исключать и возможность того, что так называемый «персидский офицер» мог быть наемником-сарматом на службе у Сасанидов.

Возможно, что и на Боспор мечи с подобными халцедоновыми навершиями могли попасть с сарматами. Конечно, я далек от того, чтобы рассматривать все халцедоновые навершия сарматских мечей как изделия иранской мастерской. Предположение о том,

что халцедоновые диски могли попасть в Прикамье из Северного (Северо-Восточного Причерноморья), а тем более объяснение массового попадания таких дисков разграблением одной или нескольких мастерских на Боспоре [Пастушенко, Бернц, 2008, с. 16–17; Голдина, Голдина, 2010, с. 187], явно не состоятельны. Я далек от того, чтобы утверждать, что все халцедоновые диски, в том числе, использовавшиеся в Прикамье в качестве украшений поясов, ожерелий и гривен изначально были навершиями мечей, а потом использовались не по назначению. Конечно, нельзя исключать того, что такие диски могли изначально использоваться и в качестве деталей конской сбруи, также как и нельзя отрицать возможность попадания их в Прикамье не через посредничество сарматов, тем более, что, насколько я понимаю, значительная их часть происходит из комплексов третьей четверти IV в. н. э., тогда как преобладающее большинство кочевнических мечей с такими навершиями было найдено в комплексах первой половины – середины III в. Затрудняет интерпретацию находок в Прикамье и отсутствие четкой классификации материалов по форме, размерам, а также корреляции этих параметров с датировкой комплексов и функциональным их использованием.

Не исключено, что часть наверший из халцедона и горного хрусталя, найденных на Нижнем Дону, могла быть продукцией боспорской мастерской. Это касается, прежде всего, наверший полусферического и сегментовидного сечения, верхняя поверхность которых оформлена канавками, образующими розетту (в большинстве случаев, вихреобразную): (например, из кургана № 10 могильника Высочино I, см. выше) (рис. 1. 2–4, 6–9). Мотив вихреобразных розетт использовался и в декоре фаларов, как раннесарматского времени, так и первых веков н. э. – последние известные по находкам из Нижнего Поволжья (Комсомольский, погребение № 1/1993 [Дворниченко и др., 2002, с. 226, 232, рис. 3. 6; Cat. Rome 2005, p. 166, no. 142]), Прикубанья (некрополь Старокорсунского городища № 2, погребение № 613з [Лимберис, Марченко, 2012, с. 272, № 22, рис. 3. 4; с. 277] и Нижнего Подонья (могильник «Царский», курган № 64, погребение № 1 [Власкин, 1990, с. 64, 65, 68, рис. 1. 7]). Несколько мечей с аналогичными по форме и декору халцедоновыми навершиями были найдены и в сарматских погребениях Карпатского бассейна [Vaday, 1986, S. 202, Abb. 3. 2–3; S. 206–207, Nr. 33–34; S. 215, Abb. 7, 4; S. 217–219; Vaday, 1989, S. 316, Abb. 24. 7; Безуглов, 2000, с. 192, рис. 6. 20–22; Istvánovits, Kulcsár, 2003, p. 235, fig. 4c; von Carnap-Bornheim, 2003, S. 374–375, Abb. 2; Istvánovits et al., 2006, p. 102–103, fig. 9. 6–8; Istvánovits, Kulcsár, 2017, p. 164, fig. 127]. Дело даже не только в том, что навершия такой формы и декора неизвестны в Южном Приуралье. Они, как было показано выше, встречаются в некрополе Пантикапея, причем керченские находки представлены изделиями из опала [ОАК за 1889 г., с. 9; Rostowzew, 1931, S. 215] и янтаря [Сокольский, 1954, с. 156, табл. VII. 3]. Впрочем, утверждать боспорское происхождение этой группы наверший я не берусь, тем более что навершие близкой формы и декора было найдено и в Дура-Европос (рис. 9. 1, 3) [James, 2004, p. 150–151, fig. 88, no. 531]⁹.

Обращают на себя внимание находки из торфяников у Торсберга на севере Германии дисковидных наверший, преимущественно стеклянных [Raddatz, 1958, S. 81–84; 1987, S. 106–108, Taf. 107]. Но среди них есть и образец дисковидной формы из халцедона

⁹ Yale University Art Gallery, inv. 1938.5999.74: <https://artgallery.yale.edu/collections/objects/95546>

(Raddatz, 1987, S. 106, Nr. 852, Taf. 107. 2; von Carnap-Bornheim, 2003, S. 371, 372, Abb. 1; Biborski, Kaczanowski, 2013, p. 423, fig. 1, справа внизу], чрезвычайно близкий и по форме, и по размерам (дм. 4,95–5,1 см, толщ. макс. 1,0 см, дм. отверстия 0,5 см) публикуемым находкам из Азиатской Сарматии. В Северной Европе навершия появляются не позднее III в. н. э. и их появление связывают либо с контактами между германской и сарматской воинскими элитами [Anke, 1998, S. 99–114; von Carnap-Bornheim, 2003, S. 373–375; Bliujienė, Steponaitis, 2009, p. 189; Biborski, Kaczanowski, 2013, p. 427; Kontny, Maćczyńska, 2015, p. 249–250], либо связывают с римлянами, которые могли заимствовать обычай украшать ими мечи в Северном Причерноморье [Biborski, Kaczanowski 2013, 427, Kontny, Maćczyńska, 2015, p. 249]. Обычай украшать рукояти мечей подобными навершиями получает особое распространение в Европе в эпоху Великого переселения народов, что обычно также связывают с импульсом с Востока (гунны) [Werner, 1956, S. 26–37, 120–129, Taf. 21; Bliujienė, Steponaitis, 2009, p. 189 с лит.].

Список литературы

- Абрамзон, Винокуров, 2016. Абрамзон М. Г., Винокуров Н. И. Золотые статеры Аспурга и Митридата III и новые комплексы с монетами и ювелирными изделиями с городища Артезиан // ВДИ. 3.
- Безуглов, 1998. Безуглов С. И. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье. СА. 4.
- Безуглов, 1998. Безуглов С. И. Позднесарматский меч из ст. Камышевской // VII Донская археологическая конференция «Проблемы археологии Юго-Восточной Европы» (тезисы докладов). Ростов-на-Дону.
- Безуглов, 2000. Безуглов, С. И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону (Материалы и исследования по археологии Дона. 1). Ростов-на-Дону.
- Безуглов, 2017. Безуглов, С. И. Позднесарматский курган у станицы Камышевской на Дону // Вестник Танаиса. 4.
- Безуглов и др. 2009. Безуглов С. И., Глебов В. П., Парусимов И. Н. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I). Ростов-на-Дону.
- Беспалый, 1981. Беспалый Е. И. Отчет об исследовании курганов в зоне строительства орошаемого участка в совхозе «Орошаемый» у хут. Тузлуков за 1980 год. Азов (Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, архив, № 10190/55, (А-/56)).

- Беспалый и др. 2007. Беспалый Е. И., Беспалая Н. Е., Раев Б. А. Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый 1» (Материалы и исследования по археологии Юга России. 2). Ростов-на-Дону.
- Беспалый, Лукьяшко, 2008. Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И. Древнее население между речья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино (Материалы и исследования по археологии Юга России. 1). Ростов-на-Дону.
- Буюклиев, 1986. Буюклиев, Х. Тракийский могилен некропол при Чаталка, Старозагорски окръг (Разкопки и проучвания XVI). София.
- Буюклиев, 1995. Буюклиев, Х. К вопросу о фракийско-сарматских отношениях в I - начале II в. н. э. // РА. 1.
- Быкова, Казанцева, 2012. Быкова Н. В., Казанцева О. А. Ювелирные изделия из минералов в коллекциях могильников I-V веков в бассейне реки Камы // Вестник Пермского Университета. История. 1 (18).
- Вайнберг, 1992. Вайнберг Б. И. Памятники скотоводческих племен в левобережном Хорезме // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР). М.
- Васильев, 2013. Васильев В. Н. Китайские мечи Урало-Поволжья и Юго-Восточного Приаралья // Уфимский археологический вестник. 13.
- Винокуров, 2014. Винокуров Н. И. Раскопки помещения 10 (2009, 2011, 2013 гг.) ранней цитадели городища Артезиан // Таврические студии. Исторические науки. 6.
- Винокуров, 2015. Винокуров Н. И. Центральное помещение 4 ранней цитадели городища Артезиан в Крымском Приазовье // OLBIO. In Memotiam V. V. Krapivina (Археология і давня історія України. Вып. 1 [14]). Київ.
- Власкин, 1990. Власкин М. В. Уздечный набор с тамгообразными псалями из могильника «Царского» // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов.
- Голдина, 2003. Голдина Р. Д. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Т. I. Ижевск.
- Голдина, Бернц, 2016. Голдина Р. Д., Бернц В. А. Хронология мужских погребений III-V вв. н. э. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 3 (17).
- Голдина, Голдина, 2010. Голдина Е. В., Голдина Р. Д. «Дальний импорт» Прикамья - своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н. э. - IX в. н. э.) // Голдина Е. В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV-IX в.). Ижевск.
- Голдина, Перевошиков, 2017. Голдина Р. Д., Перевошиков С. Е. О клинковом оружии Тарасовского могильника I-V вв. на Средней Каме // Уральский исторический вестник. 1 (54).
- Горбунова, 2000. Горбунова Н. Г. О вооружении среднеазиатских скотоводов (II (III?) в. до н. э. - V в. н. э.) // РА. 2.
- Горончаровский, 2001. Горончаровский В. А. Предметы вооружения из раскопок некрополя Илурата I-III вв. н. э. // Folia archaeologica. 23.
- Гугуев, Безуглов, 1990. Гугуев В. К., Безуглов С. И. Всадническое погребение первых веков нашей эры из курганного некрополя Кобякова городища на Дону // СА. 2.

- Гущина, Засецкая, 1994. Гущина И. И., Засецкая И. П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.
- Дворниченко и др. 2002. Дворниченко В. В., Плахов В. В., Сергацков И. В. Сарматские погребения у поселка Комсомольский Астраханской области // НАВ. 5.
- Демиденко, 2010. Демиденко С. В. Древние памятники Волго-Донских степей // Институт археологии. Новые полевые исследования. М.
- Завойкина, 2013. Завойкина Н. В. Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М.
- Засецкая, 1993. Засецкая И. П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V в. н. э. // МАИЭТ. 3.
- Зеест, 1953. Зеест И. Б. Земляные склепы некрополя Тузлы // КСИИМК. 51.
- Казанцева, Нагиев, 2017. Казанцева, О. А., Нагиев, З. Ш. Погребение тяжеловооруженного всадника в Кудашевском I могильнике // Поволжская археология. 2 (20).
- Карейша, 1844. Карейша Д. В. Разрытие курганов возле Керчи и Тамани в 1842 и в начале 1843 года // ЗООИД. 1.
- Кат. София 2015. Римската вила при Чаталка. Богатството на един тракийски аристократ / The Roman villa in Chatalka site. The wealth of a Thracian aristocrat. София.
- Клейн, 1979. Клейн Л. С. О характере римского импорта в богатых курганах сарматского времени на Дону // Античный мир и археология 4. Саратов.
- Краснопёров, 2011. Краснопёров А. А. К атрибуции находки из раскопок Тарасовского могильника позднесарматского времени в Прикамье // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК. Т. 2. Алматы.
- Кривошеев, 2005. Кривошеев М. В. Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации. Дисс... канд. ист. наук. Волгоград.
- Кривошеев, 2007. Кривошеев М. В. Вооружение позднесарматского времени Нижнего Поволжья // Вооружение сарматов. Региональная типология и хронология. Челябинск.
- Кривошеев, Скрипкин, 2006. Кривошеев М. В., Скрипкин А. С. Позднесарматская культура междуречья Волги и Дона. Проблема становления и развития // СА. 1.
- Кропоткин, 1970. Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.) (САИ. Д1-27). М.
- Кунина, 1997. Кунина Н. З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб.
- Ларенок, 2013. Ларенок В. А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов некрополя Кобякова городища из раскопок 1999–2000 гг. Часть I. Ростов-на-Дону.
- Ли Джи Ын, 2010. Ли Джи Ын. Китайский импорт в памятниках Юга России (I в. до н. э. – III в. н. э.). Дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону.
- Лимберис, Марченко, 2012. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Погребение сарматского всадника на некрополе меотского городища // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной (Труды ГИМ, 191). М.
- Лунин, 1939. Лунин Б. В. Археологические находки 1935–1936 гг. в окрестностях станиц Тульской и Даховской близ Майкопа // ВДИ. 3 (8).

- Лунин, 1940. Лунин Б.В. Серебряная чаша с рельефным изображением и греческой надписью и стеклянная чаша из находок у станицы Даховской // Известия Ростовского областного музея краеведения. 2.
- Максименко, Безуглов, 1987. Максименко, В.Е., Безуглов, С.И. Позднесарматские погребения в курганах на реке Быстрой // СА. 1.
- Максименко, Ли Джи Ын, 2015. Максименко В.Е., Ли Джи Ын. Предметы из Восточной Азии в погребальных комплексах кочевников эпохи раннего железного века Нижнего Дона // TANAIN DE POTAMON DIABANTI. Памяти В.Е. Максименко (1934–2014). Ростов-на-Дону.
- Малашев, 2013. Малашев В.Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н. э. Дисс... канд. исторических наук. М.
- Малашев, Яблонский, 2008. Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время (по материалам могильника Покровка 10). М.
- Малых, 2017. Малых О.О. Пути проникновения мечей в пермском Предуралье в первой половине I тыс. н. э. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного педагогического университета. XIII.
- Мастыкова, 2001. Мастыкова А.В. Халцедоновые бусы эллипсоидной формы эпохи раннего средневековья: распространение, датировка, социальная атрибуция // РА. 2001. 2.
- Матюхин, 1997. Матюхин А.Д. Позднесарматские погребения из курганов у с. Большая Дмитриевка // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2. Саратов.
- Медведева, Шаров, 2017. Медведева М.В., Шаров О.В. Склеп Деметры в Керчи (по материалам Научных архивов ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа) // Российские археологи XIX – начала XX в. и курганные древности Европейского Боспора. СПб.
- Моргунова, Мещеряков, 2012. Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В. Позднесарматский курган на р. Бердянка в Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. 10.
- Мордвинцева, Трейстер, 2007. Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н. э. – II в. н. э. Т. 1–3. Симферополь–Бонн.
- Мошкова, 1978. Мошкова М.Г. Два позднесарматских погребения в группе «Четыре брата» на Нижнем Дону // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.
- Мошкова, Демиденко, 2010. Мошкова М.Г., Демиденко С.В. Воинское погребение в кургане 37 группы VI Лебедевского могильного комплекса // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий (МИАР. 13). М.
- Неверов, 1979. Неверов О.Я. Итальянские геммы в некрополях североPontийских городов (к вопросу об итальянском импорте в Северное Причерноморье) // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л.
- ОАК за 1889 г. СПб., 1902.

- Пастушенко, Бернц, 2008. Пастушенко И. Ю., Бернц В. А. Халцедоновые диски в культуре населения Прикамья // *Finno-Ugrica*. 11.
- Ростовцев, 1913–1914. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб.
- Ростовцев, 1918. Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма (МАР 37). Пг.
- Самашев и др., 2007. Самашев З., Джумабекова Г., Базарбаева Г., Онгар А. Древнее золото Казахстана. Алматы.
- Симоненко, 2010. Симоненко А. В. «Гунно-сарматы» (к постановке проблемы) // *НАВ*. 11.
- Симоненко, 2015. Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. 2-е изд. Киев.
- Скрипкин, 2000. Скрипкин А. С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры Сарматов // *НАВ*. 3.
- Сокольский, 1954. Сокольский Н. И. Боспорские мечи // *Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху*. II (МИА. 33). М.
- Тревер, 1953. Тревер К. В. Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н. э. – IV в. н. э.). М., Л.
- Трейстер, 2007. Трейстер М. Ю. Торевтика и ювелирное дело в Северном Причерноморье. II в. до н. э. – II в. н. э. (эллинистическая традиция) // *Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю. Т. 1*.
- Трейстер, 2011. Трейстер М. Ю. Бронзовые и золотые пряжки и наконечники поясов с тамгообразными знаками – феномен боспорской культуры II в. н. э. // *ДБ*. 15.
- Трейстер, 2015. Трейстер М. Ю. Золото Фанагории. Типологический, стилистический и хронологический анализ // *Золото Фанагории (Материалы по археологии и истории Фанагории. 2)*. М.
- Трейстер, 2018. Трейстер М. Ю. Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н. э. – III в. н. э.) // *МАИАСК. 2018. № 10*.
- Хазанов, 1971. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М.
- фон Штерн, 1897. фон Штерн Р. К вопросу происхождения «готского стиля» предметов ювелирного искусства (археологические заметки по поводу золотых вещей, найденных в Керчи летом 1896 г.) // *ЗООИД*. 20.
- Шаров, 2011. Шаров О. В. К вопросу о «сарматской знати» на Боспоре в позднеримскую эпоху // *Погребальный обряд ранних кочевников Евразии (Материалы и исследования по археологии Юга России. III)*. Ростов-на-Дону.
- Шаров, 2012. Шаров О. В. Пирамидальный склеп № 1 по дороге к Царскому кургану, или склеп № 1, открытый в 1841 году в кургане у дороги на Аджимушкайские каменоломни в Керчи. Историографическое исследование // *Stratum plus*. 4.
- Шаров, 2016. Шаров О. В. Склеп Деметры в Керчи: неизвестные страницы (по материалам научных архивов ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа) // *Stratum plus*. 4.
- Шаров, Чореф, 2015. Шаров О. В., Чореф М. М. К вопросу о датировке *tabula ansata* с именем Юлия Каллисфена // *Stratum plus*. 4.

- Шкорпил, 1905. Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в Керчи и окрестностях в 1903 г. // ИАК. 17.
- Шкорпил, 1907. Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // ИАК. 25.
- Шкорпил, 1913. Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи и в ст. Таманской в 1910 г. // ИАК. 47.
- Anke, 1998. Anke B. Studien zur reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas 8). Berlin.
- Biborski, Kaczanowski, 2013. Biborski M., Kaczanowski P. Magic Sword Pendants // Jahrbuch des Jóna András Museums von Nyíregyháza. 55.
- Bliujienė, Steponaitis, 2009. Bliujienė A., Steponaitis V. Wealthy Horsemen in the Remote and Tenebrous Forests of East Lithuania during the Migration Period // *Archaeologia baltica*. 11.
- Brosseder, 2013. Brosseder U. Austausch und Kommunikation durch die eurasischen Steppen in den Jahrhunderten um Christi Geburt // *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten*. Bonn.
- Brosseder, 2015. Brosseder U. A Study on the Complexity and Dynamics of Inter-Action and Exchange in Late Iron Age Eurasia // *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millenium CE (Bonn Contributions to Asian Archaeology. 7)*. Bonn.
- Cat. Daoulas, 1995. Entre Asie et Europe. L'or des Sarmates. Nomades des steppes dans l'antiquité. 17 juin – 29 octobre 1995. Abbaye de Daoulas.
- Cat. Paris, 2001. L'or des Amazones / V. Schiltz (ed.). Paris.
- Cat. Rome, 2005. I Tesori della steppa di Astrakhan. Milano.
- du Mesnil du Buisson, 1936. du Mesnil du Buisson R. The Persian Mines // *The Excavations at Dura-Europos, Preliminary Report of Sixth Season of Work, October 1932 – March 1933*. New Haven.
- Farrokh et al., 2016. Farrokh K., Karamian G., Delfan M., Astaraki F. Preliminary Reports of the late Parthian or early Sassanian Relief at Panj-e Ali, the Parthian Relief at Andika and Examinations of late Parthian Swords and Daggers // *Historia i Świat*. 5.
- Farrokh, Karamian, 2018. Farrokh K., Karamian G. Weapons in the Tombs of Parthian Era Women in Northern Iran. A Preliminary Report // *Fezana Journal*. 32.3.
- Gonthier et al., 2014. Gonthier E., Kostov R., Strack E. A Han-dated 'Hydra'-type Nephrite Scabbard Slide found in Chatalka (Bulgaria): the Earliest and Most Distant Example of Chinese Nephrite Distribution in Europe // *ArkéoLog*. 65.
- Istvánovits, Kulcsár, 2003. Istvánovits E., Kulcsár V. Some Traces of Sarmatian-Germanic Contacts in the Great Hungarian Plain // *Kontakt – Kooperation – Konflikt*.
- Istvánovits et al., 2006. Istvánovits E., Kulcsár V., von Carnap-Bornheim C. The Barbarian Warrior Burial from Tiszalok-Razompusztá in the 3rd Century History of the Upper Tisza region // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. 36/1.
- Istvánovits, Kulcsár, 2017. Istvánovits E., Kulcsár V. Sarmatians – History and Archaeology of a Forgotten People (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 123). Mainz.
- James, 1986. James S. Evidence from Dura Europos for the Origins of Late Roman Helmets // *Syria*. 63/1-2.

- James, 2004. James S. The Arms and Armour and other Military Equipment (The Excavations at Dura-Europos, Final Report. VII). London.
- James, 2011. James S. Stratagems, Combat, and "Chemical Warfare" in the Siege Mines of Dura-Europos // *American Journal of Archaeology*. 115/1.
- Karamian et al., 2018. Karamian G., Farrokh K., Kiapi M.F., Lojandi H.N. Graves, Crypts and Parthian Weapons excavated from the Gravesites of Vestemin // *Historia i Świat*. 7.
- Kat. Mannheim, 2001. Das Gold der Barbarenfürsten. Schätze aus Prunkgräbern des 5. Jahrhunderts n. Chr. zwischen Kaukasus und Gallien. Darmstadt.
- Kontny, Mączyńska, 2015. Kontny B., Mączyńska M. Ein Kriegergrab aus der frühen Völkerwanderungszeit von Juszkowo in Nordpolen // *Dying Gods – Religious Beliefs in Northern and Eastern Europe in the Time of Christianisation (Neue Studien zur Sachsenforschung*. 5). Hannover.
- Neverov, 1976. Neverov O. Antique intaglios in the Hermitage Collection. Leningrad.
- Raddatz, 1958. Raddatz K. Zu den "magischen" Schwertanhängern des Thorsberger Moorfundes // *Offa*. 16.
- Raddatz, 1987. Raddatz K. Der Thorsberger Moorfund. Katalog. Teile von Waffen und Pferdegeschirr, sonstige Fundstücke aus Metall und Glas, Ton- und Holzgefäße, Steingeräte (Offa Bücher. 65). Neumünster.
- Rostovtzeff, 1923. Rostovtzeff M.I. Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertch au Louvre et au Musée de Saint-Germain // *Monuments et mémoires. Fondation E. Piot*. 26.
- Rostowzew, 1931. Rostowzew M.I. Skythien und der Bosphorus. Berlin.
- Šarov, 2003. Šarov O. Die Graber des sarmatischen Hochadels von Bospor // *Kontakt – Kooperation – Konflikt*.
- Soupault, 1995. Soupault V. Les tombes à épée au nord-est et à l'est de la mer Noire au Bas-Empire // *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Condé-sur-Noireau*.
- Treister, 2013. Treister M. Gepaypyris II? Once More about a Silver Plate from Neapolis Skythike // *ACSS*. 19/1.
- Trousdale, 1975. Trousdale W. The Long Sword and Scabbard Slide in Asia (Smithsonian Contributions to Anthropology. 17). Washington.
- von Carnap-Bornheim, 2003. von Carnap-Bornheim C. Zu 'magischen' Schwertperlen und propellerförmigen Seitenstangen in kaiserzeitlichen Moorfundes // *Kontakt – Kooperation – Konflikt*.
- von Krosigk, 2005. von Krosigk H. Über „magische Schwertperlen“ bei Sarmaten, Alanen und Abchasen // *Prähistorische Zeitschrift*. 80.
- Vaday, 1986. Vaday A. Beitrag zum Fund von Vizesd-puszta // *Folia Archaeologica*. 37.
- Vaday, 1989. Vaday A. Die sarmatischen Denkmäler der Komitat Szolnok (Antaeus. 17-18, 1988-1989). Budapest.
- Werner, 1956. Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches (Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-Hist. Klasse N.F. Heft 38). München.
- Werner, 1994. Werner J. Chinesischer Schwerttragbügel der Han-Zeit aus einem thrakischen Häuptlingsgrab von Čatalka (Bulgarien) // *Germania*. 72/1.

Winkelman, 2003. Winkelman S. Eurasisches in Hatra? Ergebnisse und Probleme bei der Analyse partherzeitlicher Bildquellen // Mitteilungen des SFB 586 „Differenz und Integration“. 4/1.

Winkelman, 2013. Winkelman S. The Weapons of Hatra as Reflection of Interregional Contacts // Hatra. Politics, Culture and Religion between Parthia and Rome. Proceedings of the conference held at the University of Amsterdam. 18–20 December 2009 (Oriens et Occidens. 21). Stuttgart.

Summary

Mikhail Treister Long Swords with Chalcedony Pommels in Sarmatia and in the Bosporan Kingdom

The article discusses the stone details of long swords, which became widespread in Sarmatia and in the Bosporus in the 1st – 4th centuries AD. Particular attention is paid to the pommels in the form of discs made of chalcedony, which are mounted through the hole on the top of the hilt and could be covered with bronze or silver appliqué, additionally decorated with gold leaf with inlays in cells, framed with granulation.

Finds of such discs originate from the Late Sarmatian burials of the Lower Don basin, interfluvium of the Don and Volga rivers, the Lower Volga and the Kuban regions, but especially many of them were found in the foothills of South Urals. Even much more finds of such chalcedony disks come not from the territory of Asian Sarmatia, but from Kama basin, where more than 130 of them were found on 24 sites, dating from the second half of the 3rd – 4th centuries AD.

Despite the obvious evidence that in the North Pontic region and in the Bosporus, in particular, at the turn of our era, the custom of decorating the hilts of swords with various pommels, including those made of stone, is becoming widespread, a possible connection between the decoration of the hilts of late Sarmatian swords with standard disc-shaped chalcedony pommels with the Bosporan tradition today (before the complete publication of the materials of the necropolis of Pantikapaion) does not seem to be proven. According to the available, very incomplete information, one can only say that since the second half of the 2nd century AD long swords with such pommels appear both among the nomads of Asian Sarmatia and in the Bosporan Kingdom. The geographical distribution of finds of swords with such pommels, which prevail not in the Kuban region or on the Lower Don, but in the foothills of South Urals suggest that this connection is not very evident.

No less reasons exist to assume the origin of swords with such hilt pommels from the workshops of the Middle East. However, it is obvious that the pommels under discussion were made in various workshops, varying in different technological level of stone processing. Separate finds of them, including that in the disc form, originating from Dura-Europos, confirm the assumption of a possible Iranian manufacture of at least some of the long swords with the type of stone pommels discussed. Of particular note is the discovery of an iron sword with jade disc-shaped pommel, close in size to those from Sarmatia and the Bosporan Kingdom, near the skeleton found in Dura-Europos in tower 19; it is assumed that it was a Persian officer who died during the assault of Dura-Europos in 256 AD, although there are also grounds not to exclude the possibility that the so-called "Persian officer" could have been a Sarmatian mercenary at the service by the Sasanians.

It is very likely that swords with such chalcedony pommels could also reach the Kingdom of Bosporus with the Sarmatians. The assumption that chalcedony discs could penetrate into the Kama region from the Northern (North-Eastern Black Sea region), and even more – the explanation for the mass distribution of them by the looting of one or several workshops in the Bosporus, is clearly not consistent.

Н. Ф. Федосеев †*, В. Е. Родинкова**

(* Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь;

** Институт археологии РАН, г. Москва)

Амфорные клейма поселения Приморский северо-западный (Восточный Крым)¹

Поселение Приморский северо-западное расположено на территории городского округа Феодосия, на расстоянии около 15 км от центра города, в 1,7 км к северу от северо-западной окраины одноименного посёлка, на берегу оз. Камышинский Луг (рис. 1). Памятник выявлен в 2016 г. в ходе разведок по маршруту проектируемой трассы «Таврида» и раскапывался в 2017 г. отрядом № 7 Крымской новостроечной экспедиции ИА РАН и экспедицией НАО «Наследие Кубани». Общая вскрытая площадь составила более 19000 кв.м. В настоящей статье рассматриваются только материалы, происходящие из раскопа II (ИА РАН) площадью 8830 кв.м.

Строительные объекты (хозяйственные ямы, остатки каменных кладок плохой сохранности и др.) и находки из культурного слоя концентрировались в южной и юго-восточной частях раскопа. Можно предполагать, что изучению подверглась северная периферия памятника, основная часть которого располагалась ближе к берегу упомянутого озера. Выявлены культурные напластования и находки среднего и позднего бронзового и раннего железного веков, эпохи Великого переселения народов, позднего Средневековья, но наиболее активно жизнь на поселении протекала в античное время. Получена значительная коллекция разнообразных материалов, основу которой составляет керамика. Всего собрано более 85 тыс. фрагментов, из них лепным сосудам принадлежат около 35%. Гончарная керамика почти на 90% (более 49,5 тыс. фр.) представлена фрагментами амфор Гераклеи, Синопы, Фасоса, Менды, Хиоса, Книда и некоторых других центров (перечислены в порядке убывания, см. табл. 1). Особый интерес представляют амфорные клейма, которых найдено 99².

¹ Определяя клейма во время работы экспедиции, осенью 2017 г., Николай Федорович планировал продолжить их изучение не только как эпиграфического, но и как археологического материала, рассмотрев планиграфическое и стратиграфическое распределение, сочетание с другими находками в объектах и т.п. Выполнить задуманное ему самому не удалось. Осуществить, насколько возможно, эти планы призвана настоящая статья. Она – дань уважения и памяти талантливому ученому и хорошему человеку. В.Р.

² Н.Ф. Федосеевым атрибутированы 92 клейма. Еще 7 определены Н.А. Павличенко. Выражаю Наталье Андреевне самую искреннюю признательность за участие и помощь. Благодарю также О.В. Шарова за ценные консультации и содействие в работе с материалом. В.Р.

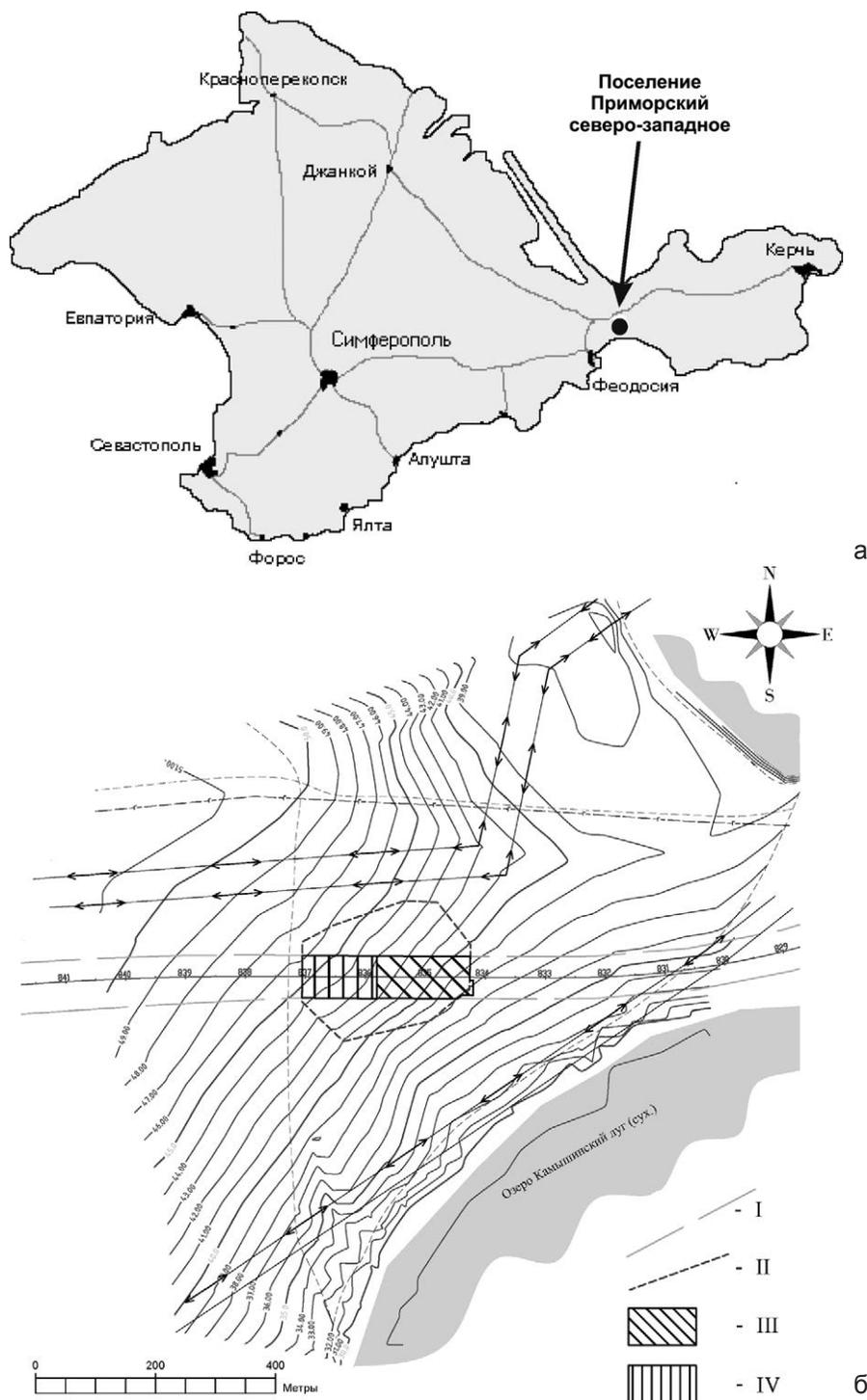

Рис. 1. Поселение Приморский северо-западное: а – расположение памятника на карте Крыма; б – топографический план памятника.
 I – границы зоны землеотвода; II – границы памятника, установленные по результатам разведочных работ 2016 г.; III – раскоп I (НАО «Наследие Кубани»); IV – раскоп II (ИА РАН)

Таблица 1. Распределение фрагментов амфор, найденных в раскопе II, по центрам/типам (определения С. Р. Султановой и А. С. Цинько).

Амфора	Ножка, экз.	Ручка, экз.	Венчик, экз.	Всего, экз.
гераклеяская	99	229	100	428
книдская	10	13	15	38
колхидская	5	8	3	16
коринфская	0	5	1	6
косская	0	8	2	10
лесбосская	0	5	1	6
мендейская	20	62	16	98
милетская	0	0	2	2
Муригиоль	1	0	0	1
пепаретская	3	6	1	10
понтйская	1	0	0	1
протофасосская	2	4	2	8
псевдокосская	1	0	0	1
родосская	0	7	5	12
самоская	1	1	5	7
синопская	94	116	89	299
фасосская	31	83	18	132
херсонесская	16	0	0	16
хиосская	13	12	38	63
эолийская	1	5	1	7
средиземноморская	1	0	3	4
боспорская	4	1	0	5
римского периода	0	9	0	9
воронкообразная	0	0	1	1
коричневоглиняная	2	27	31	60
красноглиняная	3	41	17	61
розовоглиняная	0	0	1	1
светлоглиняная	0	3	1	4
сероглиняная	0	0	1	1
Всего	308	645	354	1307

Клейма присутствовали в основном на амфорной таре двух центров: Гераклеи (52 экз.) и Синопы (40 экз.). Кроме того, в коллекции представлены клейменные фрагменты хиосской (1 экз.), коринфской (?) (1 экз.), родосской (?) (1 экз.), фасосских (2 экз. и 1 - предположительно) амфор и амфоры круга Фасоса (?) (1 экз.). Определение материала производилось по классификациям Н. Коновичи [Conovici, 1998], В. И. Каца [Кац, 2007], Н. Ф. Федосеева [Федосеев, 2016] и других исследователей. Для синопских клейм использованы разработки Н. Ф. Федосеева, позволяющие устанавливать даты с точностью до года. Определить 24 оттиска в силу их плохой сохранности не удалось. Остальные 75 располагаются в промежутке между концом V и началом III в. до н. э. (рис. 2³). При этом они отчетливо разделяются на три группы.

Первая хронологическая группа состоит из шести клейм. Наиболее раннее (№ 93) – на стенке хиосской амфоры – относится к концу V в. до н. э. Остальные пять (№ 4, 18, 36, 44, 51) – гераклеийские конца V – начала IV в. до н. э.

³ Благодарю Д. И. Киселева за техническую помощь при подготовке статьи. В. Р.

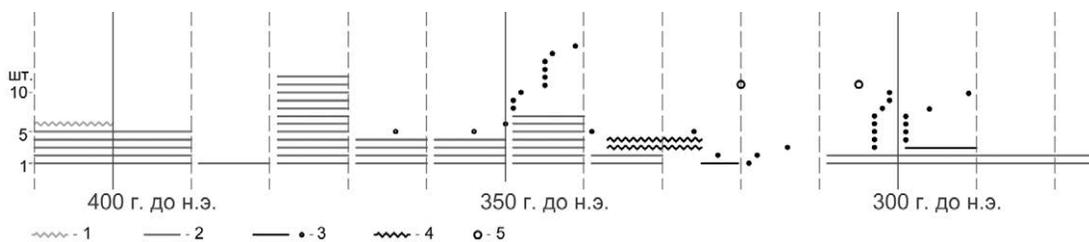

Рис. 2. Хронологическое распределение амфорных клейм, найденных в раскопе II. 1 – Хиос; 2 – Гераклея; 3 – Синопа; 4 – Фасос; 5 – клеймо Синопы, для которого возможны несколько вариантов восстановления и датировки (№ 91)

Вторая хронологическая группа включает 50 оттисков, датирующихся от 370-х до середины 310-х годов до н.э.: 29 – Гераклеи (№ 6–9, 11–13, 15, 17, 22, 25–27, 29, 32–34, 37–42, 45, 46, 48–50, 52), 19 – Синопы (№ 53, 55–57, 59, 62, 65, 67–69, 71, 74, 77, 78, 84, 88–90, 92) и 2 – Фасоса (№ 94, 95). В рамках этого периода фиксируются два «пика» поступления клейменной амфорной тары. Первый отмечает начало указанного временного интервала, приходится на 370-е годы до н.э. и представлен исключительно гераклейскими клеймами (12 экз.). Второму соответствует 340-м годам до н.э., к нему относятся 7 гераклейских и 9 синопских клейм.

Третья хронологическая группа состоит из 17 оттисков. Два гераклейских клейма (№ 16, 19) имеют сравнительно широкую дату: конец IV – первая четверть III в. до н.э. Остальные 15 (№ 54, 58, 60, 66, 70, 72, 73, 75, 79, 81–83, 85–87) нанесены в Синопе в промежутке между 303 и 291 г. до н.э., причем 12 из них образуют очередной «пик» и принадлежат узкому периоду от 303 до 299 г. до н.э.

Небольшую лауну между первой и второй группами заполняет лишь одно гераклейское клеймо (№ 47), датирующееся 380-ми годами до н.э. Одно из синопских клейм (№ 91) не удалось определить однозначно, возможны, по меньшей мере, два варианта его восстановления. В соответствии с первым оно относится ко времени около 320 г. до н.э. или к концу 320-х годов до н.э. и должно входить во вторую из описанных выше хронологических групп. Вторым вариантом восстановления позволяет датировать оттиск временем около 305 г. до н.э. или концом 310-х годов до н.э. и включать его в третью, самую позднюю группу.

В целом гераклейские клейма – более ранние, основная их масса находится в промежутке от конца V в. до 340-х годов до н.э. включительно. Максимум находок (12 экз.) датируется 370-ми годами до н.э. Вторая по численности группа (7 экз.) принадлежит 340-м годам до н.э.

Самое раннее в рассматриваемой коллекции синопское клеймо оттиснуто около 364 г. до н.э., остальные – между 354 и 291 г. до н.э. Для них также фиксируются два «пика» поступления на поселение у оз. Камышинский Луг. Первый приходится на 340-е годы до н.э. (9 экз.), второй – на 303–299 гг. до н.э. (13 экз.). Вообще же наибольшее количество клейм относится к 340–350-м годам до н.э. (суммарно 22 экз.).

Попутно отметим, что в раскопе II выявлены 82 фрагмента чернолаковых сосудов, из которых 41 был определен Н. Ф. Федосеевым (приложение 1). Преимущественно это изделия аттического производства. Большинство атрибутированных находок датируются второй – третьей четвертями IV в. до н.э. и лишь несколько – временем около

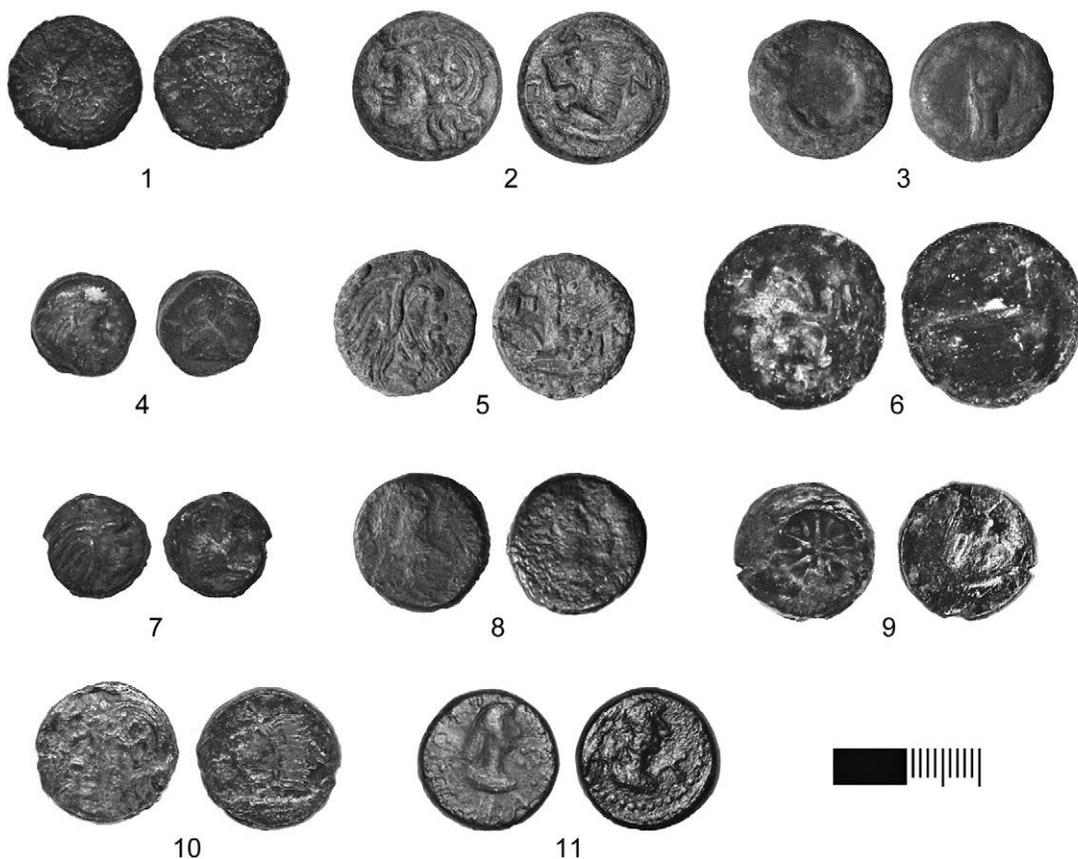

Рис. 3. Античные монеты, найденные в раскопе II. Номера на рисунке соответствуют номерам в каталоге (приложение 2)

380 и даже 410 г. до н. э. и 325–310 гг. до н. э. Таким образом, период бытования чернолаковой керамики на памятнике в целом совпадает со вторым хронологическим этапом, выделенным по керамическим клеймам.

В контексте решения вопросов хронологии представляют интерес 11 найденных в раскопе II монет (рис. 3; приложение 2⁴). Одна из них чеканена в 325/324 г. до н. э., четыре – около 330–315 гг. до н. э., две – около 315–300 гг. до н. э. и еще четыре – в начале III в. до н. э. Можно заключить, что нумизматический материал попадал в культурный слой памятника в финале античного этапа его существования, с небольшим «смещением» соответствуя третьему периоду поступления на поселение клейменной амфорной тары.

Планиграфический анализ показывает, что находки клейм, как и другого археологического материала, тяготеют к южной и юго-восточной частям раскопа II (рис. 4). При этом выраженных зон концентрации с отчетливыми границами оттиски, принадлежащие различным центрам, не образуют. Выделяется лишь квадрат К41, где зафиксированы семь

⁴ Определения монет выполнены проф. М.Г. Абрамзоном, которому я выражаю глубокую признательность. В.Р.

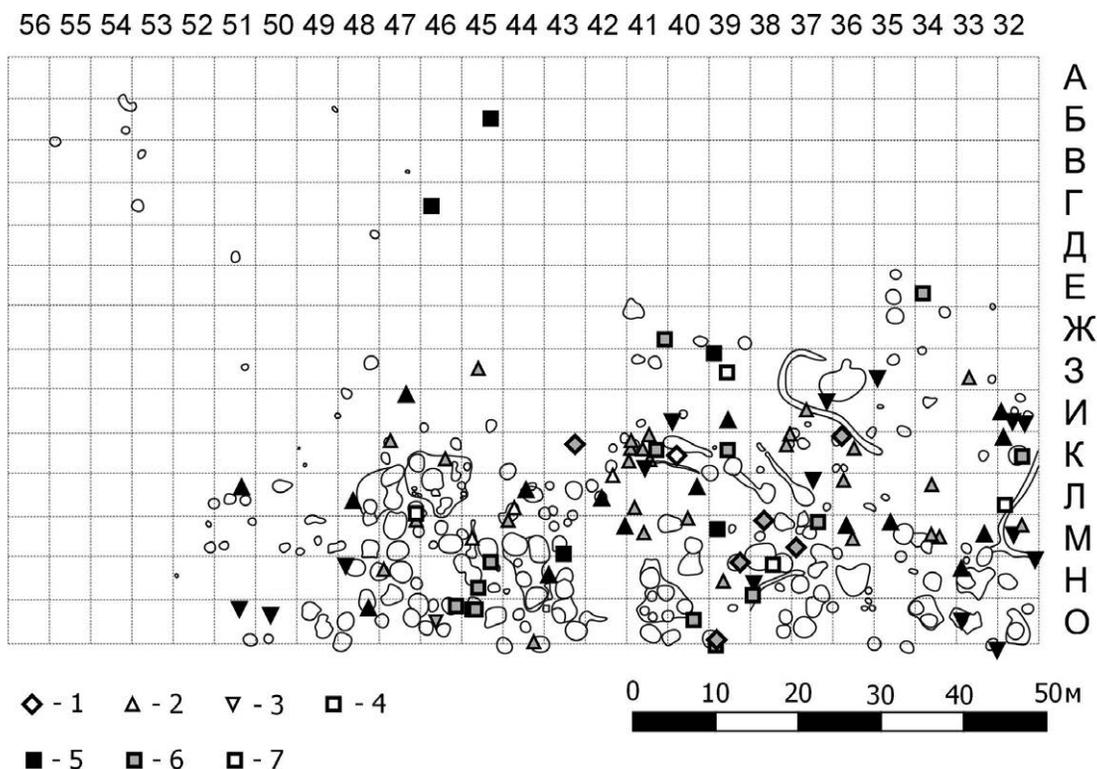
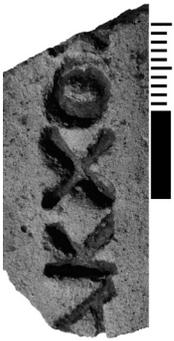
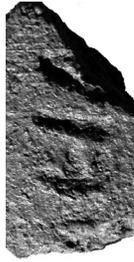

Рис. 4. Планиграфическое распределение амфорных клейм, найденных в раскопе II.
1 – группа I; 2 – группа II; 3 – группа III; 4 – недатируемая находка; 5 – Синопа;
6 – Гераклея; 7 – другие центры

гераклеийских клейм (№ 10, 12, 13, 34, 40, 52) и одно синопское (№ 54), и квадраты И/К32, в которых встречены четыре синопских (№ 60, 62, 66, 74) и один гераклеийский (№ 21) экземпляры. Относительно недалеко друг от друга, в квадратах Л42 и Л44, зафиксированы два фрагмента клейменных фасосских амфор (№ 94, 95). Находки, образующие вторую и третью хронологические группы, также распределяются в планиграфическом отношении сравнительно равномерно, не образуя явочных скоплений. В отличие от них большая часть клейм, принадлежащих первой группе, располагается полосой шириной около 5 м, ориентированной с юго-запада на северо-восток, от квадрата О39 до квадрата К36. Весьма вероятно, однако, что отмеченные особенности не отражают закономерностей формирования культурных отложений и хозяйственного освоения занятой поселением территории и носят случайный характер.

Таким образом, анализ найденных в раскопе II клейм позволил разделить их на три хронологические группы, отражающие, вероятно, этапы активизации внешних связей местного населения и поступления импорта на поселение Приморский северо-западное. Правомочность такого деления подтверждается тем, что второму из выделенных этапов соответствует период бытования значительной части обнаруженных в раскопе II фрагментов чернолаковых сосудов, а третьему, с небольшим смещением, – датировки античных монет. Специфику пространственного распределения керамических клейм в целом выявить не удалось.

№ п/п	№ КО	Фрагмент	Квадрат	Объект	Слой	Легенда	Дата	Примечания	Фото
<i>Герасия</i>									
1	19	Горло амфоры	Ж41		п.м.	..... Β[ά]κυρος			
2	21	Горло амфоры	Н38		п.м.	[Н]ρακ[λείδ]ας			
3	114	Горло амфоры	Н45		3	Неясный оттиск 1 стк			
4	118	Горло амфоры	К43		1	[Δ]ιαί[τρο]	Фабрикант относится к ранней фабрикантской группе, конец V - начало IV в. до н.э.	По хронологической классификации В.И. Каца. Была ли сверху стк?	
5	120	Горло амфоры	Е34		1	AN[---] Не читается			

№ п/п	№ КО	Фрагмент	Квартал	Объект	Слой	Легенда	Дата	Примечания	Фото
6	126	Горло амфоры	К47	58		Σιτ- προ	Μαγιστράτ Σίττορος принадлежит к III Б группе и датируется 350-ми годами до н.э.	Отписнут дважды.	
7	171	Горло амфоры	К46		2	[Ἐπί Ε]ϋρι(τίωνος) [Ἀν]σίθεο	Μαγιστράτ Εϋριτίων принадлежит к II Б группе и датируется 370-ми годами до н.э.	Новое сочетание.	
8	188	Горло амфоры	Н47	67	1	Μυς Θεο(---)	Μαγιστράτ Θεώνος принадлежит к IV Б группе и датируется 330-ми годами до н.э.	Ретроградное.	
9	189	Горло амфоры	М44	4Б	4	Ἀπολ(λωνίος) Γροζή Ευφρ(---) Γροζή	Μαγιστράτ Εϋφρόνιος принадлежит к III Б группе и датируется 350-ми годами до н.э.		
10	190	Горло амфоры	К41		2	..... ἐπί Σ[---]			

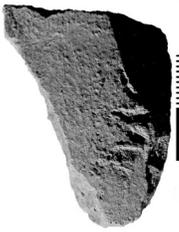
№ п/п	№ КО	Фрагмент	Квадрат	Объ-ект	Слой	Легенда	Дата	Примечания	Фото
11	207	Горло амфоры	М36		2	Νόστος ἐπί Κερκ(κίνο)	Магистрат Керκίνοϛ принадлежит к ПБ группе и датируется 370-ми годами до н.э.		
12	215	Горло амфоры	К41	78	3	Διονυσ(ι-) ἐπί Κερκ(ίνο)	Магистрат Керκίνοϛ принадлежит к ПБ группе и датируется 370-ми годами до н.э.		
13	221	Горло амфоры	К41	81		Νόστος ἐπί Παλαιαία	Магистрат Παλαιαίϛ принадлежит к ПБ группе и датируется 370-ми годами до н.э.		
14	270	Горло амфоры	Н45		3	Η[---]			
15	289	Горло амфоры	Н40		1	[Γηρακλ]εῖδαϛ	Фабрикант относится к 370-м годам до н.э.	По хронологической классификации В.И. Каца. Второе имя не ясно.	

№ п/п	№ КО	Фрагмент	Квадрат	Объект	Слой	Легенда	Дата	Примечания	Фото
16	290	Горло амфоры	Н46	61	2	Φιλίσκο	Фабрикант относится к поздней фабрикантской группе, конец IV – первая четверть III в. до н.э.	По хронологической классификации В.И. Каца. С лунарная.	
17	296	Горло амфоры	М47	31		Θε(---) Διο(---)	Μαγιστρατ Διοβότος 2 принадлежит к III A группе и датируется 360-ми годами до н.э.		
18	297	Горло амфоры	М37		2	Διοβό	Фабрикант относится к ранней фабрикантской группе, конец V – начало IV в. до н.э.	Ретроградное, маленькие буквы.	
19	305	Горло амфоры	О46		3	Ετυμοῦς в канфаре	Фабрикант относится к поздней фабрикантской группе, конец IV – первая четверть III в. до н.э.		

№ п/п	№ КО	Фрагмент	Квадрат	Объект	Слой	Легенда	Дата	Примечания	Фото
20*	339	Горло амфоры	И34		1	[--] [--]ος		Много разновре- менных вариантов восстановления.	
21	356	Горло амфоры	К32		3	ΔΑΜ[---] ΕΠ[---]			
22	395	Горло амфоры	И37		3	Ατολλο(ν)ος Φίλο παλιца вправо	Μαγιστρατ Φιλόζενος принадлежит к IV Б группе и датируется 340-ми годами до н.э.		
23	413	Горло амфоры	О45	103	5	[...]ΡΩ [...]			
24	415	Горло амфоры	К39	камни	3	Σ[?...] Не читается			

№ п/п	№ КО	Фрагмент	Квартал	Объект	Слой	Легенда	Дата	Примечания	Фото
25	416	Горло амфоры	М50		1	[Φεδωρο?] ἐπὶ Ἀλκείτῳ]	Магистрат Ἀλκείας относится к II Б группе и датируется 370-ми годами до н.э.	Восстановление имени фабриканта предположительно.	
26	418	Горло амфоры	М40		1	Σπινθήρο [Κέρκινος]	Магистрат Σπινθήρος принадлежит к IV Б группе и датируется 340-ми годами до н.э.		
27	419	Горло амфоры (?)	Л41		1	..... ἐπὶ Ἀλκείῳ (?)	Магистрат Ἀλκείας относится к II Б группе и датируется 370-ми годами до н.э.		
28	420	Горло амфоры	О45	103	4	[...]ΠΙΟΣ [...]		Фабрикант либо Дексил, либо Аристипп.	
29	421	Горло амфоры	345		1	Εὐ(φρονίου) [κανθαρ] [Δι(ονυσίου)]	Магистрат Διονύσιος I принадлежит к II Б группе и датируется 370-ми годами до н.э.	Листовидное.	

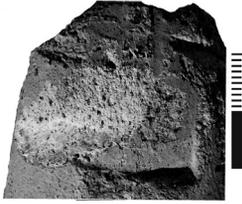
№ п/п	№ КО	Фрагмент	Квадрат	Объект	Слой	Легенда	Дата	Примечания	Фото
30	422	Горло амфоры	М37		2	[...]ο палица?			
31	423	Горло амфоры	О40		п.м.	Ατολλοβ- ρος ἐπὶ Ανε[κ-] [τοκ]ρατέ(ος)		Новый магистрат.	
32	424	Горло амфоры	М41		2	Ατολλοβ(νιος) Φύλο палица вправо	Магистрат Φύλοξενος принадлежит к IV Б группе и датируется 340-ми годами до н.э.		
33	430	Горло амфоры	Л36		1	Διονυ- σίο Κε(ρκίνο)	Магистрат Керкинос принадлежит к II Б группе и датируется 370-ми годами до н.э.	Возможно, составляет одно клеймо с № 38 (КО 484).	

№ п/п	№ КО	Фрагмент	Квартал	Объект	Слой	Легенда	Дата	Примечания	Фото
34	478	Горло амфоры	К41		3	Ευλορος канфар влево Ἡρακλείδης	Магистрат Ἡρακλείδης принадлежит к IV А группе и датируется 340-ми годами до н.э.		
35	481	Горло амфоры	О46		3	[...] ΛΩ [...]	Ретроградное.		
36	482	Горло амфоры	М38		2	Ἀρχι- ριτο	Фабрикант относится к ранней фабрикант- ской группе, конец V – начало IV в. до н.э.	Ретроградное.	
37	483	Горло амфоры	333		1	Πσπ η ο[ς] γροζή [Σκίθας σ'σ]	Магистрат Σκίθας при- надлежит к III А группе и датируется 360-ми годами до н.э.	По кругу.	
38	484	Горло амфоры	Н39		2	Δ[ιονύ-] σ[ι]ο Κε(ρκίνο)	Магистрат Κερκίνος принадлежит к II Б группе и датируется 370-ми годами до н.э.	Возможно, составляет одно клеймо с № 33 (КО 430).	

№ п/п	№ КО	Фрагмент	Квартал	Объем	Слой	Легенда	Дата	Примечания	Фото
39	485	Горло амфоры	К36		1	[Ε]ϋρωφ[ων] кольцо [Μαλα]κ[ων]	Магистрат Ευρωφών принадлежит к IV Б группе и датируется 340-ми годами до н.э.		
40	488	Горло амфоры	К41	78	1	Δι Σι канфар вверх ногами	Магистрат Σιλανός принадлежит к IV В группе и датируется 330-ми годами до н.э.	Листовидное.	
41	507	Горло амфоры	М32		2	[Παροκ]λας гроздь влево [Λυσθη]ς	Магистрат Λυσθηός принадлежит к III Б группе и датируется 360-ми годами до н.э.		
42	509	Горло амфоры	Ο44	134	5	Λυθηος гроздь вверх φιλανος	Магистрат Φιλανός принадлежит к III Б группе и датируется 350-ми годами до н.э.		

№ п/п	№ КО	Фрагмент	Квартал	Объект	Слой	Легенда	Дата	Примечания	Фото
43	512	Горло амфоры	П39	110	3	[ΠΡ]Ο		Ретроградное.	
44	568	Горло амфоры	К36	178	2	Διονυσίο	Фабрикант относится к ранней фабрикантской группе, конец V – начало IV в. до н.э.	Ромбовидное.	
45	578	Горло амфоры	К38	185		Πασάν ἐπὶ Ἀε- θέρος	Магистрат Αἰθίρα относится к ПБ группе и датируется 370-ми годами до н.э.		
46	602	Горло амфоры	М34		2	Κερκίνοϲ Ἦρικλείδαϲ	Магистрат Ἦρικλείδαϲ принадлежит к IV А группе и датируется 340-ми годами до н.э.		
47	653	Горло амфоры	Л34		3	Διονυσί-] [το Μο[λο(σσο)]	Магистрат Μολοσσοῦς принадлежит к ПА группе и датируется 380-ми годами до н.э.		

№ п/п	№ КО	Фрагмент	Квадрат	Объект	Слой	Легенда	Дата	Примечания	Фото
48	654	Горло амфоры	К38	174	1	γροῦζης Πρακλείδα ἐπι Σκόθια	Μαγιστρὰς Σκόθιος принадлежит к III А группе и датируется 360-ми годами до н.э.		
49	658	Горло амфоры	М34		1	..... [ἐπι Κ]ερκίν[ο]	Μαγιστρὰς Κερκίνος принадлежит к II Б группе и датируется 370-ми годами до н.э.		
50*	664	Горло амфоры	К51		2	[ἐπι Καλλία] [Πρακλείδα]	350-е годы до н.э.	Кац, 2007. С. 429, Гр. III Б; Федосеев, 2016. С. 71, № 428-430.	
51	338+ 511	Горло амфоры	Н39/ О39	140/ 110		Α- ρχ- ελα	Фабрикант относится к ранней фабрикант- ской группе, конец V – начало IV в. до н.э.	Из двух фрагментов.	
52	476+ 477	Горло амфоры	К41		1/2	Πρακλείε] амфора вправо Λυκά[ρ]	Μαγιστρὰς Πρακλείδας принадлежит к IV А группе и датируется 340-ми годами до н.э.		

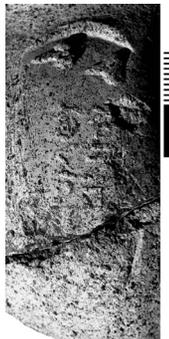
№ п/п	№ КО	Фрагмент	Квадрат	Объект	Слой	Легенда	Дата	Примечания	Фото
53	1	Ручка амфоры	И47		п.м.	[Προσαδώνιον] Αστρινόφιου. Προσαδώνιον τοῦ Νοῦ[μηνίου] ζμεῖα	Синопа Ок. 314 г. до н.э.		
54*	4	Ручка амфоры	К41		п.м.	[Προσαδώνιον] [Γροζδ] [ἀστρινονόφιου] [ς] [φίλοκ]ρα[ς] канфар ↑	290-е годы до н.э./ конец 290-х годов до н.э.	Калц, 2007. С. 435. Гр. IVA Б / Sopotici, 1998. P. 38, 51. Gr. III A.	
55	66	Ручка амфоры	М45	17		[Αστρινόφιου] Πολυχρόφιου] Γροζδ, [φίλοκρά]του канфар впр.	Ок. 323 г. до н.э.		
56	91	Ручка амфоры	Л44	23	1	Πόσιος Αστρινόφιου, голова Гелиоса Κλαμνέτου колос впр.	Ок. 339 г. до н.э.	Новый штамп.	

№ п/п	№ КО	Фрагмент	Квартал	Объект	Слой	Легенда	Дата	Примечания	Фото
57	99	Ручка амфоры	Л42		2	Ἡφαίστιος Ἀστὴρ[ύφιος, ἀστραγαλ] Ποσειδών(τιος) венок.]	Ок. 349 г. до н.э.		
58	103	Ручка амфоры	Н48		2	Ναῖπλοος Ἀστὴρ[ύφιος, голова, лист Τεύθρα.	Ок. 299 г. до н.э.		
59	217	Ручка амфоры	Н43	94	2	Προφρανοῦς Ἀστὴρ[ύφιος, кадудей впр. Νευμύτιος.	Ок. 345 г. до н.э.		
60	229	Ручка амфоры	И32		1	Πασίχου(ς) Ἀστὴρ[ύφιος(τος), факел Ποσειδών(τιος).	Ок. 302 г. до н.э.		
61	247	Ручка амфоры	339		3	монограмма			

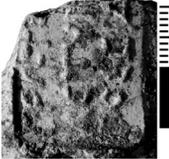
№ п/п	№ КО	Фрагмент	Квартал	Объект	Слой	Легенда	Дата	Примечания	Фото
62	248	Ручка амфоры	И32		3	Αισχίνου Αισχινό(μου). Θεοφόρου.	Ок. 350 г. до н.э.		
63	251	Ручка амфоры	Г46		п.м.	[---] Αισχί- νόμουτος [----] гроздь			
64	291	Ручка амфоры	М43		1	[---] [----] гроздь над [----] канфаром			
65	311	Ручка амфоры	Л48		п.м.	Μονίμου Αισχινό(μου). Μαντιθε ρυακα.	Ок. 344 г. до н.э.		
66	312	Ручка амфоры	И32		2	Ελπίμου Αισχί- νόμουτος. Αρο- συσуд στίλωνος.	Ок. 303 г. до н.э.		

№ п/п	№ КО	Фрагмент	Квадрат	Объ-ект	Слой	Легенда	Дата	Примечания	Фото
67	313	Ручка амфоры	048	87	3	Προσαγόρο Ἀστυνόμο, δελφίν вниз Καλλινο.	Ок. 348 г. до н.э.		
68	314	Ручка амфоры	Л140		1	Θεοπέθου νενοκ, Ἀστυνόμου. Καλλιπέθε κανфар.	Ок. 319 г. до н.э.		
69*	315	Ручка амфоры	333		1	[Ἀ]ριστοφάν[εος] ἄστυνό(μου) Ν[ε(υ)μηνίου]	Конец 320-х годов до н.э.	Кац, 2007. С. 434, Гр. III А; Conovici, 1998. P. 32, 51. Gr. II b.	
70	368	Ручка амфоры	335		3	Ναύλοφος голова Ἀστυνομόν- впр. τος Θύος.	Ок. 299 г. до н.э.	Возможно, составляет одно клеймо с № 81 (КО 503).	
71	376	Ручка амфоры	Л151		3	Ἰκεσίου σπον Ἀστυνομό- вверх ου. Πρυγάνιο- ς.	Ок. 318 г. до н.э.		

№ п/п	№ КО	Фрагмент	Квадрат	Объект	Слой	Легенда	Дата	Примечания	Фото
72	414	Ручка амфоры	И37		2	Πυθαγόρας Ἀστύνοιο, голова Σωβίου.	Ок. 296 г. до н.э.		
73	417	Ручка амфоры	Л37		3	..... Ἀστύνοιο...] Τεῖρετρα]	Ок. 303 г. до н.э.	Возможно восстановление: Ἐλπίδιο Ἀστύνοιο, канфар Τεῖρετρα гроздь.	
74	433	Ручка амфоры	К32		1	Προφρονίου Ἀστύνοιο, кадуцей впр. Νευμνίου, ветвь	Ок. 345 г. до н.э.		
75	434	Ручка амфоры	О50		1	Ποσειδωνίου Ἀστύνοιο, цветок Ποσειδωνι гроздь.	Ок. 301 г. до н.э.		
76*	435	Ручка амфоры	Б45		1	Ἰσοτρυόνοιο [-] [-]		Сильно стертое, нечитаемое.	

№ п/п	№ КО	Фрагмент	Квадрат	Объект	Слой	Легенда	Дата	Примечания	Фото
77	471	Ручка амфоры	И39		2	Ποσειδῶνι ὄρελ на Ἀστυνοῖ(μου), δελφίνε Τεύφρα ←	Ок. 354 г. до н.э.		
78	472	Ручка амфоры	М36		1	Προτοφάνους Ἀστυνοῖου, герма вверх Ποσειδῶνιου.	Ок. 345 г. до н.э.		
79	486	Ручка амфоры	И40		1	Ἐλπίμου Ἀστυνοῖδωντος, канфар Φιλοκράτους.	Ок. 303 г. до н.э.		
80	487	Ручка амфоры	М39		2	[...] φαλλος, Ἀστυνοῖου. [Νεωμη]νίου лист		Из двух фрагментов.	
81	503	Горло амфоры	Н38		2	Ναῖδωνος голова Ἀστυνοῖδων- τος Θῆος	Ок. 299 г. до н.э.	Возможно, составляет одно клеймо с № 70 (КО 368).	

№ п/п	№ КО	Фрагмент	Квартал	Объ-ект	Слой	Легенда	Дата	Примечания	Фото
82	508	Ручка амфоры	О51		2	Ναύπλοος Ἀστύνόμου, голова прямо Ἐκαστάτου.	Ок. 299 г. до н.э.		
83	510	Ручка амфоры	М32		2	Ποσειδωνί(ου) Ἀστύνόμου, Γλασκία гроздь.	Ок. 301 г. до н.э.		
84	566	Ручка амфоры	Н33	171	5	Ἀριστοφάνεος Ἀστύνό(μου), скальп льва + Πρωτάν(ος) морской конек	Ок. 341 г. до н.э.		
85	567	Ручка амфоры	О33	170	5	Ἀστύνομου Μηρικιάεως, гроздь Στεφάνου лист.	Ок. 291 г. до н.э.		
86	581	Ручка амфоры	П32	166	2	Ἐπιδήμου Ἀστυ- νομόντος, Ἀρι- сосуд στίλωνος.	Ок. 303 г. до н.э.		

№ п/п	№ КО	Фрагмент	Квартал	Объект	Слой	Легенда	Дата	Примечания	Фото
87	584	Ручка амфоры	Н32	137А		Ἐπιθήμιου Ἀστυνό(ου). κανфар Καλλισθέου.	Ок. 303 г. до н.э.		
88	624	Ручка амфоры	М35		3	Ἡρακλείου Ἀστυνό(ου). αστραгал	Ок. 349 г. до н.э.		
89	657	Ручка амфоры	М33		3	Προτοφάνου Ἀστυνό(ου). герма вверх Ποσειδώντου.	Ок. 345 г. до н.э.	Разные штампы.	
90	685	Ручка амфоры				[Μαντιθέου] [Ἀσ]τυνό(ου). гроздь, цветок [Πο]σειδώντ.	Ок. 326 г. до н.э.		

№ п/п	№ КО	Фрагмент	Квартал	Объект	Слой	Легенда	Дата	Примечания	Фото
91*	425	Ручка амфоры	341	125	2	Ποσειδωνίου ἀστῆ[-] [-]	1) Ок. 320 г. до н.э./ конец 320-х годов до н.э.; 2) Ок. 305 г. до н.э./конец 310-х годов до н.э.	Восстановление условное. Возмож- ные варианты вос- становления: 1) По- сидоний 2 (Copolvici, 1998. P. 32, 51. Gr. II b / Кац, 2007. С. 434. Гр. III A); 2) Поси- доний 3 (Copolvici, 1998. P. 33, 51. Gr. II С / Кац, 2007. С. 434. Гр. III B).	
92	88	Ручка амфоры	M42		2	Ποσειδωνίου δελφίνε	Силипа? Ок. 364 г. до н.э.	Фабрикантское.	
93	186	Стенка амфоры	K40		1	Сфинкс перед амфорой выраво	Хиос Конец V в. до н.э.	Круглое.	
94	26	Ручка амфоры	L144	4		Θάστων Παι( ) Πυλάδης заяц	Филос 337-325 гг. до н.э.		

№ п/п	№ КО	Фрагмент	Квадрат	Объект	Слой	Легенда	Дата	Примечания	Фото
95	79	Ручка амфоры	Л42		1	Θάστων Πανόλης лук Πανσανίας	337-325 гг. до н.э.		
<i>Φιάλα?</i>									
96	352	Ручка амфоры	Л32		1	ΤΔ		Отгиснуто дважды.	
<i>Κύπε Φιάλα?</i>									
97*	464	Ручка амфоры	339		2	Α[-]			
<i>Ρόδος?</i>									
98	95	Ручка амфоры	Л47	31Б		Μελάν- θιος		Ретроградное.	
<i>Κορινθ?</i>									
99	381	Ручка амфоры	Н38	116		...ΕΜΑ			

* - определение Н.А. Павличенко

Приложение 1

**Чернолаковая керамика поселения
Приморский северо-западное**
(АА – определено по: Sparkes, Talcott, 1970)

№ п/п	№ КО	Описание	Дата	Примечания
1	67	Ножка канфара со штампованным орнаментом	Ок. 380 г. до н.э.	АА 623 Аттика
2	138	Закраина миски	375–350 гг. до н.э.	АА 828
3	139	Донце и тулово канфара со штампованным орнаментом	Ок. 350 г. до н.э.	АА 659
4	142	Ножка канфара со штампованным орнаментом	Ок. 380 г. до н.э.	АА 623 Аттика На донце граффито АВ
5	151	Фрагмент ручки килика (?), стенки тарелки (?)		
6	152	Три фрагмента тарелки со штампованным орнаментом	325–310 гг. до н. э.	АА 1060
7	153	Фрагмент тарелки со штампованным орнаментом	Ок. 350 г. до н. э.	АА 830
8	154	Фрагмент стенки открытого сосуда		Аттика
9	155	Фрагмент стенки сосуда		Аттика
10	159	Фрагмент стенки сосуда		Аттика
11	160	Фрагмент венчика канфара	Ок. 350 г. до н.э.	Тип АА 653, 655, 658
12	161	Фрагмент стенки открытого сосуда		Аттика
13	175	Фрагмент стенки канфара		
14	176	Фрагмент стенки открытого сосуда		Аттика
15	177	Фрагмент венчика канфара		Аттика
16	178	Фрагмент стенки канфара		Аттика
17	178	Фрагмент венчика канфара	350–325 гг. до н.э.	АА 663 Аттика
18	179	Фрагмент стенки килика с ручкой		Аттика
19	180	Фрагмент венчика канфара	350–325 гг. до н.э.	АА 663 Аттика
20	261	Фрагмент килика с ручкой		Лак местами потрескался
21	262	Фрагмент стенки закрытого сосуда		
22	263	Фрагмент ножки канфара		Типа АА 653, 655, 658
23	264	Фрагмент ножки канфара		Аттика
24	265	Фрагмент венчика канфара	350–325 гг. до н.э.	АА 663 Аттика
25	266	Фрагмент стенки канфара со штампованным орнаментом	Ок. 350 г. до н.э.	По орнаменту близок АА 659 Аттика
26	267	Закраина миски		Аттика

№ п/п	№ КО	Описание	Дата	Примечания
27	268	Фрагмент венчика канфара	Ок. 375 г. до н.э.	Лак с металлическим блеском; ориентировочно АА 653
28	271	Фрагмент стенки канфара		Аттика
29	272	Ручка канфара		Тип АА 700-708
30	273	Фрагмент венчика канфара	Ок. 375 г. до н.э.	Ориентировочно АА 653
31	274	Фрагмент венчика килика		
32	275	Фрагмент стенки сосуда		Лак с металлическим блеском
33	276	Фрагмент венчика канфара	350-325 гг. до н.э.	АА 663 Аттика
34	277	Фрагмент стенки открытого сосуда		
35	278	Закраина миски	375-350 гг. до н.э.	АА 828
36	279	Фрагмент стенки закрытого сосуда		Лак матовый, глина серая
37	284	Фрагмент венчика килика	Ок. 410 г. до н.э.	Ориентировочно АА 617
38	286	Ручка килика		
39	292	Три фрагмента венчика канфара с ручкой	350-325 гг. до н.э.	АА 701 Аттика
40	293	Фрагмент стенки канфара		
41	294	Фрагмент венчика килика		

Приложение 2

Каталог античных монет поселения
Приморский северо-западное

М.Г. Абрамзон*

*НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ

1¹. (КО № 10) Пантикапей, начало III в. до н.э.

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево; надчеканка – звезда.

О.с. Голова льва влево; внизу осетр; вокруг П-А-N; надчеканка – горит.

[Анохин, 1986, 130-131]

2. (КО № 40) Пантикапей, ок. 315-300 гг. до н.э.

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево.

О.с. Голова льва влево; внизу осетр; вокруг П-А-N.

[Анохин, 1986, 125]

3. (КО № 49) Пантикапей, начало III в. до н.э.

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево; надчеканка – звезда.

О.с. Голова льва влево; внизу осетр; вокруг П-А-N; надчеканка – горит.

[Анохин, 1986, 130-131]

4. (КО № 63) Пантикапей, ок. 330-315 гг. до н.э.

Л.с. Голова безбородого сатира вправо.

О.с. Протома пегаса вправо; вокруг П-А-N.

[Анохин, 1986, 112]

5. (КО № 147) Пантикапей, ок. 330-315 гг. до н.э.

Л.с. Голова бородатого сатира вправо.

О.с. Протома грифона влево; вокруг П-А-N.

[Анохин, 1986, 111]

6. (КО № 201) Пантикапей, начало III в. до н.э.

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево; надчеканка – звезда.

О.с. Голова льва влево; внизу осетр; вокруг П-А-N; надчеканка – горит.

[Анохин, 1986, 130-131]

7. (КО № 211) Пантикапей, ок. 330-315 гг. до н.э.

Л.с. Голова безбородого сатира вправо.

О.с. Протома пегаса вправо; вокруг П-А-N.

[Анохин, 1986, 112]

¹ Номера в каталоге соответствуют номерам позиций монет на рисунке 3.

8. (КО № 242) Пантикапей, ок. 330–315 гг. до н.э.

Л.с. Голова безбородого сатира вправо.

О.с. Протома пегаса вправо; вокруг П–А–N.

[Анохин, 1986, 112]

9. (КО № 565) Пантикапей, начало III в. до н.э.

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево; надчеканка – звезда.

О.с. Голова льва влево; внизу осетр; вокруг П–А–N; надчеканка – горит.

[Анохин, 1986, 130–131]

10. (КО № 612) Пантикапей, ок. 315–300 гг. до н.э.

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево.

О.с. Голова льва влево; внизу осетр; вокруг П–А–N.

[Анохин, 1986, 125]

11. (КО № 630) Боспорское царство, Рискупорид VI (318/319–341/342)

324/325 г. до н.э.

Л.с. ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ. Бюст Рискупорида VI вправо; справа венки.

О.с. Бюст императора вправо; по сторонам АК–X – 621 г. б.э.

[Анохин, 1986, 770]

Список литературы

- Анохин, 1986. Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев.
- Кац, 2007. Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. XVIII.
- Федосеев, 2016. Федосеев Н. Ф. Керамические клейма. Гераклея Понтийская. Керчь.
- Conovici, 1998. Conovici N. Histria. Les résultats des fouilles. Vol. VIII. Les timbres amphoriques. 2. Sinope. Bucharest-Paris.
- Sparkes, Talcott, 1970. Sparkes V. A., Talcott L. Black and Plain Pottery // The Athenian Agora. Vol. XII. Part 2. Princeton.

Summary

N. F. Fedoseev †, V. E. Rodinkova

Amphorae stamps of the Primorsky North-West settlement (the Eastern Crimea)

The paper is aimed at publishing the collection of amphorae stamps found in the excavation site II in the Primorsky North-West settlement (studies of the IA RAS, 2017). The collection consists of 99 stamps, but 24 of them were not identified due to poor preservation. The remaining 75 are divided into 3 chronological groups. The first group includes 6 stamps (1 - Chios, 5 - Heraclea) that are dated to the end of the 5th - the beginning of the 4th cent. BC. The second group consists of 50 stamps (29 - Heraclea, 19 - Sinopa, 2 - Thasos) that belong to the 370 - mid 310 years BC. The third group consists of 17 stamps (2 - Heraclea, 15 - Sinopa) belonging to the end of 4th - first decade of the 3rd cent. BC. The second stage, distinguished by the stamps, generally coincides with the period of existence of the black-lacquered pottery on the settlement. The third stage correlates with the period of deposition of antique coins into the cultural layer.

Ф. В. Шелов-Коведяев

(Независимый исследователь, г. Москва)

«... Владыке Пантикапея»

Летом 2017 г. в раскопках (кв. 27; 34) Боспорской (Пантикапейской) археологической экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина под руководством В.П. Толстикова¹ был найден фрагмент донца (47х60 мм, полевая опись № 36) чернофигурного мелкофигурного килика 3 четверти VI в. до Р.Х. (Хранится в ГБУ РК ВКИКМЗ. Открытие совершено на отметке 6,07 м, под кладкой № 62 в слое первой половины V в. до Р.Х.)

Сохранилась почти полная четверть близкого к центру сегмента вместилища с семьёю, учитывая одну *йоту* и нижние окончания обеих опор *ни*, буквами: ΠΑΙΟΜΕΔΕ (см. рис. 1)². Граффито нанесено вокруг демонстрирующего изображение нижней части лап птицы тондо, граница которого отбита пурпурной линией³. Очертания черепка и количество дошедших графем дают общую протяжённость первоначального текста около 32-х знаков. Чтение и дополнение письменных реликтов не вызывает затруднений: Παντικά]παῖδ μεδέ[οντι и сразу дарят *первое прямое эпитафическое*, а потому полностью *аутентичное, упоминание топонима* (до сих пор надписями были зафиксированы лишь формы образованного от названия полиса этника: Παντικάλαῖτας – у Левкона I со стелы аркадян КБН 37 и Παντικάλαεὺς у посвятителе за здравие Тиберия Юлия Савромата из КБН 1048) Παντικάλαιου, Παντικάпей.

В самом деле, восстановление формы от причастия μεδέων в сочетании с родительным падежом не имеет альтернативы. А упоминание в связке с ним иной топонимики, скажем, гидронима Эксампей (Ἐξάμπαῖος) – левого притока Гипаниса (Южного Буга: Hdt. IV 52; 81) – невероятно, т.к. *все* подобные контексты в эпитафике дают сухопутные объекты (см. красноречивый материал, подобранный далее; я не могу согласиться с гипотезами Б. Браво [Bravo, 2001, p. 238; 253–264; ср. SEG 51, 969], который видит в Борисфене и Истре, отбросив без серьёзного анализа аргументы Ю.Г. Виноградова [Виноградов, 1976; Vinogradov, 1981] об их полисной природе, ольвийских посвящений Днепр и Дунай соответственно. К сожалению, во втором случае с ним солидаризируется и В.П.

¹ Выражаю ему свою самую искреннюю признательность за предоставленное мне право опубликовать памятник.

² Здесь и далее *курсивом* обозначены литеры, сохранившиеся частично.

³ Паспорт артефакта составлен А.В. Агафоновым.

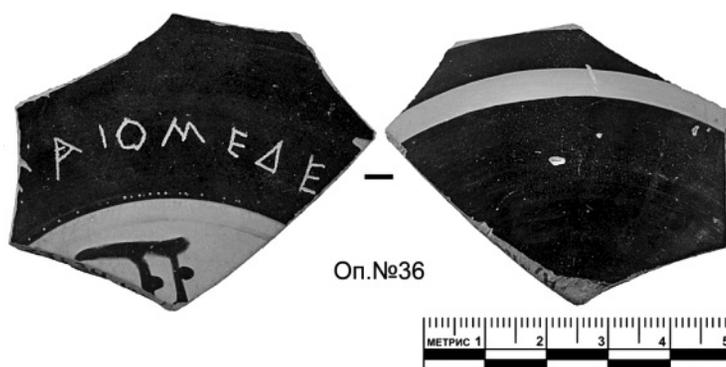

Рис. 1. Граффито – вотив Владыке Пантикапея

Яйленко [Яйленко, 2016, с. 17, прим. 7]). Да и в эпосе Посейдон (см. ниже) зовётся владыкой моря вообще, а не какого-то конкретного водного пространства. К тому же, чем бы могло быть вызвано именно *на пантикапейском акрополе* упоминание водной артерии из Северо-Западного Причерноморья? Ещё более непонятная в своей локализации речка Пантикап [см. обзор мнений, Рыбаков, 1979, с. 24–27] не проходит, помимо прочего, и в силу модели своего окончания в генитиве.

Остающееся после моей реконструкции в лакуне место идеально восполняет *dedicatio* Аполлону «Врачу» – Ἀπόλλωνι Ἴητροῖ, что, вкупе с предложенным выше, приносит [Ἀπόλλωνι Ἴητροῖ Παντικάπαιδ μεδέ[οντι] – Аполлону «Врачу» Владыке Пантикапея – в 33 литеры. Минимальное отклонение, с учётом явного постепенного скольжения строчки к краю тондо и наличия в тексте *пяти* традиционно занимающих меньше площади *йот* (см. как она льнёт к следующему за нею *омикрону*), не противоречит проведённому выше расчёту.

Обращает на себя внимание отсутствие имени дедиканта. Впрочем, такие прецеденты известны – оно могло быть начертано отдельной строкой или выше в поле лака, или под несохранившимся венчиком на внешней стороне килика [например, ср: Соломоник, 1978, № 1295; Соломоник, 1984, № 436, 472a].

Шрифт надписи – *пи* с укороченной правой гостой, *альфа* с косой перекладиной, разлапистое *мю*, неустоявшееся написание (как вертикалей и горизонталей по отдельности, так и их взаимного расположения) *эпсилон* – и передача дифтонга *оу* через *ō* в целом совпадают с датировкой самого предмета: 3, возможно, начало 4 четв. VI в. до Р.Х. Вместе с тем, усечённую *йоту* мы привыкли встречать в значительно более древнее время, а равный остальным графемам *омикрон*, наоборот, не ранее конца V – начала IV столетий до Р.Х.

Эти наблюдения заставляют вновь и вновь [ср., напр., раздел *Méthodes* в выпусках BE Луи Робера разных лет] обращать внимание на то, что (1) оценивая письмо граффити, недопустимо ориентироваться на лапидарную традицию; (2) благодаря весьма разнообразному облику индивидуальных почерков, архаичная графика сохраняется на керамике дольше, а новые формы появляются раньше, чем на камнях; (3) при датировке фактов керамической эпиграфики надо исходить, прежде всего, не из очертаний букв, но из хронологии несущего их предмета и археологического контекста.

Если бы историческое значение находки ограничилось только такими выводами, то и того было бы совсем немало. Однако, судя по датировке слоя, она, во-первых, подтверждает, что срок жизни массовой расписной керамики, даже использованной для приношения божеству, не превышал нескольких десятков лет; во-вторых, она является ещё одним свидетелем того, что около 480 г. до Р.Х. Пантикапей прошёл через потрясения и разрушения [см.: Шелов-Коведяев, Толстиков, 2014, с. 490–491; Толстиков и др., 2017, с. 42]; и, в-третьих, она позволяет считать, что уже на раннем теменосе [Шелов-Коведяев, Толстиков, 2014, с. 486; 497] пантикапейского акрополя находилось святилище Аполлона Ἰητροῦς'а, на смену которому в V в. до Р.Х. пришёл его храм [Шелов-Коведяев, Толстиков, 2014, с. 489, 498; Толстиков и др., 2017, с. 21–25] самосского варианта ионического ордера.

Затем, она увеличивает количество нечастых до сих пор в северочерноморском ареале посвящений, написанных на внутренней, а не на внешней, поверхности открытого сосуда. Что позволяет считать такое их (как и владельческих записей) расположение уже не чем-то исключительным, но просто одним из вариантов размещения.

Наконец, главное: Пантикапей теперь входит в список – не слишком многочисленный – общин и местностей, относительно которых документально засвидетельствованы их божественные покровители-владыки. Это, в первую голову, – Афины и Ἀθῆνῶν Ἀθηναίων μεδέουσα, в том числе в досье Трезены и Самоса [например, см.: ВЕ 26, р. 277; 38, 301; 58, 186; 62, 136–137; 65, 308 и др.], Спарта и Геката (КБН 22: III в. до Р.Х.), Аполлон и Тельмесс (Syll.³ 1044. 8–9: около рубежа III–II вв. до Р.Х.), делосский Аполлон и Калимна [ВЕ 39, 278: время Калигулы]. В Понте – Аполлон Ἰητροῦς и Борисфен [Русяева, 2010, с. 44, № 1: 3 четв. VI в. до Р.Х.], он же и Истрия [Vinogradov, 1981, S. 22: 2 четв. V в. до Р.Х. – Ἀπόλλωνι Ἰητροῦι Ἴστρῳ μεδέοντι], он же и Ольвия (IOSPE I² 164: IV в. до Р.Х. – в интерпретации Виноградова [см.: SEG 47, 712]), Ахилл и о. Левка (IOSPE I² 326: IV в. до Р.Х.), Ахилл и остров просто (IOSPE I² 672: римское время, может быть и той же Левкой, и Борисфеном-Березанью [см. Шелов-Коведяев, 1990, с. 49–62]), Дева и Херсонес, Афродита Урания и Апатур на Таманском берегу (представлена, наряду с Аполлоном и херсонесской Девой, наиболее весомо – КБН 1111, Цукурский лиман, время Левкона I; 971, Фанагория, Перисад I; 75, Пантикапей, II в. до Р.Х.; 31, Пантикапей, правление царицы Динамии; 35, Пантикапей, 243 г. по Р.Х.; пишут о ней в таком качестве и нарративные источники [см.: Тохтасьев, 1983, с. 111–117; Тохтасьев, 1986, с. 138–143]), Артемида и неизвестный населённый пункт (КБН 1315, Огурцовка, 133 г. по Р.Х.). Кроме того, в поэзии – от Гомера и ранних лириков до трагиков и Аристофана (LSJ s.v.) – владыками разных областей выступают Зевс и Гермес, Афродита – Саламина (кипрского), Пан – Аркадии; других объектов – Посейдон (моря, дельфинов), Елена/Селена (моря), Артемида (луков) и т.д.

Появление в очерченном кругу главного города Боспора, который (вместе, натурально, с Афинами и Ольвией) его хронологически открывает, невозможно переоценить. Аналогии же дополнению нашего граффито в Ольвии, где Аполлон Ἰητροῦς expressis verbis назван Владыкой Истра (Ἴστρῳ, лат. Histrum, был, как известно, дубликатным топонимом к Ἴστρίῃ, Histria), а также надёжно восстанавливается в той же роли применительно к Борисфену (Βορυσθῆνης – не только поселение на о. Березань, но

и одно из имён, как минимум у внешнего мира [Виноградов, 1976, с. 75–84, особ. 81–82; Виноградов, 1989, с. 60–68, особ. 67–68], Ольвии Понтийской) и Ольвии, закрепляют вывод о том, что данное божество в такой его ипостаси было лидером милетской колонизации Чёрного моря [ср.: Шелов-Коведяев, 2017, с. 113; Шелов-Коведяев, 2019 (обе работы – с литературой)].

Список литературы

- Виноградов, 1976. Виноградов Ю. Г. О политическом единстве Березани и Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. Сб. памяти Б. В. Фармаковского. М.
- Виноградов, 1989. Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса. М.
- Русяева, 2010. Русяева А. С. Граффити Ольвии Понтийской. Симферополь.
- Рыбаков, 1979. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М.
- Соломоник, 1978. Соломоник Э. И. Граффити античного Херсонеса. Киев.
- Соломоник, 1984. Соломоник Э. И. Граффити хоры Херсонеса. Киев.
- Толстикова и др., 2017. Толстикова В. П., Асташова Н. А., Ломтадзе Г. А., Самар О. Ю., Тугушева О. В. Древнейший Пантикапей: От апойкии к городу. М.
- Тохтасьев, 1983. Тохтасьев С. Р. Боспорская легенда об Афродите Апатурс // ВДИ. 2.
- Тохтасьев, 1986. Тохтасьев С. Р. Апатур. История боспорского святилища Афродиты Урании // ВДИ. 2.
- Шелов-Коведяев, 1990. Шелов-Коведяев Ф. В. Березанский гимн острову и Ахиллу // ВДИ. 3.
- Шелов-Коведяев, Толстикова, 2014. Шелов-Коведяев Ф. В., Толстикова В. П. Боспор в первой четверти V в. до Р. Х. (Из истории Пантикапея начала эпохи классики) // ДБ. 18.
- Шелов-Коведяев, 2017. Шелов-Коведяев Ф. В. Прощание с Дитагойей: Конец одного и рождение нового божества // Аристей. XVI.
- Шелов-Коведяев, 2019. Шелов-Коведяев Ф. В. Аполлон Ἰητροός и Артемида Пифийская // Сб. материалов VI Аверинцевских чтений (в печати).
- Яйленко, 2016. Яйленко В. П. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса, Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э. СПб.
- В. Bravo, 2001. Luoghi di culto nella chora di Olbia Pontica // Problemi della chora coloniale dall'Occidente al Mar Nero. Taranto.
- Vinogradov, 1981. Vinogradov Ju. G. Olbia. Geschichte einer altgriechischen Stadt am Schwarzen Meer. Konstanz.

Summary

Fyodor V. Shelov-Kovedyaev
To the Lord of Panticapaeum

The paper publishes the graffito founded at summer of 2017 on the Mithridat Mountain (old *polis* of Panticapaeum) in the Kerch City (Crimea). This is the dedication of the *kylix* to Apollo Ietros, the Lord of Panticapaeum – [Ἀπόλλωνι Ἰητροῦ Παντικα]παῖδ μεδέ[οντι].

В. П. Яйленко

(Независимый исследователь, г. Москва)

Итоги развития и перспективные задачи эпитафистики античного Северного Причерноморья

I. Итоги изучения эпитафистики Северного Причерноморья¹.

Основной фонд эпитафистики Северного Причерноморья (далее – СП) составляют лапидарные надписи, вспомогательный фонд – граффити (оставляем в стороне дипинти и клейма, изучением которых занимаются специальные дисциплины). Насчитываем в истории эпитафистики СП 5 этапов.

Первый открывают ученые путешественники XVIII и первой пол. XIX вв., продолжают его антиквары, музейные работники, официалы, которые собирают и публикуют лапидарные надписи юга России (А. Б. Ашик, П. Бларамберг, К. К. Герц, П. Дюбрюкс, Б. В. Кёне, Н. Н. Мурзакевич, П. Сабатье, Г. И. Спасский, И. А. Стемповский, Л. Стефани, Ф. Струве, П. Сумароков, П. Паллас, Р. Becker, A. Voeckh, E. D. Clarke, F. Dubois de Montpéreux, F. Graefe, M. Gouthrie, F. Jilles, H. Koehler, P. Koeppen, Ph. Le Bas, J. Mordtmann, A. De la Motraye, E. Muralt, C. T. Newton, M. Raoul Rochette, L. de Waxel и мн. др.). Условно увенчаем этот период изданием «Сборника греческих и латинских надписей Кавказа» И. В. Помяловского (СПб. 1881).

Второй период назовем Латышевским: в 1882 г. В. В. Латышев начинает сбор материала для свода греческих и латинских надписей СП: IOSPE I-IV, завершается этап публикацией в 1916 г. второго издания первого тома (IOSPE I²).

Третий этап пришелся на время от Великой Октябрьской социалистической революции до конца Второй мировой войны (1917–1945).

¹ Эта статья появилась на свет из тезисов, которые я написал для XX Боспорских чтений в Керчи, тема которых в 2019 г. «Основные итоги и перспективы исследований». Годы 2018 и 2019 у меня юбилейные: 80 лет жизни и полвека занятий эпитафистикой. Это дает мне основание оглянуться назад на пройденный путь. Я существовал в науке о Северном Причерноморье (далее СП) с тремя поколениями ученых; писать мемуары не собираюсь – много еще надо сделать в науке, поэтому не ограничиваюсь датами да событиями, а живописую и людей, которые в них участвовали. Разумеется, мои суждения об основных событиях эпитафистики СП (например, об IOSPE или КБН) и оценки деятельности участвовавших в них людей (к примеру, В. В. Латышева или А. И. Болтуновой) в какой-то мере субъективны, но полагаю, что полувековой опыт эпитафиста, тем не менее, делает их существенно объективными. Судить читателю.

Наряду с обычными библиографическими сокращениями далее употребляем: *ТБР* – Яйленко В. П. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпитафистика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М.; *ОХБ* – Яйленко В. П. История и эпитафистика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э. СПб. 2017.

Четвертый этап, 1945–1973 гг., составили подготовка и выход в свет сборников «Корпус боспорских надписей» (М., Л., 1965), «Надписи Ольвии» (Л. 1968), эрмитажных граф-фити И. И. Толстого (М., 1953), двух книг Э. И. Соломоник «Новые эпиграфические памятники Херсонеса» (Киев, 1964, 1973). После 1973 г. отсчитываем пятый, современный, этап, продолжающийся поныне. Кратко охарактеризуем этапы II–V (первый – превосходно освещен в книге И. В. Тункиной [2002, *passim*]).

Этап II–IOSPE. Все лапидарные надписи, изданные до 1885–1915 гг., В. В. Латышев инкорпорировал в свод IOSPE I–IV, I²: Latyschev V. Inscriptiões antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli. T. I (1885), II (1890), IV (1901), I² (1916). Как большой ученый, Латышев эволюционировал, так что между сводом надписей Ольвии, Херсонеса и пр. 1885 и 1916 гг. огромная разница по текстологии и комментированию. Тома I и II Латышев издал по принципам, разработанным к 1870-м годам У. Кёлером, А. Кирхгофом, В. Диттенбергером для опубликованных Прусской Академией наук сводов *Corpus inscriptionum Atticarum* и *Inscriptiones Graecae* (по существу, это один корпус), большим недостатком которых была «слепая» подача надписей. Но уже в т. II и еще более т. IV Латышев стал факультативно включать изобразительные материалы, а в томе I² фотографии и прориси надписей стали нормой. Это краеугольный для сводов надписей принцип, поскольку он открывал дорогу другим ученым для последующей работы над ними. По этой причине, да и ряду других, из опубликованных Латышевым томов лишь последний, IOSPE I², соответствовал принципам издания надписей, которые приняты в эпиграфической науке XX в. Но соответствовал лишь отчасти, поскольку работе Латышева над сводом IOSPE свойствен фундаментальный недостаток – обработав надписи в музеях Питера и Москвы, он проработал *de visu* лишь часть материала, хранящегося в собраниях юга России, во время двух своих наездов туда. Иначе говоря, только меньшую часть надписей он публиковал по подлинникам, все остальное – по присылавшимся ему корреспондентами эстампам, фото, рисункам, описаниям. Например, в конце XIX – начале XX вв. много надписей находили на Боспоре – при строительных работах, в результате археологических исследований В. В. Шкорпила, также случайным образом. Латышев поладил со Шкорпилем, дав ему возможность публиковаться в «Известиях Археологической комиссии», секретарем которой он был (как сейчас говорят, использовал административный ресурс), взамен получил половину обнаруженных надписей. По данным С. А. Шестакова [2003, с. 291], они поделили надписи пополам: с 1901 по 1906 гг. Шкорпил издал 151 надпись, Латышев 146 и все по описаниям и эстампам Шкорпила. Даже многие прориси Латышева сделаны по эстампам; в результате надписи порой получали фиктивную изобразительную документацию. Наглядный пример – вотив IOSPE I²188 из ОАМ, прорись которого имеет немного общего с подлинником.

Работа Латышева с эстампами породила проблематичность текстологии значительной части надписей IOSPE I², а для боспорского тома IOSPE II, изданного по устаревшим принципам XIX в., это вообще стало почти смертным приговором (отчасти восполнил недостаток изобразительных материалов альбом фотографий боспорских эпитафий [Kieseritzky, Watzinger, 1909]). Видел это и сам Латышев, ведший его кардинальную переработку; по данным А. И. Болтуновой [1966, с. 230], уже в 1918 г. он

завершил ее (его письмо к А. В. Орешникову), но до издания по причине революции и гражданской войны дело не дошло, тем более, что в 1921 г. он умер.

Сводом Латышева завершилась работа ученых XIX в. над надписями СП, в XX век он только заглянул. Значение IOSPE огромно, однако переоценить его нельзя, ибо он мог быть намного совершеннее как по части текстологии, так и по части понимания материала. Пагуба крылась в личностных свойствах В. В. Латышева: по причине своих «генеральских» амбиций он хотел быть единственным специалистом по эпиграфике СП, и стал им, выжив всех других. С. А. Жебелев писал об этом в некрологе [1926, с. 107]: «С 1885 г., когда появился первый том IOSPE, и до конца жизни В. В. был почти монопольным хозяином по изданию и объяснению греческих надписей, происходящих с юга России. К этой своей «монополии» он относился очень ретиво и ревниво. Он не очень-то жаловал, когда кто-нибудь другой вторгался в эту область, где он считал себя – в значительной мере мог считать себя по праву – полным хозяином. С одной стороны, эта «монополия» имела свои хорошие стороны: каждая вновь находимая надпись попадала в вполне надежные руки, и опубликование ее не задерживалось. С другой стороны, «монополия» имела и нечто отрицательное: В. В. не дал возможности другим войти в южно-русскую эпиграфику, не создал «школы» в ней, не оставил после себя достойных себе преемников в отмежеванной им для себя области». С. А. Жебелев с основанием критиковал Латышева, поскольку, во-первых, с 1896 г. он сам активно занимался греческой эпиграфикой, но вынужденно не СП, а Греции, что было неудобно и мало плодотворно без личного контакта с камнями; во-вторых, вполне видел, что IOSPE мог быть намного качественнее того, что создал монополист Латышев². Замечательный филолог, историк и педагог Ф. Ф. Соколов подготовил и выпустил из своего «Историко-филологического» гнезда плеяду талантливых эпиграфистов (наряду с Латышевым) – С. А. Селиванова, В. К. Ернштедта, С. А. Жебелева, А. Н. Щукарева, Н. И. Новосадского, а допрежь всех А. В. Никитского, самого выдающегося российского эпиграфиста-классика. При наличии специалистов такого уровня задачей Латышева должна была стать не монополизация эпиграфики СП, а, напротив, активное вовлечение их в процесс подготовки и издания IOSPE. Сделай он это, свод при таких создателях был бы образцово-показательным, несравнимо лучше, так что на долю отечественных эпиграфистов последующего времени осталось бы в основном издание вновь найденных памятников. Переступи он через свои амбиции, не писались бы негативные строки о нем. А без того публикация им большей части надписей IOSPE по первым изданиям, эстампажам, фотографиям, рисункам да описаниям корреспондентов обернулось переключением большого объема работы на ученых следующих поколений. Латышевский монополизм тем более досаден, что в его время были хорошие образцы коллективной работы с надписями. Немецкие филологи Х. Коллиц, А. Фик, Р. Майстер, Ф. Бехтель и другие издали в 1884–1914 гг. 4 тома диалектных надписей (*Sammlung der griechischen Dialektinschriften*); с 1901 г. плеяда французских эпиграфистов издавала серию *Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes*; примеры без труда можно продолжить, и важно отметить, что эти сборники актуальны поныне.

² Далее об этом см. [Яйленко, 2008, с. 542–543].

Мы уже упомянули публикацию В.В. Шкорпилом большого числа боспорских надписей. Назовем и других специалистов, противостоявших диктату Латышева. Позднеантичные и ранневизантийские надписи Боспора публиковал выдающийся византист Ю.А. Кулаковский; надписи Херсонеса издавал Р.Х. Лепер, Ольвии – Э.Р. Штерн. Несколько статей с интересными комментариями к ряду изданных надписей дал В.К. Эрнштедт; ряд боспорских надписей опубликовал Ю.Ю. Марти³. Ведший активные раскопки на Березани, Штерн видел важность изучения также граффити на керамике и дал две специальные публикации таких надписей [1897, с. 163–199; 1901, с. 18–28]. Поскольку значение этого материала было осознано эпиграфистами давно – его содержал уже *Corpus inscriptionum Graecarum* (Vol. IV, 1856), Латышев выделил для граффити третий том IOSPE, подготовку которого поручил Е.М. Придику. Выбор оказался неудачным: Придик сосредоточился на клеймах, не уделив должного внимания граффити да дипинти, он долго собирал этот материал, но толком разобраться в нем не смог, потому его несовершенный во всех отношениях труд остался неизданным⁴.

Этап III (1917–1945). Его можно охарактеризовать по сказке о Буратино: клиент ни жив, ни мертв. Причины две: во-первых, отвадивший почти всех от эпиграфики СП Латышев оставил после себя кадровую пустыню; во-вторых, это время разрушительной гражданской войны и последующего строительства новой страны, которой предстояло колоссальное испытание – Вторая мировая война. То немногое, что было сделано на этом этапе, обозрел Н.И. Новосадский [1938, с. 200–213]. Всего он учел за 1917–1937 гг. 27 статей по надписям античного СП: своих 6, С.А. Жебелева, В.В. Латышева по 4, Ю.Ю. Марти 3, по две В.В. Шкорпила, А.Ф. Семенова, А.С. Коцевалова, по одной С.С. Дложевского, М. Тихановой, Р.Л. Эрлиха, Э. Диля. По политическим причинам Новосадский не упомянул 2 статьи О.О. Крюгера и 2 – М.И. Ростовцева. После 1937 г. опубликовали еще по две статьи С.А. Жебелев, Ю.Ю. Марти, по одной Е.Г. Кагаров, С.Я. Лурье, Л.А. Мацулевич, Н.И. Новосадский, М. Шангин. Итого 40 статей почти за четверть века (1917–1941 гг.), в среднем примерно по полторы-две статьи в год.

Этап IV: 1945–1973. КБН, НО. Война 1941–1945 гг. нанесла огромный урон лапидарному фонду СП – пропало множество надписей. Немецкие захватчики вывозили музейные ценности Крыма, Украины и других областей юга СССР, многое удалось вернуть, но еще больше утеряно. Самое большое лапидарное собрание было в Керчи, надписи хранились в основном вне помещений – на Царском и Мелек-Чесменском курганах, во дворе музея; оно пострадало более всего: по КБН, числятся пропавшими № 12, 15, 24, 25, 47, 50, 68, 69, 91, 94, 95, 105, 108, 118, 120, 121, 133, 146, 148, 150, 159, 161, 171, 181, 186, 190, 193, 212, 242, 246, 256, 260, 267, 293, 299, 302, 307, 308, 317, 320, 321, 329, 332, 334, 381, 385, 387, 392, 393, 404, 422, 428, 443, 453, 463, 469, 471, 473, 475, 482, 492, 507, 509, 510, 521, 531, 537, 552, 554, 561, 566, 571, 574, 595, 600, 629, 642, 668, 669, 675, 681, 688, 700, 709, 722, 724, 726, 729, 732, 733а, 735, 741, 742, 747–776, 779–781, 783, 784, 786–790, 794, 796–798, 800, 802–804, 805, 807, 808, 810–813, 815, 823, 838, 854, 860, 863, 867, 871, 872, 880, 888, 895, 900, 917, 919, 923, 925, 926, 929, 931, 935, 937, 938, 999, 1007, 1008, 1023, 1026, 1031, 1059, 1061, 1065, 1070, 1072, 1073,

³ Если мы не даем ссылки на опубликованные работы упоминаемых ученых, то читатель найдет их в библиографических сводах [Воронков, 1961, с. 53–59; Союзару, 2014, index].

⁴ Один экземпляр, явно подготовительный, хранится в архиве питерского ИИМК'а, был и другой, возможно, чистовой, им пользовался И.И. Толстой в своем сборнике эрмитажных граффити.

1092, 1093, 1220, 1222. Из этого числа немногие считались утерянными до Великой отечественной войны (некоторые пропали еще в XIX в.). Вряд ли ошибемся, списав утери частью на фортификационные мероприятия воевавших сторон, но главным образом на увоз камней окрестным населением для личных строительных нужд⁵.

Послевоенные годы стали решающими для развития науки в нашей стране: появление ядерного оружия наглядно показало ее важнейшую роль – у страны без науки нет будущего, нет независимости. Отметим и важную особенность руководства страны того времени: И. В. Сталин и его сподвижники были высокообразованными людьми (личная библиотека Сталина насчитывала около 17–18 тысяч книг и почти все они были читаны, я сам это видел в Архиве на Пироговской – повсюду на страницах его пометки карандашом), поэтому придавали громадное значение науке: все крупные проекты в экономике и прочих сферах обязательно прорабатывались в научных учреждениях. В 1947 г. В. И. Сталин инициировал ряд мер по ускоренному развитию науки – создание новых исследовательских учреждений (в 1940 г. их было 1821, в 1950 уже 2848), резкое увеличение числа научных кадров (в 1913 г. их было в России ок. 10 тыс., в 1940 г. 96 тыс., в 1950 г. 162,5 тысячи), сильно подняты их зарплаты, дана квартирная льгота (право на личный кабинет) и пр. (я читал эти постановления правительства). Ввиду этих мер народ валом пошел в науку, поначалу было немало балласта, но количество быстро перешло в качество – сформировался грандиозный массив научных работников. Фундаментальные исследования велись в Академии наук (нынешняя РАН – ее жалкая тень), прикладные науки и техника развивались в отраслевых институтах, кое-что делалось и в вузах. Все это сказалось в числе прочего на подъеме антиковедения, в том числе на изучении памятников эпиграфики. Широкий фронт археологических работ на Боспоре, в Ольвии, Херсонесе, Тире, на Березани дал много новых надписей – лапидарных и граффити, немало материала обнаружилось при строительстве в Керчи да в других городах, были и случайные находки. Надписи активно публиковались, никогда дотоле не появлялось так много эпиграфических статей, так много новых имен ученых. Ограничимся упоминанием активных издателей и комментаторов данного периода: А. А. Белецкий, Т. В. и В. Д. Блаватские, А. И. Болтунова, В. Ф. Гайдукевич, Б. Н. Граков, П. О. Карышковский, Т. Н. Книпович, О. О. Крюгер, Е. И. Леви, С. Я. Лурье, Б. И. Надэль, Н. П. Розанова, Э. И. Соломоник⁶. Большой новый материал вновь сделал актуальной работу по подготовке сводов лапидарных надписей Боспора, Ольвии, Херсонеса. Так получилось, что она сконцентрировалась в Ленинграде, в академических институтах истории и археологии. Базовым учреждением для подготовки КБН стал Институт истории, работа по созданию НО велась в Институте археологии. Издание сводов лапидарных надписей КБН и НО, свода граффити Эрмитажа И. И. Толстого, а также двух книг Э. И. Соломоник об эпиграфике Херсонеса было главным достижением этапа 1945–1973 гг.

«Корпус боспорских надписей» издан в 1965 г. (951 стр.) адекватным тиражом – 1700 экз. Рецензенты положительно оценили его как важнейшее предприятие

⁵ Есть слух, что часть наиболее значительных надписей, хранившихся на Царском кургане, сотрудники музея прикопали там же. Одну такую плиту, край которой торчал из земли, я выкопал в 1970-х справа от входа на курганный комплекс; если память мне не изменяет, это посвящение КБН 16.

⁶ За рубежом публиковался беглый предатель А. С. Коцевалов.

советской науки в области антиковедения (Ф. Бози, А. И. Болтунова, О. О. Крюгер, Г. Михайлов, Б. Надэль – С. Освецимский, Ф. Папазоглу, Я. Печирка, Н. В. Пигулевская, Л. Робер, И. Руссу). Некоторые справедливо указали, что основным автором КБН является В. В. Латышев: из 1328 надписей КБН 1200 изданы по его рукописному IOSPE II² [Nadel, Oświecimski, 1968, s. 244]; настаивала на этом также А. И. Болтунова в рецензии на КБН [1966, с. 230–232]. Нам важно отметить существенное достоинство КБН в распределении материала: если Латышев давал надписи в топографическом отношении по крупным областям (в IOSPE II и IV: Пантикапей и округа, Фанагория и округа, Горгишия и округа, Танаис), что неприемлемо для науки XX в., то издатели КБН справедливо распределили его по местам находки, что дало точную картину. Другие важные свойства КБН: уточненная текстология ряда надписей, качественные датировки и переводы, содержательные комментарии, полная литература в леммах. Чрезвычайно значим составленный А. И. Доватуром «Краткий очерк грамматики боспорских надписей» (КБН, с. 797–831), весьма ценны Указатели. Резюмируем: КБН стал совершенно незаменимым пособием для большого отряда специалистов по СП – археологов, историков, филологов, нумизматов и пр.

Вместе с тем «Корпусу» свойствен ряд существенных недостатков. Основной состоит в том, что он страдает еще латышевской болезнью – оставалась несовершенной текстология множества надписей, а это самое важное в эпиграфике: текст должен быть аутентичным, в противном случае он некачественный источник. Эта проблема была обусловлена отсутствием в стране нужного числа профессиональных эпиграфистов. В описываемый период 1945–1973 гг. таковых было всего два – Анна Ивановна Болтунова да Элла Исаковна Соломоник. Последняя выпадала, поскольку трудилась над эпиграфикой Херсонеса (см. ниже), боспорскими надписями активно занималась А. И. Болтунова, и ее роль в подготовке КБН была весьма значимой. Однако, как обычно бывает, разногласия по ряду вопросов внутри коллектива приводят к удалению тех, у кого нет руководящего административного положения, это произошло и в данном случае: в конечном счете Болтунову вывели из круга авторов КБН. Читаем в предисловии: «Обследование хранящихся в музеях эпиграфических памятников, сверка текстов с камнем, как и фотографирование памятников, было проведено А. И. Болтуновой и отчасти Н. С. Беловой» [КБН, с. 10]. Вот так авторы предисловия отделались одним предложением не только от Болтуновой, но и от важнейшей задачи эпиграфического труда – от текстологии. Тут и коренится существеннейший недостаток КБН: в нем множество текстов не вполне аутентично, и это обусловлено тем, что подготовка свода велась (скаламбурим) под сводами кабинетов Института истории, а не как должно – в музеях и прочих хранилищах лапидарных надписей. Одна А. И. Болтунова не могла выполнить эту работу, ею должны были заниматься несколько специалистов. Конечно, мы благодарны Т. Н. Книпович, В. Ф. Гайдукевичу (они археологи), Д. П. Каллистову (историк), А. И. Доватуру (филолог) за их большой труд в создании КБН, они специалисты высокого класса, – но... каждый в своей области. А основную работу с тысячами камней может вести только профессиональный эпиграфист, причем не один. При этом еще, судя по всему, А. И. Болтунова видела свою задачу (или ей предписали) главным образом в фотографировании камней (см. [КБН-альбом, 2004, с. 397, 400–401]; ее отличный

фотоархив хранится в Москве, в Институте археологии). Однако по ряду причин альбом к КБН тогда не был издан, так что по изобразительно-документальному сопровождению и по текстологии этот свод страдал недугами еще Латышевского IOSPE II.

Немаловажен и вопрос о соотношении КБН с IOSPE II². И Болтунова, и Надэль с Освецимским справедливо указали на недопустимость удаления имени Латышева из КБН, сомневались они и в обоснованности наименования «Корпус боспорских надписей»⁷. Подадим и свой голос: коль разработчики КБН хотели дать русское название своду (считаем это правильным, но в качестве параллельного названия), то поместив его на титуле под фамилией В. В. Латышева, они обязаны были указать на контртитуле точный адрес: *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Vol. II². Corpus inscriptionum regni Bosporani. Edidit V. V. Latyschew. Post recensuerunt A. I. Boltunova, V. F. Gajdukevitch, A. I. Dovatur, D. P. Kallistov, T. N. Knipovitch.* В письме в редакцию ВДИ А. И. Болтунова [1966, с. 231, прим.] скромно заметила, намекая на несправедливую оценку ее труда: «распределение работы между отдельными участниками издания [КБН], указанное в «Предисловии», не всегда находится в полном соответствии с действительностью. Но это уже мелочи». Мы не считаем это мелочью: каждый должен получать честь по труду. Потому в приведенном перечне авторов КБН даем тот порядок, который указала А. И. Болтунова в своем обзоре советской эпитафии СП [Boltunova, 1969, p. 308]. Действительный вклад каждого в создание КБН покажет история его создания, которую напишут будущие историографы эпитафии СП (пока наиболее аргументированный документальными краткий очерк дал А. К. Гаврилов [КБН-альбом, 2004, с. 395–407]). Необоснованное удаление Болтуновой из коллектива авторов КБН, предвзятое само по себе, что важнее, сказалось и на полноте надписей свода: по указанной причине она «попридержала» выявленные ею в Керчи, Анапе, Новороссийске и прочих боспорских центрах новооткрытые надписи, активно публикуя их уже после выхода КБН⁸.

⁷ Негодна попытка разработчиков КБН А. И. Доватура и Д. П. Каллистова [1967, с. 172–174] оправдать удаление имени Латышева ссылкой, что это-де «явилось бы несправедливой недооценкой вложенного в Корпусе труда таких выдающихся наших ученых, как С. А. Жебелев, И. И. Толстой, С. Я. Лурье». Из предисловия к КБН читатель не получил конкретных указаний на работу, проделанную названными уважаемыми учеными, что понятно, поскольку лишь Жебелев занимался эпитафией СП, Толстой да Лурье филологи, так что их работа могла иметь только общий характер. Это и следует из предисловия к КБН [с. 5–6]: Лурье лишь вскользь упомянут, о Толстом сказано, что под его руководством за два года коллективом было сделано многое. Чуть больше о Жебелеве: после смерти Латышева работа «была продолжена академиком С. А. Жебелевым. Он дополнил и уточнил некоторые из комментариев В. В. Латышева, в отдельных случаях внес свои конъектуры к текстам, высказал новые соображения по некоторым частным вопросам. Но и С. А. Жебелев не смог завершить эту работу». Читатель согласится, что из приведенных слов явствует небольшой личный вклад Жебелева. Не случайно этих троих ученых нет в списке разработчиков конкретных надписей КБН, поэтому ссылка Доватура да Каллистова на них, как причину отсутствия имени Латышева, безосновательна. Многолетняя подготовка КБН прошла несколько организационных и рабочих стадий, восстановление истории создания КБН по архивным документам – в числе задач будущей историографии эпитафии СП (см. ниже, пункт II, 11).

⁸ Я был в дружественных отношениях с Анной Ивановной, она подарила мне все имевшиеся у нее в наличии на 1970-е гг. свои эпитафические оттиски. Конечно, бывали и шероховатости: например, она восприняла без энтузиазма мои поправки к ее чтению и толкованию горгишпийской проксении (см. о них [ТБР, с. 69–76]). Она прожила долгую и плодотворную жизнь (1900–1991), с замужеством за крупным грузинским историком национального изобразительного искусства Шалвой Ясоновичем Амиранашвили связаны ее работы довоенного и послевоенного времени по археологии и греческой эпитафии Закавказья. Ученица С. А. Жебелева, она работала с конца 1948 по 1951 г. в группе ЛОИИ по подготовке КБН, возглавленной С. Я. Лурье; осенью 1950 г. руководителем группы стал И. И. Толстой, через год А. И. была уволена. После этого безобразия она

Второе важное событие рассматриваемого периода – подготовка и публикация свода «Надписи Ольвии (1917–1965)», в нем собраны 183 надписи, в основном это фрагменты (132 стр. + 65 таблиц; тираж 1600 экз.). Раскопки Б.В. Фармаковского 1896–1926 гг., почти сразу продолженные киевскими и ленинградскими археологами, дали большой материал, при этом раскрытие общественного центра города – теменоса Аполлона Дельфиния и агоры – ленинградской экспедицией во главе с А.Н. Карасевым и Е.И. Леви, дали половину его, притом самую существенную: полисные декреты (см. обзор Т.Н. Книпович [1958, с. 162–177]). Авторитетные рецензенты сборника отметили его сильные и слабые стороны⁹. В числе первых качественное воспроизведение надписей фотографиями, хорошие переводы, публикация важных новых документов, которые существенно расширяют наши представления о торговых связях города (проксении, из них две древнейшие, от V в.), его культах (посвятительные надписи), городской администрации и пр. Среди недостатков – краткость комментариев, небрежность в транскрипции греческого текста отдельных надписей, ненадежность дополнения многих утраченных частей текста, спорность некоторых датировок, немалое число опечаток и др. Ценную таблицу приложил Карышковский: типы надписей (декреты и почетные надписи, списки имен, строительные акты, посвящения, эпитафии), количество надписей по хронологическим периодам от V–IV вв. до н.э. по III в. н.э. Он же указал, что из 183 надписей сборника новых 167. На наш взгляд, картина с НО примерно та же, что и с КБН: сборник подготовили не эпиграфисты, а археологи – Е.И. Леви, Т.Н. Книпович, Е.Г. Кастанаян, И.Б. Брашинский, филолог А.А. Белецкий. Отсюда главная беда – слабая текстология фрагментированных надписей, публикация по отдельности фрагментов, явно составляющих одну надпись, как правило, почетный декрет. Тем не менее, мы должны быть благодарны перечисленным издателям НО, которые, будучи специалистами в другой области, взяли на себя труд доведения до научной общественности 167 новых документов. Оптимизацию их текстологии приняли уже перечисленные выше рецензенты НО, затем в ряде работ Ю.Г. Виноградов и автор сих строк. Одним из важных результатов коллективной текстологической работы явилась реконструкция из ряда фрагментов НО больших почетных декретов – в честь сы-

---

оставила Питер и связала свою дальнейшую жизнь с московским Институтом археологии. Такова же была и участь великого ученого Соломона Яковлевича Лурье (1890–1964), единственного на моей памяти доктора трех наук – филологических, исторических и (как говорил мне К.К. Зельин) математических: функционеры от науки так досаждали ему из-за своей псевдопартийной политической бдительности и из зависти, что он уехал за тридевять земель – в Одессу (1950–1952), затем во Львов (1953–1964). Теперь документы опубликованы, имена гонителей известны: Д.П. Каллистов, С.И. Ковалев, М.Е. Сергеев [Мировщикова, 2015, с. 202–209]. Заметим, что эти историки да еще египтолог И.С. Кацнельсон громили превосходную книгу филолога (!) Лурье 1947 г. «Геродот»! Когда я работал в аспирантуре Ин-та всеобщей истории РАН (1968–1971) над диссертацией о греческой колонизации и прорабатывал общие труды по истории Греции, то обратил внимание на выдающееся значение книги Лурье 1940 г. «История Греции»: по идеям она была весьма созвучна мне. Но и ее испепелили названные погромщики во главе с функционером от науки Ковалевым, все вместе не сделавшие и половину того, что сделал Лурье. Общие курсы С.И. Ковалева по истории древней Греции и Рима 1936/7 г., как и прочие его работы, ходульны и, напроць, пронизаны вульгарной социологизацией. При этом в самой так наз. вульгарной социологии большой беды нет, дело в таланте автора: я с большим удовольствием почитываю пронизанную ею интересную книгу одного из славных своих учителей по истории искусства Ивана Людвиговича Мацы (он чех по рождению) 1929 г. «Искусство зрелого капитализма на Западе», а названные книги Ковалева за ненужностью отправил в «ссылку» на дачу.

⁹ П.О. Карышковский [1969, с. 111–116], А.И. Доватур [1969, с. 107–111], D.M. Pippidi [1970, p. 320–322], А.И. Болтунова [1971, с. 285–290], F. Bosi [1972, p. 163–167].

новой херсонесита Аполлония последней трети или четверти III в. до н. э. (НО 28+29+123+ IOSPE I²240); декретов II в. до н. э. в честь сына Зобия (НО 17+21+30+120) и амисенца (?) Аполлократа (НО 35+37+38+124+128, также антиграф НО 36+ IOSPE I²253); декрета 198 г. н. э. в честь прусийца Маркиана (IOSPE I²57+263+НО 47+53+179) [ОХБ, с. 449–468, 542–557, лит.]. Подчеркнем: все это трудно было бы сделать без сборника НО, который предоставил названным исследователям материалы для плодотворной работы¹⁰.

Следующим большим достижением рассматриваемого периода стали две книги Э. И. Соломоник «Новые эпиграфические памятники Херсонеса» (Киев, 1964, 1973). Она была, как говорится, до мозга костей профессиональным эпиграфистом и в этом смысле стояла выше другого профессионала А. И. Болтуновой, которая видела смысл этой профессии главным образом в публикации новых надписей. Элла Исаковна почти каждодневно работала в созданном ею лапидарии Херсонесского музея (при том, что квартира ее в Симферополе), перелопачивая уже изданный материал, прорабатывая его и давая ему новую жизнь – складывала фрагменты надписей воедино, по-новому прочитывала тексты, изданные Латышевым по эстампам, систематизировала материал по типологии, прекрасно комментировала его. Фронтальная систематизация эпиграфического материала в лапидарии позволила ей выявить множество найденных раскопками Р. Х. Лепера и К. К. Косцюшко фрагментов, которые по причине свойственной сим археологам профессиональной необязательности втуне пребывали неучтенными в музейном хранилище. Наконец, плодотворной была и ее работа в архиве над раскопкой и прочей документацией (все это Э. И. кратко изложила в предисловии к книге 1964 г.)¹¹. В результате двумя ее упомянутыми книгами науке была явлена совершенно новая сравнительно с IOSPE I² эпиграфика Херсонеса (там 389 надписей): по существу новых 198 надписей, что особенно важно, поданных намного содержательней. Отдельной книгой изданы ею «Латинские надписи Херсонеса Таврического» (М., 1983; 94 стр.); в неё вошли 74 надписи, все доступные – получили воспроизведение в качественных фото¹². Рецензенты единодушно дали высокую оценку ее книгам – Б. Надель, А. А. Белецкий, Г. Альфельди, И. Руссу и др.

¹⁰ Позволим себе лишь один упрек издателям НО: конечно, надо было привлечь к работе Петра Осиповича Карышковского (1921–1988). Хотя по призванию он нумизмат, но в 1950-х дельно трудился и на ниве эпиграфики. Он хорошо знал эпиграфическую документалистику, и его участие значительно улучшило бы текстологию надписей; на это указывает и его рецензия на НО, в которой он дал много существенных поправок к чтению надписей. У него была прекрасная память: как-то гостя у меня, он ночью по памяти испещрил мой экземпляр НО своими пометами. Выскажем сожаление и об отъезде из СССР в Польшу в 1957 г. филолога Б. Наделя: несколько его статей [ВДИ 1948, 1; 3; 1956, 3; 1958, 1; УЗ Ленингр. пед. ин-та, 1954, т. 93] высказывают в нем превосходного эпиграфиста; если бы И. И. Толстой или В. В. Струве вернули его к работе над КБН, в которой он был задействован до 1947 г. переводчиком на латынь, то уже чисто эпиграфической, уровень свода, без всякого сомнения, был бы намного выше.

¹¹ Я был в дружеских отношениях с Эллой Исаковной (1917–2005) с 1970-х гг., когда постоянно приезжал в Крым. Всегда активная (но и едкая по характеру), погруженная в работу, она являла собой пример ученого, достойный подражания. Особенно мне импонировала в ней всеядность эпиграфиста-профессионала: ей одинаково была интересна как давным-давно опубликованная надпись, так и новонайденный камень. Этим она резко отличалась от московских профи – А. И. Болтуновой и особенно Ю. Г. Виноградова, которые всю жизнь гонялись за новыми надписями, особенно не утруждали себя работой с уже изданным материалом. Увы, тяжёлый ее конец: уйдя на старости лет в крымскую иудаику, она уехала в Израиль, чтобы там, в доме для престарелых жить и умереть. Да будет земля ей пухом!

¹² Обратим внимание на немислимый дотолее тираж – 2900 экз., это тоже маленькое подтверждение колоссального расцвета советской науки в 1980-х гг.

Завершим описание этапа 1945–1973 гг. сводом эрмитажных малых надписей И.И. Толстого «Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья» (М.–Л., 1953; 154 стр., тираж 1500 экз.). В целом это важное издание, так как граффити до того не получали должного признания в нашей эпиграфической литературе. Единственное исключение – умница Э.Р. Штерн, раскопками которого на Березани было найдено немало граффити; кроме того, как хранитель музея древностей Одесского общества истории и древностей он обратил внимание на поступившую туда от А. Л. Бертье большую коллекцию феодосийских граффити; осмысливая этот материал, он запросил и херсонесские надписи у К.К. Косцюшко. Штерн не только издал солидный по объему материал – 182 граффити, но и попытался методически выстроить его типологию [Штерн, 1897, с. 163–203: 148 граффити; 1901, с. 18–28: 34 граффити]. Эти две его статьи – самое большое достижение предшествующей отечественной эпиграфики в данной области, все остальное – публикации от одного до нескольких граффити (о неудачном опыте Е.М. Придика уже сказано). Поэтому книга И.И. Толстого была и остается важным предприятием: свод показал большое значение в самых разных отношениях памятников малой эпиграфики. Она ценна чтением текстов многих надписей и комментариями И.И. Толстого, также прорисовками З.А. Билимович и керамическими датировками А.А. Передольской. Вместе с тем, немалое число граффити было неточно понято Толстым. Иван Иванович был прекрасным знатоком древнегреческой литературы, но его кратковременное занятие в конце жизни эпиграфикой СП оказалось не очень продуктивным. Типичный кабинетный филолог, он имел отдаленное представление и о лапидарной эпиграфике СП, и о малой. Отсюда множество ошибочных текстов и комментариев в его книге. «В целом примерно половина изданных И.И. Толстым граффити требует уточнения текста и типологической принадлежности», – заключили мы [ВДИ. 1980, 2, с. 74]. Примерно такого смысла и отзывы П.О. Карышковского [1954, с. 69–72], Л. Робера [Bulletin épigraphique, 1954, № 10 = REG. T. 67], Б.И. Надэля [1955, с. 190–194], Д. Джордана [Jordan, 1978, p. 161, n. 4]: книга нужная, но многое нуждается в уточнении¹³. Всего в своде Толстого 255 надписей из Ольвии, Херсонеса, Нимфея, Пантикапея, с Тамани да Березани¹⁴. Тематические рубрики довольно ограничены: бытовые надписи, застольные, посвятительные, магические, цифровые. Методика их разработки и типология заимствованы у Э.Р. Штерна, которая в значительной мере ошибочна: прежде всего, ведем речь о многочисленном классе сокращений теофорных имен на доньях столовой посуды, которую Штерн безосновательно трактовал в качестве посвятительных граффити (см. подробнее [ОХБ, с. 761–763]). Тем не менее, свод

¹³ К эпиграфике И.И. Толстой (1980–1954) обратился в 1950 г. – в Ленинградском отделении Ин-та истории АН СССР ему поручили руководство группой по подготовке «Корпуса боспорских надписей». За 3–4 года его руководства сотрудниками группы была проведена лишь техническая работа (см. КБН, с. 6). Практически он был занят подготовкой книги об эрмитажных граффити, оценку которой мы уже дали. Он был прекрасным филологом, но писал мало, как и С.А. Жебелев; оба стали академиками, хотя на счету каждого 1–2 изданные книги. Не случайно филолог В.Я. Пропп, собравший статьи Толстого в книгу («Статьи о фольклоре», 1966), в предисловии к ней [с. 3–4] характеризует его сначала как крупного эпиграфиста, – просто было не о чем другом писать, кроме как о вошедших в сборник статьях (которые действительно замечательны).

¹⁴ Названные сотрудники Эрмитажа подобрали для свода текстуально наиболее значимые надписи, но в наличии было значительно больше, в основном сокращения имен владельцев на доньях столовой посуды.

Толстого важен хотя бы тем, что показал ученым богатую информативность граффити, по существу, он открыл дорогу дальнейшему изучению памятников такого рода.

Этап V: с 1974 г. по наши дни. Как сказано, 1973–1974 гг. приняты нами в качестве порубежных для двух смежных этапов условно, скорее правильнее говорить о рубеже 1960-х – 1970-х годов, так как все основные публикации IV этапа выходили с 1953 г. (свод И. И. Толстого) по 1968 гг. (КБН, НО, книга Э. И. Соломоник 1964 г.). Лишь потому, что вторая книга Э. И. Соломоник 1973 г. о надписях Херсонеса была непосредственным продолжением предыдущей, мы сочли год ее выхода завершающим годом IV этапа и потому условно отсчитываем V этап с 1974 г. Столь же условно называем этап V современным, на самом деле в нем хорошо отделяются два первых десятилетия (1970-е и 1980-е гг.), через безвременье недоброй памяти 1990-х, от двух первых десятилетий уже XXI века. Двадцатилетие 1970-х и 1980-х гг. в глобальном плане было временем наивысшего развития советской науки, когда упомянутые выше меры 1947 г. дали плоды поразительного масштаба как в области естественных наук, так и гуманитарных. Логическим следствием общего подъема советской науки был расцвет науки об СП, в том числе ее эпиграфики. Существенно, что в 1970-х и 1980-х гг. активно продолжали работать оба профессиональных эпиграфиста А. И. Болтунова и Э. И. Соломоник. Первая опубликовала много новых лапидарных надписей Боспора, которые осветили разные хронологические эпохи и самые разные стороны истории, экономики, религии, культуры этого громадного региона от V в. до н. э. по позднеантичное время. К сожалению, А. И. Болтунова, при множестве изданных ею статей, не опубликовала ни одной книги; конечно, в то время издать книгу было не просто, но все-таки можно, так что дело не в этом, а в существе ее работы: книга не ее жанр потому, что она не была склонна к концептуальной тематике, ее привлекало почти исключительно издание новых надписей. Тем не менее, поскольку с 1950 г. вся ее работа велась в стенах московского Института археологии и весьма способствовала высокому имиджу этого учреждения, укажем на его давнишний долг перед нею – он обязан собрать в отдельный том ее статьи, ибо они актуальны поныне. Напротив, Э. И. Соломоник счастливо сочетала текущую публикацию статей с изданием книг; сборник латинских надписей Херсонеса 1983 г. уже упомянут, здесь назовем изданные в Киеве своды 1978 г. «Граффити античного Херсонеса» (139 стр. + 8 табл. фотографий + 31 табл. прорисей; тираж 1700 экз.) и 1984 г. «Граффити с хоры Херсонеса» (144 стр. + 45 табл. прорисей, тираж 1850 экз.). Первая книга составлена коллективом авторов, который возглавляла Э. И., ей принадлежит концепция свода, методика организации материала, его понимание, всего вошло 1791 граффито; вторая написана ею лично и включает 485 надписей. Принятую в книгах методику и принципы интерпретации граффити она дополнительно обосновала в содержательной статье [Соломоник, 1985, с. 77–92]. К сожалению, откликов на первую книгу было немного, причина в хроническом кадровом голоде – для пересчета эпиграфистов-профессионалов достаточно пальцев одной руки. Ж. и Л. Роберы ограничились информационной заметкой в несколько строк [Bull. ép. 1979, № 310 = REG. 1979. T. 92, p. 459]; Г. Плекет, не знавший русского языка и потому халтурно ведший отдел эпиграфики СП в SEG, странным образом ограничился сравнением чтения нескольких граффити в своде и в рецензии С. Ю. Сапрыкина [SEG 1980. T. 30, № 965]. Рецензия Сапрыкина [1980, с. 166–174] слаба поисками параллельных

имен героев и божеств в Херсонесе да Mutter Гераклее: добро бы речь шла о полных именах – это было бы интересно, но для сравнения привлечены такие граффити Херсонеса, как АГ, АГА: по Сапрыкину, это герой $\Lambda\gamma\alpha(\mu\eta\sigma\tau\omega\rho)$; ΔΑ + ΗΡ = Дардания и Геракл, ΚΑΛ – это посвящение сыну Борея Калаиду и т. д. Все это сокращения на доньях, что, как показывает массовый материал, на самом деле является сокращениями имен владельцев посуды. По причине отсутствия реального разбора свода «Граффити античного Херсонеса» вынужденно отсылаем читателя к своей подробной рецензии, где отмечены и его достоинства, и главным образом, серьезные недостатки [Яйленко, 1987, с. 221–245; доработано: ОХБ, с. 760–773]. Достоинства свода: проведена большая работа по выявлению, каталогизации и интерпретации граффити из Херсонесского музея, отчасти Эрмитажа, Исторического музея Москвы; подавляющая часть надписей впервые введена в научный оборот. Многие граффити получили правильную интерпретацию, что существенно расширило наши знания об античном Херсонесе. Издание данного свода граффити – заметное явление в источниковедении античного СП. Во введении, написанном Э.И. Соломоник, изложены общие установки, которыми руководствовались авторы в работе с материалом. Недостатки имеют главным образом методический характер. Вряд ли чем-нибудь обосновано включение в свод лишь надписей на чернолаковой посуде; поскольку их немало и на краснолаковой посуде, а в коллекциях и хранилищах те и другие сосуществуют нераздельно, ограничение эпиграфического материала по цвету керамического носителя – не только недодача его, но и искажение реальной картины. В эпиграфике, в том числе и малой, принята группировка материала одного центра по содержанию, но в рецензируемом своде граффити расположены в алфавитном порядке, что не только не оправдано, но снижает ценность материала в качестве исторического источника: он не сгруппирован в содержательном отношении по типам. Авторы свода отклонили разделение граффити по их содержанию или времени, говоря, что типология многих не может быть определена в точности, например, посвященных или владельческих. Но это справедливо только по отношению к спорным случаям. Даже если многие граффити, особенно с сокращенными словами, нельзя с уверенностью отнести к определенной группе, это вовсе не основание для отказа от классификации надписей по содержанию. Абсолютное большинство херсонесских граффити вполне поддается классификации по содержанию в полном соответствии с принципами, характерными для общегреческой практики (далее мы выявили типологию большинства граффити, дали некоторой части их новое чтение и интерпретацию).

Странным образом свод Э.И. Соломоник «Граффити с хоры Херсонеса», по понятной причине содержащий менее значительный материал, нежели «Граффити античного Херсонеса», вызвал больше откликов, но только по числу рецензентов. Новую и вполне обоснованную интерпретацию нескольких надписей дали Ю.Г. Виноградов [Bull. ép. 1990, № 497 = REG. T. 103, p. 531–532], несколько более – С.Р. Тохтасьев, С.Б. Ланцов, В.И. Павленков [ВДИ. 1988, 3, с. 167–187]. Я вновь кратко остановился на методике интерпретации граффити, с удовлетворением отметив, что в этом своде значительно большая часть сокращений имен на доньях посуды снаружи определена в качестве владельческих по сравнению со сводом «Граффити античного Херсонеса» [Яйленко,

1987, с. 245]¹⁵. Вместе с тем не различаются по существу те из надписей, которые могут быть по своему расположению на дне снаружи трактованы, главным образом, как сокращения теофорных имен владельцев: их Э.И. Соломоник определяет равно как посвятительные или владельческие. Противоречивость такого подхода очевидна: если граффито подходит под теофорное имя или теоним в сокращении – это, по ее мнению, посвятительная или владельческая надпись; если же не подходит под теофорное имя или сокращенный же теоним – тогда надпись владельческая. Подобная непоследовательность трактовки надписей несколько смазывает хорошее в целом представление о своде граффити херсонесской хоры.

С начала 1970-х в отечественной эпиграфике появились еще два профессионала – Ю.Г. Виноградов (1946–2000) и автор сих строк (1939–). Первый сосредоточился на публикации новых надписей, изредка обращаясь к пересмотру уже изданных. Он хорошо знал эпиграфику СП и отличался склонностью к построению эффектных исторических конструкций, в результате опубликовал ряд крупных статей. Поначалу он сгруппировал их в книгу «Политическая история Ольвийского полиса» (М., 1989, 284 с., тираж 1800 экз.), затем, при активном содействии Х. Хайнена, в переводах на немецкий: *Pontische Studien* (Mainz, 1997; 703 S. + 40 Taf.)¹⁶. Книга 1989 г. породила некий феномен: часто цитируемая в отечественной литературе по истории Ольвии догетского времени, она по существу не удостоилась рецензий: в SEG (1992, 42, № 798, 712, 714, 719) даны указания на отдельные надписи в ней (в целом несколько строк), лишь «дежурный» по эпиграфике СП в итальянской хронике «*Epigraphica*» Ф. Бози, вовсе не специалист по Ольвии или СП, отозвался некоторыми соображениями самого общего плана [*Epigraphica*. 1990. Т. 52, р. 249–255]. Это при том, что на исследовании Ольвии специализировались в Киеве и Ленинграде два коллектива в Институтах археологии. Дело в характере книги: она целиком написана на эпиграфическом материале, исследованном на хорошем профессиональном уровне, поэтому дать деловую рецензию мог только эпиграфист-профессионал, причем, занимавшийся ольвийскими надписями. Таковым был лишь автор сих строк, ранее уже критически рассмотревший ряд статей Ю.Г. Виноградова, которые составили костяк его книги; в дальнейшем был дан критический отзыв и на другие его эпиграфические публикации [Яйленко, 1985, с. 205–215; 1987а, с. 4–13, 17–28, 70–74; 1996, с. 175–222]. Лучшей была ситуация с книгой 1997 г.: появились 3 рецензии (не считаем SEG 2000, 47, № 1163, 1165, где, по-прежнему, дана лишь краткая информация). Одна короткая да хвалебная, авторы А. С. Русяева, В. М. Зубарь [Археология. 1998, 3, с. 146–148]; при этом Зубарь специалист по Херсонесу, а Русяева соавтор ряда статей, так что делового разбора у сих рецензентов и не могло быть. Зато две дру-

¹⁵ Моя рецензия на свод «Граффити античного Херсонеса», опубликованная в 1987 г., была написана в 1982 и я дал Элле Исаковне рукопись, в которой настаивал на неправомерной трактовке сокращений теофорных имен на доньях в качестве теонимов, и, соответственно, надписей в качестве посвятительных (я рассуждал об этом еще в 1980 г. в методическом введении к публикации граффити Левки, Березани, Ольвии). В теоретической статье 1985 г. Э.И. полемизировала со мной по этому вопросу, но в своде 1984 г. все-таки реально перевела часть таких граффити в группу владельческих. Вот почему в конце своей рецензии 1987 г. я с удовлетворением отметил, сдвиг ее позиции в этом вопросе.

¹⁶ В зарубежном издательском деле не принято указывать тираж; связанный с майнцским издательством Х. Хайнен говорил мне о сотне экземпляров.

гие рецензии даны профессионалами. Отзыв Ф. Готье в основном критический: «Всегда отказываясь признать себя побежденным перед этими скудными фрагментами, он предлагает их реконструкции, затем интерпретации, которые кажутся порой авантюристическими. У Ж. и Л. Роберов был повод раскрыть предположительный, даже невозможный характер некоторых из них (см. в особенности Bull. ép. 1984, № 276 по поводу декрета Ольвии IV в. = Pont. St., p. 276–322). А статьи Виноградова воспроизведены такими же в новом сборнике [Pont. St. – В. Я.] и Addenda, по-прежнему, не дают знать об аргументах, которые автор мог бы противопоставить своим критикам. Я приведу только три примера» (далее Готье раскритиковал статьи Виноградова об ателии Гимесилея, походе Зопириона, псевдоэпитафии из Кара-Тобе в Крыму). Тем не менее, пишет Готье, в его работах много полезного, так что следует считать нужным делом публикацию сборника Pont. St. [Gauthier, 1998, p. 1185–1188]. В другой заметке конечное заключение Готье суровей: «этим томом надо пользоваться (в том, что относится к надписям) с осторожностью» (avec précaution) [Bull. ép. 1998, № 288]. Поскольку в Pontische Studien собраны основные работы Виноградова, это приговор ему как эпиграфисту (напомню, Филипп Готье – один из крупнейших эпиграфистов современности).

Наша рецензия подробнее, конкретнее и потому более критична – рассмотрены все статьи в Pontische Studien и показана ошибочность чтения Виноградовым большей части фрагментированных надписей (а таковы почти все), их датировок, понимания содержания и введения в исторический контекст [Яйленко, 2000, с. 181–192; 2001, S. 223–232]. Здесь приведем лишь заключение [с. 190 = S. 230, в переводе на немецкий]: «Подведем итоги. Книга, несомненно, полезная для исследователей античного СП, ибо в ней в удобной форме собраны работы одного из наиболее плодовитых специалистов в этой области. Широкая эрудиция ее автора и в историографии, и в источниковедении истории региона делают его работы полезными и интересными. Он ввел в научный оборот с десяток новых лапидарных надписей и еще больше граффити, дал новое прочтение текста и интерпретацию ряда уже опубликованных эпиграфических памятников. Однако, как показывает вышележащее, читатель всегда должен помнить, что он крайне субъективен в своих выводах исторического плана и что эти выводы, как правило, строятся на его реконструкциях текстов надписей, которые – увы! – почти все дошли до нас в разрушенном состоянии и потому могут быть восстановлены различным образом. К сожалению, почти вся книга полна образцами методически порочного обращения Виноградова с эпиграфическими источниками – любой разрушенный текст надписи непременно восстанавливается им целиком и на основе реконструированного текста возводятся карточные домики исторических построений. Рецензируемой книге свойствен очевидный избыток гипотез, выстроенных не столько на фактах, сколько на предположениях, обычно кочующих из одной статьи в другую для доказательства очередной гипотезы. Как было показано, порой эти гипотезы возникают из филологических и прочих ляпсусов; к примеру, ему ничего не стоит, приняв мужское изображение на стеле Леокса за женское, сконструировать свою модель греко-скифских отношений. Чтобы быть максимально объективным в таком деликатном вопросе, как оценка работ коллеги, предоставлю слово авторитетному антиковеду А. Дж. Грейему, который в рецензии на брошюру Виноградова об Ольвии [Olbia. Konstanz, 1981] заключил: “В этой книге есть и другие примеры

самонадеянных дополнений, датирования и интерпретации надписей, а также идущих по кругу доказательств и аргументов *ex silentio*. Следовательно, представленные в ней заключения всегда должны быть тщательно изучены, прежде чем принять¹⁷. И зарубежному и русскому читателю рецензируемой книги, дабы не попасть впросак, непременно следует руководствоваться этим советом – все ее положения всегда должны тщательно проверяться¹⁸. Как видно, наше мнение вполне созвучно отзывам и А. Грейема и Ф. Готье. Что первый отмечал в 1983 г., то второй отметил в 1998 г. – характер исследовательской манеры Ю. Г. Виноградова оставался единообразным.

Затронем еще один аспект книги Ю. Г. Виноградова *Pontische Studien* – не он один ее автор, до трети ее написано в соавторстве с другими учеными¹⁹. Между тем, Виноградов отделился общими фразами об этом в несколько строк: часть статей написана в совместной работе с коллегами и друзьями – П. О. Карышковским, А. Н. Щегловым, М. И. Золотаревым, С. Ю. Внуковым, Н. В. Головачевой, благодарю их за побуждения (*Anregungen*) и импульсы, в этом смысле книга представляет собой новые исследования группы исследователей [Vorwort, S. VIII]. По тексту семи совместных статей определенно видно, что половина написана ими, а то и больше. П. О. Карышковский рассказывал мне, как в равной мере шла их работа над декретом Каллиника, а по содержанию нумизматической статьи «Ольвийский декрет Каноба о деньгах и стоимость драгоценных металлов на Понте в IV в. до н. э.» вполне видно, что написана она в основном П. О. Карышковским. Тем не менее, лишь в ссылке на первоиздание статей указан соавтор, а поскольку на титульном листе книги дана лишь фамилия Виноградова, он автоматически стал автором всего ее текста. Этично и по-честному на титульном листе над названием *Pontische Studien* должны быть указаны авторы: Vinogradov Ju. G., чуть ниже – *Unter Mitwirkung von Mitverfasser P. O. Karyschkowskyi, M. I. Zolotarev* и др. Что посеешь, то и пожнешь: потом уже А. И. Иванчик [НЭ. 2011. Т. 18] полностью позаимствовал текст ольвийского Стефанова декрета у Виноградова, точно так же рассыпался ему в благодарности, и точно так же присвоил все себе его труд, не указав его фамилию в качестве соавтора статьи (см. об этом [ОХБ, с. 650–652]). Примером сим мужам может служить по-человечески привлекательная публикация А. С. Русяевой ранних надписей из ольвийского святилища Аполлона [Виноградов, Русяева, 2001, с. 134–142]: статья написана ею, но в связи со смертью Виноградова она добавила его имя как соавтора, хотя ему принадлежала интерпретация лишь одного граффито (об этом промез прочего интересного она поведала ученому миру [Русяева, 2014, с. 291])²⁰.

¹⁷ “There are other examples of over-confident supplementation, dating and interpretation of inscriptions in this book, as also of circular arguments and arguments from silence. Its conclusions must, therefore, always be carefully examined before they are accepted” [Gnomon. 1983. Bd. 55, p. 462].

¹⁸ Античными статьями в РА ведал тогда дипломатичный Г. А. Кошеленко; дабы уравновесить мою критику чем-либо положительным, по его просьбе А. А. Малышев написал отзыв, который был помещен сразу вслед за моей рецензией (с. 192–198). Малышев прекрасный специалист по археологии Азиатского Боспора, и хотя успешно опубликовал большую статью о граффити из своих раскопок (они короткие, простые, обычные и для других боспорских центров), он не эпиграфист, потому это взгляд археолога на книгу Ю. Г. Виноградова.

¹⁹ *Pont. St.*, S. 250–335, 397–483, 493–500, в целом 186 стр. из 647.

²⁰ Интерпретация Виноградова неточна, см. [ОХБ, с. 17, № 17 и прим.], а С. Р. Тохтасев украсил ее вычитанными им фантастическими именами, одно из которых стоит того, чтобы привести – *Αβαλερδης*, о значении его он скромно умолчал, а мы озвучим: «Распердун», – прекрасный вклад в антропонимику СП.

Как сказано, свод эрмитажных граффити И. И. Толстого показал важность работы с этим видом эпиграфических памятников. В 1980 г. автор сих строк издал подборку 216 граффити Левки (№ 1–13), Березани (14–60) и Ольвии (61–216) [Яйленко, 1980, с. 72–99; 1980а, с. 75–116]²¹. Эти надписи интересны и сами по себе, но большее значение я придаю введению, в котором подробно рассмотрел вопросы методики изучения граффити [1980, с. 72–82]. Раскритиковав принципы интерпретации Э. Р. Штерна (см. о ней выше), я определил типологическую принадлежность огромной массы надписей в виде сокращений теофорных имен на доньях сосудов – это не посвящения, как думал Штерн, за ним Э. И. Соломоник, С. Ю. Сапрыкин, И. А. Емец и мн. др., но сокращенные имена владельцев посуды. Затем последовала публикация 182 граффити Березани из раскопок В. В. Лапина [Яйленко, 1982, с. 268–307]. Группировка надписей произведена по содержанию (примеры из Ольвии): I. Сакральные (посвящения, магия); II. Художественные тексты (в т. ч. застольные надписи); III. Бытовые: дарственные, алфавитные упражнения школяров и пр.; IV. Цифровые записи; V. Имена, сокращения имен, инициалы владельцев сосудов. Это были первые столь большие монографические подборки граффити Березани и Ольвии, которые раскрыли нам разные стороны их жизни, в особенности те, что мало освещены или вовсе не освещены лапидарными памятниками.

Следующая большая страница истории изучения граффити СП, конкретно Боспора, связана с И. А. Емцем²². Он проделал громадную работу по сбору материала в разных хранилищах, сначала опубликовал его в ряде статей, затем в двух книгах: Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского (М., 2005,

²¹ Здесь пора разъяснить, во избежание недоразумений в дальнейшем, тоже вопрос авторства части материалов. В предисловии к ольвийским граффити [Яйленко, 1980а, с. 75, прим.] я указал в числе прочего на использованные архивные материалы, которые сокращенно обозначил литерами К. и Эп.: К. 1 – Керамические надписи на памятниках, найденных в Ольвии в 1920–1937 гг. (Харьков, 1939). Архив Ин-та археологии АН УССР, ф. 12, д. 56; К. 2 – Керамические клейма на памятниках из ольвийских раскопок 1938 г. Там же, ф. 12, д. 54; Эп. – Эпиграфические памятники из ольвийских раскопок 1928, 1929, 1930 и 1932 гг. Там же, ф. 12, д. 52, на укр. яз. Автор всех этих архивных материалов А. С. Коцевалов, его фамилия и значилась в рукописи моей статьи, представленной в ВДИ. Я уже писал, как боялись тогда старшие коллеги по Институту всеобщей истории, в котором издавался ВДИ, совершить хоть какую-то политическую или идеологическую «ошибку», дабы не навредить институту и себе (см. ДБ. 2016. Т. 20, с. 505–506, прим.). Та же история и тут. Юлия Константиновна Колосовская, хороший ученый и приятная дама, при главном редакторе ВДИ З. В. Удальцовой, как заместитель ее, руководила текущей работой редакции журнала. Мы были в дружеских отношениях, и она по-своему велела мне убрать фамилию Коцевалова; на мой вопрос *warum?* последовало разъяснение: ну он же перебежчик; я: конечно, он предатель, но материалы-то его; ответ: Валерий, как бы чего не вышло, поэтому не спорьте. В результате я придумал литеру К, это сокращение фамилии Коцевалова. На этом история с ним не закончилась. В том же архиве киевского Ин-та археологии хранилась еще одна его статья – о грамматике языка ольвийских надписей, она очень ценная, поскольку других просто нет (см. ниже, раздел II, 9). В свой следующий приезд в Киев я намеревался переписать ее полностью и попытаться опубликовать, разумеется, под его фамилией или каким-нибудь понятным символом; каково же было мое удивление, когда в архиве ее не оказалось, точнее сказать, мне ее просто не выдали – тоже опасались, как бы чего не вышло. Конечно, Коцевалов предатель и как человек ничтожен (видимо, отправка вещей из киевского Исторического музея Украины в Германию, в том числе ольвийских надписей, не обошлась без него), но он еще и ученый, а это уже другое измерение. Как эпиграфист он весьма слаб, но он филолог, и как автор работ по грамматике надписей СП стоит на том же высоком уровне, что и незабвенный Аристид Иванович Доватур, автор грамматики боспорских надписей.

²² Фамилию непросто склонять, поскольку это древнерусское слово *емѣць* разного смысла (от глагола *яти* «иметь»), оно еще есть у Даля, но в новом русском языке отсутствует; оно не идет по типу *певец, беглец и под.*, так как надо сохранять древнерусское полногласие.

242 стр. + 120 листов прорисей); Граффити и дипинти из античных городов и поселений Северного Причерноморья (М., 2012, 317 стр. + листы прорисей). Как показывает оглавление первой книги, она посвящена методике исследования и типологии боспорских граффити (отдельно дипинти). Он дал весьма подробную классификацию надписей и рассмотрел следующие ее категории: повседневная и частная жизнь, быт; производственно-торговая сфера; сакральные надписи. Во второй книге Емеца сведены воедино опубликованные им ранее граффити, также изданные другими специалистами, добавлен новый материал, всего 1304 надписи. Фигурирующее в заголовке книги «Северное Причерноморье» вводит читателя в заблуждение, это каталог граффити и дипинти именно Боспора: из общего числа 1304 боспорских 1150, остальные полторы сотни происходят с хоры Херсонеса. Книга Емеца 2005 г., как и его предшествующие журнальные публикации, встретили прохладное отношение: он не знает греческого языка, поэтому допускает множество ошибок самого разного плана [Яйленко, 2006, с. 391–392; Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 13; Белоусов, 2013, с. 165–166]. Все названные критики, тем не менее, согласны во мнении, что публикации Емеца полезны самим фактом издания множества надписей. Особенно это относится к книге 2012 г. – это огромный материал для последующего профессионального изучения, поскольку у Емеца это по преимуществу камеральная обработка надписей. И. А. Емец [2012, с. 8] возражает против предлагаемого мною распределения надписей какого-либо центра по содержанию (посвящения, магия, бытовые и т.д., см. выше), и напрасно: в его книге надписи распределены хаотически, в качестве исторического источника ее невозможно использовать; может быть, дело спас бы тематический указатель.

Основную часть книги Емеца 2012 г. составляют граффити боспорской хоры, тут она отчасти пересекается со сводом С.Ю. Сапрыкина и А.А. Масленникова 2007 г. «Граффити и дипинти хоры античного Боспора» (319 стр., из них с. 250–314 – листы прорисей, тираж 400 экз.). Это капитальное издание и по содержанию, и по прекрасной типографской работе (киевский издательский дом «АДЕФ-Україна»). Всего в своде 1266 граффити, как положено, распределены они по центрам; географическое разделение на «Европейский Боспор» и «Азиатский Боспор» закономерно, а новая нумерация надписей для «Азиатского Боспора» ничем не оправдана (хорошо, хоть в скобках дана сплошная нумерация, это позволяет работать с надписями свода без заморочек). Книге предпослано введение, в котором авторы этого замечательного предприятия разъяснили принципы работы с надписями, завершает ее заключение с некоторыми наблюдениями над разработанным материалом. Отрадно, что в важнейшем вопросе о сокращениях теофорных имен на доньях сосудов (таких надписей множество) С.Ю. Сапрыкин усвоил, что это обозначения имен владельцев (ранее в рецензии на свод «Граффити античного Херсонеса» он считал их посвятельными). Авторы не указали, как разделили работу меж собой, но в общем понятно, что А.А. Масленникову как археологу больше принадлежит археологическая часть (она идеальна), историк С.Ю. Сапрыкин больше работал с текстами надписей. На поселениях хоры проживал простой рабочий люд, соответственно, и надписи их проще по содержанию; тем не менее, примечательно большое количество грамотных людей в эллинистическое и римское время. Это не должно удивлять: обитатели хоры навещали крупные города, вероятно, и жители последних

имели «фермы» или «дачи» в сельской местности. Множество надписей на посуде и амфорной таре вообще примитивно, так что интерпретируются без особых затруднений. Однако нередки и более сложные надписи, с их пониманием в свод не мало ошибочного. Ряд замечаний по чтению граффити дал А. В. Белоусов в рецензии на свод [ВДИ. 2010, 4, с. 166–171], немало поправок сделано и в эпиграфической хронике [Bull. ép. 2008, № 415 (А. Аврам); SEG 57 (2007), № 694 bis; 58 (2008), № 738–740, 743–744, 747–753, 776–777, 779–780, 789]. Тут отметим группировку надписей. Разделение столовой посуды и амфор закономерно, но выделение посуды по лаку – черному или красному, бессмысленно (по этому вопросу мы уже высказались в связи со сводом «Граффити античного Херсонеса», см. выше). Еще раз повторим, что изучение граффити не самоцель, задача исследователя – сделать их историческим источником, поэтому группироваться они должны по содержательному признаку, подобно лапидарным надписям. Поэтому будущим эпиграфистам предстоит переработка именно в содержательном ключе сводов Сапрыкина – Масленникова и Емеца 2012 г., лишь тогда они станут полноценным историческим источником.

Прекрасный пример такой разработки – подготовленный А. С. Русяевой свод «Граффити Ольвии Понтийской» (Симферополь, 2010; 216 стр. + 70 таблиц прорисей и фотографий, тираж, увы, 300 экз.). В свод 777 надписей (в основном VI–IV вв. до н. э.), в начале дан хороший очерк истории изучения ольвийских граффити (с. 10–22), затем следует каталог, в котором надписи закономерно распределены топографически – по районам и объектам городища: Восточный теменос, Западный теменос, жилые кварталы Верхнего, затем Нижнего города; внутри этих глав материал распределен по содержательному принципу. В «Заключении» здраво подведены некоторые итоги. Граффити Восточного и Западного теменосов в значительной мере монографичны – на первом почитался Аполлон Дельфиний, на втором Аполлон Иетр; тем не менее, есть и надписи иного рода. На теменосе Дельфиния существовало святилище сохранившихся Зевса да Афины, кроме того обнаружены граффити магического содержания, в том числе орфические, также *varia* (в целом 35 надписей). На Западном теменосе, который раскапывала сама А. С. Русяева, сконцентрированы посвящения Аполлону Иетру (о существовании этого божества ветра, погоды, плодородия и пр. см. ОХБ, с. 18–30), Борею; располагались тут также святилища Матери (богов), Диоскуров, Афродиты, совместное Гермеса и Афродиты; найдено немало надписей владельцев посуды (в целом 266 надписей). В жилых кварталах Верхнего города на удивление много посвященных и магических надписей – почти сотня, также положенных для жилых районов имен и сокращений имен владельцев посуды – около полтора сотен, наконец, *varia* (в целом 312 надписей). На Нижнем городе, жилищно-хозяйственном по застройке, найдено множество граффити, немалая часть их фрагментирована настолько, что сохранились 1–2 буквы, поэтому в свод резонно включены лишь те, которые более или менее понятны; состав их тот же, что и на жилой части Верхнего города (в целом 164 надписи). Итого в свод 777 надписей; на обоих теменосах 301, в жилых районах 476, при этом большую часть и этих надписей составляют вотивы да магия, так что в целом сумма сакральных граффити свода равна надписям остальных типов. Это не должно удивлять, ибо автору свода была доступна лишь часть имеющегося материала (Предисловие, с. 8), при этом из него тоже

сделана выборка наиболее понятных надписей, поэтому статистических выводов глобального характера из приведенной цифр делать нельзя, – они будут возможны лишь после публикации Корпуса граффити Ольвии (см. ниже). Возвращаясь к своду А. С. Русяевой, отметим тщательность ее работы: каждой надписи предпослано описание археологического контекста, дана характеристика состояния черепка и самой надписи, предложены чтения как самой Русяевой, так и других ученых, т. е. подробно изложены имеющиеся в литературе мнения; сама литература исчерпывающа. Жаль лишь, что в своде нет сквозной нумерации надписей, она поглавная, что затрудняет дальнейшую работу с ними. О своде есть информация А. Аврама [Bull. ép. 2011, 454 = REG. T. 124, p. 450–451]. Позднее Русяева [2014, с. 289 сл.] изложила историю создания своего свода: в рамках проекта корпуса ольвийских граффити, задуманного Ю. Г. Виноградовым, с 1970-х она вела учетные карточки надписей, но проект провалился; с открытием ею Западного теменоса было найдено много надписей, которые она издала в книге «Древнейший теменос Ольвии Понтийской» (2006), также ею изданы граффити в датском издании материалов раскопок Нижнего города (2010); объединение всего этого материала с граффити из жилых кварталов Верхнего города и опубликованными Е. И. Леви граффити темена Дельфиния было произведено ею после ухода на пенсию в 2005 г. по договору с киевским Институтом археологии²³. Что ж, нам остается только радоваться, что долгие и мучительные роды свода ольвийских граффити благополучно разрешились: он издан и являет собой важнейшую, наряду с IOSPE I² да НО, подборку эпиграфических документов. В этом отношении Ольвия действительно «Счастливая». Свод Русяевой не конечная станция – над его надписями еще работать и работать следующим поколениям эпиграфистов, археологов и историков этого города. Она сама трезво оценивает свои возможности: я археолог, а не эпиграфист, и мои познания в греческом языке посредственны [2014, с. 294], все это действительно так. Но отныне все специалисты по Ольвии благодарны неутомимой труженице Анне Станиславовне Русяевой за ее свод; она сделала то, что по разным причинам не смогли сделать эпиграфисты.

Прежде чем перейти к следующему большому празднику отечественной эпиграфики – изданию КБН-альбома, упомяну и свой скромный вклад. В эпиграфике я полвека – с 1968 г., когда в аспирантуре Ин-та всеобщей истории АН СССР начал работать над диссертацией «Греческая колонизация Средиземноморья VII–III вв. до н. э. по данным эпиграфических источников». Закончив ее в 1971 г. и защитившись, перешел от материала метрополии к северочерноморскому, в особенности испытывал интерес к эпиграфике Ольвии да Березани и Боспора. Тут была конъюнктура: над боспорским материалом трудилась А. И. Болтунова, ольвийским занимались Е. И. Леви, Ю. Г. Виноградов; поскольку все трое специализировались на издании новых надписей, я избрал иной путь. Во-первых, видя тьму недостатков в текстологии надписей IOSPE I², КБН, НО, я стал пересматривать подлинники лапидарных надписей этих сводов, во-вторых, обратился

²³ По ее словам [с. 291–295], на авторство этого свода бесосновательно претендовал И. А. Емец [2005, с. 203], собственно, раскрытию этой истории и посвящена ее статья: им не написана ни одна строчка свода, не сделан ни один рисунок. Мне помнится, что в нулевых годах среди московских коллег ходили слухи об их совместной работе над ольвийскими граффити (они дошли даже до меня, хотя я, работая на факультете искусств МГУ, вращался в другой среде). Однако сравнение книг Емца и ольвийского свода Русяевой показывает мне, как текстологу, абсолютное отсутствие стилистики Емца и полное соответствие творческой манере Русяевой.

к тогда еще никому не нужным граффити. В 1970-х и 1980-х гг. пересмотрел в разных хранилищах, в основном юга СССР, несколько сот камней с уже изданными надписями (в одной Керчи около четырехсот). Результаты работы опубликовал в больших статьях: «Материалы к «Корпусу лапидарных надписей Ольвии»» [Яйленко, 1985, с. 161–239; 1987а, с. 4–105] (в целом 178 с.), «Материалы по боспорской эпиграфике» [Яйленко, 1987 б, с. 4–200]²⁴. Попутно обработал в тех же хранилищах несколько сот черепков с граффити, также немалое их число выявил в архивах [Яйленко, 1980, с. 72–99; 1980а, с. 75–116; 2005, с. 459–508; 2006, с. 340–413] (+ множество иных статей). Наряду с этой 20-летней камеральной работой занимался кабинетным осмыслением полученного материала, публикуя множество статей по истории и эпиграфике СП. В 2010 г. суммировал свои исследования по Боспору в кн. «Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э.» (М., 739 стр., более сотни рис., тираж 500 экз.). На обложку книги А. И. Иванчик опубликовал, мягко говоря, весьма отрицательный отзыв (мой ответ ему – ОХБ, с. 655–660); на содержание книги, по его просьбе, дал отзыв А. Аврам, тоже в целом отрицательный (мой ответ Авраму последует в ДБ за 2020 г.). В 2017 г. я суммировал свои исследования, главным образом по Ольвии и Березани, в кн. «История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э.» (СПб., 1023 стр., 166 рис., тираж 500 экз.)²⁵. Судя по ссылкам, обе книги находятся в работе у коллег по античному СП; в одном из зарубежных журналов должна появиться рецензия профессионального эпиграфиста с положительной оценкой обеих этих книг.

Теперь время перейти от будней к праздникам на нашей улице – к КБН-альбому и библиографическому своду В. Кожокару. В отечественной истории лапидарной эпиграфики СП немного знаменательных дат: 1890, 1901, 1916 – выход трех томов IOSPE В. В. Латышева, 1965, 1968 – публикация КБН и «Надписей Ольвии». В 2004 г. к ним добавился выход в свет КБН-альбома: Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН-альбом). СПб., Изд-во Bibliotheca classica Prtropolitana (432 стр., из них 339 листов фотографий да прорисей, 93 стр. лемм к надписям, указателей и очерк истории создания КБН да его фотоархива; тираж 500 экз.). Создан КБН-альбом там же, где и КБН – в Ин-те истории, редакционная группа – Н. А. Павличенко, Д. В. Кейер, А. В. Карлин, во главе с А. К. Гавриловым (в предисловии названы и другие специалисты, содействовавшие созданию альбома – с. VII–IX). Поскольку это альбом иллюстраций, важна полиграфическая сторона издания, и она на высоте – прекрасно воспроизведены

²⁴ Эти статьи я опубликовал в трех сборниках по эпиграфике и языкам древности, которые издавал на ротативе Ин-та всеобщей истории; с виду они неказисты, но тираж хороший – 300 экз. В целом я собрал и издал 6 таких сборников: 1) Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985. 2) Исследования по эпиграфике и языкам Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987. 3) Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987. 4) Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990. 5) Ономастика и эпиграфика средневековой Восточной Европы и Византии. М., 1993. 6) История и культура древнего мира. Российско-болгарский сборник статей и учебных материалов в честь Т. В. Блаватской. М., 1996.

²⁵ На титуле указано издательство Нестор-История, но на самом деле книга подготовлена к изданию небольшой издательской группой Бориса Ерохина при СПб гос. университете; он издал множество замечательных книг, за что ему огромная благодарность. На византийский раздел моей книги 2017 г. поступила отрицательная рецензия А. Ю. Виноградова, мой ответ на этот поверхностный *opusculum* см. в ДБ. 2020.

фотографии камней и текстов (приложен также CD), напечатан свод в типографии им. Ивана Федорова. Всего в альбоме воспроизведено 1225 надписей из 1325, вошедших в КБН. Составители альбома приняли правильное решение давать в необходимых случаях по два воспроизведения одной надписи. Основная ценность свода заключена в его огромной практической пользе: отныне каждый исследователь, обращающийся к боспорским надписям (а это практически все специалисты по СП), имеет возможность составить свое представление о внешнем виде стелы или плиты, ее оформлении, о состоянии текста и пр. КБН-альбом высоко оценили рецензенты – С. Ю. Монахов, Н. В. Парфенов [2005, с. 308–310], Е. А. Молев [2005, с. 198–200], Э. Дики [Dickey, 2005], автор сих строк [Яйленко, 2008, с. 541–545]. Сошлюсь и на свой опыт. В нулевых годах я работал над упомянутой книгой «Тысячелетний Боспорский рейх», располагая собственной обширной фототекой, но когда коллектив авторов свода любезно подарил мне его, работать стало намного удобнее и легче. Именно в этом практическом аспекте и состоит громадная ценность данного альбома. Хочется надеяться, что будут сделаны в будущем подобного рода альбомы с надписями Ольвии и Херсонеса.

Конечно, не без огрехов. Поскольку это практическое пособие, следовало бы в качестве вводного раздела включить все датированные надписи; их много и они более всего нужны пользователям, это облегчило бы их работу. В ряде случаев нужно было не брать ретушированные фото из архива Археологической комиссии, а сделать свои снимки непосредственно с камней. Вообще работы в хранилищах, прежде всего, в Керченском музее с его 6–7 сотнями камней, могло бы быть больше. Архаично употребление в леммах к надписям латыни, международный язык ныне английский; вызывают досаду и усмешку такие изыски, как Museo Chorognosiae oppidi Ivanovo (по-русски, краеведческий музей) или vicum Mama, qui et Mysovaja, да прочее, подобное бурсацким анекдотам с их словечками вилкус, ложкус и т. д. Здесь надо вернуться к упомянутой травле С. Я. Лурье, который, как и положено в науке, много ссылался на работы зарубежных ученых, также опубликовал несколько своих работ на немецком языке в западных изданиях. Травля велась под лозунгом борьбы с космополитизмом, и хотя в случае с Лурье это был нонсенс, в самой идее искоренения космополитизма было много здравого, прежде всего, ориентация на русский язык. Благодаря этой кампании КБН был издан на русском языке, что и с точки зрения начала XXI века видится абсолютно правильным решением: это наша территория и наша история. Лично мне неприятно, что этот превосходный во всех отношениях альбом, нужный прежде всего нам, отечественным исследователям СП, издан на деньги Фонда Круппа: концерн «Фридрих Крупп» был основным производителем немецкого оружия в обеих мировых войнах, на нем кровь 20–30 миллионов наших людей.

В который раз с досадой приходится возвращаться к вопросам авторства. Говоря о КБН, мы упомянули созданный в процессе его подготовки фотоархив (он хранится в архиве питерского Ин-та истории), и что сделала его в основном А. И. Болтунова. Из предисловия к КБН-альбому (с. VII–VIII) явствует, что отсюда в него вошло ок. 970 фотографий при 1225 в целом. Но ведь это в значительной мере фотографии А. И. Болтуновой, ее имя и надо было отобразить должным образом, если не на титульном листе КБН-альбома, то на его обороте, где указаны имена составителей, рецензентов и других. А уж

вовсе безосновательны претензии И. А. Левинской и С. Р. Тохтасьева [2005, с. 179–198] на чужой фотоархив; в привычной для себя манере рассылки писем по инстанциям с обличением оппонентов эта пара в письме к директору Ин-та истории договорилась до того, что у них Гаврилов-де украл их труд (см. [Гаврилов, Павличенко, Кейер, 2008, с. 155])²⁶. При этом, когда им выгодно – в критике А. К. Гаврилова – они сами указывают на основополагающий характер работы Болтуновой для КБН, которая произвела сверку текстов с камнями и их фотографирование [Левинская, Тохтасьев, 2005, с. 191]. Активно участвовал в сей кампании против издателей КБН-альбома и А. И. Иванчик, который рассылал письма по разным инстанциям с клеветой на издателей; последние дали и ему достойный ответ [Gavrilov, Pavlichenko, Keyer, 2006]. Писал Иванчик и в Фонд Круппа, который спонсировал издание КБН-альбома, так что это предприятие могло повиснуть на волоске; хорошо, что в Фонде оказались упертые немцы и довели дело до публикации свода, столь нужного не им, а нам.

В 2014 г. – наш бывший соотечественник по СССР Виктор Кожокару, ныне гражданин Румынии, издал важный библиографический свод: Cojocar V. *Bibliographia classica orae Septentrionalis Ponti Euxini. Vol. I. Epigraphica, numismatica, onomastica, & prosopographica* (2014; 560 стр., 5057 номеров библиографии). Это ценнейшее пособие для всех специалистов по СП – и наших и зарубежных. Принцип распределения материала географический – Тира, Ольвия, Херсонес, Боспор, затем внутри этих отделов по вспомогательным дисциплинам: эпиграфика, нумизматика, ономастика, просопография. На свод сразу же поступило несколько благожелательных отзывов (перечень их [Cojocar, 2018, p. 9]), также мы с энтузиазмом приветствовали этот библиографический свод, как важнейшее пособие для работы отечественных специалистов по СП, в этом случае в особенности для эпиграфистов, нумизматов, филологов, историков [Яйленко, 2016, с. 527–530]. Для археологов, и не только, уже вышел и второй том: Cojocar V. *Bibliographia classica orae Septentrionalis Ponti Euxini. Vol. II. Archaeologica* (1025 стр., 11018 (!) номеров библиографии). Из всего, что сказано в нашей рецензии, упомянем лишь то, что могло проявиться только в таком библиографическом своде: в литературе по эпиграфике и нумизматике целиком господствует Боспор – ему посвящено столько же работ (1929), сколько всем остальным регионам СП (1917). Это, конечно же, свидетельство его первостепенного места в античной истории юга нашей страны. Мы должны быть благодарны Виктору Кожокару – он, как и предшественники П. И. Прозоров (1898), А. И. Воронков (1961), И. Е. Борщ (1967–1987, 1980), И. Г. Шовкопляс (1969, 1978), снабдил нас абсолютно необходимым для работы инструментом, отдав его созданию немалую часть жизни – более 20 лет. Впереди выпуск еще 3–4 томов: Т. III – литература по искусству, религии, мифологии; Т. IV: литература по истории,

²⁶ На мой ТБР они не только рассылали кляузные письма, но подключили к этой деятельности директора питерского Музея этнографии (в ТБР я, между прочим, обратил внимание на отсутствие в этом музее должной по размеру экспозиции русской этнографии). После моего вмешательства в 2008 г. в их полемику с издателями КБН-альбома, разумеется, в защиту этого издания, немедленно последовало «наказание» – И. А. Левинская написала статью (ДБ. 2009. Т. 13) с пустопорожними обвинениями в антисемитизме моей статьи о боспорских манумиссиях и других публикаций. В ТБР (с. 380–393) я добродушно отвечал ей (с женщинами не воюю) и призвал к конкретному разговору о манумиссиях, но от эпиграфической дискуссии, т. е. от существа дела, она уклонилась. Зато на книгу, точнее, на ее обложку и только на нее, с тех же позиций обрушился Иванчик (см. выше).

историографии; T. V-Varia, Addenda, Corrigenda, разного рода указатели. Планируется и T. VI – Scythica et Sarmatica. Исполать тебе, неутомимый труженик!

Мы кратко обозрели историю эпиграфики СП, лучше сказать, долгий путь ее развития. Все, о чем сказано – уже тоже история, на нас она не заканчивается, впереди еще больше работы; изложим в меру своего разумения, что именно предстоит сделать.

II. Перспективные задачи эпиграфики Северного Причерноморья.

Перспективы развития северочерноморской эпиграфики связаны с решением ряда задач. Одни из них традиционны (ниже, 1–4), другие в некоторой мере решались, либо вовсе новы (5–12). Вот их перечень. 1. Публикация новых надписей. 2. Уточнение текстологии всего имеющегося эпиграфического фонда. 3. Совершенствование датирующих показаний и принципов датировки надписей. 4. Углубленное введение надписей в исторический контекст. 5. Фронтальная разработка типологии надписей. Выявление и сравнительный анализ региональной специфики эпиграфической документации в разных центрах СП. 6. Разработка просопографии населения СП от VII–VI вв. до н. э. по V–VI вв. н. э. 7. La vie quotidienne населения различных центров СП по данным эпиграфики. 8. Иностранцы в СП, уроженцы СП в Греции и Риме. 9. Создание грамматики языка надписей СП. 10. Подготовка и издание сводов лапидарных надписей да граффити, как по региональным центрам, так и магистрально по СП в целом. 11. Написание истории изучения эпиграфики СП от путешественников XVIII в. до основных ее событий XX в. 12. Решение вопроса с освещением отечественных работ по эпиграфике СП в зарубежной эпиграфической хронике – Bulletin épigraphique (в Revue des études grecques) и Supplementum epigraphicum Graecum. 13. Вопрос о кадрах, создание отечественной эпиграфической школы.

Коротко охарактеризуем эти задачи перспективного развития эпиграфики СП.

1. *Публикация новых надписей.* Эту традиционную форму эпиграфической работы следует приспособить к новым информационным условиям. Во-первых, надо создать специальный электронный ресурс, в котором аккумулировались бы все публикации новых надписей; при этом у всех должен быть единообразный шрифт – один и тот же греческий, кириллица, латиница; одинаковый набор специальных эпиграфических значков (по существующей международной лейденской системе); желательна единообразная структура публикаций: место, время, условия находки, описание камня (черепка) и состояния текста, изобразительная фиксация (фото, при необходимости прорись), текст, перевод, вопросы текстологии, комментарий. Во-вторых, следует создать электронный сборник эпиграфических текстов СП (по типу уже существующих), это необходимое подспорье для точного выявления лексикологии и формульной структуры новых надписей. В-третьих, должна быть преодолена застарелая болезнь большинства профессиональных эпиграфистов – погоня за новыми надписями. Работа профессионала должна быть направлена, прежде всего, на исследование уже имеющегося огромного фонда надписей, а публикация новых – всего лишь дополнительное занятие. Достойный пример подражания в этом отношении указан выше – Э.И. Соломоник, которая скрупулезно пересматривала изданные ранее херсонесские надписи, извлекая из них разнообразные данные, вместе с тем публиковала и новые поступления.

Рис. 1. Свинцовая пластинка из Молдавии с надписью на греко-готском алфавите, III–V вв. н. э. Частная коллекция

В связи с публикацией новых надписей стоит и вопрос о подделках. Последние три десятилетия неожиданно дали несколько писем, хотя до этого находки их были крайне редки. У них узкая локация – Керченский п-ов, Тамань, один материал – все на свинцовых пластинках, в основном находятся в частных руках (не ведем речь о тех, что найдены при легальных археологических раскопках). Все это подозрительно, одну из них я, благодаря любезности А. А. Масленникова, держал в руках (по владельцу, найдена близ Фанагории), позднее ее опубликовали С. Ю. Сапрыкин и А. А. Масленников [2007а, с. 50–61]. Сама пластинка античного времени – с сильной патиной и заизвесткованностью обеих сторон, но резьба букв свежая: на их врезках ни патины, ни известки, при хорошем освещении грани врезок блестят. Между тем врезы букв подлинных надписей на свинце сразу начинают покрываться патиной по причине окисления, см. зарубужный пример [Яйленко, 2005, с. 482]. Таковы и свинцовые пластинки с надписями в Эрмитаже, ОАМ, ГИМ'е, которые я держал в руках; при этом эрмитажная с березанским письмом Анаксагора прошла недавнюю реставрацию, но врезы букв несколько потускнели. Ср. врезы букв на неочищенной недавно найденной свинцовой пластинке – они такие же, как и поверхность самой пластинки (рис. 1). То же и на свинцовой бирке от амфоры с вином для боспорского царя Фарнака (рис. 2). Подозрительному виду «фанагорийской» пластинки соответствует содержание надписи, состоящей из 7 выписанных столбиком имен: Дионисий, Ариусал (неизвестно), Амасис, Солон, Сосий; еще два вовсе неаутентичны: Αδοῦζης не засвидетельствовано, Προμηθῶ[v] Сапрыкин воссоздал, т. к. на пластинке представлены только Π | Ο | Ι. Амасис и Солон известны из Геродота, Сосий из «Анабасиса» Ксенофонта, – оба источника имен хрестоматийные;

Рис. 2. Свинцовая бирка от амфоры с вином для боспорского царя Фарнака.
ГИМ

но одинаковую надпись IOSPE I²188, счел одесскую поддельной, ибо буквы P, Y там «немыслимой» формы для эллинистической эпохи и «странной» для римской. Ему просто неизвестен подобный пошиб письма позднеэллинистического, да римского времени: яркий пример – декрет нимфейцев в честь Митридата Евпатора, в самой Ольвии таково письмо HO 46, 53, 95, 124. Я видел одесский и херсонский камни, ничего подозрительного в них не нашел. Два этих одинаковых вотива, весьма краткие, могли быть поставлены в честь соименных деда и внука, дяди и племянника этой семьи строителей, в которой излюблены два имени – Клеомброт да Пантакл. Как раз соименные дед да внук Клеомброт Пантаклов упоминаются в IOSPE I²179, 180 (см. ОХБ, с. 414; подробный разбор мнения Иванчика – БИ. 2019. Т. 40, заметка III). Вывод: бди, но знай материал, о котором пишешь.

2. Уточнение текстологии всего имеющегося эпиграфического фонда. Камни и черепки с надписями в силу разных обстоятельств и сами часто фрагментированы, и утрачивают в той или иной мере текст. По этой причине текстология разрушенных временем надписей – существо работы эпиграфиста, его главная задача. Если текст установлен адекватно первоначальному состоянию, он полноценный исторический источник, если в недостаточной мере, у него отчасти условные права на существование, если же надпись прочтена плохо – это фиктивный источник. В эпиграфике СП пруд пруди примеров всех трех состояний, приведем некоторые. Как сказано, к IOSPE В. В. Латышева тьма претензий по части текстологии, поскольку преобладающая часть надписей издана им по эстампам, фото, прорисьям, описаниям корреспондентов. Но если он держал камень в руках,

Дионисий общераспространенное имя, существует поныне (Денис), три не засвидетельствованы. При этом все имена даны в номинативе, а имя Σόλωνος в род. падеже. Все это вполне соответствует характеристике В. В. Латышева [1895, с. 6–7]: фальсификатор механически соединяет из разных источников тексты, но понимает их смысл; при этом делает ошибки в падежах личных имен. Из сказанного следует, что издатели вновь появляющихся из частных рук писем должны тщательно апробировать их подлинность.

Проблема поддельных надписей в СП стара – с конца XIX в. писали об этом В. Н. Юргевич, В. В. Латышев, Э. Р. Штерн, Т. Н. Книпович и др., недавно высказался А. И. Иванчик (2015). Он изложил материалы указанных авторов, что полезно (статья Книпович осталась ему неизвестной), однако внес и собственную лепту: обнаружив в Херсоне да Одессе текстуаль-

можно быть уверенным в хорошей его текстологии. Один из блестящих примеров прочтения им сильно поврежденной надписи, причем, с помощью другого крупного эпиграфиста В.К. Ернштедта – раннеэллинистическая эпиграмма IOSPE I²179 из Ольвии. Она выставлена ныне в экспозиции Эрмитажа и каждый имеет возможность видеть, насколько ювелирной была совместная работа обоих выдающихся ученых. Подобных образцов всего несколько, но менее значимых примеров удачной текстологии множество. Навскидку упомяну объединение П.О. Карышковским и Ю.Г. Виноградовым в ОАМ фрагментов IOSPE I² 25+32, давшее довольно полный текст раннеэллинистического декрета Ольвии в честь Каллиника. Условно прочтенных текстов настолько много, что говорить об этом не приходится. Примеров плохо прочтенных текстов тоже немало, приведу пару. Тот же Виноградов издал фрагмент декрета Ольвии с остатками нескольких слов да имен, в котором усмотрел изгнанного в 437 г. из Синопы тирана Тимесилея; отсюда его вывод исторического плана: если Ольвия приняла беглого тирана, значит и в ней тирания (ВДИ. 1981, № 2, 3). В рамках своей гипотезы о скифском протекторате над Ольвией, следствием которого была сия тирания, он добавил сюда обломок эпиграммы, которую понял в том смысле, что чествуемый ею некто не убил тирана; по времени он подтянул ее к декрету. На проверку все это обернулось псевдоисторической байкой. «Тимесилеев» декрет может быть прочтен по-разному, так что, например, вместо Синопы могут быть усмотрены другие города; эпиграмма о тираноборце оказалась эллинистическим списком эпиграммы Иона Хиосского в честь афинских тираноборцев Аристогитона и Гармония [Lebedew, 1996, p. 266 f.; ОХБ, с. 242–252]. Один из последних примеров плохо прочтенного текста – публикация А.И. Иванчиком ольвийского декрета в честь смиренейца Стефана [НЭ. 2011. Т. 18]. Ввиду недостаточного знания формуляра позднеэллинистических декретов Ольвии в его реконструкции немало ошибочного (см. АМА. 2015. Вып. 17, с. 195–208; ОХБ, с. 642–655).

3. *Совершенствование датирующих показаний и принципов датировки надписей.* Качество датирования зависит от опыта работы эпиграфиста с камнями. Но не только. Например, В.В. Латышев держал в своих руках немало подлинников, но давал широкие датировки, по столетиям, реже с нюансами – ранний, поздний век, середина; это свойственно его времени. В XX в. датировки стали точнее: указание на ранний период века, середину его или поздний период, по возможности, обязательны. Искушенные в работе с камнями, А.И. Болтунова, Т.Н. Книпович, Э.И. Соломоник давали хорошие датировки, когда это было возможно. Но у иных эпиграфистов датирование бывало ахиллесовой пятой. К примеру, Ю.Г. Виноградов для создания единовременного комплекса из упомянутых выше «Тимесилеева» декрета, который отнес к третьей четв. V в., и эпиграммы подтянул последнюю к началу IV в., что получило точную оценку А. Грейема: «Ни один квалифицированный эпиграфист не будет счастлив такой датировкой: фотография свидетельствует, что это надпись бесспорно эллинистического времени» [Graham, 1983, p. 462]. Во многих своих статьях Виноградов раздавал надписям точные датировки вроде начала, середины или конца четверти столетия, ссылаясь на разработанную им хронологию, но никогда так и не явил читателю эту свою работу, всегда отделяясь некоторыми наблюдениями ad hoc. Посему А. Грейем справедливо заключил, что его выводы «всегда надо проверять», это в полной мере относится и к его

текстологии, и к датировкам. Известные статьи А. И. Болтуновой и Т. Н. Книпович о развитии письма боспорских и ольвийских надписей поныне служат хорошим подспорьем, но они ограничены кругом датированных надписей, которых на Боспоре немало, а в Ольвии и Херсонесе совсем немного – несколько образцов. Я применял простую, но эффективную методу датирования – сравнение письма исследуемого документа с точно датированными аттическими надписями, каковых тема, что при культурном и прочем доминировании Аттики в греческом мире V–II вв. до н. э. вполне оправдано; это давало мне основание датировать надписи VI–II вв. до н. э. по четвертям столетия (ТБР, ОХБ, *passim*). Особенно эффективно соотношение графем δ и σ в надписях позднего V – середины IV вв., которое позволяет датировать надписи вплоть до десятилетия (ТБР, с. 23–25). В будущем актуально, во-первых, собрать воедино лучшее, что уже разработано учеными в отношении хронологии надписей, во-вторых, создать монографическое исследование по хронологии надписей СП, желательно, коллективное.

4. *Углубленное введение надписей в исторический контекст.* Эпиграфика – лишь вспомогательная историческая дисциплина, она инструмент работы историка, поэтому введение надписей в исторический контекст, по возможности, обязательно. Примеров множество, наскидку упомяну историческую проблематику правления Митридата Евпатора и Фарнака в СП, по которой многое сделали С. А. Жебелев, Д. Б. Шелов, Е. А. Молев, А. К. Гаврилов, Ю. Г. Виноградов, М. Ольбрихт, Л. Баллестерос Пастор и др. (см. ТБР, с. 199–226, лит.). Собранные воедино, лапидарные надписи существенно дополняют данные литературных источников по политической истории Греции; таких сборников немало, напомним образцовые: *Sylloge inscriptionum Graecarum* (Lipsiae, 1914–1925. Vol. 1–4; В. Диттенбергер и др.); *Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes* (Р. 1901–1927. Т. 1–4; Р. Канья, Ж. Тутэн, П. Жюге, Ж. Лафайе, П. Будро); из новых изданий назовем лишь один: Meiggs R., Lewis D. *A Selection of Greek Historical Inscriptions* (Oxf. 1969). В качестве образца назовем также исследовательские работы, основанные на разработке эпиграфического материала: одну по локальной истории – Meiggs R. *The Athenian Empire* (Oxf. 1972), другую по исторической эпохе – Lewis N. *Greek Historical Documents: the Fifth Century* (Toronto, 1970). Давно назрела подготовка, во-первых, сборника надписей по политической истории крупнейших центров СП – Боспора, Ольвии, Херсонеса, во-вторых, книги с исследованием этого материала.

Лапидарные надписи и граффити предоставляют также множество данных по экономической истории отдельных центров СП, многое уже сделано (работы Т. В. и В. Д. Блаватских, С. А. Жебелева, И. Т. Кругликовой, Г. М. Николаенко, М. И. Ростовцева, С. Ю. Сапрыкина, В. А. Сидоренко, Э. И. Соломоник, Д. Б. Шелова и др.); важнейшая задача – обобщение уже достигнутых результатов, по видам экономической деятельности (строительные работы, землепользование, рыбный промысел, дальний и близкий торговый обмен, цены на товары, стоимость услуг, денежные операции, наличка и мн. др.), и в целом по областям региона от архаики до поздней античности. Колосален заложенный в надписях объем информации по культурной истории СП. Один ее аспект – религия – активно разрабатывается множеством специалистов; никому не в обиду, если назову лишь двух, которые внесли самый большой вклад в разработку этой тематики – И. Ю. Шауба, А. С. Русяеву. Другие аспекты культурной истории

СП по данным эпиграфики менее разработаны; упомянем изобразительное искусство (например, сигнатуры скульпторов [Calder, 1971, p. 326]), школьное образование [Яйленко, 1988, с. 54–60; Кадеев, 1996, с. 93–99; Скржинская, 2014, с. 7–55], спорт [Берзин, 1961, с. 111–127; Анохин, 1999, с. 210–224; Скржинская, 2014, с. 87–97; ТБР, с. 605; ОХБ, с. 634–635]. О бытовой истории поведем речь далее (§ 7).

В перспективе развитие эпиграфики СП будет связано также с исследованием мало-разработанной проблематики или вовсе новой. Примеров много, приведем два – взаимоотношения греков и окрестных синдов, которые недавно получили хорошее освещение опубликованным Т. В. Блаватской вотивом Левкона I из Лабриса (см. ТБР, с. 12–35, лит.); комплексом надписей выявлена военная политика Савромата I в отношении племен Азиатского Боспора [Иб., с. 310–330, 497–503].

5. *Фронтальная разработка типологии надписей. Выявление и сравнительный анализ региональной специфики эпиграфической документации в разных центрах СП.* Типология надписей Греции, в т. ч. СП, хорошо разработана и удовлетворительно подана в IOSPE, КБН, НО: декреты, посвящения, проксении, почетные надписи, списки имен, акты фиасов, строительные документы, эпитафии и пр. В эпиграфической науке давно имеются монографические разработки отдельных типов, например, декретов (Х. Свобода, Л. Робер, П. Родес, Д. Льюис и др.), почетных декретов (Г. Герлах, Г. Науманн и др.), проксений (Хр. Марек, В. Кожокару и др.), международных договоров (Х. Бенгтсон и др.), манумиссий (А. Кальдерини и др.), эпитафий (Л. Джеффери, Хр. Клермон, А. Конца и мн. др.) и т. д. Давно назрела необходимость такого монографического исследования популярных в эпиграфике СП типов: сбор материала по отдельным центрам, выявление и характеристика формульного языка, развитие формуляра во времени, специфика употребления формул в отдельных центрах и многое иное. Другая сторона такой работы – выявление и сравнительный анализ региональной специфики эпиграфической документации в разных центрах СП. В качестве примера типологического подхода укажем на необходимость сбора воедино и исследования стихотворных надписей СП, лапидарных и граффити, которые хорошо представлены в Ольвии да на Боспоре. Это давняя и хорошо разрабатываемая тематика общегреческой эпиграфики, начиная со свода Г. Кайбеля, продолженная сборниками П. Фридлендера, В. Пека, Г. Пфоля, П. Хансена и др. Северочерноморский материал можно подключить к проекту *Corpus of the Epigrams of the Black Sea Region* (см. о нем [Nollé, Oller Guzmán, 2016, p. 73–100]).

6. *Разработка просопографии населения СП от VII–VI вв. до н. э. по V–VI вв. н. э.* У нас для этой задачи давно накоплен необходимый материал – нам известны имена тысяч жителей региона, о некоторых известно кое-что или немало, либо вовсе одно имя. И региональные и общегосударственные своды просопографии строятся уже более столетия. По величине базы данных СП, конечно, не равня аттической просопографии (своды И. Кирхнера, Дж. Дэвиса, Дж. Трейла); для нашей эпиграфики образцами могут служить своды по отдельным регионам, к примеру: *Prosopographia Moesiaca* польских ученых (L. Mrozewicz и др.), *Prosopography and Onomasticon of Aegean Thrace* (M. Parissaki, 2007). Многие уже сделали по ольвийской просопографии С. И. Капошина (1956), Т. Н. Книпович (1968), Ю. Н. Трещева (1975, 1977), П. О. Карышковский (1982, 1993), М. Оллер Гузман [Oller Guzmán, 2014, p. 505–524]; это хороший задел созданию полной

просопографии населения античного Нижнего Побужья. Представителям боспорской верхушки уделены доклады конф. «Элита Боспора и элитарная культура» (СПб., 2016). Сбор и разработка материала должны вестись по центрам; важная роль принадлежит так называемым граффити владельцев сосудов, которые представлены повсюду. Поскольку обычно это сокращения имен, учету подлежат сокращения, начиная с трех букв (например, сокращение API определено принадлежит к кругу иранских имен на Ари или греческих на Αριστ-). Необходим учет и богатых данных литературных источников. Конечная цель – введение всех персональных данных из отдельных центров региона в свод Prosopographia Ponti Septentrionalis. Просопография не самоцель, но важный инструмент исследования демографии региона.

7. *La vie quotidienne населения различных центров СП по данным эпиграфики.* К изучению повседневной жизни людей разных стран и разных эпох историческая наука пришла через извечный женский вопрос. Упомянем, к примеру, диссертацию Элен Мак Клиз о женщинах в аттических надписях [Mac Clees, 1920]. Но подлинным создателем этого направления стала с середины XX в. социологическая историография Франции, давшая множество исследований о повседневной жизни страны в самые разные периоды ее истории; обращалась она и к античной Греции (например, книга Клод Моссе – Mossé С. *La Femme dans la Grèce antique*, 1983). Ввиду очевидной плодотворности это направление подхвачено историками других стран, но в СССР и затем России пока прижилось мало; в частности, Институт всеобщей истории РАН предпринял издание двух хороших сборников – *Женщина в античном мире* (1995, идея моя), *Человек и общество в античном мире* (1998, идея Л. П. Маринович). Что до СП, то немало в этом отношении уже сделали археологи – Д. В. Бейлин, А. С. Бейлина, М. И. Венцова, И. И. Вдовиченко, Н. И. Винокуров, Д. В. Журавлев, Е. А., А. В. и В. Н. Зинько, А. К. Каспаров, М. М. Кобылина, В. И. Кадеев, Н. Н. Кучеревская, А. А. Масленников, А. Н. Матукина, И. А. Тульпе, Э. А. Хайретдинова и др.). Обширный и пока еще мало исследованный материал предоставляет эпиграфика СП – лапидарная и граффити, но специфика повседневной тематики такова, что ее приходится исследовать комплексно, вместе с источниками археологическими и литературными. Конечно, и здесь в авангарде женщины – современные ученые дамы и предмет их исследований – античные женщины. Приведем несколько образцов уже сделанного. Прежде всего, упомянем книги М. В. Скржинской [2000, 2010, 2014], которая опиралась на археологические, литературные и эпиграфические источники; ее вклад в изучение повседневной жизни населения СП необычайно велик. Уделяет много внимания этой тематике Н. В. Молева, назовем последнюю ее содержательную статью «Гетеры на Боспоре» [БИ. 2018. Т. 36, с. 87–99], в ней немалое место уделено данным надписей. Один из первых удачных опытов – рецензия О. О. Крюгера на КБН [ВДИ. 1966, 2, с. 176–183], в которой он на примере списков имен и прочих надписей раскрыл множество прозвищ людей, которые, переходя из поколения в поколение, образованы по их профессиональным занятиям, по личностным специфическим чертам характера, внешности да прочему. Превосходный источник бытовой истории – заклития; к примеру, собранные воедино боспорские надписи этого типа рисуют обширный мир inferнальной вражды людей, конфликта интересов, первенства личной выгоды, дремучего невежества да необразованности

и мн. др. [Яйленко, 2005, с. 459–508]. Много материала по бытовой истории дали письма разных людей на свинцовых пластинках из Ольвии от VI по III вв. до н.э.: тут мы встречаемся и с финансовыми да торговыми проблемами зажиточной публики (письмо Апатурия, письмо Ахиллодора), с бедствием бездомных бедолаг (письмо Артикона), сутяжническими страстями [ОХБ, с. 196–242, 469–475, лит.]. А уж застольные пиры с поэтическими сколионами, вечные проблемы любви мужчин и женщин (увы, также неестественной) освещены застольными, подарочными и прочими граффити, зачастую стихотворными [Яйленко, 2018, с. 239–274]. Есть эпиграфические материалы и в сб. «Любовь и Эрос в античной культуре. Каталог выставки» (ред. Д. В. Журавлев, А. Е. Петракова, А. А. Трофимова). Семейные узы, отношения внутри семьи, дружба семей и отдельных людей, возраст, одежда, обувь, профессии и мн. др. выразительно вырисовывается из эпитафий. Образцом подбора бытовой и прочей информации может служить книга Pfohl G. Griechische Inschriften als Zeugnisse des privaten und öffentlichen Lebens. Griechisch – Deutsch (München, 1966). Полномасштабное и многогранное выявление повседневной жизни населения СП – одна из самых интересных и плодотворных задач эпиграфики.

8. *Иностранцы в СП, уроженцы СП в Греции.* Эта тема начата хорошим сводом Б. Н. Гракова (его первый создатель А. И. Доватур) «Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии» [ВДИ. 1939, 3]. С тех пор материала прибавилось, он есть в ряде статей В. Кожокару, А. Твардецкого и др., монографиях А. Аврама (Prosopographia Ponti Euxini externa, 2013), В. Кожокару (Institutia proxeniei în spațiul pontic, 2016). Тем не менее, остается широкое поле и для будущих исследований отечественных эпиграфистов.

9. *Построение грамматики языка надписей СП.* Эта важнейшая тематика в основном разрабатывалась в прошлом – А. С. Коцеваловым, А. И. Доватуром. Поэтому первоочередная задача – собрать в одной книге все, что есть. 1) Kocevalov A. Syntaxis inscriptionum antiquarum coloniarum Graecarum orae septentrionalis Ponti Euxini. 1935, 131 p., плюс отзывы Е. Г. Кагарова (PhW, 1936, S. 1344 + ЗХУ. 1917 (!), № 1–2, с. 57–59) и Э. Дилия [Gnomon. 1938, Bd. 14, Sp. 469–471]. 2) Kotsevalov A. Koine Syntax of Greek Colonies on the Black Sea // Studies Presented to D. M. Robinson. 1953. Vol. 2, p. 434–442. 3) Kotsevalov A. Der Genitiv auf -ω in Bosphoros // PhW, 1931, S. 1038–1039. 4). Неизданная статья А. С. Коцевалова о грамматике языка ольвийских надписей (хранится в архиве Ин-та археологии, Киев). 5) Доватур А. И. Краткий очерк грамматики боспорских надписей // КБН, с. 797–831. 6) Ходорковская Б. Б. Синтаксис падежей в греческом языке боспорских надписей // Вопросы античной литературы и классической филологии, 1966, с. 466–480. 7) Тохтасьев С. Р. [2009, с. 506–515; 2011, с. 513–544]. В дальнейшем, необходимо создать полноценную грамматику языка надписей СП по типу региональных грамматик, например, аттических надписей (L. Threatte) или эолийских (R. Hodot).

10. *Подготовка и издание сводов лапидарных надписей да граффити, как по региональным центрам, так и магистрально по Северному Причерноморью в целом.* Выше мы отметили, что сводам IOSPE, КБН, НО, наряду со многими достоинствами, свойственно немало недостатков, прежде всего в области текстологии, т. е. адекватной передаче подлинников изданным там текстам. Это была основная задача моей работы 1970-х

и 1980-х гг. в лапидариях: пересмотрев там сотни камней, я исправлял тексты множества боспорских и ольвийских надписей, что нашло отражение сначала в моих подготовительных материалах к Корпусу боспорских и ольвийских надписей (прежде всего, публикации 1985, 1987 гг.), затем, после основательной доработки, в книгах 2010 и 2017 гг. (ТБР, ОХБ). Поскольку я занимался также другими темами, в том числе не относящимися к СП и вообще к античности, работать над созданием собственно корпусов не собирался, ибо видел своей задачей лишь выработку указанных подготовительных материалов. Это было обусловлено еще и тем, что одному человеку сделать корпус не под силу, а после 1965–1968 гг., когда изданы КБН и НО, в СССР и затем в России не было ни условий, ни квалифицированных кадров для создания корпусов. Импульс был дан неожиданно и издалека – из Бордо: тамошний институт *Ausonius*, специализирующийся в числе прочего на греко-римской эпиграфике, прислал в конце 1980-х в Институт всеобщей истории письмо с предложением включиться в работу над проектом переиздания IOSPE. Ученый секретарь института Н. П. Калмыков сперва ознакомил с письмом Т. В. Блаватскую и меня. Мы с Татьяной Васильевной как советские патриоты (надписи наши, сами справимся, и незачем иностранцам лезть сюда) отказались. Зато к проекту охотно подключился Ю. Г. Виноградов, он что-то делал по Ольвии, надписями Херсонеса занимался И. А. Макаров, боспорскими – С. Р. Тохтасьев, И. А. Левинская, А. П. Бехтер (Кулакова). Первый съездил в Керченский музей в 1993 г., результатом было переиздание им и Левинской около трех десятков надписей (в основном в англоязычной книге последней 1996 г.). Состав Корпуса: Т. I – Тира, Т. II – Ольвия (оба эти тома плюс Танаис за Иванчиком), Т. III – Херсонес, Т. IV – Боспор, Т. V – Византийские надписи. После смерти Виноградова в 2000 г. проект подхватил А. И. Иванчик, в результате получил статус эпиграфиста, хотя таковым не являлся: по библиографическому своду В. Кожокару вполне видно, что все его статьи по эпиграфике публиковались с 2002 г. [Сожокар, 2014, р. 69, 98, 225, 253, 402]. Отсюда и проистекает некоторая ущербность частично уже обнародованного корпуса IOSPE I³. Он загнан в жесткие рамки стандартной схемы подачи каждой надписи, что само по себе существенно, однако делает подаваемую информацию совсем куцей. Это тем более удивительно, что электронный формат, в отличие от бумажного, никак не лимитирован размерами. Из IOSPE В. В. Латышева и КБН читатель получал достаточно подробную информацию о публикациях надписи, разночтениях текста, его понимании, основаниях датировки и пр. В IOSPE³ все это подано весьма кратко. Например, в тирском декрете I, 4 указана дата – «начало III в. н. э.» и основания: «просопография, палеография». Это насмешка и над надписью, и над читателем: по письму она может принадлежать и II и III вв., так что важна роль упоминаемых лиц – Атта(-), Каллим(-), (?Ру)фос (в тексте читаем [?Роѳ]фос, в переводе небрежно [Р]уф – и дифтонг показан сохранным и вопрос с чтением именно этого имени убран). Читателю приходится гадать, тот ли сей Руф (?), который упомянут в надписи I, 3, датированной 211 г., и (или) I, 2, датированной 181 г., существенно, что в декретах I, 2 и 3 с множеством упоминаемых тиритов нет ни Атта (-), ни Каллим (-). Похоже, это один и тот же секретарь городского совета, в таком случае надпись I, 4 датируется не только «началом III в. н. э.», как у Иванчика, но и концом II в. Все это требует разъяснения, а в утверждении Иванчика,

что основания датировки «просопография, палеография», должно быть убрано слово палеография. Вот таким образом можно пройти по всем 42 надписям Тиры в Т. I.

Посмотрим мельком и на окончательно сформированный византийский Т. V, который подготовлен А.Ю. Виноградовым. Введение достаточно информативно – сведения о географическом ареале надписей, краткая история их изучения (лучше сказать, библиография), палеография, эпиграфические формулы. Существенный недостаток палеографического очерка, а палеография основа для датирования надписей, заключается в том, что она рассмотрена как вещь в себе. Так, датирование ранних надписей Боспора покоится на признаке наклонной или ломаной перекладки альфы; по ломаной перекладке 4 десятка надписей отнесены к V в., но в абзаце о херсонских надписях указано, что таковая – характерна для времени Юстиниана (527–565); и где логика? Проблема кроется в методически безосновательном раздельном рассмотрении Виноградовым палеографии надписей – отдельно Херсон, отдельно Боспор, отдельно княжество Феодоро и пр. Но все это небольшая территория – Крым, так что развитие палеографии было общим, а какие-то мелкие особенности локальны. Для палеографических критериев ничего выдумывать не надо: во-первых, следует подробно изучить развитие письма по датированным надписям от начала византийской эпохи до конца; во-вторых, постоянно иметь в виду развитие письма в метрополии, которое и дает сумму формальных признаков письма, изменявшихся от начала византийской эпохи до XIV–XV вв. Следующий большой недостаток – принятый порядок районирования надписей от Днестра до Тамани; в результате сперва в своде идут совсем поздние надписи Белгорода – Аккермана XV в., затем Херсона с его эпиграфическими памятниками почти всей византийской эпохи, и лишь в конце идет Боспор с его преимущественно ранними надписями. Это нонсенс, вызванный необоснованным следованием порядку регионов, принятому в IOSPE – от Картала на Нижнем Дунае до Северного Кавказа. И у Латышева оно ничем не обосновано, а уж для византийского времени так и вовсе ошибочно, поскольку Нижнее Поднепровье, как и Нижнее Побужье, не входило в территорию Византии – здесь была пустынная местность, удел кочевников. В данной статье не место подробно рассматривать этот том – в нем столько ошибочного, что придется дать отдельную рецензию.

Возвращаясь к оценке данного IOSPE³ в целом, уж в который раз приходится поднимать вопрос об авторстве. В томе I содержатся 42 надписи Тиры, почти все изданы В.В. Латышевым, П. Никореску, П.О. Карышковским, но автором тома значится Иванчик; в византийском томе 345 надписей, из которых 120 заимствованы из «Сборника греческих надписей христианских времен из Южной России» (СПб., 1896) Латышева, раза в два больше из последующих публикаций его же и В.В. Шкорпила, Ю.Ю. Марти и мн. др. (см. их перечень – ОХБ, с. 908). На долю А.Ю. Виноградова приходится малость, но автором тома указан именно он.

Мы уже отмечали, что перевод корпуса боспорских надписей на русский язык был обусловлен правомерным в этом отношении требованием кампании по борьбе с космополитизмом. Но не только. Издатели КБН, особенно «третье калачи» в научном администрировании Д.П. Каллистов да В.Ф. Гайдукевич, не напрасно отказались от шапки IOSPE: если дать сей заголовок корпусу, это автоматически влечет за собой постановку фамилии Латышева на титульном листе, поскольку, говоря современным

языком, это его брэнд, его интеллектуальная собственность. Я не говорю о том, что наследники В. В. Латышева живы (это мне говорила покойная ныне В. А. Латышева) и могут предъявить иск, суть дела в этике: основу IOSPE³ составляют корпус Латышева, КБН и НО, в численном отношении новые надписи минимальны. По этой причине на титульном листе каждого тома IOSPE³ должны стоять фамилии Латышева, разработчиков КБН, НО, и уж последними фамилии составителей IOSPE³.

11. *Написание истории изучения эпиграфики Северного Причерноморья от первых путешественников XVIII в. до основных явлений XX в.* Большую работу по истории науки о СП ведет И. В. Тункина: наряду с ценнейшей книгой 2002 г. «Русская наука о классических древностях Юга России» ею написан на основании архивных документов также ряд содержательных статей, часть которых включает и материалы по эпиграфике СП, в частности, большая публикация (по сути, книга) о В. В. Латышеве [Тункина, 1999, с. 172–288]. Внесли ценный вклад также В. Н. Боровкова, А. Н. Васильев, Г. В. Длужневская, Д. В. Журавлев, Е. Г. Застрожнова, В. Ю. Зуев, Л. М. Лазенкова, З. В. Ханутина, В. А. Хршановский, Т. Н. Шевченко, С. А. Шестаков и мн. др. Эпиграфика СП прошла долгий и сложный путь, он должен быть исследован во всей своей полноте: это вопросы собирательства надписей путешественниками, музейными работниками, археологами, раскрытие их образов как ученых или любителей древностей; история создания и пополнения музейных коллекций, частных собраний (Суручана, Куриса, Бурьлина и др.), покупки, дарения и пр. Важно выявить по архивным материалам процесс создания IOSPE, КБН и т. д.

12. *Решение вопросов освещения отечественных работ по эпиграфике СП в зарубежной эпиграфической хронике – Bulletin épigraphique (в Revue des études grecques) и Supplementum epigraphicum Graecum.* В прошлом хронику эпиграфики СП успешно вел Г. Михайлов в SEG, с солидным пониманием предмета обращался к ней и Л. Робер в *Bull. ép.* После смерти этих выдающихся ученых раздел по СП в SEG вели не знавшие русского языка Г. Плекет, А. Ханиотис; в *Bull. ép.* он отдан А. Авраму. Все они хорошие специалисты по эпиграфике, но каждый в своей области, эпиграфики СП они вовсе не знают, отсюда хроническая ошибочность их суждений (см. ОХБ, с. 660–664). Вот уже три десятка лет зарубежный читатель получает представление об эпиграфике СП и российской эпиграфической науке из этого кривого зеркала. У нас с 2012 г. эпиграфическую хронику удовлетворительно ведет А. В. Белоусов (в журнале *Аристей*), из зарубежных эпиграфистов хорошо знает надписи СП только В. Кожокару, им и должны быть отданы разделы по СП в SEG и *Bull. ép.*: Белоусов обозревает отечественную литературу, Кожокару зарубежную, это достойный тандем.

13. *Вопросы кадровой политики, создание отечественной эпиграфической школы.* Изложенная программа перспективного развития эпиграфики СП может быть осуществлена лишь при наличии достаточного числа профессиональных эпиграфистов. Ныне у нас таковых немного: А. В. Белоусов, А. П. Бехтер, Н. В. Завойкина, И. А. Макаров, А. С. Намойлик, Н. А. Павличенко; отраден их возраст – у них все еще впереди, сделают многое и качественно. Остальные, не будучи профессионалами, совершают успешные или не очень вылазки на поле эпиграфики. Вопрос о кадрах самый острый, наиболее актуальная задача – создание профессиональной школы, лучше двух-трех школ. Мы располагаем примерами успешного создания в науке об СП плодотворно работающих

специализированных школ: Н.Н. Болгов построил в Белгороде центр по изучению позднеантичного СП, С.Ю. Монахов создал в Саратове коллектив амфороведов. Со временем может быть образована и эпиграфическая школа, дело за основателем. Важно, чтобы будущие профессионалы жили не только в обеих столицах, но также в городах с крупными лапидариями – Керчи, Танаисе (Азове, Ростове), Горгишпии (Анапе, Краснодаре), Херсонесе (Севастополе, Симферополе).

Список литературы

- Анохин, 1999. Анохин В. А. История Боспора Киммерийского. Киев.
- Белоусов, 2013. Белоусов А. В. Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2012 г. // Аристей. Т. 8.
- Берзин, 1961. Берзин Э. О. Горгишпийский агонистический каталог // СА. 1.
- Болтунова, 1966. Болтунова А. И. Корпус боспорских надписей [рец.] // ВДИ. 4.
- Болтунова, 1971. Болтунова А. И. Надписи Ольвии [рец.] // СА. 4.
- Виноградов, Русяева, 2001. Виноградов Ю. Г., Русяева А. С. Граффити из святилища Аполлона на Западном теменосе Ольвии // Херсонесский сборник. XI. Севастополь.
- Воронков, 1961. Воронков А. И. Древняя Греция и древний Рим. Библиографический указатель изданий, вышедших в СССР (1895–1959 гг.). М.
- Гаврилов, Павличенко, Кейер, 2008. Гаврилов А. К., Павличенко Н. А., Кейер Д. В. К полемике вокруг КБН-альбома // ВДИ. 2.
- Доватур, 1969. Доватур А. И. Надписи Ольвии [рец.] // ВДИ. 2.
- Доватур, Каллистов, 1967. Доватур А. И., Каллистов Д. П. Ответ на письмо в редакцию ВДИ по поводу «Корпуса боспорских надписей» // ВДИ. 3.
- Емец, 2005. Емец И. А. Граффити и дипинги из античных городов и поселений Боспора Киммерийского. М.
- Емец, 2012. Емец И. А. Граффити и дипинги из античных городов и поселений Северного Причерноморья. М.
- Жебелев, 1926. Жебелев С. А. Василий Васильевич Латышев. Некролог // Византийский временник. 24.
- Жебелев, 1953. Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.–Л.
- Кадеев, 1996. Кадеев В. И. Школьное образование и воспитание в Херсонесе в первых веках н. э. // Херсонесский сборник. Т. VII.
- Карышковский, 1954. Карышковский П. О. Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья [рец.] // ВДИ. 1.
- Карышковский, 1969. Карышковский П. О. Надписи Ольвии [рец.] // ВДИ. 2.
- КБН-альбом, 2004. Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций. СПб.

- Книпович, 1958. Книпович Т. Н. Эпиграфические находки из раскопок Ольвии 1920–1954 гг. // СА. XXVIII.
- Латышев, 1895. Латышев В. В. О поддельных греческих надписях из южной России // ЗООИД. 18.
- Левинская, Тохтасьев, 2005. Левинская И. А., Тохтасьев С. Р. Из новейшей истории боспорской эпиграфики // ВДИ. 4.
- Мировщикова, 2015. Мировщикова А. А. Борьба с космополитизмом в советском антиковедении: дело С. Я. Лурье // Вестник Челябинского гос. ун-та. 24 (379). История. Вып. 66.
- Молев, 2005. Молев Е. А. <КБН-альбом> [рец.] // ВДИ. 4.
- Монахов, Парфенов, 2005. Монахов С. Ю., Парфенов В. Н. < КБН-альбом> [рец.] // ДБ. 8.
- Надэль, 1955. Надэль Б. И. Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья [рец.] // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. 14. Вып. 2.
- Новосадский, 1938. Новосадский Н. И. Античная эпиграфика в СССР за 20 лет (1917–1937) // ВДИ. 4.
- Русяева, 2010. Русяева А. С. Граффити Ольвии Понтийской. Симферополь.
- Русяева, 2014. Русяева А. С. О «Корпусе граффити Ольвийского полиса» // Аристей. 9.
- Сапрыкин, 1980. Сапрыкин С. Ю. Граффити античного Херсонеса [рец.] // ВДИ. 2.
- Сапрыкин, Масленников, 2007. Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. Граффити и дипинти хоры античного Боспора (БИ Supplementum. I). Симферополь–Керчь.
- Сапрыкин, Масленников, 2007а. Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. Свинцовая пластина с греческой надписью из Фанагории // ВДИ. 4.
- Скржинская, 2000. Скржинская М. В. Будни и праздники Ольвии в VI–I вв. до н. э. СПб.
- Скржинская, 2010. Скржинская М. В. Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. Киев.
- Скржинская, 2014. Скржинская М. В. Образование и досуг в античных государствах Северного Причерноморья. Киев.
- Соломоник, 1985. Соломоник Э. И. О методике изучения и принципах публикации античных граффити // ВДИ. 3.
- Тохтасьев, 2009. Тохтасьев С. Р. Тип склонения антропонимов -ἄς, -ἄτος, -οῦς, -οῦτος // Индоевропейское языкознание и классическая филология. СПб.
- Тохтасьев, 2011. Тохтасьев С. Р. Редкий тип склонения антропонимов в боспорских надписях -ἄς, -ἄνος и т. п. // Индоевропейское языкознание и классическая филология. СПб.
- Тункина, 1999. Тункина И. В. В. В. Латышев. Жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб.
- Тункина, 2002. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях Юга России. СПб.
- Шестаков, 2003. Шестаков С. А. Лапидарные памятники из раскопок и приобретений В. В. Шкорпила // Боспорские чтения. IV. Керчь.

- Штерн, 1897. Штерн Э.Р. «Graffiti» на античных южно-русских сосудах // ЗООИД. 20.
- Штерн, 1901. Штерн Э.Р. Новый эпиграфический материал, найденный на юге России // ЗООИД. 23.
- Яйленко, 1980.** Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 2. **1980а:** То же // ВДИ. 3. **1982:** Греческая колонизация Средиземноморья VII–III вв. до н. э. по данным эпиграфических источников. М. **1985:** Материалы к «Корпусу лапидарных надписей Ольвии» // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М. **1987:** К публикации свода херсонесских граффити // Исследования по эпиграфике и языкам древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М. **1987а:** Материалы к «Корпусу лапидарных надписей Ольвии». Продолжение // Исследования по эпиграфике и языкам древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М. **1987б:** Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М. **1988:** Начальное школьное образование в античных греческих городах Северного Причерноморья // Памятники культуры. 1987. М. **1996:** Псевдо-эпиграфика античного Северного Причерноморья // История и культура древнего мира. М. **2005:** Магические надписи Боспора // ДБ. 8. **2000:** Дискуссионные вопросы истории и эпиграфики античного Северного Причерноморья // РА. 3. **2005:** Магические надписи Боспора // ДБ. 8. **2006:** Посвятительные граффити Пантикапея и округа // ДБ. 9. **2008:** Критические заметки по эпиграфике и «искусствознанию» Северного Причерноморья // ДБ. 12/II. **2016:** Долгожданный библиографический свод литературы по античному Северному Причерноморью // ДБ. 20. **2018:** Застолье, стихи, «другая любовь» и прочее в бытовых граффити Пантикапея // ДБ. 22.
- Boltunova, 1969. Boltunova A. I. L'épigraphique en U. R. S. S. // Klio. 51.
- Bosi, 1972. Bosi F. Inscriptiones Olbiae [rec.] // Epigraphica. 34.
- Calder, 1971. Calder W. M. Stratonides Athenaios // AJA. 75.
- Cojocaru, 2014. Cojocaru V. Bibliographia classica orae Septentrionalis Ponti Euxini. I. Epigraphica, numismatica, onomastica & prosopographica. Cluj-Napoca.
- Cojocaru, 2018. Cojocaru V. Bibliographia classica orae Septentrionalis Ponti Euxini. II. Archaeologica. Cluj-Napoca.
- Dickey, 2005. Dickey E. <CIRB. Album imaginum> [review] // Bryn Mawr Classical Review, 2005–10–41 (электронный ресурс).
- Diehl, 1923. Diehl E. Defixionum ostraca duo // Latvijas universitātes raksti. T. VI. Rīga.
- Diehl, 1931. Diehl E. Magica Bosporana // Latvijas universitātes raksti. Filologijas un filosofijas fakultātes serija. T. I/7. Rīga.
- Gauthier, 1998. Gauthier P. À propos de l'ouvrage de J. Vinogradov, Pontische Studien // Comptes rendus d'Académie des inscriptions et belles lettres. P. Fasc. 4.
- Gavrilov, Pavlichenko, Keyer, 2006. Gavrilov A., Pavlichenko N., Keyer D. <Response to A. Ivantchik> // Bryn Mawr Classical Review, 2006–02–15 (электронный ресурс).
- Graham, 1983. Graham A. J. Vinogradov Yu. Olbia. Konstanz. 1981 [review] // Gnomon. 55.
- Jailenko, 2001. Jailenko V. P. Über den Umgang mit pontischen Inschriften // Das Altertum. 46.

- Jordan, 1978. Jordan D.R.A Graffito from Panticapaeum // ZPE. 30.
- Kieseritzky, Watzinger, 1909. Kieseritzky G., Watzinger C. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. B.
- Lebedew, 1996. Lebedew A. A New Epigram for Harmodios and Aristogeiton // ZPE. 112.
- Mac Clees, 1920. Mac Clees H. A Study of Women in Attic Inscriptions. New York.
- Nadel, Oświecimski, 1968. Nadel B., Oświecimski S. Corpus inscriptionum regni Bosporani [rec.] // Archeologia. 1967 (1968). 18.
- Nollé, Oller Guzmán, 2016. Nollé J., Oller Guzmán M. Foreigners and Foreign in Some Black Sea Area Epigrams: Towards a Corpus of the Epigrams of the Black Sea Region // Mobility in Research on the Black Sea Region. Cluj-Napoca.
- Oller Guzmán, 2014. Oller Guzman M. Recherches sur la prosopographie des magistrats d'Olbia du Pont d'après les inscriptions d'Achille Pontarches // Interconnectivity in the Mediterranean and Pontic World during the Hellenistic and Roman Periods. Cluj-Napoca.
- Pippidi, 1970. Pippidi D.M. Inscriptiones Olbiae (rec.) // Studii clasice. XII.

Summary

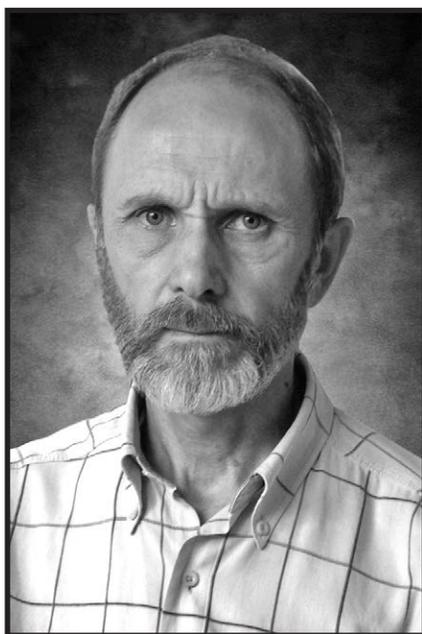
V. P. Yailenko

The Results of Development and Perspective Tasks of Ancient Epigraphy of the North Pontic Area

There are two parts: a historic past and the future tasks. The author has reviewed a long way of the North Pontic epigraphy from the first journeys of the early XVIII century up to the present years. He has divided it in five stages. I: before IOSPE; II: 1882-1916, IOSPE by V. Latyshev; III: 1917-1945, intermediary between two World wars; IV: 1945-1974, a time of the Corpus inscriptionum regni Bosporani, Inscriptiones Olbiae, and of the books by E. Solomonik, I. Tolstoy; V: from 1974 – up to contemporary, *Varia*. In the second part there are formulated the most actual tasks, among them are: textual criticism as main task; the most precise dating; prosopographia; la vie quotidienne; grammar; corpora and so on.

Памяти коллег и друзей

Памяти Виталия Николаевича Розова (17.06.1950–14. 02.2019)

Не стало Виталия Розова... Ушёл удивительно скромный, интеллигентный, очень порядочный человек и исследователь-нумизмат. Он долго и трудно боролся со своими болезнями, не так много успел в науке, но, уверен, ни у кого не оставил о себе никакого негатива. Всегда как бы «застёгнутый», осторожный, немногословный и очень редко склонный к чему-то весёлому, Виталий Николаевич, по себе знаю, был надёжным другом и коллегой. Несколько недооценивая своих весьма и весьма немалых способностей и знания, он никогда не брался «не за своё дело», всячески избегая излишних обязанностей. Был почти начисто лишён суетного честолюбия. Но уж если за что и брался – относился к этому с чрезвычайной ответственностью. Его скрупулёзность, тщательность в научных изысканиях, будь то раскоп и полевой дневник, или статья были просто невероятными. Античность он любил действительно всей душой. Служил науке честно, как мог...

Виталий Николаевич родился в г. Зима Иркутской области. В 1973 г. окончил Новосибирский Государственный Университет по специальности история. Затем, после службы в рядах Советской армии, работал в Таманском музее, где им фактически впервые была создана археологическая экспозиция. В 1975–1978 гг. обучался в аспирантуре Института Археологии АН СССР (научный руководитель – проф. Д. Б. Шелов). С 1978 по 2005 гг. работал в музее города-курорта Сочи. Неоднократно принимал участие в различных античных экспедициях на территориях Восточного Крыма, Таманского п-ова и Украины. Основная тема научных изысканий – ранняя нумизматика античного Боспора. Он автор 15 печатных работ. Да разве в этом суть...

Не стало очень хорошего человека, моего старинного друга. Очень грустно.
Светлая ему память.

Список статей В. Н. Розова по археологии и нумизматике

1. К вопросу о спорте в Ольвии – древнегреческой колонии Северного Причерноморья // Тезисы докладов 9-й научной конференции студентов и аспирантов (Новосиб. ГУ). Новосибирск, 1971, 6–7.
2. Из истории денежного обращения на Азиатском Боспоре в VI–V вв. до н. э. // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тезисы докладов Республиканской конференции молодых ученых. Киев, 1981, 79.
3. Боспорские монеты VI–V вв. до н. э. из случайных находок на Таманском полуострове (1975–1980 гг.) // СА. 1983. 2, 109–116.
4. Граффити зенонитов (в соавт. с Т. В. Блаватской) // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985, 115–137.
5. Византийские золотые монеты Таманского городища // Культура и искусство Боспора. СГМИИ. 8. М., 1987, 154–157.
6. Расписная керамика с мыса Зюк (в соавт. с А. А. Масленниковым) // КСИА. 197. 1990, 67–73.
7. О находках античных монет в районе Сочи // Древности Кубани (материалы научно-практической конференции). Краснодар, 1991, 83–84.
8. Керамический комплекс рубежа V–IV вв. до н. э. с городища на мысе Зюк (в соавт. с А. П. Абрамовым и А. А. Масленниковым) // КСИА. 207. 1991, 70–77.
9. О происхождении краснофигурной пелики из собрания Музея истории города-курорта Сочи // Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья. М., 1994, 103–107.
10. Статер Перисада и дидрахма Спартока: новые находки в свете старых проблем // ДБ. 11. 2007, 270–286.
11. К находке монеты Фокеи в Восточном Крыму // ДБ. 16. 2012, 299–306.
12. Новые находки греческих привозных монет на территории Таманского полуострова // ДБ. 18. 2014, 272–307.
13. О некоторых находках римских монет на Таманском полуострове // ДБ. 19. 2015, 282–292.
14. О Таманском кладе кизикинов 1997 г. // ДБ. 21. 2017, 311–327.
15. Античные монеты из находок в районе Сочи // ДБ. 22. 2018, 177–193.

**Памяти Николая Федоровича Федосеева
(29.06.1961-18.08.2018)**

Не стало нашего Коли... Внезапно... Да нет, последние годы здоровье не баловало его. Всё равно – не верится... Ушел очень талантливый, яркий ученый, много сделавший в антиковедении, но ещё больше – не успевший....

Николай Фёдорович родился в Саратове, где и окончил (1983) заочно истфак местного Университета по специальности «история Древнего мира». Потом работал в школе и других образовательных учреждениях, занимался компьютерными технологиями. Но главное, с 1979 г. постоянно ездил в археологические экспедиции. Прежде всего и подолгу – в Нижне-Донскую, Южно-Бугскую, Восточно-Крымскую и, конечно, в Керчь. Как сейчас помню его первый приезд в Приазовье, на «Генералку», кажется, в 1983 г. Слегка застенчивый, невысокий молодой человек со старомодным чемоданчиком вместо привычного рюкзака, полным... картотекой амфорных клейм. Времена-то были ещё докомпьютерные.... Клейма, без сомнения, – главная научная страсть Н.Ф. Федосеева. Именно страсть, а не просто увлечение. Именно они и сделали ему научное имя. Хотя и прочих сюжетов на поприще истории и археологии Боспора у него было во множестве.

С 1989 г. он сотрудник Керченского историко-культурного заповедника, где занимал ряд должностей. Были периоды, когда Николай Федорович работал и в Крымском филиале ИА НАН Украины, а затем – Крымском ИА. Несколько лет руководил Кыз-Аульским отрядом и всегда был желанным гостем практически всех боспорских античных экспедициях. В 1993 г. Николай Фёдорович защитил кандидатскую диссертацию, посвящённую клеймам Синопы. Все мы ждали докторскую... Казалось, вот-вот... И действительно, он много работал над этой темой, хотя ещё больше «разбрасывался». Неоднократно в качестве стажёра бывал в Берлине, Фессалониках, Афинах, на многих зарубежных и почти всех отечественных «античных» конференциях и чтениях. Его работы, несомненно, были известны многим и пользовались заслуженным признанием. Более 160 научных статей вышло под его авторством. Четыре монографии. Последняя – «Греки на Боспоре – 200 лет исследований» стала лебединой песнью. Кто бы мог подумать...

А ещё Николай Фёдорович был действительно отличным семьянином. И это, может быть, самое важное дело жизни.

Хороших учёных у нас много, но... от этого не легче. «Все классики были современниками, но не все современники станут классиками». Кажется, Н. Ф. Федосеев будет одним из них.

Прощай, Коля.

СОКРАЩЕНИЯ

ААЭ	- Артезианская археологическая экспедиция
АВУ	- Археологічні відкриття в Україні. Киев
АГ	- Античная Греция. М., 1983
АГСП	- Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984
АДЖ	- Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на югъ России
АДСВ	- Античная древность и средние века
АИАПМЗ	- Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник
АИК	- Археологические исследования в Крыму. Симферополь
АМА	- Античный мир и археология. Саратов
АО	- Археологические открытия
АСХ	- Античная скульптура Херсонеса
БИ	- Боспорские исследования. Керчь-Симферополь
БС	- Боспорский сборник
БФ	- Боспорский феномен
БЧ	- Боспорские чтения
ВДИ	- Вестник древней истории
ВОКМ	- Волгоградский областной краеведческий музей
ВКИКМЗ	- Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник»
ГЗ	- Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V-IV вв. до н. э. Санкт-Петербург, 1995
ГИМ	- Государственный исторический музей
ГМИИ	- Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ГЭ	- Государственный Эрмитаж
ДБ	- Древности Боспора
ДБК	- Древности Боспора Киммерийского. Т. 1. Санкт-Петербург, 1854
ЗКОИКМ	- Западно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей
ЗОО	- Записки Одесского археологического общества. Одесса
ЗООИД	- Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
ЗРАО	- Записки Русского археологического общества. СПб.
ЗХУ	- Записки Харьковского университета

ИА РАН	- Институт археологии Российской Академии наук
ИАК	- Известия Императорской археологической комиссии
ИГАИМК	- Известия Российской академии истории материальной культуры. Петроград
ИКОГО	- Известия Крымского отделения географического общества СССР. Симферополь
КАК	- Кубанская археологическая конференция
КБН	- Корпус боспорских надписей. Москва-Ленинград, 1965
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК	- Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАИАСК	- Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма
МАИЭТ	- Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАР	- Материалы по археологии России
МАСП	- Материалы по истории Северного Причерноморья
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
МИАР	- Материалы и исследования по археологии России
МИС	- Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3
МПУ	- Московский педагогический государственный университет
НАВ	- Нижневолжский археологический вестник
НО	- Надписи Ольвии. Ленинград, 1968
НЭ	- Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК	- Отчеты археологической комиссии
ОАМ	- Одесский археологический музей
ОГИКМ	- Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей
ПАК	- Проблемы античной культуры. Симферополь
ПИФК	- Проблемы истории, филологии, культуры
РА	- Российская археология
СА	- Советская археология
САИ	- Свод археологических источников
ТВ	- траншея выборки
ТГЭ	- Труды Государственного Ордена Ленина Эрмитажа
ТОНГЭ	- Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. Ленинград
Фанагория	- Фанагория. Результаты археологических исследований. Москва

ACSS	- Ancient Civilizations from Scythia to Siberia
Agora XII	- Sparkes B.A., Talcott L. 1970. Black and Plain Pottery of the 6 th , 5 th and 4 th Centuries B.C. (The Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. XII). Princeton, New Jersey
AJA	- American Journal of Archaeology
AJPh	- American Journal of Philology
ASGE	- American Society for Gastrointestinal Endoscopy
ASMOSIA	- ASMOSIA. Proceedings of international conference
BCH	- Bulletin de Correspondence Hellénique
BE	- Bulletin épigraphique
BICS	- Bulletin of the Institute of Classical Studies of the University of London
Bull. ép.	- Bulletin épigraphique (dans REG)
CIRB	- Corpus Inscriptionum Regni Bosporani (Корпус боспорских надписей). Москва–Ленинград, 1965
CQ	- Classical Quarterly
IG	- Inscriptiones Graecae. Beroloni.
IOSPE	- Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. I-IV / Ed. B. Latyshev. Petropoli, 1885-1916
IstMitt	- Istanbuler Mitteilungen
JHS	- Journal of Hellenic Studies
Kontakt	- Kooperation – Konflikt 2003 – Kontakt – Kooperation – Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus [Kolloquium Marburg 1998] / C. von Carnap-Bornheim (Hrsg.). Neumunster, 2003
LGPN	- A Lexicon of Greek Personal Names / Ed. by P.M. Fraser, E. Matthews. Vol. I-VA. Oxford, 1987-2010
LSJ	- Liddell H.G., Scott R., Jones H.S. A Greek – English lexicon. Oxford, 1968
MAMA	- Monumenta Asiae Minoris Antiqua
ML	- A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century BC / Ed. by R. Meiggs, D. Lewis. Revised edition. Oxford, 2004.
PhW	- Philologische Wochenschrift. Berlin
RE	- Paulys's Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Fünfter Halbband. Stuttgart, 1912
RÉA	- Revue des Études Anciennes
RÉG	- Revue des études grecques
RIC	- The Roman Imperial Coinage. London
SEG	- Supplementum Epigraphicum Graecum

-
- SNG BM I** – Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain. Vol. IX. British Museum. Pt. I. Price M. The Black Sea. London, 1993
- SNG SPMFA** – Sylloge Nummorum Graecorum Russia. Kovalenko, S.A. State Pushkin Museum of Fine Arts Coins of the Black Sea Region. Pt. 1. Ancient coins from the Northern Black Sea Littoral. (Colloquia Antiqua. 3). Leuven–Paris–Walpole, MA, 2011
- Syll³** – Dittenberger W. Sylloge Inscriptionum Graecarum. 3 Aufl.
- ZPE** – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphic

Правила и рекомендации по оформлению рукописей

1. Работы присылаются в установленные сроки в электронной версии (текст: 12-й кегель, через 1,5 интервала, без форматирования полей, выравнивание по левому краю). Тест сносок: 10-й кегель, через 1 интервал.

2. Структура (комплектность) рукописи. Текст статьи предваряется указанием инициалов и фамилии автора, ниже в скобках указывается основное место его работы и город. К основному тексту на отдельных листах (в том же файле) прилагаются:

а) *Список литературы*, оформленный по правилам (см. ниже);

б) *Список сокращений*, использованных в работе (просьба использовать для сокращений тот перечень, который прилагается в томах 10–23 ДБ, новые сокращения вводить лишь в том случае, если в Вашей работе то или иное издание цитируется не менее трех раз);

в) Перечень *Подписей под рисунками*;

г) *Резюме* – до 1 страницы текста на русском (обязательно) и (желательно, но не обязательно) на английском языках. Убедительная просьба излагать основные мысли работы простыми, ясными предложениями, избегать синтаксически сложных оборотов и проч. При использовании специальной терминологии обязательно давать (в скобках) ее английский эквивалент; приводя малоупотребительные названия (в особенности географические) – сопровождать их *принятой в литературе* транслитерацией.

д) *Макет статьи* обязателен для статей, включающих иллюстрации, скомпонованные в таблицы (см. п. 6)¹, и (или) тексты, набранные *не* кириллицей или латиницей (см. п. 5).

3. Ссылки и примечания. В нашем издании принята гибкая система ссылок и примечаний: в *квадратных* скобках – на литературу внутри текста (например: [Масленников 1997, 107, рис. 3. 1, 5–7]); ссылки на древних авторов даются в *круглых* скобках (Strabo XI. 2, 3–5); текстовые примечания (а также обширные и многочисленные ссылки на литературу, если они мешают восприятию главной мысли читателем – по желанию автора) даются в подстрочном примечании (нумерация их – сплошная, арабскими цифрами²).

В ссылке на литературу в квадратных скобках указываются следующие элементы библиографического описания: [Фамилия <курсивом, далее без знаков препинания> год издания, номера страница <без «с.»>, рисунок (рис.) или иллюстрация (илл.), или таблица (табл.)], например: [Паромов 1999, 209, рис. 1. 2, 4–7]. Обращаем внимание на то, что номер рисунка (таблицы) отделяется от номеров внутри рисунка (таблицы) *точкой*, а сами внутренние номера выделяются курсивом и разделены *запятыми*. Просим Вас не забывать после запятой или точки ставить пробел.

¹ Таблицы макета (в отличие от оригинала) включают в себя легенду и номера под рисунками..

² Индексация звездочкой (*) допустима только в самом начале текста (ранее цифровых примечаний), при упоминании финансовой поддержки работы тем или иным фондом и проч., или же при выражении благодарности автора тому или иному лицу за содействие.

4. Библиографическое описание в списке литературы. Используемая в работе литература приводится в алфавитном порядке: сначала на русском языке, затем – на иностранном. Каждое наименование выделяется³ абзацем (формат – выступ), например:
Балахванцев А. С. 2018. Боспор и Ахемениды // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. СПб., 61–65.
Брашинский И. Б. 1984. Методы исследования античной торговли (На примере Северного Причерноморья). Л., 247.
Завойкин А. А. 1992. Фрагменты амфор Эгины (?) из раскопок Фанагории // КСИА. 204, 84–88.
Зеест И. Б. 1960. Керамическая тара Боспора (МИА. № 83). М., 178.
Кобылина М. М. 1972. Раскопки в Фанагории в 1972 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 4805.
Кобылина М. М. 1983. Страницы ранней истории Фанагории // СА. 2, 51–61.
Кузнецов В. Д. 2018. Домостроительство Северного Понта (эпоха архаики) // Фанагория. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 4 (Фанагория. Т. 4). М., 117–135.
Boulter С. 1953. Pottery from the Mid-fifth Century from a Well in the Athenian Agora // *Hesperia*. Vol. 22–2, 59–115 p. + 21–41 pls.
Tsetsikhladze G. R. 2018. 'The Most Marvellous of All Seas': the Great King and the Cimmerian Bosphorus // *ΕΥΔΑΙΜΩΝ*. Studies in honour of Jan Bouzek (Opera Facultatis philosophicae Universitatis Carolinae Pragensis. Vol. XVIII). Prague–Brno, 467–490.

После *фамилии автора* (курсивом) и его инициалов указывается год издания и далее: Название работы, затем *через точку* – Место издания (если это монография) или (если это статья в сборнике) – *через //* Название сборника. Номер тома (выпуска и т. д.; для серийных изданий). Место издания и (*через запятую*), номера/кол-во страниц (статьи/монографии). Если серийное издание обозначено *общепринятым сокращением* (КСИА, МИА, СА и т. д.), место издания не пишется⁴. При такого рода широко распространенных сокращениях *опускается* также указание Т. (том), Вып. (выпуск), Сер. (серия), Ч. (часть) и проч., исключая те случаи, когда в одном издании присутствуют сразу два (или более) наименования подразделений, например: САИ. Вып. Г1–11. Ч. III; ...Т. I. Вып. 3. Опускать наименования подразделений в не-русскоязычных изданиях *не рекомендуется*.

5. Использование шрифтов. Рекомендуется использование шрифта *Times New Roman*. Если же автор применяет любой другой шрифт, включая те, что используются в стандартном наборе Word, например – *Symbol*, необходимо в рукописи статьи отметить красным карандашом те слова или символы, что были набраны *иным* шрифтом, а на полях простым карандашом указать – каким именно. В случае же использования редких шрифтов, кроме того, на прилагаемом электронном носителе версией статьи записать соответствующие шрифты. *Греческий текст* рекомендуется писать в *Hellenica*. *Reg* или *Greek* (ранние версии этих шрифтов тоже предоставляются).

³ Но не отделяется абзацем!

⁴ Оно приводится при раскрытии содержания того или иного сокращения в общем списке.

6. **Иллюстративный материал.** К изданию принимаются как графические, так и фотографические иллюстрации, желательно в электронном виде. Требования к электронному варианту: 1) предпочтительно предоставление оригиналов (цифровых фотографий с высоким разрешением, не ниже 300 dpi)⁵; 2) рисунки и фотоотпечатки сканировать в формате *TIFF* с разрешением не ниже 300 dpi (предпочтительно 600 dpi); 3) таблицы, сформированные в *PhotoShop*, сохранять с формате *tiff* или *psd* (не сливая слои). Допускается предоставление таблиц, сформированных в *Corel Draw*.

Обращаем особое внимание на то, что компоновка фото- и графических изображений в таблицу возможна лишь в том случае, когда это необходимо по замыслу автора (изображения комплекса находок, совмещение фото и графического изображения (чертежа, прорисовки) архитектурного комплекса или отдельной находки и т. д.) Прочий иллюстративный материал (как напр. видовые фотографии, планы, графики и проч.) следует предоставлять только как отдельные (единичные) рисунки.

Убедительная просьба компоновать таблицы иллюстраций плотно, подбирая необходимый масштаб рисунков с учетом того, что таблицы будут отпечатаны на формате А4 с соответствующими полями (габариты не превышают 212×145 мм, включая и подрисуночные подписи, которые, как и номера рисунков, в подготовленную автором таблицу будут вставлены при макетировании). Линейный масштаб для рисунков обязателен (исключая особо оговоренные случаи). Заливки в графических рисунках следует выполнять в черно-белом варианте (штриховка) и/или в оттенках серого (белый, черный и два серых тона). Подрисуночные подписи и номера рисунков внутри таблицы выполняются только на таблицах-макетах (в любом формате), которые необходимы наряду с оригинальными (см. п. 2д).

7. Обязательно сопровождайте присланную статью своим адресом, телефоном и (лучше всего) E-mail, которые позволят оперативно связаться с Вами и еще в процессе подготовки рукописи к печати своевременно снять спорные вопросы. Наш почтовый адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, Институт археологии РАН, отдел классической археологии, «Древности Боспора»; E-mail: bospor@inbox.ru; тел.: (095) 124-35-88.

Редколлегия

---

⁵ С учетом габаритов снимка, выводимого на печать.

Древности Боспора. Том 24

Научное издание

Подготовка иллюстративного материала
и изготовление оригинал-макета: В. Б. Степанов

Подписано в печать 20.06.2019. Формат 60×90/8
Печ. л. 83,5. Тираж 200 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в соответствии с готовым оригинал-макетом в ООО «Амирит»
410004 г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88, литер У
Тел.: 8-8452-24-86-33 / 8-800-700-86-33
E-mail: 248633a@mail.ru

ISBN 978-5-94375-287-2

9 785943 752872